

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Марининскимъ мостами, д. № 90 - 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія.

- Ересь жидовствующих И. ПАНОВА.
- Философскія начала цѣльнаго знанія В. С. СОЛОВЬЕВА.
- Обращеніе псей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преемникахъ Е. ГОЛУВИНСКАГО.
- Бритическія и бібліографическія замѣтки:
- Учебникъ русскаго языка для трехъ нижнихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ языкомъ по руководству К. Я. Бѣлицкаго. Сост. Г. Преображенскій. Курсъ перваго класса И. КИРИЛЛОВИЧА.
- Franz Miklosich. Ueber die Mindarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's (Фр. Миклошичъ. О нарѣчіяхъ и странствованіяхъ европейскихъ Цыганъ). I—VI. И. П. МИНАЕВА.
- Miklosich. Beiträge zur Kenntniss der Zigeuner Mindarten (Миклошичъ. Матеріалы для изученія цыганскихъ нарѣчій) Его же.
- Domenico Pezzi. Glottologia Aria Recentissima (Д. Пецци. Новѣйшая арійская глоттологія) Его же.
- О состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи Л. БЕРЕВИНА.
- Педагогическая корреспонденція Г. Ш. и Л. Л—РА.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) нижшія училища. — Списокъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Кавкасскаго учебнаго округа (съ картою)
- Отдѣлъ классической филологіи и Приложеніе.

(Ом. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИИ Н. С. БАЛАНЕВА.

Катериининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Мариневскимъ мостами, д. № 90. 1.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій.*

Командиръ 1-го осаднаго инженернаго парка, полковникъ Федоръ Еллинскій, доставилъ директору Рижской Александровской гимназій билетъ III Рижскаго общества взаимнаго кредита въ 670 руб., за № 16, на вѣчный вкладъ на предметъ учрежденія на проценты съ этого капитала (40 р. 20 к.) при Рижской женской Ломоносовской гимназій одной стипендіи, имени покойной его жены, Вѣры Григорьевны Еллинской.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства о семъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвователя.

2. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи пособія для бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета изъ уроженцевъ Западной Сибири.*

Въ 1872 году, по случаю 200 лѣтняго юбилея со дня рожденія императора Петра Великаго, открыта была между нѣкоторыми лицами Западной Сибири добровольная подписка для образованія капитала на выдачу вспомошествованій молодымъ людямъ, стремящимся къ полученію образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

часть CLXXX, отд. 1.

1

Генераль-губернаторъ Западной Сибири, увѣдомивъ министра народнаго просвѣщенія, что подписка для означенной цѣли достигла до 1.791 руб. 9 коп., ходатайствовалъ объ учрежденіи на счетъ процентовъ сего капитала, пособия въ память 200 лѣтняго юбилея со дня рожденія императора Петра Великаго для бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета изъ уроженцевъ Западной Сибири.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ.

3. (7-го декабря 1876 года). *О преобразованіи Гомельской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о преобразованіи Гомельской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассную, *мнѣніемъ положилъ:*

Четырехклассную Гомельскую (Могилевской губерніи) прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1877 г., въ шестиклассную, съ отпускомъ, съ того же срока на ея содержаніе, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ изъ казны 14.550 руб., еще по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей въ годъ, а всего по 20.285 руб. въ годъ, съ тѣмъ: чтобы въ 1877 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы; на будущее же время всю сумму, которая будетъ отпущаться казною, заносить въ подлежащія подраздѣленія расходовъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

4. (7-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи прогимназіи въ г. Брянскѣ и реальнаго училища въ гг. Томскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Ромнахъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городахъ: Брянскѣ мужской 4-хъ классной прогимназіи, Томскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ 6-ти классныхъ реальныхъ училищъ и Ромнахъ 4-хъ класснаго реального училища, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ городахъ: Брянскѣ (Орловской губерніи) 4-хъ классную мужскую прогимназію, съ приготовительнымъ классомъ; въ Томскѣ 6-ти классное реальное училище, съ однимъ основнымъ и съ

двумя техническими отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ; въ Ромнахъ (Полтавской губерніи) 4-хъ классное реальное училище, съ основнымъ отдѣленіемъ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ 6-ти классное реальное училище, съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями.

2) Прогимназію въ Брянскѣ и реальныя училища въ Томскѣ и Ромнахъ открыть съ 1-го іюля 1877 г., реальное же училище въ Нижнемъ-Новгородѣ въ теченіе настоящаго учебнаго года, по съ тѣмъ, чтобы, въ текущемъ учебномъ году, сіе послѣднее училище содержалось исключительно на средства мѣстныхъ обществъ (п. 3).

3) На содержаніе сихъ учебныхъ заведеній, сверхъ пожертвованій мѣстныхъ обществъ, а именно: Брянскихъ земства и городского общества 6.000 руб. ежегодно и единовременнаго пособія 20.562 руб. на устройство помѣщенія; Томскаго городского общества 8.000 руб. ежегодно и предоставляемаго помѣщенія; Роменскихъ земства и городского общества 15.780 руб. ежегодно и приспособленія помѣщенія и Нижегородскихъ земства и городского общества 15.400 р. ежегодно и помѣщенія, отпускать еще изъ государственнаго казначейства: Брянской прогимназіи по *восьми тысячь пятисотъ пятидесяти* рублей, Томскому реальному училищу по *восемнадцати тысячь сто восьмидесяти* рублей, Роменскому реальному училищу по *тысячь пятисотъ* рублей и Нижегородскому реальному училищу по *семи тысячь семисотъ* рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1877 г. всѣмъ симъ учебнымъ заведеніямъ была отпущена, по разчету съ 1-го іюля только половина причитающихся для нихъ на долю казны суммъ.

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія на будущее время всю сумму, которая будетъ отпускаться казною на вышеозначенныя учебныя заведенія, заносить въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а жертвуемыя мѣстными обществами деньги показывать, по доходной смѣтѣ сего министерства, пособіемъ государственному казначейству.

5) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній остатки, раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммамъ, ассигнуемымъ казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи жертвующихъ мѣстныхъ обществъ, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды сихъ учебныхъ заведеній.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

5. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ университетѣ.*

Попечитель Казанскаго учебнаго округа донесъ министру народнаго просвѣщенія, что чины почтоваго вѣдомства Казанской губерніи собрали между собой, по добровольной подпискѣ, при участіи членовъ Казанскаго биржеваго комитета и тамошняго уѣзднаго земства, капиталъ въ *тысячу девяти* рублей на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета одной стипендіи для сыновей лицъ почтоваго вѣдомства.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею управляющаго и чиновъ почтоваго вѣдомства Казанской губерніи“.

6. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Новосильскомъ уѣздномъ училищѣ.*

Саратовскій купецъ Николай Сергѣевичъ Азаровъ, въ воспоминаніе того, что онъ получилъ первоначальное образованіе въ Новосильскомъ уѣздномъ училищѣ, ходатайствовалъ чрезъ подлежащее начальство, объ учрежденіи при названномъ училищѣ одной стипендіи, его имени, на проценты съ пожертвованнаго имъ для сей цѣли капитала въ 100 руб.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

7. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Рыбинской прогимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Рыбинской прогимназіи стипендіи имени инспектора оной Захарбекова на проценты съ собраннаго для сего капитала, въ количествѣ *тысячи ста сорока пяти* рублей.

8. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи имени доктора медицины Вирунтовича.*

Домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, формально опубликованнымъ, докторъ медицины Михаилъ Вирунтовичъ отказать 3.000 руб. на

учрежденіе стипендіи имени Вирунтовича для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній и университета, а также воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа, съ предоставленіемъ преимуществъ лицамъ мужскаго пола, изъ фамиліи Вирунтовичей, Марчевскихъ, Кржиковскихъ и Эдеровъ; въ случаѣ же неизмѣнія учащихся изъ этихъ фамилій, для бѣдныхъ учениковъ, отличающихся прилежаніемъ и поведеніемъ, изъ уроженцевъ Люблинской губерніи, римско-католическаго или бывшаго греко-уніатскаго исповѣданія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

9. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Корочанской прогимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Корочанской прогимназіи, на проценты съ собраннаго Корочанскимъ городскимъ обществомъ по частной подпискѣ капитала въ 1.500 руб., одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія графа Дмитрія Андреевича Толстаго“.

10. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанской Марининской женской гимназіи.*

Попечитель Казанскаго учебнаго округа, донесъ министру народнаго просвѣщенія, что умершая вдова надворнаго совѣтника, Надежда Михайловна Петонди отказала, по духовному завѣщанію, въ память своего покойнаго мужа, Ѳомы Ивановича Петонди, Казанской Марининской женской гимназіи одну тысячу руб. на содержаніе, изъ процентовъ съ сего капитала, одной стипендіатки, и что капиталъ этотъ, заключающійся въ 5% билетъ государственнаго банка, передаетъ уже въ попечительный совѣтъ Казанской Марининской женской гимназіи душеприкащикомъ покойной Лебедевымъ, ходатайствовалъ объ учрежденіи при названной гимназіи стипендіи, имени надворнаго совѣтника Ѳ. И. Петонди.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

11. (19-го ноября 1876 года). *О наименованіи Серпуховской мужской прогимназіи „Александровскою“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на наименованіе Серпуховской мужской прогимназіи „Александровскою“ въ честь Августѣйшаго имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

12. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при пригготовительномъ классѣ Черниговской Маріинской женской гимназіи.*

Попечительный совѣтъ Черниговской Маріинской женской гимназіи ходатайствовалъ объ учрежденіи при пригготовительномъ классѣ сей гимназіи одной стипендіи, имени Маріи Владиміровны Панчулидзевой, на проценты съ капитала въ 211 руб., собраннаго по подпискѣ на обѣдѣ, данномъ супругу ея, бывшему черниговскому губернатору, и внесеннаго въ мѣстный городской банкъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

13. (13-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Минской гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Минской гимназіи на проценты съ пожертвованнаго служащими въ той гимназіи и нѣкоторыми изъ членовъ мѣстнаго общества капитала въ 650 руб., стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендія протоіерея Іуліана Вержиковскаго“.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія, 1-го января 1877 г., за № 1, произведены за отличіе:

Въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: директоръ департамента народнаго просвѣщенія Мануилъ Брадке, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Александръ Георгіевскій, ректоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, заслуженный

ординарный профессор сего университета Александръ *Матвеевъ*, заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго Маріанъ *Ковальскій*, Московскаго Феоdorfъ *Буслаевъ* и св. Владимира Владиміръ *Караваевъ* и членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Алексѣй *Галаховъ*.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: членъ и правитель дѣлъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія статскій совѣтникъ Александръ *Тимофеевъ* и инспекторъ училищъ г. Варшавы, коллежскій ассесоръ Николай *Горнбергъ*.

Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія 31-го декабря 1876 года, за № 14, произведены за отличіе:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: директоръ Казанскаго ветеринарнаго института ординарный профессоръ сего института Петръ *Зейфманъ*, директора гимназій: С.-Петербургской второй — Капитонъ *Смирновъ*, Ярославской — Иванъ *Звоиниковъ* и Оренбургской — Андрей *Мѣшковъ*, начальникъ Ломжинской учебной дирекціи Николай *Новиковъ*, директоръ Варшавскаго реальнаго училища Адамъ *Баръ*, директоръ Полѣзановской учительской семинаріи Владиміръ *Григорьевъ*, проректоръ Императорскаго Дерптскаго университета, ординарный профессоръ сего университета Освальдъ *Шмидтъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Юлій *Янсонъ*, Дмитрій *Менделѣевъ*, Александръ *Совиловъ* и Константиновъ *Вестужевичъ Рюминъ*, Московскаго — Григорій *Захарыинъ*, Казанскаго — Сергѣй *Шпилевскій*, Иванъ *Гвоздевъ*, Иванъ *Догель*, Александръ *Петровъ* и Александръ *Зайцевъ*, Дерптскаго — Петръ *Гельмлинъ*, Морицъ *Эттельгардтъ*, Іоганнъ *Гольцъ*, Левъ *Мейеръ*, Альфредъ *Фогель*, Александръ *Брикнеръ* и Артуръ *Эттингсъ* и Варшавскаго Николай *Александровъ*, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай *Ваннеръ*, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Георгій *Канановъ* и бібліотекаръ Императорскаго Казанскаго университета Осипъ *Готвальдъ*, коллежскій ассесоръ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ *Вродовскій* и не имѣющій чина ординарный профессоръ сего же университета Генрихъ *Струве*.

Въ статскіе совѣтники: учитель и исправляющій должность инспектора Ломжинской мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ Василій *Царевскій* и не имѣющіе чиновъ: правитель канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Сергѣй *Никольскій*, экстраординарный

профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Федоръ Дидинскій*, учитель и исправляющій должность инспектора Калишской мужской гимназій *Францъ Фукъ* и учителя мужскихъ гимназій: Варшавской первой—*Иванъ Барсовъ*, Плоцкой—*Валентинъ Масловскій* и Сувальской—*Николай Виноградовъ*.

Въ коллежскіе советники: дѣлопроизводитель VI-го класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Михаилъ Родевичъ*, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета коллежскій ассесоръ *Феликсъ Вреденъ*, и не имѣющіе чиновъ: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета *Николай Сонинъ* и учитель Плоцкой мужской гимназій *Спиридонъ Эльмановичъ*; со старшинствомъ: *Родевичъ*—съ 30-го апрѣля 1876 г., *Вреденъ*—съ 28-го мая 1876 г., *Сонинъ*—съ 1-го іюня 1876 г. и *Эльмановичъ*—съ 29-го октября 1875 г.

Въ надворные советники: не имѣющій чина штатный учитель Кѣлецкой женской 4-хъ-классной прогимназій *Иванъ Соломоновскій*, со старшинствомъ съ 24-го марта 1875 года.

Въ титулярные советники: письмоводитель Варшавскаго реальнаго училища, губернскій секретарь *Иванъ Смоленскій*.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 29-й день декабря 1876 г., ордена: Бѣлаго Орла: ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику *Якову Гроту*, св. Ралноупостольнаго князя *Владимира* второй степени: тайнымъ совѣтникамъ: ординарному академику Императорской академіи наукъ *Марію Гроссе* и заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Пафнутію Чебышеву*, св. Анны первой степени: ординарному академику Императорской академіи наукъ, генераль-маіору *Николаю Кокшарову*, и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Михаилу Сухомлинову* и экстраординарному академику Императорской академіи наукъ *Антону Шифнеру*, св. Станислава первой степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Филипу Овсянникову* и вице-директору и старшему астро-

ному Николаевской главной астрономической обсерваторіи Августу *Вайнеру*.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилоудивѣнше соизволилъ пожаловать, въ 1-й день января 1877 года, ордена: Вѣлаго Орла: товарищу министра народнаго просвѣщенія, сенатору, тайному совѣтнику князю Александру *Ширинскому-Шихматову*; св. Равноапостольнаго князя Владимира второй степени: тайнымъ совѣтникамъ: заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Іосифу *Варюинскому* и сверхштатному заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Карлу *Кисслеру*; св. Анны первой степени: почетному попечителю Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ, тайному совѣтнику Еммануилу *Нармискину*; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: попечителю Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера кнзя Николаю *Мещерскому*, директору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Николаю *Делянову*, директору Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института Константину *Кайрову*, директору Нѣжинскаго Историко-филологическаго института князи Безбородко Николаю *Лавровскому*, помощнику попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Кириллу *Яновскому*, главному инспектору училищъ Западной Сибири Андрею *Дзюбу*, заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Августу *Давидову* и директору С.-Петербургскаго третьей гимназіи Вильгельму *Демоніусу*; св. Станислава 1-й степени: почетному попечителю коллегіи Павлу Галагана, тайному совѣтнику Григорію *Цалану*, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ректорамъ и ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Андрею *Вскетову* и Дерптскаго—Оттомару *Мейкову*, вице-директору департамента народнаго просвѣщенія Алексію *Дыкову*, заслужившимъ ординарнымъ профессорамъ Императорскаго университета св. Владимира Старіону *Ходяцкому* и Константину *Теофилактову*, ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Ивану *Андреевскому*, директорамъ Казанскихъ гимназій: Императорской первой—Гейнриху *Крелленбергу* и второй—Осипу *Имшенику*, состоящему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Августу *Гезену* и почетному члену Московскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ Николаю *Милневу*; св. Равноапостольнаго князя Владимира: третьей степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Московскаго учебнаго

округа Якову *Вейнбергу*, начальнику Варшавской учебной дирекціи Петру *Щебальскому*; директорамъ гимназій: С.-Петербургской Ларинской—Ивану *Кноррину*, Олонедкой—Владимиру *Елещкому*, Воронежской—Алексію *Бѣлозорову*, Нижегородской—Константину *Садокову* и Астраханской—Андрею *Петерману*, директору Харьковскаго реальнаго училища Андрею *Рубенко*, директору Алферовской учительской семинаріи Василию *Кулину*, сверхштатному заслуженному ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Александру *Селину*, заслуженному ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Владимиру *Юревичу*, ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—Николаю *Кремлеву*, Дерптскаго—Артуру *Бетхеру* и Константину *Гревинку* и Харьковскаго—Николаю *Бекетову*, редактору „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ Евгению *Феофистову* и членамъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Александру *Бяляеву* и Василию *Данину*; статскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій: С.-Петербургской первой—Александру *Чистякову*, Кіевской второй—Николаю *Кустову*, Каменецъ-Подольской—Владимиру *Должикову*, Холмской мужской—Николаю *Голицкому*, Рязанской губернской—Александру *Крамальсу* и Одесской третьей—Николаю *Портнову*; директорамъ реальныхъ училищъ: Ровенскаго—Якову *Сущевскому*, Бѣлоцерковскаго—Данилу *Самусю* и Кіевскаго—Ивану *Палисню*, исправляющему должность директора Скопинскаго реальнаго училища Федору *Чемолосову*, директорамъ народныхъ училищъ губерній: Полтавской—Амвросію *Добровольскому* и Курской—Сергію *Оранскому*, ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Ивану *Некрасову*, доценту Императорскаго университета св. Владиміра Людвигу *Горькому* и преподавателю С.-Петербургской третьей гимназіи Эдуарду *Бушу*, директору Виленской астрономической обсерваторіи, полковнику корпуса военныхъ топографовъ Петру *Смислову* и директору Сѣдлецкой мужской гимназіи Данилу *Пономареву*, и четвертой степени: статскимъ совѣтникамъ: директору Могилевской гимназіи Матвѣю *Фурсову*, директору Виленскаго реальнаго училища Константину *Голубинову*, ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета Василию *Надлеру*, совѣтнику комитета правленія Императорской академіи наукъ Николаю *Ламе*, инспектору Шавельской гимназіи Герману *Шейбе*, инспектору Бобруйской прогимназіи Ипполиту *Бордоносу*, инспектору главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви

св. Петра въ С.-Петербургѣ Эдуарду *Коллинсу*, бывшему прозектору Императорскаго Варшавскаго университета Михаилу *Пильницкому* и заслуженному преподавателю С.-Петербургской второй гимназіи Александру *Зонну*, и коллежскимъ совѣтникамъ: директору Казанскаго учительскаго института Егору *Парамонову*, дѣлопроизводителю IV класса департамента народнаго просвѣщенія Константину *Волкову*, наставнику Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института Георгію *Шмиду*, заслуженному преподавателю С.-Петербургской Ларинской гимназіи Алексѣю *Адамову* и врачу Московской второй гимназіи Сергію *Соколову*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 31-го декабря 1876 года, по министерству народнаго просвѣщенія ордена: *Св. Анны 2-й степени*: ординарному профессору Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Фирсову*; статскимъ совѣтникамъ: директору Харьковскаго ветеринарнаго института *Мельниченко*; директору Кіевской третьей гимназіи *Александровичу*; директору Кишиневскаго реальнаго училища *Кодрыну*; исправляющему должность директора Зарайскаго реальнаго училища *Раздерицкому*; директору Кіевской прогимназіи *Михайлову*; директору Острогской учительской семинаріи *Богатинову*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — *Деларю* и *Морозову*; Дерптскаго — *Эттингену*; декану *Фольку* и *Шмиду*; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института *Миллеру*; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго Московскаго университета *Булыгинскому* и *Клейну*; секретарю совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета *Орлову*; инспекторамъ гимназій: С.-Петербургской первой — *Меландеру*; Ярославской — *Рогозинникову* и Воронежской — *Гаврилову*; исправляющимъ должности инспекторовъ гимназій: Вологодской — *Глазюлевскому* и Орловской — *Тихенко*; инспектору Ровенскаго реальнаго училища *Юлихову*; инспекторамъ прогимназій: Рославльской — *Ниландеру* и Гомельской — *Трофимову*; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: С.-Петербургскихъ: второй — *Таранду* и третьей — *Юрьеву*; Пѣжинской — *Левдину* и Кіевской второй — *Сербузову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ, второй — *Сокову* и шестой — *Петрову*; Московскихъ, первой — *Давытову* и третьей *Фидлеру*; Калужской — *Кононову*; Витской — *Рябчикову*; Шавельской — *Горбачеву* и Симферопольской — *Тринклеру*; учителю Вѣлостокскаго реальнаго училища *Чеховичу* и врачу

Ковенской гимназіи *Потову*; коллежскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Виленскаго учебнаго округа *Грузову*; директору коллегіи Павла Галагана *Шульженко*; директорамъ гимназій: Тульской *Новоселову*; Московской пятой—*Басову*; Новгородсѣверской—*Порскалову*; Анапьевской—*Блохину* и Вѣлгородской—*Одарченко*; почетному попечителю Мелитопольскаго реальнаго училища *Гофману*; директорамъ реальныхъ училищъ: Костромскаго—*Булаку* и Екатеринославскаго—*Соколову*; директорамъ прогимназій: Глуховской—*Лазаренко* и Херсонской—*Сунрунско*; директору Череповской учительской семинаріи *Соболеву* и исправляющему должность директора Свислочской учительской семинаріи *Геденову*; директору Курской земской учительской школы *Шалфееву*; директорамъ народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской—*Рождественскому* и Костромской—*Петровскому*; дѣлопроизводителю VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Понизкому*; экстраординарному профессору специальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Потову*; инспектору Татарскихъ, Башкирскихъ и Киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа *Радлову*; инспектору Кіевской второй гимназіи *Пясецкому*; исполняющему обязанности инспектора Керченской Александровской гимназіи, учителю сей гимназіи *Лавриу*; инспектору Динабургскаго реальнаго училища *Дурисову*; инспектору народныхъ училищъ Олонецкой губерніи *Артемону*; инспектору Гродненской дирекціи народныхъ училищъ *Артемонавичу*; инспектору и старшему учителю Митавской гимназіи *Фогелю*; учителямъ гимназій: С.-Петербургскихъ, второй — *Дяконову* и третьей *Мохначеву*; Московской первой—*Истрину* и Тверскому; Кіевской первой—*Функе*, Симферопольской—*Казасу*; Минской — *Шолковичу*; Могилевской—*Бекаревичу* и *Землю*; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ, первого—*Гиничу* и второго—*Кизерицкому* и Виленскаго — *Шолковичу*; учителю с.-петербургской Введенской прогимназіи *Зеленину*; учителю главнаго пѣвческаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ *Фишеру*; учителю Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Синсгубу*; врачу Императорскаго университета св. Владиміра и Кіевской второй гимназіи *Щербиному*; врачу С.-Петербургской пятой гимназіи *Станисовичу* и штатному смотрителю и учителю Тельшевскаго уѣзднаго училища *Неоновскому*; надворнымъ совѣтникамъ: директору Варшавской четвертой мужской гимназіи *Буммериту*; директору народныхъ училищъ Казанской губерніи *Изюмскому*; экстраординарнымъ профессорамъ Импе-

раторскихъ университетовъ: Харьковскаго — *Зальтскому* и Варшавскаго — *Косинскому*; исправляющему должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира *Демченко*; инспектору Одесской первой прогимназіи *Питницкому*; члену ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія *Васильевскому*; директору пекинской магнитной и метеорологической обсерваторіи *Фритше*; инспектору и учителю Рижской губернской гимназіи *Шварцу*; инспектору и старшему учителю Ревельской губернской гимназіи *Бертину*; учителю гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Рене-Семену*; учителю С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища *Ковилевскому*; врачу Императорскаго Харьковскаго университета *Лану*; врачу С.-Петербургской шестой гимназіи *Карпицкому* и почетному смотрителю С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища *Табенникову*; коллежскимъ ассессорамъ: директору училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ *Кирхнеру*; директору С.-Петербургской третьей прогимназіи *Костеву*; директору народныхъ училищъ Вятской губерніи *Нурминскому*; правителю канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа *Пинаеву*; учителю С.-Петербургскаго реформатскаго училища *Гордаку*; почетнымъ смотрителямъ уѣзныхъ училищъ: Владимірскаго — въ званіи камеръ-юнкера *Акинфова* и Александрійскаго — *Курису*; управляющему Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ и почетному директору Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, въ званіи камергера, отставному штабъ-капитану *Ляхницкому*, инспектору-руководителю Вымыслинской учительской семинаріи губернскаму секретарю *Островецкому*; неимѣющимъ чиновъ: директорамъ гимназій: Новгородской — *Аничкову* и Плоцкой мужской — *Фединскому*; директору Ловичскаго реальнаго училища *Попову*; ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Варшавскаго университета *Гойеру* и *Кашницу*; экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета *Траутфеттеру*; профессору Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи *Карпинскому*; инспектору С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Чернышеву*; исправляющимъ должности инспекторовъ Варшавскихъ гимназій: первой мужской — *Веделянину* и шестой мужской — *Семеновичу*.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Оренбургскаго учебнаго округа *Великанову*; директору Волчанской учительской семинаріи *Котлярову*; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго — *Марковникову*; и Ново-

россійскаго—*Ситцову*; исполняющему обязанности инспектора Лубенской гимназій, учителю сей гимназій *Лазаренко*; учителямъ гимназій: Оловенцкой—*Данилевскому*; архангельской—*Меллеру* Московской пятой—*Рейсу*; и Ярославской—*Мусину*; бывшему учителю Варшавской третьей мужской гимназій *Издебскому*, и учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Онискевичу*; коллежскимъ совѣтникамъ: ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета *Лепитскому*; ординарному профессору Казанскаго ветеринарнаго института *Ламе*; исправляющему должность инспектора Екатеринбургской гимназій, учителю сей гимназій *Дмитріеву*; инспекторамъ прогимназій: Мензелинской—*Вакуленко* и Харьковской—*Максимовичу*; исполняющему обязанность инспектора ростовскаго Петровскаго реальнаго училища, учителю сего училища *Бульскому*; инспектору народныхъ училищъ Таврической губерніи *Шатову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской шестой—*Клеману*; Новгородской—*Клоссе*; Бостромской—*Блюссу*; Владимирской—*Гериту*; Саратовской—*Земинскому*; Симбирской—*Дескубесу*; Киевскихъ: второй—*Ростоцкому*; и третьей—*Деклеру*; Курской—*Домбровскому* и Виленской—*Лискевичу*; старшему учителю Рижской городской гимназій *Готфриду*; исправляющему должность учителя Ковенской гимназій *Классену*; учителю Виленской прогимназій *Бѣлковичу*; учителю Псковской женской гимназій *Ламбину*; врачу Псковской гимназій *Гиренсону* и старшему учителю Дерптской гимназій *Шпехту*; падворнымъ совѣтникамъ: директору александровской гимназій Смоленскаго земства въ Вязьмѣ *Сирончковскому*; исправляющему должность директора Торжковской учительской семинаріи *Баранову*; инспектору С.-Петербургской третьей гимназій *Потанову*; инспектору народныхъ училищъ Саратовской губерніи *Золотову*; регистратору Императорской Публичной бібліотеки *Миллеру*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской пятой, *Гошерону-де-Ляфоссу*; Московскихъ второй *Зарицкому* и *Овсейскому* и третьей *Ходобаю*; Императорской Казанской первой *Шисцкому*; Киевской первой *Синицкому*; Одесской третьей—*Фоту* и Усть-медвѣдницкой—*Соловьеву*; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго—*Висильковскому*; Динабургскаго—*Козлову* и Вѣдостокскаго—*Числоу*; учителю Гомельской прогимназій *Решу*; воспитателю пансіона Московской второй гимназій *Каятковскому*; штатному смотрителю и учителю Слонимскаго уѣзднаго училища *Зенковичу* и старшему учителю Ревельской губернской гимназій *Лайсу*; коллежскимъ ассесорамъ: директору и старшему учителю Арнсбургской гимназій *Видеману*; секретарю совѣта Императорскаго Московскаго уни-

верситета *Голомину*; инспектору народных училищ Псковской губерніи *Михельсону*; учителямъ гимназій: Императорскаго Человѣколюбиваго общества *Орлову*; Нѣжинской—*Гадзимскому*; Виленской—*Бяляеву* и Люблинской мужской—*Северину-Кончевскому*; Московскаго учительскаго института *Елорову*; почетнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Нижегородскаго—*Домову* и Арзамасскаго—*Петрову*; старшему учителю Дерптской гимназіи *Вейнеру*; инспектору и учителю Ревельскаго уѣзднаго училища *Янцу*; штатному смотрителю и учителю Якобштатскаго уѣзднаго училища *Эке* и штатному смотрителю Гадяцкаго уѣзднаго училища *Бойкевичу*; учителю и исправляющему должность инспектора Ловичскаго реальнаго училища, коллежскому секретарю *Покровскому*; неимѣющимъ чиновъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—*Петровскому* и Дерптскаго: *Бему*, *Петерсену* и *Митюфу*; исправляющему должность инспектора Холмской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи *Левину*; инспекторамъ-руководителямъ учительскихъ семинарій: Андреевской—*Гошикарову* и Солецкой—*Кузаренко*; учителю-руководителю Варшавской учительской семинаріи *Пампелю*, учителямъ гимназій: Варшавской шестой мужской: *Семенову* и *Гомолевскому*; Вѣльской мужской: *Волошиновичу*; и *Баньковскому* и Радомской мужской—*Брузендорфу*; штатному учителю Калишской женской гимназіи, завѣдывающему сею гимназіею *Мейснеру*; учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Бяленкову* и учителю Замостской мужской прогимназіи *Козакину*.

Ов. Анны 2-й степени: учителю прилуцкой прогимназіи статскому совѣтнику *Куликовскому*; коллежскимъ совѣтникамъ: учителю Александровской гимназіи смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ *Боссе* и врачу Вѣльдскаго уѣзднаго училища *Кематицау*; надворнымъ совѣтникамъ: инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Костромской—*Красовскому*; Орловской—*Вертоградову*; Казанской—*Леонтьеву* и Харьковской—*Некалюдову*; инспектору Казанскаго ветеринарнаго института *Антонянову*; воспитателю нижегородскаго Александровскаго института *Цыткову*; преподавателю и воспитателю гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго института *Фортунатову*; учителямъ гимназій: Московской первой—*Любимову*, и Казанской второй—*Генкалю*, и учителю Московскаго учительскаго института *Павлову*; коллежскимъ ассессорамъ: инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Московской—*Смирнову* и Екатеринославской—*Нечипоренко*; секретарю совѣта и правленія Демидовскаго юридическаго лицея

Головицкиву; казначею Императорскаго Московскаго университета *Курлятову*; экзекутору Императорскаго Харьковскаго университета *Богдановичу*; экзекутору Дерптскаго ветеринарнаго института *Вестбергу*; учителю и помощнику классныхъ наставниковъ Кронштадтской гимназіи *Николаеву*; учителю С.-Петербургской пятой гимназіи *Посдубенскому*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Витегорскаго—*Шелкову*; Медынскаго—*Краснопольцеву*; Мглинскаго—*Кармачеву*; Ирбитскаго—*Эйперу* и Θεодоссійскаго *Ильяшенко*; помощнику классныхъ наставниковъ Московской пятой гимназіи *Луновскому*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ, бывшаго Вознесенскаго *Иванову*; Владимірскаго *Тулимову* и Рязскаго Русскаго *Малому*; титулярнымъ совѣтникамъ: учителю лицея Цесаревича Николая *Александрову*; помощнику классныхъ наставниковъ Московской третьей гимназіи *Покровскому* и учителю приготовительнаго класса гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества *Дорошину*; инспектору студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института коллежскому секретарю *Карпову*; исправляющему должность учителя Сувалкской мужской гимназіи, коллежскому регистратору *Шуку*; неизбыющимъ чиновъ: учителю Петровской мужской гимназіи *Канскому*; учителю Варшавской первой женской гимназіи *Лучинскому*; учителямъ реальныхъ училищъ: Виленскаго—*Марш* и Ловичскаго—*Яворскому*; учителю Радомской мужской гимназіи *Пинко* и учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Олениву*.

Св. Станислава 3-й степени: статскимъ совѣтникамъ: учителю Астраханской гимназіи *Бобулевскому* и учителю Уфимской татарской учительской школы *Теласкову*; коллежскимъ совѣтникамъ: экстраординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета *Линину*; инспектору Пинскаго реальнаго училища *Чайковскому*; исправляющему должность инспектора Орловскаго Александровскаго реальнаго училища, учителю сего училища *Богомолотову*; инспектору Минской дирекціи народныхъ училищъ *Шлякову*; доцентамъ Императорскаго Московскаго университета: *Коршу*, *Мактеву* и *Найденову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской пятой—*Розенбергу*; Саратовской—*Воробьеву*; Подтавской: *Артемьеву* и *Гайдовскому-Потановичу*; Житомирской *Вильоурду* и *Зифферману*; Немировской: *Богатинову* и *Райко*; Черпской—*Гроздову*; Ришельевской—*Дени*; Таганрогской—*Мааку* и Варшавской пятой мужской—*Голумскому*; учителю Пензенской прогимназіи *Иванову* и врачу Аккерманскаго уѣзднаго училища *Котану*; надворнымъ совѣтникамъ: исполняющему обязанности инспек-

тора саратовскаго реальнаго училища, учителю сего училища *Кромынскому*; старшему астроному Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Нюрени*; доцентамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго: *Стороженко* и *Воронцовскому* и св. Владимира

Базарову; учителямъ гимназій: Орловской—*Полянцу*; Полтавской—*Кмитъ-Вакуловичу*; Житомирской—*Гюену*; Киевской первой—*Лисичину*; Уральской войсковой—*Чирвинскому*; Одесской второй—*Чеховскому*; Таганрогской—*Дяконову*; Кишиневской—*Мануилову*; Екатеринославской—*Брамону*; Николаевской Александровской—*Шеттис* и Керченской Александровской—*Мюллеру*; воспитателю пансіона С.-Петербургской второй гимназіи, исправляющему должность учителя сей гимназіи *Гослару-де-ла-Дроатьеру*; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—*Шумскому*; Александровскаго Орловскаго—*Мало*; Вѣлоцерковскаго—*Юскевичу-Красковскому* и Николаевскаго Александровскаго—*Генелю*; штатному смотрителю и учителю Вилкомирскаго уѣзднаго училища *Хватову*; штатнымъ смотрителямъ двуклассныхъ городскихъ училищъ: Уманскаго—*Борцову* и Звенигородскаго—*Крымскому* и врачу Сорокскаго уѣзднаго училища *Портореску*; коллежскимъ ассесорамъ: инспектору народныхъ училищъ Курской губерніи *Бородаевскому*; директору Варшавской ветеринарной школы *Стыцову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской третьей—*Пальмизейну*, *Круткову* и *Бѣлавину*; Николаевской-царскосельской—*Андраптову*; Московской четвертой—*Михайловскому*; Императорской Каванской первой—*Ходкевичу*; Симбирской—*Сердобову*; Киевской третьей, исполняющему обязанности инспектора сей гимназіи—*Старкову*; Оренбургской—*Зернову*; Пермской—*Гурьянову*; Харьковской третьей—*Левандовскому*; Новочеркасской—*Пестову* и Рихельевской—*Матцову*; учителямъ реальныхъ училищъ: Костромскаго—*Леоничу*; Ровенскаго—*Комарову* и Вѣлоцерковскаго—*Красовскому*; наставнику Преславльскаго учительской семинаріи *Левинскому*; учителю-инспектору Архангельскаго городского училища *Черноручиному*; ученому хранителю зоологическаго музея Императорской академіи наукъ *Брандту*; учителю Одесской первой прогимназіи *Костину*; экзекутору и казначею Харьковскаго ветеринарнаго института *Чефранову*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Новоладожскаго—*Павлову*; Кирилловскаго—*Сипову*; Нижегородскаго—*Григорьеву*; Кинешемскаго—*Персидскому*; Нерехтскаго—*Акулову*; Вышневолоцкаго—*Нотичиному*; Самарскаго—*Ушакову*; Черныярскаго—*Фаянсову*; Новониколаевскаго—*Волкову*; Погарскаго—*Мефедову*; Нѣжинскаго—*Стареву*

скому и Алешковскаго—*Наумову*; учителю-завѣдывающему Романово-Борисоглѣбскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Чернецкому*; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской пятой—*Андреевскому* и Николаевской Александровской—*Добровольскому*; учителю, завѣдывающему Дорогобужскимъ городскимъ трехкласснымъ училищемъ *Пронину*; учителю Новгородскихъ мужской и женской гимназій и приготовительнаго класса при мужской гимназій *Баршеву*; учителю Вятской Маріинской женской гимназій *Рудницкому*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Холмскаго—*Никитину*; Ирибитскаго—*Ураевскому*; Уфимскаго—*Левичкову*; Фридрихштадтскаго—*Петцену*; Пензенскаго: *Ковалеву* и *Калугину*; Чамбарскаго—*Алядину* и Вольскаго—*Мотову*; учителю бывшаго С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища *Кушину* и сверхштатному учителю С.-Петербургскаго Владимірскаго уѣзднаго училища *Маслевичу*; титулярнымъ совѣтникамъ: учителю Шавельской гимназій *Готшалку*; учителямъ реальныхъ училищъ: Ливенскаго—*Знаменскому*; Иваново-Вознесенскаго—*Баранову* и Кременчугскаго—*Ершову*; почетному смотрителю Конотопскаго уѣзднаго училища *Гамалю*; почетному смотрителю Черкаскаго двухкласснаго городского училища *Вишневскому*; исправляющему должность учителя, инспектору Острогскаго городского училища *Костришину*; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ: Опочецкаго—*Самойлову* и Смоленскаго—*Варасову*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Жвадринскаго—*Соколову*; Мещовскаго—*Соколову* и Новосильскаго—*Иванову*; помощнику класснаго наставника С.-Петербургскаго втораго реального училища *Шмеллину* и письмоводителю Калужской гимназій *Тилину*; коллежскимъ секретарямъ: помощнику инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета *Вольнеру*; учителю Перискаго реального училища *Шарову*; наставнику Пензенской учительской семинаріи *Иванову*; почетному смотрителю Козелецкаго уѣзднаго училища *Мандрику*; учителю Московской пятой гимназій *Панову*; штатному смотрителю Торопецкаго уѣзднаго училища *Баранову*; учителю С.-Петербургскаго реформатскаго училища *Гартману*; учителю Петровводской Маріинской женской гимназій *Ярославлеву*; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Черниговской гимназій *Страдомскому* и Мелитопольскаго реального училища *Амельницкому*; исправляющему должность письмоводителя С.-Петербургской шестой гимназій *Иванову*; воспитателю гимназій Императорскаго Человѣколюбиваго общества *Шумицу*; учителю приготовительнаго класса Могилевской гимназій

Лебединскому и учителю Порховскаго уѣзднаго училища *Иконникову*; губернскимъ секретарямъ: штатному учителю Вѣльской учительской семинаріи *Шеминовскому*; учителю приготовительнаго класса Полтавской гимназіи *Хвостикову*; почетному смотрителю Опочецкаго городского училища *Круликову*; инспектору учителю Московскаго перваго городского училища *Вережкину*; помощникамъ классныхъ наставниковъ гимназій: Московской пятой—*Ландиловскому*; Оренбургской—*Жакмону* и Екатеринбургской—*Михайлову*; письмоводителю Московскаго учительскаго института *Боданову* и письмоводителю Херсонской прогимназіи *Михайлуцу*; коллежскимъ регистраторамъ: учителю Глуховской прогимназіи *Роменскому* и почетному смотрителю Царскосельскаго уѣзднаго училища *Каблукову*; неимѣющимъ чиновъ: исправляющему должность инспектора Ревельской Александровской гимназіи, учителю сей гимназіи *Сптыикову*; исполняющему обязанности инспектора Сумской Александровской гимназіи, учителю сей гимназіи *Степанову*; исполняющему обязанности инспектора Сызранскаго реальнаго училища *Симяевскому*; почетному попечителю учительской семинаріи, въ селѣхъ Алферовѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи, *Губонину*; исправляющему должность инспектора народныхъ училищъ Казанской губерніи *Емельянову*; доценту Императорскаго университета св. Владимира *Толочинову*; учителю-инспектору Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Стрижевскому*; учителю Нижегородскаго Александровскаго института *Крежову*; учителямъ гимназій: С.-Петербургской первой—*Керберу*; Николаевской-Царскосельской *Марешу*; Новгородскихъ мужской и женской *Райману*; Рязанской—*Дроздову*; Московской второй—*Исаенкову*; Тульской—*Глаголеву* и *Ясинскому*; Нижегородской—*Грузинцеву* и *Стеблову*; Московской четвертой—*Шапошникову*; Императорской Казанской первой—*Беру*; Казанской третьей—*Беру*; Новгородсѣверской—*Оробченко*; Оренбургской—*Малину*; Воронежской—*Эпарту* и *Рябоконеву*; Тамбовской—*Зеленическому*; Новочеркасской—*Задемыдико*; Устьмедвѣдичкой—*Иванову* и *Дитишу*; Ковенской *Ферстеру*; Симферопольской—*Горкунову*; Николаевской-Александровской—*Сциборскому*; Одесской третьей *Каттанакки*; Варшавскихъ, второй мужской—*Дуйсбурту* и третьей мужской—*Малиновскому*; Кѣлецкой мужской—*Кремержу*; Сѣдлецкой мужской—*Шиманскому* и Смоленской Марининской женской *Трошкочу*; штатному учителю люблинской женской гимназіи, заведывающему сею гимназіею *Гевескому*; учителю Кронштадтской гимназіи и воспитателю пансіона сей гимназіи *Вознесенскому*; учителямъ

реальныхъ училищъ: Псковскаго—*Сokolову*; Харьковскаго—*Шевченко*; Пинскаго—*Добржанскому*; мелитопольскаго—*Билоусову*; Влоцлавскаго—*Камо* и Ростовскаго-Петровскаго—*Кошару*, учителямъ прогимназій: С.-Петербургской четвертой—*Корнилову*; Введенской—*Райскому*; Виленской—*Освальду* и *Пыкину*; Пинчовской мужской—*Вышковскому* и Θεодосійской *Якубовичу*; врачу Таганрогской гимназій *Шремпфу*; младшему тотору лица Цесаревича Николая *Матасову*; старшимъ тоторскимъ помощникамъ сего лица *Гриньмуту* и *Назаревскому*; наставникамъ учительскихъ семинарій: Волчанской—*Хорошеву* и Пензенской—*Архангельскому*; врачу Вѣлгородской учительской семинаріи *Боскову*; штатному учителю Ленчицкой учительской семинаріи *Тонкелю*; учителю Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Еурову*; штатному смотрителю и учителю Митавскаго реальнаго училища *Кульберну*; исправляющему должность дѣлопроизводителя канцеляріи Сувалкской учебной дирекціи *Данилевичу*; инспекторамъ-учителямъ городскихъ училищъ: Московскаго втораго—*Мамышеву* и Ревельскаго—*Вальзу*; исправляющему должность почетнаго смотрителя Равенбургскаго уѣзднаго училища *Верману*; ученому хранителю зоологическаго музея Императорской академіи наукъ *Моравицу*; лаборанту Императорскаго Варшавскаго университета *Слюсарскому*; старшимъ учителямъ Гольдингенской гимназій *Стриуту* и *Кельтину*; штатному смотрителю Одесскаго уѣзднаго училища *Блаю*; сверхштатнымъ учителямъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Новицкому* и *Ежевскому*; учителямъ учительскихъ семинарій: Вѣльской—*Кривецкому* и Солецкой—*Адамену*; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Тульской мужской гимназій *Келлеру*; Петроковской мужской гимназій, учителю приготовительнаго класса сей гимназій *Старкевичу*; Варшавской второй мужской гимназій, учителю приготовительнаго класса сей гимназій *Ониевскому* и С.-Петербургской второй прогимназій *Прибыльскому* и исправляющему должность учителя Нижне-ломовскаго городского четырехкласснаго училища *Косторскому*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го ноября 1876 года). *Правила для руководства комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Комисіи имѣть своею обязанностью разбирать хранящіеся въ Виленскомъ центральномъ и другихъ архивахъ сѣверозападныхъ губерній древніе акты и документы и издавать изъ нихъ наиболѣе важныя въ научномъ отношеніи.

§ 2. Комисіи находится въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, подъ главнымъ и непосредственнымъ начальствомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа и состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ членовъ.

§ 3. Предсѣдателю поставляется въ обязанность распредѣлять заванія между членами комисіи, по предварительному соглашенію съ ними, содѣйствовать возможному успѣху ея работъ, участвовать въ нихъ наравнѣ съ прочими членами, вести отъ имени комисіи сношенія съ мѣстами и лицами по дѣламъ ея и представлять въ Виленскую контрольную палату узаконенную отчетность въ расходованіи отпускаемой на содержаніе комисіи суммы, а попечителю Виленскаго учебнаго округа постановленія комисіи, требующія разрѣшенія попечителя, и годовой подробный отчетъ объ учебныхъ трудахъ комисіи.

Примѣчаніе. Отчетъ этотъ своевременно печатается въ Виленскомъ Вѣстникѣ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

§ 4. Членамъ комисіи поставляется въ обязанность: разсматривать древніе акты и документы; опредѣлять ихъ достоинство въ историческомъ и вообще научномъ отношеніи; отбирать для печатанія заслуживающіе вниманія и списки таковыхъ представлять въ собраніе комисіи, имѣть надзоръ за своевременною перепискою актовъ, одобренныхъ къ печати комисіею; свѣрять списки съ подлинниками, свидѣтельствуя своею подписью вѣрность первыхъ съ послѣдними; снабжать списки необходимыми примѣчаніями, а въ заголовкахъ—возможно-краткимъ изложеніемъ содержанія актовъ; при печатаніи тома актовъ держать ихъ корректуру и составлять къ нему указатели лицъ, мѣстностей и предметовъ.

§ 5. Предсѣдатель получаетъ определенное жалованье, согласно утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія росписанію суммы, ассигнуемой на содержаніе комисіи; изъ той же суммы вознаграждаются ежемѣсячно и члены комисіи соразмѣрно ихъ трудамъ, съ утвержденія попечителя округа, по представленіямъ о томъ предсѣдателя комисіи.

Прижъчаніе. Сумма ежемѣсячныхъ вознагражденій въ общемъ итогѣ не должна превышать одной тысячи двухъ сотъ рублей въ годъ на каждаго члена.

§ 6. Для повѣрки списанныхъ актовъ съ подлинниками и для оцѣнки ихъ содержанія, по которому они заслуживаютъ быть напечатанными, комисія, за исключеніемъ субботы, ежедневно собирается для засѣданія въ определенное время. Въ засѣданія комисіи, въ случаѣ надобности и при возможности, комисія имѣетъ право приглашать ученыхъ, извѣстныхъ своими познаніями въ археографіи и отечественной исторіи. Постановленія комисіи касательно выбора и порядка изданія актовъ записываются въ протоколъ, который ведетъ одинъ изъ членовъ, по ея назначенію.

§ 7. По мѣрѣ приготовленія достаточнаго числа проверенныхъ списковъ съ актовъ и документовъ, комисія представляетъ свои соображенія о достоинствахъ и важности ихъ на усмотрѣніе попечителя Виленскаго учебнаго округа, съ разрѣшенія котораго и приступаетъ къ ихъ печатанію, съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ наукою отъ подобныхъ изданій.

§ 8. Изданія комисіи, по отпечатаніи, передаются въ распоряженіе управленія Виленскаго учебнаго округа, а суммы, выручаемыя отъ продажи экземпляровъ, поступаютъ въ доходъ казны, установленнымъ порядкомъ.

Распредѣленіе суммы, отпускаемой на содержаніе комисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ:

предсѣдателю жалованья	2.000 р. ¹⁾
на вознагражденіе трудовъ трехъ членовъ по изданію	
актовъ и на изданіе актовъ, уплату писцамъ, на	
канцелярскіе и другіе хозяйственные расходы.	6.000 р.
Всего .	8.000 р.

¹⁾ Сверхъ сего состоящій нынѣ предсѣдателемъ комисіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, получаетъ добавочнаго жалованья по 1.000 руб. въ годъ.

2. (27-го ноября 1876 года). *Правила о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ, представленныя правительствующему сенату министромъ народнаго просвѣщенія 4-ю декабря 1876 года.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Въ пунктѣ 3 ст. 1 Высочайше утвержденнаго, 3-го мая 1871 г., мнѣнія государственнаго совѣта о порядкѣ испытаній на первый классный чинъ и на званіе аптекарскаго ученика, между прочимъ, постановлено: порядокъ испытанія на первый классный чинъ определяется особыми правилами, утверждаемыми для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, министромъ народнаго просвѣщенія, а для несостоящихъ въ вѣдомствѣ означеннаго министерства учебныхъ заведеній и лицъ подлежащихъ министромъ или главноуправляющимъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, министромъ народнаго просвѣщенія утверждены составленныя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія правила о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ.

П РА В И Л А

для испытательныхъ комитетовъ и учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ.

Ст. 1. Испытаніе на первый классный чинъ, установленное исключительно для лицъ, состоящихъ въ гражданской службѣ, производится въ учрежденіяхъ, указанныхъ въ ст. 1 п. 2: а, б, в, г, Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 года.

Примѣчаніе. Лица, не состоящія въ гражданской службѣ, но имѣющія право, по своему происхожденію, на поступленіе въ гражданскую службу, подвергаются особому испытанію, на основаніи ст. 11 и 12 т. III уст. сл. прав. (св. зак. изд. 1857 г.).

Ст. 2. Лица, состоящія въ гражданской службѣ, обращаются къ непосредственному своему начальству съ прошеніемъ, собственноручно написаннымъ, о зависящемъ отъ него распоряженіи о допущеніи просителей къ испытанію, требуемому для производства въ первый классный чинъ.

Ст. 3. Начальства, въ вѣдомствѣ которыхъ состоятъ на службѣ лица, выслужившія установленные сроки на производство въ первый

классный чинъ, сообщаютъ въ подлежащія учебныя учрежденія (ст. 1): въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, на имя сихъ послѣднихъ, а въ прочихъ городахъ—на имя начальствующихъ надъ учебными заведеніями, какъ упомянуты въ ст. 2 прошенія въ подлинникѣ, съ удостовѣреніемъ, что они писаны дѣйствительно самими просителями, такъ равно и другія необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которые должны быть подвергнуты испытанію.

Примѣчаніе 1-е. Сообщаемыя свѣдѣнія должны заключаться:

а) въ имени, отчествіи и фамиліи лица, которое должно быть подвергнуто испытанію; б) въ означеніи вѣроисповѣданія, происхожденія, лѣтъ отъ роду, занимаемой должности и времени вступленія въ службу.

Примѣчаніе 2-е. Къ обязанности начальствъ, какъ гражданскаго, такъ и учебнаго, должно относиться строгое наблюденіе, чтобы къ испытанію допускались именно тѣ лица, о коихъ сдѣлано сообщеніе.

Ст. 4. Означенныя въ ст. 3 свѣдѣнія должны быть доставляемы гражданскимъ начальствомъ учебному не болѣе двухъ разъ въ годъ: къ 1-му сентября и 1-му января.

Ст. 5. Лицо, желающее подвергнуться испытанію на первый классный чинъ, о которомъ сообщено гражданскимъ начальствомъ подлежащему учебному начальству, должно немедленно явиться къ послѣднему для полученія свѣдѣнія о времени, назначенномъ для производства испытанія.

Ст. 6. Испытаніе производится изъ слѣдующихъ предметовъ, проходившихъ по уставу 8-го декабря 1828 г., въ уѣздныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, именно: 1) изъ Закона Божія, 2) Русскаго языка, 3) Ариметики, 4) Геометріи, 5) Географіи (всеобщей и русской) и 6) Исторіи (всеобщей и русской).

Ст. 7. Руководствомъ къ означеннымъ испытаніямъ служатъ программы, изданныя для производства испытаній въ учебныхъ заведеніяхъ лицамъ, желающимъ поступить на службу вольноопредѣляющимися 3-го разряда.

Ст. 8. Испытанія въ городахъ, гдѣ имѣютъ пребываніе попечители учебныхъ округовъ, производятся въ особыхъ испытательныхъ комитетахъ, составляемыхъ для сей цѣли изъ предсѣдателя, по назначенію попечителя учебнаго округа, и преподавателей предметовъ, изъ которыхъ испытаніе должно быть произведено; а въ прочихъ горо-

дахъ—въ педагогическихъ совѣтахъ учебныхъ заведеній, поименованныхъ въ ст. 1 п. 2: б, в Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г., при чемъ составъ педагогическаго совѣта образуется изъ почетнаго предсѣдателя, начальника учебнаго заведенія и преподавателей, по предметамъ которыхъ будетъ производиться испытаніе.

Ст. 9. Къ присутствованію при испытаніяхъ въ педагогическіе совѣты гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ приглашаются: въ первыя и вторыя почетные попечители, а въ послѣдніи почетные смотрители въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ съ правомъ голоса, при чемъ начальники упомянутыхъ заведеній сохраняютъ за собою право дѣйствительнаго предсѣдательства и распоряженія.

Примѣчаніе. Почетные попечители или почетные смотрители, не живущіе въ томъ городѣ, гдѣ находится училище, заблаговременно извѣщаются о времени назначенныхъ испытаній. Если въ опредѣленные дни испытаній они не явятся, то испытанія производятся безъ нихъ, при чемъ въ протоколѣ засѣданія непременно объясняется о такомъ отсутствіи, а равно и о сдѣланномъ оповѣщеніи.

Ст. 10. При производствѣ испытаній по каждому предмету особо въ указанное расписаніемъ время соблюдаются слѣдующія правила:

а) отвѣты оцѣниваются всѣмъ составомъ педагогическаго совѣта и означаются цифрами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—слабо, 1—неудовлетворительно. Затѣмъ изъ оцѣнки посредствомъ балловъ каждымъ присутствующимъ членомъ познаній испытуемаго составляется средняя общая отмѣтка, при чемъ половина и дробь болѣе половины принимаются за единицу, а менѣе половины—откидывается.

б) отмѣтки пишутся предсѣдателемъ прописью, при чемъ въ скобкахъ ставится соотвѣтствующая цифра по каждому предмету.

в) получившій отмѣтку въ какомъ либо предметѣ менѣе 3 считается не выдержавшимъ экзамена.

г) протоколъ испытанія подписывается: почетнымъ предсѣдателемъ, начальникомъ учебнаго заведенія, законоучителемъ и всѣми преподавателями, и скрѣпляется секретаремъ педагогическаго совѣта.

Ст. 11. Выдержавшимъ по среднему выводу изъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ испытаніе не ниже удовлетворительнаго, выдается на основаніи протокола, свидѣтельство, за подписью начальника учеб-

наго заведенія и скрѣпкою секретаря педагогическаго совѣта съ приложеніемъ казенной печати учебнаго заведенія и означеніемъ № по исходящему журналу. Въ особыхъ же испытательныхъ комитетахъ при управленіи учебными округами, печати къ таковымъ свидѣтельствамъ прикладываются отъ канцеляріи попечителя округа (форма свидѣтельства у сего приложена).

Примѣчаніе. Свидѣтельства о выдержанномъ испытаніи отправляются, безъ особой бумаги, въ казенномъ пакетѣ, къ начальству лица, подвергавшагося испытанію.

Ст. 12. Въ городскихъ двухклассныхъ училищахъ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній испытанію на производство въ первый классный чинъ допускаются лица, состоящіе на гражданской службѣ только въ сихъ губерніяхъ. Лица же, находящіеся на гражданской службѣ въ уѣздахъ сосѣднихъ съ западными губерніями, могутъ быть допущены къ испытанію въ двухклассныхъ училищахъ, когда окажется, что училища эти находятся въ ближайшемъ разстояніи къ уѣзду лица служащаго. Во всякомъ случаѣ, испытаніе всѣмъ симъ лицамъ должно быть производимо по программѣ, означенной въ ст. 7.

Ст. 13. Начальства учебныхъ заведеній и предсѣдатели особыхъ испытательныхъ комитетовъ доводятъ, по окончаніи испытаній, до свѣдѣній попечителей учебныхъ округовъ, по принадлежности, о числѣ подвергавшихся испытанію и выдержавшихъ таковое успѣшно; опредѣливъ при этомъ степень успѣха. Свѣдѣнія эти начальства учебныхъ округовъ, въ свою очередь, включаютъ въ ежегодные свои отчеты, представляемые въ министерство народнаго просвѣщенія.

Ст. 14. Въ случаѣ единичныхъ преобразованій нѣкоторыхъ изъ существующихъ нынѣ по уставу 8-го декабря 1828 г. уѣздныхъ училищъ въ училища городскихія, на основаніи Высочайше утвержденаго 31-го мая 1872 г. положенія о сихъ училищахъ, испытанія въ сихъ послѣднихъ училищахъ на производство въ первый классный чинъ равномерно могутъ быть производимы, но не иначе какъ по программѣ, означенной въ ст. 7, каковая программа и должна оставаться въ своей силѣ, въ отношеніи испытаній на первый классный чинъ, впредь до особыхъ въ сей программѣ измѣненій, которыя могутъ быть впослѣдствіи вызваны или потребностію времени, или вслѣдствіе особыхъ соображеній правительства.

Приложеніе къ ст. 11.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Служащій въ _____ (прописать мѣсто службы, затѣмъ имя, отчество и фамилію, число лѣтъ отъ роду, вѣроисповѣданіе) былъ подвергнутъ въ особомъ испытательномъ комитетѣ при управленіи N учебнаго округа, или въ педагогическомъ совѣтѣ N гимназій, N прогимназій или уѣзднаго училища испытанію, на основаніи ст. 1 п. I Высочайшаго повелѣнія 3-го мая 1871 г. „о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ“, въ наукахъ по программѣ, показанной въ ст. 7 правилъ, утвержденныхъ 27-го ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія согласно п. 3 той же I ст. приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, и оказавъ слѣдующія познанія въ предметахъ, именно: 1) въ Законѣ Божиѣмъ пять (5); 2) въ Русскомъ языкѣ _____ ; 3) въ Ариметикѣ _____ ; 4) въ Геометріи _____ ; 5) въ Географіи (всеобщей и русской) _____ и 6) въ Исторіи (всеобщей и русской) _____

Такъ какъ познанія эти признаются вполне удовлетворительными, то особый испытательный комитетъ при управленіи N учебнаго округа или педагогическій совѣтъ N въ удостовѣреніе сего и согласно ст. 11 правилъ, утвержденныхъ 27 ноября 1876 г. министромъ народнаго просвѣщенія, выдалъ _____ (имя, отчество и фамилія) сіе свидѣтельство, за надлежащей подлинсю, съ приложеніемъ казенной печати канцеляріи управленія N учебнаго округа или N гимназій, прогимназій и проч.

(Слѣдуютъ подписи лицъ, указанныхъ въ ст. 11 правилъ).

3. (24-го декабря 1876 г.). *Уставъ Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Цѣль общества — способствовать посильными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній.

§ 2. Для достиженія указанной цѣли общество устраиваетъ публичные и частныя засѣданія, входитъ въ сношеніе съ русскими и иностранными учеными учрежденіями, по мѣрѣ возможности заботится о приобрѣтеніи предметовъ археологическихъ, рукописей или

ихъ копій, нркунабулъ и рѣдкихъ спеціальныхъ изданій, снаряжаетъ ученыхъ экскурсіи для собиранія памятниковъ и издаетъ: 1) ученые изслѣдованія, 2) памятники, 3) университетскіе учебники и пособія, 4) мелкія замѣтки и филологическія наблюденія, 5) критико-бібліографическія статьи и обзорѣнія, 6) протоколы засѣданій.

§ 3. Археологическіе и этнографическіе предметы, приобретенныя обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ, рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и составляютъ его бібліотеку; послѣдняя помѣщается въ зданіи университета, который также даетъ помѣщеніе для засѣданій общества.

§ 4. Суммы общества причисляются къ спеціальнымъ средствамъ Харьковскаго университета, вносятся въ смѣту его доходовъ особою статьею и выдаются по требованію общества изъ губернскаго казначейства, по ассигновкѣ правленія университета.

§ 5. Всѣ суммы, непосредственно поступающія въ общество, принимаются секретаремъ его и препровождаются въ правленіе университета для отсылки въ губернское казначейство.

§ 6. Членами общества могутъ быть: 1) преподаватели историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, 2) преподаватели другихъ факультетовъ того же университета, предметы занятій которыхъ сходятся съ цѣлями общества, 3) другія лица, живущіи въ Харьковѣ, занимающіяся тѣми же предметами, 4) лица извѣстныя своими учеными трудами или оказавшія услугу обществу, проживающія какъ въ Россіи, такъ и за границей.

§ 7. Наличные преподаватели историко-филологическаго факультета суть въ то же время члены-основатели общества. Другія лица приписываются къ членамъ общества по закрытой баллотировкѣ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

§ 8. Члены общества, по роду занятій историческихъ и филологическихъ, могутъ вести свои засѣданія и печатать труды свои вѣсть и поровнь.

§ 9. Главное управленіе всѣми дѣлами и занятіями общества принадлежитъ общему собранію, состоящему изъ предсѣдателя, секретаря и членовъ. Собраніе считается состоявшимся, если въ засѣданіе явится болѣе половины членовъ, находящихся въ Харьковѣ. Сроки собраній опредѣляются заранее въ началѣ учебнаго года.

§ 10. Предсѣдатель и секретарь общества избираются изъ членовъ общества, живущихъ въ Харьковѣ, на одинъ годъ, посредствомъ

баллотировки абсолютнымъ большинствомъ. Кандидаты на эти должности предлагаются по запискамъ.

§ 11. Предсѣдатель наблюдаетъ за исполненіемъ устава, за порядкомъ въ засѣданіи и созываетъ собранія.

§ 12. Секретарь составляетъ отчеты, ведетъ протоколы, дѣлаетъ доклады, ведетъ переписку по дѣламъ общества и исполняетъ распоряженія общества касательно употребленія денежныхъ средствъ.

§ 13. Общество въ своихъ собраніяхъ занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ обществу для напечатанія, и обсужденіемъ словесныхъ сообщеній его членовъ, разсматриваетъ и утверждаетъ сметы доходовъ и расходовъ, дѣлаетъ постановленія о всякихъ денежныхъ выдачахъ, разсматриваетъ и одобряетъ планы ученыхъ экскурсій и отчеты о ихъ выполненіи, дѣлаетъ постановленія о напечатаніи ученыхъ трудовъ, представляемыхъ членами и посторонними лицами, и объявляетъ программу публичныхъ засѣданій.

§ 14. Труды общества выходятъ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, памятниконъ и монографій и безсрочныхъ сборниковъ. Съ авторами, издателями и переводчиками, какъ принадлежащими къ числу членовъ общества, такъ и посторонними ему лицами, обществу предоставляется право входить въ соглашеніе относительно вознагражденія количествомъ экземпляровъ.

§ 15. Статьи для сборниковъ и сочиненія, имѣющія печататься отдѣльными книгами, превышающія объемомъ приблизительно пять печатныхъ листовъ, подвергаются закрытой баллотировкѣ, причемъ общество сохраняетъ за собою право измѣнить размѣръ баллотированныхъ статей, сообразно средствамъ.

§ 16. Труды общества, на основаніи п. 2 6. ст. 1 указа правительствующему сенату 6-го апрѣля 1865 г., могутъ выходить безъ предварительной цензуры; но обществомъ должно быть испрашено разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія въ общемъ порядкѣ, установленномъ ст. 4—7 гл. II приложенія къ ст. 5 (примѣчаніе 4) уст. ценз. по продолж. 1868 г., и соблюдаема ст. 11 того же закона.

§ 17. Въ публичныхъ засѣданіяхъ читаются замѣтки, статьи и рефераты о статьяхъ, представленныхъ въ общество, какъ его членами, такъ и посторонними лицами.

§ 18. Средства общества состоятъ изъ членскихъ взносовъ (по 5 р. ежегодно), изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ суммы,

выручаемой отъ продажи изданій общества и изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу.

§ 19. Въ случаѣ закрытія общества, все его имущество поступить въ вѣдѣніе университета.

(8-го января 1877 года). *Программы предметовъ учебнаго курса городскихъ по Положенію 31-ю мая 1872 г. училищъ.*

ПРОГРАММА ЗАКОНА БОЖІЯ.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Первое отдѣленіе перваго класса.

(6 получасовыхъ уроковъ въ недѣлю, 180 уроковъ въ годъ).

Послѣ приношенныхъ къ пониманію и жизни дѣтей бесѣдъ о Богѣ-Творцѣ и Промыслителѣ сообщается понятіе о молитвѣ словесія, благодаренія и прошенія, о крестномъ знаменіи, объ иконахъ и храмѣ, и разказываются, по картинамъ, событія, воспоминаемыя православною церковью въ двенадцатые праздники и въ праздникъ Пасхи.

Совмѣстно съ этими бесѣдами и разказами, ученики выучиваютъ, со словъ учителя, слѣдующія молитвы: 1) Во имя Отца и Сына и Св. Духа; 2) Слава Тебѣ, Боже нашъ...; 3) Слава Отцу и Сыну...; 4) Господи помилуй; 5) Святый Боже...; 6) Пресвятая Троице...; 7) Господи Іисусе Христе...; 8) Отче нашъ...; 9) Богородице Дѣво...; 10) Спаси, Господи, люди Твоя... и если останется время: 11) Царю небесный...; 12) Ангелу Хранителю (краткую); 13) предъ приватіемъ пищи; 14) послѣ принятія пищи 15) предъ ученіемъ и 16) послѣ ученія.

Примѣчаніе. Съ разказомъ о событіи праздника, учитель общаетъ свѣдѣнія о самомъ праздникѣ и важнѣйшихъ обрядахъ праздничнаго Богослуженія. Такъ напр. послѣ разказа о крещеніи Іисуса Христа, онъ говоритъ о праздникѣ Богоявленія и о крестномъ ходѣ на Іордань. Изученію каждой новой молитвы должно предпосылать или разказъ о событіи, дающемъ основаніе къ ея объясненію (напр. предъ изученіемъ „Богородице Дѣво радуйся“—разказъ о Благовѣщеніи), или бесѣду о содержаніи молитвы (напр. предъ изученіемъ молитвы о помилованіи—бесѣда о нашихъ грѣхахъ предъ Богомъ и милосердіи Божіемъ), такъ чтобы самая молитва вышла какъ результатъ

разказа или бесѣды. Затѣмъ слѣдуетъ переводъ молитвы на русскій языкъ и объясненіе ея смысла, доступное для дѣтскаго пониманія.

Второе отдѣленіе перваго класса.

(6 получасовыхъ уроковъ въ недѣлю, 180 уроковъ въ годъ).

1. Понятіе о Пресвятой Троицѣ.
2. Сотвореніе міра и жизнь первыхъ людей въ раю.
3. Грѣхопаденіе первыхъ людей, наказаніе за грѣхъ и обѣщаніе о Спасителѣ.
4. Родъ человѣческій до потопа.
5. Всемирный потопъ,
6. Родъ человѣческій послѣ потопа (непочтительность Хама къ отцу; Вавилонское столпотвореніе и разсѣланіе народовъ; появленіе идолопоклонства).
7. Призваніе Авраама и жертвоприношеніе Исаака.
8. Исторія Іисуса.
9. Рожденіе и призваніе Моисея.
10. Исходъ евреевъ изъ Египта.
11. Синайское законодательство.
12. Вступленіе евреевъ въ обѣтованную землю.
13. Краткое понятіе о временахъ судьей.
14. Краткія свѣдѣнія о временахъ царей. (Избраніе Саула на царство и отверженіе его Богомъ; побѣда Давида надъ Голиафомъ; воцареніе Давида; устройство имъ новой скиніи и перенесеніе въ нее ковчега завѣта; мудрость Соломона; построеніе имъ Іерусалимскаго храма, раздѣленіе евреевъ на два царства и паденіе того и другаго).
15. Понятіе о пророкахъ. Событія изъ жизни пророковъ: Іиліи, Елисея и Давида.
16. Рождество Богоматери и введеніе Ея во храмъ.
17. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи.
18. Рождество Предтечи Христова Іоанна.
19. Рождество Христа Спасителя и поклоненіе ему пастырей Вифлеемскихъ.
20. Поклоненіе Іисусу Христу волхвовъ; срѣщеніе Христа въ храмѣ и бѣгство Св. семейства въ Египетъ.
21. Отрокъ Іисусъ въ храмѣ.
22. Крещеніе Господне.

23. Испытаніе Іисуса Христа въ пустынь (кратко); свидѣтельство о Немъ Іоанна Предтечи и смерть Іоанна.
24. Изгнаніе Іисусомъ Христомъ торжниковъ изъ храма.
25. Испытаніе разслабленнаго при овечьихъ купальняхъ.
26. Укрощеніе Іисусомъ Христомъ бури на озерѣ.
27. Испытаніе Гадаринскаго бѣсноватаго.
28. Чудесное насыщеніе пяти тысячъ людей пятью хлѣбами.
29. Хожденіе Іисуса Христа по водѣ.
30. Испытаніе слѣпорожденнаго.
31. Испытаніе десяти прокаженныхъ.
32. Ученіе Іисуса Христа о томъ, что Богъ есть Отецъ милосердный (притча о блудномъ сынѣ).
33. Ученіе о царствѣ небесномъ на землѣ, предложенное въ притчѣхъ о сѣятелѣ, о пшеницѣ и плевелахъ и о зернѣ горчичномъ.
34. О главныхъ заповѣдяхъ.
35. О томъ, кто нашъ ближній (притча о милосердномъ Самарянѣ).
36. О прощеніи обидѣ (притча о милосердномъ царѣ и безжалостномъ должникѣ).
37. О милостынѣ, постѣ и молитвѣ.
38. О неосужденіи ближняго.
39. О томъ, насколько можно заботиться о пищѣ и одеждѣ.
40. Ученіе Іисуса Христа объ уплатѣ податей.
41. О второмъ пришествіи и страшномъ судѣ.
42. Преображеніе Господне.
43. Благословеніе дѣтей.
44. Воскресеніе Лазаря.
45. Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ.
46. Тайная вечеря.
47. Судъ надъ Іисусомъ Христомъ.
48. Крестныя страданія, смерть и погребеніе Іисуса Христа.
49. Воскресеніе Христова и явленіе Его по воскресеніи.
50. Вознесеніе Господне.
51. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.
52. Успеніе Богоматери.
53. Понятіе о церкви Христовой и таинствахъ.
54. Краткія свѣдѣнія о распространеніи христіанства и Воздвиженіе Креста Господня.
55. О священномъ писаніи и Символѣ вѣры.

Совмѣстно съ историческими разказами изучается и объясняется, кромѣ молитвъ, указанныхъ для перваго отдѣленія, слѣдующее:

1. Молитва „Царю небесный“.
2. — „Ангелу хранителю“.
3. — утренняя: „Къ Тебѣ, Владыко человеколюбче“.
4. — вечерняя: „Господи Боже нашъ“...
5. — предъ принятіемъ пищи.
6. — послѣ принятія пищи.
7. — „Достойно есть, яко воистину“...
8. — „Милосердія двери“...
9. — предъ причащеніемъ: „Вѣрую Господи“...
10. — предъ ученіемъ.
11. — послѣ ученія.
12. Заповѣди десятиословія.
13. Символь вѣры.

Примѣчаніе. Законоучитель ведетъ разказы изъ Св. Исторіи при пособіи картинъ, но учениковъ постепенно приучаетъ къ связаному разказу по выбранному учебнику. Молитвы, члены Символа вѣры и Заповѣди объясняются и изучаются совмѣстно съ тѣми историческими разказами, съ которыми они находятся въ ясной очевидной связи. Такъ при изученіи проступка Хама законоучитель объясняетъ пятую заповѣдь; при разказѣ о рождествѣ Христовомъ объясняетъ третій членъ Символа вѣры. Что же касается до тѣхъ молитвъ, для объясненія которыхъ въ пройденныхъ съ учениками фактахъ Св. Исторіи нѣтъ очевидной почвы, то объясненіе ихъ, разумѣется, должно идти отдѣльно отъ разказовъ изъ Св. Исторіи. При концѣ учебнаго года Символь вѣры и Заповѣди повторяются и объясняются въ полномъ составѣ ихъ, что и будетъ служить систематическимъ сводомъ всего элементарнаго курса Закона Божія. Законоучитель знакомитъ учениковъ съ евангельскимъ текстомъ, прочитывая воскресныя евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ.

Второй классъ.

Первое отдѣленіе втораго класса.

(3 получасовыхъ урока въ недѣлю, 90 уроковъ въ годъ),

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА.

1. Сотвореніе міра и человѣка.

часть CLXXXI, отд. 1.

2. Жизнь прародителей въ Раю.

3. Грѣхопаденіе прародителей, судъ Божій надъ грѣшниками и обѣтованіе о Спасителѣ.

4. Каинъ, Авель, и Снѣгъ. Смѣшеніе племенъ.

5. Всемірный потопъ. Спасеніе Ноя съ семействомъ и жертвоприношеніе Ноя по выходѣ изъ ковчега.

6. Дѣти Ноя и пророчество о судьбѣ ихъ.

7. Вавилонское столпотвореніе, разсѣяніе народовъ и появленіе идолопоклонства.

8. Призваніе Авраама, переселеніе его въ Ханаанскую землю, разлученіе съ Лотомъ и освобожденіе Лота изъ плѣна.

9. Заветъ Божій съ Авраамомъ; Агарь и Измаиль.

10. Явленіе Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго и казни Содома и Гомора.

11. Рожденіе Исаака; принесеніе его въ жертву.

12. Супружничество Исаака. Дѣти его: Исаакъ и Іаковъ.

13. Удаленіе Іакова въ Месопотамію, видѣніе имъ лѣстницы, пребываніе его у Лавана и возвращеніе на родину.

14. Дѣти Іакова. Прислѣствіа съ Іосифомъ въ Египтѣ и переселеніе Іакова съ семействомъ въ Египетъ.

15. Благословеніе Іаковымъ дѣтей. Іовъ.

16. Состояніе евреевъ въ Египтѣ по смерти Іакова и Іосифа. Рожденіе и воспитаніе Моисея и удаленіе его изъ Египта.

17. Явленіе Бога Моисею въ купинѣ. Чудеса Моисея предъ Фараономъ и казни, поразишія Египетъ.

18. Пасха и выходъ Евреевъ изъ Египта.

19. Переходъ евреевъ чрезъ Черное море и чудесныя событія на пути къ Синаю.

20. Синайское законодательство. Устройство скинии, священства и богослуженія.

21. Непокорность евреевъ и осужденіе ихъ на сорокалѣтнее странствованіе.

22. Чудесный жезлъ Аароновъ. Мѣдный змѣй. Смерть Аарона и Моисея.

23. Исусъ Навинъ: переходъ чрезъ Іорданъ, взятіе Іерихона, побѣда надъ союзными Ханаанейскими царями и раздѣленіе обѣтованной земли.

24. Понятіе о судьяхъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Гедеонъ, Іефай, Самсонъ, преосвященникъ Ілій и Самуилъ.

25. Саулъ: избраніе и помазаніе его на царство; непослушаніе его и отверженіе Богомъ.

26. Помазаніе Давида на царство; побѣда его надъ Голиафомъ; гоненіе противъ него Саула и смерть Саула.

27. Воцареніе Давида; завоеваніе Іерусалима и перенесеніе туда ковчега; побѣды надъ сосѣдними народами.

28. Преступленіе и раскаяніе Давида; бѣдствіе въ царствованіе его.

29. Соломонъ: его мудрость; построеніе и освященіе храма; сла-
бости его и Божій судъ надъ нимъ.

30. Раздѣленіе Іудейскаго царства. Краткій обзоръ исторіи и па-
денія царствъ.

31. Понятіе о пророкахъ. Пророки Израильскаго царства: Ілія,
Елисей и Іона.

32. Пророки царства Іудейскаго: Исаія, Іеремія и Іезекиль.

33. Состояніе Іудеевъ во время Вавилонскаго плѣна. Пророкъ
Даніилъ и друзья его.

34. Наказаніе Богомъ Навуходоносора за гордость. Валтасаръ и
паденіе Вавилонскаго царства.

35. Возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна; построеніе Іерусалимскаго
храма и стѣнъ. Есфиръ и Мардохей.

36. Время греческаго владычества: Александръ Македонскій въ
Іерусалимѣ; построеніе Самарійскаго храма и переводъ Св. писанія.

37. Гоненіе Антиоха Епифана; подвиги Маттаіи и сыновей его.

38. Начало римскаго владычества. Царствованіе Ирода. Рели-
гіозныя соѣты.

Примчаніе. При изложеніи систематическаго курса ветхова-
вѣтной исторіи, законоучитель знакомить учениковъ съ кни-
гами Св. писанія Ветхаго Завѣта. При этомъ онъ читаетъ въ
классѣ (по русскому переводу) нѣкоторыя мѣста изъ этихъ книгъ,
преимущественно тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ важнѣйшія
пророчества и прообразы. Кромѣ того, законоучитель дѣлаетъ
догматическіе и нравственные выводы изъ историческихъ раз-
казовъ, показывая такимъ образомъ связь Св. Исторіи съ хри-
стіанскимъ вѣроученіемъ и правоученіемъ. Ознакомленіе уче-
никовъ съ картою и главнѣйшими данными хронологіи обяза-
тельно. Заботясь объ основательномъ знаніи учениками важнѣй-
шихъ фактовъ ветхозавѣтной исторіи въ ихъ взаимной связи
и въ отношеніи ихъ къ христіанскому вѣроученію, законоучи-

тель долженъ не забивать ихъ множествомъ фактическихъ частности и собственныхъ именъ.

Второе отдѣленіе втораго класса.

(3 получасовыхъ урока въ недѣлю, 90 уроковъ въ годъ).

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ НОВАГО ЗАВѢТА.

Рождество, младенчество и отрочество Іисуса Христа.

1. Предсказаніе Архангела Гавріила о рожденіи Іоанна Предтечи и рожденіе его.

2. Пресвятая Дѣва Марія: благовѣщеніе Ея о рождествѣ Іисуса Христа и посѣщеніе Пресв. Дѣвою Елисаветы.

3. Рождество Іисуса Христа и поклоненіе Ему Вифлеемскихъ пастырей и восточныхъ мудрецовъ.

4. Стрѣтеніе Христа въ храмъ; бѣгство Св. Семейства въ Египетъ и возвращеніе въ землю Израилеву. Отрокъ Іисусъ во храмѣ.

Вступленіе Господа Іисуса Христа въ дѣло открытаго служенія роду человѣческому.

5. Проповѣдь Іоанна Предтечи и крещеніе Іисуса Христа.

6. Испытаніе Іисуса Христа діаволомъ и первое чудо Христово въ городѣ Канѣ.

Дѣла и ученіе Іисуса Христа отъ первой до второй пасхи.

7. Изгнаніе торгующихъ изъ храма и бесѣда Іисуса Христа съ Самарянкою.

8. Исцѣленіе въ Канѣ сына цередворца и проповѣдь Іисуса Христа въ Назаретской синагогѣ.

9. Чудесный ловъ рыбы на Галлилейскомъ озерѣ. Исцѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ.

Дѣла и ученіе Іисуса Христа отъ второй до третьей пасхи.

10. Исцѣленіе разслабленнаго при овчей купальнѣ, исцѣленіе сукорукаго и ученіе Христа о празднованіи субботы.

11. Избраніе двѣнадцати апостоловъ. Нагорная проповѣдь: ученіе о путяхъ блаженства, объясненіе заповѣдей; о милостинѣ, постѣ и молитвѣ.

12. Исцѣленіе слуги сотника; воскресеніе сына Наинской вдовы и пребываніе Іисуса Христа въ домѣ Фарисея Симона.

13. Ученіе Іисуса Христа о царствѣ Божіемъ на землѣ, предложенное въ притчахъ: о сѣятелѣ, о зернѣ горчичномъ, о пшеницѣ и плевелахъ.

14. Укрощеніе Іисусомъ Христомъ бури на озерѣ и исцѣленіе гадаринскаго бѣсноватаго.

15. Исцѣленіе женщины, страдавшей кровотеченіемъ и воскрешеніе дочери Іаира.

16. Отправленіе двѣнадцати апостоловъ на проповѣдь и наставленія, имъ данныя. Мученическая кончина Іоанна Предтечи.

17. Чудесное насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ; хожденіе Іисуса Христа по водамъ и ученіе Его въ Капернаумской синагогѣ о таинствѣ причащенія.

Дѣла и ученіе Іисуса Христа отъ третьей Пасхи до торжественнаго входа Его въ Іерусалимъ.

18. Исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки.

19. Исповѣданіе Петра; предсказаніе Господа Іисуса Христа о своихъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, и ученіе о крестѣ послѣдователей Его.

20. Преображеніе Господне и исцѣленіе бѣсноватаго глухонѣмого отрока.

21. Чудесное полученіе монеты для уплаты священной подати. Ученіе Іисуса Христа о смиреніи и незлобіи: притча о милосердномъ царѣ и безжалостномъ должникѣ.

22. Притча о милосердномъ Самарянинѣ. Посѣщеніе Марѣи и Маріи Господомъ.

23. Молитва Господня и притча о несправедливомъ судѣи и о мытарѣ и фарисеѣ.

24. Помилованіе жены грѣшницы и исцѣленіе слѣпорожденного,

25. Притчи: о любостыжательномъ богачѣ, о рабахъ, ожидающихъ Господина, о безплодной смоковницѣ и о званыхъ на вечерю.

26. Притча объ овцѣ пропадавшей, о блудномъ сынѣ, о богачѣ и Лазарѣ.

27. Исцѣленіе десяти прокаженныхъ и благословеніе дѣтей.

28. Наставленіе богатому юношѣ и притча о равной платѣ работникамъ въ виноградникѣ.

29. Смерть Лазаря и воскресение его.

30. Путешествіе Іисуса Христа къ Іерусалиму, предсказаніе Его о своей смерти въ Іерусалимѣ; просьба Саломіи и обращеніе Закхея.

Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа.

31. Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ и проклятіе смоковницы.

32. Притчи Іисуса Христа: о непослушномъ сынѣ и раскаявшемся,—о злыхъ виноградаряхъ, о брачномъ пирѣ царскаго сына.

33. Ученіе Іисуса Христа объ обязанности подданныхъ платить дань, о воскресеніи мертвыхъ и главныхъ заповѣдяхъ, похвала усердію вдовицы.

34. Предсказаніе Господа о разрушеніи Іерусалима и второмъ своемъ пришествіи. Притчи о десяти дѣвахъ и о талантахъ. Изображеніе страшнаго суда.

35. Предательство Іуды. Вечеря въ домѣ Симона проваженнаго.

36. Тайная вечеря, омовеніе ногъ, совершеніе ветхозавѣтной насхи, установленіе таинства причащенія, предсказаніе объ отреченіи Петра; краткое содержаніе прощальной бесѣды Іисуса Христа съ учениками.

37. Молитва Іисуса Христа въ саду Гессеманскомъ и взятіе Его воидами.

38. Судъ надъ Іисусомъ Христомъ у первосвященниковъ Анны и Каифы; отреченіе и раскаяніе Петра и гибель Іуды.

39. Іисусъ Христосъ на судѣ Пилата; бичеваніе и осужденіе Его на смерть.

40. Шествіе Іисуса Христа къ Голгоѣ, распятіе Его, крестныя страданія, смерть и погребеніе.

41. Воскресеніе Іисуса Христа; Марія, Петръ и Іоаннъ у гроба Іисуса.

42. Явленіе воскресшаго Господа двумъ ученикамъ на пути въ Еммаусъ, апостоламъ въ Іерусалимѣ въ первый и восьмой дни по воскресеніи, при Тиверіадскомъ морѣ и на горѣ Галилейской и послѣдствія Его повелѣнія. Вознесеніе Господне.

Примѣчаніе. При изложеніи новозавѣтной исторіи, законоучитель знакомитъ учениковъ съ текстомъ Евангелій на церковнославянскомъ языкѣ, картой Палестины и данными хронологіи. Изъ изучаемыхъ фактовъ онъ дѣлаетъ нравственные и

догматическіе выводы, показывая связь евангельской исторіи съ христіанскимъ вѣроученіемъ и правоученіемъ.

Третій классъ.

Первое отдѣленіе третьяго класса.

(два получасовыхъ урока въ недѣлю, 60 уроковъ въ годъ).

А) КРАТКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ.

1. Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.
2. Проповѣдь апостоловъ въ Іерусалимѣ; жизнь первыхъ христіанъ; гоненіе отъ Синадріона.
3. Убіеніе архидіакона Стефана; крещеніе Самарянъ, евнуха и Коринтія сотника.
4. Обращеніе Савла; основаніе церкви въ Антіохіи и апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ.
5. Благовѣстническіе труды апостоловъ: Павла, Петра, Іоанна, Андрея и Іакова Праведнаго.
6. Разрушеніе Іерусалима.
7. Важнѣйшія гоненія на христіанъ отъ язычниковъ.
8. Константинъ Великій и дѣйствія его на пользу церкви, Юліанъ отступникъ.
9. Краткая исторія вселенскихъ соборовъ.
10. Отпаденіе Западной церкви отъ единства съ Восточною.
11. Образованіе протестантства.
12. Благовѣстническіе труды Св. Кирилла и Меѳодія.
13. Крещеніе княгини Ольги и князя Владимира, и постепенное распространеніе христіанства по всей Россіи.
14. О Кіевопечерской лаврѣ.
15. О митрополитахъ: Св. Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ и Филиппѣ.
16. О троицѣ-Сергіевской лаврѣ.
17. О патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ.
18. О патріархѣ Никонѣ.
19. О исправленіи богослужебныхъ книгъ и появленіи раскола.
20. Учрежденіе Святѣйшаго Синода.
21. Церковная унія и ея уничтоженіе.

Примѣчаніе. Знакомство учениковъ съ картою и хронологіей обязательно.

В) КРАТКОЕ УЧЕНІЕ О БОГОСЛУЖЕНІИ.

1. Понятіе о богослуженіи и лицахъ, совершающихъ его.
2. Понятіе о храмѣ, внѣшнемъ его видѣ и внутреннемъ расположеніи его частей.
3. О священныхъ сосудахъ и одеждахъ.
4. Обряды, наиболѣе употребительные при богослуженіи: поклоненіе и крестное знаменіе, благословеніе священно-дѣйствующаго, вознесеніе свѣтилъ-пиковъ, кажденіе свѣтлосвѣтомъ и звонъ въ колокола.
5. Понятіе о вечернѣ, утренѣ и часахъ.
6. Объясненіе литургіи Іоанна Златоустаго. Свѣдѣнія о литургіи Василія Великаго и времени ея совершенія.
7. Понятіе о праздникахъ и постахъ.
8. Важнѣйшія особенности богослуженія въ праздники: Воздвиженіе креста Господня, Рождества Христова, Крещенія, Входа въ Іерусалимъ, Пасхи и Пятидесятницы. Понятіе о молебнахъ.
9. Особенности великопостнаго богослуженія: часы и литургія преждеосвященныхъ даровъ.
10. Особенности богослуженія страстной недѣли.
11. Важнѣйшіе обряды при совершеніи таинствъ: крещенія съ миропомазаніемъ, покаянія, священства, брака и елеосвященія.
12. Обряды погребенія умершихъ и дни поминовенія ихъ.

Примѣчаніе При изложеніи ученія о богослуженіи, законоучитель не долженъ обременять учениковъ изученіемъ частныхъ церковнаго устава. Въ этомъ классѣ онъ прочитываетъ съ учениками на церковно-славянскомъ языкѣ тѣ мѣста изъ Св. книгъ Ветхаго Заветъ, которыя часто употребляются при богослуженіи, каковы напримѣръ: псалмы предначинательный и шестопсалмій, пареміи и пѣсни, положенныя въ основаніе каноновъ.

Второе отдѣленіе третьяго класса.

(два получасовыхъ урока въ недѣлю, 60 уроковъ съ годъ).

Краткій катехизисъ православной церкви (по началкамъ христіанскаго ученія послѣднихъ изданій) и повтореніе всего курса.

Примѣчаніе. Законоучитель, при изученіи краткаго катехизиса, объясняетъ и дополняетъ его, сообразуясь со степенью развитія учащихся; при этомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія объ источникахъ божественнаго откровенія и знакомитъ съ соста-

вомъ книгъ Св. Писанія. При объясненіи катехизическаго ученія, законоучитель напоминаетъ учащимся о тѣхъ событіяхъ Священной и Церковной Исторіи, которыя могутъ помочь пониманію этого ученія.

Учебниками и учебными пособиями по всѣхъ классахъ городскихъ училищъ могутъ быть книги, одобренныя или допущенныя Святѣйшимъ Синодомъ и находящіяся въ каталогахъ министерства народнаго просвѣщенія.

ПРОГРАММА РУССКАГО ЯЗЫКА.

Первый годъ.

(8 уроковъ въ недѣлю).

Въ первое полугодіе ведутся приготовительныя бесѣды (около двухъ недѣль) и вслѣдъ за ними обученіе грамотѣ.

Во второе полугодіе — объяснительное чтеніе и совмѣстно съ нимъ приготовительныя грамматическія упражненія.

1. Приготовительныя бесѣды имѣютъ цѣлю:

- а) ознакомить учениковъ съ училищною обстановкою и подготовить ихъ къ класснымъ занятіямъ съ учителемъ;
- б) приучить къ разсматриванію предметовъ, на которыхъ представляется надобность останавливаться въ классной бесѣдѣ;
- в) сообщить ученикамъ нѣкоторыя свѣдѣнія и приемы, необходимыя для того, чтобы потомъ легко можно было приступить къ обученію грамотѣ (звуковой анализъ словъ, различеніе звуковъ гласныхъ и согласныхъ, приготовленіе къ письму и письмо элементовъ буквъ).

2. Обученіе грамотѣ ведется по звуковому способу совмѣстнаго обученія чтенію и письму.

Приемы обученія:

- а) краткая бесѣда о предметѣ, названіе котораго берется для изученія въ немъ новыхъ, неизвѣстныхъ еще звуковъ и буквъ;
- б) звуковой анализъ слова;
- в) изученіе письменнаго и печатнаго начертанія каждаго звука въ отдѣльности, совмѣстно съ упражненіемъ въ писаніи сначала одной изученной буквы, потомъ всего изученнаго слова;
- г) письмо подъ диктантъ и списываніе напечатаннаго въ книгѣ, или написаннаго учителемъ на доскѣ.

Къ этимъ приемамъ, когда изученныхъ буквъ будетъ достаточно для составленія коротенькихъ фразъ, присоединяется чтеніе такихъ фразъ, въ которыя входятъ вновь изученныя буквы.

3. Объяснительное чтеніе. Матеріалъ для чтенія берется послѣдовательно изъ книги: „Родное Слово“ годъ 1-й К. Д. Ушинскаго (сказки, коротенькіе разказы, народныя поговорки, пословицы, загадки, названія предметовъ, распределенныя по родамъ и видамъ, неоконченныя фразы).

Пріемы объяснительнаго чтенія должны быть направлены къ тому, чтобы ученики:

а) насколько возможно болѣе свыкались съ механизмомъ чтенія и притомъ читали сознательно;

б) осваивались съ содержаніемъ читаемаго и пересказывали его сначала въ краткихъ отвѣтахъ на вопросы учителя, а потомъ безъ этихъ вопросовъ въ цѣльной рѣчи;

в) при чтеніи названій предметовъ, неоконченныхъ фразъ и загадокъ, насколько возможно болѣе самостоятельно доходили до тѣхъ умственныхъ рѣшеній, какія предполагаются при этихъ упражненіяхъ.

4. Приготовительныя грамматическія упражненія имѣютъ цѣлю исключительно сообщеніе ученикамъ необходимѣйшихъ правилъ правописанія, которыя и выводятся посредствомъ звуковаго анализа словъ (звуковая диктовка), если это правила фонетическія, и посредствомъ разбора грамматическихъ формъ, если это правила, основывающіяся на положеніяхъ этимологическихъ и синтаксическихъ.

Примѣрная программа такихъ правилъ, съ указаніемъ послѣдовательнаго распределенія ихъ, прилагается особо въ объяснительной запискѣ.

5. Письменныя упражненія, послѣ обученія грамотѣ, въ этомъ году составляютъ:

а) списываніе съ книги прочитаннаго въ классѣ;

б) выписываніе названій предметовъ съ самостоятельнымъ распределеніемъ ихъ по назнатеппымъ разрядамъ;

в) составленіе предложеній, въ которыхъ заканчиваются неоконченныя въ книгѣ фразы, или выражаются отвѣты на поставленные тамъ вопросы.

Второй годъ.

(6 уроковъ въ недѣлю).

Занятія втораго года служатъ продолженіемъ занятій второй половины перваго года.

1. Объяснительное чтеніе. Матеріаломъ для чтенія берутся статьи, помѣщенныя во 2 годѣ „Роднаго Слова“ К. Д. Ушинскаго.

Приемы уроковъ объяснительнаго чтенія въ этомъ году примѣняются къ слѣдующимъ цѣлямъ:

а) каждый поэтическій образецъ долженъ усвоиваться учениками настолько возможно болѣе отчетливо и болѣею частію до буквальнаго повторенія его наизусть;

б) чтеніе учениковъ какъ по книгѣ, такъ и наизусть должно быть бѣгло, вполнѣ сознательно и до возможной степени выразительно, по крайней мѣрѣ съ правильной интонаціей въ наиболѣе ощутительныхъ переходахъ рѣчи (вопросахъ, восклицаніяхъ и т. п.);

в) въ пересказѣ учениковъ собственными словами первоначально преобладающая форма отрывистой рѣчи постепенно сводится къ формѣ связной рѣчи; при этомъ передача содержанія не должна ограничиваться формою образца, какъ въ первомъ годѣ, но съ нимъ иногда могутъ быть соединяемы словесныя построенія видоизмѣненной формы, составленныя по руководящимъ вопросамъ учителя;

г) при работѣ надъ логико-грамматическими упражненіями, помѣщенными въ концѣ втораго года „Роднаго Слова“, ученики должны практически освоиться съ понятіемъ о предметѣ, признакахъ предмета, временахъ дѣйствія и приучиться къ распространенію мысли по различнымъ вопросамъ.

2. На приготовительныхъ грамматическихъ упражненіяхъ продолжается изученіе первоначальныхъ правилъ орфографіи, въ связи съ нѣкоторыми необходимѣйшими грамматическими положеніями (см. программу этихъ упражненій въ объяснительной запискѣ).

3. Письменные упражненія:

а) письмо подъ диктовку, въ связи съ приготовительными грамматическими упражненіями.

б) списываніе съ книги прочитаннаго на объяснительномъ чтеніи, при чемъ, во время пересмотра упражненій требуются отъ учениковъ устные объясненія орфографіи въ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны изъ приготовительныхъ грамматическихъ упражненій;

в) составленіе отвѣтовъ на вопросы учителя, поставленные въ связи съ прочитанными статьями и логико-грамматическими упражненіями.

4. Церковно-славянское чтеніе, соединенное съ грамматическимъ разборомъ, на которомъ ученики знакомятся съ церковно-славянскими склоненіями и спряженіями въ правильныхъ формахъ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

(6 уроковъ въ недѣлю).

1. Проходится систематическій курсъ русской грамматики въ соединеніи синтаксиса съ этимологіей.

Изъ синтаксиса въ этомъ году объясняются — составъ простаго предложенія въ краткой и распространенной формѣ; изъ этимологій — понятія о частяхъ рѣчи, входящихъ въ составъ простаго предложенія, и грамматическихъ принадлежностяхъ этихъ частей рѣчи.

Въ связи съ синтаксическими и этимологическими правилами сообщаются правила орфографіи, касающіяся постановки знаковь препинанія и написанія словъ.

2. Объяснительное чтеніе, для котораго матеріаломъ могутъ служить небольшія статьи повѣствовательной и описательной формы изъ образцовыхъ писателей (анекдоты, разказы, басни, коротенькія и простѣйшія описанія), причемъ образцы повѣствовательные должны преобладать.

Въ процессъ объяснительнаго чтенія, кромѣ пріемовъ, необходимыхъ для выясненія и усвоенія содержанія читаемаго, входятъ:

а) выразительное чтеніе объясненныхъ статей по книгѣ и наизусть;

б) пересказъ содержанія съ перефразировкой, гдѣ это требуется, для наибольшаго сближенія образца съ пониманіемъ учениковъ;

в) пересказъ съ измѣненіемъ формы, состоящимъ въ сокращеніи и распространеніи изложеннаго въ образцѣ,

г) выясненіе плана статьи, гдѣ онъ ощутительно обнаруживается и легко можетъ быть усмотрѣнъ учениками.

3. Письменные работы ведутся въ связи съ изученіемъ грамматики и объяснительнымъ чтеніемъ и представляютъ слѣдующіе виды:

а) диктантъ, примѣненный къ изучаемымъ грамматическимъ правиламъ;

б) составленіе примѣровъ на грамматическія правила;

в) писаніе наизусть выученнаго, при чемъ на пересмотрѣ упражненій ученики объясняютъ орфографію въ извѣстныхъ имъ случаяхъ;

г) изложеніе собственными словами содержанія образца, изученнаго на объяснительномъ чтеніи;

д) изложеніе изученнаго образца въ измѣненіяхъ, какія будутъ выработываться на словесныхъ упражненіяхъ въ объяснительномъ чтеніи.

4. По церковно-славянскому чтенію продолжаютъ занятія тѣ же, что и въ третій годъ.

Учебникъ по русской грамматикѣ: „Учебникъ русскаго языка“. Селитренникова.

Книга для чтенія — Христоматія Полевого ч. 1-я и „Родное Слово“ Ушинскаго.

Четвертый годъ.

(6 уроковъ).

1. Продолженіе систематическаго курса русской грамматики.

а) синтаксисъ сложнаго предложенія, составнаго и слитнаго;

б) понятіе о частяхъ рѣчи и этимологическихъ формахъ и частяхъ рѣчи, служащихъ для образованія указанныхъ формъ синтаксическихъ.

в) орфографическія правила, связанныя съ вновь разъясняемыми синтаксическими и этимологическими положеніями.

2. Грамматическій разборъ отрывковъ изъ прочитанныхъ прежде прозаическихъ статей, отличающихся наибольшою правильностью въ грамматическомъ построеніи, съ цѣлью практической провѣрки познаній учениковъ въ грамматикѣ.

3. Объяснительное чтеніе. Матеріалъ для чтенія заимствуется изъ разказовъ, басенъ и описаній,—послѣднія берутся въ преобладающемъ количествѣ.

Словесныя упражненія, соединенныя съ объяснительнымъ чтеніемъ, ведутся тѣ же, что и въ предыдущемъ году, только въ болѣе усложненномъ видѣ и въ концѣ года къ нимъ присоединяются слѣдующія:

а) составленіе учениками самостоятельныхъ разказовъ и описаній слышаннаго и видѣннаго по плану, извлеченному изъ разобраннаго образца;

б) сравнительныя описанія двухъ или нѣсколькихъ предметовъ съ цѣлью выясненія ихъ особенностей.

4. Письменныя упражненія:

а) диктантъ, примѣненный къ изученію грамматики;

б) составленіе на изучаемыя грамматическія правила примѣровъ;

в) писаніе грамматическихъ разборовъ небольшихъ прозаическихъ отрывковъ;

г) изложеніе содержанія прочитанныхъ статей въ собственныхъ выраженіяхъ съ сокращеніями и пополненіями, смотря по характеру статей;

д) составленіе въ классѣ и дома самостоятельныхъ разказовъ, описаній и сравненій, подготовленныхъ на словесныхъ упражненіяхъ подъ руководствомъ учителя.

б. По церковно-славянскому чтенію продолжаются занятія предыдущихъ статей, съ присоединеніемъ къ нимъ переводовъ съ церковно-славянскаго языка на русскій.

Пятый годъ.

(4 урока въ недѣлю).

1. Повтореніе русской грамматики по курсу, пройденному въ теченіе предыдущихъ двухъ годовъ, но съ дополнительными подробностями, касающимися частнѣйшихъ примѣненій той или другой грамматической формы въ языкѣ.

2. Грамматическій разборъ отрывковъ изъ читанныхъ прозаическихъ статей, въ которомъ главное вниманіе обращается на синтаксическое построеніе рѣчи и разстановку знаковъ.

3. Объяснительное чтеніе. Матеріаломъ для чтенія служатъ повѣствованія и описанія, взятія изъ образцовыхъ писателей, при чемъ, сообразно ходу преподаванія исторіи и географіи, могутъ быть выбраны статьи историческаго и географическаго содержанія.

При этомъ:

а) приемы объяснительнаго чтенія, главнымъ образомъ, должны быть направлены къ выясненію логическаго построенія статьи; въ то же время производится дѣленіе содержанія на части съ указаніемъ связи между ними;

б) выразительность чтенія ставится необходимымъ требованіемъ;

в) на разборѣ повѣствовательныхъ и описательныхъ образцовъ выводятся понятія объ описаніяхъ и повѣствованіяхъ, а также выясняются правила построенія того и другаго вида словесныхъ произведеній;

г) на основаніи разъясненныхъ правилъ, ученики упражняются въ построеніи собственныхъ плановъ разказа и описанія, при чемъ предметы для этихъ произведеній берутся извѣстные ученикамъ и однородные съ предметами статей, проработанныхъ въ классѣ.

4. Церковно-славянское чтеніе выбранныхъ отрывковъ изъ евангелія, съ разборомъ и переводомъ читаемаго на русскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на разборѣ славянскихъ грамматическихъ формъ ученики знакомятся съ главнѣйшими правилами церковно-славянскаго син-

таксиса и изъ этимологін изучаютъ наиболѣе употребительныя формы неправильныхъ склоненій и спряженій.

5. Письменныя упражненія:

- а) диктантъ провѣрочный;
- б) писаніе грамматическихъ разборовъ, по преимуществу синтаксическихъ;
- в) разборы и переводы церковно-славянскаго текста;
- г) изложеніе содержанія разобраннаго поэтическаго образца въ собственныхъ выраженіяхъ;
- д) составленіе разказовъ и описаній по выработаннымъ въ классѣ планамъ.

Книгою для чтенія служитъ хрестоматія Васисова ч. II.

Шестой годъ.

(4 урока въ недѣлю),

1. Продолжается повтореніе курса грамматики съ пополненіями, какъ и въ предыдущемъ году; курсъ заканчивается ознакомленіемъ съ періодами.

2. Грамматическій разборъ (синтаксическій), соединенный съ подробнѣйшимъ разъясненіемъ основаній для разстановки знаковъ препинанія.

3. Для объяснительнаго чтенія берутся извѣстѣйшія образцовыя произведенія повѣствовательной и описательной формы, которыхъ по трудности содержанія нельзя было читать въ предыдущихъ годахъ, и вслѣдъ за ними разбираются характеристики и разсужденія.

При разборѣ образцовъ должны имѣться въ виду слѣдующія главные цѣли:

- а) ученики доводятся до отчетливаго пониманія логическаго построенія и развитія образца;
- б) знакомятся съ свойствами образнаго языка и видами образныхъ выраженій;
- в) при чтеніи характеристикъ и разсужденій выводятся понятія объ этихъ видахъ произведеній;
- г) примѣнительно къ разобраннмъ образцамъ, составляются учениками на устной бесѣдѣ съ учителемъ собственныя характеристики и разсужденія въ возможно упрощенной формѣ.

4) Въ концѣ года сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о тѣхъ писателяхъ, произведенія которыхъ болѣе всего изучались

учениками въ теченіе курса въ городскомъ училищѣ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Аксаковъ, Тургеневъ, Л. Н. Толстой; при этомъ выборъ подробностей изъ біографіи того или другаго автора долженъ строго сообразоваться съ развитіемъ и историческими познаніями учащихся.

5. На урокахъ церковно-славянскаго языка, при чтеніи и разборѣ вырванныхъ отрывковъ изъ евангелія, послѣдовательно повторяются всѣ грамматическія правила, какія были изучены въ теченіе предыдущихъ годовъ.

6. Письменные работы:

- а) провѣрочный диктантъ;
- б) составленіе періодовъ;
- в) изложеніе разбора образцовъ, разобранныхъ въ классѣ на урокѣ объяснительнаго чтенія и самостоятельное составленіе разборовъ по примѣру классныхъ;
- г) самостоятельное сочиненіе разказовъ и описаніе на данную ими произвольную тему;
- д) изложеніе характеристикъ и разсужденій, подготовленныхъ въ классѣ на словесныхъ упражненіяхъ при объяснительномъ чтеніи;
- в) переводы церковно-славянскаго текста на русскій языкъ, отъ которыхъ требуется буквальная точность и близость къ подлиннику.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ говоръ значительно разнится отъ литературнаго языка, учитель во всѣ годы курса русскаго языка долженъ обращать особое вниманіе на правильность удареній и произношеніе учениковъ.

Книга для чтенія—Христоматія Басистова, ч. II-я.

Объяснительная записка къ программѣ русскаго языка.

Всѣ занятія по русскому языку въ городскомъ училищѣ, какъ видно изъ вышеизложенной программы, распадаются на четыре главные отдѣла, отличные одинъ отъ другаго, какъ по матеріалу, такъ и по задачамъ преподаванія: обученіе грамотѣ, объяснительное чтеніе, изученіе грамматики русскаго языка и церковно-славянское чтеніе. Съ каждымъ изъ этихъ занятій соединяются письменныя упражненія, для которыхъ заимствуются изъ нихъ не только содержаніе, но часто и форма.

А. Обученію грамотѣ, какъ указано въ программѣ, предшествуютъ приготовительныя бесѣды, которыя первоначально имѣютъ цѣлью ознакомленіе учениковъ съ училищнымъ дѣломъ, а затѣмъ служатъ непосред-

ственнымъ подготовленіемъ къ самому обученію грамотѣ. Въ первомъ случаѣ приготовительныя бесѣды составляютъ начальный шагъ не только въ отношеніи къ русскому языку, но и ко всѣмъ учебнымъ занятіямъ вообще; потому уроки каждаго отдѣльнаго предмета должны начинаться только тогда, когда кончится эта общая часть бесѣды. Составъ такого рода бесѣды можетъ быть опредѣленъ, примѣрно ниже слѣдующей программой:

а) ознакомленіе учителя съ именами и фамиліями учениковъ, ихъ домашней обстановкой и индивидуальными особенностями, имѣющими какое либо значеніе по отношенію къ школьнымъ занятіямъ;

б) ознакомленіе учениковъ со школой со стороны ея значенія для нихъ самихъ, а также и со стороны внѣшней обстановки, при чемъ объясняется назначеніе учебныхъ вещей, находящихся въ классѣ и въ рукахъ учениковъ.

в) приученіе учениковъ къ класснымъ порядкамъ и дисциплинѣ;

г) приученіе учениковъ къ внимательному выслушиванію вопросовъ учителя въ классной бесѣдѣ и даванію полныхъ отгѣтовъ на эти вопросы. Образцы первоначальныхъ бесѣдъ учитель можетъ найти у Паульсона, въ его книжкѣ „Способъ обученія грамотѣ“ и въ руководствѣ Бунакова „Родной языкъ“.

Слѣдующая затѣмъ часть приготовительныхъ бесѣдъ, предназначенная для подготовленія собственно къ обученію грамотѣ, должна быть расположена и проведена такимъ образомъ, чтобы ученики въ теченіе даннаго времени (около недѣли), на сколько возможно болѣе, освоились съ требуемымъ навыкомъ и свѣдѣніями, и чтобы эти свѣдѣнія и навыки были сообщены имъ не отвѣченно и механически, а въ связи съ наглядными предметами и на наглядныхъ бесѣдахъ. Означенныя требованія весьма удачно совмѣщены и выполнены въ „Руководствѣ для обученія грамотѣ“ — Бунакова, которому и предлагается слѣдовать въ этомъ отдѣлѣ бесѣдъ.

Обученіе грамотѣ предлагается программой вести по звуковому способу совмѣстнаго обученія чтенію и письму, какъ способу наиболѣе рациональному и единственному въ извѣстномъ отношеніи: только въ этомъ способѣ, построенномъ въ прямомъ соответствіи естественному ходу изобрѣтенія письма, ученикъ можетъ быть доведенъ до усвоенія грамоты вполне сознательно и самостоятельно. Пріемы обученія, указываемые въ программѣ, суть не что иное, какъ воспроизведеніе процесса изобрѣтенія письма; ученики раздѣляютъ слово на простыя звуки, подбираютъ для каждаго звука, условный знакъ и, часть охххх, отд. 1.

наконецъ, образуютъ соединеніе буквъ, соответствующее комбинаціи звуковъ во взятомъ словѣ. При такомъ ходѣ обученія, "орфографическая правильность является естественной необходимостью во всякомъ случаѣ, гдѣ только буквы произносятся своимъ собственнымъ звукомъ. Но кромѣ того, есть и другая сторона въ обученіи грамотѣ, которую необходимо имѣть въ виду учителю. Звуки и буквы, въ какомъ бы правильномъ порядкѣ они ни были сообщены, для ребенка представляютъ матеріалъ безжизненный, безынтересный, если взять и изучать ихъ самихъ по себѣ въ отдѣльности. Вотъ почему, кромѣ правильной постановки звуковаго способа, требуется, чтобы обученіе грамотѣ соединено было съ наглядными бесѣдами о тѣхъ предметахъ, названія которыхъ берутся для изученія того или другаго звука; при этомъ предметы должны быть выбираемы хорошо знакомые ученикамъ и представляющіе для нихъ непосредственный интересъ. Изъ руководствъ по обученію грамотѣ, составленныхъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ, наиболѣе правильно и многосторонне обработанное, принадлежитъ Бунакову, ("Обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ предметными уроками"), которое и предлагается учителямъ городскихъ училищъ въ употребленіе. Къ преимуществамъ руководства Бунакова между прочимъ относится то, что весь ходъ обученія по немъ представляется не въ видѣ непрерывнаго курса, а въ раздѣленіи на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, между которыми дѣлаются остановки, съ цѣлью упражненія учениковъ въ чтеніи по нарочито составленнымъ книжкамъ; здѣсь помѣщены фразы и слова, составленные изъ буквъ, начертаніе которыхъ извѣстно ученикамъ. Такого рода остановки имѣютъ важное педагогическое значеніе и много содѣйствуютъ успѣху обученія: обладаніе цѣлой книжкой послѣ изученія, напримѣръ, 12-ти буквъ весьма ощутительно даетъ ученику совпадать практическіе результаты, вытекающіе изъ его занятій, и этимъ инспирируетъ его къ дальнѣйшему; съ другой стороны тутъ ученикъ имѣетъ возможность вполне укрѣпиться въ чтеніи и письмѣ въ сферѣ изученныхъ буквъ. Книжки для чтенія, приложенныя къ руководству Бунакова, а также и листы съ азбукой для отыскиванія печатныхъ буквъ при первоначальномъ ознакомленіи съ ними, должны находиться въ рукахъ каждаго ученика, какъ учебныя пособія.

Б. *Объяснительное чтеніе* въ курсѣ городского училища занимаетъ обширнѣйшее мѣсто, сравнительно со всѣми прочими занятіями по отечественному языку: въ первомъ году (второе полугодіе) и во

второмъ изъ 8-ми уроковъ на него употребляется 6; въ третьемъ и четвертомъ изъ 6-ти 3; въ пятомъ изъ 5-ти 2; въ шестомъ изъ 4-хъ 2. Такое преобладающее значеніе придается объяснительному чтенію ради той образовательной силы, которую оно имѣетъ: ни въ одномъ занятіи столь многосторонне не затрагивается психическая дѣятельность учениковъ, какъ въ объяснительномъ чтеніи и ничто, какъ объяснительное чтеніе, не заключаетъ въ себѣ такъ много средствъ для развитія дара слова въ самыхъ разнообразныхъ его примѣненіяхъ.

Для того, чтобы объяснительное чтеніе соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы возможно было осуществленіе всѣхъ цѣлей, которыя могутъ быть соединены съ нимъ въ городскомъ училищѣ, предлагается держаться слѣдующихъ основныхъ методическихъ положеній, которыми вкратцѣ опредѣляется сущность его какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ.

1. Такъ какъ въ городскомъ училищѣ каждый отдѣльный предметъ первоначальнаго обученія приходится въ видѣ особаго болѣе или менѣе полно и правильно организованнаго курса, то нѣтъ надобности въ объяснительномъ чтеніи искать средствъ для сообщенія ученикамъ разнородныхъ свѣдѣній; все содержаніе его примѣняется преимущественно къ цѣли формальной, то-есть къ нравственному, умственному и словесному развитію учащихся. Только въ первые два года, когда свѣдѣнія дѣтей бываютъ слишкомъ узки и односторонни, въ объяснительное чтеніе вводится матеріалъ и реальнаго содержанія, каковы, напримѣръ, дѣловыя статьи во 2-мъ годѣ „Роднаго Слова“.

2. Насколько объяснительное чтеніе касается нравственнаго развитія, матеріалами для него служатъ статьи, проникнутыя мотивами національнаго чувства, любви къ честному труду и самодѣтельности, чувства уваженія къ личности и благу другихъ.

3. Въ отношеніи умственнаго развитія, статьи для чтенія должны быть подобраны и расположены въ ближайшемъ соотвѣтствіи естественному ходу развитія умственныхъ силъ у дѣтей и притомъ такъ, чтобы психическая дѣятельность ученика постоянно затрагивалась на сколько возможно многостороннѣе и этимъ самымъ сглаживалась бы неизбежная односторонность, порождаемая занятіями по специальнымъ предметамъ.

4. Какъ средство для развитія дара слова, объяснительное чтеніе должно имѣть своимъ матеріаломъ произведенія, представляющія въ

себѣ дѣйствительные образцы языка мѣткого, выразительнаго и изящнаго. Съ этой стороны произведеніи образцовыхъ писателей предпочтительно предъ всѣми другими вводятся въ книгу для чтенія.

5. По вышнему своему виду статьи для чтенія, по возможности, должны сообразоваться съ класснымъ временемъ, особенно въ первую половину курса: чтеніе, прерываемое и раздѣляемое между нѣсколькими классами, много вредитъ единству впечатлѣнія отъ образца.

Что касается формы или способа веденія объяснительнаго чтенія, то съ этой стороны веденіе его опредѣляется слѣдующими основными:

1. Объяснительное чтеніе прежде всего направляется къ тому, чтобы процессъ чтенія учениковъ никогда не отдѣлялся отъ процесса мышленія, чтобы оно не сводилось на степень механическаго воспроизведенія звуковъ, соответственно комбинаціямъ буквъ въ книгѣ, а всегда являлось воспроизведеніемъ мысли писавшаго по выражающимъ ее знакамъ,—словомъ всегда было бы сознательно.

2. Сознательное чтеніе предполагаетъ пониманіе и усвоеніе содержанія читаемаго; поэтому объяснительное чтеніе всегда соединяется съ вещественнымъ и логическимъ разборами, посредствомъ которыхъ ученики доводятся до полного и всесторонняго пониманія и усвоенія читаемаго, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы учитель продолжительно останавливался на разъясненіи каждаго отдѣльнаго слова, каждой отдѣльной мысли: разборъ долженъ сосредотчиваться главнымъ образомъ на общей связи между мыслями и на основной мысли статьи, при чемъ важность той или другой частности выступаетъ сама собою;—вотъ такіа то частности только и требуютъ объяснять. Форма разбора, конечно, можетъ быть не иная, какъ вопросительная—эвристическая: учитель паводичными вопросами заставляеть учениковъ вникнуть въ смыслъ читаемаго и выяснить его собственнымъ дѣтскимъ языкомъ. Въ первую пору чтенія, когда механизмъ чтенія еще затрудняетъ учениковъ и слишкомъ сильно напрягаетъ ихъ вниманіе, само собою, кромѣ вопросовъ, требуемыхъ для разъясненія читаемаго, учитель при каждомъ почти словѣ ставитъ вопросы, направленные къ тому, чтобы только вызывать въ умѣ учениковъ представленіе предмета, обозначеннаго словомъ: безъ такихъ вопросовъ чтеніе на этой ступени весьма легко можетъ терять сознательность.

3. Кромѣ содержанія въ объяснительномъ чтеніи ученики оснoв-

ваются и съ формою читаемаго образца. Разборъ каждого стихотворенія обыкновенно заканчивается изученіемъ его всего наявустъ; то же дѣлается и съ прозаическими статьями въ наиболѣе изящныхъ мѣстахъ. Въ послѣднихъ годахъ курса къ этому присоединяется усвоеніе логическаго построенія каждой читаемой статьи, до котораго ученики доводятся при логическомъ разборѣ. Заучиванье наявустъ производится не простымъ затверживаньемъ по книгѣ каждымъ ученикомъ въ одиночку, но рядомъ разнообразныхъ повтореній статьи по частямъ и въ цѣлости, въ которыхъ принимаетъ участіе весь классъ.

4. Чтеніе, какъ воспроизведеніе чужой мысли по усвоеннымъ знакамъ, только тогда будетъ вполне соответствовать своему назначенію, когда оно будетъ производиться съ такою-же быстротою, съ которою сама мысль развивается и облекается въ слово въ устной рѣчи. Между тѣмъ извѣстно, до какой степени чтеніе въ этомъ отношеніи отстаетъ отъ мысли въ первое время обученія грамотѣ. Поэтому въ объяснительное чтеніе вводится рядъ упражненій, имѣющихъ цѣлью развитіе бѣглости чтенія. Сюда относятся: а) повторительное чтеніе, при которомъ наблюдается, чтобы выговоръ звуковъ, слоговъ и словъ былъ громкій, ясный и чистый; б) хоровое чтеніе классомъ, особенно примѣняемое къ стихотвореніямъ, при чемъ вниманіе учителя должно быть обращено на отчетливость такта, одновременность выговора словъ и ясность произношенія; в) чтеніе учениками про себя, которое употребляется въ послѣднихъ годахъ курса и всегда сопровождается требованіемъ отчета въ прочитанномъ.

5. Для полнаго воспроизведенія чужой мысли чтеніемъ, необходимо наконецъ и то, чтобы интонація звуковъ въ произношеніи, совершенно сходна была по характеру съ интонаціей устной рѣчи, чтобы читалась мысль также, какъ она высказывается въ разговорѣ, каковое чтеніе и называется выразительнымъ. Ближайшими средствами въ процессъ объяснительнаго чтенія для приученія учениковъ къ выразительному чтенію служатъ—образцовое чтеніе самого учителя и такое-же чтеніе талантливыхъ учениковъ, если они имѣются въ классѣ. Образцовое чтеніе сопровождается упражненіемъ учениковъ въ подражаніи, повторяемымъ нѣсколько разъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее ограниченіе. Выразительное чтеніе имѣетъ свои степени, начиная отъ простаго, такъ называемаго *логическаго* чтенія; соответствующаго разговорной обыденной рѣчи, до чтенія высоко-художественнаго, изящнаго. О послѣднемъ было-бы

излишне заботиться учителю, а достаточно ограничиться достиженіемъ простоты и искренности, составляющихъ существенно хорошія качества чтенія.

6) Объяснительное чтеніе, какъ средство для развитія умственныхъ способностей и дара слова, при разборѣ каждого образца сопровождается умственнымъ, словеснымъ и письменнымъ упражненіями различныхъ видовъ, начиная съ простаго воспроизведенія даннаго содержанія и формы и кончая самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ того или другаго по образцу прочитаннаго произведенія. Порядокъ этихъ упражненій, насколько возможно ближе, долженъ подходить къ естественному ходу поступательнаго развитія дѣтей: онъ не долженъ забѣгать впередъ, возлагая на учениковъ работы, недоступныя ихъ возрасту, ни отставать отъ нихъ, останавливаясь слишкомъ долго на одномъ какомъ нибудь видѣ упражненій.

7. Планъ cadaго урока объяснительнаго чтенія располагается соотвѣтственно обычному процессу изслѣдованія предметовъ: объяснительное чтеніе начинается ознакомленіемъ учениковъ съ читаемымъ образцомъ въ общемъ контурѣ (предварительное чтеніе учителя или учениковъ, предварительный разказъ учителемъ содержанія); за тѣмъ слѣдуетъ разборъ произведенія по частямъ его (разборъ вещественный и логическій); наконецъ, ученики снова возвращаются къ цѣлому для окончательнаго усвоенія (чтеніе повторительное, выразительное). Умственные и словесныя упражненія присоединяются въ концѣ процесса объяснительнаго чтенія, въ качествѣ практическихъ результатовъ его.

Всѣ вышеизложенныя требованія, касающіяся объяснительнаго чтенія, какъ можно видѣть изъ разъясненій практическаго примѣненія ихъ, направляются и сводятся къ слѣдующимъ конечнымъ результатамъ, которые и предполагается возможнымъ и необходимымъ поставить цѣлями объяснительнаго чтенія въ городскомъ училищѣ.

а) На объяснительномъ чтеніи ученики приучаются къ рациональному и плодотворному чтенію и чрезъ это приобретаютъ возможность пользоваться книгой, какъ средствомъ для самообразованія и саморазвитія.

б) Объяснительное чтеніе содѣйствуетъ многостороннему и послѣдовательному развитію умственныхъ способностей учащихся.

в) Объяснительное чтеніе служитъ средствомъ для обогащенія и развитія дара слова учащихся въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ: жѣткія слова, извѣстные обороты, разнообразныя стили-

стическія построенія,—все это первоначально входитъ въ ихъ собственный языкъ и затѣмъ служитъ основаніемъ для образованія самостоятельныхъ формъ рѣчи, какъ въ устномъ, такъ и письменномъ изложеніи.

г) Посредствомъ объяснительнаго чтенія въ вышеуказанномъ отдѣлѣ курса расширяется кругъ практическихъ свѣдѣній учениковъ.

д) Наконецъ, на объяснительномъ чтеніи сообщается ученикамъ умѣнье съ успѣхомъ употреблять чтеніе, какъ средство сообщенія заключающихся въ нихъ духовныхъ сокровищъ другимъ.

Эти цѣли и послужили основаніемъ для составленія программы объяснительнаго чтенія на каждый годъ курса городского училища. Изъ самой программы можно видѣть, что та или другая цѣль въ отдѣльности проводится во всемъ курсѣ рядомъ послѣдовательныхъ ступеней, переходя отъ простыхъ упражненій къ сложнымъ. Общій же ходъ поступательнаго движенія учениковъ въ этомъ занятіи представляеть три главные момента. Въ первомъ моментѣ (1 и 2 годы), преимущественно достигается механизмъ чтенія. Во второмъ—(3-й и 4-й годы курса) съ объяснительнымъ чтеніемъ уже въ значительной степени соединяются попытки къ самостоятельнымъ словеснымъ построеніямъ, которымъ впрочемъ не дается никакихъ теоретическихъ опредѣленій, даже никакой строгой стилистической формы. Въ третьемъ моментѣ (5-й и 6-й годы курса) объяснительное чтеніе является главнымъ образомъ упражненіемъ въ выразительномъ чтеніи и средствомъ для развитія умственнаго и словеснаго творчества, причемъ словеснымъ построеніямъ придаются правильныя и стилистическія формы и сообщаются теоретическія опредѣленія этихъ формъ.

Въ нашей педагогической литературѣ нѣтъ ни одного систематическаго руководства, въ которомъ бы послѣдовательно былъ развитъ курсъ объяснительнаго чтенія, требуемый для городскихъ училищъ. Поэтому необходимо дѣлать для него подборъ матеріала и методическихъ пособій изъ различныхъ книгъ, между которыми самъ учитель, по руководству предлагаемой программы, долженъ установить органическую связь и послѣдовательность.

Для 1-го и 2-го года вполне удовлетворяющими книгами служатъ 1-й и 2-й г. „Роднаго Слова“ К. Д. Ушинскаго. Какъ составъ, такъ и распредѣленіе матеріала въ этихъ книгахъ вполне соответствуютъ курсу городского училища; къ нимъ и пригнѣнана программа объяснительнаго чтенія за означенные годы. При чтеніи „Род-

наго Слова", учитель долженъ руководствоваться указаніями самого Ушинскаго, сообщаемыми имъ въ прибавленіи для учителей: „Руководство“ къ преподаванію по „Родному Слово“ ч. 1-я.

Гораздо труднѣе указать руководство для 3-го и 4-го годовъ курса. Христоматія Полеваго, назначенная въ программѣ книгою для чтенія, представляетъ удобство только со стороны разнообразія помѣщенного тамъ матеріала. Но въ ней совсѣмъ нѣтъ требуемой системы въ распредѣленіи статей; для установленія послѣдней предлагаются методическія пособія Гаврилова: „Стилистическія задачи“ и „Письменные упражненія“. Въ указанныхъ руководствахъ учителя могутъ найти образцы всѣхъ словесныхъ и письменныхъ упражненій, какія должны быть соединены съ объяснительнымъ чтеніемъ въ 3-мъ и 4-мъ годахъ.

Въ 5 и 6 годахъ курса христоматія Басястова, если не въ такой же степени, какъ „Родное Слово“, то весьма близко отвѣчаетъ потребностямъ курса городского училища. Чтеніе по этой книгѣ должно сообразоваться съ методическими наставленіями, изложенными составителемъ ея въ особой брошюрѣ: „Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка“.

В. *Изученіе грамматики* въ городскомъ училищѣ имѣетъ цѣлю: а) дать основаніе правописанію; б) содѣйствовать развитію мысленія посредствомъ наблюденія надъ фактами языка и в) содѣйствовать образованію правильнаго языка чрезъ изученіе грамматическаго строя рѣчи.

Грамматическія положенія, насколько они касаются языка, какъ орудія для выраженія мысли, иначе не могутъ быть разъяснены, какъ въ связи съ логическими основаніями, по которымъ образуются извѣстнаго рода грамматическія формы. Между тѣмъ потребность въ грамматикѣ со стороны правописанія является гораздо раньше, чѣмъ ученики бываютъ въ состояніи освоиваться съ какими либо логическими положеніями. Въ виду этого, прежде систематическаго изученія грамматики въ 1-мъ и 2-мъ годахъ ведется рядъ приготовительныхъ грамматическихъ упражненій, въ которыхъ или чисто практически, или въ связи съ отрывочными и упрощенными грамматическими правилами, сообщаются правила правописанія, какія требуются при первоначальныхъ письменныхъ работахъ.

Между употребляемыми учебниками нѣтъ ни одного, въ которомъ бы съ надлежащею послѣдовательностью обработана была система приготовительныхъ грамматическихъ упражненій и изыскательный ме-

тодь, давно прилагаемый къ учебникамъ по другимъ предметамъ школьнаго обученія, къ правописанію примѣненъ впервые и единственно въ книжкѣ Пущиковича „Первые два года обученія правописанію“. Съ этой стороны руководство Пущиковича предпочтительно предъ всѣми остальными рекомендуется городскимъ учителямъ въ употребленіе. Для избѣжанія излишней траты времени, а также и для установленія болѣе послѣдовательнаго порядка въ упражненіяхъ, ниже предлагается программа, по которой и дѣлается выборка матеріала изъ руководства.

Матеріалъ упражненій распредѣляется такимъ образомъ, что сначала сосредоточивается вниманіе на орфографическихъ затрудненіяхъ, выясняемыхъ посредствомъ одного звуковаго анализа; далѣе слѣдуетъ изученіе орфографическихъ правилъ о гласныхъ твердыхъ и мягкихъ, измѣняющихъ свое произношеніе въ сочетаніи съ согласными шипящими; затѣмъ сообщаются нѣкоторые элементарныя положенія изъ грамматики, съ которыми связываются правила, касающіеся постановки знаковь препинанія и правописанія окончаній словъ.

Первая ступень: а) звуковая диктовка словъ многосложныхъ; б) звуковая диктовка словъ съ большимъ нарощеніемъ согласныхъ; в) приученіе различать въ словѣ два одинаковые звука, стоящіе рядомъ; г) различеніе твердыхъ окончаній отъ мягкихъ (различное употребленіе ѣ и ѣ); д) упражненія на слогахъ, въ которыхъ ѣ пишется въ срединѣ; е) опущеніе слышимаго ѣ послѣ буквы ч.

Вторая ступень: а) различеніе въ произношеніи и письмѣ звуковъ а и я, у и ю; указаніе на замѣну слышимыхъ я и ю буквами а и у въ письмѣ послѣ ч и ш; б) различіе въ произношеніи и письмѣ звуковъ ы и и; замѣна въ письмѣ слышимаго ы буквою и послѣ ж и ш.

Третья ступень: а) понятіе о предметѣ; б) понятіе о предложеніи и его частяхъ (подлежащее рѣчи и сказуемое); в) постановка точки; г) указываніе вопросовъ, на которые отвѣчаетъ подлежащее, при чемъ объясняется и различіе между предметами, названія которыхъ отвѣчаютъ на вопросы кто и что; д) ознакомленіе съ объяснительными словами, при чемъ указываются различные вопросы, на которые они отвѣчаютъ и выясняется разница между что подлежащаго и что объяснительнаго слова; е) правила о запятой въ предложеніи между словами, отвѣчающими на одинъ и тотъ же вопросъ и при перечисленіи.

Четвертая ступень: а) различеніе въ письмѣ смѣшиваемыхъ въ произношеніи третьяго лица единственнаго числа (молятся) и неопре-

дѣленнаго наклоненія (молиться) въ глаголахъ на ся; б) правила о постановкѣ ѣ въ концѣ названій предметовъ по вопросамъ: кому—чему, о комъ—о чемъ, гдѣ, при комъ—при чемъ, на комъ—на чемъ, въ комъ—въ чемъ? в) объ употребленіи буквы е въ концѣ именъ предметовъ, отвѣчающихъ на вопросы—куда? и что?

Пятая ступень: а) понятіе объ основѣ слова; б) указаніе, гдѣ вмѣсто слышимаго а въ основѣ слова нужно писать о; в) указаніе, какъ слѣдуетъ отличать въ основѣ словъ смѣшываемыя въ произношеніи буквы б и п, в и ф, д и т, з и с, ж и ш, и и к, и и х; г) указаніе буквъ, которыя въ нѣкоторыхъ словахъ вовсе не произносятся (т: мѣстность, окрестность, тростникъ); д) употребленіе буквы ѣ въ основѣ словъ послѣ различныхъ согласныхъ.

На третьемъ году курса начинается систематическое изученіе русской грамматики и проводится въ остальные четыре года двумя концентрическими кругами: сначала въ видѣ краткаго курса элементарной грамматики (3-й и 4-й годы), потомъ въ формѣ курса повторительнаго, распространеннаго дополненіями.

Въ краткомъ курсѣ элементарной грамматики имѣется въ виду ознакомить учениковъ съ значеніемъ и построеніемъ всѣхъ грамматическихъ формъ, наиболее употребительныхъ въ живомъ языкѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются и всѣ орфографическія правила, основанныя на синтаксическихъ и этимологическихъ формахъ. Руководствомъ для этого курса предлагается „Учебникъ русскаго языка по генетической методѣ“ Седитренникова, состоящій изъ двухъ частей: *практической*, въ которой содержатся статьи и примѣры для вывода грамматическихъ правилъ, и *теоретической*,—гдѣ изложены самыя правила. Способъ преподаванія по указанному учебнику состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Въ классной бесѣдѣ разбираются примѣры, помѣщенные въ практической части, или придуманные по образцу ихъ самимъ учителемъ и посредствомъ этого разбора выводятся грамматическія правила, приблизительно къ той формѣ, какъ они изложены въ теоретической части учебника.

б) Выведенное такимъ образомъ правило закрѣпляется собственными примѣрами учениковъ, которыми и указывается, насколько вѣрно они поняли и усвоили сущность этого правила.

в) Каждый классный урокъ грамматики сопровождается частными работами, которыя состоятъ въ изученіи разъясненныхъ въ классѣ правилъ по учебнику (въ теоретической части) и письменномъ изло-

женіи разнаго рода граматическихъ упражненій, предлагаемыхъ въ практической части учебника.

г) Изученіе орфографическихъ правилъ закрѣпляется въ понятіи учениковъ посредствомъ повѣрочнаго диктанта изъ нарочито составленныхъ фразъ и выбранныхъ статей.

Повторительный курсъ грамматики, какъ означено въ программѣ, состоитъ въ повтореніи изученнаго въ предыдущемъ курсѣ съ дополненіями, касающимися наиболѣе сложныхъ и исключительныхъ формъ языка, которыя въ краткомъ курсѣ обыкновенно опускаются. Такъ въ этомъ курсѣ прежде всего изучаются главнѣйшіе законы русской фонетики, съ цѣлю поясненія фонетическихъ правилъ правописанія. Затѣмъ, при повтореніи правилъ синтаксиса, подробнымъ образомъ рассматриваются различные способы выраженія подлежащаго, сказуемаго, пояснительныхъ словъ, придаточныхъ предложеній и предложеній составныхъ. Курсъ заканчивается изученіемъ періодовъ.

Въ связи съ синтаксисомъ изучаются въ системѣ всѣ правила о препинаніяхъ употребляемыхъ въ предложеніяхъ и періодахъ.

Изъ этимологій сообщаются исключительныя формы существительныхъ (составное склоненіе), числительныхъ (составныя и сложныя) глаголовъ (неполныя); кромѣ того при повтореніи каждой части рѣчи подробно рассматривается правописаніе ея. Такого рода курсъ, очевидно, долженъ быть составленъ самимъ учителемъ посредствомъ подбора дополнительныхъ статей по болѣе полному руководству грамматики. Для этой цѣли лучше другихъ можетъ служить грамматика Кирпичникова, въ которой всѣ вышеназванныя статьи изложены отдѣльными параграфами, которые легко и могутъ быть выдѣляемы изъ учебника и вносимы въ повторительный курсъ. Означенный учебникъ нѣтъ надобности давать ученикамъ: правила, извлекаемые изъ него, выводятся въ классѣ изъ разбора примѣровъ и въ сжатомъ изложеніи записываются учениками въ тетради, при чемъ ученики должны къ каждому правилу подбирать собственные примѣры.

Г. *Церковнославянское чтеніе* вводится въ курсъ городского училища со втораго года, но уже когда ученики ознакомятся съ основными понятіями изъ русской грамматики и чрезъ это приобрѣтутъ возможность путемъ сравненій легко осваиваться съ грамматическими формами церковнославянскаго языка; въ это время и самый славянский текстъ для нихъ будетъ болѣе или менѣе доступенъ.

Цѣль занятій церковнославянскимъ чтеніемъ исключительно практическая—довести учениковъ до умѣнья свободно читать и понимать

церковнославянскій текстъ въ наиболѣе правильномъ и легкомъ изложеніи. Для этого нѣтъ надобности въ полномъ и самостоятельномъ изученіи грамматики, а достаточно взять лишь необходимѣйшія правила, безъ которыхъ невозможно точное пониманіе текста, но сообщить эти правила практически на чтеніи и разборѣ выбранныхъ мѣстъ изъ славянской книги, при чемъ особенности церковнославянскихъ формъ выясняются по сравненію съ формами русскими.

Изученіе славянской грамматики можетъ быть проходимо по ниже слѣдующей программѣ, распредѣленіе которой по годамъ курса должно идти параллельно съ курсомъ грамматики языка русскаго, и по ближайшему усмотрѣнію самого учителя.

Изученіе церковнославянской этимологій въ главнѣйшихъ формахъ. Ему предпосылается нѣсколько замѣчаній, безъ которыхъ нельзя приступить къ правильному чтенію церковнославянскаго текста, а именно: объ отличіи церковнославянской азбуки отъ русской; о числовомъ значеніи славянскихъ буквъ до 100; о славянскихъ знакахъ строчныхъ и надстрочныхъ. Затѣмъ слѣдуютъ—чтеніе и разборы, на которыхъ сообщаются: а) парадигмы правильныхъ склоненій существительныхъ; б) склоненіе мѣстоименій; в) парадигмы правильныхъ склоненій прилагательныхъ; степени сравненія прилагательныхъ въ правильныхъ формахъ; г) склоненіе числительныхъ количественныхъ и порядковыхъ простыхъ; д) спряженіе вспомогательнаго глагола *смѣ*; парадигмы спряженій глаголовъ правильныхъ; е) изученіе употребительныхъ формъ изъ неправильныхъ склоненій и спряженій; ж) склоненіе существительныхъ, оканчивающихся на *ѣ*, *а*, *о* съ нарощеніемъ; склоненіе словъ *мати*, *дщи*; з) неправильно образовавшіяся степени сравненія въ именахъ прилагательныхъ; и) склоненіе числительныхъ составныхъ; к) спряженіе глаголовъ неправильныхъ (архаическихъ)—*ѣмь*, *дамь*, *имамь*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются слѣдующія правила изъ славянскаго синтаксиса: а) согласованіе подлежащаго и сказуемаго въ славянскомъ языкѣ; б) употребленіе при нѣкоторыхъ глаголахъ двухъ винительныхъ и двухъ именительныхъ падежей; в) особенное употребленіе прилагательныхъ и причастій съ краткимъ окончаніемъ; г) употребленіе дательнаго самостоятельнаго; д) употребленіе мѣстнаго падежа.

Дальше вышеназложеннаго изученіе славянской грамматики не простирается и учитель сосредоточиваетъ дальнѣйшее дѣло на одномъ чтеніи и разборѣ, при которыхъ посредствомъ подробныхъ вопросовъ постоянно дѣлается повтореніе грамматическихъ правилъ, изученныхъ

прежде. Подобно тому производится и провѣрка познаній въ церковно-славянскомъ языкѣ на экзаменѣ: отъ учениковъ не требуется научныхъ теоретическихъ отвѣтовъ по билетамъ изъ грамматики, а требуется только свободное чтеніе, правильный разборъ и точный переводъ славянскаго текста.

Книгою для церковнославянскаго чтенія должно служить святое евангеліе въ новославянскомъ текстѣ. Учебникомъ для изученія грамматики рекомендуется: „Грамматика славянско-церковнаго языка новаго періода“ В. Классовскаго (2-е изданіе).

Д. *Письменные упражненія*, какъ и выше было указано, опредѣляются системой всѣхъ другихъ занятій, съ которыми они связаны. Весь послѣдовательный ходъ ихъ сводится къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ видамъ. Въ первомъ видѣ письменныя упражненія представляютъ простое воспроизведеніе даннаго матеріала и формы (списываніе, письмо наизусть). Во второмъ видѣ данное содержаніе, или матеріалъ, излагается въ иной измѣненной формѣ. Въ третьемъ видѣ, на оборотъ, въ данную форму влагается новый, собственный матеріалъ. Въ четвертомъ видѣ содержаніе и форма на данную тему приписываются самими учащимися.

Относительно способовъ веденія письменныхъ работъ необходимо имѣть въ виду слѣдующія замѣчанія: а) письменныя работы преимущественно заготавливаются на классной бесѣдѣ, при чемъ учитель долженъ предусмотрѣть и разъяснить всѣ затрудненія, могущія встрѣтиться ученикамъ при выполненіи задачи; б) изъ предыдущаго уже слѣдуетъ и то, что каждая классная письменная работа должна быть общая для всѣхъ учениковъ (отступленія отъ этого правила допускаются только въ послѣднихъ годахъ курса, когда ученики пишутъ сочиненія съ самостоятельнымъ содержаніемъ); в) исправленіе каждой письменной работы производится также по преимуществу въ классѣ, при общемъ участіи всѣхъ учениковъ, при чемъ каждый ученикъ самъ и дѣлаетъ поправки въ своей тетради,—такъ что учителю послѣ приходится провѣрять учениковъ только въ томъ, насколько внимательно они слѣдили за класснымъ исправленіемъ (сочиненія съ самостоятельнымъ содержаніемъ и формой если не во всѣхъ частяхъ, то въ планѣ и въ отдѣльныхъ мѣстахъ также могутъ подвергаться общему разбору въ классѣ).

ПРОГРАММА АРИΘМЕТИКИ.

Первый годъ.

(4 урока въ недѣлю).

1. Изученіе чиселъ первыхъ трехъ десятковъ.
2. Обозначеніе этихъ чиселъ цифрами.
3. Замѣна словъ, выражающихъ разныя сочетанія между числами посредствомъ знаковъ.
4. Умственные и письменныя задачи въ предѣлѣ этихъ чиселъ.

Второй годъ.

(4 урока въ недѣлю).

1. Счетъ, написаніе и различныя отношенія между числами первой сотни.
2. Таблица умноженія.
3. Выдѣленіе четырехъ дѣйствій и случаи приложенія каждаго дѣйствія при рѣшеніи задачъ. Выдѣленіе и опредѣленіе элементовъ каждаго дѣйствія. Измѣненіе результатовъ дѣйствія отъ измѣненія величины элементовъ.
4. Умственные и письменныя задачи въ предѣлѣ первой сотни.

Третій годъ.

(6 уроковъ въ недѣлю).

1. Понятіе объ именованныхъ числахъ. Изученіе употребляемыхъ въ Россіи мѣръ; единичныя отношенія, которыя не болѣе 100.
2. Письменное производство дѣйствій надъ составными именованными числами въ предѣлѣ первой сотни, какъ приложеніе изученія чиселъ этой группы.
3. Счетъ и написаніе чиселъ отъ 1 до 1000. Изученіе чиселъ этой группы, основанное на рѣшеніи задачъ.
4. Механизмъ четырехъ дѣйствій надъ числами отвлеченными въ этомъ предѣлѣ, по аналогіи съ составными именованными числами.
5. Ознакомленіе учащихся съ обыкновенными русскими счетами; сложеніе и вычитаніе на счетахъ.

Четвертый годъ.

(6 уроковъ въ недѣлю).

1. Нумерація чиселъ любой величины.
2. Четыре дѣйствія съ числами любой величины.

3. Мѣры поверхностей и объемовъ тѣлъ, а также четыре дѣйствія надъ несоставными и составными числами тѣхъ мѣръ.

4. Элементарный курсъ обыкновенныхъ дробей: происхожденіе дробей; увеличиваніе и уменьшеніе дробей; сокращеніе, сложеніе и вычитаніе дробей; нахожденіе одной или нѣсколькихъ частей даннаго числа; нахожденіе цѣлаго по даннымъ частямъ и содержаніе дробей въ цѣломъ и дробномъ числѣ.

Примѣчаніе. При этомъ разсматриваются дроби, знаменатель которыхъ не болѣе 100 и знаменатели дробей, получающихся въ результатъ дѣйствій надъ этими дробями и не превышающихъ также этого предѣла.

5. Устное и письменное рѣшеніе задачъ на изученныя правила.

Пятый годъ.

(5 уроковъ въ недѣлю).

1. Признаки дѣлимости чиселъ и разложеніе чиселъ на простые множители.

2. Нахожденіе наименьшаго кратнаго числа и общаго наибольшаго дѣлителя.

3. Систематическій курсъ обыкновенныхъ дробей. Дѣйствія надъ дробными именованными числами.

4. Десятичныя дроби и дѣйствія надъ ними. Обращеніе десятичныхъ дробей въ обыкновенныя и обыкновенныхъ въ десятичныя, признаки безконечнаго дѣленія при обращеніи обыкновенныхъ дробей въ десятичныя. Периодическія десятичныя дроби и обращеніе ихъ въ обыкновенныя. Совокупность дѣйствій надъ дробями обыкновенными и десятичными, какъ отвѣченными, такъ и именованными.

Метрическая система мѣръ и ея преимущества предъ другими системами.

5. Устное и письменное рѣшеніе задачъ на изученныя правила. Рѣшеніе задачъ на тройныя правила по способу приведенія къ единицѣ.

Шестой годъ.

(5 уроковъ въ недѣлю).

1. Отношенія и пропорціи. Рѣшеніе по способу пропорцій задачъ на правила тройныя, процентовъ, учета векселей, товарищества и смѣшенія.

2. Составленіе формулы рѣшенія задачи посредствомъ обозначенія всѣхъ дѣйствій надъ числами, данными въ задачѣ.

3. Повтореніе всего курса ариметики.

4. Рѣшеніе задачъ посредствомъ составленія простѣйшихъ уравненій 1-й степени съ 1 и 2-мя неизвѣстными.

ПРОГРАММА ГЕОМЕТРІИ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Бесѣды о геометрическихъ тѣлахъ: кубѣ, призмахъ, пирамидахъ, цилиндрѣ, конусѣ и шарѣ.

Цѣль этихъ бесѣдъ должна состоять: а) въ приобрѣтеніи учениками достаточнаго запаса геометрическихъ представленій, необходимыхъ для усильнаго изученія дальнѣйшаго курса геометріи, б) въ уясненіи ученикамъ основныхъ геометрическихъ понятій: тѣло, поверхность, линія и точка и с) въ приученіи учениковъ къ точному и свѣдѣнному геометрическому языку.

Бесѣды же могутъ быть ведены по слѣдующей программѣ:

1. Кубъ; грани, ребро и вершины его. Расположеніе этихъ элементовъ при различныхъ положеніяхъ куба.

2. Прямая правильная четырехгранная призма. Повтореніе перечисленныхъ выше понятій и выясненіе понятія объ углахъ. Уши: трехгранные, двухгранные и липейные.

3. Прямая трех-гранная правильная призма. При этомъ, кромѣ повторенія ранѣе перечисленныхъ понятій, выясняются понятія о прямыхъ и косыхъ углахъ и фигурахъ: четырехугольникѣ, прямоугольникѣ, квадратѣ и треугольникѣ.

4. Шестигранная правильная призма. Повтореніе предыдущихъ понятій и выясненіе понятія о параллельныхъ линіяхъ и гранахъ.

5. Наклонная четырех-гранная призма. Понятіе о различныхъ положеніяхъ линіи относительно плоскости и двухъ плоскостей.

Плоскости и липіи: горизонтальная и вертикальная. Общее понятіе о призмѣ.

6. Пирамиды. Понятіе о различныхъ видахъ треугольниковъ и многогранномъ углѣ.

7. Цилиндръ. Окружность и кругъ. Плоская и кривая поверхности. Образованіе цилиндра отъ вращенія прямоугольника около одной изъ его сторонъ.

8. Конусъ и шаръ по той же программѣ.

9. Выводы основныхъ геометрическихъ понятій.

Курсъ сопровождается упражненіями въ черченіи всѣхъ объясняемыхъ фигуръ отъ руки и гдѣ возможно помощію инструментовъ: линейки, чертежнаго треугольника и циркуля, а равно и другими упражненіями въ черченіи прямолинейныхъ фигуръ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Въ этомъ году ученики изучаютъ подробнѣе нѣкоторыя изъ фигуръ и тѣхъ, разсмотрѣнныхъ ими въ предыдущемъ и знакомятся съ приемами измѣренія площадей и объемовъ. Курсъ ведется по слѣдующей программѣ:

1. Линіи прямыя и кривыя (окружность), свойство прямой линіи; черченіе прямыхъ линій; измѣреніе прямыхъ линій. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе прямыхъ линій.

2. Взаимное положеніе двухъ прямыхъ линій. Уголъ. Сравненіе угловъ. Сложеніе, вычитаніе и умноженіе угловъ. Смежные углы и прямые углы. Свойство прямаго угла. Прямой уголъ, какъ мѣра угловъ. Углы острые и тупые. Свойство смежныхъ угловъ. Противоположные углы и ихъ свойство.

3. Перпендикуляръ и наклонныя линіи. Свойство перпендикуляра: черезъ данную точку къ данной прямой можно провести только одинъ перпендикуляръ.

4. Перпендикуляръ короче наклонной, проведенной изъ одной съ нимъ точки. Свойство наклонныхъ равноудаленныхъ и неравноудаленныхъ отъ основанія перпендикуляра. Свойство точекъ перпендикуляра, восстановленнаго изъ середины прямой. Черченіе перпендикулярныхъ линій помощію циркуля и линейки на основаніи предшествующихъ теоремъ.

5. Параллельныя линіи. Двѣ линіи, перпендикулярныя къ третьей, параллельны между собою. Аксиомы о перпендикулярѣ и наклонной къ той же прямой. Разстояніе между параллельными линіями. Черезъ данную точку можно провести только одну параллельную къ данной прямой. Черченіе параллельныхъ линій помощію циркуля и линейки на основаніи изученныхъ теоремъ. Проведеніе прямыхъ линій на мѣстности; ознакомленіе учащихся съ главнѣйшими землемѣрными инструментами и простѣйшими угломерными снарядами (колья, вѣхи, мѣрная веревка, землемѣрная цѣпь, отвѣсъ, плотничный ватерпасъ, эскеръ и т. п. Рѣшеніе основныхъ задачъ на мѣстности: проведеніе

и измѣреніе прямыхъ линій; построеніе угловъ; равныхъ даннымъ; проведеніе перпендикулярныхъ, наклонныхъ и параллельныхъ; рѣшеніе простѣйшихъ задачъ на мѣстности, на примѣръ, опредѣленія разстояній между предметами доступными и недоступными, измѣреніе высотъ предметовъ и тому под.

6. Прямоугольникъ. Свойство его сторонъ. Условія равенства прямоугольниковъ. Построеніе прямоугольника, равнаго данному. Построеніе прямоугольника по данной высотѣ и основанію. Отношеніе площадей прямоугольниковъ съ различными высотами и равными основаніями, съ различными основаніями и равными высотами. Построеніе прямоугольниковъ въ нѣсколько разъ больше данныхъ.

7. Квадратъ. Построеніе квадрата. Квадратъ, какъ мѣра площадей. Площадь прямоугольника. Площадь квадрата. Фигуры равныя и равновеликія по площади.

8. Понятіе о подобіи многоугольниковъ. Черченіе подобныхъ прямоугольниковъ. Понятіе о масштабѣ и планѣ. Черченіе плановъ прямоугольных мѣстъ: классной комнаты, училища, училищнаго двора и тому подобное.

9. Прямой прямоугольный параллелепипедъ. Условія равенства прямыхъ прямоугольных параллелепипедовъ. Отношеніе объемовъ прямоугольных параллелепипедовъ съ различными высотами и равными основаніями, съ различными основаніями и равными высотами.

10. Кубъ, какъ мѣра объемовъ. Объемъ прямого прямоугольнаго параллелепипеда. Объемъ куба. Курсъ долженъ сопровождаться рѣшеніемъ возможно большаго числа задачъ на вычисленіе и нѣкоторыхъ задачъ на построеніе.

Пятый и шестой годы.

1. Отношеніе между центральными углами и соотвѣствующими имъ дугами. Измѣреніе угловъ.

2. Повтореніе пройденнаго о параллельныхъ линіяхъ въ предыдущемъ классѣ. Углы, образующіеся при пересѣченіи двухъ параллельныхъ съ третьей линіей. Свойство этихъ угловъ. Углы, которыхъ стороны относительно параллельны и перпендикулярны.

3. Треугольникъ. Свойство его сторонъ и угловъ. Различныя виды треугольниковъ. Условія равенства треугольниковъ. Зависимость между сторонами и углами треугольника.

4. Различныя виды многоугольниковъ. Сумма угловъ многоугольника. Правильные многоугольники.

5. Виды четырехугольниковъ. Свойство параллелограммовъ.

6. Окружность и прямая линія въ ней. Зависимость между дугами и стягивающими ихъ хордами,—между хордами и расстояніями ихъ отъ центровъ. Свойство касательной. Взаимное положеніе двухъ окружностей. Углы, вписанные въ кругъ. Фигуры, вписанныя въ кругъ и описанныя около него. Опредѣленіе длины окружности.

7. Подобные треугольники. Свойство сходственныхъ сторонъ. Подобные многоугольники. Масштабъ. Съёмка плановъ. Мензула, астролябія.

8. Измѣреніе площадей. Площадь параллелограмма, треугольника, трапеціи, многоугольника, круга.

Отношеніе площадей. Пифагорова теорема. Обращеніе многоугольника въ треугольникъ. Обращеніе фигуръ въ квадратъ. Увеличеніе и уменьшеніе фигуръ.

9. О линіяхъ и плоскостяхъ въ пространствѣ. Двугранные углы. Многогранные углы.

10. Тѣла: пирамида, призма, параллелепипедъ, цилиндръ, конусъ и шаръ.

11. Поверхности многосторонниковъ: правильной пирамиды, полной и усѣченной, прямой призмы, цилиндра, конуса и шара.

12. Измѣреніе объемовъ: параллелипеда, призмы, пирамиды, цилиндра, конуса и шара.

Общій обзоръ курса геометріи и примѣненіе выработанныхъ данныхъ къ дѣйствіямъ на мѣстности. Понятіе о нивелированіи.

Курсъ сопровождается рѣшеніемъ задачъ на построеніе и вычисленіе.

Сокращенный курсъ ариметики и геометріи.

АРИΘΜΕΤΙΚΑ.

Курсъ ариметики, проектированный нормальною программой, включаетъ въ себя только статьи, существенно необходимыя для каждаго изъ учениковъ, оканчивающаго курсъ въ городскомъ училищѣ; а потому курсъ этотъ, какъ минимумъ требованій, долженъ войти безъ сокращеній какъ въ двухклассныя, такъ и въ одноклассныя городскія училища.

Для сихъ послѣднихъ училищъ, если то окажется необходимымъ, можетъ быть исключенъ только пунктъ 4-й (6 года), заключающій

въ себѣ: „Рѣшеніе задачъ посредствомъ составленія простѣйшихъ уравненій 1-й степени съ 1-мъ и съ 2-мя неизвѣстными“.

ГЕОМЕТРІЯ.

Въ курсѣ геометріи для одноклассныхъ городскихъ училищъ сокращенія, сравнительно съ арифметикою, могутъ быть допущены въ большемъ объемѣ, а именно:

Для таковыхъ училищъ по предмету геометріи можетъ быть исключенъ курсъ 5-го и 6-го года.

Статьи, необходимыя для полноты первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи, могутъ быть выдѣлены изъ этого двухгодичнаго курса и перенесены въ курсъ 4-го года, слѣдующимъ образомъ:

а) Къ пункту 2-му (4-го года) должна быть прибавлена статья объ измѣреніи угловъ дугами.

б) Къ пункту 4-му статья: „О треугольникахъ, ихъ равенствѣ по зависимости между ихъ сторонами и углами“.

в) Къ пункту 5-му: „О суммѣ угловъ треугольниковъ и многоугольниковъ“.

д) Пунктъ 8-й долженъ быть нѣсколько распространенъ, именно такимъ образомъ:

„Понятіе о подобіи треугольниковъ и многоугольниковъ. Черченіе подобныхъ треугольниковъ, четырехугольниковъ и многоугольниковъ вообще. Понятіе о масштабѣ и планѣ. Черченіе плановъ прямоугольныхъ мѣстъ: классной комнаты, училища и т. д., а также прямоугольныхъ многоугольниковъ, напримѣръ училищнаго двора, даннаго участка земли и тому подобное“.

Остальные пункты нормальной программы остаются безъ измѣненія.

ПРОГРАММА ИСТОРІИ

(русской и всеобщей) и объяснительная записка касательно ея выполненія.

Объемъ и составъ курса исторіи въ городскомъ училищѣ опредѣляются количествомъ, удѣляемымъ для преподаванія ея уроковъ, возрастомъ и степенью развитія учащихся, характеромъ курса и цѣлями, преслѣдуемыми школою при преподаваніи исторіи.

Что касается числа уроковъ, то очевидно, что при шести урокахъ, предназначенныхъ въ распредѣленіи занятій въ городскихъ училищахъ на преподаваніе исторіи, объемъ курса исторіи не можетъ отличаться пространностью, иначе пришлось бы выполнить лишь

весьма небольшую часть его. Но и при большемъ числѣ уроковъ расширение курса исторіи въ городскомъ училищѣ могло бы быть допущено лишь съ крайнею осторожностію, иначе объемъ курса исторіи расширился бы въ ущербъ содержательности его и влиянію его на умственное развитіе учащихся и превратился бы въ сухой конспективный историческій обзоръ. Курсъ исторіи въ городскомъ училищѣ долженъ обнимать собою лишь разказъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ изъ отечественной исторіи съ необходимыми дополненіями изъ исторіи всеобщей. Но выполненіе курса исторіи и въ этомъ объемѣ представляетъ въ городскихъ училищахъ трудную задачу. Извѣстно, что чѣмъ менѣе развитъ ученикъ, тѣмъ больше требуется времени, чтобы выяснитъ ему то или другое явленіе, противъ того, сколько потребовалось бы времени для болѣе развитаго ученика. Возрастъ и развитіе учениковъ городского училища болѣею частію требуютъ много времени и усилій со стороны преподавателя исторіи для того, чтобы не только разказать, но и выяснитъ содержаніе каждаго урока исторіи, что обусловливается самою сущностію предмета. При недостаточномъ развитіи учениковъ, расширение курса исторіи въ объемѣ должно считаться крайне нецѣлесообразнымъ, потому что чѣмъ менѣе развиты ученики, тѣмъ менѣе способны они обнимать сложную массу явленій, понимать ихъ связь и отношеніе и тѣмъ скорѣе затеряются они въ массѣ фактовъ. Поэтому преподавателю необходимо долѣе остановиться на каждомъ явленіи, полнѣе освѣтитъ и запечатлѣть его въ памяти и представленіи ученика. При маломъ развитіи учениковъ, необходимо также преподавателю какъ можно чаще возвращаться къ пройденному, къ повторенію, чтобы при этомъ указать и выяснитъ связь предшествующаго съ послѣдующимъ. Расширеніе курса исторіи можетъ быть необходимо лишь въ систематическомъ курсѣ, приближающемся болѣе или менѣе къ научному изложенію предмета и имѣющему въ виду связное, строго послѣдовательное изложеніе событій въ ихъ причинной связи. Въ городскомъ же училищѣ курсъ исторіи, какъ и всякаго другаго предмета преподаванія, не долженъ представлять систематически научное изложеніе его, а элементарное, такъ какъ ученики по своему развитію способны еще понимать лишь отдѣльныя выдающіяся явленія, интересоваться отдѣльными лицами, воспринимать лишь конкретные образы, а не отвлеченное изложеніе историческихъ событій. Поэтому элементарный курсъ исторіи долженъ имѣть эпизодно-біографическій характеръ, т. е. долженъ состоять изъ біографій замѣча-

тельныхъ историческихъ дѣятелей и эпизодовъ о важнѣйшихъ событіяхъ. При такомъ характерѣ курса исторіи въ городскихъ училищахъ, преподавателю естественно представляется больше простора въ выборѣ матеріала и, стало быть, въ этомъ отношеніи въ расширеніи или сокращеніи объема курса исторіи. Въ элементарномъ курсѣ могутъ быть пропущены не только многія отдѣльныя явленія, но и цѣлыя періоды, если они не представляютъ особенно замѣчательныхъ явленій, не представляютъ матеріала, подходящаго къ цѣлямъ элементарнаго курса. Такъ какъ элементарная школа преслѣдуетъ, при преподаваніи каждаго предмета не столько расширеніе круга фактическихъ знаній учащихся, сколько развитіе ихъ умственныхъ способностей и нравственныхъ наклонностей, при помощи преподаваемаго матеріала, то и выборъ матеріала долженъ быть самый строгій и разборчивый, а это, несомнѣнно, можетъ только содѣйствовать сокращенію, а не расширенію объема курса.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что какъ количество времени, удѣляемаго въ городскихъ училищахъ преподаванію исторіи, такъ и степень развитія учащихся, и характеръ курса исторіи въ этихъ училищахъ и, наконецъ, цѣль элементарнаго курса исторіи,—всѣ эти условія указываютъ на необходимость сокращенія курса исторіи въ объемѣ, то-есть, ограниченія его лишь наиболѣе выдающимися и доступными дѣтскому возрасту разказами о главнѣйшихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ, преимущественно изъ отечественной исторіи. Но стремясь ограничить объемъ курса предмета посредствомъ тщательнаго выбора матеріала, необходимо всетаки избѣгать большой краткости и сжатости изложенія въ разказѣ о каждомъ отдѣльномъ явленіи или каждой отдѣльной личности. Такая сжатость и краткость изложенія можетъ вести къ сухости и безцвѣтности разказа, можетъ лишить его всякой живости, наглядности. Дѣтскій же умъ, напротивъ, требуетъ больше картинныхъ, пластическихъ, больше живыхъ характерныхъ подробностей. Такіе образы и подробности всего легче схватываетъ ребенокъ и долѣе удерживаетъ въ памяти, что совершенно естественно при сильномъ развитіи воображенія у дѣтей. При слишкомъ же сжатомъ изложеніи предмета, ребенокъ не чувствуетъ никакого удовлетворенія отъ разказа и его память должна работать гораздо больше для удержанія того же количества фактовъ, такъ какъ воображенію не за что уцѣпиться, и память работаетъ одна безъ всякой поддержки. Поэтому ученикъ, прослушавъ или лишь про-

читавши одинъ разъ какой либо живой, пластическій, хотя бы и довольно подробный разказъ, всегда удержитъ изъ него больше и на болѣе долгое время, чѣмъ нѣсколько разъ прочитанный сжатый въ видѣ конспекта разказъ о томъ же явленіи. Можно съ увѣренностью сказать, что какъ бы повидимому ни хорошо усвоилъ ученикъ элементарный курсъ исторіи въ краткомъ изложеніи, этотъ курсъ по необходимости долженъ скоро испариться и остаться непронизительнымъ для умственнаго развитія учащихся. Но съ другой стороны, переполненный подробностями разказъ о какомъ нибудь отдѣльномъ лицѣ или явленіи останется также неяснымъ и сбивчивымъ для неразвитаго слушателя, и онъ не въ состояніи будетъ изъ за множества подробностей услѣдить за нитью разказа и схватить главные моменты жизни того дѣятеля, или событія, о которомъ идетъ рѣчь. Такимъ образомъ только соблюденіе надлежащей мѣры въ подробностяхъ можетъ, при преподаваніи исторіи, вполнѣ вести къ цѣли. Но для этого не существуетъ никакой готовой вышшею норми; все зависитъ отъ педагогическаго такта преподавателя.

Составъ курса исторіи въ городскомъ училищѣ опредѣляется уже элементарнымъ характеромъ его и цѣлями элементарной школы вообще и въ особенности при преподаваніи исторіи.

Очевидно, что при элементарномъ эпизодо-біографическомъ характерѣ курсъ исторіи долженъ состоять изъ біографій замѣчательныхъ дѣятелей и монографическихъ описаній стоящихъ въ связи съ ними замѣчательныхъ событій. Но естественно, что, при томъ же характерѣ, курсъ можетъ значительно разниться по своему составу и содержанию и представлять очень много отгѣнковъ. Элементарный курсъ исторіи для учениковъ III и IV классовъ гимназій и для учениковъ городского училища или сельской школы должны между собой несомнѣнно значительно разниться. Но въ настоящее время не можетъ быть установлена точная программа для преподаванія исторіи въ городскихъ училищахъ по недавности возникновенія самыхъ училищъ и только практическая разработка программы въ школѣ и многосторонній опытъ могутъ указать опредѣленные и вѣрные нормы для точнаго опредѣленія состава курса названнаго учебнаго предмета. Нынѣ возможно лишь приблизительно вѣрное опредѣленіе состава этого курса. Трудность разграниченія состава различныхъ ступеней элементарнаго курса объясняется еще тѣмъ, что элементарный курсъ исторіи для городского училища и низшихъ классовъ гимназій должны различаться между собою не столько числомъ біографій и связан-

ныхъ съ ними историческихъ эпизодовъ, сколько способомъ изложенія того же самаго матеріала. О Владимірѣ святомъ и крещеніи Руси, о Монгольскомъ игѣ, объ Іоаннѣ III, о Петрѣ Великомъ: долженъ знать ученикъ и сельской школы и городского училища: и гимназій, но что должно быть сообщено каждому изъ нихъ о каждомъ изъ указанныхъ историческихъ дѣятелей, это и составляетъ вопросъ въ дѣлѣ преподаванія, и вопросъ, менѣе поддающійся строгому опредѣленному безапелляціонному рѣшенію. Вотъ почему указаніе состава курса исторіи въ городскомъ училищѣ лишь въ самой общей программѣ, не развитой въ подробностяхъ, не можетъ дать точнаго опредѣленнаго понятія о составѣ этого курса. Въ дѣйствительности содержаніе курса исторіи обуславливается выполненіемъ программы не только въ общемъ ходѣ курса, но въ каждомъ отдѣльномъ урокѣ. Но съ другой стороны, нельзя отрицать значенія программы курса и въ общихъ главныхъ чертахъ, такъ какъ ею опредѣляется степень систематичности или эпизодичности курса. И такъ въ составъ курса городского училища должны входить: историческое описаніе данной мѣстности, особенно если она играла важную роль въ отечественной исторіи (какъ напр. Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, Москва, Петербургъ и пр.),—далѣе отечественная исторія въ біографіяхъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей, каковы Владиміръ Святой, Владиміръ Мономахъ, Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный, Мѣинъ и Пожарскій, Петръ Великій, Елизавета Великая, Суворовъ, Александръ I, Кутузовъ, Сперанскій, Александръ II. Въ связи съ біографіями этихъ дѣятелей необходимо выяснитъ такіа существенно важныя явленія отечественной исторіи, какъ крещеніе Руси, распаденіе ея на удѣлы, татарское иго и освобожденіе отъ него, возвышеніе Москвы, смутное время, воцареніе Романовыхъ, сближеніе съ западною Европою, постепенное усиленіе вліянія Россіи на дѣла западной Европы и т. под. Въ связи съ главными явленіями изъ отечественной исторіи должны быть сообщены главнѣйшія, наиболѣе выдающіяся, явленія изъ всеобъемлей исторіи во 1-хъ, изъ исторіи западныхъ и южныхъ Славянъ:—основаніе славянскихъ государствъ, крещеніе ихъ, возвышеніе и паденіе; во 2-хъ, изъ исторіи германскихъ и романскихъ народовъ: возникновеніе германскихъ государствъ, крещеніе ихъ, развитіе папской власти въ католической церкви, крестовые походы, эпоха открытій и изобрѣтеній, возникновеніе реформаци и реакціи католицизма въ лицѣ іезуитовъ, для объясненія такимъ образомъ вліянія ихъ на созданіе церковной уніи въ Польшѣ, Литвѣ и югозападной

Руси и вліяніе этого явленія на возстаніе Малороссіи и присоединеніе ея къ Московскому государству. Далѣе необходимо еще остановиться на возвышеніи Пруссіи въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ это имѣетъ связь съ усиленіемъ вліянія Россіи на дѣла Европы, и на возвышеніи Наполеона,—на его войнахъ и завоеваніяхъ, такъ какъ это имѣетъ связь съ отечественной войной 1812 года,—и наконецъ на освобожденіи Европы отъ владычества Наполеона Александромъ Благословеннымъ, такъ какъ съ этого времени вліяніе Россіи на дѣла Европы еще болѣе увеличивается; въ 3-хъ, что касается другихъ народовъ Европы и Азій въ средніе вѣка, то необходимо дать понятіе также о Византіи, имѣющей ближайшее отношеніе къ Россіи, и объ Арабахъ въ связи съ возникновеніемъ и распространеніемъ магометанства. Что же касается древней исторіи, то изъ исторіи восточныхъ народовъ необходимо дать понятіе въ этнографическомъ очеркѣ о нравахъ и образованности восточныхъ народовъ на столько на сколько, исторія ихъ находится въ связи съ знакомою уже ученикамъ городского училища въ третій годъ священною исторіею, оставляя болѣею частію въ сторонѣ политическую исторію восточныхъ народовъ. Изъ исторіи Греціи необходимо остановиться на легендарномъ періодѣ и дать понятіе хотя бы о главнѣйшихъ мифахъ (Геркулесъ, Тезей и т. п.) и о Троянской войнѣ,—въ историческомъ же періодѣ—на исторіи развитія аѳинскаго могущества посредствомъ ряда біографій замѣчательныхъ дѣятелей аѳинскихъ и заключить исторію Греціи распаденіемъ монархіи Александра Великаго. Изъ исторіи Рима необходимо, давъ понятіе о царскомъ періодѣ, болѣе подробно остановиться на развитіи могущества Рима въ республиканскій періодъ и на началѣ упадка въ періодъ внутреннихъ смутъ. Въ императорскій же періодъ слѣдуетъ остановиться только на правленіи главнѣйшихъ императоровъ изъ династіи Августа, Антонинъ и Константинъ Великомъ и прослѣдить распространеніе и утвержденіе христіанства въ Римской имперіи.

Что касается раздѣленія учебнаго матеріала исторіи по классамъ городского училища, то нужно имѣть въ виду, что преподаваніе исторіи, предполагающее уже извѣстныя подготовительныя свѣдѣнія не можетъ начаться уже въ первый годъ. Преподаваніе исторіи въ городскомъ училищѣ начинается лишь въ третій годъ. Въ этотъ также, какъ и въ четвертый годъ, исторія преподается по одному часу въ недѣлю, въ пятый же и шестой годы по два часа въ недѣлю. При этомъ необходимо воспользоваться этимъ временемъ такимъ об-

разомъ, чтобы въ третій и четвертый годы пройти отечественную исторію въ разказахъ о замѣчательнѣйшихъ лицахъ и событіяхъ, примѣрно въ объемѣ краткой отечественной исторіи Рождественскаго, составленной для народныхъ училищъ. Въ пятый годъ необходимо пройти древнюю исторію приблизительно въ объемѣ руководства Белярминаова, составленнаго для городскихъ училищъ, и наконецъ въ шестой годъ, повторивъ въ главныхъ чертахъ древнюю исторію, необходимо пройти снова отечественную исторію, останавливаясь уже и на болѣе второстепенныхъ явленіяхъ, а главное на внутренней связи событій, насколько это доступно ученикамъ и кромѣ того пополняя курсъ отечественной исторіи необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи, примѣрно въ объемѣ сокращеннаго руководства Белярминаова.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

(1 урокъ въ недѣлю въ продолженіи 32-хъ учебныхъ недѣль въ году).

Устный разказъ преподавателя и повтореніе учениками со словъ послѣдняго разказовъ о слѣдующихъ явленіяхъ и лицахъ изъ отечественной исторіи.

Восточные Славяне, ихъ нравы и обычаи.

Призваніе Варяговъ.

Олегъ и Ольга. Объ Игорѣ и умерщвленіи его (кратко).

Вѣрованія язычниковъ-Славянъ и крещеніе Владиміра и Кіевлянъ; крещеніе Новгородцевъ (лишь упомянуть; то же, что касается внѣшней дѣятельности Владиміра слѣдуетъ опустить).

Ярославъ Мудрый и его завѣщаніе. О Русской Правдѣ (только въ немногихъ словахъ).

Св. Антоній и Феодосій.

Понятіе о раздѣленіи Руси на удѣлы.

Владиміръ Мономахъ. О попыткѣ Андрея Боголюбскаго къ утвержденію единоподдержанія и о большемъ еще раздробленіи Руси послѣ его смерти (только упомянуть для связи съ слѣдующими).

Монгольское иго.

(Подробнѣе разказать только о битвѣ на р. Калкѣ и объ осадѣ пойсками Батия Владиміра и Кіева).

О вліяніи монгольскаго ига и о системѣ управленія Монголовъ на Руси можно еще и не говорить.

Александръ Невскій.

Іоаннъ Калита.

Дмитрій Донской и Куликовская битва.

(О борьбѣ Дмитрія Донскаго съ князьями Суздальскимъ и Тверскимъ слѣдуетъ опустить, также и о митрополитѣ Алексѣѣ).

Іоаннъ III. Существенное о присоединеніи удѣловъ и о покореніи Новгорода, не вдаваясь въ подробное изложеніе внутренняго состоянія Новгорода и борьбы партій.

Сверженіе татарскаго ига (болѣе подробно).

О перемѣнѣ въ отношеніи къ боярамъ и ереси жидовствующихъ (сказать лишь тогда, когда учитель надѣется быть понятымъ).

Іоаннъ Грозный; воспитаніе его, пожаръ Московскій и исправленіе Іоанна, заботы о благѣ народа, упоминаніе о взятіи Казани и о присоединеніи Астраханскаго царства. Перемѣна къ худшему въ Іоаннѣ и жестокости его. Опричнина и св. Филиппъ. Конецъ жизни Грознаго.

Подробности о взятіи Казани, о паденіи ливонскаго ордена и погромъ новгородскій опускаются; о покореніи Сибири и о Ермакѣ лишь упомянуть.

Ворисъ Годуновъ, какъ правитель и какъ царь. О причинахъ прикрѣпленія крестьянъ и учрежденіи патріаршества (лишь указать на самыя явленія).

Появленіе Лжедмитрія 1-го и правленіе его, (въ главныхъ чертахъ). Относительно убійствъ Лжедмитрія 1-го достаточно упомянуть.

О правленіи Василя Шуйскаго и появленіи втораго самозванца въ краткихъ чертахъ, для связи, — и болѣе подробно о патріархѣ Гермогенѣ.

Мининъ и Пожарскій.

Избраніе Михаила Феодоровича; объ усюкоеніи же государства отъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ лишь въ краткихъ чертахъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ и Никонъ. О причинахъ возникновенія раскола (лишь въ главнѣйшихъ чертахъ).

Не упоминаая о бунтахъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, сказать лишь о соборномъ уложеніи.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. О малороссійскихъ казакахъ и о Запорожской Сѣчи до Богдана Хмельницкаго въ немногихъ словахъ.

О борьбѣ за Малороссію съ Польшей лишь упомянуть.

Петръ Великій. Дѣтскіе годы его. Избраніе въ цари. Царевна Софія. Воспитаніе Петра. Потѣшныя. Сверженіе Софіи. Единодержавіе Петра Великаго. О стрѣльцкихъ бунтахъ—въ немногихъ словахъ, опустивъ о движеніи раскольниковъ и о крымскихъ походахъ.

Объ Азовскихъ походахъ и о началѣ флота вратцѣ, лишь для связи.

Первое путешествіе Петра за границу.

Война со Шведами. Основаніе Петербурга. Полтавская битва. Миръ со Шведами.

О ходѣ войны до и послѣ Полтавской битвы въ краткихъ чертахъ; о походѣ же персидскомъ опустить.

О главнѣйшихъ преобразованіяхъ Петра Великаго, но лишь вкратцѣ о преобразованіяхъ административныхъ и сословныхъ. Опустивъ о мѣрахъ Петра относительно раскольниковъ, лишь упомянуть объ отношеніяхъ Петра къ Алексію Петровичу.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Ломоносовъ.

Екатерина II. Ея личность. Сотрудники ея—Ведкій и заботы объ образованіи. О преобразованіяхъ Екатерины II (только упомянуть).

Румянцевъ Задунайскій.

Суворовъ и его походы (въ главныхъ чертахъ).

Императоръ Александръ I и отечественная война.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

(1 урокъ въ недѣлю).

Руководство Рождественскаго для начальныхъ народныхъ училищъ.

Раздѣленіе Славянъ на западныхъ, южныхъ и восточныхъ. Восточные Славяне. Ихъ нравы. Обычаи и вѣрованія.

Приваніе Варяговъ. Олегъ. Ольга.

Крещеніе Руси. Принятіе христіанства Владиміромъ. Крещеніе Кіевлянъ и Новгородцевъ. Лѣтописецъ Несторъ. Ярославъ Мудрый. Раздѣленіе Руси на удѣлы и борьба за нихъ.

Владиміръ Мономахъ. Андрей Боголюбскій.

Монгольское иго. Повтореніе всего пройденнаго въ главныхъ чертахъ.

Образованіе Ливонскаго и Тевтонскаго орденовъ и Литовскаго княжества.

Александръ Невскій.

Іоаннъ Калита и Дмитрій Донской

Іоаннъ III. Покореніе Новгорода. Сверженіе татарскаго ига. Бракъ съ Софіей. Палеологъ и измѣненіе отношеній къ боярамъ.

Іоаннъ Грозный до смерти Анастасіи Романовны. Взятіе Казани.

Іоаннъ Грозный въ эпоху казней.

Ермакъ и покореніе Сибири.

(Повтореніе всего пройденнаго въ главныхъ чертахъ, начиная съ возвышенія Москвы).

Ворисъ Годуновъ.

Ижедимитрій І.

Продолженіе смутнаго времени. Мининъ и Пожарскій. Избраніе Михаила Феодоровича.

Алексѣй Михайловичъ. Упомянутое о смутахъ въ его время. Бунтъ Разина.

Никонъ и расколъ.

Малороссійскіе казаки. Запорожская Сѣчь и Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи.

Петръ Великій. Избраніе въ цари. Царевна Софія. Бунтъ стрѣльцовъ. Воспитаніе Петра. Единодержавіе Петра. Путешествіе за границу. Сѣверная война.

О главнѣйшихъ преобразованіяхъ Петра Великаго.

Елисавета Петровна. Шуваловъ и Ломоносовъ. (Повтореніе послѣдняго отдѣла съ Петра).

Екатерина II и ея главныя преобразованія.

Румянцевъ Задунайскій и Потемкинъ Таврическій.

Суворовъ во 2-й турецкой войнѣ и въ походѣ на Италію.

Александръ Благословенный и Сперанскій.

Отечественная война.

Императоръ Николай I и крымская война.

Императоръ Александръ II и главныя его преобразованія.

Пятый годъ.

(2 урока въ недѣлю).

Руководство Бетларминанова для уѣздныхъ училищъ.

Евреи до поселенія въ Египтѣ. Египтяне. Страна. Религія. Ка-
сты. Науча и искусства.

(Политической исторіи Египта можно и не касаться).

Евреи въ Египтѣ, Завоеваніе Ханаана.

Время Судей (вкратцѣ).

Финикіяне и Евреи.

Ассирія и Вавилонія.

Мидія и Персія. Киръ. Крезъ и Солонъ.

(Повтореніе пройденнаго).

Греція. Страна. Религія. Оракулы. Олимпійскія празднества.

Геркулесъ и Тезей.

Троянская война.

Спарта и Аѳины въ концѣ VI столѣтія, передъ началомъ греко-персидскихъ войнъ.

(О Спартѣ до Ликурга, объ Аѳинахъ до Солона, такъ же какъ и о самомъ законодательствѣ Ликурга и Солона — можно и не проходить).

Греко-персидскія войны. Возстаніе Малоазійскихъ Грековъ. Мильтиадъ. Оѳистоклъ и Аристидъ.

Периклъ.

Алкивіадъ.

Сократъ.

Филиппъ Македонскій и Демосоевъ.

Александръ Македонскій.

Повтореніе главныхъ явленій изъ исторіи Греціи.

Римляне. Страна, народъ и религія.

Основаніе Рима. Римъ въ концѣ царскаго періода.

(О Сервіи Туллій и о происхожденіи его законодательства опустить).

Горацій Коклесь и Муцій Сцевола.

Плебеи на св. горѣ. Цинцинать.

Галлы въ Римѣ.

Завоеваніе Италіи. Пирръ и Фабрицій.

Первая пуническая война. Подвигъ Регула.

Вторая пуническая война. Ганнибалъ.

Разрушеніе Карфагена.

Грахи.

Помпей.

Юлій Цезарь. Первый и второй тріумvirаты.

Августъ.

Разрушеніе Іерусалима и гоненія на христіанъ.

Константинъ Великій.

Основаніе монастырей.

Пахомій. Оеодосій и Амвросій.

Повтореніе главныхъ явленій изъ исторіи Рима.

Германцы и Гунны. Аларихъ въ Римѣ.

Аттила и конецъ западной Римской имперіи.

Крещеніе Франковъ и Англосаксовъ.

Бонифацій—апостолъ Германіи.

Юстиніанъ Великій. Дѣянія Юстиніана. (О покореніи Вандальскаго и Остготскаго королевствъ только упомянуть такъ же, какъ и о борьбѣ съ Персіей).

Арабы и Магометъ.

Карлъ Великій.

Раздѣленіе церкви. Св. Кирилъ и Меѳодій.

Образованіе Русскаго государства. Призваніе Варяговъ. Олегъ. Ольга. Святославъ.

Крещеніе Руси. Начало монастырей и вліяніе ихъ.

Дѣти св. Владиміра. Ярославъ. (Подробнѣе о Русской Правдѣ въ связи съ утвержденіемъ христіанства).

Владиміръ Мономахъ. (Подробнѣе о его завѣщаніи). Указаніе на борьбу между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій.

Перенесеніе столицы во Владиміръ.

Отношенія къ князьямъ и боярамъ.

Война съ Новгородцами.

Григорій VII и Генрихъ IV.

Крестовые походы.

Монгольское иго.

Александръ Невскій и Даниилъ Романовичъ Галицкій.

Литовско-Русское княжество. Гедиминъ.

Ягайло. Крещеніе Литвы.

Московское княжество. Борьба князей Тверскихъ и Московскихъ. Іоаннъ Калита. Митрополитъ Алексій.

Дмитрій Донской и Мамай. Преемники Дмитрія до Іоанна III-го (въ главныхъ чертахъ).

Завоеваніе Константинополя Турками. (Повтореніе главныхъ явленій изъ Отечественной Исторіи въ связи съ главными явленіями изъ средневѣковой).

Шесто́й годъ.

(2 урока въ недѣлю).

Продолженіе Отечественной Исторіи въ связи съ главными явленіями изъ всеобщей новой и новѣйшей исторіи.

Изобрѣтенія и морскія открытія.

Іоаннъ Гуттенбергъ.

Христофоръ Колумбъ.

Злоупотребленія папъ. Великій расколъ.

Янъ Гусъ.

Лютеръ и реформація въ Германіи.

Орденъ іезуитовъ. Игнатій Лойола.

Устройство ордена.

Филиппъ II и Вильгельмъ Оранскій.

Реформація въ Англіи. Королева Елизавета.

Реформація во Франціи. Религіозныя войны. Вареоломеевская ночь.

Іоаннъ III Васильевичъ. Конецъ удѣловъ. Покореніе Новгорода. Софія Палеологъ и сверженіе татарскаго ига.

Іоаннъ IV Васильевичъ. Воспитаніе Іоанна. Вѣнчаніе на царство. Пожаръ въ Москвѣ. Мятежъ въ Москвѣ. Бремя Сильвестра и Адашева. Время Опричины.

Войны съ Польшей. Покореніе Сибири.

Церковная унія.

Правленіе Θεодора Іоанновича. Прикрѣпленіе крестьянъ. Учрежденіе патріаршества.

Убіеніе царевича Дмитрія.

Прекращеніе Рюриковаго дома. Борисъ Годуновъ царь. Появленіе перваго самозванца. Правленіе его и смерть.

Василій Шуйскій. Тушинскій воръ. Поляки въ Москвѣ. Грамоты Гермогена.

Ляпуновъ передъ Москвою. Гибель Смоленска. Торжество Поляковъ. Мининъ и Пожарскій.

Избраніе на царство Михаила Θεодоровича. Успокоеніе государства. Филаретъ.

Алексѣй Михайловичъ. Смуты въ государствѣ. Бунтъ Стеньки Разина.

Никонъ и расколъ.

Подданство Малороссіи и слѣдствія присоединенія ея.

Тридцатилѣтняя война.

Царствованіе Людовика XIV.

Петръ Великій. (Болѣе подробно о войнѣ съ Швеціей и о преобразованіяхъ Петра относительно администраціи, сословіи, торговли, устройства арміи и флота, образованія и семейной и общественной жизни. При этомъ, указывая на нововведенія Петра Великаго, слѣдуетъ постоянно обращаться къ состоянію Россіи до Петра во всѣхъ разсматриваемыхъ отношеніяхъ).

Временщики. Меншиковъ. Долгоруковъ. Виронъ.

Фридрихъ II въ Пруссіи. Семилѣтняя война.

Царствованіе Елисаветы Петровны. Дѣятельность Шуваловыхъ. Участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ.

Возстаніе Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Георгъ Вашингтонъ. Франклинъ.

Императрица Екатерина II-я. Дѣтство ея и прибытіе въ Россію. Вступленіе на престолъ. Главныя преобразованія.

Коммиссія уложенія. Наказъ. Грамота дворянства. Городовое положеніе. Мѣры относительно крестьянъ. Заботы объ образованіи. 1-я Турецкая война. Румянцевъ. Орловъ Чесменскій. Потемкинъ Таврическій. Суворовъ. 2-я Турецкая война.

Раздѣлы Польши. Взятіе Варшавы.

Французская революція. Перемирія въ гбсударствѣ. Робеспьеръ. Дантонъ и Маратъ.

Наполеонъ Бонапартъ. Завоеваніе Италіи. Суворовъ въ Италіи. Переходъ черезъ Альпы.

Наполеонъ консулъ и императоръ. Могущество Наполеона.

Царствованіе императора Александра. Сперанскій. Учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта. Заботы правительства объ образованіи.

Отечественная война. Причины войны.

Великая армія. Барклай-де-Толли. Патріотизмъ русскаго народа. Кутузовъ. Сраженіе при Бородинѣ. Отступленіе Кутузова. Наполеонъ въ Москвѣ. Народная война. Отступленіе изъ Москвы. Березинская переправа.

Освобожденіе Европы Александромъ.

Вѣнскій конгрессъ.

Образованіе Греческаго королевства. Положеніе христіанъ въ Турціи и возстаніе грековъ. Вмѣшательство Россіи, Англіи и Франціи. Наваринская битва. Турецкая война при Николаѣ Павловичѣ. Адрианопольскій миръ.

Паденіе Карла X во Франціи. Образованіе Бельгійскаго королевства.

Польское возстаніе 1830—1831 г. Дибичъ и Паскевичъ. Взятіе Варшавы.

Людвигъ Наполеонъ во Франціи.

Восточная война. Причины и поводъ къ войнѣ. Синопское сраженіе. Осада Севастополя. Манифестъ о всеобщемъ ополченіи. Кончина Императора Николая. Продолженіе осады при Императорѣ часть CLXXXX, отд. 1.

Александръ II. Взятіе Севастополя и взятіе Карса. Парижскій миръ. Польскій мятежъ 1863 г. Приобрѣтенія на Амурѣ. Покореніе Кавказа. Завоеванія въ средней Азіи и экспедиція въ Хиву.

Реформы Императора Александра II. Указъ 19-го февраля 1861 года. Реформа судебной части. Земскія учрежденія. Преобразованія учебной части. Указъ объ общеобязательной воинской повинности.

ПРОГРАММА ГЕОГРАФІИ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

1. Приготовительный курсъ.

Понятіе о планѣ и масштабѣ. Страны горизонта. Планъ классной комнаты. Планъ училища. Планъ прилегающей мѣстности или околка.

Уисненіе важнѣйшихъ географическихъ терминовъ, относящихся къ земной поверхности, формамъ суши и воды, основанное на наглядномъ знакомствѣ съ этими формами въ мѣстности, гдѣ находится училище. Общій планъ города, съ обозначеніемъ на немъ извѣстныхъ ученикамъ возвышенностей и низменностей водъ, главныхъ улицъ и площадей, церквей и монастырей, памятниковъ, садовъ, важнѣйшихъ казенныхъ и общественныхъ зданій, фабрикъ и заводовъ.

Понятіе объ атмосферѣ. Понятіе о климатѣ, основанное на наблюденіи атмосферическихъ явленій.

Мѣстное народонаселеніе и его раздѣленіе по племенному происхожденію, языку, религіи, по сословіямъ и занятіямъ. Понятіе о видахъ добывающей и обрабатывающей промышленности и торговлѣ. Мѣстныя власти духовныя и свѣтскія. Мѣстныя учебныя заведенія.

Окрестности города. Деревня и ея жители. Почва, ея видъ и важнѣйшія изъ мѣстныхъ сельскихъ произведеній. Описаніе губерніи въ физическомъ отношеніи. Народонаселеніе губерніи и важнѣйшіе промыслы. Важнѣйшіе пути сообщенія. Города и селенія губерніи, замѣчательные въ историческомъ, или промышленномъ отношеніи. Понятіе о картѣ. Черченіе карты губерніи съ обозначеніемъ на ней всего пройденнаго.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

1. Важнѣйшія свѣдѣнія изъ математической, топической и физической географіи.

Горизонтъ и видъ земли. Глобусъ. Градусная сѣтка. Широта и долгота. Понятіе о двоякомъ движеніи земли. Тропики и полярные круги.

Распределеніе суши и воды на земномъ шарѣ, понятіе о материкѣ, океанѣ, островѣ, части свѣта. Климатическіе поясы.

2. Краткое отечествовѣдѣніе.

Общія понятія о русскомъ государствѣ и административномъ его раздѣленіи. Система рѣки Оки. Система верхней Волги. Пути отъ Рыбинска къ Петербургу (воднымъ сообщеніямъ). Балтійское море, его части, берега и важнѣйшія гавани (уясненіе терминовъ: море внутреннее и открытое, острова прибрежные и морскіе, шхеры и дюны). Западная Двина и ея бассейнъ. Система Днѣпра. Полѣсье. Черноземный край. Черное море, его части, берега и гавани. Система Дона. Кавказъ и Кавказскія горы (уясненіе терминовъ: горный хребетъ, горный узелъ, горный отрогъ, высота горъ, снѣговая линія, ледникъ). Каспійское море, его части и берега. Природа и жители степей (уясненіе понятія о кочевомъ бытѣ) Уральскія горы и бассейнъ Камы (горнозаводская промышленность). Природа и жители сѣвернаго края (уясненіе понятія о бродячей жизни). Бѣлое море, его части и важнѣйшія гавани. Природа и обитатели тундръ. Озерная страна.

Курсъ сопровождается черченіемъ общихъ контуровъ частей свѣта и карты европейской Россіи, безъ географической сѣти, съ паносеніемъ всего пройденнаго.

Пятый годъ.

1. Всѣобщая географія.

Повтореніе важнѣйшихъ свѣдѣній изъ математической и физической географіи. Океаны, ихъ физическія свойства и явленія. Морскія растенія и животныя. Важнѣйшія плаванія и открытія.

Общее обозрѣніе частей свѣта: Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія (пространство, береговая линія, поверхность, орошеніе, климатъ, важнѣйшія растенія и животныя).

Главныя племена человѣческаго рода и ихъ распространеніе по частямъ свѣта. Общія понятія о формахъ государственной жизни и важнѣйшихъ религіяхъ. Важнѣйшія государства Европы, Азіи и Америки (указаніе на картѣ ихъ и ихъ главныхъ городовъ).

2. Географія Россійской Имперіи.

Географическое положеніе Россійской Имперіи. Пространство. Обзорніе границъ сухопутныхъ и морскихъ. Обзорніе морей, омывающихъ Россію.

Поверхность: горы по краямъ Европейской Россіи: Уральскія, Кавказскія, Таврическія, отрасли Карпатскихъ и Финляндскія. Описание возвышенностей во внутренности Европейской Россіи по ихъ положенію, виду и почвѣ. Равнины, покатости и низменности.

Обзорніе рѣчныхъ системъ покатости сѣверной и сѣверо-западной. а) Ледовитаго океана и Вѣлаго моря, б) системы великихъ озеръ, в) системы прочихъ рѣкъ Балтійскаго моря. Обзорніе рѣчныхъ системъ южной и юговосточной покатости: а) системы Днѣпра, Днѣстра, Буга и Дона, б) системы Волги. Горы, низменности и рѣчныя системы Сибири. Климатъ Европейской Россіи. Раздѣленіе ея на климатическія полосы. Общія свойства климата Сибири, климатическія полосы Сибири.

Народонаселеніе. Число жителей Россійской Имперіи общее и по частямъ. Этнографическій составъ населенія. Поименованіе и размѣщеніе губерній и областей по бассейнамъ, съ означеніемъ главныхъ городовъ.

Курсъ сопровождается черченіемъ картъ частей свѣта и болѣе подробной карты Россіи по градусной сѣти, съ нанесеніемъ на карту всего пройденнаго.

Шестой годъ.

Повтореніе предыдущаго курса географіи Россіи.

Обзорніе губерній и областей Россіи по ихъ природѣ, народонаселенію и промышленности, съ указаніемъ главныхъ центровъ этой промышленности.

Обзорніе Кавказскаго края по его природѣ, народонаселенію и промышленности, съ указаніемъ главнѣйшихъ центровъ ея.

Обзорніе губерній и областей Сибири и Туркестанскаго края по ихъ природѣ, народонаселенію и промышленности, съ указаніемъ главнѣйшихъ ея пунктовъ.

Указаніе важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ Россійской Имперіи.

Черченіе общей карты Европейской и Азіатской Россіи и картъ отдѣльныхъ частей Имперіи по градусной сѣти, съ нанесеніемъ всего пройденнаго.

Физическое и краткое политическое описаніе важѣйшихъ государствъ Европы.

Физическое и краткое политическое описаніе государствъ Азии: Китайской имперіи, Японіи, Персіи, Туркестанскихъ государствъ и Азиатской Турціи.

Физическое и краткое политическое описаніе государствъ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ.

Курсъ заканчивается сообщеніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній изъ математической географіи.

Учебники: для 3-го и 4-го года — географія Брызгалова, курсъ первый.

По всеобщей географіи для 5 и 6 года — учебникъ географіи Смирнова.

По географіи Россіи: учебникъ географіи Россійской Имперіи Вѣлохи.

Преподаваніе географіи въ городскомъ училищѣ начинается съ 3-го года курса, слѣдовательно съ учениками 9—10 лѣтъ, едва лишь научившимися читать и писать и еще не умѣющими отчетливо и связно выражать своихъ мыслей; очевидно, что съ такими учениками нельзя приступить прямо къ прохожденію систематическаго курса географіи. Прежде всего необходимо приучить ихъ наблюдать все окружающее и въ связной рѣчи передавать все ими видимое и наблюдаемое. Кромѣ того, въ видахъ успѣшнаго усвоенія учениками географическаго матеріала, необходимо чтобы они умѣли ориентироваться въ знакомой имъ мѣстности и путемъ собственнаго наблюденія получили первоначальное представленіе о тѣхъ понятіяхъ, которыя имъ встрѣтятся потомъ при изученіи географіи. Этимъ задачамъ можетъ служить курсъ отцисновѣдѣнія, какъ пропедевтическій курсъ географіи. Этотъ курсъ можетъ дать ученикамъ первоначальное знакомство съ пространственными отношеніями и вообще съ элементами географіи. При этомъ преподаваніе отцисновѣдѣнія имѣетъ и несомнѣнное образовательное значеніе. Оно приучаетъ учениковъ сознательно относиться къ окружающимъ ихъ явленіямъ, которыя прежде не имѣли для нихъ никакого смысла, пробуждаетъ въ нихъ любознательность и вообще служитъ къ развитію ихъ умственныхъ силъ. Съ цѣлью уясненія пространственныхъ отношеній и изображенія пространства въ уменьшенномъ видѣ — въ этомъ курсѣ употребляется упражненіе учениковъ въ черченіи плановъ, — сначала классной комнаты и училища, потомъ околотка, или ближайшей къ училищу мѣст-

ности и въ заключеніе—всего города. Черченіе ведется по масштабу, постепенно увеличиваемому, чтобы такимъ путемъ довести учениковъ до яснаго пониманія географической карты. Одновременно съ черченіемъ плановъ ученики знакомятся съ различными явленіями данной мѣстности, доступными ихъ непосредственному наблюденію, какъ то: съ различными формами земной поверхности, съ формами суши и воды и т. под. Для этой цѣли преподаватель пользуется всѣмъ, что только могутъ представить мѣстные условія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученики знакомятся съ важнѣйшими географическими терминами, заучиваютъ ихъ и приучаются прилагать ихъ къ отдѣльнымъ явленіямъ. Всѣ эти данныя, равно какъ важнѣйшія или ближайшія къ училищу улицы, города, урочища, зданія и памятники и проч. непосредственно извѣстныѣ ученикамъ, заносятся ими на планъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. При этомъ не только запоминается ихъ относительное положеніе, но преподаватель, по возможности, старается объяснить ученикамъ ихъ происхожденіе и назначеніе. На основаніи непосредственныхъ наблюденій учениковъ имъ сообщаются понятія объ атмосферѣ и климатѣ. За тѣмъ слѣдуетъ знакомство съ мѣстнымъ народонаселеніемъ и его составомъ, а также съ видами мѣстной промышленности; при этомъ ученики, подъ руководствомъ учителя, составляютъ рубрики и ихъ подраздѣленія, въ которыя заносятся всѣ полученныя ими свѣдѣнія и такимъ образомъ ученики упражняются въ обобщеніи и разграниченіи понятій. Послѣ изученія города, рассматриваются его ближайшія окрестности; при этомъ обращается вниманіе учениковъ на различіе быта и промысловъ городского и сельскаго населенія,—рассматриваются—почва, ея виды и важнѣйшія изъ мѣстныхъ сельскихъ произведеній. Курсъ заканчивается знакомствомъ съ цѣлою губерніей, въ которой находится городъ, и черченіемъ карты губерніи по произвольнымъ клѣткамъ, причемъ учениками указывается различіе между планомъ и географическою картою.

Преподаваніе отчизновѣдѣнія ведется катехетически: учитель посредствомъ вопросовъ вызываетъ со стороны учениковъ отвѣты, направляетъ ихъ и направляетъ классную работу учениковъ (черченіе плановъ, составленіе рубрикъ и т. п.), согласно съ добытыми такимъ путемъ свѣдѣніями.

На 4-мъ году курса городского училища, когда ученики занятія предыдущаго года будутъ достаточно подготовлены, можно приступить къ прохожденію систематическаго курса географіи. Курсъ этого года состоитъ: 1) въ топоческомъ обозрѣніи земнаго шара по

глобусу и плоскошаріамъ и 2) въ ближайшемъ ознакомленіи учениковъ съ географіей Россіи. Въ этомъ курсѣ сообщаются ученикамъ и важнѣйшія свѣдѣнія изъ математической географіи на столько лишь, на сколько это необходимо для пониманія географическаго положенія той или другой страны и ея климатическихъ условій и вообще для пониманія дальнѣйшаго курса географіи. Преподаваніе ведется сколько можно нагляднѣе, съ помощію глобуса теллурия и чертежей. Кромѣ того, сообщаются краткія свѣдѣнія о климатическихъ поясахъ.

Познаніе своего отечества, безспорно, важнѣйшая цѣль обученія географіи въ городскихъ училищахъ и потому здѣсь оно должно предшествовать знакомству съ какою либо другою страной. Притомъ такъ какъ не всѣ ученики городского училища могутъ продолжать ученіе до окончанія курса, то тѣмъ изъ нихъ, которые вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ будутъ вынуждены оставить училище ранѣе окончанія курса, приобрѣтенныя ими свѣдѣнія объ ихъ отечествѣ несомнѣнно могутъ принести существенную пользу въ ихъ будущей практической жизни. Потому географію Россіи предполагается проходить въ городскихъ училищахъ, въ двухъ курсахъ съ учениками различныхъ возрастовъ. На 4-мъ году училищнаго курса послѣ обозрѣнія земнаго шара проходитъ начальный курсъ отечественной географіи. Онъ состоитъ въ сообщеніи ученикамъ важнѣйшихъ свѣдѣній 1) изъ физической географіи страны; здѣсь ученики впервые знакомятся по картѣ и по чертежамъ учителя съ различными географическими явленіями, которыя не могли быть предметомъ ихъ непосредственнаго наблюденія, какъ-то: съ частями морей (заливы, проливы, губа и проч.),—съ разнообразными формами земной поверхности (плоскогорье, горная дѣль, горный узелъ, высота горъ и проч.),—сверхъ того сообщаются свѣдѣнія объ особенностяхъ различныхъ мѣстностей Россіи по отношенію къ природѣ, климату и естественнымъ произведеніямъ (степи, черноземный край, тундры и проч.); 2) въ связи со всѣмъ этимъ сообщаются важнѣйшія свѣдѣнія о бытѣ и занятіяхъ народонаселенія, о важнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ и перечисляются важнѣйшія губерніи, съ поименованіемъ губернскихъ городовъ.

На 5-мъ году курса проходитъ физическая географія земнаго шара въ болѣе подробномъ изложеніи: разсматриваются океаны и ихъ физическія свойства и явленія; при этомъ, физическому обозрѣнію отдѣльных частей свѣта предшествуютъ разказы о важнѣйшихъ

плаваніяхъ и открытіяхъ, приуроченные къ той или другой части свѣта (Колумбъ, Васко-де-Гама, Магелланъ, Кукъ, Франклинъ и проч.). Затѣмъ ученики знакомятся въ общихъ чертахъ съ этнографіей земнаго шара, съ важнѣйшими формами политической жизни и съ наибольшими распространенными религіями. Въ томъ же году: проводится болѣе полный и систематическій курсъ географіи Россіи. Въ результатъ отъ учениковъ требуется отчетливое знаніе топической и физической географіи Россіи, племеннаго состава ея народонаселенія, а также административнаго ея дѣленія.

Въ слѣдующемъ 6-мъ году продолжается курсъ географіи Россіи: ученики знакомятся съ отдѣльными губерніями и областями (въ порядкѣ бассейновъ рѣкъ),—съ ихъ природою, народонаселеніемъ, промышленностью и проч.

При изложеніи промышленности въ Россіи 1) обращается вниманіе не только на то, что производится въ данномъ мѣстѣ, но также и на то, что могло бы быть производимо по мѣстнымъ условіямъ страны, и 2) указываются предметы промышленности, связывающіе Россію съ другими странами Европы и Азіи.

При обзорѣнн другихъ государствъ Европы Азіи и Америки, обращается вниманіе на слѣдующія условія: 1) на современное политическое положеніе того или другаго государства, 2) на торговые его отношенія къ Россіи и 3) на племенное родство или единовѣріе съ Россіей. Поэтому, изъ вѣвроепсйскихъ странъ слѣдуетъ болѣе остановиться на описаніи Азіатской Турціи, Персіи и Турана, Китая и Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; изъ европейскихъ— на описаніи Германіи, Англіи, Австріи и Турціи.

Курсъ географіи въ городскомъ училищѣ заканчивается повтореніемъ географіи Россіи и болѣе подробнымъ изложеніемъ математической географіи.

Важнѣйшее условіе успѣшнаго преподаванія географіи заключается въ ея наглядности: помощью наглядности должно достигнуть того, чтобы ученики, при каждомъ географическомъ имени, ясно представляли себѣ положеніе названной мѣстности на картѣ; поэтому не только объясненія учителя и отвѣты учениковъ должны сопровождаться указаніями на глобусъ или на картѣ, но сверхъ этого ученики должны быть приучаемы, по мѣрѣ усвоенія географическаго матеріала, къ мысленному опредѣленію порядка и относительнаго положенія всѣхъ выученныхъ пунктовъ на земной поверхности. Для этой цѣли полезно заставлять учениковъ дѣлать мысленныя путеше-

ствія отъ одного пункта до другаго, причемъ они должны называть всѣ извѣстныя имъ замѣчательныя въ томъ или другомъ отношеніи мѣста, находящіяся на этомъ пути. Затѣмъ, имѣютъ также значеніе при преподаваніи географіи дѣлаемыя самими учениками, подъ руководствомъ учителя, сравненія, уподобленія, сопоставленія и группировки однородныхъ явленій и проч. Но особенно содѣйствуетъ наглядности преподаванія географіи и болѣе успѣшному усвоенію ея матеріала упражненіе въ черченіи картъ; черченіе картъ производится какъ самимъ учителемъ при объясненіи задаваемого урока, такъ и учениками, при повтореніи. Ученики должны упражняться въ черченіи картъ дома на столько, чтобы могли начертить каждую изъ нихъ на память на классной доскѣ со всѣми извѣстными имъ подробностями и съ надлежащими объясненіями. Черченіе производится съ помощью упрощенныхъ приемовъ, (по простѣйшей сѣткѣ, то-есть съ возможно меньшимъ количествомъ матеріаловъ и параллелей),—а во 2-мъ классѣ даже по прямолинейной сѣткѣ (но не по меркаторской) и на каждомъ чертежѣ должно помѣщаться только то, что необходимо знать ученику.

ПРОГРАММА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

Курсъ естественной исторіи въ городскомъ училищѣ начинается съ 3-го года и распределяется на три года.

Курсъ каждого года распадается на осенній, зимній и весенній. Въ зимніе мѣсяцы преподается зоологія и минералогія, а въ осенніе и весенніе—ботаника, такъ какъ въ это время возможно приносить на уроки живые экземпляры растений.

Третій годъ

(3 урока въ недѣлю).

А. Зоологія. Описаніе домашнихъ животныхъ, а также живущихъ въ человѣческомъ жилищѣ или по близости его и особенно полезныхъ или вредныхъ.

а) Млекопитающія:

1. Хищныя: кошка, собака (волкъ); животныя, названія которыхъ поставлены въ скобкахъ, рассматриваются не подробно, а только по сравненію съ предшествовавшими животными и по полезности своей для человѣка.

2. *Котенки*: лошади, корова (баранъ, козель), свинья.

3. *Грызуны*: крыса, (мышь).

б) Птицы:

1. *Курицы*: пѣтухъ и курица.

2. *Хищныя*: сова (фалевъ).

3. *Плячкі*: ласточка, воробей, ворона (галка, грачъ).

4. *Плаваюція*: утка (гусь, лебедь).

5. *Голубиныя*: голубь.

с) Рыбы (грудоперныя): окунь.

д) Пресмыкающіяся: лягушка.

е) Насѣкомыя:

1. *Жуки*: майскій жукъ.

2. *Бабочки*: многоцвѣтница.

3. *Перепончатокрылыя*: пчела (шмель, оса).

В. Ботаника. Описаніе и сравненіе садовыхъ, огородныхъ и лѣсныхъ растений, живые экземпляры которыхъ могутъ быть получены въ данной мѣстности.

1. *Лилейныя*: лилія (тюльпанъ), лукъ.

2. *Лютиковыя*: лютикъ ѣдкій.

3. *Бобовыя*: душистый горошекъ, клеверъ.

4. *Маковыя*: макъ.

5. *Леновыя*: ленъ.

6. *Пасленовыя*: дурманъ, картофель.

7. *Крестоцвѣтныя*: рѣдька (рѣпа, брюква, хрѣнь, капуста).

8. *Розоцвѣтныя*: земляника, малина.

9. *Яблочныя*: яблоня (груша).

10. *Косточковыя*: вишня.

11. *Плодоносныя*: орѣшникъ.

12. *Хвойныя*: сосна (ель и лиственница).

С. Минералогія. Физическія свойства и употребленіе различныхъ минеральныхъ веществъ, какъ-то:

- 1) гранитъ (полевой шпатъ, кварцъ, слюда); 2) песокъ; 3) глина;
- 4) песчаная почва; 5) глинистая почва; 6) известняки; 7) торфъ;
- 8) каменный уголь (яптарь); 9) каменная соль.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

(3 урока въ недѣлю).

А. Зоологія. Описаніе и сравненіе полезныхъ и вредныхъ животныхъ.

а) Млекопитающія:

1. *Хищныя*: хорекъ (куница), лисица, медвѣдь, ежъ, кротъ.
2. *Однокопытныя*: осель.
3. *Двукопытныя*: сѣверный олень.
4. *Многокопытныя*: слонъ.
5. *Грызуны*: заяць, бѣлка, бобръ.
6. *Рукокрылыя*: летучая мышь.
7. *Ластоногы*: тюлень (моржъ).
8. *Китообразныя*: китъ.

б) Птицы:

1. *Куриная*: глухой тетеревъ (рябчикъ, куропатка, перепелка).
2. *Болотныя*: цапля (журавль).
3. *Хищныя*: соколъ (ястребъ), орелъ.
4. *Лазуны*: дятель, попугай сѣрый.

в) Рыбы:

1. *Брюхоперыя*: сельдь, щука.
2. *Неполноперыя*: угорь.
3. *Хрящевыя*: осетръ.

г) Пресмыкающіяся:

1. *Черепаховыя*: греческая черепаха.
2. *Ящерицыя*: обыкновенная ящерица (крокодилъ).
3. *Змы*: гадюка (ужъ).
4. *Голыя пресм.*: тритонъ.

е) Насѣкомыя:

1. *Жуки*: мучной хрущакъ, типографщикъ.
2. *Перепончатокрылыя*: муравей.
3. *Чешушккрылыя*: тутовый шелкопрядъ (моль).
4. *Докрылыя*: муха (слѣпень, оводъ, комаръ), блоха.
5. *Прямокрылыя*: саранча, сверчокъ, кузнечикъ, медвѣдка.
6. *Полужесткокрылыя*: клопъ постельный.
7. *Безкрылыя*: вошь.

f) Паукообразныя: паукъ крестовникъ.

g) Ракообразныя: рѣчной ракъ (мокрица).

h) Черви:

1. *Кольчатыя*: дождевой червякъ (пѣвекъ).
2. *Глисты*: солитеръ (трихина).

і) *Мякотными*: полевой клеверъ, прудовикъ.

к) *Лучистыми*: повилики.

л) *Простѣйшія животныя*: инфузоріи, губки.

В. Ботаника. Описаніе и сравненіе полезныхъ и вредныхъ травянистыхъ растений, лѣсныхъ деревьевъ и важнѣйшихъ безцвѣтковыхъ растений:

1. *Лютиковые*: примула.

2. *Сложноцвѣтныя*: одуванчикъ, василекъ, подсолнечникъ.

3. *Зонтичныя*: морковь, петрушка, укропъ, болиголовъ (дикута).

4. *Злаки*: пшеница, рожь, ячмень, овесъ (кукуруза), тростникъ.

5. *Плюсиковыя*: дубъ.

6. *Липовыя*: липа.

7. *Кисловыя*: кленъ.

8. *Масляныя*: ясень.

9. *Березовыя*: береза.

10. *Ивовыя*: ива, тополь.

11. *Вязовыя*: вязъ.

12. *Папоротники*: сладкокорень, (хвощи, плауны, мхи, водоросли).

13. *Лишайи*: неландскій лишай.

14. Съѣдобныя и ядовитыя грибы (мухоморъ, бѣлый грибъ).

С. Физическія свойства и употребленіе различныхъ металловъ и рудъ:

1) золото; 2) платина; 3) ртуть; 4) важнѣйшія желѣзныя руды; 5) желѣзо (сталь, чугуны); 6) важнѣйшія мѣдныя руды; 7) мѣдь; 8) серебро; 9) олово; 10) свинецъ; 11) цинкъ; 12) сплавы.

Примѣчанія: 1) Технические и сельско-хозяйственныя свѣдѣнія сообщаются, при рассмотрѣніи отдѣльныхъ экземпляровъ изъ трехъ царствъ природы, — тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ и удобнымъ.

2) Вышеизложенный двухлѣтній курсъ ботаники, знакомя учащихся съ важнѣйшими формами растений, преслѣдуетъ еще и другую цѣль — сообщить главнѣйшія свѣдѣнія изъ органографій и морфологій растений, какъ то: 1) нисходящая ось, или корень; 2) восходящая ось, или стебель; 3) листья (составъ, форма, части); 4) листорасположеніе; 5) почка; 6) цвѣторасположеніе; 7) цвѣтораспусканіе; 8) цвѣтокъ (его части и формы частей); 9) плодъ (виды плодовъ); 10) сѣмя.

3) При описаніи минераловъ слѣдуетъ дать понятіе о кри-

сталлической формѣ, о мѣстопроехожденіи, и описать наиболѣ легкія формы кристалловъ, напримѣръ, нѣсколько формъ правильной системы, также шестигранную призму и пирамиду (кристаллы кварца).

Пятый годъ
(3 урока въ недѣлю).

1. Краткій очеркъ человѣческаго тѣла и его отправленій, съ указаніемъ главныхъ гигиеническихъ правилъ.

Скелетъ. Сочлененія костей. Мышцы и ихъ работа. Кости. Польза движеній. Работа и отдыхъ. Вредъ нѣкоторыхъ положеній тѣла. Необходимость пищи. Главныя питательныя вещества. Напитки: квасъ, медъ, пиво, вода, чай, кофе. Зубы и ихъ работа. Уходъ за полостью рта и зубами. Органы пищеваренія. Отчего зависитъ правильность пищеваренія. Обращеніе пищи въ кровь. Сердце. Кровь и кровообращеніе. Артеріи и вены. Необходимость воздуха для поддержанія жизни и вліяніе его на человѣка. Забота о чистотѣ воздуха въ жилищѣ. Легкія. Дыханіе. Выдѣленіе черезъ кожу (испареніе). Правила объ уходѣ за кожей. Вліяніе погоды на тѣло. Одежда. Опиритность. Пять чувствъ. Строеніе глаза. Причины близорукости и дальнорукости. Попеченіе о глазахъ.

2. Общій обзоръ и группировка всѣхъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущіе годы животныхъ. Группировка животныхъ по пользѣ и жизненнымъ продуктамъ, ими доставляемымъ.

3. Браткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи растений. Строеніе сѣмени. Проростаніе. Условія, благопріятствующія проростанію сѣмени. Поглощеніе питательныхъ веществъ корнями изъ почвы. Всасываніе. Строеніе стебля. Движеніе восходящаго сока. Дыханіе и выдѣленія. Движеніе нисходящаго сока. Развѣтвіе цвѣтковыхъ и листьевъ. Размноженіе растений спорами, сѣменами, отводками и прививаньемъ. Зависимость растительной жизни отъ почвы, воздуха, влаги, свѣта и теплоты.

4. Общій обзоръ и группировка всѣхъ разсмотрѣнныхъ растений. Группировка растений по ихъ употребленію.

Шестой годъ
(1 урокъ въ недѣлю).

Повтореніе всего пройденнаго.

Учебники: Зоологія. С. Илера.

Ботаника. Раевского.

Строеніе человѣческаго тѣла. Бока.

ПРОГРАММА ФИЗИКИ.

Шестой годъ ученія

(3 урока въ недѣлю).

Тѣла твердыя, жидкія и газообразныя. Общія свойства тѣлъ: протяженность, непроницаемость, дѣлимость, свѣжаемость. Тяжесть— отвѣсъ, паденіе тѣлъ, центръ тяжести, вѣсы, маятники—часы. Понятіе объ удѣльномъ вѣсѣ. Вычисленіе вѣса тѣлъ по данному объему и плотности. Простыя машины—рычагъ, блокъ, воротъ. Общія свойства жидкостей. Гидравлическій прессъ. Естественный фонтанъ. Источники (артезианскіе колодцы), рѣки. Вода, какъ двигатель. Потеря вѣса тѣлъ въ жидкости. Плаваніе тѣлъ. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ помощью вѣсовъ. Общія свойства газовъ. Составъ воздуха. Составъ воды. Свойства и добываніе кислорода, водорода, азота, угольной кислоты. Тяжесть воздуха, давленіе атмосферы; ртутный барометръ. Воздушный насосъ; водяные насосы; пожарная труба; ливеръ; потеря вѣса тѣлъ въ воздухѣ; аэростатъ. Распиреніе тѣлъ отъ теплоты. Ртутный термометръ. Явленія, представляемыя водою при нагрѣваніи и охлажденіи. Замерзаніе, горѣніе, испареніе. Роса. Туманъ. Облако. Дождь. Снѣгъ. Градъ. Распиреніе воздуха отъ нагрѣванія. Вѣтеръ. Паръ, какъ двигатель. Паровая машина. Источники тепла—солнце, горѣніе. Магниты естественныя и искусственныя. Магнитная стрѣлка. Компасъ и его употребленіе. Главнѣйшія электрическія явленія. Молнія. Громоотводъ. Электричество, развивающееся при химическихъ дѣйствіяхъ. Гальваническій элементъ. Разложеніе воды. Понятіе о гальванопластикѣ. Электромагнитъ. Телеграфъ Морзе. Звукъ. Скорость звука. Эхо. Свѣтъ. Тѣнь и полутѣнь. Объясненіе затмѣній солнца и луны. Сравненіе источниковъ свѣта по ихъ яркости. Отраженіе свѣта (плоское зеркало). Преломленіе свѣта (зажигательное стекло). Понятіе объ устройствѣ глаза и преломствъ зрѣнія. Очки. Главнѣйшія оптическія инструменты—микроскопъ, телескопъ, волшебный фонарь, камера-обскура; понятіе о фотографіи. Разложеніе свѣта на цвѣта—радуга.

Совершенно подходящаго къ предлагаемой программѣ учебника въ настоящее время нѣтъ; можно пользоваться курсомъ физики Малинина для женскихъ учебныхъ заведеній, но съ значительными сокращеніями.

ПРОГРАММА РИСОВАНІЯ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Рисованіе прямыхъ линий въ различныхъ положеніяхъ, рисованіе угловъ и простѣйшихъ геометрическихъ фигуръ. Рисованіе не особенно сложныхъ прямолинейныхъ предметовъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Рисованіе болѣе сложныхъ прямолинейныхъ фигуръ и прямолинейныхъ орнаментовъ. Перспективное рисованіе и тушевка прямолинейныхъ геометрическихъ тѣлъ и друг. предметовъ, изображеніи которыхъ составлены изъ прямыхъ линий.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

Рисованіе кривыхъ линий, криволинейныхъ геометрическихъ фигуръ и криволинейныхъ орнаментовъ. Рисованіе орнаментовъ, составленныхъ изъ смѣшанныхъ линий. Рисованіе и тушевка предметовъ, изображенія которыхъ близко подходятъ къ криволинейнымъ и смѣшаннолинейнымъ орнаментамъ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

Перспективное рисованіе и тушевка криволинейныхъ и смѣшаннолинейныхъ геометрическихъ тѣлъ. Рисованіе и тушевка различныхъ криволинейныхъ и смѣшанныхъ предметовъ.

Объяснительная записка.

По предлагаемой программѣ систематическое обученіе рисованію начинается съ третьяго года ученія, но независимо отъ этого, не мѣшается ранѣе подготавливать учениковъ къ занятіямъ этимъ предметомъ; уже и въ первомъ году ученія преподаватель можетъ заставлять дѣтей рисовать легкія фигуры по клѣткамъ; эти занятія могутъ служить самостоятельной работой для учениковъ въ то время, когда учитель занятъ съ другимъ отдѣленіемъ класса. Когда дѣти приобрѣтутъ нѣкоторый навыкъ проводить прямыя линіи, то можно перейти къ рисованію этихъ послѣднихъ въ различныхъ положеніяхъ, равно какъ и простѣйшихъ фигуръ, изъ нихъ составленныхъ, уже безъ помощи клѣтокъ. Въ программу, составленную для рисованія, не введено черченіе собственно потому, что преподаваніе черченія

должно идти параллельно съ преподаваніемъ геометріи. Всѣ, указанные преподавателемъ, чертежи, напримѣръ, прямыя горизонтальныя и вертикальныя линіи, углы, различныя плоскія фигуры и т. п., по предварительномъ объясненіи на урокахъ геометріи, чертятся учениками сначала отъ руки, потомъ съ помощію чертежныхъ инструментовъ, то-есть, линейки, трехъугольника и циркуля и наконецъ обводятся тушью.

Съ третьяго года должно ввести обученіе рисованію съ натуры, начиная съ прямой линіи въ различныхъ положеніяхъ и постепенно переходя къ болѣе и болѣе усложняющимся прямолинейнымъ геометрическимъ фигурамъ, при чемъ должны быть употребляемы проволоочныя модели. Затѣмъ слѣдуетъ перейти къ рисованію простѣйшихъ предметовъ изъ окружающей дѣтей обстановки, напримѣръ, оконъ, классной доски и т. п. Предметы эти должны быть нарисованы въ видѣ плоскихъ фигуръ, безъ всякихъ перспективныхъ сокращеній, съ тою цѣлью, чтобы дать возможность ученикамъ какъ можно болѣе укрѣпиться въ правильномъ симметрическомъ рисованіи, чего при перспективномъ изображеніи и нельзя достигнуть, такъ какъ нѣкоторые симметрически расположенныя стороны предмета, по причинѣ ихъ сокращеній, на рисункѣ должны быть сдѣланы не такъ какъ они кажутся ученикамъ при разсмотрѣніи предмета вблизи, вслѣдствіе чего рисунокъ дѣлается не симметричнымъ и совершенно непонятнымъ для дѣтей, еще не укрѣпившихся хорошо въ рисованіи правильныхъ фигуръ.

На четвертомъ году ученики должны рисовать болѣе сложныя правильныя фигуры и прямолинейные орнаменты. Рисованіе это должно быть болѣе съ натуры, но отчасти и съ рисунковъ, сдѣланныхъ преподавателемъ на классной доскѣ, или съ особыхъ оригиналовъ такого размѣра, чтобы они могли быть видимыми всѣми учениками класса. Кромѣ того, въ видахъ пріученія учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ и для развитія въ нихъ вкуса, можно поручать имъ самимъ составлять различнаго рода рисунки изъ знакомыхъ уже имъ плоскихъ фигуръ и отчасти соображаясь съ рисунками оригиналовъ. Въ этомъ же году должно быть начато перспективное рисованіе съ натуры прямолинейныхъ геометрическихъ тѣлъ. Объясненіе перспективы должно быть самое наглядное, въ родѣ того, напримѣръ, что дальнія стороны предмета короче ближайшихъ, — что видна верхняя грань предмета, что удаляющіяся плоскости идутъ вверхъ и т. п. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ можно заставить учениковъ тушевать

простымъ карандашемъ изображаемые ими предметы, ограничивался тушевкой одной только тѣни, такъ какъ начинающій никогда ясно не видитъ полутоновъ, особенно легкихъ. Для рисованія предметовъ изъ окружающей обстановки должно выбирать такія изображенія, которыя можно бы было сдѣлать прямыми линіями, напримѣръ, столъ, книга, и т. п. На пятomъ году должно начать рисованіе кривыхъ линій и криволинейныхъ геометрическихъ тѣлъ, чего раньше не слѣдовало дѣлать, такъ какъ, чтобы приступить къ такому рисованію, нужно достаточно хорошо подготовить учениковъ въ рисованіи прямолинейныхъ фигуръ, развить твердость руки и вѣрность глаза, безъ чего рисованіе кривыхъ линій не можетъ идти удовлетворительно. Для рисованія орнаментовъ можно выбирать и орнаменты, состоящіе изъ прямыхъ и кривыхъ линій вмѣстѣ, чтобы приучить учениковъ къ различнымъ формамъ линій. Орнаменты, по возможности, должно заставлять рисовать съ натуры, съ оттушевою тѣней. Изъ окружающихъ предметовъ для рисованія можно выбирать состоящіе изъ прямыхъ и кривыхъ линій, каковы напримѣръ, стулъ, свѣча въ подсвѣчникѣ, лампа, стаканъ, графинъ, листья деревьевъ, цвѣты и т. п.

На шестомъ году можно ставить для рисованія геометрическія тѣла уже не отдѣльно, а группами, которыя бы представляли, напримѣръ, бесѣдку, памятники и т. п. и постепенно приучать учениковъ къ оттушевкѣ не одной только тѣни, но и полутона. Оттушевывать рисунки ученики должны простымъ карандашемъ; по мальчики болѣе способные могутъ употреблять и тушевалъный карандашъ. Для рисованія изъ окружающихъ предметовъ можно выбирать предметы уже довольно большой трудности, и требовать болѣе тщательной отдѣлки, такъ какъ можно надѣяться, что ученики приобрѣтутъ уже достаточный навыкъ въ рисованіи. Конечной цѣлью преподаванія рисованія въ городскомъ училищѣ должно быть то, чтобы ученики, по выходѣ изъ училища, могли, безъ особеннаго искаженія, довольно ясно и чисто изобразить каждый видимый ими предметъ.

РУКОВОДСТВА ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ:

- 1) Первоначальные уроки рисованія Волкова.
 - 2) Наглядное обученіе черченію и рисованію по системѣ Фребеля, Іосифова и съ указаніями Императорской академіи художествъ.
- часть СЛХХХ, отд. 1.

УЧЕБНЫЯ ПОСОВІЯ:

- 1) Коллекція проволочныхъ моделей, плоскихъ геометрическихъ фигуръ и геометрическихъ тѣлъ.
- 2) Деревянные модели.
- 3) Гипсовые орнаменты.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го декабря 1876 года. (№ 21). *Утверждаются:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковальскій*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, со 2-го октября 1876 года по 2-е августа 1878 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Масловскій*— вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 30-го ноября 1876 года.

Выпшій ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пазманъ*— въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 4-го сентября 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи *Штукенбергъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ геогнозіи и палеонтологіи, со 2-го октября 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія *Бодуэнъ-де-Куртэнъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, съ 9-го октября 1876 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины *Чаусовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ описательной анатоміи, съ 13-го ноября 1876 года.

Экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ *Ламе*—ординарнымъ профессоромъ сего института, съ 9-го октября 1876 года.

Директоръ Полтавской гимназій, коллежскій совѣтникъ *Шульженко*—директоромъ коллегіи Павла Галагана, съ 4-го ноября 1876 г.

Директоръ коллегіи Павла Галагана, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шафрановъ*—директоромъ Полтавской гимназій, съ 4-го ноября 1876 года.

Потомственный почетный гражданинъ *Пампуловъ*—почетнымъ попечителемъ Евпаторійской мужской прогимназій, на три года.

Назначаются: Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь *Пяткинъ*—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 1-го ноября 1876 г.

Потомственный почетный гражданинъ *Ельсбергъ*—членомъ попечительства Пинскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщаются: Директоръ Могилевской гимназій, статскій совѣтникъ *Колеско*—директоромъ Слуцкой гимназій, а директоръ Слуцкой гимназій, статскій совѣтникъ *Фурсовъ*—директоромъ Могилевской гимназій.

Переводится: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Мецкерскій*—на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному, съ 13-го ноября 1876 года.

Правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Волковъ*—въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ дѣлопроизводителемъ VI класса сего департамента, съ ноября 1876 года.

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ: бывшій помощникъ секретаря с.-петербургской судебной палаты Викторъ *Эрикссонъ*—помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 27-го октября 1876 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывшій учитель Митавской гимназій, титулярный совѣтникъ *Соколовъ*, съ 1-го сентября 1876 года.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета Яковъ *Сарандиани*, съ 27-го ноября 1876 года.

Остаются на службу: Директоръ Могилевской гимназій, статскій совѣтникъ *Фурсовъ*—на два года, съ 19-го октября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петровъ*—на пять лѣтъ,

съ 19-го сентября 1876 года, съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета.

Директоръ Виленской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Шумовичъ*—на пять лѣтъ, съ 29-го сентября 1876 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: ординатору хирургической госпитальной клиникъ Императорскаго Казанскаго университета *Петрову*—на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: Минскій директоръ народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ *Далинъ*—на двадцать дней, въ С.-Петербургъ.

Начальница Острогскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища *Щепетильникова*, съ 6-го декабря 1876 года по 7-е января 1877 года, въ Воронежъ.

Директоръ Сувалскаго мужской гимназіи *Михайловскій*—на зимнее вакаціонное время 1876 года, въ С.-Петербургъ и Москву.

За границу: учитель Варшавской третьей женской гимназіи *Аснисъ*—на зимнее вакаціонное время 1876 года.

Учитель Одесскаго коммерческаго училища *Маркевичъ*—на двадцать восемь дней.

Ректоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, заслуженный ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Матѣвскъ*—на зимнее вакаціонное время 1876 года и двадцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Флоръ*—на зимнее вакаціонное время 1876 года и двадцать девять дней по болѣзни.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія за пожертвованія: почетному попечителю Александровской Сумской гимназіи, въ званіи камергера, *Кондратьеву*—въ пользу сей гимназіи, и коллежскому совѣтнику *Глазуну*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги:
I. *Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ.* Сост. З. Вумъ. СПб. 1875 г. Цѣна 90 коп.—одобрить какъ руководство,

при преподаваніи геометріи въ учительскихъ семинаріяхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а также и въ женскихъ гимназіяхъ.

II. *Учебникъ элементарной логики и стилистики*, составленный преподавателемъ 2-й Московской гимназіи Н. Забѣляновымъ. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное. Москва. 1876 г.—одобрить какъ пособие для IV и V классовъ гимназій и для соотвѣтственныхъ классовъ реальныхъ училищъ, при изученіи русскаго языка.

III. *Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности*. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, составилъ преподаватель словесности П. Омировскій, примѣнительно къ программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія, на основаніи § 15 устава гимназій и прогимназій. Пособіе заключаетъ въ себѣ: 1) образцы описаній и повѣствованій; 2) стихотворенія повѣствовательнаго и описательнаго характера; 3) отрывки Остромирова Евангелія; 4) грамматику древняго церковно-славянскаго языка, изложенную сравнительно съ русскою; 5) ученіе о переводахъ. СПБ. 1876 г. Цѣна 1 р. 25 к., — одобрить какъ пособие для IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій.

— Составленные преподавателями 3-й Московской гимназіи Ю. Ходобаевъ и П. Виноградовымъ книги: 1) *латинская стилистика съ соотвѣтствующими темами для переводовъ по руководствамъ Д-ра Эрнста Бергера*. Москва. 1876 г. Цѣна 1 р. 10 к., и 2) *Русско-латинскій словарь къ темамъ при стилистикѣ доктори Э. Бергера*. Москва. 1876 года. Цѣна 20 к.—признать заслуживающими одобренія, какъ учебное пособие по латинскому языку для старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: *Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка*, составленное по методѣ Ана, Штейнгауеромъ, учителемъ нѣмецкаго языка Симбирской гимназіи. 1 курсъ—для 1-го и 2-го классовъ. 7-е изданіе. Москва. 1874 г.—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи нѣмецкаго языка въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, учительскихъ институтахъ и реальныхъ училищахъ.

— Изданіе: *Стѣпной естественно-историческій атласъ*. Составилъ Н. Животовскій. Выпускъ I-й, изданіе 2. Одобрено какъ учебное пособие при преподаваніи ботаники главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и удостоено серебряной медали на политехнической выставкѣ 1872 года въ Москвѣ. СПБ. 1876 года (15 таблицъ съ объясненіемъ)—одобрить, въ качествѣ учебнаго пособия для гим-

назій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ проходится естественная исторія.

— *Речь Цицерона о назначеніи Кнзя Полкея полководцемъ.* Второе, исправленное и дополненное изданіе. СПб. 1877 г. Цѣна 80 коп.—внести въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ пособій по латинскому языку.

— Книгу: *Геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній.* Составилъ К. Мазина, преподаватель Московскаго реальнаго училища. *Планиметрия*, съ IX таблицами чертежей. Москва. 1876 г. Цѣна 80 к. и приложение къ геометріи: *Систематическій подборъ задачъ.* Выпускъ I, съ 2-мя таблицами чертежей. Цѣна 15 коп.—включить въ каталогъ учебныхъ пособій по геометріи для курса среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: *Исторія Греціи и Рима.* Соч. Андрея Ткачева. Часть I. Греція. СПб. 1871 г. Часть II. Римъ. СПб. 1876 г. Цѣна каждой части 1 руб.—допустить въ ученическія бібліотеки.

— Книгу: *Французская грамматика въ сравненіи ея съ русской,* сост. Н. Фену. 3 изд. СПб. 1877 г. Часть I. Лексикографія. Цѣна 30 коп. Часть II. Сyntaxis. Цѣна 45 коп.—занести въ число руководствъ, одобренныхъ ученнымъ комитетомъ.

— Книгу: *„La statistique aux pris et avec les grammairiens ou essai sur les moyens de simplifier l'étude du genre des substantifs et celle de la conjugaison, par Constantin.* St. Petersburg. 1876“—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ по положенію комитета министровъ, въ 14 день сего января Высочайше повелѣть соизволилъ оставить учебную часть внутренней киргизской орды въ вѣдѣніи Оренбургскаго учебнаго округа.

— Его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го января сего 1877 г., утверждена опредѣленная педагогическимъ совѣтомъ Тамбовскаго реальнаго училища плата за ученіе въ этомъ училищѣ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ ученика.

— Его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го января сего 1877 г., утверждена опредѣленная педагогическимъ совѣтомъ Вознесенской прогимназіи плата за ученіе въ этой прогимназіи, начиная съ текущаго учебнаго года, въ *приготовительномъ*

классѣ по *двадцати* руб., а въ остальныхъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ съ ученика.

— Его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 8-го января сего 1877 г., утверждена опредѣленная педагогическимъ совѣтомъ С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища плата за ученіе въ этомъ училищѣ съ начала будущаго 1877/8 учебного года по *пятидесяти* руб. въ годъ съ ученика.

— Его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, 15-го января сего 1877 года, утверждена плата за ученіе въ Енисейской прогимназій: въ приготовительномъ классѣ по *семнадцати* руб., а въ остальныхъ классахъ по *двадцати пяти* руб. въ годъ съ ученика.

П Р А В И Л А

О наградахъ академика О. О. Брандта.

(Утверждены конклеренціею Императорской академіи наукъ въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 16-го ноября 1876 г.)

§ 1. Награды Брандта образуются изъ процентовъ съ капитала, собраннаго посредствомъ добровольныхъ приношеній по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея академика тайнаго совѣтника О. О. Брандта.

§ 2. Основной капиталъ остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и возрастаетъ причисленіемъ къ нему нѣкоторой части процентовъ или же могущими впредь поступать добровольными приношеніями. Проценты съ капитала употребляются исключительно на премій или же на увеличеніе капитала.

§ 3. Неприкосновенный капиталъ, обращаемый въ государственныхъ кредитныхъ бумагахъ (на имя капитала премій Брандта), состоитъ въ вѣдѣніи Императорской академіи наукъ.

§ 4. Награды Брандта, раздаваемые черезъ каждыя пять лѣтъ, состоятъ изъ денежныхъ премій.

§ 5. Въ настоящее время имѣется одна премія, которая состоитъ изъ 500 р. и не можетъ быть дѣлима.

§ 6. На соисканіе премій Брандта допускаются сочиненія, содержащія въ себѣ самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ.

§ 7. Въ случаѣ, если ни одно изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій не удостоится награды, сумма премій причисляется къ основному капиталу.

§ 8. Награды Брандта могутъ получать какъ Россійскіе подданные, такъ и иностранцы, но послѣдніе только въ томъ случаѣ, если они, по день присужденія награды, состояли не менѣе трехъ лѣтъ въ русской службѣ, или если прожили до тѣхъ поръ уже десять лѣтъ въ Россійской Имперіи.

§ 9. Дѣйствительные члены Императорской академіи наукъ не имѣютъ права на полученіе наградъ Брандта.

§ 10. Сочиненіе, удостоенное преміи Бэра, не можетъ быть убѣнчано преміей Брандта.

§ 11. Въ соисканіе допускаются сочиненія, напечатанныя на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ. Если же представлено будетъ сочиненіе на какомъ либо иномъ языкѣ, кромѣ вышеисчисленныхъ, то коммисія имѣетъ право устранивъ такое сочиненіе изъ конкурса.

§ 12. Преміи выдаются только самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ.

§ 13. Донесеніе о сочиненіи, которому присуждена премія, доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи академіи 29-го декабря, и затѣмъ печатается въ ея изданіяхъ.

§ 14. Ближайшее присужденіе наградъ Брандта будетъ происходить 29-го декабря 1881 года, затѣмъ въ 1886, 1891 годахъ и т. д.

§ 15. На соисканіе преміи Брандта принимаются только такія сочиненія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсу, и по крайней мѣрѣ за годъ до назначеннаго въ § 16 срока ихъ доставленія въ академію. Рукописи вовсе не принимаются въ соисканіе.

§ 16. Сочиненія, назначенныя на конкурсъ, должны быть доставлены въ академію наукъ не позже 1-го мая того года, въ которомъ будетъ происходить присужденіе наградъ.

§ 17. Академія, не позже какъ за два мѣсяца до закрытія конкурса, объявляетъ, посредствомъ газетъ, о предстоящемъ соисканіи, причемъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія главные постановленія настоящихъ правилъ и приглашаетъ ученыхъ къ доставленію сочиненій.

§ 18. Члены коммисіи, назначенной на основаніи § 19 настоящихъ правилъ, имѣютъ право включать въ конкурсъ и такія печатныя сочиненія, которыя не были представлены на соисканіе самими авторами.

§ 19. Премія присуждается физико-математическимъ отдѣленіемъ академіи, которое назначаетъ изъ среды своей коммисію для разсмо-

трѣнія соискательныхъ сочиненій. Коммисія можетъ, если признаетъ нужнымъ, поручить разсмотрѣніе того или другаго изъ конкурсныхъ сочиненій ученому, и не принадлежащему къ ея составу.

§ 20. Академикъ тайный совѣтникъ *Θ. Θ. Брандтъ* считается пожизненно предсѣдателемъ коммисіи.

§ 21. Для постановленія коммисіи требуется простое большинство голосовъ. При равенствѣ голосовъ, рѣшаетъ предсѣдательствующій.

§ 22. Донесеніе коммисіи и ея заключеніе читаются въ засѣданіи отдѣленія, которое, въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи своемъ, постановляетъ окончательное рѣшеніе о присужденіи премій.

§ 23. Присужденіе премій въ отдѣленіи производится баллотировкою, причемъ требуется не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 24. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской академіи наукъ, въ тѣхъ случаяхъ, еслибы съ теченіемъ времени то или другое правило относительно способа присужденія Брандтовскихъ наградъ оказалось неудобноисполнимымъ. Наименованіе же наградъ и назначеніе ихъ за труды въ области зоологическихъ наукъ остаются навсегда неизмѣнными.

Открытіе училищъ.

По донесенію попечителя одесскаго учебнаго округа, 7-го декабря 1876 г. открыто двухклассное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ с. Нижнихъ Сѣрагозахъ, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ., при поступленіи въ оное въ день открытія было 66 учениковъ, и 14 того же декабря преобразовано общественное народное училище въ с. Горештахъ, Кишиневскаго уѣзда, Бессарабской губерніи въ одноклассное образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ учащихся было на лицо 55 человекъ.

По донесеніямъ попечителя кievскаго учебнаго округа въ минувшемъ году открыты слѣдующія народныя училища министерства народнаго просвѣщенія:

Въ Полтавской губерніи 21-го ноября въ м. Камышной, Миргородскаго уѣзда и 12-го декабря въ с. Пироггахъ, Кременчугскаго уѣзда.

Въ Волынской губерніи 1-го декабря въ г. Сульжинѣ, Заславскаго уѣзда и 1-го января 1877 г. въ с. Немирищахъ, Староконстантиновскаго уѣзда.

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ¹⁾.

VIII.

Два противоположные взгляда на ересь жидовствующих, существующие в нашей исторической литературѣ, и ихъ мотивы.—Нѣсколько замѣчаній относительно научной компетентности этихъ взглядовъ и вытекающій отсюда постулатъ для новаго изслѣдованія.

Въ предшествующихъ главахъ нашего изслѣдованія мы прослѣдили исторію ереси жидовствующихъ отъ момента ея возникновенія до того времени, когда она перестала существовать, по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ которой она первоначально явилась. Теперь переходимъ къ обзорѣнню внутренней, теоретической стороны ея—самого ересеученія жидовствующихъ, такъ какъ въ существенной зависимости отъ точнаго опредѣленія этой стороны ереси находится опредѣленіе и степени важности этого явленія въ исторіи отечественной культуры.

Вопросъ о внутреннемъ характерѣ ереси жидовствующихъ — уже не новъ въ нашей исторической литературѣ. Почти всѣ изслѣдователи, касавшіеся ереси жидовствующихъ, въ то же время, хотя и не съ одинаковою подробностью, касаются и еретической доктрины съ цѣлю опредѣлить ея истинный характеръ, но каждый изъ нихъ рѣшаетъ этотъ вопросъ по своему. Не смотря на мелкія, второстепенныя разногласія, существующія въ этихъ взглядахъ, всѣ они могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Одни изъ изслѣдователей²⁾ смотрятъ на ересеученіе жидовствующихъ, какъ на строгое, послѣдовательное развитіе началъ чис-

¹⁾ Окончаніе, См. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1877 г.

²⁾ Въ числу ихъ принадлежатъ Татищевъ, Барамзинъ и вообще всѣ историки прошедшаго и начала XIX вѣка, а изъ новѣйшихъ—пресвя. Макарій.

таго іудаизма въ его отрицательномъ отношеніи къ христіанству: „Въ строгомъ смыслѣ это была не ересь только“, говоритъ одинъ изъ нихъ,—„а полное отступничество отъ христіанской вѣры и принятіе вѣры іудейской.... въ томъ видѣ, въ какомъ исповѣдуютъ ее всѣ Іудеи, отвергшіе Христа Спасителя и Его божественное ученіе“. Основные пункты ересеученія жидовствующихъ, по мнѣнію этого историка,—были слѣдующіе: а) безусловное признаніе единства Божія, и слѣдовательно, отрицаніе тринчности лицъ въ Богѣ; б) ожиданіе обѣтованнаго Мессіи и признаніе его Сыномъ Божиимъ не по естеству, а по благодати,—отсюда: отверженіе божества, воплощенія, искупительныхъ заслугъ, воскресенія, вознесенія на небо и втораго пришествія на землю Іисуса Христа. Всѣ прочія лжеученія, которыя высказывали въ послѣдствіи іудеиствующіе, были только примысли и неизбѣжными выводами изъ этихъ основныхъ пунктовъ. „Прибѣгать же къ предположенію, не была ли ересь жидовствующихъ одною изъ тогдашнихъ христіанскихъ ересей съ рационалистическимъ направленіемъ, или даже не выработалась ли она въ самомъ Новгородѣ подъ вліяніемъ вольномыслія, съ одной стороны, Жиды Скарія, а съ другой—новгородскихъ священниковъ, вовсе нѣтъ ни нужды, ни основанія“ ¹⁾. Исслѣдователи, державшіеся этого мнѣнія, исключительно руководствуются писаніями пр. Іосифа Волоколамскаго, такъ какъ „онъ нарочито, одинъ изъ всѣхъ современниковъ, изучалъ эту ересь въ подробностяхъ и занимался ею обстоятельнымъ опроверженіемъ“ ²⁾.

Но большинство исслѣдователей держатся диаметрально-противоположнаго взгляда на сущность ереси жидовствующихъ. По ихъ мнѣнію, ересь не представляла собою определенной, строго законченной системы, а была совокупностію различныхъ, сходныхъ и несходныхъ мнѣній, смѣсью многихъ мнѣній и толковъ, произвольно объединенныхъ подъ именемъ жидовства и явившихся результатомъ критицизма вѣры и церкви въ ея устройствѣ, критицизма, открыто начавшагося со временъ стригольниковъ и особенно усилившагося въ XV вѣкѣ, по ходу обстоятельствъ церковной и гражданской жизни и при вліяніи иноземнаго вольномыслія ³⁾. Основаніями подобнаго взгляда на ересь служатъ: а) свидѣтельства современ-

¹⁾ Пресв. Макарій, *Ист. Р. Ц.*, т. VI, стр. 82, 83, 85.

²⁾ *Ibid.*, 82.

³⁾ *Сергицкій*, стр. 305; свящ. *Булаковъ*, 63. Почти такого же взгляда на ересь держатся пресв. *Филаретъ*,—историки *Соловьевъ* и *Костомаровъ* и др.

никовъ: Геннадій видѣлъ въ ереси не одно іудейство, но и другія ереси — „маркианскую и мессалианскую“; Іосифъ также находилъ въ ней „ереси многи“; царь Іоаннъ III сознавался Іосифу, что онъ знаетъ „которую“ ересь держалъ Алексѣй протопопъ, и „которую“—Федоръ Курицынъ; ¹⁾ б) неодинаковость наказанія еретиковъ: одни изъ нихъ были казнены, другіе сосланы въ заточеніе, наказаніе третьихъ ограничивалось только церковнымъ покаяніемъ.

Каждый изъ этихъ взглядовъ на теоретическую сторону ереси, какъ мы видимъ, имѣетъ за себя извѣстное количество данныхъ, болѣе или менѣе вѣскихъ и доказательныхъ, но ни одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, не представляется намъ на столько обоснованнымъ, чтобы его, предпочтительно предъ другимъ, можно было принять, какъ несомнѣнно достовѣрный. Уже самый фактъ совмѣстнаго существованія обоихъ взглядовъ въ нашей исторической литературѣ, не смотря на ихъ діаметральную противоположность, не говоритъ въ пользу ихъ научной компетентности. Не входя въ подробную оцѣнку этихъ взглядовъ, мы позволимъ себѣ однако же высказать по поводу ихъ нѣсколько общихъ соображеній, съ цѣлію избѣжать этого при дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія.

Первый изъ этихъ взглядовъ, признающій ересь за чистое іудейство, основывается, какъ мы видѣли,—исключительно на писаніяхъ Іосифа Волоцкаго. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, на сколько научно отдавать исключительное предпочтеніе одному источнику и безъ достаточныхъ основаній игнорировать всѣ другіе, равно какъ не предпрѣшая и того, дѣйствительно ли ересь была такова, какою изображаетъ ее Іосифъ Волоцкій, и на самомъ ли дѣлѣ Іосифъ изображаетъ ее именно такъ, какъ понимаютъ это изслѣдователи, основывающіеся исключительно на его писаніяхъ,—мы ограничимся простымъ указаніемъ тѣхъ неосудимѣй, которыми естественно возникаютъ при такомъ взглядѣ на ересь, и разъясненій которыхъ мы напрасно стали бы искать у нашихъ изслѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, если ученіе еретиковъ было чистое, грубое іудейство, то какимъ образомъ оно могло привиться и глубоко пустить свои корни въ православномъ христіанскомъ обществѣ, и притомъ первоначально въ той его средѣ, интересы которой самымъ близкимъ образомъ связаны были съ интересами вѣры и церкви? Какимъ образомъ столь долгое время великій

¹⁾ Посланіе къ Іоасау, Просвятит., стр. 59; Посланіе къ Митрофану.

князь, духовная власть и православное общество могли индифферентно относиться къ еретикамъ, грозившимъ окончательно ниспровергнуть весь существующій религіозно-церковный строй и вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать всѣ основы жизни социальной и политической, но тѣсной связи ея съ жизнью церковно-религіозною? Въ свою очередь, почему сами еретики, если они отвергали христіанство во всемъ его объемѣ и принимали іуданизмъ, не воспользовались благопріятными для нихъ моментами (а такіе моменты, какъ мы видѣли, были въ исторіи ереси), и не приступили къ радикальному переустройству церковно-религіознаго строя сообразно исповѣдуемой ими доктринѣ, но продолжали сохранять связь съ церковью, которую они абсолютно отвергали, и съ обществомъ, съ которымъ не сходились въ самыхъ дорогахъ для него интересахъ? Нельзя жъ объяснять это однимъ страхомъ преслѣдованія: вѣдь было же время, когда они могли безопасно сдѣлать это? Наконецъ, если ересь дѣйствительно была такою, то какимъ образомъ въ самомъ православномъ обществѣ находились лица, несомнѣнно православныя и глубже, чѣмъ всякій другой, понимавшія истинный духъ христіанства, которыя однакоже являлись горячими противниками всякихъ репрессивныхъ мѣръ противъ еретиковъ и даже сомнѣвались, была ли это ересь? ¹⁾ Могло ли быть все это, еслибъ ересь имѣла тотъ характеръ, какой ей приписываютъ? Правда, намъ отвѣчаютъ, что принятію ереси способствовали, съ одной стороны, ученость первыхъ ея пропагандистовъ и особенно знакомство ихъ съ астрологіей и кабалистикою, такъ обаятельно дѣйствующими на умы людей невѣжественныхъ, а съ другой—невѣжество и недостаточное знакомство даже съ самыми основными истинами христіанства первыхъ прозелитовъ ереси, новгородскихъ священниковъ ²⁾. Но еще вопросъ: дѣйствительно ли первые послѣдователи ереси были людьми невѣжественными, по крайней мѣрѣ, по своему времени? Историческія данныя приводятъ насъ къ противоположному заключенію: намъ ужъ извѣстно, что всѣ главныя еретики были людьми книжными, а нѣкоторые изъ нихъ, каковы, напримѣръ, братья Курицыны, даже не чужды были тогдашняго европейскаго образованія. Попъ Алексѣй выдавалъ себя и своихъ единомышленниковъ за лицъ, единственно способныхъ къ продолженію оканчивавшейся тогда пасхалии. Еретики имѣли у себя такіа книги,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, № 239.

²⁾ Макарий, Ист. Р. Ц., т. VI, 88; Харамзинъ, Ист. Г. Р., т. VI, 129—126.

какихъ не имѣлъ даже самъ высокообразованный по своему времени Новгородскій владыка Геннадій, и послѣднему для борьбы съ ними потребовалась даже „логика“. Книжность именно и была тою почвою, на которой они впервые сошлись съ иудействомъ. Конечно, уровень богословскаго образованія ихъ былъ также не слишкомъ высокъ, какъ не высокъ онъ былъ и вообще въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ: они были грамотники-начетчики, богословы-самоучки; но все жъ они не были на столько невѣжественными, чтобы не знать и не умѣть отстоять основныхъ истинъ христіанства, — тѣмъ болѣе, что уже и въ тогдашней нашей литературѣ были сочиненія, которыя съ пользою могли служить имъ для этой цѣли. Но если и предположимъ, что они, по своему невѣжеству, дѣйствительно оказались безсильными противъ аргументація ученаго жидовства, направленной противъ теоретической стороны христіанства, то вѣдь иудейство отрицало не одну только эту сторону въ христіанствѣ; оно раннимъ образомъ восстаетъ и противъ другой стороны его, которая была ближе и понятнѣе для русскаго человѣка той эпохи, и которою онъ больше всего дорожилъ: это—церковно-обрядовая вѣщность. Не понятно, какимъ образомъ онъ разомъ могъ склониться на убѣжденія Жидовъ, моментально порвать связь со всѣми вѣковыми религіозными традиціями, если только въ немъ предварительно и тоже историческимъ путемъ, мало по малу не поколеблено было довѣріе къ нимъ. Созданное исторіей разрушается тоже исторіей: это старая истина; она, вѣроятно, приложима и въ данномъ случаѣ. Притомъ нужно еще доказать, что люди невѣжественные менѣе консервативны въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ люди образованные; историческій опытъ убѣждаетъ насъ скорѣе въ противномъ: невѣжественная масса крѣпче и упорнѣе, чѣмъ образованные слои общества, держится своихъ прежнихъ, историческихъ вѣрованій и не любитъ никакихъ, даже самыхъ незначительныхъ новшествъ въ этой области, какъ это наглядно и доказалъ опытъ исправленія недостатковъ нашей церковно-богослужебной практики, предпринятый въ XVII столѣтіи и разрѣшившійся расколомъ старообрядчества. Все это, въ своей совокупности, побуждаетъ насъ признать анализируемый взглядъ на характеръ ересеученія жидовствующихъ не настолько обоснованнымъ, чтобы можно было принять его за несомнѣнно достовѣрный.

Переходимъ къ другому взгляду на ересь, по которому она есть не что иное, какъ механическая смѣсь разнообразныхъ еретическихъ

толковъ и изъясненій, развившихся съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и произвольно соединенныхъ подъ именемъ жидовства. Главнымъ основаніемъ этого взгляда служитъ то, что такою именно считали ересь сами современники, близко знакомые съ нею. Они видѣли въ ней не одно іудейство, но „ереси много“. Это совершенно справедливо, но вопросъ въ томъ, какое понятіе соединяли они съ словомъ „ересь“. Была ли это, по ихъ мнѣнію, цѣлая еретическая система, или подъ „ересью“ они разумѣли только какой-нибудь частный пунктъ ересеученія, напоминающій собою одно изъ заблужденій древнихъ христіанскихъ сектъ? Мы склонны допустить послѣднее, и вотъ на какомъ основаніи: Книжный человѣкъ тогдашней эпохи, по степени и характеру своего развитія, мало способенъ былъ отъ частныхъ случаевъ доходить до общихъ началъ и возводить частныя явленія къ общимъ причинамъ; онъ видѣлъ только одинъ частный, голый фактъ и опѣивалъ его по какой-нибудь готовой рутинной мѣркѣ; до причинной связи, до системы ему не было никакого дѣла; онъ признавалъ въ современномъ ему антицерковномъ движеніи нѣчто похожее на іудейство, маркіанство и мессалианство, даже саддукейство, и не обинуясь, усвоилъ этому движенію всѣ три названія; ему не было никакого дѣла до того, что сходство это, можетъ быть, было чисто-внѣшнимъ, и что пункты ересеученія, напоминающія древнія ереси, могли происходить совсѣмъ изъ другихъ началъ, чѣмъ тѣ еретическія заблужденія, названія которыхъ онъ усвоилъ имъ. Такой взглядъ на ересь былъ господствующимъ въ нашей древней полемической литературѣ еще задолго до появленія ереси жидовствующихъ и продолжалъ господствовать въ ней долгое время и послѣ нея. Наши древніе полемисты противъ латинства видѣли въ немъ до семидесяти и даже вдвое болѣе ересей; точно также первые протывораскольниковскіе полемисты въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ расколученія, напримѣръ, въ перстосложеніи, находили по нѣскольку ересей сразу; не оставались въ долгу у православныхъ и раскольниковъ¹⁾. Очевидно, что здѣсь подъ словомъ „ересь“ понималась не цѣлая система, а отдѣльныя заблужденія. Следовательно, отсюда еще никакъ нельзя выводить заключенія, — что ересь была механическимъ сдѣланіемъ, равнородныхъ еретическихъ толковъ, по имѣв-

¹⁾ См. Кириллову книгу, посл. митр. Никитѣора и Іоанна, сочиненія: патр. Іоаннина, еп. Питирима, Симеона Полоцкаго и др.

²⁾ Чт. въ Общ. Н. и Древн., т. VII, 1847 г.

шихъ между собою никакой внутренней связи. Но можетъ быть, Геннадій и Іосифъ въ данномъ случаѣ подъ словомъ „ереси“ разумѣли не отвѣченную еретическую доктрину, которой держались всѣ еретики безъ исключенія, а отдѣльные кружки, или даже отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ одни держались одного еретическаго мнѣнія, а другіе—другаго? Но именно изъ словъ того и другаго свидѣтеля и нельзя сдѣлать такого заключенія: „обрѣтохъ здѣсь“, говоритъ Геннадій, — „новгородскихъ еретиковъ, жидовская мудрствующихъ, покрыты жъ суть онѣхъ еретикъ клятвенною укоризною, Маркіанскім глаголю и Мессалианскіа... Ино то въ нихъ не одно іудейство, смѣшано съ Мессалианскою ересью“. Іосифъ прямо и опредѣленно перечисляетъ по именамъ всѣхъ исторически-извѣстныхъ еретиковъ и затѣмъ прибавляетъ: „И мнози инѣ, иже въ тайнѣ держаше ереси мнози, десятословіемъ на жидовство учаще и Саддукейскую и Мессалианскую ересь держаше, и многа развращенія творяще“ ¹⁾. Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ не о лицахъ, приписавшихъ то или другое изъ упомянутыхъ ученій, а о самомъ ученіи, исповѣдуемомъ одними и тѣми же лицами. Что же касается до другаго мотива этого взгляда — неодинаковости наказанія еретиковъ, то самый прямой, самый естественный выводъ отсюда, по нашему мнѣнію, тотъ, что еретики казались въ глазахъ тогдашняго правосудія не одинаково виновными: одни изъ нихъ судились какъ пропагандисты ереси и открытые попустители христіанской святини; другіе, на оборотъ, являлись въ глазахъ власти только увлеченными; но отсюда еще нельзя заключать, что еретиковъ постигла неодинаковая кара именно потому, что они держались различныхъ еретическихъ толковъ, если только на это нѣтъ никакихъ указаній въ памятникахъ. Понятно, что ученіе еретиковъ еще не могло представлять собою строгой, вполне законченной системы, — ересь, — въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ подлежитъ нашему изслѣдованію, — существовала всего только нѣсколько десятковъ лѣтъ: срокъ слишкомъ непродолжительный для того, чтобъ она могла выработаться въ строго-опредѣленную систему, особенно если мы примемъ въ соображеніе, что условія ея развитія были далеко не всегда благоприятны. Между еретиками не могло быть полнаго единомыслія ужъ и потому одному, что они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ слоямъ, рѣзко различавшимся между собою по степени и характеру своего умственнаго развитія; само

¹⁾ Просвѣтит., 59.

собою разумѣется, что каждый изъ еретиковъ понималъ исповѣдуемую имъ религіозную доктрину по своему, сообразно съ степенью и складомъ своего интеллектуальнаго развитія, какъ это бываетъ и со всякою вѣроисповѣдною доктриною. Но изъ этого еще слишкомъ поспѣшно было бы заключать, что сама еретическая доктрина вовсе лишена была внутренняго единства, и что между еретиками, кромѣ одинаковаго отрицательнаго отношенія къ прежде установившемуся религіозно-церковному строю, не существовало никакихъ другихъ пунктовъ, на которыхъ они могли бы сходиться между собою и основывать свое религіозное единство. Оппозиціонное отношеніе къ церкви, какъ принципъ чисто-отрицательный, можетъ способствовать разрыву съ существующимъ, но не въ состояніи служить основаніемъ для новаго религіознаго единства, не способно создать его; это достигается только чрезъ согласіе въ религіозныхъ принципахъ положительнаго свойства. Безъ согласія въ положительныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ также не возможно никакое религіозное общеніе, какъ при отсутствіи ихъ не возможна религія вообще. Поэтому, если существовало между еретиками религіозное общеніе, то значить—была и внутренняя основа его, состоявшая въ принятіи каждымъ членомъ религіозной корпораціи если не цѣлой вѣроисповѣдной системы, то по крайней мѣрѣ, большаго или меньшаго количества положительно-религіозныхъ принциповъ, также не лишенныхъ внутренней связи между собою. Такъ дѣйствительно и было въ данномъ случаѣ. Изъ исторіи ереси мы уже знаемъ, что еретики жидовствующіе, какъ и всѣ религіозные пропагандисты, знакомили своихъ прозелитовъ съ своими религіозно-теоретическими воззрѣніями—въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по степени ихъ умственной восприимчивости; а этого, конечно, они не могли бы дѣлать, еслибы сами предварительно не имѣли опредѣленныхъ религіозныхъ воззрѣній¹⁾. А что эти воззрѣнія не были воззрѣніями чисто-отрицательнаго свойства, на это мы тоже имѣемъ указанія въ источникахъ. Уже на первыхъ порахъ существованія ереси у еретиковъ были письменныя сочиненія съ наложеніемъ ихъ религіозныхъ воззрѣній, постоянныя общественныя собранія и даже что-то въ родѣ общественнаго богослуженія²⁾. Безъ сомнѣнія, все это такіе факты, которые говорятъ въ пользу

¹⁾ Просвѣтитель, 59—60.

²⁾ Посланіе Геннадія къ Прохору и Іоасау; посл. Іоаса на еретика Клемена. Просвѣт., 576.

зу религіознаго единства между еретиками, основаннаго на единствѣ ихъ религіозныхъ воззрѣній. На это жь указываетъ и постоянная, неизмѣнявшаяся ни при какихъ обстоятельствахъ солидарность между еретиками, не смотря на рѣзкое различіе между ними въ общественномъ положеніи и степени умственнаго развитія. Все это, повторяемъ, было бы невозможнымъ между еретиками безъ сильной религіозной связи, зиждущейся не на одномъ только отрицательномъ отношеніи ихъ къ церкви, но и на общей солидарности ихъ религіозно-теоретическихъ воззрѣній.

Такимъ образомъ и другой взглядъ на ересь, какъ на сѣнь разнородныхъ еретическихъ толковъ и мнѣній, тоже не имѣетъ подѣ собою твердой научной основы, и потому въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ быть признанъ за несомнѣнно достоверный. Что же такое, наконецъ, были тѣ воззрѣнія, которыя соединяли еретиковъ жидовствующихъ въ крѣпко организованную религіозную общину, и какія были ихъ отличительныя черты?... Только возможно подробный анализъ всѣхъ безъ исключенія памятниковъ, въ которыхъ находится хотя малѣйшее указаніе на внутренній характеръ ереси, только тщательное сличеніе этихъ памятниковъ и самыя строгіе, безпристрастные выводы изъ него въ состояніи доставить изслѣдователю возможность удовлетворительно отвѣтить на только что поставленный вопросъ.

IX.

Писанія архіепископа Геннадія, какъ источникъ свѣдѣній о ересеученіи. — Анализъ этихъ писаній и выводы изъ него. — Автописныя извѣстія, въ дополненіе и разъясненіе писаній Геннадія; сличеніе ихъ съ послѣдними. — Общее заключеніе о характерѣ ересеученія по этимъ двумъ памятникамъ.

Первый изъ православныхъ писателей, вошедшій въ личное соприкосновеніе съ еретиками жидовствующими, былъ Геннадій, архіепископъ Новгородскій. Онъ же первый изъ современниковъ оставилъ намъ и свѣдѣнія о ереси. Поэтому писанія его, какъ бы ни были общія и краткія сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія, получаютъ для насъ особенную важность; на нихъ мы прежде всего и остановимъ вниманіе.

Открывъ ересь въ Новгородѣ и произведя изслѣдованіе о ней, Геннадій послалъ подробное донесеніе о томъ царю и митрополиту. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ этотъ важный документъ, но за то сохранились отвѣтныя грамоты на него митрополита и царя, по которымъ мы хотя отчасти можемъ судить какъ о сущно-

сти донесенія Геннадія, такъ и о характерѣ самой ереси. „Писалъ еси къ намъ о томъ“, пишетъ митрополитъ Геронтіи къ Геннадію, — „что прозябають ереси въ Новгородѣ, хулы и поруганья отъ священниковъ... да и списки на тѣхъ еретиковъ прислалъ къ намъ, почему еси обыскивалъ, какъ они хулили Сына Божія и пречистую его Бождматерь и ругались святымъ иконамъ, а величаютъ жидовскую вѣру, а нашу православную христіанскую вѣру хулятъ“... Почти дословно то же самое писалъ къ нему и царь: „Писалъ еси ко мнѣ... о ересѣхъ и хуль на Христа Сына Божія и на пречистую его Матерь и о поруганіи святыхъ иконъ“... ¹⁾. Оба эти памятника, по своей краткости, позволяютъ сдѣлать изъ себя лишь одно общее заключеніе, а именно: по смыслу ихъ, все содержаніе исчерпывается тремя главными пунктами: а) хулою на Сына Божія и пречистую его Матерь, б) поруганіемъ святыхъ иконъ и в) предпочтеніемъ іудейства христіанству.

Немного матеріала къ разъясненію характера ересеученія жиновствующихъ представляютъ и писанія, принадлежащія лично самому Геннадію; но все-таки, при внимательномъ анализѣ, въ нихъ нельзя не открыть такихъ данныхъ, которыя, по крайней мѣрѣ, намѣчаютъ путь къ опредѣленію характеристическихъ особенностей еретической доктрины ²⁾. Изъ посланія къ Іоасафу оказывается, что Геннадій видѣлъ во вновь открытой ереси не одно іудейство, но и другія ереси—„Маркіанскую и Мессалианскую“. Но еретики, на всѣ распросы, никогда не сознавались въ ереси и подъ клятвою утверждали, что они православные христіане; мало того: тѣхъ, кто сталъ бы обличать ихъ, они предавали проклятiю и клялись безъ страха. Геннадій обличаетъ еретиковъ еще и въ томъ, что „попы ихъ заставляли и нилъ до обѣда обѣдню служатъ“, и „что ни есть ересей Мессалианскихъ, то все они мудрствуютъ, только то жидовскимъ десятословіемъ людей прельщаютъ, яко чествующе мнятсѣ“. Санъ свя-

¹⁾ Акты Ист., I, № 285—286.

²⁾ До насъ дошли слѣдующія посланія Геннадія, писанныя имъ въ промежутокъ времени отъ 1487 по 1490 г. включительно: къ епископамъ Прохору, Нисеонту, Филовею и Іоасафу, къ митрополиту Зосимѣ и къ собору владыкъ. Посланія къ епископамъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ можно заключать данные для характеристики ереси, почти дословно сходны между собою; но особенною полнотою въ этомъ отношеніи отличается послѣднее изъ нихъ—къ Іоасафу, архіепископу Ростовскому. Такое же взаимное сходство замѣчается и между двумя послѣдними—къ Зосимѣ и къ собору владыкъ.

щенства они принимали съ тою только цѣлю, „чтобы кого, какъ мощно, въ свою ересь привести, занежъ уже дѣти духовныя имуть держати“. Кромѣ того, еретики „образу Господа нашего Иисуса Христа и пречистыя его Матери наругались“, имѣли тетради, по которымъ они „молились по жидовски“, и „превратили псалмы на свои обычаи“, вели лѣтосчисленіе по іудейски и говорили по этому поводу: „Лѣта христіанскаго лѣтописца сократипаса, а паша пребываютъ“. Наконецъ, по словамъ Геннадія, еретики знакомы были съ астрологіей и ею прельщали христіанство, „яни, яко съ небесе знаменіе сводить“, и давали цифрамъ кабалистическое значеніе; такъ, числу 8, составлявшему излишекъ въ ихъ лѣтосчисленіи противъ православнаго (по переводу 70-ти), они усвоили такой смыслъ: „аще будете добри придамъ вамъ; аще ли будете зли, уиму васъ“¹⁾ Въ посланіяхъ къ митрополиту Зосимѣ и къ собору владыкъ, Геннадій, указавъ, какъ на обстоятельство, препятствующее избранію въ санъ епископа изъ среды московскаго духовенства, на участіе его въ священнослуженіи съ попами-еретиками, приводитъ рядъ апостольскихъ правилъ, грозящихъ изверженіемъ изъ сана и отлученіемъ всякому, кто или „съ еретики помолится, или постится съ Жиды, или празднуетъ съ ними, или приѣмлетъ отъ нихъ часть опрѣснока“, или же кто „еллипскимъ баснямъ послѣдуетъ или жидовскимъ обычаямъ“ (Пр. Ап. 10—12 и 45); а вслѣдъ за этимъ онъ прибавляетъ: „ино тѣ еретицы то все дѣйствовали, да не токмо то, но и хулу на самого Христа говорили“. Но что весьма важно—въ обоихъ этихъ посланіяхъ находится фактическое указаніе на генетическую связь ереси жидовствующихъ съ ересью стригольниковъ и на тожество ихъ основныхъ началъ. Геннадій жалуется здѣсь на инокъ Захара, оскорбившаго его болѣе трехъ лѣтъ, и называетъ его стригольникомъ. По словамъ его, Захаръ, подобно стригольникамъ, отвергалъ, ради поставленія духовенства „на издѣ“, святость церковной іерархіи и таинствъ: „У кого-де ся причащати?“ говорилъ онъ Геннадію, — „попы-деи на мздѣ ставлены, а митрополитъ-де и владыки на мздѣ ставить“. Тогда Геннадій, какъ самъ онъ выражается, — позналъ, что Захаръ—стригольникъ, и сослалъ его въ пустыню; но по повелѣнію царя и митрополита, онъ немедленно былъ освобожденъ изъ ссылки, отправился въ Москву и тамъ нашелъ себѣ радушный пріемъ и покровительство у москов-

¹⁾ Учен. Общ. Ист. и Древн. 1847 г., т. VIII.

скихъ еретиковъ-жидовствующихъ, а по другимъ извѣстіямъ — даже сталъ во главѣ ихъ ¹⁾).

Вотъ и все, что сообщаетъ намъ о ересеученіи жидовствующихъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ ревностныхъ борцовъ съ ересью въ своихъ собственныхъ писаніяхъ. По Геннадію, новоявившаяся ересь не была чистымъ іудействомъ, но заключала въ себѣ примѣсъ другихъ ересей — „маркіанской и мессалианской“. Замѣчательно, что о примѣсѣ маркіанской ереси Геннадій упоминаетъ всего только одинъ разъ, и то въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ ²⁾); между тѣмъ какъ о примѣсѣ мессалианства онъ говоритъ нѣсколько разъ, въ весьма ясныхъ и сильныхъ выраженіяхъ ³⁾). Изъ этого обстоятельства нельзя не заключать, что мессалианскія заблужденія, по мнѣнію Геннадія, составляли главную составную часть еретической доктрины. Но что такое — маркіанская и мессалианская ересь, которая, вмѣстѣ съ іудействомъ, по словамъ Геннадія, составляли все содержаніе новоявившейся ереси, и какъ велико было участіе въ ней іудейства? Рѣшеніе этого вопроса можетъ въ значительной степени способствовать разъясненію истиннаго характера ереси. По мнѣнію преосвященнаго Макарія, подъ „маркіанами“ Геннадій разумѣлъ секту маркелліанъ и фотиніанъ. Она вела свое начало отъ Маркелла, епископа Анкир-скаго (около половины IV в.), въ ученіи объ единосущіи Сына Божіи съ Богомъ Отцомъ допускавшаго совершенное сліяніе ихъ, въ смыслѣ Савелліа или Павла Самосадскаго. По ученію его, Сынъ Божій не отличенъ отъ Бога Отца; Онъ всегда былъ въ Отцѣ, какъ Его вѣчная премудрость, и не имѣлъ отдѣльнаго отъ Него бытія, какъ не имѣють отдѣльнаго бытія присущіе человѣку слово и разумъ. Поэтому, утверждалъ онъ, — названія: „Сынъ Божій“ нельзя усвоить Второму Лицу святой Троицы до его воплощенія; самое подобное ему названіе „Слово“, потому что только послѣ воплощенія своего во Христѣ оно сдѣлалось личностію, Сыномъ Божіимъ. Уче-

¹⁾ Ант. Арх. Эвеп., I, № 380; *Прав. Соб.* 1863 г., Апрель, стр. 478—481; *Хрущова*, 118—123; II. С. Р., Л. IV, 158.

²⁾ «Покрѣпы явѣ суть онѣхъ еретикъ клятвенною укоризною, Маркіанскіа глаголю и Мессалинскіа».

³⁾ «Ино то въ нихъ не одно іудейство, смѣшано съ мессалианскою ересью... а что ни есть ересей мессалианскихъ, то все они мудрствуютъ, только то жидовскимъ десятиословіемъ людей прельщаютъ... А что они клянутся безъ страха, а то въ 19-й главѣ тѣхъ же ересей мессалианскихъ явлено. А что недостойно служить божественную литургію, а то явлено въ 12-й главѣ тѣхъ же ересей».

никъ Маркелла, Фотинъ шелъ еще далѣе. Онъ, подобно Павлу Самосадскому, прямо училъ, что Слово Божіе не имѣетъ личнаго бытія и не родилось предвѣчно отъ Отца, но что Христосъ—простой человѣкъ, одушевленный только Словомъ Божиимъ ¹⁾. Мессалиане или еванты—одна изъ мистико-дуалистическихъ сектъ, зародившаяся въ IV в. въ дальнихъ монастыряхъ Востока и потомъ снова, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, воскресшая въ XI в. во еракійскихъ монастыряхъ. Въ послѣдній періодъ своего существованія, секта эта, приняла окончательно дуалистическій характеръ, сходный съ характеромъ древнихъ гностиковъ и манихеевъ, и совершенно слилась съ ересью богомиловъ, развившеюся особенно въ XII в. Такъ какъ, по воззрѣнію евантовъ, все матеріальное было произведеніемъ злаго начала, то естественно было, что они отвергали всю христіанскую церковно-обрядовую внѣшность и единственнымъ средствомъ къ достиженію нравственнаго совершенства считали внутреннюю молитву, духовное дѣланіе, для чего прибѣгали даже къ искусственнымъ средствамъ, каковы: магія, теургія и животный магнетизмъ ²⁾. Есть основаніе предполагать, что подъ мессалианами Геннадій и разумѣлъ здѣсь одинъ изъ богомильскихъ толковъ съ подобнымъ мистико-дуалистическимъ характеромъ. Въ посланіи къ Іоасафу онъ проситъ розыскать и прислать къ нему между прочимъ посланіе патріарха Фотія къ Болгарскому князю Борису и обличеніе Козмы противъ богомиловъ, которые были у еретиковъ.

Такимъ образомъ, изъ словъ Геннадія вытекаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что въ открытой имъ ереси іудейство не было преобладающимъ элементомъ, а что напротивъ, главное содержаніе ея составляли заблужденія съ чисто-христіанскимъ характеромъ. Но у Геннадія нѣтъ ясныхъ указаній на то, въ какихъ именно пунктахъ находили онъ сходство между открытою имъ ересью и заблужденіями маркіанъ и мессалианъ; за неимѣніемъ ихъ, остается до времени до-

¹⁾ Г. Иконниковъ отождествляетъ Маркіанъ Геннадій съ гностикомъ-маркіонитомъ; но съ этимъ едва ли можно согласиться, потому что маркіониты впадая въ ветхомъ заветѣ дѣла злаго начала, а следовательно, ученіе ихъ не могло вступить въ компромиссъ съ іудаизмомъ (Иконниковъ, О культурномъ значеніи Византизма, стр. 397). Поэтому мнѣніе преосвященнаго Макарія кажется намъ вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что оно выходитъ себя дальнѣйшее подтвержденіе въ источникахъ.

²⁾ Макарій, Ист. Р. Ц., IV, 84, примѣч. 113; Смирновъ, Ист. Христ. Ц., II, 213—214.

вольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Такъ какъ ересь маркелліанъ имѣла исключительно-теоретическій характеръ и касалась только лица Христа Спасителя, то вѣроятно, и ученіе новгородскихъ еретиковъ сходилось съ нею именно въ этомъ пунктѣ; но какъ далеко простиралось это сходство между ними, это, по отсутствію данныхъ, остается неразрѣшимымъ. Что же касается схода еретической доктрины съ мессалианствомъ, то трудно предположить, чтобы оно существовало въ догматико-теоретическомъ отношеніи; но крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы жидовствующие проповѣдывали дуализмъ. Совсѣмъ другое дѣло—церковно-обрядовая сторона: здѣсь мы ужъ имѣемъ опредѣленныя указанія, что именно въ одинаковомъ отрицательномъ отношеніи тѣхъ и другихъ еретиковъ къ христіанской внѣшности Геннадій и видѣлъ сходство между тою и другою ересью. „А что они клянутся безъ страха, а то въ 19-й главѣ тѣхъ же ересей мессалианскихъ явлено. А что недостойно служить литургію, а то явлено въ 12-й главѣ тѣхъ же ересей“, говоритъ онъ въ посланіи къ Іоасафу ¹⁾. Кромѣ того, у него приводится нѣсколько разительныхъ примѣровъ кощунства еретиковъ надъ иконами и другими священными предметами, свидѣтельствующихъ объ отрицательномъ отношеніи ихъ къ христіанской внѣшности. Но вѣроятно, и это послѣднее сходство было только чисто-внѣшнимъ. Отрицаніе мессалианами церковно-обрядовой внѣшности выходило изъ взгляда ихъ на все матеріальное и чувственное, какъ на зло; отрицаніе же новгородскихъ еретиковъ имѣло совсѣмъ другіе мотивы, какъ это наглядно доказываетъ примѣръ чернеца Захара, отвергавшаго іерархію и таинства ради поставленія духовенства „на жидѣ“. Намъ остается точнѣе опредѣлить, въ чемъ—по Геннадію—выражалось въ ереси участіе іудейства. Геннадій повсюду называетъ еретиковъ „жидовская мудрствующими“, но на самомъ дѣлѣ отводитъ жидовству въ религіозномъ воззрѣніи еретиковъ лишь самое незначительное мѣсто. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что еретики жидовскимъ десятословіемъ только людей прельщаютъ. Разсуждая о наскаліи, онъ развиваетъ ту мысль, что еретики держались болѣе еврейскаго, чѣмъ православнаго лѣтосчисленія по переводу 70-ти толковниковъ. Нако-

¹⁾ Главы, въ которыхъ заключались свидѣнія объ еретикахъ, вѣроятно, входили въ составъ тогдашнихъ кормчихъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщались и споры объ опредѣленіи о еретикахъ: «еще въ твоихъ не будетъ правилъ», писъ великаго князя правилъхъ писаны», говоритъ Геннадій въ посланіи къ Прохору.

нецъ, приводя, въ числѣ другихъ, апостольское правило, грозящее отлученіемъ всякому, кто постится съ Жидами, празднуетъ съ ними или пріемлетъ часть опрѣснока, онъ замѣчаетъ: „Ино тѣ еретицы то все дѣйствовали“. Вотъ и все, въ чемъ, по Геннадію, выразился въ ереси элементъ жидовства.

Общій выводъ изъ писаній Геннадія относительно характера ересеученія жидовствующихъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: а) жидовствующіе искажали догматъ о лицѣ Богочеловѣка и таинствѣ воплощенія; можно предполагать, что они держались воззрѣній на эти догматы, сходныхъ съ воззрѣніями Маркелла и Фотина; б) они отрицали православную церковно-обрядовую вѣрность, но какъ далеко простиралось это отрицаніе, и чѣмъ оно мотивировалось,—изъ источника этого не видно; в) ересь не была іудействомъ и носила на себѣ лишь незначительные слѣды его вліянія.

Къ писаніямъ Геннадія, въ хронологическомъ порядкѣ, непосредственно примыкаютъ сказанія лѣтописей. Большинство лѣтописныхъ извѣстій о ереси ограничивается простымъ указаніемъ на бывшіе противъ еретиковъ соборы или на казни ихъ, послѣдовавшую вслѣдствіе соборныхъ приговоровъ. Только Новгородская четвертая лѣтопись, годъ 1490 годомъ, сообщаетъ въ довольно полномъ видѣ приговоръ собора, бывшаго на еретиковъ 17-го октября этого года. Въ самомъ приговорѣ, между прочимъ, излагается, какъ мотивъ его, и сущность ересеученія жидовствующихъ. Это извѣстіе для насъ тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что оно принадлежитъ, очевидно, современнику, и притомъ жителю той самой мѣстности, которая служила главною ареною дѣятельности еретиковъ ¹⁾. Самая форма изложенія его показываетъ, что оно если не было буквальнымъ спискомъ съ соборнаго опредѣленія, то несомнѣнно составлено на точномъ основаніи его. По лѣтописному извѣстію, еретики говорили „про Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія: „какъ можетъ Богъ на землю снйти и отъ дѣвы родиться, яко челоуѣкъ? но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу“; и не вѣроваху, еже отъ пречистыя дѣвы Богородицы рождеству ея, ни воскресенію его, ни на иконахъ писаному образу по челоуѣчеству Господа Іисуса Христа Сына Божія не поклоняхуса, ни Пречистыя образу, ни святымъ Его угодникомъ, но хуляще и ругающеся глаголаху: „то суть

¹⁾ Предисловіе къ IV т. П. С. Р. Л.; Обзоръ духовной литературы преосвящ. Филарета, I, 100.

дѣла рукъ человѣческихъ, уста имуть и не глаголютъ... и прочее; подобни будутъ творящіи и вси надѣющіеся на нѣ^а; и также и божественную службу совершающе ядше и пивше, и тѣло Христово ни во что же вѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино, и иныя ереси многи творяще противно правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, но больше ветхаго завѣта державуся, по іудейски пасху праздноваху, въ среду и въ пятокъ мясо и млеко ядаху и иныя дѣла неподобныя еретическая твораху, ихъ же не можно и писатию предати^а....

Вслѣдъ за изложеніемъ ересеученія, въ лѣтописномъ извѣстїи говорится, что великій князь и митрополитъ съ епископами и со всѣмъ священнымъ соборомъ чинили обыскъ еретикамъ „по архіепископовымъ Геннадіевымъ подлинникамъ и по московскимъ свидѣтельствомъ“, на основанїи которыхъ и постановили свой приговоръ¹⁾. Такимъ образомъ на приведенное лѣтописное сказаніе, независимо отъ самостоятельнаго его значенія, какъ свидѣтельства, современнаго ереси, нужно еще смотрѣть какъ на пополненіе и разъясненіе свѣдѣній о ереси, сообщаемыхъ архіепископомъ Геннадіемъ. И, дѣйствительно, сравнивая писанія Геннадія съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, мы не только не видимъ между ними существенной разницы, — напротивъ того, что остается полнымъ или не досказаннымъ въ первыхъ, то въ значительной степени пополнено и разъяснено во второмъ. Изъ писаній Геннадія мы вывели заключеніе, что еретики несомнѣнно искажали догматъ о лицѣ Іисуса Христа и Его воплощенїи; но относительно вопроса — въ чемъ состояло это искаженіе, мы ограничились лишь однимъ вѣроятнымъ предположеніемъ, что еретики въ означенныхъ пунктахъ своего ученія высказывали что-нибудь похожее на ересь Маркелла или Фотина. Въ лѣтописномъ сказанїи мы находимъ категорическое разрѣшеніе этого вопроса. Еретики отрицали божество и воплощеніе Іисуса Христа: „како можетъ Богъ на землю снѣти и отъ дѣвы родитися яко человекъ? но ни есть тако“; но они безусловно не отрицали Его божественнаго посланничества: „яко про-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 158 — 159. Варіантъ этого опредѣленія находится въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л., VIII, 220 — 221). Здѣсь пропущены начальные слова его: „глаголющимъ же ямъ про Господа нашего Іисуса Христа Сына Божїа: „како можетъ Богъ на землю снѣти и отъ Дѣвы родитися яко человекъ? но ни есть тако; яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу; и не вѣроваху... ни рождеству сѣ, ни воскресенію Его.... Пропустъ этотъ, по замѣчанію издателей лѣтописи, — находится во всѣхъ спискахъ ея“.

рокъ бѣ подобенъ Моусею, а не равенъ Богу Отцу". Слѣдовательно, нельзя не видѣть въ ихъ ученіи близкаго сходства съ доктриною строгихъ маркеліанъ или фотиніанъ, учившихъ объ Иисусѣ Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ, одушевленномъ только Словомъ Божиимъ. Отвергая божество и воплощеніе Иисуса Христа, они естественно не вѣрили „еже отъ пречистыя Дѣвныя Богородицы рождеству ея, ни воскресенію его“, не поклонялись иконамъ и отвергали вообще всѣ предметы и дѣйствія церковно-обрядовой внѣшности, находящіеся въ непосредственной связи съ этими догматами. Пѣтъ между нами противорѣчія и относительно участія въ ереси іудейскаго элемента: какъ у Геннадія находится указаніе на то, что еретики учили десятословію, держались еврейскаго лѣтосчисленія, постились и праздновали по іудейски, такъ и въ лѣтописномъ сказаніи говорится, что они держались больше ветхаго завіта, по іудейски праздновали Пасху и нарушали христіанскіе посты. Что же касается словъ лѣтописнаго сказанія: „больше ветхаго завіта державуся“, то едва ли пужно разумѣть подъ ними что-нибудь большее того, на что въ частности указываютъ Геннадій и лѣтописное сказаніе, тѣмъ болѣе, что еретики, отвергая божество Иисуса Христа, все-таки не отрицали его божественнаго посланничества, слѣдовательно, не отвергали безусловно и его ученія.

Такимъ образомъ, какъ изъ писаній Геннадія, такъ и изъ лѣтописнаго сказанія, ясно слѣдуетъ, что ересь жидовствующихъ была одною изъ христіанско-раціоналистическихъ ересей съ значительною примѣсью современнаго іудаизма; но іудаизмъ не имѣлъ въ ней преобладающаго значенія, а вліялъ на нее преимущественно съ внѣшней, обрядовой стороны.

Х.

«Просвѣтитель» Іосефа Волоцкого.—Внутренній составъ и раздѣленіе «Просвѣтителя». — Изложеніе ересеученія жидовствующихъ по «Просвѣтителю». — Последовательность этого изложенія и развогласіе его съ другими источниками. — Объясненіе и опытъ примиренія этихъ противорѣчій. — Общіе заключенія относительно характера ересеученія. — Участіе іудаянъ въ ереси. — Замѣчательный памятникъ XV вѣка, объясняющій степень этого участія.

Переходимъ къ самому важному источнику нашего предмета, важному какъ по богатству и обширности содержанія, такъ и по систематичности и обстоятельности изложенія. Разумѣемъ знаменитое твореніе преп. Іосифа Волоколамскаго, дошедшее до насъ подъ именемъ „Просвѣтителя“.

часть оѴѴѴѴ, отд. 2.

2

По содержанію, „Просвѣтитель“ распадается на двѣ совершенно самостоятельныя части: на историческую, въ составъ которой входитъ „сказаніе о новоявившейся ереси“ съ присоединеніемъ къ нему, какъ его продолженія, исторической части XV-го слова, — и догматико-полемическую, обвиняющую собою 16 словъ, направленныхъ противъ различныхъ пунктовъ ересеученія жидовствующихъ¹⁾. Въ свою очередь, и догматико-полемическія слова „Просвѣтителя“, по своему содержанію, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ. Къ первой группѣ можно отнести первыя четыре слова, направленные въ защиту основныхъ догматовъ христіанства — тринности²⁾ лица въ Богѣ, божества и воплощенія Сына Божія; ко второй — слѣдующія три слова (V-е, VI-е и VII-е), защищающія почитаніе иконъ и другихъ священныхъ предметовъ православной церковно-обрядовой вышности; къ третьей — VIII-е, IX-е и X-е слова, ограждающія противъ нападокъ еретиковъ истинность апостольскихъ и свято-отеческихъ писаній; къ четвертой — II-е слово, содержащее въ себѣ апологію монашества. Последнюю группу составляютъ остальныя пять словъ, имѣющихъ предметомъ опредѣленіе отношеній православныхъ къ еретикамъ и потому мало могущія служить къ уясненію теоретической стороны ереси. По обширности словъ „Просвѣтителя“ мы не будемъ подробно излагать ихъ содержаніе; для нашей цѣли достаточно собрать и соединить въ одно цѣлое всѣ заключающіяся въ нихъ частныя черты, которыя такъ или иначе могутъ служить къ уясненію сущности ересеученія жидовствующихъ.

¹⁾ Мы не будемъ касаться посланій Іосифа, писанныхъ имъ по поводу ереси, потому, что одна изъ нихъ, относясь ко вышней исторіи ереси, мало уясняютъ самый характеръ ея, и главнымъ образомъ потому, что содержаніе всѣхъ ихъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ, исчерпывается „Просвѣтителемъ“. Такъ, посланіе къ Василіану, по предмету своему, однакоже съ первымъ словомъ „Просвѣтителя“; вторая половина посланія къ Инокентію почти дословно сходна съ XII-мъ словомъ; кромѣ того, въ этомъ же посланіи встрѣчается нѣсколько мѣстъ, сходныхъ съ предисловіемъ и XIII-мъ словомъ; въ XV-мъ и XVI-мъ словахъ рассматривается тотъ же предметъ, который составляетъ содержаніе посланій къ великому князю Василію Іоанновичу и Іоанну Васильевичу и къ старцамъ, не понимавшимся соборному опредѣленію. Вообще посланія, въ сравненіи съ словами, сходными съ ними по содержанію, представляютъ матеріалъ, который, будучи обработанъ впоследствии, вошелъ въ составъ самыхъ словъ. На этомъ же основаніи мы не останавливаемся и на исторической части „Просвѣтителя“, а прямо переходимъ къ анализу догматико-полемическихъ словъ его, имѣющихъ предметомъ своимъ опроверженіе ересеученія жидовствующихъ.

По ученію еретиковъ, какиѣ оно является въ „Просвѣтителѣ“, Богъ Отецъ не имѣетъ ни Сына, ни святаго Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ Себѣ; святой Троицы нѣтъ. А что священное Писаніе говоритъ, будто Богъ имѣетъ Слово и Духъ, — это правда; но онъ имѣетъ слово обыкновенное, произносное, а Духъ есть духъ, исходящій изъ устъ Божіихъ и разливающимійся въ воздухъ. Тотъ же Сынъ Божій, о которомъ проповѣдывали пророки, — Сынъ Божій не по существу, а по благодати ¹⁾ (I-е слово). Обѣтованный Мессія еще не приходилъ и не родился, а что касается до Христа, котораго христіане исповѣдуютъ Богомъ, онъ не Богъ, а простой человѣкъ; его Іудеи распяли; онъ умеръ и не воскресалъ, не вознесся на небо и не придетъ судить міръ. Когда же родится истинный Мессія, то онъ будетъ Сыномъ Божіимъ не по существу, а только по благодати, какъ пророки Моисей, Давидъ и другіе. Если же въ пророческомъ писаніи и говорится о послѣднемъ судѣ, воскресеніи мертвыхъ и пр., то судить будетъ не Іисусъ Христосъ, а Богъ Вседержитель (II-е слово). А такъ какъ истинный Мессія еще не приходилъ, то нужно держаться закона Моисеева (III-е слово). Воплощенія Бога не было; оно и не сообразно съ высочайшими свойствами Божества и не нужно. Ужели Богъ не могъ иначе спасти Адама и его потомство, ужели не имѣлъ небесныхъ силъ, пророковъ и праведниковъ, чтобы послать ихъ исполнить хотѣніе свое; но непремѣнно Самъ сошелъ, какъ нестяжатель и нищъ, вочеловѣчился и пострадалъ и такимъ образомъ перехитрилъ діавола? Не прилично поступать такъ Богу (IV-е слово). Если Іисусъ Христосъ не Сынъ Божій, а простой человѣкъ, то не слѣдуетъ почитать и пресвятую дѣву Богородицу, великаго предтечу Іоанна, апостоловъ и угодниковъ Божіихъ ²⁾. Святую Троицу на иконахъ изображать не нужно. Существующее изображеніе взято съ того, будто бы Авраамъ принималъ у себя святую Троицу; но это не правда: Авраамъ бо пріятъ и учредилъ Бога съ двѣма ангелами, а не Троицу... Какъ это святые и божественные учителя наши пишутъ иногда,—какъ будто бы святую Троицу принималъ Авраамъ; иногда — какъ будто бы Бога съ двумя ангелами, а иногда—просто трехъ ангеловъ? Сія убо глаголы мнѣ сопротивны себѣ (V-е слово). Не нужно поклоняться и иконамъ, кресту, евангелію, тайнамъ Христовымъ, освященнымъ сосудамъ, мощамъ

¹⁾ Просвѣтитель, стр. 91.

²⁾ Просвѣтитель, стр. 568.

святыхъ и храмахъ. Самъ Богъ устами Моисея запрещаетъ поклоненіе отъ рукъ человѣческихъ сотвореннымъ вещамъ; зачѣмъ же, вопреки запрещенію Божию, дѣлать многія подобія, поклоняться и служить имъ? ¹⁾ Но если пѣкоторыя вещи и дѣйствительно святы и достойны уваженія, то поклоняться все-таки не подобаетъ ни чему, кромѣ еди-наго Бога, ибо писано: Господу Богу твоему поклонишися и тому еди-ному послужиши (Второз. 6, 13). Но пусть будетъ такъ: пусть иконѣ Христа подобаетъ поклониться; но что сказать о прочихъ, которыхъ называютъ святыми, и образы которыхъ напишутъ и мертвыя кости которыхъ любить и почитаютъ? Какимъ образомъ Богъ въ бездуш-ныхъ тѣлесахъ и рукотворенныхъ вещахъ можетъ являть чудеса? ²⁾... (VI-е и VII-е слово). Святые отцы говорили, что съ концомъ седьмой тысячи наступитъ конецъ міра и будетъ второе пришествіе Христово; у апостоловъ также сказано, что Христосъ родился въ послѣднія лѣта. Но вотъ уже семь тысячъ лѣтъ окончились, и пасхалія прейде, а пришествія Христова нѣтъ. Значитъ, неправду говорили святые отцы и апостолы, и писанія ихъ ложны (VIII-е, IX-е и X-е слова). Монашество—измышленіе чисто-человѣческое и не угодно Богу. Мо-нахи оставили заповѣдь Божию; отступили отъ пророческаго, еван-гельскаго и апостольскаго ученія, сами себѣ измыслили образъ жизни и держатся преданій не божественныхъ, а человѣческихъ (гл. 1-я XI-го слова). Еслибы жизнь ихъ была угодна Богу, то конечно, Іисусъ Христосъ и апостолы были бы монахами, но ими они не бы-ли, слѣдовательно, иноческій образъ божественъ и не есть учрежденіе божественное (2-я гл.) Черный иноческій образъ не ангеломъ приданъ былъ Пахомію. Еслибы это было такъ, то ангелъ явился бы въ свѣтломъ образѣ; но онъ явился чернъ, слѣдовательно, это было зна-меніе бѣсовскаго дѣйства. Инокѣ—это и есть тѣ отступники отъ вѣры, лжецы и лицебѣры, сожженные своею совѣстію, возбраняющіе жениться и удаляющіеся отъ брашенъ, — лжецы и лицебѣры, кото-рые, по словамъ апостола, явятся въ послѣднія времена (1 Тимое. 4, 1—3); къ нимъ относится и слово Моисея: „проклятъ всякъ, кто не возстановитъ сѣмени во Израили“ (Второз. 25, 5—9) (гл. 3-я) ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 252—253.

Тамъ же, 256.

²⁾ Просвѣтителъ, стр. 284, 286, 276.

³⁾ Для удобства мы положили ересеученіе на общедоступномъ языкѣ, впро-чемъ съ удержаніемъ точнаго смысла подлинника. При дальнѣйшемъ анализѣ

Такимъ, по словамъ пр. Іосифа, является ересеученіе жидовствующихъ. Разсматривая это изложеніе ересеученія, нельзя не замѣтить въ немъ и внутренней непоследовательности, и существеннаго разногласія его съ другими, уже анализированными выше источниками. Изъ первыхъ четырехъ словъ видно, что еретики отвергали самые основные догматы христіанства и проповѣдывали чистый іудаизмъ, между тѣмъ какъ изъ всѣхъ послѣдующихъ словъ оказывается, что отрицаніе еретиками христіанства не было на столько безусловнымъ. Такъ, по V-му слову, еретики отрицали только явленіе святой Троицы Аврааму и на этомъ основаніи—необходимость изображать ее на иконахъ, оспившая свое отрицаніе единственно на разногласіи объ этомъ святыхъ отцовъ; но не затрогивали самаго догмата о триничности лицъ Божества. По VI-му и VII-му слову, они отвергали поклоненіе иконамъ и другимъ священнымъ предметамъ; но отрицаніе ими и церковно-обрядовой внѣшности тоже не было безусловнымъ: еретики допускали, что нѣкоторые предметы дѣйствительно сныты и достойны уваженія, но не всѣ, какіе пользовались уваженіемъ православныхъ, и не въ такой мѣрѣ, въ какой оно имъ воздавалось; равнымъ образомъ, ни изъ чего не видно, чтобы отрицаніе это исходило изъ отрицанія основныхъ догматовъ христіанства. Изъ VIII-го, IX-го и X-го словъ оказывается, что, по поводу не сбывшагося ожиданія втораго пришествія Христова и кончины міра съ концомъ седьмой тысячи, еретики отрицали святоотеческія и даже апостольскія писанія, но и здѣсь скорѣе нужно предположить, что они заподозрѣвали истинность только частныхъ мѣстъ изъ тѣхъ и другихъ писаній, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, заключались указанія на близость кончины міра и втораго пришествія Христова, что мы и надѣемся доказать впослѣдствіи. Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ ограниченности объема отрицанія еретиками христіанства служить XI-е слово. Отсюда мы видимъ, что еретики мотивировали свое отрицаніе монашества тѣмъ, что оно противорѣчитъ пророческимъ, евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ и не согласно съ примѣромъ самого Іисуса Христа и апостоловъ, при чемъ ссылались на ихъ иконыя изображенія и приводили мѣста изъ писаній апостольскихъ. Кромѣ этихъ общихъ противорѣчій между цѣлыми группами словъ „Просвѣтителѣ“, нельзя не обратить вниманія еще на разногласіе, существующее и ме-

его, мы будемъ приводить буквальныя слова первоисточника тамъ, гдѣ это окажется необходимымъ.

жду отдѣльными словами. По V-му слову, еретики заподозрѣвали законность только частнаго вида иконописанія, и то на основаніи чисто-христіанскихъ данныхъ, на разногласіи объ этомъ святоотеческихъ свидѣтельствъ; но ими не отрицается здѣсь самый принципъ иконопочитанія; между тѣмъ какъ, по VI-му слову, они отвергали не только иконопочитаніе, но и всю православную церковно-обрядовую внѣшность, хотя тутъ же дѣлали уступку въ пользу чествованія нѣкоторыхъ священныхъ предметовъ. По VIII-му слову, отрицается истинность святоотеческихъ писаній вообще, а по X-му—только писаній Ефрема Сирина, и по видимому, объемъ отрицанія ограничивается только иконами, касающимися втораго пришествія Христова. IX-е слово направлено противъ отрицателей истинности апостольскихъ писаній, между тѣмъ какъ, по XI-му слову, отрицаніе монашества главнымъ образомъ и основывается, между прочимъ, на писаніяхъ и примѣрѣ апостоловъ.

Все это такіе разногласія, которыя не могутъ не остановить на себѣ вниманія изслѣдователя и невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ согласіи этого изложенія ересеученія съ дѣйствительностію. Но если мы обратимъ вниманіе на исторію происхожденія „Просвѣтителя“, если пристальное всмотримся въ свойство еретическихъ возраженій противъ существующаго церковно-религіознаго строя и въ характеръ полемическихъ приемовъ, употребляемыхъ авторомъ для ихъ опроверженія, а также постараемся освободить взгляды автора на ересь отъ той значительной доли субъективизма, которая обуславливалась въ немъ частію его положеніемъ, какъ защитника православія, частію степенью и характеромъ его умственнаго развитія, то при этихъ условіяхъ, эта непоследовательность въ ересеученіи жидовствующихъ, какимъ оно является въ устахъ автора „Просвѣтителя“, — не только сдѣлается вполне понятною, но и въ значительной степени можетъ изгладиться. При этихъ же условіяхъ исчезнетъ и то противорѣчіе, въ какомъ, по видимому, стоитъ это изложеніе ересеученія съ изложеніемъ его въ писаніяхъ Геннадія и въ лѣтописи.

Мы не имѣемъ положительныхъ указаній въ источникахъ, на основаніи которыхъ могли бы съ точностію опредѣлить появленіе первыхъ четырехъ словъ „Просвѣтителя“. Но не подлежитъ сомнѣнію, что слова эти принадлежатъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ пр. Іосифа, писаннымъ имъ по поводу ереси. Есть даже основаніе предполагать, что они появились вскорѣ послѣ открытія Геннадіемъ ереси въ Новгородѣ, или по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ того,

какъ дошли свѣдѣнія о ней до Іосифа; а свѣдѣнія эти Іосифъ впервые могъ получить не отъ кого другаго, какъ отъ своего епархіальнаго владыки Геннадія. Самъ Іосифъ, не покидавшій своей обители, со времени ея основанія до собора 1503 года, естественно долгое время не имѣлъ случая для личнаго знакомства съ ересью и еретиками ¹⁾; даже о еретичествѣ Зосимы онъ узналъ не самъ лично, а слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей ²⁾. Геннадій же, по свидѣтельству жизнеописателя Іосифова, — немедленно по открытіи ими ереси въ Новгородѣ, извѣстилъ о появленіи ея Іосифа и просилъ его содѣйствія къ искорененію ея. По полученіи этого извѣстія, Іосифъ началъ: „ово же наказаніемъ, ово же писаніемъ спомогати архіепископу“ ³⁾. Первымъ плодомъ письменнаго содѣйствія Іосифа Геннадію въ искорененіи ереси и былъ рядъ словъ его на новгородскихъ еретиковъ. Между этими словами, по времени, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, четыремъ начальнымъ словамъ „Просвѣтителя“ ⁴⁾. Въ этихъ словахъ напелъ себѣ выраженіе первоначальный взглядъ Іосифа на ересь, выработавшійся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ взгляда на нее архіепископа Геннадія. А какъ первоначально взглянулъ на ересь Геннадій — извѣстно: онъ видѣлъ въ

¹⁾ Хрущовъ, Иссл. о соч. Іосифа Саниа, стр. 177.

²⁾ Посланіе къ Нисеону, въ Чт. Общ. И. и Др. 1847 г., I, IV.

³⁾ Житіе пр. Іосифа, писанное Саввою Крутицкимъ. Великія Минеи-Четіи, сентябрь, стр. 472—473.

⁴⁾ Заключение свое мы основываемъ на томъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ противоеретическихъ писаній Іосифа всѣ другія, за исключеніемъ этихъ словъ, появились уже спустя долгое время по открытіи Геннадіемъ ереси въ Новгородѣ; такъ самое раннее изъ его посланій — къ Нисеону, появилось только въ 1493 г.; слѣдующія семь словъ (V-е—XI-е) «Просвѣтителя», какъ мы увидимъ ниже, написаны между 1498 и 1501 годами; всѣ другія писанія Іосифа по поводу ереси относятся къ еще болѣе позднему времени. Кроме того, за раннее появленіе первыхъ четырехъ словъ «Просвѣтителя», находящихся въ тѣсной логической связи между собою, говорятъ еще сходство перваго изъ нихъ, по содержанію, съ посланіемъ къ архим. Ваасіану, подыavianemъ прежде мая 1479 г., и первое мѣсто, занимаемое ими въ самыхъ древнихъ спискахъ «Просвѣтителя» (такова рукопись Соловецкой бібліотеки № 326, почти современная автору «Просвѣтителя»; см. предисл. къ печатному изданію «Просвѣтителя», стр. 34). Наконецъ, въ пользу ранняго появленія вообще всѣхъ первыхъ 11-ти словъ «Просвѣтителя» говоритъ то обстоятельство, что въ нихъ нигдѣ не упоминается въ числѣ еретиковъ или иерополита Зосимы, между тѣмъ какъ въ «сказаніи о нововившейся ереси», посланіяхъ и послѣднихъ словахъ (XII-е—XVI-е) «Просвѣтителя» авторъ упоминаетъ о Зосимѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

ней прежде всего іудейство, но въ то же время открывалъ въ ней примѣсь и другихъ ересей — маркіанской и мессалианской. Понятно, что въ такомъ видѣ онъ представилъ ересь и Іосифу. Взглядъ Геннадія естественно долженъ былъ отразиться на взглядъ на нее и Іосифа. Онъ узналъ отъ Геннадія, что первыми виновниками ереси были Жиды; чему же другому они могли учить христіанъ, какъ не отверженію христіанства и принятію іудейства? Для Іосифа, какъ для чловека своей эпохи, не были извѣстны, да едва ли были бы и понятны тѣ философско-раціоналистическія секты и направленія, нѣкія развились въ іудействѣ особенно въ средніе вѣка. Что же было удивительнаго въ томъ, что онъ, особенно на первыхъ порахъ, отождествилъ новоявившуюся ересь съ чистымъ іудаизмомъ и призналъ первыхъ еретиковъ за строгихъ послѣдователей его? Въ произведеніи ереси участвовали Жиды; слѣдовательно, ересь была жидовствомъ; слѣдовательно, еретики должны были отвергать триниость лицъ въ Богѣ, божество и воплощеніе Сына Божія, личное бытіе Духа Святаго, и проповѣдывать безусловную единоличность Божества, будущее пришествіе Мессіи Сына Божія по благодати и обязательность закона Моисеева. Такъ именно Іосифъ и взглянулъ на новоявившуюся ересь въ первыхъ трехъ словахъ „Просвѣтителя“; въ нихъ онъ безусловно отождествляетъ ересь съ іудействомъ, еретиковъ смѣшиваетъ съ жидами и направляетъ свои опроверженія безразлично противъ тѣхъ и другихъ. Очевидно, авторъ руководится здѣсь тою мыслию, что, опровергая іудейство, онъ этимъ самымъ поражаетъ и новоявившуюся ересь, сходную съ нимъ по своему содержанію. Что именно эту мысль Іосифъ имѣлъ въ виду при написаніи своихъ первыхъ словъ, и что таковъ именно былъ первоначальный взглядъ его на ересь, — подтвержденіе этому мы находимъ въ самомъ содержаніи этихъ словъ. Приступая къ опроверженію еретическаго ученія о святой Троицѣ, авторъ предпосылаетъ ему оговорку, объясняющую причину, почему онъ будетъ почерпнуть доказательства исключительно изъ ветхаго завета: „Жидове и еретицы не пріемлютъ свидѣтельства апостольскаго и отеческаго, но точію пророческая свидѣтельства глаголютъ пріимати, аще и неблагочестивымъ разумомъ“ ¹⁾. Далѣе, при постановкѣ частныхъ возраженій противъ этого догмата, авторъ безразлично приписываетъ ихъ то Жидамъ, то еретикамъ ²⁾. Самыя эти возраже-

¹⁾ Просвѣт., 80.

²⁾ Ibid., стр. 82, 84, 89, 91, 97, 104, 113.

нія имѣютъ чисто іудейскій характеръ, какъ и направленная въ нихъ опроверженіе аргументація тоже имѣетъ въ виду одно чистое іудейство. Всѣ доказательства заимствуются исключительно изъ книгъ ветхаго завіта и, вообще, избираются такіе, которыми могутъ имѣть доказательную силу только въ глазахъ Іудея. Выдѣляется въ этомъ отношеніи только IV-е слово, аргументація котораго не имѣетъ того исключительнаго характера, какимъ отличается она въ трехъ первыхъ словахъ. Здѣсь въ опроверженіе еретическихъ мнѣній приводятся самыя разнообразныя доказательства; такъ непостижимость таинства воплощенія доказывается исключительно на основаніи новаго завіта; образъ уподобленія соединенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ объясняется посредствомъ замѣчательнаго сравненія (огонь и желѣзо); другія еретическія мнѣнія опровергаются на основаніи примѣровъ ветхозавѣтной исторіи, многочисленными мѣстами изъ новозавѣтныхъ писаній и отцовъ церкви ¹⁾. Но причина этого понятна: пунктъ ересеученія, опровергаемый въ этомъ словѣ, тоже не заключается въ себѣ ничею, исключительно іудейскаго. Отрицаніе необходимости и даже возможности воплощенія Божества въ томъ смыслѣ, въ какомъ исповѣдуетъ этотъ догматъ православная церковь, практиковалось не однимъ іудействомъ, но и христіанскимъ раціонализмомъ, какъ мы уже видѣли на примѣрѣ Маркелла и Фотина; равнымъ образомъ и частныя возраженія противъ этого догмата, какія приходится рѣшать здѣсь автору, могли родиться и у христіанскихъ вольномыслителей; а нѣкоторыя изъ нихъ даже положительно имѣютъ христіанскій характеръ ²⁾. Все это даетъ намъ право съ полною вѣроятностію заключать, что слово это направлено противъ того элемента въ ереси, который, по взгляду Геннадія и Іосифа, не подходилъ подъ понятіе чистаго іудаизма и составлялъ въ ней именно то, въ чемъ они видѣли примѣсъ другихъ ересей.

И такъ, если мы, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, допустимъ, что первыя четыре слова „Просвѣтителъ“ явились результатомъ самаго ранняго знакомства автора ихъ съ ересью, и что знакомство это не было непосредственнымъ, а на первыхъ порахъ ограничивалось только свѣдѣніями, полученными отъ Геннадія, и носило на себѣ сильныя слѣды субъективизма, то для насъ сдѣлаются легко объяснимыми какъ взглядъ автора на ересь, проводимый въ этихъ

¹⁾ Особенно на стр. 184—194.

²⁾ Ibid. стр. 176, 180, 189, 195.

словахъ, такъ и противорѣчіе, въ какомъ онъ находится со взглядомъ на нее, проводимымъ въ послѣдующихъ словахъ: „Просвѣтителя“.

Гораздо съ большею точностію можно опредѣлить время появленія словъ „Просвѣтителя“, отнесенныхъ нами ко второй группѣ (V-го, VI-го и VII-го). Изъ посланія къ инокъ-иконописцу мы видимъ, что авторъ написалъ эти слова по неоднократной просьбѣ лица, которое онъ называетъ „началохудожникомъ божественныхъ и честныхъ иконъ живописанію“, изложилъ въ нихъ то, что наиболѣе соответствовало потребностямъ времени—, обаче же нынѣшнему вѣку подобно“, и написалъ это въ то время, когда „лѣта уже къ старости приближишася, и смертная чаша былія растворена уготовляется“¹⁾. Если принять въ соображеніе, что первыя четыре слова „Просвѣтителя“ принадлежать къ самымъ раннимъ изъ противоеретическихъ сочиненій Іосифа, а настоящія слова написаны имъ въ старости, когда онъ чувствовалъ приближеніе смерти, то-есть, когда ему было, по меньшей мѣрѣ, 60 лѣтъ²⁾, слѣдовательно, никакъ не ранѣе 90 годовъ XV столѣтія, или же, вѣроятнѣе, въ началѣ XVI в., то значитъ, между написаніемъ той и другой группы словъ долженъ былъ пройти довольно значительный, по крайней мѣрѣ, десятилѣтній промежутокъ времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что ересь за этотъ промежутокъ времени успѣла заявить себя въ болѣе яркихъ и опредѣленныхъ чертахъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ она явилась вначалѣ, и что знакомство съ нею Іосифа въ продолженіе этого времени не оставалось на своемъ первоначальномъ уровнѣ, по необходимо должно было расширяться новыми свѣдѣніями, которыя онъ могъ получить уже не чрезъ одного Геннадія, но и чрезъ другихъ лицъ, а можетъ быть, и чрезъ личное столкновеніе съ еретиками. Понятно, что это новое, болѣе близкое знакомство Іосифа съ ересью необходимо должно было отразиться и на словахъ его противъ еретиковъ, писанныхъ въ это время. Поэтому, и на сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія нужно смотрѣть какъ на болѣе

¹⁾ Посланіе къ инокъ-иконописцу напечатано въ *Учен. Общ. Изв. и Дрѣв.* 1847 г., 1.

²⁾ Іосифъ родился 12-го ноября 1440 года. Въ 1488 г., когда впервые открыта была Геннадіемъ ересь въ Новгородѣ, и когда, по всей вѣроятности, были написаны первыя четыре слова „Просвѣтителя“, ему было около 47 лѣтъ. Посланіе къ Вассіану о святой Троицѣ самое раннее литературное произведеніе Іосифа, написано имъ въ 1479 г., то-есть, когда ему было уже 38 лѣтъ. Въ этомъ посланіи Іосифъ (еще инокъ Пачеутіева-Воровскаго монастыря) выставилъ себя только начинающимъ и еще малоопытнымъ въ литературномъ дѣлѣ.

близкое выраженіе его истиннаго характера сравнительно съ тѣми, какія заключаются въ начальныхъ словахъ „Просвѣтителя“. Правда, отрицаніе еретиками почитанія иконъ и другихъ предметовъ православнаго-церковнаго вышнѣности, опроверженіе котораго составляетъ главное содержаніе словъ этой группы, основывается на данныхъ, тоже почти исключительно изъ ветхаго завіта¹⁾; но самая нерѣшительность этого отрицанія, уступка, дѣлаемая еретиками въ пользу почитанія нѣкоторыхъ священныхъ предметовъ, и особенно допускаемое ими поклоненіе иконѣ Христа Спасителя²⁾, даютъ намъ полное право заключать, что отрицаніе еретиками церковно-обрядовой вышнѣности не было безусловнымъ и не вытекало изъ отрицанія основныхъ началъ христіанства. Въ пользу этого заключенія говоритъ и самое свойство аргументаціи, употребляемой авторомъ для опроверженія еретическихъ мнѣній. Не смотря на то, что слова этой группы написаны въ то время, когда, по словамъ автора ихъ, — „мнози льстецы изыдоша въ міръ“, и что первыя два слова прямо предназначались для того „еже со еретики претиса“³⁾, употребляемыя въ нихъ доказательства имѣютъ смѣшанный характеръ и почерпаются какъ изъ ветхаго, такъ и изъ новаго завіта и святоотеческихъ твореній. Очевидно, что авторъ, придавая тѣмъ и другимъ доказательствамъ одинаковое значеніе, имѣлъ въ виду лицъ, далеко не безусловно отвергавшихъ христіанство. Существуетъ, правда, въ V-мъ и VII-мъ словахъ на еретиковъ весьма пространнѣй и обстоятельнѣй трактатъ о единосущіи и равенствѣ Божескаго достоинства всѣхъ лицъ святой Троицы, наводящій на мысль, что еретики отрицали единосущіе и равенчестность лицъ Божества и неправильно объясняли ихъ взаимныя отношенія, хотя у автора и нѣтъ здѣсь прямаго указанія на это; но если мы и допустимъ это, то отъ отрицанія единосущія и равенства лицъ Божества до абсолютнаго отверженія личнаго бытія втораго и третьаго изъ нихъ вѣдь еще весьма далеко. Последняго мы здѣсь не видимъ; остается, слѣдовательно, допустить, что ересеученіе, по этимъ сло-

¹⁾ Исход., 20, 4. 23; Второз., 6, 13; Псалт. 134, 15—17.

²⁾ «Аще убо святы суть и честны вещи, о нихъ же повелѣ Господь створити Моисею», говорили еретики, — «и почитати оныхъ достойтъ, поклонитися же не подобаетъ ничему», развѣ единаго Бога?... «Буди убо иконѣ Христа сіа тако, яко же глаголете, поклонитися подобаетъ, что же о прочихъ отвѣщаете, ихъ же именуете святыхъ, и образы ихъ маписуете, и мертвыя кости любите и почитаете?... (Просв., 255—258, 276).

³⁾ Посланіе къ многу-иконописцу.

вамъ, — не имѣло того безусловно-антихристіанскаго характера, съ какимъ представляется оно въ первыхъ четырехъ словахъ „Просвѣтителя“.

Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что между „пунктами срезсеченія, опровергаемыми въ первыхъ четырехъ словахъ „Просвѣтителя“, и заблужденіями, опровергаемыми въ словахъ второй группы, не существуетъ ни малѣйшей логической связи. Къ подобному же заключенію приводитъ анализъ и остальныхъ догматико-полемическихъ словъ — VIII-го, IX-го, X-го и XI-го. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти слова, точно также, какъ и слова предыдущей группы, принадлежатъ къ позднѣйшимъ произведеніямъ Іосифа сравнительно съ четырьмя первыми словами „Просвѣтителя“. Указаніе на время появленія этихъ словъ заключается въ самомъ содержаніи ихъ. Такъ, VIII-е слово написано тогда, когда „седьмъ тысящъ лѣтъ скончася и пасхалія прейде“, слѣдовательно, никакъ не ранѣе 1493 года, IX-е слово появилось тогда, когда „уже тысяща и пять сотъ лѣтъ прейде по Христовѣ рождествѣ“, слѣдовательно, уже послѣ 1500 года; къ этому же времени нужно отнести и X-е слово, написанное по „простествіи 1100 лѣтъ послѣ того, „егда написа сіи (о второмъ пришествіи Христовомъ) Ефремъ Сирийъ“¹⁾. Неизвѣстно съ точностію, когда именно появилось XI-е слово; но занимаемое имъ мѣсто въ ряду другихъ словъ по самымъ древнѣйшимъ спискамъ „Просвѣтителя“²⁾; и особенно чрезвычайно подробное опроверженіе всѣхъ, даже мельчайшихъ еретическихъ возраженій противъ монашества, показывающее въ авторѣ самое основательное знакомство съ ересью, которое не могло быть пріобрѣтено иначе, какъ только послѣ долговременнаго изученія ея, даютъ основательный поводъ предполагать, что и оно принадлежитъ къ позднѣйшимъ противоеретическимъ сочиненіямъ Іосифа и, можетъ быть, написано позднѣе всѣхъ предыдущихъ словъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что и эти слова появлялись не вдругъ послѣ написанія четырехъ первыхъ словъ, но несомнѣнно чрезъ значительный промежутокъ времени не только относительно этихъ словъ, а вѣроятно и между собою; слѣдовательно, и они, точно также какъ и слова предыдущей группы, являются результатомъ ближайшаго, самостоятельнаго, можетъ быть, даже непосредственнаго зна-

¹⁾ Просв. стр. 429. Св. Ефремъ Сирийъ былъ современникомъ Василія Великаго и жилъ во 2-й половинѣ IV в. († 473 года).

²⁾ Предисловіе къ печати. изд. „Просвѣтителя“.

комства автора ихъ съ ересью и еретиками. VII-е, IX-е и X-е слова написаны въ защиту истинности апостольскихъ и святоотеческихъ писаній. Не сбывшееся ожиданіе кончины міра и втораго пришествія Христова подало еретикамъ поводъ къ отрицанію тѣхъ самыхъ началъ, на которыхъ, по мнѣнію ихъ, основывалось это вѣрованіе; а основанія эти еретики находили частію въ святоотеческихъ, частію въ апостольскихъ писаніяхъ. Но отрицаніе это, точно также, какъ и отрицаніе церковно-обрядовой вѣрности, опровергаемое въ предидущихъ словахъ, не было безусловнымъ и не вытекало изъ отрицанія основныхъ принциповъ христіанства, а мотивировалось минимымъ несоотвѣтствіемъ—въ глазахъ еретиковъ—нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этихъ писаній съ дѣйствительностію¹⁾. Еретики отрицали истинность святоотеческихъ и апостольскихъ писаній единственно только на томъ основаніи, что въ нихъ находится, по ихъ мнѣнію, намекъ на седмь-тысячное существованіе міра или вообще мысль о скорой кончинѣ его, чего въ данное время не послѣдовало. Мотивъ этотъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы, руководствуясь имъ, распространить отрицаніе на всю область святоотеческихъ и даже апостольскихъ писаній, отвергнуть истинность тѣхъ и другихъ въ самомъ принципѣ и убѣдить въ этомъ православныхъ, и это тѣмъ болѣе, что ересь, какъ показываетъ ея исторія, особенно вначалѣ распространялась не столько въ невѣжественныхъ массахъ, сколько въ интеллигентныхъ слояхъ тогдашняго общества, которые, безъ сомнѣнія, не могли удовлетворяться такою слабою аргументаціей, каковы немногія отрывочныя мѣста изъ святоотеческихъ и апостольскихъ писаній, а требовали для убѣжденія себя болѣе вѣскихъ дока-

¹⁾ Еретики говорили: «Святые отцы написали, что седмь тысящъ лѣтъ зѣшнѣяго житія, а осьмая тысяща будущаго вѣка: а нынѣ седмь тысящъ лѣтъ прошло, а конца нѣсть, и святыхъ отецъ писанія ложна суть и подобнѣтъ снѣгъ писаніемъ огнемъ сжесть» (Проев. 379—380). «Что ради нѣсть втораго пришествія Христова, а уже время ему быти? Апостоли убо написаша, яко Христосъ родися въ послѣдняя лѣта, и уже тысяща и пять сотъ лѣтъ прайде по Христовѣ рождествѣ, а втораго пришествія Христова нѣсть: и апостольская писанія ложна суть»; при этомъ еретики смыслили на нѣкоторые выраженія ап. Петра и Павла (1 Петр. 1, 20; *ibid.* 1, 5, 6; къ Галат. 4, 4; къ Евреямъ 9, 26), очевидно, неправильно понятымъ ими. «Евремъ», продолжали они, «написалъ есть: уже пророчества и писанія скончашася и ничто же ино осталось есть, точію второе пришествіе Господа нашего Іисуса Христа и се уже тысяща и сто лѣтъ прейдоши, егда есть писалъ сіа Евремъ, а втораго пришествія нѣсть; сего ради ложна суть писанія его» (Проев., 402, 428—429).

зательствъ. Ужели же еретики и послѣ этого не могли подыскать болѣе твердыхъ основаній своему отрицанію, еслибы только оно распространялось на всю совокупность святоотеческихъ и апостольскихъ писаній? Противъ безусловности отрицанія еретиками тѣхъ и другихъ писаній говоритъ и все содержаніе словъ, посвященныхъ авторомъ „Просвѣтителя“ защитѣ этихъ писаній. Аргументація всѣхъ этихъ словъ, взаимствованная безразлично какъ изъ ветхаго, такъ и изъ новаго заветъ и изъ твореній отцовъ церкви, сводится къ двумъ главнымъ пунктамъ—къ защитѣ апостольскихъ и святоотеческихъ писаній и къ доказательству неосновательности распространившагося мнѣнія о скорой кончинѣ міра. Защищая апостольскія и святоотеческія писанія, авторъ ограничиваетъ свою апологію только тѣми мѣстами ихъ, которыя подверглись нападкамъ еретиковъ; такъ, изъ святоотеческихъ твореній онъ защищаетъ только тѣ мѣста, въ которыхъ есть намеки на скорую кончину міра ¹⁾, а изъ апостольскихъ — останавливается только на четырехъ мѣстахъ изъ посланій апостоловъ Петра и Павла, въ которыхъ говорится о явленіи Христа Спасителя „въ послѣднее время“ или „въ послѣдняя лѣта“ ²⁾. Но нигдѣ онъ не распространяетъ своей апологіи на всю совокупность тѣхъ и другихъ писаній, нигдѣ не доказываетъ истинности ихъ вообще, въ самомъ принципѣ; даже болѣе—самыя доказательства истинности частныхъ мѣстъ изъ апостольскихъ и святоотеческихъ писаній онъ главнымъ образомъ почерпаетъ изъ тѣхъ же самыхъ писаній ³⁾. Независимо отъ того, у автора есть и прямое указаніе на ограниченность отрицанія еретиками этихъ писаній. Изъ всѣхъ святоотеческихъ твореній еретики особенно напали на писанія Ефрема Сирина, такъ что авторъ долженъ былъ посвятить защитѣ ихъ особое (X-е) слово. Сравнивъ картину втораго пришествія Христова, начертанную Ефремомъ Сиринымъ, съ мѣстами Священнаго Писанія, говорящими объ этомъ предметѣ, и найдши почти дословное сходство между ними, авторъ заключаетъ: „яко же бо истинно пророческое и евангельское и апостольское, писаніе, тако истинно и ничтоже ложно святаго Ефрема писаніе“; а вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлаетъ такое характеристичное обращеніе къ еретику: „Ты же, оставивъ пророческая, евангельская и апостольская реченія, едина списанія святаго Ефрема Сирина вѣствуеши и глаголеши, яко тысяча

¹⁾ Просв., 390—392, 442—444.

²⁾ Ibid., 416—417.

³⁾ Ibid., 402—403.

и сто лѣтъ преиде, отделиже написати естъ сіа святаго Ефремъ, а второго пришествія нѣтъ" ¹⁾. Все это въ совокупности; очевидно, не можетъ служить надлежащимъ доказательствомъ того, что еретики не распространяли своего отрицанія на всю область апостольскихъ и святоотеческихъ писаній, а ограничивались критикою только нѣкоторыхъ частныхъ мѣстъ изъ тѣхъ и другихъ.

По XI-му слову еретики отвергли монашество, какъ учрежденіе будто бы чисто челоувѣческое, противное пророческимъ, евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ, примѣру самого Иисуса Христа и его апостоловъ, и наконецъ, ихъ изображеніямъ на иконахъ. Отрицаніе это стоитъ въ прямой связи съ отрицаніемъ церковно-обрядовой внѣшности. Отвергнувъ поклоненіе иконамъ, почитаніе святыхъ, мощей ихъ и другихъ священныхъ предметовъ, заподозривъ истинность и исказивъ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ апостольскихъ и свято-отеческихъ писаній, еретики, естественно, отвергли и монашество, и нѣтъ основаній не допускать, что это отрицаніе было безусловнымъ. Но отрицаніе монашества, какъ и церковно-обрядовой внѣшности, исходило не изъ отрицанія основныхъ началъ христіанства, а явилось результатомъ чисто-христіанскаго рационалистическаго критицизма. За это опять ручается какъ свойство самихъ основаній, на которыхъ выждется это отрицаніе, такъ и характеръ аргументація, направленной къ его опроверженію. Іосифъ почерпаетъ свои обширные доказательства, какъ изъ ветхаго, такъ главнымъ образомъ изъ новаго завіта, изъ свято-отеческихъ твореній, церковной исторіи и даже жизнеописаній святыхъ.

Такимъ образомъ нельзя не признать, что еретическія заблужденія, опровергаемыя въ только что разсмотрѣнныхъ словахъ „Просвѣтителя“, не стоятъ ни въ малѣйшей логической связи съ опровергаемыми въ четырехъ начальныхъ словахъ его. Но за то между этими пунктами ересеченія и пунктами его, опровергаемыми въ словахъ предыдущей группы, нѣтъ никакого противорѣчія: отвергая православно-церковную внѣшность, еретики критически относились къ свято-отеческой нисѣмности и даже къ Священному Писанію, или скорѣе, наоборотъ — критически относились къ разнымъ мѣстамъ апостольскихъ или свято-отеческихъ писаній, они чрезъ рядъ выводовъ доходили до отрицанія православно-церковной обрядности.

Все вышеизложенное даетъ намъ право слѣдять нѣсколько общихъ заключеній.

¹⁾ Провв., 444—445.

1) Твореніе Іосифа Волоколамскаго, называемое подъ именемъ „Просвѣтителя“, составилось изъ различныхъ частныхъ сочиненій, писанныхъ авторомъ одновременно, иногда чрезъ значительные промежутки времени, по различнымъ побужденіямъ и при различныхъ обстоятельствахъ, но близкихъ между собою по единству предмета и по цѣли. Въ настоящій свой видъ оно приведено уже въ позднѣйшее время, но вѣроятно, еще при жизни автора и, можетъ быть, имъ самимъ¹⁾. Поэтому на „Просвѣтителя“ нельзя смотрѣть какъ на выраженіе строго опредѣленнаго, разъ навсегда установившагося взгляда на ересь, какъ на продуктъ предварительнаго спеціальнаго изученія ея; напротивъ того, твореніе это, какъ результатъ постепеннаго знакомства автора съ ересью, выражаетъ различные фазисы или моменты этого знакомства, и потому сообщаемыя въ разныхъ частяхъ его свѣдѣнія о ереси имѣютъ неодинаковое историческое значеніе.

2) Четыре начальныхъ слова „Просвѣтителя“ явились результатомъ самаго ранняго знакомства Іосифа съ ересью; вѣроятно, приобрѣтеннаго имъ при посредствѣ архіепископа Геннадія, и носятъ на себѣ сильный отпечатокъ субъективнаго воззрѣнія этого послѣдняго на ересь, какъ на смѣсь чистаго іудейства съ христіанскими заблужденіями. Первые три изъ нихъ, направленные противъ чистаго іудаизма въ его отрицательномъ отношеніи къ христіанству, имѣютъ исключительно анти-іудейскій характеръ; четвертое ратуетъ противъ того элемента въ ересеученіи, который авторъ между прочимъ считалъ за примѣсь другихъ ересей. Изъ содержанія этого послѣдняго слова не видно, чтобъ еретики безусловно отвергали божественное посланничество Иисуса Христа; напротивъ того, принимая во вниманіе характеръ аргументаціи, употребляемой въ этомъ словѣ авторомъ для опроверженія ересеученія и сопоставляя самое опровергаемое въ немъ еретическое заблужденіе съ пунктами ересеученія, опровергаемыми въ послѣдующихъ словахъ, по которымъ еретики усвоили поному завѣту равный авторитетъ съ ветхимъ,—нужно прійти къ заключенію, что еретики признавали въ Иисусѣ Христѣ божественное посланничество. Изъ этого же сопоставленія оказывается, что пункты ересеученія, опровергаемые въ начальныхъ словахъ „Просвѣтителя“, не стоятъ ни въ малѣйшей логической связи съ пунктами его, опровергаемыми въ послѣдующихъ словахъ.

¹⁾ Самъ Іосифъ въ XV словѣ „Просвѣтителя“ называетъ его «книгою». Просв., стр. 569.

3) Всѣ прочія догматико-полемическія слова „Просвѣтителя“ (V—XI-е), явившіяся спустя значительные промежутки времени не только относительно четырехъ первыхъ словъ, но вѣроитно, и между собою, выражаютъ дальнѣйшіе фазисы знакомства автора съ ересью, служить продуктомъ ближайшаго, болѣе обстоятельнаго, можетъ быть, даже непосредственнаго изученія ея. Хотя сообщенныя въ нихъ свѣдѣнія о ереси тоже не чужды субъективизма, обусловливаемого характеромъ умствннаго развитія автора и положеніемъ его, какъ защитника существующаго религіозно-церковнаго строя, но какъ результатъ болѣе близкаго и обстоятельнаго знакомства его съ предметомъ, они ближе, чѣмъ предыдущія слова, стоятъ къ дѣйствительности, а потому и заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія о ереси могутъ служить болѣе надежнымъ критеріемъ для опредѣленія истиннаго характера ея.

4) Принимая въ соображеніе, что пункты ересеученія, опровергаемые въ IV—XI-мъ словахъ „Просвѣтителя“, составляютъ весьма существенное отступленіе отъ православно-церковной нормы, не имѣютъ, однакоже безусловно антихристіанскаго характера, мы приходимъ къ заключенію, что и все ересеученіе жидовствующихъ въ дѣйствительности не было антихристіанскимъ; тѣмъ менѣе существуетъ данныхъ признавать его за строго-логическое развитіе чистаго іуданзма. Въ пользу нашего заключенія говорятъ и свойства самыхъ еретическихъ заблужденій выстъ съ мотивами ихъ, и характеръ полемики автора „Просвѣтителя“ въ борьбѣ съ еретиками. Заподозривать и перетолковывать дѣйствительное значеніе того и другаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія; напротивъ того, все это взятое выстъ дастъ полное право считать ересь жидовствующихъ однимъ изъ христіанскихъ заблужденій, имѣвшимъ много общаго съ явленіями подобнаго же рода, неоднократно повторявшимися какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ.

5) При только что высказанномъ нами взглядѣ на происхожденіе и содержаніе „Просвѣтителя“, взглядъ, находящемъ достаточную опору себѣ и въ источникахъ, внутреннія противорѣчія въ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣніяхъ о ересеученіи жидовствующихъ сглаживаются сами собою. Если первыя слова „Просвѣтителя“, представляющія ересь чистымъ іуданзмомъ, были результатомъ самаго ранняго и еще недостаточнаго знакомства автора съ сущностью ереси и носятъ на себѣ сильный отпечатокъ субъективизма, то если наоборотъ—всѣ послѣдующія теоретико-полемическія слова „Просвѣтителя“ явились позже, часть СЛХХХХ, отд. 2.

и какъ результатъ болѣе обстоятельнаго знакомства автора съ ересью, ближе выражаютъ собою ея истинный характеръ, то ересеученіе, по изложенію его въ „Просвѣтителѣ“, необходимо должно представиться въ слѣдующемъ видѣ: а) еретики отвергали единосущіе и равное Божеское достоинство Сына Божія и Святаго Духа; о Іисусѣ Христѣ они учили, что онъ былъ Сыномъ Божиимъ не по существу, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и другіе пророки; б) они отвергали необходимость и даже самую возможность Боговочеловѣченія для спасенія рода человѣческаго, какъ несообразныя съ высочайшими свойствами Божества; в) признавая сходство Іисуса Христа съ Моисеемъ и другими пророками, они считали ветхій и новій заветы одинаково обязательными и въ практической жизни стремились примирить предписанія того и другаго; г) они отвергали поклоненіе иконамъ и другимъ священнымъ предметамъ православной церкви, почитаніе святыхъ и ихъ мощей, какъ противныя будто бы предписаніямъ ветхаго завета, но дѣлали при этомъ исключеніе для иконы Христа Спасителя, поклоненіе которой допускалось ими, и для нѣкоторыхъ другихъ священныхъ вещей, почитаніе которыхъ они тоже считали законнымъ, но не допускали только поклоненія имъ; д) они критически относились къ Священному Писанію и святоотеческимъ твореніямъ, заподозривали истинность нѣкоторыхъ частныхъ мѣстъ въ нихъ, но не отрицали ихъ во всей ихъ совокупности; наконецъ е) они отвергали монашество, какъ учрежденіе будто бы чисто-человѣческое, противное пророческимъ, евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ, примѣру Христа Спасителя и его апостоловъ.

б) Изложеніе это получаетъ тѣмъ большую вѣроятность, что оно находится въ полномъ согласіи съ свѣдѣніями о ересеученіи, заключающимися въ писаніяхъ Геннадія и въ лѣтописномъ изложеніи соборнаго опредѣленія 1491 года. Изъ писаній Геннадія мы вывели заключеніе, что еретики искажали догматы о святой Троицѣ, о лицѣ Іисуса Христа и таинствѣ воплощенія, и въ этихъ пунктахъ своего ученія высказывали нѣчто похожее на ересь Маркелла или Фотина; изъ соборнаго же опредѣленія ясно слѣдуетъ, что исключеніе это состояло въ отрицаніи божества и воплощенія Іисуса Христа и въ признаніи его пророкомъ, подобнымъ Моисею. Въ „Просвѣтителѣ“ хотя и нѣтъ опредѣленнаго, строго-формулированнаго указанія на это лжеученіе еретиковъ, но вообще вся совокупность содержанія и самого излагаемаго здѣсь ересеученія и направленной противъ него полемики насомнѣнно доказываетъ, что еретики не отвергали Боже-

ственного посланничества Иисуса Христа и признавали авторитетъ Его наравнѣ съ авторитетомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. По писаніямъ Геннадія и лѣтописному изложенію, еретики не вѣрили „еже отъ пречистыя дѣвы Богородицы рождеству ея, ни воскресенію его“, не покланялись святымъ иконамъ и отвергали почитаніе другихъ предметовъ православной церковно-обрядовой внѣшности. На всѣхъ пунктахъ ересеученія указываетъ и авторъ „Просвѣтителя“ въ IV-мъ, V-мъ VI-мъ словахъ его, но формулируетъ ихъ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ они сформулированы въ только что указанныхъ памятникахъ. Не существуетъ только ни у Геннадія, ни въ лѣтописномъ изложеніи прямого указанія на отрицаніе еретиками нѣкоторыхъ мѣстъ изъ апостольскихъ и святоотеческихъ писаній, а также на отрицаніе ими монашества, указанія, которое мы находимъ въ „Просвѣтителѣ“, но отрицательное отношеніе еретиковъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ святоотеческой письменности и даже изъ писаній апостоловъ не находится въ противорѣчій съ вышеупомянутыми пунктами ересеученія, а отрицаніе монашества прямо слѣдуетъ изъ отрицанія православно-церковной обрядности. Единственное различіе между этими двумя изложеніями состоитъ въ степени подробности того и другого. Если въ писаніяхъ Геннадія и лѣтописномъ изложеніи только намѣчены различные пункты ересеученія и лишь въ немногихъ случаяхъ указаны ихъ мотивы, то изложеніе ересеученія въ „Просвѣтителѣ“ въ значительной степени восполняетъ эти пробѣлы: здѣсь не только съ достаточною полнотой излагаются отрицательныя мнѣнія еретиковъ, но въ большинствѣ случаевъ указываются какъ начала, изъ которыхъ исходить, такъ и границы, до которыхъ простирается заключающееся въ нихъ отрицаніе той или другой стороны существующаго церковно-религіознаго строя. Другихъ болѣе существенныхъ различій между этими изложеніями мы не видимъ.

И такъ, мы пришли къ несомнѣнному заключенію, что ересь жидовствующихъ, составляя весьма существенное отклоненіе отъ православно-церковной нормы, не была однако же безусловнымъ отрицаніемъ христіанства и принятіемъ чистаго іудаизма. Намъ остается, на основаніи памятниковъ, опредѣлить ту роль, какую игралъ въ ересеученіи жидовствующихъ іудейскій элементъ. Отрицать его вліяніе на ересь значило бы становиться въ противорѣчіе съ единогласнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ современниковъ ея. Въ чемъ же выразилось это вліяніе? Изъ анализа писаній Геннадія и лѣтописнаго извѣстія мы уже видѣли, что вліяніе іуда-

изма на ересь, вообще говоря, не было слишкомъ значительно и ограничивалось преимущественно одною внѣшнею, обрядовою стороною ея. Такъ, по свидѣтельству этихъ памятниковъ, еретики держались іудейскаго лѣтосчисленія, постились и праздновали по іудейски пасху и другіе праздники, не соблюдали христіанскихъ постовъ, имѣли тетради, по которымъ молились по жидовски. Относительно же вліянія іудаизма на внутреннюю, теоретическую сторону ереси здѣсь находится одно только простое указаніе на то, что еретики учили православныхъ дѣятелей и больше держались ветхаго завіта. Гораздо больше свидѣній объ этомъ мы находимъ у Іосифа Волоцкаго. Разсматривая пункты ересеученія, опровергаемые въ различныхъ словахъ „Просвѣтителя“, нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, не заключая въ себѣ ничего исключительно іудейскаго, основываются однакоже единственно на словахъ ветхозавѣтнаго писанія или вообще снабжены такого рода аргументами, какіе обыкновенно употребляетъ современное іудейство въ поддержаніе своего отрицанія различныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія; таковы, напримѣръ, возраженія еретиковъ противъ почитанія иконъ и вообще противъ всей церковнообрядовой^{*)} внѣшности, противъ Божества и единосущія съ Богомъ Іисуса Христа¹⁾. Нельзя не видѣть здѣсь примаго вліянія іудаизма. Но еретики, какъ мы уже знаемъ, не доводили отрицанія этихъ истинъ до безусловности, до которой доводятъ ихъ соприсносное іудейство. Они употребляли аргументацію іудаизма только тамъ и на столько, гдѣ и на сколько считали это необходимымъ, и не пренебрегали другаго рода доказательствами, часто не имѣющими ничего общаго съ іудействомъ²⁾. Такимъ образомъ, іуданизмъ служилъ для еретиковъ однимъ изъ средствъ къ поддержанію ихъ мнѣній, направленныхъ противъ существующаго религіозно-церковнаго строя, а не исходною точкою ихъ...

О вліяніи іудаизма на внѣшнюю, обрядовую сторону ереси Іосифъ повторяетъ почти то же самое, что говорятъ объ этомъ Іеннадій и лѣтописное сказаніе. По словамъ его, у еретиковъ постоянно существовали тайныя собранія, на которыхъ они „жертвы жидовскія жарю и пасху жидовскую и праздники жидовскія творяху“³⁾. До насъ дошелъ еще одинъ замѣчательный, современный ереси памятникъ,

¹⁾ См. IV-е—VI-е слова „Просвѣтителя“.

²⁾ См. VIII-е—XI-е слова „Просвѣтителя“.

³⁾ „Просв.“, стр. 576.

могущій пролить нѣкоторый свѣтъ на эту сторону въ ереси. Изъ посланій Геннадія мы знаемъ, что еретики имѣли тетради, по которымъ „молились по-жидовски, и что они превратили псалмы на свои обычаи“. Памятникъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, до нѣкоторой степени объясняетъ, что это были за тетради и псалмы. Въ одномъ изъ сборниковъ библіотеки С.-Петербургской духовной академіи (бывшей Кирилло-Бѣловерскаго монастыря) помѣщена, такъ названная, псалтирь и девять библейскихъ пѣсней въ переводѣ съ еврейскаго на народный русскій языкъ XV вѣка, въ которомъ встрѣчаются слова и выраженія изъ литовско-русскаго и польско-малороссійскаго языка этого же вѣка. Переводъ этотъ одинаковъ съ переводомъ отсюда же первой половины книги Есѣири и Пятикнижія Моисеева, вошедшими въ составъ Геннадіевой библии. Въ концѣ этой псалтири находится замѣтка, объясняющая, что книга эта написана при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Филиппѣ, слѣдовательно, между 1464 и 1473 годами. На самомъ дѣлѣ это — не псалтирь Давида и содержитъ въ себѣ не его псалмы, а какіе-то другіе краткіе, въ количествѣ 74, содержащіе въ себѣ только хваленія Богу и молитвы и нѣ одного изъ пророческихъ мѣстъ о Иисусѣ Христѣ. Точно также и помѣщенные въ ней девять библейскихъ пѣсней — не пѣсни, употребляемыя въ православной церкви, а какія-то совершенно другія, неизвѣстныя въ православно-богослужебной практикѣ. Такъ какъ эти псалмы и пѣсни переведены были съ еврейскаго, то они, всего вѣроятнѣе, составлены были самими Евреями по образцу псалмовъ Давидовыхъ и библейскихъ пѣсней и употреблялись у нихъ въ синагогахъ. Кому же нужно было у насъ въ то время переводить такую псалтирь на русскій языкъ, да еще употреблять при этомъ обманъ, назвавъ ее именемъ царя Давида, кому, какъ не Евреямъ, первымъ проповѣдникамъ ереси жидовствующихъ? Можно признать за несомнѣнное, что это была та самая псалтирь, по которой еретики отпращивали свое богослуженіе, и экземпляръ которой добылъ Геннадій и отослалъ при дѣлѣ о еретикахъ къ митрополиту Геронтію ¹⁾. Всматриваясь въ содержаніе этихъ псалмовъ и пѣсней, въ нихъ нельзя видѣть ничего исключительно іудейскаго; напротивъ того, имѣя характеръ славословій и молитвъ, они съ равнымъ правомъ могли быть

¹⁾ Рукописн. сборн. XV ст. библи. С.-Петерб. дух. академіи № 1086; Описаніе этого сборника, архим. Варлаама, стр. 43 — 47; Макарій, Ист. Р. Ц. VII, 185—187.

употребляемы какъ Іудеями, такъ и христіанскими еретиками. Но раздѣленіе псалмовъ на кааназмы и славъ примѣнительно къ православно-церковно-богослужебной практикѣ доказываетъ, что они предназначались для людей, еще неокончательно порвавшихъ связь съ православно-христіанскою церковностью. Такимъ образомъ на этотъ памятникъ можно смотрѣть, какъ на результатъ попытки создать новый самостоятельный культъ, болѣе приуроченный къ новымъ религіознымъ понятіямъ еретиковъ.

XI.

Общій взглядъ на ересь жидовствующихъ. — Значеніе этого явленія въ культурно-исторической жизни русскаго общества.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія мы бросимъ общій взглядъ на ересь жидовствующихъ и попытаемся опредѣлить значеніе этого явленія въ культурно-исторической жизни русскаго общества.

Если будемъ обобщать умственную и религіозно-правственную жизнь древне-русскаго общества, съ цѣлю открыть въ ней элементы, могущіе вызвать анти-церковное движеніе, если будемъ доискиваться въ ней самыхъ зародышей этого движенія, то непремѣнно прійдемъ къ заключенію, что такіе элементы существовали въ русскомъ обществѣ съ самыхъ раннихъ поръ его исторической жизни, а во времени возникновенія ереси жидовствующихъ достигли крайняго своего развитія, и что, съ другой стороны, параллельно съ развитіемъ ихъ зародилась, росла и крѣпла въ обществѣ и реакція противъ нихъ, отъ времени до времени заявлявшая себя въ различной степени и формѣ. Крайнее развитіе у насъ церковно-обрядоваго и вообще религіозно-правственнаго формализма, при повсюдномъ почти недостаткѣ пониманія истиннаго духа христіанства и при господствѣ въ народныхъ массахъ полуизыскскихъ воззрѣній, далѣе—сложившееся историческимъ путемъ социальное-политическое положеніе высшей духовной власти, изъ силу котораго представители ея весьма часто уклонялись отъ своихъ прямыхъ обязанностей устроить благочиніе церковное и заботиться о поднятіи уровня умственнаго и религіозно-правственнаго развитія своей паствы, затѣмъ неудовлетворительность социальное-экономическаго положенія низшаго духовенства, принуждавшая его прибѣгать къ несовсѣмъ чистымъ и законнымъ источникамъ и средствамъ къ поддержанію своего существованія, низкій уровень его умственнаго и религіозно-правственнаго развитія, и какъ непосредственный результатъ этого, различные безпорядки и нестроенія въ церкви, усили-

ваемые смутами политическими,—все это въ совокупности ужъ издавна не могло не останавливать на себѣ вниманія лучшихъ и благомыслящихъ людей тогдашняго времени, не могло не возбуждать въ нихъ стремленія къ уврачеванію нравственныхъ недуговъ, удручающихъ отечественную церковь. Противъ существовавшего зла ратовали и лучшіе представители высшей церковной и гражданской властей, и святые подвижники, и вообще всѣ тѣ, для кого дороги были интересы вѣры и церкви: созывались соборы, разсылались посланія, писались и говорились проповѣди и поученія, наконецъ—явилося даже цѣлое аскетическое направленіе, поставившее своею спеціальною задачею возвысить внутреннюю сторону религіи, подавленную церковно-обрядовою внѣшностію, дать въ ней перевѣсъ содержанія надъ формою. Но всѣ эти попытки исправить недостатки религіозно-церковной жизни, къ сожалѣнію, не были на столько многочисленны, систематичны и настойчивы, чтобы могли уничтожить повсемѣстное, глубоко вкоренившееся зло, и въ большинствѣ своемъ остались безплодными. Зло продолжало существовать и развиваться по прежнему. На ряду съ этими попытками, дѣлаемыми людьми несомнѣнно православными и обладавшими глубокимъ пониманіемъ христіанства, а можетъ быть, и въ связи съ ними, отъ времени до времени слышались голоса протеста другаго рода и со стороны другихъ лицъ. Умы пылкіе, большею частію имѣвшіе свои личныя причины быть недовольными современными имъ церковными порядками и іерархіей, замѣчая недостатки и злоупотребленія въ религіозно-церковной жизни, въ своемъ протестѣ противъ нихъ переступали предѣлы благоразумной осторожности. Подвергая критикѣ современный строй религіозно-церковной жизни, отрицательно относясь къ нѣкоторымъ дѣйствительно темнымъ и аномальнымъ сторонамъ и явленіямъ ея, они не ограничивались только этими сторонами и явленіями, но шли гораздо далѣе. Не различая въ церкви истиннаго отъ ложнаго, аномалій отъ естественнаго, богоучрежденнаго порядка вещей, они иногда простирали свое отрицаніе на такія стороны ея, которыя составляютъ существо вѣры и церкви. Понятно, что подобнаго рода протесты первоначально должны были возникать и находить себѣ сочувствіе тамъ, гдѣ при избыткѣ политической свободы было больше простору всякой личной инициативѣ, гдѣ народъ не доведенъ былъ чужеземнымъ игомъ и гнетомъ своихъ домашнихъ господъ до пассивнаго безучастія къ дѣламъ вѣры и церкви и не легко мирился съ аномаліями и злоупотребленіями, вкравшимися въ религіозно-церковную жизнь. Въ та-

кихъ относительно-благопріятныхъ условіяхъ находились Новгородъ и Псковъ; здѣсь-то впервые и послышались голоса протеста уже не противъ однихъ безпорядковъ и злоупотребленій, но и противъ всего строя современной церковно-религіозной жизни, противъ существенныхъ, неизбѣжныхъ основъ ея. Протестъ этотъ, первоначально возникшій въ Псковѣ по иниціативѣ лишь немногихъ лицъ, лично недовольныхъ современными церковно-іерархическими порядками, нашелъ себѣ сочувствіе и въ Новгородѣ и не замедлилъ разростись въ обширное антицерковное движеніе, извѣстное въ нашей исторіи подъ именемъ ереси стригольниковъ.

Стригольники выставили рядъ противцерковныхъ положеній, исходнымъ пунктомъ которыхъ были взиманіе платы за поставленіе въ церковныя должности, корыстолюбіе и невоздержный образъ жизни духовенства. Заподозривъ законность поставленія духовенства, не только современнаго, но и прежде существовавшаго, и признавъ его нравственное недостоинство, еретики пришли къ тому заключенію, что нельзя приходить къ нему для отправленія богослужебныхъ обрядовъ и принятія таинствъ, и что самыя таинства, совершаемыя недостойными священно-служителями, также не дѣйствительны. Понятно, что и самыя церковныя правила, съ которыми оказывалось согласнѣе то, что въ современномъ своемъ приложеніи соблазняло стригольниковъ, тоже должны были подвергнуться съ ихъ стороны осужденію. Послѣ отверженія священства и вообще всего іерархическаго устройства церкви у еретиковъ естественно возникла мысль о возможности учить и совершать богослуженіе и не священнику—простому человѣку, мірянину. Взявъ на себя роль народныхъ учителей, они подвергли критикѣ и все то, что, по ихъ мнѣнію, тѣсно связано было съ корыстолюбіемъ, въ которомъ они обвиняли духовенство, именно—вклады по душамъ, всѣ роды поминовенія умершихъ, даже самую дѣйствительность молитвъ за нихъ, и дошли такимъ образомъ до отверженія понятій и обрядовъ, относящихся къ идеѣ умноженія Божества за умершихъ. Это, вѣроятно, впоследствии и подало поводъ православному полемисту (митрополиту Фотію) заподозривать стригольниковъ даже въ саддукействѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали отвергать и исповѣдь предъ священникомъ, а вмѣсто нея учили каяться, припадая къ землѣ, вѣроятно не въ знакъ смиренія предъ Богомъ и сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, учили удалиться отъ причастія Тѣла и Крови Христовой, тоже вѣроятно, понимая его

какъ-нибудь духовно, какъ это дѣлали многіе еретики, выходящіе изъ отрицанія церкви и іерархій ¹⁾).

Разсматривая ересь стригольниковъ со стороны ея содержанія, мы видимъ въ ней двѣ отличительныя черты: съ одной стороны, всѣ пункты ересеученія стригольниковъ имѣли чисто-отрицательный характеръ, а съ другой—еретики не доводили своего отрицанія до послѣднихъ результатовъ, слѣдовательно, допускали въ своемъ ученіи извѣстнаго рода непослѣдовательность. Изъ-за поставленія священнослужителей „на мѣдѣ“, изъ-за корыстолюбія и ценовѣрности современнаго духовенства, они отвергали іерархію, дѣйствительность церковныхъ таинствъ и обрядовъ, доходили до отрицанія церковно-каноническихъ правилъ и постановленій; но не изъ чего не видно, чтобъ они, въ замѣнъ отвергнутаго, проповѣдывали что-нибудь новое, определенное и положительное; не видно также и того, чтобъ они простирали свое отрицаніе на самый принципъ іерархій и вообще всей церковно-обрядовой виѣшности: стригольники отвергали то и другое не потому, чтобы самый принципъ, лежащій въ ихъ основѣ, былъ ложенъ, но потому, что они признавали ложнымъ современное практическое осуществленіе этого принципа. Правда, въ замѣнъ церковнаго учительства, еретики допускали возможность учить и простому человѣку, въ замѣнъ покаянія—возможность каяться, припадая къ землѣ; но это были только слабыя попытки вмѣсто отвергнутаго создать что-нибудь новое, попытки, далеко не могущія замѣнить всей массы отвергнутаго и притомъ высказывавшіяся болѣе въ смыслъ возможности, чѣмъ въ смыслъ необходимости. Такимъ образомъ стригольничество не составляло строго-законченной положительно религіозной системы, но было не болѣе, какъ рядомъ мнѣній, имѣющихъ чисто-отрицательный характеръ, мнѣній, хотя и находящихся въ нѣкоторой логической связи между собою, но не доведенныхъ до своихъ послѣднихъ результатовъ. Въ этомъ и состоялъ главный недостатокъ его, какъ религіознаго ученія, бывшій причиной его недолговѣчности. Отрицательный характеръ и логическая незаконченность стригольничества не позволяли ему оставаться въ томъ видѣ, въ какомъ оно первоначально явилось на свѣтъ, но ставили еретиковъ въ необходимость избрать одно изъ двухъ: или довести свое отрицаніе до конца и потомъ, вмѣсто отвергнутаго, создать для себя новый положительно-религіозный элементъ, или же, примирившись съ

¹⁾ Ант. Ист., I, ММ 6 и 34.

односторонностями и недостатками существующаго церковно-религіознаго строя, снова прикнуть къ господствующей церкви. Въ разрѣшеніи этой диллемы, въ колебаніи между этими двумя крайностями и застаётъ ересь стригольниковъ XV столѣтіе. Изъ посланій митрополита Фотія къ Псковичамъ видно, что стригольники къ этому времени уже дробились на нѣсколько разнообразныхъ толковъ. Одни изъ нихъ, держась началъ стригольничества, въ то же время не расходились съ господствующею церковью, и митрополитъ Фотій предписываетъ духовенству не брать отъ нихъ приношеній. Очевидно, эти были отличны отъ тѣхъ, которые еще прежде пришли къ отверженію всякаго припоса къ церкви и расторгнули съ нею связь. Другіе, соблазняясь способомъ поставленія духовенства, окончательно расходились съ церковью, но чувствуя необходимости въ богослуженіи, образовали свое собственное. Митрополитъ приводитъ въ обвиненіе такихъ правила Гангрскаго и Караетенскаго соборовъ, возбраняющія даже пресвитерамъ самовольно воздвигать жертвенникъ и творить службу. Третьи изъ обличаемыхъ Фотіемъ пошли въ своемъ отрицаніи гораздо далѣе, отвергали не только обрядность, коренные церковныя уставы и святоотеческія преданія, но даже „евангельскія и апостольскія благовѣстія“, доходили до чистаго деизма, нарицая себя отцемъ Бога небеснаго. Весь богослужебный культъ ихъ ограничивался однимъ простымъ возведеніемъ очей на небо и призваніемъ Отца Небеснаго. Нѣкоторые, наконецъ, по словамъ Фотія, доходили до крайнихъ предѣловъ отрицанія и отвергали не только „чинъ великаго Божія священства и иночества“, но, подобно саддукеямъ, — даже и воскресеніе мертвыхъ ¹⁾. Но не смотря на раздробленіе на разнообразныя частныя толки, общій характеръ стригольничества оставался тотъ же самый: то же преобладаніе въ немъ отрицательнаго элемента и та же слабость и недостаточность элемента положительнаго, слѣдовательно, та же несостоятельность его, какъ религіозной доктрины.

Таково было состояніе ереси стригольниковъ въ первой половинѣ XV вѣка. Само собою разумѣется, что православное общество не могло остаться равнодушнымъ къ открытому распространенію ереси и поспѣшило принять противъ еретиковъ самыя строгія мѣры: одни изъ нихъ были умерщвлены, другіе заточены въ тюрьмахъ, иные же въ виду преслѣдованій разбѣжались изъ родины и разнесли свое

¹⁾ Акт. Ист., I, № 21, стр. 43, 9, 66 и 63.

ученіе по другимъ мѣстамъ. Но всѣ эти кары, вѣроятно, постигли только тѣхъ еретиковъ, которые открыто вели свою пропаганду и въ своемъ отрицаніи церковнаго вѣроученія доходили до крайнихъ предѣловъ; тѣ же изъ нихъ, которые наружно сохраняли общеніе съ церковью, оставались спокойными и по прежнему продолжали пропагандировать свои мнѣнія. Во всякомъ случаѣ антицерковное движеніе принятыми противъ него репрессивными мѣрами не только не было уничтожено, но ко времени появленія новой ереси приняло еще болѣе широкіе размѣры и запесено было туда, гдѣ оно до этого времени ни въ какомъ случаѣ не могло быть извѣстнымъ. Если Геннадій уже въ концѣ XV вѣка открылъ эту ересь въ самомъ глухомъ и отдаленномъ уголѣ своей обширной епархіи—въ Нѣмчиновскомъ монастырѣ, гдѣ пропагандировалъ ее чернецъ Захаръ, то тѣмъ крѣпче и упорнѣе должны были держаться мнѣнія стригольниковъ на ихъ первоначальной родинѣ—въ Новгородѣ и Псковѣ.

Но до второй половины XV вѣка всякая попытка нарушить церковный міръ имѣла здѣсь противъ себя великую нравственную силу въ крѣпко сплоченномъ союзѣ громаднаго большинства православнаго общества. Во второй половинѣ XV столѣтія этотъ союзъ былъ разрушенъ въ Новгородѣ политическими несогласіями. Новгородъ, изнемогшій въ непосильной борьбѣ съ Москвою за свою политическую независимость, наконецъ палъ. Лучшіе сыны его были казнены или сдѣлались невольными переселенцами изъ родной земли на чужбину. Въ 1480 году насильно отъезеиъ былъ въ Москву и Новгородскій владыка Осеофилъ, послѣдній избранный мѣла, а вмѣсто него вскорѣ поставленъ былъ на новгородскую кафедру Сергій, сторонникъ и избранныкъ Москвы. Тѣмъ не менѣе партія, дорожившая своею политическою независимостью и ненавидѣвшая единовластіе Московскаго государя, все еще сильна была въ Новгородѣ; въ составъ ея, безъ сомнѣнія, входило и духовенство, избранное вѣчевымъ порядкомъ и изъ сторонниковъ этого порядка. Москва смотрѣла на сепаратистическія стремленія Новгородцевъ какъ на желаніе ихъ отдѣлиться отъ церкви и измѣнить православію; въ свою очередь и въ Новгородѣ видѣли въ своихъ новыхъ владыкахъ не болѣе какъ агентовъ Москвы, враждебныхъ духу и стремленіямъ своей паствы, имѣвшихъ въ виду не интересы церкви, а политическія выгоды Москвы. Понятно, что отъ такого взгляда не свободно было и новгородское духовенство. Всякій, почему-либо становившійся на сторону единовластія, считался врагомъ не только въ политическомъ, но и въ рели-

гіозномъ отношеніи, а таковы были теперь высшая духовная власть и большинство монашествующаго духовенства. Въ самой Москвѣ и въ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ, уже вошедшихъ въ составъ Московскаго великаго княжества, тоже шла если не столь открытая, то не менѣе ожесточенная борьба между только что окрѣпнувшимъ единодержавіемъ и отживавшимъ свой вѣкъ удѣльно-вѣчевымъ укладомъ. Тотъ и другой порядокъ имѣлъ за себя многочисленныхъ сторонниковъ во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества. Единодержавіе пользовалось тѣмъ громаднымъ преимуществомъ, что на сторонѣ его стояли и высшая духовная власть въ лицѣ Всероссійскаго митрополита, и почти все многочисленное тогда монашеское сословіе, пропитанное византійско-государственными тенденціями и имѣвшее въ то время громадное вліяніе на общество. Но и удѣльно-вѣчевой строй пользовался симпатіями весьма значительной части сѣвѣрскаго общества и между прочимъ высшихъ слоевъ его, съ утратой его терпимыхъ имогія изъ своихъ привилегій. При всецѣльномъ господствѣ въ тогдашнее время религіозныхъ интересовъ, при обычаѣ все сводить на религіозную почву борьба эта естественно должна была прежде всего отразиться на религіозно-церковныхъ отношеніяхъ членовъ тогдашняго общества. Всякій, не сочувствовавшій идеѣ политическаго единовластія, естественно долженъ былъ считаться въ глазахъ приверженцевъ его врагомъ и измѣнникомъ вѣры и церкви, и наоборотъ.

Такое состояніе общества представляло самую лучшую почву для возникновенія и развитія всякаго рода религіозныхъ ученій. При такихъ условіяхъ появился въ Новгородѣ ученый еврей Схарія съ товарищами и началъ распространять здѣсь свое ученіе. Онъ нашелъ готовый матеріалъ для своей пропаганды въ умахъ тѣхъ, у кого цѣлостъ православной вѣры была уже потрясена, но кто еще не успѣлъ прочно утвердиться ни въ какой новой теоріи. Прежде всего съ нимъ случайно встрѣтилось повгородское духовенство. Это были люди книжные и прежде приготовленные къ религіознымъ вопросамъ, но какъ и всѣ вообще грамотники того времени, не имѣвшие строгаго научно-богословскаго образованія. Кромѣ того, это были люди съ вѣчевымъ складомъ понятій, уже знакомые съ анти-церковными мнѣніями стригольниковъ, ясно видѣвшие и дѣйствительные недостатки современной имъ религіозно-церковной жизни. Понятно, что они не могли питать симпатіи ни къ представителю мѣстной церковной власти, живому символу ненавистнаго имъ владычества Москвы, ни ко всему существующему религіозно-церковному строю

вообще. Они нашли въ ученѣмъ жидовствѣ для своей оппозиціи церкви именно то, чего имъ недоставало; а недоставало имъ твердой научно-богословской обосновки и оправданія своихъ антицерковныхъ мнѣній посредствомъ указанія на какой-нибудь внѣшній авторитетъ: требовалось не только поставить свое отрицаніе на твердыхъ догматическихъ основаніяхъ, но вмѣстѣ съ этимъ выработать такую религіозную доктрину и такой культъ, которые, будучи свободны отъ недостатковъ прежняго, отвергнутаго, въ то же время радикально не расходились бы и съ ихъ традиціонными вѣрованіями. Эти люди чувствовали всю шаткость данныхъ, которыми мотивировалось ихъ отрицаніе, сознавали, что ученіе ихъ тогда только будетъ имѣть значеніе религіознаго ученія, когда будетъ опираться на внѣшнемъ божественномъ авторитетѣ, найдетъ оправданіе въ Священномъ Писаніи; въ противномъ случаѣ оно никогда и не для кого не будетъ имѣть ни силы, ни обязательности, и какъ всякій отрицательно-философскій толкъ, рано или поздно должно будетъ исчезнуть, уступивъ свое мѣсто какой-нибудь положительно-религіозной доктринѣ. Въ то же время для нихъ было невозможно распространить отрицаніе на весь циклъ своихъ прежнихъ религіозныхъ понатій и навсегда отрѣшиться отъ нихъ въ цѣломъ ихъ объемѣ — потому что они сознавали, что не все въ прежнихъ религіозныхъ понатіяхъ было ложно, а что, напротивъ того, многія изъ нихъ были несомнѣнно истинными, и они никогда не захотѣли бы съ ними разстаться. Но внесши въ систему прежнихъ вѣрованій элементъ отрицанія, они уже не знали ни предѣловъ, до которыхъ оно должно было простираться, ни того, чѣмъ можно было бы восполнить въ ихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ пробѣлы, явившіяся его результатомъ, и что, въ одно и то же время, замѣняя отвергнутое, мирилось бы съ прежними, традиціонными вѣрованіями, считавшимися ими за истинныя. Отсюда — нерѣшимость и колебаніе ихъ въ отношеніяхъ къ существующему религіозно-церковному строю и, — какъ непосредственный результатъ этого, дробленіе на разнообразныя толки. Вотъ здѣсь-то какъ нельзя болѣе кстати явилось на помощь учено-либеральное жидовство. Свободное отъ узкой замкнутости и мелочнаго формализма, опиравшееся въ дѣлѣ религіи болѣе на авторитетъ разума, чѣмъ на авторитетъ преданія и буквы писанія, скорѣе индифферентное, чѣмъ фанатическое относительно религіозныхъ формъ и разновидностей, и при всемъ этомъ обладавшее значительнымъ запасомъ тогдашней свѣтской эрудиціи, особенно же сильное въ діалектикѣ, оно какъ нельзя болѣе

подходило къ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились наши религиозные новаторы. Нейтральною почвою, на которой впервые сошлись новгородскіе грамотники съ учеными Іудеями, конечно, послужила свѣтская мудрость, явившаяся въ видѣ средневѣковой схоластической науки, смѣшанной съ астрологіей и кабалистикой; но такъ какъ тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ исключительнаго господства въ нашемъ обществѣ религиозныхъ идей, и свѣтская мудрость лишь по столько имѣла тогда значенія, по скольку она могла служить интересамъ религіи, то было весьма естественно, что и въ данномъ случаѣ вопросы науки въ скоромъ времени сведены были къ вопросамъ вѣры, интересовавшимъ нашихъ грамотниковъ. Близжайшимъ пунктомъ, на которомъ наши книжники могли сойтись съ учеными Іудеями, служила Библія. Іуданизмъ Схарія и его товарищей-соплеменниковъ, какъ мы выше замѣтили, былъ чуждъ талмудическихъ преданій и опирался только на Библію. Ветхій завітъ и въ глазахъ нашихъ грамотниковъ имѣлъ значеніе непререкаемаго божественнаго авторитета, обязательнаго во всѣхъ своихъ частяхъ наравнѣ съ новозавѣтными писаніями. Изучая Священное Писаніе безъ всякаго разумнаго руководства, не постигая ясно отношеній ветхаго завіта къ новому и того глубокаго различія, какое, не смотря на одинаковость ихъ божественнаго происхожденія, существуетъ между тѣмъ и другимъ, наши книжники смѣшивали ихъ между собою и считали ветхій завітъ, въ полномъ его составѣ, обязательнымъ для христіанина наравнѣ съ новымъ. Соединясь съ Іудеями во взглядахъ на ветхозавѣтныя писанія, они могли безъ труда, взявъ это за исходную точку, сойтись и во многомъ другомъ. Правда, ихъ новые учителя не вѣровали въ Іисуса Христа и не принимали его ученія, а наши религиозные вольномыслители въ свою очередь не желали совсѣмъ отрѣшиться отъ христіанства и во имя принятія началъ іуданизма жертвовать своими прежними вѣрованіями. Но вѣдь какъ ветхій, такъ и новый завітъ,—разсуждали наши вольнодумцы,—какъ іудейство, такъ и христіанство, будучи результатами одного и того же Божественнаго откровенія, не должны въ существенномъ противорѣчить другъ другу, а если и существуютъ между ними какія-нибудь разногласія, то эти разногласія болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, и при правильномъ, разумномъ толкованіи того и другаго легко могутъ быть устранены и примирены. Слѣдовательно,—заключили они,—религиозная истина должна паходиться въ среднѣхъ; именно въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ оба ученія сходятся между

собою; все же то, что въ томъ и другомъ окажется совсѣмъ неприимимымъ и не можетъ быть объяснено и перетолковано въ смыслѣ соглашенія, смотря по своей важности, должно быть или вовсе устранено изъ религіозной системы, какъ несогласное съ истиною, или замѣнено тѣмъ или другимъ положеніемъ изъ ветхаго или новаго завіта, смотря по тому, какое изъ нихъ болѣе удовлетворяетъ требованіямъ разума, или же наконецъ оставлено въ прежнемъ видѣ, какъ простая формально-религіозная разновидность, не относящаяся къ существу вѣры. Такому выводу нашихъ вольподумцевъ не только не противились ихъ новые союзники, ученые Евреи, но напротивъ того, охотно взялись помогать имъ въ достиженіи этой цѣли своею эрудиціей: ибо они очень хорошо знали, что при такомъ способѣ соглашенія христіанства съ іуданизмомъ, въ первомъ мало останется христіанскаго. А что таковъ именно былъ выводъ, къ которому пришли наши религіозные новаторы, это доказывается самымъ содержаніемъ ихъ ученія.

Самымъ главнымъ и основнымъ пунктомъ разногласія между ветхимъ и новымъ завітомъ, между современнымъ іуданизмомъ и христіанствомъ служитъ ученіе о Богѣ. Іудейство проповѣдуетъ строгій, безусловный монотеизмъ, между тѣмъ какъ христіанство признаетъ единство существа Божія при тринности лицъ Божества, и ученіе свое объ этомъ основываетъ не на одномъ новомъ завітѣ, но подтверждаетъ и многими ветхозавѣтными свидѣтельствами. Нужно было прежде всего устранить это основное противорѣчіе, чтобъ идти далѣе по пути соглашенія; а устранить его можно было не иначе, какъ посредствомъ компромисса, основаннаго на взаимныхъ уступкахъ. Не поддѣлать сомнѣнію, что догматъ о тринности лицъ Божества совершенно убѣдительнъ для человѣка, искренно вѣрующаго и смиренно благоговѣющаго предъ непостижимою тайною существа Божія; но въ то же время съ нимъ не легко мирится умъ, критически относящійся къ предметамъ вѣры и уже поколебленный въ ней; ему гораздо болѣе нравится идея безусловнаго единства Божія, проповѣдуемая іуданизмомъ. Вотъ почему многіе крайніе религіозные радіоналисты не безъ уваженія относились къ ветхому завітѣ и пользовались имъ, какъ доказательствомъ противъ христіанскаго ученія о Троицѣ. Наши религіозные новаторы тоже не составляли въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія. Принявъ принципъ монотеизма, какъ наиболѣе согласный съ ихъ разумомъ, и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ признаетъ его іудейство, но

въ то же время будучи не въ состояніи вовсе отрѣшиться отъ прежнихъ христіанскихъ воззрѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая оправдать и примирить съ ними и ветхозавѣтные свидѣтельства, говорящіе не въ пользу безусловной единоличности Божества, они дѣлаютъ уступку въ пользу христіанства, не безусловно отвергаютъ мессіанское значеніе Христа Спасителя и признають его Сыномъ Божиимъ только не по существу, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и другіе ветхозавѣтные пророки. Согласившись въ этомъ главномъ пунктѣ, они уже легко могли идти по найденому пути. Если Богъ единиченъ, то не могло быть и воплощенія Сына Божія; оно, по ихъ мнѣнію, не нужно и не сообразно съ свойствами Божиими: развѣ не можетъ Богъ спасти человѣка, употребивъ для этого небесныя силы, пророковъ и праведниковъ? Да и какимъ образомъ Богъ можетъ сойти на землю и родиться, какъ человѣкъ? Таковъ былъ дальнѣйшій выводъ раціонализма изъ принятаго имъ основнаго положенія іудейства о единоличности Божества.

Поставивъ своею задачею создать религіозную систему на началахъ будто бы разумнаго соглашенія ветхаго завета съ новымъ, христіанства съ іудаизмомъ, соглашенія, основаннаго на примиреніи ихъ, а за невозможностью этого и на совершенномъ устраненіи въ нихъ всего противорѣчащаго или несогласнаго съ разумомъ, еретики естественно чрезъ это самое поставили свой личный, субъективный разумъ высшимъ авторитетомъ и судіей въ дѣлахъ вѣры, присвоили себѣ право подвергать критикѣ даже самые богооткровенные источники вѣроученія. Случай практически примѣнить это право не замедлилъ представиться. Повсемѣстно распространенное вѣрованіе въ близкую кончину міра и не сбывшееся ожиданіе втораго пришествія Христова съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, основаннаго на неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ апостольскихъ писаній, изъ святоотеческой и церковной письменности, подали ерестикамъ поводъ подвергнуть критикѣ эти мѣста и заподозрить ихъ истинность.

Тѣмъ легче наши раціоналисты могли прійти къ соглашенію съ іудаизмомъ въ вопросѣ о внѣшней, церковно-обрядовой сторонѣ вѣры. Довѣріе и почтеніе къ христіанской обрядности и іерархіи уже давно было ими утрачено, и если они еще не безусловно отрицательно относились къ той и другой, то потому только, что не въ состояніи были подыскать вполнѣ достаточныя основанія для своего отрицанія и не знали, чѣмъ замѣнить отвергнутое. Они со-

знавали, что отвергать всю сумму церковно-богослужебной внѣшности только на основаніи незаконности постановленія и нравственнаго недостойнства служителей церкви и въ то же время оставлять неприкосновеннымъ самый принципъ почитанія ея было не логично. Требовались другія, болѣе прочныя и разумныя основанія для этого. Здѣсь опять являлось на помощь нашимъ реформаторамъ іудейство. Оно указывало имъ въ ветхомъ завѣтѣ рядъ категорическихъ предписаній, возбраняющихъ поклоняться рукотвореннымъ вещамъ. Мѣста эти, примѣненные въ данномъ случаѣ къ православной церковно-обрядовой внѣшности, послужили для еретиковъ исходными пунктами для отрицанія ея. Доводы, представляемые іудействомъ, были тѣмъ убѣдительнѣе для нашихъ грамотниковъ, что они не встрѣчали противовѣса себѣ въ новомъ завѣтѣ, исключительно обращенномъ на внутреннюю сторону религіи, занимающемся внутреннимъ перерожденіемъ человѣческой личности; а церковно-обрядовая внѣшность, исключая таинства евхаристіи, установленнаго Иисусомъ Христомъ, основывалась не столько на буквѣ новозавѣтнаго писанія, сколько на древнемъ христіанскомъ преданіи, довѣріе къ которому у нихъ уже прежде было поколеблено. Но такъ какъ русскій человѣкъ того времени, воспитанный исключительно на буквѣ и обрядѣ и не постигавшій живаго духа въ религіи, даже присоединялся къ еретическому обществу и отставая отъ своего привычнаго обряда, все-таки требовалъ обряда, формы, внѣшности, безъ которыхъ для него не мыслима была и самая вѣра, то нужно было подыскать или создать такой религіозный культъ, который находился бы въ наибольшей гармоніи съ его новымъ религіознымъ мировоззрѣніемъ. Уступая этой потребности, пропагандисты ереси указывали своимъ прозелитамъ на іудейскую обрядность, какъ основанную на прямыхъ предписаніяхъ Моисеева закона. Впрочемъ нельзя допустить, чтобъ отъ совращавшихся въ ересь они требовали принятія ветхозавѣтной обрядности во всемъ ея объемѣ. Смотри на религію главнымъ образомъ съ ея внутренней, философской стороны, они, всего вѣроятнѣе—относились къ формально-обрядовой сторонѣ ея довольно безразлично, и если выражали на этотъ счетъ какія-нибудь положительныя мнѣнія, то дѣлали это не по собственной инициативѣ, а по настоянію своихъ учениковъ; доказательствомъ того можетъ служить тотъ фактъ, что когда первые прозелиты Жидовъ пожелали принять обрѣзаніе, то наставники ихъ не позволили имъ сдѣлать этого. Что же касается общественныхъ собраній еретиковъ, празднованія Пасхи и другихъ праздниковъ

часть слѣдххх отд. 2.

по іудейски и употребленія ими жидовскихъ жертвъ, о чемъ говорятъ источники, то самая таинственность, какою облакали ихъ еретики, уже закрывала ихъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя, а потому сказать о нихъ что-нибудь опредѣленное едва-ли возможно, какъ не дѣлаютъ этого и самые источники. Изъ посланія Геннадія къ Іосифу можно заключить, что еретики принимали іудейское гѣтосчисленіе, а изъ гѣтописнаго извѣстія и словъ пр. Іосифа видно, что праздновали Пасху по іудейски: не значитъ ли это, что они праздновали ее только по еврейскому календарю? Такъ думаетъ пресвященный Филаретъ, и съ его мнѣніемъ нѣтъ основаній не соглашаться. Уступка еретиковъ въ пользу поклоненія иконѣ Христа Спасителя и почитанія другихъ священныхъ предметовъ и тотъ фактъ, что еретики изъ духовенства и по принятіи ереси не оставляли своихъ должностей, продолжая совершать церковныя службы,—ясно доказываютъ, что еретики еще не порывали связи съ православно-христіанскою церковностью. Молитвословія ихъ, какъ показываетъ сохранившаяся псалтирь ихъ, хотя несомнѣнно имѣли іудейское происхожденіе, но лишены всякой догматической окраски, съ равнымъ правомъ могли употребляться какъ Іудеями, такъ и христіанскими еретиками, и потому на нихъ можно смотрѣть, какъ на доказательство, что ересь, даже въ обрядовой своей сторонѣ, была основана на компромиссѣ христіанства съ іудаизмомъ.

Наполецъ, былъ еще одинъ элементъ въ тогдашней церковно-общественной жизни, который возбуждалъ къ себѣ особенную ненависть нашихъ новаторовъ: это—монашество. Монашество было самымъ консервативнымъ элементомъ и въ обществѣ, и въ церкви. Пересаженное къ намъ съ Востока, преимущественно изъ Византии и проникнутое тенденціями греко-римскаго политико-теократическаго абсолютизма, оно проповѣдывало безусловное повиновеніе всякой фактически-существующей власти, какъ власти установленной Богомъ, каково бы ни было ея происхожденіе, и, въ силу своихъ византийско-теократическихъ тенденцій, всегда становилось на сторону политическаго абсолютизма. Въ данный историческій моментъ оно въ большинствѣ своемъ тянуло къ Москвѣ, какъ представительницѣ этого принципа, въ значительной степени успѣвшей осуществить его и на дѣлѣ, и вступало въ антагонизмъ съ сторонниками удѣльно-плѣчевого порядка, къ которымъ несомнѣнно принадлежали и новгородскіе еретики. Но еще консервативнѣе было монашество въ религіозно-церковной области. Считая себя главнымъ представителемъ и защитникомъ интере-

совѣ вѣры и церкви и въ то же время ограничивая эти интересы узкою сферою церковно-обрядоваго формализма, оно ревниво охраняло всѣ церковно-религіозные порядки въ томъ одностороннемъ ихъ видѣ, въ какомъ они въ то время существовали, и враждебно относилось ко всякой реформѣ въ этой области, хотя бы реформа совершалась въ строго-православномъ духѣ и не затрогивала существенныхъ сторонъ вѣры и церкви, между тѣмъ какъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ оно, за немногими свѣтлыми исключеніями, далеко не соответствовало высотѣ той задачи, какую на себя приняло. Все это въ совокупности не могло не возбуждать противъ монашества антагонизма въ лицахъ, державшихся прогрессивнаго образа мыслей. Не могли равнодушно относиться къ нему и наши религіозные новаторы, встрѣчавшіе въ немъ, можетъ быть, самый сильный отпоръ своимъ реформистскимъ стремленіямъ. Вотъ почему еще стригольники, на ряду съ священствомъ, отвергали и монашество, несмотря на то, что не отрицали его атрибутовъ—воздержанія и поста, и сами вели строго-аскетическую жизнь. Но отрицаніе стригольниками монашества выходило изъ тѣхъ же самыхъ началъ, на основаніи которыхъ они отвергали и священство, изъ несоответствія лица возложенному на него сану или званію. Сознавая всю недостаточность подобнаго мотива, еретики жидовствующие тщетно старались поставить свое отрицаніе на болѣе прочныхъ и неопровержимыхъ основаніяхъ, заимствуя ихъ изъ Священнаго Писанія, какъ ветхаго, такъ и новаго завіта, и указывая на примѣръ самого Ісуса Христа и апостоловъ.

И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что ересь жидовствующихъ была не что иное, какъ продуктъ взаимнаго соглашенія между не строго послѣдовательнымъ, не доведеннымъ до своихъ послѣднихъ результатовъ христіанскимъ раціонализмомъ и философско-либеральнымъ направленіемъ іудейства, основанная на взаимныхъ уступкахъ сдѣлка между ними. Какъ таковая, она состояла изъ двухъ существенныхъ элементовъ: первымъ изъ этихъ элементовъ былъ рядъ отрицательно раціоналистическихъ мнѣній, самостоятельно развившихся въ XIV и XV вѣкахъ на русской религіозно-церковной почвѣ въ качествѣ реакціи недостаткамъ современнаго религіозно-церковнаго строя и впоследствии сконцентрировавшихся въ цѣломъ антицерковномъ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ ереси стригольниковъ; другимъ элементомъ ереси жидовствующихъ было іудейство, свободное отъ кастовой замкнутости и мертваго формализма талмудистовъ и вооруженное зна-

чительнымъ запасомъ тогдашней науки. Составясь изъ такихъ, не совсѣмъ мирящихся между собою элементовъ, ересь естественно должна была носить на себѣ характерныя черты того и другаго. Такъ и было на самомъ дѣлѣ: съ одной стороны, признаніе единости Божества, обязательности нѣкоторыхъ предписаній обрядоваго Моисеева закона и вообще религіозно-обрядовый пуританизмъ — черты чистаго іудаизма, съ другой — безусловное отрицаніе божественности Иисуса Христа, признаніе за нимъ мессіанскаго значенія, какъ за пророкомъ и Сыномъ Божиимъ по благодати, и какъ результатъ этого — признаніе авторитетности новозавѣтныхъ писаній, хотя и при полной субъективной свободѣ ихъ пониманія, наконецъ — не всецѣлое отверженіе христіанской церковно-богослужебной виѣшности — черты, исключительно свойственныя христіанскому раціонализму. Если вникнуть во внутренній характеръ того и другаго изъ составныхъ элементовъ ереси, то не смотря на всю громадность уступокъ, сдѣланныхъ каждымъ изъ нихъ въ пользу другаго, между ними все-таки нельзя не замѣтить непримиримаго противорѣчія: христіанство и іудаизмъ — это два понятія, взаимно исключаящія другъ друга, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ; какъ бы ихъ ни искажали, ни урѣзывали, ни расширяли, но одно изъ нихъ непримѣнно рано или поздно должно уступить мѣсто другому. Соединительнымъ звеномъ этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ было личное, субъективное пониманіе нашихъ религіозныхъ новаторовъ, подчинившее себѣ религіозную истину и начавшее распоряжаться ею по произволу. Подвергнувъ критикѣ нѣкоторыя изъ существенныхъ сторонъ православной религіозно-церковной жизни и дошедши до отрицанія ихъ, но не имѣя для него твердой догматической основы, еретики по необходимости оперлись на іудейство, случайно, но такъ кстати явившееся къ нимъ на помощь; но они обратились къ содѣйствію іудаизма единственно только потому, что по слабости своего умственно-религіознаго развитія не въ состояніи были самостоятельно подыскать ничего лучшаго. Тамъ же, гдѣ можно было обойтись безъ помощи іудаизма, они охотно дѣлали это, какъ очевидно доказываютъ мотивы отрицанія еретиками монашества и критика нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній.

Какъ компромиссъ совершенно разнородныхъ элементовъ, устроенный только по необходимости, какъ временное *modus vivendi*, ересь жиновствующихъ, очевидно, не заключала въ себѣ ни за-

датковъ, ни внутренней силы для дальнѣйшаго существованія въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ она первоначально явилась. И дѣйствительно, какъ изъ исторіи, такъ и изъ обзорѣнія внутренняго развитія ереси, мы видимъ, что іудейскій элементъ въ ней все болѣе и болѣе ступенывается. Правда, въ замѣнъ своей внутренней слабости, она еще могла почерпнуть жизненную силу для себя во внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ находилось наше общество въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, въ борьбѣ прежняго политическаго строя съ новымъ, въ низкомъ уровнѣ умственнаго и религіозно-правственнаго развитія общества, въ разнообразныхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, существовавшихъ въ современной религіозно-церковной жизни; благодаря этимъ обстоятельствамъ, ересь продолжала существовать довольно долгое время (около 40 лѣтъ) безъ существенныхъ измѣненій въ своемъ внутреннемъ содержаніи. Но дни ея все-таки были сочтены: страдавшая внутренними противорѣчіями, преслѣдуемая пытками и гоненіями, она принуждена была наконецъ скрыться въ тайникахъ народной жизни и тамъ подвергнуться радикальной внутренней переработкѣ. Религіозный раціонализмъ, разъ возникшій на русской народной почвѣ и съ особенною силою заявившій себя въ ереси жидовствующихъ, не погибъ; спустя нѣкоторое время онъ снова заявилъ себя, но уже не въ связи съ іудействомъ, а рука объ руку съ другими союзниками, пришедшими къ нему на помощь съ Запада и болѣе сродными съ нимъ по своему внутреннему характеру.

Таковы специфическія особенности явленія, которому мы посвятили наше изслѣдованіе. Съ истинной церковно-догматической точки зрѣнія, ересь жидовствующихъ несомнѣнно была весьма существеннымъ уклоненіемъ отъ православно-церковной нормы; но съ общей культурно-исторической точки зрѣнія ее справедливо можно считать однимъ изъ первыхъ и весьма важныхъ шаговъ русскаго общества на пути интеллектуальнаго прогресса. Въ общемъ ходѣ культурнаго развитія народа, конечно, самое существенное составляетъ то, какое направленіе принимаетъ это развитіе; но прежде всего здѣсь важенъ самый фактъ интеллектуальнаго движенія, въ какой сферѣ и въ какомъ бы направленіи оно ни происходило; для успѣховъ культуры опаснѣе всего умственная спячка, пассивная неподвижность общественной мысли. Мы уже видѣли, что вся интеллектуальная дѣятельность древне-русскаго человѣка ограничивалась областью религіи; но въ религіи онъ исключительно останавли-

вался на внѣшней, чувственно-формальной сторонѣ ея; внутренній, чисто-идеальный элементъ въ христіанствѣ былъ почти совсѣмъ не доступенъ для него по той причинѣ, что въ моментъ принятія имъ христіанства и спустя долгое время послѣ того онъ подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій продолжалъ стоять на той низкой степени умственнаго развитія, когда мышленіе, еще неспособное къ отвлеченной дѣятельности и обобщенію, не идетъ далѣе чувственнаго эмпиризма. Понятно, что при такихъ условіяхъ чувственно-формальная оболочка религіи, сосредоточивавшая на себѣ весь умственный интересъ древне-русскаго человѣка и единственно доступная его разумѣнію, по скрывавшая отъ него идеальную сущность, внутренній смыслъ ея, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе крѣпла, и такъ сказать, утолщалась: ибо само общество, за недоступностью внутренней стороны религіи сосредоточило всѣ свои умственные силы на развитіи внѣшности ея до мельчайшихъ подробностей. Такой порядокъ вещей продолжался почти вплоть до XV вѣка; церковно-обрядовый формализмъ получалъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе въ умственной и религіозно-нравственной жизни общества; а къ этому времени онъ достигъ апогея своего развитія, и подъ гнетомъ его готова была окончательно угаснуть всякая живая дѣятельность народнои мысли.

Богато-одаренный природою духъ народа не могъ не тяготиться узами, стѣснявшими его самостоятельность, не могъ не стремиться высвободиться изъ-подъ ихъ давящаго вліянія; подъ его могучимъ напоромъ рано или поздно, но непремѣнно должны были рушиться вѣковыя наслоенія религіозно-церковнаго формализма. Уже въ самое раннее время нашей исторической жизни являлись личности съ болѣе чистымъ и глубокимъ пониманіемъ христіанства, уже тогда дѣлались попытки возвысить внутреннюю сторону религіи надъ подавлившею ее внѣшностью; но все это были лишь единичныя исключенія, и какъ исключенія, онѣ не измѣняли общаго положенія дѣлъ. Въ ереси стригольниковъ русская общественная мысль впервые заявила коллективный протестъ противъ стѣснявшаго ея свободу религіознаго формализма. Поэтому движеніе это справедливо можно считать однимъ изъ первыхъ моментовъ пробужденія народнаго самосознанія. Здѣсь въ первый разъ русскій народный умъ, выступивъ изъ своей пассивности, самостоятельно взглянулъ на существующій церковно-іерархическій строй, сопоставилъ его съ тѣмъ идеаломъ, который начертанъ для него въ источникахъ церковнаго вѣроученія, и признавъ несоотвѣтствіе между ними, дошелъ ошибочно до

отрицанія всей церковно-обрядовой внѣшности. Въ этомъ и заключается культурно-историческое значеніе этого явленія. Но въ стригольничествѣ мышленіе еще не возвышалось до отвлеченно-теоретической дѣятельности, а стояло на той же самой чувственно-эмпирической почвѣ, на какой оно стояло въ предшествовавшій періодъ своего развитія. Стригольники отрицали церковно-обрядовую внѣшность, но не потому, что заподозривали истинность самаго принципа, лежащаго въ основѣ ея, а единственно на основаніи несоотвѣстности ея тоже съ чувственно-эмпирическою формою, въ какой она, по ихъ мнѣнію, должна являться по православно-церковному вѣроученію. Все различіе между тѣмъ и другимъ моментомъ умственного развитія нашего общества состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ народная мысль относилась къ чувственно-формальной сторонѣ въ религіи пассивно и воспринимала ее такою, какою она представлялась непосредственному наблюденію; во второмъ—она впервые отнеслась къ воспринимаемому чувственно-эмпирическому матеріалу вполне активно и подвергла его самостоятельной оцѣнкѣ, хотъ и руководствовалась при этомъ тоже чувственно-эмпирическими критеріями.

Гораздо далѣе шла по пути интеллектуальнаго прогресса ересь жидовствующихъ, находившаяся въ непосредственной генетической связи съ ересью стригольниковъ. Жидовствующіе подвергли рѣзкой критикѣ не одну внѣшнюю чувственно-формальную сторону религіи и руководствовались при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ предметовъ изъ этой области не одними чувственно-эмпирическими данными: они прежде всего обратили вниманіе на внутреннюю, принципиальную сторону христіанства и старались тѣ или другіе выводы относительно ея обосновать на прочныхъ разумно-теоретическихъ основаніяхъ, частію почерпая ихъ изъ Священнаго Писанія, частію пользуясь обыкновеннымъ, разумно-діалектическимъ методомъ доказательствъ; даже при критикѣ церковно-обрядовой внѣшности они измѣряли ее не чувственно-эмпирическою мѣркою, какъ дѣлали это стригольники, а путемъ анализа доходили до ея теоретическихъ основаній и пытались подорвать ее въ самомъ принципѣ. Такимъ образомъ, если въ стригольничествѣ мышленіе древне-русскаго человѣка впервые вышло изъ своей пассивной неподвижности и вполне активно отнеслось къ тому чувственно-эмпирическому матеріалу, на которомъ въ данное время сосредоточенъ былъ весь его умственный интересъ, то въ ереси жидовствующихъ оно впервые и тоже самостоятельно вышло изъ области чувственного эмпиризма, составлявшаго доселѣ един-

ственную почву для его дѣятельности, и вступило въ область теоретической дѣятельности, на путь анализа. На этомъ основаніи движеніе это справедливо можно считать — сравнительно съ ересью стригольниковъ — новымъ, хотя и уродливымъ, шагомъ на пути культурнаго развитія русскаго общества.

Важное само по себѣ, изслѣдуемое нами явленіе представляеть еще и другой болѣе серьезный интересъ по тому могущественному вліянію, какое оно оказало на весь современный ему строй умственно-религіозной жизни нашего общества и на ея послѣдующее развитіе. Затронувъ самыя существенныя стороны церковно-общественнаго быта, на которыхъ въ данное время сосредоточивались самыя животрепещущіе интересы общества, ересь жидовствующихъ произвела умственное оживленіе, не замедлившее охватить собою весь общественный организмъ; но здѣсь же, подъ вліяніемъ умственнаго возбужденія, произведеннаго ересью, впервые ясно опредѣлилась и выступила наружу глубокая рознь въ направленіи духовнаго развитія русскаго общества, рознь, издавна существовавшая въ немъ и являвшаяся результатомъ всей предшествовавшей его культурно-исторической жизни. До появленія ереси оба направленія въ умственной жизни нашего общества, при всей своей діаметральной противоположности, имѣли — каждое — свою отдѣльную область дѣятельности и не вступали въ открытую борьбу между собою. Послѣдователи перваго изъ нихъ, которое мы выше назвали формально-обрядовымъ, почти безраздѣльно господствовали въ церкви и обществѣ; сторонники другаго, далеко уступавшіе первымъ въ численности, но превосходившіе первыхъ болѣе глубокимъ пониманіемъ религіозной истины, въ тиши пустыннаго уединенія скромно работали въ пользу возвышенія духовнаго элемента въ религіи надъ подавлявшею его внѣшностью. Теперь когда появилась ересь и поставила на очередь вопросы, затрогивавшіе самыя существенныя стороны религіозно-церковнаго и церковно-общественнаго быта, оба направленія выступили изъ своей замкнутости и съ одинаковымъ вниманіемъ отнеслись къ новоявившейся ереси и къ выдвинутымъ ею вопросамъ. Но существенно расходясь во взглядахъ на то и другое, они естественно должны были вступить въ антагонизмъ между собою. Результатомъ этого была сначала полемика-литературная, а потомъ перешедшая и на практическую почву, борьба, которою ознаменовались конецъ XV и начало XVI столѣтій. Борьба эта, не смотря на свой жгучій характеръ, оказала громадную услугу умственному прогрессу русскаго об-

щества. Каждая изъ борющихся сторонъ выставила въ ней лучшія свои силы, раскрыла всѣ сокровища своихъ дарованій и знаній и въ своихъ усиліяхъ побѣдить противника достигла крайняго умственнаго напряженія.

Во главѣ безусловныхъ защитниковъ существующаго религіозно-церковнаго строя находился преп. Іосифъ Волоколамскій, человѣкъ, по глубинѣ своего ума и обширности свѣдѣній, по силѣ характера и беззаветной преданности идее стоящій выше всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Твореніе его, дошедшее до насъ подъ именемъ „Просвѣтителя“, исключительно вызвано этою умственно-религіозною борьбою, и было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ плодовъ ея. Если оставить въ сторонѣ всѣ крайности, въ которыя иногда впадаетъ авторъ „Просвѣтителя“, и которыя обуславливались частію одностороннимъ складомъ воззрѣній, его воспитавшихъ, частію положеніемъ его, какъ охранителя существующаго религіозно-церковнаго строя, — если исключить все это, то твореніе преподобнаго Іосифа можетъ быть причислено къ выдающимся произведеніямъ нашей церковной письменности за все время ея существованія; а для тогдашняго времени „Просвѣтитель“ былъ во всѣхъ отношеніяхъ явленіемъ необыкновеннымъ и небывалымъ. Произведеніе это прежде всего замѣчательно какъ первый и долгое время единственный опытъ самостоятельной научной обработки православно-церковной доктрины; но еще замѣчательнѣе оно съ обще-культурной точки зрѣнія: по глубинѣ и точности излагаемыхъ въ немъ понятій, по строго-логической послѣдовательности въ развитіи господствующей идеи, по искусству діалектики и остроумію выводовъ, наконецъ, по силѣ и убѣдительности изложенія это былъ такой шагъ впередъ на пути умственнаго прогресса, какого до появленія его еще никогда не дѣлалъ русскій народный умъ. Знаменитаго Волоколамскаго игумена упрекаютъ за то, что произведенія его будто бы оказали неблагоприятное вліяніе на послѣдующее развитіе русскаго общества; говорятъ, что исключительно на нихъ воспитались такіе политическіе деспоты, каковъ былъ Іоаннъ Грозный, и такіе фанатическіе защитники религіознаго формализма, каковы поодинокіе были первые расколучители, готовые за одно несущественное измѣненіе въ обрядѣ идти на пытку и плаху. Но въ этомъ были виноваты не столько творенія преп. Іосифа, сколько непреодолимое невѣжество самихъ изучавшихъ оныя. Большинство ихъ способно было воспринимать только крайности, которыми авторъ платилъ дань своему вѣку и непосредственно принималъ къ толкѣ;

но то, что составляло ихъ истинное достоинство—громадная богословская эрудиція, глубина и логическая сила мыслей, все это стояло выше пониманія невѣжественныхъ массъ и долгое время доступно было только немногимъ избраннымъ. Можетъ быть, главнымъ образомъ благодаря именно этимъ качествамъ въ твореніяхъ пр. Іосифа, долго служившихъ для русскаго человѣка классическою книгою, въ нашемъ обществѣ до-петровской эпохи появилось то среднее, консервативно-либеральное направленіе, которое, твердо держась національно-православныхъ началъ, никогда не отвергало необходимыхъ и законныхъ реформъ въ существующемъ церковно-общественномъ строѣ, и самымъ выдающимся представителемъ котораго въ XVII вѣкѣ является патріархъ Никонъ.

Во главѣ другого, противоположнаго направленія мы видимъ сначала идеальную личность преп. Нила Сорскаго, а потомъ ученика его, князя-инока Вассіана Патрикѣева, до конца своей жизни оставшагося вѣрнымъ направленію своего учителя, но діаметрально расходившагося съ нимъ и въ личномъ характерѣ, и въ характерѣ своей дѣятельности. Если Нилъ Сорскій былъ, по преимуществу, мыслитель-теоретикъ, высказавшій свои идеи не толпѣ, а въ небольшомъ кружкѣ избранныхъ, то Вассіанъ, напротивъ того, былъ исключительно писатель-практикъ, скорѣе популяризаторъ чужихъ идей, чѣмъ самостоятельный мыслитель. Онъ сводилъ теоретическіе взгляды своего учителя на практическую почву, съ чуткостью и талантомъ прилагалъ ихъ къ самымъ животрепещущимъ вопросамъ современной жизни. Онъ умѣлъ говорить съ массою общества ея языкомъ. Тонъ его рѣчи былъ простой и энергическій, часто рѣзкій и полный самой безпощадной ироніи; а такимъ лишь языкомъ и можно говорить съ обществомъ, только что начинающимъ пробуждаться отъ умственной спячки. Поэтому Вассіана справедливо можно назвать однимъ изъ первыхъ и талантливыхъ нашихъ публицистовъ. Направленіе Нила и Вассіана потерпѣло пораженіе; даже сочиненія ихъ, особенно послѣдняго, не всѣ дошли до насъ; но ясно формулированныя и пущенныя ими въ народное обращеніе высоко-христіанскія идеи—о превосходствѣ содержанія надъ внѣшностію въ области религіи и нравственности, о христіанской вѣротерпимости и милосердіи къ заблудшимъ и ино-мыслящимъ съ тѣхъ поръ уже никогда не переставали имѣть въ нашемъ обществѣ болѣе или менѣе выдающихся представителей.

Всѣ эти свѣтлыя явленія въ интеллектуальной жизни нашего общества прямо или косвенно, но исключительно обязаны своимъ проис-

хожденіемъ умственно-религіозному движенію, бывшему предметомъ нашего изслѣдованія. Не будь ереси жидовствующихъ, не отнесись она критически къ современному ей религіозно-церковному строю и не выдвинь тѣхъ вопросовъ, какіе были ею выдвинуты, можетъ быть, не появилось бы и знаменитаго творенія Іосифа Волоцкаго, которое такъ долго служило почти единственно-серьезною умственною нищею для нѣсколькихъ поколѣній русскаго общества; можетъ быть, безъ этого условія высокія идеи христіанской цивилизаціи, провозглашенія во всеулышаніе Ниломъ и Вассіаномъ среди все болѣе и болѣе сгущавшагося мрака мертваго формализма и поголовнаго невѣжества, еще долго не коснулись бы народнаго сознанія и продолжали бы прятаться въ безвѣстныхъ кельяхъ скитниковъ, или что еще хуже—приняли бы тамъ тотъ уродливый, крайне-мистическій колоритъ, какой приняли онѣ въ монастыряхъ Востока у психастовъ и совершителей „Ѧворскаго свѣта“, и въ такомъ извращенномъ видѣ начали бы проникать въ народныя массы ¹⁾).

И такъ, если смотрѣть на ересь жидовствующихъ съ обще-культурной точки зрѣнія, то нельзя не признать этого явленія однимъ изъ первыхъ и самымъ важнымъ моментомъ пробужденія самодѣятельности русскаго народнаго духа. Правда, пробужденіе это отнюдь не было нормальнымъ; но вѣдь и предшествовавшую ему умственную спячку, въ которую цѣлѣмъ вѣкомъ погружено было русское общество, тоже нельзя назвать явленіемъ нормальнымъ; она скорѣе имѣла характеръ умственной летаргіи: что жъ удивительнаго, если и пробужденіе отъ нея походило на агонію?

Илья Пановъ.

¹⁾ Уже на произведеніяхъ перваго провозвѣстника этихъ идей Пила Сорскаго, къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить слѣдовъ восточнаго мистицизма (см. его „Предавіе и Уставъ скитскаго житія“).

ФИЛОСОФСІЯ НАЧАЛА ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ.

I.

Общѣисторическое введеніе (о законѣ историческаго развитія).

Первый вопросъ, на который должна отвѣтить всякая философія, имѣющая притязаніе на общій интересъ, есть вопросъ о цѣли существованія. Еслибы наше существованіе было постояннымъ блаженствомъ, то такой вопросъ не могъ бы возникнуть: блаженное существованіе было бы само себѣ цѣлью и не требовало бы никакого объясненія. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ блаженство существуетъ болѣе въ воображеніи, дѣйствительность же есть рядъ большихъ и мелкихъ мученій и въ самомъ счастливомъ случаѣ—постоянная смѣна тяжелаго труда и гнетущей скуки, съ одной стороны, и исчезающихъ влывій съ другой, то совершенно естественно является вопросъ: для чего все это, какая цѣль этой жизни? Каждому мыслящему человеку является этотъ вопросъ первоначально какъ *личный*, какъ вопросъ о цѣли его собственнаго существованія. Но такъ какъ, съ одной стороны, всѣ мыслящія существа находятся приблизительно въ одинаковомъ положеніи относительно этого вопроса, и такъ какъ, съ другой стороны, каждое изъ нихъ можетъ существовать только вѣстѣ съ другими, такъ что цѣль его жизни неразрывно связана съ жизненною цѣлью всѣхъ остальныхъ, то личный вопросъ необходимо превращается въ вопросъ общій: спрашивается—какая цѣль человѣческаго существованія вообще, для чего, на какой конецъ существуетъ человѣчество? *Общая и послѣдняя* цѣль требуется нашимъ сознаніемъ, ибо очевидно, что достоинство частныхъ и ближайшихъ цѣлей человеческой жизни можетъ опредѣляться только ихъ отношеніемъ къ той общей и полезной цѣли, для которой они служатъ средствами; такимъ образомъ если отнять эту послѣднюю, то и бли-

жайшія наши цѣли теряютъ всю свою цѣну и значеніе и для чело-вѣка останутся только непосредственныя побужденія низшей живот-ной природы.

Если мы, оставляя выбукую почву людскихъ мнѣній, обратимся къ объективному изслѣдованію нашего вопроса, то прежде всего должны привести къ ясному сознанію, *что* мыслится въ самомъ по-нятій *всеобщая цѣль* чело-вѣчества. Это понятіе необходимо пред-полагаетъ другое, именно понятіе *развитія*, и утверждая, что чело-вѣчество имѣетъ общую цѣль своего существованія, мы должны при-знать, что оно *развивается*; ибо еслибы исторія не была развитіемъ, а только смѣной явленій, сливавшихся между собою лишь внѣшнимъ образомъ, тогда, очевидно, нельзя было бы говорить ни о какой общей цѣли.

Понятіе развитія съ начала настоящаго столѣтія вошло не только въ науку, но и въ обиходное мышленіе. Это не значить, однако, что-бы логическое содержаніе этой идеи стало вполне яснымъ для общаго сознанія; напротивъ, это содержаніе является весьма смутнымъ и не опредѣленнымъ не только для полуобразованной толпы, толкующей вскося и вкривь о развитіи, но даже иногда и для ученыхъ и квази-философовъ, употребляющихъ это понятіе въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ. Поэтому, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, что собственно содержится въ понятіи развитія, что имъ предполагается.

Прежде всего развитіе предполагаетъ одинъ опредѣленный субъ-ектъ (подлежащее), о которомъ говорится, что онъ развивается: развитіе предполагаетъ развивающагося. Это совершенно просто, но тѣмъ не менѣе иногда забывается. Далѣе: субъектомъ развитія не можетъ быть безусловно простая и единичная субстанція, ибо безу-словная простота исключаетъ возможность какого бы то ни было измѣненія, а слѣдовательно и развитія. Вообще должно замѣтить, что понятіе безусловно простой субстанціи, принадлежащее школьному догматизму, не оправдывается философскою критикой. Но подлежать развитію, съ другой стороны, не можетъ и механическій агрегатъ элементовъ или частей: измѣненія, происходящіе съ граничною ска-лой или съ кучей песку, не называются развитіемъ. Если же подле-жащимъ развитію не можетъ быть ни безусловно простая субстанція, ни механическое внѣшнее соединеніе элементовъ, то имъ можетъ быть толькое единое существо, содержащее въ себѣ множественность элементовъ, внутренне между собою связанныхъ, то-есть, *живой ор-ганизмъ*. Дѣйствительно, развиваться въ собственномъ смыслѣ этого

слова могутъ только организмы, что и составляетъ ихъ существенное отличіе отъ остальной природы. Но не всякія измѣненія въ организмѣ образуютъ его развитіе. Такія измѣненія, въ которыхъ опредѣляющее значеніе принадлежитъ вѣшнымъ, чуждымъ самому организму дѣтелямъ, можетъ вліять на вѣшній ходъ развитія, задерживать его или и совсѣмъ прекращать, разрушая его субъектъ, но они не могутъ войти въ содержаніе самого развитія: въ него входятъ только такія измѣненія, которыя имѣютъ свой корень или источникъ въ самомъ развивающемся существѣ, изъ него самого вытекаютъ, и только для своего окончательнаго проявленія, для своей полной реализаціи, пуждаются во вѣшнемъ воздѣйствіи. Матеріалъ развитія и побуждающее начало его реализаціи даются извнѣ, но это побуждающее начало можетъ дѣйствовать, очевидно, лишь сообразно съ собственною природою организма, то-есть, оно опредѣляется въ своемъ дѣйствіи воздѣйствіемъ этого организма, и точно также матеріалъ развитія, чтобы стать таковымъ, долженъ уподобиться (ассимилироваться) самому организму, то-есть, принять его основныя формы, долженъ быть обработанъ дѣятельностію самого организма для органическихъ цѣлей, такъ что способъ и содержаніе развитія опредѣляются изнутри самымъ развивающимся существомъ. Говоря языкомъ схоластики, вѣшніе элементы и дѣтели даютъ только *causam materialem* и *causam efficientem* (αρχή τῆς κινήσεως) развитія, *causa* же *formalis* и *causa finalis* заключаются въ самомъ субъектѣ развитія.

Рядъ измѣненій безъ извѣстной исходной точки и продолжающійся безъ конца, не имѣя никакой опредѣленной цѣли, не есть развитіе; ибо каждый членъ такого ряда за отсутствіемъ общаго начала, опредѣляющаго его относительное значеніе, не могъ бы быть опредѣленнымъ моментомъ развитія, а оставался бы только безразличнымъ измѣненіемъ. Если, какъ было сказано, понятіе цѣли предполагаетъ понятіе развитія, то точно также послѣднее необходимо требуетъ перваго. Слѣдовательно, *развитіе есть такой рядъ имманентныхъ измѣненій органическаго существа, который идетъ отъ извѣстнаго начала и направляется къ извѣстной опредѣленной цѣли*: таково развитіе всякаго организма; *бесконечное же развитіе* есть просто бессмыслица, *contradictio in adjecto*. Итакъ, мы должны предположить три общіе необходимые момента всякаго развитія, а именно: извѣстное первичное состояніе, отъ котораго оно зачинается; другое извѣстное состояніе, которое есть его цѣль, и рядъ промежуточныхъ состояній, какъ переходъ или посредство; ибо еслибы не было послѣдователь-

наго и постепеннаго перехода отъ перваго къ послѣднему, то они сливались бы въ одно, и мы не имѣли бы никакого развитія, а только одно безразличное состояніе. Общая формула, выражающая эти три момента, есть *законъ развитія*. Опредѣливъ законъ развитія, мы опредѣлимъ и цѣль его. Не то, чтобы законъ и цѣль были одно и то же, но знаніе перваго даетъ и знаніе второй: такъ, зная законъ, по которому развивается растеніе, мы знаемъ и цѣль этого развитія — плодоношеніе — какъ послѣдній моментъ прогрессивнаго измѣненія, которое опредѣляется тѣмъ закономъ.

Если развитіе есть процессъ имманентный, пользующійся внѣшними данными только какъ возбужденіемъ и какъ матеріаломъ, то всѣ опредѣляющія начала и составныя элементы развитія должны находиться уже въ первоначальномъ состояніи организма — въ его зародышѣ. Это фактически доказывается тѣмъ, что изъ сѣмени известнаго растенія или изъ эмбриона известнаго животнаго никакими средствами невозможно произвести ничего иного, кромѣ этого опредѣленнаго вида растенія или животнаго. И такъ, первоначальное состояніе организма или его зародышъ, по своимъ образующимъ элементамъ, есть уже *цѣлый организмъ* и если такимъ образомъ различіе между зародишемъ и вполне развитымъ организмомъ не можетъ заключаться въ разности самихъ образующихъ началъ и элементовъ, то оно, очевидно, должно находиться въ разности ихъ *состоянія* или *расположенія*. И если въ развитомъ организмѣ составныя его элементы и формы расположены такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и назначеніе, то первоначальное или зародышное состояніе представляетъ противоположный характеръ: въ немъ составныя формы и элементы организма еще не имѣютъ своего строго опредѣленнаго мѣста и назначенія, другими словами, они смѣшаны, индифферентны; ихъ различіе представляется невыправившимся, скрытымъ, существующимъ только потенциально, они не выдѣлились, не проявили своей особенности, не обособились. Такимъ образомъ, развитіе должно состоять собственно въ выдѣленіи или обособленіи образующихъ формъ и элементовъ организма въ виду ихъ новаго, уже вполне органическаго соединенія. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ развитіе не должны приходить извнѣ *новые* составныя формы и элементы, то оно, очевидно, можетъ состоять только въ измѣненіи *состоянія* или *расположенія уже существующихъ* элементовъ. Первое состояніе есть смѣшеніе или внѣшнее единство; здѣсь члены организма связаны между собою чисто внѣшнимъ образомъ. Въ тре-

тѣмъ, совершенномъ состояніи, они связаны между собою внутренно и свободно по особенностямъ своего собственнаго назначенія, поддерживаютъ и восполняютъ другъ друга, въ силу своей внутренней солидарности; но это предполагаетъ ихъ предшествовавшее выдѣленіе или обособленіе, ибо они не могли бы войти во внутреннее свободное единство какъ самостоятельные члены организма, еслибы прежде не получили эту самостоятельность чрезъ обособленіе при выдѣленіи, что и составляетъ второй главный моментъ развитія. Не трудно показать необходимость перехода отъ втораго къ третьему состоянію. Обособленіе каждаго образующаго элемента неразрывно связано съ стремленіемъ исключить всѣ остальные, уничтожить ихъ какъ самостоятельные, или сдѣлать ихъ своимъ матеріаломъ, а такъ какъ это стремленіе одинаково присуще каждому изъ элементовъ, то они и уравниваются другъ друга. Но простое равновѣсіе было бы возможно только въ томъ случаѣ, еслибы всѣ образующіе элементы были совершенно одинаковы, а этого въ организмѣ быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, при совершенной одинаковости элементовъ, каждый могъ бы получить отъ всѣхъ другихъ только то, что самъ уже имѣетъ, при чемъ не было бы рѣшительно никакого основанія къ ихъ тѣсному внутреннему соединенію, возможна была бы только чисто механическая случайная связь, образующая агрегатъ, а не организмъ (такъ соединеніе одинаковыхъ песчинокъ образуетъ кучу песка, случайное единство которой распадается отъ всякаго внѣшняго дѣйствія); такимъ образомъ, въ организмѣ каждый членъ его имѣетъ необходимо свое различіе или особенность, а вслѣдствіе этого простое равновѣсіе необходимо приводитъ здѣсь къ такому состоянію, въ которомъ каждый элементъ уравнивается всѣ остальные не какъ одна единица противъ другихъ единицъ ей равныхъ, а сообразно своему внутреннему характеру и значенію. Такъ, въ организмѣ человѣческаго мозга или сердца имѣютъ значеніе не какъ равныя всѣмъ другимъ членамъ, а, сообразно своему особому назначенію, играютъ роль главныхъ органовъ, которымъ должны служить всѣ другіе для сохраненія цѣлости всего организма, а слѣдовательно, и самихъ себя. Такимъ образомъ необходимо получается не механическое равновѣсіе, а внутреннее органическое единство, которое и образуетъ въ своемъ полномъ осуществленіи третій главный моментъ развитія.

Должно замѣтить, что безразличіе перваго момента, есть только относительное: абсолютнаго безразличія не можетъ быть въ организмѣ ни въ какомъ его состояніи. Особенности образующихъ частей

существуютъ и въ первомъ моментѣ развитія, по связаннымъ, подавленнымъ элементомъ единства, которому здѣсь принадлежитъ исключительная актуальность. Во второмъ моментѣ, напротивъ, эта актуальность переходитъ на сторону отдѣльныхъ членовъ, и самъ прежній элементъ единства является лишь какъ одинъ изъ многихъ членовъ (такъ, напримѣръ, католическая церковь, которая въ началѣ среднихъ вѣковъ была исключительно актуальнымъ элементомъ единства, стала въ новѣйшее время лишь однимъ изъ членовъ въ общемъ организмѣ цивилизації); связующее же единство всѣхъ частей во второмъ моментѣ является лишь какъ отпеченная сила или общій законъ, который получаетъ живую дѣйствительность и становится конкретною цѣлостью въ третьемъ моментѣ.

Таковъ общій законъ всякаго развитія. Намъ нужно теперь приложить его къ извѣстной опредѣленной дѣйствительности, именно къ историческому развитію человечества ¹⁾. Субъектомъ развитія является здѣсь человечество какъ дѣйствительный, хотя и собирательный организмъ. Обыкновенно, когда говорятъ о человечествѣ, какъ о единомъ существѣ или организмѣ, то видятъ въ этомъ едва ли болѣе чѣмъ метафору, или же простой абстрактъ: значеніе дѣйствительнаго единичнаго существа или индивида приписывается только каждому отдѣльному человѣку. Но это совершенно неосновательно. Дѣло въ томъ, что всякое существо и всякій организмъ имѣетъ necessarily собирательный характеръ и разница только въ степени; безусловно же простаго организма, очевидно, быть не можетъ. Каждое индивидуальное существо—этотъ человѣкъ, напримѣръ,—состоитъ изъ большаго числа органическихъ элементовъ, обладающихъ извѣстною степенью самостоятельности, и еслибы эти элементы имѣли сознаніе (а они его, конечно, имѣютъ въ извѣстной мѣрѣ), то для нихъ цѣлый человѣкъ, въ составъ котораго они входятъ, навѣрно являлся бы только какъ абстрактъ. Каждая нервная клѣточка, каждый кровяной шарикъ въ нашемъ организмѣ навѣрно считаетъ себя настоящимъ самостоятельнымъ индивидуальнымъ существомъ, а о насъ онъ или совсѣмъ не знаетъ, или мы являемся для него только какъ общая масса чуждыхъ ему существъ, какъ собирательная, слѣдова-

¹⁾ Этотъ законъ, логически сформулированный Гегелемъ, былъ примененъ съ другой точки зрѣнія, къ биологическому Гербергомъ Спенсеромъ. Последовательнаго же и полнаго примѣненія его къ исторіи человечества, на сколько мнѣ извѣстно, сдѣлано не было.

тельно, метафорическая единица, и, разумеется, онъ правъ для себя, также, какъ правъ для себя и вы, если считаете человечество только за собраніе отдѣльныхъ людей, въ единствѣ же его видите только пустую абстракцію. Если же мы станемъ на объективную точку зрѣнія, то должны будемъ признать, что какъ собирательный характеръ человеческого организма не препятствуетъ человеку быть дѣйствительнымъ индивидуальнымъ существомъ, такъ точно и собирательный характеръ всего человечества не препятствуетъ ему быть столь же дѣйствительнымъ индивидуальнымъ существомъ. И въ этомъ смыслѣ мы признаемъ человечество, какъ настоящій органическій субъектъ историческаго развитія.

Во всякомъ организмѣ различаются его составныя части отъ образующихъ органическихъ системъ, общихъ для всѣхъ частей. Такъ, въ организмѣ человека крупныя части, его составляющія, суть голова, руки, грудь и т. д.; главныя же органическія системы, общія всему тѣлу, суть нервная, кровеносная, мускульная: элементы этихъ системъ распространены по всѣмъ частямъ организма, какъ необходимыя для его жизни. Точно также и въ организмѣ человечества мы различаемъ, во-первыхъ, составныя его части — племена и народы, и вторыхъ, извѣстныя образующія системы или формы обще-человѣческаго существованія, принадлежащія всему человечеству по всѣмъ его частямъ, какъ необходимыя для его органической жизни. Эти послѣднія составляютъ собственно *содержаніе* историческаго развитія и потому на нихъ мы и должны остановиться.

Само собою разумеется, что основныя формы обще-человѣческой жизни должны имѣть свой источникъ въ началахъ, опредѣляющихъ самую природу человека. Природа человека, какъ такого, представляетъ три основныя формы бытія: чувство, мышленіе, дѣятельную волю; каждая изъ нихъ имѣетъ двѣ стороны — исключительно личную и общественную. Отдѣльное, чисто-субъективное чувство, отдѣльная мысль или фантазія безъ всякаго общаго необходимаго предмета, наконецъ, непосредственная животная похоть — очевидно не могутъ служить образующими началами или факторами обще-человѣческой жизни, какъ таковой; значеніе положительныхъ началъ для этой жизни могутъ имѣть: только такое чувство, которое стремится закрѣпить свое непосредственное состояніе объективнымъ его выраженіемъ, только такое мышленіе, которое стремится къ опредѣленному предметному содержанію, только такая воля, которая имѣетъ въ виду опредѣленную общія цѣли; другими словами — чувство, имѣющее своимъ пред-

метомъ *объективную красоту*, мышленіе, имѣющее своимъ предметомъ *объективную истину* (слѣдовательно, мышленіе, познающее, или знаніе), и воля, имѣющая своимъ предметомъ *объективное благо*.

Изъ этихъ трехъ факторовъ первымъ непосредственнымъ началомъ общественной жизни является воля. Какъ образующее начало общества, воля опредѣляется тремя основными отношеніями или, иначе, проявляется на трехъ степеняхъ. Для достиженія какого бы то ни было объективнаго блага, прежде всего необходимо обезпечить существованіе его элементарныхъ субъектовъ, то-есть, отдѣльныхъ людей, чтѣ зависитъ отъ ихъ отношеній къ вѣншней природѣ, отъ той дѣятельности, которую человекъ направляетъ на эту природу для полученія отъ нея средствъ существованія. Общественный союзъ, имѣющій въ виду эту цѣль и основанный на трудовой, дѣятельной обработкѣ вѣншей природы, есть *экономическое общество*; его первоначною элементарною формою является семья. Семья, какъ доказывался сравнительною филологіей, имѣла первоначально значеніе главнымъ образомъ экономическое, будучи основана на элементарномъ раздѣленіи труда ¹⁾. Это значеніе преобладаетъ въ семьѣ и теперь, хотя, разумѣется, оно усложняется, а иногда почти совсѣмъ закрывается нравственнымъ элементомъ.

Вторая основная форма общества, неразрывно связанная съ первою, опредѣляетъ отношенія людей не къ вѣншей природѣ, а другъ къ другу непосредственно, имѣетъ своимъ прямымъ предметомъ трудъ людей, обращенный на вѣншую природу, а самихъ людей въ ихъ взаимодействіи, какъ членовъ одного собирательнаго цѣлаго. Это есть *общество политическое* или *государство* (*politeia*, *res publica*). Задача экономическаго общества есть организація *труда*, задача общества политическаго есть организація *трудящихся*; разумѣется, что государство имѣетъ сторону экономическую, такъ же какъ экономическое общество имѣетъ сторону политическую, и различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ первомъ преобладающее, центральное значеніе имѣетъ интересъ политическій, а во второмъ — экономическій. Такъ какъ существуетъ мною политическихъ обществъ или государствъ, то, рядомъ съ задачей опредѣлять взаимныя отношенія между членами государства, является еще другая задача — опредѣлять отношенія между различными государствами — международныя отно-

¹⁾ См. доказательства этого мнѣнія въ Очеркахъ аріиской міеологіи В. Миллера, первая глава.

шенія; но эта вторая задача и все, что изъ нея вытекаетъ, не есть безусловная необходимость, такъ какъ нельзя отрицать возможность осуществленія всемірнаго государства, нѣкоторое приближеніе къ которому уже представляли великія монархіи древности, въ особенности Римская имперія. Основной естественный принципъ политическаго общества есть *законность* или *право*, какъ выраженіе справедливости, причемъ разумеется, что частныя формы или проявленія этого принципа, то-есть, *дѣйствительныя* права и законы въ *дѣйствительныхъ* политическихъ обществахъ имѣютъ характеръ совершенно относительный и временный, такъ какъ необходимо опредѣляются различными измѣняющимися историческими условіями. Всѣ дѣйствительныя правовыя учрежденія, подвергаемыя критерию абсолютныхъ началъ правды и блага, являются ненормальными и все политическое существованіе человѣчества представляется какою-то наслѣдственною болѣзью.

Третья форма общества опредѣляется религіознымъ характеромъ человѣка. Человѣкъ хочетъ не только *матеріальнаго* существованія, которое обезпечивается обществомъ экономическимъ, и не только *правомѣрную* существованія, которое дается ему обществомъ политическимъ, онъ хочетъ еще *абсолютнаго* существованія — полнаго и вѣчнаго. Только это послѣднее есть для него истинное первовиное благо, *summi bonum*, по отношенію къ которому матеріальныя блага, достигаемыя трудомъ экономическимъ, и формальныя блага, достигаемыя дѣятельностью политическою, служатъ только средствами. Такъ какъ достиженіе абсолютнаго существованія или вѣчной и блаженной жизни есть высшая цѣль для всѣхъ одинаково, то она и становится необходимо принципомъ общественнаго союза, который можетъ быть названъ *духовнымъ* или *священнымъ обществомъ* (*церковью*) ¹⁾.

Таковы три основныя формы общественнаго союза, произтекающія изъ существенной воли человѣка или изъ его стремленія къ объективному благу. Очевидно, что первая степень — общество экономическое — имѣетъ значеніе матеріальное по преимуществу, вторая — общество политическое — представляетъ преимущественно формальный характеръ, и, наконецъ, третья — общество духовное — должно имѣть значеніе всецѣлое или абсолютное; первая есть внѣшняя осно-

¹⁾ Этими выражаются только практическая сторона религіи; о теоретической и творческой ея сторонахъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

ва, вторая—посредство, только третья есть цѣль. Прежде всего человекъ долженъ жить, а для этого необходимъ матеріальный экономическій трудъ, обеспечивающій его существованіе; но онъ знаетъ, что плоды этого труда не суть сами по себѣ благо для его существенной воли и что отношенія его къ другимъ людямъ, имѣющія въ виду только пріобрѣтеніе этихъ матеріальныхъ благъ и образующія экономическое общество, не суть нравственные сами по себѣ; чтобы быть таковыми они должны имѣть форму справедливости или закона, которая устанавливается обществомъ политическимъ или государствомъ. Но полное благо человека не зависитъ, очевидно, и отъ *формы* его отношеній къ другимъ людямъ, такъ какъ даже идеально-справедливая дѣятельность еще не даетъ блаженства; и если это блаженство не зависитъ такимъ образомъ ни отъ того, что доставляется вѣншиимъ міромъ, ни отъ правомѣрной и разумной дѣятельности самого человека, то, очевидно, оно опредѣляется такими началами, которые находятся за предѣлами какъ природнаго, такъ и человѣческаго міра, и только такое общество, которое основывается непосредственно на отношеніи къ этимъ трансцендентнымъ началамъ, можетъ имѣть своею прямою задачей благо человека въ его цѣлости и абсолютности. Таковымъ должно быть духовное общество или церковь.

Переходимъ теперь ко второй сферѣ общечеловѣческой жизни — къ сферѣ знанія. Человекъ въ своей познавательной дѣятельности можетъ имѣть въ виду или богатство фактическихъ свѣдѣній, очерпаемыхъ наблюденіемъ и опытомъ изъ вѣншнаго міра и изъ человѣческой жизни, или же формальное совершенство знанія, его логическую правильность какъ системы, или, наконецъ, его всецѣлость, или абсолютное содержаніе; другими словами. онъ можетъ имѣть въ виду или истинность матеріальную, фактическую, или же истинность формальную, логическую, или, наконецъ, истинность абсолютную. Кругъ знаній, въ которомъ преобладаетъ эмпирическое содержаніе и главный интересъ принадлежитъ матеріальной истинности, образуетъ такъ называемую *положительную науку*; знаніе, опредѣляемое главнымъ образомъ общими принципами и имѣющее въ виду преимущественно логическое совершенство или истинность формальную, образуетъ отвлеченную *философію*; наконецъ, знаніе, имѣющее своимъ первымъ предметомъ и исходною точкою абсолютную реальность, образуетъ *теологію*. Въ положительной наукѣ центръ всего есть реальный фактъ, въ отвлеченной философій—общая идея, въ теологіи —

абсолютное существо. Первая такимъ образомъ даетъ необходимую матеріальную основу всякому знанію, вторая сообщаетъ ему идеальную форму, въ третьей получаетъ оно абсолютное содержаніе и верховную цѣль. Человѣкъ прежде всего стремится знать какъ можно больше изъ того, что его окружаетъ; затѣмъ онъ видитъ, что матеріальныя познанія сами въ себѣ не заключаютъ истины, или точнѣе, что матеріальная истина сама по себѣ еще не есть настоящая полная истина; матеріальныя фактическія знанія, опираясь на свѣдѣтельство чувствъ, подлежатъ и обману чувствъ, могутъ быть иллюзіей; они сами не представляютъ признаковъ своей дѣйствительности, эти признаки могутъ быть даны только въ сужденіи разума. Но разумъ въ своихъ всеобщихъ и необходимыхъ истинахъ (логическихъ и математическихъ) имѣетъ значеніе только формальное, онъ указываетъ только необходимыя условія истиннаго познанія, но не даетъ его содержанія; къ тому же, какъ *нашъ* разумъ, онъ можетъ имѣть только субъективное значеніе *для насъ*, какъ *мыслищихъ*. Такимъ образомъ, если настоящая объективная истина, составляющая цѣль нашего познанія, не дается сама по себѣ ни внѣшней наблюдаемой реальностью, на которую опирается положительная наука и которая, однако, можетъ оказаться лишь чувственной иллюзіей, если, далѣе, она не дается и чистымъ разумомъ, на которомъ основывается отвлеченная философія и который можетъ оказаться лишь субъективной формой, то очевидно, что эта настоящая истина должна опредѣляться независимымъ отъ внѣшней реальности и отъ нашего разума абсолютнымъ первоначаломъ всего существующаго, чѣмъ и составляетъ предметъ теологіи. Только это начало сообщаетъ настоящій смыслъ и значеніе какъ идеямъ философіи, такъ и фактамъ науки, безъ чего первыя являются пустою формой, а вторыя — безразличнымъ матеріаломъ.

Не трудно показать соотвѣтствіе или аналогію, существующую между отдѣльными областями или степенями теоретической познавательной сферы и таковыми же степенями сферы практической или общественной. Положительная наука соотвѣтствуетъ экономической области по общему имъ матеріальному характеру, отвлеченная или чисто рациональная философія соотвѣтствуетъ по своему формальному характеру обществу политическому или государству, наконецъ, теологія по своему абсолютному характеру соотвѣтствуетъ области духовной или церковной. Это послѣднее соотвѣтствіе—теологій и церкви — ясно само по себѣ и не подлежитъ вопросу; что же касается до

первыхъ двухъ аналогій, то онѣ на первый взглядъ являются слишкомъ общими и отвлеченными. Укажу, однако, на два обстоятельства, дающія имъ фактическое подтвержденіе. Во-первыхъ, несомнѣнно, что идея государства находила самыхъ ревностныхъ своихъ слугъ и защитниковъ именно въ отвлеченныхъ философахъ; чѣмъ ближе воззрѣнія какого нибудь мыслителя подходятъ къ типу чисто-раціональной философіи, тѣмъ большее значеніе приписываетъ онъ государству, такъ что крайній представитель отвлеченной философіи во всей ея чистотѣ—Гегель признаетъ государство какъ полное объективное обнаруженіе или практическое осуществленіе абсолютной идеи. И дѣйствительно, въ общественной сферѣ только государство основывается на формальномъ, отвлеченномъ, такъ сказать, головномъ принципѣ—принципѣ права или закона, который есть не что иное, какъ практическое выраженіе логическаго начала; остальные же двѣ области—церковь и экономическое общество—представляютъ интересы совершенно чуждые отвлеченной философіи, именно: церковь—интересы сердца, экономическое же общество—*sit venia verbo*—интересы брюха. Съ другой стороны, соотвѣтствіе между положительною наукой и экономическимъ обществомъ подтверждается подобнымъ же обстоятельствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, представители того воззрѣнія, которое относится отрицательно и къ церкви, и къ формальной государственности, хочеть свести всѣ общественныя отношенія къ экономическимъ и экономическій интересъ признаетъ главнымъ, если не исключительнымъ, интересомъ общества; представители этого поззрѣнія—соціалисты, по крайней мѣрѣ самые послѣдовательные и здравомыслящіе изъ нихъ,—склонны въ теоретической сферѣ придавать исключительное значеніе положительному знанію, враждебно относясь къ теологіи и отвлеченной философіи ¹⁾, и въ свою очередь крайніе представители положительно-научнаго направленія склонны въ общественнои сферѣ давать преобладающее значеніе экономическимъ отношеніямъ.

Обращаясь къ послѣдней основной сферѣ человѣческаго бытія—къ сферѣ чувства, мы должны повторить, что чувство составляетъ предметъ нашего разсмотрѣнія не съ своей субъективной личной стороны, а лишь поскольку оно получаетъ общее объективное выраженіе, то есть, какъ начало творчества. Творчество матеріальное, которому

¹⁾ Соціалисты-мистики и соціалисты-философы являются отдѣльными исключеніями; вся же масса соціалистовъ ищетъ теоретической опоры только въ положительной наукѣ.

идея красоты служить лишь какъ украшеніе при утилитарныхъ дѣлахъ, и называю *техническимъ художествомъ*, высшій представитель котораго есть зодчество. Здѣсь производительность творческаго чувства ¹⁾ направляется человѣкомъ непосредственно на низшую вѣчную природу и существенную важность имѣть матеріалъ. Такое же творчество, въ которомъ, напротивъ, опредѣляющее значеніе имѣть эстетическая форма — форма красоты, выражающаяся въ чисто идеальныхъ образахъ, называется *изящнымъ художествомъ* (*schöne Kunst* *bonnes-arts*) и является въ четырехъ формахъ: ваяніе, живопись, музыка и поэзія (легко замѣтить постепенное восхожденіе отъ матеріи къ духовности въ этихъ четырехъ видахъ изящнаго искусства). Ваяніе есть самое матеріальное искусство, наиболѣе близкое къ техническому художеству въ высшей формѣ этого послѣдняго — зодчествѣ, живопись уже болѣе идеальна, въ ней нѣтъ вещественнаго подражанія, тѣла изображаются на плоскости; еще болѣе духовный характеръ имѣть музыка, которая воплощается уже не въ самомъ веществѣ и не на немъ, а только въ движеніи и жизни вещества — въ звукѣ; наконецъ поэзія (въ тѣсномъ смыслѣ этого термина) находитъ свое выраженіе только въ духовномъ элементѣ челоуѣческаго слова. Изящное искусство имѣть своимъ предметомъ исключительно красоту, но красота художественныхъ образовъ не есть еще полная, всецѣлая красота; эти образы, идеально-необходимые по формѣ, имѣютъ лишь случайное неопредѣленное содержаніе, говоря просто — ихъ сюжеты случайны. Въ истинной же абсолютной красотѣ содержаніе должно быть столь же опредѣленнымъ, необходимымъ и вѣчнымъ, какъ и форма; но такой красоты мы въ нашемъ мірѣ не имѣемъ: всѣ прекрасные предметы и явленія въ немъ суть лишь случайныя отраженія самой красоты, а не органическая ея часть.

И порошъ ихъ отыскивалъ жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью льсъ о ней шумить отравной,
О ней потокъ гремятъ струею холодной
И гонорить, качаясь, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной

¹⁾ «Творческое чувство» можетъ казаться противорѣчіемъ, но дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ конечное существо, не можетъ быть абсолютнымъ творцомъ, то-есть, творить изъ себя самого, следовательно, его творчество необходимо предполагаетъ воспріятіе высшихъ творческихъ силъ въ чувствахъ.

И тихій шопоть вербы надъ ручьемъ,
 И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
 И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
 И ничего мы вѣсть не сольемъ.

Истинная цѣльная красота можетъ, очевидно, находится только въ идеальномъ мірѣ *само по себѣ*, мірѣ сверхприродномъ и сверхчеловѣческомъ. Творческое отношеніе человѣческаго чувства къ этому трансцендентному міру называется *мистикой* ¹⁾. Такое сопоставленіе мистики съ художествомъ можетъ показаться неожиданнымъ и парадоксальнымъ, отношеніе мистики къ творчеству является пессимъ. Правда, никто не затруднится допустить между мистикой и художествомъ слѣдующія общія черты: 1) и то и другое имѣютъ своею основой чувство (а не познание и не дѣятельную волю); 2) и то и другое имѣютъ своимъ орудіемъ или средствомъ воображеніе или фантазію (а не размышленіе и не высшую дѣятельность); 3) и то и другое наконецъ предполагаютъ въ себѣ субъектъ экстазическое вдохновеніе (а не спокойное сознаніе). Тѣмъ не менѣе остается сомнительнымъ для непосвященныхъ, чтобы мистика и художество могли быть лишь различными проявленіями или степенями одного и того же начального фактора, — потому сомнительнымъ, что мистикѣ обыкновенно приписывается исключительно субъективное значеніе, отрицается у нея способность къ такому же опредѣленному и объективному выраженію и осуществленію, какое несомнѣнно принадлежитъ художеству. Но это есть заблужденіе, происходящее отъ того, что никто почти не знаетъ, что такое собственно мистика, такъ что для большинства само это названіе сдѣлалось синонимомъ всего неяснаго и непонятнаго — что и совершенно естественно. Ибо хотя сфера мистики не только сама обладаетъ безусловною ясностью, но и все другое она одна только можетъ сдѣлать яснымъ, но именно вслѣдствіе этого для слабыхъ и новооруженныхъ глазъ свѣтъ ея невыносимъ и погружаетъ ихъ въ абсолютную темноту. Дальнѣйшее объясненіе объективно-творческаго характера мистики заставило бы коснуться такихъ вещей, о которыхъ говорить считаю преждевременнымъ. Что касается до отношенія къ другимъ степенямъ, ясно, что мистика занимаетъ

¹⁾ Слѣдуетъ строго различать мистику отъ мистицизма: первая есть прямое непосредственное отношеніе нашего духа къ трансцендентному міру, второй же есть рефлексія нашего ума на то отношеніе, и образуетъ особое направленіе въ философію, о которомъ будетъ говорено впоследствии. *Мистика* и *мистицизмъ* такъ же относятся другъ къ другу какъ, напримѣръ, *эмпирія* и *эмпиризмъ*.

въ сферѣ творчества то же мѣсто какое занимаютъ теологія и духовное общество въ своихъ относительныхъ сферахъ, точно также какъ изящное художество, по своему преимущественно формальному характеру, представляетъ аналогію съ философійю и политическимъ обществомъ, а техническое художество очевидно соответствуетъ положительной наукѣ и обществу экономическому.

Мы рассмотрѣли основныя формы общечеловѣческаго организма. Слѣдующая таблица представляетъ ихъ синоптически.

I.	II.	III.
Сфера творчества:	Сфера знанія:	Сфера практической дѣятельности:
Субъект. основа— чувство.	Субъект. основа— мысленіе.	Субъект. основа— воля.
Объект. принципъ— красота.	Объект. принципъ— истина.	Объект. принципъ— общее благо.
1 степ. абсолютная: Мистика.	Теологія.	Духовное общество (церковь).
2 степ. формальная: Изящное худож.	Отвлеченная философія.	Политическое общество (государство).
3 степ. матеріальная: Техническое худож.	Положительная наук.	Экономическое общество (вѣщество)

Должно замѣтить, что изъ трехъ общихъ сферъ первенствующее значеніе принадлежитъ сферѣ творчества, а такъ какъ въ самой этой сферѣ первое мѣсто занимаетъ мистика, то эта послѣдняя и имѣетъ значеніе настоящаго верховнаго начала всей жизни общечеловѣческаго организма, что и понятно, такъ какъ въ мистикѣ эта жизнь находится въ непосредственной тѣснѣйшей связи съ дѣйствительностью абсолютнаго первоначала, съ жизнью божественною. Съ особеннымъ удовольствіемъ могу указать здѣсь, что великое значеніе мистики попыто въ новѣйшее время двумя философами самаго свободномыслящаго и даже отчасти отрицательнаго направленія, философами враждебными ко всякой положительной религіи и которыхъ такимъ образомъ никакъ нельзя заподозрить въ какомъ нибудь традиціонномъ пристрастіи по этому вопросу. Я разумѣю знаменитаго Шопенгауэра и новѣйшаго продолжателя его идей—Гартмана. Первый видитъ въ мистикѣ и основанномъ на ней аскетизмѣ начало духовнаго возрожденія для человѣка открывающее ему высшую нравственную жизнь и „лучшее сознание“ (das bessere Bewusstsein): только

въ ней человекъ дѣйствительно освобождается отъ слѣпаго животнаго хотѣнія и связаннаго съ нимъ зла и страданія. Для Гартмана мистика есть коренное начало всего существеннаго и великаго въ личной и общечеловѣческой жизни.

По закону развитія общечеловѣческой организмъ долженъ относительно указанныхъ сферъ и степеней своего бытія пройти три состоянія (три фазы, три момента своего развитія). Въ первомъ эти степени находятся въ безразличіи или смѣшеніи, такъ что каждая изъ нихъ не имѣетъ дѣйствительнаго отдѣльнаго бытія какъ самостоятельная, а существуетъ лишь потенциально. Это безразличіе, какъ уже было замѣчено, не можетъ быть безусловнымъ — ибо въ такомъ случаѣ не было бы никакой организаціи даже зародышной—оно состоитъ въ томъ, что высшая или абсолютная степень поглощаетъ, скрываетъ въ себѣ всѣ остальные, не допуская ихъ самостоятельнаго проявленія. Во второмъ моментѣ низшія степени выделяются изъ подъ власти высшей и стремятся къ безусловной свободѣ; сначала онѣ всѣ вистѣ безразлично возстаютъ противъ высшаго начала, отрицаютъ его, но для того, чтобы каждая изъ нихъ получила полное развитіе, она должна утверждать себя исключительно не только по отношенію къ высшей, но и ко всѣмъ другимъ, должна также отрицать и ихъ, такъ что за общемою борьбой низшихъ элементовъ противъ высшаго слѣдуетъ необходимо междоусобная борьба въ средѣ самихъ низшихъ. А между тѣмъ и сама верховная степень вслѣдствіе этого процесса выделяется, опредѣляется какъ такая, получаетъ свободу и обуславливаетъ такимъ образомъ возможность новаго единства. Ибо съ одной стороны ни одна изъ низшихъ степеней не можетъ получить исключительнаго господства (что было бы смертью для человечества) и слѣдовательно онѣ должны искать для своего единства нѣкоторый высшій центръ внѣ себя, какимъ можетъ быть только абсолютная степень; съ другой же стороны эта послѣдняя не нуждается уже болѣе въ ихъ вѣднненіи или поглощеніи, какое было въ первомъ моментѣ, потому что она вслѣдствіе предшествовавшаго выделения или обособленія получила собственную независимую дѣйствительность и можетъ служить для низшихъ степеней началомъ *свободнаго* единства, которое для нихъ необходимо. Такимъ образомъ измѣненное состояніе степеней вслѣдствіе процесса ихъ обособленія приводитъ въ концѣ къ новому, вполне органическому соединенію, основанному на свободномъ сознательномъ подчиненіи низшихъ степеней высшей, какъ необходимому центру ихъ собствен-

ной жизни. Осуществленіе этого новаго единства образуетъ третій моментъ общаго развитія. Разсмотримъ теперь эти моменты въ ихъ исторической дѣйствительности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первый древнѣйшій періодъ человѣческой исторіи представляетъ какъ свой господствующій характеръ слитность или необособленность всѣхъ сферъ и степеней общечеловѣческой жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первоначально не было яснаго различія между духовнымъ, политическимъ и экономическимъ обществомъ; первыя формы экономического союза—семья и родъ—имѣли выстѣ съ тѣмъ значеніе политическое и религиозное, были первымъ государствомъ и первою церковью. Также слиты были теологія, философія и наука, мистика, изящное и техническое художество. Представители духовной власти—жрецы—являются вмѣстѣ съ тѣмъ какъ правители и хозяева общества; они же суть богословы, философы и ученые; находясь въ непосредственномъ мистическомъ общеніи съ высшими силами бытія, они выстѣ съ тѣмъ, въ виду цѣлей этого общенія, направляютъ художественную и техническую дѣятельность. Древнѣйшіе храмы не суть только зданія, назначенныя для общественнаго культа и соединяющія для этой цѣли технику и изящное искусство,—они суть кромѣ того таинственныя сплития, гдѣ видимо и осязательно проявляются высшія потенціи, и все въ этихъ храмахъ направлено къ тому, чтобы облегчить такія проявленія. Вѣдѣ извѣстно, что отдѣльными искусства въ древнѣйшемъ періодѣ представляютъ во-первыхъ ту особенность, что они гораздо тѣснѣе между собою связаны чѣмъ теперь, еще не выказали вполне свои особенности, такъ что невозможно отдѣлить древнѣйшую поэзію отъ музыки, древнѣйшую живопись отъ ваянія и даже водчества (например, на египетскихъ памятникахъ); и во-вторыхъ—что всѣ они служатъ одной іерархической цѣли, то-есть подчинены и даже слиты съ мистикой. Степень абсолютная, степень формальная и матеріальная, затѣмъ сферы творчества, знанія и практической дѣятельности собраны здѣсь въ одномъ фокусѣ. Въ области знанія въ эту эпоху, собственно говоря, нѣтъ совсѣмъ различія между теологіей, философіей и наукой,—вся эта область представляетъ одно слитное цѣлое, которое можетъ быть названо *теоскофіей*; область церкви, государства и экономического общества представляетъ первоначально такое же единство въ формѣ *теократіи*; наконецъ мистика, изящное и техническое художество являются какъ одно мистическое творчество

или *теурія* ¹⁾, а все вмѣстѣ представляетъ одно религіозное цѣлое. Разумѣется, что въ историческомъ развитіи древняго міра эта слитность является болѣе или менѣе полною и сила первоначальнаго единства не вездѣ и не всегда въ древнемъ мірѣ сохранилась одинаково; уже очень рано въ Греціи и Римѣ (а отчасти даже и въ Индіи) начинается послѣдствательное выдѣленіе различныхъ жизненныхъ сферъ и элементовъ. Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что для общечеловѣческаго сознанія первоначальная слитность была рѣшительно и въ самомъ своемъ корнѣ потрясена только съ появленіемъ христіанства, когда впервые принципиально отдѣлилось сакральное отъ профаннаго. И въ этомъ отношеніи, какъ напечатае окончательный ударъ внѣшнему невольному единству, христіанство является началомъ настоящей свободы. Прослѣдимъ это рѣшительное отдѣленіе и обособленіе сферъ и степеней, начавшееся съ появленіемъ христіанства, сперва въ самой внѣшней и потому наиболѣе опредѣленной сферѣ — практической дѣятельности и основанныхъ на ней общественныхъ формъ.

Сначала, по закону развитія, двѣ низшія степени отдѣляются *эмъ-стѣ* отъ высшей какъ профаннаго или *naturale* отъ сакральнаго или *divinum*; точнѣе говоря, вторая степень, еще включая въ себѣ третью, отдѣляется отъ первой: государство, еще слитое съ экономическимъ обществомъ, отдѣляется отъ церкви. Это отдѣленіе совершилось необходимо по натурѣ вещей, по логикѣ фактовъ независимо отъ сознательной личной воли людей. Христіанство, какъ оно является въ сознаніи своихъ первыхъ проповѣдниковъ, вовсе не стремилось къ какому бы то ни было общественному перевороту: вся задача его состояла въ религіозно-нравственномъ возрожденіи отдѣльныхъ людей въ виду наступающей кончины міра. На государственную власть проповѣдники христіанства смотрѣли вовсе не враждебно, противопоставляя себя какъ дѣтей Воинныхъ языческому міру, какъ царству зла и дѣла-

¹⁾ Не нужно думать, что теократія была только тамъ, гдѣ было владычество жрецовъ надъ касты: и гражданское правительство было теократіей такъ какъ основывалось на религіи; *res publica* имѣла характеръ священнаго (*sacer populus romanus*); она была вмѣстѣ и церковью и государствомъ, то-есть, собственно говоря, не была ни тѣмъ ни другимъ въ ихъ теперешнемъ смыслѣ, а представляла ихъ безразличіе. Правители и военачальники приносили жертвы богамъ и имѣли такимъ образомъ религіозный характеръ, съ другой стороны верховный жрецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *rex* и первоначально не по одному только названію (*rex sacrorum*), а и на самомъ дѣлѣ.

вола („знаемъ, что отъ Бога есмь, и міръ дѣльный во злѣ лежитъ“); они видѣли въ государственной власти безсознательное орудіе Божіе, назначенное къ сдержанію и обузданію темныхъ силъ язычества. Христіанство, какъ духовное общество, противопоставляетъ себя другому, плотскому обществу—язычеству, а не государству какъ такому. Но именно въ этомъ и заключается принципиальное отдѣленіе церкви отъ государства. Въ самомъ дѣлѣ, разъ христіанская церковь признавала себя единственнымъ духовнымъ священнымъ обществомъ, смотрѣла на все остальное какъ на ргобаніи, она тѣмъ самымъ отнимала у государства все его прежнее значеніе, отрицала священную республику. Признавая государство только какъ сдерживающую репрессивную силу, христіане отнимали у него всякое положительное духовное содержаніе. Императоръ—последній богъ языческаго міра—могъ быть для нихъ только верховнымъ начальникомъ полиціи. Этимъ отрицается самый принципъ древняго общества, состоявшій именно въ обожествленіи республики и императора, какъ ея представителя, въ слитности духовнаго и свѣтскаго началъ, такъ что императоры, преслѣдуя христіанъ, дѣйствовали не какъ носители государственной власти въ тѣсномъ смыслѣ, которой вовсе не угрожало христіанство, а какъ носители всего древняго сознанія.

Для первоначальныхъ христіанъ вселенная раздѣлялась на два царства—царство Божіе, состоявшее изъ нихъ самихъ, и царство злаго начала, состоявшее изъ упорныхъ язычниковъ, къ которому принадлежала и государственная власть, поскольку она отождествляла себя съ языческимъ міромъ. Такое воззрѣніе подробно развивается, какъ извѣстно, Августиномъ въ его *de civitate Dei*. Но это было лишь послѣднее запоздалое выраженіе прежняго взгляда. Этотъ взглядъ въ самомъ дѣлѣ не могъ сохраниться, когда представительница язычества—императорская власть, въ лицѣ Константина В., не только прекратила вражду противъ христіанства, но прямо стала подъ его знамя, и когда вслѣдъ затѣмъ весь языческій міръ, по крайней мѣрѣ наружно, сталъ христіанскимъ. Церковь дала свою санкцію обращенному государству, соединилась съ нимъ, но соединилась только механически. Пронзшелъ вѣншній компромиссъ. Церковь явилась связанною съ государствомъ, но не могла внутренне проникнуть его, ассимилировать себя и сдѣлать своимъ органомъ, ибо само тогдашнее христіанство не имѣло уже (или лучше не имѣло еще) для этого достаточно внутренней силы: первоначальные дни чуднаго сверхъестественнаго воз-

бужденія, дни апостоловъ и мучениковъ прошли, а для сознательнаго нравственнаго перерожденія время еще не наступило.

Государство римско-византійское сохранило совершенно языческій характеръ, въ немъ не произошло рѣшительно никакой существенной перемѣны. Нельзя указать ни одного сколько нибудь значительнаго различія между государственнымъ строемъ при язычникѣ Діоклетіанѣ и при квазі-христіанахъ Θεодосіи, или Юстиніанѣ: тотъ же принципъ и при учрежденіяхъ; принципъ—римское, языческое право, учрежденія — смѣсь римскихъ республиканскихъ формъ съ восточною деспотіею. Юстиніанъ, который созываетъ вселенскій соборъ, для котораго Оригенъ не былъ достаточно православенъ—этотъ самый Юстиніанъ издаетъ систематическій сводъ римскаго права для своей христіанской имперіи. Между тѣмъ христіанство для того и явилось, чтобы упразднить власть закона. Оно опредѣляетъ себя какъ царство благодати, законъ же является для него орудіемъ Божиимъ только въ ветхомъ заветѣ по жестокосердію Іудеевъ, и также, какъ было замѣчено, признается имъ и въ мірѣ языческомъ въ смыслѣ репрессивной силы, сдерживающей сыновъ діавола, но не имѣющей никакого значенія для сыновъ божіихъ, для церкви; если же теперь, когда царство діавола видимо исчезло, когда всѣ члены государства стали и членами церкви и постольку сынами Божиими, вышній законъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою силу, то это очевидно доказываетъ, что обращеніе было только номинальное. Было бы, разумѣется, ребячествомъ упрекать за это церковь: все дѣло въ томъ, что возраждающая сила христіанства не могла распространиться разомъ по всему организму человѣчества, пока этотъ организмъ не завершилъ еще своего необходимаго развитія, не достигъ еще полной мѣры возраста Христова.

И такъ, со времени Константина Великаго мы имѣемъ совмѣстное существованіе двухъ, по существенному характеру, по принципу своему, разнородныхъ социальныхъ формъ—церкви и государства. На Востокѣ государство, благодаря своей старой крѣпкой организаціи, оказалось сильнѣе церкви и de facto подчинило ее себѣ, но именно вслѣдствіе того, что эта организація была исключительно традиціонною, лишеною всякихъ новыхъ внутреннихъ началъ, государство здѣсь не могло развиваться, — оно пало выѣстъ съ восточною церковью передъ мусульманствомъ. Иное отношеніе является, какъ извѣстно, на Западѣ. Здѣсь, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что церкви пришлось имѣть дѣло не съ организованнымъ Византійскимъ государствомъ, а съ нестройными полчищами германскихъ варваровъ, она получаетъ огром-

ную силу, съ другой стороны, сами эти германскіе варвары, принявшіе вышнимъ образомъ католичество и подчинившіеся ему, но сохранившіе свою внутреннюю самобытность, внесли въ исторію новыя начала жизни (соотвѣтствующія второму моменту общечеловѣческаго развитія) — сознаніе безусловной свободы, верховное значеніе лица. Противъ хаотическаго міра германскихъ завоевателей церковь естественно должна была присвоить себѣ преданіе римскаго единства, сдѣлаться римскою цезарическою церковью или церковнымъ государствомъ, а это necessarily вызывало вражду со стороны свѣтскаго германскаго государства, какъ незаконное вторженіе въ его сферу. Такимъ образомъ на Западѣ церковь и государство являются уже какъ враждебныя борющіяся между собою силы. Но является и нѣчто большее: въ средневѣковомъ Западѣ мы видимъ впервые ясное раздѣленіе общества политическаго и общества экономическаго, — государства и земства. Вышнимъ основаніемъ для этого раздѣленія было то обстоятельство, что германскія дружины, образовавшія средневѣковой государственный строй, имѣли подъ собою цѣлый чуждый имъ, ими завоеванный и поработанный, слой населенія кельто-славянскаго. Эти населенія, лишеныя всякихъ политическихъ правъ, имѣли значеніе исключительно экономическое, какъ рабочая сила; но, будучи христіанами, они не могли быть безусловно исключены изъ общественаго строя подобно древнимъ рабамъ; такимъ образомъ, они составляли общественный слой, особое общество — экономическое или земство, одинаково чуждое римской церкви и германскому государству. Скоро у этого низшаго слоя является своя особенная религія — катаризмъ или альбигойство, возникшая впервые на славянскомъ Востока подъ именемъ богумильства и оттуда распространявшаяся по всему кельто-славянскому міру. Но эта религія, возбуждавшая противъ себя одинаково вражду какъ римской церкви, находившейся тогда на вершинѣ своего могущества, такъ и феодальнаго государства, погибла въ потокахъ крови.

Крестовый походъ противъ альбигойцевъ былъ послѣднимъ важнымъ актомъ общей союзной дѣятельности римской церкви и государства. Разрывъ между ними, совершившійся еще ранѣе въ Германіи, скоро распространился на большую часть Европы. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, послѣ кратковременной имперіи Карла Великаго, свѣтское государство, раздробленное на множество феодальныхъ областей и имѣя въ дѣйствительности столько же головъ, сколько было могущественныхъ феодаловъ, является крайне слабымъ, и единствен-

ную общую единящую силу на Западѣ представляетъ римская церковь, которая и стремится присвоить себѣ политическое значеніе. Чтобы успѣшно бороться съ нею, свѣтское государство должно было достигнуть прочнаго единства и поборотъ враждебныхъ ему феодаловъ. Исполнить эту задачу могли только національные короли, такъ какъ въслѣдствіе значительнаго обособленія различныхъ народностей, священная германо-римская имперія оставалась лишь тѣнью великаго имени. Какъ совершился процессъ государственнаго объединенія въ Европѣ, описывать здѣсь не мѣсто; достаточно сказать, что къ концу среднихъ вѣковъ и римская церковь и феодализмъ одинаково потрясены и настоящею силой является государственная власть, представляемая національными королями.

Римская церковь, сама ставшая государствомъ, захватывавшая политическую область, не могла ужиться съ новою усилившеюся государственностью; а такъ какъ совершенно отдѣлиться отъ всякой церкви государство еще не могло въ виду того, что религіозныя вѣрованія еще сохраняли свою силу и значеніе для народнаго сознанія, то явилась для государства настоятельная нужда въ новой измѣненной церкви, потребовалась церковная реформа, которая противъ римскаго церковнаго государства поставила бы государственную церковь, т. е. церковь, подчиненную государству, опредѣляемую имъ въ своихъ практическихъ отношеніяхъ. Этой потребности вполне отвѣчала протестантство. Если средневѣковыя ереси обнаруживали попытки создать земскую кельто-славянскую церковь, то протестантство несомнѣнно произвело церковь государственную и германскую. Отсюда его успѣхъ преимущественно въ германскихъ земляхъ. Но, разумѣется, этотъ успѣхъ отразился и во всей остальной Европѣ на взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства и, рано или поздно, эти отношенія должны были повсюду намѣниться въ протестантскомъ смыслѣ ¹⁾.

Начало новыхъ вѣковъ характеризуется такимъ образомъ въ сферѣ общественной рѣшительнымъ обособленіемъ государства и образованіемъ новой государственной церкви. Но государство, какъ начало чисто формальное, не могло усилиться само собою, не опираясь на какую-либо реальную силу. И дѣйствительно, съ самаго начала своей борьбы противъ феодализма и церкви, государство искало помощи земства, пред-

¹⁾ Разумѣется, этимъ не исчерпывается значеніе протестантизма, которое было не только церковною, но и обще-религіозною реформою.

ставляемаго такъ называемымъ *tièrs-état*, которое и получило, такимъ образомъ, пѣкоторое политическое значеніе. Но связь между государствомъ и земствомъ была чисто внѣшняя и преходящая; они соединились только противъ общихъ враговъ; когда же эти враги были побѣждены, то королевская власть, въ силу общаго принципа западнаго развитія, стала стремиться къ полному обособленію, стала присвоивать себѣ абсолютное значеніе въ своей исключительной централизаци и, вмѣсто служенія народнымъ интересамъ, явилась какъ подавляющая и эксплуатирующая народъ праждсбная сила. Но тѣмъ самымъ монархическій абсолютизмъ лишалъ себя всякой реальной почвы и моментъ его величайшаго торжества былъ началомъ его паденія. Въ своей борьбѣ противъ церкви и феодализма государственная власть опиралась не на какой нибудь высшій принципъ, а исключительно на реальную силу, по эта сила принадлежала не государству самому по себѣ, а давалась ему земствомъ, и королевская власть имѣла, такимъ образомъ, дѣйствительное значеніе лишь какъ представительница народа ¹⁾. Когда же государственный абсолютизмъ отказался отъ такого значенія и отдѣлился отъ народа въ своемъ исключительномъ самоутвержденіи, то необходимо та реальная сила, на которую онъ прежде опирался, должна была обратиться противъ него. Земство необходимо возстало противъ абсолютнаго государства и превратило его въ безразличную форму, въ исполнительное орудіе народнаго голосованія. Это превращеніе, составляющее главный результатъ французской революціи, такъ или иначе распространилось на весь западный континентъ (въ Англіи оно совершилось ранѣе болѣе постепеннымъ и сложнымъ образомъ). Европа, покоренная революціонною Франціей и только съ помощью посторонней силы—Россіи—освободившаяся отъ внѣшняго ей подчиненія, внутренно осталась пропикнутою революціоннымъ принципомъ и скоро повсюду на мѣсто прежней абсолютной монархіи является новая государственная форма — конституціонная или парламентарная. Но со времени французской революціи, которая какъ будто однимъ ударомъ разрушила обаяніе старыхъ традиціонныхъ началъ, отрицательное движеніе исторіи идетъ съ быстротою чрезвычайною. Не успѣли гражданскія формы, возникшія изъ революціи, распространиться по всей Ев-

¹⁾ Нормальное же отношеніе есть то, при которомъ ни государство не служить народу, ни народъ государству, а оба одинаково служатъ одному высшему началу.

рошѣ, какъ уже является ясное сознаніе, что это только переходъ, что настоящее дѣло не въ томъ.

Народъ или земство, возставшее на Западѣ противъ абсолютной церкви и абсолютнаго государства и побѣдившее ихъ въ своемъ революціонномъ движеніи, само не можетъ удержать своего единства и цѣлости, распадается на враждебные классы, а затѣмъ необходимо должно распадаться и на враждебныя личности. Общественный организмъ Запада, раздѣлившійся сначала на частные организмы, исключаютіе другъ друга, должны наконецъ раздробиться на послѣдніе элементы, на атомы общества, то-есть на отдѣльныя лица, и организмъ корпоративный, кастовой, долженъ перейти въ организмъ личный. Революція передала верховную власть народу; на мѣсто феодальнаго принципа породы, на мѣсто политико-теологическаго принципа абсолютной монархіи Божією милостію она поставила принципъ народовластія. Но подъ народомъ здѣсь разумѣется простая сумма отдѣльныхъ лицъ, все единство которыхъ заключается въ случайномъ согласіи желаній и интересовъ, — согласіи, котораго можетъ и не быть. Уничтоживъ тѣ традиціонныя связи, тѣ идеальныя начала, которыя въ старой Европѣ дѣлали каждое отдѣльное лицо только элементомъ высшей общественной группы и, раздѣливъ человѣчество, соединили людей, — разорвавъ эти связи революціонное движеніе предоставило каждое лицо самому себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожило его органическое различіе отъ другихъ. Въ старой Европѣ это различіе и, слѣдовательно, неравенство лицъ обуславливалось принадлежностью къ той или другой общественной группѣ и мѣстомъ въ ней занимаемымъ; съ уничтоженіемъ же этихъ группъ въ нихъ прежнемъ значеніи исчезло и это идеальное неравенство, осталось только низшее натуральное неравенство личныхъ силъ. Изъ свободнаго проявленія этихъ силъ должны были создаться новыя формы жизни на мѣсто разрушеннаго міра. Но никакихъ положительныхъ основаній для такого новаго творчества не было дано революціоннымъ движеніемъ. Легко видѣть въ самомъ дѣлѣ, что принципъ свободы, въ отдѣльности взятый, имѣетъ только отрицательное значеніе. Я могу жить и дѣйствовать свободно, то-есть не встрѣчая никакихъ произвольныхъ препятствій или стѣсненій, но этимъ, очевидно, нисколько не опредѣляется положительная цѣль моей дѣятельности, содержаніе моей жизни. Въ старой Европѣ жизнь человѣческая получала свое идеальное содержаніе отъ католической религіи съ одной стороны и отъ рыцарскаго феодализма съ другой. Это идеальное содержаніе давало

старой Европѣ ея относительное единство и высокую героическую силу, хотя уже оно таило въ себѣ начало того дуализма, который долженъ былъ необходимо привести къ послѣдующему распаденію. Революція окончательно отвергла старыя идеалы, что было, разумѣется, необходимо, но по своему отрицательному характеру не могла дать новыхъ; она освободила индивидуальныя элементы, дала имъ абсолютное значеніе, но лишила ихъ дѣятельность необходимой почвы и пищи. Поэтому мы видимъ, что чрезмѣрное развитіе индивидуализма въ современномъ Западѣ ведетъ прямо къ своему противоположному—къ всеобщему обезличенію и опошленію. Крайняя напряженность личнаго сознанія, не находя себѣ соотвѣтствующаго предмета, переходитъ въ пустой и мелкій эгоизмъ, который всѣхъ уравниваетъ. Единственное существенное различіе и неравенство между людьми, еще существующее на Западѣ, есть неравенство богача и пролетарія; единственное величіе, единственная церковная власть, еще сохраняющая тамъ дѣйствительную силу, есть величіе и власть капитала. Революція, утвердившая въ принципѣ демократію, на самомъ дѣлѣ произвела пока только плутократію. Народъ управляетъ собою только *de jure*, *de facto* же власть надъ нимъ принадлежитъ ничтожной его части—богатой буржуазіи, капиталистамъ. Такъ какъ плутократія по природѣ своей доступна снизу для всякаго, то она и является царствомъ свободнаго соревнованія или конкуренціи. Но эта свобода и равноправность далеко не есть безусловное существованіе наследственной собственности и ея сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ дѣлаетъ нѣтъ буржуазіи отдѣльный привилегированный классъ, а огромное большинство рабочаго народа, лишенное всякой собственности, при всей своей абстрактной свободѣ и равноправности, въ дѣйствительности превращается въ порабощенный классъ пролетаріевъ. По существованію постоянного пролетаріата, составляющее характеристическую черту современнаго Запада, именно тамъ-то и лишено всякаго оправданія. Ибо если старый порядокъ опирался на извѣстные абсолютныя принципы, то современная плутократія можетъ ссылаться въ свою пользу только на силу факта, на историческія условія. Но эти условія мѣняются; на историческихъ условіяхъ было основано и древнее рабство, что не помѣшало ему исчезнуть. Если же говорить о справедливости, то какъ скоро признано, что власть дается матеріальнымъ богатствомъ (такъ какъ оно принимается за высшую цѣль жизни), то не справедливо ли, чтобы богатство и соединенная съ нимъ власть принадлежали тому, кто его

производить, то-есть рабочимъ? Разумѣется, капиталъ, то-есть результатъ предшествовавшаго труда, столь же необходимъ для произведенія богатства, какъ и настоящій трудъ, но никѣмъ и никогда не была доказана необходимость ихъ безусловнаго раздѣленія, то-есть, чтобы одно лицо должно быть *только* капиталистомъ, а другіе *только* рабочими. Итакъ, является стремленіе со стороны труда, то-есть рабочихъ, завладѣть капиталомъ, что и составляетъ ближайшую задачу *соціализма*. Но этотъ послѣдній имѣетъ и болѣе общее значеніе: это есть окончательное принципиальное выдѣленіе и самоутвержденіе общества экономического въ противоположность съ политическимъ и духовнымъ. Современный соціализмъ требуетъ, чтобы общественныя формы опредѣлялись исключительно экономическими отношеніями, чтобы государственная власть была только органомъ экономическихъ интересовъ народнаго большинства. Что же касается до общества духовнаго, то его, разумѣется, совершенно отрицаетъ современный соціализмъ ¹⁾.

Такое послѣднее слово общественнаго развитія во второмъ моментѣ общечеловѣческой исторіи, представляемомъ западною цивилизаціей. Этотъ второй моментъ характеризуется въ общественной сферѣ, какъ мы видѣли, сначала отдѣленіемъ общества свѣтскаго вообще отъ общества церковнаго, затѣмъ — распаденіемъ самого свѣтскаго общества на государство и земство, такъ что являются собственно три общественныя организаціи, изъ которыхъ каждая въ свою очередь пользуется верховнымъ господствомъ, стремясь исключить или же подчинить себѣ двѣ остальные. Это есть процессъ совершенно послѣдовательный и необходимый и наступающее нынѣ на Западѣ господство третьей общественной организаціи — экономической, принципиально утверждаемое соціализмомъ, есть такой же необходимый шагъ на пути западнаго развитія, какимъ было въ свое время господство католической церкви, а потомъ абсолютизмъ государства. Но очевидно, что необходимость всѣхъ этихъ трехъ исключительныхъ господствъ есть чисто историческая, слѣдовательно условная и временная, и если ни одинъ разумный и безпристрастный человѣкъ не можетъ вѣрить въ безусловную необходимость для чело-

¹⁾ Старый же соціализмъ (первой половины текущаго столѣтія) въ нѣкоторыхъ своихъ школахъ старался слить духовное общество съ экономическимъ, то-есть собственно придать этому послѣднему значеніе перваго, сдѣлать изъ рабочаго союза церковь—нелѣзная попытка, которая привела только къ комическимъ результатамъ.

вѣчества католической церкви или монархіи à la Louis XIV, то точно также было бы смѣшно видѣть въ социализмъ послѣднее, вселенское откровеніе, долженствующее переродить человѣчество. На самомъ дѣлѣ никакое измѣненіе общественныхъ отношеній, никакое пересовданіе общественныхъ формъ не можетъ удовлетворить тѣхъ вѣчныхъ требованій и вопросовъ, которыми опредѣляется собственно человѣческая жизнь. Если мы предположимъ даже полное осуществленіе социалистической задачи, когда всѣ люди одинаково будутъ пользоваться благами и удобствами цивилизованной жизни, съ тѣмъ болѣею силой и неотступностью станутъ передъ ними эти вѣчные вопросы о внутреннемъ содержаніи жизни, о высшей цѣли человѣческой дѣятельности. А отвѣтъ на эти вопросы очевидно не можетъ быть найденъ въ области практическихъ отношеній; за нимъ мы должны необходимо идти въ сферу знаній. Что же представляетъ намъ здѣсь западная цивилизація?

Характеристическимъ свойствомъ западнаго развитія и въ области знанія является послѣдовательное выдѣленіе и исключительное обособленіе трехъ ея степеней. Первоначально является раздѣленіе между знаніемъ священнымъ, теологіей, и знаніемъ свѣтскимъ или натуральнымъ. Въ этомъ послѣднемъ еще не обозначилось въ среднюю нѣка различіе между собственно философіей и эмпирической наукой—обѣ вмѣстѣ образуютъ одну философію, которая признается служанкой богословія и только къ концу среднихъ вѣковъ (въ эпоху возрожденія) она освобождается отъ этой службы. Условія этого освобожденія были слѣдующія. Во-первыхъ теологія, по естественному сродству опиравшаяся на авторитетъ церкви, тѣмъ самымъ лишалась своей силы съ практическимъ освобожденіемъ людей отъ церковной власти. Далѣе, теологія въ своемъ стремленіи къ исключительному господству въ сферѣ знанія, дѣлала незаконные захваты въ области философій и науки, имѣнно хотѣла средствами ейисключительно принадлежащими, то-есть предполагаемымъ авторитетомъ Писанія и церкви, утверждать извѣстныя положенія по существующимъ подлежащимъ только вѣдѣнію разума, или же опыта, причемъ естественно случалось, что такія положенія принимались какъ разъ въ смыслъ протипомъ и разуму и опыту. Между тѣмъ сама эта схоластика своими формальными построеніями способствовала выработкѣ философскаго мышленія, которое въ эпоху возрожденія усилилось еще лучшимъ знакомствомъ съ греческою философіей, а когда явился и расширенный опытъ, то противорѣчіе рѣзко обозначилось и тео-

логическій авторитетъ рѣшительно поколебался. Наконецъ внутреннѣе развитіемъ схоластическая теологія, какъ и все одностороннее, ведущее къ своему противоположному, приводила къ признанію исключительныхъ правъ разума, къ раціонализму, который съ XVI-го вѣка и является уже господствующимъ ¹⁾.

Во время возрожденія философія, вмѣстѣ съ нераздѣльною еще отъ нея, въ ней такъ сказать скрытою наукой, борется въ качествѣ знанія натурального противъ теологіи какъ знанія сверхъестественнаго (а въ схоластикѣ часто и противоестественнаго) и скоро побѣждаетъ ее. Въ XVII-мъ столѣтіи схоластическая теологія уже принадлежитъ исторіи, хотя мертворожденные ея продукты, а также и попытки возстановить ея прежнее значеніе появляются и до сего дня ²⁾. Но вслѣдъ за побѣдой натурального знанія въ немъ самомъ обозначается раздѣленіе. Уже въ началѣ новыхъ вѣковъ являются два противоположныя умственные направленія—раціоналистическое и эмпирическое; это послѣднее въ XVIII, а еще болѣе въ XIX-мъ вѣкѣ рѣшительно примыкаетъ къ выдѣлившимся изъ философіи положительнымъ наукамъ и вступаетъ въ борьбу съ направленіемъ раціоналистическимъ или чисто философскимъ. Это оправдывается тѣмъ, что въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія раціоналистическая философія, окончательно освободившаяся въ критикѣ чистаго разума отъ всякой связи съ теологіей, начинаетъ стремиться къ исключительному господству въ области знанія и утверждаетъ себя въ Гегелианствѣ, какъ знаніе абсолютное. Гегель для философіи то же, что Людовикъ XIV для государства, и какъ Людовикъ XIV своимъ абсолютизмомъ навсегда уронилъ значеніе монархическаго государства на Западѣ, такъ и абсолютизмъ Гегеля привелъ къ окончательному паденію раціоналистическую философію. И здѣсь выступаетъ *tièrs état* — положительная наука, которая нынѣ въ свою очередь изъясняетъ притязаніе на безусловное господство въ области знанія, также хочетъ быть всѣмъ. Это притязаніе рѣшительно выставляется такъ называемымъ позитивизмомъ, который пытается соединить всѣ частныя науки въ одну общую систему, долженствующую

¹⁾ Діалектическая необходимость перехода отъ господства авторитета къ господству разума указана мною въ сочиненіи *Кризисъ западной философіи*, въ началѣ введенія.

²⁾ Такъ напримѣръ въ сочиненіяхъ аббата Гратри, въ исторіи средневѣковой философіи Штэйля и др.

щую представлять всю совокупность человѣческихъ знаній. Для этого воззрѣнія теологія и философія (которая получаетъ здѣсь нарицательное названіе метафизики) суть отжившія, хотя и необходимыя въ свое время, фикціи. Но позитивизмъ идетъ далѣе. Подобно тому какъ социализмъ не только отрицаетъ значеніе церкви и государства и всю ихъ власть хочетъ передать земству или экономическому обществу, но еще и въ самомъ этомъ обществѣ стремится уничтожить различіе между капиталистами и рабочими въ пользу этихъ послѣднихъ,—аналогично этому и позитивизмъ не только отрицаетъ теологію и философію и приписываетъ исключительное значеніе положительной наукѣ, но и въ самой этой наукѣ хочетъ уничтожить различіе между познаніемъ причинъ и познаніемъ явленій какъ такихъ, утверждая исключительно этотъ послѣдній родъ познанія. Вообще позитивизмъ въ области знанія совершенно соответствуетъ социализму въ области общественной и также представляетъ въ своей сферѣ необходимое послѣднее слово западнаго развитія, и поэтому всякій поклонникъ западной цивилизаціи долженъ признать себя позитивистомъ если только хочетъ быть послѣдовательнымъ.

Но когда мы будемъ смотрѣть на абсолютизмъ эмпирической науки, возвышаемый позитивизмомъ съ общечеловѣческой, а не ограниченной западнической точки зрѣнія, то легко увидимъ его ничтожество. Какъ социализмъ, еслибы даже осуществились всѣ его утопіи, не могъ бы дать никакого удовлетворенія существеннымъ требованіямъ челоѣческой *помы* — требованіямъ нравственнаго покоя и блаженства ¹⁾, такъ точно и позитивизмъ, еслибы даже исполнились его *vis desideria* и всѣ явленія, даже самыя сложныя, были сведены къ простымъ и общимъ законамъ, не могъ бы дать никакого удовлетворенія высшимъ требованіямъ челоѣческаго *ума*, который ищетъ не фактическаго познанія (то-есть констатированія) явленій и ихъ общихъ законовъ, а разумаго ихъ объясненія. Наука, какъ ее понимаетъ позитивизмъ, отказываясь отъ вопросовъ *почему и зачѣмъ и что есть*, оставляющая для себя только неинтересный вопросъ *что бываетъ или является*, тѣмъ самымъ признаетъ свою теоретическую

¹⁾ Уже по той причинѣ, что дѣйствительное блаженство предполагаетъ для себя вѣчность:

Знай, для любви и для счастья мнѣ нужно безсмертье,
Вѣчности счастье просить, вѣчности требуетъ мнѣнье...
Эта тяжелая мысль надъ душой тяготѣетъ,
Сердце грезитъ, какъ зима, отравляетъ блаженство.

несостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ свою неспособность дать высшее содержаніе жизни и дѣятельности человѣческой ¹⁾).

Къ подобному же результату пришло западное развитіе и въ области творчества. Современное западное художество не можетъ давать идеальнаго содержанія жизни по той простой причинѣ, что само его потеряло. Въ сферѣ творчества мы видимъ на Западѣ такую же смѣну трехъ господствъ. Въ средніе вѣка свободнаго художества не существуетъ; все подчинено мистицизму. Съ эпохи возрожденія, вслѣдствіе общаго ослабленія религіозныхъ началъ съ одной стороны и спеціальнаго вліянія вновь открытаго античнаго искусства—съ другой, выступаетъ ниващее художество формы, сначала въ живописи (и ваяніи), потомъ въ поэзіи и наконецъ въ музыкѣ. Въ нашъ вѣкъ наступило третье господство—техническаго искусства, чисто реальнаго и утилитарнаго. Искусство для искусства, то-есть для красоты, такъ же чуждо нашему вѣку, какъ и мистическое творчество; если еще и появляются чисто-художественныя произведенія, то лишь въ качествѣ забавныхъ бездѣлокъ. Подражаніе поверхностной дѣятельности и узкая утилитарная идея—такъ называемая тенденція—имѣютъ все, что требуется нигдѣ отъ художественнаго произведенія. Искусство превратилось въ ремесло,—это всѣмъ извѣстно. Разумѣется, исключительно религіозное, такъ же, какъ и исключительно формальное творчество, оба односторонни и потому должны были потерять свое значеніе, но современный реализмъ, будучи не менѣе ихъ одностороненъ, кромѣ того лишенъ глубины перваго и идеальнаго изищества втораго; единственное его достоинство это—легкость и общедоступность.

Итакъ, экономическій социализмъ въ области общественной, позитивизмъ въ области знанія и утилитарный реализмъ въ сферѣ творчества—вотъ послѣднее слово западной цивилизаціи. Есть ли это вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее слово всего человѣческаго развитія? Преположенный законъ этого развитія даетъ отрицательный отвѣтъ. Западная цивилизація по общему своему характеру представляетъ только второй переходный фазисъ въ органическомъ процессѣ человечества, а для полноты этого процесса необходимъ третій. И еще не должно

¹⁾ Ибо для этого нужно было бы отвѣтить на вопросъ, что должно быть; эмпирическая же наука знаетъ только, что бываетъ, но первое, очевидно, не слѣдуетъ изъ втораго, идеалъ не слѣдуетъ изъ дѣятельности, цѣль не вытекаетъ изъ факта.

забывать, что вследствие отрицательнаго и нисненнаго характера тѣхъ конечныхъ результатовъ, къ которымъ пришла западная цивилизація, эти результаты не могли сдѣлаться дѣйствительно всеобщими или вселенскими, не могли внутренно, радикально упразднить тѣ старыя, относительно высшія начала, которыя были ими вытѣснены только изъ сознанія поверхностнаго большинства. Такъ всѣ политическія (а въ будущемъ и социальныя) революціи могутъ уничтожать тѣ или другія историческія формы государства, но самый формальный принципъ его для нихъ недостигаемъ, а съ другой стороны государство могло побѣдить, но не могло уничтожить своего стараго противника — церковь: этотъ старій врагъ все еще стоитъ надъ ними въ то время какъ оно уже давно нигдѣ дѣло съ новыми врагами. Философія считается отжившею, но не только она сохраняетъ своихъ адептовъ между лучшими умами, но и теологія — своихъ. Далѣе, мистика не только продолжаетъ существовать въ тайнѣ, но время отъ времени показывается и въявь (хотя бы только съ задняго двора), производя комическую панику среди трезвыхъ умовъ. Не умерло и идеальное искусство и не безъ отзыва раздается голосъ поэта:

Правда все та же! средь мрака ненастнаго
Вѣрьте мѣ святую звѣзду вдохновенія,
Дружно гребите во нѣя прекраснаго
Противъ теченія!

Други, гребите! напрасно хулители
Насъ оскорбляютъ своею гордицею,
На берегъ вскорѣ мы, волны побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святинею.

Такая внутренняя живучесть мнимо отжившихъ формъ совершенно понятна: послѣдніе результаты западной цивилизаціи по своей узкости и мелкости могутъ удовлетворять только такіе же узкіе и мелкіе умы и сердца. Пока существуетъ въ человѣчествѣ религиозное чувство и философская пытливость, пока есть у него стремленіе къ вѣчному и идеальному, до тѣхъ поръ и мистика и чистое художество и теологія и метафизика и церковь останутся непоколебимо, не смотря на всѣ успѣхи и всѣ притязанія низшихъ степеней, проводникомъ которыхъ является только умственный и нравственный vulgus. Эти низшія степени не могутъ замѣнить собою высшихъ по той же причинѣ, по какой удовлетвореніе животной потребности не можетъ замѣнить удовлетворенія потребности духовной и вульгарная Афродита не мо-

жеть обладать вѣнцомъ Афродиты небесной. Правда, тѣ формы, въ которыхъ небесная Афродита являлась на Западѣ, могли быть только исключительны и слѣдовательно несовершенны, что и дѣлало неизбежнымъ ихъ относительный упадокъ, но дѣйствительно, ипутренно упразднены эти формы могутъ быть очевидно лишь лучшимъ, то-есть, полнымъ, всецѣлымъ осуществленіемъ тѣхъ же высшихъ началъ, а никакъ не отрицательнымъ дѣйствіемъ началъ низшихъ. Очевидно въ самомъ дѣлѣ, что какъ скоро существуетъ, напримѣру, религіозное начало въ человѣкѣ, то плохая религія можетъ быть дѣйствительно упразднена только лучшею, а никакъ не простымъ атеизмомъ; точно также если существуетъ метафизическая потребность, то плохая метафизика можетъ быть упразднена хорошею метафизикою же, а никакъ не простымъ отрицаніемъ всякой метафизики.

Но идемъ далѣе. Не только отдѣльныя низшія степени во второмъ моментѣ развитія не могутъ достигнуть исключительнаго прѣобладанія, къ которому онѣ стремятся, но и весь этотъ второй моментъ или фазисъ историческаго развитія, представляемый западною цивилизаціей, не можетъ вытѣснить изъ исторіи представителей перваго ея фазиса — фазиса субстанціального единства и безразличія. Въ самомъ дѣлѣ, западная цивилизація не сдѣлалась общечеловѣческой, вселенскою, она оказывается бесильною противъ цѣлой культуры — мусульманскаго Востока. Какъ только въ историческомъ западномъ христіанствѣ обособились тѣ черты, которыми составляютъ его односторонность, какъ только стало оказываться, что этотъ христіанскій міръ въ своей исключительности стремится представлять только моментъ распадѣнія и борьбы въ историческомъ развитіи — такъ силы древняго Востока, сначала совершенно парализованныя христіанствомъ, снова оживаютъ въ видѣ ислама, который не только не поддается передъ христіанскимъ Западомъ, но и съ успѣхомъ наступаетъ на него; и доселѣ Европа, при всемъ своемъ развитіи, должна была терпѣть и признавать на своей почвѣ своего исконнаго врага, а подъ конецъ даже вступить въ союзъ съ нимъ. И это необходимо, потому что второй моментъ, взятый въ своей отдѣльности, разсматриваемый не какъ переходъ къ третьему, а самъ по себѣ, не только не выше, но въ извѣстномъ смыслѣ даже ниже перваго.

Мы видѣли въ самомъ дѣлѣ, что и въ сферѣ общественныхъ отношеній и въ сферѣ знанія и творчества вторая сила ¹⁾, управ-

¹⁾ Употребляю здѣсь слово «сила» для обозначенія общаго принципа опредѣ-

шимъ примирительнымъ началомъ, дать имъ общее безусловное содержаніе и тѣмъ освободить ихъ отъ исключительнаго самоутвержденія и взаимнаго отрицанія. Но откуда можетъ быть взято это безусловное содержаніе жизни и знанія? Оно не можетъ находиться въ самомъ человѣкѣ, какъ частномъ, относительномъ существѣ; не можетъ оно заключаться и во внѣшнемъ мірѣ, который представляетъ только низшія ступени того развитія, на вершинѣ котораго находится самъ человѣкъ, и если онъ не можетъ найти безусловныхъ началъ въ самомъ себѣ, то въ низшей природѣ еще менѣе; и тотъ, кто кромѣ этой видимой дѣйствительности себя и внѣшняго міра не признаетъ никакой другой, долженъ отказаться отъ всякаго идеальнаго содержанія жизни, отъ всякаго истиннаго знанія и творчества. Въ такомъ случаѣ для человѣка остается только низшая животная жизнь. Но въ этой жизни счастье если и достигается, то всегда оказывается иллюзіей¹⁾, и такъ какъ, съ другой стороны, стремленіе къ высшему и при сознаніи своей неудовлетворимости все-таки остается, становясь только источникомъ величайшихъ страданій, то естественнымъ заключеніемъ является, что жизнь есть игра, по стобницѣ свѣтъ, и совершенное ничтожество представляется какъ желанный конецъ и для отдѣльнаго человѣка и для всего человѣчества. Избѣжать этого заключенія можно только признавая выше человѣка и внѣшней природы другой безусловный божественный міръ, безконечно болѣе дѣйствительный, богатый и живой, нежели этотъ міръ кажущихся поверхностныхъ явленій. И это признаніе тѣмъ естественнѣе, что самъ человѣкъ, по своему вѣчному началу, принадлежитъ къ тому трансцендентному міру и въ высшихъ степеняхъ своей жизни и знанія всегда сохранялъ съ нимъ не только субстанціальную, но и актуальную связь.

И такъ, третья сила, долженствующая дать человѣческому развитію его безусловное содержаніе, можетъ быть только откровеніемъ того высшаго божественнаго міра, и тѣ люди, тотъ народъ, чрезъ который эта сила имѣетъ проявиться, долженъ быть только *посредникомъ* между человѣчествомъ и сверхчеловѣческой дѣйствительностью, свободнымъ, сознательнымъ орудіемъ этой послѣдней. Такой

¹⁾ Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастья пришлось тебѣ испить,
И согласи, что чѣмъ бы ни былъ ты въ сѣмъ мірѣ,
Есть нѣчто лучшее — не быть.

народъ не долженъ имѣть никакой спеціальной ограниченной задачи, онъ не призванъ работать надъ формами и элементами человѣческаго существованія, а только сообщить живую душу, дать средоточіе и цѣлость разорванному и омертвѣлому человѣчеству, чрезъ соединеніе его съ всецѣльнымъ божественнымъ началомъ. Такой народъ не нуждается ни въ какихъ особенныхъ преимуществахъ, ни въ какихъ спеціальныхъ силахъ и внѣшнихъ дарованіяхъ, ибо онъ дѣйствуетъ не отъ себя, осуществляетъ не свое. Отъ народа—носителя третьей божественной потенціи—требуются только свобода отъ всякой исключительности и односторонности, возвышеніе надъ узкими спеціальными интересами, требуется, чтобы онъ не утверждалъ себя съ исключительною энергіей въ какой-нибудь частной низшей сферѣ жизни и дѣятельности, требуется равнодушіе ко всей этой жизни съ ея мелкими интересами, всецѣлая вѣра въ положительную дѣятельность высшаго міра и пассивное къ нему отношеніе. А эти свойства, несомнѣнно, принадлежать племенному характеру славянства и въ особенности національному характеру русскаго народа. Но и историческія условія не позволяютъ намъ искать другаго носителя третьей силы, ибо всѣ остальные историческіе народы подлежатъ преобладающей власти той или другой изъ двухъ низшихъ исключительныхъ потенцій человѣческаго развитія: историческіе народы Востока—власти первой, Запада—второй потенціи. Только славянство, въ особенности Россія осталась свободною отъ этихъ двухъ низшихъ началъ и, слѣдовательно, можетъ стиги историческимъ проводникомъ третьяго. Между тѣмъ двѣ первыя силы совершили кругъ своего проявленія и привели народы, имъ подвластные, къ духовной смерти и разложенію. Или, повторяю, это есть конецъ исторіи, что невозможно по закону развитія, или же для осуществленія третьяго момента, требуемаго этимъ закономъ, неизбежно царство третьей силы, единственнымъ носителемъ которой можетъ быть только славянство и народъ русскій ¹⁾. Великое историческое призваніе Россіи, отъ котораго только получаютъ значеніе и ея ближайшія задачи, есть призваніе религиозное въ высшемъ смыслѣ этого слова. Только

¹⁾ Нарушенный образъ раба, доселѣ лежащій на нашемъ народѣ, жалкое положеніе Россіи въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ не только не могутъ служить возраженіемъ противъ ея призванія, но скорѣе подтверждаютъ его; ибо та высшая сила, которую русскій народъ долженъ провести въ челоѣчество, есть сила не отъ міра сего, и внѣшнее богатство и порядокъ относительно ея не могутъ имѣть никакого значенія.

когда воля и умъ людей вступать въ общеніе съ вѣчно и истинно сущимъ, тогда только получаютъ свое положительное значеніе и цѣну всѣ частныя формы и элементы жизни и знанія, всѣ они будутъ необходимыми органами или средствами одной цѣльной жизни. Ихъ противорѣчіе и вражда, основанная на исключительномъ самоутвержденіи каждаго, необходимо исчезнетъ, какъ только всѣ вмѣстѣ свободно подчинятся всеединому началу и средоточію.

Не трудно усмотрѣть отсюда, что произойдетъ въ частности съ опредѣленными нами основными элементами общечеловѣческаго организма въ этомъ третьемъ окончательномъ его состояніи. Всѣ сферы и степени этого организма должны паходиться здѣсь, какъ сказано, въ совершенно внутреннемъ свободномъ соединеніи или синтезѣ. Синтезъ этотъ, чтобы быть таковымъ, долженъ исключать простое безусловное равенство сферъ и степеней: онѣ не равны, но равноцѣнны, т. е. каждая изъ нихъ одинаково необходима для всецѣльной полноты организма, хотя спеціальное значеніе ихъ въ немъ и различно, по скольку онѣ должны находиться между собою въ опредѣленномъ отношеніи, обусловленномъ особеннымъ характеромъ каждой. Общечеловѣческій организмъ есть организмъ сложный. Прежде всего три высшія степени его общаго или идеальнаго бытія, а именно мистика въ сферѣ творчества, теологія въ сферѣ знанія и церковь въ сферѣ общественной жизни образуютъ вмѣстѣ одно органическое цѣлое, которое можетъ быть названо старымъ именемъ *религии* (по скольку оно служитъ связующимъ посредствомъ между міромъ человѣческимъ и божественнымъ). Но далѣе каждый изъ членовъ этого цѣлага соединяется съ нижними степенями соотвѣтствующей ему сферы и вмѣстѣ съ ними образуетъ особенную организацію. Такъ во 1-хъ, мистика во внутреннемъ соединеніи съ остальными степенями творчества, именно, съ изящнымъ искусствомъ и съ техническимъ художествомъ, образуетъ одно органическое цѣлое, единство котораго, какъ и единство всякаго организма, состоитъ въ общей цѣли, особенности же и различіе—въ средствахъ или орудіяхъ, служащихъ къ ея достиженію. Цѣль, какъ такая, опредѣляется только высшею степенью, средства же—вмѣстѣ съ низшими. Цѣль здѣсь мистическая—общеніе съ высшимъ міромъ путемъ внутренней творческой дѣятельности. Этой цѣли служатъ не только прямыя средства мистическаго характера, но также и истинное искусство и истинная техника (тѣмъ болѣе, что и источникъ у всѣхъ трехъ одинъ—вдохновеніе). Различіе этого отношенія въ сферѣ творчества отъ того,

которое было въ первомъ моментѣ развитія, состоитъ въ томъ, что тогда подчиненныя степени не будучи выдѣлены изъ первой (какое выдѣленіе совершилось только во второмъ фазисѣ развитія) собственно и не существовали актуально какъ такіа, а слѣдовательно и не могли служить высшей цѣли сознательно и свободно, т. е. отъ себя; и если то первое субстанціальное единство творчества, поглощеннаго мистикой, мы называли теургіей, то это новое органическое или разчлененное его единство назовемъ *свободною теуріей* или *цѣльнымъ творчествомъ*.

Далѣе, второй членъ религіознаго цѣлаго—теологія въ гармоническомъ соединеніи съ философіей и наукой образуетъ *свободную теософію* или *цѣльное знаніе*. Въ первобытномъ состояніи общечеловѣческаго духа (въ первомъ моментѣ развитія) философія и наука, не существуя самостоятельно, не могли и служить дѣйствительными средствами теологіи. Понятно, какое великое значеніе для этой послѣдней должна имѣть самостоятельная философія, выработанная собственными формами познанія, и самостоятельная наука, снабженная сложными орудіями наблюденія и опыта, и обогащенная громаднымъ эмпирическимъ и историческимъ матеріаломъ, когда обѣ эти силы, освободившись отъ своей исключительности или эгоизма, пагубнаго для нихъ самихъ, придутъ къ сознательной необходимости обратитъ всѣ свои средства на достиженіе общей верховной цѣли познанія, опредѣляемой теологіей, причѣмъ эта послѣдняя въ свою очередь должна будетъ отказаться отъ незаконнаго притязанія регулировать самыя средства философскаго познанія и ограничивать самый матеріалъ науки, вѣдѣваясь въ частную ихъ область, какъ это дѣлала средневѣковая теологія. Только такая теологія, которая имѣетъ подъ собою самостоятельную философію и науку, можетъ превратиться вмѣстѣ съ ними въ свободную теософію; ибо только тотъ свободенъ, кто даетъ свободу другимъ.

Наконецъ нормальное отношеніе въ общественной сферѣ опредѣляется тѣмъ, что высшая степень этой сферы или третій членъ религіознаго цѣлаго — духовное общество или церковь, въ свободномъ внутреннемъ союзѣ съ обществами политическимъ и экономическимъ, образуетъ одинъ цѣльный организмъ—*свободную теократію* или *цѣльное общество*. Церковь, какъ такая, не вмѣшивается въ государственныя и экономическія дѣла, но даетъ государству и земству высшую цѣль и безусловную норму ихъ дѣятельности. Другими словами, государство и земство совершенно свободны въ распоряженіи всѣми

своими собственными средствами и силами, если только они имѣютъ при этомъ въ виду тѣ высшія потребности, которыми опредѣляется духовное общество, которое такимъ образомъ, подобно божеству, должно все двигать, оставаясь само недвижимымъ¹⁾.

И такъ, всѣ сферы и степени общечеловѣческаго существованія въ этомъ третьемъ окончательномъ фазисѣ историческаго развитія должны будутъ образовывать органическое цѣлое, единое въ своей основѣ и цѣли, множественно-тройственное въ своихъ органахъ и членахъ. Нормальная соотносительная дѣятельность всѣхъ органовъ образуетъ новую общую сферу — *цѣльной жизни*. Носителемъ этой жизни въ человѣчествѣ можетъ быть *сначала*, какъ мы видѣли, только народъ русскій. Пока исторія опредѣлялась дѣятельностью другихъ силъ, Россія могла только инстинктивно, безъ ясной сознательности, ждать своего призванія; разумѣется и приметъ она его не вся разомъ, а первоначально лишь черезъ болѣе узкій союзъ, братство или общество въ средѣ русскаго народа. Но такъ какъ цѣльная синтетическая жизнь по существу своему свободна отъ всякой исключительности, всякой національной односторонности, то она необходимо распространится и на все остальное человѣчество, когда оно самимъ ходомъ исторіи принуждено будетъ отказываться отъ своихъ старыхъ изжитыхъ началъ и сознательно подчиниться новымъ высшимъ. Только такая жизнь, такая культура, которая ничего не исключаетъ, но въ своей всецѣлости совмѣщаетъ высшую степень единства съ полнѣйшимъ развитіемъ свободной множественности, — только она можетъ дать настоящее прочное удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ человѣческаго чувства, мышленія и воли, и быть такимъ образомъ дѣйствительно общечеловѣческою или вселенскою культурой, причемъ ясно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и именно вслѣдствіе своей всецѣлости эта культура будетъ болѣе чѣмъ человѣческою, вводя людей въ актуальное общеніе съ міромъ божественнымъ.

И такъ, окончательный фазисъ историческаго развитія, составляющій общую цѣль человѣчества, выражается въ образованіи всецѣлой

¹⁾ Замѣчу мимоходомъ, что если всякая государственная или политическая дѣятельность, основанная на правѣ и законѣ, имѣетъ специфически мужскій характеръ, то дѣятельность экономическая или хозяйственная, безопорно, принадлежитъ женщинамъ; какъ въ частномъ союзѣ — семьѣ — хозяйками всегда были женщины, такъ онѣ же должны быть хозяйками и всемірнаго общества. Отсюда естественное сродство социализма съ такъ называемымъ женскимъ вопросомъ и необходимое въ будущемъ превращеніе социальной демократіи въ гинеэкратию.

жизненной организаціи, долженствующей дать объективное удовлетвореніе всѣмъ кореннымъ потребностямъ и стремленіямъ человеческой природы и потому непосредственно опредѣляемой какъ summius bonum.

Понятіе собирательнаго или общественнаго организма также какъ и понятіе развитія—не новы; но оба никогда ясно не сознавались въ приложеніи къ человечеству. Обыкновенно за образецъ для общечеловѣческаго организма принимаютъ организмъ животнаго тѣла, при чемъ между ними проводятся различныя параллели и аналогіи, часто доходящія до смѣшнаго; между тѣмъ животное тѣло есть только частный случай организма, и пользоваться имъ здѣсь можно только какъ примѣромъ для поясненія, а не какъ основаніемъ для построенія. Далѣе, основныя формы общечеловѣческаго организма никогда не были сознаваемы во всей ихъ совокупности и нормальному взаимоотношенію; ни одно изъ существующихъ построеній не принимало въ расчетъ всѣхъ девяти формъ выше указанныхъ. Наконецъ, три главные момента развитія, въ ихъ логической общности установленныя Гегелемъ, нигдѣ не были опредѣленно примѣнены къ полному развитію всѣхъ коренныхъ сферъ общечеловѣческаго организма, который вообще рассматривался болѣе статически. Исполненный синтетическій взглядъ на общую исторію человечества сохраняетъ специфическія особенности духовнаго организма, не сводя его къ организаціямъ низшаго порядка, и опредѣляетъ его отношенія изъ самой идеи организма, а не изъ случайныхъ аналогій съ другими низшими существами; далѣе онъ не покушается на цѣлость человеческой природы, не кастрируетъ ее отнятіемъ какой либо изъ ея дѣятельныхъ силъ, и наконецъ, онъ примѣняетъ великій логическій законъ развитія, въ его отвлеченности формулированный Гегелемъ, къ общечеловѣческому организму во всей его совокупности.

Мы получили теперь отвѣтъ на поставленный нами въ началѣ вопросъ о цѣли человѣческаго существованія: она опредѣлилась какъ образованіе всцѣлой общечеловѣческой организаціи въ формѣ цѣльнаго творчества или свободной теургіи, цѣльнаго знанія или свободной теософіи и цѣльнаго общества или свободной теократіи. Настоящая объективная нравственность состоитъ для человѣка въ томъ, чтобы онъ служилъ сознательно и свободно этой общей цѣли, отождествляя съ нею свою личную волю, а это отождествленіе, которое

есть видѣть съ тѣмъ освобожденіе человѣка, неизбѣжно совершится, когда онъ дѣйствительно сознаетъ истинность этой идеи. „Познайте истину и истина сделаетъ васъ свободными“.

Но изъ трехъ общихъ сферъ нормальнаго человѣческаго бытія двѣ, именно свободная теургія и свободная теократія, подлежатъ въ своемъ образованіи и развитіи такимъ особеннымъ условіямъ, которыя не находятся ни въ какой прямой зависимости отъ воли и дѣятельности отдѣльнаго лица, которое само по себѣ здѣсь безсильно, не можетъ ни начать, ни ускорить нормальнаго образованія. Только въ одной сферѣ—свободной теософіи или цѣльнаго знанія—отдѣльный человѣкъ является настоящимъ субъектомъ и дѣтелемъ, и здѣсь личное сознаніе идеи есть уже начало ея осуществленія. Трудиться въ этой сферѣ становится такимъ образомъ обязанностью для всякаго, кто сознаетъ нормальную цѣль человѣческаго развитія. Поэтому и я, пришедши къ такому сознанію, предпринимаю, въ мѣрѣ своихъ силъ и способностей, систематическое изложеніе тѣхъ идей, которыя по моему убѣжденію должны лечь въ основу цѣльнаго знанія. Но прежде чѣмъ войти въ предметъ, я долженъ еще рассмотреть отношеніе свободной теософіи, какъ нормальнаго или цѣльнаго знанія, къ другимъ одностороннимъ или аномальнымъ направленіямъ въ области знанія, что и составитъ содержаніе слѣдующей главы.

В. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБРАЩЕНИЕ ВСЕЙ РУСИ ВЪ ХРИСТИАНСТВО ВЛАДИМИРОМЪ, И СОВЕРШЕННОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ВЪ НЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ, ВѢРЫ ПРИ ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ ¹⁾.

I.

Владимиръ, его собственное крещеніе и крещеніе нѣхъ страны.

Исторія событія столь достовѣрнаго, каково крещеніе Владимира, подобно извѣстіямъ о начаткахъ христіанства на Руси, не избалована отъ такъ-называемыхъ народныхъ повѣстей; напротивъ того, теперь передъ нами повѣсть этого рода, которая можетъ быть названа таковою по преимуществу и по превосходству (хат' ёѣохѣу).

Къ великому князю Кіевскому приходятъ послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своихъ вѣръ; князь посылаетъ своихъ пословъ къ народамъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, наконецъ изъ всѣхъ вѣръ Русскіе выбираютъ вѣру самую лучшую: вотъ эта, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстная, повѣсть о крещеніи Владимира. Прискорбна обязанность посягать на то, въ чемъ весьма многіе такъ привыкли и такъ хотѣли бы не сомнѣваться, и въ чемъ тщеславіе этихъ весьма многихъ находитъ такое себѣ удовлетвореніе. Но немолчаливый долгъ историка заставляетъ насъ сказать, что повѣсть эта не заключаетъ въ себѣ ничего истиннаго, что она есть позднѣйшій вымыселъ и притомъ даже вымыселъ, но всей вѣроятности, не русскій, а греческій.

Передадимъ сначала подробно эту, ставшую, такъ сказать, классическою въ нашей исторіи, повѣсть. Будучи позднѣйшею вставкою въ лѣтописи и будучи поставлена въ ней безъ всякой связи съ предыдущимъ, она разказываетъ слѣдующее:

¹⁾ Изъ приготовленной къ печати «Исторіи Русской церкви»; см. Ж. М. Н. Пр. за сентябрь и октябрь 1876 г.

Подъ 936 годомъ, который есть 8-й годъ княженія Владимірова ¹⁾. Пришли ко Владиміру Волгары, вѣры Магометовой ²⁾, и говорили: „Ты князь мудрый и смысленный, а не знаешь закона, то-есть, держишься не доброй, не истинной вѣры; вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету“. И спросилъ Владиміръ: „Въ чемъ состоитъ ваша вѣра?“ Они сказали: „Вѣруемъ въ Бога, а Магометъ заповѣдуетъ намъ обрѣзывать тайные уды, не ѣсть свинины, не пить вина; по смерти будемъ творить похоть блудную съ женами: дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ, изберетъ одну (изъ нихъ) прекраснѣйшую, возложитъ красоту всѣхъ на (эту) одну, и она будетъ челоуѣку жена. А также и здѣсь“, говорили они,—„достойно творить всяческій блудъ; кто убогъ на этомъ свѣтѣ, тотъ также будетъ и тамъ“. И ную многую леть говорили они, чего и писать нельзя срама ради. Владиміръ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ (послушаше сладко), когда говорили о женахъ, ибо самъ любилъ женщинъ и былъ сильно преданъ блуду; но то ему не любо было, чтобъ обрѣзывать уды и не ѣсть свиного мяса, а о запрещеніи пить отнюдь не хотѣлъ и слышать, сказавъ: „Русскимъ питье — веселье, безъ того не можемъ быть“ ³⁾. Потомъ пришли Нѣмцы, говоря: „Пришли мы, будучи посланы напою“. Они сказали Владиміру: „Такъ приказалъ говорить тебѣ папа: земля твоя—какъ и земля наша, а вѣра ваша—не какъ вѣра наша; ибо наша вѣра есть свѣтъ, кланяемся Богу, который сотворилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги суть дерево“. Владиміръ спросилъ: „Какая

¹⁾ Владиміръ занялъ престолъ не въ 980, а въ 978 г., ибо по самой же лѣтописи всѣхъ лѣтъ его правленія 37 (въ общей хронологіи подъ 852 г.), а у монаха Іакова находимъ совершенно определенное показаніе, что онъ сѣлъ въ Кіевѣ мѣсяца іюня въ 11-й день въ лѣто 978. Когда лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ (подъ тѣмъ же 852 г.), то годы княженія нужно разсчитывать не съ 972 г., въ которомъ умеръ Святославъ, а съ 970, въ которомъ онъ посадилъ Ярополка при своей жизни; тогда монахъ Іаковъ говоритъ, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ осмое лѣто послѣ смерти отца своего Святослава, то у него нужно видѣть ошибку, происшедшую отъ забвенія, что Ярополкъ занялъ великокняжескій престолъ не послѣ смерти, а при жизни Святослава.

²⁾ Теперь Волгары Волжско-Каменіе, нѣмѣвшіе столицу по имени Булгаръ (въ нашихъ лѣтописяхъ Великій городъ) на лѣвомъ берегу Волги (въ настоящее время развалины, сел. Успенское или Волгары, въ 9 верстахъ отъ нея), между нынѣшними городами Казанской губерніи Спасокомъ и Тетюшани.

³⁾ «Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти».

заповѣдь ваша?" Они сказали: „Постѣ по снѣ (а затѣмъ) кто что ни ѣстъ и ни пьетъ, все въ славу Божию, какъ сказалъ учитель нашъ (апостолъ) Павелъ". Владимиръ сказалъ Нѣмцамъ: „Идите назадъ, ибо отцы наши сего не принимали". Слышавъ (обо всемъ) этомъ, пришли Жиды Коварскіе ¹⁾, говоря: „Слышали мы, что приходили Болгары и христіане, уча тебя каждый своей вѣрѣ; христіане вѣрують въ Того, котораго мы распяли, а мы вѣруемъ въ единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковлева". И спросилъ Владимиръ: „Что есть законъ вашъ?" Они отвѣчали: „Обрѣзываться, не ѣсть ни свиинны, ни зайчины, хранить субботу". Владимиръ спросилъ: „А гдѣ земля ваша?" Они отвѣчали: „Въ Іерусалимѣ". Онъ спросилъ: „А тамъ ли и теперь?" Они отвѣчали: „Разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за наши грѣхи, и предана была земля наша христіанамъ". Владимиръ сказалъ: „Такъ какъ же другіихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены? Еслибы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то вы не были бы расточены по разнымъ землямъ; или вы хотите, чтобы и съ нами случилось то же?" Послѣ этого Греки прислали ко Владимиру философа, говоря: „Слышали мы, что приходили Болгары и учили (убѣждали) тебя принять ихъ вѣру; но вѣра ихъ оскверняетъ небо и землю, они прокляты паче всѣхъ челоувѣкъ, ибо улодобилися Содому и Гоморрѣ, на которые пустилъ Господь каменья горючіе, чтобы потопить ихъ; подобнымъ образомъ и сихъ ожидаетъ день гибели ихъ, когда Богъ прійдетъ судить землю и погубить всѣхъ, творящихъ беззаконіе и скверно-дѣющихъ: „си бо омываютъ оходы своя (и) въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажутся, наричущи Божмита, такоже и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще—отъ совокупленья мужска и женска вкушаютъ". Слышавъ это, Владимиръ плюнулъ и сказалъ: „О, отвратительно!" ²⁾. Философъ продолжалъ: „Еще слышали мы, что приходили изъ Рима (Нѣмцы) учить васъ своей вѣрѣ, но ихъ вѣра немного (нѣсколько) повреждена противъ нашей ³⁾, ибо слушать на опреснокахъ, то-есть, оплаткахъ, которыхъ Богъ не предавалъ, повелѣвъ служить на хлѣбѣ, (ибо сказано): и преда апостоломъ

¹⁾ О Коварахъ или Хазарахъ, которые имѣли свою столицу Итиль при устьѣ Волги, и у которыхъ съ половины VIII вѣка іудейство, принесенное изъ Греческой имперіи, было вѣрою государя и вельможъ, см. *Карамзина*, I, 24, и *Хвольсона*, Извѣстія о Ховарахъ, Вуртасахъ и пр.

²⁾ «Си слышавъ Володимѣръ плюну на землю рекъ: нечисто есть дѣло».

³⁾ «Маломъ съ нами развращена».

и примѣхъ хлѣбъ, рекъ и проч., они же этого не творять, и (потому) вѣра ихъ (не совсѣмъ) исправна.“ Владимиръ сказалъ: „Приходили ко мнѣ Жиды и говорили, что-де Нѣмцы и Греки вѣрують въ Того, котораго мы распяли“. Философъ отвѣчалъ: „Дѣйствительно, мы въ Него вѣруемъ, ибо пророки предрекли—одни, что Богъ родится, другіе, что Онъ будетъ распятъ и погребенъ, въ третій день воскреснетъ и вознесется на небеса: они же тѣхъ пророковъ избивали, а другихъ пилами претирали; когда же сбылись пророчества, (Богъ) сошелъ на землю, былъ распятъ и по воскресеніи вознесенъ на небеса, то (Онъ) ждалъ отъ нихъ покаянія 46 лѣтъ, и послѣдніе не покаялись; то послалъ на нихъ Римлянъ, которые города ихъ разрушили, а самихъ расточили по разнымъ странамъ, въ которыхъ они и до сихъ поръ въ рабствѣ“. Спросилъ Владимиръ: „Но для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ такую страсть?“ Философъ сказалъ: „Если хочешь, (князь), послушать, то скажу тебѣ по ряду и обстоятельно, для чего Богъ сошелъ на землю“. Владимиръ сказалъ: „Готовъ слушать съ большимъ удовольствіемъ (послушаю радъ)“. И началъ философъ говорить такимъ образомъ...

За симъ слѣдуетъ весьма пространная рѣчь философа ко Владимиру, въ которой подробно излагается вся священная исторія ветхаго и новаго завета отъ пачала до конца, отъ сотворенія міра до вознесенія Иисуса Христа и проповѣди апостоловъ. Показавъ такимъ образомъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей или то, для чего Богъ сходилъ на землю, философъ заключилъ свою рѣчь: „Предустановилъ же Богъ день, въ который хочетъ судить, пришедъ съ неба, живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ царство небесное и красоту неизреченную и веселье безъ конца и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ безконечную муку огненную и червь не усypяющаго“. Сказавъ это, философъ показалъ Владимиру подотно, на которомъ написанъ былъ страшный судъ Господень, и указавъ ему одесную праведниковъ, въ веселіи идущихъ въ рай, а ошуюю грѣшниковъ, идущихъ въ муку.

Владимиръ вздохнулъ и сказалъ: „Добро симъ—одесную, горе же симъ—ошуюю“. Философъ сказалъ: „Если хочешь стать съ праведными одесную, то крестись“. Владимиръ, положивъ на сердцѣ своемъ слова его, сказалъ: „Пожду я еще мало, ибо хотѣлъ испытать о всѣхъ вѣрахъ“. Давъ философу дары многіе, Владимиръ отпустилъ его съ честію великою.

Подъ 987 годовъ. Созвалъ Владимиръ бояръ своихъ и городскихъ

старцевъ и сказали имъ: „Вотъ приходили ко мнѣ Болгары, говоря: прійми законъ нашъ; потомъ приходили Нѣмцы, которые также хвалили свой законъ, потомъ приходили Жиды; послѣ всѣхъ пришли Греки, хуля всѣ законы, а хвала (только) свой, и много говорили, повѣствуя отъ пачала міра о бытіи всего міра; хитры и чудны по вѣсти ихъ, каждому любо послушать ихъ; говорятъ они, что и другой свѣтъ будетъ, и кто-де вступить въ ихъ вѣру, тотъ умерши воскреснетъ и больше не будетъ умирать во вѣки, а кто вступить въ другую вѣру, тому на томъ свѣтѣ горѣть въ огнѣ: „Какъ вы мнѣ ума прибавите, что посоветуете“, спросилъ Владиміръ бояръ и старцевъ. Бояре и старцы отвѣчали: „Знаешь, князь, что свое никто не хулить, а хвалить; если хочешь испытать хорошенъко, то имѣешь у себя мужей: пошли испытать службу каждаго изъ нихъ, какъ служить Богу“. Эта рѣчь была любя князю и всѣмъ людямъ; избрали мужей добрыхъ и смисленныхъ, числомъ 10, и сказали имъ: „Идите сначала къ Болгарамъ и испытайте ихъ вѣру“. Пошли они и пришедши видѣли скверныя дѣла ихъ и кланянье въ ропатахъ¹⁾ и возвратились домой. И сказалъ Владиміръ: „Идите теперь къ Нѣмцамъ, посмотрите также и (у нихъ) и оттуда идите къ Грекамъ“. Пришли они къ Нѣмцамъ и смотрѣли ихъ церковную службу. (Потомъ) пришли въ Царьградъ и вошли къ царю; царь спросилъ, для чего пришли, и они разказали ему бывшее. Выслушавъ ихъ, царь радъ былъ и сотворилъ имъ въ тотъ день честь великую. На утро (на другой день) царь послалъ къ патріарху и приказалъ сказать: „Пришли Русскіе и желаютъ смотрѣть нашу вѣру, прикажи убрать и приготовить церковь и приготовиться пѣвчимъ и самъ облекися въ святительскія ризы, чтобы видѣли они славу Бога нашего“. Услышавъ это, патріархъ приказалъ быть готовымъ пѣвчимъ и сдѣлалъ праздничную службу, зажгши кадила и составилъ пѣнія и лики. И пошли съ ними въ церковь и поставили ихъ по срединѣ церкви²⁾, показывая имъ красоту церковную, пѣніе и службу архіерейскую и предстояніе діаконъ, толкуя имъ, какъ они служатъ Богу своему; то-есть толкуя имъ чинъ своего богослуженія. Они же, бывъ въ изумленія и удивленія, похваляли службу ихъ. И призвали ихъ цари Василій и Константинъ и сказали: „Идите въ землю вашу“, и отпустили ихъ съ дарами великими и съ честью. Когда они пришли въ свою землю, то

¹⁾ Мечетахъ.

²⁾ «Поставиша я на пространнѣхъ мѣстѣхъ».

Владимиръ созвалъ бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ: „Вотъ пришли посланные наши мужи; послушаемъ, что они видѣли, пусть разказываютъ передъ дружиною“. Послы сказали: „Ходили мы къ Болгарамъ и смотрѣли, какъ они поклоняются въ храмѣ, то-есть, въ своей ропатѣ: стоятъ безпоясые, поклонившись садеть (на корточки) и смотритъ туда и сюда, какъ бѣшеннй, нѣсть веселья въ нихъ, по печаль и сирадѣ великъ, нѣсть добро законъ ихъ“. Потомъ пришли мы къ Нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы ¹⁾, но красоты не видѣли никакой. Послѣ этого пришли мы къ Грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему, и не знаемъ мы — на небѣ мы были, или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такого зрѣлища и такой красоты; не умѣемъ вамъ разказать, только то знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и что служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ; мы не можемъ забыть такой красоты; какъ всякій человекъ, если попробуетъ сладкаго, послѣ уже не хочетъ горькаго, такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться. (Выслушавъ рѣчи пословъ), бояре въ отвѣтъ на нихъ сказали (Владимиру): „Еслибы былъ худъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрейшій изъ всѣхъ человекъ“. Владимиръ сказалъ: „Такъ гдѣ крестимся?“ Бояре сказали: „Гдѣ любо тебѣ“

„Минувши гѣту, въ 988 году Владимиръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій, взялъ его и въ немъ крестился...

Кто любитъ занимательныя и замысловатыя повѣсти, не заботясь ни о чемъ другомъ, для кого сказка предпочтительнѣе всякой дѣйствительной исторіи, лишь бы имѣла указанное качество, того сейчасъ переданная повѣсть о крещеніи Владимира должна удовлетворять вполне, ибо достоинство замысловатости принадлежитъ ей без-

¹⁾ «Видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы твореща» — разумѣется то, что у латинянъ въ большихъ церквахъ очень по многу престоловъ, и что въ праздникъ совершается въ нихъ очень по многу обрядовъ, не только на каждомъ престолѣ по одной обрядъ, но и по нѣскольку, при чемъ обряды идутъ одновременно на трехъ-четырехъ престолахъ и болѣе. Эта противоположность между латинянами и нами имѣла еще большее значеніе въ древнее время, когда придѣльныхъ престоловъ у насъ почти совсѣмъ не было (Ср. митр. Георгій Стязанье съ Латинною, у преосв. Макарія въ Исторіи т. II, изд. 2-е, стр. 348). «Красоты не видѣхомъ ни коеже» — авторъ считаетъ себя въ правѣ это сказать, очевидно, разиши службу на боковыхъ престолахъ, которая совершается безъ торжественности.

спорно. Но не много критики, не много просто нѣкоторой мѣры въ вѣрѣ,—и съ пространною повѣстію тотчасъ же должно случиться такое чудо, что отъ нея останется только голый остовъ, а потомъ и отъ этого голаго остова останется только одна половина. Что "

Предположимъ, что повѣсть принадлежитъ самому лѣтописцу. Можно ли, соблюдая нѣкоторую серьезность, принимать, что всѣ рѣчи пословъ, которыя онъ передаетъ, были подлинными ихъ рѣчами, а не просто собственнымъ его сочиненіемъ? Еслибъ лѣтописецъ былъ непосредственнымъ современникомъ, еслибы онъ даже стоялъ на дворѣ великокняжескомъ въ то время, какъ послы были у Владимира, то и тогда онъ могъ бы только до нѣкоторой степени передать содержаніе рѣчей, но никакъ не самия рѣчи въ ихъ подлинномъ видѣ. Но лѣтописецъ жияъ и писалъ спустя сто слишкомъ лѣтъ послѣ Владимира. Правда, онъ еще засталъ въ живыхъ людей, которые помнили крещеніе земли Русской, или которые родились вскорѣ послѣ него¹⁾: но сколько не шуточного въ ссылкѣ на эти лица, дѣлаемой въ подкрѣпленіе того, будто лѣтописецъ могъ передать подлинныя рѣчи пословъ? Вотъ вамъ остающійся до сихъ поръ въ живыхъ Екатерининскій офицеръ, который знаетъ свое прошлое только по собственной памяти, а не по книгамъ: спросите его о какихъ угодно бесѣдахъ, веденныхъ Екатериной въ началѣ царствованія: что онъ вамъ отвѣтитъ, то-есть, что онъ въ состояніи будетъ вамъ отвѣтить? Одни изъ упомянутыхъ людей могли сообщить лѣтописцу только кое-что, въ дѣтствѣ ими видѣнное, а другіе—только кое-что, въ дѣтствѣ изъ первыхъ рукъ ими о событіи слышанное, и ни тѣ, ни другіе никакимъ образомъ не могли сообщить ему подлинныхъ рѣчей всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя представляются въ повѣсти говорящими. А такимъ образомъ чрезъ сто слишкомъ лѣтъ лѣтописцу вовсе и никакъ не могло быть извѣстнымъ, что говорили Владимиру послы, къ нему приходившіе, что отвѣчалъ имъ онъ самъ, и вообще что было кѣмъ бы то ни было говорено. Слѣдовательно, повторяемъ,—всѣ рѣчи, которыя впадаютъ въ повѣсти въ уста говорящихъ въ ней лицъ, суть

¹⁾ Монахъ печерскій Іеремія, о которомъ лѣтописецъ, не давая впрочемъ ясно знать, засталъ ли самъ его въ живыхъ, говоритъ, что онъ «помняше крещеніе земли Руськия» (Собр. лѣт., I, 81) и бояринъ кіевскій Янъ Вышатицъ, который умеръ въ 1106 году, имѣя около 90 лѣтъ, и о которомъ лѣтописецъ говоритъ: «Отъ негоже и азъ многа словеса слышахъ, еше и вписахъ въ лѣтописанья семь».

не что иное, какъ простой позднѣйшій вымыселъ самаго лѣтописца, и слѣдовательно, за уничтоженіемъ рѣчей, въ повѣсти остаются только тѣ два голые факта, что, во-первыхъ, приходили послы ко Владимиру съ предложеніемъ вѣрѣ, и что, во-вторыхъ, онъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣрѣ на мѣстахъ¹⁾.

Изъ этихъ двухъ голыхъ фактовъ вѣроятенъ самъ по себѣ только первый, другой же есть дѣло совсѣмъ невозможное, именно: могло быть, что къ Владимиру приходили послы или миссіонеры съ проповѣдію о вѣрахъ и съ предложеніемъ ихъ, но не могло быть, чтобы Владимиръ самъ посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣрѣ на мѣстахъ.

Справедливо замѣчаютъ наши изслѣдователи, что этотъ выборъ Владимиромъ вѣры есть случай единственный во всей извѣстной исторіи, но не совсѣмъ понятно, какъ они не замѣчаютъ, что онъ есть случай вмѣстѣ и невозможный, что онъ есть выдумка, съ одной стороны, пожалуй, затѣйливая, а съ другой стороны просто нелѣпая,

¹⁾ Совершенною очевидностію того, что рѣчи не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ позднѣйшимъ вымысломъ, пространно доказывать мы стѣсняемся, потому что она такъ очевидна, и потому что въ области не церковной исторіи доказывать это считается ужъ излишнимъ и нѣсколько страннымъ. Но возьмите напомнимъ самыя рѣчи. Неужели проповѣдники нагOMETанскіе могли придти ко Владимиру затѣмъ, чтобы держать предъ нимъ возможно срамныя рѣчи и такимъ образомъ доказывать ему, что вѣра ихъ есть самая срамная въ мірѣ? Неужели проповѣдники еврейскіе приходили затѣмъ, чтобы сказать, что Евреи суть народъ, Богомъ отверженный? Неужели проповѣдники напскіе только и могли сказать то, что влагаетъ имъ въ уста повѣсть, и не ясно ли, что не имѣющій смысла отвѣтъ Владимира: «Идѣте оцѣти, яко отци наши сего не приѣли суть», значить то, что отъ одинаковыхъ съ Греками христіанъ составитель повѣсти не видѣлъ возможности отдѣлаться со смысломъ? Весьма понятно для насъ, какъ все читаемое нами въ повѣсти могъ написать позднѣйшій и нѣсколько наивный Русскій (или какъ все это могло сложиться у позднѣйшихъ Русскихъ); но чтобы все это могло быть такъ въ дѣйствительности, принимать это было бы болѣе чѣмъ странно (объ источникахъ, которыми пользовался авторъ повѣсти при составленіи пространной рѣчи философа греческаго см. въ изслѣдованіи Сухомякова «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», въ *Ученыхъ Запискахъ 2-ю От. Акад. Н.*, кн. 3, стр. 54. Укоризну, дѣлаемую нагOMETанамъ: «поклоняются въ храмъ рекше въ ровати, столце безъ полса» объясняютъ намъ Responsa паны Николая ad consulta Bulgarorum, въ которыхъ между прочимъ читаемъ: Jam vero quod asseritis, Graecos vos prohibere communionem suscipere sine cingulis, quibus sacrae scripturae testimoniis hoc prohibere jure probentur, nos penitus ignotamus, nisi forte.... и пр., у *Миля* въ Патр., т. 119, стр. 1000, n. LV, ср. митр. Кирилъ въ *Ак. Ист.*, т. I, стр. 18).

съ которою серьезной науке стыдно и не прилично востаться. Приходившіе проповѣдники изложили Владимиру догматы своихъ вѣръ; но этого для него не довольно, и онъ хочетъ еще испытать о нихъ. Въ чемъ же должно состоять испытаніе? „Пославъ испытать“ говорятъ будто бы Владимиру старцы и бояре, — „когождо ихъ службу, кто како служить Богу“, то-есть, испытаніе должно состоять въ согляданіи обрядовъ каждой вѣры. Къ великой чести историковъ прошлаго столѣтія мы должны сказать, что они обладали духомъ большей критики, чѣмъ нынѣшніе: Татищевъ и митрополитъ Платонъ ¹⁾ въ состояніи были понять, что испытаніе или согляданіе обрядовъ есть дѣло странное. Оно дѣйствительно есть дѣло не только странное, а просто совсѣмъ невѣроятное. Чтѣ такое многіе изъ обрядовъ? Внѣшнія дѣйствія, которыя сами по себѣ не имѣютъ существеннаго значенія, которыя для человѣка посторонняго остаются совершенно непонятными, и которыя не даютъ и рѣшительно не могутъ дать основательнаго понятія о вѣрѣ, коей они составляютъ внѣшнюю принадлежность. Какую же разумную цѣль имѣло бы со стороны Владимира отправленіе посольства смотрѣть непонятныя и не имѣющія ровно ничего сказать дѣйствія, и какими образомъ могло бы прійти на мысль отправить не имѣющее никакого смысла посольство? Идите, посмотрите, у котораго народа лучше совершается церковная служба; но чтѣ тутъ можетъ значить—лучше совершается: у кого она веселѣе совершается, у кого пышнѣе обставлена ²⁾? Неужели Владимиръ могъ въ чемъ-нибудь подобномъ полагать лучшую вѣру,

¹⁾ Татищевъ Истор. Росс. кн. II, прим. 180, стр. 406; Платонъ, Кратк. Церк. Росс. Ист., I, 24. Желая придать посольству смыслъ, они предполагаютъ, что оно отправлено было не для согляданія обрядовъ, а для испытанія догматовъ. Но догматы должны были наложить приходившіе послы, и какое побужденіе могло бы быть для изслѣдованія ихъ на мѣстѣ?

²⁾ Православный читатель, полагаясь, не преминетъ сказать: у кого она совершается стройнѣе и чиннѣе, благочиннѣе и назидательнѣе. Но все это можетъ говорить только онъ, православный, имѣя въ умѣ вѣрное представленіе о благочиніи и назидательности своего богослуженія и сравнивая съ нимъ богослуженія другихъ вѣръ. А съ какою стати пришло бы на мысль язычнику предполагать, что въ богослуженіи одной вѣры болѣе, въ богослуженіи другой вѣры менѣе этихъ качествъ? Развѣ можно предполагать а priori, само по себѣ, что есть вѣры, отличающіяся безчиніемъ и назидательностію богослуженія? Оставьте свою вѣру, оставьте всѣ вѣры христіанскія, возьмите вѣры языческія: будете ли вы предполагать, что богослуженіе однихъ между ними болѣе, а богослуженіе другихъ менѣе чинно и назидательно?

и не видитъ ли читатель, что дѣло получаетъ совсѣмъ, такъ сказать, тривиальный смыслъ? Какъ могло прійти на мысль заставить Владимира судить о достоинствѣ вѣры по достоинству обрядовъ позднѣйшему православному Русскому, или позднѣйшимъ таковымъ Русскимъ,—это не трудно понять, когда подобной мысли не находятъ странно даже и въ настоящее время. Какъ позднѣйшій православный Русскій могъ написать о впечатлѣніяхъ пословъ все то, что читается въ повѣсти, это, конечно, уже совсѣмъ для насъ понятно, — устами пословъ говорить намъ онъ самъ.

Но предположимъ даже, что посольство имѣло бы смыслъ, хотя имѣть его и не могло. Оно по прежнему останется все-таки дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Владимиръ рѣшился принять греческое или православное христіанство будто бы послѣ выбора между многими предложенными ему вѣрами: но этотъ выборъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, есть ли нѣчто мыслимое въ приложеніи къ данному случаю? Люди переменяютъ вѣру двоякимъ образомъ—или машинально, потому что это имъ приказываютъ, или по внутреннему и искреннему убѣжденію. Владимиръ переменялъ язычество на православное христіанство, конечно, не первымъ, а вторымъ образомъ. Еслибы допускался выборъ при машинальной переменѣ вѣры, то онъ былъ бы до нѣкоторой степени возможенъ,—именно выборъ вѣры болѣе выгодной въ томъ или другомъ внѣшнемъ отношеніи: но совмѣстимо ли понятіе выбора съ переменной: по убѣжденію? Если я переменяю одно мнѣніе на другое по искреннему убѣжденію, то очевидно, потому, что одно мнѣніе нахожу ложнымъ, а другое истиннымъ; какимъ же образомъ можетъ быть тутъ мѣсто выбору, то-есть, мѣсто выбору, когда у меня уже рѣшено, какое мнѣніе истинное вмѣсто моего прежняго ложнаго? Читатель, можетъ быть, не сразу насъ понимаетъ. Весьма простое дѣло состоятъ въ томъ, что при переменѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не бываетъ такъ, чтобы сначала я оставилъ мнѣніе ложное и потомъ сталъ искать истиннаго; но такъ, что я оставляю ложное мнѣніе только въ то самое время, какъ принимаю истинное, что одно замѣняетъ, и такъ сказать, вытѣсняетъ другое, и что эта смѣна происходитъ совершенно непосредственно. Точный образъ выраженія объ этой переменѣ мнѣній по искреннему убѣжденію не тотъ, что я принялъ такое-то мнѣніе (истинное) послѣ того, какъ оставилъ такое-то (ложное), но тотъ, что я оставилъ такое-то мнѣніе, *потому*

что принялъ такое-то; если оставляется прежнее мѣніе, то необходимо предполагается новое, которое вмѣсто него принимается, и это послѣднее есть причина, почему оставляется первое. Конечно, и при переѣзѣ мѣній по искреннему убѣжденію возможна внутренній выборъ, нѣбующій себя мѣсто въ самомъ человѣкѣ, ибо переѣзъ совершается посредствомъ внутренняго процесса мышленія и обсужденія; но этотъ выборъ составляетъ одно нераздѣльное съ самимъ душевнымъ актомъ переѣзъ ложнаго мѣнія на истинное, и послѣ того, какъ этотъ послѣдній совершился, не можетъ быть мѣста для вышшняго выбора мѣній, ибо такой выборъ уже сдѣланъ. Ясно, что слѣдуетъ изъ сейчасъ сказаннаго по отношенію къ переѣзѣ вѣры Владиміромъ. Если онъ рѣшился оставить свое язычество, то это могло быть только такъ, что вмѣсто него онъ рѣшился принять въ то же время другую извѣстную вѣру, но не могло быть такъ, чтобы онъ сначала рѣшился оставить язычество, а потомъ началъ выбирать себѣ другую вѣру; онъ могъ рѣшиться оставить одну вѣру только вмѣстѣ, тождественно и нераздѣльно съ тѣмъ, какъ рѣшился принять другую. Ergo минимый, произведенный будто бы имъ, выборъ вѣры представляетъ собою вещь невозможную. Мы знаемъ, что Владиміръ принялъ греческое православное христіанство; слѣдовательно, необходимо думать, что рѣшимость принять его явилась у него одновременно съ тѣмъ, какъ явилась рѣшимость оставить язычество, или что онъ непосредственно, безъ всякихъ выборовъ, переѣзнилъ одно на другое. А такимъ образомъ, если мы допустимъ, что приходили ко Владиміру послы или миссіонеры съ предложеніемъ вѣры, то необходимо думать, что, не убѣжденный ни однимъ изъ миссіонеровъ другихъ народовъ, онъ убѣжденъ былъ миссіонеромъ греческимъ, за чѣмъ безъ всякаго выбора вѣры и послѣдовало принятіе вѣры православной.

И такъ, повторяемъ, дѣло невозможное, чтобы Владиміръ выбиралъ вѣру и для этого посылалъ пословъ къ народамъ. Само по себѣ возможно только то, что къ нему приходили послы отъ народовъ съ предложеніемъ вѣры, и что проповѣдь посла греческаго имѣла своимъ слѣдствіемъ его обращеніе въ православное христіанство.

Но и этого возможнаго само по себѣ не было на самомъ дѣлѣ.

Кромѣ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, мы въ настоящее время имѣемъ трехъ древнихъ сказателей, которые говорятъ о крещеніи Владиміра. Они суть: митрополитъ Иларіонъ, современникъ Ярославъ, писавшій между 1037 и 1050 годами, монахъ Іаковъ, совре-

менникъ Ізяславовъ, писавшій около 1070 г., и Несторъ Печерскій, современникъ древнѣйшаго нашего лѣтописца, за котораго несправедливо принимается онъ самъ. Еслибы существовали факты, во-первыхъ, прихода ко Владимиру пословъ отъ народовъ, во-вторыхъ, его обращеніе въ православное христіанство проповѣдью посла или миссіонера Греческаго, то эти писатели должны бы знать и должны были бы сказать о нихъ. Но всѣ трое не только ничего не говорятъ о нихъ, а напротивъ того—положительно, прямо и ясно даютъ знать, что дѣло было совершенно иначе, именно—что Владимиръ рѣшился принять христіанство самъ собою безъ всякаго чьего-нибудь посредства, участія и содѣйствія.

Митрополитъ Іларіонъ говоритъ о крещеніи Владимира въ своемъ извѣстномъ Словѣ о законѣ и благодати. Въ повѣсти о немъ, читаемой въ лѣтописи, главная мысль та, что у Владимира и у всѣхъ Русскихъ достало ума и смысла отличить вѣру Грековъ отъ всѣхъ другихъ предлагавшихся имъ вѣръ, увидѣть, что она есть лучшая изъ всѣхъ вѣръ. Еслибы Іларіону было извѣстно что-нибудь о приходѣ ко Владимиру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ разныхъ вѣръ, то необходимо было бы предполагать, что и онъ, желая восхвалять великій смыслъ и остроуміе Владимира, — что онъ и дѣлаетъ,—обратилъ бы вниманіе именно на эту сторону дѣла, то-есть, на то, что Владимиръ, имѣвъ предъ собою и слушавъ многихъ проповѣдниковъ, не далъ увлечь себя проповѣдниками вѣръ ложныхъ или исповѣданія неправаго и умѣлъ увидѣть и понять, что изъ всѣхъ вѣръ должно быть отдано предпочтеніе вѣрѣ греческой. Но что же мы у него находимъ? Одною изъ наиболѣе заслуживающихъ удивленія чертъ въ поступкѣ Владимира, принявшаго христіанскую вѣру, Іларіонъ находитъ то, что составляетъ совершенную и діаметральную противоположность съ разказомъ лѣтописи, именно—находитъ заслуживающимъ удивленія то, что Владимиръ рѣшился принять эту вѣру, не бывъ никѣмъ въ ней просвѣщенъ и не бывъ никѣмъ къ ней призываемъ, что онъ, не слышавъ никакихъ проповѣдниковъ, своимъ великимъ умомъ въ состояніи былъ понять, что христіанство лучше язычества. „Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како възыска ты Христа?“ спрашиваетъ онъ Владимира. И отвѣчаетъ: „Не видѣ апостола, пришедша въ землю твою и ницетою своею и наготою и голодомъ же и жаждою сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща именемъ Христовымъ, болящія здравующа, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ встающе: сихъ всѣхъ не видѣ, како

убо вѣрова? Дивное чудо! Ини царіе и властеле видяще си вся бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, о блаженниче, *безъ всты сѣхъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумяхъ, яко есть Богъ единъ творецъ невидимыхъ и видимыхъ, небесныхъ и земныхъ, и яко посла въ міръ спасенія ради возлюбленнаго своего Сына.* И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И еже нѣмъ юродство мнится, тебѣ сила Божія виѣнися¹⁾. Въѣвшивая эти слова безъ предвѣстной мысли, безъ желанія во что бы ни стало отстоять разказъ гѣтописи, нельзя не сознаться и не согласиться, что въ нихъ говорится рѣшительно и діаметрально противоположное тому, что повѣствуется въ этой послѣдней.

Монахъ Іаковъ, лѣтъ около тридцати тому назадъ открытый преосвященнымъ Макаріемъ, записалъ „Похвалу князю Русскому Володимеру“, которая представляетъ собой совершенно первый по времени опытъ историческаго сказанія о крестителѣ Руси²⁾. Въ этой похвалѣ Іаковъ нарочито говоритъ о причинахъ, расположившихъ Владимира оставить язычество и принять христіанство. Ничего не зная и ничего ни единымъ словомъ не говоря и не намекая о послѣхъ, будто бы приходившихъ къ Владимиру убѣждать его перемѣнить вѣру, онъ объясняетъ его поступокъ, во-первыхъ, тѣмъ, что самъ Богъ „проявлявъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію Своею просвѣтилъ сердце его принять святое крещеніе“,—во-вторыхъ, тѣмъ, что „слышавъ о бабѣ своей Ольгѣ, какъ шедши къ Царюгороду приняла она святое крещеніе, и какъ пожила (послѣ этого) добръ предъ Богомъ, всѣми добрыми дѣлами украсившись“,—что все это слышавъ о бабѣ своей, Владимиръ возгорѣлъ желаніемъ подражать ей, и что это благое, разжженное въ немъ Духомъ Святимъ соревнованіе и сдѣлало его христіаниномъ. Такимъ образомъ, по словамъ монаха Іакова, Владимира расположили къ принатію христіанства во-пер-

¹⁾ Прибавл. къ Теор. Св. Отц., ч. II, 1844 г., стр. 242 (еще Иларіонъ напечатанъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн., 1848 г. № 7).

²⁾ Въ числѣ извѣстныхъ въ настоящее время первоначальныхъ нашихъ писателей монахъ Іаковъ занимаетъ по времени жизни, а следовательно, и по авторитету, какъ историческій свидѣтель, первое мѣсто послѣ митрополита Иларіона. Когда именно имъ написана похвала Владимиру—не извѣстно, но другое сочиненіе (Сказаніе объ убійствѣ Бориса и Глѣба), старшее настоящаго, писано до 1071 г.; следовательно приблизительно время написанія Похвалы можетъ быть определено такъ, какъ мы указали выше.

выхъ, то, на что указываетъ Иларіонъ — просвѣщеніе свыше, или иначе говоря, его собственный разумъ и его собственная воля, озаренные этимъ высшимъ просвѣщеніемъ, во-вторыхъ, примѣръ бабки Ольги.

Преподобный Несторъ Печерскій, какъ мы сказали, несправедливо принимаемый за лѣтописца, говорить о крещеніи Владимира въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Подобно двумъ предшествующимъ ничего не зная и не говоря о послыхъ, приходившихъ ко Владимиру, онъ говорить подобно имъ обоимъ, что Владимиръ рѣшился принять христіанство самъ собою, будучи побужденъ къ тому просвѣщеніемъ свыше, и отличается отъ двухъ предшествующихъ только тѣмъ, что какъ будто даетъ знать, что Владимиру было особенное, сверхъ-естественное откровеніе. Вотъ его слова: „Былъ въ тѣ годы князь, владѣвшій всею Русскою землею, по имени Владимиръ. Онъ былъ мужъ праведный и милостивый къ нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовицамъ, по язычннѣмъ вѣрой. Богъ сотворилъ ему „нѣкое занятіе“ ¹⁾, чтобъ онъ сталъ христіаниномъ, какъ въ древности Палакидъ ²⁾. Палакида былъ мужъ праведный и милостивый, только язычникъ вѣроу, какъ пишется въ его житіи; но когда увидѣлъ онъ явившагося ему Господа нашего Іисуса Христа, то поклонился ему и сказалъ: „Господи, кто ты и что велишь рабу твоему?“ Получивъ въ отвѣтъ: „Я Іисусъ Христосъ, котораго ты не вѣдая почитаешь, нди и крестися“, онъ тотчасъ взялъ жену и дѣтей своихъ и крестился... Такъ и съ симъ Владимиромъ явленіе Божіе сдѣлало то, что онъ сталъ христіаниномъ“ ³⁾.

Мы предполагаемъ, что повѣсть о крещеніи Владимира, помѣщенная въ лѣтописи, принадлежитъ самому лѣтописцу. Но изъ сейчасъ приведенныхъ нами писателей авторитетъ одного, какъ современника ему (Нестора), совершенно равенъ его авторитету, а авторитетъ двоихъ, какъ старшихъ по времени (Иларіона и Іакова), гораздо важ-

¹⁾ «Споу нѣкакѣ сотвори».

²⁾ Евстаѳіа Палакиды, римскаго мученика конца II вѣка, признаваемаго по житію отъ измечства въ христіанство, какъ указываетъ у преп. Нестора 20-го сентября.

³⁾ «Такъ и сему Владимиру явленіе Божіе быти ему крестыну створи же». Несторово Житіе Бориса и Глѣба напечатано нѣсколько разъ въ *Православн. Собесѣдн.* 1858 г., въ ч. 1-й, Бодянскимъ въ *Чтеніяхъ Общ. Нст. и Дрем.* 1859 г. въ кн. 1-й, и *Срезневскимъ* отдѣльно по такъ называемому Силивестровскому списку, С.-Пб. 1860 г.

нѣе. Фактъ прихода къ Владимиру пословъ и его обращенія въ христіанство проповѣдью посла греческаго, еслибъ онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, представлялъ бы собою въ исторіи крещенія Владимира такой крупный и важный фактъ, что не могъ бы не быть общезвѣстнымъ, и слѣдовательно, какъ таковой никимъ образомъ не могъ бы остаться неизвѣстнымъ упомянутымъ писателямъ; но зная о немъ, они никакъ не должны были бы пройти его молчаніемъ по той же самой его величайшей важности, по которой, въ случаѣ его существованія, не должны были бѣ остаться о немъ въ неизвѣстности. Между тѣмъ они не только ничего не говорятъ о немъ, а напротивъ того, прямо и ясно представляютъ дѣло совершенно иначе и совершенно устраняютъ всякую мысль о посольствѣ. Полагаемъ, отсюда совершенно необходимо слѣдуетъ то заключеніе, что фактъ посольства вовсе не существовалъ, и что оно есть ничто иное, какъ вымыселъ самого лѣтописца ¹⁾).

По это посольство есть вымыселъ и не самого лѣтописца, ибо повѣсть, какъ мы сказали выше, есть въ лѣтописи повдѣйшая вставка. По своимъ внутреннимъ достоинствамъ, какъ мы тоже говорили выше, повѣсть состоитъ изъ двухъ частей — изъ того, что было возможно въ дѣйствительности, какъ напримѣръ, приходъ ко Владимиру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣръ, и того, что было невозможно, каково отправленіе Владимиромъ своихъ собственныхъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ. Повѣсть сложена или сочинена была не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ, и именно начато было съ того, что въ дѣйствительности было невозможно, то-есть, съ сейчасъ упомянутого послѣдняго посольства.

Одновременно съ сочиненіями монаха Іакова преосвященнымъ Макаріемъ открыто и напечатано было „Житіе блаженнаго Володимира“, авторъ котораго не называетъ себя и вообще остается не извѣстнымъ. Самъ издатель, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе усволяютъ житіе тому же Іакову. Но это совершенно неосновательно. Извѣстія житія находятся въ такомъ рѣшительномъ несогласіи или противорѣчьи съ извѣстіями Іакова, что оно положительно устраняетъ

¹⁾ Если вѣрить свидѣтельству Никоновской лѣтописи (I, 62), въ 979 году приходили къ Ярополку послы изъ Рима отъ папы. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ они должны были приходить и къ Владимиру. Возможности прихода пословъ и имъ нисколько не отрицаемъ, но другое дѣло—дѣйствительно ли они приходили. Приходявъ къ Ярополку, послы папы могли и не приходить къ Владимиру.

мысль объ одномъ и томъ же авторѣ: по житію Владимиръ крестился въ Корсунѣ послѣ ея ваятія, а по Іакову онъ крестился за два года до похода на этотъ городъ. Наше житіе Владимира, принадлежащее неизвѣстному автору, содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, разказъ о томъ, какъ Владимиръ посмалъ пословъ къ разнымъ народамъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, во-вторыхъ, разказъ о походѣ его на Корсунъ и о крещеніи въ ней, и въ-третьихъ, разказъ о томъ, какъ онъ низвергъ въ Кіевѣ идоловъ и крестилъ его жителей, какъ создалъ церкви Богородицы Десятинную и какъ, проживъ добродѣтельно въ христіанствѣ, умеръ на Берестовомъ. То-есть, по отношенію къ исторіи крещенія Владимірова, житіе разказываетъ то, что составляетъ вторую часть повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, и не разказываетъ того, что составляетъ ея первую часть (о приходѣ ко Владимиру пословъ отъ народовъ). Это житіе Владимира, какъ оказывается изъ его сличенія съ повѣстью, помѣщеною въ лѣтописи, имѣетъ то несомнѣнное и очевидное къ ней отношеніе, что или само служило источникомъ для второй части послѣдней, или наоборотъ эта вторая часть служила источникомъ для него ¹⁾. Которое же изъ двухъ есть первообразъ, и которое позднѣйшая редакция? Отвѣтъ, полагаемъ, асенъ и несомнѣнъ. Еслибы повѣсть принадлежала лѣтописцу и была помѣщена первоначально въ лѣтописи, то могло ли бы случиться, чтобы потомъ пришлось кому-нибудь на мысль вынуть ее оттуда, написать отдѣльно и выдать за особое сочиненіе? Думаемъ, что предположить этого невозможно, и что необходимо предполагать противоположное, то-есть, что повѣсть, явившись сначала въ видѣ отдѣльной повѣсти, была потомъ (дополненная) внесена въ лѣтопись ²⁾. Что это

¹⁾ Разказъ житія по мѣстамъ сокращеніе, чѣмъ разказъ повѣсти, но тамъ, гдѣ они совсѣмъ отягчаютъ другъ друга, сходство почти постоянно до такой степени буквальное, что не можетъ быть никакого сомнѣнія на счетъ ихъ указанного взаимнаго отношенія. Между житіемъ и повѣстью есть нѣкоторыя небольшія разности въ извѣстіяхъ, но разности эти могутъ значить только то, что одно изъ двухъ сказаній, представляющее собою позднѣйшую редакцію по отношенію къ другому, нѣсколько направлено противъ своего первообраза.

²⁾ Могутъ возразить намъ, что составители сборниковъ нѣмъ обычай выписывать отдѣльныя статьи изъ большихъ сочиненій, и что въ видѣ такой отдѣльной выписки мы имѣемъ именно часть нашей повѣсти въ одной рукописи Румянцевскаго музея (*Восток.*, Опис. Рук. Рум. Муз., № 306, стр. 434). Но составители сборниковъ, выписывая статьи, не придавали имъ вида особыхъ сочиненій, а такъ выписки и помѣщали въ ооръ выписокъ, каковую имѣетъ и наша повѣсть въ Румянцевской рукописи.

именно такъ, съ совершенною несомнѣвностію доказывается тѣмъ, что въ отдѣльномъ видѣ житія Владимірова, какъ мы сказали, повѣсть представляетъ только половину противъ того, что читается въ лѣтописи. Еслибы неизвѣстный кто-то взялъ повѣсть изъ лѣтописи, съ тѣмъ чтобы представить ее въ видѣ отдѣльнаго сказанія, то какія имѣлъ бы онъ побужденія сокращать ее, выбрасывая изъ нея цѣлую первую половину и такимъ образомъ давая въ отдѣльномъ видѣ не большее, что было бы естественно, а напротивъ того—на половину меньшее, слѣдовательно, отнимая у отдѣльнаго сказанія всякое значеніе? Напротивъ, если мы предположимъ обратное, тогда дѣло будетъ для насъ ясно: повѣсть первоначально сочинена неизвѣстнымъ кѣмъ-то въ томъ видѣ, какъ она читается отдѣльно, подъ именемъ „Житія блаженнаго Володимира“, а новый распространенный видъ, въ какомъ она находится въ лѣтописи, она получила уже послѣ, отъ кого-то неизвѣстнаго другаго ¹⁾. Наконецъ, что не повѣсть по отношенію

¹⁾ Можно бы предположить, что житіе представляетъ собою половину противъ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, не потому, чтобы вышло такимъ изъ рукъ автора, а потому просто, что пока мы имѣемъ только неполное, безъ первой половины, списки его. Но противъ этого предположенія говорить то, что въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ мы имѣемъ житіе не безъ начала, а съ настоящимъ, какъ слѣдуетъ быть, началомъ, не дающимъ никакого права и основанія предполагать, чтобы въ настоящемъ видѣ житіе было только отрывкомъ. Житіе, послѣ предисловія о Владимірѣ, начинается свое повѣствованіе словами: «*ходиша же слуги его въ Волгары и въ Нѣици*». Это же какъ будто даетъ знать, что тутъ не настоящее начало; но если мы примемъ предположеніе, о чемъ говоримъ сейчасъ ниже, что авторъ его Грекъ, то неумѣстное, по видимому, въ данномъ случаѣ *же* для насъ объяснится: оно тогда будетъ греческимъ *δε*, которое постоянно употребляется у Грековъ въ началѣ рѣчи вмѣсто *ήν* или *οὗν* и соответствуетъ по значенію нашему *итакъ* (*такъ вотъ*; оборотъ преевропейской рѣчи: *такъ вотъ* было то-то). За неповрежденность и полноту житія, какъ мы имѣемъ его въ настоящемъ видѣ, неожиданнымъ образомъ, хотя пока и несовершенно удостовѣрительно — говорить еще одно обстоятельство. На греческомъ языкѣ существуетъ извѣстное, открытое Бандуриемъ, сказаніе о крещеніи Владиміра, по которому славянская азбука изобрѣтена для насъ. Въ найденной Бандуриемъ рукописи сказаніе не имѣетъ начала; но если предположить, что недостаетъ не весьма многого, а только очень не многого—нѣсколькихъ строкъ, то окажется, что это сказаніе, какъ и славянское житіе Володимира, также начинается прямо съ разказа о послахъ Владиміра, умолчивая о послахъ, приходившихъ къ нему, изъ чего будетъ слѣдовать, что авторъ его кѣмъ-то изъ себя подъ руками славянскій источникъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ житіе Володимира. Могутъ возразить намъ, что отдѣльными сказаніями выписывались составителями сборниковъ и не въ цѣломъ видѣ, а въ отрывкахъ

къ житію, а послѣднее по отношенію къ первой есть первообразъ, это совершенно рѣшительно доказывается и частностями текста обоихъ. Житіе, будучи кратче повѣсти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не содержитъ весьма интересныхъ и весьма важныхъ подробностей (напримѣръ, сначала о пребываніи пословъ Владимира въ Константинополѣ и потомъ о чудѣ съ нимъ въ Корсуни); но что бы это былъ, такъ сказать, за противоестественный подвѣйшій редакторъ, который захотѣлъ бы сокращать сказаніе въ ущербъ интересу и важности его извѣстій?

Не особенно важно знать, кто былъ авторъ житія блаженнаго Володимира, первый творецъ повѣсти объ его крещеніи, помѣщенной въ лѣтописи. Но могутъ быть сдѣланы объ этомъ знаменитомъ въ своемъ родѣ авторѣ нѣкоторыя предположенія, именно—то, что, по всей вѣроятности, онъ былъ не Русскій, а Грекъ. Въ своей заключительной молитвѣ авторъ взываетъ: „О святая царица *Константине* и Володимире! Помогайта на противная сродникомъ сваю и люди избавляйта отъ всякихъ бѣдъ *греческихъ* и *рускихъ*“ ¹⁾. Несомнѣнно, что подчеркнутыя нами слова даютъ если не совершенное, то весьма большое право видѣть въ авторѣ Грека, ибо отъ Русскаго память о Грекахъ была бы примѣромъ весьма неожиданнымъ, и сколько можемъ припомнить, совсѣмъ единственнымъ ²⁾.

(какъ сдѣлана выписка изъ лѣтописи и нашей повѣсти въ Румянцевской рукописи № 306); но мы уже говорили выше, что житіе Владимира имѣетъ форму не простой выписки, а настоящаго цѣльнаго сказанія.

¹⁾ На греческое происхожденіе автора указываютъ, хотя и не несомнительно, и нѣкоторыя частности текста. Рѣчь пословъ о богослуженіи Волгарь читается: «Смотрихомъ, како покланяются Волгаре въ ропатъ»; ропата есть среднеазіовое греческое *ράκατιον* (*Дюканна*, *Glossa*. *Graecis*.). Вмѣсто попы у автора въ одномъ мѣстѣ (въ разказѣ о крещеніи Владимиромъ народа) стоитъ папѣ, что очевидно, есть греческое *παπας*.

²⁾ Изъ Грековъ, на которыхъ можно гадать съ нѣкоторою вѣроятностію, намъ извѣстенъ пока только одинъ, это—монахъ Θεодосій, жившій въ Кіевѣ вѣроятно, въ качествѣ какого-нибудь чина при митрополитѣ въ первой половинѣ XII вѣка и переведшій съ греческаго языка на славянскій, по проשבѣ Черниговскаго князя Николая Святоши, поддѣлавшагося въ Печерскомъ монастырѣ (съ 1106 по 1142 или 43 г., Лѣтоп. и Патер. Печерск.), посланіе папы Льва Великаго къ Константинопольскому патріарху Флавіану о Халкидонскомъ соборѣ (Напечатано въ *Ученыхъ Зап.* *Истор. и Древн.*, 1848 г., № 7. Грашныи Θεодосій, сдѣлавшій изъ лѣтописи выписку повѣсти о крещеніи Владимира, читавшую въ Румянцевской рукописи, № 306, у *Восток.*, стр. 434, къ намъ не относится, ибо, во-первыхъ, его выписка вовсе не одно и то же съ нашимъ житіемъ, во-вторыхъ, см. о немъ въ *Ученыхъ Зап.* о языки и словесности II-го Отд.

И такъ, повѣсть о крещеніи Владимира, помѣщенная въ лѣтописи, въ той изложенной нами части своей, гдѣ она говоритъ о приходѣ къ Владимиру пословъ съ предложеніемъ вѣръ и о посланіи Владимиромъ своихъ пословъ для осмотра вѣръ на мѣстахъ, есть не что иное, какъ позднѣйшій вымыселъ, первоначально явившійся въ томъ видѣ, какъ читаемъ Житіе блаженнаго Володимера, а потомъ кѣмъ-то распространенный и дополненный.

Послѣ пословъ къ Владимиру и отъ него далѣе слѣдуетъ въ повѣсти, какъ и въ Житіи Володимера, что онъ завоевалъ вѣру, именно что онъ отправился въ походъ на Корсунь, взялъ ее и въ ней крестился. Оказывается, что и это весьма педоумѣнное и весьма оригинальное и тоже единственное въ исторіи завоеваніе вѣры есть не что иное, какъ вымыселъ автора житія. Нѣсколько выше мы приводили слова монаха Іакова, который въ правленіе Ізяслава написалъ Похвалу Владимиру, представляющую собою самый первый по времени опытъ историческаго о немъ сказанія. По свидѣтельству этого монаха Іакова, которому мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять, и вопреки свидѣтельству повторяемаго повѣстью житія, которому мы имѣемъ всѣ основанія не вѣрить, Владимиръ крестился не въ Корсунѣ, послѣ того какъ взялъ ее, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и до похода на Корсунь, который онъ предпринималъ уже будучи христіаниномъ и спустя два года послѣ крещенія.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго выше и послѣ сейчасъ къ тому присказаннаго, мы получимъ для исторіи крещенія Владимира слѣдующее отрицательное: вопервыхъ—онъ склоненъ былъ къ принятію православнаго христіанства не проповѣдью приходившаго къ нему миссіонера греческаго или какого бы то ни было православнаго, а кѣмъ-то другимъ; вовторыхъ, онъ крестился не въ Корсунѣ отъ Грековъ, а гдѣ-то и отъ кого-то прежде.

Покончивъ съ тѣмъ, чего не было, обращаемся теперь къ тому, что могло быть и на самомъ дѣлѣ было, именно—что расположило Владимира къ принятію христіанства, отъ кого, когда и гдѣ онъ его принималъ?

Начнемъ съ послѣдняго: „отъ кого, когда и гдѣ“.

Въ вопросѣ о принятіи Владимиромъ христіанской православной вѣры содержатся два отдѣльные вопроса—вопервыхъ: кѣмъ онъ обра-

Акад. Н. 1854 и 1855 гг. статью преосв. Макарія: Записки о Феодосіи, списателя Житія Володимерова).

щенъ въ нее, или кто былъ ея предъ нимъ проповѣдникомъ, и восторыхъ: отъ кого онъ принялъ крещеніе.

Для проповѣди православнаго христіанства къ Владимиру не приходили ни посолъ греческій, о которомъ говорятъ повѣсти, ни какой бы то ни было сторонній миссіонеръ. Слѣдовательно, его проповѣдниковъ нужно искать дома, и слѣдовательно, ясно, что таковыми были тѣ Варяги-христіане, которые въ весьма большомъ числѣ находились въ Кіевѣ со времени Игоря. Эти Варяги-христіане сдѣлали внутреннимъ христіаниномъ Игоря и расположили открыто принять христіанство его супругу Ольгу: они жъ обратили въ христіанство и Владимира. Если эти домашніе христіане въ состояніи были обратить къ христіанству и въ христіанство двоихъ первыхъ, то очевидно, они столько же могли сдѣлать и съ послѣднимъ; а тѣмъ самымъ устраняются и всякіе вопросы о возможности дѣла. Чтò расположило Владимира къ принятію христіанства, о томъ мы будемъ говорить ниже,—а здѣсь для полноты мы только должны не оставить сказать, что, по видимому, о такомъ неожиданномъ обстоятельстве, какъ обращеніе Владимира въ христіанство домашними Варягами-христіанами, мы находимъ записанное преданіе, и именно—въ одной исландской сагѣ ¹⁾.

Что касается до крестителей Владимира въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, или до тѣхъ, отъ кого онъ принялъ самое крещеніе, то здѣсь возможно предполагать нѣсколько случаевъ: вопервыхъ, онъ могъ быть крещенъ священниками тѣхъ же домашнихъ Варяговъ-христіанъ, которыми обращенъ былъ въ христіанство или расположенъ къ его принятію, восторыхъ, онъ могъ послать за крестителями въ Грецію или въ Болгарію, вторыхъ, онъ самъ могъ пойдти для крещенія въ ту или другую изъ сейчасъ названныхъ странъ.

Наиболѣе вѣроятнымъ представлялось бы думать, что, рѣшившись принять христіанскую вѣру, Владимиръ тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ Греками, отъ которыхъ онъ долженъ былъ получить іерархію и церковное управленіе, и съ которыми его церковная связь вообще необходимо предполагалась. Какъ однако это ни вѣроятно само по себѣ, и какъ на оборотъ ни мало съ перваго взгляда вѣроятно то, чтò было въ дѣйствительности, однако песомнѣнно, что

¹⁾ Объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ, конунгѣ Норвежскомъ, который, крестившись въ Греціи, убѣдилъ потомъ къ принятію христіанства и Владимира. Оага напечатана въ *Историч. Сборн. Общ. Ист. и Древн.*, т. IV, кн. 1.

Владимиръ принялъ крещеніе не отъ Грековъ и безъ всякихъ сношеній съ ними, и что онъ не завязывалъ съ ними таковыхъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ послѣ крещенія. Выше мы привели свидѣтельство монаха Іакова, что Владимиръ только спустя два года послѣ крещенія взялъ у Грековъ Корсунь. Но вѣстѣ съ тѣмъ монахъ Іаковъ совершенно ясно даетъ знать, что сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ Греками послѣ взятія Корсуни, были первыми его сношеніями съ ними послѣ принятія христіанства, что походъ на Корсунь именно и предпринятъ былъ съ тою цѣлю, чтобы завязать ихъ ¹⁾. Іаковъ говоритъ, что Владимиръ предпринималъ этотъ походъ, между прочимъ, съ тою цѣлю, чтобы привести на свою землю христіанъ и священниковъ, которые научили бы его людей закону христіанскому. Еслибы Владимиръ прежде имѣлъ сношенія съ Греками, то эти столь необходимыя христіане и священники, очевидно, были бы и приведены въ Россію прежде; если же сего не было, то необходимо слѣдуетъ, что не было и сношеній. Дѣйствительно странный и неожиданный фактъ, что Владимиръ цѣлые два года послѣ крещенія не вступалъ въ сношенія съ Греками, основывается и не на одномъ только свидѣтельствѣ монаха Іакова, хотя и ему одному мы не имѣли бы совершенно никакого права отказать въ вѣрѣ. Ниже мы увидимъ, что Россія въ продолженіе довольно долгаго времени послѣ крещенія Владимірова оставалась безъ митрополита и безъ надзирающаго церковнаго управленія. Но еслибы Владимиръ крестился отъ Грековъ, то какія причины могли бы воспрепятствовать послѣднимъ дать намъ митрополита и ввести у насъ полное церковное управленіе тотчасъ же послѣ этого крещенія? Никакихъ причинъ придумать нельзя, и слѣдовательно, единственно возможное изъ сего заключеніе есть то, что Владимиръ крестился не отъ Грековъ, и что въ продолженіе того или другаго времени послѣ крещенія онъ дѣйствительно не завязывалъ съ ними сношеній. Наконецъ, можемъ прибавить и то, что лѣтописцы греческіе не говорятъ о крещеніи Владиміра отъ нихъ, хотя и говорятъ о его женитьбѣ на греческой царевнѣ.

Если не Греки были крестителями Владиміра, то или Болгары, или домашніе христіане.

¹⁾ По Іакову, также, какъ и по лѣтописи, Владимиръ женился на греческой царевнѣ послѣ взятія Корсуни, то-есть, по Іакову—спустя два года послѣ крещенія.

Послѣ принятія христіанской вѣры Владимиръ имѣлъ нужду входить въ сношенія съ Болгарами для заимствованія отъ нихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Есть нѣкоторые положительные признаки, располагающіе думать, что эти сношенія съ Болгарами имѣли мѣсто прежде начала сношеній съ Греками. Но, во всѣмъ тѣмъ, не представляется вѣроятнымъ, чтобы Владимиръ крестился отъ нихъ, то-есть, чтобы вознамѣрившись принять христіанство, онъ вступилъ въ сношенія съ ними до крещенія, и чтобы для этого онъ или вызывалъ къ себѣ крестителей отъ нихъ, или самъ бы ходилъ къ нимъ креститься. Для чего бы онъ это сдѣлалъ? Для придапія акту крещенія большей торжественности? Но въ такомъ случаѣ, ему естественно было бы обратиться къ Грекамъ. Притомъ, какъ мы увидимъ сейчасъ ниже, едва ли слѣдуетъ думать, чтобы этому акту своего крещенія Владимиръ искалъ придать торжественность. А такимъ образомъ относительно вопроса объ его крестителяхъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, что, обратившись въ христіанство Киевскими Варягами-христіанами, онъ и крещенъ былъ просто русскими священниками этихъ послѣднихъ.

Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, относитъ крещеніе Владимира къ 988 году. Но и это оказывается не совсѣмъ точнымъ. По свидѣтельству монаха Іакова (въ Похвалѣ Владимиру) и преп. Нестора Печерскаго (въ Житіи Бориса и Глѣба), Владимиръ крестился въ 987 г.; именно—первый изъ нихъ говоритъ, что Владимиръ, умершій въ 1015 г., пожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ, а второй прямо говоритъ, что оно было въ лѣто 6495 отъ сотворенія міра. Въ пользу Іакова и Нестора говорятъ и лѣтописцы греческіе: Владимиръ взялъ Корсунъ послѣ крещенія черезъ два года на третій (по свидѣтельству Іакова), а по сейчасъ названнымъ лѣтописцамъ это могло быть не позднѣе начала 989 года ¹⁾.

¹⁾ Послѣ взятія Корсуни Владимиръ оказалъ военную помощь императорамъ Греческимъ, боровшимся съ однимъ бунтовщикомъ, а эта помощь могла быть оказана не позднѣе апрѣля 989 г., *Krug's Chronologie der Byzantier*, 319. По Іакову, Владимиръ «послѣ крещенія на пятое лѣто Переваславъ заложилъ», а «въ девятое деситину вѣдѣ церкви Богородицы»; снесъ эти показанія съ годами лѣтописи, получимъ годъ крещенія 987. У Іакова читается, что Владимиръ крестился въ десятое лѣто по убіеніи Ярополка; но тутъ должно видѣть ошибку вѣсто девятое, такъ это и читается въ Псковской лѣтописи (Собр. Лѣт., IV, 175.). Для свидѣнія замѣтимъ, что одинъ грамотѣй XVI в. днѣмъ крещенія Владимира и всей Руси полагаетъ 1-е августа, Опис. Синод. Русск. Горск. и Невостр., N, 323 и 449).

И такъ, отстранивъ баснословіе повѣсти, мы получаемъ относительно обращенія Владимира въ христіанство и его крещенія слѣдующее немногое: подобно своему дѣду Игорю и своей бабушкѣ Ольгѣ, Владимиръ расположенъ былъ къ принятію христіанства кievскими Варягами-христіанами; онъ крещенъ былъ, по всей вѣроятности, священниками этихъ Варяговъ-христіанъ; годъ его крещенія есть 987-й, который былъ девятымъ годомъ его правленія.

Выше мы указали то странное обстоятельство, что Владимиръ вошелъ въ сношенія съ Греками не при самомъ своемъ обращеніи въ христіанство, а только спустя два года послѣ крещенія. Теперь мы снова должны обратиться къ нему. Обстоятельство, дѣйствительно, весьма странное, но въ то же время мы не имѣемъ ни малѣйшаго права въ немъ сомнѣваться, ибо мы не имѣемъ совершенно никакихъ основаній заподозрѣвать достовѣрность историческихъ показаній монаха Іакова. Какъ же его понимать и какъ же его себѣ толковать?

Оно можетъ быть объяснено, если мы предположимъ нѣчто, чего обыкновенно не предполагается, но что предположить весьма возможно и естественно, и что, при нѣскольکو внимательномъ осмотрѣ наличныхъ данныхъ, неожиданно оказывается даже имѣющимъ за себя положительныя основанія. Дѣло о крещеніи Владимира обыкновенно представляется такъ, что рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, онъ тотчасъ же приступилъ и къ крещенію всего своего народа. Но дѣло могло быть и иначе. Рѣшившись принять христіанство и крестившись самъ, Владимиръ могъ не вдругъ приступить къ крещенію народа. Вѣрѣ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, и забывая о всякой естественности, обыкновенно полагають, что приказаніе всему народу креститься было для Владимира очень легко. Въ дѣйствительности этого, конечно, не могло быть такъ. Перемѣнить вѣру для народа не шутка, а потому и приказать это нельзя слегка. Игорь и Ольга не отважились на то, чтобы ввести въ Россію христіанство; Владимиръ отважился на это: но что удивительнаго, что прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать, онъ довольно долгое время собирался съ духомъ? Крестившись самъ, Владимиръ могъ находить нужнымъ и благоразумнымъ подготовить народъ къ перемѣнѣ вѣры, и такимъ образомъ между его собственнымъ крещеніемъ и крещеніемъ народа могло пройти то или другое значительное время. Мы сказали, что для этого своего предположенія мы находимъ даже положительныя основанія: таковое основаніе представляетъ собою кре-

щеніе Новгорода. Еслибы Владимиръ приступилъ къ крещенію всего собственнаго народа тотчасъ послѣ своего крещенія, то для Новгорода, конечно, не было бы сдѣлано исключенія, а между тѣмъ мы знаемъ, что онъ крещенъ былъ не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія Владимира, а спустя пять лѣтъ послѣ него, когда прибыли уже изъ Греціи митрополитъ и епископы. И такъ, допустивъ предположеніе, что Владимиръ не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія приступилъ къ крещенію народа, мы поймемъ и то, по видимому, странное обстоятельство, что не передъ собственнымъ крещеніемъ и не тотчасъ послѣ него онъ вступилъ въ сношенія съ Греками. Крестившись самъ, но еще не рѣшавшись приступить къ крещенію народа, Владимиръ не вступалъ въ сношенія съ Греками, потому что его собственное крещеніе было дѣломъ частнымъ, и что пока онъ еще не имѣлъ нужды въ этихъ сношеніяхъ, пока, до общаго крещенія народа, онъ могъ удовольствоваться только тѣмъ, что сталъ членомъ кіевской христіанской общины ¹⁾.

Выше мы сказали, что едва ли слѣдуетъ думать, чтобы дѣйствіемъ своего крещенія Владимиръ хотѣлъ придать торжественность. Теперь, надѣмся, читатель понимаетъ наши слова. Если Владимиръ приступилъ къ крещенію всего народа не тотчасъ послѣ собственнаго крещенія, то-есть, если онъ находилъ нужнымъ вести дѣло съ осторожностію, то весьма возможно предполагать, что это послѣднее было совершенно не только не торжественно, а совсѣмъ скрытно отъ народа, что Владимиръ нашелъ благоразумнымъ поступить такъ, чтобы не объявлять народу о своемъ намѣреніи принять христіанство, а объявиться ему уже послѣ принятія послѣдняго. Объявляя о намѣреніи, Владимиръ могъ бы опасаться болѣе или менѣе сильныхъ протестовъ, а совершившійся фактъ могъ быть легче и удобнѣе названъ народу. Повѣсть, помѣщенная въ лѣтописи, разказавъ о крещеніи Владимира въ Корсуни, прибавляетъ: „Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестился естъ (Владимиръ) въ Кіевѣ, инѣи рѣша: въ Василевѣ, друзіи же инако скажуть“. Намъ кажется, что въ этихъ, по мнѣнію автора повѣсти, недостоверныхъ слухахъ, на самомъ дѣлѣ и нужно искать правды, именно—намъ кажется, что вѣроят-

¹⁾ Для убѣжденія тѣхъ, кому показалось бы страннымъ и невѣроятнымъ представлять дѣло такимъ образомъ, мы сошлемся на примѣры, во первыхъ, не очень задолго до Владимира крестившагося Польскаго короля Мечислава I, и повторныхъ, весьма скоро послѣ него крестившагося Венгерскаго короля Стефана I. Оба эти государя крестились и нѣкоторое время были христіанами, именно въ томъ скромномъ образѣ, какъ это мы предполагаемъ о Владимирѣ.

нѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владимира должно считать Василевъ. Если онъ хотѣлъ креститься скрытно отъ народа, то естественно было сдѣлать ему это не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь въ своемъ помѣстьи, каковымъ могъ быть Василевъ. Свое названіе послѣдній, очевидно, получилъ отъ христіанскаго имени Владимира: не весьма ли естественно предположить, что онъ получилъ его именно въ память крещенія въ немъ князя? ¹⁾.

И такъ, къ сказанному выше исторія крещенія Владимира дополняется слѣдующими вѣроятными обстоятельствами: рѣшившись принять христіанство самъ и крестить въ него весь свой народъ, Владимиръ не нашелъ возможнымъ сдѣлать того и другаго одновременно; сначала онъ крестился самъ, не открыто и торжественно, а тайно отъ народа, и потомъ уже, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго приготовленія, рѣшился приступить и къ крещенію народа.

Новгородъ былъ крещенъ, какъ мы сказали, спустя четыре года послѣ собственнаго крещенія Владимира, именно послѣ похода на Корсунь, послѣ женитьбы на греческой царевнѣ и послѣ приведенія изъ Греціи митрополита и епископовъ. Такъ какъ Новгородъ былъ старѣйшимъ послѣ Кіева городомъ, который не могъ быть крещенъ позднеѣ другихъ городовъ, то на основаніи этого представляется необходимымъ думать, что къ крещенію всѣхъ другихъ городовъ, за исключеніемъ самаго Кіева, было приступлено не ранѣе, какъ одновременно съ нимъ—Новгородомъ. Но когда крещенъ былъ самый Кіевъ? Еслибы можно было положиться на то указаніе автора Житія Володимерова и повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, что Кіевляне были крещены попами царицыными и корсунскими, то это значило бы, что они были крещены, и слѣдовательно, что вообще къ крещенію народа было приступлено только послѣ того же похода на Корсунь или спустя не менѣе двухъ слишкомъ лѣтъ послѣ собственнаго крещенія Владимира. Не полагаясь совсѣмъ на упомянутое указаніе, мы съ своей стороны находимъ весьма вѣроятнымъ представлять такъ дѣло само по себѣ. Именно, намъ думается, что до похода на Корсунь Владимиръ крестилъ своихъ дѣтей и всѣхъ своихъ домашнихъ, старался распространять христіанство, такъ сказать, частнымъ образомъ между своими приближенными и въ дружины или войска—и пока только. Крещеніе Кіевлянъ, то есть, всей

¹⁾ Василевъ, въ настоящее время Васильковъ, на р. Стугнѣ, въ 36 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева.

ихъ массы, было бы рѣшительнымъ приступомъ къ введенію христіанства во всей Россіи; но едва ли можно думать и полагать вѣроятнымъ, чтобы Владимиръ нашелъ удобнымъ отдѣлять приступъ отъ дѣла значительнымъ промежуткомъ времени.

Выше мы сказали о существованіи признаковъ, по которымъ слѣдовало бы заключать, что послѣ крещенія до начала сношеній съ Греками Владимиръ имѣлъ сношенія съ Волгарами. Нѣкоторые лѣтописи наши и нѣкоторые другіе памятники полагаютъ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаила, который, по словамъ лѣтописей, будучи полученъ тотчасъ послѣ крещенія Владимира, управлялъ русскою церковію до 991 г. Если этотъ Михаилъ дѣйствительно существовалъ, то онъ былъ не митрополитъ, а епископъ, ибо, какъ говорить тѣ же лѣтописи, при немъ еще не было учреждено въ Россіи епископскихъ кафедръ, и онъ, не имѣя при себѣ епископовъ, былъ единичнымъ русскимъ архіереемъ. Но если онъ былъ епископъ, а не митрополитъ, то необходимо думать, что онъ былъ полученъ отъ Волгаръ, а не отъ Грековъ: ибо послѣдніе съ какой стати не прямо учредили бы у насъ митрополію съ епископіями, а сначала дали бы намъ одного епископа? Впрочемъ, такъ какъ существованіе помянутаго Михаила вовсе не можетъ быть признано надежнымъ, то и мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ для заключенія, чтобы Владимиръ имѣлъ сношенія съ Волгарами именно до начала сношеній съ Греками, и вопросъ о времени этихъ сношеній долженъ быть рѣшаемъ въ области простой вѣроятности. Мы возвратимся къ нему послѣ.

Прежде чѣмъ обращаться къ рѣши о томъ, что побудило или расположило Владимира оставить язычество и принять христіанство, считаемъ нужнымъ покончить съ повѣстью объ его крещеніи, помѣщенной въ лѣтописи. Мы сказали, что первоначальный сочинитель повѣсти есть неизвѣстный авторъ Житія Володимирова, который, по всей вѣроятности, долженъ быть приписываемъ за Грека и который сочинилъ не всю повѣсть, какъ она читается въ лѣтописи, а только вторую ея половину, начиная съ разказа объ отправленіи Владимиромъ пословъ для осмотра вѣръ разныхъ народовъ. Не разыскивая, кто досочинилъ повѣсть и придалъ ей тотъ окончательный видъ, какой она имѣетъ въ лѣтописи,—что для насъ не особенно важно,—скажемъ только о самомъ Житіи Володимира, представляющемъ собою ея первоначало. Простой ключъ къ разрѣшенію задачи, такимъ образомъ явилось на свѣтъ это житіе, заключающіеся въ уже въ томъ одномъ обстоятельстве, что авторъ его былъ Грекъ. Совершенно

естественно было желать Грекамъ какъ можно крѣпче утверждать Русскихъ въ той мысли, что принятая ими греческая вѣра есть вѣра самая лучшая; у средневѣковыхъ Грековъ, къ числу которыхъ принадлежалъ нашъ авторъ, не было въ обычаѣ останавливаться предъ измышленіями, когда они оказывались нужными: такимъ образомъ, совершенно естественно и возможно было бы предполагать, что неизвѣстный авторъ-Грекъ намѣреннымъ образомъ сочинилъ свою повѣсть съ сейчасъ указанною цѣлію. Но и предполагать этого вовсе не представляется необходимости; дѣло можетъ быть изъяснено, а мы думаемъ, что и должно быть изъяснено—гораздо проще, именно—что тутъ не было умысленной намѣренности, а случилось невинное недоразумѣніе. Въ Никоновской лѣтописи мы читаемъ подъ 1001 годомъ: „Того же лѣта посла Володимиръ гостей, аки въ послѣхъ въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ“ (I, III). Согласимся предположить, что это извѣстіе, вѣрное или невѣрное, не есть позднѣйшее измышленіе, а читалось уже въ лѣтописяхъ временъ нашего автора, и для насъ разъяснится болѣе чѣмъ цѣлая половина дѣла. Посольство, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись, было, по ея свидѣтельству, не до крещенія, а послѣ него и не для согляданія вѣръ, а для согляданія жизни и быта народовъ, то-есть, было подобно посольствамъ и поѣздкамъ Петра Великаго въ западную Европу или посольствамъ туда же пингвинскихъ Китайцовъ и Японцевъ. Но авторъ-Грекъ могъ не самъ читать извѣстіе въ лѣтописи, а слышать его устно отъ несовсѣмъ толковыхъ разказчиковъ, или и самъ читавши, могъ перепутать и вообразить, что посольство имѣло мѣсто не послѣ, а до крещенія. Если случилось у него тѣмъ или другимъ образомъ это послѣднее, то вотъ у него и готовъ былъ разказъ о послахъ Владимира для осмотра вѣръ, по видимому, основанный на русской лѣтописи. Еще проще изъясняется остальная половина повѣсти. Есть вся вѣроятность предполагать, что нашъ авторъ имѣлъ у себя въ рукахъ Похвалу Владимиру монаха Іакова, потому что онъ несомнѣнно имѣлъ въ рукахъ его другое сочиненіе ¹⁾. Но въ этой похвалѣ онъ читалъ, что Владимиръ, стоя подъ осажденною Корсунью, молился Богу: „Господи Воже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, да научать люди закону крестьянскому“. У монаха Іакова совершенно

¹⁾ Сказаніе страстей о убіеніи святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба.

ясно говорится, что Владимиръ молился такъ уже на третій годъ послѣ крещенія. Но предположите въ авторѣ-Грекѣ нѣкоторую невнимательность чтенія, извиняемую притомъ же тѣмъ, что о крещеніи, по вѣсти Корсуни у Іакова, говорится не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, возьмите приведенныя слова отдѣльно, сами по себѣ: дѣйствительно, весьма легко было подумать, что тутъ говорить человѣкъ, не крестившійся уже, а только собирающійся креститься. А если случилось это послѣднее, какъ легко было этому случиться, то вотъ у него былъ готовъ разказъ и о походѣ Владимира подъ Корсунъ для завоеванія вѣры, по видимому, также основанный на русскихъ извѣстіяхъ ¹⁾.

Обращаясь къ рѣчи о томъ, что расположило Владимира принять христіанство, сначала скажемъ о мнѣніяхъ, съ которыми мы не согласны.

Особеннаго расположенія у Владимира къ принятію христіанства преосвященный Филаретъ ищетъ въ его особенномъ душевномъ настроеніи, представляя его какъ тяжелаго, угрызаемаго совѣстью грѣшника, который не находитъ успокоенія своей душѣ въ изычествѣ и ищетъ его въ сего послѣдняго. „Ужасное братоубійство“, говоритъ преосвященный Филаретъ, — „побѣды, купленныя кровію чужихъ и своихъ, сластолюбіе грубое не могли не таготить совѣсти даже язычника“. Но къ сожалѣнію, все это имѣетъ лишь характеръ гадательныхъ предположеній. Братоубійство, совершенное Владимиромъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ особаго рода преступленій, которыя выносятся и оправдываются такъ называемою политическою необходимостію, и мы къ прискорбію, не знаемъ ни одного примѣра въ исторіи, чтобы подобное преступленіе легло свинцовою тяжестью на совѣсти того, кто его совершилъ. Сынъ Владимировъ, христіанинъ Ярославъ, подобно отцу и совершенно по такому же, какъ онъ, побужденію, поднимая руку на брата, не только не считалъ себя преступникомъ, а напротивъ съ упованіемъ призывалъ себѣ на помощь правду Божию: „И подойдетъ на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: не я почлахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отмѣстникъ Богъ крове

¹⁾ Съ нашимъ объясненіемъ дѣла мы предполагаемъ въ авторѣ весьма большое невѣжество и легкомысліе: но кто не знаетъ примѣровъ еще большаго невѣжества и легкомыслія? Изъ сбранныхъ искаженій Греками нашей собственной исторіи напомнимъ легенду Бандуриеву (а изъ славянской исторіи вообще мы напомнимъ бы такъ называемое Феодосіево Житіе Климента Вѣдникаго, если бы только былъ напечатанъ нашъ критическій его разборъ).

братья моя.... суди ми Господи по правдѣ". Совершенно такое же оправданіе было и у Владимира, и совершенно тѣми же словами оправдывался и онъ, какъ это прямо говоритъ лѣтописъ. Предполагать, чтобы побѣды, купленные кровію чужихъ и своихъ, могли тяготить совѣсть даже язычника, есть не только странная, но и смѣшная натяжка. Кому же не извѣстно, что побѣды, купленные какою бы то ни было цѣною не только во времена языческія, но и во всѣ времена христіанскія, ни мало не безпокоя совѣсти счастливыхъ побѣдителей, приписать имъ одно, считаемое притомъ величайшимъ, удовольствіе, и болѣе ничего? Не станемъ же мы считать Владимира какимъ-нибудь необычайнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ людей? Грубымъ, необыкновеннымъ сластолюбцемъ считаютъ Владимира всѣ на томъ основаніи, что объ этомъ прямо говоритъ лѣтописъ. Признаемся откровенно, мы не совсѣмъ вѣримъ, или лучше сказать, совсѣмъ не вѣримъ извѣстію лѣтописи, будто Владимиръ имѣлъ 800 палатницъ, да еще, кромѣ того, будучи не сытъ блуда, приводилъ къ себѣ чужихъ замужнихъ женъ и растлѣвалъ дѣвицъ ¹⁾. Извѣстіе это, очевидно, выдуманно съ цѣлію какъ можно рѣзче противопоставить Владимира-язычника Владимиру-христіанину, и вѣрить ему значило бы вѣрить совершенно невѣроятному. Но если даже и допустить что-нибудь подобное, то и въ этомъ случаѣ между Русскими X вѣка Владимиръ вовсе не будетъ представлять изъ себя необыкновеннаго и выходящаго изъ ряду вонъ исключенія. Дѣло въ томъ, что между предками нашими по норманской линіи или Русскими въ собственномъ смыслѣ до христіанства, по особеннымъ обстоятельствамъ, господствовало сластолюбіе совершенно неограниченное. Въ древнѣйшее время Русскіе почти исключительно жили нападеніями на другіе народы и военными грабежами ²⁾. Главную добычу въ этихъ нападеніяхъ составляли плѣнники и плѣнницы, вслѣдствіе чего у нихъ явилась нарочитая и обширная торговля невольниками и невольницами. Съ теченіемъ времени Русскіе перестали быть исключительно разбойниками, но торговля невольниками и невольницами, по сдѣланной привычкѣ, продолжала

¹⁾ Не обвиняя того простодушнаго или нечѣстнаго человѣка, который выдумалъ это извѣстіе, позволимъ себѣ прямо сказать, что оно есть не болѣе какъ совершенная нелѣпость. Ссылаться вслѣдъ за лѣтописью на привычку Соломона совсѣмъ не къ дѣлу, ибо то былъ государь восточный, а знаемъ ли мы что-нибудь подобное о государяхъ европейскихъ?

²⁾ Ср. Ибнъ-Дасту по изд. *Хвольсона*, стр. 35, § 2.

составлять ихъ спеціальность, и такъ это было, какъ мы положительно знаемъ, и въ X вѣкѣ ¹⁾. Но съ этимъ особаго рода товаромъ случалось то, что пока онъ находился на рукахъ у купцовъ, они пользовались имъ сами: положительныя свидѣтельства изъ X вѣка говорятъ намъ, что каждая продаваемая невольница была для Русскаго, если онъ только хотѣлъ того, и его наложницей, и что это считалось дѣломъ вполне естественнымъ и обыкновеннымъ ²⁾. Соответственно тому, у Владимира, который, какъ князь, былъ по тому времени и самымъ первымъ купцомъ, могло быть иногда не по восьми сотъ наложницъ, а вѣроятно—не по одной тысячѣ. Мы не знаемъ, предавался ли Владимиръ съ своими невольницами тому необузданному сластолюбію, о которомъ говоритъ лѣтопись; но еслибъ это было даже и такъ, то въ этомъ случаѣ его совѣсть должна была мучиться столько же, сколько совѣсть cadaго человека отъ дѣла въ то время совершенно естественнаго и принятаго ³⁾. Накопецъ, каково бы ни было дѣло въ дѣйствительности, преосвященный Филаретъ забываетъ объ охномъ весьма простомъ обстоятельстве, изъ котораго необходимо должно слѣдовать, что сластолюбіе тутъ остается ни при чемъ: въ такихъ молодыхъ годахъ, въ какихъ Владимиръ принялъ христіанство (или невстунно въ 30, или никакъ не болѣе 30), вѣрнѣе сластолюбцы

¹⁾ Ibn Fozlan у Френа, 7; Ольга обещалась прислать императору въ даръ: челядь, воскъ и скору и пр. Святославъ говоритъ о Переяславцѣ Дунайскомъ, что въ него изъ Руси идутъ: скоря и воскъ, медъ и челядь; въ одномъ чудѣ Николая Чудотворца, случившемся въ Константинополѣ въ правленіе императора Константина Мономаха (1042—1054 гг.), говорится, что нѣкій бояринъ, желая купить раба, «взвѣсъ литру золота и всѣдъ на коня, дойхъ до торгу, идѣше рускіи купци приходяще челядь продающе» (рукоп. Москов. Дух. Акад. № 90 л. 222, чудо 34-е).

²⁾ Ibn Fozal. *ibid.*

³⁾ Существованіе многихъ жемъ, которыхъ имѣлъ Владимиръ, можно объяснить не столько сластолюбіемъ, сколько желаніемъ придать себѣ больше важности и блеска. Истинныя сластолюбцы любятъ не столько законныхъ жемъ, которыя связываютъ, сколько наложницъ, которыхъ можно имѣть каждый день. Правда, и Дитмаръ говоритъ о Владимирѣ, что онъ былъ *fornicator impudicus et crudelis* (Chron., l. VII, с. 52); но благочестивый епископъ могъ выразиться такимъ сильнымъ образомъ и о такого рода развратѣ, который еще далеко не переходилъ за предѣлы великой кѣры, или по крайней кѣрѣ, не казался таковымъ съ тогдашней русской точки зрѣнія. Наши русскіе сказатели, кромѣ лѣтописи—Ниларіонъ, Іаковъ и Несторъ, говоря, что Владимира расположила къ принятію христіанства призравшая на него благодать Святаго Духа, устраняютъ мысль о жемъ какъ таковой грѣшникъ въ лѣтописяхъ.

никогда не приходять въ раскаяніе. И такъ, нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать, чтобы Владимиръ долженъ былъ сознавать себя таимъ грѣшникомъ...

О началѣ княженія Владимірова въ Кіевѣ лѣтописи говорятъ: „И нача княжити Володимѣрь въ Кіевѣ единѣ, и постави кумиры на холму виѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь алатъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Синарьгла и Мокошь; и жряху имъ, наричуще я боги, и привожаху сыны свои и дѣщере и жряху бѣсомъ и оскверняху землю требами своими, и оскверниси кровью земли Руска и холм-отъ“ (холмъ тотъ). Приводя это извѣстіе въ связь съ извѣстіями такъ называемой Іоакимовой лѣтописи Татищева, г. Соловьевъ все дѣло о крещеніи Владиміра представляетъ такъ: старшій братъ Владиміра—Ярополкъ былъ приверженцемъ христіанства и покровителемъ его послѣдователей, вслѣдствіе чего нелюбимъ былъ кіевскими язычниками. Поднявъ войну на брата, Владиміръ объявилъ себя на сторонѣ язычниковъ, и вслѣдствіе того, при помощи кіевскихъ недоброжелателей Ярополка, достигъ побѣды надъ нимъ и великокняжескаго престола. Обозначивъ достиженіемъ послѣдняго партіи языческой, Владиміръ ознаменовалъ начало своего правленія самою усердною ревностью къ язычеству... Но „русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ усиліемъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ“. Всѣ усилія Владиміра (и дяди его Добрыни) поднять сколько-нибудь язычество привели его только къ тому, что показали ничтожество и несостоятельность послѣдняго и указали ему путь къ христіанству, проповѣдники котораго и предстали предъ нимъ въ лицѣ кіевскихъ христіанъ Варяговъ.

Прежде всего, если г. Соловьевъ думаетъ, что Владиміръ убѣдился сначала въ ничтожествѣ и ложности язычества, а потомъ въ истинности христіанства, то онъ представляетъ дѣло, какъ мы говорили выше, совершенно невѣрно и совершенно невозможнымъ образомъ со стороны психологической. Владиміръ могъ убѣдиться въ томъ и другомъ только одновременно, но никакъ не сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ. (Если не ошибаемся, г. Соловьевъ представляетъ дѣло, приближаясь не по буквѣ, а по смыслу къ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, такимъ образомъ, что въ виду религій юго-восточной Европы, которыя всѣ превосходили язычество, Владиміръ сначала убѣдился въ ничтожествѣ послѣдняго, а потомъ началъ рѣшать,

которая изъ этихъ религій есть самая лучшая. Если такъ, то это совершенно несостоятельно). Затѣмъ, эпизодъ усилій Владимира под-
нять язычество (не въ виду всѣхъ религій юго-восточной Европы,
а въ виду именно бывшаго въ Кіевѣ православнаго христіанства)
самъ по себѣ не представлялъ бы ничего невѣроятнаго; но мы не
можемъ допустить его потому, что онъ не представляется намъ вѣро-
ятнымъ со стороны фактической. Не на основаніи мнимой Іоакимо-
вой лѣтописи Татищева, а само по себѣ совершенно вѣроятно пред-
полагать, что Ярополкъ былъ человѣкъ, расположенный къ христіан-
ству, но совсѣмъ неудобнымъ представляется предположить то, что
г. Соловьевъ предполагаетъ далѣе. Если Ярополкъ, какъ говоритъ
мнимая Іоакимова лѣтопись, — „даде христіанамъ волю велику“ во-
преки людямъ, то-есть если онъ далъ волю велику христіанамъ, не
смотря на вражду къ такому его поведенію дружины, которую нуж-
но было бы разумѣть подъ людьми, то это значило бы, что онъ рѣ-
шился дѣйствовать слишкомъ самостоятельно. Но онъ погубъ отъ
руки Владимира всего 20—23-лѣтнимъ юношей: вѣроятно ли пред-
полагать, чтобы въ такіе годы онъ показалъ такую самостоятель-
ность? Если дружина его была рѣшительно враждебна христіанству,
то и онъ самъ, при всемъ расположеніи къ христіанамъ, не могъ
дать имъ воли великой, а слѣдовательно, не могъ возбудить противъ
себя и дружины. Не говоримъ далѣе о томъ, что г. Соловьевъ рѣ-
шается предпочесть свидѣтельство мнимой Іоакимовой лѣтописи по-
ложительному свидѣтельству древнѣйшей лѣтописи, говорящей намъ
совсѣмъ другое ¹⁾; но спросимъ его, что будетъ значить: „Ярополкъ
христіанамъ даде волю велику“? Ярополкъ могъ дать христіанамъ
только полную свободу; но мы знаемъ, что такую полную свободой
они пользовались и во времена Святослава: что онъ могъ прибавить
къ тому? Наконецъ, мы допустили выше вражду дружины къ хри-
стіанству, какъ пѣчто вѣроятное: но вѣроятно ли она однако на са-
момъ дѣлѣ? Дружина вовсе не была враждебна христіанству при

¹⁾ То-есть, говорящей, что Владимиръ занялъ Кіевъ вслѣдствіе извѣстныхъ
воеводъ Ярополкова Влуда, прельстившагося на обѣщанія Владимира, и при
этомъ прямо прибавляющей, что Влудъ самъ было хотѣлъ убить Ярополка, но
не рѣшился это сдѣлать, боясь гражданъ („самъ мысля убити Ярополка, гра-
жданъ же не бѣ лѣзъ убити его“; а мнимая Іоакимона лѣтопись: „Ярополкъ не
любимъ есть у людей, зане христіаномъ даде волю велику“). Единичному
извѣстію, подобному Влудовой, послѣ встрѣчаетъ мы въ борьбѣ Ярославъ съ Свя-
тополкомъ (Новг. I-я лѣт. подъ 1016 г.).

Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ: съ какой же стати она вдругъ стала бы враждебна ему при Ярополкѣ?

Когда лѣтописецъ говоритъ о поставленіи Владимиромъ въ началѣ княженія кумировъ въ Кіевѣ, то неизвѣстно, какъ понимать ее, — такъ ли, что Владимиръ сдѣлалъ тутъ нѣчто обыкновенное, что дѣлали и другіе предшествующіе князья, или такъ, что Владимиръ показалъ особенное усердіе къ язычеству и сдѣлалъ дѣло необыкновенное. Вѣроятно послѣднее, какъ это обыкновенно всѣ и понимаютъ. Но если это такъ, то слѣдуетъ думать, что подобное особенное усердіе къ язычеству авторъ лѣтописи приписалъ Владимиру самъ отъ себя и произвольно, руководясь тѣмъ же самымъ побужденіемъ, по которому онъ дѣлаетъ его человекомъ вѣроятно сластолюбивымъ и развратнымъ; онъ изобличаетъ себя своею собственною рѣчью. Онъ говоритъ, что Владимиръ поставилъ Перуна и прочихъ боговъ на холмѣ вѣхъ двора теремнаго. Но мы положительно знаемъ изъ его же собственныхъ словъ, что Перунъ стоялъ тамъ при Игорѣ ¹⁾. Слѣдовательно, или Владимиръ не имѣлъ нужды ставить тамъ Перуна, или онъ только замѣнилъ обветшавшую статую новою. Правда, лѣтописецъ говоритъ, что Владимиръ не только самъ поставилъ кумиры Перуна и другихъ боговъ въ Кіевѣ, но подобное же велѣлъ сдѣлать и Добрынь въ Новгородѣ, изъ чего вѣроятнѣйшее заключеніе, по видимому, то, что это поставленіе не было дѣломъ обыкновеннымъ. Однако и въ Новгородѣ оно могло быть только тѣмъ же, чѣмъ въ Кіевѣ — или дѣломъ обыкновеннымъ, или дѣломъ, не имѣющимъ смысла. „И пришедъ Добрыня Ноугороду“, говоритъ лѣтописецъ, — „постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жарю ему люди Новгородскіи аки Вогу“. Но развѣ Новгородцы не были прежде язычниками и не имѣли прежде кумировъ? Чтѣ же можетъ значить это поставленіе одного кумира, какъ не то, что въ началѣ каждаго княженія было принято поставлать въ главнѣйшихъ городахъ по новому кумиру, или какъ не простую бессмыслицу, которая сочинилась у лѣтописца для его особенной цѣли?

Нѣтъ основаній отрицать — и мы не отрицаемъ того факта, — что при Владимирѣ одинъ разъ принесена была человѣческая жертва (при чемъ жребій случайнымъ образомъ палъ на христіанина). Но въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ никакого основанія видѣть доказа-

¹⁾ Лѣтоп. подъ 945 г., о приведеніи Игоря къ присягѣ послани греческими.

тельство особаго языческаго благочестія Владимира. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что человѣческія жертвы были между Норманнами-язычниками въ обычай ¹⁾.

Не находя вѣроятнымъ думать вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ, чтобы Владимиръ въ началѣ своего княженія имѣлъ причины быть и дѣйствительно былъ усерднымъ язычникомъ, мы думаемъ и видимъ основанія полагать, что онъ былъ человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству съ самаго начала и съ самаго своего дѣтства. Не на основаніи мнимой Іоакимовой лѣтописи Татищева, какъ уже мы говорили выше, а само по себѣ вѣроятно это предполагать о старшемъ братѣ Владимировомъ Ярополкѣ: по совершенно такой же вѣроятности предполагать то же и о самомъ Владимирѣ. Вмѣстѣ съ Ярополкомъ онъ былъ воспитанъ бабкой Ольгой. Если онъ былъ моложе Ярополка, который остался послѣ Ольги лѣтъ 13-ти, то конечно не на много лѣтъ—года на два, не болѣе, а можетъ быть, даже и не моложе, ибо онъ могъ быть младшимъ сыномъ не по лѣтамъ, а потому, что былъ рожденъ отъ наложницы; слѣдовательно, имѣвъ Ольгу своею воспитательницей лѣтъ до 10—11, а можетъ быть и болѣе, онъ имѣлъ одинаковую возможность съ Ярополкомъ получить одно и то же съ нимъ настроеніе мыслей. Но повторяемъ, если мы допускаемъ какъ весьма вѣроятное, что Ольга успѣла сдѣлать человѣкомъ, расположеннымъ къ христіанству Ярополка, то таковымъ же могла ова сдѣлать и Владимира. Нѣтъ никакой невѣроятности, а напротивъ того, есть вся вѣроятность думать такъ само по себѣ; но кромѣ того насъ располагаютъ думать именно такъ нѣкоторыя положительныя обстоятельства. Изъ пяти законныхъ женъ Владимира, называемыхъ лѣтописцемъ, четыре были христіанки: Гречанка, двѣ Чехини и Болгарка. Если бы Владимиръ въ началѣ своего княженія считалъ себя обаяннымъ казаться и на самомъ дѣлѣ былъ усерднымъ язычникомъ, то съ одной стороны что за средство угождать язычникамъ—брать въ жены христіанокъ, а съ другой, что за странность—усердный язычникъ, оказывающій въ то же время рѣшительное предпочтеніе христіанкамъ? Далѣе, если о Гречанкѣ мы знаемъ, что она явилась въ видѣ рабы, взятой на войнѣ, то мы не знаемъ ничего подобнаго и едва ли имѣемъ право

¹⁾ Ибнъ-Даста по изд. Хомсона, стр. 38, § 9; Веберъ, Lehrbuch d. Weltgesch., вѣ измѣнѣ. подл. изд. 14-го, В. I, 574, говоритъ о Норманнахъ, что человѣческія жертвы долго оставались ихъ національнымъ обычаемъ.

предполагать объ остальныхъ трехъ. Предположите, что всѣ три онѣ были знатнаго происхожденія и вышли замужъ за Владимира добровольно, что предполагать всего вѣроятнѣе. Съ какой стати отцы-христіане имѣли бѣ охоту выдавать дочерей своихъ, а дочери-христіанки съ какой стати имѣли бѣ охоту идти замужъ за усерднаго язычника?

Такимъ образомъ и само по себѣ, и на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ, наивѣроятнѣйшимъ представляется думать то, что Владимиръ былъ человѣкъ, болѣе или менѣе расположенный къ христіанству съ самаго начала своего княженія. Въ Кіевѣ были многіе Варяги-христіане, и вотъ они и превратили его расположеніе къ христіанству въ совершенную рѣшимость принять его. Жены-христіанки, о которыхъ мы сейчасъ говорили, конечно, могли явиться при этомъ ни чѣмъ инымъ, какъ усердными помощниками людей, старавшихся склонить его къ христіанству. Мы знаемъ, что Польскій король Мечиславъ I, обратившійся въ христіанство не задолго до Владимира, былъ убѣжденъ къ его принатію именно своею супругой христіанкой: ¹⁾ отчего же до нѣкоторой степени подобнаго не могло не быть и у насъ? ²⁾.

У Игоря и Ольги достало ума понять превосходство христіанства предъ язычествомъ, и первый изъ нихъ склонился на его сторону внутренно, а вторая рѣшилась принять его открыто. Но для Владимира это было дѣло гораздо легче, чѣмъ для нихъ обоихъ, ибо, кромѣ собственнаго ума, онъ имѣлъ предъ собою ихъ примѣръ. А слѣдовательно, и вопросъ: какъ убѣдился Владимиръ въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, не требуетъ никакого особеннаго разъясненія.

И такъ, снова повторяемъ, наиболѣе вѣроятнымъ представляется

¹⁾ Домбровкою, дочерью Чешскаго государя Болеслава I.

²⁾ Раннимъ образомъ, современникъ Владимира въ первую половину его княженія, Венгерскій князь Гейза (972—997 гг.), отецъ престителя Венгріи Стевана I, своею супругой-христіанкой (сестрой Польскаго Мечислава I Адальгейдой) обращенъ былъ въ христіанство, такъ сказать, на половину. Чехиня, супруга Владимира, кто бы она ни была, конечно, было извѣстно о поведеніи и объ успѣхѣ Домбровки въ Польшѣ, а потому имъ естественно было и подражать ей. Но можетъ быть, одна изъ этихъ Чехинъ была даже прямо рода княжескаго и приходилась Домбровкѣ близкою родственницей, ибо если отдана была княжна за язычника Мечислава, то почему не могла быть отдана и за Владимира. Въ семь послѣднѣхъ случаевъ, княгиня владѣвшей естественно было видѣть какъ бы свое призваніе въ томъ, что удалось сдѣлать княгинѣ старшей.

думать, что Владимиръ рѣшился принять христіанство не послѣ напрасныхъ усилій поднять язычество, а имѣвъ расположеніе къ нему съ дѣтства и за нимъ съ самаго вступленія на великокняжескій престолъ, шелъ къ нему, такъ сказать, прямымъ путемъ. Указанныя нами выше обстоятельства даютъ знать, что усилія Киевскихъ Варяговъ-христіанъ окончательно склонить его на сторону христіанства не могли быть особенно великими. Болѣе или менѣе задолго до окончательной рѣшимости принять христіанство, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, Владимиръ беретъ жепъ-христіанокъ: если при заключеніи этихъ браковъ у Владимира уже не было инустренно рѣшено стать христіаниномъ, то есть очевидная вѣроятность предполагать, что онъ былъ не далеко отъ такого рѣшенія. Ища себѣ въ жены христіанокъ, Владимиръ, очевидно, самъ шелъ на встрѣчу христіанству, самъ искалъ окончательнаго сближенія съ нимъ.

Доселѣ наша рѣчь была о личномъ обращеніи Владимира въ христіанство. Но онъ не только самъ принялъ его, а рѣшился вмѣстѣ съ тѣмъ совершить и чрезвычайно важный государственпый переворотъ—сдѣлать христіанство вѣроу всего своего народа.

Принявъ вѣру истинную, Владимиръ, естественно, долженъ былъ воодушевляться желаніемъ дать ту же вѣру и своему народу. Но кажется, необходимо предполагать, что въ этомъ послѣднемъ его рѣшеніи принимали дѣятельное участіе и мотивы государственныя, что онъ тутъ дѣйствовалъ не только какъ равноапостольный, но и какъ великій государь.

Народы, предназначенныя къ исторической жизни, живутъ благоустроенными государствами. Народы, только что начинающіе жить государственно, обыкновенно примыкаютъ къ народамъ, которые, начавъ жить давнѣе, служатъ въ данномъ мѣстѣ представителями этой государственности, чтобы по преемству историческому быть ихъ наследниками. Новая исторія нашей части свѣта или Европы, состоитъ въ томъ, что новыя, явившіяся въ ней для государственной жизни народы примкнули къ состоявшимъ на лицо представителямъ этой жизни—Грекамъ и Римлянамъ, чтобы составить одно съ ними и продолжить міръ греко-римскій. У каждаго изъ новыхъ европейскихъ народовъ настоящая государственная жизнь начинается со времени принятія имъ христіанства. Съ одной стороны, это значитъ, что народы заимствовали стремленіе къ таковой жизни и самую эту жизнь отъ Грековъ и Римлянъ, смотря по тому, отъ тѣхъ или другихъ получили христіанство, а съ другой—это значитъ, что у каждаго изъ народовъ

христіанство было введено такими государями, которые сознавали необходимость водворенія въ своихъ странахъ государственной жизни. Такой государь въ лицѣ Владимира явился и у насъ на Руси.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о государственномъ характерѣ Игоря, и потому не можемъ сказать, присоединялось ли у него къ личному убѣжденію въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ и сознание необходимости послѣдняго въ видахъ государственныхъ. Судя о немъ по женѣ его Ольгѣ, вѣроятноѣ отвѣчать да, чѣмъ нѣтъ. Но какъ бы то ни было, онъ не могъ думать о томъ, чтобы переимѣнить вѣру государства, когда не могъ отважиться и на то, чтобы лично сдѣлаться христіаниномъ открытымъ. Преемникомъ Игоря былъ сынъ его Святославъ. Это былъ, если угодно, отважный и блестящій рыцарь; а если угодно—пустой искатель приключеній и во всякомъ случаѣ—всего менѣе государь. Онъ не только не могъ думать о томъ, чтобы совершить великую государственную реформу посредствомъ введенія христіанства, но напротивъ того, его норманскія стремленія, всю основу которыхъ составляетъ право меча и кулака, были совершенно враждебны христіанскимъ понятіямъ о гражданственности. Владимиръ составляетъ рѣшительную противоположность съ своимъ отцомъ. Это ни мало не удалой рыцарь, но государь-собиратель и стронтель земли въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Онъ ведетъ множество войнъ, но война для войны не имѣетъ для него смысла, и всѣ войны ведутся нѣтъ исключительна для цѣлей государственныхъ для расширенія, или охраненія предѣловъ государства. Одинъ разъ въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ онъ увлекается за предѣлы благоразумія, подчиняетъ себѣ народъ, который онъ не въ состояніи былъ держать своимъ данникомъ—онъ сознается въ этомъ и спѣшитъ оставить народъ въ покоѣ: предпринявъ бесполезный походъ на Волгарь и одержавъ бесполезную падъ ними побѣду, онъ спѣшитъ заключить съ ними миръ и удалиться, ибо сознаетъ съ своими совѣтниками, что „симъ дани ему не даяти“. Походъ на Царьградъ послѣ Олега и Игоря сталъ для князей Кіевскихъ, такъ сказать, традиціоннымъ средствомъ добыть себѣ славы; но мы видимъ, что Владимиръ не имѣетъ ни малѣйшаго помысленія о такомъ славномъ, но бесполезномъ походѣ. Послѣ войнъ, предпринятыхъ исключительно въ видахъ пользы государственной, Владимиръ былъ занятъ тѣмъ, что и должно составлять занятіе истиннаго государя, именно строеніемъ и нарубаніемъ или заселеніемъ городовъ вокругъ своей столицы и совѣтова-

ніями съ своею дружиною „о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ“. Въ немногихъ словахъ лѣтописи: „и бѣ Володимиръ думая (съ дружиною) о строи земленѣмъ и о уставѣ земленѣмъ“ сообщается намъ несомнѣнное извѣстіе, что Владимиръ былъ истинный государь, поставившій цѣлю своей дѣятельности благоустройство государства и усердно объ этомъ заботившійся. Наконецъ, приведенное нами выше извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что Владимиръ посылалъ пословъ въ другія страны для осмотра быта и жизни другихъ народовъ, если только мы согласимся признать это извѣстіе за истинное, невольно напоминаетъ о Петрѣ Великомъ и даетъ намъ знать, что Владимиръ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ необыкновенныхъ государственныхъ умовъ, къ которымъ принадлежалъ этотъ послѣдній. Но если все это такъ, то Владимиръ, лично приведенный и пришедшій къ убѣжденію въ превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ, не могъ не прійти къ убѣжденію и въ государственной необходимости ввести его въ своей странѣ. Русь X вѣка было бы совершенно несправедливо представлять себѣ такою отчужденною отъ другихъ и самозаключенною, какъ это было, напримѣръ, въ XVI—XVII вѣкахъ; напротивъ того, въ то время Русскіе считали себя вполне принадлежащими и на самомъ дѣлѣ вполне принадлежали къ семейству европейскіхъ народовъ, составляя совершенно столько же живой его членъ, каковы мы опять потомъ стали послѣ Петра Великаго, и каковы состоимъ въ настоящее время. Но принадлежа и желая принадлежать къ семейству европейскіхъ народовъ, мы оказывались въ немъ, такъ сказать, уродомъ. Всѣ другіе европейскіе народы, за исключеніемъ только насъ да еще Венгровъ, были уже христіанскими и начали жить тою новою гражданскою жизнію, которую получили вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которая рѣшительно отдѣляла ихъ отъ народовъ языческихъ, какъ особый нравственный міръ. Чтобы войти въ этотъ міръ, чтобы стать такими же, какъ всѣ, и не составлять изъ себя особняка въ этомъ мірѣ, и намъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ послѣдовать примѣру другихъ и стать христіанами. Въ своемъ постепенномъ движеніи съ Запада на Востокъ христіанство дошло уже непосредственно до насъ: передъ тѣмъ оставались впереди насъ Поляки, но въ 965 году, то-есть, за 13 лѣтъ до восшествія Владимірова на престолъ, и они приняли христіанство и такимъ образомъ очередь передали намъ. Человѣкъ съ истинно государственными способностями, государь съ отличающею великихъ людей способностію понимать требованія времени, Владимиръ понималъ настоявшую Россіи необходимость

стать странною христіанскою, для того чтобы сдѣлаться стравою вполне европейскою, и это политическое убѣжденіе, соединившись съ примѣмъ и непосредственнымъ желаніемъ дать народу истинную вѣру, побудило его не только самого принять христіанство, но и сдѣлать это послѣднее вѣрою своего государства.

Представителями христіанства, отъ которыхъ Владимиръ могъ заимствовать его, были въ то время Греки и папа. Еслибы приходили къ нему миссіонеры отъ однихъ или отъ другаго, то онъ и принялъ бы христіанство отъ той стороны, миссіонеры которой убѣдили бы его сдѣлать это. Но обратителями Владимира были Кіевскіе Варяги-христіане. Ихъ собственное христіанство было происхожденіемъ константинопольскаго ¹⁾; но такъ какъ въ то время Греки и Латиняне составляли еще двѣ половины одной православной церкви, ибо раздѣленіе случилось нѣсколько позднѣе, и такъ какъ они сами — Варяги не имѣли ни малѣйшаго личнаго интереса въ томъ, чтобы убѣждать Владимира принять христіанство именно отъ Грековъ, то необходимо предполагать, что, убѣдивъ его принять христіанство, они затѣмъ оставили совершенно на его собственную волю — отъ кого принять. Такимъ образомъ необходимо думать, что для Владимира не былъ рѣшенъ заранѣе, а долженствовалъ быть рѣшенъ имъ самимъ попросту: отъ кого принять смѣ христіанство. Владимиръ рѣшился креститься отъ Грековъ, а не отъ папы. Ближайшею причиною, побудившею его предпочесть первыхъ послѣднему, конечно, было то, что папа былъ весьма далеко отъ насъ, и до того времени мы не бывали съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, между тѣмъ какъ Греки были почти наши сосѣди, и у насъ издавна были съ ними самыя дѣятельныя и живыя связи и сношенія, и что самое положеніе нашей страны на Востокѣ указывало намъ именно на христіанъ восточныхъ. Но и болѣе глубокія политическія соображенія должны были явствовать Владимиру склониться отъ святаго отца. Крестившись отъ папы, Владимиръ вступилъ бы въ многочисленный сонмъ окружавшихъ его государей, могъ бы получить королевскій вѣнецъ — все это было очень лестно... Но съ другой стороны, вступивъ въ сонмъ, онъ былъ бы въ немъ младшимъ и послѣднимъ; вступивъ

¹⁾ Иному читателю можетъ припомниться, что варяжская вѣра была у насъ въпослѣдствіи синонимомъ латинской. На это должно сказать, что латинская вѣра стала варяжскою съ начала XI вѣка, когда Норвегія и Швеція, откуда были Варяги, обратились изъ язычества въ латинское христіанство.

въ этотъ сонмъ, онъ сдѣлался бы весьма ограниченнымъ въ своей свободѣ его членомъ. Напротивъ того, крестившись отъ Грековъ, Владимиръ оставался самъ по себѣ, сохранялъ себѣ всю свою свободу и не подвергалъ себя никакой опасности быть въ мальчикахъ и на по-слугахъ у другихъ:

Рѣшеніемъ Владимира принять христіанство отъ Грековъ, а не отъ папы, опредѣлилась наша судьба и наша будущая исторія. Сравнивая эту исторію съ исторіей западныхъ европейскихъ народовъ, иные полагаютъ, что лучше было бы, еслибы мы крестились отъ папы. Мы, съ своей стороны, совершенно противоположнаго мнѣнія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ грустный фактъ, что мы Славяне—народъ крайне не стойкій; примени мы къ семейству западныхъ народовъ, то въ духовномъ отношеніи, въ случаѣ еслибы только мы остались самими собою, мы, вѣроятно, играли бы роль ничтожныхъ перенимателей и неудачно воспроизводили бы другихъ, а въ отношеніи политическомъ были бы предметомъ эксплуатаціи со стороны всѣхъ желающихъ, а особенно со стороны добрыхъ сосѣдей нашихъ Нѣмцевъ, и Богъ знаетъ, что вышло бы изъ этого. Прійми мы христіанство отъ папы, мы держались бы нашей западной окраины, не стремились бы на Востокъ, чтобы обрусить его громадную инородческую территорію, и не создали бы нашей теперешней Руси. Можетъ быть, нѣсколько дорогою цѣной нашего восточнаго невѣжества, которое однако—какъ скажемъ далѣе—не должно быть вѣннено въ вину Грекамъ, мы купили духовную самостоятельность и политическое могущество.

Спустя два года послѣ собственнаго крещенія, Владимиръ рѣшился приступить къ крещенію всего народа. Прежде чѣмъ дѣлать это, онъ рѣшился войти въ сношеніе съ Греками, такъ какъ для души русской церкви ему нужна была отъ послѣднихъ высшая іерархія, то-есть, епископы съ митрополитомъ или какимъ-либо другимъ предстоятелемъ во главѣ. Для такой цѣли ему, по видимому, надлежало отправить къ Грекамъ посольство съ изъясненіемъ своей нужды и съ просьбой о ея удовлетвореніи. Но Владимиръ поступилъ иначе: онъ отправился войной на греческій городъ Херсонесъ Таврический или Корсунь, изъяснилъ непреклонное намѣреніе взять его и только въ качествѣ побѣдителя открылъ съ Греками сношенія. Какъ понимать этотъ странный поступокъ Владимира? Обыкновенно говорятъ, что гордость могущества и славы не позволяла Владимиру унижаться предъ Греками и явиться въ роли просителя, что явившись къ нимъ

просителемъ, а не побѣдителемъ, онъ могъ справедливо опасаться униженія и оскорбленія отъ Византійскаго высокохврія, и при этомъ ссылаются на примѣръ Ольги ¹⁾. Но когда предполагаютъ во Владимірѣ гордость могущества и славы и крайнюю щекотливость этой гордости, то представляютъ его себѣ какимъ-то Тамерланомъ, завоевателемъ полусвѣта, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было и безъ чего предполагаемая въ немъ гордость становится совсѣмъ невѣроятною, заставляя воображать его человекомъ до послѣдней степени смѣшнымъ. Если гордость Владимира, правда — одержавшаго довольно много побѣдъ, но не особенно достославныхъ, и считавшаго себя сильнымъ братъ дань только съ народовъ, носящихъ лапти, а не сапоги ²⁾, — если эта гордость дѣйствительно была въ немъ весьма умѣренна, а въ такомъ случаѣ онъ ничего не могъ видѣть для себя унижательнаго въ томъ, чтобы обратиться къ Грекамъ съ просьбою. Когда говорятъ о византійскомъ высокохвріи и самохвріи, то говорятъ совершенную правду. Но въ первыхъ, это смѣшное и притязательное на нашъ взглядъ высокохвріе вовсе не могло казаться таковымъ Владимиру и его современникамъ, которые видѣли въ имперіи не жалкую руину и не внутреннюю пустоту подъ наружнымъ блескомъ, а нѣчто совсѣмъ другое, и которые, не имѣя никакихъ притязаній равнять себя съ нею, должны были питать къ ней всевозможное уваженіе. Въ вторыхъ, совершенная неправда, будто это высокохвріе дозволяло себѣ положительно оскорблять и варваровъ, когда они являлись къ Грекамъ въ видѣ просителей, и будто такое именно оскорбленіе потерпѣла Ольга въ свой пріѣздъ въ Константинополь. Мы уже имѣли случай высказать мнѣніе, что съ Ольгой ничего оскорбительнаго въ Константинополѣ не случилось, что она была принимаема совершенно подобающимъ образомъ: съ какой же стати опасался бы оскорбленій Владимиръ? Притомъ, когда ссылаются на это небывалое оскорбленіе, то страннымъ образомъ считаютъ нужнымъ представлять дѣло такъ, какъ будто и Владимиръ долженъ былъ самъ лично отправиться въ Константинополь. Такимъ образомъ ни гордость Владимира, ни опасеніе оскорбленій со стороны Грековъ вовсе не могутъ объяснить странный и загадочный поступокъ Владимира. Въ чемъ же могло быть дѣло? Въ первыхъ, не невѣроятно думать, что Владимиръ опасался со стороны Грековъ нѣкоторыхъ притязаній и хотѣлъ ихъ

¹⁾ Митріе Карлмиза и архіеп. Филарета Черниговскаго.

²⁾ Походъ на Болгаръ 985 г.

зараженіе и рѣшительно отстранить. Греки были не папа; однако и у нихъ была сильная склонность смотрѣть на народы, принимавшіе ихъ вѣру и становившіеся въ церковную отъ нихъ зависимость, какъ на народы, имъ подручные и въ отношеніи политическомъ, какъ на своихъ вассаловъ. Въ началѣ IX вѣка Руссы Таврическіе приняли отъ Грековъ христіанство, и патріархъ Фотій спѣшилъ назвать ихъ подданными имперіи, хотя они вовсе и не думали о подданствѣ. Императоры Константинопольскіе, какъ это мы имѣемъ право думать по нѣкоторымъ указаніямъ, включали имена народонъ, содержавшихъ православную вѣру, въ свой титулъ, считая ихъ какъ бы вассальными себѣ и какъ бы притязая быть по отношенію къ нимъ тѣмъ же, тѣмъ былъ императоръ Западно-Римскій по отношенію къ своимъ курфирстамъ и князьямъ ¹⁾. Не невѣроятно, что у Владимира было опасеніе подобныхъ притязаній отъ Грековъ, и что оно-то между прочимъ и заставило его явиться въ первый разъ предъ ними съ мечемъ побѣдителя въ рукахъ, ибо по отношенію къ побѣдителю уже не могли имѣть мѣста никакія притязанія. Повторныхъ, необходимо думать, что дѣло было въ томъ желаніи Владимира вступить въ бракъ съ греческою царевной, сестрой Константинопольскихъ императоровъ, которое онъ изъявилъ послѣ взятія Корсуни. Для варвара и владѣтеля варварской страны, каковъ былъ Владимиръ, получить руку греческой царевны была вещь весьма не легкая, и если Владимиръ хотѣлъ этого, то онъ дѣйствительно долженъ былъ воевать съ Греками и представлять имъ свое желаніе только въ качествѣ побѣдителя. Браки съ варварами, естественно, должны были чрезвычайпо оскорблять гордость Грековъ ²⁾; выходъ замужъ за варварскихъ князей естественно долженъ былъ представляться дѣломъ ужаснымъ для греческихъ царевенъ; поэтому само собою понятно, что Греки заключали подобные браки только въ случаѣ настоящей нужды, въ

¹⁾ Въ половинѣ XIV в. султанъ Египетскій титулуется императора Константинапольскаго въ своемъ письмѣ къ нему rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum (*Stritter*, *Memor. pop. II*, 1027). Слѣдуетъ думать, что султанъ повторяетъ титулъ, который императоръ самъ усвоилъ себѣ.

²⁾ См. Константина Порфирогенита *De administrando imperio*, с. 13, гдѣ впрочемъ трактуется о семъ. Когда императоръ нѣмецкій Оттонъ I въ 968 г. искалъ руки старшей сестры нашей Аины для своего сына, то даде ему отвѣчалъ: *Inaudita res est, ut porphyrogeniti porphyrogenita hoc est in purpura nati filia in purpura nata gentibus misceatur*, *Liutprandi Legat*, о, с. 15.

особенности такіе изъ нихъ, когда не сами женились на варварскихъ княжнахъ, а своихъ князей должны были выдавать за варваровъ. Но для чего могъ быть нуженъ Владимиру этотъ бракъ съ греческою царевной, котораго онъ такъ усиленно добивался? Для удовлетворенія простаго тщеславія состоятъ въ родствѣ съ императорами? Но это было бѣ очень мелко, и настоятельная энергія въ достиженіи ничтожной цѣли заставляла бы предполагать во Владимирѣ человека совсѣмъ пустаго. Чтобы эта энергія получила смыслъ, необходимо предполагать что-нибудь большее, какую-нибудь дѣйствительную, сознательную для Владимира нужду. Необходимо, по нашему мнѣнію, предполагать то, о чемъ мы говорили немного выше, именно— что при обращеніи въ христіанство всего народа у Владимира нераздѣльно шли съ заботами религіозными заботы государственныя, что, рѣшившись крестить свой народъ, онъ не только хотѣлъ дать ему вѣру истинную, но и ввести его въ семью народовъ цивилизованныхъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать его не только народомъ христіанскимъ, но и европейскимъ во всемъ смыслѣ этого слова. При этомъ послѣднемъ предположеніи для насъ будетъ совершенно понятно желаніе Владимира во что бы то ни стало вступить въ бракъ съ греческою царевной. Греки имѣли стать цивилизаторами Руси, и для Владимира чрезвычайно важно было, чтобы они имѣли добросовѣстную охоту быть цивилизаторами возможно усердными, чтобы они безъ заднихъ мыслей имѣли расположеніе желать Руси всего лучшаго. Но какъ было этого достигнуть? Ясно, что бракъ съ греческою царевной представлялся наилучшимъ въ этому средствомъ: вступивъ съ императорами Греческими въ родство, онъ тѣмъ пріобрѣталъ бы ихъ неподдѣльное и возможно усердное доброжелательство.

Взявъ Корсунь, Владимиръ немедленно отправилъ посольство въ Константинополь къ тогдашнимъ императорамъ Василию и Константину ¹⁾, съ одной стороны—прося для жившей вслѣдъ за сѣмъ явиться русской церкви то, что ей было нужно отъ Греческой, а съ другой — себѣ прося въ замужество сестру императоровъ, царевну Анну ²⁾. Желаніе ли возвратить Корсунь, опасеніе ли угрозы Вла-

¹⁾ Символичъ Романа Младшаго, внукамъ Константина Порфирогенита, знаменитаго писателя, правнукамъ Льва Мудраго, праправнукамъ Василиа Македонина. Первый изъ нихъ есть знаменитый завоеватель Болгаріи или Булгаро-бойца.

²⁾ Анна родилась 13-го марта 963 года (*Krig's Chronologie d. Byzantier*, 318 и 328), следовательно, въ 989 г., когда Владимиръ взялъ Корсунь, ей было 26 лѣтъ.

димира, какъ говоритъ авторъ его житія и вслѣдъ за нимъ повѣсть, явиться походъ Константинополемъ, а всего болѣе, вѣроятно, какъ говорить лѣтописцы греческіе, желаніе и настоятельная нужда получить отъ Владимира военную помощь противъ явившихся тогда и грозившихъ сильною опасностью бунтовщиковъ ¹⁾, заставили императоровъ согласиться на желаніе Владимира вступить съ нимъ въ родство. Женившись въ Корсунѣ на сестрѣ императоровъ ²⁾ и затѣмъ или на самомъ дѣлѣ, или же—что вѣроятнѣе—только обнадеженный получить немедленно вслѣдъ за сими митрополита и епископовъ для будущей русской церкви, а во всякомъ случаѣ получивъ и взявъ съ собой нужное количество священниковъ, Владимиръ возвратился въ Кіевъ, чтобы приступить къ крещенію всего своего народа.

Самъ Владимиръ крестился въ 987 г., Корсунъ была взята имъ въ 989 г. ³⁾. Въ семь послѣднемъ году, какъ необходимо думать, было приступлено къ крещенію и всей Руси.

Для крещенія народа Владимиръ, не довольствуясь тѣми священниками, которые были у кіевскихъ Варяговъ-христіанъ, привелъ съ собою изъ Корсуни, какъ мы сейчасъ сказали, священниковъ греческихъ. Но эти иноязычные священники могли быть только механическими или машинальными крестителями и нисколько не могли быть наставителями въ вѣрѣ. Когда предстояло крестить цѣлый народъ, то, конечно, не могло быть и мысли о томъ, чтобы всѣхъ и каждого наставить въ вѣрѣ, но съ другой стороны, конечно, не могли же находить удобнымъ и разумнымъ и того, чтобы всѣхъ отсылать ко вре-

¹⁾ Вардъ Фокъ съ товарищами.

²⁾ По житію Владимиръ крестился въ Корсунѣ, то-есть, вѣнчался бракомъ съ царевной Анной, въ церкви св. Іакова; по Лаврент. списку повѣсти — въ церкви св. Василия. Мы полагаемъ, что вмѣсто того и другого должно быть считаемо правильнымъ показаніе Ипатова списка повѣсти, по которому онъ крестился въ церкви св. Софіи. Есть основанія полагать (мы увидимъ ихъ ниже), что кафедральнымъ храмомъ Корсуни была церковь св. Софіи; но Владимиръ вѣнчался, конечно, въ кафедральномъ храмѣ, ибо, не говоря о другомъ, вѣнчаніе совершалъ, конечно, самъ епископъ.

³⁾ По свидѣтельству монаха Іакова, Владимиръ взялъ Корсунъ черезъ два года на третій послѣ своего крещенія, которое имѣло мѣсто въ 987 г., а по свидѣтельству лѣтописцевъ греческихъ, онъ оказалъ военную помощь императорамъ Константинопольскимъ, что было послѣ взятія Корсуни до апрѣля 989 г. Стоящій въ лѣтописи 988 г., если принять за справедливое извѣстіе житія Владимира, что онъ осаждалъ Корсунъ шесть мѣсяцевъ, будетъ дѣйствительнымъ годомъ его отправления въ походъ.

щенію безъ всякихъ объясненій. Не могли быть наставлены въ вѣрѣ всѣ, но могли быть наставляемы въ ней нѣкоторые, могшіе отчасти наставлять другихъ, отчасти дѣйствовать на другихъ своими примѣромъ и авторитетомъ. Если въ помощь къ священникамъ, бывшимъ у кіевскихъ Варяговъ-христіанъ, не могло быть найдено еще другихъ, способныхъ быть наставителями, то конечно, пришлось бы довольствоваться и одними ими и тѣмъ, что они могли сдѣлать. Но такіе другіе наставители могли быть найдены. Выше мы начинали рѣчь о сношеніяхъ Владимира съ Волгарами. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ эти сношенія, хотя извѣстныя пока историческія памятники ничего и не говорятъ о нихъ; онъ долженъ былъ имѣть ихъ, потому что славянскія богослужебныя книги онъ могъ получить только отъ Волгаръ и никакъ не отъ Грековъ, о чемъ скажемъ ниже. Мы говорили, что положительные признаки, на основанія которыхъ слѣдовало бы заключать, что Владимиръ входилъ въ сношенія съ Волгарами прежде Грековъ, весьма ненадежны, и что вопросъ долженъ быть рѣшаемъ исключительно въ области простой вѣроятности. Въ этой послѣдней области представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что Владимиръ входилъ въ сношенія съ Волгарами прежде начала сношеній съ Греками. Ранѣе или позднѣе онъ долженъ былъ приобрести отъ Волгаръ славянскія богослужебныя книги. А если такъ, то естественноѣе думать, что онъ позаботился о нихъ прежде крещенія народа, такъ чтобы къ сему послѣднему имѣть уже ихъ готовыми. Но приобретая отъ Волгаръ книги, Владимиръ не могъ не позаботиться о полученіи вмѣстѣ съ ними и священниковъ, которые могли бы быть приготовителями его народа къ христіанству. Еслибы кому-нибудь представилось, что Владимиръ не вдругъ могъ обратиться мыслію къ Волгарамъ, то лѣтопись положительно отвѣчаетъ намъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ ними еще до крещенія: въ 985 г. онъ имѣлъ съ ними или съ придунайскою частью ихъ войну ¹⁾, затѣмъ прежде или послѣ этой войны онъ женился на

¹⁾ Карамзинъ полагаетъ, что война 985 г. была съ Волгарами Камскими. Но это совершенно неосновательно. Лѣтопись говоритъ о походѣ: «Иде Володимѣръ на Волгары съ Добрынею съ уземъ своими въ лодкахъ, а Турки берегомъ приведе на конихъ»; еслибы Владимиръ ходилъ на Волгаръ Камскихъ, то онъ бы памѣлъ по Волгѣ, а Турокъ привелъ бы берегомъ той же рѣки; но сказать просто «иде въ лодкахъ» и «берегомъ приведе», когда отъ Кіева добраться до Волги было такъ далеко, было бы со стороны лѣтописца въ высшей степени странно. Притомъ, въ X вѣкѣ по берегу Волги, покрытому непроходимымъ

Болгарѣхъ. Если согласиться признать существованіе епископа Михаила, котораго лѣтописи называютъ митрополитомъ, то нужно было бы представлять дѣло такъ, что Владимиръ входилъ въ сношенія съ Волгарами вскорѣ послѣ своего крещенія и довольно задолго до начала сношеній съ Греками, что этотъ епископъ Михаилъ, съ приведенными имъ священниками, довольно долгое время жившій въ Россіи до приступа Владимира къ крещенію всего народа, въ ожиданіи этого послѣдняго событія и подготавливая его, трудился надъ дѣломъ проповѣди частнымъ образомъ, что они, такъ сказать, разчищали путь общему крещенію обращеніемъ отдѣльныхъ людей, добровольно изъявлявшихъ желаніе принять христіанство (при чемъ въ особенности нужно было бы разумѣть дружину или войско). Кромѣ Болгаръ, Владимиръ еще въ другомъ мѣстѣ могъ найти священниковъ, которые были бы приготовителями къ христіанству для его народа, и для которыхъ это дѣло было бы еще сподручнѣе, чѣмъ для священниковъ болгарскихъ. Языкъ единоплеменныхъ намъ Волгаръ довольно близокъ къ русскому, а въ древнее время былъ и еще ближе, однако же, во всякомъ случаѣ, не на столько, чтобы Болгаринъ и Русскій могли понимать другъ друга съ перваго слова. Но были христіане, которые говорили совсѣмъ русскимъ языкомъ и даже однимъ нарѣчіемъ съ Кіевлянами, такъ называемымъ теперь малороссійскимъ. Это именно Венгерскіе или Угорскіе Русскіе, которые жили и до настоящаго времени живутъ по ту сторону Карпатъ въ сѣверо-восточной Венгріи, и которые были обращены въ православное христіанство въ цѣлое столѣтіе до насъ. Такъ какъ они были непосредственными сосѣдами Червонной или Галицкой Руси, и Владимиръ не могъ не знать о нихъ, то представляется вѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ, возможнымъ предполагать, что Владимиръ не преминулъ воспользоваться и ихъ столько подходящими услугами.

Само собою разумѣется, что общее крещеніе народа должно было начаться съ Кіева; само собою разумѣется, что когда сейчасъ мы

гласимъ, вовсе невозможно было проводить конницы. Что касается до знакомства Русскихъ съ Волгаріей во времена Владимира независимо отъ личныхъ отношеній къ ней послѣдняго, то ежегодные торговые караваны ихъ, отправлявшіеся изъ Кіева въ Константинополь, обыкновенно дѣлали на пути привалы въ нѣсколькохъ приморскихъ городахъ Волгаріи (Конст. Пореврог. *De administr. impreg.*, с. 9), при чемъ былъ ходенъ съ нею по пути болѣе или менѣе обширный торгъ (Святославъ подъ 969 г.: въ Перекладаецъ изъ Руси идутъ скоро и воескъ, медъ и челядь).

говорили о большемъ или меньшемъ приготовленіи народа къ христіанству, то по преимуществу разумѣли Кіевляне, примѣры которыхъ для остальной Россіи долженъ былъ служить въсто проповѣди. Какимъ образомъ совершенно было приготовленіе Кіевляне къ новой вѣрѣ, за отсутствіемъ свидѣній мы, разумѣется, не въ состояніи сказать ничего положительнаго. Можно предполагать, что народу приказано было собираться на сходы, что такихъ сходовъ назначено было нѣсколько въ разныхъ частяхъ города, что въ продолженіе того или другаго времени онѣ происходили регулярно, въ опредѣленные сроки, и что такимъ образомъ онѣ представляли изъ себя какъ бы временныя училища для взрослыхъ. Можно и должно предполагать, что на тѣ отдѣльныя лица, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣли особенный авторитетъ между своими согражданами, было обращено особенное вниманіе, что лица эти, имѣвшія вліять на другихъ своимъ примѣромъ и словомъ, были собираемы на особенныя сходы, на которыхъ они были наставляемы въ христіанствѣ и убѣждаемы къ принятію его съ особою старательностію и людьми особенно на это способными.

Какъ совершенно было крещеніе Кіевляне, мы тоже не знаемъ. Очень можетъ быть, что дѣло происходило подобно тому, какъ оно представляется въ житіи Володимира и въ повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, то-есть, что всѣ жители города крещены были одновременно, что они являлись на мѣсто крещенія въ означенный день, по приказанію князя. Только при этомъ совсѣмъ невѣроятнымъ образомъ представляютъ дѣло житіе Володимирово и повѣсть; когда говорятъ, будто „люде (слышавъ приказаніе князя) съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріили“¹⁾. Необходимо предполагать, что было не малое количество такихъ, которые были просвѣщены истинною христіанства и сознательно принимали его, какъ вѣру истинную, оставляя язычество, какъ вѣру ложную; всѣ такіе люди, нѣтъ сомнѣнія, съ величайшею радостью и сердечнымъ ликованіемъ шли исполнить приказаніе креститься. Необходимо предполагать, что было не малое количество такихъ, которые хотя сами сознательно и не были убѣждены въ превосходствѣ христіанства предъ язычествомъ, но предпочитали своему сужденію сужденіе высшихъ и покорно шли креститься,

¹⁾ Житіе и повѣсть противорѣчатъ сами себя, когда говорятъ, что при низверженіи Перуна „плакахуся его невѣрніи люде“.

дѣйствительно говоря то, что житіе и повѣсть влагають въ уста всѣмъ. Но затѣмъ необходимо допустить, что было нѣкоторое, а можетъ быть, и не малое количество такихъ, которые остались глухи къ проповѣди и въ глазахъ которыхъ князь и бояре были отступниками отъ староотеческой вѣры. Одни изъ такихъ могли быть заставлены повиноваться угрозами или даже прямо силой, а другіе, вѣроятно, не были заставлены никакими средствами и, или искали спасенія въ бѣгствѣ, или сдѣлались языческими мучениками. Митрополитъ Иларіонъ, молча о послѣднемъ рядѣ упорныхъ, говорить ясно о первомъ: „да аще кто и не любови, но страхомъ повелѣвшаго крещахуса, понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено“.

Если вѣрить житію Володимира и повѣсти, помѣщенной въ лѣтописи, крещеніе Кіевлянъ совершенно было попами царицыными и Корсунскими, безъ митрополита и епископовъ. Въ случаѣ вѣрности этого извѣстія, дѣло нужно будетъ понимать такъ, что Владимиръ не привелъ съ собою изъ Корсуніи митрополита и епископовъ, что они пришли нѣсколько послѣ отдѣльно, и что Владимиръ крестилъ Кіевлянъ, не дожидаясь ихъ прихода¹⁾.

¹⁾ По житію Володимира неизвѣстнаго автора-Грека, о которомъ мы говорили выше, и по другому житію его же — проложному, общее крещеніе Кіевлянъ было совершено въ рѣкѣ Почайнѣ; но повѣсти же, помѣщенной въ лѣтописи, — въ Дняпрѣ. Проложное житіе, точнѣе опредѣляетъ на Почайнѣ мѣсто крещенія, говоритъ: «и оттогда наречеса мѣсто святое, и даже нынѣ церквы естъ Петрова» (въ одномъ сборникѣ XVI вѣка въ статьѣ — сказаніе о первыхъ князяхъ русскихъ: «церкви святаго апостола Петра», Опис. Синод. рукоп. *Городъ и Невостръ*, № 326, л. 47, въ Степана изв., I, 141, святаго мученика Турова, что, вѣроятно, не совсѣмъ ошибка, а лишь отношеніе къ Туровой божицѣ, о которой упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1148 г.). Авторъ Синоциса, имѣя сомнѣнія, передавая преданіе, которое существовало въ его время, говоритъ, что крещеніе совершенно было «на рѣкѣ Почайнѣ, и даже при брѣзгившій церковь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба» (8-е изд. С.-Пб. 1798, стр. 71). На церкви Петровой (о которой ср. Никои. лѣт. подъ 1008 г.) и Воронѣжской, и божицѣ Туровой мѣстность въ настоящее время неизвѣстна. Что касается до Крещатики или Хрещеника, то, по автору Синоциса, онъ получилъ названіе отъ того, что тутъ крещены были сыновья Владимира (ibid.). Но не получалъ ли онъ имя просто отъ того, что сюда ходили на водокрещи, то есть, на освященіе воды. Въ предыдущей статьѣ мы говорили предположительно, что подъ Ручаємъ должны разумѣть не Почайну, а Крещатицкій ручей; теперь мы должны сказать это положительно. Въ житіи Володимировомъ неизвѣстнаго Грека читается: «Волоса идола велѣ въ Почайну рѣку въверещи, Перуна же по-

Вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ или непосредственно предъ нимъ, какъ необходимо само собою разумѣть, Владиміромъ были сокрушены языческіе идолы, находившіеся на мѣстахъ общественныхъ молебницъ, и тотчасъ же затѣмъ было срублено потребное и возможное на первый разъ количество христіанскихъ церквей. Спеціальный вопросъ составляетъ то, когда была построена церковь въ честь ангела Владимірова св. Василя, поставленная на мѣстѣ того Перуна, который находился на холму близъ двора загороднаго терема, то-есть, послѣ собственнаго крещенія Владиміра или уже послѣ крещенія всего народа? Представлялось бы вѣроятнымъ думать, что своего ангела Владиміръ почтилъ тотчасъ послѣ своего крещенія; но такъ какъ лѣтописецъ весьма ясно даетъ знать, что холмъ, на которомъ стоялъ Перунъ съ другими идолами, былъ главнымъ языческимъ молебнищемъ Кіевлянъ, то на самомъ дѣлѣ гораздо вѣроятнѣе полагать, что Владиміръ рѣшился разрушить это молебнище только или непосредственно передъ, или непосредственно вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ, и что такимъ образомъ находилъ необходимымъ терпѣть языческія моленія подлѣ своего собственнаго дворца въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ собственнаго обращенія въ христіанство ¹⁾.

Послѣ Кіева предстояло дѣло крещенія остальной Руси. Въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ было оно ведено, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній; но представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что прежде всего крещена была область Кіевская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и затѣмъ было приступлено къ крещенію другихъ большихъ,

вѣдѣ... влещи съ горы по Боричеву на ручей». Изъ сего должно слѣдовать, что и мѣсто Боричева обыкновенно опредѣляется неправильно, то-есть, что извозъ этотъ долженъ быть полагаться ниже монастыря Михайловскаго, гдѣ его дѣйствительно и полагаетъ Симоносъ, ссылаясь на преданіе, стр. 76, Чортово беремше).

¹⁾ Когда Перунъ словочень былъ въ Дятль, то Владиміръ «пристави (приставовъ) рекъ: аще кдѣ пристанеть, вы отрывайте его отъ берега, доидже пороги проидеть, то тогда охабите его; они же поелѣная сотвориша: аю пустиша я, проиде сѣвозъ пороги, изверше и вѣтръ на рѣнь и оттолѣ прослу Перуна рѣнь, аюше и до сего дне словеть». Что разумѣются за пороги между Кіевомъ и Выдубицкимъ монастыремъ (Перуна рѣнь), сказать не можемъ. Вѣсто: рѣнь Карамзинъ (I, прим. 459) читаетъ рѣль, что по его мнѣнію значить мысъ, и что въ старомъ (ср. у него самого, V, прим. 254) и въ теперешнемъ Новгородскомъ нарѣчій значить названное мѣсто, поемный лугъ, но едва ли это основательно. Такъ какъ отрывать значило и значить оттаскивать (см. выше отрывайте), то рѣнь, можетъ быть, значить пристань, каковая и дѣйствительно была тутъ, ибо тутъ былъ перевозъ черезъ Дятль.

служившихъ центрами, городовъ съ ихъ округами. Тогдашняя Русь, только что соединенная изъ отдѣльныхъ областей, еще не представляла изъ себя сплошнаго и компактнаго цѣлаго, какъ въ настоящее время; она состояла еще изъ многихъ отдѣльныхъ цѣлыхъ, каковыми были вошедшія въ составъ всего государства частныя области: Кіевская или Полянская, Черниговская или Сѣверянская, Смоленская или Кривичская, Новгородская или Славянская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, и проч. Кіевъ, идеально ставшій столицею всего государства, названный матерью городовъ Русскихъ, на самомъ дѣлѣ въ понятіи народа еще продолжалъ быть таковою только для области Кіевской или для области племени Полинскаго. Такимъ образомъ великая переимѣна, которую народъ позволилъ совершить съ собою въ Кіевѣ, еще ничего не говорила другимъ областямъ русскимъ, потому что другія области еще смотрѣли на свои столицы и на свои старшіе города. Но для области Кіевской въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, для земли Полинской, примѣръ Кіева былъ совершенно обязателенъ. Не могла же область быть врознь съ своею столицею, съ своимъ старшимъ городомъ, въ которомъ была ея голова. „На что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“, — таково было отношеніе областей въ ихъ центрахъ: Кіевъ сдумалъ на томъ, чтобы исполнить волю князя и переимѣнить вѣру, — на чемъ же оставалось стать области, какъ не на томъ же, то-есть, чтобы безъ дальнихъ напрасныхъ раздумываній и колебаній послѣдовать его примѣру? По всему этому необходимо думать, что область Кіевская въ тѣснѣйшемъ смыслѣ вси крещена была въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ самого Кіева и безъ всякаго серьезнаго гдѣ бы то ни было сопротивленія. Одновременно съ крещеніемъ народа, по приказанію князя, были рубимы по городамъ и по селамъ, или по крайней мѣрѣ, по однимъ первымъ ¹⁾ христіанскія церкви, которыя были поставлены на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ стояли прежде кумиры.

Послѣ Кіева первымъ центральнымъ городомъ по важности былъ Новгородъ, а по близости многіе другіе города. Такъ какъ Новгородъ крещенъ былъ только въ 991 г., то необходимо думать, что начато было не съ важнѣйшаго, а съ ближайшихъ, ибо иначе спрашивалось бы: чтѣ же Владиміръ дѣлалъ въ промежутокъ времени между крещеніемъ Кіева и Новгорода ²⁾. Впрочемъ, вопросъ о по-

¹⁾ Лѣтопись говоритъ о городахъ безъ селъ.

²⁾ Предполагать, что митрополитъ и епископы прибыли не ранѣе 991 г., и

степенности и послѣдовательности для насъ не важенъ, и мы, обращаясь къ рѣчи о томъ, насколько успѣлъ Владимиръ крестить Русь, или на сколько успѣлъ распространить въ ней христіанство.

Крещеніе всей Руси, послѣ того какъ Владимиръ приступилъ къ нему, очевидно, должно было составлять главный предметъ его дѣятельности. Послѣ похода на Корсунь, когда приступлено было къ этому крещенію, Владимиръ княжилъ 26 лѣтъ: слѣдовательно, имѣлъ совершенно достаточно времени для того, чтобы употребить въ этомъ отношеніи всѣ свои заботы. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, что успѣлъ Владимиръ сдѣлать; но мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о томъ, чего онъ не сдѣлалъ, и что было дѣлаемо уже послѣ него. Предполагая съ совершеннымъ правомъ и основаніемъ, что все, о чемъ ни говорится послѣ, было уже сдѣлано имъ, мы получимъ, что онъ крестилъ половину Руси, и именно, что онъ крестилъ всю ту часть ея, которая по населенію была чисто русско-славянскою или Русью въ собственномъ или тѣснѣйшемъ смыслѣ, и что оставилъ не крещенною часть Руси не русско-инородческую (и иноплеменную). Собственную Русь составляли: Новгородскіе Славяне (не включая въ нихъ числѣ подвластныхъ имъ инородцевъ), вся часть Руси заднѣпровская, начиная съ сидѣвшихъ въ верховьяхъ Днѣпра Кривичей и кончая, вѣроятно, сидѣвшею на Днѣпрѣ сѣверною частью Тиверцевъ, и въ Руси по сю сторону Днѣпра племя Сѣверинъ, которые, сидя на Деснѣ, Семи и Сулѣ, занимали: нынѣшнюю губернію Черниговскую и сѣверныя части губерніи Полтавской и Харьковской и западную часть губерніи Курской, на востокъ по г. Курскъ включительно. Русь инородческую и иноплеменную составляли огромная область Ростовская съ Вѣлверьемъ, которую населяли инородцы Моря и Вось, область Муромская, населяемая инородцами Муромой, и земля Вятичей съ Радимичами. Послѣдніе — Вятичи съ Радимичами были Славяне, но Славяне не нашего Русскаго, а Лашскаго или Польскаго племени и были позднѣйшими къ намъ выходцами. Поселившись не среди настоящихъ Русскихъ, такъ чтобы могли быть окружены ими и ихъ вліяніемъ со всѣхъ сторонъ, а съ краю и примыкая съ одной стороны къ нимъ, а съ другой, — къ ино-

что безъ нихъ Владимиръ не хотѣлъ приступать къ крещенію остальной Руси, мы не видимъ основанія: если крещенъ былъ безъ митрополита и епископовъ Кіевъ, то почему не могли быть крестимы безъ нихъ и другіе города?

родцамъ (къ помянутымъ Мерѣ и Муромѣ) ¹⁾, они весьма долгое время имѣли склонности сознать себя Русскими еще менѣе, чѣмъ настоящіе инородцы. Еслибы судить по пространству, то нужно было бы сказать, что Владимироу была крещена меньшая половина Руси, ибо Русь собственная относилась тогда къ Руси инородческой приблизительно также, какъ въ настоящее время Европейская Россія относится къ Сибири.

Какъ было совершаемо и совершено Владимироу крещеніе собственной Руси, мы, за исключеніемъ одного Новгорода, не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній. Извѣстіе позднѣйшей лѣтописи Густинской, что Владиміръ, раздѣливъ государство на удѣлы между сыновьями, „посла съ ними (въ ихъ области) и священники, заповѣдая имъ, да каждо по всей области своей повелѣваетъ учить люди и крестить людей и церкви ставити, еже не бысть“ ²⁾, нисколько не могло бы быть принято, какъ положительное свидѣтельство, но какъ предположеніе оно не только было бы совершенно вѣроятно, но и необходимо долженствовало бы быть сдѣлано; несостоятельно оно только тѣмъ, что въ 989 году, съ котораго было приступлено къ крещенію всей Руси, сыновья Владиміра были такъ молоды, что развѣ только немногіе изъ нихъ были уже посажены на удѣлы. Что лѣтопись Густинская предполагаетъ о сыновьяхъ Владиміра, конечно, совершенно необходимо предполагать и о его посадникахъ. Но мы думаемъ, что должно быть предполагаемо не одно это, а и гораздо больше, именно—что, во первыхъ, Владиміръ самъ лично принималъ дѣятельное участіе въ крещеніи если не всѣхъ, то большей части областей, и вторыхъ, что онъ дѣятельнымъ образомъ самъ лично производилъ надворъ за тѣмъ, чтобы христіанство въ областяхъ водворилось возможно скорѣе и успѣшнѣе. Владиміръ принялъ христіанство не въ преклонной старости, а именно въ годы наибольшей способности человѣка къ дѣятельности (не вступно въ 30 или съ небольшимъ 30), а потому могъ и самъ лично заботиться о крещеніи области. Если великіе князья Кіевскіе, по свидѣтель-

¹⁾ Радимичи, сѣлавшіе по Сожѣ, занимали восточную половину губерніи Могилевской; Вятичи, сѣлавшіе къ западу отъ нихъ, въ верховьяхъ Оки, занимали сѣверный уголъ губерніи Черниговской (Гомель на ихъ западной границѣ), восточную большую половину губерніи Орловской и южную половину губерніи Калужской (ихъ города въ первой: Брянскъ, Мценскъ, Карачевъ, Сясьскъ, во второй: Воронинскъ между Калугой и Перемышлемъ, Козельскъ).

²⁾ П. Собран. Лѣтоп., II, 269.

ству Константина Порфирогенита (*De administr. impet.*, с. 9), и безъ всякой особенной нужды нѣтъ обычай проводить цѣлую половину года въ объѣздахъ своей земли, въ такъ называемомъ полюдьи, то тѣмъ болѣе Владимиръ долженъ былъ принимать поѣздки по областямъ въ виду такой нарочитой и важной нужды, какъ ихъ крещеніе и утвержденіе въ нихъ христіанства. Сыновья Владимира, по мѣрѣ того, какъ выростали и были сажаемы на удѣлы, должны были постепенно снимать съ него бремя личныхъ заботъ ¹⁾.

Новгородъ былъ крещенъ на третій годъ послѣ похода Владимира подъ Корсунь, когда пришли изъ Греціи митрополитъ и епископы, и когда Владимиромъ назначено было учрежденіе епископскихъ кафедръ. Въ Новгородъ посланъ былъ епископомъ нѣкто Іоакимъ, родомъ Корсунянинъ, который и крестилъ его, нѣтъ сомнѣнія, при совершенномъ содѣйствіи гражданской власти, хотя и безъ личнаго участія Владимира. Странное обстоятельство, что Владимиръ не принималъ личнаго участія въ крещеніи Новгорода, вѣроятно, нужно понимать такъ, что посадникомъ тамъ продолжалъ оставаться его дядя Добрыня, на котораго онъ надѣялся какъ на самого себя. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 991 годъ записано слѣдующее сказаніе о крещеніи Новгорода Іоакимомъ, которое, впрочемъ, о самомъ крещеніи сообщаетъ весьма мало или, собственно говоря, ничего: „Пришолъ изъ Новгородъ епископъ Іоакимъ, и требища разрушилъ и Перуна посѣкъ и приказалъ (стащить) и бросать въ Волховъ. Объявъ веревками, его волокли по павозу („по калу“) и били палками и пинали. И въ то время вошелъ въ Перуна бѣсъ и началъ онъ кричать: „О горе, охъ мнѣ, достался немилостивымъ симъ рукамъ“. Когда вринули его въ Волховъ, то плыва съвозъ великій мостъ, онъ бросилъ на него свою палицу и сказалъ: „Этимъ будутъ поминать меня новгородскія дѣти“,—безумные, и вынѣ боясь ей, утѣху творить бѣсамъ ²⁾. И наказалъ (епископъ), чтобы никто нигдѣ не перенималъ его. Пошелъ Пидбланипъ ³⁾ по утру на рѣку, намѣреваясь горшки

¹⁾ Въ собственной Руси Владимиромъ были посажены на удѣлы: въ Новгородъ—сначала Вышеславъ, а потомъ, послѣ его смерти, Ярославъ, въ Полоцкѣ—Изяславъ, въ Туровѣ—Святополкъ, въ землѣ Древлянской—Святославъ, во Владиміи Волынской—Всеволодъ.

²⁾ Разумѣется, страсть Новгородцевъ къ чудачинымъ боямъ, о которой ср. *Лѣт. Истор.*, I, 85.

³⁾ Въ Новгород. III-й лѣтоп. Пидбланипъ, въ Сов. Врем. Видбланипъ. Пятба или Пидба, погостъ Пидебской, съ церковію св. Николая, находился на лѣвой

нести въ городъ, а Перуяъ приплылъ къ берегу, и оттолкнулъ его шестомъ и сказалъ: „Ты, Перунице, досыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь“,—и поплыло изъ свѣта „искошное“.

Когда мы говоримъ, что при Владимирѣ крещена была вся собственно русская Русь, то этого никакъ не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто крещены были всѣ до одного человѣка. Не желавшихъ креститься, нѣтъ сомнѣній, было весьма много, какъ въ Киевѣ, такъ и вообще во всей Руси. Въ самомъ Киевѣ, то-есть, именно въ самомъ городѣ Киевѣ, полицейскій надзоръ, какъ это нужно предполагать, былъ на столько силенъ и дѣйствителенъ, что эти не желавшіе не могли укрыться и должны были, или креститься неволей, или спастись бѣгствомъ, или подвергнуться казнямъ. Но въ области Киевской, то-есть, по ея пригородамъ и селамъ, и во всей остальной Руси, какъ по городамъ, такъ и по селамъ, значительная часть не желавшихъ креститься имѣли полную возможность скрываться, а слѣдовательно, и скрывались. Такимъ образомъ, это дѣло о крещеніи должно понимать такъ, что было крещено большее или меньшее большинство жителей, что язычество было объявлено вѣрою запрещенною и преслѣдуемою, и что оно, хотя далеко еще не перестало существовать, стало вѣрою тайною, подобно расколу старообрядства во времена его сильнѣйшихъ преслѣдованій.

Мы уже начинали говорить выше, что совершенная покорность Русскихъ въ дѣлѣ перемѣны вѣры волѣ князя и такъ называемое мирное распространеніе христіанства на Руси есть не что иное, какъ невозможная выдумка нашихъ неумѣренныхъ патріотовъ, хотящихъ приносить здравый смыслъ въ жертву своему патріотизму. Нѣтъ сомнѣній, что введеніе новой вѣры сопровождалось немалымъ волненіемъ въ народѣ, что были открытыя сопротивленія и бунты, хотя мы и не знаемъ о нихъ никакихъ подробностей. О крещеніи Новгородцевъ сохранилась пословица, что „Путья крестилъ ихъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Это, очевидно, значитъ, что въ Новгородѣ новая вѣра была встрѣчена открытымъ возмущеніемъ, и что для подавленія послѣдняго потребовались и были употреблены самыя энергическія мѣры. Въ то время собственная Русь, кромѣ раздѣленія на многія

сторонъ Волхова, при впаденіи въ него рѣчки Питьбы или Пидьбы, въ трехъ, а по другимъ, въ четырехъ, стѣнахъ вѣрстахъ отъ Новгорода; см. *Карамзинъ*, III, прим. 327, V, прим. 254, и IX, прим. 268; Новгородскія писцовыя книги, III, С.-Пб. 1868, стр. 13 и 21; и *Неволина*, О итинѣхъ, стр. 120 и 389.

области, раздѣлялась еще на двѣ большія половины, которыя сдѣлалъ изъ нея союзъ данничества инноплеменникамъ предъ основаніемъ собственнаго государства, именно—на половину сѣверную, съ Новгородомъ во главѣ, которая передъ Рюрикомъ платила дань Варагамъ, и половину южную, съ Києвомъ во главѣ, которая платила передъ нимъ дань Хазарамъ. Со всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, что половина Руси, издавна до нѣкоторой степени тянувшая къ Киеву, послѣдовала его примѣру въ дѣлѣ перенѣны вѣры значительно съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ половина сѣверная (состоявшая изъ Новгородцевъ, Кривичей, Полочанъ и Дряговичей), для которой примѣръ Києва не могъ имѣть ни малѣйшей нравственной обязательности.

Преимущественная защита всякой вѣры естественна ея, нарочитымъ служителямъ, которые, съ одной стороны, обязуются къ тому своимъ призваніемъ, а съ другой—побуждаются личнымъ интересомъ. Наше язычество не имѣло нарочитыхъ служителей въ собственномъ смыслѣ или жрецовъ, а имѣло только волхвовъ, которые специально себя присвоили прорицаніе будущаго и вообще практику всего сверхъестественнаго. Несомнѣнно, что сословіе волхвовъ въ языческой Русѣ было очень многочисленно; имѣемъ положительныя данныя для заключенія, что волхвы имѣли желаніе, противодействовать введенію христіанства¹⁾: но за всѣмъ тѣмъ мы вовсе не полагаемъ, чтобы правительство должно было одолѣть ихъ въ пастоящей систематической борьбѣ. Сословіе нашихъ волхвовъ не было сословіемъ организованнымъ, такъ чтобы борьба съ ихъ стороны могла быть вѣдена общемою массой и по одной общей командѣ. Они представляли борцовъ немалочисленныхъ, но разрозненныхъ и одиночныхъ, а при такомъ положеніи дѣла правительству, какъ оно поступало послѣ²⁾, не было затрудненія освободиться отъ нихъ тѣмъ, что они внезапно исчезали и пропадали безъ вѣсти, бывъ по мѣрѣ ихъ опасности или заключены въ тюрьмы, или предаваемы смертной казни.

Мы сказали, что Владиміръ крестилъ всю собственную Русь и оставилъ не крещенною Русь инородческую. Въ продолженіе 26 дѣтъ, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ находился въ полной возможности крестить не только первую, но и вторую. Если онъ не сдѣлалъ послѣдняго, то нѣтъ сомнѣнія, не по недостатку време-

¹⁾ Ибо знаемъ о нихъ нѣкоторыя попытки къ изгнанію христіанства, уже введеннаго, изъ лѣтоп. подъ 1071 г.; обстоятельно скажемъ ниже.

²⁾ Лѣтоп. подъ 1071 г.

ни. Нельзя полагать причиной сего в то, чтобъ онъ встрѣтилъ между инородцами непреодолимое сопротивление. Это сопротивление могло быть; но еслибъ онъ захотѣлъ одолѣть и сокрушить его, еслибъ онъ захотѣлъ прибѣгнуть къ крещенію огнемъ и мечемъ, какъ это, по свидѣтельству пословицы, случилось съ Новгородцами, то нѣтъ сомнѣнія, онъ успѣлъ бы постоять на своемъ и достигнуть своей дѣли. Необходимо думать, что онъ оставилъ инородцевъ до времени въ покоѣ по побужденіямъ государственнаго благоразумія. Всѣ они давно были данниками Руси (Моря съ Весью и Муромъ—со времени Рюрика, Вятчи—со времени Олега); но пока оставались инородцами, они все были некрѣпки къ Руси и все еще не составили настоящей Руси. Необходимо было позаботиться о томъ, чтобъ обрушить ихъ. Но чтобъ успѣшнѣе и скорѣе достигнуть этого послѣдняго, благоразуміе требовало не раздражать ихъ, не возбуждать искусственнымъ образомъ чувства ихъ особой національности и не давать имъ повода поднимать знамя возстанія за отеческую вѣру, чѣмъ легко создавалась бы упорная вражда, имѣвшая надолго отчудить ихъ отъ Русскихъ. Заботиться объ ихъ обрушеніи прежде, чѣмъ о ихъ крещеніи, предписывала политика или государственное благоразуміе, но въ то же время дѣло было въ такомъ положеніи, что съ достиженіемъ одной цѣли, достигалась и другая: сдѣлавшись Русскими, они, такъ сказать, ео ipso имѣли сдѣлаться и христіанами. Вятичи съ Радимицами, какъ уже мы говорили, не были инородцы въ собственномъ смыслѣ, но они были столько строптивы, что съ ними надлежало обращаться еще болѣе осторожно, чѣмъ съ настоящими инородцами: послѣ перваго покоренія Олегомъ, они были потомъ снова покоряемы Святославомъ и дважды самимъ Владимиромъ.

И такъ, Владимиръ, какъ креститель Руси, долженъ быть разумѣемъ таковымъ въ смыслѣ возможно обширномъ, полномъ и собственномъ. Онъ былъ ея крестителемъ не только въ томъ смыслѣ, что положилъ первое начало введенію въ ней христіанства и замѣнилъ имъ язычества, что сдѣлалъ первый нѣкоторый приступъ къ ея крещенію, но и въ томъ смыслѣ, что онъ дѣйствительно крестилъ всю Русь и все Русское государство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго, какъ собственной Руси. Крещеніе всей Руси вовсе не должно быть понимаемо такъ, что крещены были всѣ до одного человѣка; его полное водвореніе въ ней должно было быть не столько внутреннее и настоящее, сколько наружное и просто внѣшнее; но дѣло, по самому его существу, и могло быть сдѣлано въ томъ и другомъ отпо-

шеніи, только болѣе или менѣе поверхностно: что можно было сдѣлать Владимиру для общаго крещенія Руси и для полнаго водворенія въ ней христіанства, то не только было имъ начато, но и исполнено и до совершеннаго конца было сдѣлано.

Мы говорили выше, что Владимиръ не только былъ крестителемъ Руси, но хотѣлъ быть и ея просвѣтителемъ, желалъ и имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее страной не только христіанскою, но и европейскою во всемъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Корсуни, или приведши самъ вмѣстѣ съ священниками, или получивъ немного спустя времени вмѣстѣ съ митрополитомъ и епископами ученыхъ людей и учителей, Владимиръ роздалъ этимъ послѣднимъ въ ученіе дѣтей „нарочитыя чада“, то-есть, своихъ бояръ, и по всей вѣроятности, лучшихъ гражданъ кievскихъ. Весьма неудачнымъ образомъ предполагая, что дѣти нарочитой чады набраны были для приготовленія въ священники, въ этомъ распоряженіи Владимира, обыкновенно, видятъ заботу, относившуюся къ церкви. Но дѣти знатныхъ людей не могли быть набраны для сейчасъ указанной цѣли, ибо, съ одной стороны, они нужны были для государственной службы, а съ другой — отцы ихъ не могли имѣть ни малѣйшей охоты отдавать ихъ для приготовленія въ священники, которые должны были выбираться не изъ знати, а совсѣмъ изъ другихъ сословій. Дѣти знатныхъ людей могли быть набраны для ученія только съ тою цѣлью, чтобы стать людьми болѣе или менѣе просвѣщенными независимо ни отъ какихъ практическихъ цѣлей; иначе сказать, упомянутое распоряженіе Владимира означаетъ, что съ генераціи набранныхъ дѣтей онъ хотѣлъ водворить въ русскомъ высшемъ обществѣ греческое просвѣщеніе. Къ обстоятельной рѣчи объ этомъ мы возвратимся послѣ.

Такова исторія крещенія Владимира и крещенія имъ Руси. Къ нему не приходили послы или миссіонеры отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ вѣрѣ, хотя и могли приходить; онъ не посылалъ своихъ пословъ для осмотра вѣрѣ на мѣстахъ и для выбора лучшей между ними, ибо подобное посольство есть вещь невозможная и невысказанная: онъ принялъ греческое православное христіанство не какимъ-нибудь безпримѣрнымъ образомъ въ исторіи и не съ какою-нибудь сказочною замысловатостью, а совершенно просто и естественнымъ, какъ принимали христіанство всѣ европейскіе государи. Мы вовсе не питаемъ напрасной надежды, чтобы всѣ сразу согласились съ нами видѣть въ повѣсти о крещеніи Владимира, помѣщенной въ

лѣтописи, то, что она есть на самомъ дѣлѣ, то-есть, простое сочиненіе: отъ подобныхъ преданій народныхъ, особенно если они соединены съ народными предразсудками, отказываются не вдругъ. Но мы питаемъ твердую увѣренность, что при свѣтѣ критическаго житіе этого преданія весьма не долгое, и что, во всякомъ случаѣ, ея выбитіе изъ исторіи есть не болѣе какъ вопросъ времени.

Повторимъ кратко дѣйствительную исторію крещенія Владимира со всѣмъ ей предшествующимъ. Тотчасъ или скорѣ послѣ основанія нашего государства Рюрикомъ, къ великимъ князьямъ нашимъ начали являться на службу изъ Константинополя Варяги-христіане, и во вторую половину княженія третьяго изъ нихъ—Игоря, этихъ Варяговъ-христіанъ собралось въ Кіевѣ такъ много, что они составили изъ себя цѣлую общину, которая позаботилась о надлежащемъ устройствѣ себя въ отношеніи религіозномъ, завела церкви и священниковъ. Община эта со времени Игоря продолжала и оставалась существовать въ Кіевѣ до самаго крещенія Владимира. Варягамъ-христіанамъ естественно было держаться того убѣжденія, что христіанство должно смѣнить въ Россіи извѣство, какъ оно смѣнило его почти въ другихъ странахъ, а во всякомъ случаѣ имъ естественно было одушевляться непосредственнымъ желаніемъ обратить къ единой истинной вѣрѣ страну, находившуюся во мракѣ языческаго суевѣрія. Отсюда необходимо должно было случиться, что находившіеся близъ великихъ князей Варяги-христіане стали проповѣдниками передъ ними христіанства. Превосходство христіанства передъ язычествомъ такъ велико и такъ очевидно, что при нѣкоторой способности проповѣдниковъ къ проповѣди и при нѣкоторой способности слушателей къ ея пониманію, не заграждаемой никакими предразсужденіями, успѣхъ проповѣди есть именно тотъ результатъ, которому быть надлежитъ. И вотъ, такимъ образомъ проповѣди Кіевскихъ Варяговъ-христіанъ и имѣла своимъ результатомъ, что Россія черезъ своихъ князей стала странною христіанскою. Варяги обратили къ христіанству Игоря и его супругу Ольгу, и первое стало бы общею вѣрою Руси уже со времени ихъ, еслибъ они находили возможнымъ отважиться на то, чтобы перемѣнить вѣру народа. Послѣ Святослава, анти-христіанина по характеру, престолъ великокняжескій перешелъ къ внукамъ Ольги. Весьма вѣроятно предполагать, какъ то и предполагаютъ, что Ярополкъ послѣ воспитанія, полученнаго отъ Ольги, также склоненъ былъ Варягами-христіанами на сторону христіанства, какъ она сама и ея мужъ Игорь; но если

онъ имѣлъ намѣреніе и рѣшимость ввести въ Россію христіанство, то ему помѣшала въ этомъ ранняя смерть отъ руки брата. Ярополку наслѣдовалъ Владимиръ. Варяги-христіане обратились къ нему съ своею проповѣдью также, какъ къ его предшественникамъ; а слѣдствіемъ проповѣди и было то, чему при отсутствіи особенныхъ исключительныхъ препятствій и быть надлежало — его обращеніе въ христіанство. Совершенно возможное само по себѣ, это обращеніе должно было случиться тѣмъ легче, что оно было подготовлено: примѣръ дѣда и бабки, воспитаніе, полученное отъ второй, и наконецъ по всей вѣроятности, примѣръ брата — вотъ что уже предварительно имѣлъ Владимиръ въ пользу новой вѣры. Не видѣвъ у себя никакихъ послѣдовій или миссіонеровъ, не посылавъ своихъ послѣдовъ по землямъ, Владимиръ расположенъ и убѣжденъ былъ къ принятію греческаго православнаго христіанства. Киевскими Варягами-христіанами, а затѣмъ что касается до обращенія всего народа, то въ семъ послѣднемъ случаѣ, какъ необходимо думать, онъ дѣйствовалъ не только какъ человѣкъ, желающій дать другимъ истинную вѣру, но и какъ государь, сознававшій настоятельную необходимость этой вѣры — государственную. Рѣшившись креститься самъ и крестить весь свой народъ, Владимиръ не нашелъ возможнымъ сдѣлать того и другаго одновременно, но сначала крестился самъ частнымъ, и по всей вѣроятности, болѣе или менѣе тайнымъ образомъ, а къ общему крещенію народа приступилъ только послѣ довольно продолжительнаго приготовленія. Прѣдъ общимъ крещеніемъ народа Владимиру нужно было войти въ сношенія съ Греками для іерархическаго устройства будущей русской церкви; такъ какъ для цѣлей государственныхъ онъ считалъ нужнымъ для себя родственныя союзы съ императорами Константинопольскими, то и вступилъ въ эти сношенія весьма оригинальнымъ образомъ, именно — въ качествѣ побѣдителя Грековъ. Послѣ приступа къ общему крещенію народа Владимиръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много лѣтъ; вслѣдствіе того онъ не только началъ его, но и довелъ до самаго конца, крестивъ всю русско-славянскую часть Руси, которая составляла тогда собственное Русское государство.

Все внутреннее выражается и олицетворяется во внѣшнемъ. Насажженная на Руси церковь христіанская требовала внѣшняго представительства, требовала такой церкви въ смыслѣ здания, которая бы была церковью всей Руси и матерью всѣхъ церквей русскихъ, которая, однимъ словомъ, вещественно и монументально представляла

бы соборъ духовную церковь русскую (подобно тому, какъ въ московской Русѣ представлялъ ее московскій Успенскій соборъ, а нынѣ въ Русѣ петербургской представляетъ соборъ Исаакиевскій). Такую всерусскую церковь, или иначе сказать, церковь совершенно исключительную по размѣрамъ и великолѣбію; единственно каменную среди церквей деревянныхъ, Владимиръ началъ строить вскорѣ затѣмъ, какъ приступилъ къ общему крещенію народа, именно на другой годъ послѣ похода на Корсунь, и строить пять лѣтъ, окончилъ въ 996 году. Какъ бы поручая крещеную Русь покрову этой церкви, посвященной Божіей Матери (празднику Успенія) и отъ данной ей десятины, получившей названіе Десятинной, Владимиръ молился въ ней за Русь въ первый разъ по ея совершеніи: „Господи Боже! при зри съ небесъ и виждь, и посѣти винограда своего, и сверши, аже насади десница Твоя — новыя люди си, ниже обратилъ еси сердце въ разумъ познати Тебе, Бога истиннаго“. Церковь эта, вещественно олицетворявшая собою духовную русскую церковь, была поставлена на томъ холмѣ, на которомъ было главное языческое мольбище, и на которомъ стоялъ идолъ главнаго языческаго бога-Перуна, представляла собою истинный трофей христіанства надъ язычествомъ¹⁾.

¹⁾ Что Десятинная церковь была поставлена на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ Перунъ, это ясно даетъ знать лѣтопись. Послѣдній стоялъ на холмѣ вѣдъ дѣла загороднаго каменнаго терена (Лѣтоп. подъ 980 и 945 г., Лаврент., изд. 2-е стр. 53; 54 и 77, Ипатьск. изд. 2-е стр. 33, 35 и 52); но и Десятинная церковь была поставлена предъ дворомъ теремнымъ (дворъ теремный за святою Богородицею, или иначе св. Богородица предъ дворомъ теремнымъ, подъ 945 г., Давр., стр. 54, Ипатьск., стр. 35). На холмѣ этомъ, по ясному свидѣтельству лѣтописи, была поставлена церковь св. Василия: но мы полагаемъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы на одномъ холмѣ были поставлены двѣ церкви. Если лѣтопись подъ 980 г. говорить: «на томъ холмѣ нѣтъ церкви стоиши, святаго Василия есть», мы не упоминаемъ о церкви Десятинной, то это, вѣроятно, должно понимать такъ, что церковь св. Василия, построенная прежде, была поставлена на самомъ мѣстѣ Перунова идола, а Десятинная — болѣе или менѣе поодаль (собственно на мѣстѣ двора убитыхъ при Владимирѣ язычниковъ Варяговъ-христіанъ, лѣт. подъ 980 г.). Нынешнее кievское преданіе раздѣляетъ церкви Васильевскую и Десятинную весьма значительнымъ промежуткомъ мѣстъ; но относительно этого преданія должно сказать: во первыхъ, вовсе не есть нѣчто положительное и несомнѣнно доказанное, что сохранившаяся отъ древняго времени и признанная за Васильевскую церковь (Трехсвятительская) действительно есть Васильевская; вторыхъ, въ Києвѣ послѣ Владимира церквей св. Василия было построено еще нѣсколько; нынѣшняя Васильевская (Трехсвятительская) церковь, если она действительно есть Васильевская, можетъ быть принимаема, наприимѣръ,

Совершивъ великое дѣло крещенія Руси и ея введенія въ семью народовъ, призванныхъ къ исторической жизни, быть рѣшителемъ ея судьбы и нашимъ первымъ Петромъ Великимъ, Владимиръ, подобно этому послѣднему, скончался въ старости далеко не преклонной, на 55—56 году и никакъ не болѣе, 15-го іюля 1015 года.

Онъ имѣлъ нѣкоторыя частныя, рѣзко выдававшіяся черты въ своемъ характерѣ, которыя не могли остаться безъ памяти въ потомствѣ и о которыхъ такъ или иначе упоминають всѣ сказанія; которыя говорятъ о немъ. Онъ былъ, впервыхъ, изъ числа тѣхъ безгранично щедрыхъ людей, которые считаютъ все принадлежащее имъ столько же собственностью своею, какъ и всѣхъ ихъ окружающихъ; восторныхъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ истинно гуманныхъ натуръ, которыя не понимаютъ, какъ можно быть довольну самому, когда не столько же довольны и всѣ окружающіе. По всему этому, смотря на жизнь, не какъ аскетъ, которымъ онъ не былъ, а съ той, для неаскетовъ и въ предѣлахъ мѣры совершенно правильной точки зрѣнія, что „жизнь для жизни намъ дана“, Владимиръ хотѣлъ, чтобы жизнь его окружающихъ текла въ полномъ довольствѣ и веселіи, и чтобы этихъ обязанныхъ князю довольствомъ и веселіемъ людей было какъ можно болѣе. Когда Владимиръ сталъ христіаниномъ, то эта наклонность и потребность его натуры щедро допольствовать людей выразились въ христіанской добродѣтели безграничнаго милосердія къ нищимъ и убогимъ. У него было заведено, чтобы во дворцѣ великокняжескомъ каждую педѣлю былъ обильный пиръ для всѣхъ чиновниковъ дворцовыхъ и городскихъ и для лучшихъ городскихъ гражданъ при немъ самомъ и безъ него: „По вся недѣли устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боларомъ и гридемъ и соцькимъ и десятскимъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилію отъ всего“. Въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ были устраиваемы имъ нарочитые пиры, по случаю какихъ нибудь праздниковъ. Объ освященіи и по поводу освященія церкви въ Василевѣ лѣтопись говоритъ: „Постави церковь и сотвори праздникъ великъ варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя и посадники, старѣйшины

за ту церковь св. Василия, которую въ 1197 г. великій князь Рюрикъ Ростиславичъ поставилъ на Ночомъ княземъ дворъ (Ипатск., 1197). Если не ошибаемся, относительно мѣстности Десятинной церкви согласенъ съ нами и пресв. Макарій (Ист., т. I, изд. 2-е, стр. 49).

по всѣмъ градомъ и люди многи... Праздновавъ князь днѣи 8 и въ вѣзвращаеться Кіеву на Успеніе святыя Богородица ¹⁾ и ту паки сотворише праздникъ великъ, свывая бещисленное множество народа“. О христіанскомъ милосердіи Владимира къ нищимъ и убогимъ лѣтописи говоритъ: „Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу—питіе и иденіе и отъ стотѣницъ кунницами ²⁾. Устроивъ же и се, рекъ: „яко немощніи и больніи не могутъ дохѣсти двора моего“—повелѣ пристроити кола ³⁾ и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овоць разноличный, медъ въ бчелкахъ, и въ другихъ квасъ, возити по городу въпрашающимъ: кдѣ больній и нищъ, не могутъ ходити? тѣмъ раздаваху на потребу“. Могущее показаться преувеличеннымъ свидѣтельство лѣтописи исполнѣ подтверждается свидѣтельствами митрополита Иларіона и монаха Іакова. „Кто исповѣсть“, восклицаетъ первый,—„многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, аже къ убогимъ твораше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ и къ вдовамъ и къ всѣмъ требующимъ милости? Слышалъ бо глаголъ Господень... не до слышанія стави глаголанное, но дѣломъ сконча слышанное, просящимъ подаючи, нагіи одѣвая, жадныи и алчныи насыщая, болящимъ всяко утѣшеніе посылая, должныи искупая, работныи свободя. Твоя бо щедроты и милостыни и нищѣ въ челоуѣцѣхъ помянаеми суть“. Второй пишетъ: „Волѣ всего баше милостыню творя князь Володимиръ: иже немощніи и старѣи не можаху доити княжа двора и потребу взяти, то въ дворѣ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимиръ даяше. И не могу сказати многія его милостыни: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей земли Русской—и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагіи одѣвая, алчныи кормя и жадныи напаяя, странныи покоя милостію; нищія и сироты и вдовицы и слѣпыи и хромыи и трудоватыи вся милуя и одѣвая и накарма и напаяя“. На нарочитыхъ праздникахъ, каковыи освященія церквей, Владимиръ раздавалъ нищимъ огромныи деньги—до 300 и болѣе гривенъ.

Владимиръ былъ причисленъ къ лику святыхъ не тотчасъ послѣ

¹⁾ То-есть, къ храмовому празднику Десятиной церкви.

²⁾ Отъ включицъ деньгами.

³⁾ Телеги, возы.

своей смерти и даже весьма не скоро ¹⁾). Что было этому причиной, мы не можемъ сказать положительно, но съ вѣроятностью предполагаемъ, что она заключалась въ тѣхъ его изобильныхъ пирахъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Память о нихъ долго жила въ народѣ ²⁾), и они-то и могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владимира святымъ, ибо пиры и святость, которая—по позднѣйшимъ, внавшимъ въ односторонность, понятіямъ—стала непремѣннымъ синонимомъ аскетизма, должны были представляться вещами трудно совмѣстимыми. Владимиръ могъ быть признанъ святымъ, когда живая память о пированьяхъ—почестныхъ пирахъ и о столованьяхъ—почестныхъ столахъ его, наконецъ совсѣмъ исчезла, оставшись только въ былинахъ народныхъ, и когда онъ остался для представленія народнаго только крестителемъ Руси. Не знаемъ, когда именно и какъ это случилось; служба Владимиру написана по признакамъ въ періодъ до-монгольскій, но не въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка или еще ранѣе, какъ думаетъ преосв. Филаретъ, и какъ наклоненъ думать преосв. Макарій, а вѣроятно, въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, ибо для современныхъ автору ея русскихъ князей Владимиръ не дѣдъ и не прадѣдъ, а уже праотецъ ³⁾); затѣмъ, сколько имѣемъ свѣдѣній въ настоящее время, онъ называется въ лѣтописи святымъ въ первый разъ подъ 1254 г. (Ипатск. сп., ср. тамъ же подъ 1229 г.), а о правднованіи памяти его какъ святаго въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1263 г. (Лавр. сп.). Монахъ Іаковъ, защищая умершаго Владимира отъ того нареканія, что онъ не творитъ чудесъ, говоритъ: „Не дивимся, возлюбленнѣи, аще чудесъ не творитъ по смерти: мнози бо святѣи праведнѣи не сотвориша чудесъ, но святѣи суть. Рече бо нѣгдѣ о томъ святой Златоустъ: Отъ чего познаемъ и разумѣемъ свята челоувѣка? Отъ чудесъ ли или отъ дѣлъ? И рече: Отъ дѣлъ познати, а не отъ чудесъ“... и пр. Житіе Володимира и за нимъ лѣтописи, жалующь на своихъ современниковъ, что они не воздають ему по должному за его великое благодѣаніе крещенія Русской земли, забывая молиться за него въ день его памяти, вслѣдствіе чего Богъ могъ бы его прославить, говорятъ съ укоромъ: „Дивно же есть се, колико

¹⁾ См. ниже выписки изъ Житія Володимира изъ лѣтописей.

²⁾ См. Иларіона сейчасъ выше. Другое свидѣтельство—былины народные.

³⁾ Преосв. Филаретъ въ Исторіи, I, § 30, и въ Обзорѣ § 22; преосв. Макарій въ Исторіи, т. I, изд. 2-е, стр. 103.

добра сотворилъ Рустѣй земли, крестить ю. Мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестя противу оного възданію. Да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу за ны въ день преставленія его, видя бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы⁴. Владимиръ похороненъ былъ въ построенной имъ Десятинной церкви, гдѣ мраморный гробъ его поставленъ былъ рядомъ съ таковымъ же гробомъ прежде него умершей его супруги царевны Анны¹⁾. Мощи Владимира, въ нашествіе Монголовъ погребенныя подъ развалинами Десятинной церкви, оставались въ землѣ до первой половины XVII вѣка, до митрополита Петра Могилы. Этотъ послѣдній, возобновляя въ 1635 г. Десятинную церковь, нашелъ гробъ Владимира и вынулъ изъ него останки (всѣ находившіеся или только часть—неизвѣстно), изъ коихъ въ настоящее время глава находится въ большей церкви Печерскаго монастыря, ручная кость—въ Києво-Софійскомъ соборѣ, одна челюсть отъ главы—въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Эта послѣдняя прислана была въ даръ царю Михаилу Осодоровичу Петромъ Могилою въ 1640 г., при чемъ митрополитъ между прочимъ просилъ государя, чтобъ онъ велѣлъ своимъ государственнымъ мастеромъ своею царскою казною сдѣлать раку на мощи прародителя своего святаго и равноапостольнаго князя Владимира, которая поставлена будетъ съ его мощи у святой Софіи, уже сооружи великій князь Ярославъ сынъ его² (Акты Южн. и Западн. Росс., III, стр. 29 и 44). Перенесеніе мощей изъ Десятинной церкви въ Софійскую, вмѣстѣ съ гробомъ преп. Θεοδοσία Печерскаго (sic), предполагалось совершить въ томъ же году, но полученія раки (тамъ же, стр. 29).

Е. Голубинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

¹⁾ Которая умерла въ 1011 г. Что Владимиръ погребенъ въ Десятинной церкви, о томъ говоритъ наша лѣтопись; что гробъ его былъ поставленъ именно рядомъ съ гробомъ его супруги царевны Анны, о томъ говоритъ Дитмаръ Мерзебургскій, называющій Десятинную церковь церковью св. Климента, Chgonin, I. VII, с. 52.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Учебникъ русскаго языка для трехъ нижнихъ классовъ гимназій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ латинскимъ языкомъ по руководству К. Я. Бѣлицкаго. Сост. Г. Преображенскій. Курсъ перваго класса. Одесса, 1875 г.

Изданіемъ настоящаго учебника русскаго языка г. Преображенскій имѣлъ въ виду облегчить, во первыхъ, задачу параллельнаго преподаванія русской этимологіи съ латинскою въ двухъ нижнихъ классахъ гимназій такимъ образомъ, чтобы каждая отдѣльная статья грамматики объяснялась прикѣпительно сначала къ русскому языку, а затѣмъ къ латинскому (Сборн. пост. и расп. по гимназ. стр. 195), и во вторыхъ, облегчить ученикамъ усвоеніе правилъ латинской русской этимологіи.

Для достиженія большаго удобства въ параллельномъ прохожденіи обѣихъ этимологій (русской и латинской), г. Преображенскій счелъ за лучшее согласовать матеріалъ учебника русскаго языка съ матеріаломъ латинскаго учебника и остановился въ этомъ случаѣ на латинскомъ руководствѣ г. Бѣлицкаго (Учебникъ латинскаго языка для первыхъ трехъ классовъ гимназій, изданіе пятое. Одесса, 1873) съ одной стороны—потому, что означенный учебникъ исчерпываетъ министерскую программу, а съ другой—отличается достоинствами, на которыя уже было указано критикомъ (см. *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1874 г., сентябрь, стр. 33 и слѣд.).

Согласуя матеріалъ учебника русскаго языка съ латинскимъ учебникомъ г. Бѣлицкаго, г. Преображенскій предлагаетъ преподавателю русскаго языка и примѣрное распредѣленіе матеріала обѣихъ этимологій для параллельнаго прохожденія ихъ, которое, впрочемъ, каждый преподаватель русскаго языка, какъ говоритъ авторъ,—можетъ

измѣнять по своему усмотрѣнію. Не признавая такимъ образомъ примѣрное распредѣленіе матеріала обѣихъ этимологій обязательнымъ для преподавателя русскаго языка, авторъ этимъ самымъ уже показываетъ, что оно не можетъ быть и вполнѣ удовлетворительнымъ для параллельнаго прохожденія русской и латинской этимологій. И дѣйствительно, сличая предлагаемое г. Преображенскимъ примѣрное распредѣленіе матеріала русской этимологій съ латинскою этимологіей г. Бѣлицкаго, нельзя не замѣтить нѣкоторой шаткости и нецѣлесообразности въ распредѣленіи параграфовъ.

По примѣрному распредѣленію матеріала обѣихъ этимологій г. Преображенскій предлагаетъ по русскому языку иногда больше, а иногда и меньше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ въ виду параллельнаго прохожденія обѣихъ этимологій, такъ и усвоенія учениками предлагаемаго матеріала русскаго учебника. Такъ, когда по латинскому языку ученики знакомятся съ чтеніемъ и письмомъ, по русскому учебнику г. Преображенскаго они должны пройти *предварительныя синтаксическія свѣдѣнія* (§§ 1—22). Чтѣо разумѣетъ авторъ подъ предварительными синтаксическими свѣдѣніями, неизвѣстно—то ли, что ученики должны получить понятіе о простомъ предложеніи, главныхъ и второстепенныхъ его членахъ, сказуемомъ простымъ и составномъ, или же и тѣ *предварительныя синтаксическія свѣдѣнія*, которыя указаны самимъ имъ въ примѣрномъ распредѣленіи матеріала обѣихъ этимологій (§§ 1—22), то-есть, понятіе о главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, объ образованіи и видахъ придаточныхъ предложеній, чтѣо составляетъ почти курсъ втораго класса гимназій? Если такъ, то ученики должны пройти по русскому языку, въ весьма короткое время, больше, чѣмъ можетъ быть пройдено на самомъ дѣлѣ, ибо они еще не имѣютъ достаточно этимологическихъ свѣдѣній, напримѣръ, о глаголѣ и его формахъ, нарѣчіяхъ, хѣстоименіяхъ относительныхъ и проч., а между тѣмъ должны толковать о предложеніяхъ придаточныхъ, полныхъ и сокращенныхъ, объ образованіи придаточныхъ предложеній и т. п., словомъ должны пройти по русскому языку тѣ отдѣлы, которые возможны только въ концѣ курса перваго класса гимназій.

Что ученики пройдутъ въ это время меньше по русскому языку, чѣмъ слѣдуетъ въ виду параллельнаго прохожденія обѣихъ этимологій, въ этомъ убѣдиться не трудно изъ дальнѣйшаго примѣрнаго распредѣленія матеріала. Ученики, познакомявшись съ первымъ и вторымъ латинскимъ склоненіемъ, приступаютъ по руководству г. Бѣлицкаго къ упражненіямъ въ переводѣ фразъ съ латинскаго на рус-

скій и обратно съ сказуемымъ составнымъ, выраженнымъ какъ именемъ существительнымъ, такъ и прилагательнымъ (Упражненія, §§ 1 — 11); по русскому языку они должны въ это время пройти, по учебнику г. Преображенскаго, отъ § 23 — 35, то-есть, получить понятіе объ этимологіи, образованіи частей рѣчи, о различныхъ понятіяхъ выраженныхъ словами, понятіе о корнѣ, суффиксахъ, флексіи, о словахъ первообразныхъ и производныхъ, простыхъ и сложныхъ и т. д., словомъ — пройти такіе отдѣлы русской грамматики, которые умѣстны уже во второмъ классѣ, или по крайней мѣрѣ, въ концѣ второго полугодія перваго класса и совершенно немислимы въ первомъ полугодіи, когда они не умѣютъ еще правильно склонять и спрягать, отличать части рѣчи и т. п. А между тѣмъ въ латинскихъ упражненіяхъ, по учебнику г. Бѣлицкаго, ученики сразу встрѣчаются съ такими этимологическими формами русскаго языка, о которыхъ они еще не имѣютъ понятія, и о которыхъ преподавателю русскаго языка необходимо сообщать имъ свѣдѣнія. Первая фраза латинскаго учебника: *pater est bonus*, а въ русскомъ учебникѣ стоитъ фраза: братъ [есть] добръ. Хотя г. Преображенскій и говоритъ (§ 9), что въ русскомъ языкѣ имя прилагательное, когда оно служитъ сказуемымъ, ставится съ краткимъ окончаніемъ, напримѣръ: рѣка *лубока*, ученики *внимательны* и проч., и что въ латинскомъ языкѣ вспомогательный глаголѣ и въ настоящемъ времени не опускается, напримѣръ, по латыни пушно говорить такъ: *отецъ есть добръ (pater est bonus)*; но спрашивается, когда же ученики перваго класса на столько познакомились и съ склоненіемъ русскихъ прилагательныхъ, полныхъ и краткихъ, и съ спряженіемъ вспомогательнаго русскаго глагола, что для нихъ на урокахъ латинскаго языка не составитъ большой трудности осмыслить и этимологически, и синтаксически и безошибочно перевести на латинскій языкъ, хотя въ родѣ слѣдующихъ, фразы: мать [есть] озабочена, яблоко [есть] кругло, многія животныя [суть] безвзлывы, Персы были воинственны, строгое наказаніе лѣниваго ученика было справедливо и т. п.? На практикѣ, думаемъ мы, будутъ постоянно встрѣчаться ошибки, зависящія или отъ незнанія частей рѣчи: кругло, озабочена, справедливо и т. п., или отъ незнанія формъ русскаго вспомогательнаго глагола: суть, было и т. д. Надо, впрочемъ, замѣтить и то, что для учениковъ, только начинающихъ учиться грамматически русскому языку, спряженіе вспомогательнаго глагола *быть* составляетъ такую же трудность въ заучиваніи формъ: *есмь, еси, есми, есте* и проч., какъ и спряженіе латинскаго глагола: *sunt*,

es, sumus, estis и проч. А: пока ученики еще незнакомы съ спряженіемъ русскаго вспомогательнаго глагола *быть* и съ склоненіемъ именъ прилагательныхъ, полныхъ и краткихъ, то очевидно, преподавателю латинскаго языка постоянно придется обращать вниманіе учениковъ то на формы русскаго вспомогательнаго глагола *быть* и значеніе ихъ въ предложеніи, то на полныя и краткія формы именъ прилагательныхъ и такимъ образомъ, въ ущербъ занятію по латинскому языку, исправлять пробѣлы учебника русскаго языка.

Поэтому гораздо целесообразнѣе будетъ ограничить кругъ предварительныхъ синтаксическихъ свѣдѣній §§-ми 1—12 по учебнику г. Преображенскаго, а остальное время употребить на основательное знакомство учениковъ съ склоненіемъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, съ спряженіемъ вспомогательнаго глагола и съ значеніемъ его въ русскомъ языкѣ, словомъ, вслѣдъ за понятіемъ о предложеніи съ составнымъ сказуемымъ ученикамъ будетъ предложенъ и грамматическій матеріалъ такого предложенія, то-есть, ученикамъ будетъ сообщено то, чѣмъ и начинаются латинскія упражненія по учебнику г. Вѣлицкаго. Такое измѣненіе въ предлагаемомъ г. Преображенскимъ примѣрномъ распредѣленіи матеріала обѣихъ этимологій я считаю и потому еще необходимымъ, что по латинскому учебнику г. Вѣлицкаго за §§ 1 — 11, направленными къ приученію учениковъ узнавать родъ существительныхъ по окончанію и значенію, согласованію подлежащаго съ сказуемымъ, выраженнымъ именемъ прилагательнымъ, склоняющимся по первому и второму склоненію именъ существительныхъ, слѣдуетъ параграфъ, состоящій изъ предложеній съ такъ называемымъ обращеніемъ, то-есть, направленный на основательное знакомство учениковъ съ звательнымъ надежомъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ перваго и втораго склоненій въ отличіе отъ надежа именительнаго и на знакомство съ формами глагола *sum* въ *praesens* и *perfectum*.

Въ этомъ случаѣ ученикамъ постоянно придется обращаться съ такими формами русскаго вспомогательнаго глагола, о существованіи которыхъ они никогда еще и не слышали и не употребляли въ рѣчи; напримѣръ: мальчикъ, ты [еси] болѣнь, тѣнистый лѣсъ, ты [еси] убѣжище многихъ животныхъ и т. п. Между тѣмъ, знакомство съ русскимъ вспомогательнымъ глаголомъ, по примѣрному распредѣленію матеріала обѣихъ этимологій, отнесено къ тому времени, когда по латинскому учебнику г. Вѣлицкаго ученики приступаютъ уже къ упражненіямъ на

praesens и perfectum indicat. глаголовъ 1-го спряженія и на употребленіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ въ косвенныхъ падежахъ.

Что же касается тѣхъ параграфовъ учебника г. Преображенскаго (§§ 23—35), которые, по примѣрному распредѣленію матеріала объихъ этимологій, должны быть пройдены за предварительными синтаксическими свѣдѣніями, то удобнѣе отнести ихъ къ тому времени, когда ученики занимаются склоненіемъ и спряженіемъ, когда, стало быть, и будетъ умѣстно сообщить ученикамъ понятія о корнѣ, суффиксахъ, основѣ слова, словахъ производныхъ и коренныхъ и проч., а главнымъ образомъ какъ этого требуетъ и учебный планъ русскаго языка, отнести означенные параграфы учебника г. Преображенскаго къ концу учебнаго года, когда ученики систематически будутъ проходить и повторять курсъ перваго класса.

Когда же ученики вполнѣ намыкнутъ въ распознаваніи падежей именъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ спряженіи вспомогательнаго глагола, слѣдуетъ приступать къ дальнѣйшему ученію о русскомъ глаголѣ. Къ этому же времени будетъ весьма полезно и умѣстно отнести основательное знакомство учениковъ съ употребленіемъ въ русскомъ языкѣ косвенныхъ падежей послѣ глагола и имени существительнаго (и разумѣю тутъ, главнымъ образомъ, употребленіе родительнаго и винительнаго падежей именъ существительнаго и глагола), такъ какъ при передачѣ русскаго текста на латинскій не только ученики перваго класса, но даже и втораго весьма часто грѣшатъ противъ употребленія падежей, особенно противъ винительнаго падежа послѣ глагола, который они замѣняютъ родительнымъ падежомъ послѣ имени существительнаго и наоборотъ. При такомъ ходѣ преподаванія русской грамматики русская этимологія будетъ предшествовать латинской по крайней мѣрѣ на шагъ, и слѣдовательно скорѣе можно достигнуть соглашеннаго преподаванія объихъ этимологій и этимъ самымъ облегчить ученикамъ усвоеніе правилъ латинской этимологіи.

Изъ ученія о русскомъ глаголѣ, какъ и рекомендуетъ г. Преображенскій, — спряженіе страдательное можно отнести къ тому времени, когда по латинскому учебнику г. Бѣлицкаго будутъ слѣдовать упражненія на страдательныя формы латинскаго глагола; но съ другой стороны, надо и то сказать, что ученикамъ весьма часто прійдется встрѣчаться на урокахъ русскаго языка съ такъ называемымъ страдательнымъ, описательнымъ спряженіемъ глагола и съ страдатель-

нынѣ оборотомъ рѣчи, о чемъ въ учебникѣ г. Преображенскаго упоминается почти въ самомъ его началѣ. Поэтому, я думаю, какъ и сказано въ объяснительной запискѣ къ учебному плану русскаго языка (стр. 195) — „безъ нужды не раздроблять ученія о русскомъ глаголѣ“ — лучше всего приурочить знакомство съ страдательнымъ, описательнымъ спряженіемъ русскаго глагола къ тому времени, когда ученики, знакомясь съ причастіями дѣйствительнаго залога, могутъ въ то же время познакомиться теоретически и практически съ причастіями другого рода — страдательными, и имѣя уже достаточное знакомство съ вспомогательнымъ глаголомъ, перейти и къ описательному, страдательному спряженію русскаго глагола. При этомъ будетъ весьма умѣстно постоянно обращать вниманіе учениковъ теоретически и практически на способъ перехода рѣчи изъ дѣйствительнаго оборота въ страдательный, такъ какъ они уже знакомы съ грамматическими особенностями и дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ. Знакомство съ дѣепричастіями дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ и съ производствомъ временъ, какъ и рекомендуетъ учебный планъ русскаго языка (стр. 196), можетъ быть отнесено къ концу втораго полугодія, а правила правописанія въ глаголахъ, какъ и въ другихъ частяхъ рѣчи, главнымъ образомъ должны быть пройдены практически.

Такимъ образомъ, когда по латинскому учебнику г. Вѣлицкаго (§§ 12 — 20) ученики должны основательно усвоить надежи остальныхъ латинскихъ склоненій, — третьяго, четвертаго, пятаго и — прилагательныхъ перваго и втораго склоненія, а изъ глагола усвоить формы только *praesens* и *perfectum* 1-го спряженія, то по русскому языку они пройдутъ почти все ученіе о глаголѣ и при дальнѣйшихъ занятіяхъ надо будетъ только пополнять опущенное раньше и постоянно вызывать въ сознаніи ихъ уже пройденное ими.

Что же касается остальнаго примѣрнаго распредѣленія матеріала обѣихъ этимологій, то гораздо цѣлесообразнѣе вслѣдъ за ученіемъ о русскомъ глаголѣ поставить ученіе о мѣстоименіяхъ (§§ 89 — 92 по учебнику г. Преображенскаго), вмѣсто ученія объ именахъ прилагательныхъ (§§ 74—83), а послѣ мѣстоименій — имена числительныя (§§ 84—88) и потомъ уже имя прилагательное и нарѣчіе. Я потому считаю болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать такое распредѣленіе матеріала обѣихъ этимологій, что по учебнику г. Вѣлицкаго въ §§ 20—30 ученикамъ весьма часто придется обращаться съ латинскими мѣстоименіями, особенно притяжательными, напримѣръ: мы поручаемъ

свои [наши] дѣла твоей заботливости; вы, друзья, не признали своихъ [вашихъ] правъ и т. п. Очевидно, что ученики постоянно будутъ ошибаться въ переводѣ русскихъ притяжательныхъ мѣстоименій соответствующими латинскими. И если г. Преображенскій не счелъ лишнимъ внести въ свой учебникъ русскаго языка латинскіе и русскіе термины наименованія частей рѣчи и нѣсколько примѣчаній, въ родѣ того, что имена прилагательныхъ въ латинскомъ языкѣ не имѣютъ, подобно русскимъ, двухъ формъ (окончаній) и т. п., то тѣмъ болѣе было бы полезно упомянуть, по самой задачѣ учебника г. Преображенскаго, объ особенностяхъ русскихъ притяжательныхъ мѣстоименій сравнительно съ латинскими.

За именами числительными (§§ 84—88 по учебнику г. Преображенскаго), на изученіе которыхъ потребуется немного времени, слѣдуетъ пройти, какъ я раньше сказалъ,—ученіе объ именахъ прилагательныхъ (§§ 74—83) и нарѣчіяхъ, по преимуществу качественныхъ (по учебнику г. Преображенскаго нарѣчія отнесены къ болѣе позднему времени, — къ §§ 93—98). И такъ какъ ученики уже достаточно познакомились съ склоненіемъ именъ прилагательныхъ, полныхъ и краткихъ, и правила правописанія въ именахъ прилагательныхъ имъ болѣе или менѣе уже извѣстны, то тутъ прійдется главнымъ образомъ обратить вниманіе учениковъ на степени сравненія именъ прилагательныхъ качественныхъ, на производство нарѣчій качественныхъ отъ именъ прилагательныхъ и на значеніе въ предложеніи именъ прилагательныхъ качественныхъ, по преимуществу краткихъ, и нарѣчій качественныхъ. Это распредѣленіе матеріала русской этимологіи тѣмъ болѣе будетъ цѣлесообразнымъ, что по латинскому учебнику г. Вѣлицкаго, послѣ упражненій на мѣстоименія личныя (§ 31) и прилагательныя третьяго склоненія (§ 32), слѣдуютъ упражненія на степени сравненія именъ прилагательныхъ и нарѣчій (§§ 33—35). Если въ данномъ случаѣ не познакомить учениковъ съ нарѣчіями, ихъ степенями сравненія, и не обратить ихъ вниманія на значеніе нарѣчій и именъ прилагательныхъ краткихъ въ предложеніи, то для нихъ будетъ весьма затруднительно отличать въ переводахъ съ русскаго на латинскій и обратно краткія прилагательныя имена отъ нарѣчій и нарѣчія отъ прилагательныхъ краткихъ, а слѣдовательно, ошибки въ упражненіяхъ будутъ неизбежны. Попробуйте предложить ученикамъ фразы для перевода на латинскій языкъ: «это легко, а то трудно; начало войны было весьма печально; соловей поетъ пріятнѣе, чѣмъ другія птицы и т. п.: можно быть увѣреннымъ, что поло-

вина класса не въ состояніи будетъ перевести ихъ правильно. Для однихъ *легко, трудно, пріятно* и т. п. будутъ прилагательными, а для другихъ нарѣчіями, для третьихъ и тѣмъ и другимъ.

Приурочивъ, такимъ образомъ, знакомство съ нарѣчіями и ихъ степенями сравненія къ ученію объ именахъ прилагательныхъ съ увѣренностью можно сказать, что курсъ русской этимологіи будетъ почти оконченъ, но крайней мѣрѣ въ такомъ объемѣ, въ какомъ необходимо для начинающихъ только знакомиться съ русскою грамматикой и для соглашеннаго преподаванія ея съ латинской. Тѣ же пробѣлы русской этимологіи, которые были неизбѣжны при первоначальномъ прохожденіи ея, свободно могутъ быть отнесены къ тому времени, когда ученики будутъ систематически проходить и повторять курсъ русской этимологіи.

Предлагая нѣкоторыя измѣненія въ притѣрномъ распредѣленіи матеріала обихъ этимологій (русской и латинской), составленномъ г. Преображенскимъ для параллельнаго прохожденія ихъ, я смѣю думать, что свѣдѣніи ученикомъ перваго класса по русскому языку скорѣе будутъ предшествовать латинскому учебнику г. Вѣлицкаго, чѣмъ предполагается г. Преображенскій, и слѣдовательно, болѣе помогать усвоенію правилъ латинской этимологіи и соответствовать параллельному преподаванію русскаго языка съ латинскимъ, такъ, чтобы каждая отдѣльная статья грамматики объяснялась притѣпительно сначала къ русскому языку, а затѣмъ къ латинскому. (Сборн. пост. и расч. по гимн. и проч., стр. 195).

Что касается самаго учебника русскаго языка, то г. Преображенскій прямо сознается, что „не претендуетъ на самостоятельность своего труда“ (пред., III стр.). Стало быть, учебникъ г. Преображенскаго заключаетъ въ себѣ только повтореніе того, что уже есть въ другихъ учебникахъ? Если такъ, то зачѣмъ же было и появляться ему на свѣтъ? Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ высказаннымъ однимъ изъ нашихъ педагоговъ: „Чѣмъ больше появляется новыхъ учебниковъ одного и того же предмета (русской грамматики), и чѣмъ больше и скорѣе исправляются они своими авторами, тѣмъ естественнѣе предположить, что въ каждомъ изъ нихъ были и есть свои особенности, въ каждомъ были и есть своего рода неточности и погрѣшности, требующія исправленія. Иначе зачѣмъ было бы и являться новымъ и исправляться прежнимъ грамматикамъ, еслибы всѣ онѣ учили русской грамотѣ и одинаково, и правильно?“

Приступая къ краткому обзору содержанія учебника г. Преображенскаго, я намѣренъ коснуться только тѣхъ сторонъ его, которыя сразу останавливаютъ на себѣ вниманіе, частію своимъ разногласіемъ съ другими такими же учебниками, а частію неточностію въ объясненіи синтаксическихъ правилъ и этимологическихъ формъ русскаго языка.

Первые параграфы (§§ 1—22) своего учебника авторъ посвящаетъ предварительнымъ синтаксическимъ свѣдѣніямъ. Въ параграфѣ первомъ авторъ сообщаетъ ученикамъ понятіе о синтаксисѣ. Въ общемъ систематическомъ учебникѣ русскаго языка, конечно, необходимо дать мѣсто понятію о синтаксисѣ, этимологіи, орфографіи, просодіи; но въ учебникѣ, предназначенномъ для учениковъ перваго класса, я думаю, неумѣстно и преждевременно *сразу* сообщать понятіе о синтаксисѣ, когда они не имѣютъ еще понятія о простомъ предложеніи, составѣ его, вообще не имѣютъ никакихъ этимологическихъ познаній. Сообщая ученикамъ понятіе о синтаксисѣ, если только наука должна быть послѣдовательна, необходимо сообщить понятіе и объ этимологіи. Поэтому г. Преображенскому надо было бы § 23 (понятіе объ этимологіи) или слить съ § 1, или же оба ихъ поставить рядомъ; но самъ авторъ сознаетъ, что, говоря объ этимологіи, надо было бѣ уже коснуться понятія о корнѣ, основѣ, суффиксахъ слова и проч., то-есть, такихъ сторонъ языка, знаніе которыя ученикамъ преждевременно и неумѣстно, поэтому авторъ и относитъ понятіе объ этимологіи только къ § 23. Къ этому же изложенное г. Преображенскимъ понятіе о синтаксисѣ недостаточно и отличается неясностію и неопредѣленностію. Авторъ начинаетъ такъ: „Человѣкъ одаренъ способностію выражать свои мысли объ окружающихъ его предметахъ словами, но для того, чтобы изъ отдѣльныхъ словъ получилась понятная мысль, нужно, чтобы слова были приведены въ порядокъ; не будетъ, напримѣръ, понятно, если мы скажемъ: міръ, создать, Богъ“. Но такъ никто и не скажетъ, а между тѣмъ можно сказать: міръ создалъ Богъ (а не кто нибудь другой) или: міръ создалъ Богъ (сотворилъ). Очевидно, для понятной рѣчи имѣетъ значеніе не столько порядокъ словъ, сколько способъ употребленія формы реченій. И безграмотные, никогда не слышавшіе о томъ, что такое грамматика, все-таки говорятъ совершенно понятнымъ для другихъ языкомъ. Ошибка г. Преображенскаго въ томъ, что предметъ синтаксиса онъ желаетъ опредѣлять буквальнымъ значеніемъ этого слова, хотя въ переводѣ на русскій языкъ оно значитъ не столько поря-

докъ, сколько *нарядъ*. „Слѣдовательно“, продолжаетъ авторъ,—„отдѣльные слова для выраженія мысли, которую мы предлагаемъ вниманію другихъ, подчиняются известнымъ правиламъ“. Изъ того, что раньше сказано авторомъ, никакъ не слѣдуетъ такое заключеніе. „Эти (какія?) правила, указывающія, какъ изъ отдѣльныхъ словъ составлять понятную для другихъ мысль, излагаются въ особой части грамматики (но вѣдь ученики еще не знаютъ другихъ частей грамматики?), называемой синтаксисомъ“. Итакъ, синтаксисъ излагаетъ правила, указывающія, какъ составить понятную для другихъ мысль. Но, повторяемъ, развѣ ученики перваго класса до знакомства съ предварительными синтаксическими свѣдѣніями по учебнику г. Преображенскаго, не говорили для другихъ понятнымъ языкомъ, не составляли изъ отдѣльныхъ словъ понятную для другихъ мысль? Очевидно, дѣло русскаго синтаксиса не указывать правила, какъ изъ отдѣльныхъ словъ составлять понятную для другихъ мысль, а какъ говорить г. Буслаевъ въ Исторической Грамматики (Введеніе, стр. 22, изд. 3-е), объяснять значеніе и употребленіе частей рѣчи и ихъ измѣненій, составъ предложеній простыхъ и сочетаніе ихъ въ предложеніяхъ сложныхъ и въ періодахъ. Къ опредѣленію синтаксиса г. Преображенскій обращается еще разъ въ своемъ учебникѣ (§ 23) и беретъ содержаніе его шире, говоря, что синтаксисъ излагаетъ правила, „какъ соединить нѣсколько предложеній (равносильныхъ съ равносильными, или же главныхъ съ придаточными) для того, чтобы получилась правильная, понятная для другихъ рѣчь“. Но этимъ понятіе о синтаксисѣ нисколько не уясняется, а скорѣе затемняется, такъ какъ тутъ ученики встрѣчаются еще съ новыми терминами (соединеніе предложеній равносильныхъ съ равносильными), о которыхъ въ предыдущихъ параграфахъ учебника ни слова не говорилось.

Понятіе о синтаксическомъ разборѣ (§ 4) изложено такъ же неудовлетворительно въ учебникѣ г. Преображенскаго, какъ и понятіе о синтаксисѣ. Авторъ говоритъ, что разобрать какое-либо предложеніе (синтаксически?) значитъ указать—гдѣ находятся подлежащее и сказуемое. Подлежащее можно узнать по вопросамъ *кто* или *что*, а сказуемое узнаемъ по вопросамъ: *что* о предметѣ, (то-есть, о подлежащемъ) говорится? *что* съ предметомъ дѣлается или въ какомъ положеніи онъ находится? Итакъ, разобрать предложеніе синтаксически значитъ отвѣтить на указанные вопросы, то-есть, отыскать подлежащее и сказуемое даннаго предложенія. Въ § 1 авторъ говоритъ, что синтаксисъ излагаетъ правила, какъ изъ отдѣльныхъ словъ составлять пра-

вильную понятную для другихъ мысль, а въ § 23—какъ составлять изъ предложеній понятную для другихъ рѣчь, или разбирать предложеніе синтаксически—значить указать на подлежащее и сказуемое. Очевидно, такое понятіе о синтаксическомъ разборѣ болѣе узко чѣмъ понятіе о синтаксисѣ, и слѣдовательно, не можетъ быть принято.

Говори объ отношеніи второстепенныхъ членовъ предложенія къ главнымъ (§ 7), авторъ находитъ, что они употребляются для объясненія или дополненія предложенія, то-есть, они могутъ относиться или къ подлежащему, или къ сказуемому (только?) Такъ учить о значеніи второстепенныхъ членовъ предложенія и другіе учебники русскаго языка, хотя постоянно можно наталкиваться на такіе примѣры, гдѣ я второстепенные члены могутъ, въ свою очередь, имѣть при себѣ тоже слова пояснительныя; напримѣръ, „блестящія главы многихъ храмовъ въ густой зелени садовъ, высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями могли удивить враговъ“ (Карамзинъ), или: „Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія“ (Карамзинъ). Впрочемъ, и г. Преображенскій въ слѣдующихъ параграфахъ нѣсколько уже отступаетъ отъ своего взгляда на значеніе второстепенныхъ членовъ предложенія, но за то явно противорѣчитъ себѣ. Такъ, въ § 11 (о видахъ второстепенныхъ членовъ предложенія) опять говорится, что опредѣленія относятся къ главному члену предложенія, то-есть, къ подлежащему; между тѣмъ въ § 17 (о полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ) мы читаемъ такой примѣръ: „выходя изъ дому, я встрѣтилъ знакомаго, шедшаго ко мнѣ“. Очевидно, придаточное опредѣлительное предложеніе въ этомъ примѣрѣ (а придаточное опредѣлительное предложеніе, какъ учить и г. Преображенскій, образуется изъ опредѣленія главнаго предложенія, § 15) не относится къ подлежащему главнаго предложенія и не отвѣчаетъ на вопросъ прямаго падежа. Точно также авторъ противорѣчитъ себѣ и въ ученіи о дополненіи. Въ § 11 говорится, что дополненія (слова дополнительныя) потому такъ названы, что они дополняютъ сказуемое; между тѣмъ приводится такой примѣръ: „мои братья любятъ читать книги“ и говорится, что — книги — дополненіе къ дополненію читать.

Понятіе о вводномъ предложеніи въ томъ видѣ, какъ оно опредѣляется въ учебникѣ г. Преображенскаго (§ 22), отличается крайнею неопредѣленностью, неясностью, и ученикамъ трудно будетъ со-

ставить себѣ хоть какое-нибудь о немъ понятіе „Часто въ срединѣ главнаго предложенія“, говоритъ авторъ, — „вставляются (вводятся) такія предложенія, которыя *мало* имѣютъ отношенія къ главному, и потому легко могутъ быть опущены. Они называются вводными“. Какое жъ именно отношеніе имѣютъ вводныя предложенія къ главному—логическое или грамматическое? Если логическое, то какъ слѣдуетъ понимать слово—*мало*, какое понятіе или представленіе можно имѣть о немъ? Впрочемъ, сличая данное г. Преображенскимъ опредѣленіе вводнаго предложенія съ другими учебниками русскаго языка, нельзя не прійти къ тому убѣжденію, что понятіе о вводномъ предложеніи отличается, почти во всѣхъ учебникахъ, шаткостью, неопредѣленностью, что сами составители учебниковъ припимаютъ различныя стороны для опредѣленія вводнаго предложенія—то грамматическую, то логическую, или же и ту и другую вмѣстѣ. Многие разсматривая вводное предложеніе чисто съ внѣшней, грамматической стороны, разногласить даже въ томъ, куда слѣдуетъ относить его, къ главному или же и къ придаточному. Такъ, въ элементарной грамматикѣ г. Говорова (изд. 10-е, стр. 11) говорится: „Вводнымъ предложеніемъ называется такое предложеніе, которое *мало* относится (см. учебникъ г. Преображенскаго) къ содержанію рѣчи, а вставляется между другими предложеніями, или частями ихъ, въ видѣ какаго-нибудь замѣчанія. Оно не связывается съ главнымъ предложеніемъ (только?) никакими словами, а потому можетъ быть и выпущено безъ нарушенія смысла“. Значить, въ грамматикѣ г. Говорова вводное предложеніе разсматривается и съ внутренней—логической стороны, по отношенію къ содержанію рѣчи, и съ внѣшней—грамматической, по отношенію къ главному предложенію: грамматическою независимостью вводнаго предложенія отъ главнаго опредѣляется и логическое отношеніе его къ содержанію рѣчи (не на оборотъ ли?). Въ грамматикѣ Востокова (изд. 12-е, по Начертанію сокращ. грам., стр. 121), вводное предложеніе разсматривается чисто съ внѣшней стороны, по грамматической связи его съ главнымъ предложеніемъ; въ грамматикахъ Иванова (изд. 15-е, стр. 76) и Антонова (изд. 9-е, стр. 117) по грамматической связи его не только съ предложеніемъ главнымъ, но и съ придаточнымъ; въ грамматикѣ Классовскаго (изд. 4-е, стр. 26) вводное предложеніе называется „вводными словами“, которыя составляютъ какую-то оговорку. Всѣ же учебники русскаго языка согласны въ томъ, что вводное предложеніе можетъ быть опущено безъ нарушенія смысла другихъ предложеній. Но по-

чему оно можетъ быть опущено—вопросъ этотъ оставленъ учебниками безъ разрѣшенія. Между тѣмъ онъ вполне выяснится, если будемъ смотрѣть на вводное предложеніе, какъ на вставленное въ средину рѣчи отъ лица говорящаго, въ которомъ выражается или основаніе мысли, или отношеніе лица говорящаго къ содержанию рѣчи. Если лицо говорящее утверждаетъ истинность передаваемого событія или мысли, то оно прибѣгаетъ къ нарѣчию (образа выраженія мысли) утвердительнымъ, которыя могутъ быть не только въ срединѣ рѣчи, но и въ началѣ, и могутъ развиваться грамматически въ вводныя предложенія, какъ-то: подлинно, истинно, точно, дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ и проч., то-есть: слѣдуетъ, надлежитъ сказать истинное, подлинное, дѣйствительное. Если же лицо говорящее отрицаетъ фактъ или мысль, тогда оно пользуется слѣдующими вводными предложеніями, которыя опять таки могутъ быть и въ началѣ и въ срединѣ рѣчи, какъ то: нѣтъ, нельзя повѣрить, согласиться, не можетъ быть и др. Если же лицо говорящее принимаетъ содержаніе рѣчи, передаваемую мысль, событіе съ сомнѣніемъ, тогда вводными предложеніями являются слѣдующія: какъ мнѣ думается, кажется, по моему мнѣнію, убѣжденію, думаютъ, говорятъ, какъ слышно, и проч. Очевидно, вводныя предложенія имѣютъ только то логическое отношеніе къ содержанію рѣчи,—что они, относясь къ лицу говорящему, показываютъ основаніе его мысли, показываютъ, какъ относится само лицо говорящее къ содержанію рѣчи—утверждаетъ его, или отрицаетъ, или же допускаетъ подъ ограниченіемъ. Если выпустить вводныя предложенія, то отъ этого можетъ измѣниться только основаніе мысли или отношеніе лица говорящаго къ содержанію рѣчи, и такимъ образомъ; чтò должно быть допущено подъ сомнѣніемъ, будетъ уже выражено категорически несомнѣннымъ; чтò должно быть принято, какъ мнѣніе или мысль одного лица или нѣкоторыхъ, будетъ уже допущено, какъ истина или фактъ. Но грамматическій строй рѣчи чрезъ выпущеніе вводныхъ предложеній нисколько не измѣнится, такъ какъ они являются грамматически и логически предложеніями самостоятельными, вставленными въ содержаніе рѣчи отъ лица говорящаго. Если жъ и есть вводныя предложенія, которыя, по видимому, имѣютъ нѣкоторое грамматическое отношеніе къ содержанію рѣчи и начинаются союзами, то они и развиваются грамматически въ себѣ самихъ, безъ отношенія къ содержанію рѣчи; напримѣръ: бубны, если вѣрить пословицѣ (то я и готовъ согласиться, допустить), славны за горами, а не такъ:

бубны, если вѣрить пословицѣ, то славны за горами. Что же касается того грамматическаго опредѣленія въ учебникѣ г. Преображенскаго, что вводныя предложенія вставляются въ срединѣ главнаго и мало имѣютъ отношенія къ нему, то это ошибка, обнаружить которую не трудно примѣрами.

Въ ученіи о залогахъ (§§ 37—41) г. Преображенскій, придерживаясь обыкновеннаго ученія нашихъ грамматикъ, подчиняетъ русскій глаголѣ отвлеченной и еще не установившейся системѣ. Авторъ говоритъ о залогѣ дѣйствительномъ, среднемъ, страдательномъ, возвратномъ и взаимномъ, — стало быть, исключаетъ только общій залогъ изъ русскаго глагола. Въ основаніе этого дѣленія онъ ставитъ значеніе и форму залоговъ, или логическую и грамматическую особенность того или другаго изъ нихъ.

На основаніи такой двойственности дѣленія глаголовъ по залогамъ, стремленіе г. Преображенскаго, какъ и вообще учебниковъ русскаго языка, охватить всѣ разнообразныя оттѣнки русскаго глагола, оказывается напраснымъ, несостоятельнымъ ни передъ наукой, ни передъ употребленіемъ глагола въ живой рѣчи, что вполне ужъ и доказано капитальнымъ изслѣдованіемъ г. Некрасова: „О значеніи формъ русскаго глагола“. Достаточно въ этомъ случаѣ указать на понятіе г. Преображенскаго о глаголахъ взаимнаго залога. Въ § 40 мы читаемъ: „Большое сходство съ глаголами залога возвратнаго имѣютъ глаголы залога взаимнаго“. И далѣе: „Взаимные глаголы показываютъ дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ, которые взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, то-есть, дѣйствіе главнаго предмета переходитъ на второстепенный (откуда же второстепенный предметъ при взаимодѣйствіи двухъ предметовъ?) и, обратно, дѣйствіе второстепеннаго предмета переходитъ на главный“. Значитъ, взаимнодѣйствіе двухъ предметовъ должно быть равносильнымъ, и не должно быть ни главнымъ, ни второстепенныхъ предметовъ, иначе не можетъ быть и взаимодѣйствія. Впрочемъ, самъ авторъ сознаетъ неудовлетворительность такого понятія о глаголахъ взаимнаго залога со стороны логической, и потому обращается къ опредѣленію его со стороны грамматической и указываетъ на этимологическую и синтаксическую особенность залога взаимнаго. „Взаимный залогъ“, говоритъ авторъ, — „подобно возвратному, образуется изъ дѣйствительнаго и, подобно возвратному, по большей части оканчивается на ся (себя); но сдѣлывать ихъ нельзя, потому что глаголы взаимнаго залога имѣ-

ютъ всегда при себѣ дополненіе въ творительномъ падежѣ, и отвѣчаютъ на вопросъ *съ кѣмъ?* или *съ чѣмъ?*"

Возьмемъ теперь хоть слѣдующіе примѣры изъ учебника: „непріатели сражаются съ нашими войсками; братъ разговариваетъ съ сестрою“. Въ этихъ примѣрахъ дѣйствіе главныхъ предметовъ—непріатели, братъ—переходитъ на второстепенные—съ нашими войсками, съ сестрою,—но и второстепенные въ свою очередь, по учебнику г. Преображенскаго, дѣйствуютъ на главные. Почему же—съ нашими войсками, съ сестрою—второстепенные предметы, я составляютъ въ предложеніи *допомогіе*, когда они взаимно, равносильно дѣйствуютъ на главные предметы? Не потому ли, что они поставлены по грамматикѣ въ творительномъ падежѣ, а главные предметы—непріатели, братъ—въ именительномъ? Развѣ нельзя сказать: наши войска сражаются съ непріателями, сестра разговариваетъ съ братомъ? То-есть, второстепенные предметы, по учебнику г. Преображенскаго, слѣдъть главными, а главные второстепенными? Неудовлетворительность такого грамматическаго опредѣленія глагола взаимнаго залога объясняется тѣмъ, что какъ г. Преображенскій, такъ и другіе составители учебниковъ русскаго языка, не обратили должнаго вниманія на то, что въ слитномъ предложеніи часто два подлежащія соединяются другъ съ другомъ не союзомъ *и*, а предлогомъ *съ*, и тогда одно изъ нихъ ставится въ русскомъ и латинскомъ языкахъ въ творительномъ падежѣ, въ другихъ же языкахъ въ дательномъ, а сказуемое ихъ можетъ быть тогда или въ единственномъ, или во множественномъ числѣ. Напримѣръ: отецъ съ матерью спятъ въ сырой землѣ. Жилъ старикъ съ своею старухою у самаго синяго моря; они жили и т. д. Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ шелъ ночью вечеръ. Лѣскомъ домой, въ деревню, къ сѣнокосу и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ въ носу (Крыл.). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ творительные падежи не будутъ дополненіемъ взаимныхъ залоговъ, а подлежащими, то-есть, предметы стоящіе и въ творительномъ падежѣ, и въ именительномъ будутъ одинаково главными и въ предложеніи подлежащими. Такъ, я думаю и г. Преображенскій и другіе авторы учебниковъ русскаго языка объясняютъ на практикѣ. Если же согласиться съ г. Преображенскимъ и другими составителями учебниковъ, что послѣ взаимнаго глагола дополненіе всегда находится въ творительномъ падежѣ, отвѣчая на вопросъ *съ кѣмъ?* или *съ чѣмъ?* то спрашивается: есть ли это существенное грамматическое отличіе только взаимнаго залога отъ возврат-

наго, когда послѣ любого залога можно поставить дополненіе въ творительномъ падежѣ. Возьмемъ глаголы, приводимые г. Преображенскимъ: въ примѣрѣ дѣйствительнаго залога авторъ приводитъ глаголь „писать“; напримѣръ, сестра пишетъ письмо. Но если сказать: сестра пишетъ съ братомъ письмо, тогда глаголь „писать“ будетъ не только дѣйствительнаго, но и дѣйствительно-взаимнаго залога, и дѣйствіе главнаго предмета—„сестра“ будетъ переходить на второстепенный — съ братомъ, и обратно, что очевидно, нелѣпо. Быть любиму, уважаему, уважаться — глаголы страдательнаго залога; напримѣръ, отецъ уважается дѣтьми, а если сказать: отецъ съ матерью уважается дѣтьми, то глаголь уважаться будетъ не только страдательнаго, но и страдательно-взаимнаго. Любопытно, какъ самъ авторъ объяснялъ бы такое выраженіе изъ учебника: преподаваніе русской грамматики согласно было бы съ преподаваніемъ латинской, — будетъ ли тутъ „согласно было“ страдательный залогъ, или взаимный, или же и то, и другое. Одѣваться, мыться, купаться, собираться — глаголы возвратныя; напримѣръ, ученикъ одѣвается, но если сказать: ученикъ одѣвается, купается, собирается съ товарищемъ, то всѣ эти глаголы будутъ ужъ и возвратными, и взаимными, и дѣйствіе главныхъ предметовъ будетъ переходить на второстепенный, и обратно.

Равнымъ образомъ нельзя согласиться съ тѣмъ ученіемъ г. Преображенскаго, что залогъ взаимный, подобно возвратному залогу, образуется изъ дѣйствительнаго, и подобно возвратному, по большей части оканчивается на ся. Такъ, глаголь „разговаривать“ считается г. Преображенскимъ взаимнаго залога, напримѣръ, брать разговариваетъ съ сестрою. А по академическому словарю это глаголь средняго залога: „разговаривать — глаголь средний въ смыслѣ „вести съ кѣмъ либо разговоръ“, и никакъ не можетъ быть взаимнымъ, хотя въ смыслѣ отсвѣтывать, отвлекать кого-либо совѣтами отъ исполненія чего-либо и считается глаголомъ дѣйствительнаго залога.

Впрочемъ, и сами составители учебниковъ русскаго языка сознаются въ неудовлетворительности, несостоятельности теоріи о залогахъ русскаго глагола, и потому въ каждомъ учебникѣ, вслѣдъ за ученіемъ о залогахъ, находимъ или оговорку, или цѣлыя параграфы, трактующіе о томъ, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ отдѣльных формъ, иѣвшихъ примѣтъ, посредствомъ которыхъ можно было бы опредѣлять, къ какому залoгу принадлежитъ данный глаголь. Такъ и г. Преображенскій, вслѣдъ за параграфами, сообщающими ученикамъ понятіе о залогахъ дѣйствительномъ и среднемъ, страдательномъ,

возвратномъ и взаимномъ (§§ 37—38—39, 40), помѣщаетъ цѣлый параграфъ (§ 41) съ цѣлю убѣдить учениковъ, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ примѣтъ, посредствомъ которыхъ можно было бы опредѣлить, къ какому залогу принадлежитъ данный глаголъ; что залогъ въ русскомъ языкѣ опредѣляется смысломъ, значеніемъ глагола въ цѣломъ предложеніи, хотя и это оказывается неудовлетворительнымъ; что одинъ и тотъ же глаголъ можетъ принимать значеніе различныхъ залоговъ, то-есть, въ одномъ предложеніи можетъ быть дѣйствительнымъ, а въ другомъ—среднимъ, и т. д.; что даже глаголы дѣйствительнаго залога могутъ получить значеніе средняго, а лучше сказать: и средняго, и страдательнаго, и возвратнаго, и взаимнаго. Что же, спрашивается, толку во всемъ этомъ ученіи о залогахъ? Не есть ли это пустая трата времени на заучиваніе внесенной къ намъ изчужди системы залоговъ въ теоретическое изученіе русскаго глагола, когда одинъ и тотъ же глаголъ можетъ быть каковаго угодно залога? Не есть ли это одно школярство, или какъ выразился Даль, „одно изъ тѣхъ путей, которыя служатъ только для приглушенія памяти и понятія учениковъ“ (Толк. сл., вып. IV, стр. XXI). Если въ учебникахъ русскаго языка, въ соотвѣтствіе учебникамъ иностранныхъ языковъ, необходимо толковать о глаголахъ дѣйствительнаго, средняго и страдательнаго залога, то спрашивается, наконецъ: есть ли необходимость толковать о тѣхъ залогахъ русскаго глагола, для выраженія которыхъ ни въ языкахъ иностранныхъ, ни въ русскомъ нѣтъ особой грамматической формы, и самое опредѣленіе которыхъ, со стороны ихъ смысла, значенія, оказывается неудовлетворительнымъ?

Въ ученіи о глаголахъ нельзя оставить безъ вниманія и еще одной особенности учебника г. Преображенскаго. Въ § 53 (спряженіе страдательныхъ глаголовъ), между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Въ страдательныхъ глаголахъ видъ совершенный имѣетъ настоящее время, которое очень часто можетъ выражаться глаголами на *ся*; напримѣръ, вмѣсто „я почитаю“ говорятъ: „я почитаюсь“. Стаю быть, формы—я почитаюсь и я почитаемъ—настоящаго времени, вида совершеннаго, залога страдательнаго. Между тѣмъ, въ прилагаемомъ образцѣ спряженія страдательныхъ глаголовъ форма—я (есмь) почитаемъ—представляется формою глагола вида несовершеннаго. Такое очевидное противорѣчіе автора самому себѣ, я думаю, должно быть объясняемо ничѣмъ инымъ, какъ недомолвкой или же неточностью выраженія.

Что же касается того опредѣленія, что совершенный видъ въ страдательныхъ глаголахъ имѣетъ и настоящее время, то такое опредѣленіе находится только въ грамматикѣ г. Говорова (стр. 80, изд. 10-е, курсъ 1-й и 2-й); въ другихъ же учебникахъ русскаго языка (какъ напримѣръ, Вуслаева, Востокова, Вѣляевскаго) я не нашелъ, что страдательные глаголы вида совершеннаго имѣютъ и настоящее время. Спрашивается только, откуда могло произойти такое противорѣчивое ученіе грамматикъ русскаго языка относительно одного и того же вопроса, и какъ объяснить это противорѣчіе. Для объясненія слѣдуетъ обратиться къ капитальному изслѣдованію г. Некрасова — „О значеніи формъ русскаго глагола“ (стр. 312). Въ главѣ IV (какимъ образомъ выражаются времена въ русскомъ глаголѣ?) мы читаемъ слѣдующее: Книга читана и книга была читана. Въ первомъ случаѣ качество „читано“ просто приписывается книгѣ, какъ такой признакъ, съ которымъ предметъ останется навсегда; въ послѣднемъ же указывается на предѣлъ, на тотъ моментъ, послѣ котораго книга уже не читалась. Если къ такому разъясненію двухъ различныхъ формъ для обозначенія времени въ русскомъ глаголѣ присоединить то, что при формѣ „читана“, по требованію церковно-славянскаго языка, долженъ находиться вспомогательный глаголъ ксть (есть), то чисто внѣшняя сторона церковно-славянскаго выраженія „читана есть“, равнымъ образомъ я (есмь) закрыть, я забыть—совершенные виды настоящаго времени по учебнику гг. Преображенскаго и Говорова—дала основаніе гг. Преображенскому и Говорову полагать, что совершенный видъ въ страдательныхъ глаголахъ имѣетъ и настоящее время, тогда какъ формами: читана, закрыть, забыть, посланъ, украшенъ обозначается дѣйствіе вполне законченное, или такой признакъ дѣйствія, съ которымъ предметъ останется навсегда.

За образцомъ спряженія страдательныхъ глаголовъ, которые авторъ предпочитаетъ правильнѣе называть *одноличными*, идетъ рѣчь о причастіяхъ и дѣепричастіяхъ (§§ 55—57). Изъ учебника не видно, почему авторъ, говоря о дѣепричастіяхъ дѣйствительнаго залога, не нашелъ нужнымъ упомянуть ни слова о дѣепричастіяхъ страдательнаго залога, тогда какъ во всѣхъ учебникахъ русскаго языка такіа выраженія, какъ: будучи видимъ, будучи одѣваемъ, будучи посылаемъ, и проч., рассматриваются какъ дѣепричастія настоящаго времени, а формы: „бывъ посланъ“, „бывъ одѣтъ“ и проч., какъ дѣепричастія прошедшаго времени страдательнаго залога. Быть не мо-

желъ, чтобы такія формы были опущены въ учебникѣ только потому, что авторъ назначаетъ его по преимуществу для учениковъ перваго и втораго класса гимназій, которымъ еще рано толковать о дѣпричастіяхъ страдательнаго залога, а достаточно ограничиться дѣпричастіями только дѣйствительнаго залога.

Въ основаніе дѣленія именъ существительныхъ по склоненіямъ (§ 57) авторъ полагаетъ, что не всѣ слова „примѣняются“ (склоняются) одинаково, и потому различаетъ пять склоненій. Къ 1-му склоненію авторъ относитъ имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *ъ, ѳ, ѱ*, ко 2-му—имена съ окончаніемъ *а, я*, къ 3-му—имена съ окончаніемъ *о, е*, къ четвертому—имена женскаго рода съ окончаніемъ *ь*, къ пятому—имена средняго рода съ окончаніемъ *мя*. Но сколько мнѣ извѣстно, по знакомымъ мнѣ учебникамъ такое число склоненій существительныхъ именъ различаетъ только г. Преображенскій. И если онъ счелъ необходимымъ принять это число склоненій существительныхъ въ параллель дѣленію латинскихъ существительныхъ по склоненіямъ, то почему бы не принять трехъ залоговъ въ русскомъ языкѣ: дѣйствительнаго, страдательнаго и отложительнаго, и не сказать ради курьеза, что эти роды глаголовъ названы по аналогіи съ родами существительныхъ именъ, при чемъ активны соотвѣтствуютъ мужскому роду существительныхъ, *passivum*—женскому, а *deponens*—среднему (латинская грамматика Шульца, 3-е изданіе § 92). Если же полагать въ основаніе дѣленія существительныхъ по склоненію неодинаковость ихъ измѣненія, тогда надо было бы считать не пять склоненій, а двадцать-пять или еще больше того. Самъ же авторъ въ каждомъ изъ пяти склоненій относитъ замѣчанія, въ которыхъ указываетъ опущенія отъ образцовъ нормальнаго склоненія. Впрочемъ, сличая и составляя дѣленіе и основаніе дѣленія именъ существительныхъ по склоненію съ другими учебниками русскаго языка, по крайней мѣрѣ съ принятыми въ руководство въ нашихъ гимназіяхъ, нельзя не замѣтить большой разногласицы между ними. Такъ, въ учебникахъ г. Буслаева (§ 66) и Востокова (§ 25) имена существительныя дѣлятся на 2 склоненія, кромѣ разносклоняемыхъ, и основаніе такого дѣленія полагается на признакахъ косвенныхъ падежей: существительныя перваго склоненія въ родительномъ падежѣ оканчиваются на *а—я*, втораго—на *ы—и*. Такъ и въ грамматикахъ гг. Говорова и Антонова (§ 32). Въ грамматикахъ же г. Иванова (§ 37) мы находимъ уже три склоненія, при чемъ основаніемъ такого числа служатъ родовыя окончанія именительнаго падежа: къ 1-му склоненію принадлежатъ име-

на, оканчивающіяся на ѣ, ѣ и ѣ рода мужскаго, ко 2-му — на и и я, рода мужскаго и женскаго, и на ѣ женскаго, а къ 3-му — на о, е, мя рода средняго. Въ Этимологін русскаго языка гг. Кирпичникова и Гилърова (§ 8) тоже три склоненія съ тою, впрочемъ, разницею противъ грамматики г. Иванова, что имена средняго рода, оканчивающіяся на о и е, отнесены къ 1-му склоненію, а къ 3-му склоненію — только оканчивающіяся на ѣ рода женскаго. Въ Учебникѣ русской грамматики г. Поливанова (Москва, 1872 г., § 118) склоненій въ русскомъ языкѣ, на основаніи твердыхъ и мягкихъ родовыхъ окончаній именительнаго падежа, четыре, кромѣ разносклоняемыхъ. Сличая такое дѣленіе г. Поливанова съ дѣленіемъ г. Преображенскаго, нельзя не замѣтить, что оба эти автора сходятся въ дѣленіи именъ существительныхъ на склоненія, съ тою впрочемъ разницею, что имена разносклоняемыя въ грамматикѣ г. Поливанова составляютъ пятое склоненіе въ учебникѣ г. Преображенскаго, и еще, что у г. Поливанова составляетъ второе склоненіе, то у г. Преображенскаго — третье, и наоборотъ. Такимъ образомъ, какъ число склоненій, такъ и самое основаніе дѣленія именъ существительныхъ по склоненію до сихъ поръ составляетъ вопросъ не рѣшенный, не установившійся. Впрочемъ, въ Этимологін древняго церковно-славянскаго и русскаго языка г. Вѣлевскаго, послѣднемъ лучшимъ трудѣ по грамматикѣ роднаго языка, вопросъ этотъ подвинутъ въ значительной степени, и даже можно сказать, установленъ достаточно прочно: и основаніе дѣленія именъ существительныхъ на склоненія, и самое число склоненій, благодаря сравнительному методу, положенному г. Вѣлевскимъ въ основаніе своего труда, должно получить силу и установить однообразіе не только въ рѣшеніи даннаго вопроса, но и многихъ другихъ сложныхъ пунктовъ русской этимологін. Такъ, помощью своего метода г. Вѣлевскій убѣдился, что русскія склоненія различаются не столько по падежнымъ окончаніямъ, сколько по основамъ, и раздѣляетъ славяно-русскія имена существительныя на три склоненія и къ первому склоненію, по примѣру древнихъ классическихъ языковъ, онъ относитъ имена съ основой на а (ia): жена, земліа (теща, мѣсяцъ), ко второму — имена съ основой на о (ъ, ѣ, е): сынъ, лѣто, конь, море (логосъ, dominus, оѣхо-у, допу-и), къ третьему — имена съ основой на и (ъ): кость (caris, portis). Изъ этого дѣленія именъ существительныхъ по склоненіямъ видно, что другіе учебники русскаго языка, принимающіе въ основаніе дѣленія именъ существительныхъ по склоненію окончанія косвенныхъ падежей или родовыя окончанія именитель-

наго падежа, легко могутъ помириться съ славяно-русскою этимологіей г. Бѣлевскаго: слѣдуетъ сдѣлать только одно перемѣщеніе, перестановку въ склоненіяхъ: что у г. Бѣлевскаго составляетъ первое склоненіе, то въ другихъ учебникахъ русскаго языка—второе, и на оборотъ. Вся же разница въ склоненіи существительныхъ именъ между Этимологіей г. Бѣлевскаго и другими учебниками русскаго языка заключается, главнымъ образомъ, въ самомъ способѣ дѣленія именъ существительныхъ по склоненіямъ. Принявъ въ основаніе дѣленія не окончанія косвенныхъ падежей и не родовыя окончанія именительнаго падежа, а *основу* слова въ параллель съ основаніемъ дѣленія существительныхъ по склоненію въ языкахъ классическихъ, г. Бѣлевскій тѣмъ самымъ даетъ возможность другимъ составителямъ учебниковъ русскаго языка избѣгать лишней, совершенно неосновательной разногласицы какъ въ самомъ способѣ дѣленія существительныхъ именъ по склоненію, такъ и въ числѣ склоненій существительныхъ именъ русскаго языка.

Имена прилагательныя качественныя въ учебникѣ г. Преображенскаго (§ 79) раздѣляются по окончанію на склоняемыя (полныя) и спрягаемыя (краткія) на томъ основаніи, что первыя склоняемыя могутъ измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ, а вторыя спрягаемыя не измѣняются по падежамъ, а соединяясь съ вспомогательнымъ глаголомъ, образуютъ спрашеніе и служатъ въ предположеніи сказуемымъ. Оставляя за прилагательными полными названіе склоняемыхъ, а за краткими — спрягаемыхъ, авторъ принужденъ былъ категорически выразиться, что послѣднія прилагательныя измѣняются только по родамъ и не измѣняются по падежамъ. Такое ученіе г. Преображенскаго объ окончаніи прилагательныхъ именъ, воплотивъ тождественное съ нѣкоторыми учебниками русскаго языка, основано, главнымъ образомъ, на русской грамматикѣ Востокова. Востоковъ (Начерт., § 32) различаетъ два окончанія именъ прилагательныхъ а) склоняемое—*ый, іи, ой*, и б) спрягаемое—*ъ, ъ*, по спрягаемому окончанію именъ прилагательныхъ приписываются и косвенные падежи (§ 185), то-есть, и спрягаемыя прилагательныя, какъ и склоняемыя, склоняются. Въ § 43 Востоковъ говоритъ, что прилагательныя склоняемыя принимаютъ усѣченіе въ падежахъ именительномъ, родительномъ, дательномъ и винительномъ обоихъ чиселъ, и что этихъ окончаній (усѣченныхъ) не должно смѣшивать со спрягаемыми окончаніями прилагательныхъ, которыя по большей части отъ усѣченныхъ окончаній отличаются и удареніемъ. Значитъ, спрягаемыя

прилагательныя не всегда отличаются удареніемъ отъ прилагательныхъ усѣченныхъ, и кромѣ отличія въ удареніи, должно быть и еще какое-нибудь отличіе. Такихъ случаевъ, когда прилагательныя спрягаемыя отличаются по большей части отъ усѣченныхъ удареніемъ, насчитано въ грамматикѣ Востокова всего одиннадцать: (§ 185, и). Напримѣръ, спрягаемое краснѣ усѣченное краснѣо

„	грузѣнъ	„	грузѣнъ
„	ровѣнъ	„	ровѣнъ
„	силѣнъ	„	силѣнъ и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что спрягаемое окончаніе прилагательныхъ имѣетъ удареніе не на коренномъ слогѣ. Но одиннадцать прилагательныхъ спрягаемыхъ, различныхъ по своему ударенію отъ усѣченныхъ склоняемыхъ, не есть еще по большей части отличіе спрягаемаго окончанія прилагательныхъ отъ усѣченнаго, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ 11-ти прилагательныхъ принимаютъ, какъ говорится въ грамматикѣ Востокова ниже, удареніе и на коренномъ слогѣ при спрягаемомъ окончаніи. Очевидно, должно быть другое основаніе для отличія спрягаемаго окончанія отъ усѣченнаго окончанія, такъ какъ по формѣ они не разнятся. Въ § 32 грамматикѣ Востокова мы читаемъ: Прилагательныя имена употребляются при существительныхъ двояко: 1) непосредственно приложенныя, въ такомъ случаѣ называются склоняемыми; 2) съ помощію глагола, и въ такомъ случаѣ называются спрягаемыми, но со спрягаемымъ окончаніемъ прилагательныхъ не должно смѣшивать усѣченнаго окончанія ихъ; напримѣръ, „часть раки товѣ кустѣ“ (вмѣсто: частый раки товы кустѣ), слѣдовательно, разница между спрягаемымъ и усѣченнымъ окончаніемъ прилагательныхъ не этимологическая, а синтаксическая, то-есть, когда прилагательныя краткаго окончанія бывають въ предложевіи сказуемымъ, тогда они называются спрягаемыми, а когда словомъ опредѣлительнымъ, то—склоняемыми усѣченными.

Таково ученіе Востокова объ окончаніи именъ прилагательныхъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ. На основаніи ученія Востокова и г. Говоровъ въ своей грамматикѣ (стр. 52, курсъ 1-й и 2-й) говоритъ о двухъ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ—склоняемомъ (*ий, ій, ой, ая, яя, ое, ее*), которое можетъ измѣняться по всѣмъ падежамъ обоихъ чиселъ, и спрягаемомъ (*з, ѣ, а, я, о, е*), которое получаетъ значеніе глагола и употребляется уже только въ одномъ именительномъ падежѣ обоихъ чиселъ. Но такого вывода объ окончаніи прилагательныхъ на основаніи ученія Востокова нельзя сдѣлать, такъ какъ Во-

стоковъ спрягаемыхъ прилагательныхъ приписываетъ имъ косвенные надежи (§ 185, часть IV), то-есть, склоненіе, названіе по надежамъ а не именительный только надежъ, хотя названіе прилагательнаго краткаго по родамъ именительнаго надежа обоихъ чиселъ есть: склоненіе, а не спряженіе. Для того, чтобы прійти къ окончательному результату относительно ученія объ окончаніи прилагательныхъ и самомъ названіи ихъ, надо обратиться къ другимъ грамматикамъ роднаго языка. Въ этомъ случаѣ всѣ грамматики, по крайней мѣрѣ нѣ извѣстныя, раздѣляются по группамъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ во главѣ своей особый авторитетъ по изслѣдованіямъ роднаго слова. Такъ, Востоковъ раздѣляетъ имена прилагательныя, по ихъ окончаніямъ, на склоняемыя и спрягаемыя, и за Востоковымъ идутъ гг. Говоровъ и Преображенскій. Добровскій въ Славянской грамматикѣ (часть II, § 13 и §§ 20 — 21) раздѣляетъ прилагательныя по окончанію на опредѣленныя и неопредѣленныя, и этого дѣленія придерживаются Переважскій (Прагъ: русск. грам., часть I, § 86, и его же Славянская грамматика § 38), г. Антоновъ (§ 39), г. Карпичняковъ (§ 16). Г. Буслаевъ въ своей Исторической грамматикѣ (Этимологія § 65) различаетъ полное и краткое окончаніе прилагательныхъ именъ, и такого дѣленія придерживаются гг. Поливановъ (§ 145) и Бѣляевскій (§ 121). Есть и еще одно старое дѣленіе именъ прилагательныхъ на полныя и усѣченныя (Пенинскій, Виноградовъ, Ивановъ, Соснецкій, Кеневичъ), которое, впрочемъ, соответствуетъ именамъ прилагательныхъ полнымъ и краткимъ. Г. Буслаевъ по поводу дѣленія прилагательныхъ на опредѣленныя и неопредѣленныя, говорить (Историческая грамматика, § 222; Синтаксисъ), что въ церковно-славянскомъ языкѣ полныя прилагательныя опредѣленныя соотвѣтствовали прилагательнымъ, употребляющимся въ другихъ языкахъ съ членомъ, а краткія неопредѣленныя — употребляющимся безъ члена. Тутъ же (примѣчаніе 1) г. Буслаевъ замѣчаетъ, что назаніе переводчиковъ передавать греческій членъ полнымъ окончаніемъ особенно ясно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ рядомъ два прилагательныя или причастія, изъ которыхъ при первомъ употребленіи членъ. Въ такомъ случаѣ наши переводчики первое слово ставили въ полномъ окончаніи (опредѣленномъ), а второе въ краткомъ (неопредѣленномъ). Исправители не почли нужнымъ соблюсти этой грамматической точности, и потому ставили въ обоихъ случаяхъ или краткія, или полныя формы. Даже въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ тутъ же замѣчаетъ г. Буслаевъ, правило

о соответствіи краткихъ прилагательныхъ безчленнымъ и полнымъ — членнымъ не всегда соблюдается. И самъ Добровскій въ своей Славянской грамматикѣ (часть 3, § 14), говоритъ: чѣмъ древнѣе книги, тѣмъ чаще въ нихъ найдешь прилагательныя неопредѣленныя; или: имя существительное, когда занимаетъ мѣсто подлежащаго или сказуемаго, то имя прилагательное, съ нимъ сопряженное, принимаетъ окончаніе то неопредѣленное, то опредѣленное: малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ (Галат. 5, 9). Изъ приведенныхъ мѣстъ грамматикъ гг. Буслаева и Добровскаго видно, что прилагательныя неопредѣленныя (спрягаемыя, краткія) одинаково могли употребляться въ церковно-славянскомъ языкѣ то въ смыслѣ сказуемаго, то въ смыслѣ опредѣлительнаго слова, и въ послѣднемъ случаѣ по косвеннымъ падежамъ обоихъ чиселъ, то-есть, прилагательныя краткой формы склонялись.

Если же принять во вниманіе, что краткія формы (спрягаемое неопредѣленное окончаніе) имѣютъ прилагательныхъ древнѣе полныхъ (склоняемыхъ, опредѣленныхъ), что народный языкъ (Историч. грам., § 65, этимол.) богаче книжнаго краткими формами прилагательныхъ, какъ это видно въ пѣсняхъ, загадкахъ, поговоркахъ и въ самой рѣчи простаго народа, и что, наконецъ, какъ въ народной рѣчи, такъ и въ современномъ книжномъ языкѣ полныя (опредѣленныя, склоняемыя) и краткія формы (неопредѣленныя, спрягаемыя) имѣютъ прилагательныхъ одинаково употребляются и въ смыслѣ сказуемаго, и въ смыслѣ опредѣлительнаго слова въ предложеніи, то очевидно, ученіе нашихъ грамматикъ объ именахъ прилагательныхъ краткихъ, какъ спрягаемыхъ и потому не измѣняющихся по падежамъ и числамъ, не выдерживаетъ критики. Если же краткія формы прилагательныхъ имѣютъ и могутъ быть названы спрягаемыми, то не потому, что не склоняются, не измѣняются по падежамъ (хотя Востоковъ измѣняетъ ихъ и по падежамъ и числамъ и родамъ), не потому, что образуютъ сопряженіе (полныя прилагательныя тоже образуютъ сопряженіе и даже существительное, въ смыслѣ сказуемаго — онъ (есть) поэтъ, онъ (есть) ученикъ, вы (есте) поэты —, вы (есте) ученики), а потому, что употребляются въ предложеніи въ смыслѣ глагольнаго сказуемаго вмѣстѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ, который спрягается, и такимъ образомъ, временно соединяютъ предметъ рѣчи съ его качествомъ, свойствомъ — съ именемъ прилагательнымъ, а самое имя прилагательное, какъ качество, признакъ предмета, соединяетъ и согласуется съ существительнымъ, какъ со своимъ предметомъ, въ родѣ, числѣ и падежѣ. Когда же имя прилагательное

краткой формы спрягаемое употреблено въ предложеніи въ смыслѣ опредѣлительнаго слова, тогда оно, въ чемъ, я думаю, согласны всѣ учебники русскаго языка, можетъ свободно измѣняться и по падежамъ, и по родамъ, и по числамъ, то-есть, будетъ уже не спрягаемымъ, а склоняемымъ. Какимъ же образомъ, одна и та же форма именн прилагательнаго можетъ быть и измѣняемою, и неизмѣняемою? Если она можетъ быть неизмѣняемою только потому, что прилагательныя краткія, сочиняясь съ глаголомъ, не могутъ свободно измѣняться по падежамъ (Историч. грам., § 99), то то же самое надо сказать и относительно прилагательныхъ полныхъ склоняемыхъ и именъ существительныхъ, когда они, сочиняясь съ глаголомъ, образуютъ въ предложеніи сказуемое. Если только наука должна быть послѣдовательна, то очевидно, и имена существительныя, и прилагательныя склоняемыя въ послѣднемъ случаѣ тоже должны быть различаемы по окончанію на склоняемыя и спрягаемыя; напримѣръ, физика (есть) наука, Ломоносовъ былъ рыбакомъ и проч. ибо слова: *наука*, *рыбакомъ* по окончанію спрягаемыя! Но это нелѣпо и такъ никто еще не училъ. Почему же въ выраженіяхъ: красно солнце, бѣлы руки, сыра земля и проч. слова: „красно, бѣлы, сыра“ суть имена прилагательныя спрягаемыя (неопредѣленныя), то-есть, не измѣняющіяся по падежамъ и числамъ, а въ выраженіяхъ: „во чисто поле, по чисто полу, къ высоко бугру, расклатисту, во бѣлы руки“ и проч. слова: чисто, высоко, бѣлы суть прилагательныя склоняемыя краткаго усѣченнаго неопредѣленнаго окончанія? А къ тому же, по грамматикѣ г. Преображенскаго послѣднихъ формъ въ русскомъ языкѣ и не существуетъ, а есть спрягаемыя, употребляющіяся только въ именительномъ падежѣ обоихъ чиселъ съ вспомогательнымъ глаголомъ и образующія спряженія. Итакъ, ученіе грамматика, что прилагательныя раздѣляются на склоняемыя (опредѣленныя), измѣняющіяся по падежамъ, числамъ и родамъ, и на спрягаемыя (краткія, усѣченныя, неопредѣленныя), названныя такъ, потому что не могутъ свободно измѣняться по числамъ и падежамъ, будучи въ предложеніи сказуемымъ, должно быть оставлено и замѣнено дѣленіемъ прилагательныхъ по окончанію на полныя и краткія, какъ и принимаетъ г. Буслаевъ. Какъ тѣ, такъ и другія, имѣли въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкѣ свои особыя окончанія по числамъ, падежамъ и родамъ: но въ послѣдствіи прилагательныя краткой формы стали смѣшиваться съ прилагательными полною формы и такимъ образомъ, утративъ для нѣкоторыхъ косвенныхъ падежей свои особыя окончанія, стали поль-

зоваться, съ давняго времени, окончаніями полныхъ прилагательныхъ. Въ предложеніи прилагательныя краткія болѣею частью бывають сказуемымъ и употребляются въ этомъ случаѣ въ именительномъ падежѣ обоихъ чиселъ. Будучи же въ предложеніи словомъ опредѣлительнымъ, они свободно могутъ измѣняться по тѣмъ падежамъ и родамъ обоихъ чиселъ, краткія формы которыхъ сохранились еще въ современномъ языкѣ. Тѣмъ болѣе необходимо такъ измѣнить ученіе грамматикъ русскаго языка объ окончаніи прилагательныхъ именъ, что, если не въ первыхъ трехъ, то въ четвертомъ и послѣдующихъ классахъ гимназій все-таки прійдется сообщить ученикамъ склоненіе прилагательныхъ, полныхъ и краткихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ и древне-русскомъ, указать на отсутствіе нѣкоторыхъ краткихъ формъ прилагательныхъ именъ въ современномъ языкѣ и на замѣну ихъ окончаніями полныхъ прилагательныхъ.

Оканчивая на этомъ замѣчанія относительно самаго матеріала учебника г. Преображенскаго, нельзя въ заключеніе не пожалѣть, что авторъ слишкомъ воспользовался при составленіи своего учебника штиртенбургскими грамматиками русскаго языка, главнымъ образомъ, элементарною грамматикой г. Говорова, и мало обратилъ вниманія на болѣе основательныя изслѣдованія и грамматики роднаго языка. Напрасно также авторъ думаетъ, что книга его хоть нѣсколько облегчитъ ученикамъ усвоеніе правилъ латинской и русской этимологій. Правда, авторомъ сдѣлано примѣрное распредѣленіе матеріала русской и латинской грамматикъ для параллельнаго прохожденія ихъ; но распредѣленіе это, какъ мы старались показать, не вполне удовлетворительно и не вполне соответствуетъ цѣли параллельнаго прохожденія латинской и русской этимологій. Тѣ же этимологическія и синтаксическія примѣчанія, въ которыхъ авторъ старается указать въ своемъ учебникѣ на нѣкоторыя особенности латинской этимологій, число которыхъ не велико — семь, немного облегчатъ ученикамъ усвоеніе правилъ латинской и русской этимологій, такъ какъ въ любомъ латинскомъ учебникѣ можно найти и названія частей рѣчи латинскими терминами, и примѣчаніе относительно употребленія латинскаго вспомогательнаго глагола въ настоящемъ времени, и многое другое, кромѣ развѣ того, что имена прилагательныя въ латинскомъ языкѣ не имѣютъ двухъ формъ (окончаній) склоняемой и спрягаемой.

II. Киприяновичъ.

Franz Miklosich. Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's (Фр. Миклошичъ. () нарѣчіяхъ и странствованіяхъ европейскихъ Цыганъ). I—VI. Wien. 1872—1876.

Miklosich. Beiträge zur Kenntniss der Zigeuner Mundarten (Миклошичъ. Матеріалы для изученія цыганскихъ нарѣчій, Wien. I, II, 1874; III, 1876, вѣ. *Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften*, LXXXIII Band, Heft III, IV.

Немногочисленный Цыганскій народъ распространенъ въ разныхъ странахъ; до сихъ поръ не опредѣлено даже съ приблизительною точностью, сколько всѣхъ Цыганъ, гдѣ они кочуютъ, и гдѣ ихъ нѣтъ; цыганскія кочевья попадались путешественникамъ въ Бразиліи; ихъ палатки видали въ Гималаяхъ и на островѣ Цейлонѣ; Цыгане встрѣчаются въ Москвѣ и въ Мадридѣ, на улицахъ Лондона и Константинополя. Языкъ, происхождение и народность Цыганъ возбуждали любопытство европейскихъ ученыхъ съ половины XVI столѣтія и въ равныя времена обо всемъ этомъ писалось очень много. Первое же основательное сочиненіе о Цыганскомъ народѣ, полное положительныхъ, несомнѣнно вѣрныхъ результатовъ бесспорно принадлежать Потту (*Die Zigeuner in Europa und Asien*, Halle, 1844—1845); въ двухъ томахъ своихъ розысканій знаменитый лингвистъ собралъ богатый матеріалъ и на основаніи его доказалъ, что, во-первыхъ, всѣ цыганскія нарѣчія извѣстныхъ намъ мѣстностей суть видоизмѣненія одного языка; во-вторыхъ, языкъ этотъ не есть искусственный, каковыя его долгое время считали, но народный, происходящій изъ Индіи и родственъ съ ново-индійскими нарѣчіями. Разсмотрѣніе грамматическаго строя и лексическаго состава языка привело Потта къ совершенно вѣрному заключенію о родинѣ Цыганъ, и въ настоящее время вопросы о томъ, принадлежать ли языкъ Цыганъ къ числу индо-европейскихъ, и къ какой именно ихъ семьѣ, или откуда Цыгане пришли въ Европу, могутъ считаться разрѣшенными; но отсюда вытекаетъ рядъ новыхъ, не менѣе трудныхъ и повнѣ не разрѣшенныхъ вопросовъ: когда Цыгане вышли изъ Индіи,—какимъ путемъ они шли въ Европу? и среди какихъ народовъ они жили всего дольше? При отсутствіи документальной исторіи у Цыганъ, отвѣты и на эти вопросы можетъ дать только ближайшее знакомство съ языкомъ Цыганъ. Грамматическій строй цыганскаго языка, система склоненій и сраженій свидѣтельствуютъ, что Цыгане должны были выселиться изъ Индіи въ то время, когда грамматическая система новыхъ индійскихъ нарѣчій получила нѣкоторую законченность; въ Европу они пришли съ готовою

граматикомъ; не смотря на долгія странствія Цыганъ по разнымъ странамъ, ея важнѣйшія черты остались тѣми же, что и въ повоминдійскихъ нарѣчіяхъ. Нельзя того же утверждать относительно словаря; въ пятьсотъ лѣтъ своего пребыванія въ Европѣ, во время непрестанныхъ передвиженій, Цыгане растеряли множество словъ, несомнѣнно нѣкогда существовавшихъ въ ихъ языкѣ; народъ полудикій, оторванный отъ родной почвы, не берегъ своего исконнаго богатства; немного въ цыганскомъ языкѣ такихъ словъ, какъ, напримѣръ: гуло, сахаръ (хинди: гула); берншъ (хинди: варша) годъ; девелъ (хинди: дева), богъ, указывающихъ на родину самого народа; въ большей части случаевъ Цыгане обозначаютъ слона, льва, тигра, понугая, растенія жаркаго климата и всѣ произведенія своей далекой родины словами, взятыми изъ другихъ языковъ. А вмѣстѣ съ тѣми забывавъ старыя слова, они не творили въ ихъ замѣнь другихъ оригинальныхъ словъ для предметовъ, прежде незнакомыхъ и встрѣчавшихся имъ въ новыхъ мѣстахъ, но удовлетворялись заимствованіями изъ разныхъ языковъ.

Эта черта цыганскаго языка даетъ возможность сдѣлать нѣкоторые безошибочные выводы какъ о ихъ первоначальныхъ кочевьяхъ, такъ и о томъ, среди какихъ народовъ они всего дольше жили. Разрѣшенію этихъ вопросовъ посвящены обширныя розысканія Миклошича, пока еще не оконченныя. Вышедшіе донинѣ выпуски содержатъ слѣдующія частныя изслѣдованія: въ первомъ выпускѣ разсматриваются 1) славянскіе элементы въ цыганскихъ нарѣчіяхъ, то-есть, на стр. 1.—52, приведены славянскія слова цыганскихъ нарѣчій, и 2) въ концѣ выпуска (стр. 54 — 59) библиографія о Цыганахъ. Изъ списка словъ можно легко убѣдиться въ томъ, какъ много словъ взято Цыганами изъ славянскихъ нарѣчій, хотя въ списокѣ и встрѣчаются слова, неизвѣстно почему отнесенныя Миклошичемъ къ числу славянскихъ, а не исконно индійскихъ; напримѣръ, слова *balka annas* (хинди: *bâbâ*), или *sofa ein art Montel* (хинди: *cogâ*) могли быть извѣстны Цыганамъ и на родинѣ. Второй выпускъ заключаетъ въ себѣ *Beiträge zur Grammatik und zum Lexikon der Zigeuner Mundarten*. Изъ грамматики здѣсь разъясняются слѣдующіе вопросы: прежде всего—переходъ *m* въ *v*; въ подтвержденіе этого перехода приведенъ рядъ словъ, и нѣкоторые изъ нихъ прямо сопоставляются съ санскритскимъ, напримѣръ, *пах*, *paŋ* имъ сравнивается съ скр. *pāman*, *gav*, деревня съ санскритскимъ *gāṇa*, *pāli gāṇa*; первое слово вѣрнѣе и ближе сравнить съ хинди *pāṇi*, а второе съ *gāon*; *tuv* табакъ не имѣетъ ни-

чего общаго съ скр. *dhûma*, дымъ, а происходитъ отъ хинди *tamâku*, *tambâku* (табакъ). Затѣмъ во II-мъ отдѣлѣ объясняются *Uerba frequentativa*, въ III-мъ—*auf dem griech. Aorist und dem zig. Praesens und Perfectum beruhende Verbalbildungen*, въ IV-мъ—*Bildung des Participium Pract.*, въ V-мъ—*Bildung und Bedeutung des Imperfectum, Perfectum und Plusquamperfectum*, въ VI-мъ—*Das sind Suffix tana, tna*, въ VII-мъ—*Bedeutung der Instrumentalis*, въ VIII-мъ—*Subjectlose Sätze*. Разсмотрѣнные въ этихъ отдѣлахъ вопросы далеко не истощиваютъ всей грамматики или всѣхъ особенностей грамматики цыганскаго языка, не касаются выдающихся явленій этой грамматики, но тѣмъ не менѣе все, что сказано авторомъ въ этихъ параграфахъ, весьма интересно; къ сожалѣнію, авторъ недостаточно обращаетъ вниманіе на тѣ языки (новондійскіе), съ которыми всего ближе сравнивать цыганскія нарѣчія, а потому весьма часто сго остроумныя объясненія далеко неубѣдительны, напримѣръ, все сказанное во второмъ параграфѣ. Съ III-го выпуска начинается вторая часть, озаглавленная: *Die Wanderungen der Zigeuner*. Такъ какъ выпуски, вѣроятно, издаются по мѣрѣ накопленія у автора матеріала, то пока еще не выяснилась система самаго изложенія, и не вполне ясно, къ какимъ выводамъ приведутъ частныя разсужденія автора; новаго и остроумнаго, подѣ часть и очень смѣлаго, весьма много въ вышедшихъ выпускахъ. Въ III-мъ выпускѣ сообщены нѣсколько небольшихъ списковъ словъ, частью новыхъ, частью перепечатанныхъ изъ другихъ изданій; въ IV-мъ сообщаются сказки и пѣсни изъ Вуковича; въ V-мъ глоссарій; въ VI-мъ—*Beiträge zur Kenntniss der mundart der Zigeuner in Galizien, in Sirmien und in Serbien*, то-есть, нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ словарей (стр. 1—56), и въ приложеніи весьма любопытное разсужденіе: *Ueber den Ursprung des Wortes Zigeuner* (стр. 57—66).

Извѣстно, что у Цыганъ, какъ народа, много именъ; одни они сами себѣ даютъ, другими ихъ называютъ тѣ народы, среди которыхъ Цыгане живутъ. Ихъ прозывали по цвѣту лица, по занятіямъ и по странѣ ихъ мнимаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, иногда Цыгане называютъ себя *Калó*, то-есть, черные. Въ Индіи туземецъ поимѣнъ называетъ себя *кал-адми* (черный человѣкъ) въ отличіе отъ *сахабъ-локъ* (Европейцевъ). Слово это индійскаго происхожденія; встрѣчается въ санскритѣ и удержалось въ новѣйшихъ нарѣчіяхъ. Персидское названіе Цыганъ, *Карачи*, есть не болѣе какъ переводъ того же имени (отъ турецкаго слова *кара*). Въ Азіи Цыганъ часто называютъ по ремеслу или занятію, которыя особенно распространены

между ними; такъ въ Персіи ихъ называютъ Лури или Лули; то и другое слово происходитъ отъ хинди: лохари, кузнецъ; въ Аравіи ихъ называютъ харами, то-есть, разбойниками. Особенно любопытны тѣ названія, въ которыхъ сказываются различныя народныя догадки о происхожденіи Цыганъ. Такъ, въ Германіи и въ Даніи ихъ называли Татарами, Сарацинами; въ Греціи на ряду съ именемъ Τσιγγα-νος, Τσιγγανη встрѣчается другое Γόφτος: Γόφτη, очевидно производное отъ Αἰγύπτιος; такимъ образомъ здѣсь Цыганъ выводили изъ Египта; на Египетъ указываетъ и англійское Gypsies, и испанское Gitanos. По турецки ихъ называютъ Fāḡāwnī, то-есть фараонидами, а по мадьярски—Phaḡao пірек, то-есть, фараонскій народъ. Въ Голландіи Цыганъ называли просто язычниками (Heydels, Heydenen). Французское имя Bohémienс имѣетъ нѣсколько объясненій: его производятъ отъ Bohême, Чехія, отъ имени той страны, откуда впервые во Францію пришли Цыгане; это объясненіе самое вѣроятное; но есть и нѣсколько другихъ объясненій менѣе правдоподобныхъ; такъ Bohémien производятъ отъ ст.—франц. боеи, фокусникъ, или отъ первоначальнаго: baume, и даже отъ баскскаго: bamein, колдовать, боеи, околдованный, но гораздо вѣроятнѣе обратное производство, то-есть, этихъ словъ отъ bohémien. Сами Цыгане часто называютъ себя: Sinde, и съ этимъ именемъ у нихъ связано такое преданіе: Въ какой-то восточной странѣ жилъ Цыганскій народъ подъ управленіемъ царя Сина. За дочь царя Сана посватался царь Талани (Тамерланъ?) и получилъ отказъ; вслѣдствіе того между двумя царями возникла война. Царь Синъ былъ разбитъ; его народъ и его войско потянулось на западъ и стало называться Синда по имени своего несчастнаго царя. Нѣкоторые Цыгане объясняютъ то же имя иначе и говорятъ, что слово это значить не болѣе какъ—народъ, люди. Очевидно, въ томъ и другомъ толкованіи мы имѣемъ народную этимологию, и несомнѣнно также, что Синде или Синда въ связи съ Синдху древнимъ индійскимъ названіемъ Инда. По свидѣтельству Воггров. (см. Pott., I. c., I, 35), Цыгане называютъ себя Chal, Chai, Chap: первое слово, нѣтъ сомнѣнія, въ связи съ хинди чала, дитя, рабъ. Одно изъ распространеннѣйшихъ именъ Цыганъ Ромъ до сихъ поръ не объяснено; сопоставленіе его съ Rōm (Римъ) или дома, названіемъ одной изъ низшихъ индійскихъ кастъ, гадательно и лишено всякаго основанія. Другое распространенное названіе Цыганъ есть наше русское, встрѣчающееся съ различными фонетическими видоизмѣненіями въ другихъ языкахъ. Слово это объяснялось различно: его производили (De Goeje) отъ арабскаго tsjeugī часть SLXXX, отд. 2.

(tsjeng, area) и предполагали, что первоначально слово означало— музыкантъ; другіе (Bataillard) сопоставляли его съ Σιφονιαι Геродота, съ именемъ парода, жившаго на лѣвомъ берегу Истра, и производили отъ σίφονος, въ смыслѣ javelot, pique, Миклошичъ, разказавъ исторію этого названія, какъ отъ Грековъ оно перешло къ Булгарамъ, отъ послѣднихъ къ Румынамъ, отъ Румынъ къ Мадырамъ и Славянамъ, и отъ Славянъ къ Нѣмцамъ, новыми соображеніями подтвердилъ прежнюю догадку о происхожденіи этого названія отъ имени еретической секты, Аениганъ. Этимъ изслѣдованіемъ заканчивается шестой выпускъ его труда.

Кромѣ этихъ шести выпусковъ, отъ того же автора мы имѣемъ Beiträge zur Kenntniss der Zigeuner Mundarten; въ полученныхъ въ Петербургѣ трехъ выпускахъ этого сочиненія, главнымъ образомъ, собранъ лексическій матеріалъ. Уже по вышедшимъ выпускамъ можно думать, что трудъ Миклошича богатствомъ собраннаго матеріала превзойдетъ всѣ донныя вышедшія сочиненія о Цыганахъ и на долгое время станетъ лучшимъ руководствомъ къ изученію этого любопытнаго языка.

IX. Минаевъ.

Domenico Pezzi, Glottologia Aria Recentissima (Д. Пещи. Новѣйшая арійска я глоттология). Torino, 1877.

Прошло семь лѣтъ со времени появленія труда Бенфея: Исторія языкованія и восточной филологіи въ Германіи, и хотя въ наукѣ за это послѣднее время не сдѣлано важныхъ открытій, добыто не много положительныхъ результатовъ, по числу занимающихся языкованіемъ или интересующихся имъ увеличилось, а съ этимъ вмѣстѣ и литература предмета должна была расти; увеличилось однако же не только количество книгъ,—появились и новыя вопросы, новыя приемы въ розысканіяхъ, новыя точки зрѣнія на вопросы, уже прежде поставленные; во всемъ этомъ легко убѣдиться, просматривая содержаніе книги, заглавіе которой сообщено выше. Въ двухъ частяхъ новаго сочиненія г. Пещи обозрѣвается новѣйшая литература языкованія; авторъ сообщаетъ имена важнѣйшихъ сочиненій и ихъ содержаніе. Начинаетъ онъ съ фонетики (Sapori primo: Sononi), разборомъ труда своего соотечественника Асколи и его теоріи о двойномъ к въ первоначальномъ аріискомъ языкѣ. Нѣсколько

восторженное отношеніе къ соотечественнику, l'illustre glottologo, не мѣшаетъ автору исполнѣть безпристрастно отнести къ излагаемой имъ теоріи. Не вдаваясь въ критику, онъ приводитъ возраженія, сдѣланныя Асколи другими писателями, и самому читателю предоставляется судить, на сколько теорія оправдывается фактами. Того же правила авторъ держится и при дальнѣйшемъ изложеніи. Вслѣдъ за разборомъ труда Асколи, также безпристрастно и ясно излагаются работы Фрика, Геймана, I. Пиндта, Ф. Миллера, Корссена, Шерера. Затѣмъ онъ приходитъ къ разбору новѣйшихъ ученій объ удареніи и объ арійскихъ звукахъ въ сравненіи съ семитическими и др. Во второй главѣ (Le radici) пересказываются новыя изслѣдованія объ арійскихъ корняхъ, о нихъ же въ сравненіи съ корнями семитическими, хамитскими и китайскими. Здѣсь авторъ съ должнымъ недоувѣріемъ относится къ непроизводительнымъ работамъ Чалмерса, Едвинса, Плегеля. Третья глава (Itemi e le parole) посвящена изложенію важнѣйшихъ работъ по морфологін и сравнительному синтаксису. Въ двухъ главахъ второй части разбираются ученія о первоначальномъ арійскомъ языкѣ и народѣ и о генеалогическомъ дѣленіи индо-европейскихъ языковъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій, касающіяся этихъ вопросовъ и вышедшія въ концѣ прошлаго года (Лескинъ, Гассенкампъ), не были еще извѣстны автору. Изъ краткаго перечня содержанія книги можно заключить, съ какою полнотою авторъ изложилъ современное состояніе литературы предмета; всюду библиографическія указанія сдѣланы съ необходимою точностію. Изложеніе отличается тѣми же качествами, на которыя было указано при разборѣ перваго сочиненія автора въ одной изъ предыдущихъ книжекъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*: въ настоящемъ своемъ сочиненіи г. Пецци ясенъ и не многословенъ. Говоря о трудахъ современныхъ писателей, авторъ рѣдко вдается въ критическую оцѣнку ихъ, и часто не скупъ на похвалы; ни то, ни другое, конечно, нельзя поставить ему въ особую заслугу, но нельзя не отнести съ полною признательностію къ такому мастерски ясному изложенію выдающихся мнѣній по всѣмъ главнымъ не порѣшеннымъ вопросамъ арійскаго языкознанія.

II. Минаевъ.

П О П Р А В К И.

Въ помѣщенную въ февральской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* статью г. *Бережкова*: «О торговлѣ Русскихъ съ Ригю въ XIII и XIV вѣкахъ» вѣрались слѣдующіи опечатки, которыя спѣшимъ исправить:

Стр. 331, 3-я строка текста снизу—напечатано: *весьма немало*. Должно быть: *весьма немало*.

Стр. 353, 11-я строка текста снизу — напечатано: *Герлаха Руге*, а нужно: *Герлаха Риге*.

Стр. 354, 5-я строка сверху — напечатано: *имѣетъ до срока кредиторовъ*, а должно быть: *имѣетъ до сорока кредиторовъ*.

Стр. 356, строка 17-я сверху, слова «*ex vidu*» совершенно лишнія.

О СОСТОЯНІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ХОРВАТІИ, СЛАВО- НИИ И ДАЛМАЦІИ.

А) ХОРВАТІЯ И СЛАВОНІЯ.

I.

О вліяніи нѣмецко-мадьярскаго элемента на учебное дѣло въ Хорватіи и Славоніи.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, мы не можемъ не замѣтить, что славянское населеніе означенныхъ областей, на пути развитія у себя народнаго образованія, встрѣчаетъ большія затрудненія, чѣмъ остальные славянскія племена, населяющіи Австро-Венгрію. Культурными противниками Хорватовъ являются -- Нѣмцы и Итальянцы. Уже съ давняго времени элементы эти приняли на себя роль борцовъ во имя культуры; въ сущности же они стремятся лишь къ тому, чтобы упрочить торжество своихъ политическихъ тенденцій на славянской почвѣ. Весьма естественно, что, въ свою очередь, и сами Хорваты, съ одной стороны, зорко оберегаютъ свои границы и съ сѣвера и съ запада, — чтобы враждебный имъ культурный элементъ не могъ пустить глубокихъ корней на ихъ территоріи, а съ другой — употребляютъ всевозможныя старанія, чтобы положить въ странѣ прочную основу народной культурѣ.

Теперь посмотримъ: при какихъ условіяхъ развивалось учебное дѣло въ описываемой нами мѣстности. Въ началѣ XVII ст. іезуиты устроили шестиклассное филологическое училище въ Загребѣ и шестиклассныя гимназіи — въ Вараждинѣ, Осѣкѣ, Винковцахъ и Рѣкѣ. Языкомъ преподаванія былъ языкъ латинскій. Пройдя полный курсъ наукъ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, молодые Хорваты имѣли возможность познакомиться съ схоластическою теологіею, философіею

часть СЛХХХ, отд. 3. 1

и т. п. Не зная народнаго языка, не имѣя никакого понятія о предметахъ, которые могли бы съ пользою быть примѣнимы къ жизни,— бывшіе воспитанники этихъ іезуитскихъ училищъ, понятно, не могли принять на себя роль народныхъ дѣятелей. Впрочемъ, историческая жизнь Хорватовъ сложилась при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ развитію народнаго образованія въ странѣ. На помощь культурнымъ противникамъ Хорватовъ явились и политическіе ихъ недруги, въ лицѣ Мадьяровъ. Въ промежутокъ времени, начиная съ конца XVIII ст. и вплоть до 1848 года, Хорваты сдѣлались, можно сказать, въ полномъ смыслѣ слова мадьярскими рабами.

Находясь подъ тяжелымъ игомъ Мадьяръ, Хорваты однако не падали духомъ. Они хорошо понимали, что господство Мадьяръ въ Хорватіи весьма шатко, такъ какъ въ основу его легла не культура, а физическая сила. Мы видимъ, что хорватскіе просвѣщенные патріоты всецѣло отдаются наукѣ и начинаютъ мало по малу подготавливать почву для предстоящей своей дѣятельности. Въ 1848 году, они оставляютъ свои кабинеты и уже являются народными дѣятелями. Первымъ ихъ дѣломъ было устройство „народныхъ читальницъ“, съ цѣлью доставить своимъ соотечественникамъ возможность—обмѣниваться мыслями, сближаться другъ съ другомъ, а черезъ то самое находить въ себѣ нравственную силу въ тяжелыя годины политическаго существованія. Въ томъ же году и появились, въ первый разъ, народныя училища у Хорватовъ. Хорватскіе патріоты надлежащимъ образомъ оцѣнили ту услугу, какую могутъ оказать странѣ эти школы. Поэтому-то, при устройствѣ ихъ, они особенно заботились о томъ, чтобы народный языкъ сталъ языкомъ преподаванія.

Впрочемъ, національныя стремленія Хорватовъ вскорѣ встрѣтили новый тормазъ въ системѣ „централизма“. Австрійскій министръ народнаго просвѣщенія графъ Левъ Тунъ явился горячимъ поборникомъ германизма и классицизма. Въ 50-хъ годахъ была имъ произведена учебная реформа. Народныя школы, которыя на официальномъ языкѣ стали называться „Deutsche-Volks-Schulen“, были раздѣлены на два разряда: „Trivialschulen“ (приходскія училища) и „Hauptschulen“ (уѣздныя училища). Шести-классное училище въ Загребѣ и шестиклассныя гимназіи—въ Вараждинѣ, Осѣкѣ, Винковцахъ и Рѣкѣ были преобразованы въ восьмиклассныя гимназіи, которыя, въ свою очередь, были подраздѣлены на три разряда: къ первому принадлежала гимназія въ Загребѣ,—ко второму—гимназіи въ Рѣкѣ и Осѣкѣ и къ третьему—гимназія въ Вараждинѣ. Городскія училища

въ Карловацѣ и Пожегѣ были преобразованы въ четырёхклассныя прогимназіи (Unter-gymnasien). Языкъ нѣмецкій сталъ языкомъ преподаванія, а языкъ хорватскій—языкомъ обязательнымъ. Внимательно просматривая учебныя планы преподаванія предметовъ гимназическаго курса, не трудно замѣтить вопіющіе ихъ недостатки. Такъ мы видимъ, что въ нихъ вошло до 16 предметовъ, а именно: законъ Божій, философія, математика, физика, химія, естественныя науки, всеобщая исторія, географія, языки — нѣмецкій, латинскій, греческій, итальянскій и хорватскій. Однимъ словомъ, графъ Тунъ пожелалъ сдѣлать среднія учебныя заведенія разсадниками всѣхъ отраслей человѣческихъ знаній,—доставить воспитанникамъ означенныхъ заведеній возможность получать всестороннее образованіе. Онъ не обратилъ при этомъ вниманія на одно важное обстоятельство: возможно ли выполнить эту обширную программу и, при ея примѣненіи, не отзовется ли она пагубно на молодомъ поколѣніи?—Чтобы выполнить учебную программу, министерство народнаго просвѣщенія порѣшило увеличить число урочныхъ часовъ. Когда-же оказалось, что, не смотря на это, не представлялось никакой возможности въ точности достигнуть цѣли, то было положено—преподавать означенные предметы поверхностно.

Преподаватели были раздѣлены на младшихъ (съ годичнымъ окладомъ въ 600 гульденовъ) и на старшихъ (800 гульденовъ). Мѣста преподавателей были, въ большинствѣ случаевъ, распредѣляемы между Венграми и Нѣмцами. Научныя свѣдѣнія и педагогическія способности не могли еще служить Хорвату ручательствомъ на полученіе мѣста по учебному вѣдомству. И такъ хорватскія учебныя заведенія находились подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ лицъ, враждебно относившихся къ развитію народнаго образованія въ странѣ. Эти педагоги не были знакомы ни съ мѣстнымъ языкомъ, ни съ нуждами и потребностями страны; они являлись горячими сторонниками господствовавшей системы и не преминули руководиться своими политическими стремленіями даже и въ дѣлѣ преподаванія. Можно сказать, что благодаря только присутствію духа, которое было всегда присуще молодому славянскому поколѣнію, и благодаря природной любознательности, которая является отличительною чертою его характера, оно успѣвало готовить себя къ поприщу народной дѣятельности. И такъ, несмотря ни на плохой методъ преподаванія, ни на недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ и въ опытныхъ преподавателяхъ, ни на другаго рода препятствія, которыя

тормозили учебное дѣло, молодое славянское поколѣніе сумѣло преодолѣть всѣ эти преграды и явиться горячимъ поборникомъ своей народности въ странѣ.

Въ 1860 году былъ обнародованъ такъ называемый „октябрьскій дипломъ“, въ силу коего была дана странѣ нѣкотораго рода національная автономія. Въ этотъ годъ была произведена новая учебная реформа, сообщившая учебнымъ заведеніямъ уже народный характеръ. Какъ въ низшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ хорватскій. За основу учебной организаціи народныхъ училищъ была принята составленная еще при Фердинандѣ V „systema scholarum elementarium“: — законъ этотъ съ нѣкоторыми измѣненіями, сообразными духу времени и потребностямъ страны, и былъ введенъ въ Хорватіи и Славоніи. Вся территорія Хорватіи и Славоніи была раздѣлена на 513 учебныхъ округовъ. Въ каждомъ округѣ былъ устроенъ школьный совѣтъ, во главѣ котораго стоялъ окружной инспекторъ. Вѣдѣнію этихъ совѣтовъ подлежали исключительно только тѣ учебныя заведенія, — которыя находились въ районѣ извѣстнаго округа. Школьные совѣты являлись, такъ сказать, первою учебною инстанціею. Вторую же учебную инстанцію составляло устроенное въ Загребѣ управленіе учебными заведеніями: оно состояло изъ двухъ совѣтниковъ, одинъ изъ коихъ вѣдѣвалъч. низшими учебными заведеніями, а другой — средними учебными заведеніями. Въ свою очередь, означенные совѣтники находились въ зависимости отъ хорватской канцеляріи, которая засѣдала въ Вѣнѣ.

Разсмотрѣвъ вкратцѣ вѣшнія условія, при которыхъ находилось народное образованіе въ Хорватіи и Славоніи, посмотримъ теперь, какими оно обладаетъ средствами. Вопросъ этотъ крайне важенъ. Къ сожалѣнію, учебная статистика въ Хорватіи и Славоніи сильно хромаетъ. На одномъ изъ педагогическихъ собраній хорватскихъ учителей въ Загребѣ было, между прочимъ, постановлено обратиться съ просьбою къ мѣстнымъ властямъ, съ цѣлью, при ихъ содѣйствіи, получить подробныя свѣдѣнія о количествѣ приходскихъ училищъ и частныхъ школъ въ Хорватіи и Славоніи, а также и о томъ — въ чемъ означенныя училища наиболѣе всего нуждаются, и все-таки означенное собраніе не могло получить надлежащихъ свѣдѣній. Въ 1875 году вышла въ Загребѣ книга подъ заглавіемъ: „Statistika nastave u kraljevini Hrvatskoj i Slavoniji“. Такъ какъ помѣщенные въ ней статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ въ Хорватіи и Славоніи

имѣютъ officialный характеръ, — то мы и почти долгомъ воспользо-
ваться ею.

II.

Низшія учебныя заведенія.

Сельское населеніе въ Хорватіи и Славоніи выказываетъ большую жажду знанія, имѣетъ свѣтлый умъ, большія способности и притомъ — крайне любознательно. Мы видимъ, что со времени открытія народныхъ школъ въ странѣ, грамотность начинается все болѣе и болѣе распространяться въ народѣ: такъ въ Хорватіи и Славоніи, въ настоящее время, — 10-й человѣкъ грамотный. Скажемъ же нѣсколько словъ объ устройствѣ народныхъ школъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ вышедшей въ 1871 году въ Загребѣ книгѣ „Zakonska основа o ustrojstvu narodnih skolah“

Мы уже выше говорили, что при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Туиѣ низшія учебныя заведенія были раздѣлены на два разряда: на приходскія училища (по слав. пучке или почетне учіоне или помочни школе, — по нѣм. Trivialschulen) и на уѣздныя училища (по слав. главне учіоне или редовите школе, по нѣм. Hauptschulen). На содержаніе означенныхъ училищъ ежегодно выдаются денежныя субсидіи изъ двухъ школьных фондовъ: одинъ изъ нихъ, который образовался изъ частныхъ денежныхъ пожертвованій, достигъ, въ настоящее время, суммы 159.517 гульденовъ, а другой былъ основанъ графомъ Драшковичемъ и имѣетъ теперь наличными деньгами до 4.450 гульденовъ. Впрочемъ, есть и такія училища, въ распоряженіи которыхъ находятся капиталы, пожертвованные исключительно на ихъ содержаніе. Такъ, напримѣръ, уѣздное училище въ городѣ Крижевцахъ владѣетъ капиталомъ въ 21.810 гульденовъ. Напротивъ того, сельскія школы содержатся исключительно на средства общинъ: чѣмъ богаче община, тѣмъ лучше и самая обстановка школъ.

Приходскія училища, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ селахъ при приходскихъ церквахъ, — такимъ образомъ приходскій священникъ есть, такъ сказать, директоръ приходскаго училища ¹⁾, а окружными инспекторами обыкновенно бываютъ вице-деканъ. Въ приходскихъ училищахъ бываетъ 4, 3, 2 класса, а иногда всего одинъ классъ: все это зависитъ отъ средствъ общины. Въ настоящее

¹⁾ Гдѣ и преподаетъ законъ Божій, — впрочемъ всѣ эти обязанности онъ несетъ бесплатно.

время въ Хорватіи и Славоніи—548 приходскихъ училищъ, въ которыхъ обучается приблизительно до 40.300 мальчиковъ и до 32.000 дѣвочекъ. Смотра по числу классовъ, эти училища представляютъ слѣдующія цифровыя данныя: а) приходскихъ училищъ, въ которыхъ мальчики и дѣвочки обучаются отдѣльно: четырехклассныхъ — 5 для мальчиковъ и 3 для дѣвочекъ, трехклассныхъ — 28 для мальчиковъ и 37 для дѣвочекъ, и 1 — одноклассное училище для дѣвочекъ; б) приходскихъ училищъ для дѣтей обоего пола: трехклассныхъ — 464 и 3 временныхъ (Nothschulen); двухклассныхъ — 7. Впрочемъ, если число учащихся обоего пола въ какомъ-либо училищѣ доходитъ до 100,— то община обязана отвести отдѣльныя помѣщенія для мальчиковъ и для дѣвочекъ и нанять для нихъ послѣднихъ учительницу. Въ приходскихъ училищахъ обучаютъ: 1) читать и писать по-хорватски; 2) первыя четыре правила ариметики; 3) молитвамъ и 4) краткой географіи.

Уѣздныя училища обыкновенно находятся въ городахъ и служатъ, такъ сказать, приготовительными для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ Хорватіи и Славоніи—43 уѣздныхъ училища, а именно: 22 четырехклассныхъ для мальчиковъ и 21 для дѣвочекъ (этихъ послѣднихъ 17— четырехклассныхъ и 4 — трехклассныхъ). Въ этихъ училищахъ обучается до 4.200 мальчиковъ и до 2.900 дѣвочекъ. Въ учебную программу уѣздныхъ училищъ входятъ слѣдующіе предметы: въ сокращенномъ видѣ—исторія, географія, ариметика, законъ Божій; притомъ обучаютъ также рисованію, чистописанію, а въ женскихъ училищахъ — рукодѣлію. Мы не можемъ при этомъ не замѣтить, что преподаватели уѣздныхъ училищъ не держатся никакого метода при изложеніи предмета: они не стараются заинтересовать воспитанника, а упражняютъ его лишь въ заучиваніи наизусть: съ одной стороны, его умственныя способности невольнo притупляются, а съ другой — и познанія, приобретенныя имъ въ училищѣ, мало по малу у него выветриваются, такъ какъ они не находятъ примѣненія въ жизни. Впрочемъ обращено мало вниманія и на женское образованіе: родители, имѣющіе кое-какія средства, обыкновенно отдаютъ своихъ дочерей либо въ иностранныя институты, либо въ женскіе монастыри. Въ каждомъ уѣздномъ училищѣ есть директоръ, 4 свѣтскихъ преподавателя и законоучитель, который назначается мѣстнымъ духовнымъ капиталомъ, впрочемъ, по предложенію Загребскаго учебнаго управленія.

Дѣти обоаго пола, начиная съ 6-ти до 18-ти лѣтняго возраста, должны посѣщать народныя училища, о которыхъ мы выше говорили, или же отъ 12-ти и до 15-ти лѣтняго возраста обязаны, въ теченіе трехъ лѣтъ, посѣщать воскресныя школы (по слав. опетовне школе, по нѣм. *Sonntägliche Wiederholungsschulen*). Впрочемъ, отъ посѣщенія воскресныхъ школъ освобождены дѣти вѣжиточныхъ родителей, которые могутъ дать имъ образованіе у себя дома, а также и тѣ, которые стали посѣщать среднія учебныя заведенія. Въ Хорватіи и Славоніи приблизительно до 760 воскресныхъ школъ, гдѣ обучается нѣтъ 4.828 мальчиковъ и 4.143 дѣвочекъ. Дѣлу народнаго образованія оказываетъ большую услугу дамскій благотворительный комитетъ въ Загребѣ, который не только снабжаетъ одеждой дѣтей бѣдныхъ родителей, но и заботится объ ихъ образованіи.

Хорватскій селянинъ имѣетъ крайне-оригинальный взглядъ на ученаго. Ученость, по понятію народа, происходитъ отъ сношенія съ печистой силой. Такъ существуетъ повѣрье, что на вершинѣ горы Велебитъ находится мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Врзиноколо“, гдѣ виллы проводятъ время въ различныхъ играхъ. По окончаніи 12-ти лѣтняго курса ученія (т. е. 4 года въ народномъ училищѣ и 8 лѣтъ въ гимназій) воспитанники, въ числѣ двѣнадцати, уходятъ въ „Врзино коло“, гдѣ даютъ имъ читать особую книгу очень ученаго содержанія. Во время чтенія, одинъ изъ нихъ исчезаетъ—это діаволы или виллы совершаютъ похищеніе, которое производится крайне ловкимъ образомъ; оставшіеся товарищи никакъ не могутъ догадаться, кого изъ нихъ недостаетъ. Если народъ о комъ-либо говоритъ, что онъ былъ въ „Врзиномъ колѣ“, то это означаетъ, что его считаютъ очень ученымъ. Къ разряду ученыхъ народъ относитъ и народныхъ учителей. Къ сожалѣнію, сельскіе учителя Хорватіи и Славоніи—ниже всякой критики; большинство изъ нихъ не имѣетъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ, чтобы сдѣлаться достойными исполнителями той трудной задачи, которая на нихъ возложена. Впрочемъ и возможно ли имѣть потребное число хорошихъ народныхъ педагоговъ, когда на всей хорватской территоріи всего только четыре учительскихъ семинаріи и тѣ существуютъ лишь съ недавняго времени, а именно: въ Загребѣ—двѣ двухклассныя семинаріи—мужская (15 воспитанниковъ) и женская, (76 воспитанницъ) и въ Дялловарѣ—двѣ двухклассныя семинаріи—мужская, (8 воспитанниковъ) и женская, (7 воспитанницъ). Притомъ содержаніе народнаго учителя столь незначитель-

но, что не всякій, можно сказать, отваживается избрать поприщемъ своей дѣятельности народную школу. Правда, въ 1865 году образовалась въ Загребѣ „учительская задруга“, которая имѣла двоякаго рода задачу: съ одной стороны — оказывать денежное вспоможеніе семействамъ учителей, оставшимся въ нищетѣ; а съ другой — стараться, по мѣрѣ возможности, улучшить внутреннее состояніе народныхъ школъ, направивъ лучшія педагогическія силы къ учебной дѣятельности. Впрочемъ, денежные средства этого общества крайне ограничены, а потому оно и не въ силахъ расширить сферу своей дѣятельности.

Важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ народнаго образованія послужить со временемъ педагогическо-литературное общество (*Hrvatski pedagogijsko-knjizevni sbor*), которое только въ недавнее время устроено въ Загребѣ ¹⁾. Такъ какъ въ члены этого общества вступили лица, заявившія себя дѣятельностью педагогическо-литературною, то можно надѣяться, что оно употребитъ всевозможныя старанія, чтобы подвинуть дѣло образованія въ національномъ духѣ къ болѣе желательному рѣшенію. Педагогическо-литературная дѣятельность этого общества уже проявилась въ слѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ: 1. *„pedagogijska biblioteka“* — въ коей помѣщаются статьи педагогическаго содержанія; 2. *„Vjestnik pedagogijske knjizevnosti i ucila“* — ежемѣсячный сборникъ, въ которомъ печатаются, между прочимъ, отчеты о дѣятельности педагогическаго собранія; 3. *„Prosvjeta“* — еженедѣльная газета, которая является горячею поборницею интересовъ народныхъ училищъ, и 4. *„Napredak“* — педагогическій журналъ, выходящій 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца: онъ издается почти исключительно для народныхъ учителей. Не можемъ не указать еще на одно повременное изданіе, которое имѣетъ цѣлью поднять уровень образованія среди народныхъ учителей, а именно на журналъ *„Skolski prijatelj“*, — который выходитъ въ Загребѣ три раза въ мѣсяцъ.

III.

Среди учебныхъ заведеній. Загребскій университетъ.

Подъ средними учебными заведеніями, надлежитъ разумѣть гимназій и реальныя училища.

Въ Хорватіи и Славоніи шесть классическихъ восьмьклассныхъ гим-

¹⁾ Уставъ этого общества утвержденъ 1-го ноября 1871 года;

назіи, а именно: Загребская (522 воспитанника), Осѣйская (203 воспитанника), Вараждинская (229 воспитанниковъ), Сеньская (109 воспитанниковъ), Карловацкая (72 воспитанника) и Рѣчская (164 воспитанника)—притомъ одна шестиклассная гимназіи въ Пожегѣ (126 воспитанниковъ). Всѣ хорватскія гимназіи принадлежатъ къ ряду открытыхъ учебныхъ заведеній: въ нихъ нѣтъ пансіонеровъ. Значительная часть воспитанниковъ бесплатно получаетъ въ гимназіяхъ образованіе ¹⁾. Впрочемъ и годичная плата за ученіе — крайне незначительна, а именно—отъ 5 до 10 гульденовъ; одна часть этой суммы вносится въ началѣ перваго, а вторая — въ началѣ втораго учебнаго семестра. Однимъ словомъ, вся сумма, взимаемая съ воспитанниковъ за ученіе, столь ничтожна, что едва хватаетъ ея на содержаніе прислуги и отопленіе заведенія. Теперь невольно рождается вопросъ: на какія же средства содержатся хорватскія гимназіи? Изъ различныхъ источниковъ получаютъ онѣ средства къ своему существованію. А именно: 1) въ государственномъ бюджетѣ значится сумма, на покрытіе расходовъ по учебному вѣдомству въ Хорватіи и Славоніи; но сумма эта обыкновенно оказывается крайне недостаточной на удовлетвореніе всѣхъ потребностей учебныхъ заведеній. 2) На помощь государству, въ этомъ отношеніи, идутъ городскія думы. Онѣ ежегодно ассигнуютъ денежную субсидію на содержаніе находящихся въ нихъ административномъ районѣ гимназій, а также принимаютъ на свой счетъ ремонтировку гимназическихъ зданій. Впрочемъ нѣкоторые городскія думы, изъ дѣлѣ оказанія содѣйствія народному образованію, руководствуются иногда и политическими соображеніями. Такъ, напримѣръ, городская дума въ городѣ Рѣкѣ ассигновала въ 1856 г. 2.150 гульденовъ на содержаніе мѣстной гимназіи одновременно и по 3.000 гульденовъ ежегодно. Въ 1867 году Венгры приобрѣли подѣ свою власть хорватское приморье, а слѣдовательно и городъ Рѣку. Рѣчская городская дума носилась тогда отказаться отъ выдачи денежной субсидіи въ пользу хорватской гимназіи, которая, черезъ то самое, была поставлена въ крайне-за-

¹⁾ Многие изъ нихъ получаютъ даже стипендіи, которыя бываютъ различны, а именно: отъ 7 до 184 гульденовъ въ годъ. Для выдачи стипендій наиболѣе нуждающимся воспитанникамъ существуютъ два фонда: фондъ графа Драшковича въ 13.950 гульденовъ, и еще другой фондъ въ 28.736 гульденовъ, образованный изъ частныхъ пожертвованій. Между прочимъ и хорватское правительство выдаетъ въ гимназіяхъ 30 стипендіатовъ, на содержаніе которыхъ ежегодно ассигнуется 5.540 гульд.

труднительное положеніе. 3) Въ крайнихъ случаяхъ гимназическое начальство обращается за пособіемъ къ учебному фонду, который образовался изъ частныхъ пожертвованій.

Время каждого урока въ гимназіяхъ опредѣлено въ одинъ часъ. Уроки слѣдуютъ другъ за другомъ непрерывно, съ промежутками не болѣе какъ въ 5 минутъ. Въ младшихъ классахъ обыкновенно 5 уроковъ въ день, а именно: съ 8 часовъ утра до 11, затѣмъ съ 2 пополудни до 4 часовъ ¹⁾. Въ среднихъ классахъ (III, IV, V и VI)—сжеденно по пяти уроковъ, за исключеніемъ понедѣльника, когда бываетъ и до 6 уроковъ, а именно: съ 8 часовъ утра до 12 ч., затѣмъ съ 2 ч. до 4. — Въ VII и VIII классахъ два раза въ недѣлю (по понедѣльникамъ и пятницамъ) бываетъ по шести уроковъ. Между третьимъ и четвертымъ урокомъ установленъ промежутокъ для обѣда и отдыха учащихся. Во всѣхъ классахъ по средамъ и по субботамъ, послѣ обѣда, не бываетъ уроковъ. По четвергамъ обыкновенно бываютъ классы рисованія и чистописанія.

Теперь посмотримъ — въ какомъ объемѣ преподаются предметы въ гимназіяхъ и какъ распредѣлены предметы эти по классамъ.

Учебные планы предметовъ гимназическаго курса:

а. Законъ Божій.

Первый классъ (2 урока): краткій римско-католическій катехизисъ.

Второй классъ (2 урока)—Ученіе о богослуженіи римско-католической церкви.

Третій классъ (2 урока)—Священная Исторія Ветхаго Завѣта.

Четвертый классъ (2 урока)—Священная Исторія Новаго Завѣта.

Пятый классъ (2 урока)—Ученіе о ветхозавѣтномъ и новозавѣтномъ откровеніи.

Шестой классъ (2 урока)—Догматическое Богословіе.

Седьмой классъ (2 урока)—Нравственное Богословіе.

Восьмой классъ (3 урока)—Церковная Исторія.

б. Латинскій языкъ.

Первый классъ (8 уроковъ)—правильныя склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ; степени сравненія прилагательныхъ; спряженія правильныхъ глаголовъ; упражненія въ устномъ и пись-

¹⁾ Въ теченіе 2-го полугодія послѣобѣденные классы бываютъ съ 3-хъ часовъ до 5-ти.

менною переводѣ, примыкающія къ изученію грамматики; встрѣчающіяся въ переводахъ слова должны быть заучиваемы наизусть.

Второй классъ (8 уроковъ)—повтореніе правильныхъ спряженій глаголовъ; неправильности, встрѣчаемыя въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ; главнѣйшія правила синтаксиса; устные и письменныя упражненія.

Третій классъ (6 уроковъ)—объ употребленіи падежей. Устные и письменныя упражненія въ переводахъ съ латинскаго на хорватскій языкъ лучшихъ отрывковъ изъ Гоффмана: „*historia antiqua*“.

Четвертый классъ (6 уроковъ)—объ употребленіи временъ глаголовъ; устные и письменныя упражненія. О согласованіи словъ. О стихосложеніи. Чтеніе Юлія Цезаря lib. III и IV и лучшія элегіи Овидія.

Пятый классъ (6 уроковъ)—Повтореніе и окончаніе синтаксиса. Титъ Ливій lib. I и II и Энеида lib. II. Устные и письменныя упражненія.

Шестой классъ (6 уроковъ)—Повтореніе синтаксиса съ дополненіями. Титъ Ливій lib. I и II и Энеида lib. II. Устные и письменныя упражненія.

Седьмой классъ (5 уроковъ)—Повтореніе синтаксиса. Цицеронъ и Виргилія Энеида. Главнѣйшія правила латинской стилистики. Устные и письменныя упражненія, въ классахъ и на дому.

Восьмой классъ (5 уроковъ)—Тацитъ: *Анналы* lib. I Горацій — оды, сатиры или посланія о латинской стилистикѣ.

в. Греческій языкъ.

Третій классъ (5 уроковъ)—Этимологія до спряженія глаголовъ на „*μ*“.—Устные и письменныя упражненія.

Четвертый классъ (4 урока)—спряженіе глаголовъ на „*μ*“. Устные и письменныя упражненія въ переводахъ, примыкающія къ изученію грамматики, съ заучиваніемъ словъ.

Пятый классъ (4 урока)—Повтореніе этимологій съ дополненіями. Устные и письменныя упражненія. Илиада кн. I.

Шестой классъ (4 урока) — Синтаксисъ. Устные и письменныя упражненія. Илиада кн. XVIII и Геродотъ кн. V.

Седьмой классъ (4 урока) — Олинейскія рѣчи Демосфена. Илиада кн. XVII. Устные и письменныя упражненія съ изъясненіемъ грамматическихъ правилъ.

Восьмой классъ (4 урока)—Филиппики Демосфена, Платонъ (Аполлогія и Критонъ) и Софоклъ. Устные и письменныя упражненія.

г. Хорватскій языкъ.

Первый классъ (3 урока)—Этимологія. Практическія занятія.

Второй классъ (3 урока)—Этимологія съ дополненіями: о неправильностяхъ, встрѣчаемыхъ въ склоненіи именъ существительныхъ и въ спряженіи глаголовъ. Практическія занятія.

Третій классъ (3 урока)—синтаксисъ: о предложеніяхъ, о значеніи падежей и предлоговъ, объ употребленіи глаголовъ въ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ.—Практическія занятія.

Четвертый классъ (3 урока)—Синтаксисъ: объ употребленіи времени; ученіе о періодахъ. Практическія занятія.

Пятый классъ (3 урока)—чтеніе и разборъ разсужденій. Устные и письменныя упражненія въ хорватской стилистикѣ.

Шестой классъ (3 урока)—то же самое, что и въ пятомъ классѣ.

Седьмой классъ (3 урока)—грамматика древне-хорватскаго языка.—Исторія хорватской литературы.

Восьмой классъ (3 урока)—Исторія хорватской литературы. Чтеніе и разборъ литературныхъ ея образцовъ.

д. Нѣмецкій языкъ.

Первый классъ (2 урока)—Главныя правила о произношеніи буквъ и ихъ сочетаній, упражненія въ чтеніи и письмѣ; правильныя склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ; степени сравненія; спряженія вспомогательныхъ глаголовъ.—Практическія занятія.

Второй классъ (2 урока)—Спряженія правильныхъ глаголовъ; отступленія и исключенія въ склоненіяхъ именъ существительныхъ.—Практическія упражненія въ чтеніи и переводахъ.

Третій классъ (2 урока)—Спряженія неправильныхъ глаголовъ и практическія упражненія въ переводахъ.

Четвертый классъ (2 урока)—Ученіе о предложеніяхъ, обращая при этомъ особое вниманіе на разницу, существующую между языками хорватскимъ и нѣмецкимъ. Практическія занятія.

Пятый классъ (2 урока)—практическія занятія.

Шестой классъ (2 урока)—практическія занятія.

Седьмой классъ (2 урока)—практическія занятія.

Восьмой классъ (2 урока)—практическія занятія.

е. Исторія и Географія.

Первый классъ (3 урока)—краткія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи; очеркъ политической географіи европейскихъ государствъ.

Второй классъ (3 урока)—исторія древнихъ государствъ Азій, Африки и Европы до паденія Западной Римской Имперіи; краткія географическія свѣдѣнія объ означенныхъ странахъ.

Третій классъ (3 урока)—исторія средняя и новая до Вестфальскаго мира, при чемъ обращается особое вниманіе на исторію австрійскихъ земель и на нихъ географію.

Четвертый классъ (3 урока)—Отъ Вестфальскаго мира до 1815 года. Статистика Австрійской имперіи, при чемъ обращается особое вниманіе на статистику Хорватскаго королевства и на его исторію.

Пятый классъ (3 урока)—исторія древнихъ вѣковъ до покоренія Греціи Римлянами.—Древняя и новая географія тѣхъ странъ, которыя находились подъ властью Римлянъ.

Шестой классъ (3 урока)—исторія римская и исторія среднихъ вѣковъ до крестовыхъ походовъ съ соотвѣтствующею ей географіей.

Седьмой классъ (3 урока)—окончаніе исторіи среднихъ вѣковъ; новая исторія до Вестфальскаго мира, причемъ обращается особое вниманіе на исторію Австрійской имперіи и на ея географію.

Восьмой классъ (3 урока)—новая и новѣйшая исторія 1648—1815 годовъ. Подробное изложеніе статистики Австрійской имперіи.

ж. Математика.

Первый классъ (3 урока)—Дѣйствія надъ обыкновенными и десятичными дробями, какъ отвлеченными, такъ и именованными.—Общее понятіе о геометріи.

Второй классъ (3 урока)—Арифметика: объ отношеніяхъ и пропорціяхъ. О мѣрахъ. Геометрія: о треугольникахъ и многоугольникахъ; свойства перпендикулярныхъ и наклонныхъ линій; свойства параллельныхъ линій.

Третій классъ (3 урока)—Арифметика: о сложныхъ пропорціяхъ. Геометрія: о кругѣ, о линіяхъ, вписанныхъ въ кругъ и описанныхъ около него.

Четвертый классъ (3 урока)—Алгебра: четыре правила алгебраическія, о степеняхъ уравненій, объ извлеченіи корней изъ чиселъ и алгебраическихъ количествъ. Стереометрія.

Пятый классъ (3 урока)—Алгебра: дѣленіе многочленновъ.—Дѣйствія надъ алгебраическими дробями. Геометрія: о предѣлахъ; объ отношеніи окружностей и т. д.

Шестой классъ (4 урока)—Алгебра: общее изслѣдованіе квадратнаго уравненія и свойство корней этого уравненія. Геометрія: ученіе объ окружности. Стереометрія. Тригонометрія.

Седьмой классъ (3 урока)—Алгебра: уравненіе 2 степени съ одною и двумя неизвѣстными. Геометрія: подробное изложеніе тригонометріи.

Восьмой классъ (одинъ урокъ)—Повтореніе всего пройденнаго, рѣшеніе задачъ алгебраическихъ и геометрическихъ.

в. Физика.

Третій классъ (2 урока)—общія свойства тѣлъ, о свѣтѣ и о теплотѣ.

Четвертый классъ (3 урока)—о тяжести и вѣсѣ. Акустика, оптика, магнетизмъ и электричество.

Седьмой классъ (3 урока)—общія свойства свѣта, центра тяжести, движенія и теплоты.

Восьмой классъ (3 урока)—о волнахъ, акустика, магнетизмъ, электричество и оптика; общее понятіе объ астрономіи и метеорологіи.

и. Естественнѣдѣніе.

Первый классъ (2 урока)—общее понятіе о зоологіи.

Второй классъ (2 урока)—птицы, рыбы и млекопитающія. Ботаника: общія понятія.

Третій классъ (2 урока)—Минералогія.

Пятый классъ (3 урока)—подробное изложеніе минералогіи и ботаники.

Шестой классъ (2 урока)—подробное изложеніе зоологіи.

і. Пропедевтика.

Седьмой классъ (2 урока)—Логика.

Восьмой классъ (2 урока)—Психологія.

Учебный годъ начинается въ первыхъ числахъ ноября и кончается въ исходѣ іюля. Это позднее начатіе классныхъ занятій можетъ быть объяснено только тѣмъ, чтобы дать воспитанникамъ возможность провести у себя дома то время, когда происходитъ сборъ винограда.

При выпускѣ изъ гимназій, выдаются воспитанникамъ дипломы, гдѣ обозначено—какіе успѣхи они оказали по каждому предмету

гимназическаго курса. Впрочемъ воспитанники, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ наукъ въ восьмиклассной классической гимназіи и выдержавшіе затѣмъ экзаменъ зрѣлости, получали аттестатъ зрѣлости (*Maturitäts-Zeugniss*), который давалъ имъ право поступать безъ экзамена во всѣ высшія учебныя заведенія, находящіяся въ Австріи, но, въ силу распоряженія Цислейтанскаго министерства народнаго просвѣщенія это право было отмѣнено по отношенію къ Цислейтаніи. Къ экзамену зрѣлости допускаются и лица постороннія.

Въ 50-хъ годахъ были устроены въ Хорватіи и Славоніи семи-классныя реальныя училища (*Realschulen*), а именно: Загребское (210 воспитанниковъ), Осѣкское (109 воспитанниковъ), Вѣловарское (55 воспитанниковъ) и Вараждинское (46 воспитанниковъ). Въ этихъ училищахъ обучаютъ всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, за исключеніемъ языковъ греческаго и латинскаго, вмѣсто которыхъ преподаются техническія науки.

Теперь скажемъ вѣскольکو словъ объ учебномъ персоналѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Младшимъ преподавателемъ (суппленомъ) можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ аттестатъ зрѣлости, или семинарскій дипломъ: у каждаго изъ нихъ въ недѣлю отъ 17 до 20 классныхъ часовъ и получаютъ они въ годъ 700 гульденовъ. Младшій преподаватель, по прошествіи 3-хъ лѣтъ службы, пріобрѣтаетъ право на полученіе мѣста старшаго преподавателя, который получаетъ въ годъ 800 гульденовъ и имѣетъ въ недѣлю отъ 17 до 20 классныхъ занятій. Если младшій преподаватель имѣетъ университетскій дипломъ, то, по прошествіи 3-хъ лѣтъ службы, онъ можетъ предъявить свои права на полученіе мѣста профессора: но въ этой должности онъ утверждается не иначе, какъ по выдержаніи экзамена въ Загребской экзаменаціонной комиссіи изъ тѣхъ предметовъ, которые желаетъ преподавать. Профессоръ получаетъ въ годъ 1.000 гульденовъ и имѣетъ въ недѣлю отъ 14 до 20 классныхъ часовъ ¹⁾.—Изъ среды профессоровъ выбирается директоръ. Назначеніе его обыкновенно происходитъ слѣдующимъ образомъ: Загребское отдѣленіе народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ рекомендуетъ Хорватскому *балу* такое-то лицо на должность директора, а Хорватскій *балъ*, черезъ посредство Хорватскаго министра въ Пештѣ, ходатайствуетъ передъ императоромъ объ утверж-

¹⁾ Старшіе преподаватели и профессора несутъ и обязанность классныхъ наставниковъ, за что получаютъ въ годъ добавочныхъ 100 гульденовъ.

деніи представленнаго имъ кандидата въ должности. Директоръ получаетъ въ годъ 1.500 гульденовъ жалованья и 200 гульденовъ на канцелярскіе расходы. Слѣдуетъ замѣтить, что должностныя лица въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и директоры, не имѣютъ казенныхъ квартиръ. Хотя годичный окладъ директоровъ и крайне незначителенъ, однако на нихъ лежитъ весьма много обязанностей: директоръ есть и администраторъ и преподаватель (онъ имѣетъ отъ 5 до 12 классныхъ часовъ въ недѣлю) и классный наставникъ (обыкновенно въ старшемъ классѣ ¹⁾).—При каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи находится педагогическій совѣтъ, который состоитъ изъ старшихъ преподавателей и профессоровъ и собирается подъ предсѣдательствомъ директора. Между прочимъ ему предоставленъ выборъ учебныхъ руководствъ и пособій изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Надо замѣтить, что учебная карьера пользуется большимъ уваженіемъ у Хорватовъ, можетъ быть отчасти потому, что интеллигентный классъ у нихъ крайне незначителенъ, а также потому, что члены учебной корпораціи являются народными дѣлателями, главная задача которыхъ упрочить въ странѣ народное образованіе и съ помощію его ослабить въ ней иностранное вліяніе. Званіе профессора служитъ главною цѣлью всѣхъ стремленій ученаго сословія. Намъ приходилось видѣть, какую гордую осанку принималъ супплентъ, когда, по забывчивости, мы его величали титуломъ профессора. Впрочемъ есть и другія причины, почему лучшія интеллигентныя силы Хорватовъ избираютъ учебное дѣло поприщемъ своей дѣятельности. Если учебная карьера и не представляетъ особнхъ матеріальныхъ выгодъ, то она даетъ ученому сословію широкую свободу въ дѣлѣ выполненія возложенныхъ на него учебныхъ обязанностей. Напротивъ того бюрократическое сословіе, въ матеріальномъ отношеніи также плохо обезпеченное, должно постоянно служить политическимъ орудіемъ въ рукахъ Мадьяръ.

Съ цѣлью доставить молодымъ Хорватамъ возможность получить высшее образованіе, а притомъ и не отчуждать ихъ отъ своей родины, хорватскій мецпатъ Дьяковарскій епископъ Штросмейеръ на Загребскомъ сеймѣ 1861 года поднималъ вопросъ

¹⁾ Всѣ члены ученой корпораціи, черезъ каждые пять лѣтъ службы, получаютъ добавочныхъ 100 гульденовъ къ своему годичному окладу, а по прошествіи 40 лѣтъ службы полную пенсію.

объ устройствѣ въ Загребѣ университета, который бы носилъ названіе „Университета Франца Іосифа I“. Весьма естественно, что народное собраніе отнеслось крайне сочувственно къ этому предложенію. Дьяковорскій епископъ не преминулъ пожертвовать на означенный предметъ 50.000 гульденовъ, затѣмъ вскорѣ, по подпискѣ, было собрано 200.000 гульденовъ. Послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ въ апрѣлѣ 1869 года воспослѣдовало разрѣшеніе на открытіе университета въ Загребѣ. Но, за недостаткомъ потребныхъ денежныхъ суммъ, открытіе это состоялось лишь 19-го октября 1874 года.—Къ этому времени университетскій фондъ достигъ суммы въ 341.000 гульденовъ. Въ Загребскомъ университетѣ—четыре факультета: юридическій (онъ образовался изъ прежней юридической Загребской академіи, основанной еще при императрицѣ Маріи Терезіи), философскій, богословскій и медицинскій. Всѣхъ профессоровъ—26, а студентовъ около 250. Среднія учебныя заведенія даютъ ежегодно около 100 слушателей вновь основанному университету.

В) О СОСТОЯНІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ДАЛМАЦИИ.

Историческая жизнь Далмаціи сложилась подъ вліяніемъ разнообразныхъ государственныхъ началъ, которыя не могли не произвести своего рода дѣйствія и на учебное дѣло въ странѣ. Венеціанское правительство, которое, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, руководилось аристократическимъ началомъ, заявляло себя, понятно, горячимъ сторонникомъ того же принципа и въ дѣлѣ образованія далматинскаго населенія. Такъ мы видимъ, что, покоривъ Далмацію, венеціанское правительство не преминуло въ ней устроить двойкаго рода среднія учебныя заведенія: въ однихъ изъ нихъ воспитывались дѣти дворянъ, а въ другихъ—дѣти далматинскихъ гражданъ но—дворянскаго происхожденія ¹⁾. Весьма естественно, что дворянскіе институты пользовались особыми льготами. Между прочимъ молодые воспитанники—дворяне, по окончаніи полнаго курса наукъ въ институтѣ, были отправляемы на счетъ венеціанскаго правительства, въ университетъ Падуанскій, гдѣ они и получали высшее образованіе. Венеціанское правительство назначало именно ихъ на административные посты въ Далмаціи. Неудивительно, что дѣти далматинскихъ дворянъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Италіи, являлись у себя на родинѣ ярыми

¹⁾ Какъ въ такъ, такъ и въ другихъ, языкомъ преподаванія былъ языкъ италіанскій, то-есть, языкъ меньшинства населенія.

поборниками итальянской культуры, равно какъ и политическихъ тенденцій венеціанскаго правительства ¹⁾. Правда, существовали въ Далмаціи и народныя училища, но на нихъ не обращалось никакого вниманія со стороны правительства, а вслѣдствіе того они находились въ крайне дурномъ состояніи.

Французское правительство, овладѣвъ Далмаціею, обратило серьезное вниманіе на то, чтобы сдѣлать образованіе достояніемъ всего населенія страны. Въ городѣ Задрѣ были устроены академіи юридическихъ наукъ и гимназія. Равнымъ образомъ была открыта гимназія и въ городѣ Сплѣтѣ. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ хорватскій. Здѣсь-то получили образованіе многіе изъ Далматинцевъ, которые въ послѣднее время составили себѣ большую извѣстность на поприщѣ народной дѣятельности.

Австрійское правительство сочло необходимымъ закрыть Задрскую юридическую академію и гимназію въ Задрѣ и Сплѣтѣ. Въ промежутокъ времени между 1818 и 1821 годами существовали слѣдующія учебныя заведенія въ Далмаціи: итальянскій лицей въ Задрѣ и два шестиклассныхъ философскихъ училища одно — въ Задрѣ, а другое — въ Сплѣтѣ. Эти учебныя заведенія, въ которыхъ языкомъ преподаванія сталъ языкъ итальянскій, были устроены по образцу тѣхъ, какія существовали при императрицѣ Маріи Терезіи; а слѣдовательно онѣ далеко не отвѣчали ни духу времени, ни потребностямъ страны. За неимѣніемъ юридической академіи въ Далмаціи, молодые Далматы были вынуждены получать юридическое образованіе или въ германскихъ или въ итальянскихъ университетахъ.

Въ 50-хъ годахъ графъ Туизъ явился съ своею учебною реформой, о которой мы уже выше говорили. Между прочимъ Задрскій лицей и философскія училища въ Задрѣ и въ Сплѣтѣ были преобразованы въ восьмиклассныя классическія гимназіи.

Начиная съ 60-хъ годовъ, иначе сказать, со времени изданія октябрьскаго диплома, народное образованіе въ Далмаціи стало замѣтно подвигаться впередъ ²⁾. Въ учебно-административномъ отношеніи,

¹⁾ Такъ какъ въ то время образцовымъ воспитателемъ почитался лишь тотъ, кто получаетъ образованіе въ какомъ-либо іезуитскомъ учрежденіи, то означенныя учебныя заведенія находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ или іезуитовъ, или ихъ адептовъ.

²⁾ Между прочимъ, языкомъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже сталъ языкъ хорватскій.

Далмація была раздѣлена на 12 учебныхъ округовъ и въ каждомъ изъ нихъ былъ устроенъ школьный совѣтъ, а въ 1869 году возникло въ Задрѣ главное учебное управленіе, которому были подчинены всѣ школьные совѣты. Это учебное управленіе состоитъ изъ 5-ти членовъ, назначаемыхъ по выбору правительства, а обязанности президента его обыкновенно возлагаются на генераль-губернатора Далмаціи. Задрское учебное управленіе, въ свою очередь, зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ.

Въ настоящее время въ Далмаціи до 234 низшихъ учебныхъ заведеній, а именно: 220 приходскихъ училищъ (193 — для мальчиковъ, 24 — для дѣвочекъ и два училища для дѣтей обоего пола), 14 уѣздныхъ училищъ (5 для мальчиковъ и 9 для дѣвочекъ) и 34 воскресныхъ школы. Въ этихъ училищахъ обучается до 22.770 мальчиковъ и 27.267 дѣвочекъ. Еслибы учебныя власти настойчивѣе требовали отъ родителей, чтобы ихъ дѣти посѣщали школу, то, по всей вѣроятности, число учащихъ значительно бы возросло. Впрочемъ, съ каждымъ годомъ число народныхъ училищъ замѣтно возрастаетъ, равно какъ и увеличивается число учащихъ. Въ настоящее время въ Далмаціи 100-й человекъ — грамотный.

Говоря о народныхъ училищахъ, мы не можемъ не упомянуть объ образцовой школѣ, находящейся въ Задрѣ: въ ней, въ настоящее время, 170 воспитанниковъ и 6 преподавателей. По окончаніи курса въ этой школѣ, воспитанники обыкновенно поступаютъ въ учительскую семинарію, которая устроена въ Задрѣ въ 1871 году. Въ ней три класса, воспитанниковъ около 40, значительная часть которыхъ содержится на счетъ правительства. Въ семинаріи преподаютъ законъ Божій, сельское хозяйство, естественныя науки, также обучаютъ гимнастикѣ и пѣнію. Языками преподаванія служатъ языки хорватскій и итальянскій.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Далмаціи,

Въ Далмаціи четыре восьмилассныхъ классическихъ гимназій, а именно въ Задрѣ, Сплѣтѣ, Дубровникѣ (Дубровницкая гимназія была основана въ XVI столѣтіи іезуитами и по сіе время еще находится подъ ихъ непосредственнымъ завѣдываніемъ) и Сини (учебно-административная часть Синьской гимназіи находится въ рукахъ францисканцевъ) и двѣ шестиклассныя гимназіи — въ Шебенинѣ и Которѣ: во всѣхъ этихъ гимназіяхъ до 1.200 учащихъ. Притомъ въ Далмаціи есть еще нѣсколько реальныхъ училищъ: одно шестиклассное — въ Сплѣтѣ и

три четырехклассныхъ въ Задрѣ, Дубровникѣ и Которѣ: число воспитанниковъ въ реальныхъ училищахъ доходитъ до 300. Мы считаемъ лишнимъ говорить объ учебно-административномъ устройствѣ Далматинскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они, въ этомъ отношеніи, ничуть не отличаются отъ хорватскихъ. Замѣчательно только, что на содержаніе преподавателей далматинскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, австрійское правительство ежегодно ассигнуетъ извѣстный процентъ съ капитала, который имъ полученъ отъ продажи конфискованныхъ имѣній, нѣкогда принадлежавшихъ православному монастырямъ въ Буковинѣ.

Л. Березинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

I.

Изъ Средней Германіи.

16 (28) января 1877 г.

Позвольте мнѣ, приступая къ первому моему письму послѣ на-
пленія новаго года, бросить взглядъ на прошедшее. Справедли-
вость требуетъ вспомнить о тѣхъ, которые двѣнадцать мѣсяцевъ тому
назадъ еще вращались на землѣ, но уже не встрѣтили вмѣстѣ съ
нами послѣдній наступившій новый годъ. Много замѣчательныхъ лю-
дей потеряла наука въ Германіи: землѣвѣдѣніе—извѣстнаго амери-
канскаго путешественника Теодора фонъ-Гейглина, умершаго 5-го
ноября, исторія — трехъ замѣчательныхъ представителей: Гейнриха
Вутке, умершаго 14-го іюня въ Лейпцигѣ (онъ родился въ 1818 г.
въ Вригѣ, въ провинціи Силезіи, съ 1841 года состоялъ приватъ-
доцентомъ въ Лейпцигѣ, а съ 1848 года ординарнымъ профессоромъ
въ Лейпцигскомъ университетѣ); баварскаго изслѣдователя въ области
исторіи доктора Гиллани (Ghillany), умершаго 26-го іюня, и доктора
Пертца (Pertz), бывшаго директора королевской публичной библио-
теки въ Берлинѣ и издателя „Monumenta Germaniae historica“ (изъ
другихъ его сочиненій упомяну о біографіяхъ Гнейзенау и ми-
нистра Штейна). Изъ большаго числа филологовъ, историковъ, из-
слѣдователей древностей преимущественно мы упомянемъ только о
тѣхъ, которые приобрѣли извѣстность и въ Германіи: профессоръ
Лассенъ (C. Lassen), умершій 9-го мая въ Воннѣ, своимъ сочине-
ніемъ „Indische Alterthumskunde“ приобрѣлъ извѣстное имя въ уче-
номъ мірѣ; Фридрихъ Христіанъ Диецъ (Diez), профессоръ Боннскаго
университета, умершій 29-го мая, былъ высоко цѣнимъ и во Фран-
ціи, Италіи и другихъ земляхъ какъ авторъ „Граматики романскихъ
языковъ“ и „Этимологическаго словаря романскихъ языковъ“; про-
часть SLXXX, отд. 4.

фессоръ Мартинъ Гаугъ въ Мюнхенѣ, умершій 3-го іюня, особенно посвятилъ себя древней индійской литературѣ; Генрихъ Петерманнъ, профессоръ Берлинскаго университета, былъ извѣстный оріенталистъ, Карлъ Симорекъ (Sinnork), профессоръ древняго нѣмецкаго языка въ Боннѣ, перевелъ Гудруну, Нибелунги, Эдду и т. д. и составилъ прѣвосходный учебникъ нѣмецкой миеологiи; Рудольфъ Раумеръ профессоръ въ Эрлангенѣ, извѣстный германистъ¹⁾ и ученый по сравнительной филологiи, принималъ дѣятельное участіе въ измѣненіи нѣмецкаго правописанія; главные его сочиненія: 1) Untersuchungen über die Urverwandschaft der indogermanischen und semitischen Sprachen; 2) Geschichte der germanischen Philologie. Ф. Д. Герлахъ, съ 1819 г. состоялъ профессоромъ древней литературы и исторiи въ Базелѣ; изъ его сочиненій вышли, кромѣ большого изданія Салюстія, еще нѣсколько меньшаго объема о римской литературѣ и исторiи; Германъ Кёхли былъ съ 1840 до 1849 года учителемъ въ Дрезденѣ, но долженъ былъ, за свой политическій образъ мыслей, выѣхать оттуда; затѣмъ, съ 1851 года, состоялъ профессоромъ классической филологiи въ Цюрихѣ, а съ 1864 года въ Гейдельбергѣ. Изъ сочиненій его наиболѣе замѣчательны изслѣдованія объ Иліадѣ, Одиссееѣ и Гевіодѣ; выстъ съ Рустовымъ (W. Rüstow) издавъ онъ „Griechische Kriegsschriftsteller“ и „Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus“.

Не сомнѣваюсь, что особенно тяжело должно было отозваться у васъ извѣстіе о смерти Ритчля, такъ какъ этотъ замѣчательный ученый съ 1873 года принялъ на себя завѣдываніе семинаріею для русскихъ филологовъ при Лейпцигскомъ университетѣ. Мнѣ кажется, что лучшею оцѣнкою покойнаго будетъ представленное здѣсь вкратцѣ описаніе его дѣятельности. Подробную біографію ожидаютъ у насъ отъ профессора Риббека¹⁾.

Фридрихъ Ритчль родился 6-го апрѣля 1806 года въ Гросс-Варгула въ Тюрингіи; школьное образованіе получилъ сначала въ гимназiи близъ Эрфурта, а потомъ въ Виттенбергѣ, гдѣ съ 1824 года ректоромъ состоялъ знаменитый филологъ Шнитцнеръ. Въ 1825 г. Ритчль поступилъ въ Лейпцигскій университетъ; еще до окончанія

¹⁾ Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала мы надѣемся помѣстить подробную статью о Ритчлѣ, принадлежащую перу одного изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ.—Ред.

университетскаго курса ему удалось быть принятымъ въ члены греческаго общества Готфрида Германна,—общества, которое тогда было центромъ всѣхъ филологическихъ изслѣдованій. Преимущественно же филологическое образованіе получилъ Ритчль въ Галле подъ руководствомъ соотечественника своего профессора Карла Рейсига. Въ 1829 году, по смерти этого ученаго, одареннаго блестящими способностями, взоры многихъ обратились на двадцатитрехлѣтняго юношу, отъ котораго самъ Рейсигъ ожидалъ очень многого. И дѣйствительно, Ритчль оправдалъ возложенныя на него надежды. Въ короткое время написалъ онъ докторскую диссертацию „Kritische Blätter“ и защитилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ; чрезъ мѣсяцъ послѣ того, предъявилъ онъ права на званіе приватъ-доцента, представивъ изслѣдованіе: „Commentatio de Agathonis vita, arte et tragoediarum reliquiis“. Въ 1832 году былъ онъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1833 году былъ переведенъ въ Бреславль (гдѣ принялъ на себя также завѣдываніе семинаріею), а въ 1834 году утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Посѣтивъ съ ученою цѣлью Италію, Ритчль въ 1839 году получилъ приглашеніе въ Боннѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора классической филологіи и краснорѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ директора тамошней филологической семинаріи. Въ 1854 году принялъ онъ на себя главный надзоръ за университетскою бібліотекою, завѣдывалъ университетскимъ музеемъ отечественныхъ древностей, а также былъ президентомъ общества любителей древностей въ Прирейнскихъ провинціяхъ. Когда, въ 1864 году, онъ праздновалъ двадцатипяти-лѣтній юбилей своей дѣятельности въ Боннѣ, его многочисленные ученики (изъ числа коихъ 23 были уже профессорами) поднесли ему сочиненіе, которое далеко превосходило все, что составлялось въ подобныхъ случаяхъ прежде: „Symbola philologorum Bonnensium in honorem Friderici Ritschellii collecta“ (Leipzig, 1864—67), не только по своему объему (860 стр.), но и по содержанію. Спустя годъ послѣ упомянутаго радостнаго событія, вслѣдствіе распирей, происшедшихъ въ Боннскомъ университетѣ, Ритчль былъ вынужденъ взять отставку и, ради своихъ убѣжденій, не смотря на то, что въ виду не имѣлось у него ничего, оставилъ прусскую государственную службу. Вскорѣ, однако, пригласилъ его въ Лейпцигъ саксонскій министръ народнаго просвѣщенія Фалькенштейнъ, извѣстный своимъ высокимъ стремленіемъ привлекать къ университету лучшія ученые силы. Въ Лейпцигѣ, гдѣ ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ Ритчль принятъ въ число студентовъ,

провелъ онъ послѣдніе одиннадцать лѣтъ своей жизни. Подобно тому, какъ Георгъ Курціусъ выдавалъ работы своимъ слушателямъ въ „*Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*“, и Ритчль предпринималъ періодическое изданіе замѣчательнѣйшихъ изслѣдованій молодыхъ ученыхъ, бывшихъ его учениками, въ „*Acta societatis philologicae Lipsiensis*“. Скончался онъ рано утромъ 9-го ноября, на 71-мъ году своей жизни; многочисленные друзья и ученики, ректоры, профессоры и вообще всѣ представители университета сопровождали бренные останки его до могилы.

Представить хоть сколько нибудь удовлетворительную оцѣнку литературной дѣятельности Ритчля не дозволяютъ мнѣ размѣры этой статьи, а потому укажу только на нѣкоторые факты. Любимымъ писателемъ покойнаго былъ Плавтъ. Уже въ 1835 году появилось его изслѣдованіе: „*Plauti Bacchides. Ad codicum Palatinorum fidem cum integra scripturae discrepantia reliquorum librorum edidit Fr. Ritschl*“, а въ 1836 „*de Plauti Bacchidibus disputatio*“ и на нѣмецкомъ языкѣ „*Zur Kritik des Plautus*“ (*Rheinisches Museum*, T. 4 и 5). Результаты путешествія его по Италіи были изложены имъ въ многочисленныхъ небольшихъ статьяхъ (собранныхъ впоследствии въ „*Patergon Plautinorum Terentianorumque*, vol. I, Leipzig 1845) и въ „*T. M. Plauti Comediae. Ex recensione et cum apparatu critico Frid. Ritschelii. Accedunt prolegomena de rationibus criticis grammaticis prolegomena metricis emendationis Plautinae*“. Последнее его сочиненіе объ упомянутомъ писателѣ носитъ заглавіе: „*Neue Plautinische Excursus*, 1 Heft.: *Der Auslaut D im alten Latein*“, Leipzig, 1869. Пониманіе Плавта безъ основательнаго изученія архаической латыни невозможно, а потому Ритчль обратилъ должное вниманіе на этотъ предметъ и на тѣсно связанную съ нимъ эпиграфику. Кромѣ многочисленныхъ статей, напечатанныхъ въ „*Rheinisches Museum*“, его дѣятельность по этому предмету выразилась въ „*Priscae latinitatis monumenta epigraphica*“ (Berlin, 1862) и въ пяти къ тому „*Supplementa*“ (Bonn, 1862—1864). Что ученость Ритчля обнимала не одну только римскую литературу, доказалъ онъ уже въ упомянутомъ нами сочиненіи, представленномъ имъ на званіе приватъ-доцента. Въ 1838 году, въ видѣ прибавленій къ *Scholion*, въ которомъ былъ помѣщенъ пергаментный кодексъ Плавта, принадлежащій *Collegio Romano*, издалъ онъ очень поучительное сочиненіе: „*Ueber die alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der homerischen Gedichte durch Pisistratus*“; дополненія къ этой

книгѣ находимъ мы въ изслѣдованіяхъ: „Ueber die Stichometrie der Alten“, „Stichometrisches bei Diogenes Laertius“ и „Corollarium disputationis de bibliothecis Alexandrinis deque Pisistrati curis Homericis“. Самое существенное изъ того, что Ритчль писалъ о греческой литературѣ, помѣщено въ первомъ томѣ его небольшихъ филологическихъ сочиненій. Многочисленныя изслѣдованія и статьи, которыя трудно было бы перечислить здѣсь, напечаталъ онъ въ издаваемомъ имъ, сначала вмѣстѣ съ Велькеромъ, а потомъ съ Клете, богатомъ по содержанію, выходившемъ черезъ каждые четыре мѣсяца, періодическомъ изданіи „Rheinisches Museum für Philologie“. Слѣдуетъ упомянуть также о статьяхъ его, появлявшихся въ Вонискихъ indices lectionum, а также и въ другихъ изданіяхъ; онѣ вышли подъ заглавіемъ „Opuscula philologica“, первый томъ конхъ посвященъ греческой литературѣ, а второй заключаетъ въ себѣ все, что относится до Платона и до латинской грамматики.

Но вслѣдъ этимъ далеко еще не исчерпывается значеніе Ритчля въ филологическомъ мірѣ. По крайней мѣрѣ на столько же значительно считаемъ мы его дѣятельность, какъ университетскаго преподавателя, какъ профессора. Онъ принадлежалъ не къ тѣмъ—къ сожалѣнію, многочисленнымъ—профессорамъ, которые довольствуются сухимъ наложеніемъ предъ слушателями разработаннаго ими научнаго матеріала, который конечно также хорошо, а можетъ быть, даже и лучше, можно было бы усвоить изъ напечатанныхъ ими книгъ: его изложеніе, свидѣтельствовавшее о глубокомъ знаніи предмета, было жизненно, увлекательно, возбуждало въ слушателяхъ любовь къ предмету и охоту къ подобнымъ же научнымъ изслѣдованіямъ. Постоянно обращая вниманіе на самыя, по видимому, незначительныя мелочи, памятуя, что общіе вопросы разрѣшаются только при всестороннемъ изслѣдованіи частныхъ, Ритчль приучалъ своихъ слушателей ни къ чему не отворачиваться поверхностно, а съ равнымъ стараніемъ изучать какъ значительное, такъ и менѣе важное. Метода его состояла не изъ искусно поставленнаго ряда положеній, которыя можно было бы изучать на память, но преимущественно въ счастливомъ соединеніи остроумія съ добросовѣстнымъ трудомъ. Онъ считалъ нужнымъ разсматривать изучаемаго писателя со всѣхъ сторонъ, подробно знакомиться съ его жизнію, съ условіями его времени, съ его сочиненіями и т. д. Я очень хорошо помню, съ какимъ глубокимъ чувствомъ упоминалъ Ритчль въ своихъ лекціяхъ по поводу Платона о незабвенномъ Готфридѣ Германнѣ, когда догадки и предположенія этого

ученаго во многомъ самымъ блистательнымъ образомъ были подтверждены древнимъ палимсеостомъ, которымъ Ритчль (а за нимъ Штудемунтъ) воспользовался въ Bibliotheca Ambrosiana въ Миланѣ. Но микроскопическое прилежаніе и точность въ частностяхъ, говорилъ Ритчль, не должны вредить формѣ литературнаго труда: обнародованные результаты продолжительныхъ изысканій „не должны пахнуть лампой“. Это требованіе виѣшней формы особенно заслуживаетъ вниманія въ настоящее время, когда такъ много ученыхъ только и думаютъ о томъ, чтобы собрать побольше матеріаловъ, не обращая ни какого вниманія на ихъ виѣшнюю обработку.

Въ высшей степени благотворно отражалось вліяніе Ритчля въ руководимой имъ семинаріи. Здѣсь на самомъ дѣлѣ высказывалась вся сила его преподавательскихъ способностей надъ тѣми, которые приходили съ нимъ въ личное соприкосновеніе; это выражалось иногда въ строгомъ порицаніи, иногда въ снисходительной похвалѣ. Когда попадалась ему поверхностная работа, онъ становился неумолимо строгимъ, но суровая его критика всегда обнаруживала самыя благотворныя послѣдствія. Во всемъ видна была у него жизненность и энергія, которые пробуждали въ его ученикахъ любовь къ предмету. Его педагогическій взглядъ скоро распознавалъ и опредѣлялъ каждую отдѣльную личность, тотчасъ видѣлъ, что нужно для того, чтобы вывести ея на надлежащій путь, а потому ученики его проiakались полнымъ довѣріемъ къ своему опытному руководителю.

Наконецъ, важныя услуги оказалъ Ритчль, завѣдывая университетскою библіотекою въ Боннѣ; не забудемъ, что въ настоящее время университетскія библіотеки въ Breslau, Göttingen, Heidelberg, Ienъ и Münsterъ управляются людьми, которые въ этомъ отношеніи съ гордостію могутъ назвать себя учениками Ритчля.

Давно не читалъ я педагогическаго сочиненія съ такимъ интересомъ, какъ сочиненіе Визе „Deutsche Briefe über englische Erziehung“, второй томъ коего только что вышелъ изъ печати (первый томъ имѣлъ три изданія).

Людвигъ Визе родился 30-го декабря 1806 года въ Герфордѣ, школьное образованіе получилъ въ Берлинѣ и слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ съ 1826 по 1829 годъ. Въ 1830 былъ онъ назначенъ учителемъ въ Friedrich-Wilhelms-Gymnasium въ Берлинѣ, въ 1831 году конректоромъ въ Клаусталѣ (въ Ганноверѣ), въ 1833 году проректоромъ въ Пренцлау, затѣмъ профессоромъ при Іоахимсталской гимназіи въ Берлинѣ и завѣдывалъ тамъ алуи-

нато́мъ. Въ 1850 году предпринялъ онъ довольно продолжительное путешествіе въ Англію, дабы собственнымъ наблюденіемъ познакомиться со школами этой страны. Результаты своей поѣздки изложилъ онъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, свидѣтельствующихъ о чрезвычайной наблюдательности; письма эти въ такой степени заинтересовали министра народнаго просвѣщенія Раумера, что онъ первоначально поручилъ Визе произвести ревизію нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Вестфалии; совѣтникъ и докладчикъ по управленію высшихъ учебныхъ заведеній Кортюмъ счелъ это обиднымъ для себя и вышелъ въ отставку: тогда Визе былъ назначенъ на его мѣсто (1852). Въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ сряду онъ находился во главѣ этой отрасли управленія. Нужно сказать, впрочемъ, что Визе далеко не пользовался расположеніемъ въ средѣ педагогическаго міра и происходило это главнымъ образомъ отъ того, что онъ слишкомъ мало интересовался матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ ¹⁾ учителей. Къ тому же либералы несправедливо его за консервативное направленіе. При высокой интеллигенціи и свѣдѣніяхъ, онъ обладалъ необычайною способностью трудиться; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что теперь на трехъ совѣтниковъ возложена работа, которую исполнялъ онъ одинъ.

Изъ сочиненій Визе упомяну здѣсь о тѣхъ, которыя имѣютъ особенное значеніе для педагоговъ: а) *Die Bildung des Willens*, 1872; б) *Zur Geschichte und Bildung der Frauen* (двѣ лекціи о женскомъ воспитаніи и образованіи; о положеніи женщины въ древности и въ христіанскомъ мірѣ); в) *Deutsche Bildungsfragen aus der Gegenwart*, 1871; г) *Das höhere Schulwesen in Preussen. Historisch-statistische Darstellung im Auftrage des Unterrichtsministeriums* herausgegeben; д) *Verordnungen und Gesetze für die höheren Schulen in Preussen*. Два послѣднія сочиненія положительно необходимы для всякаго, кто хочет имѣть вѣрное понятіе объ учебномъ дѣлѣ въ Пруссіи.

Скажемъ же теперь нѣсколько словъ о письмахъ Визе объ англійскомъ воспитаніи. Здѣсь авторъ сравниваетъ условія англійской жизни и англійскихъ учрежденій съ тѣмъ, что существуетъ въ Гер-

¹⁾ Говорятъ, онъ держался того мнѣнія, что бѣдность есть лучший стимулъ для труда. Онъ неохотно проповѣдывалъ въ чины директоровъ и учителей, ибо—по словамъ его—«положеніе учителя столь почтенно, что не можетъ быть определено чиномъ». Когда вышелъ законъ о квартирныхъ деньгахъ, ординарные учителя были уравнены въ чинахъ съ чиновниками, занимающими менѣе значительныя должности (*Subalternbeamten*).

маніи. Мы уже замѣтили, что первый томъ этой книги появился въ 1851 году и выдержалъ съ разу два изданія; затѣмъ убѣждали Визе предпринять и третье, но онъ не хотѣлъ сдѣлать этого не посѣтивъ снова Англію и не ознакомившись лично съ тѣми измѣненіями, которыя въ послѣднее время могли произойти въ устройствѣ англійскихъ школъ. Только лѣтомъ 1876 года онъ могъ привести въ исполненіе свой планъ. Онъ нашелъ въ упомянутой странѣ такую рѣзкую перемѣну, что наблюденія, сдѣланныя имъ, не могли быть присоединены къ прежнимъ въ видѣ дополненія, но требовали самостоятельнаго изложенія. Такъ какъ письмамъ 1850 года компетентные судьи придавали важное педагогическое значеніе, и такъ какъ въ прежнемъ своемъ видѣ они приобрѣли многихъ почитателей, то авторъ и рѣшился перепечатать ихъ, а новыя свои наблюденія обнародовать въ особомъ изданіи. Мы можемъ быть ему только благодарны за это, ибо при сліяніи ихъ утратилась бы или, по крайней мѣрѣ, уменьшилась бы живость и свѣжесть изложенія, основаннаго на личномъ наблюденіи, и, кромѣ того, появившійся теперь въ двухъ томахъ рядъ писемъ соединяетъ въ себѣ все главное, характеризующее развитіе образованія и воспитанія Англіи въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій.

Остановимся прежде на первомъ томѣ, относящемся къ 1850 году.

Разсмотрѣніе условій жизни въ чужомъ государствѣ всегда поучительно для мыслящаго наблюдателя. Правда, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть допущено простое перенесеніе и заимствованіе чужихъ учрежденій; особенно же въ педагогикѣ слѣпое подражаніе не менѣе пагубно какъ и въ политикѣ. Но сравненіе своего съ чужимъ заставляетъ правильнѣе цѣнить свое, возбуждаетъ вопросъ—идемъ ли мы по настоящему пути.

Правильная оцѣнка чужихъ учрежденій очень трудна. Изучить Англію не легко; англійскіе туристы на Рейнѣ и въ Швейцаріи еще не Англія; точно также по пестрой и шумной дѣятельности лондонскихъ улицъ, по лѣтнимъ засѣданіямъ утомленнаго парламента, по беллетристической литературѣ, чтенію газетъ и по высказывающемуся въ наше время ненормальному положенію фабричнаго населенія въ городахъ, по всему этому нельзя составить себѣ вѣрное понятіе объ упомянутой странѣ. Конечно, говорить Визе, „Англичане охотно готовы допустить возможность соединенія службы Богу и мамонѣ, и многіе изъ нихъ не сознаютъ, что въ справедливости заключается высшій разумъ. И все-таки на этой столь странно и столь темно

окрашенной поверхности общественной жизни является такая солидность, что выскнувъ въ нее, скоро приходишь къ убѣжденію, что зерно народа еще вполне здорово и сильно; напрасно стали бы возражать противъ этого люди, не имѣющіе другаго мѣрила для оцѣнки нации кромѣ того, которымъ они измѣряютъ нравственность отдѣльнаго человѣка въ его частной жизни, и предсказывающіе близкое крушеніе гордому кораблю Британіи; напрасно утверждаютъ они, что уже давно черви точатъ этотъ корабль и что огромную течь, образовавшуюся въ немъ, нельзя уже остановить". Въ этомъ убѣдились, между прочимъ, Визе изъ наблюденій своихъ надъ педагогическою сферою Англіи: „Относительно познаній, говоритъ онъ, наши училища далеко превосходятъ англійскія, но воспитаніе тамъ гораздо вадежище и солиднѣе, ибо оно даетъ лучшую подготовку къ жизни". Иностранцу не легко получить вѣрное понятіе о состояніи англійскихъ школъ отчасти потому, что посторонніе лица не допускаются въ нихъ присутствовать при самомъ преподаваніи, отчасти же по совершенному отсутствію всякой органической между ними связи, которая въ Германіи выражается въ общихъ для всѣхъ учебныхъ заведеній учрежденіяхъ (министерство народнаго просвѣщенія, провинціальныя училищныя коллегіи и т. п.), чего въ Англіи нѣтъ. Разнообразіе англійскихъ школъ весьма велико, такъ какъ значительное богатство общинъ, а равно соревнованіе частныхъ лицъ для достиженія полезныхъ общественныхъ цѣлей бываютъ причиною къ открытію многихъ отдѣльныхъ школъ, при чемъ учредители сообразуются съ мѣстными потребностями или просто дѣйствуютъ по собственному усмотрѣнію; школы эти не подчиняются никакому высшему центральному учрежденію. Прусскимъ гимназіямъ соотвѣтствуютъ въ Англіи только очень немногія заведенія: пять большихъ училищъ (public schools), имѣющихъ алумнаты въ Итонѣ, Рогби, Гарроу, Винчестерѣ, Вестминстерѣ, да еще нѣсколько другихъ старинныхъ и новыхъ заведеній, напримѣръ, въ Лондонѣ; Charterhouse, Merchant tailor's school, St. Paul's school или schoola Coletana, которая была основана Іоанномъ Колетомъ, другомъ Эразма, King's College, и, наконецъ, не малое число частныхъ училищъ, которыя, конечно, имѣютъ весьма различное достоинство.

Какъ ни велико сходство англійскихъ школъ съ германскими относительно своей основы, то-есть, классическаго образованія, существенное различіе ихъ заключается въ томъ, что послѣднія по преимуществу готовятъ желающихъ поступить на государственную

службу, тогда какъ большинство учащихся въ англійскихъ школахъ желаетъ получить лишь общее гуманистическое образованіе.

Въ противоположность съ большинствомъ другихъ государствъ, въ англійскихъ ученикахъ отрадно поражаетъ свободное, открытое обращеніе и чрезвычайно рѣдкое проявленіе лжи. „Они знаютъ, что прежде всего требуютъ отъ нихъ правды; знаютъ, что имъ вѣрять на слово, а потому съ одной стороны считаютъ ниже своего достоинства прибѣгать ко лжи, съ другой—понатіе о законности развито въ нихъ такъ сильно, что на назначенное за какой либо проступокъ наказаніе они смотрятъ, какъ на нѣчто совершенно должное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отстаиваютъ его какъ свое право“. Причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ тѣхъ или другихъ школьных порядкахъ, а во всемъ строѣ семейной и общественной жизни. Воспитаніе въ public schools потому только идетъ успѣшно, что оно опирается на обычай домашней жизни, тогда какъ въ Германіи (и, вѣроятно, въ большей части континента) юношество лишено этой благотворной обстановки. Школа, предоставленная лишь собственнымъ средствамъ, не можетъ образовать характеръ, не можетъ развить вполне національный складъ ума. На правильномъ развитіи чувства собственного достоинства и основана почти вся англійская педагогика. Чувство это—по убѣжденію наставника—должно удерживать мальчика отъ дурнаго поступка и чѣмъ болѣе будетъ онъ имѣть доказательствъ оказываемаго ему довѣрія, тѣмъ сильнѣе будетъ стремиться заслужить его. На этомъ основаніи, помимо всякихъ искусственныхъ педагогическихъ приѣмовъ, англійскіе педагоги достигаютъ весьма счастливыхъ результатовъ. „Совершенно справедливо то мнѣніе, говоритъ Визе, что если учитель поставитъ себя такъ, чтобы ученики боялись его, то всегда рискуетъ быть обманутымъ и самъ виноватъ въ томъ, что они прибѣгаютъ къ косвеннымъ и непрямымъ путямъ“. Англійская система воспитанія чрезвычайно строга относительно всего главнаго и существеннаго, но очень снисходительна къ тому, что не представляетъ важности. Свобода въ извѣстныхъ границахъ, которую считаютъ возможною допускать для воспитанниковъ, по понятіямъ существующимъ въ Германіи, чрезвычайно обширна. О строгомъ, однообразномъ надзорѣ въ обѣденное время, въ часы отдыха, нечего и говорить; равнымъ образомъ ни одинъ воспитатель не спитъ вмѣстѣ съ воспитанниками; имъ предоставляется право одними уходить изъ школы; читать они могутъ все, что угодно, даже и политическія га-

вети ¹⁾. Раннее участіе англійскаго юношества къ политическимъ дѣламъ можно считать безопаснымъ, тогда какъ въ Германіи, по мнѣнію Визе, это было бы далеко не такъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важно, что каждый англійскій мальчикъ уже изъ родительскаго дома выноситъ извѣстную сумму привитыхъ ему убѣжденій и уваженіе къ существующему порядку вещей, а потому съ широкимъ сознаніемъ личнаго достоинства и пониманіемъ свободы въ немъ всегда соединяется поразительное уваженіе къ авторитету. Онъ знаетъ, что можетъ достигнуть самостоятельности въ своихъ сужденіяхъ только подъ наблюденіемъ болѣе опытныхъ и болѣе образованныхъ умовъ, слѣдовательно, путемъ дисциплины. Замѣчательно также охотное подчиненіе воспитанниковъ установленнымъ въ школѣ наказаніямъ и между прочимъ, тѣлесному наказанію. Даже воспитанники sixth form (высшаго класса) еще могутъ быть наказываемы розгами, но лишь самъ директоръ (head-master) и притомъ въ полной должностной формѣ приводитъ его въ исполненіе; въ общественномъ мнѣніи Англичахъ это отнюдь не считается унижительнымъ. Личная честь воспитанника, говорятъ они, охраняется тѣмъ, что онъ подвергается законному наказанію и такимъ образомъ возстанавливается нарушенное проступкомъ нравственное равновѣсіе. На наказаніе поэтому смотрятъ не какъ на средство къ предупрежденію проступка на будущее время (къ этому должны быть внутренніе мотивы), но главнымъ образомъ какъ на необходимое искупленіе прошлаго.

Съ этими неоспоримыми преимуществами англійскаго воспитанія тѣсно связаны и многіе недостатки. Такъ какъ на мальчиковъ родители и учителя уже очень рано начинаютъ смотрѣть какъ на джентльменовъ, и такъ какъ эти мальчики въ обращеніи своимъ сильно подражаютъ взрослымъ, то (если еще принять во вниманіе вообще сосредоточенность англійскаго характера) они лишены поэзіи дѣтскаго и юношескаго возраста. Молодежь слишкомъ рано перестаетъ быть молодою, слишкомъ рано уравниваются ее съ взрослыми, а между тѣмъ во многихъ отношеніяхъ остается она гораздо менѣе умственно зрѣлою, тѣмъ молодежь нѣмецкая: такъ, напримѣръ, между студентами Оксфорда и Кембриджа лишь немногіе могутъ самостоятельно разрабатывать научныя темы.

¹⁾ Училищныя бібліотеки, по мнѣнію Визе, устроены такъ отлично, выборъ въ нихъ такъ цѣлесообразенъ, что уже одно это отклоняетъ отъ безплоднаго или вреднаго чтенія.

Но этотъ фактъ ни въ какомъ случаѣ не представляется Англичанамъ большимъ несчастіемъ. Они имѣютъ полное довѣріе къ могуществу врожденныхъ имъ способностей, и убѣждены, что послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго умственнаго несовершенствія, все-таки наступитъ время зрѣлаго сознанія и самостоятельной энергіи.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что программы преподаванія англійскихъ учебныхъ заведеній существенно отличаются отъ нашихъ. Познанія англійскаго ученика ограничены, но воля его болѣе развита. Такъ какъ главнымъ образомъ имѣютъ въ виду развитіе способность къ труду, то при преподаваніи удаляется все, что излишне могло бы обременить, раздражить или разсѣять умственные силы мальчика. На первомъ планѣ стоитъ приобрѣтеніе положительныхъ знаній и извѣстныхъ правилъ, а не возвращеніи и общихъ разсужденій, которыя ученикъ можетъ воспринять лишь безъ всякой провѣрки. По мнѣнію Оомы Арнольда, знаменитаго ректора въ Рогби, само по себѣ умственное напряженіе въ сто разъ полезнѣе для ученика, чѣмъ усвоенныя этимъ напряженіемъ свѣдѣнія, средство важнѣе, чѣмъ цѣль. Въ Германіи навязываютъ юношѣ слишкомъ много умственной работы, такъ что въ головахъ его образуются неясныя понятія, а прилежаніе по необходимости получаетъ направленіе болѣе поверхностное, чѣмъ глубокое. Англійскіе ученики далеко не столь многому учатся, но къ самому ученію привыкаютъ гораздо лучше. Съ этой же точки зрѣнія смотритъ Англичанинъ и на упражненія въ метрику классическихъ языковъ. Что въ этомъ отношеніи приобрѣтается значительный навыкъ, показываютъ намъ напечатанные сборники, напримѣръ: *Musae Etonenses*, *Anthologia Oxoniensis* и т. д. Въ этихъ сборникахъ помѣщены не только переводы съ новыхъ языковъ на греческій и латинскій, но и самостоятельныя стихотворенія на обоихъ древнихъ языкахъ, которыя служатъ доказательствомъ поразительнаго навыка и основательнаго изученія разнообразнѣйшихъ формъ метрики. Стихотворенія по большей части веселаго и серьезнаго содержанія; послѣднія особенно понравились Визе. Придателямъ подобныхъ упражненій Англичане по большей части отвѣчаютъ такъ: ученики приобрѣтаютъ у насъ значительный навыкъ къ латинскому и греческому стихотворству, по это можетъ быть достигнуто только посредствомъ прилежнаго чтенія древнихъ писателей и ознакомленія съ ихъ духомъ и языкомъ; это возбуждаетъ также фантазію и располагаетъ умъ къ правильному распредѣленію воспринятыхъ идей. Польза состоитъ еще и въ томъ, что молодой

человѣкъ сознаеть, что могъ достигнуть цѣли, проникается сознаниемъ собственныхъ силъ, а это радуетъ и ободряетъ его еще къ болѣе трудной дѣятельности.

Первый томъ разсматриваемаго сочиненія, какъ говоритъ самъ авторъ, содержитъ письма еще довольно молодаго человѣка, которому было поручено управленіе самымъ большимъ изъ существующихъ въ Берлинѣ алуминатовъ (при Іоакимсталской гимназій), и который ежедневно долженъ былъ встрѣчать препятствія при исполненіи своей задачи,—препятствія, которыя обуславливались неблагоприятнымъ положеніемъ училища среди большаго города и вреднымъ влияніемъ на него тогдашней общественной среды. Увидая немиспорочныхъ и свободно возрастающихъ мальчиковъ и юношей въ англійскихъ алуминатахъ, Визе былъ сильно пораженъ противоположностью съ тѣмъ, къ чему привыкъ у себя. Вотъ почему отзывы его объ Англіи отличаются восторженнымъ увлеченіемъ. Въ 1876 году предпринялъ онъ поѣздку главнымъ образомъ для того, что бы познакомиться съ организаціей школъ, управленіемъ ихъ и реформами, произшедшими въ школьномъ дѣлѣ за послѣднее десятилѣтіе. Теперь гораздо болѣе тѣмъ прежде была облегчена ему возможность дѣлать наблюденія: его допускали присутствовать при преподаваніи, даже обращаться къ ученикамъ съ вопросами; случалось, что просили его во время класса заняться самому съ воспитанниками.

...Извѣстно, говоритъ Визе, что настоящее время есть время широкихъ реформъ въ Англіи. Во всѣхъ классахъ общества сильно возбужденъ вопросъ о воспитаніи. Школы и воспитаніе являются неистощаемою темой какъ для серьезныхъ разсужденій, такъ и для обыкновенныхъ разговоровъ, самыя разнообразныя мнѣнія высказываются со всѣхъ сторонъ. Слѣдуя своему обыкновенію, Англичане не довольствовались лишь обнаруженіемъ недостатковъ и обсужденіемъ ихъ, не дожидались когда улягутся споры, но тотчасъ же начали дѣйствовать. Въ особенности относительно народныхъ школъ безъ замедленія были приняты самыя энергическія мѣры. Между тѣмъ, какъ Шотландія уже со временъ реформаціи имѣетъ прекрасныя приходскія школы, въ Англіи только съ 1698 года, Обществомъ для распространенія христіанскаго знанія было открыто довольно значительное число училищъ. Въ 1785 году возникло Общество воскресныхъ школъ. Много пользы оказываютъ два общества, возникшія въ началѣ нашего столѣтія, а именно основанное Андреемъ Беллемъ National Society for promoting the education of the poor in the prin-

ciples of the established church (Национальное общество для воспитанія бѣдныхъ въ началахъ господствующей церкви) подъ покровительствомъ Кентерберійскаго архіепископа, и затѣмъ учрежденное Ланкастеромъ въ 1814 году British and foreign school Society ¹⁾ (Британское и иностранное училищное общество). Оба они получаютъ средства частью отъ церкви, частью отъ частной благотворительности и отъ пожертвованій по завѣщаніямъ. Въ 1838 году правительство согласилось отпускать этимъ обществамъ ежегодное пособие (сначала 30.000 стерл.—20,000 для Англіи и Валліса, 10,000 для Шотландіи) и установило въ 1839 году особое учрежденіе Committee of the privy council on education, иначе называемое Education department, ближайшею обязанностію коего есть контроль по расходованію этихъ пособій. Наконецъ, въ 1870 году преимущественно вслѣдствіе стараній Форстера вышелъ законъ о начальномъ образованіи, по которому элементарныя школы были подчинены государству. Школы каждого города или нѣсколькихъ менѣе населенныхъ мѣстностей подчиняются управленію Комисіи училищъ (School Board), члены которой избираются изъ мѣстныхъ жителей, платящихъ известную подать ²⁾. Для покрытія расходовъ комиссія устанавливаетъ въ принадлежащихъ къ ея округу мѣстностяхъ известную подать. Кроме того государство отпускаетъ пособіе тѣмъ училищамъ, которыя подчиняются надзору назначенныхъ имъ инспекторовъ. Бесплатное ученіе не допускается; за совершенно бѣдныхъ дѣтей вносить деньги мѣстные училищныя комитеты. Этимъ комитетомъ представлено право устанавливать, въ предѣлахъ своихъ округовъ, обязательное ученіе (compulsory system). По представленному отчету училищнаго департамента въ 1876 году обязательное ученіе въ Англіи и Валлісѣ существуетъ для 46% всего населенія (особенно принялось оно въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ и въ другихъ большихъ городахъ). Программа преподаванія ограничивается чтеніемъ, письмомъ, арифметикой и изученіемъ Библіи; преподаваніе закона Божія, по вѣровсповѣданіямъ, по случаю многочисленныхъ существующихъ въ Англіи сектъ, въ этихъ общественныхъ школахъ не допускается. Учители готовятъ въ особыхъ семинаріяхъ (Trai-

¹⁾ Это общество въ школахъ своихъ заставляетъ читать Библію, но не допускаетъ преподаванія закона Божія по вѣровсповѣданіямъ.

²⁾ Лица женскаго пола имѣютъ также право собирать и быть выбранными.

ning Colleges). Кроме того существуетъ еще большое число такъ называемыхъ voluntary schools (вольныя училища), которыя потому такъ называются, что большею частью содержатся на добровольныя пожертвованія такихъ лицъ, которыя по религіознымъ или политическимъ причинамъ являются противниками упомянутыхъ преобразованій. Въ 1874 году всѣ вообще расходы по элементарному образованію въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи простирались до 5,289,036 фунт. стер.; изъ нихъ приходится на долю казны 2,228,470., добровольныхъ пожертвованій 897,858, платы за ученіе 1,198,098, благотворительныхъ учрежденій по устройству училищъ 118,545; школьная подать доставила 846,065 фунт. ст. Въ 1876 году пособие, оказанное государствомъ, простиралось уже до 2,791,231 ф.; изъ этой суммы на Англію 1,707,055 ф., на Шотландію 438,227 ф. и на Ирландію 645,949 фун. Законъ объ училищахъ 1876 года еще не требуетъ всеобщаго введенія обязательнаго ученія, но старается привлечь учениковъ въ школы косвенными путями, какъ это видно изъ запрещенія принимать дѣтей до десятилѣтняго возраста на фабрики; отъ десяти до четырнадцати лѣтъ дѣти могутъ быть допускаемы къ фабричнымъ работамъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если будетъ доказана извѣстная мѣра ихъ школьныхъ познаній или если во время пребыванія своего на фабрикѣ половину дня будутъ они посвящать школѣ.

Съ вопросомъ объ ученіи былъ соединенъ вопросъ о квартирахъ, а въ большихъ городахъ вопросъ объ удобствахъ сообщеній. Предварительнымъ условіемъ для воспитанія въ школахъ является домашнее приучиваніе къ порядку и чистотѣ. Для этой цѣли въ предмѣстьяхъ (suburbs) Лондона соединеннымъ стараніемъ парламента и предприимчивыхъ филантропическихъ обществъ въ короткое время удалось воздвигнуть множество жилищъ для рабочаго класса,—не какія либо обширныя казармы, а цѣлый рядъ маленькихъ домовъ, каждый для одного семейства, обыкновенно съ садомъ; дома эти отдаются въ наемъ за крайне умѣренную плату. Скорое сообщеніе съ городами обезпечивается особыми дешевыми поѣздами по желѣзной дорогѣ.

Кругъ дѣятельности воскресныхъ школъ весьма расширился и не ограничивается уже, какъ прежде, одними религіозными наставленіями дѣтямъ.

Не менѣе значительный интересъ представляютъ наблюденія Визе надъ другими учебными заведеніями, между прочимъ, надъ такъ

называемыми *endowed schools*, а равнымъ образомъ относительно производства экзаменовъ, положенія учителей, организаціи университетовъ, женскаго образованія (въ 15-мъ письмѣ довольно подробно говорится о женскомъ образованіи въ Америкѣ) и т. д.; но если бы вознамѣрился я передать все достойное вниманія, то пришлось бы перевести всю книгу.

Единственный упрекъ, который можно ей сдѣлать, заключается въ крайней разбросанности матеріала, такъ что, прочитавъ ее только разъ, едва-ли составишь себѣ вполнѣ отчетливое понятіе о современномъ состояніи учебнаго дѣла въ Англіи. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что систематическое изложеніе не было его задачей.

Г. III.

II.

Изъ Парижа.

10 (22) февраля 1877 года.

Давно уже стоитъ у насъ на очереди вопросъ о даровомъ первоначальномъ обученіи. Либеральная партія желаетъ, чтобы обученіе это было обязательное и свѣтское, то-есть, чтобы народныя школы не находились подъ руководствомъ одной изъ существующихъ у насъ религіозныхъ корпорацій (*Frères de la doctrine chrétienne*). Впрочемъ это послѣднее обстоятельство не особенно важно; что же касается обязательности обученія, то очень многіе убѣждены, что оно должно быть непременно даровымъ. Въ прошломъ году г. Ваддингтонъ, тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность министра, заявилъ, что онъ представитъ палатамъ проектъ закона въ этомъ смыслѣ и, дѣйствительно, проектъ былъ представленъ 29 января. Еще въ 1850 году было разрѣшено сельскимъ общинамъ учреждать бесплатныя школы подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ сами заботились объ ихъ содержаніи; изъ 36.000 существующихъ у насъ общинъ только 2.634 воспользовались этимъ правомъ; закономъ 1867 года сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ на этомъ пути, а именно, общинамъ было разрѣшено обращаться къ правительству съ просьбами о пособіи для означенной цѣли: вслѣдствіе того, кромѣ означеннаго сейчасъ числа, еще 911 общинъ ввели у себя даровое обученіе. Сумма, ассигнуемая имъ казною, простирается нынѣ до 578.000 фр., то-есть, истощиваетъ почти весь кредитъ (600.000 фр.), которымъ ежегодно пользуется на этотъ предметъ министерство народнаго просвѣщенія.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ представилъ свой проектъ г. Ваддингтонъ. Означеннымъ проектомъ разрѣшается общинамъ вотиловать—не превышая извѣстной цифры—налоги для учрежденія бесплатныхъ школъ и правительство обѣщаетъ имъ субсидіи, если налоги окажутся недостаточными, но при этомъ поставлено условіемъ, чтобы принципъ дароваго обученія былъ примѣнимъ безразлично ко всѣмъ школамъ—какъ къ свѣтскимъ, такъ и къ тѣмъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи церковныхъ корпорацій. Сдѣлано это для того, чтобы родители, при выборѣ для своихъ дѣтей той или другой школы, не руководились соображеніями о томъ—гдѣ будутъ обучать ихъ даромъ и гдѣ за деньги. Новый законъ долженъ войти въ силу съ 1878 года; палаты еще не обсуждали его, но уже теперь можно видѣть, что онъ встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны клерикальной партіи. Духовенство, благодаря своимъ обширнымъ матеріальнымъ средствамъ, могло бы безъ особенныхъ затрудненій ввести въ своихъ школахъ бесплатное обученіе, но не извлечь изъ этого ни малѣйшей выгоды, какъ скоро всѣ школы сдѣлаются бесплатными.

Ворьба, возникшая такимъ образомъ между церковью и государствомъ по поводу начального обученія, продолжается съ прежнимъ ожесточеніемъ и въ другой сферѣ. Недавно происходило открытіе новаго католическаго университета въ Лиллѣ. Увѣряютъ, будто цифра добровольныхъ пожертвованій на него, а также на основанный за годъ предъ симъ юридическій факультетъ въ томъ же городѣ, простирается до 5 милл. франковъ; одинъ изъ фабрикантовъ пожертвовалъ между прочимъ 500.000 фр. Церемоніи открытія происходила въ соборной церкви подъ предсѣдательствомъ кардинала - архіепископа города Камбре; профессора принесли присягу на латинскомъ языкѣ по формулѣ, предписанной римскимъ дворомъ. Ректоромъ новаго учебнаго заведенія назначенъ одинъ изъ прелатовъ; три факультета—юридическій, словесный и физико-математическій—уже вполне организованы; деканы двухъ послѣднихъ изъ нихъ читали еще недавно лекціи въ факультетѣ города Нанси. Думаютъ также учредить и факультетъ медицинскій, какъ скоро найдена будетъ необходимая для него клиника. Впрочемъ въ настоящее время заботы католическаго духовенства направлены преимущественно къ южнымъ нашимъ провинціямъ: архіепископъ Тулузскій уже собираетъ пожертвованія для учрежденія университета въ своей резиденціи.

Правительство, съ своей стороны, не предается бездѣйствію. Въ самое послѣднее время учреждена была имъ новая каведра археологическая сLxxx отд. 4.

гін въ Тулузскомъ факультетѣ, катедра греческой эпиграфики въ Collège de France и катедра русскаго языка въ Школѣ восточныхъ языковъ. Оно имѣетъ также въ виду—на предстоящей всемірной выставкѣ 1878 года—учредить выставку педагогическую: подготовительныя работы по исполненію этой задачи возложены на г. Ватилли, начальника учебнаго отдѣленія при министерствѣ народнаго просвѣщенія; неутомимая его дѣятельность и готовность оказать заиспѣлія отъ него услуги хорошо извѣстны всѣмъ иностраннѣмъ ученимъ, имѣющимъ надобность обращаться къ нашему министерству. На раду съ упомянутою выставкою организуется также, подъ руководствомъ г. Адриана Лонверье, выставка древняго искусства, долженствующая состоять изъ слѣдующихъ девяти отдѣловъ, изъ которыхъ каждый будетъ находится въ вѣдѣніи особой комисіи или вполне компетентныхъ ученыхъ: 1) первоначальное искусство и древности Галліи; 2) скульптура древнихъ, среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія; 3) нумизматика; 4) глиняные сосуды; 5) манускрипты и книги; 6) оружіе; 7) серебряныя и золотыя издѣлія; 8) старинная мебель; 9) этнографія народовъ, не принадлежащихъ къ семьѣ европейскихъ.

Всѣмъ, кто интересуется вопросомъ о высшемъ преподаваніи и ученыхъ учрежденіяхъ нашей страны, можно смѣло рекомендовать "Annuaire des sciences historiques", первая часть коего издаана недавно г. Ке де-С. Амуромъ (Caix de Saint Amour). Авторъ сообщаетъ здѣсь множество свѣдѣній, которыя были доселѣ разбѣяны въ различныхъ изданіяхъ, а именно все что касается организаціи такихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Collège de France, Лейнская школа, Школа для разбора хартій и т. п., публичныхъ библіотекъ, музеевъ, академій, ученыхъ обществъ, существующихъ въ Парижѣ и въ департаментахъ и т. д. Особенно интересны свѣдѣнія о послѣднихъ изъ этихъ обществъ: оказывается, что число ихъ простирается болѣе чѣмъ до 200; только въ весьма немногихъ департаментахъ—напримѣръ, Оверни и Приморскихъ Альпахъ—не существуетъ ихъ вовсе. Можно указать на города, которые относительно ученой дѣятельности успѣшно соперничаютъ даже со столицей: такъ въ департаментѣ Кальвадоса городъ Каанъ служитъ средоточіемъ шести обществъ, которыя успѣли обнародовать въ совокупности не менѣе 200 томовъ; въ Тулузѣ находится также шесть обществъ и столько же въ Бордо. „Ежегодникъ“ сообщаетъ когда именно возникли они и какая отрасль науки составляетъ предметъ занятій каждаго изъ нихъ. Въ концѣ книги помѣщена подробная библіографія замѣчательнѣйшихъ сочиненій и журналь-

ныхъ статей, появившихся въ послѣдніе годы и относящихся преимущественно къ исторіи. Авторъ „Ежегодника“ намѣренъ сообщать въ послѣдующихъ томахъ подробныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ ученыхъ конгрессовъ: все это придаетъ значительный интересъ предпринятому имъ труду.

Перехожу теперь къ наиболѣе интереснымъ литературнымъ новостямъ.

Книгопродавецъ Гашетъ задумалъ—какъ уже было упоминаемо мною прежде—цѣлый рядъ энциклопедій. Издавъ энциклопедіи, предметомъ конихъ служить исторія всеобщая и исторія Франціи, французская литература, философія, онъ выпустилъ недавно „Dictionnaire universel des littératures“, составленный г. Вапрѣ (Vapereau), и „Dictionnaire de géographie universelle“ г. Вивьена де С. Мартена (Vivien de S.-Martin). Авторъ перваго изъ нихъ—главный инспекторъ начальныхъ школъ—человѣкъ очень свѣдущій, извѣстенъ у насъ своимъ „Словаремъ знаменитыхъ современниковъ“. Новый его трудъ задуманъ весьма удачно, а именно онъ имѣетъ цѣлью представить не только біографію извѣстныхъ писателей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, но и ознакомить публику съ ихъ произведеніями, къ какому бы разряду литературы они ни принадлежали. Подобная книга весьма понравится большинству нашей публики, но къ сожалѣнію—non omnia possumus omnes. Напрасно авторъ положился только на собственныя знанія и не счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ посторонней, надежной помощи. У него очень много пробѣловъ и ошибокъ, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь не о французской, а объ иностранныхъ литературахъ. Такъ напримѣръ свѣдѣнія о литературѣ славянскихъ народовъ представляются въ самомъ жалкомъ видѣ. Авторъ пользовался кое-какими свѣдѣніями, доходящими до 1825 года, то-есть, именно до того времени, когда для этой литературы наступаетъ широкое развитіе. Въ статьѣ о Болгаріи онъ утверждаетъ, между прочимъ, что съ 1860 г. всѣ Болгары обратились въ католицизмъ (!). Что же касается до литературы французской, то этотъ отдѣлъ обработанъ г. Вапрѣ очень старательно и заслуживаетъ полнаго вниманія.—Географическій Словарь г. Вивьена де С.-Мартена достойнымъ образомъ завершаетъ карьеру этого трудолюбиваго писателя. Все сочиненіе должно состоять изъ двухъ томовъ, въ два столбца убористой печати, но появляться оно будетъ довольно медленно, а именно не болѣе какъ по пяти выпусковъ ежегодно. Судя по первому выпуску, оно обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. Авторъ занимается въ немъ исключительно

географіей новѣйшихъ временъ и имѣеть въ виду посвятить географіи древняго міра особый словарь. Всѣ статьи, относящіяся до Россіи, составлены покойнымъ Шнитцлеромъ. Одновременно со словаремъ, о которомъ идетъ рѣчь, выходитъ и атласъ, первые выпуски коего были представлены на Вѣнскую выставку и заслужили тамъ одобрение: онъ будетъ состоять изъ 107 картъ большаго размѣра. Благодаря г. С. Мартену, публика наша будетъ наконецъ имѣть атласъ, въ которомъ она давно нуждалась.

Очень любопытно въ историческомъ, литературномъ и артистическомъ отношеніи роскошное изданіе, которое г. Шарль Ириартъ (Ch. Yriarte) посвятилъ Венеціи. Онъ уже давно занимается искусствомъ этого города, провелъ въ немъ много лѣтъ, внимательно изучалъ его памятники и архивы. Плодомъ этого изученія была появившаяся не такъ давно книга „Жизнь Венеціанскаго патриція въ XVI вѣкѣ“, написанная очень занимательно. Новый трудъ г. Ириарта будетъ гораздо болѣе обширенъ и представитъ конечно болѣе интереса въ ученomъ отношеніи. Между прочимъ, авторъ посѣтилъ Триестъ именно въ то время, когда восточныя событія начали сосредоточивать на себѣ вниманіе всей Европы; онъ не удержался, чтобы не посѣтить Боснію и Герцеговину, гдѣ — въ качествѣ Француза — имѣлъ возможность дѣлать свои наблюденія не встрѣчая никакихъ затрудненій и непріятностей. Результатомъ этого была наданная имъ теперь книга, подъ заглавіемъ: „La Bosnie et l'Herzégovine, souvenirs de voyage pendant l'insurrection“. Къ сожалѣнію, г. Ириартъ не знаетъ вовсе славянскихъ нарѣчій; вслѣдствіе того, многое было ему недоступно, но все-таки замѣтки его будутъ прочтены со вниманіемъ; онъ украсилъ свою книгу рисунками, составленными чрезвычайно удачно.

Молодой дипломатъ, виконтъ Мельхиоръ Вогюе (Melchior Vogué) издалъ недавно сочиненіе о Сиріи, Палестинѣ и Аѳонской горѣ (La Syrie, la Palestine et le mont Athos). Автору — племяннику извѣстнаго археолога, которому мы обязаны многими прекрасными изслѣдованіями о святыхъ мѣстахъ — удалось сообщить вполне оригинальныя замѣтки о страдахъ, которыя столько разъ подвергались подробному описанію, а потому не удивительно, что онѣ встрѣтили весьма сочувственный пріемъ со стороны критики. Въ качествѣ дипломата, состоящаго на службѣ, г. Вогюе не могъ, конечно, высказать всего, что онъ могъ бы сказать, но все-таки сказано имъ достаточно. Въ Іерусалимѣ посѣтилъ онъ различныя русскія учрежденія этого города, о которыхъ сохранилось у него самое пріятное воспоминаніе.

Между прочимъ русскіе поклонники особенно поразили его своею искреннею и глубокою набожностью; онъ сравниваетъ ихъ со спутниками Петра Пустынника, предшественниками крестоносцевъ, толпами стекавшими въ Іерусалимъ изъ глубины Фландріи и Бретани. „Во многихъ отношеніяхъ, говоритъ онъ, эти представители массы русскаго народа живо напоминаютъ своимъ благочестіемъ этихъ собратьевъ нашихъ XI вѣка... Стоить только всмотрѣться въ эти лица, на которыхъ сильное чувство отражается съ такою же наивностью, какъ на фигурахъ нашихъ готическихъ соборовъ, въ эти глаза, видящіеся изъ-подъ длинныхъ спущенныхъ волосъ, чтобы безошибочно подмѣтить пламя истинной, безграницной вѣры... Не могъ ли скрыть отъ себя, что будущее принадлежитъ именно этимъ людямъ—и вполне законно, ибо они просты, набожны и добродушны. Быть можетъ, они не умѣютъ такъ хорошо, какъ мы, справляться съ силами природы, справляться со сложнымъ механизмомъ политики, но за то не рѣдаютъ нашихъ сомнѣній, изпуляющей пасъ внутренней борьбы; они не обладаютъ вполне нашими знаніями, но за то свято сберегли великое знаніе, давно утраченное нами, а именно вѣру, самопожертвованіе и почитаніе ко всему тому, что слѣдуетъ почитать...“ Тѣ же самыя впечатлѣнія вынесъ г. Вогюе и изъ своей побѣдки на Аѳонскую гору: онъ полагаетъ, что греческіе монастыри находятся въ состояніи замѣтнаго упадка, но отзывается съ горячими похвалами о монастыряхъ русскихъ. „Опытъ-таки и тутъ—говоритъ онъ—мы имѣемъ дѣло съ племенемъ молодымъ и исполненнымъ жизненныхъ силъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что только вѣра, глубокая вѣра, привлекала сюда сподвижниковъ изъ ихъ родныхъ, отдаленныхъ степей; правила монастырской жизни соблюдаются ими чрезвычайно строго, но это не мѣшаетъ имъ усердно предаваться разнообразнымъ работамъ“.

На ряду съ книгою г. Вогюе нельзя не упомянуть о другой, уже прямо посвященной Россіи, а именно о сочиненіи г. Рамбо: „Французы и Русскіе, Москва и Севастополь“. Исторія войнъ 1812 и 1854 годовъ была излагаема у насъ не только — какъ и слѣдовало ожидать—съ исключительно французской точки зрѣнія, но при этомъ не было даже обращено никакого вниманія на русскіе источники. Г. Рамбо, два раза посѣтившій нашу страну, отлично владѣющій русскимъ языкомъ, вознамѣрился изобразить упомянутыя событія какъ можно болѣе безпристрастно и это вполне удалось ему. Въ предисловіи къ своей книгѣ представилъ онъ очень дѣльный очеркъ отно-

шеній Франціи къ Россіи съ Петра Великаго до настоящаго времени.

Г. Гиппо, давно уже занимающійся изслѣдованіями о состояніи народнаго просвѣщенія въ различныхъ странахъ Европы, посвятилъ новый изданный имъ томъ Скандинавскимъ государствамъ, а затѣмъ намѣревается перейти къ Россіи. Неизвѣстно, въ какой степени будетъ удовлетворителенъ трудъ его о нашемъ отечествѣ, но о Даніи, Швеціи и Норвегіи онъ сообщилъ многое, что возбуждаетъ у насъ живѣйшій интересъ. Выше упоминалъ я, что вопросъ о бесплатномъ начальномъ обученіи стоитъ теперь у насъ на первомъ планѣ, а въ упомянутыхъ сейчасъ странахъ онъ давно уже разрѣшенъ. Не только, говоритъ г. Гиппо, трудно тамъ встрѣтить въ народѣ безграмотныхъ, не только всѣ умѣютъ читать, но — и это главное — любятъ читать. Страсть къ чтенію развита одинаково въ городахъ и въ селахъ, во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія. Такъ, напримѣръ, даже въ округѣ Тромсѣ, на дальнемъ сѣверѣ, дѣти Норвежцевъ и Лапонцевъ усердно посѣщаютъ школы или же обучаются у себя дома; странствующие учителя посѣщаютъ кочевыя племена и съ успѣхомъ распространяютъ среди нихъ грамотность. По всему видно, что г. Гиппо черпалъ свои свѣдѣнія изъ вполне надежныхъ источниковъ.

Очень любопытна книга г. Тревере объ Италіи въ XVI вѣкѣ (*L'Italie au XVI siècle, par Treveret*). Авторъ состоитъ профессоромъ иностранныхъ литературъ въ Бордоскомъ словесномъ факультетѣ и, подобно своему товарищу по кафедрѣ, г. Габгару, профессору факультета въ Нанси, посвятилъ изслѣдованія свои преимущественно Италіи въ эпоху возрожденія. Книга, въ которой идетъ рѣчь главнымъ образомъ о Макиавелли, Кастильоне и Санназарѣ, написана съ талантомъ и знаніемъ дѣла.

Появился на дняхъ девятнадцатый томъ полнаго собранія сочиненій Дидро, содержащій окончаніе писемъ его къ г-жѣ Волланъ и корреспонденцію его съ другими лицами. Многое здѣсь появляется въ печати еще въ первый разъ.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я указывалъ на изслѣдованіе г. Э. Роллана о французскихъ загадкахъ (*Devinettes ou énigmes populaires de la France, par Eugene Rolland*), предисловіе къ которому написано известнымъ нашимъ ученымъ г. Гастономъ Пари. Трудъ этотъ обращаетъ вниманіе нашей публики на нѣкоторыя стороны народной французской литературы, находившіяся въ незаслуженномъ пренебреженіи. У насъ многіе были убѣждены, что успѣхи цивилизаціи совер-

шенно вытѣснили ее, но новѣйшими изслѣдованіями доказано, что это грубая ошибка: старинныя пѣсни, сказки, повѣрья, пословицы всецѣло сохранились въ нашемъ народѣ, но въ сожалѣнію онъ чрезвычайно недоверчивъ и не охотно дѣлится этимъ своимъ достояніемъ. При собираніи словесныхъ памятниковъ старинны, г. Ролланъ долженъ былъ вооружиться большимъ упорствомъ и ловкостью, которыми вполне дѣлають ему честь. Кромѣ того, эрудиція его весьма обширна, какъ можно убѣдиться изъ внимательнаго разсмотрѣнія его книги.

Г. Гарсенъ де-Тасси, старѣйшина нашихъ оріенталистовъ, имѣеть обыкновеніе издавать въ началѣ каждаго года подробный обзоръ всего, что въ истекшемъ году появилось замѣчательнаго по предмету индусской литературы; при этомъ не упускаетъ онъ изъ виду и теперешняго состоянія Индіи. На этотъ разъ изданная имъ брошюра особенно обширна и представляетъ самый разнообразный интересъ. Такъ, напримѣръ, авторъ излагаетъ какое впечатлѣніе произведено было въ Индіи путешествіемъ принца Вельскаго и новымъ титуломъ, который приняла королева Викторія; затѣмъ знакомитъ насъ съ попытками г. Монье Вильямса учредить индійскій институтъ въ Оксфордѣ и т. п., а въ концѣ своей книги помѣстилъ алфавитный списокъ 900 индусскихъ писателей, которые не вошли въ обширную исторію литературы, изданную имъ лѣтъ шесть тому назадъ.

Въ нынѣшнемъ году появились три новыхъ періодическія изданія: *Revue géographique*, *Revue de philologie*, *Mélanges*. Первое изъ нихъ выступило съ программой, которая отличается большими претензіями, но, кажется, оно не оправдываетъ ихъ; напротивъ того, первый номеръ *Revue de philologie* очень разнообразенъ и интересенъ, — укажу между прочимъ на помѣщенную въ немъ статью г. Дежардена „О необходимости эпиграфики для уясненія въ некоторыхъ классическихъ текстовъ“, изслѣдованіе г. Вейли объ эпитафіи Аоніанамъ, погибшимъ въ битвѣ при Херонѣ, и составленный профессоромъ Сорбонны г. Бенуа очеркъ ученой дѣятельности Ритчля; особенную же важность представляетъ впервые обнародованная профессоромъ Школы высшихъ наукъ г. Грѣ рѣчь ратора Хорикія, рукопись коей нашелъ онъ въ Мадридской бібліотекѣ. Хорикій былъ современникомъ Юстиніана, а упомянутая его рѣчь содержитъ восхваленіе Аратія, одного изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ Велизарія, и губернатора Палестины Стефана; о первомъ изъ нихъ упоминаетъ Прокопій, что онъ неоднократно велъ войны съ Славянами и Гуннами. Въ слѣдующихъ книжкахъ *Revue de*

philologie должны появляться обзоры замѣчательнѣйшихъ трудовъ по филологіи въ другихъ европейскихъ государствахъ. О „Малювинѣ“ не считаю нужнымъ сообщать свѣдѣній послѣ того, что было сказано въ вашемъ журналѣ объ этомъ сборникѣ г. Веселовскаго.

Что касается до другихъ періодическихъ изданій, то *Revue historique*, выходившая доселѣ четыре раза въ годъ, будетъ появляться чрезъ каждые два мѣсяца. Поговариваютъ о новомъ ежемѣсячномъ журналѣ, который долженъ соперничать съ *Revue des deux mondes*, издатель коего Бюлозъ сошелъ недавно въ могилу. Извѣстно какимъ громаднымъ успѣхомъ пользовался подъ его редакціею этотъ журналъ, бывшій сначала не болѣе какъ географическимъ сборникомъ: Бюлозъ принялъ завѣдываніе имъ съ 1831 года, въ самый разгаръ борьбы классической и романтической школъ, когда литература наша была столь богата замѣчательными талантами и несомнѣнная заслуга ловкаго редактора состояла въ томъ, что онъ умѣлъ сгруппировать ихъ вокругъ себя. Впослѣдствіи, при второй имперіи, гнетъ, таготившій надъ печатью, еще болѣе усилилъ процвѣтаніе *Revue des deux mondes*, который и теперь имѣетъ около 22.000 подписчиковъ; акціи его приносятъ не менѣе 95%. Главное руководство этимъ періодическимъ изданіемъ перешло въ руки сына покойнаго Бюлова и очень скоро разъяснится, конечно, вопросъ — сохранить ли онъ при немъ свою прежнюю репутацію.

Л. Л-ръ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЖНЯЯ УЧИЛИЩА.

Сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о русско-башкирскихъ и русско-киргизскихъ школахъ Оренбургскаго учебнаго округа.

Въ послѣдней половинѣ прошлаго года были осмотрѣны 15 изъ нихъ въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ и одна въ г. Троицкѣ Тургайской области. При этомъ обревизованы были упомянутыя школы преимущественно въ учебномъ отношеніи, такъ какъ хозяйственную часть, особенно принадлежащее имъ имущество, оказалось невозможнымъ провѣрить въ точности безъ письменныхъ документовъ, находящихся въ волостныхъ правленіяхъ или у мировыхъ посредниковъ. При отсутствіи ихъ трудно было удостовѣриться, принадлежитъ ли, напримѣръ, училищный домъ школѣ или же составляетъ собственность общества; случалось въ нѣкоторыхъ школахъ видѣть въ самыхъ постройкахъ часть, принадлежащую школѣ, а другую часть—или учителю, или же волостному правленію.

А) Школы, пользующіяся содержаніемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія:

1) *Сукулакская* школа находится въ русской деревнѣ Сукулакахъ, Орскаго уѣзда, а башкирскіе мальчики собраны въ нее изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ селеній. Она помѣщается въ старомъ помѣщичьемъ домѣ съ платой по 200 руб. въ годъ. Домъ этотъ съ перваго же раза поражаетъ своею мрачностью, такъ что тяжело становится долго оставаться въ немъ. Помѣщеніе это вообще тѣсно и неудобно для наличнаго числа учениковъ. Оно состоитъ изъ теплаго корридора, большой классной комнаты, комнаты для учителя и надзирателя и одной очень тѣсной спальни для учениковъ. Мебели

достаточно. Въ Сукулакской школѣ въ настоящее время учатся 25 башкирскихъ и 16 русскихъ мальчиковъ. Первые изъ нихъ, пользующіеся содержаніемъ отъ школы, помѣщаются въ спальной, крайне тѣсной (въ пей не болѣе 9 квадратныхъ сажень). Экономическою частью завѣдуетъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мирового посредника, постоянно живущаго въ Сукулакахъ, надзиратель, изъ природныхъ башкиръ. Онъ получаетъ содержанія 120 р. въ годъ. Учитель Сукулакской школы изъ Русскихъ,—воспитанникъ Самарской учительской семинаріи, хорошо знакомъ съ современными приемами обученія грамотѣ, ведетъ дѣло правильно и съ успѣхомъ. Изъ 25 Башкиръ всѣ уже порядочно читаютъ по русски, а человѣкъ 5 даже очень хорошо. Ученики, подъ его руководствомъ, занимаются также пѣніемъ,—первый и единственный фактъ, замѣчаетъ г. инспекторъ, встрѣченный мною въ башкирскихъ и киргизскихъ школахъ". Раздѣлены ученики на старшее и младшее отдѣленія: въ старшемъ находятся тѣ, которые учатся уже другую зиму, а въ младшемъ—поступившіе въ 187⁵/₆ учебномъ году, конечно, въ разное время. При обученія чтенію учитель заставляеть одного читать, а прочихъ слѣдить за чтеніемъ и поправлять ошибки чтеца. По прочтеніи небольшой статьи изъ Роднаго Слова Ушинскаго или изъ книги Паульсона онъ сначала объясняетъ неизвѣстныя дѣтямъ слова и выраженія, а потомъ заставляеть ихъ разкалать прочитанное, помогая имъ при этомъ вопросами съ своей стороны. Ученики читаютъ очень хорошо и разказываютъ прочитанное удовлетворительно. Нѣкоторые изъ Башкиръ довольно бѣгло говорятъ по русски. Скорому сравнительно изученію русскаго языка помогаетъ здѣсь то обстоятельство, что въ школѣ вмѣстѣ съ Башкирами постоянно учатся приходящіе русскіе мальчики изъ окрестныхъ деревень и изъ Сукулакъ. При чтеніи статей изъ Роднаго Слова, преподаватель часто ведетъ на русскомъ языкѣ бесѣды по поводу прочитаннаго, кромѣ того онъ заставляеть заучивать маленькія и простыя по содержанію стихотворенія съ дословнымъ переводомъ на башкирскій языкъ. При г. инспекторѣ нѣсколько учениковъ, по указанію учителя, читали наизусть басни Крылова,—заучили они, какъ видно, эти басни очень хорошо, но къ сожалѣнію, не могли передать въ немногихъ словахъ содержанія ихъ, хотя отдѣльныя слова и фразы переводили на башкирскій языкъ правильно. Очень жаль, что наставникъ не совсѣмъ свободно объясняется по башкирски, и поэтому часто прибѣгаетъ къ помощи надзирателя. По ариметикѣ, при г. инспекторѣ занимался онъ умственнымъ счисленіемъ до 10-ти на всѣ

четыре дѣйствія. Ученики довольно хорошо рѣшали всѣ предлагаемыя имъ задачи и отвѣчали по русски, такъ какъ и учитель предлагалъ имъ вопросы на русскомъ языкѣ. Пѣнію обучаетъ онъ съ голоса; ученики обонихъ отдѣленій общимъ хоромъ пропѣли нѣсколько русскихъ пѣсень—и пропѣли очень стройно. Магометавскому вѣроученію обучаетъ башкирскихъ мальчиковъ указный мулла сосѣдней деревни съ вознагражденіемъ по 50 руб. въ годъ. Учебныхъ пособій въ школѣ имѣется достаточно.

Темясовская школа находится въ башкирской деревнѣ Темясовой Орскаго уѣзда. Она помѣщается въ собственномъ домѣ, обширномъ и состоящемъ изъ нѣсколькихъ зданій, именно: 1) зданіи подъ школой, 2) зданіи, въ которомъ живетъ мировой посредникъ Орскаго уѣзда и 3) зданіи, занимаемаго мастерскими. Кромѣ того, имѣются баня и два амбара съ сараемъ. Зданіе школы, какъ и всѣ другія, деревянное на каменномъ фундаментѣ. Оно состоитъ изъ 4 очень большихъ комнатъ, галлерей, чулана и кухни. Въ одной изъ комнатъ находится классъ, въ другой — живутъ ученики, а остальныя двѣ назначены для учителей. Мебели достаточно. Помѣщеніе мастерскихъ—столярной и кузнечной—также удовлетворительно. Учащихся въ Темясовской школѣ въ настоящее время 35 человекъ — 23 башкиръ, 4 татарина и 8 русскихъ; изъ нихъ 22 башкирскихъ мальчика живутъ въ школѣ и пользуются отъ нея содержаніемъ, а остальные—вольноприходящіе. Преподаватель русскихъ предметовъ, имѣющій свидѣтельство на званіе сельскаго учителя, былъ два раза на съѣздѣ народныхъ учителей въ Оренбургской губерніи и потому знакомъ съ улучшенными приемами обученія; много помогаетъ ему старшій ученикъ Каримовъ, хорошо знающій русскій языкъ и очень способный. Грамотѣ преподаватель обучаетъ по звуковому способу, посредствомъ подвижныхъ буквъ, и успѣхи учениковъ въ этомъ отношеніи удовлетворительны: нѣсколько человекъ, влившихся въ школу только за недѣлю до пріѣзда г. инспектора, умѣли уже разбирать по книгѣ; что касается до чтенія статей и пересказа прочитаннаго, эти занятія идутъ медленно, такъ какъ изъ всѣхъ учениковъ только пять могли довольно хорошо прочитать указанныя имъ статьи Роднаго Слова и лишь трое повторяли порядочно прочитанное. Это объясняется отчасти незнаніемъ преподавателемъ башкирскаго языка: при переводѣ съ русскаго языка на башкирскій онъ не можетъ самъ цѣнить — правильно или нѣтъ переведено то или другое слово, — отчасти же тѣмъ, что онъ больше занимается съ лучшими, способ-

ными учениками, а остальныхъ какъ бы оставляетъ безъ вниманія. На этотъ важный недостатокъ было ему указано г. инспекторомъ. Учитель получаетъ жалованья 200 руб. въ годъ. Магометанскій законъ преподаетъ темасовскій мулла съ вознагражденіемъ по 36 руб. ежегодно.

Метелевская школа находится въ башкирской деревнѣ Метелевой Челябинскаго уѣзда. Школа эта имѣетъ слѣдующія зданія: 1) домъ, занимаемый учениками; онъ состоитъ изъ трехъ комнатъ—въ двухъ живутъ ученики, а въ третьей—надзиратель школы; 2) домъ, занимаемый учителемъ, очень небольшой, состоящій лишь изъ двухъ комнатъ; 3) классный домъ, въ одной комнатѣ коего помѣщается старшее, а въ другой—младшее отдѣленіе. Классныя комнаты помѣстительны для наличнаго числа учащихся, но холодны, потому что давно не ремонтированы. Вообще же внѣшняя обстановка ученическаго жилья удовлетворительна. Кромѣ вышеозначенныхъ трехъ домовъ Метелевской школѣ принадлежатъ еще мастерская и нѣсколько другихъ хозяйственныхъ зданій; она имѣетъ также огороды для посѣва овощей, очень хорошій садъ и проч. Учащихся въ Метелевской школѣ 19 башкирскихъ мальчиковъ, которые всѣ пользуются содержаніемъ отъ школы. Въ старшемъ отдѣленіи учатся 7 человекъ, а въ младшемъ—12. Учитель русскихъ предметовъ, бывшій воспитанникъ Уфимской духовной семинаріи, былъ прежде учителемъ въ русской казацкой школѣ и посѣщалъ учительскіе съѣзды; поэтому онъ хорошо знакомъ съ улучшенными приемами преподаванія предметовъ начальной школы. Магометанскій законъ и татарскій языкъ преподаетъ надзиратель школы, кончившій курсъ Челябинскаго уѣзднаго училища башкиръ Баймиратовъ. Такъ какъ русскій преподаватель не знаетъ башкирскаго языка, то ему помогаетъ въ этомъ случаѣ одинъ изъ бывшихъ учениковъ школы. Вообще успѣхи учащихся въ обоихъ отдѣленіяхъ очень удовлетворительны: они читаютъ Родное Слово бѣгло и сознательно, умѣютъ связно и толково передать своими словами прочитанное; довольно правильно научились писать подъ диктовку русскія фразы; по арифметикѣ правильно рѣшаютъ задачи какъ на доскѣ, такъ и умственно; пишутъ въ каллиграфическомъ отношеніи очень хорошо. Изъ географіи ученики старшаго отдѣленія, по учебнику Семенова и по картамъ Ильина, познакомились съ общимъ обзорѣмъ пяти частей свѣта, особенно же съ Россіей. Можно надѣяться, что въ будущемъ учебное дѣло пойдетъ здѣсь еще лучше, такъ какъ за переходомъ школы въ вѣдомство министерства народ-

наго просвѣщенія мѣстное волостное правленіе теряетъ всякое вліяніе на нее и учитель можетъ свободно и безъ всякихъ стѣсненій вести свое дѣло. Учебныхъ пособій въ Метелевской школѣ много, есть также и книги для чтенія.

Стерлибашевская русско-башкирская школа находится при мечети или лучше при медресе въ деревнѣ Стерлибашѣ Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губерніи. Она открыта въ 1870 году; изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія расходуется на нее по 300 руб. ежегодно на жалованье учителю. Въ ней обучаются русскимъ предметамъ шакирды—ученики мѣстной медресе; при ревизіи было ихъ на лицѣ 41 (а всѣхъ шакирдовъ въ Стерлибашевской медресе 350), въ томъ числѣ 34 башкира, 5 уральскихъ казаковъ изъ Татаръ, 2 киргиза изъ Букѣвской орды. Они раздѣлены на два отдѣленія—старшее и младшее, изъ коихъ въ первомъ—20, а во второмъ—21. Учитель—башкиръ Габитовъ—кончилъ курсъ въ Вирскомъ уѣздномъ училищѣ, слушалъ педагогическій курсъ въ томъ же училищѣ, а затѣмъ выдержалъ установленный экзаменъ на званіе народнаго сельскаго учителя въ Уфимской гимназіи. Онъ отлично владѣетъ русскимъ языкомъ и хорошо знакомъ съ приемами преподаванія. Успѣхи его учениковъ вполне удовлетворительны. При чтеніи статей изъ Друга Дѣтей Максимова и Роднаго Слова онъ обращаетъ особенное вниманіе на переводъ на башкирскій языкъ русскихъ словъ и предложеній, на повтореніе прочитаннаго своими словами; прочитанное заставляетъ онъ писать на бумагѣ съ соблюденіемъ русской орфографіи. Кромѣ того, ученики пишутъ подъ диктовку небольшія фразы. Школа помѣщается на дворѣ медресе въ особомъ отъ нея зданіи, довольно тѣсномъ для наличнаго числа учащихся. Учебныхъ пособій мало.

Русско-киргизская школа въ г. Троицкѣ, Оренбургской губерніи, содержится на средства министерства народнаго просвѣщенія—1.500 р. въ годъ. Она помѣщается въ наемномъ домѣ, который состоитъ изъ двухъ этажей: въ нижнемъ—въ двухъ небольшихъ комнатахъ живутъ ученики, а въ двухъ другихъ помѣщается кухня съ столовой; въ верхнемъ—въ одной маленькой проходной комнатѣ помѣщается надзиратель, въ другой—классъ и въ трехъ остальныхъ—учитель. Классная комната и квартира учителя довольно помѣстительны, но жилыя комнаты учениковъ тѣсны и неудобны, особенно потому, что онѣ соединяются съ кухней, изъ которой постоянно проходитъ вназъ дымъ и всякій смрадъ. Учащихся въ Троицкой школѣ 20 человекъ кир-

гизъ, 1 татаринъ и 1 русскій. Изъ числа первыхъ 8 пользуются, кромѣ квартиры, и содержаніемъ отъ школы, а остальные только квартирой; надзиратель школы — киргизъ, преподающій и магометанскій законъ, съ жалованіемъ по 100 руб. въ годъ. Учитель русскихъ предметовъ, природный киргизъ, кончившій курсъ въ бывшей Оренбургской киргизской школѣ, весьма усерденъ, но въ сожалѣнію почти вовсе не знакомъ съ современными приемами обученія. По арифметикѣ, напримѣръ, онъ заставляетъ учениковъ заучивать по учебнику Буссе каждое правило съ переводомъ на киргизскій языкъ, и такимъ образомъ проходится вся арифметика безъ всякихъ объясненій и практическаго приложенія къ дѣлу; задачи предлагаются только тѣ, какія встрѣчаются въ упомянутомъ устарѣломъ учебникѣ. Поэтому ученики могутъ хорошо прочитать каждое правило въ учебникѣ и не могутъ сдѣлать простыхъ умственныхъ счисленій на первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ, а также очень плохо знаютъ и нумерацію. При чтеніи статей преподаватель заставляетъ учениковъ прочитать нѣсколько строкъ по печатной книгѣ и не обращаетъ никакого вниманія на сознательное чтеніе и на умѣнье повторять и разказывать прочитанное. Не смотря на всѣ эти недостатки, преподаватель — человекъ умный, вполне благонадежный, а потому и сочтено было возможнымъ оставить его при Троицкой школѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы для усовершенствованія своего посѣщалъ онъ уроки учителя Троицкаго приходскаго училища или же уроки приготовительнаго класса при Троицкой гимназіи, чтобы на практикѣ видѣть современные приемы обученія и воспользоваться ими для своей школы.

В. Школы, пользующіяся содержаніемъ отъ обществъ или отъ земства:

Аканьевская находится въ башкирской деревнѣ Аканѣевой Бирского уѣзда Уфимской губерніи. Она открыта въ 1872 году на общественныя средства, въ количествѣ не болѣе 200 руб. (120 руб. жалованья учителю и 80 руб. на наемъ квартиры, отопленіе и другіе расходы). Въ настоящемъ году Бирское уѣздное земство къ означенной суммѣ прибавило еще изъ своихъ средствъ 290 руб. Школа помѣщается въ домѣ учителя, въ одной небольшой комнатѣ, довольно тѣсной. Въ 1872 году опредѣленъ учителемъ въ Аканѣевскую школу башкиръ той же деревни Нургалій Сатиковъ, кончившій курсъ въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ, слушавшій тамъ же педагогическіе курсы и затѣмъ выдержавшій въ Уфимской гимназіи экзаменъ на званіе приходскаго учителя. Онъ — вполне удовлетворительный пре-

подаватель, свободно владѣетъ русскимъ языкомъ, знакомъ съ современными приемами преподаванія и отличается особенною энергіей и любовью къ своему дѣлу. Къ сожалѣнію, въ Аканѣвской школѣ нѣтъ почти никакихъ учебныхъ пособій и учебниковъ, а потому учитель для чтенія съ учениками пользуется всякою попавшеюся подъ руку книгой — ариметикой, географіей и др. Есть лишь нѣсколько экземпляровъ Роднаго Слова, по которымъ онъ обучаетъ дѣтей бѣглому и сознательному чтенію. Грамотѣ обучаетъ Сатиковъ по звуковому способу при помощи уже довольно подержанныхъ экземпляровъ подвижныхъ буквъ; при чтеніи статей изъ Роднаго Слова заставляетъ переводить на башкирскій языкъ каждое слово и требуетъ, чтобы ученики разказывали прочитанное; кромѣ того, заставляетъ болѣе способныхъ заучивать небольшія стихотворенія, а также писать ихъ подъ диктовку. Изъ 20-ти человѣкъ 3, обучающіеся вторую зиму, довольно хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ какъ разговорнымъ, такъ и книжнымъ, — умѣютъ толково и связно разказывать по-русски прочитанныя статьи, довольно правильно пишутъ подъ диктовку; 13 человѣкъ, обучающіеся первую зиму, еще не приобрѣли навыка въ связномъ разказѣ. Въ разговорѣ между учителемъ и учениками употребляется всегда русскій языкъ. Въ классной комнатѣ висятъ небольшія географическія карты всѣхъ частей свѣта, по которымъ преподаватель знакомитъ дѣтей съ географіей. Вообще успѣхи учениковъ удивительны. Учатся въ этой школѣ преимущественно шакирды мѣстной мектебе, и мулла — очень молодой человѣкъ — сочувственно относится къ русской грамотѣ.

Толбазинская школа открыта въ 1872 г. въ башкирской деревнѣ Толбазакъ Бирскаго уѣзда; на содержаніе ея обществомъ ассигновано было 160 руб. въ годъ, а Бирское земство прибавило къ этой суммѣ еще 330 руб. Помѣщается школа въ одной небольшой комнатѣ, въ которой живетъ и учитель; ни столовъ, ни классной доски, ни учебныхъ пособій не имѣется. Учениковъ всего 4 изъ сосѣдней деревни; преподаваніемъ занимается башкиръ, окончившій курсъ въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ; по-русски онъ объясняется очень хорошо, но недостаточно опытенъ и свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ.

Сафаровская школа открыта въ 1870 г. въ башкирской деревнѣ Сафаровкѣ Уфимской губерніи, подъ названіемъ однокласснаго училища 3-го разряда. На содержаніе ея общество ассигновало 300 руб. въ годъ. Школа помѣщается въ домѣ мѣстнаго волостнаго правленія, въ одной большой комнатѣ, часть коей отгорожена для жилья

бѣдныхъ учениковъ изъ сосѣднихъ деревень. Учащихся 44, всѣ башкиры, преимущественно шакирды мѣстной медресе; мulla безъ всякаго предубѣжденія посылають въ русскую школу своихъ воспитанниковъ. Учителемъ состоитъ башкиръ Ураевъ, кончившій курсъ въ Вирскомъ уѣздномъ училищѣ, отлично владѣющій русскимъ языкомъ, такъ что трудно признать въ немъ инородца. Обучаетъ онъ чтенію, письму, ариметикѣ и отчасти русской грамматикѣ и ученье идетъ вполне успѣшно. Изъ Сафаровской школы ежегодно поступаютъ дѣти или въ первый классъ Уфимской гимназіи или въ уѣздное училище.

Макаровская школа открыта въ 1872 году въ башкирской деревнѣ Стерлитамакскаго уѣзда Уфимской губерніи. Сначала общество ассигновало на содержаніе ея 312 руб. въ годъ, но затѣмъ сумму эту уменьшило, такъ что учитель вмѣсто прежнихъ 240 руб. получаетъ только 210 руб. жалованья. Школа помѣщается въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на счетъ суммъ, жертвуемыхъ покупателями башкирскихъ земель на устройство школъ въ башкирскихъ селеніяхъ; домъ очень помѣстителенъ и удобенъ. Къ сожалѣнію, учитель держится слишкомъ рутиннаго способа преподаванія, а потому и успѣхи учениковъ не совсѣмъ удовлетворительны; это объясняется отчасти еще и тѣмъ, что мальчики недавно поступили въ школу. Всѣхъ учащихся 15, раздѣлены они на два отдѣленія; учебныхъ пособій очень мало: кое-какія азбуки, одна книга для чтенія, два руководства ариметики — и только.

Азнаевская или Байгузинская открыта въ 1870 г. въ Азнаевской волости Стерлитамакскаго уѣзда, помѣщается въ особо устроенномъ для нея домѣ на счетъ суммъ, жертвуемыхъ покупателями башкирскихъ земель; и по внѣшней обстановкѣ и въ учебномъ отношеніи она далеко неудовлетворительна. При посѣщеніи ея г. инспекторъ нашелъ полнѣйшій недостатокъ во всемъ: домъ состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ; въ одной живетъ учитель съ семействомъ, а въ другой, очень тѣсной, расположены классы; въ этой послѣдней никакой болѣе или менѣе приличной и удобной мебели; книгъ и учебныхъ пособій тоже почти совсѣмъ нѣтъ. Учитель — байгузинскій башкиръ обучался въ г. Оренбургѣ въ уѣздномъ училищѣ, жалованья получаетъ 240 руб. Онъ хорошо знаетъ по-русски, но съ приемами обученія совсѣмъ не знакомъ; грамотѣ обучаетъ по буквослагательному способу, заставляеть зазубривать буквы и склады, а потому ученики теряють много времени безъ пользы. Всѣхъ учащихся 15 человекъ. Успѣхи ихъ очень плохи; но ничего другаго нельзя и ожидать при

крайне бѣдной обстановкѣ школы. Между тѣмъ, есть полная возможность оставить Азнаевскую школу вполне удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, ибо на содержаніе и обезпеченіе ея пожертвовано въ 1873 году Башкирами 4606 десятинъ отличной земли, но доселѣ школа еще не воспользовалась этимъ пожертвованіемъ.

Талумбетовская школа открыта въ 1870 году въ башкирской деревнѣ Оренбургской губерніи и уѣзда; на содержаніе ея общество ассигновало 300 руб., изъ коихъ 200 р. на жалованье учителю, 50 р.— за попомучителю и 50 р. на остальные расходы. Сумма эта выручается изъ аренды съ 1.000 дес. земли, пожертвованныхъ волостью въ пользу русской школы; позднеѣ волость пожертвовала еще 1.000 д., но послѣдняя земля пока дохода не приноситъ и не арендуется никѣмъ. Школьный домъ—очень большой и хорошій—состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ зданій; при немъ находится не мало хозяйственныхъ построекъ. Помѣщеніе вообще просторно и удобно. Учащихся 35, всѣ—башкиры; преподаватель, изъ природныхъ башкиръ, Иликаевъ, обучался сначала въ Оренбургскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Имангуловской русско-башкирской школѣ, по русски объясняется хорошо, а также вполне удовлетворительно знаетъ преподаваемые имъ предметы: русскій языкъ, ариметику и отчасти географію; съ приемами преподаванія знакомъ. По мѣрѣ силъ заботится онъ объ умственномъ развитіи дѣтей, посвящаетъ особые часы на бесѣды съ ними о видимыхъ предметахъ или о какихъ либо обыденныхъ явленіяхъ, а также заставляетъ ихъ писать упражненія въ родѣ описанія деревни, лѣтнихъ полевыхъ занятій, писемъ къ родителямъ и пр. По ариметикѣ Иликаевъ особенное вниманіе обращаетъ на умственное счисленіе, вообще ведетъ онъ дѣло съ большимъ умѣньемъ и тактомъ, ученики во время класса постоянно заняты дѣломъ и внимательно слушаютъ его объясненія.

Бураевская школа открыта недавно въ Башкирской деревнѣ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи; на содержаніе ея ассигновано обществомъ 260 и земствомъ 230, всего 490 р. Она помѣщается въ наемномъ домѣ, очень тѣсномъ, но вскорѣ будетъ построена для нея большой деревянный домъ, съ особою квартирою для бѣдныхъ, приходящихъ изъ окрестныхъ деревень, мальчиковъ. Надо замѣтить, что Бураево—весьма обширное торговое село на Троицко-Казанскомъ трактѣ съ тремя мечетями и школами, въ которыхъ учащихся, говорятъ, бываетъ до 1.000 человекъ изъ разныхъ мѣстъ; поэтому здѣсь особенно необходимо устроить хорошее училище. Учебныхъ часть слѣдхх, отд. 4.

пособій оказалось здѣсь, къ сожалѣнію, очень мало; г. инспекторъ просилъ Бирскую уѣздную управу снабдить ими школу въ достаточномъ количествѣ. Учащихся 43, въ числѣ коихъ трое русскихъ. Учитель, кончившій курсъ въ Уфимскомъ уѣздномъ училищѣ, педагогическихъ курсовъ не слушалъ, и какъ видно, никогда не видалъ современныхъ приемовъ преподаванія; грамотъ онъ обучаетъ по старинному способу и потому дѣло идетъ медленно и плохо; при осмотрѣ школы оказалось, что изъ 43 учениковъ умѣли читать кое-какъ 15, одинъ читалъ порядочно, а остальные изучали склады по букварю, не смотря на то, что посѣщали классы два и три мѣсяца. Въ настоящее время приняты мѣры касательно улучшенія упомянутого училища и пріисканія для него болѣе способнаго преподавателя.

Калмыковская школа открыта въ 1875 году въ деревнѣ Бирскаго уѣзда; общество расходуетъ на содержаніе ея 386 р. и земство—104 р., всего 490 р., кромѣ того общество на собственные средства построило для нея деревянный очень просторный и хорошій домъ; къ сожалѣнію учебныхъ пособій почти совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ букваря и Роднаго Слова. Учитель—изъ башкиръ, не кончившій курса въ Казанской гимназій, по-русски говоритъ хорошо, но обучать положительно не умѣетъ. Всѣхъ учениковъ 33; изъ нихъ—30 башкиръ, двое русскихъ и одинъ мордвинъ-измичникъ.

Каракунская школа открыта въ 1875 году въ деревнѣ, населенной Башкирами, Теттерями и Мещеряками; помѣщается въ общественномъ домѣ близъ волостнаго правленія, большимъ и удобнымъ. Учащихся—10 человекъ; одна комната пока ничѣмъ не занята и имѣется въ виду устроить въ ней помѣщеніе для приходящихъ изъ другихъ деревень учениковъ; въ другой помѣщается школа и живутъ ученики. Въ деревнѣ Караякуповой нѣтъ ни мечети съ мѣдресе, ни муллы, а потому мальчики обучаются тутъ и магометанскому закону. Преподаватель Терегуловъ хорошо знакомъ съ приемами обученія и дѣло свое ведетъ съ полнымъ успѣхомъ; полезно вліять на дѣтей добродушное его съ ними обращеніе. Успѣхи учащихся вообще очень удовлетворительны, особенно если обратить вниманіе на время поступленія ихъ въ школу: всѣ они довольно хорошо читаютъ, знаютъ много русскихъ словъ и фразъ, но арифметикѣ легко рѣшаютъ не слишкомъ сложныя задачи. Учебныхъ пособій пока достаточно, по крайней мѣрѣ есть все необходимое.

Абзелиловская школа открыта въ 1875 году въ Башкирской деревнѣ Абзелиловой Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи на общественныхъ средствахъ; помѣщается въ зданіи волостнаго правленія, въ отдѣльномъ отъ послѣдняго домѣ, но на одномъ дворѣ. Учениковъ 19,—всѣ башкиры, большая часть изъ нихъ шакирды мѣстной медресе. Учитель, окончившій курсъ въ Верхнеуральскомъ уѣздномъ училищѣ, по башкирски объясняется хорошо, знакомъ съ приемами обученія и потому ведетъ дѣло очень удовлетворительно. Къ сожалѣнію, скудное содержаніе не удержитъ его долго на мѣстѣ.

Учалинская тептяро-русская школа, въ деревнѣ Учалахъ Верхнеуральскаго уѣзда, содержится на средства общества (200 р. въ годъ), помѣщается въ общественномъ домѣ, состоящемъ изъ двухъ довольно просторныхъ комнатъ. Всѣхъ учащихся 10, учитель кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, хорошо знакомъ съ современными приемами обученія, ведетъ дѣло съ умѣньемъ и энергіей. Мѣстные жители, какъ видно, очень интересуются этою школою и изъявили желаніе устроить при ней особое помѣщеніе для мальчиковъ изъ другихъ деревень, которые доселѣ не поступали въ школу вслѣдствіе того, что она далеко отстоитъ отъ нихъ.

Списокъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Кавказскаго учебнаго округа, какъ существовавшихъ до 1863 года, такъ и учрежденныхъ въ теченіе 1863—1876 годовъ, съ показаніемъ на какія изъ этихъ учебныхъ заведеній и въ какомъ количествѣ отпускаются суммы отъ казачьихъ войскъ, изъ городскихъ доходовъ и изъ земскихъ сборовъ ¹⁾.

Мужскія гимназіи, существовавшія до 1863 года.

	Суммы отпускаемыя:		
	отъ казачьихъ войскъ:	изъ городскихъ доходовъ:	изъ земскихъ сборовъ:
Тифлисская	—	—	—
Кутаисская	—	—	—
Ставропольская	9.110 р.	—	—
Кубанская войсковая	44.165 р.	—	—

¹⁾ Сводѣніи эти, вывѣстъ съ прилагаемою къ нимъ картою, получены нами отъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Ред.

Мужскія прогимназіи, открытыя въ теченіе 1863—1876 годовъ.

Пятигорская	—	—	400 р.
Эриванская	—	—	—
Елисаветопольская	—	—	—
Тифлисская	—	—	—
Кутанская	—	—	—
Темиръ-Ханъ-Шуринская	—	—	—

Реальныя училища, открытыя въ теченіе 1863—1876 годовъ.

Тифлиское	—	—	—
Бакинское	—	—	—
Владикавказское	12.325 р.	—	—

Учительскіе институты и семинаріи, открытыя въ теченіе 1863—1876 годовъ.

Александровскій учительскій институтъ въ Тифлисѣ	—	—	—
Кубанская учительская семинарія въ станицѣ Ладонской	17.780 р.	—	—
Закавказская учительская семинарія въ городѣ Гори	—	—	—

Женское училище I разряда, существовавшее до 1863 года.

Ставропольское (нынѣ Ставропольская Ольгинская гимназія).	—	2.400 р.	—

Женскія гимназіи, открытыя въ теченіе 1863—1876 годовъ.

Тифлисская Великой Княгини Ольги Θεодоровны	—	1.550 р.	—
Владикавказская Ольгинская	1.000 р.	1.000 р.	—
Бакинская	—	1.000 р.	—

Женскія прогимназіи, открытыя въ теченіе 1863 -1876 годовъ.

Тифлисская Великой Кня-	—	—	—
гини Ольги Ѳеодоровны	—	—	—
Сухумская . .	—	—	—
Темиръ-Ханъ-Пуринская	—	—	—

Такимъ образомъ видно, что на содержаніе 23-хъ среднихъ учебныхъ заведеній отпускается: а) отъ казачьихъ войскъ — 84.380 руб., б) изъ городскихъ доходовъ — 5.950 руб., в) изъ земскихъ сборовъ — 400 руб.; въ общей сложности - 90.730 рублей.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ ¹⁾.

Упомянутое нами несоотвѣтствіе видовъ встрѣчается главнымъ образомъ въ слѣдующихъ отдѣльныхъ случаяхъ:

I. Греческое *imperfectum* и наклоненія *praesens*'а при русскомъ глаголѣ (большею частью) однократнаго вида — встрѣчаемъ въ слѣдующихъ случаяхъ (въ которыхъ, впрочемъ, допускается, хотя гораздо рѣже, и греческій аористъ, а, напротивъ, на русскомъ языкѣ также продолженный видъ):

а) Если дѣйствіе глагола относится ко множеству лицъ, участвующихъ въ немъ, или предметовъ, подлежащихъ исполненію (даже при одномъ исполнительѣ), или къ тому и другому, такъ что собственно получается многократность дѣйствіемъ (только не всегда чрезъ одного, а обыкновенно чрезъ большее число дѣятелей); причемъ Грекъ обращаетъ вниманіе на дѣйствіе каждаго лица, или исполненіе каждаго предмета и проводитъ насъ такимъ образомъ чрезъ рядъ лицъ и предметовъ, для чего именно требуется продолжительность времени, выражаемая чрезъ *imperfectum*. Напримѣръ, приведенныя выше мѣста Хер. Ап. I. 8. 27 и IV. 2. 7; кромѣ того Хер. Ап. I. 1. 11 (конецъ): καὶ ἑκαστοὺν ὁμᾶς ὁδοῖ; они сдѣлали, — или дѣлали, исполняли — все такъ, т. е. Аристиппъ, Проксенъ, Софенетъ, Сократъ исполняли (по греч.) и исполнили (по русск.) всѣ отдѣльныя порученія Кира такимъ образомъ и порядкомъ, какъ онъ просилъ (δεῖται, ib. § 10) или

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую и декабрьскую кн. Ж. М. Н. II. за предыдущій годъ и февральскую кн. за текущій годъ.

вѣдѣлъ (ἐκέλευσε ib. § 11 два раза) имъ. Ср. подобныя мѣста: Ап. П. 2. 5: Ταῦτα ἀκούσαντες οἱ στρατηγοὶ καὶ λοχαγοὶ ἀπῆλθον (разъ) καὶ ἐποίησαν οὕτω (многократно въ упомянутомъ смыслѣ), т. е. они исполнили (или по греч.: исполняли) всѣ отдѣльныя порученія Кира по первому, второму и третьему знаку трубой и по указанному Киромъ въ § 4 способу. Суг. III. 3. 13: οὕτω (какъ подробно показано въ § 12) πάντες ἐποίησαν; ibid. VII. 3. 2. Οἱ μὲν δὲ (οἱ φίλοι καὶ οἱ ἡγεμόνες) ταῦτ' ἐποίησαν; ibid. VII. 4. 12. οὗτοι μὲν δὲ ταῦτ' ἐποίησαν.—Но бываетъ и aoristus: ἐπράξαν δ' αὐτῶν ἕκαστοι τάδε: Анаб. VI. 3. 2; οἱ δὲ ταῦτα ἐποίησαν: Ап. I. 6. 4. Кромѣ того ср. Суг. II. 4. 2 и 5; VII. 5. 13. и 32 (ἐποίησαν); Thuc. VIII, 1. 4.; Нег. I. 96. 1.; I. 125.; I. 191 (два раза); IV. 130 ἐποίησαν; VII. 36 ἐποίησαν, и въ косв. рѣчи: τὸν μὲν δὲ ποιῆσαι ταῦτα (Нег. I. 86. 2); Иосиф. II. 20. ἐπεργάζεσθαι (исполнить—исполняютъ); Суг. II. 1. 1: προσευξάμενοι θεοῖς καὶ ἥρωσι τοῖς Παροῖδα γῆν κατέχουσιν Ἰλας καὶ εὐμεναῖς πέμπειν (отпустить; подобно слѣд. δέχεσθαι) σφας, οὕτω διέβαινον (переходили или стали переходить) τὰ ὄρια, ἐπειδὴ δὲ διέβησαν (перешли), προσήρχοντο (молились, стали молиться) αὐτοῖς θεοῖς τοῖς Μηδῶν γῆν κατέχουσιν Ἰλας καὶ εὐμεναῖς δέχεσθαι αὐτοῖς (они молились однимъ богамъ, чтобы они милостиво отпустили ихъ, а другимъ, чтобы они также приняли ихъ;—множество боговъ и молящихся, потому и praesens); Хер. Ап. I. 6, 3: φράσαι τοῖς αὐτοῖς ἡγεῖσιν ἐκέλευεν (просялъ), ὥς φίλον, αὐτὸν ὑποδέχεσθαι (чтобы.... припаяли; также множество лицъ, принимающихъ). Thuc. II, 72, 2: Οἱ Πλαταιῶν πρέσβεις ἀπεκρίναντο αὐτῷ, ὅτι ἀδύνατα σφίσιν (τῷ πλῆθει) αἰτῇ ποιεῖν (сдѣлать—по греч.: дѣлать), ἀ. προκαλεῖται.—Dem. Ol. II. 12: σκοπεῖσθε, ὅπως οἱ παρ' ἡμῶν πρέσβεις... καὶ ἔργον τι δεχνόμεν (показывать,—по греч.: показывать) ἔξουσιν.—Хер. de ger. Lac. VI 2: "Ὡν δὲ τις παῖς ποτὲ πληγὰς λαβὼν ὑπ' ἄλλου κατεῖπε πρὸς τὸν πατέρα, αἰσχρὸν ἔστιν μὴ οὐκ ἄλλας πληγὰς ἐμβάλλειν τῷ υἱαί. Если мальчикъ, получившій удары отъ кого-нибудь, пожалуется отцу, то считается постыднымъ не нанести (не наносить) ему новыхъ ударовъ. Сравни. также примѣръ изъ Нег. I. 86. 4. въ сѣмъ § с. № 3.—II. V. 102: ὀρνυσθε Τρώες μεγαθύμοι: вставайте великодушныя Троянцы! (многіе); напротивъ, тамъ же 109: ὀρσο, πέπον Καπαγηδῶν (встань, но и : вставай,—одинъ). V. 48. εὐούλουον; V. 664 и 669, ἐξέφερον; VI. 228 κτείνειν,

b) При греческихъ глаголахъ, выражающихъ *denotative* или предполагающихъ его, при чемъ Грекъ, ставя часто (не исключительно) imperfectum и наклоненія praesentis, по видимому, представляетъ дѣйствіе вѣдѣніе, рисуетъ его, обращая вниманіе на продолжительность или многократность движенія, на самую ходьбу (бѣгство или

нападеніе), всегда болѣе или менѣе продолжительную,—особенно при множествѣ вещей, лицъ или животныхъ, чаще всего войска; между тѣмъ какъ Русскій своимъ однократнымъ видомъ, равняющимся греческому, также не рѣдко употребляемому при этихъ глаголахъ, аористу, привыкъ означать одинъ моментъ движенія, перваго выступленія, поднятія съ мѣста, или же движеніе, удаленіе уже совершившимся. Напр. Dem. Ol. III 4. ἐψηφίσασθε τανταράχοντα τριήρεις καθέλκειν καὶ τοὺς μέγχι πάντε καὶ τανταράχοντα ἐτὼν αὐτοὺς ἐμβαίνειν καὶ τάλαντα ἐξήκοντα εἰσφέρειν: вы рѣшили спустить въ море 40 триеръ, посадить (на нихъ) мужей до 45-лѣтняго возраста и внести 60 талантовъ (всѣ глаголы движенія, относящіеся ко множеству лицъ и вещей). — Xen. Anab. VII 1. 80. ἐπεὶ δὲ ταῦτα εἶπα, πολλοὶ πλείονες ἐξανίσταντο (вставали многие, встали) λέγοντες ὅς θεοὶ αὐτὸν ἄρχειν. — Thuc. II. 2. 4: Ἀντίπαν ὁ κῆρυξ, εἴ τις βούλεται κατὰ τὰ πατρία τῶν πάντων Βοιωτῶν ἐομμάχεϊν, τίθεσθαι (вм. ожидаемаго θέσθαι) παρ' αὐτοὺς τὰ ὄπλα: (когда Θивийне вступили въ Платею) глашатай провозгласилъ, что если кто по отечественному праву всѣхъ Беотійцевъ хочетъ быть ихъ союзникомъ, то пусть положить (по греч.: владеть) воалѣ нихъ свое оружіе. — Hom. II. V. 13 и 17: ὦρυτο; 164 и 165: ἔπειτα δὲ ταῦχε' ἐούλα ἵππους θ' οἷς ἐτάροισιν δίδου μετὰ νῆας ἐλαύνειν: снялъ съ нихъ доспѣхи, а лошадей отдалъ своимъ товарищамъ унаты къ кораблямъ. Сюда принадлежатъ особенно слѣдующіе глаголы:

1. ὀρμᾶν, ὀρμᾶσθαι (и сложные): ὀρμᾶτο (вм. ὠρμησε, ὠρμήθη), двинулся (въ походъ): Il. V. 855; Xen. An. I. 2. 5; но VI. 1. 23 (imperf.: во время похода); Cug. VI. 3. 1; VII. 4. 12; Her: VII. 37. Но aorist: Xen. An. III. 4. 44; IV. 3. 31; VI. 5. 26. (ὠρμησαν бросились) Cug. V. 5. 23: ἐξὀρμήσαντες (мы выступили въ походъ); Il. V. 12. ὀρμηθήτην.

2. πορεύεσθαι: ἐπορεύετο (вм. ἐπορεύθη): отправился (въ походъ): Xen. An. IV. 4. 19; Cug. V. 2. 1; V. 5. 22; An. III. 4. 41 и 42. (πορεύεσθαι идти или отправиться, также: πορεύου). Но: Cug. II. 1. 1. ἐπορεύετο (продолжалъ идти); — также и aor. ἐπορεύθησαν An. II. 4. 25.—Подобнымъ образомъ, какъ иногда πορεύεσθαι, можно и στρατεύειν, στρατεύεσθαι переводить то идти, отправиться, то выступить, отправиться (въ походъ): Xen. An. I. 1. 11; I. 2. 2; II. 1. 1; VII. 3. 10; Dem. Ol. III. 33. (Но бываетъ не рѣдко и ἐστράτευσα, Thuc. III. 1. 1 ἐστρατεύσμεν).

3. ἐλαύνειν (intrans.) и сложные съ нимъ: Xen. An. III. 4. 4: ἤλαυνον (поскакали); I. 5. 13; VII. 8. 41 (поѣхали); I. 4. 5; I. 8. 17;

II, 3, 6: ἀκῆλαονον (уѣхали); Нег. I. 60. 8; I. 77. 1.; I. 190. и 191. 2.; но и ἤλασε, напр. Ап. I, 2, 23.—См. II. V. 165 ἔλαυνον.

4. ἑσθαι (imperf. ἐίμην; большею частью въ аорист. значеніи; форма аог. II med. εἶμην по всѣмъ лицамъ вообще не встрѣчается въ простомъ видѣ, а аог. I ἤκαμην крайне рѣдокъ): ἑστο (бросился, напалъ): Хеп. Ап. I, 8, 26; IV, 2, 7 и 8; I, 5, 8; IV, 2, 20; V, 2, 18; ἑσθαι (броситься) III. 4. 41; но и ἤκων ἐαυτοῦς: IV. 5. 18.—II. I. 479; ἑτα (послать) V. 15 и 280: προίαι.

5. βάλλειν, въ сложныхъ: ἐισβάλλειν: вторгнуться (на ряду съ слѣд. синонимомъ εἰσελθεῖν): Хеп. Ап. I. 2. 21;—προσβάλλειν: προσέβαλλε (вм. προσέβαλε): напалъ, Ап. V, 2, 4; IV, 7, 2; но: VI, 3, 7 (нападали).

6. φεύγειν: ἔφευγον вм. ἔφογον, подобно русскому: бѣжалъ вм. убѣжалъ, побѣждалъ=бросился бѣжать (см. § 9. № 4): Хеп. Ап. III, 4, 4; IV, 4, 21; VI, 5, 27.

7. θεῖν (вовсе не имѣетъ аориста своей основн) ср. предид. № 6. φεύγειν: ἔθειον: Ап. II, 2, 14; III, 4, 4; IV, 4, 20; IV, 6, 25; IV, 8, 18; VI, 5, 26; IV, 3, 20.

8. βαίνειν и сложные съ нимъ: Ап. I, 2, 22. (κατέβαινον спустился, на ряду съ предид. ἀνέβη); I, 8, 17: ἐμβαίνειν (вступить; разумѣется: съ моими солдатами); Thuc. III, 20, 3. Но въ приведенномъ изъ Оуг. II, 1, 1. (§ 12. I. а) примѣръ полное соотвѣтствіе: διέβαινον (переходили) — διέβησαν (перешли). — Ср. II. I, 437 ἐκ-βαῖνον; V, 255 ἐμβαίνεμεν.

9. ἀναστρέφειν: Нег. I, 80, 4: ἀναστρέφον повернули (множество лошадей) и Хеп. Суг. VII. 1. 37: ἀστρέφοντο οἱ Αἰγύπτιοι (множество). Нот. II. V. 505: ὅκ' δ' ἄστρεφον и 581: ὁ δ' ὀκείστρεφ.

10. ἄγειν и сложные съ нимъ imperf. ἤγεν (вм. аог. ἤγαγεν повелъ; но мѣстами и по русски можно перевести—велъ): Хеп. Ап. II, 2, 16; III, 4, 39; ἤγε: VI, 1, 16; ἄγειν и ἀφίναи: I, 3, 19; I, 6, 10 (ἐτήγον); Суг. IV, 2, 9; V, 2, 5 (ἐτήγε, προσήγον); Нег. I, 79, 2; Ап. VI, 6. 36; (ἐξαγειν вм. ἐξαγαγεῖν); Ап. I, 1, 7. κατάγειν (вм. καταγαγεῖν) привести навадъ; Ап. I, 5, 14: ἄγων (вм. ἀγαγών). Напротивъ аорист: Ап. IV. 6. 21: προήγαγεν; IV. 4. 19: συναγαγεῖν; I. 6. 4: ἀγαγεῖν. II. I. 99. ἄγειν на ряду съ δόμεναι (98.), I. 337—8: ἀλλ' ἄγε—ἔκαγε—δὲς ἄγειν; но 346: ἄγαγε, 347 δῶκε δ' ἄγειν, 367 ἤγομεν, 443. ἀγόμεν, 478. πάν' ἄγοντο; V. 26. κατάγειν и 174. 226. 353.; VI. 87. 426. Сравни также: Plat. Phaed. 60, A: ἀπαγαγέτω τις ταυτηνί οἴκαδε (говорить Сократъ въ тюрьмѣ Критону о своей женѣ, навѣстившей его и придавшей); пусть отвѣдетъ ее кто нибудь (одинъ!); но затѣмъ: χάλασεν μὲν ἀκῆ-

γόν (отвели ее, по греч.=отводили) τινες (нѣкоторые, — нѣсколько лицъ). Или Xen. An. VI, 4, 10: τῇ ὑστεραίᾳ συνῆλθον οἱ στρατιῶται πάντες· συνῆγε (всѣхъ солдатъ, — и многіе полководцы собрали) δὲ μάλιστα Ἀγασίας..., Ἰερώνωμος καὶ ἄλλοι...; напротивъ: Xen. Hell. III, 4, 16: συνήγαγε (Ἀγασίας одинъ) ἅπαν τὸ στράτευμα (собирательно). Soph. Ant. 760: ἄγετε τὸ μῖος (говорить Креонтъ слугамъ объ Антигонѣ). Ср. сходство обонхъ языковъ при ἄγε, давай, ну-же; ἔκαγε ступай! (§ 9. прим. 2).

11. Πέμπειν и сложные съ нимъ (и ἀποστέλλειν): ἔπεμπε (вм. ἔπεμψε) послалъ, отправилъ: Hom. II ζ. 168 и 207 Od. η 264. Xen. An. 1, 7, 8; V, 2, 10; VI, 6, 4; Her. I, 21; Thuc. 1, 40, 3; Xen. Ages. II, 28: μεταπέμπτο (послалъ за нимъ), также Xen. Anab. I. 3, 8: μεταπέμπτο, μεταδύμπασθαι и πέμπων (вм. πέμφας); (но I, 1, 8 πέμπων можетъ быть: посылая нѣсколько разъ) Thuc. I, 128, 7: πέμπτε (вм. πέμφον); но: πέμφον An. IV, 9, 19; — Her. I, 46. 2 и 3: ἐπέμποντο и διέπεμπε (но κάκέπεμψε, 48: διέπεμψε, и 35: ἀκέπεμψε); X, 47, 1; 51, 1; 75, 1; 77, 3; 81 (3 раза), VII. 32 (2 раза); — Dem. Ol. II. 11; An. VII, 7, 19; VI, 2, 5; Thuc. VI, 88, 10 и VI. 93: 2. 3. 4 (4 раза) πέμπειν: послать, отправить; см. также въ приведенномъ въ § 12 I. а. примѣрѣ изъ Суг. II. 1, 1 πέμπειν отсутить); — Thuc. VIII. 64. 1: ἀπέστέλλον (отправили), I. 90. 3: ἀποστέλλειν (отправить, послать). Но: An. I. 1. 8: ἀπέπεμπε: послалъ, отправлялъ. Суг. V. 4. 17: Κύρος ὡς ᾔσθετο τὸ γεγονός ἀπῆντα (вышелъ на встрѣчу) τοῖς Καδοσίοις, καὶ ὄντινα ἴδοι τετραμένον, ἀναλαμβάνων τοῦτον ὡς Ἰαδάταν ἐπέμπειν (отправлялъ всѣхъ, кого замѣтилъ раненнымъ).

Примѣчаніе. Впрочемъ есть случаи, гдѣ и русскій языкъ ставитъ глаголы движенія продолженнаго вида вм. обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ однократнаго вида другихъ глаголовъ. Напр. бѣжалъ (продолж. и однокр. видъ вмѣстѣ, см. § 9. № 4), или: вчера приходилъ (=пришелъ) къ тебѣ такой-то господинъ, но, не заставъ тебя дома, ушелъ. (См. Даля словарь: приходить). Сюда относятся также упомянутыя въ § 9 прим. 2. повелительныя наклоненія глаголовъ движенія: приходи (вм. приди, если имѣется въ виду однократное пришествіе), бери (=возьми), давай (=подай), вставай (=встань). Греческіе аналогическіе примѣры представляютъ: Soph. Ant. 718: εἶχε καὶ μετόστασιν, δίδου, 1029—30: εἶχε χάντει, 1061: κίναи, или: Her. I, 85, 2: ὠνδρῶπε, μὴ κτεῖνε Кроῖσον: человѣкъ, не убивай Креза! II. I. 210 ἄγε, ἔλκε; 275 — 7 ἀποαίρεο, ἔα — θέλε; 282 παῦε; 292 βάλλεο (и V.

259); 422 ἀποκαίω; 522 ἀπόβηκε и приведенныя на верху βρωσθε и βροο V. 102 и 109.

с) При греческихъ глаголахъ dicendi et sentiendi (означающихъ разказъ и ощущение, именно: говорить, возвыщать, сообщать, приказывать, поручать, просить, спрашивать, слышать, замѣчать, казаться, вспоминать, думать, считать, судить, обсуждать, объяснять, и т. п.), при которыхъ Грекъ, ставя ихъ часто (но не исключительно) въ imperfectum или во всѣхъ наклоненіяхъ praesentis, обращаетъ вниманіе на продолженіе, теченіе рѣчи, разказа (всегда болѣе или менѣе продолжительнаго) или на ощущение, чувство, въ его продолжительномъ дѣйстви, или же на множество лицъ говорящихъ и ощущающихъ, или на множество лицъ, въ которыхъ обращаемся съ рѣчью или же на множество предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь или которые ощущаемъ;—между тѣмъ, какъ аористомъ, подобно русскому, преобладающему въ такихъ случаяхъ однократному виду, означаетъ собирательно, суммарно, всю рѣчь, все содержаніе ея, какъ одно-средоточенное цѣлое, какъ одинъ фактъ, или же (очень часто) выразаетъ аористомъ наступленіе, начало рѣчи или ощущенія, подразумѣвая ихъ дальнѣйшее продолженіе¹⁾. При этихъ глаголахъ (русскій языкъ въ употребленіи видовъ сходится съ греческимъ гораздо чаще предыдущихъ случаевъ, то-есть, нулевыхъ а и b всего §, такъ какъ, напримѣръ, въ началѣ и въ концѣ приведенной рѣчи можно поставить, подобно греческому языку, то: онъ говорилъ слѣдующее тогда (ὅτε)²⁾ εἰδοὺς или εἰδοὺς αὐτόν, оба=ему казалось или показалось; ἤξίου или ἤξιωσε, оба=просилъ и попросилъ (см. § 9. № 5); ἐκέλευε или ἐκέλευσε, оба=велъ (=приказывалъ и приказалъ, см. § 9

¹⁾ Искья странно объясняютъ imperfectum глаголовъ подъ δ и с этого параграфа Юнеръ въ своей Ausführl. Gram. d. griech. Spr. II, 1, стр. 124, вообще обнаруживающей смутныя понятія о видовомъ различіи греч. временъ: «Dieses (imperfect) lässt sich wohl am natürlichsten (!) so erklären, dass die Handlung des Sagens, Ermunterns u. s. w. als blosser Nebenumstand (!) aufgefasst wurde». Не менѣе странно рассуждаютъ онъ о значеніи imperfect'a (§ 383, I, стр. 123) и аориста (§ 389, 6, стр. 156).

²⁾ Форму ἔφη, ἔφατο при этомъ нельзя принимать во вниманіе, потому что она (подобно ἦν-ἦναι, напр. ἦν δ' εἰς, ἦ δ' ἐς, часто у Плат.; у Гомера ἦ говорилъ, сказавъ, и ἦεν шедъ, пошелъ) обща значенію imperf. и аор. (также infin. φέω: говорить и сказать), означая и говорилъ и сказавъ. См. словарь Раре: φημί. Аор. I. ἔφηα сказавъ (inf. φέω) попадаетъ рѣдко. Ср. ἔφη въ слѣд. мѣстахъ: Xen. An. I. 1. 8; I. 2. 25; I. 3. 1; II. 3. 7; VII. 1. 18; Cyn. VII. 4. 12. — См. § 12. II. прим. 3.

№ 3). Подобнымъ образомъ можно какъ $\phi\eta\theta\eta\sigma\alpha\nu\ \delta\epsilon\iota\nu$ (Лук. II. 23), такъ и $\phi\omega\tau\omicron\ \delta\epsilon\iota\nu$ (напр. Dem. Ol. III. 26 $\phi\epsilon\tau\omicron\ \delta\epsilon\iota\nu$) переводить одинаково чрезъ „сочли“ или „считали нужнымъ“, безъ существенной разницы для смысла; подобно тому ставить, напримѣръ, Лизій $\tau\omicron\ \eta\gamma\theta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, $\nu\omicron\mu\iota\zeta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$, $\tau\omicron\ \eta\gamma\eta\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, $\nu\omicron\mu\iota\sigma\alpha\varsigma$ (думая, или подумавъ) безразлично: II, 18, 19, 21, 23, 30, 33; см. также Thuc. I. 138, 4. и Xen. Mem. II. 2. 14. Вообще въ греч. языкѣ одинаково часто встрѣчаемъ $\nu\omicron\mu\iota\sigma\alpha\varsigma$ какъ и $\nu\omicron\mu\iota\zeta\omega\nu$, между тѣмъ, какъ въ русскомъ языкѣ одно „считая, думая“ употребительно. Подобно тому въ греческомъ языкѣ на ряду съ $\epsilon\lambda\pi\iota\zeta\omega\nu\ \eta\lambda\pi\iota\zeta\epsilon$ (надѣясь, надѣялся) очень часто читаемъ $\epsilon\lambda\pi\iota\sigma\alpha\varsigma$, $\eta\lambda\pi\iota\sigma\alpha$ (понадѣявшись, понадѣялся), между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ первыя продолженныя формы почти исключительно употребительны; см. Isocr. 12, 107; Aegian. I, 4, 6. Такъ и: $\zeta\omicron\theta\epsilon\tau\omicron$ (замѣтилъ) и $\zeta\omicron\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\tau\omicron$, Thuc. VII, 69, 1. (замѣчалъ), можно замѣнять одно другимъ и переводить то первымъ, то послѣднимъ русскимъ глаголомъ. Xen. Mem. II, 7, 10: $\mu\grave{\eta}\ \omicron\upsilon\nu\ \delta\kappa\upsilon\epsilon\iota$, $\epsilon\phi\eta$, $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \epsilon\iota\sigma\eta\gamma\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota\ \alpha\upsilon\tau\alpha\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\iota\ \tau\epsilon\ \lambda\upsilon\sigma\iota\tau\epsilon\lambda\acute{\eta}\sigma\epsilon\iota\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\alpha\iota\varsigma$; и такъ ты не модли, сказалъ онъ, объяснить (по греч. объяснати) имъ то, что какъ тебѣ, такъ и имъ можетъ принести пользу; и Thuc. II, 138, 3: $\Theta\epsilon\mu\iota\sigma\tau\omicron\chi\lambda\eta\varsigma$, $\acute{\alpha}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \chi\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma\ \epsilon\chi\omicron\iota$, $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\zeta\eta\gamma\eta\sigma\alpha\theta\alpha\iota\ \omicron\iota\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\epsilon$, $\acute{\omicron}\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\pi\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\eta$, $\chi\rho\iota\nu\alpha\iota\ \iota\kappa\alpha\nu\acute{\omicron}\varsigma\ \omicron\upsilon\kappa\ \acute{\alpha}\pi\eta\lambda\lambda\alpha\chi\tau\omicron$:Themistоклъ все, что имѣлъ подъ руками, умѣлъ также и объяснить (собст. объяснять), а чего не зналъ по опыту, все-таки не затруднился здраво обсудить (или обсуждать): или: Θ . все, что касалось до круга его дѣйствій, умѣлъ ясно излагать; о нещахъ же, въ которыхъ не имѣлъ опытности, всегда судилъ здраво. Здѣсь можно бы тоже, безъ нарушенія смысла, поставить на первомъ мѣстѣ (Xen. Mem.) $\epsilon\iota\sigma\eta\gamma\eta\sigma\alpha\theta\alpha\iota$, а на второмъ (Thuc.) $\epsilon\zeta\eta\gamma\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$ и $\chi\rho\iota\nu\alpha\iota$. Xen. An. I. 3. 7: $\omicron\iota\ \sigma\tau\alpha\tau\iota\omega\tau\alpha\iota\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma\ \delta\tau\iota\ \omicron\upsilon\ \phi\alpha\iota\tau\eta\ \mu\epsilon\tau\alpha\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\alpha\ \mu\omicron\rho\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \epsilon\pi\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\alpha\nu$: солдаты, услышавъ, что онъ отказывается отъ похода противъ паря, хвалили его, (или: стали хвалить его, или же: одобрили это; по греч. похвалили); $\mu\epsilon\tau\alpha\ \epsilon\pi\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\alpha\nu$ можно бы поставить по русски „хвалили“ такъ же $\epsilon\pi\acute{\eta}\nu\epsilon\sigma\alpha\nu$. Xen. An. III, 3, 4. $\epsilon\kappa\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ M\iota\theta\upsilon\rho\iota\delta\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\pi\epsilon\acute{\alpha}\tau\omicron\ \delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\iota\nu\ \acute{\omega}\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\omicron\rho\omicron\nu\ \epsilon\iota\eta\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\omega\varsigma\ \acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\tau\omicron\varsigma\ \sigma\omega\theta\eta\eta\alpha\nu$, $\epsilon\nu\theta\alpha\ \delta\eta\ \epsilon\gamma\gamma\iota\nu\acute{\omega}\sigma\chi\epsilon\tau\omicron\ \delta\tau\iota\ \upsilon\pi\acute{\omicron}\mu\epsilon\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\eta$: ватѣмъ Митридатъ старался объяснить (по греч. объяснять) имъ, какъ трудно имъ спастись противъ воли царя; тогда, конечно, узнали всѣ (по греч. было узнаваемо), что онъ тайно посланный (лазутчикъ его). An. III, 2, 32: $\tau\omicron\lambda\mu\acute{\alpha}\tau\omega\ \delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\iota\nu$;—VI, 1, 23: $\Sigma\epsilon\nu\omicron\phi\acute{\omega}\nu\ \delta\tau\epsilon\ \epsilon\zeta\ \epsilon\upsilon\phi\acute{\epsilon}\sigma\omicron\upsilon\ \acute{\omega}\rho\mu\acute{\alpha}\tau\omicron$ (см. § 12. b 1) $K\acute{\omicron}\rho\phi\ \sigma\upsilon\sigma\tau\alpha\theta\eta\sigma\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (см. § 6. в.), $\acute{\alpha}\epsilon\tau\omicron\nu\ \acute{\alpha}\nu\alpha\mu\epsilon\nu\eta\sigma\chi\epsilon\tau\omicron\ \acute{\alpha}\sigma\upsilon\tau\phi\ \delta\epsilon\iota\delta\iota\omicron\nu$

φθεγγόμενον, καθήμενον μάντοι, διπερ ὁ μάντις ὁ προκέρκων (part. imperf.) αὐτὸν ἔλεγε, ὅτι μὲν οἰωνὸς εἶη и т. д.: Ксенофонтъ вспомнилъ (по греч.: вспоминалъ), что когда двинулся (или: отправлялся) изъ Ефеса, чтобы познакомиться съ Киромъ, слышалъ по правую руку крикъ орла сидящаго, а гадатель, сопровождавшій его, сказалъ (по греч. говоритъ) ему, что это весьма важное предзнаменованіе и т. д. Dem. IV. 1: εἰ μὴ ἤρεσκέ τί μοι τῶν ὑπὸ τούτων ῥηθέντων, τότε ἂν αὐτὸς ἐπαίρωμην ἢ γιγνώσκω λέγειν: если я не соглашался бы съ чѣмъ-нибудь, что сказано ими, то я самъ пытался бы высказать (по греч. говорить).

Самые обыкновенные этого рода глаголы суть.

1. Λέγειν (кромя предидущ. примѣра изъ Dem. Phil. I, 1): Xen. An. I, 3, 12; VII. 715, Thuc. III. 25. 2; ἔλεγε: Xen. An. I, 3, 8; I, 4, 11; I, 5, 11; VI, 1, 19; II, 1, 3; I. 8. 15 (λέγειν πῶσιν); II. 3. 4; II. 3. 6. (ἔλεγον и λέγειν); II. 3. 17; III. 3. 3; VI. 1. 23; VI. 2. 17; Cug. V. I. 29; III. 1. 30 (въ концѣ рѣчи); Mem. III. 5. 7. (λέγειν сказать); Plat. Gorg. 523. B. (ἰόντας ἔλεγον); Thuc. I. 72. 2; I. 119 (παρήναι I. 139. 4); VI. 32. 3; λέγε: Cug. III. 112; такъ же ἤρχετο (началъ; по греч. начиналъ) λόγου (и безъ него) An. III. 2. 7 и 9; Cug. III. 3. 13; VIII. 7. 5; VI. 1. 6 (ἄρχειν λόγου) и An. I. 6. 6; II. I. 571: ἤρχ' ἀγορεύειν и V. 420 μύθων ἤρχε; но и ἤρχετο λόγου Cug. II. 4. 9.—ἔλεξε: Xen. An. I. 3. 3; I. 3. 9; I. 4. 13; VII. 7. 15; Cug. V. 1. 24 и 27; VI. 1. 6; VII. 4. 13; Thuc. I. 31. 4; I. 79. 2;—εἶπε: Xen. An. I. 3. 7; I. 3. 14; I. 3. 15; VII. 6. 39; Cug. V. I. 24 и 28; Thuc. I. 44. 1; I. 67. 5; I. 72. 1; I. 79. 1; I. 85. 3; I. 124. 3; I. 145; VI. 35. 1.

2. ἀγγάλλειν; ἀπ- ἐξαγγάλλειν: imperfect.: Xen. An. I. 4. 12. и 13; I. 6. 5; I. 7. 2. 8 и 13; I. 8. 3; II. 1. 4 и 22; II. 3. 2; II. 5. 26. (но: II. 4. 23 и 24 и по русски: возвѣщали, доносили); II. 3. 5 и 9: ἀπαγγέλλετε (сообщите, возвѣстите, донесите,—но въ § 4: ἀπαγγέλλαι); VII. 2. 35. (coni. praes. вмѣсто aor.); VI. 1. 16; но: I. 6. 5. ἐξηγγέλλε и Cug. II. 4. 8.: ἀπαγγέλλετε; παρήγγελε: An. I. 1. 6; II. 2. 21; III. 5. 18 и Cug. VII. 5. 3.

3. Κελεύειν, ἐκέλευε=велѣлъ=приказывалъ и приказалъ; впрочемъ см. § 9. № 3: Thuc. I. 90. 3 и VII. 65. I. (вызвалъ и вызывалъ); Xen. An. I. 3. 8; I. 7. 1; I. 9. 27; II. 3. I. и 9; II. 5. 36; VII. 7. 19; VI. 5. 26 (καλεῖσθαι); παρεκελεύετο: I. 8. 11; но въ собственномъ смыслѣ—вызывалъ: An. I. 6. 3 и 4; II. 3. 1;—aor. ἐκέλευε; I. 5. 13; I. 8. 15; II. 2. 20, II. 5. 27; VII. 3. 7;—προεέταξε и ἐκέλευε Her.

I. 80. 2; ἐντελέλειτο Нег. VII. 85 (2 раза); замѣчательно также Нег. I. 86. 4 (въ косвенной рѣчи): καὶ τὸν Κύρον κελεύειν (вм. ἐκέλευε прямой рѣчи=κελεύσαι, ἐκέλευσε) ὀφεινόμεναι τὴν ταχίστην τὸ καίωμενον πῦρ καὶ καταβιβάζειν Κροισὸν τε καὶ τοὺς μετὰ Κροισοῦ; гдѣ infip.-praes.: ὀφεινόμεναι и καταβιβάζειν объясняются сказаннымъ въ семъ § I. а. и б.—Срав. II. ἐπέταλλε и ἐκέλευε: V. 198—9, 320; VI. 207. 519; κέλευε VI. 491.

4. αἰτοῦν, δεῖσθαι (просить; впрочемъ, ср. о русск. глаг. просить § 9, № 5); ἡτίου, εἰδείτο: Ап. I. 3. 19, I. 1. 8, VII. 7. 19.

б. ἐρωτᾶν, ἡρώτα (вм. ἡρώτησε, ἡρωτο): Хен. Ап. I. 6. 7 (ἡρώта, но I. 6: 8: ἡρώτησεν, 2 раза); II. 3. 4. и 7.; IV. 5. 10 (спрашивали или спросили); IV. 4. 17. ἐρωτώμενος спрошенный, и ἡρώτων спросили (по греч. спрашивали его, то есть солдаты,—многіе), I. 3. 18 (ἐρωτᾶν—спросить); IV. 4. 5; I. 3. 20; Нег. I. 47. 2; I. 86. 2. (ἐκείρεσθαι на ряду съ ἐκείρωσθαι); Суг. II. 4. 7. (ἐρωτᾶν, но и: πύθεσθαι, и 8: πύθεσθαι и ἡρωτο; послѣднее и Ап. I. 8. 16; ἡρώτησε Ап. II. 4. 15).

6. ἀκούειν, ἤκουε: Хен. Ап. I. 2. 21 (на ряду съ предыдущ. ἤκοιτο); II. 4. 16; II. 4, 8 (ἀκούετε); Суг. II. 1. 4 (ἤκουε послушай); Plat. Gorg. 511. В; 506. С (послушай,—слушай); но и ἤκουσον Суг. VII. 2. 11.

7. δοχεῖν (ἐδόκει и εἰδοξε, оба=казалось, показалося, или обыкн. рѣшили; очень рѣдко: рѣшали);—ἐδόκει οἱ πολλοῖς: Thuc. II. 21. 2, VIII. 1. 3. (но срав. VIII. 1. 4.); Хен. Ап. VI. 2. 6; III. 3. 5; IV. 5. 1.; IV. 4. 14; V. 3.1; II. 3. 8 и 9; III. 4. 36; III. 5. 12⁹ но и объ одномъ лицѣ: Anab. I. 2. 1; III. 3. 8; III. 4. 40; II. 3. 9; Thuc. III. 35...1 и 2; VII. 3. 7;—εἰδοξε οἱ πολλοῖς: Anab. IV. 4. 5; III. 2. 13; III. 3. 3; III. 4. 28; II. 1. 2; II. 3. 28; IV. 4. 6; V. 1. 7; V. 8. 1; VII. 1. 82; Thuc. VIII. 1. 4; объ одномъ лицѣ εἰδοξε: Ап. II. 5. 2 и 24. Сюда относятся также: II. I. 92. 201., V. 217, VI. 54. и весьма часто: ἡῶδα и προσῡῶδα; II. I. 172, и очень часто ἡμείβετο (отвѣтилъ, возразилъ, см. § 9).

О глаголахъ ощущенія—verba sentiendi—см. сказанное въ § 12. γ. и примѣры тамъ же.

Общія примѣры къ I. а, б, с: Хен. Суг. IV. 2. 27: Ταῦτα εἰπὼν ἀπέκρινεν εἰς τὰς τάξεις ἐκάστους καὶ ἐκέλευεν ἅμα πορευομένους τοῖς αὐτοῦ ἑκαστον δεκαρχοῖς ταῦτα σημαίνειν: сказавъ это, онъ отпустилъ всѣхъ начальниковъ въ свои мѣста и приказалъ имъ по дорогѣ сообщать то же самое своимъ декархамъ. Хен. Ап. I. 8. 3 и 4: Κύρος τοῖς ἄλλοις πᾶσι παρήγγαλλεν ἐξοπλίζεσθαι καὶ καθίστασθαι εἰς τὴν αὐτοῦ τάξιν ἑκαστον. ἔνθα δὴ οὖν πολλῇ σπουδῇ καθίσταντο: Кирь приказалъ

(вѣдѣтъ см. § 9) всѣмъ другимъ вооружиться и стать въ свои ряды каждому, и они съ большимъ рвеніемъ построились (стали, но и: становились). См. также Thus. II. 65. 1 и 2.

II. Гораздо рѣже бываютъ противоположныя предыдущему пункту I случаи, то-есть, такіе, когда на мѣстѣ русскаго глагола продолженнаго вида встрѣчаемъ наклоненія греческаго аориста (вѣдѣсто imperfectum). Они являются, кажется, только тамъ, гдѣ повтореніе или многократность дѣйствія обозначена въ предложеніи нарѣчиемъ, въ родѣ πολλὰκις, πολλάκις, ὀκτώκις, ὀκτώκις, ὀκτώκις (или, μὴ....) — см. § 8, — или союзами и мѣстоименіями, или же другими болѣе опредѣленными выраженіями (повторенія или многократности); именно: когда — какъ показано въ § 8, прим. 9 относительно πολλὰκις — означаетъ повтореніе или многократность не продолженнаго (то-есть наглядно: — — — — —), а краткаго (то-есть наглядно:) дѣйствія; для означенія же повторенія или многократности продолжительнаго дѣйствія ставится imperf. (indicat.). Кромѣ примѣровъ, приведенныхъ уже въ § 8, достойны вниманія еще слѣдующіе:

Thus. II. 31. 3. ἐγένοντο δὲ καὶ ἄλλαι ὕστερον ἐν τῇ πολέμῳ, κατὰ ἐτος ἑκαστὸν ἑξοβαὶ Ἀθηναίων ἐς τὴν Μεγαρίδα. Високѣдствіи происходили (собст. по греч. произошли каждый отдѣльный разъ) каждый годъ еще другія вторженія Аѳинянъ въ Мегариду. Напротивъ, безъ такого количественнаго опредѣленія и для означенія повторенія продолж. дѣйствія Thus. III. 1. 1: Οἱ Πελοποννήσιοι... ἐδύσαν τὴν γῆν καὶ προσβολαί, ὥσπερ εἰώθεσαν, ἐγίνοντο τῶν Ἀθηναίων ἱππέων ἐτη παρείκοι. Пелопоннэвцы опустошали страну (Аттику), а Аѳинскіе всадники какъ обыкновенно, нападали на нихъ, гдѣ было возможно.

Dem. Ol. III. 24: (Οἱ ἡμέτεροι πρόγονοι) πάντε μὲν καὶ τετταράκοντα ἔτη τῶν Ἑλλήνων ἦσαν ἐκόντων. Наши предки 45 лѣтъ владычествовали надъ Эллинами съ ихъ согласіемъ.

Въ этомъ примѣрѣ, впрочемъ, ἦσαν означаетъ суммарно 45 лѣтъ или же окончаніе ихъ владычества = провладѣли (смот. введеніе), подобно тому какъ и по русски ἐβασίλευσε ἑτα δώδεκα (Нег. I. 16.) переводимъ однократнымъ видомъ: „процарствовать“, а также Isocr. IV. 83: περί μίαν πόλιν ἔτη δέκα διέτριψαν (провели 10 лѣтъ). Сюда же относятся слѣдующіе примѣры (См. Kühner Ausf. Gram. d. griech. Spr. II. 1. стр. 134):

Нег. II. 133. 1: ἐβίωσαν χρόνον ἐπὶ πολλόν: они жили (соб. прожили) долгое время. Въ такомъ же значеніи окончательности и вѣдѣтъ съ тѣмъ суммарности поставлено не много раньше part. aor. II ὥς

μέλλοι ἐξ ἑτα μοῦνον βιοὺς τῷ ἐβδόμῳ τελευταίῳ: что онъ, проживъ еще только 6 лѣтъ, въ седьмой годъ долженъ умереть. Такъ, же Thuc. II. 65. 3: ἐπεβίω (прожилъ) и V. 26. 4. Isaeus. II. 15.; Her. I. 120. 1 (ἐπέλωσε). ib. II. 157: ἡ Ἀζωτος ἀπασῶν πόλεων ἐπὶ πλείστον χρόνον πολιορκουμένη ἀντίσχε: А вотъ нвѣ всѣхъ городовъ продержался (но можно также: держался) самое долгое время.

Thuc. I. 18. 1: ἡ Λακεδαίμων. ἐπὶ πλείστον χρόνον στασιάσασα (см. также § 3. III.) ὅμως ἐκ καλαιότητος καὶ εὐνομίης καὶ αἰ ἀτοράννευτος ἦν: Лакедемонъ, хотя былъ очень долгое время тревоженъ смутами, однако съ давнихъ временъ получилъ хорошее законное устройство и всегда оставался безъ тиранновъ. Ib. II. 65. 5. Ὅσον χρόνον (Периклῆς) πρὸς τῇ τῆς πόλεως ἐν τῇ εἰρήνῃ, μετρίως ἐτηγεῖτο καὶ ἀσφαλῶς διαφύλαξεν αὐτήν: на сколько времени Периклъ сталъ во главѣ государства (вм. πρὸς τῇ можно бы поставить и проεστῆκε: все время, въ которое Периклъ стоялъ во главѣ гос.), онъ въ мирное время съ умѣренностью правилъ имъ и (про)держалъ (до конца своего правленія) въ безопасности. Kühner также странно, какъ мы видѣли прежде, замѣчаетъ: „Hier gibt das Imperf. ἐτηγεῖτο die näher Bestimmung (!) von διαφύλαξεν ap“. Plat. Phaedr. 227. A: συχνὸν ἔχει διέτριψα χρόνον: я проведу тамъ долгое время.

Plat. Apol. 33. A. B: ἐγὼ δὲ διδάσκαλος μὲν οὐδενὸς πώποτε ἑγενόμην, εἰ δὲ τίς μου λέγοντος... ἐπιθυμᾷ ἀκούειν..., οὐδενὶ πώποτε ἐφθόγγεσα....., μήθ' ὀκνεύομένην μηδενὶ μηδὲν πώποτε μάθημα μήτ' ἐδίδαξα: я никогда не бывалъ (не былъ) ничьимъ учителемъ; но если кто желалъ (желаетъ) слушать мои слова, я никому никогда не отказывалъ въ этомъ; но и никогда никому не общалъ (см. § 9, № 1) какой-нибудь науки и не училъ ей. (См. § 7 и 8 правилъ и примѣчаніи). Подобнымъ образомъ встрѣчаемъ аористъ въ придаточныхъ предложенияхъ относительныхъ и временныхъ, которыя своими относительными частицами и мѣстоименіями—ὅσας, ὅσους (сколько разъ ни, какъ ни часто, всякій разъ когда), ὅσος (весь, который), ὅσοι, ὅποιοι (всѣ, которые, сколько ни), или частицами времени съ желательнымъ наклоненіемъ, optativus iterativus (ὅτε, ὅποτε, ἐπεὶ, ἀπειθῇ и αἶ, какъ скоро, всякій разъ когда)—выражаютъ повтореніе, а именно: чрезъ optat. aoristi—повтореніе краткаго (или суммарнаго), а черезъ optat. praesentis или imperfecti—продолженнаго дѣйствія. Ср. § 5 и 8. Напримѣръ, Dem. IV. 50: ἀπανθ' ὅσα πώποτε ἡλπίσαμεν τινα πράξειν ὑπὲρ ἡμῶν, καθ' ἡμῶν εὐρῆσαι: все, что, какъ мы надѣялись (собств. понадѣялись), сдѣлается

кто-нибудь другой въ нашу пользу, сдѣлано, какъ мы убѣдились, въ нашъ вредъ.

Суг. II. 2. 30: 'Οποσάκις αὐτὸν ἐκάλεσα εἴτε νυκτὸς εἴτε ἡμέρας, οὐδέποτε μοι οὐτ' ἀσχολίαν προφασίσαστο, οὐτε βάρην ὑπήκουσαν, ἀλλ' αἰετὶ τρέχων ὅποσάκις τε αὐτῷ πράττει τι προσείταξα, οὐδέν ἀνδρωσί ποτε αὐτὸν εἶδον ποιοῦντα: всякій разъ когда я звалъ (по греч. = призвалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ), его ночью-ли или днемъ, онъ никогда не отговаривался предо мной недостаткомъ времени, а слушался меня немедленно и лѣгълъ со всѣхъ ногъ, и каждый разъ, когда я поручалъ ему сдѣлать что-нибудь, я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ не дѣлалъ этого весьма трудолюбиво (собст. въ поту). Ср. лат. quotiens съ perf. Cic. pro Arch. § 18: quotiens ego hunc Archiam vidi — magnum numerum optimarum versuum dicere ex tempore.

Thuc. VIII. 1. 1: ἐς τὰς Ἀθήνας ἐπειδὴ ἡγγέλθη (ἢ ἐν Σικελίᾳ συμφορά, οἱ Ἀθηναῖοι...) ὀργίζοντο καὶ τοῖς χρησμοδόχοις τε καὶ μάντεσι καὶ ὁπόσοι τι τότε αὐτοὺς θειάσαντες ἐπήλπισαν ὡς λήψονται Σικελίαν: когда въ Аѳины донесено было извѣстіе (о пораженіи въ Сициліи; то Аѳиняне)... вознегодовали (разсердились, или: негодовали, сердились см. § 12. γ) на предсказателей и гадателей и на всѣхъ тѣхъ, которые воодушевляли умы и увѣряли ихъ (или также какъ и по греч.: воодушевляли умы), что завлаждутъ Сициліей. Xen. Mem. IV. 2. 2: 'Οπότε ἡ τῶν Ἀθηναίων πόλις σπουδαίου ἀνδρὸς δεηθείη, ἀπέβλεπε πρὸς τὸν Θεμιστοκλέα: какъ только (= всякій разъ когда) Аѳиняне нуждались въ дѣятельномъ мужѣ, то обращали свои взоры на Θεμιστοкла. II. I. 163: ἅποτε ἐκπέρωσι. (Больше примѣровъ см. Curt. грам. § 557 b. b).— Напротивъ: optat. praes. (или impref.): Xen. An. I. 5. 2: ἐπεὶ τις διώκει (всякій разъ когда кто преслѣдовалъ ихъ) и ἐπεὶ πλησιάζουσιν (всякій разъ когда приближались), или An. IV. 5. 32: ὁπότε τις βούλοιο (всякій разъ когда кто хотѣлъ).

Примѣчаніе 1. Замѣчательно частое употребленіе infin. aoristi въ соединеніи съ ἤν, παρῇν (= ἐξῆν можно, возможно было), гдѣ Русский предпочитаетъ неопредѣленное наклоненіе продолженнаго вида: Xen. An. I. 9. 13: ἤν ἰδεῖν; I. 5. 8: ἤν θεάσασθαι; Hell. VII. 2. 9: θεάσασθαι παρῇν; An. I. 5. 9: συνιδεῖν ἤν; Thuc. VII. 71. 4: ἤν ἀκοῦσαι; но бываетъ и: Hell. VI. 4. 16: ἤν ὁρᾶν, и Thuc. VII. 65. 1: παρῇν αἰσθάνεσθαι. По русски обыкновенно: можно было видѣть, слышать (по греч.: увидѣть и видѣть, услышать); напротивъ: παρῇν αἰσθάνεσθαι: можно было замѣтить (по греч.: замѣчать). Это колебаніе между aor. и impref., продолженнымъ и однократнымъ видомъ, при

названныхъ глаголахъ объясняется .впрочемъ тѣмъ, что сказано въ этомъ же § 7.

Примѣчаніе 2. Не слѣдуетъ смѣшивать съ этими случаями несоотвѣстствія русскихъ видовъ известнымъ греческимъ временамъ тѣ немногіе случаи, гдѣ аористъ по формѣ случайно совпадаетъ съ imperf., именно въ 3-мъ лицѣ единств. числа глаголовъ плавныхъ, напримѣръ, ἀπέκτανε отъ imperf. ἀπέκτανον и аог. I. ἀπέκτανε; такъ и παρώξυνε (см. § 14, примѣчаніе къ примѣру Thuc. IV. 88).

Примѣчаніе 3. Забѣлательна также форма imperf. ἐζέμην (Hom.), и (ἐ)καθεζέμην отъ καθεζομαι (сажаться, садиться, располагаться, расположиться лагеремъ), котораго всѣ формы imperfecti (ind.) и praesentis (прочихъ наклоненій) могутъ имѣть (по русскому переводу) и значеніе аориста: сажался, располагался лагеремъ; сажился, сѣлъ расположился лагеремъ; II. I. 101, 246, 349 ἐζέτο; I. 407 παρέζω (= imperat. аог.), такъ же VI. 354 ἐζω; I. 360. 405. 500. 536, V. 869 906 καθεζέτο, I. 557 παρέζέτο, V. 460 ἐφέζέτο. Xen. An. III. 1. 33. VII. 2. 33, V. 8. 14; Thuc. II. 19. 2. Сюда относятся также формы: ἦγον я пришелъ, прибылъ: φέρον я ушелъ, удалился (см. § 17 примѣчаніе 2) и ἦεν отъ ἵεναι (см. § 10): я шелъ, и: пошелъ. Такъ же — ἐφη и ἦν (ἦν δ' ἐγώ, ἦ δ' ἐγώ: я сказалъ и говорилъ. Первые четыре глагола, означающіе движеніе, объясняются I. б., а послѣдніе два (какъ глаголы discendi) I. с. сего §—а.

Примѣчаніе 4. То обстоятельство, что въ эпопеяхъ Гомера встрѣчаемъ соразмѣрно гораздо большее количество imperfect-овъ, а меньшее аористовъ, чѣмъ въ прозѣ, происходитъ отъ того, что эпическая поэзія вообще по характеру и содержанію своему любитъ наглядно представлять, описывать, рисовать дѣйствія, для чего гомеровскіе пѣвцы и н' пользуются imperfect-омъ, а это тѣмъ болѣе, что (какъ упомянуто въ § 1 прим.) praes. historicum (которое они замѣняютъ) еще не вошло въ нихъ въ употребленіе. Поэтому понятно, что эти поэмы особенно изобилуютъ imperfect-ами, упомянутыми въ семъ §-ѣ I, а, б. с. Срав. II. I. 585. τίθει (= ἐτίθει imperf.); V. 13 и 17 ὄρνυτο; 155—7 ἐνάρξαι, ἐξαινοῦτο—λεῖπει; 164—5 ἐσόλα и δίδου; V. 318 ὑπετέφερον, 364—5 и 837 ἔβαινε, 370 κίπτε, 416 ὁμόρρυν, 547 ἐκίπτε и VI. 206 (см. § 1 прим. 1); VI. 17 ἀπηύρα, 192 и 219 δίδου, 237, 370, 392 и часто ἵκανε, VI. 293 φέρε.

§ 13. Особенно замѣлательны нѣкоторые глаголы, которые, означая praesens-омъ одно состояніе, или какъ состояніе, такъ и дѣйствіе, въ imperfectum принимаютъ или двойное значеніе, состоянія и дѣй-

14 ОБЪ ОТНОШЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСК. ВРЕМЕНАМЪ.

ствія, или только первое, и въ обоихъ случаяхъ продолженнаго вида;—аористомъ-же выражаютъ обыкновенно наступленіе или достиженіе этого состоянія или дѣйствія, и переводятся въ послѣднемъ случаѣ русскимъ однократнымъ видомъ глаголовъ начинательнаго значенія (сложныхъ съ предл. за- по- и другими, см. таблицу: видъ I, разрядъ 1), или составными выраженіями такого-же значенія, составленными изъ глаг. однократнаго вида: „достигъ, сталъ, получилъ, вступилъ, началъ, сдѣлался“ и т. п. и имени существ. (съ предложомъ или безъ него), или прилагательнаго. Нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ (особенно № 1 и 2) способны выражать аористомъ также окончательнаго значенія и переводятся русскими глагол. однократн. вида окончательнаго значенія (по таблицѣ I вида 3 разряда).

Такіе суть именно:

1. ἄρχειν и χρηταῖν	$\left\{ \begin{array}{l} \text{владѣть,} \\ \text{имѣть власть} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. ἵρχε} \\ \text{ἐρχεται} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{владѣть} \\ \text{имѣть власть;} \end{array} \right\}$
	$\left\{ \begin{array}{l} \text{аог. ἵρσει} \\ \text{ἐφάρτос} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{достигъ власти,} \\ \text{получилъ власть;} \end{array} \right\}$	но и: провладѣтельствоваъ, провладѣлъ.
2. βασιλεύειν	$\left\{ \begin{array}{l} \text{царствовать} \\ \text{быть царемъ} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. ἐβασίλευε;} \\ \text{аог. ἐβασίλευσε;} \end{array} \right\}$	царствовалъ, былъ царемъ; воцарился, сдѣлался царемъ; но и: процарствоваъ.
3. δουλεύειν	$\left\{ \begin{array}{l} \text{рабствовать} \\ \text{быть рабомъ} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. ἐδούλευε;} \\ \text{аог. ἐδούλευσε;} \end{array} \right\}$	былъ рабомъ, попалъ въ рабство, сдѣлался (сталъ) рабомъ.
4. ἰσχύειν	$\left\{ \begin{array}{l} \text{быть сильнымъ} \\ \text{быть въ силѣ} \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. ἰσχύε;} \\ \text{аог. ἰσχυσε;} \end{array} \right\}$	былъ силенъ (Thuc. I. 2. 2.) былъ въ силѣ; усилился, сдѣлался (сталъ) сильнымъ (Thuc. I. 3. 2, I. 9. 3; Dem. Ol. 2. 9).

5. $\acute{\alpha}\sigma\theta\epsilon\nu\alpha\iota$	хворать	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. } \acute{\eta}\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota \\ \acute{\alpha}\nu\theta\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{хворалъ,} \\ \text{былъ боленъ (Хеп. Ап. I. 1. 1);} \end{array} \right\}$
$\nu\sigma\sigma\alpha\iota$	быть больнымъ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{aor. } \acute{\eta}\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\eta\tau\alpha\iota \\ \acute{\alpha}\nu\theta\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{захворалъ (Нер. I. 19)} \\ \text{сдѣлался (сталъ) больнымъ.} \end{array} \right\}$
6. $\pi\lambda\upsilon\tau\alpha\iota$	быть богатымъ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. } \acute{\epsilon}\pi\lambda\upsilon\tau\alpha\iota \\ \text{aor. } \acute{\epsilon}\pi\lambda\upsilon\tau\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{былъ богатъ;} \\ \text{аог. } \text{разбогатѣлъ.} \end{array} \right\}$
7. $\epsilon\upsilon\delta\omicron\chi\iota\mu\alpha\iota$	быть славнымъ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. } \epsilon\upsilon\delta\omicron\chi\iota\mu\alpha\iota \\ \text{aor. } \epsilon\upsilon\delta\omicron\chi\iota\mu\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{былъ славенъ} \\ \text{жилъ въ славѣ,} \end{array} \right\}$
	жить въ славѣ	$\left\{ \begin{array}{l} \text{aor. } \epsilon\upsilon\delta\omicron\chi\iota\mu\eta\tau\alpha\iota \\ \text{aor. } \epsilon\upsilon\delta\omicron\chi\iota\mu\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{прославился;} \\ \text{получилъ славу;} \\ \text{вошелъ въ известность.} \end{array} \right\}$
8. $\acute{\eta}\delta\alpha\sigma\theta\alpha\iota$	радоваться	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. } \acute{\eta}\delta\alpha\tau\alpha\iota \\ \text{aor. } \acute{\eta}\delta\alpha\tau\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{радовался,} \\ \text{былъ радъ;} \end{array} \right\}$
	быть раду	$\left\{ \begin{array}{l} \text{aor. } \acute{\eta}\delta\alpha\tau\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{обрадовался.} \end{array} \right\}$
9. $\sigma\iota\gamma\eta\upsilon$	молчать	$\left\{ \begin{array}{l} \text{imperf. } \acute{\sigma}\iota\gamma\eta\alpha\iota \\ \text{aor. } \acute{\sigma}\iota\gamma\eta\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{молчалъ;} \\ \text{замолчалъ;} \end{array} \right\}$
$\sigma\iota\gamma\eta\alpha\iota$	молчать	$\left\{ \begin{array}{l} \text{aor. } \acute{\sigma}\iota\gamma\eta\eta\tau\alpha\iota \end{array} \right\}$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{замолчалъ;} \end{array} \right\}$

10. πολεμίζω	вести войну	πολεμίζω возвалъ (Нер. I. 18. 2) πολεμίζω воинъ
	воевать	πολεμίζω началъ πολεμίζω объзвиль
		(какъ будто: завелъ войну) Thus. I. 124. 2; I. 140. 4; II. 61. 1; Нер. I. 16.
11. ἔρχομαι	1. нѣтъ 2. держать 3. находитьсѣ 1. владѣть 2. удерживать 3. въ какомъ-нѣ 1. обладать 2. останавливать 3. нѣбуа со- 1. содержать 2. пренятствовать 3. стоанія или 1. быть снабженъ 2. нѣпать 3. положенія	ἔρχομαι имѣлъ ἔρχομαι владѣлъ ἔρχομαι и т. д. ἔρχομαι возвѣнѣлъ ἔρχομαι завладѣлъ ἔρχομαι получилъ ἔρχομαι удерживалъ ἔρχομαι задержалъ ἔρχομαι остановилъ
		(Хер. Анаб. I. 8. 4; Thus. VI. 54. 2).
12. στρατοπεδεύω	1. стоять лагеремъ, 2. располагатьсѣ лагеремъ, 1. находитьсѣ въ лагерѣ, 2. располагатьсѣ лагеремъ,	1. стоялъ лагеремъ, 2. располагалъ лагеремъ, 1. находился въ лагерѣ, 2. располагался лагеремъ,
		(напр. Хер. Анаб. II. 2. 15; VI. 4. 7.)
	(или—ειν) σκηναίω	1. стоялъ лагеремъ, 2. располагатьсѣ лагеремъ, 1. стоялъ лагеремъ, 2. располагался лагеремъ,
		(напр. Хер. Анаб. VI. 4. 7.)
		1. стоялъ лагеремъ, 2. располагался лагеремъ, 1. стоялъ лагеремъ, 2. располагался лагеремъ,
		(напр. Хер. Анаб. I. 3. 7; II. 2. 17; III. 5. 1; IV. 5. 1.)

	1. бѣжать	импрѣг. ѣруче: 1. бѣжалъ	Поэтому:
13. φεύγειν (Thuc. V. 26. 5)	2. быть бѣглецомъ въ изгнаніи	2. былъ бѣглецомъ, " въ изгнаніи, " обвиняемъ	φεύγων Ап. I. 1. 7. = ἐκπεπτωκός Ап. V. 2. 1.
	обвиняемъ	аог. ѣруче: 1. убѣжалъ 2. (нѣтъ).	и ἐκπεσών Ап. VII. 2. 32.
14. νικῶν κρατεῖν	1. побѣждать 2. быть побѣдителемъ (Хер. Ап. II. 1. 1.)	импр. νίκα: 1) побѣждалъ 2) былъ побѣдителемъ (Ап. II. 4. 4, III. 2. 13 и 14). аог. νίκησε: 1) побѣдилъ, 2) сдѣлался побѣдителемъ.	
		Поэтому: νικῶν (II. 1. 4) κρατεῖν (III. 2. 26)	побѣдитель
		и κραε, rass. κρατοῦμενος: побѣжденный (Ап. III. 2. 28).	
15. ἀδικεῖν	1. поступать несправедливо; 2. быть преступникомъ, Plat. Prot. 324; Хер. Ап. III. 2. 26; II. 27 (ἀδικῶν виновный);	импр. ἴδικοι: 1. поступалъ несправедливо, 2. былъ преступникомъ, аог. ἴδικοι: 1. поступилъ несправедливо.	
16. γραφεῖν διώκειν	1. обвинять преслѣдовать и	импр. ἑγραφε ἀδίκησε аог. ἑγραφε: 1. обвинилъ (2. нѣтъ).	1. обвинялъ 2. былъ обвинителемъ.

§ 14. Кроме того надо замѣтить, что греческое imperfectum (подобно латинскому)—глаголющее praesentis—иногда выражаетъ одно предпріятіе, которое (часто, но не всегда) не приведено въ исполненіе, или же выражаетъ начало дѣйствія, попытку, стараніе исполнить дѣло (imperfectum conatus или de conatu). Такое imperfectum переводимъ на русскій языкъ или, какъ обыкновенно, также однимъ прошедшимъ временемъ продолженнаго вида (выражающимъ также и попытку), или же описательно съ помощью глаголовъ „пытался, старался, хотѣлъ (было)“, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ однократнаго вида,—или съ помощью глаголовъ: „началъ, сталъ“, (см. введеніе) съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ продолженнаго вида, или же съ помощью безличнаго глагола „было“ съ глаголомъ прошедшаго времени однократнаго вида. Въ соединеніи съ отрицаніемъ такое imperfectum часто получаетъ значеніе невозможности: „не могъ, не былъ въ состояніи“.—Ср. Хен. Ап. I. 3. 1: Κλέαρχος τοὺς αὐτοῦ στρατιώτας ἐβιάζετο ἵνα, οἱ δὲ αὐτὸν τε ἔβαλλον, ἐπεὶ ἤρξατο προΐεναι: Клеархъ принуждалъ (пытался, хотѣлъ было принудить; сталъ принуждать; принудилъ было) своихъ солдатъ идти впередъ; но они стали бросать (или просто: бросали) въ него каменьями: Хен. Ап. I. 4.17: Ταῦτα ποιῶν διέβαινε сталъ переходить (переходилъ). Thuc. I. 95. 1: ἤδη δὲ βιαίου ὄντος (partic. imperf. conatus) αὐτοῦ (Παυσανίου) οἱ Ἕλληνες ἤχθοντο: Когда Павзаній сталъ быть насильственнымъ, то Эллины стали негодовать. Хен. Ап. VI. 1. 19: Οἱ λοχαγοί.... ἐπειθὺν αὐτὸν ὑποστῆναι τὴν ἀρχήν: Лохаги старались склонить (стали убѣждать) его къ принятію главнаго начальства. Ср. Ап. VII. 3. 7; Суг. V. 5. 22; Мем. I. 2. 29. ἀπέτρεπε (avertere studebat); Thuc. III. 24: ἐσπένδοντο и Нег. I. 123. 1: ἐόντος τοῦ Ἀστιάγεω πικροῦ ἐς τοὺς Μήδους συμμίσγων ἐνὶ ἐκάστῳ ὁ Ἀρπαγὸς τῶν πρώτων Μήδων ἀνέπειθε, ὡς χρὴ Κύρον προστραμένους Ἀστιάγεα παῖσαι τῆς βασιλείης: когда Астіагъ началъ притѣснять Мидянъ, то Гарпагъ, вступая къ разговоръ съ каждымъ изъ азиатскихъ Мидянъ, сталъ убѣждать (или: старался уб.) ихъ, что надо Кира сдѣлать царемъ, а Астіага свергнуть съ престола. Хен. Суг. V. 5. 22: ἐλθὼν οὖν ἐπειθὺν αὐτοὺς καὶ οὐς ἔπεισα, τοὺτους ἔχων ἐκπεσούμην σοῦ ἐπιτρέψαντος: я, пришедши къ нимъ, убѣждалъ, сталъ уб., ихъ, и съ тѣми, которыхъ я убѣдилъ, я отправился съ твоего согласія. (Весьма замѣчательно здѣсь и въ слѣд. примѣрѣ противопоставленіе imperf. ἐπειθὺν, παρώξυνε и aor. ἔπεισα, ἐξώρμησε Thuc. VI. 88 конецъ: Ἀλκιβιάδης παρώξυνε τε τοὺς Λαχεδαίμονιους καὶ ἐξώρμησε λέγων τοιαῦτα: Алкивіадъ возбуждалъ (старался возбудить) Лаке-

демонянъ и (—дѣйствительно—) возбудилъ ихъ слѣдующими словами. (Затѣмъ содержаніе главы 93. 1. показываетъ, что они дѣйствительно убѣдились его словами и исполнили ихъ). Здѣсь Оукидидъ—въ противоположность предыдущему примѣру изъ Сут. ἐπειθὺν—ἐπεισα—предпочелъ послѣ imperfecta сопатис парѳѳонс аористъ синонимическаго глагола ἐξορμᾶν по той явной причинѣ, что indic. аог. глагола парѳѳонаν въ 3. лицѣ ед. ч. случайно вполне совпалъ бы съ тѣмъ же лицомъ imperfect.—Что аог. I асг. этого глагола былъ въ употребленіи у аттическихъ писателей, явствуетъ изъ Хеп. Hell. VI. 4. 8: ἐν δὲ τῇ μαστῖμβρίᾳ (τῶν Λαχεδαίμωνίων) ὑποκινόντων καὶ τὸν οἶνον παρορῶναι τι αὐτοὺς ἔλεγον. (Такъ какъ Лак. за обѣдомъ подпивали, то, какъ говорятъ, вино разгорячило ихъ). См. § 12. въ концѣ: прим. 2.—Напротивъ: οὐκ ἐπειθε (Нег. I. 112. 1) не могла, не была въ состояніи убѣдить его: ὥς δὲ οὐκ ἐπειθε ἄρα τὸν ἄνδρα, δεῦτέρᾳ λέγει ἡ γυνὴ τότε ἐπεὶ τοῖνον οὐ δύναμαι σε πείθειν μὴ ἐκθεῖναι (то-есть, τὸ παιδίον), οὐ δὲ ὥδε ποίησον (гдѣ смыслъ словъ οὐκ ἐπειθε объясняется слѣдующими: οὐ δύναμαι σε πείθειν ¹). Нег. I. 11. 3: οὐκ ὦν δὴ ἐπειθε: онъ не убѣждалъ=не могъ убѣдить его. Подобнымъ образомъ переводимъ и ραεsens того же отрицательнаго глагола οὐ πείθω. Plat. Phaedo 115. C: οὐ πείθω Κρίτωνα: я не могу убѣдить, не убѣждаю Критона. Thus. I. 102. 2: οἱ Λαχεδαίμονιοι, ἐπειδὴ τὸ χρορίον βιά οὐχ ἡλίσκετο, δαίσαντες.... Лакедемоняне, когда это мѣсто не могло быть взято приступомъ....

Сюда относится также διδόναι въ значеніи предлагать (=давать, хотѣть дать), imperf. ἐδίδοο предлагалъ, давалъ, хотѣлъ дать: Il. IX. 261: σοὶ δ' Ἀγαμέμνων ἄξια δῶρα διδοῖσι μεταλλήξαντι χόλοιο;—Thus. IV. 19. 1: Λαχεδαίμονιοι ὅμᾳς προκαλοῦνται ἐς οκονδᾶς,.... διδόντες εἰρήνην καὶ ἑσπέρην, и IV. 2. 1. Другіе примѣры см. Сут. § 491. 2, Григ. § 251. Прим., особенно же Нег. VI. 108. 1, гдѣ можно сравнить значеніе трехъ временъ: ἐδεδώκαον—ἔδοσαν—и ἐδίδοσαν (хотѣли отдать себя подъ защиту).

На томъ основаніи, что попытка въ большинствѣ случаевъ продолжительна, ставится также глаголъ περᾶσθαι и περᾶν (пытаться, стараться) обыкновенно въ imperfect'ѣ или въ ρаеsens'ѣ даже такъ, гдѣ русскій переводъ предпочитаетъ однократный видъ: попытаться,

¹ Напрасно, поэтому, сомнѣвается С. Шаераловъ (стр. 107, назван. статьи) въ выраженіи безуспѣшности дѣйствія черезъ οὐκ ἐπειθον. Его сомнѣніе произошло отъ того, что приведенное тутъ мѣсто ему неизвѣстно.

попытался, или допускаетъ тотъ и другой видъ. Xen. An. III. 2. 26: *πειράσθαι ἐφικνεῖσθαι*, IV. 3. 5: *ἐπειρώντο διαβαίνειν*; Thuc. II 65, 1: *ἐπειρώτο παραλόειν καὶ ἀπάνειν*; между тѣмъ, какъ аористъ этого глагола *πειράσασθαι* и *πειράθῃναι* сравнительно очень рѣдкы. По той же причинѣ (продолжительности попытки) при *πειράσθαι*, *ἐπειρώто* встрѣчаемъ infinitivus дополнительнаго глагола обыкновенно въ praesens-ѣ и тамъ, гдѣ, судя по русскому неопредѣленному наклоненію однократнаго вида, можно бы ожидать infin. aor., напримѣръ: Thuc. II. 65. 1: Τοιαῦτα ὁ Περικλῆς λέγων ἐπειρώτο τοὺς Ἀθηναίους τῆς τε ἐπ' αὐτὸν ὀργῆς παραλόειν καὶ ἐπὶ τῶν παρόντων δαιῶν ἀπάγειν τὴν γυνήμην: этими словами П. старался смилчить (прекратить) гнѣвъ Аѳинлянъ и отклонить ихъ мысли отъ настоящаго бѣдствія. Xen. An. I. 2. 21. *ἐπειρώντο ἐισβάλλειν*. Ср. латинское imperf. conatus. Caes. b. civ. III. 22: Milo—quos ex aere alieno laborare arbitrabatur, sollicitabat. Apud quos cum proficere nihil posset... См. грам. Шульца § 322. 3 (Прим. 2), Cic. orat. pro Lig. § 24. *veniebatis* и прим. 10. Фелькеля къ этому мѣсту.

Примѣчаніе. Русский глаголъ „сталъ“ съ неопред. наклоненіемъ (всегда) продолженнаго вида ставится, однако, весьма часто не въ смыслѣ одной попытки или только начала дѣйствія, не приведеннаго къ концу, а вообще для означенія наступленія дѣйствія или состоянія, болѣею частію продолжительнаго. При переводѣ этого составнаго выраженія на греч. языкъ, можно соображаться съ слѣдующимъ указаніемъ: если „сталъ“ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола (всегда) продолженнаго вида можно замѣнить по смыслу прошедшимъ временемъ продолженнаго вида одного (дополнительнаго) глагола, то ставится греческое imperfectum; если же то же выраженіе болѣе соотвѣтствуетъ прошедшему времени однократнаго вида одного (дополнительнаго) глагола, то переводится аористомъ. Напримѣръ, стали просить=просили *ἐδέοντο*; стали сражаться=сражались *ἐμάχοντο*; сталъ обдумывать=обдумывалъ *ἐφρόντιζε*. Xen. Ages. II, 30: Ἀγησίλαος ὡς τὸ μέγιστον ἐξηπατημένος ἐφρόντιζε τί δεῖ ποιῆν; Агезилай, обманутый въ столь важномъ дѣлѣ, сталъ обдумывать (=обдумывалъ), чтѣ дѣлать.—Суг. VIII, 8, 2: Ἐπεὶ Κύρος ἐταλεούτηεν, εὐθὺς μὲν αὐτοῦ οἱ παῖδες ἐστασίαζον, εὐθὺς δὲ πόλει καὶ εὐνῇ ἀφίσταντο, πάντα δ' ἐπὶ τὸ χεῖρον ἐτρέπετο: лишь только Киръ умеръ, какъ сыновья его тотчасъ стали (начали) спорить между собой и отъ ихъ власти стали отпадать города и цѣлыя народы и все стало обращаться къ худшему. Ср. вышеприведенные примѣры Xen. An. I, 88: ὅτε ἐγγύ-

терон ἐγγύοντο (когда они стали приближаться = приближались), ἐλεγεν — сталъ разказывать; — и Суг. II, 1, 1: διαβαῖνον (стали переходить — переходили), προσήχοντο (стали молиться — молились). Гораздо рѣже бывають случаи, въ которыхъ это русское составное выраженіе соотвѣтствуетъ греческому аористу; напримѣръ Хеп. Au. I, 3: ἐπήνεσαν стали хвалить — похвалили, одобрили, или Луз. II, 23: ἐπίστευσαν стали довѣрять — положились; Хеп. Мет. I, 2, 24. Ἀλκιβιάδης... διαθροπτόμενος.... τιμώμενος.... πρῶτεύων.... ἡμέλησεν αὐτοῦ: сталъ нерадѣть (=вознерадѣлъ).

§ 15. Aoristus (I и II) часто ставится въ предложеніяхъ, выражающихъ истину, основанную на опытѣ, то-есть, въ пословицахъ и подобныхъ имъ изреченіяхъ (aoristus gnomicus), гдѣ порусски болѣею частію ставимъ настоящее время (иногда съ прибавленіемъ словъ: „обыкновенно, часто, всегда“), или же, слѣдую языку русскихъ пословицъ, употребляемъ также прошедшее время, именно чаще однократнаго вида — соотвѣтственно греч. аористу — тѣмъ продолженнаго ¹⁾).

Напримѣръ, Isocr. I, 1: τὰς τῶν φαύλων συνθηαίας ὀλίγος χρόνος διέλυε: связь дурныхъ людей (обыкновенно) разрушаетъ короткое время; или гном. οὐδεὶς ἀπλούτῳε ταχέως δίκαιος ὦν: никто, будучи честенъ, быстро не разбогатѣлъ. Исходною точкою для объясненія этого аориста слѣдуетъ считать очень часто встрѣчающіеся случаи употребленія сего съ нарѣчіемъ πολλάκις (часто), которое по § 8 болѣею частію соединяется съ аористомъ; напримѣръ: Soph. Ant. 221—2: ὅπ' ἐλπίδων ἄνδρας τὸ κέρδος πολλάκις διώλεσεν: надежда на прибыль не разъ (часто) губила людей;—слѣдовательно и — надежда на прибыль часто губить людей (ср. также: Хеп. Мет. II, 4, 7; Суг. VII, 5, 76; Isocr. I, 33):—подобно тому, какъ для лучшаго уразумѣнія значенія

¹⁾ Напримѣръ: Ποστράλς воздѣ поспѣлъ,—по гречески было бы: ὁ πανοῦργος πανταχοῦ (ἐλθὼν) ἔφθασεν.—Которая некра не упала, та и не огля: ὁ μὴ πικρὸν ἐπινύθρ οὐκ ἔκλεισεν.— Кто съѣлъ, тотъ два съѣлъ.— Злой съ лунавымъ, водился, да оба въ яму ввалились.—Горе да бѣда съ кѣмъ не были?—Купилъ сапоги, да не избылъ босоты.—Поѣхалъ за море теленкомъ, воротился бычкомъ.— Согреялся — осердился; простылъ — остудился. — Рано пташка заѣла, какъ бы кошка не съѣла (Далъ, Пословицы). — Впрочемъ и другіе обороты языка русскихъ пословицъ способны выразить греч. аог. гном., напримѣръ: «Тыше ѣдешь, дальше будешь» — можно бы передать: (πολλάκις) ὁ βραδύς ἐλαύνων παρρωτέρῳ προῖκεν (τοῦ ταχέως) Сравни: καὶ βραδύς εὐβουλὸς εἰλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων. И медленный, да разумный настигъ (настигаетъ, настигнетъ) въ погонѣ рѣзваго человека.

греч. perfecta могутъ служить случаи употребленія его съ частицею ἤδη (уже), которая въ русскомъ переводѣ часто дополняется и тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ греч. подлинникѣ (см. § 16). Смыслъ такого аориста, очевидно, слѣдующій: то, что часто прежде случалось, случается обыкновенно, или, по крайней мѣрѣ, можетъ случиться и теперь при такихъ же или подобныхъ (приведенному будто въ примѣръ однократному или также многократному случаю) обстоятельствахъ и лицахъ. Въ отрицательномъ предложеніи при такомъ гномическомъ аористѣ вмѣсто нарѣчія „часто, πολλάκις“ можно дополнить для объясненія „еще не, οὐπω“, которое (по § 7) также обыкновенно соединяется съ аористомъ, а не съ imperfectum, какъ слѣдовало бы ожидать по русскому прошедшему времени продолженнаго вида. Напримѣръ Eug. Andr. 422, sq. Stob. Flor. t. III, pag. 241 ed. Teubner:

Ἄνθρωπος ὢν
 οὐδεὶς ἄλπος τὸν βίον διήγαγεν,
 οὐδὲ μέχρι τέλους ἔμεινεν εὐτυχῶν.

(Еще) ни одинъ человѣкъ не проводилъ (провелъ) своей жизни безъ печали, и не оставался (пребывалъ) счастливымъ до конца (=никто — не проводить.... и не остается....), гдѣ и по гречески можно бы дополнить οὐπω.

Въ такомъ же гномическомъ значеніи, однако гораздо рѣже аориста, встрѣчается — кромѣ praesens'a, общаго всѣмъ языкамъ, — и perfectum, напримѣръ: Xen. An. III, 1, 38: ἡ ἀταξία πολλοῦς ἤδη ἀπολώλεκεν: безпорядокъ, отсутствіе дисциплины уже многихъ погубило. Xen. Mem. IV, 2, 35: Πολλοὶ μὲν διὰ τὴν ἰσχύον μείζονιν ἔργου ἐπιχειροῦντες οὐ μικροῖς κακοῖς περιπίπτουσι, πολλοὶ δὲ διὰ τὸν πλοῦτον διαβροπτόμενοί τε καὶ ἐπιβουλεύμενοι ἀπόλλυνται, πολλοὶ δὲ διὰ δόξαν καὶ πολιτικὴν δύναμιν μεγάλα κακὰ πεπόνθασι (замѣть предшествующія гномическія praesentia: περιπίπτουσι, ἀπόλλυνται): многіе, въ надеждѣ на свои силы принимаясь за слишкомъ великія дѣла, впадаютъ въ не малое зло; многіе, гордясь своимъ богатствомъ и навлекая на себя различныя козни, ввергаютъ себя въ пагубу, а многіе изъ-за славы и политическаго могущества впослѣдствіи жестоко страдаютъ (=многіе уже пострадали, претерпѣли большое зло, подверглись большому злу, или: часто страдали, терпѣли, подвергались). Xen. Cug. IV, 2, 26: ὁ χρηστῶν ἄμα πάντα συνήρπακε: кто побѣдилъ, все захватилъ (=побѣдитель, побѣждающій все захватываетъ въ свои руки).

Больше примѣровъ гномическаго аориста и perf. см. въ грамматикахъ Крюг. § 53, 10, Anm. 2; Курц. § 494; Кохъ-Гритторевскій § 249, 2.

Примѣчаніе 1. Распространеніемъ этого аориста гномическаго можно считать употребленіе аориста, вмѣсто praesens-a и наряду съ нимъ, въ случаяхъ, по смыслу близко подходящихъ къ пословицамъ (гномамъ), такъ какъ выражаютъ нѣчто обыкновенное, всегда, правильно, по обряду случающееся, въ родѣ слѣдующихъ примѣровъ: Plato Gorg. 511. D. E. (Ἡ κυβερνητικὴ)... οὐ σεμνώνεται ἐσχηματισμένη ἀλλὰ... εἰν μὲν ἐξ Αἰγίνης δεῦρο ὥσπ, οἶμαι, δι' ὀβόλους ἐπράτατο, εἰν δὲ ἐξ Αἰγύπτου... ἀποβιβάσας εἰς τὸν λιμένα δύο δραχμάς ἐπράτατο, καὶ αὐτὸς ὁ ἔχων τὴν τέχνην... περιπατεῖ ἐν μετρίῳ σχήματι: (управленіе кораблемъ)... не величается въ блестящемъ нарядѣ, но... за благополучный перевозъ изъ Эгинны сюда возникаетъ, думаю, два обола, а если (перевезетъ) изъ Египта и доставитъ въ пристань, то беретъ двѣ драхмы. Изъ этого примѣра видно, что такой аористъ можно ставить даже въ главномъ предложеніи условнаго періода 3 формы при εἰν съ сослагат. наклон. въ придаточномъ предложеніи, а также послѣ ὅταν, ἐπειδάν, такъ какъ онъ замѣняется по значенію настоящее время. См. Dem. II. 9: ὅταν—ισχύου ἀνεχάιτω, διέλυον и 21. ἐπειδάν... συμπλακῇ—ἐποίησαν, и Her. I. 132: ἐπεὶ δὲ διαμισύλας—ἐψήσῃ, ὑποπάσας... ἔθηκε... Plat. Gorg. 542. E. 'Ο Ῥαδάμανθος θεᾶται ἐκάστου τὴν ψυχὴν, οὐκ εἰδὼς ὅτου ἐστίν, ἀλλὰ πολλάκις (какъ при aor. gnomic.) τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐπιλαβόμενος ἢ ἄλλου ὁτουοῦν... κατεῖδεν (видитъ) οὐδὲν ὑγιᾶς ὃν τῆς ψυχῆς. Ibid. 526. B. C. καὶ τοῦτο κατιδὼν ἀπέπεμψεν (отсылаетъ) εἰς τάρταρον... φιλοσόφου (ψυχὴν)... ἡγάσθη τε καὶ ἐς μακάρων νήσου ἀπέπεμψε. Her. I. 132: ἔθηκε рядомъ съ ἐπαιδεῖ въ описаніи обряда персидскаго жертвоприношенія. Xen. Cug. 2: 2: ἐπέθεσαν; Plato Gorg. 484. A. ἀνεφάνη, ἐέλαμψε. Въ назвн такой aor. весьма часто бываетъ при сравненіяхъ; напр. II. III. 33 — 36: ἀπέστη, ἔλλαβε, ἀνεύφησεν, εἶλε; V. 88—91 ἐκέδασσε κατήρικε, 139 ὥρσεν, 523 ἔστησεν, 555 ὁ ἐτραφέτην κατέταθεν, 599, ἔδραμε, 770 ἔδεν.

Примѣчаніе 2. Замѣчательно употребленіе аориста indicativi наравнѣ съ imperfectum (indicativi) въ соединеніи съ частицею ὅν для выраженія повторенія или многократности дѣйствія, которое въ данномъ, извѣстномъ случаѣ, обыкновенно повторялось. Такое imperfectum или aoristus indicativi съ ὅν переводимъ на русскій языкъ или прошедшимъ временемъ глаголовъ продолженнаго (или многократ-

наго) вида, то однимъ, то въ соединеніи съ словами „иногда, обыкновенно“, или удобнѣе и ближе всего съ помощью безличнаго (неспрягаемаго) глагола „бывало“, который, указывая тоже на повтореніе дѣйствія, присоединяется ко всѣмъ временамъ и видамъ спрягаемаго глагола (за исключеніемъ прошедшаго времени однократнаго вида), напр. бывало говорилъ, бывало говаривалъ, бывало говоритъ, бывало скажетъ: ἔλεγεν ἄν или ἔλαξεν ἄν, εἶπεν ἄν (Вулг. Ист. грам. рус. языка, § 188. конецъ) ¹⁾. Сравни § 5. Впрочемъ такой indic. aor. съ ἄν встрѣчается болѣею частію только въ главномъ предложеніи при придаточномъ предложеніи времени съ εἰ или ὅποτε съ optat. (iterativus).

Imperf. съ ἄν: Plato Apol. 22. B.: ἀναλαμβάνων τὰ (τῶν ποιητῶν) ποιήματα διπράτων ἄν αὐτοὺς τί λέγοιεν: я бралъ ихъ стихотворенія и спрашивалъ ихъ (спрашивалъ ихъ бывало), чтѣ они въ нихъ говорить (хотятъ, желаютъ сказать). Xen. Mem. IV. 6. 13: εἰ τις (Σωκράτης) περί τοῦ ἀντιλέγον... ἐπὶ τῇ ὑπόθεσιν ἐπανήγεν ἄν πάντα τὸν λόγον: если кто (бывало) Сократу въ чемъ-нибудь противорѣчалъ, то онъ сводилъ (бывало) весь разговоръ къ основному началу.

Какъ изъ этихъ примѣровъ видно, можно бы безъ существеннаго нарушенія смысла обойтись imperfect-у безъ „ἄν“, такъ же какъ и русскому прошедшему времени продолженнаго вида безъ „бывало“.

Aorist съ ἄν: Xen. An. II. 3. 11: εἰ τις δικοῖη αὐτῷ (Κόρφ) βλαχέειν... ἐπαύεν ἄν: если бывало Кирю казалось (покажется), что кто-нибудь лѣнитса, того онъ бивалъ (бывало билъ, побьетъ) Xen. An. I. 9. 19. и Hell. VI. 2. 28. (πολλάκις... ὅπου μέλλοι ἀριστοποιεῖσθαι,... ἐπανήγαγεν ἄν), гдѣ οὐ... πώποτε ἀρείετο ἄν, не

¹⁾ Частица ἄν, по всему вѣроятію, краткая, обертенная частыи употребленіемъ формы глагола εἶναι быть, именно, кажется, древнѣйшая форма imperfect-a или aorista 3 лица (≡ ἦν), и подходит какъ этимологически, такъ и синтаксически (въ настоящемъ случаѣ) къ русской безличной, употребляемой тоже въ родѣ частицы, формъ бывало, а въ условныхъ предложеніяхъ 2 и 4 формъ такой же усѣченной русской формѣ «бы» (aor. вм. бытъ). См. § 18. II. 3. b и d. Разница: этимологическаго сокращенія та, что Грекъ сокращаетъ количественную долготу (η въ α; въ санскритѣ imper: āvat, āvis, āvit... āvan), между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ отпадаютъ послѣдніе звуки подлинной формы бытъ. Такое же сходство глагольнаго начала замѣтно между греческою условною частицею εἰ (вм. εἴη?) (изъ εἶδν = εἶν, ἔν) и русскою буде вм. будетъ (будъ я..., сеи = есть я). Ср. εἶεν (Dem. IV. 22) будъ, да будетъ такъ хорошо, ладно и замѣтъ также: ὅς ἄν, ὅστις ἄν с. сопі. = что бы ни; ὅταν, ὅποτε с. сопі. = собств. когда бы ни (всѣмъ разъ когда).

отнималъ (бывало не отнимаетъ) и ἐπαγγέλας ἄν объясняется также тѣмъ, что сказано въ § 8 объ аористѣ при обкоте и πολλάκις. Хер. Мет. I. 3. 4: εἰ τι δοξάμεν αὐτῷ (Σωκράτει) σημειῖν κατὰ τὸν θεόν, ἥττον ἂν ἐκείνῳ κατὰ τὰ σημεινόμενα ποιῆσαι ἤ... Если (всякій разъ когда) бывало что-нибудь казалось (покажется) Сократу за указаніе боговъ, то онъ труднѣе (бывало) убѣждался (труднѣе бывало уговорить его) поступить противъ такого указанія, тѣмъ... Thus. VII. 71, 3: εἰ τις ἰδοίεν κη τοὺς σφατέροος ἀκίρατοῦτας, ἀναβάροισιν τε ἂν καὶ πρὸς ἀνάκλησιν θεῶν μὴ στερῆσαι σφᾶς τῆς σωτηρίας ἐτρέποντο: если (всякій разъ когда) нѣкоторые видѣли своихъ побѣждающими на томъ или другомъ мѣстѣ, они снова ободрялись, бывало ободрялись, ободрятся, и обращались къ богамъ съ молитвою не лишать (собств. не лишить, см. § 7) ихъ спасенія. (Въ этомъ примѣрѣ indic. aor. съ ἂν, очевидно, ставится наравнѣ съ слѣд. imperf. ἐτρέποντο и съ другими слѣд. въ текстѣ imperfect-ам). Хер. Суг. VII. 1. 10. 'Οπότε (Κῦρος) προσβλέψαι τις τὸν ἐν ταῖς τάξεσιν, τότε μὲν εἶπεν ἄν,... τότε δ' αὖ ἐν ἄλλοις ἂν ἔλεγον: всякій разъ, когда Киръ смотрѣлъ на нѣкоторыхъ, стоящихъ въ рядахъ, онъ бывало говорилъ (говаривалъ, говорить, скажетъ); дажѣ въ § 14. опять εἶπεν ἄν '). Этотъ случай не надо смѣшивать съ indic. imperf. и aor. съ ἂν для выраженія прошедшей возможности, изложеніе котораго относится къ ученію о наклоненіяхъ въ условныхъ предложеніяхъ. См. Curt. грам. § 508, Кохъ, § 105, 5. Ann. 1.

Э. Черный.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ См. статью С. Шафарова «Объ употребленіи временъ греческаго глагола у аттическихъ писателей, преимущественно у Ксенофонта» въ Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1874.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Руководство къ повторенію (*Repetitorium*) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій. Доктора г. Менге. Обработана примѣнительно къ русскому языку В. Коперницкій, преподаватель Ломжинской гимназіи. I. Вопросы. (VI+112 стр.). II. Ответы (298+XXXIX стр.). Варшава 1876 г.

Книга д-ра Менге: *Repetitorium der lateinischen Grammatik und Stilistik für die oberste Gymnasialstufe und namentlich zum Selbststudium* — появившаяся впервые въ 1873 г., встрѣтила въ педагогическомъ мірѣ весьма сочувственный пріемъ, и уже въ 1874 г. потребовалось второе ея изданіе. Она обработана теперь для русскихъ гимназій г. Коперницкимъ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ д-ръ Менге говоритъ, что побудительною причиною къ составленію его учебника были съ одной стороны всѣми почти преподавателями замѣченныя шаткость и непрочность усвоенія учениками старшаго класса (*Primaer*) основныхъ правилъ латинскаго языка, а съ другой, совершенная невозможность придти къ какимъ бы то ни было положительнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи, если повторять пройденное въ прежнихъ классахъ по тѣмъ руководствамъ, которыя обыкновенно употребляются при изученіи лат. грамматики. Особенности плана и изложенія руководства состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Книга дѣлится на двѣ части; первая заключаетъ въ себѣ краткіе вопросы, вторая даетъ соотвѣтствующіе отвѣты.

2) Грамматическія правила въ синтаксическомъ отношеніи даны въ возможно бѣльшей полнотѣ; что касается этимологій, авторъ ограничился только тѣми ея частями, противъ которыхъ и въ старшихъ даже классахъ нерѣдко погрѣшаютъ ученики.

3) Крім грамматики авторъ обращаетъ особенное вниманіе на стилистику и синониміку, не придерживаясь, впрочемъ, опредѣленной системы. „Грамматика, стилистика и синонимика не составляютъ отдѣльныхъ статей, но за исключеніемъ первыхъ вопросовъ, посвященныхъ предварительнымъ замѣчаніямъ, проведены совмѣстно чрезъ весь курсъ, начиная съ этимологическихъ особенностей языка до ученія о построеніи періодовъ и о 'реторическомъ украшеніи рѣчи. Такъ напримѣръ при вопросѣ *pluralia tantum* указана разница между *epistola*, *litterae* и *codicilli*; при сравнительной степени—разница между *plus*, *amplius*, *magis*; при числительныхъ—разница между *duo*, *ambo*, *uterque* и. т. д." (Руководство г. Коперницкаго, стр. II и III.)

4) „Особенное вниманіе обращено авторомъ не только на количество, но и на выборъ примѣровъ" (стр. III).

5) Для отчетливаго усвоенія правилъ учащимися употреблены различные приемы: или предложено значительное число примѣровъ для перевода съ нѣмецкаго языка на латинскій, или даны предложенія съ вставленными нарочно ошибками для исправленія на основаніи изложеннаго правила, или наконецъ, въ вопросѣ давно нѣскольکو латинскихъ предложеній, а ученику предоставляется, изъ сравненія ихъ, вывести требуемое правило, относящееся къ синтаксису или къ стилистикѣ. Ср. Руководство г. Коперницкаго, стр. II.

Надо сознаться, что книга д-ра Менге вполне заслужила то вниманіе, которымъ она пользуется. Она оказываетъ при повтореніи отличныя услуги ученикамъ высшихъ классовъ, представляя богатый матеріалъ, обработанный почти всегда вполне удовлетворительно. Особенно важно, что въ нее вошло много подробностей, которыхъ въ учебникахъ обыкновенно не находится, а которыя между тѣмъ непременно должны быть извѣстны ученику. Словомъ, это весьма полезный и цѣлесообразный трудъ, и, будучи хорошо обработанъ для русскихъ гимназій, онъ безъ сомнѣнія обогатилъ бы нашу педагогическую литературу. Исполнилъ ли дѣйствительно г. Коперницкій эту задачу? Сомнѣваюсь. Буквально переводить книгу, подобную книгѣ д-ра Менге немисливо, ибо авторъ ея сравниваетъ нѣмецкую грамматику съ латинскою, указывая, гдѣ и когда является разница¹ въ употребленіи правилъ этихъ двухъ языковъ. Г. Коперницкій очевидно и самъ понималъ невозможность буквальнаго перевода, онъ старался кое-гдѣ измѣнить подлинникъ, и, надо отдать ему справедливость, иногда довольно успѣшно. Тѣмъ не менѣе у него много несообразностей, доказывающихъ, что подобныя сочиненія требуютъ

не дословнаго перевода, а основательной передѣлки и обработки. Въ вопросахъ и отвѣтахъ, относящихся къ латинской этимологіи, можно было бы, пожалуй, оставить безъ переѣвы то, что приведено въ нѣмецкомъ подлинникѣ; но совершенно другаго требуютъ отдѣлы, которые касаются синтаксиса, стилистики и синонимики. Здѣсь необходимо сообразоваться съ духомъ русскаго языка, незначительныя измѣненія ни къ чему тутъ не ведутъ. Такъ напримѣръ г. Коперниціи предостерегаетъ русскаго ученика отъ такихъ ошибокъ, которыя ему не придутъ и въ голову. Онъ совѣтуетъ 274,7 и 372,5 не переводить „то—то“ (bald—bald) чрезъ „тох—тох“; 266, 2 говорить, что не слѣдуетъ переводить русскаго „уважать“ (achten) чрезъ aestimare; 321, 1 предостерегаетъ употребить предлогъ cum при переводѣ предложенія: Порсена окружилъ городъ войсками. Иногда переводчикъ старается сохранять содержаніе правила, выставленнаго д-ромъ Менге для нѣмецкаго ученика, только слегка измѣняя его и въ концѣ концовъ оказывается, что правило становится неудобнымъ ни для Русскаго, ни для Нѣмца. Менге, напримѣръ, 244 спрашиваетъ: In welcher Weise wird im Lateinischen das unbestimmte Pronomen „man“ übersetzt?—и предлагаетъ при этомъ въ отвѣтъ соотвѣстственныя выраженія. Г. Коперниціи приводитъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „какъ переводится на латинскій языкъ безличныя выраженія?“, и затѣмъ въ отвѣтъ даетъ почти дословный переводъ нѣмецкаго подлинника, употребляя вм. „man“—„безличныя выраженія“, именно: „Безличныя выраженія переводятся, на латинскій языкъ слѣдующимъ образомъ: 1) Весьма рѣдко посредствомъ quis, quispiam, aliquis... 2) Страдательными формами личными и безличными.... 3) Третьимъ лицомъ множ. числа дѣйствительнаго залога.... 4) Первымъ лицомъ множ. числа. 5) Вторымъ лицомъ единственнаго числа.... 6) Неопредѣленнымъ наклоненіемъ“...

Несообразности въ этомъ 244 отвѣтѣ очевидны. Въ 1-мъ пунктѣ, между прочими примѣрами, мы читаемъ: praeclare Socrates—esse, si quis id ageret и т. д. По русски это надобно перевести такъ: „если кто имѣетъ въ виду“ или „если имѣешь въ виду“. Неужели фразу съ мѣстоименіемъ „кто“ или со вторымъ лицомъ („имѣешь“) можно называть безличною? Также нельзя согласиться съ пунктами 2, 3, 4, 5, долженствующими служить отвѣтомъ на вопросъ „какъ переводятся безличныя русскія выраженія?“ потому что почти во всѣхъ этихъ пунктахъ поставлены личные выраженія, то-есть или 3-е лицо множ. ч. („хвалить“), или 2-е лицо ед. ч. („читаешь“), или мѣстоименіе

„кто“ („могъ бы кто сказать“). Совершенно неуместенъ пунктъ 6-й. Въ приведенномъ адѣсь примѣрѣ: *Ignoscere amico humanum est* (прощать друга — гуманно) конструкция совершенно соответствуетъ русской: подлежащее выражено неопределенною формою (*ignoscere* — прощать), сказуемое — прилагательнымъ среднего рода, гдѣ же, спрашивается, „безличное выраженіе?“ Подобныхъ правилъ, непонятно изложенныхъ, въ книгѣ г. Коперницкаго не мало.

Значительнымъ недостаткомъ книги г. Коперницкаго считается имъ также то, что авторъ очень часто переводитъ съ нѣмецкаго примѣры далеко не точно, вслѣдствіе чего форма приведенныхъ имъ примѣровъ не соответствуетъ данному правилу. Нужно иногда посредствомъ примѣровъ выяснить какую нибудь особенность латинской рѣчи сравнительно съ русскою (Менге въ такихъ случаяхъ особымъ шрифтомъ обозначаетъ слово или выраженіе, представляющія затрудненіе). Г. Коперницкій часто даетъ эти фразы въ такомъ переводѣ, который по смыслу, правда, соответствуетъ латинскому тексту, но вовсе не подходитъ къ требованіямъ правила. Приведемъ доказательства. Въ № 291 предлагается вопросъ: „какъ перевести нарѣчія: „только, дѣйствительно, уже“ въ слѣдующихъ предложеніяхъ?“ Затѣмъ слѣдуютъ 14 предложеній, но во 2, 5, 8, 13 не встрѣчается ни одного изъ приведенныхъ словъ: 2) „Рѣдко случается“ (*Menge: nur selten geschieht* см. 5) „Къ сказанному выше я прибавлю одно“ (*M.: zu dem schon oben gesagten will ich nur noch einen Punkt hinzufügen*). 8) „Хотя я и богатъ, такъ какъ богатъ, однако же не много радостей веселитъ меня въ жизни моей“ (*M.: Wenn ich auch reich bin, wie ich es ja wirklich bin, so wird doch mein Leben nur durch wenige Freude erheitert*). Въ 281 вопросъ говорится: „Предложеніе „лѣтѣхъ обыкновенно поютъ тогда, когда собирается на (?) дождь“, переводится такъ: *Galli, cum pluvia instat, canere solent*; по этому образцу и въ слѣдующихъ предложеніяхъ русское нарѣчіе перевести глаголомъ“. Изъ заданныхъ затѣмъ предложеній не подходитъ 12-е, ибо въ немъ нѣтъ нарѣчія, а именно: 12) Такъ какъ людямъ не хотѣлось уставать хода пѣшкомъ, то они изобрѣли повозки (*M. weil man sich durch Gehen nicht gern müde Füße macht, so hat man Kutschen erfunden*), по латыни: *Quia homines pedibus eundo defatigari nolunt* (время настоящее, а въ русскомъ текстѣ: хотѣлось), *curgus inventi sunt*. Подобныя небрежности встрѣчаются, къ сожалѣнію, очень часто; г. Коперницкій легко могъ бы ихъ избѣгнуть, если бы, выѣстъ съ Менге, отыѣтилъ данное слово особымъ шриф-

томъ. Какъ эти примѣры, такъ и многіе другіе, къ сожалѣнію, доказываютъ, что работа г. Коперницкаго сдѣлана наскоро. Иначе тѣмъ объяснить слѣдующее (311-й вопросъ): „Предложеніе „считаю его моимъ другомъ“ правильно ли перевести: „*est amicum habeo*“? Отвѣтъ: „неправильно, потому что „*est amicum habeo*“ значитъ: „считаю его другомъ“.

Укажемъ еще на одинъ, уже не случайный недостатокъ учебника, а именно въ немъ не обращено достаточнаго вниманія на особенности русскаго языка. Г. Коперницкій не сказалъ ничего о двойномъ отрицаніи въ русскомъ языкѣ, объ употребленіи неопредѣленной формы въ такихъ, напр., предложеніяхъ, какъ: „что сказать? если сказать и т. д.“, не предостерегъ отъ ошибокъ, которыя дѣлаютъ у насъ ученики даже старшихъ классовъ въ своихъ латинскихъ переводахъ. Слѣдовало бы, напримѣръ, предостеречь ученика отъ перевода русскаго дѣспричастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога посредствомъ *part. pass.*, напр. *dictus* (сказавъ) *alii*, также какъ и отъ невѣрнаго употребленія *inf. fut. act. im. pass.* въ такихъ, напримѣръ, предложеніяхъ, какъ: *sperabat urbem capturam esse im. captum iri*, или отъ неправильнаго образованія *abl. abs.*, какъ, напримѣръ, *ocasso sole* (послѣ захода солнца). Подобныя ошибки перѣдко встрѣчались намъ (безъ сомнѣнія, и другимъ преподавателямъ) въ ученическихъ упражненіяхъ.

Не смотря на все это, книга г. Коперницкаго заключаетъ въ себѣ много хорошаго и въ теперешнемъ своемъ видѣ, ибо даетъ преподавателю много полезныхъ указаній и весьма обильный матеріалъ. Можно поэтому пожелать ей широкаго распространенія въ нашемъ педагогическомъ мірѣ. Своими замѣтками мы имѣемъ въ виду не отрицать заслуги г. Коперницкаго, а только указать на тѣ слабыя стороны его труда, которыя скорѣе запутаютъ ученика, вмѣсто того, чтобы помочь ему.

Начнемъ прежде всего съ опечатокъ, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя можно отнести и къ опискамъ. Вотъ тѣ опечатки, которыя не указаны самимъ авторомъ:

Въ первой части:

45. *Atre-us*, слогъ *us* неправильно перенесенъ.

91, 11, стрижа *im.* стража.

94, 15 негодный нищій *im.* негодные нищіе.

110, 9 *Θεμιστοκλς* *im.* 6) *Θεμιστοκλς*; кромѣ того, въ этомъ предложеніи пропущено слово „ночью“.

- 124, 10 Посидоній вм. Посидоній.
 124, 31 на пятый день вм. на третій день.
 178, 3 ними вм. ими.
 185, 2 повиновать вм. повиноваться.
 194, 22 пропущено: ни даже Цицерону.
 199, 10 связываетъ вм. будетъ связывать.
 206, 8 многихъ вм. всѣхъ.
 206, 10 Лерхфельдъ, Menge: Leebfeld.
 212, 10 пропущено придаточное предложение (ad quos erimus artissimi).
 216 пропущено 10-е предложение..
 245, 5 ними вм. ими.
 248, 1 смѣлъ вм. смѣя.
 249 animi litteris excolere—не переведено на русский языкъ.
 273, 3 пропоютъ вм. пропѣли, начнутъ вм. начали.
 284, 5 пропущено: нежели.
 411, 18 Цезарь (во второй части: Gustavus Adolphus).
 415, 2 въ предложениі: „какая польза отъ всѣхъ напоминаній“
 пропущено слово: была (quid profecerunt).
 463, 2 dunditus вм. funditus.
 470 съ предлогомъ „для“ вм. съ предлогомъ „для“ или „на“.
 512, 7 пропущенъ переводъ предложениі: Permutae sunt aves,
 quae sedes suas certis commutant temporibus, см. ч. II, 512, 7.
 513, 10 пропущено слово: еще (etiam).
 514, 49 не достаесть въ русскомъ переводѣ словъ: neque creditae
 pecuniae solverentur.
 527, 3 изъ Ариннумъ вм. изъ Ариннума.
 Во второй части:
 26. Во многихъ словахъ надъ гласными поставленъ знакъ вм.
 знака ‘; effudit выказываетъ вм. выкапываетъ; gererimus, правильнѣе
 gererimus, см. отв. 20 и Neue Formenlehre II, р. 470 sqq.
 38, 1. При этомъ слѣдуетъ замѣтить употребленіе слова mater,
 вм. при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что слово mater часто употреб-
 ляется.
 39, прим. oi кері вм. oi кері.
 90, 4 carceres, пропущено значеніе: темницы.
 90, 19 sort и въ ед. числѣ имѣетъ значеніе: жребій.
 101, 2—etum, присоединенное къ названію растенія, вм. растенія
 или дерева.

101, 12 чѣмъ снабженъ, вм. чѣмъ кто снабженъ.

101, 13 пропущенъ переводъ латинскихъ словъ.

101, 14 пропущенъ переводъ слова *tribunicius*.

108 предъ словомъ *Rixantes* пропущено 5).

115 подъ конецъ: *ad tantum audacia (procedere)*, вм. *tantum audacia*.

121 а) слова: „(но при тѣхъ *pluralia tantum*, которыя обозначаютъ нѣсколько предметовъ, употребляются коренныя числительныя, на примѣръ *duo liberi*)“ слѣдуетъ здѣсь пропустить и поставить въ отвѣтъ 124, 15.

124, 2) *semis* (несклоняемое, родительный *semissis*) вм. *semis* (несклоняемое или родительный *semissis*).

124, 19 *quotuplex*, пропущенъ переводъ на русскій языкъ.

143 слѣдуетъ вычеркнуть 8-е предложеніе.

156, 3 и 4 *ἐρρωδε* вм. *ἐρρωδε*.

159 подъ конецъ: *Particip. excitus* (*excitus* „котораго спугнули), вм. *excitus* „вызванный“ (*excitus* „котораго спугнули“).

185 пропущено: 7) послѣ слова *evenisse*.

205, 7 предъ словомъ: „остается“ пропущено: часто.

218 *Thebae* (*vae*), *quae caput sunt Boeotiae* — тѣ *Θιβας*, которыя были главнымъ городомъ Беотіи, вм. тѣ *Θιβας*, которыя — главный городъ Беотіи.

220, строка 3 св.: „въ предложеніи оно (*aliquis*) обыкновенно имѣть утвердительный смыслъ“, вм. обыкновенно оно употребляется въ предложеніяхъ утвердительныхъ.

220, строка 9 см.: *quispiam* сущ. вм. *quisquam* сущ.

224 *nequi*, вм. *ne qui*.

225, 10 *dicet quisquam*, вм. *dicet quispiam*.

226 *quidem*, вм. *quidam*.

232, прим. 1. а) въ предыдущемъ предложеніи, вм. въ предыдущемъ придаточномъ предложеніи.

238, прим.: „Еслибы произошла двусмысленность чрезъ употребленіе *suus*, или когда мѣстоименію не придается особенной силы, то употребляется *eius* (что значило бы: *in nido suo*)“, послѣ слова: *eius* пропущена цѣлая строка, именно: „напримѣръ *accipiter columbam cepit in nido eius*“ (—что значило бы и т. д.).

239, 6 *Stulti non vident, quantopere arrogantia sua* (но не *eorum*, такъ какъ предложеніе не есть внутренне зависящее) *aliis sit deri-*

sui, вм. такъ какъ предложеніе есть внутренне зависящее. Эта ошибка, впрочемъ, находится и у Менге.

282, прим. 3, предъ. предложеніемъ *haec epistolam hodie primum legi...* пропущено: с).

283, 18 *Ganymedes ab aquila sublimi ablatu est*, вм. *sublimis* (cf. Menge), или лучше, по образцу Цицерона: *sublime* cf. Krebs *Antibarbarus* in v. *sublimis*.

301, с. *Cimon incidit in eandem invidiam quam pater suus*, вм. обыкновеннаго: *pater eius*, cf. H. Meusel, *Jahn's Jahrbücher für Philol. u. Pädagogik*. 1873, V. p. 223, и Руководство г. Коперницкаго, ч. I, 302, 8, гдѣ находится это же предложеніе въ слѣдующей формѣ: *Cimon incidit in eandem invidiam, quam pater eius*.

324, 1 *Alexander—Nephaestionem — — amavit — — atque eum suum quoque Alexandrum esse professum est* (А. любилъ Гефестіона и признавалъ его также Александромъ), *suum* quoque неправильно, вм. того слѣдуетъ читать, какъ у Менге: *Alexander—Nephaestionem... amavit... atque eum ipsum quoque Alexandrum esse professum est* (nur sage von ihm, er sei auch A.), или же: *eum item Alexandrum esse professus est*.

327, 12 въ концѣ: *exercitatus ex aliqua re* „измученный, испытанный чѣмъ“, вм. *exercitatus aliqua re*.

338, 14 Разослать гонцовъ по городамъ, *nuntios circum urbes mittere*, вм. по окрестнымъ городамъ.

395, строка 1 св.: „при приложеніи, употребленномъ въ сравненіи“, слѣдуетъ пропустить слова: употребленномъ въ сравненіи.

417, прим. 2. *эйкер* вм. *эйкер*.

418, 2 *iniura* вм. *iniuria*.

422, 1 *molita* вм. *mollita*.

422, 2 *Corinthus, ut quae cum Achaeorum societatem fecisset, delata est*, вм. *societate*.

426, 3. (При *antequam* и *priusquam* ставится) *coniunct. imperf.* или *plusquamperf.*, если въ главномъ предложеніи стоитъ *perf. historicum*, также если дѣйствіе есть цѣль подлежащаго, вм. и если дѣйствіе и т. д.

430 *prohibeo* вм. *prohibeo*.

431, 7 *Moscovia* (точно также у Менге), напротивъ же 553, 1 *Mosquae fui*: здѣсь у Менге названіе другого города, именно: *Berglini fui*.

449, прим. не сдѣлано ссылки на 143 b.

461, 1 послѣ non dubito часто ставится Acc. с. Inf., вмѣсто: иногда ставится.

461, 10. Если при глаголѣ *ratio* находится отрицаніе, то часто ставится *ut* вм. Acc. с. Inf., вм. иногда ставится *ut*.

469 подъ конецъ: и вмѣсто *legati missi sunt consultum Apollinem* говорится *ut consulerent Apollinem*, вм. *ut (qui) consulerent Apollinem*.

512, прим. *Libido magis est adolescentium quam senum* („юность, старческий возрастъ“), вм. („свойственна болѣе юности, чѣмъ старческому возрасту“). — — — *Consilia atque facta*, образъ мыслей, вм. „образъ мыслей и дѣйствій“.

515, 2 *ergo* вм. *ergo*.

550. „При нѣкоторыхъ глаголахъ — — — — ставится мѣстоименіе среднего рода, или прилагательное, употребляемое въ смыслѣ существительнаго и какъ-бы замѣняющее собою нарѣчіе или обстоятельственное предложеііе“; вм. — — — ставится винительный падежъ среднего рода мѣстоименій или прилагательныхъ, употребляемыхъ — — — и какъ бы замѣняющихъ собою нарѣчіе или обстоятельственное выраженіе.

554. *Desse* вм. *Deesse*.

554, 5 *Ante Livii tempora historia litteris Latinis defuit*, вм. *afuit*, (cf. Cic. de legg. 1, 2, 5); если здѣсь поставить *defuit*, то совсѣмъ не будетъ примѣра на *abesse*, а между тѣмъ въ настоящемъ § указывается разница между *deficere*, *desse* и *abesse*.

556, 3 подъ конецъ: также говорится и *gratus alicui* „пріятный всякому“ и *in vulgus gratus*; вм. и *gratus alicui* и *in vulgus gratus* „пріятный всякому“.

557. *Hic adolescens est patris similis* „совершенно похоже“, вм. похоже.

583, 1. *Rudis (peritus, prudens)* рѣдко сочиняются съ творительнымъ вмѣсто родительнаго; вм: сочиняются съ предлогомъ *in* и творительнымъ падежомъ, вм. родительнаго.

610. Въ страдательномъ залогѣ важно иногда отличать соединеніе *partic. perf pass.* съ *est*, *erat*, *esse* отъ соединенія его съ *fuit*, *fuerat*, *fuisse*; въ первой строкѣ слѣдуетъ пропустить слово: иногда.

612, VI нужно пропустить „слѣдовало бы“, потому что это выраженіе относится къ 612, I.

620, 6 Въ придаточныхъ внутренно зависящихъ предложеііяхъ, выражающихъ слѣдствіе, причину, уступленіе и т. д., вм. въ придаточныхъ, внутренно не зависящихъ предложеііяхъ, и т. д.

Въ слѣдующихъ словахъ и выраженіяхъ г. Конверникій погрѣшаетъ противъ духа русскаго языка, а иногда обнаруживаетъ непониманіе подлинника.

Въ 1-й части:

20. „Что должно разумѣть объ удвоеніи“!

396, 15 Корнелій Немотъ повѣствуетъ, что какъ имъ дозволено было Аттікѣ.

198, 11. Я могъ бы здѣсь привести много примѣровъ удовольствій деревенской жизни, но замѣчаю, что и приведенные мною слѣдуютъ продолжительнымъ. Отв. 198, 11: Possum hoc loco persequi multa oblectamenta regum gusticorum; sed ea ipse, quae dixi, sentio fuisse longiora. Сравненіе латинскаго перевода съ русскимъ текстомъ, кромѣ того, показываетъ что они не вполне согласны между собою.

271, 8. Vide, quam non cupidus sim rixandi („какъ мало или не много“).

306, 27 „служить на лошади“— equo merere.

336, 1. „Кушать за домомъ.“ Отв. 336, 1. Foris (=extra domum) cenare. Menge: ausser dem Hause speisen.

350, 22. „Вывести корабль на сушу“. Отв. 350, 22 Naves (in aridum) subducere.

Во 2-й части:

84, 6 „Штука денегъ“—Geldstück.

84, 10. Quid tandem—„что съ собою, миръ, was in aller Welt; см. 173, 1, гдѣ вѣрно сказано: „tandem ставится часто при вопросахъ, дѣлаемыхъ съ удивленіемъ, въ смыслѣ—же, именно—же, собственно—же наконецъ“.

126. „Рѣдко только (mille) — — — употребляется подобно русскому „тысяча“, какъ существительное и сочиняется съ родительнымъ раздѣлительнымъ (!); именно встрѣчается часто mille passuum“.

156, 7 Aprage — — — „прочъ съ...“ Menge: weg mit...

280 „минутно“ Menge: augenscheinlich (вм. очевидно).

309, 6. Въ переносномъ значеніи (pro) совпадаетъ съ русскимъ „за“ а) — — b) въ—значеніи замѣщенія, представительства (нѣм. Stellvertretung), русское „какъ, какъ будто“.

226. „Для обозначенія дальнѣйшаго происхожденія (въ внуки) въ хорошей прозѣ употребляется ortus (oriundus) ab aliquo“; (вм. для обозначенія дальнѣйшаго потомства).

338, 2. „Verba facere apud senatum „говорить предъ сенатомъ“,

„имѣющимъ политическое или судебное значеніе“. Menge: Wenn der Senat die entscheidende, richtende Gewalt hat.

512 прим. Venena—„отравительство“ (1).

544. „Reddere означаетъ получить или найти что въ извѣстномъ состояніи и возвратить это въ измѣненномъ видѣ; оно съ особенною силою указываетъ на послѣдовавшее измѣненіе, при чемъ однако же нѣтъ надобности имѣть въ виду лицо, произведшее эту перемену“.— Г. Коперницкій совершенно не понялъ этого мѣста. Въ подлинникѣ сказано: dabei ist es aber nicht nöthig dass Jemand die Herbeiführung beabsichtigt hat, то-есть при чемъ однако нѣтъ надобности, что бы кто нибудь преднамѣренно произвелъ эту перемену.

Перейдемъ къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ латинскія слова переданы невѣрно или неточно.

37 bellum geregere—объявить войну, тоже 445, 45, 514, 37.

94, 10 conviva—собесѣдникъ.

100: „bellum Africanum, война веденная въ Африкѣ“. Это неточно, такъ какъ bellum Africum также обозначаетъ войну, веденную въ Африкѣ. Относительно разницы этихъ выраженій (bellum Africanum u bellum Africum) см. Haacke, Lateinische Stilistik, 2. Auflage, p. 75.

101, 2 arbustum—виноградная роща.

123 singularis—одинокій.

163, 4 fodicare—царапать землю (см. колотъ).

249, 6. Tibi non licet postulare, ut magister ad tuam voluntatem se accomodet, въ первой части невѣрно переведено: чтобы учитель омылся на тебя.

255 pedetentim „шагомъ“, между тѣмъ какъ 274, 13 переведено вѣрно чрезъ: шагъ за шагомъ.

259. Tunc переведено невѣрно чрезъ: тогда въ то самое время.

271 сказано: „parum никогда не значить мало“. Это невѣрно, потому что русское „мало“ имѣетъ два значенія: 1) non multum, 2) parum (=non satis) не довольно. Впрочемъ самъ г. Коперницкій 271, 12 переводитъ фразу: ты мало масла налилъ въ лампу—parum olei luminis instillavisti. 283, 5: Работа, за которую принимаешься неохотно, обыкновенно бываетъ мало успѣшна—opus, quod inviti facimus, parum succedere solet.

278: magis mulier „болѣе всего женщина“ (Menge: Weil in einem höheren Sinne).

278 maior mulier „большая женщина“. Здѣсь надо замѣтить, что

о ростѣ не говорится *magnus*, а *longus*; — *parvus vir* „небольшой мужчина”: не *parvus*, а *brevis* употребляется о ростѣ.

285, 6 „*Verbo tenuis* — „придерживаясь буквального значенія, не дѣйствительнаго”. Переводъ не вѣрнъ. Ср. *Liv. 34, 5 in nos consul magis verbo tenuis iecit, quam ut re insimularet.*

516, 6 *in artum compelli*—быть доведено до крайности (им. быть поставленнымъ въ затруднительное положеніе).

520 прим. 2 и 524 *proditio atque ignavia* переведено не точно: „гнусная измѣна”,

523, 6. *prudencia* — „практическій смыслъ” вм. умъ; 17) *gravitas* „исполненное достоинствомъ обращеніе” (*Menge: würdevolle Haltung*); 26) *levitas*—„легкомысленное существо” (*leichtsinniges Wesen*); 31) *severitas*—„серьезный видъ” (*ernste Natur*).

Иногда г. Конерницкій въ формѣ вопросовъ отступаетъ отъ вопросовъ, приведенныхъ Менге, слѣдствіемъ чего является ихъ неточность. Такъ напримѣръ 48-й вопросъ слишкомъ обобщенъ и не соответствуетъ помѣщенному во 2-й части отвѣту.

Менге предлагаетъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: *Welche doppelte Genetivform kann man von folgenden Eigennamen bilden: Achilles, Demosthenes, Neocles, Themistocles, Artaxerxes, Ulixes, Ariobarzanes?* Отвѣтъ: *Solche griechische und barbarische Eigennamen, die auf es endigen und Parasyllaba sind, bilden den Genetiv ebenso wohl auf is wie auf i.* Г. Конерницкій же спрашиваетъ такъ: Какія существительныя могутъ имѣть двойное окончаніе родительнаго падежа? Не смотря на это измѣненіе вопроса, онъ во 2-й части даетъ дословный переводъ по Менге, хотя въ немъ ужъ не заключается полного отвѣта на вопросъ: какія существительныя могутъ имѣть двойное окончаніе родительнаго падежа? — 223 спрашивается: „что значить *sine ulla exceptione*”? Въ слѣдующихъ за тѣмъ примѣрахъ ожидается русское „безъ исключенія”, между тѣмъ, какъ это выраженіе ни въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ не встрѣчается.—356 по формѣ вопроса (какія выраженія употребительны въ хорошей прозѣ вмѣсто *eo tempore, ea aetate; magna ex parte, maxima ex parte?*” *Menge (wie kann man statt eo tempore.... auch in guter Prosa sagen?)* можно было бы заключить, будто *eo tempore etc.* въ хорошей прозѣ неупотребительны.

Теперь обратимся къ тѣмъ недостаткамъ, на которые мы уже указали выше и которые нужно отнести къ весьма серьезнымъ. Прежде всего встрѣчаются вопросы, примѣчанія и правила, имѣю-

щія существенное значеніе для ученика-Нѣмца, но совершенно бесполезныя и даже непонятныя для Русскаго.

38, 3 „Переводится ли „родоначальникъ“ посредствомъ *pater gentis*?“ Почему Менге предлагаетъ вопросъ: *heist „Stammvater“ pater gentis*—понятно, но какой смыслъ имѣетъ вышеприведенный вопросъ въ книгѣ, назначенной для русскихъ учениковъ?

120, 10 Примѣчаніе о нарѣчій *iam* здѣсь не имѣетъ смысла. Менге въ 120 § даетъ наставленіе о томъ, какъ нѣмецкое „*mehr*“ въ различныхъ его значеніяхъ переводится по латини. Но такъ какъ нѣмецкое „*nicht mehr*“, латинское „*iam non*“, буквально по русски значить „уже не“, то-есть русское выраженіе въ данномъ случаѣ вполне соответствуетъ латинскому, то это примѣчаніе, какъ и предложенія 10, 14, 17, 18, совершенно излишни.

190, 2 „Указать ошибку въ предложеніи: *Considius in exercitu Sullae et postea in eo M. Crassi fuerat*“. Ошибку *in eo M. Crassi* русскій ученикъ никогда не сдѣлаетъ.

193 спрашивается: предложеніе: „никто не вѣритъ лжецу“ правильно ли перевести: „*nullus mendaci homini credit*“? Вопросъ этотъ бесполезенъ, ибо по русски въ данномъ случаѣ такъ же нельзя сказать „никакой“, какъ по латинѣ *nullus*; то же слѣдуетъ замѣтить о 237 вопросѣ: „Правильно-ли предложеніе: ты мнѣ не доставилъ особенно пріятнаго извѣстія“, перевести слѣдующимъ образомъ: *nullum iucundissimum nuntium mihi attulisti*?“

194. Менге предлагаетъ большое число примѣровъ на употребленіе слова *ipse*, потому что нѣмецкое *selbst* не склоняется. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ „самъ“ (какъ и въ латинскомъ *ipse*) склоняется, то большую часть этихъ примѣровъ можно было опустить.

Отвѣтъ 244. Вопросъ поставленъ такъ: „Какъ переводить подобныя безличныя неопредѣленные русскія выраженія: 1) Дѣло дошло до битвы, до драки. 3) Дѣло дошло до того, что — —. 6) Дѣло лучше, нежели я думаю“. Какимъ образомъ въ данныхъ выраженіяхъ можетъ быть рѣчь о „безличныхъ“ выраженіяхъ, если подлежащее ихъ „дѣло“ ясно обозначено и на латинскій языкъ переведено чрезъ *res*?

264. Здѣсь говорится о разницѣ въ значеніи словъ *frustra*, *nequiquam*, *gratis* и *gratuito*. Последнее предложеніе: „*Gratis* или *gratuito* „даромъ“, то-есть безвозмездно, не получая и не давая вознагражденія“ надо было выбросить, ибо по русски нельзя смѣшивать *gratis* съ *frustra* и *nequiquam*.

321. Здѣсь предостерегается ученикъ отъ неправильнаго употребленія предлога *cum*. Первый примѣръ совершенно сюда не подходитъ, ибо предложеніе: „Порсена окружилъ городъ большими войсками“ ученикъ не станетъ переводить: *Porseua urbem cum magnis copiis cinxit*.

419 спрашивается: „что слѣдуетъ замѣтить объ употребленіи *tantum abest ut—ut?*“ Отвѣтъ: „Если бы предложеніе: я не только не думаю порицать тебя, но даже хвалю тебя, перевести: *tantum absum, ut te reprehendam, ut te potius laudem*, то въ этомъ переводѣ было бы двѣ ошибки:.... потому что.... нужно помнить, а) что оно употребляется всегда безлично, и б) что во 2-мъ предложеніи не ставится *potius*, а только — *contra* или *etiam*“. Все это хорошо, но сказанное о *potius* для русскаго ученика совершенно излишне, ибо въ подобныхъ предложеніяхъ нѣмецкое *vielmehr* по русски все не выражается.

427, 8 „Древніе языки преподаются.... не для того, чтобы какой нибудь народъ употреблялъ который изъ нихъ, какъ отечественный. „*Linguae antiquae traduntur, non quo gens ulla altera ex iis tanquam patrio (но не materno) utatur sermone*. Какимъ образомъ русскому ученику придетъ въ голову *отечественный* (родной) языкъ переводить посредствомъ *maternus sermo* (*Muttersprache*)?

603, 1 находится слѣдующее правило: „въ русскомъ языкѣ будущее время замѣняется настоящимъ и на оборотъ; въ латинскомъ языкѣ для выраженія будущаго дѣйствія употребляется *Futurum*“. Изъ этихъ словъ можно вывести, будто замѣна будущаго времени настоящимъ столь же обыкновенна, какъ въ нѣмецкомъ. Что это не такъ, видно уже изъ того, что изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Коперницкимъ только одинъ „завтра отправляемся“ удовлетворяетъ сказанному правилу.

612. V. „Изъявительное накл. употребляется иногда въ латинскомъ языкѣ тамъ, гдѣ въ русскомъ сослагательное, а именно: V при *siue—siue* (*seu—seu*) „или—или“; „положимъ что—или что:“ въ русскомъ языкѣ тоже изъявительное. Самъ авторъ въ V правилѣ § 612-го говоритъ, что въ этомъ случаѣ русскій языкъ согласуется съ латинскимъ, между тѣмъ какъ въ § 612 хочетъ перечислить случаи, въ которыхъ латинскій языкъ отступаетъ отъ русскаго. Здѣсь очевидное противорѣчіе и рѣшительно не понятно, для чего правило о „*siue—siue*“ помѣщено въ § 612.

Другой весьма важный недостатокъ книги г. Коперницкаго со-

стоитъ въ томъ, что примѣры неудобны, ибо имъ не придана цѣлесообразная форма. Видѣсто формы, въ которой выражались бы особенности русскаго языка предъ латинскимъ, переводчикъ часто выбираетъ такую, которая вполне согласна съ строемъ латинской рѣчи. Ученикъ такимъ образомъ лишается возможности упражняться въ особенностяхъ латинской рѣчи и примѣры теряютъ для него надлежащее значеніе. Иные примѣры неумѣстны потому, что особенности русскаго языка потребовали измѣненія нѣмецкаго подлинника и переводчикъ, удерживая смыслъ, придавъ имъ такую форму, что они совсѣмъ не подходятъ къ тѣмъ правиламъ, въ связи съ которыми поставлены.

39 б. Г. Коперницкій говоритъ: „Приложить къ слѣдующимъ примѣрамъ правила о существительныхъ на *tor (trix)*, изложенныя въ § 39“. Желательно было бы изложить примѣры въ такой формѣ, чтобы ученику можно было призадуматься надъ ними. Для этого необходимо, чтобы число примѣровъ, въ которыхъ русскій языкъ отступаетъ отъ латинскаго, превышало число тѣхъ, въ которыхъ согласуются оба языка. Совершенно иначе смотреть на это г. Коперницкій: изъ 21 приведенныхъ имъ примѣровъ только три (именно 7, 8, 20) отступаютъ отъ латинскаго языка, при чемъ 7-е предложеніе заключаетъ въ себѣ ошибку: вм. „танцорка“ мы читаемъ „танцовщица“. (Сестра моя, хотя и страстная *танцовщица*, рѣшилась однако совершенно отказаться отъ танцевъ. По латыни: *Soror mea cum summo saltandi studio teneatur, tamen—saltando nunc prorsus desistere constituit*).

106. Предлагается вопросъ: „что слѣдуетъ замѣтить объ употребленіи *substantiva verbalia* на *io*“? — По плану сочиненія должны были бы за этимъ слѣдовать такіе примѣры, въ которыхъ встрѣчались бы русскія отглагольныя существительныя, чтобы ученикъ могъ упражняться въ томъ, гдѣ употребить *substantiva verbalia* на *io*, и гдѣ нѣтъ. Сюда не подходятъ 106, 7 (порохъ, говорятъ, изобрѣтенъ Вертольдомъ Шварцомъ) и 13 (Марсель основана Фокеянами), ибо въ нихъ нѣтъ отглагольнаго существительнаго. Къ примѣру 4-му: „солдаты съ трудомъ удержались на позиціи“ не излишне было бы прибавить, что *positio* встрѣчается только у позднѣйшихъ писателей, да и то не въ значеніи „позиція“.

216. Въ первой части: „Перевести: 1) Васъ мало. 2) Васъ не больше ста. 3) Римскія трибы, которыхъ было 35, дѣлились на городскія и сельскія. 8) Прошу тебя прислать мнѣ нѣсколько книгъ,

какія есть у тебя". Во второй части: „При переводѣ этихъ предложений было бы большою ошибкою родительные... „насъ“, „васъ“, „которыхъ“ передавать родительнымъ же и на латинскомъ языкѣ“. 8-е предложение („какія есть у тебя“) совсѣмъ сюда не подходитъ, потому что и въ русскомъ языкѣ нѣтъ родительнаго падежа.

227. Вопросъ: „какимъ образомъ въ латинскомъ языкѣ смягчается рѣзкость картинныхъ выраженій?“ Слѣдующій за тѣмъ примѣръ: „Наполеонъ держалъ покоренные народы подъ тяжелымъ гнетомъ рабства“ не совсѣмъ удаченъ, ибо въ латинскомъ языкѣ это (употребленное въ русскомъ примѣрѣ) картинное выраженіе весьма употребительно безъ всякаго смягченія, напр. Cic. dom. 51, 13: civitatem oppressam tenere servitute. Переданное въ латинскомъ переводѣ болѣе рѣзкое выраженіе: *ferrea quadam servitute* въ русскомъ языкѣ не обозначено.

247. Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, какъ выразить по латыни частицы „то“, „то—и“, нарѣчія „именно“ и другія, прибавляемыя въ русскомъ языкѣ къ слову извѣстному въ предложеніи, чтобы придать ему болѣе значенія и силы. Изъ приведенныхъ примѣровъ совершенно не подходятъ 1 и 8, такъ какъ въ нихъ нѣтъ означенныхъ выше приставокъ. 1) „Одна религія удерживаетъ въ разумныхъ предѣлахъ стремленіе къ благамъ земнымъ“; латинскій переводъ: *Religio una humanarum rerum studium sapienter coërcet*. 8) „Почти эти самые доводы приведены Платономъ“: „*haec fere rationes afferuntur a Platone*“. Въ этомъ предложеніи невѣрно сверхъ того и то, что русское „эти самые“ по латыни передано чрезъ „*haec*“.

248. Изъ приведенныхъ примѣровъ этого §, одинъ только 2-й относится къ отдѣлу мѣстоименій; г. Коперницкій, впрочемъ, въ виду требованія русскаго языка, измѣнилъ слова Менге, который говорить (248 Frage): *Wende in folgenden Sätzen, um eine grössere Bestimmtheit des Ausdrucks zu erreichen, statt des deutschen Relativs im Lateinischen eine Conjunction an*. Иначе выражается г. Коперницкій: „Въ слѣдующихъ предложеніяхъ русское дѣпричастіе или причастіе, замѣняющее относительное мѣстоименіе съ глаголомъ, передать посредствомъ союза....“ Стало быть, ему и слѣдовало отнести § 248 къ отдѣлу „причастія“, гдѣ приведенные примѣры были бы на своемъ мѣстѣ.

249. Предлагаются примѣры для перевода, въ которыхъ вѣсто русскаго простаго выраженія по латыни были бы поставлены описательныя, на подобіе: лечь въ постель, *imponere corpus lecto*. Нѣко-

рые изъ нихъ неудачны; въ другихъ же ученику невозможно самому найти описательное выраженіе (перифразъ), напр. 1 и 13 „я рѣшился отказаться отъ должности“ и „вы спасли меня (по латини: *sunt animo tuo constitui munere me abdicare. Vestro beneficio salvus sum*, cf. Menge: Ich habe bei mir beschlossen.... durch euch bin ich gerettet, а иногда перифразъ данъ уже въ русскомъ текстѣ, напр. 5) Римляне мало по малу подчинили своей власти народы Италиі (Menge: die Römer unterwarfen sich allmählich alle Völker Italiens; Romani omnes Italiae populos potestati suae paulatim subiecerunt. Во всѣхъ случаяхъ слова, требующія описанія, надо было бы обозначить курсивомъ.

260. Вопросъ: „какъ перевести „теперь“ въ слѣдующихъ предложеніяхъ?“ 6-й и 10-й примѣры не подходятъ, потому что въ нихъ нѣтъ слова „теперь“. 6) „Говорю тебѣ въ третій и послѣдній разъ“. 10) „Всѣмъ придется умереть богаты-ли, бѣдны-ли“.

280. Здѣсь требуются примѣры, въ которыхъ русское нарѣчіе, при переводѣ на латинскій языкъ, должно быть описано глаголомъ (Verbum finitum) или прилагательнымъ среднего рода въ соединеніи съ гл. est. Въ этомъ отношеніи не удовлетворительны примѣры: 1) „известно, что—(Menge: bekanntlich); 7) „ты долженъ исполнить“ (Menge: nothwendiger Weise), 14) „не задумался умереть“ (Menge: unbedenklich).

283, 10. Здѣсь предлагаются примѣры на *adjectivum pro adverbio*. Примѣръ 10 не годится, потому что въ русскомъ уже поставлены прилагательныя: Въ концѣ письма другъ мой пишетъ, что прибылъ домой *здоровымъ* и намѣренъ посвятить *всего* себя воспитанію двухъ дочерей своихъ.

285. Показываются различные способы, какъ перевести русскія нарѣчія или другія обстоятельственные выраженія. 2-е и 8-е предложенія не пригодны потому, что въ нихъ нѣтъ подобнаго обстоятельного выраженія: 2) „Отъ вниманія Ганнибала не ускользнуло—(Menge: Hannibal merkte *recht wohl*. 3) „Периклу позволительно было говорить о себѣ что“—(Menge: Pericles konnte mit *Wahrheit* von sich rühmen, dass)... не смотря на то, это предложеніе переведено слѣдующимъ образомъ: Pericli—*vere* de se praedicare licuit.

284. Менге поставилъ примѣры этого § въ отдѣлѣ „о нарѣчіи“, желая показать, какъ должно переводить по латини нѣмецкія нарѣчія *wohl, gewiss*. Сообразно съ этимъ онъ излагаетъ и самое правило. Переводчику до этого нѣтъ дѣла: онъ употребляетъ въ примѣ-

рахъ 1, 3, 4, 6, 8 глагольныя выраженія (вообразите, кажется, подумаешь, должно быть) и только въ двухъ примѣрахъ: (2 и 7) поставилъ нарѣчія „навѣрно, вѣроятно“; 5-е предложение выражено вопросомъ съ неопредѣленною формою („чѣмъ же успокоить душу?“). Изъ этого видно, что переводчикъ долженъ былъ оставить въ отдѣлѣ „о нарѣчій“ только примѣры 2 и 7, а 1, 6, 8 выбросить. Въ примѣрахъ 4-мъ и 5-мъ заключаются особенности русской рѣчи: „должно быть“ и неопредѣленная форма.

286. Требуется перевести русское нарѣчіе, соединенное съ глаголомъ, двумя синонимическими глаголами. 3-й примѣръ (Пріамъ заклиная умолялъ Ахилла) не подходитъ сюда, потому что въ русскомъ текстѣ нѣтъ нарѣчія.

293. Менге отнесъ примѣры этого § къ отдѣлу „о нарѣчій“, съ цѣлью обратить вниманіе ученика на ту особенность нѣмецкаго языка, по которой при восклицаніяхъ ставится нарѣчіе *nicht*, чего невозможно въ латинскомъ языкѣ, напримѣръ: *wie gross ist nicht die Güte Gottes! Quanta est benignitas Dei!* Г. Коперникій правильно (то-есть, безъ отрицанія) переводить примѣры, напримѣръ: 1) „Сколь велика благость Божія!“, но съ какой стати помѣстилъ онъ эти примѣры въ отдѣлѣ о „нарѣчій“?

334. Правило гласитъ, что часто по латини употребляется *abl. instrumenti* тамъ, гдѣ въ русскомъ ставится выраженіе съ предлогомъ. 7-й примѣръ по пригласенію: „ловить рыбу сѣтью, черпать воду ведромъ“

Примѣры, приведенныя въ §§ 306, 308, 310, 317, 318, 319, 323 — 327, 336, 337, 340, 343, 345 — 348, 350, 353, представляютъ у г. Коперникаго нестройную массу. Это произошло отъ того, что онъ передаетъ дословно предложеніе за предложеніемъ по книгѣ Менге. Въ означенныхъ §§ рѣчь идетъ объ употребленіи предлоговъ, при чемъ Менге держится такого порядка, что онъ въ извѣстномъ § предлагаетъ примѣры на тотъ или другой нѣмецкій предлогъ (только 306, 1—4 онъ отступаетъ отъ этого порядка), такъ, напримѣръ, 306, 5—27 (до конца) содержитъ исключительно предложенія съ предлогомъ *in*: напримѣръ 5) *Niobe wurde in Stein* — —, 6) *Lasst uns in Bette gehen* —, и т. д.; 308 содержитъ примѣры на *wegen*, *um* — *willen*, *halber*; 310 — примѣры на *für*, 317 — на *vor*, 318 — на *bei*, 319 — на *mit*, 322 — на *nach* и т. д.

Такимъ образомъ онъ знакомитъ ученика съ различными латинскими способами выраженія, соответствующими нѣмецкимъ предлож-

ныиъ выраженіямъ. Соблюдаемый порядокъ даетъ кромѣ того ученику возможность легко ориентироваться. Г. Коперницкій переводитъ, какъ мы уже сказали, дословно предложеніе за предложеніемъ, вслѣдствіе чего является поливійшая путаница; для примѣра укажемъ на § 306: Перевести: 5) „Ніобейа—превратилась еъ камень“. 6) „Пойдемъ *стать*“.— 7) „Масло ѣдятъ — сѣ хлѣбомъ“. 8) „Одолжи мнѣ книгу для чтенія“ и т. д.

Мы находимъ въ примѣрахъ этого §, кромѣ предлоговъ *еъ, къ, съ, для, на, о*, еще другія конструкціи (винит., творит. п., неопредѣленную форму), не имѣющія никакого отношенія къ отдѣлу о предлогахъ. Надателю слѣдовало бы помѣстить исключительно примѣры съ предлогами; предложенія же, образованныя безъ предлоговъ (напримѣръ, 306, 10, 22, 6, 16), надлежало совершенно опустить, какъ не подходящія къ объясняемому отдѣлу; затѣмъ, предложенія, образованныя при помощи предлоговъ, должны быть такъ сгруппированы, чтобы всѣ примѣры на извѣстный (русскій) предлогъ находились вмѣстѣ. Въ книгѣ же г. Коперницкаго не соблюдено въ этомъ отношеніи никакой системы.

354. Здѣсь помѣщены такія предложенія, въ которыхъ ученикъ вмѣсто русскаго *предлога* долженъ употребить другое болѣе знаменательное слово. Примѣръ 16-й не умѣстенъ, ибо въ русскомъ текстѣ это *знаменательное* слово уже поставлено: „Древніе увѣрали, что соры высасываютъ кровь у дѣтей *спящихъ* въ колибели“. Menge: Die Alten erzählten von der Ohreule, sie söge den Kindern in der Wiege das Blut aus—infantium in cunis dormientium.

364. Требуется, чтобы посредствомъ Анархога предложеніямъ былъ приданъ реторическій оттѣнокъ, котораго, слѣдовательно, въ русскомъ языкѣ они не должны имѣть. Не смотря на это, въ 3-мъ предложеніи уже по-русски выражена Анархога. („Никогда ни одинъ философъ не былъ такъ *человѣколюбивъ*, такъ скромнъ, такъ чуждъ всякаго хвостовства, какъ Сократъ“). 381,9 примѣръ: Мы все потеряли, осталось доброе имя—приведенъ безъ противительной частицы, хотя только для нея именно и нужно было его помѣстить здѣсь.

387. Вопросъ, какъ выразить по латини „и поэтому, и слѣдовательно?“ Въ 4-мъ примѣрѣ совсѣмъ нѣтъ означенныхъ словъ.

432. У Менге стоитъ вопросъ, какъ выразить по латини нѣмецкое „ohne zu“, за тѣмъ слѣдуютъ 25 подходящихъ примѣровъ. Въ 1-й части г. Коперницкій, правда, пропускаетъ этотъ предварительный вопросъ, а во 2-й, передъ латинскимъ переводомъ, онъ все-таки

даетъ правило, относящееся къ русскому „безъ того, чтобы не“. Поэтому, кажется, мы имѣли бы основаніе думать, что всѣ примѣры § 432 образованы при помощи „безъ того, чтобы не“; но оказывается, что изъ 25-ти примѣровъ пригодны только два: 9-й и 24-й, въ другихъ же „безъ того, чтобы не“ совсѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, правило, предложенное г. Коперницкимъ, „довольно неопредѣленно и едва-ли вѣрно. Онъ говоритъ слѣдующее: „переводить ли русское „безъ того, чтобы не“ союзомъ quia, или посредствомъ выраженія съ причастіемъ, чрезъ nisi или чрезъ poene или *другимъ какимъ либо способомъ* (1), — это зависитъ отъ взаимнаго отношенія данныхъ предложений“. Сомнѣваюсь, чтобы всѣ приведенныя выраженія можно бы было употребить для перевода русскаго „безъ того, чтобы не“.

460. Вопросъ, какъ переводится „въ отношеніи къ“, „что касается того“? Примѣры 7-й и 13-й въ данной формѣ не подходятъ. 7) „Анахарзисъ былъ по происхожденію Скизъ“; 13) „Краснорѣчіе далеко больше“ (слѣдуетъ читать: приносить больше пользы — plus prodest), нежели всѣ прочія искусства, содѣйствуетъ къ облагороженію общественной жизни и къ устраниенію застою и суровости въ понятіяхъ“.

512. Здѣсь преподается ученику наставленіе „въ слѣдующихъ выраженіяхъ и предложеніяхъ обратить вниманіе на различное (то-есть, въ русскомъ и латинскомъ языкѣ) употребленіе единственнаго числа и множественнаго“ (существительныхъ). Многіе изъ приведенныхъ затѣмъ примѣровъ не годятся: въ иныхъ уже въ русскомъ языкѣ поставлено множ. ч. (напримѣръ, въ 4-мъ: „всадники слѣзли съ лошадей“; equites ex equis desiluerunt; въ 9-мъ: греческіе актеры выступали въ *котурнахъ*; histriones Graeci cothurnis (induti) ingrediebantur; въ 21-мъ: „въ трудныя войны предки наши всю военную власть вручали *диктаторамъ*“; gravioribus bellis omne imperium maiores nostri penes dictatores esse voluerunt); въ другихъ употреблены выраженія, не заключающія въ себѣ существительныхъ именъ, напримѣръ: 1) „слушать—*aures praebere* (Menge: sein Ohr leihen), 2) наслаждаться—*oculos pascere* (Menge: sein Auge weiden); въ 12 примѣрѣ нѣкоторые русскія слова даны въ единственномъ числѣ, по латини переведены множественнымъ числомъ, необходимость чего понятна тѣмъ менѣе, что самъ г. Коперницкій въ § 512, d, говоритъ: „нѣкоторые названія воздушныхъ явленій ставятся во множественномъ числѣ *также* и въ русскомъ языкѣ“.

513. Выражено правило, что „русскія существительныя очень часто *отпадаютъ*“ (fallen weg) совершенно или переводятся среднимъ родомъ указательныхъ мѣстоименій⁴. 8-й примѣръ не заключаетъ въ себѣ такого существительнаго (христіанская религія учить — Menge: hat den Satz aufgestellt); 513, 12 приведено другое предложеніе, чѣмъ у Менге: „Цицеронъ призналъ, что отъ Архіа получилъ тѣ средства, которыми могъ помогать другимъ“; Menge: Der Kaiser Maximilian verstieg sich auf einer Gamsenjagd zu einer Stelle, von wo er weder vorwärts noch rückwärts konnte. Не смотря на то, во 2-ой части 513, 12 напечатанъ латинскій переводъ и у г. Коперницкаго: Imperator Maximilianus I adolescens cum rupicapra vomiretur incautus scandendo eo devenit, unde neque amplius ascendere neque descendendo posset redire.

514. Предлагаются примѣры, въ которыхъ русскія существительныя должны быть переведены по латини посредствомъ описательныхъ выраженій. Въ 46-мъ и 50-мъ уже въ русскомъ текстѣ помѣщены описательныя выраженія вмѣсто существительныхъ именъ.

519. Предлагаются примѣры, въ которыхъ русское прилагательное должно быть переведено на латинскій языкъ посредствомъ существительнаго. Примѣръ 6-й не годится, ибо въ русскомъ текстѣ поставлено не прилагательное, а существительное (6, зайцы только быстрою ногъ спасаются отъ собакъ); 12-му примѣру дана форма, вовсе не соотвѣтствующая желаемому переводу: При Саламинѣ — — — предумотрительныйThemistocles хитростью заставилъ Грековъ остаться“; ad Salamina — — — Themistocles consilio et arte manere Graecos coegit. Для этого вмѣсто: „предумотрительный Θ. хитростью“ надо бы было сказать: предумотрительный и хитрый Θ.

521. Предлагается вопросъ: „Выраженія: занимательный разказъ, тягостная война, трогательная мелодія, опустошительныя болѣзни, умоляющій голосомъ“ правильно ли будутъ переведены слѣдующимъ образомъ: narratio oblectans, bellum graevius, numeri commoventes, morbi vastantes, vox oranti“? Всѣ примѣры, за исключеніемъ послѣдняго („умоляющій голосомъ“), выбраны неудачно, потому что „занимательный, тягостный, трогательный, опустошительный“ не причастія. Слѣдовало бы поставить вопросъ такъ: „употребляется ли причастіе настоящее дѣйствительнаго залога глаголовъ переходящихъ въ значеніи прилагательнаго?“

Мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Коперницкій приводитъ всѣ примѣры для переводовъ, предложенные Менге. Такъ какъ

иногда духъ русскаго языка требовалъ перевода, по формѣ отступающаго отъ нѣмецкаго подлинника, то неизбѣжные слѣдствіемъ этого была необходимость измѣнить и правила, къ которымъ относятся такіе примѣры. Но въ иныхъ случаяхъ г. Коперницкій измѣнять правила не совсѣмъ удачно, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго:

216. Говорится: „При переводѣ этихъ предложеній (напримѣръ, насъ мало) было бы большою ошибкой родительные раздѣлительные „насъ, васъ, которыхъ“ передавать раздѣлительными же и на латинскомъ языкѣ, потому что въ нихъ говорится не о части только, а о всѣхъ“. Это невярно, ибо въ русскомъ языкѣ стоитъ не *genetivus partitivus*, а родительный въ зависимости отъ *мало, больше, сколько, мною и именъ числительныхъ* (*Genetivus Generis*).

232, прим. 2 гласитъ: „въ такихъ предложеніяхъ, какъ: „всякій можетъ заблуждаться, каждый видитъ легко“, гдѣ „каждый“ или „всякій“ имѣетъ свое значеніе, а потому и не можетъ быть выброшено какъ энклитика, не слѣдуетъ употреблять *quisque*, а *nemo non* или *omnes*, или *nemo est quin*, или вопросительный оборотъ: *quis est quin*. Правило это не ясно. Надобно было сказать: *quisque* == каждый въ данномъ случаѣ. Если же „каждый“ или „всякій“ употребляется въ собирательномъ смыслѣ (= всѣ), то эти слова переводятся посредствомъ *nemo non*, *nemo (quis) est qui non*. См. *Haacke Lat. Stilistik*, p. 105. Прим. 4. Поэтому надобно было измѣнить и 234, 1 и, сверхъ того, показать различіе между *quisque* и *singuli*, cf. *Haacke*, p. 87.

249 сказано: „очень часто въ латинскомъ языкѣ вмѣсто слова, обозначающаго *дѣйствующее* лицо, употребляется *другое* существительное, указывающее на ту сторону лица, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ дѣйствию, выраженному глаголомъ; поставленнымъ какъ сказуемое“. Во первыхъ, неправильно „дѣйствующее“, во вторыхъ, „другое“; напримѣръ, въ предложеніи 249, 4: охотно слушаемся *тебя*—*libenter voluntati tuae morem geremus*, вмѣсто „тебя“—по латини поставлено описательное выраженіе *voluntati tuae*, а слово „тебя“ не есть существительное и не показываетъ дѣйствующаго лица.

282, прим. 3. „Кстати припомнимъ, что русское предложеніе „я письмо это прочиталъ сегодня въ первый разъ“, можно переводить слѣдующимъ образомъ:

а) *Ego primus hanc epistolam hodie legi*, я—то *первый* прочиталъ это письмо. б) *Hanc primam epistolam h. l.*—это *первое* письмо, кото-

рое я прочитаю. с) Hanc epistolam hodie *primum* legi, я это письмо прочитаю сегодня *въ первый разъ*. d) Hanc epistolam h. *primum* legi, deinde transscripsi, я это письмо *сначала* прочитаю, а *потомъ* переписать. е) Hanc epistolam h. *primo* libenter legi, *postea* mihi displicere coepit, я это письмо *сначала* прочитаю съ удовольствіемъ, а *потомъ* могъ бы и не читать его".

Невѣрно это потому, что г. Коперникій приводитъ 5 различныхъ переводовъ предложенія: „я письмо это прочитаю сегодня въ первый разъ", тогда какъ перевести его можно только слѣдующимъ образомъ: Hanc epistolam hodie *primum* legi. Переводчика ввелъ въ заблужденіе нѣмецкій текстъ. Фразу: ich habe diesen Brief heute zuerst gelesen можно передать различнымъ образомъ, какъ это показано у Менге. Впрочемъ, и самъ г. Коперникій впоследствии различаетъ эти 5 случаевъ, какъ показываютъ прибавленные русскіе переводы, только непонятно по его переводу, въ чемъ заключается разница между пунктами d и е, то-есть, между *primum* и *primo*. Очъ въ томъ и другомъ случаѣ переводить „сначала". Въ концѣ примѣчанія невѣрно переведена фраза mihi displicere coepit чрезъ: „я могъ бы и не читать его"; очевидно, не понято нѣмецкое: mochte ich ihn nicht mehr lesen.

309, прим.: „обыкновенно предлогъ „для" переводится посредствомъ *dativus commodi* или *incommodi*". Это невѣрно. Самъ переводчикъ говоритъ 306, 8, что „для" переводится посредствомъ *ad*, 306, 13—*cum*, 307 „*causa* и *gratia*". Поэтому можно ли требовать, чтобы „для" переводилось *обыкновенно* посредствомъ *dativus*? Впрочемъ, непонятно, какое отношеніе имѣетъ это примѣчаніе къ § 309, гдѣ говорится объ употребленіи латинскаго предлога *pro*? Этотъ предлогъ не значить „для".

330, 3. „Въ нѣкоторыхъ сильныхъ выраженіяхъ часто встрѣчается винительный, гдѣ слѣдовало бы ожидать творительнаго. Такимъ образомъ *in alicuius potestate esse*—быть во власти чьей (попасть подъ власть чью)". Выраженіе „*prægnant*" неудачно передано чрезъ „сильный". Вслѣдствіе этого объясненіе выраженія „*in alicuius potestate esse*" неясно.

335, прим. 1. „Для выраженія „въ теченіе или продолженіе какого времени" употребляется или предлогъ *inter* или *intra* съ винительнымъ (всегда у Цицерона) или творительный безъ предлога". Слова „всегда у Цицерона" могутъ ввести въ заблужденіе. Сверхъ того, правило не совсѣмъ вѣрно, ибо на вопросъ „въ продолженіе

какого времени" ставится и винительный падежъ. Слѣдовало бы объяснить различіе въ употребленіи винительнаго и творительнаго въ этомъ случаѣ.

388, прим. 4, фигуры Praeteritio и Occupatio сопоставлены какъ однозначія, см. напротивъ того *Seiffert Scholae latinae I*, § 22 и 43.

420, II, 4 сказано: „Cum explicativum, тѣмъ что, чрезъ то что (= eo quod или просто quod) [употребляется] съ praesens или perfectum indicativi, иногда съ imperfectum или plusquamperfectum coniunctivi, и тогда на русскій языкъ удобнѣе всего переводить: посредствомъ дѣеучастія". Это правило не совсѣмъ вѣрно и точно. См. *Lattmann-Müller, Lateinische Schulgrammatik*, 3 Auflage, p. 361.

420, прим. 4. „Если cum имѣетъ значеніе русскаго „всякій разъ, какъ" (= quotiens) и служитъ для означенія многократныхъ дѣйствій, то употребляется съ Perfect. Indicat, если въ главномъ предложеніи находится Praesens; но съ Indicat. Plusquamperfecti, если въ главномъ предложеніи Imperfectum". Правило это въ томъ видѣ, какъ оно изложено здѣсь, невѣрно. Въ § 603, 4, совершенно основательно указано на то, что въ придаточномъ предложеніи употребляется Perfectum для выраженія многократнаго дѣйствія въ томъ случаѣ, если дѣйствие придаточнаго предложенія предшествуетъ дѣйствию главнаго. На основаніи правила, изложеннаго въ § 420, прим. 4, можно было бы подумать, что въ придаточномъ предложеніи не употребляется Praes. и Impf., для выраженія многократнаго дѣйствія, что невѣрно. Объ этомъ см. *Lattmann-Müller*, p. 364.

429, 3. „Quin употребляется съ значеніемъ русскаго „что" послѣ слѣдующихъ отрицательныхъ выраженій"... Такъ какъ послѣ выраженій, приведенныхъ затѣмъ въ пунктахъ b, c, d, e, по русски вовсе не ставится союзъ „что", то и правило невѣрно.

441. При глаголѣ opto можно бы было прибавить, что послѣ него ставится обыкновенно союзъ ut, рѣдко асс. с. inf.

443. „Послѣ gratulari обыкновенно слѣдуетъ quod; но если поздравленіе относится къ чему нибудь случившемуся въ послѣднее время, то вмѣсто quod ставится также и accusativus съ причастіемъ прошедшимъ страдательнымъ". Слѣдовало бы пропустить слова „въ послѣднее время", не имѣющія никакого смысла.

468 сказано: „1) Lusciniā canentem audiui. Sororem tuā ambulāntem vidi. 2) Lusciniā canere audiui. Sororem tuā ambulare vidi. 3) Lusciniā audiui, cum caneret. Sororem tuā vidi, cum ambularet. При томъ надлежитъ обратить вниманіе на то, что въ 1-мъ

предм. *lusciniam* и *sorogem* поставлены какъ главные понятія; во 2-мъ *canere* и *ambulare*; а въ 3-мъ указывается на часть только дѣйствія, выраженнаго глаголами *audivi* и *vidi*°. Последнія слова, „а въ 3-мъ“—до конца, непонятны.

488 b. Предлагается вопросъ, какое заключеніе можно вывести изъ разсмотрѣнія слѣдующаго предложенія: *interrogavit me, quid faciens veniam impetrare posset*, на что дается слѣдующій отвѣтъ: „Впрочемъ (*sic!*) въ русскомъ языкѣ можно вопросительныя или относительныя слова замѣнить указательными съ союзомъ, или безъ союза“. Г. Коперникій смѣшиваетъ здѣсь вопросительныя и относительныя предложенія, и, кромѣ того непонятно, какимъ образомъ въ данномъ предложеніи: *interrogavit me, quid etc.* онъ слово *quid* замѣнить указательнымъ.

496. Вопросъ: „какъ перевести на лат. языкъ различные способы выраженія приложенія?“ Здѣсь слова „различные способы выраженія приложенія“, несомнѣнно понятны, ибо до сихъ поръ мы знали только одинъ способъ для выраженія приложенія. И послѣ разсмотрѣнія примѣровъ, предложенныхъ для переводовъ, намъ не разъяснилось, что понимаетъ г. Коперникій подъ „различными способами приложенія“. Мы нашли въ нихъ самыя разнообразныя конструкціи, такъ напримѣръ: твор. п. („считать чудомъ“; „считать предназначеніемъ“), выраженія съ предлогами („вмѣнять въ порокъ“; „Павелъ въ качествѣ римскаго гражданина“), существительное съ союзомъ „какъ“ („Архитъ, какъ Пифагореецъ..“) (Только послѣдніе примѣры, по нашему мнѣнію, идутъ къ дѣлу).

Во второй части г. Коперникій указываетъ прежде всего, какъ латинское приложеніе переводится на русскій языкъ. Но для ученика и здѣсь далеко не все понятно, тѣмъ болѣе, что примѣровъ для разъясненія данныхъ правилъ г. Коперникій не приводитъ. Сверхъ того, нельзя вполне согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ переводчика: „относительное приложеніе, въ русскомъ языкѣ, выражается... съ помощью союза „какъ“ или нарѣчій (!) „въ качествѣ“ и т. д. Во многихъ случаяхъ, быть можетъ, въ большинствѣ ихъ, русское „въ качествѣ“ съ род. п. существительнаго соответствуетъ латинскому обстоятельству приложенію. Но всего интереснѣе то, что многія примѣчанія совсѣмъ не идутъ къ предложенному вопросу, гласящему: „какъ перевести на латинскій языкъ и т. д.“. По смыслу самого вопроса требовалось объяснить, какъ русское приложеніе переводится на латинскій языкъ, а не латинское на русскій. Впрочемъ, это дѣй-

ствительно объясняется въ другой части отвѣта. Однако и съ этимъ объясненіемъ (по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ оно изложено) едва ли можно согласиться. Г. Коперницкій, напримѣръ, говоритъ: „слова и предложенія, имѣющія значеніе приложеній“ и т. д. Но мы не знаемъ, какія это слова и предложенія (въ русской грамматикѣ кромѣ собственнаго приложенія нѣтъ другихъ словъ или цѣлыхъ предложеній, имѣющихъ значеніе приложеній), и для объясненія этихъ словъ во всемъ § г. Коперницкій ничего не сдѣлалъ.—Только ознакомившись съ соотвѣтствующею статьею Менге мы поняли, въ чемъ дѣло и къ нашему удивленію узнали, что г. Коперницкій составилъ себѣ довольно странное понятіе о приложеніи, или о томъ, что онъ называетъ способами выраженія приложенія. По его мнѣнію, „всякая, какая бы то ни была, конструкція русскаго языка можетъ быть приложеніемъ, если только въ нѣмецкомъ подлинникѣ поставлено выраженіе съ частицею *als*“, которую Менге, называетъ *appositionelle Partikel*. Такъ, напримѣръ, считаетъ онъ приложеніемъ слѣдующія слова, напечатанныя курсивомъ: „Бѣдности никому не слѣдуетъ вѣнчать *въ порокъ*“ (*als Fehler* anrechnen). „Ганнонъ выказалъ себя *врагомъ*“ (*zeigte sich als einen Feind*). „Дѣло считали *чуждомъ*“ (*wurde als ein Wunder betrachtet*) и т. д. Эти слова врядъ-ли что, кромѣ г. Коперницкаго, приметь за приложеніе. Sed satis superque!

532. Опрежденіе слова *Hypallage* не вполне вѣрно.

572. Г. Коперницкій, по примѣру Менге, раздѣляетъ родительный на *Genetivus subiectivus* и *Gen. obiectivus*, а *Genet. subiectivus* снова дѣлитъ на 1) *Gen. possessivus*, 2) *Gen. partitivus*, 3) *Gen. generis*, 4) *Gen. qualitatis*, 5) *Gen. pretii*. Непонятно, какимъ образомъ можно, придерживаясь опредѣленія самого г. Коперницкаго, понять *Gen. partitivus*, *generis*, *qualitatis*, *pretii* какъ подраздѣленія *Gen. subiectivi*. Г. Коперницкій говоритъ, что *Gen. subiectivus* служитъ 1) для обозначенія предмета или лица, имѣющаго что нибудь, которому что принадлежитъ, и 2) отъ котораго что исходитъ, какъ отъ виновника или причины. Чтобы доказать неосновательность этого подраздѣленія, возьмемъ для примѣра слово, поставленное въ *Gen. qualit.*, напримѣръ, *homo magni ingenii*. Нельзя сказать: 1) чтобы великій умъ имѣлъ человека (скорѣе будетъ наоборотъ: человекъ имѣетъ великій умъ), 2) чтобы человекъ исходилъ отъ великаго ума, чтобы великій умъ былъ причиною человека, и все таки, по взгляду Менге: и г. Коперницкаго, *Gen. qualitatis* особое примѣненіе *Gen. subiectivi*.

574. Примѣчаніе 1-е, въ данномъ видѣ совершенно непонятно.

По Менге и по синтаксису, составленному мною (§ 21, примѣч. 1), изъ котораго взято нѣсколько словъ, можно угадать, что хотѣлъ сказать г. Коперницкій.

601, на стр. 235. Въ таблицѣ г. Коперницкій переводитъ латинское Perf. посредствомъ „онъ прочиталъ (теперь)“, Plsqmpf.: „онъ прочиталъ вчера“. Прибавленіе этого нарѣчія „вчера“ нисколько не выяснитъ дѣла для ученика, а можетъ только ввести его въ заблужденіе.

617, прим. 4 сказано, что 2-е лицо Coniunct. Praes. вмѣсто повелительнаго наклоненія употребляется только тогда, когда значеніе глагола выражено безлично. Последнія слова „значеніе—безлично“ не имѣютъ смысла.

Перейдемъ теперь къ *этимологическому* отдѣлу разбираемой книги.

70. Сказано: „винительный пад. мужскаго рода обыкновенно duo иambo, но также duos и ambos“. Ср. напротивъ *Neue Formenlehre*, II, p. 146, 2 Auflage: „der Accusativus ist duos, duas, duo; ambos, ambas,ambo; doch im Masculinum auch duo undambo.“

83. „Форма aeneus самая употребительная въ классической прозѣ; aenus (ahenus) и aeneus (aheneus) употребляется поэтами“. Напротивъ того, Klotz (Handwoerterbuch) удерживаетъ и въ прозѣ четырехсложное произношеніе этого слова.

89. „Optimates—plurale tantum“. У Цицерона, однако, встрѣчается и Acc. aglr. optimatem и Abl. optimati.

146. „Цицеронъ во 2-мъ лицѣ единств. числа страдательнаго залога всѣхъ сопряженій употребляетъ исключительно окончаніе *ris*, не *ris*. Только въ наст. изъявительнаго онъ употребляетъ исключительно окончаніе *ris*“. Это не вѣрно, см. *Neue Formenlehre* II, p. 394: „Cicero bedient sich im Praes. Ind. gewöhnlich der Form *ris*, dagegen im Praes. Gonj. Impf. Ind. und Gonj. und im Futur. häufiger der Form auf *re*“.

152, 18 приведена форма diruiturus, но она, кажется, не доказана.

162. „Quire и nequire употребляются, и при томъ рѣдко, въ этой только формѣ“. У Менге сказано вѣрно: „Quire und nequire sind bei den Classikern nur in einzelnen Formen und im allgemeinen nur wenig im Gebrauch“.

163, 1. „Verba frequentativa образуются отъ Supinum, перемѣняя atum на itare, а um (если Supinum не кончится на atum) на agere“. По данному закону производство глагола agitare не объяснено.

164. „Страдательная форма отъ incipio неупотребительна“. Это

не совсѣмъ такъ, Ср. *Krebs Antibarbarus*, гдѣ приводятся изъ Саллюстія и Тацита формы incipitur, incipi.

202, 6. Приведена форма: docilissimi: *Neue, Formenlehre II* p. 136: „der Superlativ von docilis fehlt“.

Присоединимъ, наконецъ, нѣкоторыя замѣтки относительнаго латинскаго перевода примѣровъ.

29. Предложеніе: „*Linter* обыкновенно женскаго рода“, переведено: „*Linter fere femininum est*“. Къ этому нужно бы было прибавить и буквальный переводъ: *linter fere feminini generis est*; иначе ученикъ можетъ подумать, что это мѣсто буквально перевести нельзя.

73, 7. „Когда послѣ утомительнѣйшаго перехода, нашъ полкъ бросился на непріятеля, главнокомандующій сказалъ“. По латини: „*Summis itineris difficultatibus superatis, cum primum nostra legio in hostes incurreret, dux inquit*“. *Cum* primum съ сослагательнымъ не употребляется. У Менге поставлено сослагательное потому, что у него сказано *cum primum agmen incurreret*.

81. „Нельзя сказать: *scribere ad aliquem* [безъ *epistulam*] написать къ кому“. Тѣмъ не менѣе мы читаемъ 156, 8: „*Tu quaeso scribo ad me scribe*“.

117, 5. „Среди лѣта“ переведено „*summa aestate*“. Слѣдовало бы прибавить также „*media aestate*“, а то ученикъ можетъ подумать, что *media aestate* невѣрно.

144, 11. „*Restabat* (или *supererat*) *ut imperator exercitui deligeretur*“. *Seyffert, Scholae Latinae I*, p. 17, говоритъ, что онъ не встрѣчалъ у Цицерона *superest ut*.

190, 8. „*Haec omnia tua ipsius causa fecisti*“. Слѣдовало бы прибавить еще чаще употребляющееся выраженіе: *tua ipse causa*. См. 194, 15: *Neglegis tuum ipse commodum* (хуже *tuum ipsius commodum*).

192, 16. „Не взойдешь на небо“ переведено „*non ascensurus es*“. Слѣдовало бы сказать въ русскомъ текстѣ: „тебѣ не суждено взойти“.

204. Г. Конерникій утверждаетъ, что въ предложеніяхъ, какъ, напримѣръ, *Cicero habuit amicos, in his Atticum*, слова „*in his*“ неправильны и что ихъ слѣдовало бы замѣнить словами „*in quibus*“. Менге говоритъ, что вмѣсто *in his* нужно, согласно обыкновенному способу выраженія, ставить: *in quibus*. Относительно вовсе перѣдкаго употребленія *in his* см. *Krebs Antibarbarus in v. is, Anton Studien zur lateinischen Grammatik und Stilistik s. v. is*.

225, 13. „Немногимъ больше“ г. Коперницкій переводитъ: „*aliquanto maior*“, вм. paulo; aliquanto=значительно.

245, 11. „Шиллеръ такъ вѣрно изобразилъ Швейцарію, что иной могъ бы подумать, что онъ долго жилъ въ Швейцаріи,“ переведено: „*Schillerus naturam Helvetiae ad verum descripsit ita, ut diu eum ibi commoratus esse putares*“. У Менге: „*ut—putare possis*“. Мейзель въ своей критикѣ, *Jahn's Jahrb.* 1873, указываетъ на то, что *putares* неправильно.

249, 3. „Разлеглись на берегу“ переведено „*prostraverunt corpora ad rivos*“. Латинское выраженіе слишкомъ рѣзко, такъ какъ „*prostrare corpus*“ значитъ „съ силою бросаться“.

283, 8. „Какъ свѣтло течетъ этотъ ручей“ переведено „*quam limpidus—hic rivus fluit*“. *Limpidus* слово позднѣйшее, почему лучше употребить *liquidus*. Cf. *Krebs Antibarbarus*.

322. „Рубить кого мечомъ“ невѣрно переведено чрезъ „*petere aliquem ferro*“.

327, 19. „Библия“ переведено чрезъ „*biblia*“. *Krebs Antibarbarus* in v. *biblia* говоритъ: „*Biblia kommt weder als Singular, noch als Plural bei einem Lateiner vor, nicht einmal bei den Spätesten; als Plural wäre es erträglich, als Singular aber barbarisch*“.

386, 12. „Могущество начало упадать“ переведено „*opes cognuege coeperunt*“. „*Cognuege*“ не значитъ „упадать“, а „рушиться“.

345, 5. „Ты выдоровѣешь безъ всякаго сомнѣнія“ переведено правильно: „*dubium omnino non est, quin (futurum sit ut) convalescas*“, но выраженіе *futurum sit ut* неясно ставить въ скобкахъ.

345, 12. „Имущество вдовы навѣрно перейдетъ къ брату“ переведено: „*dubium non est, quin viduae res familiaris ad fratrem perveniat или perventura sit*“. Выраженія эти не однозначущи. Въ данномъ мѣстѣ русское „перейдетъ“ надо перевести чрезъ „*perventura sit*“.

354, 10. „Иосифъ спасъ Египтянъ отъ голода“— надо перевести: *Iosephus Aegyptios fame liberavit*. Напротивъ того, предложенный г. Коперницкимъ переводъ значитъ „Иосифъ спасъ Египтянъ во время голода“.

354, 11. „Учитель рассказывалъ басню объ ослиныхъ ушахъ ко-роля (!) Мидаса“ не значитъ „*Magister narravit fabulam de rege Mida auribus asininis instructo*“.

389, 2. „Честнѣйшій даже изъ всѣхъ греческихъ философовъ, именно Сократъ, долженъ былъ принять лѣдъ“ переведено „*etiam*

probissimus omnium philosophorum Graecorum, Socrates (или Socratem dico или (is) qui fuit Socrates), mortis poculum exhausit". Вѣсто qui fuit Socrates, не вѣрно ли было бы поставить: Socrates is qui probissimus omnium philosophorum fuit?

496, 17 „по крайней мѣрѣ" переведено „ad summum". Вѣсто этого слѣдовало бы сказать вѣстѣ съ образцовыми писателями просто „minimum". Точно также 589, 1 ви. „ad summum"—„summum".

513, 3 „Опытъ доказываетъ" не точно переведено чрезъ¹⁷ „hoc videre licet".

513, 8 „Христіанская религія—ecclesia catholica" ви. „religio christianorum, religio christiana".

514, 15 „Сила подавлена нѣсколько" переведено „vis paulisper repressa", paulisper значить „на нѣсколько времени".

514, 23. „Solo in numero septem sapientum refertur". Обыкновенно говорится: in numerum—refertur, см. Krebs Antibarbarus in v. referre.

514, 41 „Для развѣданія ихъ образа мыслей" не значить: „ut quibus in se animis illi essent exploraret".

514, 46. „Ксерксъ, претерпѣвъ пораженія во всей почти Греціи" не значить „stratus per totam passim Graeciam".

514, 53 „Задержалъ дальнѣйшіе походы" не значить „prohibuit, quominus—longius progredirentur".

514, 55. „Въ честь его" переведено „in honorem eius". Это выраженіе встрѣчается у Ливія, Сенеки, Валлеса, Плинія, Квинтиліана; Цицеронъ же вѣсто него употребляетъ honoris alicuius causa.

542. прим. „Proelia pugnare". Едва ли встрѣчается выраженіе proelia pugnare безъ прилагательнаго.

622, 1. „Чего мнѣ больше желать отъ всей души, какъ не того, что бы ты въ добромъ здоровьи возвратился въ отечество и достигнулъ цѣли своего путешествія", переведено: „Quid est, quod magis ex animo optem, quam ut salvus in patriam redieris atque consilium itineris sis assecutus". Ученикъ съ русскаго текста перевелъ бы совершенно вѣрно: ut redeas—assequare. Coniunct. Perf., безъ особаго объясненія, будетъ ему непонятно.

Д. Кесслеръ.

женіе, „что истинное благополучіе есть въ насъ самихъ. Когда душа наша хороша, отъ беспорядочныхъ желаній свободна и тѣло наше здорово, тогда человекъ благополученъ. Для пріобрѣтенія этихъ условий благополучія мы должны: 1) наполнять душу нашу добродѣтелью; 2) пеицись надлежащимъ образомъ о нашемъ тѣлѣ; 3) исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены; 4) знати правила хозяйства“. Въ первой статьѣ, объ образованіи души, послѣ опредѣленія души и душевныхъ силъ: памяти, ума или разума и воли, слѣдуютъ наставленія, какъ управлять душевными силами, раздѣленная на пять главъ: о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о должностяхъ къ Богу, ближнему, къ самому себѣ и о томъ, чего долженъ избѣгать добродѣтельный человекъ. Главнѣйшими добродѣтелями почитаются: праводушіе, честолюбіе, спокойствіе духа, любознательность и правдивость. „Искренніе люди сію вообще имѣютъ за собою слабость (буде сіе слабостію назвать можно), что о всѣхъ другихъ по своему примѣру судятъ и отъ всѣхъ той же имъ свойственной искренности ожидаютъ: а какъ часто принуждены они бывають съ ложными людьми въ то или иное дѣло вступать, то и случается иногда, что ложные искренность ихъ во зло употребляютъ и такимъ образомъ обманывая ихъ, вредъ имъ причиняють. И такъ великая при семъ потребна осторожность, дабы мы съ одной стороны не весьма казались недовѣрчивыми, съ другой же стороны отъ опасности себя берегли быть обманутыми“. Въ отношеніи къ ближнему предписывается: дружелюбіе, миролюбіе, услужливость, искренность, честность и почтительность. Въ числѣ обязанностей къ самому себѣ заключаются: соблюденіе порядка, трудолюбіе, довольство своимъ состояніемъ, забота о хозяйствѣ и бережливость. Добродѣтельный человекъ долженъ избѣгать безпѣрнаго самолюбія, гордости, тщеславія, подлости, распутства, грубости, неучтивости, прекословія, клеветы, самохвальства. „Титла и похвалы суть обыкновенно суета. Разумный не взираетъ на то, каковъ кто титулъ носить; но на заслуги токмо смотритъ. Одинъ разумный можетъ лучше похвалить, нежели тысяча глупыхъ. Многіе токмо для того жадны къ деньгамъ, понеже видятъ, что простой народъ тѣмъ, которые богаты, особенное нѣкое отдаетъ высокопочитаніе. Однако да не превозносится тотъ имѣніемъ своимъ, который онаго заслугами своими не пріобрѣлъ. Часто и самая нищета похвальна, когда кто при ней разумомъ и добродѣтелью другихъ превосходитъ“. Во второй части книги, имѣющей предметомъ попеченіе о тѣлѣ, налагаются средства, какъ сохранить здоровье и общіе приемы при лѣченіи отъ болѣзней; а затѣмъ объясняются правила благопристойности до мальчайшихъ подробностей: требуется, чтобы ходить нѣсколько выворачивая ноги, и дѣлать умѣренные шаги;... лицо и руки умывать, голову въ чистотѣ содержать и

волосы причесывать, и вообще опрятность и чистота. (Обшириѣ всѣхъ по объему третья часть книги: „о должностяхъ общественныхъ“, гдѣ, послѣ общаго понятія о союзѣ общественномъ, говорится о союзѣ супружескомъ, союзѣ родителей и дѣтей, союзѣ господъ и слугъ и союзѣ гражданскомъ и объ отношеніи къ обществу ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ — „о гражданскомъ союзѣ“ — подробно объясняются отношенія подданныхъ къ верховной власти, значеніе отечества для каждого гражданина и способы изъясненія любви къ отечеству въ каждомъ званіи. „Нѣкоторые думаютъ, что любовь къ отечеству можетъ развиваться вполнѣ только въ вольномъ обществѣ, то-есть, въ республикѣ, но это несправедливо: не образъ правленія, а образъ воспитанія всего болѣе способствуетъ развитію святаго чувства, и въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ примѣръ древнихъ народовъ, для которыхъ воспитаніе имѣло великое государственное значеніе; они оказывали рѣшительное предпочтеніе общественному воспитанію передъ домашнимъ, не предоставляя просвѣщенія полѣ родителей, хотя многіе изъ нихъ имѣли полную возможность дать своимъ дѣтямъ наилучшее образованіе“. (Уже въ 1783 году слышатся такого рода жалобы). Говорится и о различныхъ званіяхъ. Такъ крестьянамъ совѣтуется во время окончанія полевыхъ работъ, при выборѣ промысла руководствоваться не старою привычкою, а прямою выгодною; запрещается прибѣгать къ колдовству и другимъ суевѣрнымъ средствамъ, заговорамъ, нашептываніямъ, спрыскиваніямъ, привѣскамъ и проч. Обязанности простаго народа и мѣщанъ состоятъ преимущественно въ томъ, чтобы охотно ставить рекрутъ, держать постанъ и не упорствовать въ своихъ обычаяхъ, а перенимать полезное отъ иностранцевъ... Наконецъ, доказывается право на почетъ, равный съ другими, принадлежащій военному сословію, и говорится, что на военную службу смотреть, какъ на ссылку, люди всѣхъ трехъ классовъ: высшаго, средняго и низшаго. Изъ дворянъ поступаютъ въ военную службу преимущественно бѣднѣе; купцы считаютъ ее наказаніемъ для развращенныхъ молодыхъ людей; крестьянъ отдають въ нее, какъ въ неволю. Последняя часть, о домоводствѣ, состоитъ изъ общихъ правилъ, какъ вести хозяйство, не нарушая обязанностей въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнему. „Должность къ ближнему нарушается, когда кто съ предомъ обогатить себя старается. Сіе бываетъ вообще или дѣйствительнымъ отниманіемъ, или удерживаніемъ. Дѣйствительнымъ отниманіемъ бываетъ, когда кто у ближняго что отнимаетъ или силою или коварствомъ, ложною мѣрою или вѣсомъ, ложными товарами, ложнымъ торгомъ и чрезвѣрною лихою, или скитаясь по міру, когда можетъ прокормить себя работою. Удержаніемъ же нарушается должность къ ближнему, когда кто занимаетъ и не возвращаетъ, когда

кто домашних своих и служителей болѣе возможнаго или обыкновеннаго дѣлать заставляеть, съ ними жестоко и свирѣпо поступаетъ, или общанное имъ: удерживаетъ”.

И такъ законъ былъ изданъ; предметомъ дальнѣйшаго нашего изложенія будетъ *историческое развитіе* его, дополненія и улучшенія. Не мало встрѣчалъ онъ затрудненій. Такъ напримѣръ, попечитель Казанскаго учебнаго округа, въ засѣданіи Глав. пр. уч. 17-го ноября 1804 г., предполагалъ, что „по недостатку удобнаго строенія для помѣщенія классовъ и учителей невозможно... учредить вдругъ во всѣхъ городахъ таковыя училища и въ семъ случаѣ надлежитъ обратить вниманіе на тѣмъ наипаче, кои многочисленны и въ коихъ съ малою переменою или пристройкою сіи училища помѣщены быть могутъ. Таковы суть Казань, Астрахань, Тобольскъ, Симбирскъ, Нижній Новгородъ, Тамбовъ и Пенза. Но и въ сихъ по малому числу учителей вдругъ исполнить сего невозможно; къ открытію гимназій въ шести упомянутыхъ городахъ надлежитъ имѣть 24 готовыхъ учителя. Нужно продолжать существованіе гимназій, находящейся нынѣ въ Казани, съ тѣмъ, чтобы въ ней 40 человекъ учениковъ содержимо было казеннымъ издѣніемъ. Для наполненія гимназій и училищъ потребно болѣе 290 учителей языковъ и наукъ и 150 учителей рисованія, не считая настоящихъ 94 учителей и выключая Томскую губернію. На гимназій же, въ которыхъ учащіе своимъ издѣніемъ содержать себя должны, надѣяться не можно потому, что рѣдко кто, развѣ по особенной къ наукамъ склонности, окончивъ гимназическое ученіе, въ университетъ вступить пожелаетъ” и т. д. Энергично принялся за дѣло Харьковскій университетъ: главною заботою былъ адѣсь строгій выборъ учителей, преимущественно иностранцевъ (то-есть, учителей новыхъ языковъ), которые были вызваны на испытаніе при университетѣ и часть коихъ послѣ того была уволена отъ должности ¹⁾. Въ болѣе выгодномъ положеніи былъ Московскій округъ, благодаря полушкотовому существовавшію университету, который уже успѣлъ разсѣять свои сѣмена, и которому только пришлось преобразоваться, такъ что можно было обратить главное вниманіе на училища. Такъ попечитель М. Н. Муравьевъ въ собственноручномъ отчетѣ за 1803 годъ говоритъ: „по данному мною наставленію составился при университетѣ училищный комитетъ, и въ августѣ мѣсцѣ отпразднелись визитаторами въ губерніи Ярославскую, Вологодскую и Костромскую проф. Панкевичъ, въ Тульскую и Калужскую Дѣйств., въ

¹⁾ См. *Глаголь*, Ж. М. Н. Пр. ХCV, 6, 97.

Тверскую и Смоленскую Невзоровъ, въ Владимирскую, Московскую и Рязанскую Дружининъ. Наблюденія ихъ служатъ настоящими основаніями, которыя принималъ я въ открытіи губернскихъ гимназій". „По немѣннѣю краткихъ системъ, по которымъ могли бы преподаваемы быть науки въ гимназіяхъ, по приглашенію моему профессора Страховъ, Шлецеръ и Гейкъ приняли на себя сочиненіе таковыхъ элементарныхъ книгъ" (первый изъ названныхъ профессоровъ преподавалъ физику, второй исторію, третій науку о торговлѣ). Въ отчетѣ за 1804 годъ Муравьевъ говорилъ: „Совѣтъ университета обращалъ главное вниманіе свое на образованіе и открытіе гимназій, что въ томъ же году и привелъ въ полное дѣйствіе, открывъ чрезъ посланныхъ депутатовъ своихъ гимназій: Тверскую, Смоленскую, Владимирскую, Костромскую, Тульскую, Калужскую, Вологодскую, Рязанскую. Снабженіе сихъ гимназій учителями, учебными пособіями и распредѣленіе предметовъ ученія занимало училищный комитетъ" ¹⁾. Ему удалось даже открыть Вологодскую гимназію еще до устава, а именно 18-го августа 1804 г. Съ этою цѣлью онъ уже въ концѣ 1803 года принималъ мѣры ко введенію преподаванія латинскаго языка при главномъ народномъ училищѣ и по этому случаю писалъ директору слѣдующее: „Препровождаю къ вамъ лексиконъ, 4 грамматики и одну хрестоматію латинскаго языка и покорнѣйше васъ прошу ими положить предварительное основаніе латинскаго языка; неминуемо входящаго въ устройство губернскихъ гимназій, которыя въ непродолжительномъ времени должны будутъ получить свое образованіе. Неберите нѣсколько учениковъ вольнаго состоянія, принците челоуѣка, знающаго латинскій языкъ, и поручите ему преподавать имъ оный. И первые, и послѣдній могутъ быть увѣрены, что должное награжденіе ожидаетъ ихъ за успѣхи; я ручаюсь... Сколько языкъ сей нуженъ и полезенъ, столько приобрѣтеніе онаго дѣлается иногда, неосторожностью учителя, затруднительнымъ. Пусть постепеннымъ и легкимъ образомъ истолковываютъ ученикамъ вашихъ всѣ его слова, какъ начальное значеніе ихъ, такъ и перемѣны въ разныхъ оборотахъ рѣчи" ²⁾.

Въ какомъ положеніи находилось дѣло преобразованія прежнихъ главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ въ гимназій и уѣздныхъ училища въ 1808 году, видно изъ слѣдующей таблицы, данныя коей заимствованы изъ офиціальнаго списка, помѣщеннаго въ періодическихъ сочиненіяхъ 1809 г., 2. XXII, 264 — 335, а относительно губернскихъ и уѣздныхъ городовъ изъ Шторха, 2. VI, 331 и сл."

¹⁾ Шенниковъ, стр. 331, 332 и 336.

Отто, дир. Волог., стр. 24.

Преобразованныя гимназін и уѣздныя училища 1808 г. ¹⁾

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число губер- скихъ городовъ.	Число губер- скихъ гимназій.	Число учениковъ.	Число уѣздныхъ городовъ.	Число уѣздныхъ училищъ.	Число учениковъ.
С.-Петербургскій	5	3	294	43	5	1066
Московскій.	10	10	447	116	44	2356
Віленскій	8	6	1305	89	54	7422
Харьковскій	11	8	477	109	18	1747
Казанскій	13	5	315	129	5	248
	47	32	2838	486	126	12839

¹⁾ Цифры эти можно считать только приблизительно вѣрными, такъ какъ: 1) въ некоторыхъ случаяхъ указываютъ, что по спеціальнымъ отчетамъ число учениковъ уѣзднаго училища, находящагося конечно въ тѣсной связи съ гимназіею, показано неравнѣльно съ числомъ учениковъ гимназій; такъ напримѣръ по Новгородской гимназій значится 140 учениковъ, тогда какъ Отто (Новгородъ 17) въ дѣлахъ Новгородской дирекціи училищъ пишетъ, что въ упомянутой гимназій въ 1809 году было только 30, а въ уѣздныхъ училищахъ 70 воспитанниковъ. 2) Выбывшіе въ теченіе учебнаго года воспитанники часто показывались въ общемъ числѣ учениковъ, чѣмъ и объясняется разница въ цифрахъ; такъ напримѣръ въ Оумскомъ уѣздномъ училищѣ (гдѣ показано 119 воспитанниковъ, тогда какъ Воронцовъ—стр. 27—за 1807—1809 гг. даетъ цифру 105—112) или въ Калининскомъ (по таблицѣ 40, у Валустина—стр. 7—въ 1813 г. только 29). Таблица показываетъ увеличеніе числа учениковъ противъ предшествовавшаго года, но это указаніе не всегда сходится съ прошлогоднею цифрой, напримѣръ въ Тульской дирекціи за 1809 г. было 284, въ 1810 г. 301, «на 95 болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году»; за 1810 г. въ Тверской дирекціи показано 1.121, «на 250 болѣе противъ предыдущаго года»: на таблицѣ же значится за 1809 г. 1.013. 3) Сухомлиновъ (Черниговъ, стр. 34) указываетъ еще на слѣдующую причину неравенства въ цифрахъ: предполагалось, что всѣ воспитанники, окончившіе курсъ въ приходскомъ училищѣ, поступаютъ въ уѣздное училище, тогда, какъ въ дѣйствительности поступало ихъ только двѣ трети, а иногда и менѣе. 4) Вѣроятно и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ случалось то, что г. Сухомлиновъ (стр. 59) разсказываетъ о начальныхъ училищахъ: такъ какъ начальство слишкомъ категорически заявило свое сочувствіе къ прогрессу, то подчиненные, желая угодить ему, округляли числа. На вопросъ: сколько въ вашей школѣ учениковъ, одинъ писарь преспокойно отвѣчалъ: «38, а показываемъ 55». Есть основаніе предполагать, что такіе порядки иногда встрѣчались и въ слѣдующемъ періодѣ.

Кромѣ того, было особенныхъ школъ съ высшимъ курсомъ 8 съ 963 воспитанниками, прочія же были главныя (12 съ 1811 воспитанниками) и малыя народныя училища.

Не смотря на всѣ старанія начальства, среднія цифры по учебнымъ округамъ, за исключеніемъ Дерптскаго и Виленскаго (въ послѣднемъ изъ нихъ—въ гимназіяхъ 217, въ уѣздныхъ училищахъ 137), оказываются еще довольно незначительными: 58 въ гимназіи, 75 въ уѣздномъ училищѣ. Причины такого сравнительно слабаго посѣщенія школъ различны и частію весьма своеобразны: правительство не встрѣчало со стороны главнаго фактора, съ коимъ приходилось ему имѣть дѣло, ни малѣйшаго сочувствія къ своимъ образовательнымъ стремленіямъ. О городскихъ жителяхъ перѣдко, и притомъ изъ разныхъ концовъ государства, доносили, что даваемое въ уѣздныхъ училищахъ образованіе слишкомъ высоко для ихъ дѣтей, что они требуютъ менѣе, какъ напримѣръ та посадская вдова, которая, подтвердивъ, что сынъ ея по былъ въ классѣ 1154 раза, прибавила: „сына моего болѣе обучать не желаю, считя себя преподанными ему плуками довольно“¹⁾. Сами родители были на столько необразованы, что оставались вполне довольны, если дѣти умѣли читать и писать, чтобы потомъ быть ихъ помощниками. Для нихъ высшею степенью знаній считались первыя правила ариметики (донесеніе директора Тамбовскихъ училищъ). Перскій директоръ пишетъ: „чиновники болѣе достаточные спѣшать поскорѣ пристроить своихъ дѣтей къ должности, не столько для полученія жалованья, сколько для ранней заслуги чиновъ, а бѣдные и матери сиротъ часто безвременно дѣтей своихъ отвлекаютъ отъ ученія, съ тѣмъ, чтобы снискать пособие въ ховяйствѣ, а иногда и самое пропитаніе. Предписанныя строгости мало дѣйствуютъ, даже и самый карцеръ; а если выключать за всѣ пакости и нерадѣніе, то число учениковъ чрезвычайно уменьшится, ибо многіе родители, особливо благородные, не станутъ вовсе отдавать дѣтей, опасаясь стыда, чтобы дѣти ихъ не попали въ число исключенныхъ“. Директоръ Астраханскихъ училищъ, напротивъ того, доносилъ: „родители выживаютъ дѣтей своихъ не для того, чтобы образоватъ ихъ способностями, а для избѣжанія помѣхи въ занятіяхъ, и за неимѣніемъ дома вѣрнаго глаза для наблюденія за ихъ пакостями. Дѣти, напротивъ, видя безпечность родителей, теряютъ время въ забавахъ и гуляньяхъ“²⁾.

По справедливости, нельзя этому удивляться: должно было смѣняться по крайней мѣрѣ цѣлому поколѣнію, чтобы общество убѣдилось въ пользѣ, а равно и въ выгодахъ образованія; внезапное стрем-

¹⁾ Сухомлиновъ, М. Ярослав., стр. 126.

²⁾ Сухомлиновъ, Мат. I, 119, 120.

леніе къ образованію, въ той степени, какъ это предполагало правительство, совершается развѣ подѣ влияніемъ великихъ событій, потрясавшей войны, но и здѣсь обстоятельства должны сложиться благоприятнымъ образомъ. Ничего подобнаго тогда не происходило, и можно сказать, что положеніе дѣлъ въ первый періодъ существенно не измѣнилось. Такъ еще въ 1817 году штатный смотритель Валдайскаго училища, которое было предназначено къ преобразованію въ уѣздное, доносилъ директору Новгородскихъ училищъ: „родители учащихся I-го, а особенно II-го класса просятъ, дабы дѣтей ихъ обучать токмо чтенію и чистописанію, отнюдь не занимая никакими предметами, положенными въ устанѣ, поелику не признаютъ оныхъ для дѣтей своихъ нужными, объявляя притомъ, что въ противномъ случаѣ они не будутъ ихъ пускать въ училище, и доказываютъ сіе самымъ дѣломъ“. И это случилось въ одномъ городѣ, который, тѣмъ не менѣе, съ 1812 года возвысилъ городской взносъ въ пользу училища вдвое, на 500 рублей ¹⁾.

Но и среднее число учениковъ гимназій было не велико: въ средѣ тѣхъ сословій, которыя могли устраивать свои дѣла безъ всякихъ постороннихъ стѣсненій—въ средѣ дворянства, и потомстпеннаго и служебнаго,—заведенія эти, предназначенныя какъ разъ для нихъ, не пользовались популярностью. Правда, возникло нѣсколько дворянскихъ пансіоновъ, въ Москвѣ и Казани; правда, политическія обстоятельства и близость войны, требовавшей значительнаго числа офицеровъ, побуждали не одного воспитанника изъ дворянскаго сословія покидать гимназіи; правительство даже вызвало къ ихъ чувству чести, обнародовавъ 14 марта 1807 года рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ и одновременно таковой же на имя министра народнаго просвѣщенія, въ коемъ „рекомендуется чрезъ попечителей учебныхъ округовъ извѣстить обучающееся въ полѣдѣмыхъ имъ гимназіяхъ и другихъ училищахъ благородное юношество, равно и студентовъ университетскихъ, что желающіе изъ нихъ вступать въ воинскую службу, будутъ принимаемы въ оную на слѣдующемъ основаніи: не имѣющіе еще званія студентовъ и обучающіеся какъ въ гимназіяхъ, такъ и другихъ училищахъ дворяне, въ возрастѣ способномъ для вступленія въ службу (то-есть, не менѣе 16 лѣтъ отъ роду), являясь въ корпусъ кадетскій въ С.-Петербургѣ, будутъ помѣщаемы по мѣрѣ ихъ познаній въ соотвѣтственные классы, для окончанія въ оныхъ наукъ и приученія ихъ къ воинской службѣ; послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, равномерно опредѣляемы будутъ въ полки прапорщиками и корнетами“ ²⁾. Не имѣвшимъ средствъ было обѣ-

¹⁾ *Отто*, Новгор. дпр., 94 и 73.

²⁾ Сборн. Пост. I, 482.

иано возмѣщеніе путевыхъ расходовъ. Но это не было главною причиною, почему большинство дворянъ не посылало своихъ дѣтей въ гимназій, равно не было причиною того и убѣжденіе, что кадетскіе корпуса лучше, такъ какъ мальчики въ нихъ не только учатся, но и воспитываются, и можно „отдавать“ ихъ туда совѣтъ, мнѣніе, которое, по словамъ Воронова ¹⁾, и до сихъ поръ еще (1849 г.) существуетъ въ нашемъ обществѣ; въ то время часто случалось то, о чемъ доносили въ 1816 году новгородскій директоръ: дворяне и чиновники, живущіе въ уѣздѣ, не знаютъ, гдѣ помѣстить и кому довѣрить дѣтей при опредѣленіи ихъ въ гимназію ²⁾. Скорѣе причиною могло быть то, что и высшимъ сословіямъ гимназическій курсъ казался слишкомъ продолжительнымъ ³⁾; такъ какъ ученики IV класса главнаго народнаго училища должны были переходить во II классъ гимназій, а ученики III класса—въ I классъ, то они часто предпочитали тотчасъ же записываться на службу. Такъ, Екатеринославское главное народное училище въ послѣдній годъ своего существованія (1804 г.), насчитывало 158 воспитанниковъ, гимназій же въ первый годъ (1805 г.) только 36 ⁴⁾. Но главною и повсемѣстною причиною несочувствія къ гимназій было, кромѣ отсутствія стремленія къ высшимъ цѣлямъ, то обстоятельство, что въ гимназіяхъ принимались дѣти различныхъ сословій, и даже солдатскія, „отъ коней сыновья помѣщиковъ могли усвоить чувствованія и привычки, не свойственныя ихъ благородному происхожденію“. Эти слова, очевидно извлеченныя изъ подлинной бумаги, приводитъ Отто ⁵⁾, затѣмъ г. Сухомлиновъ изъ донесенія директора Казанскихъ училищъ ⁶⁾, и Вороновъ ⁷⁾. Именно отсюда возникла необходимость учрежденія дворянскихъ пансіоновъ.

¹⁾ I, 164.

²⁾ Отто, новгор. дир., 20.

³⁾ Въ одномъ письмѣ отъ 1804 г. сказано: «*Ни учить, ни учиться никому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наука сама по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія (то-есть, съ приготовительнымъ ученіемъ). Кто-жъ будетъ дожидаться конца его? Науки изслѣдены у насъ еще не въ модѣ.*» (Письма, стр. 293). Въ письмѣ отъ 1810 г. Карамзинъ говоритъ: «О, повѣрьте: всѣ эти ученые наставники, покровительствуемые правительствомъ, всѣ эти дорого стоющіе бібліотеки и музеи, всѣ эта роскошь публичныхъ училищъ не дѣйствуютъ у насъ обаятельно! Родители всегда будутъ скорѣе воспитывать дѣтей или дома, или въ пансіонахъ (даже плахахъ), чѣмъ пускать ихъ бѣгать по произволу въ такъ называемые „дранныя Минервы“» (Русская Старина, 1875, 4, ст. 755, 756).

⁴⁾ См. Глаголевъ, Ж. М. Н. Пр. ХCV, 6, 100.

⁵⁾ Волог. дир., 56.

⁶⁾ Уч. Ироел., 129.

⁷⁾ I, 164.

И самому правительству дѣло представлялось въ такомъ же видѣ; оно не могло примириться съ мыслью, что именно тѣ, коихъ оно желало видѣть образованными, неблагодарно отвергали предоставленную имъ возможность образованія. Вслѣдствіе того, 6-го августа 1809 г. вышелъ указъ, имѣвшій для того времени крайне важное значеніе. Онъ замѣчателенъ уже потому, что, какъ извѣстно, благонамѣренный монархъ совѣщался о немъ съ однимъ только человекомъ, но съ человекомъ многосторонняго образованія, одареннымъ свѣтлымъ умомъ, блестящими способностями и наиболѣе знакомымъ съ народомъ, — а именно, съ Сперанскимъ, который 17-го апрѣля 1809 года былъ назначенъ и членомъ Главнаго правленія училищъ. Указъ этотъ, содержаніе коего было сообщено передъ самымъ его опубликованіемъ и графу Аракчееву, гласилъ: „Въ правилахъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день генваря 1803 года изданныхъ, постановлено было: чтобъ ни въ какой губерніи, спустя 5-ть лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи общихъ правилъ училищной части, не опредѣлять къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, людей не окончившихъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ. Разумъ сего постановленія состоялъ въ томъ, чтобъ разнымъ частямъ гражданской службы доставить способныхъ и ученіемъ образованныхъ чиновниковъ; чтобъ трудами и усиліямъ въ наукахъ открыть путь къ дѣятельности, предпочтенію и наградамъ, со службою сопряженнымъ. Предполагалось, что всѣ свободныя состоянія, и особенно сословіе дворянское, съ поревнованіемъ воспользуются открытіемъ университетовъ, гимназій и училищъ въ округахъ, губерніяхъ и уѣздахъ, съ знатнымъ изживленіемъ казны и съ нарочитыми пожертвованіями самого дворянства устроенныхъ, и вездѣ уже болѣею частию существующихъ, и что отечественныя сии установленія предпочтены будутъ способамъ ученія иностраннымъ, недостаточнымъ и ненадежнымъ. Но изъ ежегодныхъ отчетовъ министерства просвѣщенія и изъ свѣдѣній, къ намъ доходящихъ, съ сожалѣніемъ мы видимъ, что предложенія сии доселѣ не воспріяли еще своего дѣйствія. Исключая университеты Дерптскій и Виленскій, всѣ прочія учебныя заведенія, въ теченіе сего времени открыты, по малому числу учащихся, не соразмѣрны способамъ ихъ учрежденія. Къ вѣщему прискорбію нашему, мы видимъ, что дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участія. Между тѣмъ всѣ части государственнаго служенія требуютъ свѣдущихъ исполнителей, и чѣмъ далѣе отлагаемо будетъ твердое и отечественное образованіе юношества, тѣмъ недостатокъ въ послѣдствіи будетъ ощутительнѣе. Восходя къ причинамъ столь важнаго неудобства, мы находимъ между

прочитъ, что главнымъ поводомъ къ оному есть удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но "однимъ" пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы. Въ отвращеніе сего "и дабы положить наконецъ преграду исканіямъ чиновъ безъ заслугъ, а истиннымъ заслугамъ дать новое свидѣтельство нашего уваженія, признали мы нужнымъ постановить слѣдующее: 1) Съ изданія сего указа никто не будетъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора, хотя бы и выслужилъ положенное число лѣтъ въ титулярныхъ совѣтникахъ, если сверхъ отличныхъ одобреній своего начальства, не представитъ свидѣтельство отъ одного изъ состоящихъ въ Имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ, гражданской службѣ свойственнымъ, или что представъ на испытаніе заслужилъ на ономъ одобреніе въ своемъ знаніи. Порядокъ и образъ сихъ испытаній имѣетъ быть немедленно опредѣленъ и обнародованъ отъ Главнаго училища правленія. 3) Тѣ, кои до изданія сего указа произведены были и нынѣ состоятъ въ чинѣ коллежскаго ассесора, могутъ быть производимы до статскихъ совѣтниковъ на прежнемъ основаніи, но не иначе, какъ когда съ полною выслугою положенныхъ лѣтъ соединены будутъ самыя достовѣрныя свидѣтельства объ отличномъ усердіи и дѣлахъ, особенное одобреніе заслужившихъ. 4) Напротивъ, тѣ изъ 8-классныхъ чиновниковъ, кои, находясь въ службѣ, при отличномъ одобреніи ихъ начальства, представлятъ свидѣтельство объ успѣшномъ ученіи или испытаніи въ Россійскомъ университетѣ, имѣютъ быть производимы въ слѣдующіе чины до статскаго совѣтника, по изиралъ на лѣта службы, и хотя бы короткое время въ настоящемъ чинѣ находились. 5) Въ статскіе совѣтники никто не можетъ быть произведенъ по однимъ лѣтамъ службы. Къ производству сему потребно совокупное представленіе слѣдующихъ удостоеній: 1) свидѣтельство о томъ, что представляемый чиновникъ по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ продолжалъ службу съ ревностію и усердіемъ. 2) Что въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ онъ дѣйствительно въ какомъ либо мѣстѣ совѣтникомъ, прокуроромъ и т. п. 3) Сверхъ сего онъ долженъ представить аттестатъ университета объ успѣшномъ ученіи или испытаніи его въ наукахъ, гражданской службѣ свойственныхъ. 4) Долженъ представить одобреніе начальства, въ коемъ онъ служитъ, изображающее именно, какія онъ оказалъ отличныя заслуги". Затѣмъ обозначены были *предметы испытанія*: 1) Науки словесныя: грамматическое познаніе русскаго языка и правильное на ономъ сочиненіе. Познаніе, по крайней мѣрѣ, одного языка иностраннаго и удобность перелазать съ оного на русскій. 2) Правовѣденіе: основательное познаніе права естественнаго, права римскаго и права частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ сего послѣдняго къ Россійскому законодательству;

свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ частяхъ права общаго, какъ то: экономіи государственной и законовъ уголовныхъ. 3) Науки историческія: основательное познаніе отечественной исторіи, исторіи всеобщая, древняя и новая, съ географією и хронологією; первоначальныя основанія статистики, особенно Россійскаго государства. 4) Науки математическія и физическія: знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики, какъ то: ариметики и геометріи, и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики. Для испытанія въ каждомъ университетѣ долженъ быть учрежденъ особый комитетъ изъ ректора и трехъ профессоровъ; испытаніе никогда неслѣдуетъ повторять четырехъ разъ не должно быть совершаемо. Въ обихъ столицахъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, ежегодно будутъ открываемы, начиная съ мая по октябрь, курсы. Получившій дозволеніе посѣщать ихъ обязанъ и необходимо слѣдовать начатому курсу. Надзиратель каждаго курса отмѣчаетъ всѣхъ таковыхъ въ особенной книгѣ, и кто не придетъ три раза сряду, или въ разныя времена до шести разъ, тотъ исключается изъ списка.

Ближайшимъ слѣдствіемъ указа, обрушившагося, какъ громъ изъ яснаго неба, на „безпечность, свойственную нашему національному характеру, или на равнодушіе къ наукѣ, въ то время у насъ еще почти общее“¹⁾, были негодованіе, насмѣшка и ѣдкая критика. Тотъ же Карамзинъ, восклицавшій въ запискѣ „Нѣчто о наукахъ“, что просвѣщеніе есть *палладиумъ благодѣянія*, призывавшій тѣхъ, „которымъ высшняя власть поручила судьбу человѣковъ, любить науки, если желаютъ они распространить на землѣ область добродѣтели“, — Карамзинъ, повторяемъ, собралъ въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“, всѣ неблагоприятныя отзывы объ указѣ и такимъ образомъ сдѣлался защитникомъ недовольныхъ. „Императоръ Александръ, говоритъ онъ, употребилъ милліоны для образованія университетовъ, гимназій, школъ; къ сожалѣнію, видимъ болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для отечества. Выписали профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ латинскій языкъ, и число ихъ такъ не велико, что профессоры терпятъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда отъ того, что мы образовали свои университеты по нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь нѣтъ обстоятельствъ. Тамъ множество слушателей, а у насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно ариметику или языки иностранные для выгоды своей торговли; ...наши страпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ; наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и дажѣ не идутъ,

¹⁾ Карамз., Жизнь гр. Сперанскаго I, стр. 171.

а выгоды ученаго состоянія еще не извѣстны⁴. Карамзинъ думалъ, что слѣдовало, вмѣсто 60 профессоровъ, вызвать не болѣе 20 и только увеличить число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ: тогда, прирѣзная бѣдность черезъ десять, пятнадцать лѣтъ произведла бы ученое состояніе. Строить и покупать дома для университетовъ, заводить бібліотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ — есть пускаться ниль въ глаза. Чего не преподають нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани? и проч. Карамзинъ сильно осуждаетъ осмотръ училищъ профессорами, жалуется на недостатокъ русскихъ преподавателей, и, наконецъ, рѣшаетъ, что „вообще министерство такъ называемаго просвѣщенія въ Россіи донинѣ дремало, не чувствуя своей важности, и какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени единственно для того, чтобы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ Государя. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ званія: науки инженерной отъ инженера, законовѣденія отъ судьи и проч. У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Теокрыта, секретарь сенатскій—свойства кислорода и всѣхъ газовъ, вице-губернаторъ—Пифагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ—римское право, а иначе они умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками“.

И у другихъ дѣтелей того времени находимъ мы сужденія объ упоминутыхъ указѣ. Фусъ, всегда отличавшійся спокойнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу, говорить въ мнѣніи своемъ, отъ 13-го февраля 1822, приложенномъ къ журналу Главнаго правленія училищъ: „Хотя я вполне убѣжденъ, что указъ имѣлъ въ томъ отношеніи весьма благотѣльные послѣдствія, что принудилъ большое число молодыхъ людей къ изученію наукъ, о коихъ они безъ принужденія мало бы заботились, и что эта мѣра дала значительное число дѣльныхъ чиновниковъ, но я, однако, съ другой стороны, не могу оспаривать справедливость замѣчанія, что представляется затруднительнымъ требовать отъ каждаго, независимо отъ рода гражданской службы, всѣ поименованныя въ указѣ познанія“. Ровмелъ отзывается съ сочувствіемъ объ „этомъ замѣчательномъ испытательномъ учрежденіи, строго управляемомъ въ то время подъ вліяніемъ Сперанскаго, — учрежденіи, бывшемъ предметомъ озлобленія для коренныхъ Русскихъ и служившемъ тормазомъ жадности къ чинамъ, посредствомъ которыхъ могло быть приобрѣтено дворянское званіе, а съ другой стороны поощравшемъ продаваніе наукъ и возвышавшемъ значеніе университетскихъ профессоровъ“¹⁾, и приводитъ изъ

¹⁾ См. Автобіографію, стр. 510.

достовернаго источника, а именно, изъ собственныхъ наблюденій, нѣкоторые примѣры подкупа (это было, конечно, самою дурною стороною дѣла). О мѣнѣн Пушкіна будетъ упомянуто далѣе.

Изъ мѣнѣн, высказанныхъ въ наше время объ указѣ 6-го августа 1809 года, не можемъ не привести здѣсь принадлежащее г. Дмитріеву: „Стоны и плачъ распространился по цѣлой имперіи, и провинціи, до тѣхъ поръ равнодушныя къ петербургскимъ сплетнямъ, присоединились къ столицамъ въ общемъ хорѣ проклятій. Сарказмы посыпались на дерзкаго попovichа.... Всѣхъ поражала явная несообразность—требовать отъ чиновниковъ не спеціальнаго образования, необходимаго для службы, а общаго, которое, повидимому, вовсе для нея не нужно... Радикальная ошибка новой мѣры состояла въ томъ, что она касалась не только будущаго, но не щадя и настоящаго... Но это единственный серьезный упрекъ, который можно сдѣлать указу. Всѣ другіе разлетаются при первомъ внимательномъ взглядѣ. Въ особенности Сперанскій показавъ тактъ государственнаго человѣка, требуя вообще университетскаго аттестата, а не спеціальнаго административнаго экзамена. Послѣдній былъ невозможенъ въ тогдашней Россіи. Спеціальное испытаніе хорошо тамъ, гдѣ существуетъ наука права, гдѣ есть обработанная судебная практика, юридическая или политическая литература. Ничего этого у насъ тогда не было; оставалось поэтому ограничиться требованіемъ общаго образованія, съ цѣлью—доставить службѣ людей болѣе развитыхъ умственно и нравственно. Въ предѣлахъ возможности эта цѣль была достигнута. Съ 1809 года старинныя подъячіе, наслѣдники московскихъ приказовъ, постепенно отодвигаются въ ряды низшей администраціи, и уровень служебной нравственности, какъ ни низко стоялъ онъ по временамъ, поднимается сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда, безъ зазрѣнія совѣсти, служба называлась „наживочными дѣлами“, и люди, составляющіе гордость потомства, не стыдились однако обкрадывать свое отечество“. Г. Пыпинъ ¹⁾ считаетъ указъ неудачнымъ, ибо „онъ былъ черезъ мѣру требователенъ, но учиться онъ принудилъ, и трудно винить правительство, что оно употребило такое средство“. По словамъ барона М. А. Корфа, указъ страдалъ значительными недостатками: такъ, напримѣръ, совершенно не была принята имъ во вниманіе практическая сторона знанія дѣла (въ этомъ отношеніи Карамзинъ правъ, говоря, что „ни 40-лѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать, вещи, совѣтъ для насъ чужды и бесполезны“); предметы испытанія не достаточно сообразны ни съ истинною потребностію, ни съ

¹⁾ Русск. Архивъ 1888 г., стр. 1638.

²⁾ Стр. 259.

возможностию, потому что въ тогдашней Россіи учебныхъ заведеній не хватало бы въ мѣру требованій новаго закона. Испытаніе отвлекло отъ должностныхъ занятій людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ и при-
нуждало ихъ снова садиться на ученическую скамью; цѣль устава состояла главнѣйше въ томъ, чтобы мѣста были занимаемы людьми образованными и свѣдущими, а вмѣсто того испытанія производились не на должности, а на чины, то-есть на почетныя званія. Неудобства представляли и многія исключенія¹⁾; такъ, въ 1812 г. все военное и морское министерства были изъяты изъ дѣйствія указа и назначена была коммиссія для переработки его. Но во всякомъ случаѣ дѣло было сдѣлано; въ Россіи стали учиться. Данный толчекъ не переставалъ постоянно оказывать свое дѣйствіе; пробужденное сперва силою отъ вялости и невѣжества общество приняло мало по малу къ сознанію своей умственной наготы; „возбужденіе... дѣйствіемъ времени и даннымъ единожды движеніемъ вошло въ общую привычку, словомъ изъ средства искусственнаго обратилось въ естественный порядокъ вещей“. Итакъ въ этомъ отношеніи дѣятельность Сперанскаго была плодотворною, имѣла существенное значеніе въ судьбахъ народа. Правда, самъ Сперанскій пишетъ въ октябрѣ 1811 г.: „я называю излишними затѣями всѣ мои предположенія и желаніе двинуть грубую толщу“.

На основаніи вышеприведеннаго указа и новымъ уставомъ Дерптскаго университета 4-го іюня 1820 г. (§ 2) было постановлено, что „къ должностямъ по службѣ должны быть опредѣлены тѣ только, которые предъявить свидѣтельство, что они обучались въ университетѣ“.

Забота объ увеличеніи числа учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ, представлявшихъ для правительства второстепенный интересъ, была пока предоставлена мѣстному училищному начальству. Легче всего

¹⁾ Къ этимъ исключеніямъ слѣдуетъ причислить еще одно, постановленное 15-го апрѣля и 7-го мая 1819 г. комитетомъ министровъ, „по соглашенію съ графомъ Аракчеевымъ“ и утвержденное Государемъ. Именно, требуемый аттестатъ объ испытаніи, долженъ былъ вмѣняться удостовѣреніемъ Главнаго правленія училищъ о написанномъ подлежащимъ лицомъ сочиненіи, доставившемъ ему необыкновенную славу въ ученomъ мѣрѣ. Правленіе училищъ одобряло это извѣстіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы такое удостовѣреніе было даваемо, по важности дѣла, по собственному побужденію правленія, а не вслѣдствіе ходатайства составителя сочиненія. Такими сочиненіями должны были считаться: 1) удостоенныя преміи Академіею Наукъ или подобными ей европейскими учеными учрежденіями; 2) всѣ, коими въ какую-либо науку внесено новое усовершенствованіе или обогащеніе; 3) отличные переводы древнихъ классиковъ, равно и новыхъ, на сколько они способствуютъ распространенію человѣческаго знанія и служатъ къ обогащенію нашей литературы. Въ такомъ видѣ послѣдовало утвержденіе этого мѣнія (25 окт. 1819 г.).

достигалось это, конечно съ виѣшней стороны, запрещеніемъ обучать дѣтей частнымъ учителямъ и содержателямъ частныхъ училищъ, не имѣвшимъ права заниматься преподаваніемъ; уже въ 1804 г. училищный комитетъ Московскаго университета требовалъ отъ директора Вологодскихъ училищъ ¹⁾, „исослабнаго надзора за приватными учителями и уничтоженія не позволенныхъ училищъ“ и предписывалъ „принять неукоснительныя мѣры къ открытію уѣздныхъ училищъ“. Преподавателями, о которыхъ идетъ рѣчь, были преимущественно иностранные учителя языковъ; содержатели частныхъ училищъ, обращались преимущественно къ духовнымъ лицамъ низшихъ степеней, къ коимъ народъ привыкъ и преподаваніе коихъ онъ считалъ для себя вполне достаточнымъ. Борьба съ частными школами продолжается въ теченіе всего налагаемаго нами періода и будетъ описана въ своемъ мѣстѣ болѣе подробно.

Между тѣмъ по главѣ министерства народнаго просвѣщенія поставленъ былъ прежній попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ *Алексій Кирилловичъ Разумовскій* (съ 11 апрѣля 1810 по 4 сент. 1816 г.). Сынъ богатаго гетмана, онъ получилъ воспитаніе заграницей чисто во французскомъ духѣ. Онъ былъ по отзыву одного современника, „самымъ ученымъ, образованнымъ и умнымъ человекомъ тогдашней аристократіи, русскимъ магнатомъ de l'ancien régime comme il faut, придворнымъ человекомъ съ замѣчательнымъ ученымъ образованіемъ ²⁾“. Неохотно разставался онъ съ любимымъ предметомъ своихъ занятій—ботаникою, чтобы принять должность попечителя въ Москвѣ и рѣшился на это лишь „изъ угожденія воли Государа“ (Височ. рескр. отъ 14 апрѣля 1808 г.).

То былъ человекъ строгій, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его распоряженій: ни одинъ учитель не долженъ былъ на будущее время осмѣлиться принимать, безъ особеннаго дозволенія, мѣсто въ другомъ вѣдомствѣ; они знали, что въ противномъ случаѣ будетъ поступлено съ ними непріятнымъ для нихъ, но справедливымъ образомъ (12 мая 1810); ни одному учителю не разрѣшалось дерзать обращаться съ ходатайствами къ кому либо другому кромѣ своего непосредственнаго начальства: иначе слушники не были бы терпимы въ министерствѣ (7 февраля 1811).

¹⁾ *Отто*, стр. 29.

²⁾ *Роммелъ*, стр. 516, 580, 581. Каталогъ обширной библіотеки его составилъ проф. Геймъ (3 ч.), который и издалъ Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothèque du comte Razoumovsky. Москва. 1810. См. Биогр. Слов. 1, 190.

Однако образование графа Разумовскаго не было специально педагогическое. Когда известный педагогъ Швейцарецъ — Іоаннъ фонъ-Муральтъ былъ ему представленъ въ 1810 году, то имѣлъ случай убѣдиться, что министру не было извѣстно ни имя Песталоцци, ни методъ его, ни даже ни одного сочиненія по этому предмету ¹⁾. Неудивительно, что онъ не замѣчалъ вовсе бесплодности энциклопедическаго образованія, необходимо вытекавшей изъ устройства тогдашнихъ гимназій; напротивъ, онъ защищалъ это устройство, какъ видно изъ письма, адресованнаго имъ 12-го февраля 1812 г. къ Роммелю, когда тотъ высказалъ ему свое удивленіе о множествѣ реальныхъ наукъ, вошедшихъ въ учебный планъ ²⁾. Онъ говоритъ: „Je crois devoir Vous mettre au fait des vues que l'on a suivies dans le plan d'enseignement actuel. On y a fait entrer les sciences politiques, de commerce et la technologie, tout le monde ne pouvant pas avoir l'occasion de continuer les études aux universités, et les gymnases recevant des enfants de tous les états, gentilshommes, negocians, artisans et autres, ceux d'entre eux, qui sont obligés d'achever leurs études aux gymnases, ou qui selon leur état n'ont pas besoin d'acquérir des connaissances plus étendues, ont l'occasion d'y acquérir des notions des objets surmentionnés, autant qu'ils conviennent à chaque état. C'est dans cette vue, que ces sciences ne sont pas enseignées dans les gymnases avec autant de détail, qu'aux universités“ ³⁾.

И изъ другихъ обстоятельствъ видно что въ высшихъ сферахъ не доставало надлежащаго пониманія устройства учебнаго дѣла, только что введеннаго тогда въ Россію. Не рѣдко слышались голоса, будто бы, не смотря на существованіе университетовъ и гимназій, все еще мало училищъ, приготавливающихъ къ государственной службѣ. Между прочимъ въ виду этого по высочайше утвержденному докладу министра юстиціи 1-го августа 1806 г. юнкерскій институтъ предполагали преобразовать въ „Высшее училище правовѣденія“, назначеніе коего должно было состоять въ окончательномъ образованіи моло-

¹⁾ См. Н. Dalton, Journal von Muralt, Wiesbaden, 1876, стр. 133.

²⁾ См. Автобіогр. Роммеля, стр. 519.

³⁾ Считаю нужнымъ ознакомить васъ съ видами, которые господствовали при составленіи теперешняго учебнаго плана. Были включены въ него политическія, торговыя и технологическія науки потому что не всѣмъ можно имѣть случай продолжать ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ, куда поступаютъ дѣти всѣхъ сословій, дворянскаго, купеческаго, ремесленнаго и другихъ; тѣ изъ нихъ, кои должны закончить свое ученіе гимназією, или по состоянію своему не вуждаются въ болѣе обширныхъ свѣдѣніяхъ, имѣютъ случай получить понятія о выше упомянутыхъ предметахъ, насколько они пригодны для известнаго сословія. Вотъ почему эти науки преподаются въ гимназіяхъ не въ той подробности, какъ въ университетахъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

ВЪ 1877 году.

(Журналъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также советомъ женскихъ учебныхъ заведеній и управленіемъ военно-учебныхъ заведеній).

Нѣтъ сомнѣнія, что для полноты классическаго и реальнаго образованія необходимо и филологическое, какъ полагающее въ основу самое прочное и всестороннее изученіе языка и словесныхъ произведеній. Сравнительное изученіе отечественнаго языка съ старославянскимъ и родственными ему языкамъ, при пособіи литературныхъ памятниковъ, разъясняетъ многія формы языка и раскрываетъ учащемуся картину постепеннаго историческаго движенія и роста языка. Прочное знаніе иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, по преимуществу и въ большей степени, обуславливается также тщательнымъ изученіемъ ихъ исторіи при сравнительномъ анализѣ элементовъ словъ, ихъ корней и формъ какъ родственныхъ въ ближайшемъ смыслѣ, такъ и индоевропейскихъ вообще, на сколько это возможно въ школѣ,—безъ этого многое остается непонятнымъ и темнымъ въ области языка и словесныхъ произведеній. Въ новѣйшее время, методъ этотъ признанъ вѣрнымъ орудіемъ, развивающимъ умственные способности и обогащающимъ знаніе учащагося, не говоря о томъ, что анализъ языка, какъ организма нашей рѣчи, есть занятіе въ высшей степени пріятнаго и полезнаго. Если въ настоящее время лингвистика и филологія не заняли въ педагогикѣ виднаго мѣста, то въ недалекомъ будущемъ имъ предстоитъ важная роль.

Наша литература, конечно, не такъ богата еще исследованиями по языку, какъ иностранная, но въ последнее время представляетъ сравнительно довольно обширную разработку по разнымъ вопросамъ языковедія и исторіи его. Содѣйствовать развитію научныхъ знаній по языку и словесности всегда было и будетъ нашимъ непрерывнымъ стремленіемъ. По иждъ своихъ силъ и средствъ, редакція «Филологическихъ Записокъ» въ продолженіе 15-ти лѣтъ преслѣдовала свои задачи, шла впередъ настойчиво и внесла свой посильный вкладъ въ науку отечественнаго и общаго языковедія и литературы.

Не будемъ перечислять всѣхъ вкладовъ, какіе одѣлами въ наше изданіе за весь періодъ его существованія нашии почтенными сотрудниками, это было бы слишкомъ долго, — ограничимся указаніемъ на выдающіеся въ последнее время труды, наковыи, наприимъ, по языковедію капитальные вклады г. Потебни: «Изъ записокъ по Русской грамматикѣ» и «Къ исторіи звуковъ Русскаго языка»; по народному творчеству, разработкѣ и объясненію памятниковъ и преданій — гг. Колосова, Арестова, Веселовскаго, ин. Введенскаго и Баталова; по мифологіи и религіи древнихъ и по славистикѣ — г. Миллера; по лексикологической области — г. Мелетова; по славянской филологіи — г. Бедуна-де-Куртена и др. и пр.; не упоминать о множествѣ библиографическихъ и критическихъ заимокъ, не говорить о капитальныхъ переводахъ гг. Чудинова, Мелетова, Ахшенина и др. Все это материалы нужные и пригодные не только для учебной педагогикѣ, но и для научныхъ кабинетныхъ работъ тѣхъ, кто интересуется успѣхами науки. Уже одно то, что изданіе наше не разъ было признано ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и другими полезнымъ изданіемъ, даетъ намъ право сказать, что мы трудились не напрасно, слѣди за современнымъ движеніемъ науки.

На будущее время мы имѣемъ въ виду расширить по возможности отдѣлъ библиографическій, какъ необходимое подспорье для педагогической практики, а потому усердно просимъ гг. преподавателей языковъ и словесныхъ наукъ, какъ компетентныхъ судей, доставлять намъ хотя краткія библиографическія и критическія замѣтки о вновь выходящихъ учебникахъ по Русскому и иностраннымъ языкамъ, равнымъ образомъ обзоры и другихъ выходящихъ изданій, представляющихъ интересъ въ педагогической сферѣ по лингвистикѣ и филологіи; даже и отзывы на рецензіи были бы желательны. Надѣемся, что преподаватели, посвятившіе себя той или другой специальности, и прочія просвѣщенные лица подѣлятся съ нами своими мнѣніями и взглядами на то или другое педагогическое и ученое изданіе, на тотъ или другой вопросъ науки. Только тогда наша педагогика, лингвистика и филологія будутъ успѣшно идти впередъ, а учебники и пособия будутъ разумнымъ вырабатываться, когда больше будетъ критическихъ сужденій, когда специалисты будутъ оценивать достоинства учебныхъ пособій и указывать на тотъ или другой недостатокъ въ педагогическихъ сочиненіяхъ, на пригодность или непригодность той или другой методы и приемовъ преподаванія, что кому указала практика. У насъ въ учебникахъ многого еще предстоитъ уяснить и разработать. У насъ иждъ еще, наприимъ, обстоятельныхъ грамматическихъ монографій по разнымъ отдѣламъ, хоть бы, наприимъ, о видахъ глаголовъ и т. п.

Говоря вообще о научныхъ требованіяхъ, нельзя не пожелать, чтобы наши учебныя заведенія больше выписывали ученыхъ изданій, чѣмъ давали бы преподавателямъ большую возможность слѣдить за движеніемъ науки. Иной преподаватель и желалъ бы высказать свои взгляды на занимающій предметъ его специальности или на одинъ какой-либо вопросъ, но если нѣтъ подъ руками (то-есть въ библіотекѣ заведенія) нужныхъ для него сочиненій (самъ же не въ состояніи выписать), что ему остается дѣлать? А о томъ, кто бы захотѣлъ, напримѣръ, изъ узкихъ учителей готовиться къ высшей дѣятельности, и говорить нечего.

На будущее время будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: «О Математизмѣ» и нѣсколько «Грамматическихъ замѣтокъ» А. А. Потебни; рядъ статей историко-литературныхъ исследований по памятникамъ, какъ-то: «Ходили ли Скандинавскіе наемники ко святымъ мѣстамъ чрезъ Россію», «Васнословная географія», «Трудныя повѣсти», кн. П. П. Вяземскаго; «Учебникъ Русской словесности», вып. 1-й, «Васинъ», А. Чудинова. «Матеріалы для изученія исторіи энзіологическихъ (естественно-историческихъ) сказаній на Руси», въ 6-ти разлагу содержанія отдѣлахъ, Н. И. Виталина; Уйешли, «Имиграція дровниихъ породъ», переводъ А. Чудинова; Говемикъ, «Лингвистика», переводъ съ примѣчаніями и дополненіями А. Чудинова. (Одно изъ изданій «Библіотеки современныхъ наукъ», парижскаго книгопродавца К. Рейнвальда). «Критика тепота Слова о полку Игоревѣ», И. А. Смирнова. Продолженіе «Сборника классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводахъ русскихъ писателей». Томъ II-й. Кроме того, мы нѣмемъ въ виду помѣстить Христоматию, съ примѣчаніями и руководящими вопросами, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для практическихъ занятій русскими свѣтасемокъ: пословицы, поговорки, притчи и образцовыя произведенія, какъ пособіе, предназначающееся для учительскихъ семинарій и народныхъ школъ», П. Г. Савченко. Съ частью труда этого редакція ознакомлена.

Изданіе «Филологическихъ Записокъ» въ 1877 году будетъ продолжаться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, съ цѣлью удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ педагогики.

Подписки на журналъ принимаются въ редакціи «Филологическихъ Записокъ» въ Воронежѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцовъ.

Журналъ выходитъ безсрочными выпусками, шесть выпусковъ въ годъ. Цѣна годовому изданію шесть рублей съ пересылкой.

Редакторъ-издатель А. Хованскій.

1-го МАРТА вышла и разослана подписчикамъ III-я,
МАРТОВСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Содержаніе книги: I. Турецкая война. Истор. очеркъ П. А. Кукина.—II. Елаторина II и Густавъ III. Статья акад. Я. М. Грета.—III. Милъ М. М. Кутузовъ: мнѣнія современниковъ о дѣйствіяхъ его въ 1812 г., изслѣдов. А. Н. Попова.—IV. Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 г.: вновь открытые доносныя записки, вызвавшія это событіе.—V. Кн. А. С. Меншиковъ въ разсказахъ его адъютанта А. А. Панаева: дѣлъ съ 9-го по 16-е сентября 1864 г. въ Севастополѣ и знаменитое фланговое движеніе русской арміи.—VI. Прѣздъ Толстого въ Севастополь. Статья Н. М. Шмидера.—VII. Очерки и замѣтки А. М. Строва, 1846 г.—VIII. Русская историческая и юридич. литература въ 1876 г.: статьи профес. В. С. Миоминова, Д. М. Мельникова, профес. М. М. Герасимова и В. М. Сергѣевича.—IX. Записная книжка «Русской Старины»: письма достопамятн. людей, очерки, разсказы, анекдоты и замѣтки.—X. Перечень русско-историческихъ книгъ.

При этой книгѣ приложенъ гравированный на мѣди портретъ Кавказскаго имама и вождя ШАМИЛЯ, гравированъ на мѣди съ фотографіи исполненной съ натуры въ экспедиціи заготов. госуд. бумагъ.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія адресу такъ: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленіи Главной Конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами при каждой книгѣ 8 руб. съ пересылкой.

Лица и учрежденія подписавшіяся на «Русскую Старину» 1877 г. до перваго мая сего года получаютъ бесплатно портретъ Н. В. ГОГОЛЯ, отпечатанный красками, точный снимокъ съ портрета писаннаго съ натуры знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ.

Въ редакцію и въ контору можно получить: „Русскую Старину“ 1876 г. всѣ 12 книгъ съ портретами Лжедмитрія, Екатерины II, Пугачева, кн. Зубова, Микельсона, Ермолова, Билинскаго и друг. Цѣна 8 руб. съ пересылкой. Также можно получить третью, значительно исправленную, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (годъ первый), 12 книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ вышивками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (имѣется не много экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ

Э. Чернаго.

Библиографія:

Руководство къ повторенію (Repetitorium) латинской грамматики и стилистики для высшихъ классовъ гимназій, преимущественно для домашнихъ занятій. Доктора г. Менге. Обработалъ примѣнительно къ русскому языку В. Коперницкій, преподаватель Ломжинской гимназiи. I. Вопросы. II. Отвѣты

Э. Кесслера.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

**Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе).**

Е. Шмидт.

Редакторъ Е. Осокитисовъ.

(Вышла 4-го марта)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографій, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка припимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Ксаторин. камаль, жонду Вознес. и Маринский мостами, д № 10 1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія:

Фридрихъ Ритчль

Л. Миллера.

Философскія начала цѣльнаго знанія. II.

В. С. Соловьева.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

О древнихъ городахъ Россіи. (Отвѣтъ Ѳ. И. Леонтовичу по поводу статьи его въ т. II *Сборника юсударственныхъ знаній*

Д. Самохвасова.

Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. Ѳ. Фортинская

М. Бережкова.

ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ, ἐπιστολὴ Κ. Ν. Σαφα. Τόμος Α. (Средневѣковая Библиотека, издаваемая подъ редакціей К. Н. Сафы, т. I).

В. Качановскаго.

Объяснительное чтеніе въ народной школѣ

Н. Овсянникова.

Торжественное собраніе Императорской Академіи наукъ

Отчетъ о дѣятельности II-го отдѣленія Императорской Академіи наукъ за 1876 г.

О распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Общество любителей древней письменности.

Л. Н. Майкова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СХС.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Волковскихъ и Маринскихъ мостовъ, д. № 90-1.

1877.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

14. (28-го декабря 1876 года). *Объ открытіи учительской семинаріи въ Эстляндской губерніи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи учительской семинаріи въ Эстляндской губерніи, *мнѣніемъ положи*лъ:

1) Открыть, съ 1-го іюля 1877 года, въ Эстляндской губерніи учительскую семинарію, съ примѣненіемъ къ ней штата Молодечанской учительской семинаріи 17-го марта 1870 года, съ добавленіемъ лишь 8.000 руб. на наемъ помѣщенія и предоставить министерству народнаго просвѣщенія право утвердить положеніе для новой семинаріи, по примѣру Рижской.

2) На содержаніе открываемой семинаріи заносить, на счетъ государственнаго казначейства, въ свѣту министерства народнаго просвѣщенія, съ 1878 г., по семнадцати тысячъ восьмисотъ десяти руб. въ годъ, а въ 1877 г. ассигновать, по свѣтѣ на тотъ годъ, по разчету съ 1-го іюля, половину упомянутой суммы, то-есть *восемь тысячъ девять, сотъ пять рублей.*

Государь Императоръ, означенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

15. (28-го декабря 1876 года). *Объ учрежденіи въ Астраханской губерніи должности инспектора народныхъ училищъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра
часть охв. отд. 1.

народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Астраханской губерніи должности инспектора народныхъ училищъ, *министръ положилъ:*

1) Учредить въ Астраханской губерніи, съ 1-го января 1877 года, должность инспектора народныхъ училищъ, подчинивъ ему, какъ сельскія начальныя училища разныхъ наименованій, такъ и городскія приходскія, а равно уѣздныя училища и имѣющія замѣнить ихъ городскія училища, а также частныя учебныя заведенія и лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ.

2) Одновременно съ симъ званіе губернскаго директора училищъ въ Астраханской губерніи упразднить, а также освободить штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ отъ наблюденія за поименованными въ п. 1 учебными заведеніями и лицами, оставивъ ихъ при заведеніи одними уѣздными училищами.

3) На содержаніе означеннаго инспектора народныхъ училищъ отпустить, начиная съ 1-го января 1877 года, изъ государственнаго казначейства по 2.000 руб. въ годъ, въ томъ числѣ: жалованье 900 руб., на наемъ квартиры и на канцелярскіе расходы 600 руб. и на разѣзды 500 руб. съ причисленіемъ этихъ денегъ къ ст. 1 § 11 финансовой сметы министерства народнаго просвѣщенія.

4) Къ названному инспектору въ отношеніи служебныхъ правъ и преимуществъ по чинопроизводству, по пенсіи, по классу должности и разряду мундира примѣнять ст. V Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1874 года, мѣрнія государственнаго совѣта, объ управленіи училищами въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, а въ отношеніи порядка опредѣленія въ сію должность, распространить на сего инспектора ст. 21 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, 25-го мая 1874 года.

5) Отпускаемые изъ казны по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія: а) 250 руб. по ст. 1 § 7 сей сметы, на разѣзды губернскому директору училищъ Астраханской губерніи, обратить на покрытие расхода по содержанію будущаго инспектора народныхъ училищъ и б) 120 руб., назначенные по ст. 1 § 9 той же сметы, на разѣздныя деньги штатнымъ смотрителямъ Астраханскаго и Черноярскаго уѣздныхъ училищъ, по 60 руб. каждому, какъ зачисленные на основаніи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1872 года мѣрнія государственнаго совѣта о преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія, въ составъ суммъ, потребныхъ на содержаніе сихъ послѣднихъ училищъ, оставить впредъ до открытія надобности въ этихъ деньгахъ, въ ресурсахъ государственнаго казначейства.

Государь Императоръ означенное мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

16. (28-го декабря 1876 года). *Объ открытіи учительскаго института въ Оренбургѣ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи учительскаго института въ Оренбургѣ, *мнѣніемъ положи:*

1) Для приготовленія учителей въ городскія училища Оренбургскаго учебнаго округа, учредить въ г. Оренбургѣ, съ 1-го іюля 1877 года, учительскій институтъ на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 года положенія и штата учительскихъ институтовъ.

2) Ичисленную на содержаніе сего института сумму, всего *двадцать восемь тысячъ девятьсотъ руб.* въ годъ, вносить, начиная съ 1877 года, въ § 13 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы въ 1877 году отпущена была, по разчету съ 1-го іюля, половина этой суммы, а именно *четырнадцать тысячъ четыреста пятьдесятъ рублей.*

3) Сверхъ вышеуказанной штатной суммы отпустить: а) единовременно *десять тысячъ руб.* на первоначальное обустройство и устройство помѣщенія для института съ продолженіемъ сего кредита на два смѣтныхъ періода; и б) въ продолженіи пяти лѣтъ по *девять тысячъ руб.* въ годъ на пособія, имѣющимъ быть прикомандированными къ Оренбургскому учительскому институту на дополнительные курсы учителямъ уѣздныхъ училищъ, съ причисленіемъ той и другой суммы къ § 13 расходной смѣты министерства на 1877 годъ.

Государь Императоръ, изложенное мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

17. (28-го декабря 1876 года). *Объ открытіи 4-ю класса и начальнаго училища при Рижской учительской семинаріи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи 4-го класса и начальнаго училища при Рижской учительской семинаріи, *мнѣніемъ положи:*

1) Въ Рижской учительской семинаріи установить четырехгодичный курсъ ученія и вслѣдствіе того открыть въ ней еще одинъ низ-

шій классъ, добавивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одну должность наставника, съ присвоеніемъ оной окладовъ содержанія и служебныхъ правъ, равныхъ съ другими наставниками сей семинаріи.

2) Открыть при названной семинаріи, для практическихъ упражненій ея воспитанниковъ въ преподаваніи, начальное училище, на общемъ съ другими семинаріями основаніи.

3) На жалованье учителю этого училища обратить *четыреста пятьдесятъ руб.*, отпускныхъ по штату семинаріи на поддержку русско-эсто-латышской школы; прочіе же расходы по училищу относить на общія штатныя суммы семинаріи.

4) На увеличеніе платы за наемъ помѣщенія для семинаріи, по случаю открытія новаго класса и начального училища ассигновать по *тысячи тристи руб.* въ годъ, изъ государственнаго казначейства на счетъ всего отнести также содержаніе новаго наставника по *тысячи шести руб.* въ годъ; и

5) Изъясненныя предположенія ввести въ дѣйствіе и отпустить исчисленной суммы, всего *девять тысячъ пятьсотъ руб.* начать съ 1-го іюля 1877 года, съ показаніемъ этихъ денегъ по ст. 3 § 13 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, означенное мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

18. (21-го декабря 1876 года). *Объ отнесеніи лицъ, получившихъ домашнее образованіе и выдержавшихъ испытаніе на учительское званіе, къ 3 и 4 разрядамъ по образованію при отбываніи воинской повинности.*

Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ отнесеніи лицъ, получившихъ домашнее образованіе и выдержавшихъ испытаніе на учительское званіе, къ 3 и 4 разрядамъ по образованію при отбываніи воинской повинности, *мнѣніемъ положило* постановить: въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, лица, получившія домашнее образованіе и выдержавшія испытаніе на званія: учителя *уѣзднаго* училища или домашняго учителя, а равно учителя городскаго приходскаго или городскаго начального училища, причисляются къ *третьему* разряду, а выдержавшія испытаніе на званія учителя сельскаго приходскаго или начального народнаго училища, или же частнаго начального училища—къ *четвертому* разряду по образованію

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

19. 14-го января 1877 года). *Объ оставленіи учебной части во внутренней киргизской ордѣ въ вѣдѣніи Оренбургскаго учебнаго округа.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ Высочайше повелѣть соизволилъ: оставить учебную часть во внутренней киргизской ордѣ въ вѣдѣніи Оренбургскаго учебнаго округа.

20. (31-го декабря 1876 года). *Положеніе о орденной комисіи по устройству и управленію Виленской публичной библіотеки съ состоящимъ при ней музеемъ.*

§ 1. Для устройства Виленской публичной библіотеки съ состоящимъ при ней музеемъ, равно какъ для управленія симъ учрежденіемъ, впредь до изданія устава и штата библіотеки, назначается комисія.

§ 2. Комисія находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія подъ главнымъ начальствомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 3. Комисія состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и двухъ членовъ-сотрудниковъ.

§ 4. Предсѣдатель, члены и члены-сотрудники комисіи избираются преимущественно изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе.

§ 5. Предсѣдатель комисіи, по представленію попечителя Виленскаго учебнаго округа, назначается министромъ народнаго просвѣщенія.

§ 6. Члены и члены-сотрудники комисіи и дежурный при читальной залѣ, заведывающій дѣлопроизводствомъ, по представленію предсѣдателя комисіи, назначаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

§ 7. Предсѣдатель, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, а члены и члены-сотрудники, съ разрѣшенія попечителя округа, могутъ одновременно занимать и другія должности, если такое соединеніе не препятствуетъ успѣшному ходу работъ ихъ въ библіотекѣ или музеѣ, и въ такомъ случаѣ пользуются жалованьемъ отъ комисіи, независимо отъ содержанія по другой должности. Для соединенія должностей по библіотекѣ съ должностями по другимъ вѣдомствамъ, необходимо соглашеніе съ подлежащимъ начальствомъ.

§ 8. Предсѣдатель распредѣляетъ занятія между членами и членами-сотрудниками комисіи, наблюдаетъ за успѣшнымъ ходомъ ихъ занятій; содѣйствуетъ имъ въ исполненіи работъ; принимаетъ всѣ мѣры къ сбереженію находящихся въ библіотекѣ и музеѣ книгъ, рукописей и разныхъ предметовъ; избираетъ дежурнаго при читальной залѣ библіотеки, завѣдывающаго письмоводствомъ, представляя объ утвержденіи сего лица на основаніи § 6; назначаетъ прислугу при библіотекѣ и музеѣ; сносится съ учрежденіями, мѣстами и лицами по дѣламъ библіотеки и музея, и своевременно представляетъ, установленнымъ порядкомъ, денежную отчетность по библіотекѣ и музею.

§ 9. Комисія имѣетъ право печатать каталоги, описи и рукописи, принадлежащія библіотекѣ, безъ предварительной цензуры, но съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и отвѣтственностью, установленныхъ для изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры.

§ 10. Комисія о всѣхъ занятіяхъ своихъ, равно какъ о состояніи библіотеки и музея, представляетъ попечителю Виленскаго учебнаго округа: по истеченіи cadaго мѣсяца — краткія свѣдѣнія, а по истеченіи года — подробный годовой отчетъ. Первые публикуются въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, а отчетъ, по представленіи оного министру народнаго просвѣщенія, печатается въ журналѣ означеннаго министерства.

§ 11. Библіотека и музей открыты для обозрѣнія и занятій на основаніи установленныхъ о томъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, правилъ, которыя, какъ первоначально, такъ и при послѣдующихъ въ нихъ измѣненіяхъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Выдача рѣдкихъ книгъ и рукописей на домъ можетъ быть дозволяема только лицамъ, конимъ съ Высочайшаго разрѣшенія предоставлено будетъ право пользоваться ими для какихъ либо научныхъ трудовъ или изысканій.

§ 12. Если лица, составляющія комисію, не занимаютъ сверхъ того другихъ должностей на государственной службѣ, которыя положены въ высшемъ классѣ, то считаются: предсѣдатель въ V классѣ по должности и въ V разрядѣ по мундиру; члены и члены-сотрудники въ VII классѣ по должности и въ VII разрядѣ по мундиру; дежурный при читальной залѣ, завѣдывающій письмоводствомъ, состоитъ по должности въ IX классѣ, по мундиру въ IX и по пенсіи въ VI разрядѣ.

Примѣчаніе. Въ виду предоставленія министру народнаго просвѣщенія опредѣлять, по особымъ росписаніямъ, оклады со-

держанія по комисіи, вопросъ о пенсіяхъ председателю, членамъ и членамъ-сотрудникамъ имѣеть быть разрѣшенъ при изданіи постоянного штата библіотеки. Время же, проведенное въ сихъ должностяхъ, до изданія постоянного штата, засчитывается въ срокъ выслуги на пенсію.

§ 19. Содержаніе комисіи и всѣ расходы по устройству Виленской публичной библіотеки съ музеемъ и по завѣдыванію ими опредѣляются, въ предѣлахъ сѣтѣнныхъ ассигнованій, особымъ росписаніемъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

21. (28-го декабря 1876 года). *Объ устройствѣ въ и. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ особыхъ училищныхъ совѣтовъ.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ устройствѣ въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ особыхъ училищныхъ совѣтовъ для завѣдыванія начальными училищами въ сихъ городахъ, мнѣніемъ *положилъ*:

1) Для завѣдыванія начальными народными училищами въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ учредить въ сихъ городахъ училищные совѣты, на правахъ уѣздныхъ, съ тѣмъ: а) чтобы каждый изъ сихъ совѣтовъ, подъ председательствомъ городского головы, состоялъ изъ инспектора народныхъ училищъ, членовъ: по одному отъ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію градоначальника, а для г. Москвы, по назначенію мѣстнаго губернатора и отъ епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея и двухъ отъ города, по назначенію думы и б) чтобы, по правамъ и обязанностямъ, сей совѣтъ, и въ частности председатель оного, подлежали дѣйствію правилъ, установленныхъ положеніемъ 25-го мая 1874 г. для уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и председателей оныхъ; и

2) Начиная съ 1-го января 1877 года вносить въ подлежащее подраздѣленіе финансовой сѣты министерства народнаго просвѣщенія по *семисотъ пятидесяти* руб. въ годъ на канцелярскіе расходы училищныхъ совѣтовъ въ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, считая по 250 руб. въ годъ на каждый совѣтъ.

Государь Императоръ, означенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 28-й день декабря 1876 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

22. (19-го ноября 1876 года). *Объ учрежденіи стипендіи въ Иркутской женской гимназій.*

Предсѣдатель попечительнаго совѣта Иркутской женской гимназій, статскій совѣтникъ Хаминъ, пожертвовавъ въ собственность означенной гимназій три билета Сибирскаго торговаго банка, на сумму 750 р., ходатайствовалъ объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала (52 р. 50 к. въ годъ), одной стипендіи въ названной гимназій, имени баронессы Антонины Михайловны Фредериксы. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 19-й день ноября 1876 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

23. (28-го декабря 1876 года). *Объ открытіи учительской семинаріи въ г. Новочеркасскѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ открытіи учительской семинаріи въ области войска Донскаго, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ открытіи учительской семинаріи въ области войска Донскаго, *мнѣніемъ положили:*

1) Открыть въ г. Новочеркасскѣ, въ области войска Донскаго, учительскую семинарію, на основаніи прилагаемаго при семъ штата, проектъ коего представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

2) По утвержденіи сего штата привести оный въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1877 г., предоставивъ министерству народнаго просвѣщенія примѣнять къ открываемой семинаріи положеніе о Молодечинской учительской семинаріи 17-го марта 1870 года.

3) Исчисленный по штату на содержаніе Новочеркасской учительской семинаріи расходъ, въ количествѣ *двадцати одной тысячи пятидесяти двухъ рублей*, относить на счетъ государственнаго казначейства и общаго войскаго капитала, по половинѣ, именно по *десяти тысячъ пятисотъ двадцати шести рублей* въ годъ, и

4) Остатки, могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ семинаріи, раздѣлять на двѣ равныя части, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ обращать въ ресурсъ государственнаго казначейства, на общемъ основаніи, а другую возвращать общему войсковому капиталу.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
Въ С.-Петербургѣ, 28-го декабря 1876 г. *«Дана по сему».*

Ш Т А Т Ъ.

Новочеркасской учительской семинаріи.

	Число лицъ	Содержаніе въ годъ.			Классы и разряды.	
		Одному.		Всего.	По должности.	По штату на квартирѣ.
		Жалованья.	Служебн.			
		Р у б л и .				
Директоръ (при казенной квартирѣ).	1	1,200	800	2,000	V	V
Законоучитель	1	650	550	1,200	—	—
Наставниковъ	3	650	550	3,600	VIII	VIII
Учитель начальнаго училища	1	450	—	450	—	—
Учитель пѣнія	1	400	—	400	—	—
На 50 стипендій, по 120 р. на каждую.	—	—	—	6,000	—	—
— учебныя пособія для 50-ти стипендіатовъ, по 6 р. на каждого . .	—	—	—	300	—	—
— награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ	—	—	—	100	—	—
— библіотеку и учебныя заведенія	—	—	—	200	—	—
Врачъ	1	300	—	300	VIII	VIII
На лекарство и расходы по леченію.	—	—	—	200	—	—
— содержаніе дома, отопленіе и освѣщеніе, ремонтъ зданія и мебели.	—	—	—	600	—	—
— наемъ помѣщенія	—	—	—	2,000	—	—
— канцелярскіе расходы, на наемъ писца, сторожа и на непредвидѣнные расходы	—	—	—	630	—	—
— обученіе гимнастикѣ и ремеслу.	—	—	—	500	—	—
— обученіе лѣсоводству, садоводству и огородничеству	—	—	—	800	—	—
— наемъ квартиръ служащимъ въ семинаріи лицамъ.	—	—	—	1,772	—	—
Итого.	8	—	—	21,052		

Примѣчаніе. Квартирные деньги назначаются законоучителю, тремъ наставникамъ и врачу по 286 р. каждому, а учителю начальнаго училища и учителю пѣнія по 171 р. каждому.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Константины*.

24. (14-го февраля 1877 года). — *О присвоеніи Ялтинской мужской прогимназіи наименованія «Александровской» въ честь Имени Его Императорскаго Величества.*

Ялтинскій городской голова, согласно постановленію Ялтинской думы, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія чрезъ посредство Таврическаго губернатора, съ ходатайствомъ о присвоеніи мѣстной мужской прогимназіи наименованія «Александровской», въ честь Имени Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день февраля сего года Всемилоостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе означеннаго ходатайства Ялтинской думы.

25. (14-го февраля 1877 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназіи.*

Нѣкоторые изъ жителей Коломенской части въ С.-Петербургѣ, проникнутые благодарностію къ умершему 22-го декабря 1874 года лекарю, надворному совѣтнику Дмитрію Бореишѣ, за его честное и безкорыстное служеніе въ теченіе 13 лѣтъ на пользу бѣднаго класса обитателей Коломны и желая почтить его память, собрали по подпискѣ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, капиталъ въ 1,300 руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ онаго была учреждена при С.-Петербургской 5-й гимназіи стипендія его имени.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день февраля сего года, Всемилоостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при С.-Петербургской 5-й гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендія въ память лекаря Дмитрія Бореиши».

26. (14-го февраля 1877 года). — *О присвоеніи Пермскому реальному училищу наименованія «Алексіевскаго».*

Пермское городское общество чрезъ посредство Пермскаго губернатора, вошло въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о присвоеніи Пермскому реальному училищу наименованія «Алексіевскаго», въ честь Имени Государя Великаго Князя Алексія Александровича, и о принятія сего училища подъ покровительство Его Высочества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день февраля сего года, Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на присвоеніе учрежденному въ 1876 году въ г. Перми реальному училищу наименованія «Алексѣевского», въ честь Имени Государя великаго князя Алексія Александровича, такъ и на принатіе сего училища подъ покровительство Его Высочества.

27. (25-го января 1877).—*Объ учрежденіи реальныхъ училищъ въ г. Новочеркасскѣ и станицѣ Урюпинской.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Новочеркасскѣ и станицѣ Урюпинской реальныхъ училищъ, *министромъ положилъ:*

1) Учредить въ г. Новочеркасскѣ и станицѣ Урюпинской, съ 1-го іюля 1877 г., два шестиклассныя реальныхъ училища съ основными и коммерческими отдѣленіями и, сверхъ того, въ г. Новочеркасскѣ съ высшимъ дополнительнымъ классомъ, въ составѣ трехъ отдѣленій, общаго, химико-техническаго и механико-техническаго, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но съ открытіемъ классовъ постепенно, по мѣрѣ имѣющихся средствъ.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія:

а) потребный на содержаніе этихъ училищъ въ 1877 году расходъ обратить споина на ассигнуемую на сей предметъ сумму (13.995 р.) изъ общаго войскаго капитала;

б) причитающіеся, съ 1878 смѣтнаго года, на содержаніе этихъ училищъ кредиты: на Урюпинское 25.100 р. и на Новочеркасское 30.880 рубл., а всего 55,980 въ годъ, отнести по равнымъ долямъ, именно по 27.990 р. въ годъ, на счетъ казны и на счетъ суммъ войска Донскаго, при чемъ часть, упдающую на казну (27.990 р.), вносить въ расходную смѣту министерства народнаго просвѣщенія и такую же часть (27.990 р.), причитающуюся изъ суммъ войска Донскаго, показывать, по доходной смѣтѣ, пособіемъ государственному казначейству.

3) Могущіе быть съ 1878 г. отъ штатныхъ суммъ Новочеркаскаго и Урюпинскаго реальныхъ училищъ остатки раздѣлять на двѣ части по ровну, изъ которыхъ одну передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ рас-

пораженіи войскаго управленія войска Донскаго, для употребленія по его усмотрѣнію, на нужды названныхъ училищъ.

4) На установленіе для учениковъ предполагаемыхъ реальныхъ училищъ особой формы одежды предоставить военному министру испросить разрѣшеніе установленнымъ порядкомъ.

Государь Императоръ, вышеизложенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 25-й день января сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

28. (24-го декабря 1876 г.) *Правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ.*

§ 1. Народныя чтенія въ губернскихъ городахъ разрѣшаются по просьбамъ обществъ и частныхъ лицъ попечителемъ учебнаго округа, по предварительномъ соглашеніи съ мѣстнымъ губернаторомъ, и состоятъ въ полномъ распоряженіи попечителя учебнаго округа.

§ 2. Ближайшее заведываніе дѣломъ народныхъ чтеній и всѣми распоряженіями по ихъ устройству, то-есть, матеріальная сторона дѣла должна находиться въ рукахъ тѣхъ частныхъ лицъ или обществъ, которыя испрашиваютъ разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній; надзоръ же за ходомъ сихъ чтеній принадлежитъ директорамъ народныхъ училищъ, подъ непосредственною ихъ отвѣтственностію въ соблюденіи правилъ, установленныхъ по предмету сихъ чтеній.

§ 3. Въ случаѣ отсутствія директора народныхъ училищъ, надзоръ за народными чтеніями поручается, по усмотрѣнію попечителя, одному изъ инспекторовъ той губерніи, гдѣ происходятъ чтенія, или другому лицу учебнаго вѣдомства.

§ 4. Мѣстами для устройства чтеній могутъ служить дома, гдѣ помѣщаются училища, школы, вообще по преимуществу помѣщенія въ казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, находящихся въ чертѣ города. Въ фабрикахъ и подобнаго рода промышленныхъ учрежденіяхъ чтенія эти отнюдь не допускаются.

§ 5. Къ публичному прочтенію народа допускаются только сочиненія, одобренныя для этой цѣли ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ видахъ большаго выбора матеріала для народныхъ чтеній можно разрѣшать для чтенія и книги духовнаго содержанія, одобренныя святѣйшимъ синодомъ, или выдержки изъ оныхъ.

§ 6. Назначенныя для публичнаго чтенія сочиненія не произно-

сятся, а читаются по тексту, безъ всякихъ измѣненій и дополненій.

§ 7. Если чтенія сопровождаются опытами или объясняются картинами, то допускаются разъясненія тѣхъ и другихъ на словахъ; не выхода изъ предѣловъ содержанія текста.

§ 8. Къ публичному чтенію для народа допускаются, кромѣ духовныхъ лицъ и преподавателей училищъ вообще, и другія благонадежныя лица, по соизвошенію директора народныхъ училищъ съ губернскимъ начальствомъ.

§ 9. Въ случаяхъ нарушенія въ чемъ-либо установленныхъ для народныхъ чтеній условій, чтенія сія подлежатъ немедленному прекращенію по распоряженію мѣстнаго губернатора, до свѣдѣнія котораго всякое такое нарушеніе должно быть доводимо директоромъ народныхъ училищъ или тѣмъ лицомъ, на котораго возложенъ будетъ ближайшій надзоръ за чтеніемъ.

Государь Императоръ правила сія рассматривалъ и Высочайше утвердить соизволилъ въ С.-Петербургѣ въ 24-й день декабря 1876 года.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го декабря 1876 года (№ 14). *Производятся, за отличіе, въ действительные статскіе совѣтники:* статскіе совѣтники: директоръ Казанскаго ветеринарнаго института, ординарный профессоръ сего института *Петръ Зейфманъ*, директоръ гимназій: С.-Петербургской второй—*Калитонъ Смирновъ*, Ярославской—*Иванъ Зонтиковъ* и Оренбургской—*Андрей Мишковъ*, начальникъ Лойзинской учебной дирекціи *Николай Новиковъ*, директоръ Варшавскаго реального училища *Адамъ Баръ*, директоръ Полявановской учительской семинаріи *Владиміръ Григорьевъ*, проректоръ Императорскаго Дерптскаго университета, ординарный профессоръ сего университета *Освальдъ Шмидтъ*, ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—*Юлій Яковъ*, Дмитрій *Менделѣевъ*, Александръ *Сосновъ* и Константинъ *Бестужевъ-Рюминъ*, Московскаго—*Григорій Захарычъ Каванскаго*—*Сергій Шмелевскій*, *Иванъ Гвоздевъ*, *Иванъ Дюель*, Александръ *Петровъ* и Александръ *Зайцевъ*, Дерптскаго—*Петръ Гельминъ*, *Морицъ Эмелгардтъ*, *Юганъ Гольстъ*, *Левъ Мейеръ*, *Альфредъ Фогель*, Александръ *Брикнеръ* и *Артуръ Эттингъ*, и Варшав-

скаго — Николай Алексеевъ, сверхштатный ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета Николай Вагнеръ, инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Георгій Канановъ и бібліотекарь Императорскаго Казанскаго университета Осипъ Готвальдъ, коллежскій ассесоръ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Владиміръ Бродовскій и неимѣющій чина, ординарный профессоръ сего же университета Генрихъ Струве.

Въ статскіе совѣтники: учитель и исправляющій должность инспектора Ломжинской мужской гимназіи, титулярный совѣтникъ Василій Царевскій и неимѣющіе чиновъ: правитель канцеляріи Варшавскаго, учебнаго округа Сергій Никольскій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Федоръ Дыдынскій, учитель и исправляющій должность инспектора Калишской мужской гимназіи, Францъ Фукъ и учителя мужскихъ гимназій: Варшавской первой — Иванъ Барсовъ, Плоцкой — Валентій Масловскій и Сувалкской — Николай Виноградовъ.

Въ коллежскіе совѣтники: дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Михаилъ Родевичъ, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассесоръ Феликсъ Вреденъ и неимѣющіе чиновъ: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Николай Сонинъ и учитель Плоцкой мужской гимназіи, Спиридонъ Эльмановичъ, со старшинствомъ: Родевичъ съ 30-го апрѣля 1876 года, Вреденъ съ 28-го мая 1876 года, Сонинъ съ 1-го іюня 1876 года и Эльмановичъ съ 29-го октября 1875 года.

Въ надворные совѣтники: неимѣющій чина штатный учитель Кѣлецкой 4-хъ-классной прогимназіи Иванъ Соломоновскій, со старшинствомъ съ 24-го марта 1875 года. 1.

Въ титулярные совѣтники: писмоводитель Варшавскаго реальнаго училища, губернский секретарь Иванъ Смоленскій.

1-го января 1877 года (№ 1). Производятся, за отличіе, въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: директоръ департамента народнаго просвѣщенія Мануилъ Бродке, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, председатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Александръ Георгіевскій, ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра, заслуженный ординарный профессоръ сего университета Александръ Маттего, заслуженные ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Маріанъ Ковальскій, Московскаго — Федоръ Буслевъ и св. Вла-

димира — Владимиръ Карасевъ и членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Алексѣй Галаховъ.

Въ действительные статскіе советники: членъ и правитель дѣлъ археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Александръ Тимофеевъ и инспекторъ училищъ города Варшавы, коллежскій-ассесоръ Николай Горнбертъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволяетъ, въ 14-й день текущаго февраля, въ возданіе долговременныхъ и усердныхъ трудовъ по дѣламъ образованія Евреевъ, потомственного почетнаго гражданина, бывшаго члена комитета разсмотрѣнія еврейскихъ учебныхъ руководствъ Іосифа Зейберлина, пожаловать его кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени, съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 204 укр. орд. и друг. знам. отл. Т. I св. зак. изд. 1857 г.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (23-го октября 1876 г.). *Правила объ испытаніяхъ на ученія ветеринарно-медицинскія степени.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

ГЛАВА I.

Общія положенія.

§ 1. Лица, желающія приобрѣсть ветеринарно-медицинскія степени, равно и присвоенныя сѣмъ степенямъ права, должны подвергнуться испытанію.

§ 2. Ученныя степени, приобрѣтаемыя испытаніями, суть слѣдующія:

а) Ветеринаръ.

б) Магистръ ветеринарной медицины.

§ 3. Испытанія производятся въ тѣхъ высшихъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя въ этому уполномочены правительствомъ.

§ 4. На означенныя ученыя стѣпени, по предварительномъ испытаніи, выдаются упомянутыми учебными заведениями дипломы.

§ 5. Къ испытанію допускаются лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ высшихъ ветеринарно-учебныхъ заведеній, имѣющія же ученую степень—по представленіи на оную законныхъ свидѣтельствъ.

§ 6. Экзаменантъ въ прошеніи своемъ озапачаетъ ту степень, на которую желаетъ экзаменоваться. Подвергающіеся испытанію, обучающіеся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны представить слѣдующія свидѣтельства:

- а) о рожденіи и вѣроисповѣданіи;
- б) о выслушаніи полного курса ветеринарной медицины;
- в) на право жительства въ мѣстѣ производства испытанія.

§ 7. Ветеринарные помощники, желающіе подвергнуться испытанію для полученія степени ветеринара, допускаются къ такому по представленіи: 1) свидѣтельства на званіе ветеринарнаго помощника; 2) доказательства, что удовлетворительно выдержали испытанія изъ вспомогательныхъ предметовъ, исчисленныхъ въ § 24-мъ Положенія, Высочайше утвержденнаго 8-го мая 1873 года о Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, и 3) документа объ окончаніи 6-ти классовъ гимназій, общеобразовательнаго отдѣленія семинаріи или, наконецъ, полного курса реальныхъ училищъ, въ послѣднемъ случаѣ обязываются еще держать экзаменъ изъ латинскаго языка.

§ 8. Приобрѣтшій въ Россіи уже степень ветеринара и желающій подвергнуться испытанію на степень магистра ветеринарной медицины долженъ представить дипломъ и свидѣтельство на жительства.

§ 9. Результатъ испытанія по каждому предмету вносится въ протоколъ и означается въ немъ отмѣткою: „весьма удовлетворительно“, „удовлетворительно“ и „неудовлетворительно“. Ученая степень дается совѣтомъ послѣ произведеннаго совѣщанія.

§ 10. При испытаніяхъ на степень ветеринара переэкзаменовки не должны быть допускаемы; въ случаяхъ же, когда экзаменаторъ, на основаніи личныхъ соображеній, таковыя допустить признаетъ возможнымъ, онѣ могутъ быть разрѣшены, но съ разрѣшенія совѣта, и не иначе, какъ въ первомъ экзаменаціонномъ или совѣтскомъ засѣданіи членовъ совѣта.

§ 11. Экзаменующійся на означенную степень, оказавшій неудовлетворительные отвѣты изъ одного существеннаго предмета (теоретическаго или практическаго), можетъ, не ранѣе какъ по истеченіи члать СХС, отд. 1.

3-хъ мѣсяцевъ, приступить къ экзамену изъ этого предмета; при полученіи же неудовлетворительныхъ отмѣтокъ изъ двухъ существенныхъ предметовъ, теряетъ право держать экзамены въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ со дня подписанія членами совѣта института объ этомъ протокола. По истеченіи 6-ти мѣсяцевъ, приступая къ экзамену, испытуемый начинаетъ его изъ всѣхъ предметовъ, и слѣдовательно удовлетворительныя отмѣтки, полученныя при первомъ испытаніи, въ новый протоколъ не вносятся. Если экзаменующійся на степень магистра ветеринарной медицины получитъ неудовлетворительную отмѣтку хотя по одному предмету, то онъ теряетъ право проходить испытаніе, хотя бы по всѣмъ остальнымъ предметамъ имѣлъ удовлетворительныя отмѣтки.

§ 12. Кто три раза въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи выдержалъ экзаменъ неудовлетворительно, въ немъ болѣе не допускается къ испытанію.

§ 13. Теоретическія испытанія производятся по билетамъ, заключающимъ въ себѣ предназначенные вопросы, на основаніи утвержденныхъ совѣтомъ программъ профессоровъ и доцентовъ. Билеты вынимаетъ самъ испытуемый, по два изъ каждаго предмета.

§ 14. Испытаніе производится публично и о времени оного уведомляются всѣ члены совѣта письменно.

Примѣчаніе. Испытаніе на степень ветеринара производится въ присутствіи по крайней мѣрѣ двухъ членовъ совѣта; при практическихъ испытаніяхъ на эту степень присутствуетъ одинъ членъ совѣта. Теоретическія испытанія на степень магистра ветеринарной медицины производятся въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта.

§ 15. Явившіеся извнѣ во всякое время, за исключеніемъ ваканцій и праздниковъ, могутъ быть подвергаемы экзамену, однако же устные испытанія должны оканчиваться не позже, какъ въ теченіе восьми недѣль, считая двѣ недѣли на вспомогательные и шесть недѣль на главные предметы, если не окажется законныхъ причинъ, требующихъ допущенія отсрочки. Студенты ветеринарной медицины подвергаются испытанію изъ вспомогательныхъ предметовъ по выслушаніи ихъ, испытанію же изъ существенныхъ предметовъ — по окончаніи полнаго курса въ теченіе четырехъ недѣль. Испытанія изъ практическихъ предметовъ могутъ быть произведены въ теченіе послѣдняго учебнаго года.

Примѣчаніе. Лицамъ, явившимся извѣтъ, послѣ окончанія испытанія изъ вспомогательныхъ предметовъ, разрѣшается, если они того пожелаютъ, отсрочки экзамена изъ существенныхъ предметовъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы такой промежутокъ времени между экзаменами изъ вспомогательныхъ и существенныхъ предметовъ не превышалъ полугодичнаго срока, включая и каникулярное время.

ГЛАВА II.

Объ испытаніи на степенъ ветеринара.

§ 16. Экзаменантъ долженъ подвергаться испытанію:

1) *Изъ вспомогательныхъ предметовъ:* сельскаго хозяйства, минералогіи, ботаники, зоологіи и сравнительной анатоміи, физики и физической географіи, чистой и медицинской химіи.

2) *Изъ существенныхъ предметовъ:* зоотоміи съ гистологіею, зоофизиологіи, экстерьера, скотоводства (включая сюда и коннозаводство), зоогигіены, общей паталогіи, паталогической анатоміи и паталогической гистологіи, фармакогнозіи, фармаціи, фармакологіи съ рецептурой, общей терапіи, частной паталогіи и терапіи, ученія о повадкахъ болѣзняхъ съ ветеринарною полиціею, теоретической хирургіи, родовспомогательной науки, оперативной хирургіи, теоріи ковки, терапевтической и хирургической клиники, судебной ветеринарной медицины, энциклопедіи ветеринарныхъ наукъ, практическихъ занятій въ ветеринарной аптекѣ и практической ковки.

Примѣчаніе. Въ Дерптскомъ институтѣ испытуемый обязанъ доказать еще достаточное знаніе русскаго языка. Испытаніе производится по программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. (Положеніе о ветеринарныхъ институтахъ. Глав. V. Прим. къ ст. 44).

§ 17. Для нижепоименованныхъ предметовъ установлены нижеслѣдующія правила:

1) *Зоотомія съ гистологіею:* испытаніе состоитъ изъ демонстраціи на трупѣ одной изъ трехъ главныхъ полостей тѣла, съ полнымъ объясненіемъ положенія, макроскопическаго и микроскопическаго строенія находящихся въ ней органовъ и въ приготовленіи препарата нервовъ или сосудовъ одной изъ оконечностей, на что дается экзаменуемому три недѣли времени.

2) *Патологическая анатомія*: испытуемый имѣеть произвести вскрытіе и о результатѣ составить протоколъ.

3) *Фармакогнозія и фармація*: экзаменующійся имѣеть опредѣлить представленныя ему два лекарственныя снадобья и два лекарства (*Arzneiformen*) составить по рецептамъ.

4) *Хирургическія операціи*: испытуемый обязанъ сдѣлать двѣ операціи надъ трупомъ или живымъ экземпляромъ.

5) *Практическая родовспомогательная наука*: производство двухъ родовспомогательныхъ операцій на фантомѣ по употребительнѣйшимъ способамъ, съ изложеніемъ обстоятельствъ, назначающихъ такія операціи, и мѣръ, употребляемыхъ послѣ нихъ.

6) *Искусство ковки лошадей*: испытуемый обязанъ доказать, что онъ въ состояніи примѣнять теоретическія познанія къ данному практическому случаю и руководить фельдшерскихъ учениковъ и кузнецовъ въ правилахъ ковки и въ приготовленіи подковъ.

7) *Клиническое испытаніе* состоитъ въ томъ, что экзаменуемому предоставляется леченіе больного животнаго въ хирургическомъ и втораго экземпляра въ терапевтическомъ отдѣленіяхъ, послѣ чего онъ обязанъ представить исторіи болѣзни этихъ пользовавшихся имъ животныхъ.

8) *Судбно-ветеринарная медицина*: вскрытіе трупа по правиламъ сей науки и составленіе о немъ судебно-ветеринарно-медицинскаго протокола.

ГЛАВА III.

Объ испытаніи на степень магистра ветеринарной медицины.

§ 18. Отъ желающаго получить степень магистра ветеринарной медицины требуется, кромѣ удовлетворительнаго результата испытанія въ вспомогательныхъ наукахъ, доказательство обширныхъ познаній какъ въ самыхъ существенныхъ предметахъ, исчисленныхъ въ § 16, такъ и въ литературѣ ихъ. Эту степень могутъ получить студенты вслѣдъ за окончаніемъ учебнаго курса, равно и имѣющіе уже ученую степень ветеринара. Отъ получившихъ степень ветеринара въ Россійской Имперіи повтореніе испытанія изъ вспомогательныхъ предметовъ не требуется.

§ 19. За симъ испытуемому предлагаются на разрѣшеніе два письменныхъ вопроса изъ существенныхъ предметовъ ветеринарной медицины. Письменные отвѣты производятся въ присутствіи совѣта.

На разрѣшеніе каждаго вопроса дается экзаменуемому четыре часа.

§ 20. Если испытаніе найдено удовлетворительнымъ, то испытуемому дозволяется представить диссертацию на тему изъ области ветеринарной медицины, съ присовокупленіемъ не менѣе 6-ти положеній (thèses).

§ 21. По разсмотрѣніи и одобреніи диссертациі со стороны совѣта, на что полагается для каждаго члена времени не болѣе, какъ одинъ мѣсяцъ, — ищущему степень магистра предоставляется право напечатать оную и, передавъ сто экземпляровъ канцеляріи института для раздачи, защитить публично.

§ 22. Защищеніе диссертациі, составляющее послѣднюю часть экзамена, публичное. Оно производится въ торжественномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ директора, при участіи преподавателей, студентовъ и постороннихъ посѣтителей.

Примѣчаніе. Магистрантъ можетъ защищать свою диссертацию и въ другомъ институтѣ.

§ 23. Магистрантъ обязанъ защищать свою диссертацию противъ трехъ ординарныхъ, совѣтомъ избранныхъ (изъ профессоровъ и доцентовъ) оппонентовъ, кромѣ того каждый изъ присутствующихъ пользуется правомъ оппонента.

§ 24. По окончаніи защищенія диссертациі, члены совѣта рѣшаютъ: было ли защищеніе удовлетворительно и въ такомъ случаѣ директоръ, отъ имени совѣта, провозглашаетъ магистранта магистромъ. Въ противномъ случаѣ испытуемый, по истеченіи не менѣе трехъ мѣсяцевъ, допускается къ вторичному защищенію прежней или вновь имъ написанной диссертациі.

§ 25. По присужденіи степени магистра, магистръ обязанъ читать, при цѣломъ собраніи, „ветеринарное обѣщаніе“ и подписать оное. Обѣщаніе печатается на оборотѣ диплома.

Примѣчаніе. Получившій степень ветеринара также обязанъ дать „ветеринарное обѣщаніе“ въ присутствіи директора и секретаря совѣта.

Ветеринарное обѣщаніе.

Принимая съ должною признательностію дипломъ, дающій мнѣ права магистра ветеринарной медицины, я даю обѣщаніе добросовѣстно исполнять обязанности своего званія, способствовать сохране-

нію здоровья домашнихъ животныхъ и, по возможности, излечивать ихъ болѣзни. Общѣю при каждой возможности, соображаясь съ обстоятельствами, обращать вниманіе сельскихъ хозяевъ на улучшеніе способовъ содержанія домашняго скота, указывать во вѣренномъ мнѣ районѣ, согласно съ существующими относительно ветеринарныхъ обязанностей постановленіями, на мѣропріятія къ предохраненію и пресѣченію повальныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ. Общѣю усердно дѣйствовать, при помощи указываемыхъ наукою средствъ, къ усовершенствованію скотоводства въ Россіи. Общѣю слѣдить за ходомъ ветеринарныхъ наукъ и всѣми силами содѣйствовать какъ ихъ усовершенствованію, такъ и напечатаніемъ всего замѣчательнаго, распространять общепользныя свѣдѣнія, касающіяся до домашнихъ животныхъ и обхожденія съ ними при здоровомъ и болѣзненномъ ихъ состояніи.

6. (13-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи имени Комисарова-Костромскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Тюменскія—купеческое и мѣщанское общества, движимыя чувствомъ вѣроподданнѣйшей преданности къ Его Императорскому Величеству Государю Императору, и желая увѣковѣчить въ памяти гражданъ города Тюмени подвигъ Комисарова, спасшаго въ памятный для Россіи день, 4-го апрѣля 1866 года, драгоцѣнную жизнь Монарха, собрали капиталъ въ 3.000 рублей, который вѣнцомъ внесли въ Тюменскій общественный банкъ на вѣчное время, для учрежденія изъ процентовъ съ оного стипендіи имени Комисарова-Костромскаго, на что и послѣдовало, въ 29-й день іюля 1875 года, Высочайшее соизволеніе.

1) Означенная стипендія составляетъ принадлежность Тюменскаго городского общества, которому предоставляется выборъ стипендіата, съ цѣлью доставить ему образованіе въ одномъ изъ среднихъ, а потомъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

2) Стипендіатъ избирается Тюменской городской думой изъ числа дѣтей бѣдныхъ мѣстныхъ обывателей, съ успѣхомъ обучающихся въ Тюменскомъ уѣздномъ училищѣ, а также изъ числа воспитывающихся въ мѣстномъ Сиропитательномъ домѣ, по окончаніи имъ съ успѣхомъ курса въ означенномъ училищѣ и, по предварительному удо-

стоенію со стороны педагогическаго совѣта Сиропитательнаго дома одобрительнаго отзыва.

3) Объ избранномъ, городскою думою стипендіатѣ городской голова сообщаетъ начальству того заведенія, къ поступленію въ которое стипендіатъ предназначается.

4) Если представленный стипендіатъ не удостоится принятія въ заведеніе, или по принятіи окажется неспособнымъ къ продолженію образованія, или же по чему либо будетъ уволенъ, то, по полученіи объ этомъ сообщенія отъ начальства заведенія, городская дума немедленно приступаетъ къ избранію другаго стипендіата.

5) Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ томъ же классѣ или курсѣ, можетъ быть сохранена стипендія не иначе, какъ по причинамъ уважительнымъ.

6) Проценты съ объясненнаго выше капитала, слѣдующіе на стипендію, препровождаются городскимъ головою за годъ впередъ, по требованію начальства того заведенія, въ которомъ обучается стипендіатъ.

7) Назначеніе въ пользу стипендіата остатка отъ процентовъ, еслибы таковой по чему либо образовался, зависить отъ городской думы.

7. (13-го ноября 1876 года). *Положеніе о стипендіи Павла Осиповича Мизевскаго, учрежденной при Лубенской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Лубенской мужской гимназіи, учреждается, на вѣчныя времена, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 10-го іюля 1876 года, стипендія имени надворнаго совѣтника Павла Осиповича Мизевскаго.

§ 2. Капиталъ въ четыре тысячи рублей серебромъ, на проценты съ коего учреждается означенная стипендія внесены учредителемъ въ государственныя банки, а выданное изъ сего банка 1876 года февраля 28-го дня, за № 132,203 на этотъ капиталъ свидѣтельство хранится въ Лубенской мужской гимназіи.

§ 3. Въ случаѣ закрытія Лубенской гимназіи, документы на капиталъ и положеніе о стипендіи должны быть переданы въ другое учебное заведеніе Лубенскаго уѣзда, на тотъ же предметъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ роственникововъ учредителя, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія званія и состоянія ихъ,

въ случаѣ же пресѣченія рода Мизевскихъ, стипендію могутъ пользоваться какъ наследники коллежскаго ассесора Павла Ѳеодоровича Ходолѣя, такъ и всѣ вообще мальчики села Березоточи, находящагося въ Лубенскомъ уѣздѣ.

§ 5. На поступленіе въ стипендіаты сперва имѣютъ право сыновья Даніила Корниліевича Мизевскаго и отъ нихъ происходящіе, при чемъ, по выходѣ каждаго стипендіата изъ рода Даніила Мизевскаго, должно быть подано, въ то же время, прошеніе отъ его потомковъ въ гимназію о принятіи другаго стипендіата изъ этого же рода, буде же гимназія сего прошенія не получитъ, или кандидатъ въ стипендіаты почему либо не поступитъ, то гимназія приглашаетъ другихъ родственниковъ Мизевскихъ въ стипендіаты, а если явится изъ нихъ нѣсколько кандидатовъ, то стипендіатъ избирается по жребію;—но происходящій изъ рода Даніила и братьевъ его Самойла, Макарія, Сидора, Самсона, Тимофея — Мизевскихъ, должны имѣть преимущество и поступать въ стипендіаты безъ жребія.

§ 6. Стипендія должна быть замѣщена въ первый разъ въ 1879 г., а такъ какъ проценты отъ внесеннаго въ государственнй банкъ капитала, въ количествѣ 180 руб. въ годъ, останутся отъ незапятнанныхъ стипендій до сего времени не израсходованными, то изъ нихъ предоставляется выдать стипендіату, при выходѣ изъ гимназій, по окончаніи курса, единовременное пособіе, не свыше 100 рублей. Равнымъ образомъ въ единовременное пособіе стипендіатамъ должны быть обращаемы и тѣ проценты, которые будутъ оставаться не израсходованными отъ незамѣщенія стипендій, въ случаѣ смерти стипендіата, или увольненія его по какимъ-либо причинамъ, среди учебнаго года, или же отъ увеличенія процентовъ отъ стипендіальнаго капитала. Впрочемъ, какъ только стипендія освободилась, начальство гимназій обязано тотчасъ же дѣлать вызовъ кандидатовъ, имѣющихъ право на ея занятіе.

§ 7. Стипендіатъ во все продолженіе гимназическаго курса имѣетъ право, только одинъ разъ, остаться на другой годъ въ классѣ.

§ 8. Стипендія 180 рублей въ годъ, производится по полугодіямъ за каждое впередъ, подъ росписки родителей или опекуновъ стипендіата, а еслибы родители или опекуны за полученіемъ стипендіи не явились, то начальство гимназій поручаетъ расходование слѣдующихъ стипендіату денегъ, кому заблагоразсудитъ.

8. (13-го ноября 1876 года). *Правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентоѡъ первыхъ двухъ курсоѡъ Историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Студенты, по окончаніи каждаго учебнаго года, подвергаются переводному или курсовому испытанію изъ всего, пройденнаго въ течение года.

2) Для производства переводныхъ или курсовыхъ испытаній, представляемыхъ заблаговременно конференціей назначается не болѣе шести недѣль.

3) Испытанія производятся въ особо назначенныхъ конференціей испытательныхъ комиссіяхъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ директора, или по болѣзни, отсутствію, а равно по особымъ занятіямъ его по своей должности, инспектора, изъ преподавателя предмета и ассистента.

4) Испытаніе производится преподавателемъ предмета, при чемъ предоставляется право предлагать вопросы прочимъ членамъ комиссіи. Въ случаѣ же болѣзни или отсутствія преподавателя, а также если каведра его осталась незамѣщенной, конференція поручаетъ производство испытанія одному изъ наличныхъ преподавателей.

5) Испытанія бываютъ устные и письменныя. Послѣднія назначаются непременно по языкамъ древнимъ и русскому.

6) Испытаніе по новымъ языкамъ производится только окончательное—или на одномъ изъ курсовыхъ, или же при выпускныхъ испытаніяхъ на четвертомъ курсѣ, по желанію каждаго студента.

7. Испытанія производятся по вопросамъ, составленнымъ на основаніи программъ преподаванія, предварительно рассмотрѣнныхъ и утвержденныхъ конференціей. Эти вопросы сообщаются студентамъ не менѣе какъ за три дня до начала испытанія по каждому предмету.

8) Вопросы предлагаются студентамъ или по жребію, въ формѣ билета, или словесно, по соглашенію между членами комиссіи. Число предлагаемыхъ вопросовъ предоставляется усмотрѣнію комиссіи.

9) Оцѣнка познаній студентовъ по устнымъ или письменнымъ испытаніямъ, а равно и сочиненій, опредѣляется цифрами: 1, 2, 3, 4 и 5, соответствующими словеснымъ опредѣленіямъ: слабое, посредственное, хорошее, очень хорошее и отличное знаніе.

10) При оцѣнкѣ познаній студентовъ принимаются во вниманіе ихъ годовыя отчета; по древнимъ же языкамъ, преподаваніе кото-

рыхъ, сопровождаемая ежедневною повѣрною приготовленіемъ студентовъ къ лекціямъ и ежедневными письменными упражненіями, отличается особымъ характеромъ сравнительно съ преподаваніемъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, годовыя отиѣтки по устнымъ и письменнымъ упражненіямъ выставляются въ особыхъ графахъ и входятъ въ сложеніе, для вывода средней отиѣтки, съ отиѣтками по испытанію, устному и письменному.

11) Отиѣтка за письменные отвѣты по языкамъ древнимъ и русскому, а также за сочиненіе студентовъ, назначаемое ежегодно по каждому изъ главныхъ предметовъ, слагается съ отиѣтками по устнымъ испытаніямъ изъ того же предмета и изъ нихъ выводится средняя.

12) Отиѣтка ставится преподавателемъ по соглашенію съ прочими членами комисіи. Въ случаѣ разногласія въ оцѣнкѣ познаній студента, вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, а при раздѣленіи голосовъ—выводомъ средней цифры изъ отиѣтокъ всѣхъ членовъ комисіи. Въ случаѣ же несогласія кого-либо изъ членовъ комисіи съ результатомъ послѣдней оцѣнки, дѣло передается въ конференцію, которая и рѣшаетъ вопросъ большинствомъ голосовъ.

13) Отиѣтка менѣе 3-хъ лишаетъ студента права на переходъ въ слѣдующій курсъ, если не послѣдуетъ рѣшеніе конференціи, по особо важнымъ соображеніямъ, ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о переподѣ, при чемъ ходатайство конференціи возможно только при отиѣтѣхъ менѣе 3 изъ одного предмета; при отиѣтѣхъ же менѣе 3 изъ двухъ и болѣе предметовъ, студентъ, по опредѣленію конференціи, утвержденному высшимъ начальствомъ, или остается въ томъ же курсѣ, или увольняется изъ института.

14) Студентъ, не подвергавшійся экзамену по болѣзни допускается къ экзамену послѣ вакаціоннаго времени только съ разрѣшенія конференціи.

15) Кромѣ переводныхъ или курсовыхъ испытаній по окончаніи каждаго учебнаго года, для контроля надъ запятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ въ теченіе года назначаются: по древнимъ языкамъ еженедѣльные письменныя практическія упражненія въ переводѣ съ русскаго языка и провѣрка домашняго чтенія древнихъ авторовъ, репетицій и сочиненія, по возможности, по каждому изъ главныхъ предметовъ.

16) Время для репетицій назначается конференціей въ началѣ каждаго полугодія; при чемъ наблюдается, чтобы на одинъ день не приходилось болѣе одной, а въ теченіе недѣли не назначалось

богѣ трехъ репетицій. Распредѣленіе репетицій на полугодіе сообщается студентамъ немедленно по составленіи его конференціей.

17) Сочиненія, въ порядкѣ предметовъ, опредѣляемому конференціей назначаются студентамъ съ начала учебнаго года, при чемъ каждый преподаватель въ установленномъ порядкѣ въ свое время предлагаетъ студентамъ на собственный ихъ выборъ нѣсколько темъ. Предлагаемыя темы должны относиться къ содержанію прочитанныхъ лекцій, при чемъ, для основательнаго усвоенія послѣднихъ, указываются, для изученія, главнѣйшіе источники и пособія. Для сочиненія по каждому предмету назначается не менѣе одного мѣсяца.

9. (4-го декабря 1876 г.) *Положеніе о стипендіи имени министра народнаго просвѣщенія, графа Димитрія Андреевича Толстого, при Тверскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Постановленіемъ Тверской городской думы отчисленъ изъ городскихъ суммъ капиталъ въ пятьсотъ руб., для учрежденія на проценты съ онаго при Тверскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи имени министра народнаго просвѣщенія, графа Димитрія Андреевича Толстого.

2) На учрежденіе этой стипендіи, съ присвоеніемъ ей имени графа Димитрія Андреевича Толстого, послѣдовало 26-го іюля 1876 г. Высочайшее соизволеніе.

3) Проценты съ вышеозначеннаго капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата, а весь могущій произойти отъ этой уплаты остатокъ хранится въ губернскомъ казначействѣ и выдается стипендіату, по окончаніи имъ полнаго курса ученія, въ пособіе, для отправленія его въ высшее учебное заведеніе.

4) Право выбора стипендіата принадлежитъ пожизненно графу Димитрію Андреевичу Толстому, а затѣмъ переходитъ къ Тверской городской думѣ, причемъ стипендіатами могутъ быть лишь дѣти обывателей города Твери.

5) Стипендіатъ, оказывающій, при хорошемъ поведеніи, удовлетворительные успѣхи въ наукахъ, сохраняетъ за собою право пользованія вышеозначенною стипендіею до окончанія полнаго курса ученія въ реальномъ училищѣ или до выхода изъ онаго по какимъ либо другимъ причинамъ. За малоуспѣшность же въ наукахъ, происходящую отъ нерадѣнія или за неодобрительное поведеніе стипендіатъ,

согласно опредѣленію педагогическаго совѣта реальнаго училища, можетъ быть лишень права пользованія стипендіею и ранѣе окончанія курса ученія или выхода изъ заведенія.

10. (18-го декабря 1876 г.) *Положеніе о стипендіи имени инспектора Рыбинской прогимназіи коллежскаго советника А. А. Захарбекова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I.

Собранные, по добровольной подпискѣ, лицами бывшими на актѣ въ Рыбинской прогимназіи 9-го сентября 1876 года, 1.145 руб., назначаются для учрежденія трехъ стипендій имени коллежскаго советника А. А. Захарбекова, въ память о службѣ его въ этой прогимназіи въ званіи инспектора.

II.

Стипендіи эти учреждаются при Рыбинской прогимназіи съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 13-го декабря 1876 года, изъ 6% съ означеннаго капитала, 1.145 рублей, — который съ этою цѣлю положенъ, на вѣчное время, въ Рыбинскій общественный банкъ.

III.

Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Рыбинской прогимназіи.

IV.

Стипендіи могутъ быть совѣтомъ предоставлены только на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Ученикамъ православнаго исповѣданія.
- 2) Оказывающимъ удовлетворительные успѣхи.
- 3) Имѣющимъ по поведенію отиѣтку не менѣе 4;
- 4) Преимущественно сыновьямъ гражданъ г. Рыбинска;
- 5) Сыновьямъ лицъ, недостаточное состояніе которыхъ будетъ засвидѣтельствовано почетнымъ попечителемъ прогимназіи, и обучающимся въ оной не менѣе полугода.

Недостатокъ одного изъ этихъ условій составляетъ препятствіе къ полученію стипендіи.

V.

Для сохраненія за собою полученной стипендіи необходимо удовлетвореніе тѣмъ же условіямъ. Стипендіатъ лишается стипендіи

по постановленію педагогическаго совѣта, если отмѣтки его по успѣхамъ и поведенію понижаются ниже слѣдующаго минимума: въ низшихъ 4-хъ классахъ по главнымъ предметамъ, въ теченіе года не менѣе 3-хъ и въ остальныхъ классахъ не менѣе 2¹/₂. Отъ находящихся въ старшихъ классахъ требуется по главнымъ предметамъ не менѣе 3¹/₂ и по остальнымъ не менѣе 3-хъ, въ теченіе года.

VI.

Непереводъ ученика въ высшій классъ не считается достаточнымъ поводомъ къ лишенію его стипендіи, если по убѣжденію педагогическаго совѣта это произошло не по винѣ стипендіата, но отъ причинъ, отъ него независимыхъ, какъ-то болѣзнь и т. п.

VII.

Стипендія не можетъ быть назначаема воспитанникамъ приготовительнаго класса.

VIII.

Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій и другихъ причинъ свободные остатки стипендіальной суммы, присоединяются къ основному капиталу, чрезъ что размѣръ стипендій можетъ со временемъ увеличиваться.

IX.

Размѣръ стипендій соразмѣряется съ размѣромъ существующей платы за ученіе.

11. (31-го декабря 1876 г.) *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго советника Галкина-Враскаго, учрежденной при Камышинскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Камышинская городская дума, желая выразить свою признательность саратовскому губернатору Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому за его заботы объ интересахъ и нуждахъ г. Камышина, опредѣлила учредить стипендію его имени на проценты съ отчисленнаго ею, съ этою цѣлію, капитала въ одну тысячу рублей, для выдачи этой стипендіи въ пособіе одному изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по успѣхамъ и по поведенію дѣтей гражданъ г. Камышина, обучающемуся въ Камышинскомъ реальномъ училищѣ.

2) Стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галкина-Врасскаго учреждена съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го декабря 1876 года.

3) Помянутый капиталъ—1.000 рублей,—долженъ быть внесенъ, на вѣчныя времена въ Камышинскій общественный банкъ изъ „7½“ годовыхъ процентовъ; билетъ же банка передается въ совѣтъ Камышинскаго реальнаго училища.

4) Образующаяся ежегодно изъ процентовъ съ сего капитала сумма „75 рублей“ получается изъ банка совѣтомъ Камышинскаго реальнаго училища и хранится, до употребленія ея, въ кассѣ онаго училища въ билетахъ государственнаго банка.

5) Одна часть изъ числа „75“ рублей употребляется на взносъ платы за право обученія ученика въ Камышинскомъ реальномъ училищѣ, а остальная часть на приобрѣтеніе для того ученика учебныхъ пособій и для удовлетворенія другихъ его нуждъ.

6) Означенное пособіе производится одному и тому же ученику въ теченіе всего проходимаго имъ курса наукъ въ Камышинскомъ реальномъ училищѣ; если же стипендіатъ остается, по какимъ бы то ни было причинамъ, исключая болѣзни, въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то выдача ему пособія прекращается.

7) Ученику, получающему пособіе изъ процентовъ съ вышеозначенной суммы, присноется наименованіе: „стипендіата дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галкина-Врасскаго“.

8) Выборъ стипендіата предоставляется директору Камышинскаго реальнаго училища, съ согласія мѣстной городской думы.

9) Въ случаѣ упраздненія, по какимъ либо причинамъ, Камышинскаго общественнаго городского банка, капиталъ — одна тысяча рублей,—назначенный для стипендіи, долженъ быть изъ него взятъ для помѣщенія въ другомъ кредитномъ установленіи, по опредѣленію о томъ Камышинской городской думы.

12. (22-го января 1877 г.). *Уставъ Юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

ГЛАВА I.

Цѣль и составъ общества,

§ 1. Юридическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ

учреждается для разработки теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и распространенія юридическѣхъ свѣдѣній.

§ 2. Для достиженія означенной цѣли, общество имѣетъ періодическія собранія, издаетъ свои протоколы, отчеты и записки, а также юридическія изслѣдованія и сочиненія, назначаетъ преміи за составленіе или изданіе юридическихъ сочиненій, актовъ и матеріаловъ, снаряжаетъ ученыя экспедиціи для изученія и собиранія обычаевъ, устраиваетъ, съ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ, публичныя лекціи и съѣзды русскихъ юристовъ и принимаетъ другія мѣры, которыя будутъ признаны имъ необходимыми, для разработки права и распространенія юридическихъ свѣдѣній.

§ 3. Общество раздѣляется первоначально на два отдѣленія: I) гражданскаго и II) уголовного права. По мѣрѣ надобности, могутъ быть открываемы и другія отдѣленія, сообразно § 1 настоящаго устава.

§ 4. Общество составляютъ: а) члены дѣйствительные, б) члены почетные, в) члены сотрудники и г) члены соревнователи.

§ 5. Дѣлами общества управляетъ, на точномъ основаніи сего устава, совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя общества, помощника предсѣдателя, предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, четырехъ членовъ и секретаря. При совѣтѣ общества состоитъ канцелярія, если въ ней представится надобность.

Примѣчаніе. Если особа Императорской фамиліи удостоитъ общество принятіемъ на себя званія предсѣдателя, то для исполненія текущихъ обязанностей, съ симъ званіемъ сопряженныхъ, общество выбираетъ изъ дѣйствительныхъ членовъ своихъ вице-предсѣдателя, на основаніи правилъ, ниже сего въ § 20 опредѣленныхъ для избранія предсѣдателя.

§ 6. Общество имѣетъ свою печать съ надписью: „Юридическое общество, состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ“.

§ 7. Сношенія общества съ посторонними мѣстами и лицами производятся чрезъ предсѣдателя, который есть первенствующее лицо въ обществѣ.

ГЛАВА II.

Избраніе членовъ общества, ихъ права и обязанности.

§ 8. Дѣйствительными членами общества могутъ быть лица, извѣстныя своею ученою или многолѣтнею практическою юридическою дѣятельностію.

§ 9. Желающій поступить въ дѣйствительные члены долженъ быть предложенъ не менѣе, чѣмъ двумя дѣйствительными членами, которые свидѣлствуютъ, что предлагаемый ими кандидатъ соотвѣтствуетъ условію, обозначенному въ § 8, и притомъ сообщать свѣдѣніе о его дѣятельности.

Каждое предложеніе сего рода разсматривается совѣтомъ и, по принятіи имъ, предлагается общему собранію для производства выбора закрытою баллотировкою по большинству голосовъ.

§ 10. Дѣйствительные члены вносятъ въ кассу общества ежегодно не менѣе 10 руб. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ во сто руб., который зачисляется въ неприкосновенный капиталъ общества.

Примѣчаніе. Годовая плата вносится вступающимъ вновь членомъ сполна, хотя бы онъ поступилъ и въ концѣ года, считая срокъ взноса съ 1-го декабря. Единовременный взносъ производится также сполна, не принимая въ расчетъ сдѣланныхъ уже членами годовыхъ взносовъ.

§ 11. Дѣйствительные члены могутъ приписываться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ общества, съ правомъ голоса какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ собраніяхъ отдѣленій, къ которымъ приписаны.

§ 12. Дѣйствительные члены избираютъ и могутъ быть избираемы на всѣ должности по обществу.

§ 13. Общество, по предложеніямъ совѣта, избираетъ въ почетные члены своихъ лицъ, оказавшихъ особые заслуги юридической наукѣ, или значительное содѣйствіе обществу. Почетнымъ членамъ выдаются на сіе званіе дипломы, за подписью предсѣдателя.

§ 14. Почетные члены могутъ быть и дѣйствительными по заявленію ихъ о томъ совѣту и съ принятіемъ на себя всѣхъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, обязанностей, но безъ избранія порядкомъ, указаннымъ въ § 9.

§ 15. Лицо, которое принесетъ въ даръ обществу единовременно не менѣе 300 руб. получаетъ званіе члена сореоователя, съ выдачею ему на сіе званіе диплома, за подписью предсѣдателя.

§ 16. Лица, изъявившія готовность доставлять обществу нужные свѣдѣнія, принимаются, по представленіямъ отдѣленій и съ утвержденія совѣта, въ члены-сотрудники. Они не обязываются къ денежнымъ взносамъ и въ собраніяхъ общества имѣютъ голосъ совѣщательный.

§ 17. Члены общества бесплатно получают протоколы засѣданій и отчетъ общества, прочія же сочиненія, издаваемые обществомъ, уступаются имъ по цѣнѣ, въ которую обошлось изданіе.

§ 18. Дѣйствительный членъ, два года не внесшій слѣдующихъ съ него денегъ, а сотрудникъ—два года не доставлявшій обществу никакихъ свѣдѣній, считаются сложившими съ себя сіе званіе.

§ 19. Въ должности по обществу дѣйствительные члены избираются общими собраніями, а въ случаяхъ, особо указанныхъ, — совѣтомъ или собраніемъ отдѣленій общества. Всѣ выборы по обществу производятся закрытою баллотировкою по большинству голосовъ.

§ 20. Предсѣдатель общества и помощникъ его избираются на два года изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ на каждую изъ сихъ должностей совѣтомъ. Если въ теченіе двухъ лѣтъ одинъ изъ нихъ выбудетъ изъ общества, то вакансія замѣщается немедленно новымъ избраніемъ.

Примѣчаніе. Если osoba Императорской фамиліи удостоитъ общество принятіемъ на себя званія предсѣдателя, то извѣщенный въ семъ § порядокъ выбора примѣняется къ избранію вице-предсѣдателя.

§ 21. Каждое отдѣленіе выбираетъ своего предсѣдательствующаго, его товарища и 3-хъ членовъ своего редакціоннаго комитета. На одного изъ послѣднихъ предсѣдательствующій возлагаетъ исполненіе секретарскихъ обязанностей по отдѣленію.

§ 22. Изъ 4-хъ членовъ совѣта двое выбываютъ ежегодно, по очереди своего вступленія, и могутъ быть избираемы вновь въ ту же должность не прежде, какъ по истеченіи года.

§ 23. Секретарь избирается совѣтомъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества.

§ 24. Казначей избирается общимъ собраніемъ на одинъ годъ.

ГЛАВА III.

О собраніяхъ.

§ 25. Собранія общества бываютъ общія и частныя (по отдѣленіямъ). Общія собранія суть: обыкновенныя, чрезвычайныя и годовыя.

§ 26. Обыкновенныя общія собранія бываютъ не менѣе трехъ разъ въ годъ, съ октябри по май включительно. Онѣ посвящаются: а) слушанію отчетовъ о дѣйствіяхъ совѣта и опредѣленій; б) выборамъ въ члены дѣйствительные и почетные предлагаемыхъ совѣтомъ часть СХС, отд. 1.

кандидатовъ; в) утвержденію предложеній совѣта объ открытіи новыхъ отдѣленій въ составѣ общества; г) чтенію и устному обсужденію юридическихъ статей и докладовъ, внесенныхъ отдѣленіями, а также сообщенію извѣстій, касающихся задачъ и дѣлъ общества.

Примѣчаніе. О предметѣ разсужденій членъ извѣщаются пригласительными записками. Чтеніе доклада не должно продолжаться болѣе часа.

§ 27. Въ обыкновенномъ общемъ собраніи могутъ присутствовать и посторонніе посѣтители, введенные дѣйствительными членами, съ согласія предсѣдателя.

§ 28. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ совѣщанія объ измѣненіяхъ устава общества не допускаются. Для сего, если нужно, могутъ быть назначаемы собранія чрезвычайныя.

§ 29. Въ годовомъ собраніи, которое назначается въ январѣ, прочитывается общій годовой отчетъ о дѣйствіяхъ и о состояніи суммъ общества, избираются должностныя лица, раздаются награды и преміи, проносятся рѣчи и читаются статьи юридическаго содержанія. Для разсмотрѣнія годовой отчетности общества, собраніе избираетъ комиссію изъ 5 членовъ, заключеніе которой, выѣстъ съ объясненіемъ совѣта, доводится до свѣдѣнія общества въ ближайшемъ общеполномъ общемъ собраніи.

§ 30. Отдѣленія имѣютъ частныя свои собранія, разъ въ мѣсяцъ и болѣе, если въ томъ представится надобность.

§ 31. Въ собраніяхъ отдѣленій разсматриваются: а) предложенія, сообщенія и разсужденія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ предметовъ каждаго отдѣленія или стоящимъ съ ними въ тѣсной связи; б) юридическія изслѣдованія, представленныя обществу; в) предложенія правительственныхъ, городскихъ, земскихъ и общественныхъ установленій о разрѣшеніи представляющихся имъ затруднительныхъ юридическихъ вопросовъ.

Примѣчаніе. Сочиненія, представленныя для соисканія премій и наградъ, разсматриваются въ отдѣленіяхъ или особо избранною для того комиссіею при редакціонномъ комитетѣ, по порученію отдѣленія.

§ 32. Наблюденія за порядкомъ и правильнымъ ходомъ занятій въ общихъ собраніяхъ, принадлежитъ предсѣдателю общества, а въ частныхъ предсѣдательствующему въ отдѣленіи. Въ случаѣ отсутствія ихъ, перваго замѣняетъ помощникъ предсѣдателя, а вторыхъ — ихъ товарищи.

§ 33. При каждомъ отдѣленіи общества устраивается редакціонный комитетъ, состоящій изъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи, товарища его и трехъ членовъ по выбору отдѣленія на одинъ годъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ малочисленности состава отдѣленія, обязанности редакціоннаго комитета могутъ быть возложены имъ на предсѣдательствующаго и члена, избираемаго для исполненія секретарскихъ обязанностей по отдѣленію.

§ 34. Предметъ занятій редакціонныхъ комитетовъ состоитъ:

а) въ подготовленіи матеріала какъ къ общимъ, такъ и къ частнымъ собраніямъ общества;

б) въ разсмотрѣніи представляемыхъ обществу юридическихъ сочиненій и изслѣдованій и составленіи по нимъ отчетовъ для собранія общества;

в) въ наблюденіи за изданіемъ трудовъ общества по спеціально-сти каждого отдѣленія,—при чемъ должны быть приняты въ руководство существующія на сей предметъ узаконенія.

О совѣтѣ общества.

§ 35. Управление дѣлами общества въ хозяйственномъ отношеніи, назначеніе общихъ собраній, утвержденіе предлагаемыхъ отдѣленіями задачъ на преміи и самыхъ премій и наградъ принадлежитъ совѣту общества.

Примѣчаніе. Впредь до образованія общества въ числѣ не менѣе 40 дѣйствительныхъ членовъ, права и обязанности совѣта, также избраніе дѣйствительныхъ членовъ общества, по большинству голосовъ, принадлежать членамъ учредителямъ, переименовывающимся затѣмъ въ дѣйствительные члены.

§ 36. Расходы производятся по постановленіямъ совѣта.

§ 37. На обязанности совѣта лежитъ: 1) изданіе протоколовъ, отчетовъ, записокъ и другихъ изданій общества; 2) ревизія принадлежащихъ обществу денежныхъ суммъ.

§ 38. Для дѣйствительности засѣданія совѣта требуется присутствіе не менѣе 5 членовъ. Дѣла въ совѣтѣ разрѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства ихъ, голосъ предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ.

§ 39. Измѣненіе и дополненіе сего устава могутъ быть сдѣланы по постановленію общаго собранія и съ утвержденія подлежащей власти.

13. (5-го февраля 1877 г.). *Уставъ Фребелевскаго общества для содѣйствія первоначальному воспитанію.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль, кругъ дѣятельности и средства общества.

§ 1. Фребелевское общество, учрежденное въ С.-Петербургѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день мая 1871 года, имѣетъ цѣлю содѣйствовать улучшенію первоначальнаго воспитанія.

§ 2. Для достиженія своей цѣли Фребелевское общество: а) учреждаетъ спеціальныя курсы съ образцовымъ дѣтскимъ садомъ для приготвленія свѣдущихъ нянекъ и дѣтскихъ садовницъ; б) учреждаетъ дѣтскіе сады и содѣйствуетъ учрежденію новыхъ дѣтскихъ садовъ всѣми зависящими отъ него способами; в) открываетъ публичныя лекціи и чтенія, подчиняясь при этомъ существующимъ по сему предмету постановленіямъ; обсуждаетъ рефераты согласно цѣлямъ общества; г) издаетъ журналъ, въ которомъ знакомитъ публику съ развитіемъ и совершенствованіемъ дѣла первоначальнаго воспитанія какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границею, а равно печатаетъ отчеты о своей дѣятельности; изданія эти подчиняются общимъ цензурнымъ узаконеніямъ; д) выдаетъ почетныя и поощрительныя отзывы, а также медали, лицамъ, которые оказали серьезныя услуги дѣлу общества, какъ то: сотрудникамъ общества, жертвователямъ, дѣтскимъ садовницамъ, помощницамъ дѣтскихъ садовницъ, лицамъ, способствовавшимъ развитію литературы для дѣтей и т. п.

§ 3. Издержки общества покрываются: а) чрезвычайными пожертвованіями, б) ежегодными взносами, в) деньгами, выручаемыми отъ платы за посѣщеніе спеціальныхъ курсовъ и публичныхъ лекцій и отъ подписки на журналъ общества. Кроме того, общество пользуется всѣми дозволенными мѣрами для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ.

II. Составъ общества.

§ 4. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ обоего пола.

§ 5. Члены раздѣляются на дѣйствительныхъ и почетныхъ.

§ 6. Лица, изъявившія желаніе содѣйствовать интересамъ общества, именуются дѣйствительными членами. Въ почетныя же члены могутъ быть предлагаемы только лица, сдѣлавшія значительныя по-

жертвованіи въ пользу общества или могущія содѣйствовать преуспѣванію общества по своему положенію.

III. Порядокъ избранія членовъ, права и обязанности ихъ.

§ 7. Лицо, желающее поступить въ дѣйствительные члены общества, должно быть предложено не менѣе, какъ тремя дѣйствительными членами. Совѣтъ общества утверждаетъ избраніе дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ.

§ 8. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу общества сумму въ томъ размѣрѣ, какой будетъ установленъ общимъ собраніемъ. Члены, не внесшіе означенной суммы въ теченіе двухъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ общества.

§ 9. Дѣйствительные члены присутствуютъ во всѣхъ общихъ собраніяхъ общества съ правомъ голоса. Они избираются во всѣ должности по обществу и имѣютъ право представлять совѣту общества предположенія свои о томъ, что считаютъ полезнымъ для общества.

IV. О собраніяхъ общества.

§ 10. Собранія общества происходятъ по назначенію совѣта, и на нихъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, могутъ присутствовать и посторонніе посѣтители, желающіе ознакомиться съ дѣятельностью общества.

§ 11. Каждый членъ общества имѣетъ одинъ голосъ. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдательствующаго даетъ перевѣсъ. Подача мнѣній въ собраніи производится только присутствующими, а отсутствующіе подчиняются принятымъ рѣшеніямъ. Собраніе считается дѣйствительнымъ, когда въ немъ присутствуетъ не менѣе 20-ти членовъ.

V. О совѣтѣ и избраніи должностныхъ лицъ; права и обязанности ихъ.

§ 12. Общее собраніе избираетъ изъ среды своей совѣтъ, состоящій изъ 9 членовъ, въ числѣ которыхъ находится предсѣдатель, вице-предсѣдатель, дѣлопроизводитель и казначей. Всѣ члены общества принимаютъ на себя исчисленныя званія безвозмездно.

§ 13. Всѣ должностныя лица и прочіе члены совѣта избираются на одинъ годъ, закрытыми записками, по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

§ 14. Совѣтъ управляетъ всѣми дѣлами общества, то-есть: 1) обсуждаетъ предварительно предметы занятій въ общихъ собраніяхъ и устанавливаетъ порядокъ ихъ; 2) завѣдуетъ учрежденіями общества, то-есть, спеціальными курсами и публичными лекціями; 3) ведетъ переписку съ многородными членами; 4) дѣлаетъ выборъ книгъ для бібліотеки; 5) представляетъ ежегодно общему собранію отчеты: а) о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, б) о состояніи учрежденій общества и дѣятельности его въ теченіе года и предлагаетъ в) примѣрную сумму доходовъ и расходовъ на слѣдующій годъ; 6) утверждаетъ принятіе новыхъ членовъ.

§ 15. Совѣтъ созывается предсѣдателемъ, а за болѣзнію или отсутствіемъ его — вице-предсѣдателемъ, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій. Для дѣйствительности постановленій совѣта, требуется присутствіе не менѣе 5-ти членовъ.

§ 16. Предсѣдатель наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ устава и всѣхъ вообще постановленій общества, открываетъ и закрываетъ собранія, наблюдаетъ за порядкомъ въ оныхъ и руководитъ занятіями.

§ 17. На дѣлопроизводителѣ лежатъ слѣдующія обязанности: а) составленіе и чтеніе протоколовъ въ собраніяхъ, б) составленіе годового отчета по дѣламъ управленія общества и в) веденіе переписки по всѣмъ дѣламъ общества.

§ 18. Казначеемъ поручается сборъ взносовъ, принятіе денежныхъ пожертвованій и уплата по представленнымъ и провѣреннымъ совѣтомъ счетамъ и веденіе прихода-расходныхъ книгъ.

§ 19. Всѣ обязанности по завѣдыванію учрежденіями общества распределяются между остальными членами совѣта.

§ 20. Для повѣрки счетовъ, ежегодно избирается коммисія изъ трехъ лицъ, которая ревизуетъ дѣятельность совѣта по хозяйственной части.

14. (12-го февраля 1877 г.). *Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-адъютанта Крыжановскаго при Уральской войсковой гимназій для дѣтей уральскаго казачьяго войска.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Уральской мужской гимназій учреждаются съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17-го марта 1875 г., двѣ стипендіи имени генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго для образованія двухъ способнѣйшихъ дѣтей изъ лицъ Уральского казачьяго войска.

2) Стипендіаты содержатся на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.400 р., пожертвованнаго чинами Уральскаго казачьяго войска.

3) Проценты съ капитала дѣлятся по равну между обоими стипендіатами, но если стипендіи нѣкоторое время не будутъ замѣщены, то проценты причисляются къ капиталу за все время до замѣщенія ихъ.

4) Выборъ стипендіатовъ производится генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему Уральскимъ войсковымъ начальствомъ. Въ случаѣ выбытія генераль-адъютанта Крыжановскаго изъ края, выборъ стипендіатовъ предоставляется его преемникамъ. Выбранные стипендіаты во время ученія въ гимназій именуется „стипендіатами генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго“.

5) Для сохраненія стипендіи требуется, чтобы стипендіаты оказывали удовлетворительные успѣхи и были бы хорошаго поведенія. Въ случаѣ неперехода стипендіата въ слѣдующій классъ, безъ особо уважительной къ тому причины (напримѣръ, болѣзни), или неодобрительнаго поведенія, стипендія отъ него отбирается и передается другому, болѣе достойному ученику.

6) Пожертвованный на стипендіи капиталъ, по обращеніи въ русскія государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, долженъ храниться въ государственномъ банкѣ или ближайшемъ мѣстномъ отдѣленіи онаго.

7) Наблюденіе за употребленіемъ пожертвованнаго капитала и храненіе документовъ онаго предоставляется Уральскому войсковому начальству, которое ежегодно публикуетъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ отчетъ о состояніи и оборотахъ того капитала. Копія съ отчета представляется Оренбургскому генераль-губернатору.

15. (16-го февраля 1877 г.). *Циркулярное предложеніе и. попочетеламъ учебныхъ округовъ о порядкѣ передачи въ казну суммъ отъ подписки на журналъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Государственный Контроль, усматривая изъ отчетности контрольных палатъ, что причитающіяся за журналъ министерства народнаго просвѣщенія и за пересылку его деньги, многими учебными заведеніями и должностными лицами, отсылаются (съ уплатою почтовыхъ расходовъ) въ департаментъ народнаго просвѣщенія, а не въ мѣстныя казначейства, какъ это бы слѣдовало на основаніи кассовыхъ правилъ, проситъ предложить подвѣдомственнымъ министерству

народнаго просвѣщенія учебнымъ заведеніямъ и должностнымъ лицамъ о соблюденіи въ точности сказанныхъ правилъ.

Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, сдѣлать зависящее распоряженіе по подвѣдомственнымъ вамъ, милостивый государь, учебнымъ заведеніямъ и должностнымъ лицамъ, чтобы причитающіяся за журналъ министерства народнаго просвѣщенія, а равно и за пересылку этого журнала деньги, вмѣсто отсылки оныхъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, передаваемы были въ полной цифрѣ въ мѣстныя казначейства, для причисленія этихъ денегъ къ государственнымъ доходамъ по надлежащимъ смѣтнымъ подраздѣленіямъ.

16. (17-го февраля 1877 г.). *Правила о стипендіи Ю. О. Самарина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго семействомъ Самариныхъ капитала въ шесть тысячъ рублей, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ стипендія въ 300 рублей, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14-го февраля 1877 года, именуется: „стипендіею Юрія Ѳедоровича Самарина“.

2) Стипендія эта предоставляется студентамъ историко-филологическаго факультета, отдѣленія историческихъ наукъ.

3) Стипендія назначается, съ утвержденія совѣта университета, тому изъ студентовъ упомянутаго выше отдѣленія, который при отличныхъ успѣхахъ и поведеніи, будетъ посвящать себя занятіямъ по Исторіи Россіи или Славянскихъ Государствъ.

4) Стипендія назначается только студенту, перешедшему на III курсъ, и притомъ ставится непремѣннымъ условіемъ полученіе вышнихъ отиѣтокъ по Русской Исторіи и Славянскимъ нарѣчіямъ на предшествовавшихъ курсахъ и обязательство поступить на отдѣленіе историческихъ наукъ и слушать кромѣ того курсъ Исторіи Славянскихъ Государствъ и Славянскихъ нарѣчій.

5) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ по малоуспѣшности или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи, лишается стипендіи.

6) Согласно волѣ жертвователей, эта стипендія считается соединенною къ стипендіямъ имени А. С. Хомякова и К. С. Акса-

кова и существующею на общихъ съ ними основаніяхъ подъ названіемъ стипендіи, учрежденныхъ семействомъ Самаринныхъ.

17. (17-го февраля 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени лекаря Дмитрія Петровича Бореиши.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го февраля 1877 года, учреждается при пятой С.-Петербургской гимназій одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія въ память лекаря Дмитрія Петровича Бореиши“, на проценты съ 13-ти 5% облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества, въ 100 рублей каждая, за №№ 16.270, 49.008, 57.979, 60.803, 256.868, 260.985, 271.040, 271.041, 271.042, 271.043, 305.239, 313.068 и 481.481.

2) Проценты съ означеннаго капитала выдаются вдовѣ покойнаго лекаря Дмитрія Петровича Бореиши на воспитаніе единственнаго сына покойнаго ея мужа, до окончанія 17-ти-лѣтняго его возраста, а потомъ употребляются на плату за право ученія и на учебныя пособія одного ученика въ пятой С.-Петербургской гимназій.

Примѣчаніе. Если стипендіатъ будетъ освобожденъ отъ взноса платы за ученіе, то проценты выдаются ему на книги и другія учебныя пособія.

3) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ изъ бѣдныхъ воспитанниковъ 5-й гимназій православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ и имѣющихъ жителство въ Коломенской части.

4) Стипендія назначается не ранѣе, какъ по истеченіи года со времени поступленія ученика въ 5-ю гимназію.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею въ продолженіе всего курса ученія въ 5-й гимназій, если только будетъ достоинъ, въ противномъ случаѣ педагогическому совѣту предоставляется право избрать другаго на его мѣсто.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія не иначе, какъ по особо уважительнымъ причинамъ, разсмотрѣннымъ въ педагогическомъ совѣтѣ.

7) Капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность пятой С.-Петербургской гимназій и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

18. (17-го февраля 1877 г.). *Положеніе о стипендіи при Пензенской женской прогимназіи „статскаго советника Карла Васильевича Бауэра“.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день февраля 1877 года, на собраніи по подпискѣ въ средѣ членовъ попечительнаго совѣта названной прогимназіи деньги, въ количествѣ *двухсотъ рублей* учреждается при сей прогимназіи одна стипендія, имени „статскаго советника Карла Васильевича Бауэра“.

2) Означенная сумма, оставаясь навсегда неприкосновенною, должна храниться въ Пензенскомъ городскомъ банкѣ, или иномъ, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта прогимназіи, кредитномъ учрежденіи для приращенія процентами.

3) Проценты эти прежде всего должны быть употребляемы на плату за право ученія одной изъ бѣднѣйшихъ, прилежнѣйшихъ и отличнѣйшихъ по поведенію, ученицъ прогимназіи, а остальные деньги, если будутъ причитаться за означеннымъ расходомъ, должны быть выдаваемы стипендіаткѣ на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

4) Избраніе стипендіатки предоставляется тому, чье имя носитъ стипендія, т. е. Карлу Васильевичу Бауэру, пока онъ живъ, или нѣтъ пребываніе въ г. Пензѣ. За смертію же его, или выбытіемъ изъ сего города, право избранія стипендіатки переходитъ къ педагогическому совѣту прогимназіи.

5) Выдача стипендіи избранной ученицѣ можетъ прекратиться, если она станетъ оказывать неудовлетворительные успѣхи, или поведеніе ея не будетъ одобрено педагогическимъ совѣтомъ заведенія.

6) Пользованіе стипендіею не связываетъ стипендіатку никакими обязательствами и разъ выданныя ей деньги возврату не подлежатъ.

19. (17-го февраля 1877 г.). *Положеніе о стипендіи при Казанской женской прогимназіи, имени генералъ-лейтенанта Михаила Васильевича Степанова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день февраля 1877 года, при

Казанской женской прогимназіи, на проценты съ капитала въ пять-сотъ рублей, пожертвованнаго наслѣдниками покойнаго генералъ-лейтенанта Михаила Васильевича Степанова, въ память его учреждается, на пользу бѣдныхъ воспитанницъ, одна стипендія его имени.

2) Означенный капиталъ долженъ навсегда оставаться неприкосновеннымъ и храниться, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта прогимназіи, или въ государственномъ банкѣ, или въ другомъ какомъ-либо государственномъ кредитномъ учрежденіи, во исполнѣ гарантированныхъ процентныхъ бумагахъ, какія окажутся болѣе выгодными по количеству процентовъ.

3) Стипендія состоитъ прежде всего въ уплатѣ процентовъ съ означеннаго капитала за ученіе въ прогимназіи одной бѣднѣйшей ученицы, отличающейся хорошими успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ безъ различія сословій, но преимущественно православнаго вѣроисповѣданія; могущіе затѣмъ образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ капитала, выдаются стипендіаткѣ на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

4) Право избранія стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту прогимназіи.

5) Ученица, пользующаяся стипендіею, носитъ именовавіе „стипендіатки генералъ-лейтенанта М. В. Степанова“.

6) Если успѣхи и нравственность ученицы, пользующейся стипендіею окажутся не совсѣмъ удовлетворительными, то попечительному совѣту предоставляется право лишить такую ученицу стипендіи и на мѣсто ея избрать другую.

7) Пользованіе стипендіею не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ со стороны стипендіатки и разъ выданныя ей деньги возврату не подлежатъ.

20. (26 февраля 1877 г.) *Положеніе о стипендіи имени жены генералъ-лейтенанта Елены Ивановны Струковой при Владимірской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 24 день апрѣля 1876 г., при Владимірской женской гимназіи въ воспомяніе оказанныхъ женою генералъ-лейтенанта Еленою Ивановною Струковою заслугъ по званію попечительницы гимназіи, учреждается одна стипендія имени ея.

2) На стипендію употребляются проценты съ собраннаго по под-

пискѣ капитала въ размѣрѣ *шестисотъ рублей*, обращеннаго въ пятипроцентные билеты государственнаго банка, которые имѣютъ храниться вмѣстѣ съ прочими суммами, принадлежащими гимназіи.

3) Стипендіатка избирается по выбору попечительнаго совѣта гимназій изъ бѣднѣйшихъ дѣвицъ, принадлежащихъ къ населенію Владимірской губерніи, и успѣвшихъ, во время хотя бы и кратко-временнаго обученія въ гимназіи, обнаружить прилежаніе и хорошіе успѣхи и задатки отличнаго поведенія.

4) Воспитанница, удостоенная стипендіи, пользуется ею въ полной суммѣ во все продолженіе обученія своего въ гимназіи и лишается только тогда, когда оставляетъ гимназію—или по неуспѣшности, или по другимъ какимъ либо причинамъ.

5) Изъ причитающихся стипендіаткѣ денегъ должна вычитаться плата за обученіе ея въ гимназіи, остатки же, могущіе образоваться какъ за сею уплатою, такъ и по другимъ причинамъ, выдаются стипендіаткѣ въ пособіе на учебныя и другія надобности и, будучи разъ выданы, возврату не подлежатъ.

21. (27 февраля 1877 г.) *Правила о стипендіяхъ статскаго советника Григорія Яковлевича Быковского при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и третьей Харьковской гимназіи.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Стипендіи учреждаются на проценты изъ 100 тысячъ руб. при Харьковскомъ университетѣ и на проценты изъ другихъ 100 тысячъ р. при третьей Харьковской гимназіи по триста руб. каждая. Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1 іюля 1875 г., именуются: „стипендіи статскаго совѣтника Григорія Яковлевича Быковского“.

§ 2. Стипендіатами могутъ быть только лица православнаго исповѣданія.

§ 3. Стипендіи имени Быковского должны предоставлятьсяискателямъ ихъ, по старшинству балловъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: а) дѣтямъ чиновниковъ, служащихъ или служившихъ въ городѣ Старобѣльскѣ и уѣздѣ онаго; б) дѣтямъ бѣдныхъ дворянъ Старобѣльскаго уѣзда, хотя бы не служившихъ; в) дѣтямъ чиновниковъ служившихъ или служащихъ въ другихъ уѣздахъ Харьковской губерніи и наконецъ г) дѣтямъ бѣднѣйшихъ, хотя бы тоже не служившихъ дворянъ остальныхъ уѣздовъ Харьковской же губерніи. Старшинство балловъ опредѣляется: въ гимназіи—на основаніи отмѣтокъ

вступительнаго или переводнаго экзамена, а въ университетѣ — по гимназическому аттестату или по факультетскимъ предметамъ на годовыхъ испытаніяхъ. Въ случаѣ же равенства балловъ у лицъ одной категоріи, назначеніе стипендій, имѣющихъ равныя баллы, производится посредствомъ жребія. Соискатели послѣдующихъ категорій допускаются къ соисканію и могутъ быть замѣщенными только въ томъ случаѣ, когда не будетъ въ виду имѣющихъ право на стипендіи лицъ предыдущихъ категорій. Не подчиняются правиламъ, изложеннымъ въ этомъ §, дѣти живущихъ въ г. Старобѣльскѣ: надворнаго совѣтника Григорія Никитича Морозенко (нынѣ умершій) и коллежскаго регистратора Николая Лукича Роговешко, живущаго въ г. Павловскѣ Воронежской губерніи, ротмистра Александра Христофоровича Гаушильдтъ и проживающаго въ Старобѣльскомъ уѣздѣ коллежскаго секретаря Андрея Францовича Фаусекъ—сыновья: Викторъ, Вячеславъ, Александръ и Павелъ;—они назначаются первыми и безусловными стипендіатами какъ въ гимназін, такъ и въ университетѣ.

§ 4. Назначеніе стипендій имени Быковскаго, на точномъ основаніи настоящихъ правилъ, и установленіе порядка и сроковъ выдачи ихъ, предоставляется усмотрѣнію совѣтовъ гимназій и университета, при участіи, съ правомъ совѣщательнаго голоса, представителя имени Быковскаго. Такимъ представителемъ назначается, по назначенію, штабсъ-ротмистръ Александръ Корниловичъ Штенгеръ, неприбытіе впрочемъ котораго въ совѣтъ, по извѣщеніи, не останавливаетъ дѣйствій совѣтовъ. Но лишитъ воспитанника стипендіи совѣтъ имѣетъ право только при согласіи на это представителя Быковскаго, Штенгера и безъ его согласія и присутствія въ такомъ только случаѣ, когда воспитанникъ, по правиламъ учебнаго заведенія, подлежитъ совершенному исключенію изъ заведенія.

§ 5. Вдова статскаго совѣтника Анна Максимовна Быковская, при жизни своей, или отъ имени ея представитель Быковскаго—Штенгеръ, имѣетъ право назначать изъ лицъ, выдержавшихъ испытаніе, одного стипендіата въ университетъ и одного стипендіата въ гимназію, по личному своему усмотрѣнію, не стѣсняясь настоящими правилами, о чемъ и извѣщаютъ только совѣтъ университета и гимназій. Такое же право замѣщенія одной стипендіи въ университетѣ предоставляется и губернскому секретарю Федору Никитичу Морозову, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что право Морозова не прекращается съ его смертію,—оно послѣ смерти его переходитъ къ женѣ,

а послѣ смерти жены—къ старшему въ родѣ на вѣчное время. Кромѣ того, Морозову, или кто будетъ его вступать, предоставляется право давать и назначеніе тѣмъ деньгамъ, какія образуютъ остатки, если предоставляемая въ его распоряженіе стипендія будетъ оставаться нѣкоторое время почему либо не занятою.

§ 6. Соискателями стипендій могутъ быть только русскіе подданные; они обязываются представлять свидѣтельства о бѣдности, установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для университета, такъ какъ стипендіи эти имѣютъ цѣлю дать средства бѣднѣйшимъ родителямъ, по преимуществу жителямъ г. Старобѣльска и его уѣзда, воспитывать своихъ дѣтей. Исключеніе дѣлается для лицъ Старобѣльскаго уѣзда, о которыхъ г. Штенгеръ сдѣлаетъ заявленіе, что они не имѣютъ средствъ для содержанія себя въ Харьковѣ,—такое заявленіе принимается совѣтомъ какъ равносильное свидѣтельству о бѣдности.

§ 7. Стипендіатами ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть родственники: въ прямой линіи—безъ ограниченія, а въ боковыхъ—до 5-ой степени родства и свойственники до 3-й степени свойства лицъ, учащихъ въ тѣхъ заведеніяхъ, при которыхъ учреждены стипендіи имени Быковскаго (§ 1-й).

§ 8. Было бы желательно, чтобы въ университетѣ, при одинаковыхъ правахъ соискателей стипендій, преимущество отдавалось студентамъ, слушающимъ лекціи по историко-филологическому факультету.

§ 9. Имѣющіе образоваться остатки по неполному комплекту стипендіатовъ должны распредѣляться ежегодно: остатки отъ гимназическихъ стипендій, причисляются къ основному капиталу на стипендіи въ гимназіи, назначеніе которыхъ предоставляется усмотрѣнію совѣта гимназій безъ всякихъ ограниченій, постановленныхъ въ настоящихъ условіяхъ, а остатки отъ стипендій университетскихъ, отдаются въ распоряженіе совѣта университета на приобрѣтеніе, съ разрѣшенія высшаго начальства, ученыхъ и учебныхъ пособій для университета.

22. (8-го марта 1877 г.). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи ежегодныхъ вѣдомостей о дѣйствительныхъ остаткахъ, образовавшихся отъ кредитовъ предыдущаго года и обращенныхъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства.*

Циркулярнымъ предложеніемъ г. министра народнаго просвѣще-

ніа, отъ 6-го марта 1871 г. за № 2617, вѣдѣно было въ обязанность подвѣдомственнымъ министерству учрежденіямъ доставлять въ департаментъ народнаго просвѣщенія ежегодно, къ 1-му іюля, вѣдомости о дѣйствительныхъ остаткахъ, образовавшихся отъ кредитовъ предыдущаго года и обращенныхъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства.

Въ виду настоятельной необходимости имѣть означенныя свѣдѣнія, сколь возможно ранѣе опредѣленнаго выше срока, а именно, чтобы подвѣдомственнымъ министерству народнаго просвѣщенія учрежденіа доставляли, начиная съ текущаго 1877 года, поминутыя свѣдѣнія департаменту не позже 15 мая, я покориѣйше прошу ваше превосходительство предложить о вышеизложенномъ къ надлежащему исполненію начальникамъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа.

23. (6-го марта 1877 г.). *Положеніе о стипендіи имени баронессы А. М. Фредериксъ при Иркутской женской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго въ 19 день ноября 1876 года, при названной гимназій учреждается, на проценты (52 р. 50 к.) съ пожертвованныхъ С. С. Хаминнымъ трехъ билетовъ Сибирскаго торговаго банка, на сумму 750 рублей, выданныхъ на предъявителя отъ 12 августа 1876 года, срокомъ на сто двадцать мѣсяцевъ, — одна стипендіа, имени баронессы Антонины Михайловны Фредериксъ.

2) Стипендіа состоитъ прежде всего во взносі за стипендіатку установленной въ Иркутской женской гимназій платы за ученіе; затѣмъ остальные деньги выдаются стипендіаткѣ на пріобрѣтеніе необходимыхъ для нея учебныхъ пособій.

3) По окончаніи срока представленнымъ Хаминнымъ билетамъ, попечительный совѣтъ Иркутской женской гимназій обязанъ или взять вкладъ обратно и помѣстить его въ другое учрежденіе, если найдетъ то болѣе выгоднымъ, или же оставить въ Сибирскомъ торговомъ банкѣ.

4) Право выбора стипендіатки предоставляется, согласно волѣ жертвователя, баронессѣ А. М. Фредериксъ; послѣ же смерти ея, право такого выбора принадлежитъ жертвователю, а затѣмъ уже попечительному совѣту Иркутской женской гимназій.

5) Стипендіатка можетъ быть лишена стипендіи за неодобрительное поведеніе, или совершенную малоуспѣшность, по постановленію

о томъ педагогическаго совѣта заведенія; но разъ выданныя ей деньги возврату не подлежатъ.

б) За пользованіе стипендією, стипендіатка не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

У. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го января 1877 года. (№ 1). *Утверждаются:* ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фамининъ*—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, на три года, съ 29-го ноября 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Григорьевъ* — вновь деканомъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, на три года, съ 7-го декабря 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Зарубинъ*—деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 12-го декабря 1876 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Шварцъ* — вновь деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 1-го января 1877 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Александръ *Шmidtъ* — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1877 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Дювернуа*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, съ 18-го декабря 1876 года.

Исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ древне-классической филологіи и исторіи литературы, магистръ древне-классической филологіи *Гершельманъ*—въ сей должности.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Гейбель* —экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ фармакологіи, съ 5-го ноября 1876 года.

Старшій учитель Рижской городской гимназій, помощникъ директора сей гимназій, надворный совѣтникъ *Шедеръ*—директоромъ Рижской городской гимназій и Рижскихъ городскихъ училищъ.

Пасторъ *Ковалевичъ* — директоромъ реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, съ 11-го декабря 1876 года.

Инспекторъ Симбирской гимназій, статскій совѣтникъ *Позняковъ* — директоромъ Сарапульскаго реального училища.

Директоръ Орловскаго Александровскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Дружининъ* — директоромъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, съ 8-го января 1877 года.

Потомственный почетный гражданинъ *Игумновъ* — почетнымъ попечителемъ Лебединской прогимназій, на три года.

Царицынскій городской голова, купецъ 1-й гильдіи *Мельниковъ* — почетнымъ попечителемъ Царицынской мужской прогимназій, на три года.

Землевладѣлецъ *Мартиновскій* — почетнымъ попечителемъ Вознесенской мужской прогимназій, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мейеръ*, статскій совѣтникъ *Напѣерскій*, надворный совѣтникъ *Керковусъ*, астрономъ-наблюдатель Императорскаго Новороссійскаго университета *Блокъ*, пасторъ Одесскаго евангелическо-лютеранскаго прихода св. Павла, пробствъ *Бинсманъ*, докторъ медицины *Вазисъ*, купцы: *Демме* и *Ромслинъ*, начальникъ англо-индійской телеграфной станціи въ Одессѣ *Гемъ* и домовладѣлецъ *Оттерштеттеръ* — членами попечительства реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ, на три года.

Штабсъ-капитанъ *Языковъ* и Муромскій 2-й гильдіи купецъ *Киселевъ* — членами попечительства Муромскаго реального училища, на три года.

Протоіерей *Иушкинъ*, надворный совѣтникъ *Батаисовъ*, отставной капитанъ *Осинскій*, дворянинъ *Сарандинаки*, почетные граждане: *Тотчѣвъ* и *Бойченко* и купецъ *Максимовъ* — членами попечительства Ростовскаго Петровскаго на Дону реального училища, на три года.

Вольскіе 2-й гильдіи купцы: *Плехановъ*, *Глуховицъ* и *Котисевъ* — членами попечительства Вольскаго реального училища, на три года.

Назначаются: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, кандидатъ Императорскаго Московскаго университета *Пробовъ* часть СХС, отд. 1.

раженскій — помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 12-го ноября 1876 года.

Бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зодришведтъ* — сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ частной патагогіи и терапіи, съ 1-го января 1877 года.

Предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей Пинскаго округа, губерпскій секретарь *Арбеневъ* — членомъ попечительства Пинскаго реальнаго училища, на три года.

Предсѣдатель Костромской губернской земской управы *Исаковъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шиповъ*, потомственный почетный гражданинъ *Зотовъ* и 1-й гильдіи купцы: *Кашиновъ* и *Мизинъ* — членами попечительства Костромскаго реальнаго училища, на три года.

Харьковскій уѣздный предводитель дворянства, статскій совѣтникъ *Ковалевскій*, коллежскій совѣтникъ *Юминъ*, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Деларю*, 1-й гильдіи купецъ *Ващенко* и почетный гражданинъ *Ковалевъ* — членами попечительства Харьковскаго реальнаго училища, на три года.

Коллежскій совѣтникъ *Вейсъ*, флота лейтенантъ *Савичъ*, 1-й гильдіи купецъ *Сузановъ*, землевладѣлецъ *Дорецъ* и инженеръ путей сообщенія *Шульцъ* — членами попечительства Сумскаго реальнаго училища, на три года.

Вице-президентъ Одесскаго общества изящныхъ искусствъ, надворный совѣтникъ *Моранди* — членомъ попечительства Одесскаго реальнаго училища, на три года.

Переводится на службу по ведомству министерства народнаго просвѣщенія: врачъ при канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Славянский*, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, съ 9-го октября 1876 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывший сверхштатный ординаторъ факультетской клиники Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, коллежскій ассесоръ *Доброураговъ*, съ 8-го января 1877 года.

Изъ отставныхъ: статскій совѣтникъ *Радонскій*, съ назначеніемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія.

Оставляются на службу на пять летъ: директоръ Тамбовскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Никишинъ*, съ 12-го октября 1876 года.

Ординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Полюта*, съ 24-го октября 1876 года.

Директоръ Орловской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гриценковъ*, съ 18-го ноября 1876 года.

Командируется съ ученою цѣлю: приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Смирновъ*—въ разныя губерніи Россіи, съ 1-го февраля по 1-е октября 1877 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Кіевскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ростовцевъ* и Виленскаго, коллежскій совѣтникъ *Грузовъ*, на двадцать восемь дней, Ростовцовъ — въ С.-Петербургъ и Грузовъ — въ Воронежскую губернію.

За границу: доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, надворный совѣтникъ *Базаровъ*—на двадцать девять дней.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причиненный къ сему министерству, кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Праховъ*, по случаю допущенія его къ исправленію должности доцента въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ, съ 8-го сентября 1876 года.

Увольняются: директоръ Перповской гимназій, статскій совѣтникъ *Бюртъ*—отъ службы, за выслугою срока, съ 1-го января 1877 года.

Директоръ Рижской городской гимназій и Рижскихъ городскихъ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гафнеръ*, согласно прошенію, отъ сихъ должностей.

Директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Ворпеевъ*—отъ службы, согласно прошенію, съ 8-го января 1877 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителямъ мужскихъ гимназій: Орловской: надворному совѣтнику *Дени*, *Полдорову* и *Щеловитову*, и Смоленской: *Крамаричу* и *Гурьеву*, и преподавательницѣ и надзирательницѣ Смоленской женской гимназій *Бороздиной*—за усердную и полезную службу.

Потомственному почетному гражданину Алексѣю *Керину*—за пожертвованіе.

Исключаются изъ списковъ умершіе: состоящій при министерствѣ

народнаго просвѣщеніи, тайный совѣтникъ *Беръ*, окружный инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа *Калябинъ* и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Чебышевъ-Дмитріевъ*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено: сочиненія: 1) *„Обманы, утайки и ошибки, скрывающіеся въ вѣрныхъ балансахъ двойной итальянской системы счетоводства и открываемые признаками истинности русской тройной системы, предлагаемой Федоромъ Изерскимъ“*. СПб. 1876 г. и

2) *„Карта для нагляднаго изученія счетоводства“*. (Приложеніе къ сборнику „Всѣхъ торговаго и счетоводнаго міра“). Составилъ *Θ. Езерскій*. СПб. 1876 г.,—включить въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для фундаментальныхъ библіотекъ коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

— *„Эдуардъ Моръ. Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Викторіи на Замбези“*. СПб. 1876 г. съ портретомъ автора, гравированными въ Лейпцигѣ. 2 тома. Изданіе *И. В. Алферьева*. СПб. 1876 г. Цѣна 4 руб. за экземпляръ, для учебныхъ заведеній — 3 руб. — допустить въ библіотеки гимназій мужскихъ и женскихъ, а также учительскихъ семинарій.

— Книгу *„Пособіе къ чтенію Гомера. Выпускъ I. Этимологія юмеровскаго діалекта коментаріи на 1-ю книгу Одиссеи. Составлено по Фрейндю“*. СПб. 1875 г.,—допустить какъ пособіе къ употребленію въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *„Всеобщая географія. Кладена. Съ рисунками. Т. I. Физическая географія. Выпуски I, II и III“*. СПб. 1875—6, —одобрить для основныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, за исключеніемъ приложенной къ сей книгѣ статьи о теоріи Дарвина.

— Книгу протоіерея Александра Преображенскаго: *„Исторіи земной жизни и ученія Господа нашего Іисуса Христа“*. СПб. 1873 г.,—допустить въ основныя библіотеки гимназій.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія постановлено: составленную М. Залуговскимъ книгу: *Руководство къ уходу за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача*. Изд. 2-е, дополненное. Съ 41 рисункомъ. Москва. 1877 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., рекомендовать для библіотекъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Составленную священникомъ Гурьевымъ книгу: *Святые мученики воины за Христа пострадавшие*. СПб. 1876 г. Ц. 25—допустить къ приобрѣтенію для библіотекъ низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру подъ заглавіемъ: *Геройская смерть Данилова и Коканскій бунтъ въ 1875 г.* Изд. Досугъ и Дѣло. СПб. 1876 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкою 25 коп.—допустить для библіотекъ народныхъ училищъ.

— Составленную Н. Бунаковымъ книгу: *Въ школахъ и домахъ*. Книга для чтенія расположенная концентрическими кругами и примѣненпая къ преподаванію роднаго языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. СПб. 1876 г. Въ трехъ книжкахъ: I. Кругъ 1 и 2. Цѣна 40 коп.; II. Кругъ 3 и 4. Цѣна 60 коп.; III. Кругъ 5. Цѣна 80 коп.—допустить къ употребленію въ классахъ народныхъ училищъ и въ низшихъ классахъ городскихъ училищъ.

— Составленную В. Евтушевскимъ книгу: *Руководство для учителей и учениковъ къ преподаванію начальной ариомтики въ народныхъ школахъ*. СПб. 1875 г. Цѣна 75 коп.—допустить въ библіотеки начальныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день сего февраля, Всемилостивѣйше соизволилъ на предоставленіе окончившимъ полный курсъ наукъ въ Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ права на поступленіе

въ высшія спеціальныя училища, по выдержаніи въ нихъ повѣрочнаго испытанія, наравнѣ съ лицами, окончившими курсъ въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье представить Его Императорскому Величеству всеподданныйшій адресъ Варшавскаго университета съ выраженіемъ вѣрноподданныческихъ чувствъ по поводу нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе чего Государю Императору благоугодно было, въ 14-й день сего февраля повелѣть, благодарить Варшавскій университетъ.

Адресъ этотъ нижеслѣдующій:

Всеимлостивѣйшій Государь!

Возникшій по Вашему Государственному слову, въ силу миротворной идеи славянскаго единенія на почвѣ истинной науки, Императорскій Варшавскій университетъ считаетъ себя счастливымъ тѣмъ, что можетъ присоединить свой голосъ къ тѣмъ восторженнымъ кликамъ, которые въ настоящее, знаменательное время несутся со всѣхъ сторонъ великой Русской Имперіи. Они несутся въ отвѣтъ на Ваши, Государь, любвеобильныя и истинно христіанскія усилія оградить, по великодушному примѣру Вашихъ Августѣйшихъ предковъ, человѣческія права нашихъ южно-славянскихъ братьевъ, уже много вѣкомъ бѣдствующихъ подъ игомъ мусульманскаго фанатизма и варварства. Имъ этой свѣтой идее, мы, представители университетской науки въ Привислинской крайнѣ, науки, проникнутой въ настоящее время искреннимъ стремленіемъ внести свѣтъ исторической правды въ искаженную неправдою область общеславянскихъ вопросовъ, готовы принести всякія жертвы, какія Вамъ, Всеимлостивѣйшій Государь, благоугодно будетъ потребовать отъ насъ. Мы счастливы тѣмъ, что рядомъ съ другими русскими университетами, можемъ благоговѣнно примкнуть къ сонму Вашихъ благородныхъ вѣрноподданныхъ, которые крѣпкою и нерушимою стѣною окружаютъ своего обожаемаго Монарха и Благодѣтеля.

— Государь Императоръ, по всеподданнышему докладу г. министра, въ 14 день текущаго февраля, Высочайше соизволилъ на постановку портретовъ: 1) министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстого въ актовыхъ залахъ Свислочской и Преславльской учительскихъ семинарій, 2) попечителя Виленскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Сергіевскаго, въ актовомъ залѣ Свислочской учительской семинаріи,

3) попечителя Одесскаго учебнаго округа тайнаго совѣтника Голубцова, въ актовомъ залѣ Преславльскоѣ учительскоѣ семинаріи и 4) московскаго 1-й гильдіи купца Федора Стриженова въ Николокормскомъ начальномъ училищѣ, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 14 день сего февраля, Всемилоstinѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Вѣрненской прогимназіи портрета г. туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана I.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 5-го февраля сего года за № 728 г. министр народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 19-го февраля сего года за № 2342, утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущійся въ формально опубликованномъ домашнемъ духовномъ завѣщаніи Романа *Радоминскаго* отъ 2-го февраля 1875 г. отказъ въ 10 т. р. на стипендіи для двухъ несостоятельныхъ учениковъ польскаго происхожденія изъ дворянъ или мѣщанъ г. Калиша и Калишскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была отдана подъ залогъ имѣнія, состоящаго въ Калишскомъ уѣздѣ, и чтобы проценты (по 6%) съ таковой были отдаваемы стипендіатамъ по принадлежности.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, и согласно § 71 уст. реальныхъ училищъ, г. министр народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Одесскаго реальнаго училища св. Павла размѣръ платы за ученіе, начиная съ 1876/7 учебнаго года, по *семидесяти рублѣй* въ годъ съ ученика.

Программа для сочиненія по предмету исторіи Востока, предлагаемаго для соисканія преміи по случаю IV международнаго конгресса ориенталистовъ, имѣющаго состояться во Флоренціи.

(Извлечено изъ офиціальной газеты королевства Італіи).

Министръ народнаго просвѣщенія, профессоръ Михаилъ Коннинио, узнавъ, что Флоренція избрана мѣстомъ съѣзда для четвертаго международнаго конгресса ориенталистовъ, признавъ полезнымъ, въ виду сего торжественнаго случая, вызвать какое либо замѣчательное изслѣдованіе по части востоковѣднія. Поэтому и по соглашенію съ распорядительнымъ комитетомъ конгресса, онъ назначилъ премію въ

пять тысячъ лиръ итальянскихъ за лучшее сочиненіе, написанное при нижеслѣдующихъ условіяхъ конкурса.

Предметъ сочиненія: Судьбы арійской цивилизаціи въ Индіи. Предпославъ историко-критическій этюдъ объ отличительныхъ основныхъ началахъ арійской цивилизаціи до ея перенесенія въ Пенджабъ, поскольку эти начала выяснились въ языкѣ, въ мѣстахъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и въ обычаяхъ, авторъ долженъ въ подробности прослѣдить исторію развитія этой цивилизаціи въ Индіи, вмѣстѣ съ изысканіемъ тѣхъ началъ, которыя способствовали видоизмѣненію ея въ разныхъ мѣстахъ ея проявленія въ Индіи.

Ученые всѣхъ странъ приглашаются къ участию въ этомъ соисканіи.

Рукопись сочиненія слѣдуетъ прислать франкированою въ Римъ къ профессору Михаилу Амари, сенатору королевства и президенту четвертаго съѣзда и распорядительнаго комитета, или въ одну изъ итальянскихъ миссій въ Европѣ или Америкѣ, *не позже 31-го декабря текущую 1877 года.*

Рукопись, безъ означенія имени автора надлежитъ снабдить лишь эпиграфомъ, прописаннымъ сверхъ того на запечатанномъ конвертѣ, въ которомъ значится имя автора и который, вмѣстѣ съ самою рукописью, слѣдуетъ прислать сенатору Амари въ Римъ, или въ одну изъ вышеозначенныхъ итальянскихъ миссій.

Достоинство сочиненія будетъ обсуждено пятью судьями, которые уже избраны распорядительнымъ комитетомъ изъ среды извѣстнѣйшихъ авторитетовъ по части арійской словесности, въ числѣ коихъ только одинъ Итальянецъ.

Отзывы судей, подаваемые каждымъ изъ нихъ отдѣльно, будутъ собраны распорядительнымъ комитетомъ и премія удостоится сочиненіе, одобренное единогласно или большинствомъ голосовъ всѣхъ судей.

Затѣмъ будетъ вскрытъ конвертъ, въ которомъ значится имя автора, а остальные конверты будутъ сожжены.

Авторъ сочиненія, которому будетъ присуждена премія, сохраняетъ полное право собственности на оное, остальные сочиненія будутъ возвращены по востребованію авторовъ и на ихъ счетъ. Президентъ конгресса, въ первомъ засѣданіи оного, провозгласитъ результатъ соисканія и сообщитъ имена судей.

Въ соисканіи преміи не могутъ участвовать ни члены распорядительнаго комитета, ни судьи.

Распорядительный комитетъ проситъ своихъ делегатовъ придать

этому извѣщенію возможно большую гласность, а также распространять оное въ повременной печати.

Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По полученному отъ преподавателя исторіи въ Николаевскомъ сиротскомъ Институтѣ въ Москвѣ Владиміра Ильича Сизова объявленію, одобреннаго ученымъ комитетомъ для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также и для народныхъ школъ, *Картины Русской Исторіи* предлагаются учебнымъ заведеніямъ, при покупкѣ, за уменьшенную плату на 40%, то-есть, каждая картина, вмѣсто 1 рубля, уступается за 60 копѣекъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы за картинами обращались прямо къ издателю (въ Московскій Николаевскій сиротскій институтъ), а не къ книгопродавцамъ, причемъ издатель принимаетъ пересылку, на свой счетъ, если потребуется въ одно мѣсто по менѣе 10 или 15 экземпляровъ каждой картины. Текстъ къ картинамъ прилагается бесплатно.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 28-го января текущаго года открыта въ г. Царицынѣ женская прогимназія. Ко дню открытія прогимназіи принято было въ I классъ 28 ученицъ и въ приготовительный классъ 16 ученицъ.

— 4-го февраля 1877 г. послѣдовало открытіе въ г. Симчевкахъ, Смоленской губерніи, женской прогимназіи.

— 7-го декабря 1876 г. послѣдовало открытіе двухкласснаго начального народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ посадѣ Парфентьевѣ, Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи. Въ день открытія поступило въ училище 43 ученика.

— 28-го ноября минувашаго года открыто одноклассное училище въ с. Семеновскомъ-Допатномъ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губ. Въ день открытія въ училище поступило 37 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ.

— 13-го декабря минувашаго года открыто Чернаское двухклассное училище, Вольскаго уѣзда, Саратовской губ. Въ училище при открытіи поступило всего 59 учениковъ.

часть око, отд. 1.

— 20-го декабря минувшаго года преобразовано Тараклійское училище Бендерскаго уѣзда, Бессарабской губ. въ одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія при 42 учащихся.

— 12-го декабря 1876 г. послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ м. Лютепкѣ, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

— 8-го минувшаго января послѣдовало открытіе руско-татарской школы въ дер. Кошкиной, Малижскаго уѣзда, Вятской губерніи. Въ школу поступило 13 крестьянскихъ мальчиковъ.

— 1-го декабря 1876 г. открыты въ селахъ Горопаяхъ, Райкахъ и Кустовцахъ, Новоградволинскаго уѣзда, Волинской губ. одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія.

— 28-го января 1876 г. послѣдовало открытіе въ с. Поцѣмевѣ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія. Въ училище принято 32 учащихся.

— 1-го текущаго февраля послѣдовало открытіе Пененскаго однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губ. при 38 учащихся.

— 10-го февраля послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища въ с. Балаповкѣ, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губ.

— 3-го декабря минувшаго года въ с. Нагайдакѣ, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губерніи открыто училище для крещенныхъ Чувашъ на средства московскаго 1-ой гильдіи купца, потомственнаго почетнаго гражданина, коммерціи совѣтника Каншина, жертвующаго ежегодно на содержаніе сего училища, по 500 руб. — Въ Нагайдакское училище въ день открытія поступило 12 учениковъ.

Открыты слѣдующія училища:

1) 31-го минувшаго января въ г. Оренбургѣ начальное руско-инородческое училище. При открытіи сего училища поступило въ оное 15 воспитанниковъ изъ шакирдовъ мѣстныхъ медресъ и

2) 4-го минувшаго января одноклассное училище въ с. Невѣжкинѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ. При открытіи поступило въ означенное училище 59 учащихся.

ФРИДРИХЪ РИТЧЛЬ.

Въ ноябрѣ истекшаго года Лейпцигскій университетъ понесъ тяжкую потерю въ лицѣ одного изъ своихъ значительнѣйшихъ преподавателей и ученихъ, мужа, извѣстнаго далеко за предѣлами Германіи, профессора классической филологіи Фридриха Ритчля, скончавшагося послѣ продолжительной болѣзни на 71-мъ году жизни.

Подробное описаніе его ученой дѣятельности не требуетъ оправданія, по крайней мѣрѣ въ странахъ, въ которыхъ классицизмъ признанъ основой истиннаго либеральнаго образованія юнаго поколѣнія. Но такое описаніе оказывается умѣстнымъ именно въ русскомъ журналѣ, тѣмъ болѣе, что Ритчль въ послѣднее время своей жизни былъ связанъ съ Россіей тѣснѣе, чѣмъ съ какою либо другою страной, за исключеніемъ Германіи.

Если я рѣшился, отчасти изъ собственнаго побужденія, отчасти вслѣдствіе просьбъ друзей, составить очеркъ жизни и ученой дѣятельности Ритчля, то все же не могу скрывать тѣхъ затрудненій, которыя представляются исполненію моего предпріятія и которыя были бы въ состояніи побудить меня оставить начатое дѣло, еслибъ я не разчитывалъ на снисхожденіе читателей.

Не хочу упоминать о томъ, что какъ жизнь Ритчля, такъ и его ученая дѣятельность не были свободны отъ ссоръ и борьбы, которыхъ лишена участь только рѣдкихъ лицъ, особенныхъ любимцевъ счастья. Очень возможно и даже желательно умолчать объ этой темѣ или коснуться ея лишь вкратцѣ. Но гораздо труднѣе дать на немногихъ страницахъ очеркъ почти 50-ти лѣтней дѣятельности Ритчля, какъ учителя и ученаго, указать его значительнѣйшіе успѣхи въ наукѣ, методу его собственныхъ произведеній и тѣхъ, въ которыхъ онъ побуждалъ своихъ учениковъ, его педагогическую дѣятельность—од-

часть сxs, отд. 2.

нимъ словомъ, все вліяніе, оказанное имъ на классическую филологію.

Кромѣ того, есть еще нѣкоторые обстоятельства, вызывающія меня, болѣе чѣмъ кого-либо другаго, къ этому предпріятію. Оцѣнить безпристрастно Ритчля, имѣвшаго столько приверженцевъ и почитателей, и столько противниковъ и завистниковъ, возможно, кажется, только ученому, стоящему ни на той, ни на другой сторонѣ. А такими, какъ мнѣ думается, я могу считать себя.

Я не ученикъ Ритчля, и развитіе моихъ филологическихъ занятій съ самаго начала произошло изъ совершенно другихъ основаній, чѣмъ у школы Ритчля; моя метода во многихъ пунктахъ отличается отъ его метода; нерѣдко я имѣлъ научныя разногласія съ его учениками и при всемъ глубокомъ уваженіи я постоянно отстаивалъ свободу мнѣнія, безъ которой занятіе наукою не имѣетъ никакого значенія. Съ другой стороны, я находился долгое время въ дружескихъ сношеніяхъ съ Ритчлемъ и, что еще важнѣе, въ многихъ пунктахъ былъ согласенъ съ нимъ на счетъ принциповъ и основаній ученой и педагогической дѣятельности профессора классической филологіи. Какъ у Ритчля, такъ и у меня латинская филологія составляетъ главный предметъ занятій и, исполненный уваженія къ заслугамъ Ритчля, я въ теченіе многихъ лѣтъ тщательно занимался его трудами и довольно часто пользовался его результатами для моихъ изслѣдованій. За его педагогическою дѣятельностью я слѣдилъ по сочиненіямъ, относящимся къ этому предмету; о ней я имѣлъ личныя свѣдѣнія отъ Ритчля и его учениковъ, имѣлъ случай посѣщать его семинарію — такъ что ближе, чѣмъ кто либо другой, знакомъ съ его дѣятельностью.

Поэтому я полагаю, что не могу подвергнуться упреку въ тщеславіи, если увѣрю читателя, что онъ найдетъ въ этой короткой біографіи довольно опытную, но крайней мѣрѣ, безпристрастную оцѣнку Ритчля „*sine ira et studio cuius causas procul habeo*“, по выраженію величайшаго римскаго историка.

Сперва опишу вкратцѣ жизнь Ритчля, а потомъ подробнѣе изложу его ученую и педагогическую дѣятельность.

Фридрихъ Ритчль ¹⁾ родился 6-го августа нов. стили 1806 года въ мѣстечкѣ Тюрингіи, гдѣ его отецъ былъ пасторомъ. Слѣдуетъ замѣ-

¹⁾ Впервые, провѣренный самимъ Ритчлемъ, данныя объ его жизни можно найти въ книгѣ: «*Männer der Zeit*», Лейпцигъ, 1862 г. II, 340 и въ «*Leipziger illustrierte Zeitung*» 21-го октября 1865 г., № 1164.

тить, что именно изъ Тюрингін и Саксоніи, особенно послѣ толчка, даннаго филологін Фридрихомъ Августомъ Вольфомъ, вышло большое число значительныхъ филологовъ и преимущественно такихъ, которые, подобно Ритчлю, занимались формальною частью филологін, именно экзегетикой, грамматикой и метрикой. Достаточно упомянуть здѣсь имена Готфрида Германа и Карла Рейзига. Ритчль получилъ первоначальное образованіе въ Эрфуртской гимназін. Тамъ преподавалъ въ то время съ большимъ успѣхомъ извѣстный филологъ Францъ Шпицнеръ, воспитанникъ знаменитой Шульфорты; онъ былъ извѣстенъ и учеными сочиненіями, но преимущественно какъ наставникъ содѣйствовалъ возбужденію любви къ наукѣ въ своихъ ученикахъ, какъ мы разказывали о томъ нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, извѣстный знатокъ Цицерона Морицъ Зейффертъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что именно Шпицнеръ, за которымъ послѣдовалъ Ритчль въ 1824 г. въ гимназію въ Виттенбергъ, пробудилъ въ немъ интересъ къ древнимъ авторамъ, одушевлявшій его въ теченіе всей жизни. Латинское стихотвореніе, написанное хорошими дистихами (находящееся въ моей библіотекѣ), составленное Ритчлемъ въ началѣ 1825 года, по порученію его товарищей, для привѣтствія новаго субректора Виттенбергской гимназін, можетъ служить доказательствомъ тому, какъ рано пробудилась въ Ритчлѣ склонность къ латинской поэзіи.

Въ томъ же 1825 году Ритчль поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ въ то время Готфридъ Германъ стоялъ на высотѣ своей ученой дѣятельности. Но Ритчль остался только одинъ годъ въ Лейпцигѣ и мы имѣемъ достаточныя причины предполагать, что въ это время вліяніе Г. Германа на него не было очень значительно. Тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ на него Рейзигъ въ Галльскомъ университетѣ, куда переселился Ритчль въ 1826 году. Рейзигъ, умершій преждевременно на 38-мъ году отъ роду — человѣкъ совершенно оригинальный, по всей вѣроятности, умѣлъ въ высокой степени привлекать къ себѣ молодыхъ людей, вдохновлять ихъ любовью къ наукѣ и знакомить ихъ съ основаніями методической критики. Хотя онъ продолжалъ свою дѣятельность въ Галле лишь немногіе годы, но все-таки большое число извѣстныхъ филологовъ съ уваженіемъ произносятъ его имя, какъ имя своего учителя; между ними Морицъ Зейффертъ, Фридрихъ Газе, Фридрихъ Ритчль сохраняли, преимущественно передъ прочими, всегда благодарное о немъ воспоминаніе.

Въ 1829 году, въ годъ смерти Рейзига, Ритчль поступилъ приватъ-доцентомъ въ Галле и уже въ этомъ скромномъ положеніи заслужилъ

уваженіе слушателей. Въ 1832 году онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора въ Галле, въ 1833 году былъ приглашенъ въ Бреславль на ту же должность и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ ordinарные профессора. Нѣсколько времени до того, Ритчль чуть не переселился въ Россію; миѣ помнится, по крайней мѣрѣ, что я слышалъ отъ него, будто бы онъ, еще бывши приватъ-доцентомъ въ Галле, получилъ приглашеніе въ Вильну, но я не могу ясно припомнить, по какимъ причинамъ онъ не принялъ этого приглашенія. Дѣятельность Ритчля въ Галле была прервана путешествіемъ въ Италію, предпринятымъ въ 1836 и 1838 г., преимущественно ради Плавта, которому онъ посвятилъ себя уже въ это время. Въ 1839 году онъ былъ приглашенъ въ Боннскій университетъ, потерявшій Наке и Гейнриха; въ этомъ университетѣ дѣйствовалъ онъ болѣе четверти столѣтія. Хотя Ритчль уже въ Бреславлѣ оказался полезнымъ педагогомъ, но все-таки тамъ онъ встрѣчалъ затрудненія въ положеніи университета и по другимъ причинамъ, которыя налагать здѣсь я считаю непознаннымъ. Вполнѣ же развились его богатія педагогическія способности въ Боннѣ, въ университетѣ, основанномъ въ 1818 году и на который прусское правительство въ то время обращало особенное вниманіе.

Въ 1854 году Ритчль былъ назначенъ директоромъ университетской бібліотеки, которую онъ преобразовалъ; занялъ также и должность директора обоихъ музеевъ, въ которой имѣлъ сотрудникомъ О. Яна, приглашеннаго въ 1855 г. въ Боннъ въ пособіе уже составившемуся Велькеру. Въ 1863 г. Общество любителей древности въ Прирейнскомъ краѣ (Verein der Alterthumsfreunde im Rheinlande) избрало Ритчля своимъ предсѣдателемъ. Наконецъ, онъ былъ членомъ ученаго испытательнаго комитета, которому надлежало, по существующему въ Пруссіи порядку, экзаменовывать кандидатовъ на званіе старшихъ преподавателей.

Въ это время положеніе Ритчля, отклонявшаго многократныя приглашенія другихъ университетовъ, могло бы казаться завиднымъ и ему самому и другимъ, такъ какъ онъ пользовался, въ качествѣ знаменитаго ученаго и главы многочисленной и постоянно увеличивавшейся школы, пріятнымъ и весьма почетнымъ положеніемъ. Но и здѣсь оказалась вѣрною древняя пословица, которая говоритъ, что до кончины никого нельзя назвать счастливымъ. Ибо въ 1865 году Ритчль, вслѣдствіе долговременнаго и прискорбнаго разлада съ своимъ товарищемъ О. Яномъ, вышелъ изъ прусской государственной службы

и принялъ приглашеніе въ Лейпцигскій университетъ, имѣвшій его въ виду уже по смерти Г. Германа. Всѣ подробности разлада между обоими столь значительными учеными многократно обсуждались въ то время, такъ какъ ихъ послѣдствіемъ явились сильныя партіи не только между Боннскими профессорами, но и между студентами. Мнѣ кажется, что ни тотъ, ни другой не свободенъ отъ вины; но можно не безъ основанія предполагать, что, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, друзья и приверженцы Ритчля и Яна были главною причиною столь непріятнаго, едва ли желаннаго самимъ Яномъ, исхода этого разлада. Янъ тѣмъ болѣе находился въ затруднительномъ положеніи, что Ритчль въ свое время сильно интересовался его вызовомъ въ Боннъ.

Неоспоримо, какъ это признали и противники Ритчля, что его удаленіе было для Боннскаго университета незамѣнимою потерей и что классическая филологія не могла перенести удара, нанесеннаго этимъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что Янъ съ 1865 г. сталъ хворать и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ.

Дѣятельность Ритчля во время его пребыванія въ Боннѣ на довольно долгое время была прервана тяжелою болѣзнію, по его здоровью укрѣпилось и въ Лейпцигѣ до 1875 г. оставалось до такой степени удовлетворительнымъ, что онъ въ упомянутомъ мѣстѣ своей послѣдней дѣятельности занимался съ удивительною свѣжестью. Только необыкновенная болѣзнь ноги — послужившая даже предметомъ медицинскихъ диссертаций — не допускала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ свободного движенія внѣ комнаты и кромѣ того часто мучила его. Гибкость духа сохранилъ онъ почти до послѣдней минуты.

Ритчль былъ высокаго роста и пріятной наружности, его лицо обнаруживало черты мыслителя и ученаго. Его манеры были изящны и если онъ только хотѣлъ, то ему было не трудно привлекать сердца. Онъ любилъ житейскія наслажденія и пріятную дружескую бесѣду, особенно въ молодости, но не до такой степени, чтобы можно было назвать его приверженцемъ Эпикура. Въ немъ не было той неловкости и односторонности, которыя встрѣчаются такъ часто у нѣмецкихъ ученыхъ, напротивъ, онъ слѣдилъ съ живымъ интересомъ за разнообразными стремленіями нашего тревожнаго времени — государственными, религіозными и социальными. Особенно онъ любилъ французскую литературу и занимался часто чтеніемъ французскихъ авторовъ для отдыха отъ утомительныхъ филологическихъ занятій.

Какъ главная черта его характера, заслуживаетъ особеннаго признанія его вѣрная и безкорыстная привязанность къ своимъ ученикамъ, хотя и ему приходилось испытывать человѣческую неблагодарность. Но онъ принималъ участіе и въ другихъ ученыхъ, не принадлежавшихъ къ его школѣ, и всегда былъ готовъ содѣйствовать имъ, если только они не принадлежали къ числу его непримиримыхъ противниковъ.

Принявъ въ соображеніе блистательные успѣхи Ритчля, легко понять, что онъ имѣлъ высокое мнѣніе о своемъ достоинствѣ. Если онъ выказывалъ его иногда болѣе, чѣмъ это было полезно ему и пріятно его товарищамъ, то въ оправданіе можно припомнить слова Тацита, что даже мудрецы позже всѣхъ другихъ страстей преодолѣваютъ жажду къ славѣ и признанію своихъ достоинствъ. Что въ старости у Ритчля появилось нѣкоторое недовѣріе къ людямъ, это легко объясняется горькими опытами его тревожной жизни.

Теперь я обращаюсь ко второй, несравненно важнѣйшей части моей задачи—къ изображенію ученой и педагогической дѣятельности Ритчля. Но прежде чѣмъ начну говорить объ этомъ, считаю необходимымъ предпослать нѣкоторые общія объясненія, которыя послужатъ основою тому, что я намѣренъ высказать.

Филологія—въ самомъ обширномъ смыслѣ слова—есть, по выраженію Бѣка, воссозданіе умственной жизни народа. Классическая филологія, какъ и каждая другая, раздѣляется на два отдѣла: формальный и реальный; къ формальному принадлежатъ: грамматика, метрика, синтаксисъ, риторика и исторія литературы; къ реальному—древности, какъ общественныя, такъ и частныя, какъ свѣтскія, такъ и религіозныя, такъ что въ этотъ отдѣлъ входятъ и міеологія, и исторія, и географія, и всѣ спеціальныя науки.

Формальная филологія занимается исключительно памятниками языка, преимущественно такими, которые сохранились въ рукописяхъ, и гораздо менѣе тѣми, которые сохранились въ надписяхъ. Что касается до состоянія спеціальныхъ наукъ въ древности,—напримѣръ, медицины, агрономіи, военной науки, то ихъ точнаго знанія невозможно требовать ни отъ какого филолога, даже отъ реалиста; оно принадлежитъ къ области отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ. Причина того, что въ упомянутыхъ предметахъ такъ мало разъяснено, состоитъ въ томъ, что люди, знающіе основательно латинскій и греческій языки, рѣдко соединяются съ медиками, агрономами и т. д. для ученаго изслѣдованія упомянутыхъ задачъ.

Въ словесности филолога, занимающагося формальною стороною, по легко понятнымъ причинамъ, интересуютъ болѣе всего авторы замѣчательные не только по содержанію, но по способу изложенія своихъ сочиненій. Слѣдовательно, формальною филологіею принимаются преимущественно въ соображеніе поэты, потомъ ораторы, историки, философы (такъ какъ въ древности сочиненія ораторскаго, историческаго, философскаго содержанія не считались возможными безъ совершенства формы), наконецъ, всѣ представители отдѣльныхъ наукъ, насколько они старались дать своимъ сочиненіямъ совершенство и въ формальномъ отношеніи. Нельзя при этомъ забывать, что древніе писатели, даже если они писали о сельскомъ хозяйствѣ или о коноводствѣ, обращали гораздо болѣе вниманія на совершенство слога, чѣмъ новыя, которые очень часто, даже въ самыхъ высокихъ родахъ прозы, устремляютъ всѣ старанія на содержаніе, не заботясь о формѣ, въ которой оно выражается.

И такъ очевидно, что никогда нельзя совершенно отдѣлить реальную и формальную филологію одну отъ другой, напримѣръ, при обсужденіи вопроса, насколько извѣстный авторъ удовлетворилъ реальнымъ требованіямъ, которые можно приложить къ литературному произведенію относительно употребленія источниковъ, комбинаціи и расположенія. Для этого нужны реальныя знанія; не менѣе необходимы они во многихъ случаяхъ критики и экзегезы отдѣльныхъ мѣстъ въ древнихъ текстахъ. Съ другой стороны, столь же ясно, что и реальность не можетъ исполнить своей обязанности безъ основательнаго формальнаго образованія, такъ какъ письменные памятники безспорно составляютъ главный источникъ для нашего знакомства съ древнимъ бытомъ.

Столь часто возникавшій споръ о томъ, имѣетъ ли болѣе значеніе формальная или реальная сторона филологіи, собственно говоря, нелѣпъ. Всякая наука заключаетъ свое достоинство въ самой себѣ. Одна часть ея не можетъ существовать безъ другой—точно такъ какъ одна рука не можетъ обойтись безъ другой. Но нельзя не сознаться, что для упражненія студентовъ формальная филологія гораздо важнѣе реальной и что пренебреженіе ею приноситъ неизгладимый вредъ.

Необходимо повторить, тѣмъ болѣе, что объ этомъ, къ сожалѣнію, часто забываютъ, что главная задача университетскаго профессора классической филологіи состоитъ въ образованіи свѣдущихъ преподавателей древнихъ языковъ для гимназій; для сравненія съ этою за-

дочей оказывается второстепенною обязанность выбирать изъ числа учениковъ наиболѣе способныхъ и готовить ихъ надлежащими упражненіями къ профессурѣ. Тѣхъ, которые рѣшятся вступить на это трудное поприще, всегда окажется незначительное число; дѣйствительныя дарованія или необыкновенное стремленіе къ наукѣ болѣею частью выскажутся сами собою при обычныхъ упражненіяхъ студентовъ; затѣмъ, болѣе старательные изъ нихъ охотно сами обращаются къ профессорамъ для полученія свѣдѣній о задачахъ научной работы, о книгахъ заслуживающихъ тщательнаго чтенія, о прочихъ пособіяхъ для ученыхъ занятій, наконецъ, о выборѣ пригодныхъ темъ для самостоятельныхъ работъ.

Образованіемъ свѣдущихъ гимназическихъ преподавателей интересуется всегда цѣлый округъ, часто цѣлое государство. Если основаніемъ либеральнаго, гуманнаго и притомъ солиднаго образованія юнаго поколѣнія должны служить древніе авторы, то что же можетъ быть важнѣе снабженія гимназій учителями основательно ознакомившимися съ духомъ классической древности, преимущественно съ авторами, читаемыми въ школахъ? Образование же только ученыхъ (задача, по отношенію къ самой наукѣ весьма достойная благодарности) не имѣетъ никакого вліянія на практическія цѣли основательнаго и полезнаго воспитанія юнаго поколѣнія. Если же важнѣйшею заботою профессора филологіи должно быть образованіе гимназическихъ преподавателей, то слѣдуетъ само собою, что ему надобно читать именно такія лекціи, назначать такія упражненія, которыя помогаютъ достиженію этой цѣли. Поэтому, нельзя сомнѣваться, что предметы формальной филологіи преимущественно передъ другими практически полезны, такъ какъ именно они уясняютъ столь же трудный, сколько и прекрасный строй древнихъ языковъ. А языкъ есть безъ сомнѣнія самое благородное, отличительное и важнѣйшее благо рода человеческого. Если бы область реальной филологіи была положена въ основаніе воспитанія, то результатомъ сего было бы не что иное, какъ пустое, лишенное всякой связи накопленіе отдѣльныхъ свѣдѣній. Не изученіе переданныхъ намъ классическими авторами фактовъ, относящихся къ исторіи и цивилизаціи древности,—которыхъ ученики гимназій нерѣдко вовсе не могутъ оцѣнить по ихъ достоинству и знакомство съ которыми часто мало полезно для образованія молодыхъ людей,—а уразумѣніе грамматическаго, синтаксическаго, риторическаго и метрическаго совершенства, которое составляетъ отличіе величайшихъ писателей древнихъ временъ—вотъ прекрасное поприще

для той гимнастики юнаго ума, которую безуспѣшно старались замѣнить занятіемъ новыми языками, въ формальномъ отношеніи болѣею частью выродившимися, и такъ называемыми точными науками. Эти послѣднія и могли бы пожалуй замѣнить древніе языки, еслибъ не были слишкомъ трудны и сухи для юнаго возраста, еслибъ не способствовали одностороннему развитію ума, и наконецъ, еслибъ не были совершенно лишены идеальнаго, нравственнаго основанія, столь необходимаго для юности.

Если же возможно основательнѣйшее изученіе древнихъ языковъ и проникновеніе въ нихъ, выѣстъ съ возможно точнѣйшимъ уразумѣніемъ формальнаго искусства лучшихъ авторовъ составлять центръ преподаванія въ гимназіяхъ, то очевидно, что главная задача университетовъ состоитъ въ основательномъ формальномъ образованіи филологовъ-студентовъ.

Но спрашивается, какія лекціи послужатъ главнымъ образомъ къ достиженію этой цѣли? Очевидно, что первую потребностью оказывается исторія греческой и римской литературы, такъ какъ она открываетъ студенту новыя области науки, даетъ новыя точки зрѣнія, возбуждаетъ въ немъ мысли, которыя онъ не могъ пріобрѣсти предѣлительнымъ образованіемъ въ гимназіи. За симъ слѣдуютъ грамматика и метрика. Изъ авторовъ наиболее удобны для толкованія тѣ, которые оказываются важнѣйшими для потребностей школы, такъ какъ они же болѣею частью занимаютъ въ формальномъ и реальномъ отношеніи первенствующее мѣсто. Притомъ въ каждомъ изъ нихъ находится такое количество отчасти еще нерѣшенныхъ научныхъ проблемъ, что они могутъ оказать важныя услуги и для разъясненія научнаго метода.

Изъ Грековъ слѣдовательно заслуживаютъ преимущественно вниманія: Гомеръ, трагики, Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Демосеенъ, Ливій и Исократъ, а изъ Римлянъ: Цицеронъ, Саллустій, Цезарь, Ливій, Тацитъ, Виргилій, Гораций, Овидій, Федръ.

Требованіе, чтобы профессора при толкованіи авторовъ исходили изъ признанныхъ образцовъ лучшаго времени литературы есть, по моему мнѣнію, вѣрный научный принципъ, хотя оно, можетъ быть, и встрѣтитъ нѣкоторыми противорѣчія. Я считаю необходимымъ, чтобы ученныя изслѣдованія начинались съ совершеннѣйшихъ представителей каждаго рода стиля и чтобы уже исходя изъ нихъ критически разсматривались до- и послѣ-классическіе авторы того же рода. Ибо начатки всякой литературы скрыты отъ насъ, такъ что въ виду ея древ-

нѣйшихъ памятниковъ слишкомъ часто возникаетъ вопросъ Архимеда: куда ступить мнѣ, чтобъ стать твердо? Съ другой стороны, какъ разумѣется само собою, позднѣйшіе памятники могутъ быть поняты вполнѣ только послѣ основательнаго знакомства съ классическими.

И такъ, считая центромъ своихъ занятій изслѣдованіе классическихкихъ памятниковъ словесности, опираясь на знакомство съ золотымъ вѣкомъ, который черезъ формальное совершенство языка и метрики даетъ вообще довольно вѣрное основаніе для положительнаго знанія, съ котораго должны начинаться всѣ ученые изслѣдованія, мы скорѣе будемъ въ состояніи, подвигаясь постепенно то назадъ, то впередъ, выяснить свойства до- и послѣклассическихкихъ авторовъ, чѣмъ если бы начинали съ нихъ наши занятія. Только усвоивъ основательно грамматическіе и метрическіе законы языка въ ихъ высшемъ развитіи, мы будемъ въ состояніи обсуждать вполнѣ исключенія изъ правилъ. Слѣдовательно,—объясняя мою мысль примѣромъ — для ученаго, посвящающаго свои труды Плавту, будетъ полезнѣе всего читать и изучать писателей въ слѣдующемъ порядкѣ: Виргилій, Катулъ, Лукрецій, Луцилій, Теренцій, отрывки драматическихкихъ писателей отъ Цезаря обратно до Плавта и наконецъ — Плавтъ.

Разумѣется, толкованіе авторовъ въ университетахъ не можетъ быть ограничено авторами, читаемыми въ гимназіяхъ, но слѣдуетъ обращать вниманіе и на прочихъ, по мѣрѣ ихъ пользы для уразумѣнія древности или критическихкихъ задачъ, предлагаемыхъ ими. И при упражненіяхъ въ семинаріяхъ нужно заниматься такими авторами. Что касается до ученыхъ упражненій студентовъ, то наиболѣе удобно занимать начинающихъ филологовъ грамматическими и метрическими изслѣдованіями, соответствующими, разумѣется, ихъ лѣтамъ и познаніямъ, потому что критикою трудныхъ или испорченныхъ мѣстъ насколько они могутъ быть разъяснены при помощи грамматическихкихъ и метрическихкихъ данныхъ и строго логическаго мышленія; упражненія эти не только будутъ имѣть практическую пользу, но и послужатъ приготовленіемъ къ самостоятельнымъ работамъ въ филологической наукѣ. Важною помощью при этихъ упражненіяхъ служитъ знаніе палеографіи, то-есть, ученія о пережвѣхъ писменъ и о другихъ особенностяхъ въ рукописяхъ и надписяхъ. Но разумѣется знатокъ палеографіи еще далеко не совершенный критикъ; при исправленіи испорченныхъ текстовъ онъ имѣетъ полное приложеніе выраженіе древняго Римлянина: *sem tene—verba sequuntur*. Если въ текстѣ, дѣйствительно испорченномъ, будетъ найдено несомнѣнное улучшеніе, то въ

большинства случаевъ легко можетъ быть доказана и палеографическая вѣроятность.

Не только для студента, приготовляющагося къ дѣятельности гимназическаго преподавателя или избравшаго себѣ ученую дѣятельность по формальной филологіи, но и для будущаго реалиста грамматическія, метрическія и критическія упражненія припесутъ величайшую пользу. Нѣтъ другаго предмета, который развивалъ бы до такой степени юный разумъ, способствовалъ бы строгости логическаго мышленія, отысканію даже незамѣтныхъ, и для недалековаго взора кажущихся незначительными, проблемъ! Затѣмъ, можетъ ли будущій историкъ, эпиграфикъ, антикваръ или археологъ обойтись безъ основательныхъ познаній въ классическихъ языкахъ? Многіе представители этихъ наукъ дорого заплатились за пренебреженіе латинскимъ и греческимъ языками во время своихъ университетскихъ занятій.

Высказанное здѣсь о предметахъ филологіи, о пользѣ формальной части этой науки, не составляетъ нисколько отступленія отъ нашей темы. Только послѣ этого изложенія можно высказать свободное отъ предразсудковъ мнѣніе объ ученой и педагогической дѣятельности Ритчля. Теперь, надѣюсь, выкажутся и преимущества и недостатки знаменитаго покойнаго въ настоящемъ видѣ. Пустыми фразами не возможно оказать услуги ни публикѣ, ни самому Ритчлю.

Постараюсь же представить очеркъ ученой дѣятельности Ритчля и его стремленій къ развитію филологической науки, ибо задача профессора, какъ разъяснено выше, двоякая: съ одной стороны обогащеніе науки самостоятельными изслѣдованіями, съ другой—ознакомленіе юношей съ результатами своихъ и чужихъ трудовъ и приученіе ихъ къ научному методу.

Рейзигъ, хотя и былъ хорошій латинистъ, обращалъ однако главнѣйшимъ образомъ свое вниманіе на греческій языкъ. Поэтому неудивительно, что и Ритчль выступилъ сперва какъ эллинистъ, а не какъ латинистъ. Его первый большой трудъ состоялъ въ изданіи „*Thomas Magister*“ въ 1832 г. Онъ удачно издалъ этого позднѣйшаго и лишеннаго самостоятельнаго сужденія, но по нѣкоторымъ даннымъ и отрывкамъ замѣчательнаго грамматика византійскихъ временъ, привлекавшаго къ себѣ вниманіе голландскихъ эллинистовъ уже въ прошломъ столѣтіи. Потомъ послѣдовали разнообразныя изслѣдованія, нынѣ соединенныя съ нѣкоторыми статьями, относящимися къ вопросамъ объ искусствѣ Грековъ, въ первомъ томѣ „*Opuscula philologica*“. Между ними особенно замѣчательны полное свѣжихъ мыслей разсуж-

деніе о библіотекахъ Александрійскихъ во времена первыхъ Птоломеевъ и другое— „Собраніе пѣсней Гомера Пизистратомъ“. Они еще и теперь имѣютъ большое значеніе; хотя на первую изъ этихъ темъ съ тѣхъ поръ писано не мало, а по второму вопросу вышло въ свѣтъ неизчислимое количество сочиненій, все-таки ни одинъ любитель древней литературы, въ особенности тотъ, кто занимается гомеровскимъ вопросомъ, не можетъ оставить ихъ безъ вниманія.

Судя по успѣхамъ Ритчля въ его Плавтовскихъ изслѣдованіяхъ, не можетъ казаться удивительнымъ, что онъ оказалъ значительныя услуги изученію греческой литературы. Долгое время онъ имѣлъ намѣреніе изданіе „antiquitates Romanae“ Діонисія Галикарнасскаго (см. Opusc. phil. I, 451 слѣд.), но впоследствии передалъ весь собранный имъ матеріалъ одному изъ своихъ учениковъ. Уже въ Бреславлѣ дѣятельность Ритчля стала направляться къ той области, въ которой его дальнѣйшіе ученые труды впоследствии вращались исключительно и въ которой онъ открылъ новыя взгляды, то-есть къ древне-латинскому языку и словесности.

Мнѣ кажется уместнымъ при этомъ случаѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что выгоды и полезныя — труды эллиниста или латиниста по отношенію къ университетскому преподаванію? По настоящему и споръ объ этомъ столь же нелѣпъ, какъ споръ о преимуществѣ формальной или реальной филологіи. Какъ латинистъ не можетъ обойтись безъ греческаго языка, такъ и эллинистъ нуждается въ языкѣ латинскомъ. Но, углубляясь въ этотъ вопросъ, кто можетъ не сознаться въ томъ, что греческая словесность далеко превосходитъ римскую по оригинальности, обширности и содержанію? Конечно, по отношенію къ обширности обѣихъ литературъ, нельзя упустить изъ виду, что утраты въ римской относительно гораздо значительныя, нежели въ греческой, такъ какъ въ средніе вѣка ученыя занятія и переписка классиковъ на Востокѣ были болѣе развиты, чѣмъ на Западѣ. Съ другой стороны, очень понятно, что дѣятельность западныхъ филологовъ всегда обращалась преимущественно къ занятіямъ латинскимъ языкомъ. Вѣдь въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ цивилизація Запада основывалась почти исключительно на остаткахъ цивилизаціи Римлянъ, ученое образованіе на остаткахъ римской литературы; жизнь западныхъ народовъ была тѣсно соединена съ Римомъ связью религій, правовѣдѣнія, географическими сношеніями, наконецъ со временъ Карла Великаго возобновленіемъ Римской имперіи. Всѣ свѣдѣнія о древнихъ Грекахъ черпались почти

исключительно изъ латинскихъ сочиненій. Даже въ XV-мъ столѣтїи, при возобновленїи знакомства съ греческими классиками, у всѣхъ людей образованныхъ, даже у большинства ученыхъ преобладало изученіе латинскаго языка. И какъ же могло бы быть иначе? Въ школахъ латинскій языкъ былъ первымъ предметомъ, ученики неутомимо упражнялись въ умѣньи свободно выражаться латинскими стихами и прозой, вся ученая литература среднихъ вѣковъ и большая часть письменности новыхъ временъ излагалась на этомъ языкѣ, лекціи академическихъ преподавателей читались полатыни. Безъ этого языка не могъ обойтись ни юристъ, ни богословъ, ни представитель точныхъ наукъ, ни дипломатъ. Постепенно латинскій языкъ терялъ, или совершенно, или отчасти, свое первенствующее мѣсто; при этомъ болѣе и болѣе стало распространяться изученіе греческаго языка и имѣло глубокое вліяніе на словесность нѣкоторыхъ народовъ. Все-таки еще и ныне практическая польза латинскаго языка гораздо значительнѣе пользы греческаго,

Но есть и другія причины, которыя побуждали большинство великихъ критиковъ заниматься преимущественно изслѣдованіемъ латинскаго языка. Не только то, болѣе вѣдшее, обстоятельство, что классическая литература Римлянъ, вслѣдствіе ея ограниченаго объема, даетъ большую возможность обозрѣть и овладѣть ею, чѣмъ литература греческая, или то, что замѣчательными древностью и досто-вѣрностью рукописи римскихъ авторовъ встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ греческія, но еще болѣе строгая правильность и послѣдовательность латинскаго языка, удивительная точность въ періодахъ его прозаиковъ, тщательно выработанная метрика его поэтовъ, которые, какъ выражается одинъ изъ нихъ, въ сравненїи съ Греками, *minus severiores colebant**,—привлекали и еще долго будутъ привлекать къ изученію римскихъ авторовъ всѣхъ посящающихъ жизнь изслѣдованію древнихъ языковъ, изъясненію или восстановленію ихъ памятниковъ.

Архангелская латынь, то-есть, латынь времени отъ начатковъ римской словесности до Варрона, не разрабатывалась италіанскими гуманистами XV-го и XVI-го столѣтїй съ большимъ успѣхомъ. Но съ половины XVI-го столѣтїя она сдѣлалась предметомъ тщательнаго и успѣшнаго изученія французскихъ, нидерландскихъ и нѣмецкихъ филологовъ. Люди, въ родѣ Липсія, Юнія младшаго, Скалигера, Яна, Ацидалія, Дузы, Фоссія и Гроція обезсмертили свои имена великими заслугами въ этомъ отдѣлѣ филологїи. Ихъ дѣятельность

принесла пользу и древне-латинскимъ драматургамъ, именно Плавту. Въ то время было извѣстно о древнемъ латинскомъ языкѣ многое, что въ послѣдствіи опять на долго было забыто⁵⁾. Но со средины XVII-го столѣтія ослабли занятія и интересъ по этому предмету, и болѣе 150 лѣтъ въ этой обширной, но тернистой и туманной области царствовали невѣжество или небрежность. Только изданіе Теренція, сдѣланное Бенгли, появляется какъ оазисъ въ пустынѣ: оно открыло путь къ уразумѣнію древне-латинскаго языка,—путь, по которому послѣдовали съ успѣхомъ другіе ученые долгое время спустя послѣ Бенгли.

И въ Германіи въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ ученые принимали участіе въ стараніяхъ изслѣдовать архаическую литературу Римлянъ. Германія не только дала изъ своихъ библиотекъ лучшія рукописи важнѣйшаго автора доклассическаго періода, Плавта, но и произвела ученыхъ, заслуги которыхъ относительно Плавта вспоминаются съ признательностью. Но со времени тридцатилѣтней войны и тамъ, въ области древней филологіи, какъ почти и во всѣхъ другихъ, является менѣе энергіи, что и продолжалось до конца XVIII-го столѣтія. Тогда только начались новыя и успѣшныя занятія Плавтомъ. Лейпцигскій профессоръ Рейцъ, и еще болѣе его великій ученикъ Готфридъ Германъ, сознали необходимость отыскать новый путь для критики Плавта, примкнувъ по возможности ближе къ изданію Теренція, сдѣланному Бенгли. Но ихъ старанія были не достаточно послѣдовательны и продолжительны; притомъ они слишкомъ нуждались въ критическихъ пособіяхъ и потому не достигли тѣхъ успѣховъ, которыхъ могли бы достигнуть вслѣдствіе своего таланта. Впрочемъ разъясненіе Германа о стихосложеніи Плавта, въ „*Elementa doctrinae metricae*“ вполнѣ заслуживаютъ уваженія.

Уже въ 1835 году Ритцъ далъ образецъ своихъ изслѣдованій Плавта изданіемъ „*Vaschides*“. Но онъ могъ найти твердое основаніе для своихъ критическихъ работъ только тогда, когда воспользовался для своего автора сокровищами италіанскихъ библиотекъ, — а именно Амброзіанскою въ Миланѣ и Ватиканскою въ Римѣ.

Древнѣйшее и вѣрнѣйшее рукописное преданіе Плавта основывается преимущественно на двухъ рукописяхъ Ватиканской библиотeki „*vetus codex Camerarii* и *Ursinianus*“, на рукописи Гейдельбергской библиотeki „*codex decurtatus Camerarii*“ и на миланскомъ

⁵⁾ См. мою: *Geschichte der klassischen Philologie in den Niederlanden* 62.

палимпсестъ, найденномъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитымъ кардиналомъ Анжело Ман. Прочія рукописи, которыми пользовались и другіе ученые до Ритцля, не представляли затрудненій, а чтеніе Ambrosianus оказалось очень труднымъ. Нынѣ codex Ambrosianus, вслѣдствіе постоянного употребленія химическихъ реагентовъ различными учеными, желавшими воспользоваться имъ для Плавта, представляет не что иное, какъ почти безобразную массу.

Четыре мѣсяца Ритцль занимался изученіемъ этой важной рукописи. Несомнѣнно, что онъ въ это время извлекъ изъ codex Ambrosianus все возможное для критики Плавта. Посему никакъ нельзя сдѣлать упрекъ ему на основаніи того, что впоследствии одинъ молодой, отличающійся палеографическими способностями филологъ В. Штудемундъ, во время многолѣтняго пребыванія въ Италіи, при частыхъ посѣщеніяхъ Милана прочелъ многія мѣста Плавта въ cod. Ambrosianus полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ Ритцль.

При помощи богатыхъ коллекцій съ большою ревностью посвятилъ себя Ритцль изслѣдованію Плавта. Результатомъ его стараній явилось, во первыхъ, большое количество изслѣдованій грамматическаго, критическаго, историко-литературнаго содержанія, появившихся съ 1837 года въ программахъ и журналахъ и собранныхъ въ „*Patetga Plautina*“ и во второмъ томѣ „*Opuscula philologica*“; затѣмъ послѣдовало его большое изданіе Плавта, которое началось въ 1849 году, но къ сожалѣнію заключаетъ въ себѣ меньшую половинну комедій Плавта, а именно девять изъ двадцати.

Вообще, нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что разнообразная дѣятельность и преимущественно безкорыстное участіе, которое оказывалъ Ритцль работамъ своихъ учениковъ, такъ часто препятствовали ему приводить къ окончанію задуманные имъ труды. Изданіе всѣхъ Плавтовыхъ комедій имѣло бы неопѣнимое значеніе. Однажды, еще въ Боннѣ, я ему совѣтовалъ не заботиться о новомъ изданіи уже разработанныхъ имъ драмъ Плавта — хотя всѣ экземпляры перваго изданія были распроданы — и, вообще, до окончанія всего Плавта отложить другія работы и предпріятія. Ученые имѣютъ причину сожалѣть, что онъ не послѣдовалъ этому совѣту. Впрочемъ, мнѣ кажется было бы полезнѣе, если бы Ритцль до изданія Плавта издалъ Теренція, комедіи котораго относительно языка и метрики гораздо проще Плавтовыхъ; ихъ рукописи гораздо обильнѣе и вѣрнѣе, наконецъ, самыя комедіи менѣе объемисты. Я остаюсь при своемъ мнѣніи вопреки замѣчаніямъ Ритцля, стр. 118 prolog. *Triummi*.

Изданію первой комедіи Плавта: „*Trinummus*“ были предпосланы пространныя Prolegomena, въ которыхъ разсуждается о рукописныхъ источникахъ Плавтовыхъ комедій, о грамматическихъ и метрическихъ основахъ новаго изданія. Въ этомъ предисловіи Ритчъ оказался достойнымъ преемникомъ Рихарда Вентли и Готфрида Германа, коему и посвящено изданіе *Trinummus*.

Такъ какъ Плавтъ составлялъ сосредоточіе всѣхъ работъ Ритча и его имя навсегда тѣсно связано съ этимъ авторомъ, то нѣ кажется умѣстнымъ распространяться объ этихъ его изслѣдованіяхъ подробно, а объ остальныхъ сказать по возможности вкратцѣ.

Для оцѣнки и классификаціи рукописей, для различенія поддѣланнаго преданія XV-го вѣка отъ подлиннаго или по крайней мѣрѣ менѣе испорченнаго, Ритчъ избралъ вѣрный путь, но не новый. Его изложеніе рукописнаго преданія Плавта совершенно основывается на тѣхъ же началахъ, которыми слѣдовали Лахманъ при изданіи Лукреція, Янгъ—Персіи и Ювенала, Мадвигъ—Цицерона и Ливія, другіе ученыя при изданіи другихъ авторовъ, и которыя развили уже Фридрихъ-Августъ Вольфъ съ удивительною ясностью въ Prolegomena къ Гомеру. Что касается до улучшенія текста двинадіею, то Ритчъ, въ изданныхъ имъ драмахъ, не довелъ до окончанія критику Плавта; онъ самъ справедливо говоритъ, что едва ли она вообще можетъ быть завершена окончательно. Затрудненія въ сущности слишкомъ велики для того, чтобы одинъ ученый, или даже и продолжительныя старанія многихъ, могли одолѣть ихъ. Не только рукописное преданіе Плавта очень испорчено, но хуже всего то, что мы не имѣемъ современныхъ ему литературныхъ памятниковъ, такъ что мы не въ состояніи отыскать путемъ сравненія — что въ грамматическомъ и метрическомъ отношеніи возможно у Плавта и что невозможно. Плавтъ, какъ извѣстно, есть древнѣйшій римскій писатель, отъ котораго сохранились полныя сочиненія. То же, что сохранилось отъ современныхъ ему или болѣе раннихъ памятниковъ латинскаго языка въ надписяхъ или ссылкахъ на прежнихъ писателей, конечно, помогаетъ нашему знанію древнѣйшей латыни, но такъ скудно, что тѣмъ болѣе заставляетъ насъ чувствовать значительность потери. Наибольшее число вопросовъ относящихся къ критикѣ Плавта можетъ быть рѣшено только на основаніи самого Плавта. Даже и комедіи Теренція помогаютъ намъ при критикѣ Плавта менѣе, чѣмъ можно бы предполагать, хотя онъ и немногимъ позже Плавтовыхъ (Теренцій родился около того времени, когда умеръ Плавтъ, около 185 года до Р. Х.

и умеръ въ 159 году). Но со времени Плавта и особенно Энія латинскій языкъ быстро развился по отношенію къ легкости и богатству выраженій; самъ Теренцій имѣлъ счастье получить тщательное образованіе и стоять въ близкихъ сношеніяхъ къ наиболѣе образованнымъ изъ современныхъ ему Римлянъ. Извѣстно, что эти обстоятельства на столько содѣйствовали нязществу его комедій, что въ Римѣ ходили слухи, будто римскіе вельможи помогали ему при его сочиненіяхъ. Плавтъ (повидимому) не имѣлъ связей съ высшими слоями римскаго общества: его комедіи рассчитывали на эффектъ въ глазахъ простаго народа; ни къ выраженіямъ, ни къ метрикѣ онъ не прилагалъ тако-го старанія, какъ Теренцій.

При болѣе точномъ разсмотрѣніи вопроса, въ чемъ состоятъ заслуги Ритча по исправленію Плавтова текста, я не сомнѣваюсь считать ихъ, при всей ихъ значительности, гораздо меньшими, чѣмъ его заслуги въ разработкѣ другихъ областей науки. Болѣе всего недостаетъ Ритчу какъ въ Плавтѣ, такъ и въ другихъ авторахъ, той гениальной легкости въ конъектурахъ, которой мы удивляемся у великихъ критиковъ, болѣе всего у Рихарда Вентли и Николаи Гейнзиа. Правда, текстъ Плавта труденъ и испорченъ въ гораздо большей степени, чѣмъ текстъ какого либо другаго древняго автора, и въ немъ во множествѣ встрѣчаются поврежденія всякаго рода, которымъ подвергаются памятники, передаваемые письменно: искаженія буквъ, слоговъ, цѣлыхъ словъ, пропуски, перестановки, интерполяции. Исправленіе ихъ оказывается очень труднымъ, потому что они идутъ болѣею частью не изъ среднихъ вѣковъ, но уже изъ древности, отчасти даже изъ перваго столѣтія послѣ смерти Плавта и изъ эпохи Цицерона и Августа. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Римляне уже въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. не понимали многихъ особенностей Плавтовой рѣчи, и даже имѣли меньше свѣдѣній о ней, чѣмъ мы, подобно какъ для Грековъ времени Цицерона рѣчи Фукидида были една понятны. Если, согласно со сказаннымъ выше, критика Плавта и можетъ быть смѣлѣе, даже насильственнѣе, чѣмъ критика многихъ другихъ древнихъ авторовъ, то все-таки нужно сознаться, что Ритчъ часто выходилъ за предѣлы дозволеннаго, часто дѣлалъ коренныя измѣненія въ текстѣ тамъ, гдѣ можно было его исправить и безъ употребленія столь радикальныхъ средствъ, какъ это видно изъ примѣра прежнихъ и новыхъ критиковъ. Съ меньшимъ правомъ можно обвинять его въ томъ, что при столь испорченномъ текстѣ онъ про-

часть СХС, отд. 2.

пустилъ нѣкоторыя ошибки, очевидно по грамматическимъ, метрическимъ и логическимъ основаніямъ.

Слѣдуетъ указать еще на одинъ недостатокъ Ритчля, общій почти всѣмъ ученымъ нашего времени: въ его критическихъ попыткахъ недостаетъ бодрой живости, свѣжаго юмора, простодушной прелести, которыми отличаются такъ часто конъектуры критиковъ XVI-го вѣка, хотя они въ отношеніи грамматическаго и метрическаго знанія Плавта далеко не могутъ сравниться съ Ритчлемъ. Высказывая свое окончательное мнѣніе о заслугахъ Ритчля касательно эмендаціи Плавта, я могу применить къ сужденію одного Берлинскаго ученаго, выразившагося въ программѣ тамошняго университета слѣдующимъ образомъ: „возстановленіе Плавтовыхъ комедій превосходно начато Ритчлемъ, но все-таки оно во многихъ отношеніяхъ не твердо“.

Гораздо выше этой дѣятельности Ритчля а дѣню его историко-литературныя, метрическія и грамматическія изслѣдованія относительно Плавта и древнѣйшихъ римскихъ памятниковъ вообще. Именно историко-литературныя изслѣдованія, находящіяся большею частью въ „*Parerga*“, оказываются дѣйствительно образцовыми произведеніями.—Какъ о куріозѣ можно упомянуть о томъ, что Ритчль первый ввелъ снова вѣрное имя Плавта, то-есть, *Titus Maccius*, между тѣмъ какъ прежде его называли *Magnus Accius*—вслѣдствіе того, что его смѣшивали съ знаменитымъ трагикомъ Акціемъ; показанія древности, впрочемъ, не даютъ никакого ручательства за невѣрное имя. Разумѣется, Плавтъ самъ писалъ имя свое черезъ одно „с“, такъ какъ Римляне со временъ Эннія впервые начали удваивать согласныя, и притомъ въ словѣ *Maccius* „а“ было краткое, какъ я это доказалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „*Philologische Jahrbücher*“, съ тѣмъ согласился и Ритчль. Въ то же время высказалъ подобное замѣчаніе и Боннскій профессоръ Вюхлеръ.

И всѣ прочія историко-литературныя сочиненія Ритчля достойны безусловной похвалы по тщательному сбору матеріала, по критической методѣ или остроумію и тонкости чутья при изслѣдованіи часто весьма трудныхъ и темныхъ задачъ. Его статьи, какъ напримѣръ: „*de aetate Plauti*“, о „*fabulae Varronianae Plauti*“, о Плавтовыхъ „дидаскаліяхъ“, „*de veteribus Plauti interpretibus*“ останутся навсегда образцами въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Ритчль первый разъяснилъ исторію древне-латинской драмы. Неожиданные результаты въ области исторіи римской литературы дало его изслѣдованіе о сочи-

ненія Светонія „de viris illustribus“. Изъ другихъ трудовъ Ритчля, не вытекавшихъ изъ занятій его Плавтомъ, я назову его—составившую эпоху въ наукѣ—статью о дѣятельности Варрона какъ писателя и комментарий на Светонія *vita Terentii*, появившійся въ собраніи отрывковъ Светонія, составленномъ Рейффершейдомъ.

Обращаясь къ заслугамъ Ритчля относительно метрики Плавта. Извѣстно, что Бенгли своимъ „*schediasma metrorum Terentianorum*“ положилъ первое основаніе для вѣрнаго уразумѣнія стихосложенія Плавта и Теренція. Но его воззрѣніи (обыкновенная участь геніальныхъ открытій) почти не встрѣтили одобренія со стороны современниковъ и потомства. Германъ впервые указалъ, какъ уже упомянуто выше, убѣдительно и успѣшно на Бенгли. Слѣдуя его примѣру, Ритчль, послѣ многолѣтнихъ занятій, опираясь на обширный матеріалъ, извлеченный изъ рукописей, попытался составить въ „*Prologomena Triumphi*“, по возможности, законченную систему Плавтова стихосложенія.

Совершенно невозможно здѣсь подробно разобрать успѣхи Ритчля на этомъ поприщѣ науки. Основательная разработка этой темы потребовала бы цѣлой книги, а потому я ограничиваюсь слѣдующими замѣчаніями.

Со всѣмъ, что Ритчль высказалъ о законахъ положенія; синицезиса, сокращенія долгихъ конечныхъ слоговъ, о *hiatus*, о просодическихъ особенностяхъ и цезурахъ въ Плавтовыхъ драмахъ, можно, кажется мнѣ, согласиться, или во всякомъ случаѣ можно считать все это очень полезнымъ для дальнѣйшаго изслѣдованія этого предмета. И съ тѣмъ, что онъ говоритъ о законахъ ритма у Плавта, я согласенъ почти безусловно. Но принципъ, изъ котораго онъ выводитъ эти ритмическіе законы, по моему мнѣнію, положительно не вѣренъ.

Общанное Ритчлемъ подробное разъясненіе вліянія грамматическаго ударенія на метры повтовъ не появилось. Въ *prologomena Triumphi* (стр. 208) онъ сводитъ свое мнѣніе къ тому, что хотя соблюденіе количества служило непремѣннымъ основаніемъ метрики древне-латинской драмы,—разумеется, съ тою свободою, которую позволяли себѣ драматяки принимая во вниманіе выговоръ въ устахъ народа—все-таки при этомъ обращалось всевозможное вниманіе на грамматическое удареніе. Впрочемъ (стр. 250) онъ самъ изъ предлагаемаго имъ правила долженъ былъ исключить апалестическіе метры Плавта и даже акатаlecticескіе амбическіе тетраметры (онъ могъ бы исключить и трахическіе октонары, вахическіе и кретическіе стихи Плав-

та). Но этотъ законъ, возстановленный Бентли и поддержанный Германомъ, совершенно ошибоченъ. Ученіе Ритчля не приобрѣло, за включеніемъ Флекейзена, авторитетныхъ приверженцевъ, а напротивъ, встрѣтило со всѣхъ сторонъ противорѣчіе и именно со стороны такихъ ученыхъ, какъ Вейль, Бенлоувъ, Вѣкъ и Корссенъ. Корссенъ въ своемъ сочиненіи „Ueber Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache“ (II, 948 слѣд. 2-го изд.) представилъ по этому вопросу взгляды изслѣдователей, писавшихъ послѣ Бентли, вмѣстѣ съ опроверженіемъ мнѣнія его и его послѣдователей; хотя Корссенъ и высказываетъ нѣкоторыя мнѣнія, вызывающія противорѣчіе, все-таки онъ полемизируетъ такъ мѣтко и основательно, что мнѣніе, котораго Ритчль, кажется, придерживался до конца своей жизни (см. слова его еще въ предисловіи къ 2-му тому Оприс., стр. 11), можно считать вполне опровергнутымъ.

Въ скандовкѣ греческихъ и латинскихъ стиховъ принимается во вниманіе единственно количество слоговъ, слѣдовательно, „долгота или краткость, и тѣ учителя поступаютъ совершенно правильно, которые, не смотря на насмѣшки Бентли, заставляютъ своихъ учениковъ читать:

ἀγνα virūmq; sanό Troiaέ qui primus ab όris

Μῆνιν ἀείδε θεά Ηῡληιάδεω Ἀχιλῆος.

При стремленіи же ввести кромѣ поэтическаго ритма и грамматическое удареніе, или даже послѣднее безъ перваго, исчезаетъ метръ. Взглядъ Бентли и его приверженцевъ основывается на томъ обстоятельстве, что вообще трудно переноситься изъ области новѣйшихъ языковъ въ область языка совсѣмъ несходнаго съ ними по формамъ метрики и словосочетанію. — Впрочемъ, на этомъ предметѣ я остановился только потому, что, въ противоположность всѣмъ извѣстнымъ мнѣ противникамъ Ритчля, на 206 стр. моей Метрики высказываю мнѣніе, что первый законъ въ метрикѣ всѣхъ древнихъ поэтовъ, какъ греческихъ, такъ и римскихъ, состоитъ въ томъ, чтобы не только не обращать вниманія на грамматическое удареніе, но по возможности противопоставлять его поэтическому *pinemus*. Разнымъ образомъ древніе поэты, въ особенности тѣ, которые вращались въ высшихъ родахъ поэзіи, всегда старались возвысить свой слогъ надъ уровнемъ обыкновеннаго разговорнаго языка. Но нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ такому сравненію; уже примѣръ римскихъ сатириковъ, которые сами заявляютъ, что они по возможности приближаютъ свой слогъ къ слогу обыкновенной прозы, доказываетъ

неопровержимымъ образомъ, что римскіе поэты, писавшіе стихи дактилическіе, обращали при этомъ очень мало вниманія на грамматическое удареніе.

Правда, и Ритчль, въ противоположность Бентли, признаетъ этотъ законъ для означенныхъ поэтовъ, не смотря на то, что у Виргилія и Овидія въ концѣ дактилическаго гексаметра замѣчается такое же совпаденіе поэтическаго ритма съ грамматическимъ удареніемъ, какое является въ срединѣ ямбовъ и трохеевъ у Плавта и Теренція (уже эти факты могли бы послужить Ритчлю указаніемъ на ошибочность его взгляда). Но тотъ же самый законъ примѣняется и къ драматическимъ писателямъ. Корссенъ блистательнымъ образомъ доказалъ, что уже въ древнѣйшемъ стихѣ Римлянъ, сатурническомъ, не обращается ни малѣйшаго вниманія на грамматическое удареніе. Древне-латинскіе же драматики и дактилики ставили себѣ первымъ правиломъ, чтобы, за исключеніемъ сѣченія (сасенига) и конца стиха, объ особенностяхъ которыхъ мы скажемъ сейчасъ, поэтический ритмъ по возможности разнился отъ прозаическаго ударенія.

Впрочемъ, у древнелатинскихъ драматиковъ часто встрѣчаются отступленія отъ этого правила, объясняемыя отчасти тѣмъ, что латинскій языкъ при богатствѣ троханческихъ и спондическихъ окончаній словъ и при неизмѣннѣ ударенія на послѣднемъ слогѣ (Barytonesis) уже самъ по себѣ гораздо чаще, чѣмъ греческій, допускаетъ совпаденіе поэтическаго ритма съ грамматическимъ удареніемъ, отчасти же тѣмъ, что вышеприведенное основное правило не соблюдается иногда по извѣстнымъ риторическимъ причинамъ,—наконецъ тѣмъ, что до-классическіе драматики вообще менѣе заботились о строгости стихосложенія, нежели дактилики и драматики со временъ Августа. Извѣстно, что они и въ ямбахъ и въ трохеяхъ допускали множество стопъ, которыя или вовсе не допускались Греками, или же допускались только въ исключительныхъ случаяхъ. Но при всемъ этомъ я убѣжденъ въ непоколебимости высказаннаго выше правила и считаю излишнимъ указывать на то обстоятельство, что если бы, какъ это предполагаетъ Ритчль, дѣйствительно Плавтомъ—въ отношенія къ анапестическимъ и другимъ метрамъ, и Энниемъ въ отношеніи ко всѣмъ дактилическимъ—былъ произведенъ такой громаднѣйшій переворотъ въ существовавшихъ тогда законахъ латинскихъ ритмовъ, то мы должны бы были остановиться передъ тѣмъ страннымъ явленіемъ, что римская публика, съ одной стороны, не возставала противъ этого нововведенія, а древніе драматики, съ другой, не упоминаютъ о немъ ни од-

нимъ словомъ. А эти же самые грамматики поддѣляли нѣлѣйшія встрѣчающіяся въ древнелатинскихъ ямбахъ и трохеяхъ отступленія отъ соотвѣствующихъ греческихъ стиховъ.

Другое мнѣніе Ритчла, высказанное въ „Prolegomena Trinunmi“ р. 250 sqq., о томъ, что слова, на которыя падаетъ, какъ онъ выражается, логическое удареніе (лучше было бы сказать слова, выдвигаемыя по риторическимъ причинамъ) у Плавта обыкновенно стоятъ въ арзисѣ, а не скрываются въ тезисѣ и не поглощаются посредствомъ элизіи, вызвало справедливое противорѣчіе и должно считаться совершенно несостоятельнымъ. На основаніи такого мнѣнія пришлось бы измѣнять сотни совершенно правильныхъ стиховъ Плавта; къ тому же оно непонятно, такъ какъ грамматическое удареніе въ латинскомъ языкѣ обращаетъ весьма мало вниманія на логическую сущность отдѣльныхъ слоговъ.

Если такимъ образомъ я принужденъ рѣшительно оспаривать начала, на которыхъ основывался Ритчлъ при разработкѣ метровъ Плавта, то съ другой стороны, я совершенно схожусь съ нимъ въ ритмическихъ наблюденіяхъ, изложенныхъ въ Prolegomena Trinunmi. Только я объясняю ихъ совершенно иначе.

Существуетъ два главныхъ закона въ области древней ритмики, которыми могутъ быть объяснены почти всѣ ритмическія явленія греческой и римской поэзіи. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ концѣ метрическаго ряда, образуемаго концемъ стиха или цезурой, во всей точности долженъ являться тотъ ритмъ, котораго требуютъ стопа или стопы въ заключеніи этого метрическаго ряда. Эти ритмы могутъ быть ямбы, хорей, дактили, анапесты или же смѣшанные (logaoedici).—При составленіи подобнаго ритма главнымъ образомъ слѣдуетъ избѣгать употребленія односложнаго слова въ концѣ метрическаго ряда, если ему предшествуетъ болѣе чѣмъ односложное слово, за исключеніемъ того случая, когда оба послѣднія слова связаны энклитисомъ или проклитисомъ.

Второй законъ требуетъ, чтобы тамъ, гдѣ вслѣдствіе разложенія арзиса или тезиса, вслѣдствіе стяженія тезиса, или по какой нибудь другой причинѣ, являлись видоизмѣненія первообразной стопы, соблюдались извѣстные ритмическіе законы, которые мотивировали бы или, такъ сказать, извиняли бы эти измѣненія. Изложенный здѣсь взглядъ мой легко объяснится при прочтеніи того, что я высказалъ на страницахъ 151—58 моей Метрики о разложеніи арзиса и объ употребленіи анапеста въ ямбическихъ стихахъ у дактиликовъ.

И такъ, въ дѣйствительности для ритмическаго построенія стиха вовсе не важно грамматическое удареніе слова, а только объемъ его по числу слоговъ. При этомъ я не отрицаю, что иногда и законы риторики или другія обстоятельства, какъ напримѣръ, употребленіе именъ собственныхъ, вліяли на ритмъ стиха,—но эти исключенія рѣдки.

Велика также заслуга, которую оказалъ Ритчль изслѣдованіемъ о древнѣйшемъ латинскомъ стихѣ, какъ кажется, до Ливія Андроника бывшимъ единственнымъ „versus Saturnius“. Онъ точнѣе опредѣлилъ и исправилъ законы его, выставленные Отфридомъ Миллеромъ (de titulo Mummiano, pag. 2), хотя слѣдуетъ сознаться, что Ритчлю не удалось то, что, можетъ быть, никогда никому удастся—а именно вывести окончательно опредѣленные правила для сатурническаго стиха, отмѣтить позволительныя отступленія отъ этихъ законовъ. Но это зависитъ какъ отъ трудности, такъ и отъ рѣдкости и испорченнаго вида этихъ стиховъ. Исходною точкой Ритчлю служило положеніе, что можно составить правильное понятіе о сатурническомъ стихѣ только изъ надписей; и дѣйствительно, при малочисленности и крайней испорченности дошедшихъ до насъ стиховъ Ливія и Невія, мнѣніе это не можетъ считаться неосновательнымъ. Но, съ другой стороны, ясно, что мы легко могли бы обойтись безъ надписей, если бы имѣли хоть сотню сатурническихъ стиховъ Ливія или Невія въ неспорченномъ видѣ, потому что эти писатели были люди, получившіе школьное образованіе, между тѣмъ, какъ степень образованія сочинителей надписей неизвѣстна.

Перехожу теперь къ четвертой и послѣдней части разсужденія о трудахъ Ритчля, посвященныхъ изученію Плавта,—къ изложенію заслугъ его по части грамматики какъ Плавта, такъ и древнелатинскаго языка. Будучи близко знакомъ съ лучшими рукописями и надписями, основываясь на древнихъ грамматикахъ и наблюденіяхъ въ области метрики, Ритчль прослѣдилъ исторію латинскаго языка отъ начатковъ его литературы до золотого вѣка и далѣе, и такимъ образомъ создалъ историческую латинскую грамматику. Онъ впервые воспользовался для латинской грамматики надписями столь же методическимъ образомъ, какъ воспользовался ими Моммзенъ для древностей и исторіи. Вѣстательно свидѣтельствуетъ объ этомъ его: „Priscae latinitatis (до смерти диктатора Цезаря) monumenta epigraphica ad archetyporum fidem exemplis lithographis repraesentata edidit F. Ritschelius, 1862 ¹⁾“.

¹⁾ О трудахъ Ритчля по части эпиграфики и объ его методѣ преподаванія и

Уже великіе филологи XVI-го столѣтія, и между ними Липсіусъ и Скалигеръ, сознавали всю важность эпиграфической науки для изученія древности, какъ въ формальномъ, такъ и въ реальномъ отношеніи. Но на эти труды ихъ мало обращали вниманія и въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій эпиграфикою занимались, хотя не исключительно, но большею частью, только дилетанты. Такимъ образомъ она не принесла той пользы, которую наука могла бы ожидать отъ нея, а произвела скорѣе путаницу, потому что громадное число поддѣльныхъ надписей, большею частью составленныхъ Лигогоріемъ, перемѣшано было съ подлинными. Только Гаetanно Марини (1742—1815) началъ добросовѣстно и критически относиться къ надписямъ; и съ тѣхъ поръ заслугами Боргези, Орелли, Келлермана, Моммзена, Генцена эпиграфика все болѣе и болѣе поднималась до значенія науки.

Желая пополнить предпріятій Берлинскою академіею и уже давно разрабатываемый *Corpus inscriptionum latinarum*, Ритчль nadalъ вышеупомянутый трудъ, который разумностію критики при выдѣленіи поддѣльнаго, точностію литографированныхъ снимковъ, богатствомъ указаній, навсегда упрочилъ за издателемъ имя одного изъ первыхъ знатоковъ эпиграфики, такъ что даже Моммзенъ, какъ извѣстно не очень расположенный къ Ритчлю, по поводу спора о надписяхъ, найденныхъ въ Неннигъ, самымъ почетнымъ образомъ призналъ заслуги его въ этой наукѣ.

Къ сожалѣнію, обѣщанный Ритчлемъ комментарий къ этому труду (*commentarius grammaticus*) не явился въ печати, но и безъ него эти *monumenta epigraphica* важны для древнелатинской грамматики. Методъ эпиграфической науки Ритчль распространялъ путемъ практическихъ упражненій въ средѣ молодого поколѣнія и ученики его, подобно учителю, извлекали изъ надписей большую пользу для своихъ грамматическихъ изслѣдованій.

Если мы обратимся къ заслугамъ Ритчля по части латинской орфографіи, то слѣдуетъ припомнить тотъ фактъ, что общепотребительное правописаніе, которое господствовало въ изданіяхъ римскихъ авторовъ еще въ продолженіе значительной части нашего столѣтія, главнымъ образомъ основано на печатныхъ книгахъ XV-го и XVI-го сто-

ченіи лекцій написана превосходная статья ученымъ и достоуважаемымъ товарищемъ моимъ г. Помяловскимъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871 г., ч. 152, отд. 3, стр. 33—60. Чтеніе этой статьи мы рекомендуемъ всѣмъ, интересующимся Ритчлемъ.

лѣтій. Но эти книги печатались по небрежно писаннымъ позднѣйшимъ рукописямъ. И когда съ XVII-го столѣтія ученые начали съ большимъ интересомъ задавать себѣ вопросы относительно латинскаго правописанія, когда они начали точнѣе сравнивать рукописи, то добытые такимъ путемъ результаты все-таки мало или совсѣмъ не повлияли на правописаніе обыкновенныхъ изданій классиковъ. Хотя уже со временъ возрожденія классическихъ занятій не было недостатка въ ученыхъ, ясно сознававшихъ ошибочность общепринятой ореографіи, однако только въ нашемъ столѣтіи, и то собственно въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, приступлено было къ задачѣ преобразовать правописаніе. Это преобразование проводилось сначала въ ученыхъ, а потомъ и въ популярныхъ изданіяхъ, и на поприщѣ этого труда соединились Ритчль и Лахманнъ. Они сходились въ мнѣніи о большой важности свидѣтельствъ древнихъ грамматиковъ по вопросу о восстановленіи разумнаго правописанія; но они не рѣдко расходились, а именпо Лахманнъ придавалъ главное значеніе древнѣйшимъ рукописямъ (при чемъ онъ по своему усмотрѣнію выдвигалъ одні рукописи и пренебрегалъ другими), между тѣмъ какъ Ритчль при преобразованіи ореографіи желалъ предпочтительно опираться на достовѣрнѣйшія надписи. Тутъ, какъ часто, *veritas in medio*; для достиженія означенной цѣли необходимы и рукописи и надписи, и если надписи имѣютъ большое значеніе для древнѣйшей поры латинскаго языка (до временъ Цезаря или до смерти Цицерона), потому что отъ этого времени до насъ не сохранилось свидѣтельствъ ни рукописей, ни грамматиковъ, то съ другой стороны древнѣйшія и лучшія рукописи, восходящія къ IV столѣтію, тѣмъ болѣе важны для правописанія времени императоровъ, уже по той причинѣ, что въ нихъ содержится несравненно обильнѣйшее и болѣе разнообразное богатство языка, нежели въ часто сомнительныхъ надписяхъ. Кромѣ того, ясно, что рукописи болѣею частію писались на основаніи ореографическихъ правилъ, выведенныхъ знатоками грамматики, между тѣмъ какъ надписи часто сочинялись людьми малограмотными. Система латинскаго правописанія, употреблявшаяся въ позднѣйшую пору древности, установилась главнымъ образомъ на основаніи трудовъ ученыхъ перваго столѣтія христіанской эры, и этой системы должны держаться и мы. Не смотря на это, при введеніи научныхъ результатовъ въ школьную практику, мы все-таки должны поступать осмотрительно и постепенно и допускать въ учебники только то, что доказано неопровержимымъ образомъ. Впрочемъ, свидѣтельства лучшихъ и древ-

нѣйшихъ рукописей почти всегда сходятся со свидѣтельствами подлинныхъ и тщательно составленныхъ надписей.

Въ своемъ неутомимомъ стремленіи, направленномъ къ обогащенію и расширенію области латинской грамматики, Ритчль обратилъ вниманіе ученаго міра и на латинскіе глоссаріи. Уже до него нѣкоторые филологи, какъ напримѣръ Рункенъ, сознавали, что такіе глоссаріи могутъ быть чрезвычайно важны для знакомства съ латинскимъ языкомъ, преимущественно древнимъ, а иногда и для критики текстовъ; но все-таки, начиная съ XVII-го столѣтія, почти никто не обращалъ на нихъ вниманія. А между тѣмъ едва ли существуетъ какая нибудь область изученія латинскаго языка, въ которой нѣтъ бы столь древній и богатый рукописный матеріалъ. Образецъ разработки глоссаріевъ Ритчль показалъ въ превосходномъ изслѣдованіи объ одномъ глоссаріи къ Плавту. Съ тѣхъ поръ, нѣкоторые изъ его учениковъ успѣшно обрабатывали отдѣльныя области глоссографіи или же издавали отдѣльные важные глоссаріи и пользовались ими. Весьма желательно появленіе изданія „Corpus glossarum latinarum“, которое основывалось бы на обильныхъ богатствахъ парижской, лейденской, римскихъ и другихъ библіотекъ: безъ сомнѣнія, это огромный трудъ, для исполненія котораго едва ли хватитъ силъ и даже терпѣнія одного человѣка. Во всякомъ случаѣ, за это дѣло можетъ вѣстись только уже совершенно зрѣлый ученый, обладающій, съ одной стороны, достаточными познаніями въ римской литературѣ; для того, чтобы быть въ состояніи различать дѣйствительныя отношенія къ ней отъ вѣствующихся, а съ другой—умѣющій, на сколько это возможно, отличать остатки дѣйствительно доклассической латыни отъ часто очень сходныхъ выраженій народнаго или провинціального и позднѣйшаго языка.

Ритчль впервые обратилъ вниманіе и на остатки древней стенографіи, такъ называемыя *notae Tigonianaе*, указавъ на ихъ важность для изученія латинскаго языка вообще и въ частности доклассической латыни. Извѣстно, что одинъ изъ его лучшихъ учениковъ уже долгое время неотступно занимается собираніемъ и восстановленіемъ разбросанныхъ повсюду рукописныхъ остатковъ „*notae Tigonianaе*“.

Врядъ ли еще нужно упоминать, что Ритчль вездѣ обращалъ надлежащее вниманіе на латинскихъ грамматиковъ и схолистовъ, и что онъ очень часто объяснялъ ихъ остроумными наблюденіями и пользовался ими. Одинъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ Ритчля, Кейль, предпринялъ, по его иниціативѣ, нынѣ почти оконченное изданіе латинскихъ

грамматиковъ. Хотя это изданіе и имѣетъ нѣкоторые недостатки, особенно въ критикѣ, поступающей слишкомъ консервативно, все-таки издатель оказалъ наукѣ важную услугу; послѣ его изданія, изданіе Пучша сдѣлалось совершенно непригоднымъ.

Столь многостороннему знанію источниковъ соотвѣтствуютъ и достигнутые Ритчлемъ въ области латинской грамматики результаты, изъ которыхъ многіе могутъ быть названы блистательными. Такъ и прочія его наблюденія надъ первоначальною и существующею еще у Плавта долгою разныкъ конечныхъ слоговъ, являющихся у Эппія и дактиликовъ всегда сокращенными, въ послѣдствіи оправдались результатами сравнительной грамматики. И изслѣдованія Ритчля о вокализмѣ древняго латинскаго языка признаны вѣрными. Далѣе, многія формы, которыя прежде были неизвѣстны или считались описками, установлены Ритчлемъ и его учениками или какъ единственно вѣрныя, или же, по крайней мѣрѣ, какъ совершенно основательныя, — съ другой стороны, исключены нѣкоторые невѣрныя, освященные преданіемъ и суевѣріемъ. Изслѣдованія Ритчля объ ореографическихъ нововведеніяхъ Акція и отношенія къ нимъ Луціліа оказали мнѣ весьма важныя услуги при разработкѣ девятой книги Луціліевыхъ сатиръ. Разумѣется, большинство достигнутыхъ Ритчлемъ результатовъ имѣло приложеніе къ Плавту или исходило изъ Плавта (арханческая латынь котораго, говоря мимоходомъ, сохранилась большею частью вѣрнѣе въ *codex vetus*, чѣмъ въ Миланскомъ палимпсестѣ, хотя онъ и гораздо старше перваго).

Попытка Ритчля въ остроумныхъ „*Plautinische Excurse*, Leipzig, 1869“, возстановить такъ называемое *d paragogicum*, какъ знакъ *ablativi singularis*, нарѣчій и предлоговъ на *a, o, u, i* и повелительнаго наклоненія на *o*, встрѣтила съ многихъ сторонъ одобреніе, но также и сильное противорѣчіе. Сознаюсь, что я отношусь съ сомнѣніемъ къ этому ученію, какъ бы соблазнительно оно ни было, но крайней мѣрѣ буду сомнѣваться до тѣхъ поръ, пока не будетъ опубликованъ вполнѣ весь критическій аппаратъ къ Плавту, чего мы можемъ ожидать отъ профессора Штудемунда. Правда, введеніемъ *d paragogicum* и возстановленіемъ древняго окончанія именительнаго втораго склоненія на *is*, а также и другими средствами, уничтожаются многія метрическія затрудненія въ Плавтѣ, именно многіе *hiatus*, — но, съ другой стороны, такъ же вѣрно, что неисчислимыя и сильныя порчи придаютъ многимъ попыткамъ къ исправленію мнимую поддержку, но при болѣе точномъ разсмотрѣніи эти эмендаціи оказываются не-

вѣроятными или же весьма проблематическими. Разумѣется, это замѣчаніе относится также и къ гипотезамъ, опирающимся исключительно на рукописное преданіе (которое, кстати, или мало или даже вовсе не подтверждаетъ ученіе о *d paragogicum*). Вѣдь можно же изъ Плавта и другихъ авторовъ доказывать значительнымъ числомъ примѣровъ удлинненіе перваго слога въ словѣ „*homo*“.

Текстъ Плавта, какъ въ критическомъ и метрическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніяхъ, никогда не можетъ быть окончательно возстановленъ, и тотъ самый ученый, который болѣе всѣхъ принесъ пользы изученію Плавта, весьма ясно (еще недавно въ *Plautinische Excursus*) указалъ на огромныя затрудненія, которыя существуютъ при возстановленіи Плавтовыхъ комедій.

Но такъ какъ Ритчъ отчасти самъ достигъ изумительныхъ результатовъ, отчасти указалъ другимъ путь, по которому слѣдуетъ идти при исправленіи текста Плавтовыхъ комедій, то его, по справедливости, можно назвать „*sospitator Plauti*“.

Впрочемъ, пословица „*dies diem docet*“, именно въ области изученія древне латинскаго языка останется въ своей силѣ, какъ это испыталъ и самъ Ритчъ при своихъ занятіяхъ; онъ самъ открыто и сознавался въ справедливости этой пословицы. Пройдетъ еще много времени, пока мы достигнемъ на указанномъ поприщѣ относительной вѣрности, такъ какъ дойти до абсолютной кажется едва ли возможнымъ.

Очень жаль, что филологи, возбужденные великимъ примѣромъ Ритча, обратили свою дѣятельность на Плавта, подобно тому, какъ прежде на Лукреція по появленіи наданія Лахманна, и въ новѣйшее время на Луцилія. Ритчъ самъ сожалѣлъ объ этомъ. Вслѣдствіе этого литература Плавта сдѣлалась столь же необозримой, и, болѣею частью, столь же скучной, какъ литература гомеровскаго вопроса. Я посовѣтовалъ бы, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ оставить Плавта, пока не выйдетъ полный критическій аппаратъ къ нему и новое изданіе Нонія.

При этомъ случаѣ не могу не замѣтить, что еще многое можно извлечь для Плавтовой грамматики и метрики изъ позднѣйшихъ латинскихъ авторовъ, потому что позднѣйшая классическая латынь, которая выработалась изъ народнаго говора провинціаловъ и изъ архаистическихъ выраженій, предпочитавшихся во II-мъ столѣтіи по Р. Х. послѣдователями Фронтоня, имѣетъ много общаго съ доклассическимъ языкомъ. А авторы послѣдняго періода римской литературы, какъ

извѣстно, очень мало изслѣдованы и область ихъ почти совершенно terra incognita. Основательное занятіе ими принесло бы филологіи болѣе пользы, чѣмъ постоянное возбужденіе вопросовъ, рѣшить которые, хотя бы и съ приблизительною вѣрностью, нынѣ врядъ ли возможно.

Прежде, чѣмъ заключить изложеніе работъ Ритчля по Плавту, я долженъ высказать желаніе, чтобъ кто нибудь изъ его даровитыхъ учениковъ издалъ его лекціи о латинской грамматикѣ, пока еще не исчезли ихъ хорошіе списки и пока онѣ не попали въ руки литературныхъ пиратовъ. По всему, что мнѣ извѣстно, онѣ будутъ весьма полезны для науки.

И вѣтъ предѣловъ древне-латинскаго языка Ритчль трудился на поприщѣ науки съ замѣчательнымъ умѣньемъ, и нерѣдко весьма счастливо. Вообще онъ имѣлъ многообъемлющій взглядъ на языки и питалъ къ нимъ живой интересъ. Когда должностныя сношенія связали его съ Россією, онъ выражалъ мнѣ сожалѣніе, что лѣта препятствуютъ ему изучить русскій языкъ, и еще раньше, когда я былъ вызванъ въ Петербургъ, онъ мнѣ убѣдительно совѣтовалъ усердно заниматься русскимъ языкомъ, прибавляя, что съ изученіемъ новаго языка приобретаются новые взгляды и новыя идеи.

Нужно ли еще прибавлять, что такой ученый занимался методически и успѣшно и вопросами реальной филологіи? Условія для плодотворности изслѣдованій въ этой области тѣ же самыя, какъ и въ филологіи формальной: строгое логическое мышленіе, точное знаніе языковъ, основательное изученіе источниковъ, ихъ методическая классификація, наконецъ, метода индукціи, не составляющая изъ предвзятыхъ мнѣній цѣльной системы, но постепенно старающаяся точною постановкою отдѣльныхъ задачъ достигнуть гармоническаго изображенія общности дисциплины или опредѣленной ея части.

Уже выше упомянуто, что Ритчль при удобномъ случаѣ занимался и вопросами археологическими. Извѣстны его слова: *sine philologiae luce saecutire archaeologiam*, то-есть, что всѣ изслѣдованія въ археологіи ничтожны безъ изученія древнихъ писателей, основаннаго на точномъ знаніи языка.

Труды Ритчля изложены частью на нѣмецкомъ языкѣ, частью на латинскомъ; онъ выражался на обоихъ языкахъ одинаково точно и искусно. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о всѣхъ его ученикахъ. Искусство писать по латини значительно упало въ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе, и часто слыжалъ я жалобы на это со стороны

благоразумныхъ педагоговъ, опасавшихся, что отъ этой небрежности произойдетъ вредъ для образованія юнаго поколѣнія.

Прежде, чѣмъ я обратюсь къ педагогической дѣятельности Ритцля, я считаю нужнымъ упомянуть объ его заслугахъ по изданію журнала „*Rheinisches Museum für Philologie*“, редактированнаго имъ съ 1842 года вмѣстѣ съ Велькеромъ, а по его смерти—сообща съ нѣкоторыми молодыми учеными. Онъ обращалъ, какъ говорилъ и мнѣ самъ, главное вниманіе на возможное разнообразіе содержанія, но при этомъ не упускалъ изъ виду и основательность—это разумѣется само собою. Этими преимуществами и приобрѣлъ журналъ „*Rheinisches Museum*“ первое мѣсто между филологическими журналами Германіи.

Этимъ я заключаю обзоръ ученой дѣятельности Ритцля и перехожу къ послѣдней части моего труда, къ описанію его педагогической дѣятельности ¹⁾.

Прежде всего нельзя не отозваться съ похвалою объ его отличныхъ дарованіяхъ къ преподаванію. Его лекціи были ясны, но не тривиальны, интересны, но не поверхностны, поучительны, но не скучны. Относительно цитатъ Ритцль держался благоразумной сдержанности, не слѣдуя дурной привычкѣ современныхъ голландскихъ филологовъ, которые не приводятъ почти ни одной цитаты, и не подражая нѣмецкимъ ученымъ всѣхъ временъ, которые массою цитатъ утѣютъ препосходный курсъ сдѣлать неспособнымъ.

Разумѣется само собою, что въ лекціяхъ Ритцля проблемы формальной филологіи занимали первое мѣсто; особенно любилъ онъ останавливаться на разъясненіи и исправленіи трудныхъ и испорченныхъ текстовъ. Что касается до содержанія его лекцій, то тутъ можно бы пожелать большаго разнообразія. Особенно, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ пожалѣть, что онъ никогда, или же почти никогда, не читалъ исторіи римской литературы; въ своемъ курсѣ онъ непременно представилъ бы слушателямъ живой, полный новыхъ взглядовъ очеркъ этой дисциплины. Кажется, что частью его отношенія къ со-

¹⁾ О педагогической методѣ Ритцля довольно часто высказывались и его друзья и противники. Во время упомянутой выше распри между нимъ и Яномъ появилось нѣсколько брошюръ, критикующихъ воспитательную дѣятельность обоихъ противниковъ, въ пользу одного или другаго, а именно брошюры Брашбаха: «*Das Ende der Bonner Philologenschule*» и «*Friedrich Ritschl und die Philologie in Bonn*», а также статья анонима: «*Das philologische Studium in Bonn*». Я слѣдую вездѣ своимъ собственнымъ наблюденіямъ.

служивцамъ, частью огромное количество ученыхъ работъ побуждали его ограничивать число лекцій. Его лекціи, какъ въ Боннѣ, такъ и въ Лейпцигѣ, обнимали: энциклопедію филологіи, латинскую грамматику, метрику Грековъ и Римлянъ, изъясненіе Плавта, Эсхила, Аристофана, Діонисія Галикарнасскаго.

Если лекціи Ритцля привлекали упомянутыми качествами значительное число слушателей (иногда ихъ бывало болѣе двухъ сотъ), то его педагогическое дарованіе проявлялось еще блистательнѣе въ семинаріи и въ упражненіяхъ, которыя онъ устраивалъ *privatissime* для желающихъ изъ студентовъ.

Устройство филологическихъ семинарій въ Германіи слѣдующее. Обыкновенно семинаріей управляютъ два директора: одинъ руководитъ упражненіями по греческому языку, другой — по латинскому. Занятія членовъ, болѣею частью уже пробывшихъ нѣсколько времени въ университетѣ, состоятъ или въ толкованіи автора, назначаемого директоромъ, или въ диспутахъ о трудныхъ и испорченныхъ мѣстахъ разныхъ авторовъ, или, наконецъ, въ письменныхъ сочиненіяхъ, которыя относятся въ большинствѣ случаевъ къ грамматическимъ, метрическимъ, критическимъ вопросамъ, рѣже къ вопросамъ литературнымъ, и еще рѣже къ реальнымъ. Эти сочиненія разбираются такъ называемымъ оппонентомъ, подъ руководствомъ профессора. Выборъ предмета для диспута и для письменныхъ упражненій обыкновенно предоставляется студенту. Прежде всѣхъ упражненій писались на латинскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, нынче мѣсто его часто заступаетъ языкъ нѣмецкій. Замѣчанія, дѣлаемые при такихъ диспутахъ профессоромъ, относятся отчасти къ самому предмету сочиненія, отчасти къ способу выраженія мыслей. Совершенно излишне замѣчать, что такой профессоръ, какимъ былъ Ритцль, обращалъ надлежащее вниманіе на стилистическую сторону.

Что же касается до содержанія упражненій, въ которыхъ Ритцль руководилъ студентами, то онъ, какъ было высказано выше, не изобрѣлъ какой-либо новой критической методы для разработки вопросовъ формальной филологіи. За то онъ открылъ для филологической дѣятельности нѣкоторыя новыя области, въ которыхъ его ученики работали съ особеннымъ рвеніемъ. Нельзя сказать, чтобы то обстоятельство, что критическая дѣятельность Ритцля исходила изъ Плавта, принесло въ какомъ-либо отношеніи пользу опытамъ въ эмендаціи, такъ какъ неизцѣлимо испорченный текстъ Плавта позволяетъ или оправдываетъ насильственность критики, чего нельзя до-

пускать при авторахъ менѣе испорченныхъ, напримѣръ, при Виргиліи, Горации или Ювеналѣ. Но за то тѣмъ благотворнѣе было вліяніе Ритчля на методическое опредѣленіе порчи, на экзегезу, грамматическія, метрическія и историко-литературныя изслѣдованія. Поэтому вполне справедливо хвалить авторъ сочиненія «*Das philologische Studium in Bonn*» (хотя онъ и стоитъ болѣе на сторонѣ Яна) превосходное педагогическое дарованіе Ритчля, при помощи котораго ему удавалось начинающимъ заниматься филологіею изъяснять общія законы здраваго мышленія въ ихъ приложеніи къ грамматическимъ и критическимъ вопросамъ; при помощи того же педагогическаго метода удавалось ему, посредствомъ неумолимой строгости ко всякой неотчетливости въ мышленіи и изслѣдованіи, возбуждать прилежаніе и остроуміе, заставлять студентовъ основательно разсматривать вопросы науки и не оставлять ихъ, не достигнувъ рѣшенія, на сколько оно возможно. Не даромъ стихъ римскаго поэта: *nil tam difficile est, quin quaerendo investigari possiet* былъ любимымъ изреченіемъ Ритчля. Острота его сужденія, мастерство въ языкѣ, живость ума, способность входить въ мысль другаго и направлять ее на вѣрный путь, привлекали постоянно старательныхъ филологовъ и даже студентовъ другихъ факультетовъ къ упражненіямъ въ его семинаріи. Его метода разработки научныхъ вопросовъ была въ главныхъ чертахъ такая же, какую мы замѣчаемъ у самыхъ тонкихъ мыслителей древности, у Аристотеля и Платона.

Но и лучший методъ можетъ принести плоды только при даровитыхъ ученикахъ, точно такъ, какъ и знаніе всѣхъ законовъ логики бываетъ бесполезно для того, кто не способенъ къ логическому мышленію. А Ритчль имѣлъ способность угадывать и развивать въ своихъ ученикахъ таланты и склонности и вводить каждого въ свойственный ему кругъ ученой дѣятельности. Для достиженія этой цѣли служили ему между прочимъ задачи для соисканія наградъ, ежегодно предлагаемыхъ въ Боннѣ по обычаю прусскихъ университетовъ. Этими онъ вызвалъ молодыя силы къ основательному изслѣдованію отрывковъ XII таблицъ, отрывковъ Эннія, къ критической разработкѣ рейнскихъ надписей, прологовъ Теренція и Плавта, грамматическихъ трудовъ императора Клавдія и др.

Разумѣется, во всѣхъ этихъ упражненіяхъ преобладалъ латинскій языкъ, и вліяніе Ритчля выказывалось всего удачнѣе въ тѣхъ областяхъ, которыя въ особенности были ему знакомы. Тѣмъ не менѣе, только что описанія преимущества его педагогической методы пред-

ставляли его ученикамъ возможность удачно трудиться и на другихъ поприщахъ науки. Вотъ почему въ числѣ своихъ учениковъ Ритцль имѣетъ извѣстныхъ эллинистовъ; даже между представителями сравнительнаго языкознанія нѣкоторые вышли изъ его школы, напримѣръ, Шлейхеръ и Курціусъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ его слушателей съ успѣхомъ разрабатывали и вопросы реальной филологіи. Но если его ученики занимались все-таки преимущественно тѣми отдѣлами, которые были разработаны или указаны имъ самимъ Ритцлемъ, это легко объясняется тѣмъ, что люди вообще, за исключеніемъ лишь немногихъ, работаютъ вѣрнѣе тогда, когда достижіи ихъ трудъ точно ограниченъ. Этимъ же объясняется и то, что у нѣкоторыхъ изъ его учениковъ первыя работы, при которыхъ Ритцль, такъ сказать, велъ еще ихъ за руку, оказываются лучшими. Съ другой стороны, неудивительно, что иногда открытія Ритцля, вслѣдствіе неудачнаго приложенія, возбуждали недовѣріе и причиняли вредъ вмѣстѣ полымъ, какъ это, напримѣръ, случилось съ его открытіемъ симметрической соотвѣтственности въ нѣкоторыхъ частяхъ діалога въ древней драмѣ.

Наконецъ, едва ли необходимо замѣчать, что Ритцль старался знакомить своихъ учениковъ съ внѣшними приѣмами критики, съ законами палеографіи въ рукописяхъ и надписяхъ, точно такъ же, какъ онъ охотно пользовался своими обширными сношеніями для доставленія молодымъ филологамъ нужнаго для ихъ работъ рукописнаго и эпиграфическаго матеріала.

Часто упрекали Ритцля, что онъ сосредоточивалъ занятія своихъ учениковъ на относительно очень узкомъ кругѣ памятниковъ древней литературы, что вслѣдствіе этого суживался ихъ горизонтъ и что вообще очень немногіе изъ нихъ отличались обширнымъ знаніемъ классической литературы. Эти упреки въ отношеніи къ большинству справедливы; но Ритцль виноватъ только въ томъ, что онъ не расширялъ круга своихъ лекцій. Разумѣется, для толкованія въ семинаріи при каждомъ курсѣ должно было быть избираемо одно не слишкомъ обширное сочиненіе, для того, чтобы это толкованіе могло принести пользу; относительно его имѣютъ полное приложеніе слова Плінія младшаго, что слѣдуетъ читать *multum*, а не *multa*. Но за то выборъ предметовъ для диспутовъ и письменныхъ упражненій былъ предоставляемъ каждому на произволъ. Если же, въ чемъ нельзя не сознаться, многіе ученики Ритцля оказали недостаточную начитанность въ классическихъ авторахъ и незначительныя познанія

въ предметахъ реальной филологіи, то, причина, сему, заключается въ томъ, что они и въ первое время своего университетскаго образованія, когда еще не участвовали въ занятіяхъ семинаріи Ритцля, и послѣ выхода изъ университета, не старались пополнять свои знанія.

Важнѣе другой упрекъ, состоящій въ томъ, что молодые люди въ школѣ Ритцля слишкомъ рано возбуждались къ авторской производительности, что они, вмѣсто усвоенія положительныхъ результатовъ, добытыхъ извѣстными учеными, слишкомъ скоро стремились къ отысканію новаго, и что часто, еще въ очень юныхъ дѣлахъ, останавливались на разработкѣ одного автора, и даже одного сочиненія, не обращая вниманія на другія области филологіи, а поэтому неизбѣжно дѣлались односторонними и ограниченными. Что это случилось нерѣдко, въ этомъ нельзя не сознаться. Но я полагаю, что слѣдуетъ въ оцѣнкѣ такого явленія примкнуть къ сужденію г. Поголовскаго, обвиняющаго (на стр. 59 приведеннаго выше сочиненія) Ритцля только въ томъ, что онъ не всегда противодействовалъ этой преждевременной производительности съ настоящею энергіею.

Этотъ упрекъ относится въ особенности къ 6-ти томамъ „Acta societatis philologae Lipsiensis“, въ которыхъ Ритцль съ 1871, по 1876 годъ издавалъ сочиненія молодыхъ ученыхъ, соединенныхъ имъ въ ученое общество, какъ это часто дѣлали до него дейницгскіе профессора, и между прочимъ Курціусъ. Если это, предприятие, съ одной стороны, показываетъ живой интересъ, который Ритцль питалъ къ своимъ ученикамъ, и значительное вліяніе, которое онъ имѣлъ на нихъ, то, съ другой—такіе, нынѣ очень распространенные въ Германіи сборники, кажутся мнѣ подозрительными и даже опасными. Если профессоръ, руководящій изданіемъ, и исполненъ искренняго желанія усердно служить наукѣ, устранять все неудовлетворительное, то все-таки при огромномъ объемѣ современной филологіи и при множествѣ занятій, гнетущемъ нѣмецкихъ профессоровъ, совершенно невозможно одному лицу устранять скороспѣлыя и посредственныя работы; кромѣ того, произведенія, имѣющія истинныя достоинства, не могутъ быть вызваны побужденіемъ извнѣ, но возникаютъ исключительно изъ непосредственнаго стремленія выдающихся личностей. Часто молодые люди, являясь предъ публикою подъ эгидою знаменитаго ученаго, проникаются вредною самоувѣренностью. Они воображаютъ, что уже имѣютъ нѣкоторое значеніе и часто позволяютъ себѣ сужденія о лицахъ, у которыхъ имъ слѣдовало бы еще учиться. Истинная слава—растеніе, развивающееся очень медленно; ее можно достигнуть только по-

слѣ многихъ трудовъ и жертвъ: самъ Ритчль прославился, когда ему было уже болѣе сорока лѣтъ. Высказанное нами порицаніе сборниковъ этого рода относится и къ Ритчлевымъ „аста“; не покажется удивительнымъ, что при отличномъ педагогическомъ дарованіи Ритчля, при его вліяніи на молодыхъ людей, аста содержатъ много хорошихъ, нѣсколько даже превосходныхъ сочиненій, но тѣмъ не менѣе они изобилуютъ незрѣлыми, полузрѣлыми, даже совершенно ничтожными произведеніями. То удачное, что содержится въ нихъ, проникло бы въ публику и само собою, а Ритчль, не будучи занятъ сборникомъ, имѣлъ бы время и воспользовался бы случаемъ издать 3-й и 4-й томъ своихъ *Opuscula* съ добавленіями, необходимыми по требованію времени; теперь всѣ его малкія статьи разбросаны по журналамъ и программамъ, а за собраніе ихъ наука была бы ему болѣе благодарна, чѣмъ за аста.

Еще желаю я обратить вниманіе на особенность Ритчлевой школы, произшедшую также безъ вины учителя, — на ея пристрастіе къ разрывкѣ отрывковъ. Что Ритчль охотно побуждалъ своихъ учениковъ къ этимъ занятіямъ, легко объясняется тѣмъ, что его работы сосредоточивались на изслѣдованіи доклассической латыни, которая намъ представляется, за исключеніемъ комедій Плавта и Теренція, грудой развалинъ. Восстановленіе отрывковъ очень соблазнительно для молодыхъ ученыхъ, такъ какъ отрывки даютъ поводъ съ замысловатымъ или заманчивымъ комбинаціямъ гораздо чаще, чѣмъ сочиненія, сохранившіяся въ цѣлости. Но за то нигдѣ не существуетъ столь обширнаго поля для всевозможныхъ хитросплетеній и гаданій, для рискованныхъ конъектуръ и произвола, какъ въ разработкѣ отрывковъ, такъ что я считаю ее безусловно самою трудною задачею для филолога-критика, съ которою справиться можетъ только ученый, долго и успѣшно работавшій цѣлыми сочиненіями древнихъ авторовъ.

Что касается до выставленнаго мною раньше требованія, по которому профессору филологіи слѣдуетъ свои лекціи примѣнять къ потребностямъ будущихъ гимназическихъ преподавателей, то Ритчль не соответствовалъ ему, въ чемъ мы убѣдились сами и что признаетъ и г. Помяловскій (стр. 59, 60). Но упрекъ, будто онъ образовалъ только ученыхъ, а не преподавателей для гимназій, несправедливъ. Уже то обстоятельство, что извѣстные педагоги Германіи особенно охотно избирали учениковъ Ритчля въ преподаватели своихъ гимназій, могло бы опровергнуть это предположеніе, но оно не оправдывается и теоріей. Ритчль, какъ основательно замѣтилъ г. профессоръ По-

мяловскій, выказывалъ такое мастерство въ объясненіи древнихъ авторовъ и въ занятіяхъ съ семинаристами, что будущимъ гимназическимъ преподавателямъ оставалось лишь усвоить его приемы для того, чтобъ потомъ быть въ состояніи заниматься успѣшно съ своими учениками. А въ этомъ умѣніи и состоитъ главная задача преподавателя классическихъ языковъ въ гимназіяхъ. И такъ, нечему удивляться, если между учениками Ритчля существуетъ не только множество университетскихъ профессоровъ, но и весьма значительное число прекрасныхъ преподавателей и директоровъ гимназій. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались извѣстными и какъ авторы весьма дѣльных учебныхъ книгъ.

Какъ прекрасный памятникъ признательности къ Ритчлю его учениковъ, относящійся одинаково какъ къ его личности, такъ и къ ученымъ и педагогическимъ его заслугамъ, являются весьма обширныя „*Symbola philologorum Bonnensium*“, собраніе филологическихъ работъ самаго разнообразнаго содержанія; это собраніе было начато въ 1864 году, по случаю празднованія 25-лѣтія преподавательской дѣятельности Ритчля въ Боннѣ, и окончено въ 1868 году.

Нельзя не признать, что самый цвѣтущій періодъ педагогической дѣятельности Ритчля совпадаетъ со временемъ его Боннской профессуры, что на ученикахъ этого періода рѣзче и своеобразнѣе отразилось то, что филологи, въ хулу или въ похвалу, называли „школой Ритчля“. Къ этому же времени относятся и его заслуги по образованію хорошихъ библіотекарей. Благодаря неутомимымъ стараніямъ одного изъ его лучшихъ учениковъ, въ Германіи болѣе и болѣе крѣпко убѣжденіе, что исполненіе обязанностей библіотекаря не можетъ быть мыслимо безъ подробнаго изученія библіографіи и безъ знанія безчисленныхъ практическихъ приемовъ, которые необходимы для управленія такими обширными и важными учрежденіями, какъ публичныя библіотеки; другими словами, слѣдуетъ опредѣлять въ библіотекари только такихъ людей, которые специально приготовлены къ этой должности.

Въ заключеніе обращу еще вниманіе на близкія сношенія съ Россіей, въ которыя Ритчль вступилъ въ послѣдніе годы своей жизни. Въ 1873 году министерство народнаго просвѣщенія, для окончательнаго устраненія недостатка въ преподавателяхъ классическихъ языковъ въ Россіи, рѣшило учредить семинарію въ Лейпцигѣ, въ которой студенты, преимущественно славянскаго происхожденія, могли бы получать образованіе, необходимое для гимназическихъ преподавате-

лей (съ этою же цѣлью дѣйствуетъ уже въ теченіе десяти лѣтъ историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ такой же институтъ въ Нѣжинѣ). Для достиженія этой цѣли, по порученію г. министра, А. И. Георгіевскій вступилъ въ сношенія съ Ритцлемъ и, послѣ предварительныхъ переговоровъ, послѣдній составилъ для предполагаемой семинаріи программу, въ которой были изложены условія приѣма въ семинарію и опредѣлена ея педагогическая дѣятельность. Такъ какъ я въ то время проѣзжалъ черезъ Лейпцигъ, то Ритцль оказалъ мнѣ довѣріе, спросивъ моего мнѣнія о содержаніи этой программы, и я нашелъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бездѣлицъ, она вполне соответствовала задачѣ предполагаемаго учрежденія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что Ритцль, который, какъ мы видѣли, заботился болѣе объ образованіи ученыхъ, чѣмъ преподавателей, обратилъ здѣсь все свое вниманіе на практическіе интересы преподаванія въ гимназіяхъ. Я не разъ имѣлъ случай замѣчать г. Георгіевскому, что если оказалось удобнымъ учредить такую семинарію за границей, то нисколько въ Ритцлѣ не нашлась самая способная къ управленію ею личность.

Осенью 1873 года открылась семинарія. Ритцль управлялъ всѣмъ институтомъ, самъ читалъ нѣкоторыя лекціи, а къ остальнымъ привлекалъ молодыхъ ученыхъ. Около Пасхи 1876 года вышли первые студенты съ аттестатами зрѣлости для занятія преподавательскихъ должностей по древнимъ языкамъ.

Начиная съ 1873 г., С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ ежегодно посылалъ въ Лейпцигскій университетъ молодыхъ людей, чтобы они, упражняясь и развиваясь преимущественно подъ руководствомъ Ритцля и Курціуса, подготовлялись къ преподавательской дѣятельности. Ритцль всегда относился къ нимъ, какъ и вообще къ классицизму въ Россіи, съ живымъ интересомъ, принималъ ихъ ласково и помогалъ имъ своими совѣтами.

Я дошелъ до конца моего очерка жизни и дѣятельности Ритцля; не въ моемъ обыкновеніи писать панегирики: притомъ плохую услугу оказываютъ умершимъ тѣ, кто пишетъ о нихъ, не придерживаясь строгой правды, потому что правда все же обнаруживается. Известное изреченіе: „de mortuis nil nisi bene“ можетъ имѣть примѣненіе развѣ только къ незначительнымъ и обыкновеннымъ личностямъ. Къ счастью, не нужно писать панегирика, чтобы сохранить Ритцлю благодарную память въ сердцахъ всѣхъ людей, которые глубоко уважаютъ изученіе классической древности, не только какъ завершеніе

прежнихъ столѣтій, но и какъ лучшее средство для возбужденія началъ всего добраго и прекраснаго въ сердцахъ юнаго поколѣнія, — средство, дающее ему сущность, а не призракъ истиннаго образованія. До тѣхъ поръ, пока будутъ существовать такіе люди (а мы надѣемся, что они будутъ существовать всегда), Ритчи будетъ занимать видное мѣсто въ ихъ памяти, какъ превосходный ученый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей XIX столѣтія.

Л. Миллеръ.

ФИЛОСОФСКІЯ НАЧАЛА ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ ¹⁾.

II.

О трехъ типахъ философіи.

Свободная теософія есть органическій синтезъ теологіи, философіи и опытной науки и только такой синтезъ можетъ заключать въ себѣ цѣльную истину знанія: ниѣго и наука, и философія, и теологія суть только отдѣльныя части или стороны, оторванные органы знанія и не могутъ быть такимъ образомъ ни въ какой степени адекватны самой цѣльной истинѣ. Понятно, что достигнуть искомага синтеза можно отправляясь отъ любого изъ его членовъ. Ибо такъ какъ истинная наука не возможна безъ философіи и теологіи, также какъ истинная философія безъ теологіи и положительной науки, и истинная теологія безъ философіи и науки, то необходимо каждый изъ этихъ элементовъ, доведенный до истинной своей полноты, получаетъ синтетическій характеръ и становится цѣльнымъ знаніемъ. Такъ положительная наука, возведенная въ истинную систему или доведенная до своихъ настоящихъ началъ и корней, переходитъ въ свободную теософію; ея же становится и философія, избавленная отъ своей односторонности, а наконецъ, и теологія, освободившись отъ своей исключительности, необходимо превращается въ ту же свободную теософію; и если эта послѣдняя вообще опредѣляется какъ цѣльное знаніе, то въ особенности она можетъ быть обозначена какъ цѣльная наука, или же какъ цѣльная философія, или, наконецъ, какъ цѣльная теологія; различіе будетъ здѣсь только въ исходной точкѣ и въ способѣ изложенія, результаты же и положительное содержаніе одно и то же. Въ настоящемъ сочиненіи исходная точка есть философское мышленіе, свободная теософія разсматривается здѣсь какъ

¹⁾ Продолженіе. См. Жур. Мин. Нар. Пр., за мартъ мѣсяцъ текущаго года.

философская система и мнѣ прежде всего должно показать, что истинная философія необходимо должна имѣть этотъ теософическій характеръ или что она можетъ быть только тѣмъ, что я называю свободною теософіей или цѣльнымъ знаніемъ.

Слово философія, какъ извѣстно, не имѣетъ одного точно опредѣленнаго значенія, но употребляется во многихъ, весьма между собою различныхъ смыслахъ. Прежде всего мы встрѣчаемся съ двумя главными, рѣзко другъ отъ друга отличающимися понятіями о философіи: по первому философія есть *только* теорія, есть дѣло *только* школы, по второму она есть болѣе чѣмъ теорія, есть преимущественно дѣло жизни, а потомъ уже и школы. По первому понятію философія относится *исключительно* къ познавательной способности человѣка; по второму — она отвѣчаетъ также и высшимъ стремленіямъ человѣческой воли и высшимъ идеаламъ человѣческаго чувства, имѣетъ такимъ образомъ не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значеніе, находясь во внутреннемъ взаимодействіи съ сферами творчества и практической дѣятельности, хотя и различаясь отъ нихъ. Для философіи, соотвѣтствующей первому понятію — для философіи школы отъ человѣка требуется только развитой до извѣстной степени умъ, обогащенный нѣкоторыми познаніями и освобожденный отъ вульгарныхъ предразсудковъ; для философіи, соотвѣтствующей второму понятію — для философіи жизни требуется кромѣ того особенное направленіе воли, т. е. особенное нравственное настроеніе, и еще художественное чувство и смыслъ, сила воображенія или фантазіи. Первая философія, занимаясь исключительно-теоретическими вопросами, не имѣетъ никакой прямой внутренней связи съ жизнью личной и общественной, вторая философія стремится стать образующею и управляющею силою этой жизни.

Спрашивается, какая изъ этихъ двухъ философій есть истинная? И та и другая имѣютъ одинаковое притязаніе на познаніе истины, но самое это слово понимается ими совершенно различно; для одной оно имѣетъ только отвлеченно-теоретическое значеніе, для другой — живое, существенное. Если для разрѣшенія нашего вопроса мы обратимся къ этимологін слова философія, то получимъ отвѣтъ въ пользу живой философіи. Очевидно, названіе любомудріе, то-есть, любовь къ мудрости (таковъ смыслъ греческаго слова *φιλοσοφία*) не можетъ примѣняться къ отвлеченной теоретической наукѣ. Подъ мудростію разумѣется не только полнота знанія, но и нравственное совершенство, внутренняя цѣльность духа. Такимъ образомъ, слово философія

означаєть стремленіє къ духовной цѣльности челоуѣческаго существа,—въ такомъ смыслѣ оно первоначально и употреблялось. Но, разумѣется, этотъ этимологическій аргументъ самъ по себѣ не имѣетъ важности, такъ какъ слово, взятое изъ мертвого языка, можетъ въ послѣдствіи получить значеніє, независимое отъ его этимологій. Такъ, на примѣръ, слово хеміа, значащее, этимологически черноземная или же египетская (отъ слова хем—черная земля, какъ собственное имя—Египетъ), въ современномъ своемъ смыслѣ имѣетъ, конечно, очень мало общаго, съ черноземомъ или съ Египтомъ. Но относительно философіи должно замѣтить, что и теперь большинствомъ людей она понимается, соотвѣтственно своему первоначальному значенію. Общій смыслъ и его выраженіє — разговорный языкъ и доселѣ видятъ въ философіи болѣе чѣмъ оталеченную науку, въ философѣ—болѣе чѣмъ ученаго. Въ разговорномъ языкѣ можно назвать философомъ челоуѣка не только малоученаго, но и совсѣмъ необразованнаго, если только онъ обладаетъ нѣкоторыми особенными умственными и нравственными настрояніемъ. Такимъ образомъ, не только этимологій, но и общее употребленіє придаютъ этому слову значеніє совершенно не соотвѣтствующее школьной философіи, но весьма близкое къ тому, что мы называли философіей жизни, что, конечно, составляетъ уже большое *praejudicium* въ пользу этой послѣдней. Но рѣшающаго значенія это обстоятельство все-таки не имѣетъ: ходячее понятіє о философіи можетъ не отвѣчать требованіямъ болѣе развитаго мышленія. И такъ, чтобы разрѣшить вопросъ по существу, намъ должно разсмотрѣть *внутреннія* начала обѣихъ философій и лишь изъ ихъ собственной состоятельности или несостоятельности вывести заключеніє въ пользу той или другой.

Все многообразіє системъ въ школьной философіи можетъ быть сведено къ двумъ главнымъ типамъ или направленіямъ, причемъ одніи изъ системъ представляютъ простыя видоизмѣненія этихъ типовъ или различныя стадіи ихъ развитія, другія образуютъ переходныя ступени или промежуточныя звенья отъ одного типа къ другому, третьи наконецъ, суть опыты эклектическаго соединенія обонхъ.

Возвръненія, принадлежащія къ первому типу, полагають основной предметъ философіи во внѣшнемъ мірѣ, въ сферѣ матеріальной природы и соотвѣтственно этому настоящимъ источникомъ познанія считаютъ внѣшній опытъ, то-есть, тотъ, который мы имѣемъ посредствомъ нашего обыкновеннаго чувственнаго сознанія. По предполагаемому имъ предмету философіи этотъ типъ можетъ быть названъ

натурализмомъ, по признаваемому же имъ источнику познанія — *вышнимъ эмпиризмомъ*.

Признавая настоящимъ объектомъ философіи природу, данную намъ во вышнемъ опытѣ, натурализмъ однако не можетъ приписывать такого значенія непосредственной, окружающей насъ дѣйствительности во всемъ сложномъ и измѣнчивомъ многообразіи ея явленій. Еслибы искомая философіей истина была тождественна съ этою окружающей насъ дѣйствительностью, еслибы она такимъ образомъ была у насъ подъ руками, то нечего было бы и искать ее и философія, какъ особенный родъ знанія, не имѣла бы причины существовать. Но въ томъ-то и дѣло, что эта наша дѣйствительность не доходитъ себѣ, что она представляется какъ нѣчто частичное, измѣнчивое, производное и требуетъ такимъ образомъ своего объясненія изъ другаго, истинно-сущаго, какъ своего первоначала. Эта феноменальная дѣйствительность—то, что мы въ совокупности называемъ міромъ, есть только данный предметъ философіи, то, что требуется объяснить, задача для разрѣшенія, загадка, которую нужно разгадать. Ключъ этой задачи, *le mot de l'énigme* и есть *искомое* философіи. Всѣ философскія направленія, гдѣ бы они ни искали сущей истины, какъ бы ее ни опредѣляли—одинаково признають, что она должна представлять характеръ всеобщности и неизмѣнности, отличающій ее отъ переходящей и раздробленной дѣйствительности явленій. Это признаетъ и натурализмъ, какъ философское воззрѣніе, и потому считаетъ истинно-сущимъ природу не въ смыслѣ простой совокупности вышнихъ явленій въ ихъ видимомъ многообразіи, а въ смыслѣ общей реальной основы или матеріи этихъ явленій. Опредѣлая эту основу—натурализмъ проходитъ три степени развитія. Первая младенческая фаза натуралистической философіи (представляемая, напримѣръ, древней іонійской школой), можетъ быть названа элементарнымъ или стихійнымъ материализмомъ; за основу или начало (*αρχή*) принимается здѣсь одна изъ такъ называемыхъ стихій, и все остальное признается за ея видоизмѣненіе. Но легко видѣть, что каждая стихія, какъ ограниченная, отличающаяся отъ другаго реальность, не можетъ быть настоящимъ первоначаломъ; имъ можетъ быть только общая неопредѣленная стихія или общая основа всѣхъ стихій (то: *αἰσφον* Анаксимандра).

Эта единая производительница всего существующаго, всеобщая мать-природа (*materia* отъ *mater*), порождая изъ себя всякую живнѣ, не можетъ быть мертвой и бездушнѣй реальностью—она должна заключать въ себѣ всѣ живыя силы бытія, должна сама быть живѣй

и одушевленної. Таке воззрінє, оживляющее матеріальну природу, називається гілозонизмом и составляет вторую ступень натуралистической философіи (представителями его являются, между прочимъ, натурфилософы XV и XVI вѣка, преимущественно величайшій изъ нихъ — Джордано Бруно). Эти представленія о природѣ какъ живомъ одушевленномъ существѣ могутъ быть совершенно вѣрны (и мы увидимъ впоследствии, что они таковы на самомъ дѣлѣ); но съ точки зрѣнія натурализма, для нихъ нельзя указать никакихъ достаточныхъ оснований; эти представленія могутъ существовать въ натурализмѣ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ себѣ отчета въ соотвѣтствующемъ ему способѣ познанія; но какъ только является сознание, что если основа всего существующаго лежитъ во внѣшнемъ мірѣ, то и узнана она можетъ быть только изъ внѣшняго опыта — какъ скоро является это сознание, то гілозонизмъ становится немыслимъ для натуралиста. Въ самомъ дѣлѣ, во внѣшнемъ опытѣ мы не находимъ никакой одушевленной природы какъ первой причины всѣхъ явленій; вообще во внѣшнемъ опытѣ мы находимъ только различные видоизмѣненія и механическія движенія вещества; дѣйствующая же живая сила, производящая эти движенія, не только во внѣшнемъ опытѣ не является, но изъ однихъ его данныхъ не можетъ быть и логически выведена. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія мы можемъ принять за основу всего существующаго только субстратъ механическаго движенія, то-есть, постояннымъ недѣлимымъ частицы вещества — атомы.

Атомы — недѣлимые вещественныя частицы суть подлинно-сущее, неизмѣнно-пробывающее, все остальное происходитъ изъ разнообразнаго механическаго сочетанія этихъ атомовъ и есть лишь переходящее явленіе — таковъ принципъ, опредѣляющій третью, послѣднюю ступень натурализма — механическій матеріализмъ или атомизмъ. Это воззрінє ничего не знаетъ о всемірнѣй живой силѣ, утверждаемой гілозонизмомъ; но безъ признанія силы вообще и механическій матеріализмъ обойтись не можетъ: онъ долженъ признать по крайней мѣрѣ частичныя элементарныя силы, присущія атомамъ. Итакъ, является утверждение, что все существующее состоитъ изъ силы и вещества — Kraft und Stoff. Если мы устранимъ нѣкоторыя недоразумѣнія, касающіяся болѣе словъ нежели дѣла, то должны будемъ согласиться съ этимъ основнымъ принципомъ матеріализма. Дѣйствительно, все *состоитъ* изъ силы и матеріи. Истинность и простота этого утверждения доставляли матеріализму его огромную популярность во всѣ

времена; но съ другой стороны, никогда онъ не могъ удовлетворить сколько нибудь глубокіе философскіе умы. Причина этого понятна: говоря истину, матеріализмъ не говоритъ *всей* истины. Что вселенная состоитъ изъ силъ и вещества также вѣрно, какъ и то, что Венера Милосская состоитъ изъ мрамора, и какъ это послѣднее утвержденіе не имѣетъ никакого значенія для художника, такъ же первое не имѣетъ цѣны для философа. Разумѣется, самый вопросъ о всеобщемъ субстратѣ существующаго имѣетъ для философіи несравненно большее значеніе, нежели вопросъ о матеріалѣ статуи для художества; но я имѣю здѣсь въ виду отвѣтъ матеріализма на этотъ важный вопросъ—отвѣтъ совершенно неопредѣленный и безсодержательный въ своей общности. Когда же матеріализмъ пытается выйти изъ этой общности и дать какія нибудь положительныя опредѣленія своему принципу, то его постигаетъ весьма печальная судьба.

Матеріализмъ опредѣляетъ вещество какъ совокупность атомовъ. Но что такое атомы? Для натуралиста это суть эмпирически данныя частицы относительно недѣлимыя, то-есть, которыхъ мы не можемъ никакимъ способомъ раздѣлить при существующихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, на вопросъ: что такое вещество? мы получаемъ глубокомысленный отвѣтъ: вещество есть совокупность частицъ вещества. Но тѣ немногіе матеріалисты, которые чувствуютъ нѣкоторую неудовлетворительность этого отвѣта, прибѣгаютъ къ иному способу опредѣленія, именно къ анализу *качественныхъ* элементовъ вещества. Устраняя всѣ частныя и вторичныя свойства, этотъ анализъ сводитъ вещество къ непроницаемости, то-есть, къ способности оказывать сопротивленіе внѣшнему дѣйствію. Собственно мы можемъ тутъ говорить только о сопротивленіи *нашему* дѣйствію. Ощущаемое нами сопротивленіе образуетъ общее представленіе вещественности, а такъ какъ и всѣ вторичныя и частныя проявленія вещества, каковы цвѣта, звуки и т. п. сводятся къ нашимъ ощущеніямъ — зрительнымъ, слуховымъ и т. д., то вообще все эмпирическое содержаніе вещества есть ни что иное какъ наше ощущеніе. Такое заключеніе очевидно разрушаетъ самую точку зрѣнія натурализма, перенося основу всего сущаго изъ внѣшняго міра въ насъ. Во избѣжаніе этого матеріализмъ долженъ возвратиться къ представленію атомовъ, но уже не какъ эмпирическихъ частицъ вещества сводимаго къ нашимъ ощущеніямъ, а какъ къ безусловно-недѣлимымъ реальнымъ точкамъ, которыя существуютъ сами по себѣ, независимо ото всякаго опыта и, напротивъ, своимъ дѣйствіемъ на субъектъ обуславливаютъ всякій опытъ. Такіе

метафизическіе атомы по самому опредѣленію своему, какъ безусловно-недѣлимыми частицы, не могутъ быть найдены эмпирически, ибо въ эмпиріи мы имѣемъ только относительное, а не безусловное бытіе; если же они не могутъ быть даны *эмпирически*, то признаніе ихъ должно имѣть *логическія* основанія и подлежать логической критикѣ. Но эта критика не только не находитъ достаточныхъ логическихъ основаній для утвержденія такихъ безусловно-недѣлимыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вещественныхъ точекъ, но съ совершенною очевидностію показываеъ логическую невозможность такого представленія. Въ самомъ дѣлѣ, эти атомы или имѣютъ нѣкоторое протяженіе или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ они дѣлимы и, слѣдовательно, суть только эмпирическіе, а не настоящіе атомы. Если же они не имѣютъ сами по себѣ никакого протяженія (что и должно быть уже потому, что протяженіе есть свойство эмпирическаго, феноменальнаго вещества, обусловленное формами субъективнаго воспріятія), то они суть математическія точки; но чтобы быть основой всего существующаго, эти математическія точки должны имѣть собственную субстанціальность; субстанціальность же эта не можетъ быть вещественной, ибо всѣ свойства вещества, не исключая и протяженія, отняты у атомовъ и все-вещественное признано феноменальнымъ, а не субстанціальнымъ слѣдовательно, эта субстанціальность, не будучи вещественной, должна быть *динамической*. Атомы суть не составныя части вещества, а производящія вещество *силы*. Эти силы своимъ взаимодействіемъ (между собою) и своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ на наши субъекты образуютъ всю нашу эмпирическую дѣйствительность, весь міръ явленій. Такимъ образомъ, не сила есть принадлежность вещества, какъ предполагалось сначала, а, напротивъ, вещество есть произведеніе силъ, или говоря точнѣе относительный предѣлъ ихъ взаимодействія. И такъ атомы или совѣмъ не существуютъ, или суть не вещественныя динамическія единицы, живыя монады. Съ этимъ заключеніемъ окончательно падаетъ механическій матеріализмъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все натуралистическое мировоззрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ сведенія атомовъ къ живымъ силамъ, для мыслителей натуралистическаго направленія остаются открытыми два пути. Или признавъ реальность монадъ, обратиться къ изслѣдованію ихъ внутренняго содержанія и взаимныхъ отношеній. Такое изслѣдованіе необходимо умозрительнаго характера (ибо въ опытѣ монады не даны) переходя за предѣлы натурализма, вводитъ насъ, какъ будетъ впослѣдствіи показано, въ самую глубь мистической философіи. Другой путь—оставаясь во что бы то ни

стало на почвѣ эмпиризма, принять всѣ отрицательныя слѣдствія, необходимо вытекающія изъ этой точки зрѣнія. А именно: если единственный источникъ познанія есть внѣшній опытъ и если во внѣшнемъ опытѣ намъ не дано никакихъ основъ бытія, никакихъ сущностей, а даны только явленія сводимыя къ нашимъ ощущеніямъ и представленіямъ, то эти явленія въ ихъ отношеніяхъ послѣдовательности и подобія и должны быть признаны какъ единственный предметъ познанія. Механическій матеріализмъ, опираясь также на внѣшнемъ опытѣ исключительно, допускаетъ однакоже нѣчто такое, чего во внѣшнемъ опытѣ нѣтъ, именно атомы. Такое противорѣчіе должно быть устранено; должно отказаться даже отъ такихъ жалкихъ сущностей, какъ атомы, должно отказаться отъ всякихъ сущностей, принесть ихъ всѣхъ въ жертву эмпиризму, съ которымъ натуралистическая точка зрѣнія связана неразрывно, такъ какъ нѣтъ для нея другого соответствующаго способа познанія, кромѣ внѣшней эмпирии.

И такъ, натурализмъ долженъ признать единственнымъ предметомъ познанія то, что дано въ дѣйствительномъ внѣшнемъ опытѣ, то-есть, явленія въ ихъ внѣшней связи послѣдовательности и подобія. Но изученіе явленій въ этомъ смыслѣ есть дѣло положительныхъ наукъ, въ которыхъ такимъ образомъ и сводится послѣдовательный натурализмъ, переставая быть философіей. Онъ избѣгнулъ гиперфизики только для того, чтобы быть поглощеннымъ безъ остатка эмпиризмомъ и слиться съ положительными науками. Такой результатъ для многихъ есть выраженіе сущей истины; окончательное торжество человѣческаго разума надъ туманными призраками метафизики. Вмѣсто сущностей явленія, вмѣсто причинъ и цѣлей—неизмѣнные законы явленій, вмѣсто трансцендентальной философій—положительная наука—въ такомъ замѣщеніи эмпиризмъ видитъ свое полное торжество, которое для него, разумѣется, есть торжество истины надъ заблужденіемъ. Но бѣда въ томъ, что неумолимая логика разсудка не позволяетъ эмпиризму успокоиться даже въ этой мелкой, но, повидимому, совершенно безопасной пристани положительной науки; она неустойчиво толкаетъ его въ темную пропасть безусловнаго скептицизма. Въ самомъ дѣлѣ, наука стремится узнать законъ явленій, то-есть, необходимыя и всеобщія ихъ отношенія — отношенія общія всѣмъ однороднымъ явленіямъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ прошедшихъ и будущихъ, то-есть, во всѣ времена. Предполагается, что эти законы наука узнаетъ изъ опыта. Но въ опытѣ мы можемъ наблюдать только эмпирическія отношенія явленій, то-есть, ихъ отношенія въ данныхъ случаяхъ, подлежавшихъ нашему

опыту. Извѣстное отношеніе послѣдовательности и подобія между данными явленіями, одинаковое во всѣхъ нашихъ прошедшихъ опытахъ есть фактъ; но что ручается за неизмѣнность этого отношенія во всѣ времена безусловно, какъ послѣдующія, такъ и предшествовавшія нашимъ опытамъ, въ которыхъ, слѣдовательно, мы не можемъ утверждать этого отношенія въ качествѣ факта? Что даетъ эмпирической, фактической связи явленій характеръ всеобщности и необходимости, что дѣлаетъ ее закономъ? Нашъ научный опытъ существуетъ, можно сказать, со вчерашняго дня и количество случаевъ, ему подлежавшихъ, въ сравненіи съ остальными, безконечно мало. Но еслибы даже этотъ опытъ существовалъ миллионы вѣковъ, то и эти миллионы вѣковъ ничего не значили бы въ отношеніи къ безконечному времени впереди насъ и слѣдовательно нисколько не могли бы способствовать безусловной достовѣрности найденныхъ въ этомъ опытѣ законовъ. И такъ, на чемъ же основываютъ эмпирики свои всеобщіе законы явленій? Тутъ намъ приходится констатировать нѣчто совершенно негнѣрное: тѣ самые современные эмпирики, которые такъ смѣются надъ схоластиками, утверждавшими въ видѣ аксіомъ, что природа не терпитъ пустоты, не дѣлаетъ скачковъ и тому подобное—сами совершенно серьезно объявляютъ, что всеобщность и необходимость, иначе—неизмѣнность законовъ явленій основывается на той аксіомѣ, что природа постоянна и однообразна въ своихъ дѣйствіяхъ. Если достойны смѣха схоластики, которые однако имѣли право утверждать такіа аксіомы, потому что они вообще признавали *veritates aeternae et universales*, то чего же достойны эти современные эмпирики, которые, отрицая всякія апріорныя истины, подносятъ намъ, между тѣмъ такую чистѣйшую *veritatem aeternam* касательно природы и ея дѣйствій? Да и что такое сама природа для эмпирика? Общее понятіе, отвлеченное отъ явленій и ихъ законовъ и, слѣдовательно, не имѣющее никакого собственнаго содержанія независимаго отъ этихъ явленій и законовъ; такимъ образомъ аксіома о постоянствѣ природы сводится къ утвержденію, что законы явленій неизмѣнны и мы получаемъ чистѣйшее *idem per idem*: неизмѣнность законовъ явленій, основанную на простомъ утвержденіи этой самой неизмѣнности.

И такъ, на вопросъ: почему извѣстное данное въ опытѣ отношеніе явленій есть всеобщій и необходимый законъ?—остается для эмпиризма единственный отвѣтъ: потому что это отношеніе всегда наблюдалось до сихъ поръ. Но въ такомъ случаѣ, это есть законъ лишь до перваго наблюденія, которое можетъ показать другое отношеніе

между явленіями этого рода, слѣдовательно, это уже не есть настоящій законъ, всеобщій и необходимый. Если же допустить, что данное отношеніе есть законъ, потому что оно необходимо само по себѣ, то-есть, а priori, то мы уже переходимъ изъ эмпиризма въ умозрительной философіи. Такимъ образомъ съ эмпирической точки зрѣнія невозможно даже познаніе явленій въ ихъ всеобщихъ необходимыхъ законахъ; послѣдовательный эмпиризмъ разрушаетъ не только философію, но и положительную науку въ ея теоретическомъ значеніи. Остается только возможность эмпирическихъ свѣдѣній о явленіяхъ въ ихъ данной фактической связи, измѣнчивой и преходящей—свѣдѣній, могущихъ имѣть практическую пользу, но очевидно лишенныхъ всякаго теоретическаго интереса.

Эмпиризмъ допускаетъ познаніе только явленій. Но что такое явленіе? Оно противопоставляется сущему въ себѣ и, слѣдовательно, опредѣляется какъ то, что не есть въ себѣ, а существуетъ только относительно другаго, именно относительно насъ, какъ познающаго субъекта. Всѣ явленія сводятся къ нашимъ ощущеніямъ или, точнѣе, къ различнымъ состояніямъ нашего сознанія. Все, что мы обыкновенно принимаемъ за внѣшніе независимые отъ насъ предметы, все что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ и т. д., состоитъ въ дѣйствительности изъ нашихъ собственныхъ ощущеній, то-есть, изъ видоизмѣненій нашего субъекта и, слѣдовательно, не можетъ имѣть притязанія на какую нибудь иную реальность кромѣ той, какую имѣютъ и всѣ остальные видоизмѣненія субъекта, какъ то: желанія, чувства, мысли и т. д. Такимъ образомъ исчезаетъ противоположеніе внутренняго и внѣшняго опыта; нельзя уже говорить о внѣшнихъ предметахъ и о нашихъ психическихъ состояніяхъ, какъ о чемъ-то противоположномъ другъ другу, такъ какъ и внѣшніе предметы суть въ дѣйствительности наши психическія состоянія и ничего болѣе—все одинаково есть явленія, то-есть, видоизмѣненія нашего субъекта, различные состоянія нашего сознанія. Это относится не только къ такъ называемымъ неодушевленнымъ предметамъ, но и къ предполагаемымъ субъектамъ внѣ насъ. Все, что мы можемъ знать о другихъ людяхъ, сводится къ нашимъ же собственнымъ ощущеніямъ: мы ихъ видимъ, слышимъ, осязаемъ, какъ мы видимъ, слышимъ, осязаемъ другіе внѣшніе предметы; въ этомъ отношеніи—въ отношеніи способа нашего познанія о нихъ между людьми и остальными предметами нѣтъ никакого различія, и если, какъ это дѣлаетъ эмпиризмъ, изъ способа познанія вывести заключеніе объ образѣ бы-

тія: познаваного, ізъ того, що. этотъ „вещественный предметъ *познается* мною въ моихъ ощущеніяхъ—заключатъ, что онъ и *состоить* только изъ моихъ ощущеній, то такое заключеніе должно примѣняться и къ людямъ. Я знаю о другихъ людяхъ только посредствомъ моихъ ощущеній, они существуютъ для меня только въ этихъ состояніяхъ моего сознанія, слѣдовательно, они и суть не что иное, какъ состоянія моего сознанія. Но и о самомъ себѣ, какъ субъектѣ, я знаю только въ состояніяхъ своего сознанія, слѣдовательно, я и самъ, какъ субъектъ, долженъ быть сведенъ въ состояніямъ моего сознанія; но это негѣно, такъ какъ мое сознаніе уже предполагаетъ меня. Остается, слѣдовательно, допустить, что существуютъ явленія сознанія, но не моего, такъ какъ меня нѣтъ, а сознанія вообще, безъ сознающаго такъ же какъ и безъ познаваного. Существуютъ явленія сами по себѣ, представленія сами по себѣ. Но это прямо противорѣчитъ логическому смыслу этихъ терминновъ. Явленіе, въ противоположность сущему, значить только то, что не есть само по себѣ, а существуетъ лишь для другого; точно тоже значить и представленіе. Если же этого другого,—представляющаго—нѣтъ, то нѣтъ и представленія, нѣтъ и явленія, то все сводится къ какому-то безразличному въ себя заключенному и никакого отношенія къ другому (такъ какъ другого нѣтъ), не имѣющему бытію,—заключеніе негѣное логически и не имѣющее ничего общаго съ эмпирической дѣйствительностью, которымъ, слѣдовательно, эмпиризмъ окончательно уничтожается.

Во избѣжаніе такого заключенія остается признать, что познающій субъектъ, какъ такой, обладаетъ не феноменальнымъ, а абсолютнымъ бытіемъ, есть не явленіе, а истинно-сущее. Такое утвержденіе есть начало второго направленія или типа школьной философіи,—который обыкновенно обозначается названіемъ *идеализма*. Здѣсь истинно сущее полагается уже не во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ ищетъ его натурализмъ, а въ насъ самихъ—въ познающемъ субъектѣ. Постѣдовательный сознающій себя эмпиризмъ, поглотившій принципъ натурализма чрезъ сведеніе всякаго внѣшняго предметнаго бытія къ ощущеніямъ субъекта, составляетъ, такимъ образомъ, естественный переходъ отъ натурализма къ идеализму.

Утверждая абсолютное бытіе за познающимъ субъектомъ, идеализмъ, разумѣется, имѣетъ въ виду не эмпирическихъ субъектовъ въ ихъ конкретной множественности, въ частныхъ отдѣльныхъ актахъ ихъ матеріально обусловленнаго познанія; онъ имѣетъ въ виду по-

часть ско, отд. 2.

знающій субъектъ какъ такой, то-есть, въ общихъ и необходимыхъ образахъ его познанія или идеяхъ (отсюда названіе идеализма). Эти идеи, какъ всеобщія и необходимы, очевидно, не могутъ быть даны эмпирически; они доступны только апіорному мышленію чистаго разума; поэтому идеализмъ относительно способа познанія есть необходимо чистый рационализмъ. [Это воззрѣніе съ наибольшей сознательностью и чистотой было развито, какъ извѣстно, въ новѣйшей германской философій, берущей свое начало отъ Канта. Развитіе этой философій всѣмъ извѣстно и я только напомню его здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ]. Истинно-сущее для идеализма есть то, что познается чистымъ мышленіемъ; но чистымъ мышленіемъ познаются только общія понятія; къ этому сводится идея поскольку она дана въ чистомъ рациональномъ мышленіи. И такъ, истинно-сущее есть общее понятіе, а такъ какъ все существующее должно быть проявленіемъ истинно-сущаго какъ всеобщей основы, то все существующее есть ничто иное какъ развитіе общаго понятія, но это послѣднее, какъ такое, общее понятіе какъ *εἶδος* можетъ быть лишь то, которое не включаетъ въ себѣ никакого конкретнаго содержанія, то-есть, понятіе чистаго бытія рѣшительно въ себѣ ничего не содержащаго, ничѣмъ не различающагося отъ понятія *ничто* и, слѣдовательно, равнаго ему. Такимъ образомъ, рационалистическій идеализмъ приходитъ къ абсолютной логикѣ Гегеля, по которой все существующее является результатомъ саморазвитія этого чистаго понятія бытія, равнаго ничто. Если все имѣетъ подлинную дѣйствительность только въ своемъ понятіи, то и познающій субъектъ есть не что иное какъ понятіе и въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакого преимущества передъ остальнымъ бытіемъ. Такимъ образомъ, понятія или идеи, образующія все существующее, не суть идеи мыслящаго субъекта (онъ самъ есть только идея)—они суть сами по себѣ, и все существующее есть, какъ сказано, результатъ ихъ саморазвитія или, точнѣе, саморазвитія одного понятія—чистаго бытія или ничто. Другими словами, все происходитъ изъ ничего или все въ сущности есть ничто. Все есть чистая мысль, то-есть, мысль безъ мыслящаго и безъ мыслимаго, актъ безъ дѣйствующаго и безъ предмета дѣйствія ¹⁾. Здѣсь мы видимъ разительный примѣръ того, какъ прямо противоположныя направленія сходятся

¹⁾ Логическая необходимость, приводящая къ нулю послѣдовательный идеализмъ, была указана многими; наприимѣръ (чтобы упомянуть о послѣднемъ) Гартманомъ въ его *Grundlegung des transcendentalen Realismus*. Отрицать эту необходимость могутъ только умственно умершіе догматики Гегельянства.

въ своихъ крайнихъ заключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательный эмпиризмъ приходитъ, какъ мы видѣли, къ подобному же результату — къ признанію представленія безъ представляющаго и безъ представляемаго, состояній сознанія безъ сознающаго и безъ сознаваемого — короче, явленія безъ сущаго — къ признанію какого-то безразличнаго текучаго бытія. Разница только въ томъ, что эмпиризмъ опредѣляетъ это бытіе сенсуалистически какъ ощущеніе или же чувственное представленіе, панлогизмъ же раціоналистически — какъ общее понятіе. Но и эта разница только кажущаяся, ибо если все признается ощущеніемъ и съ другой стороны все же признается понятіемъ — то и ощущеніе и понятіе теряютъ свою опредѣленность, свое характеристическое значеніе. Ощущеніе, которое есть все, не есть уже ощущеніе, и понятіе, которое есть все, не есть уже понятіе — разница только въ словахъ. И то и другое, лишеныя субъекта и объекта, расплываются въ безусловную неопредѣленность, въ чистое ничто. Это ихъ сведеніе къ нулю, ими самими совершаемое, есть достаточное опроверженіе этихъ воззрѣній въ ихъ односторонности. И если такое ихъ саморазрушеніе происходитъ (какъ это несомнѣнно) изъ логическаго процесса мысли, выводящаго необходимыя слѣдствія, заключающіяся уже въ исходныхъ точкахъ или въ послышкахъ этихъ воззрѣній, то очевидно заблужденіе ихъ состоитъ въ этихъ самыхъ послышкахъ. Большая послышка эмпирическаго натурализма утверждаетъ, что истинно-сущее находится во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ и что способъ его познанія есть внѣшній опытъ. Большая послышка раціоналистическаго идеализма утверждаетъ, что истинно-сущее находится въ познающемъ субъектѣ, въ нашемъ разумѣ, и что способъ познанія его есть чистое раціональное мышленіе или построеніе общихъ понятій. Между тѣмъ при послѣдовательномъ развитіи этихъ началъ, эмпиризмъ приходитъ къ отрицанію внѣшняго міра, природы и внѣшняго опыта, какъ способа познанія истинно-сущаго, а раціонализмъ приходитъ къ отрицанію познающаго субъекта и чистаго мышленія, какъ способа познанія сущаго (поскольку само сущее отрицается). Такимъ образомъ, отвергая начала обоихъ этихъ направленій или типовъ философіи, мы не нуждаемся ни въ какихъ внѣшнихъ для нихъ аргументахъ: они сами себя опровергаютъ какъ только приходятъ къ своимъ послѣднимъ логическимъ заключеніямъ, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и вся отвлеченная школьная философія, которой они суть два необходимые полюса.

И такъ, должно или отказаться вообще отъ истиннаго познанія и

стать на точку зрѣнія безусловнаго скептицизма¹⁾; или же должно признать, что искомое философіи не заключается ни въ реальномъ бытіи вѣшняго міра, ни въ идеальномъ бытіи нашего разума, что оно не познается ни путемъ эмпиріи, ни путемъ чисто-раціональнаго мышленія. Другими словами, должно признать, что истинно-сущее имѣетъ собственную абсолютную дѣйствительность совершенно-независимую отъ реальности вѣшняго вещественнаго міра, также какъ и отъ нашего мышленія, а, напротивъ, сообщающую этому міру его реальность, а нашему мышленію—его идеальное содержаніе. Воззрѣнія, признающія въ качествѣ истинно-сущаго такое сверхкосмическое и сверхчеловѣческое начало и притомъ не въ образѣ только отвлеченнаго принципа (какимъ оно является, напримѣръ, въ картезіанскомъ и Вольфовскомъ деизмѣ), а со всею полнотою его живой дѣйствительности—такія воззрѣнія выходятъ за предѣлы школьной философіи и рядомъ съ ея двумя типами образуютъ особенный третій типъ умосозерданія, обыкновенно называемый *мистицизмомъ*.

Согласно этому воззрѣнію, истина не заключается ни въ логической формѣ познанія, ни въ эмпирическомъ его содержаніи, вообще она не принадлежитъ теоретическому знанію въ его отдѣльности или исключительности—такое знаніе не есть истинное. Знаніе же истинны есть лишь то, которое соотвѣтствуетъ волѣ блага и чувству красоты. Хотя опредѣленіе истинны относится непосредственно къ сферѣ знанія, но никакъ не къ ея исключительности (которая уже есть не истина); это опредѣленіе должно принадлежать знанію лишь поскольку оно согласуется съ другими сферами духовнаго бытія; иными словами: истиннымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то-есть, самою истинной можетъ быть только то, что вмѣстѣ съ тѣмъ есть благо и красота. Правда, существуютъ такъ называемыя истины, которыя доступны для познавательной способности въ ея отдѣльности или отвлеченности; таковы, съ одной стороны, истины чисто формальныя, съ другой—чисто матеріальныя или эмпирическія. Какое нибудь математическое положеніе имѣетъ формальную истинность безъ всякаго примаго отношенія къ волѣ и чувству, но за то оно лишено само по себѣ всякой дѣйствительности и реальнаго содержанія. Съ дру-

¹⁾ Скептицизмъ есть простое отрицаніе всякой *опредѣленной* философіи (по-скольку и сомнѣніе есть отрицаніе, именно отрицаніе утвѣренности и опредѣленія), а потому неосновательно признавать его (какъ это дѣлають многіе) за особенный типъ или направленіе философіи.

гой стороны, какойнибудь историческій или естественно-научный фактъ имѣть матеріальную истинность, безъ всякаго отношенія къ этикѣ или эстетикѣ, но за то, онъ лишенъ самъ по себѣ всякаго разумнаго смысла. Истинны перваго рода недѣйствительны, втораго—неразумны, первыя нуждаются въ реализаціи, вторыя—въ осмысленіи. Настоящая же истина, цѣльная и живая, сама въ себѣ, заключаетъ и свою дѣйствительность и свою разумность и сообщаетъ ихъ всему остальному. Согласно съ этимъ предметъ мистической философіи есть не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ; эта философія занимается не внѣшнимъ порядкомъ явленій, а внутреннимъ порядкомъ существъ и ихъ жизни, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ существу первоначальному. Разумѣется, и мистицизмъ, какъ всякая философія, двигается въ идеяхъ и мысляхъ, но онъ знаетъ, что эти мысли имѣютъ значеніе лишь поскольку относятся къ тому, что чрезъ нихъ мыслятся и что уже само не есть мысль, а болѣе мысли. Школьная философія или смѣшиваетъ сущее съ тѣмъ или другимъ видомъ бытія, то-есть, представленія, или же отрицаетъ самую познаваемость сущаго. Мистическая философія, съ одной стороны, знаетъ, что всякое бытіе есть лишь образъ представленія сущаго, а не само оно; съ другой стороны—противъ скептическаго утвержденія, что человѣкъ ничего не можетъ знать, кромѣ представленія, она указываетъ на то, что человѣкъ самъ есть болѣе чѣмъ представленіе или бытіе и что такимъ образомъ даже не выходя изъ самого себя онъ можетъ знать о сущемъ.

Мистицизмомъ заключается кругъ возможныхъ философскихъ воззрѣній, ибо очевидно, что искомое философіи можетъ имѣть свою дѣйствительность или во внѣшнемъ мірѣ, то-есть, въ познаваемомъ объектѣ, какъ такомъ; или же въ насъ—познающемъ субъектѣ, какъ такомъ, или, наконецъ, въ себѣ самомъ независимо отъ насъ и отъ внѣшняго міра—четвертое предположеніе очевидно немислимо. И если два первые воззрѣнія, образующія школьную философію, не могутъ быть приняты, потому что сами себя уничтожаютъ, то намъ остается или вообще отказаться отъ исканія истины, или признать это третье воззрѣніе какъ *основу* истинной философіи. Если истина, не находящая ни въ внѣшнемъ мірѣ, ни въ насъ самихъ, можетъ eo ipso принадлежать только собственной трансцендентной дѣйствительности абсолютнаго первоначала, и если тѣмъ не менѣе, какъ это заключаетъ

скептицизмъ, мы не можемъ познавать этой трансцендентной дѣйствительности, то это значить, что мы вообще не можемъ знать истины и такимъ образомъ аргументы скептицизма противъ возможности мистической философіи направлены тѣмъ самымъ противъ всякаго исканія истины, противъ всякой философіи, а въ концѣ, и противъ всякаго знанія.

И такъ, мистическое знаніе ¹⁾ необходимо для философіи, такъ какъ помимо его она въ послѣдовательномъ эмпиризмѣ и въ послѣдовательномъ рационализмѣ одинаково приходитъ къ абсурду. Но это мистическое знаніе можетъ быть только *основой* истинной философіи, подобно тому, какъ внѣшній опытъ служитъ основой философіи эмпирической, а логическое мышленіе—основой рационализма, но само по себѣ мистическое знаніе еще не образуетъ системы истинной или синтетической философіи, того, что я называю цѣльнымъ знаніемъ или свободною теософіей. Эта система, по самому понятію своему, должна быть свободна отъ всякой исключительности и односторонности, между тѣмъ какъ мистицизмъ, въ отдѣльности взятый, можетъ быть и дѣйствительно является исключительнымъ, утверждая только одно непосредственное знаніе, имѣющее форму внутренней безусловной увѣренности. Разумѣется, на такой увѣренности и должно основываться истинное знаніе, но чтобы быть полнымъ или цѣльнымъ, оно не должно на этомъ останавливаться (какъ это дѣлаетъ исключительный мистицизмъ): ему необходимо еще, во первыхъ, подвергнуться рефлексіи разума, получить оправданіе логическаго мышленія, а во вторыхъ, получить подтвержденіе со стороны эмпирическихъ фактовъ. Отвергая ложные принципы и негѣныя заключенія эмпиризма и рационализма, истинная философія должна заключать въ себѣ объективное содержаніе этихъ направлений въ качествѣ вторичныхъ или подчиненныхъ элементовъ. Ибо если цѣльное знаніе вообще есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой, то, очевидно, этому широкому синтезу долженъ предшествовать соответствующій ему болѣе тѣсный синтезъ въ средѣ самой философіи, именно между тремя ея направленіями: мистицизмомъ, рационализмомъ и эмпиризмомъ. Аналогія здѣсь несомнѣнна: мистицизмъ соответствуетъ теологіи, эмпиризмъ—положительной наукѣ, а рационализму принадлежитъ собственно философскій отвлеченный характеръ, по скольку

¹⁾ Употребляю пока этотъ терминъ только отрицательно, положительное же его содержаніе можетъ быть открыто только впоследствии.

онъ ограничивается чистымъ философскимъ мышленіемъ, тогда какъ мистицизмъ ищетъ опоры въ данныхъ религіи, а эмпиризмъ—въ данныхъ положительной науки.

III

Въ системѣ цѣльнаго знанія или свободной теософіи взаимное отношеніе трехъ философскихъ элементовъ опредѣляется указанною аналогією. Мистицизмъ, по своему абсолютному характеру, имѣетъ первенствующее значеніе, опредѣляя верховное начало и послѣднюю цѣль философскаго знанія; эмпиризмъ, по своему матеріальному характеру, служитъ внѣшнимъ базисомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнимъ примѣненіемъ или реализаціей высшихъ началъ и, наконецъ, рационалистическій, собственно философскій элементъ, по своему преимущественно формальному характеру, является какъ посредство или общая связь всей системы.

Изъ сказаннаго ясно, что свободная теософія или цѣльное знаніе не есть одно изъ направленій или типовъ философій, а должна представлять высшее состояніе всей философій, какъ во внутреннемъ синтезѣ трехъ ея главныхъ направленій, мистицизма, рационализма и эмпиризма, такъ равно и въ болѣе общей и широкой связи съ теологіей и положительной наукою ¹⁾. Повинуясь общему закону историческаго развитія, философія проходитъ чрезъ три главныхъ состоянія, совершенно соотвѣтствующія тѣмъ, которыя были указаны въ первой главѣ для всей сферы знанія (также какъ и для другихъ сферъ). Первый моментъ характеризуется исключительнымъ господствомъ мистицизма, удерживающаго въ скрытомъ состояніи или слитности рационалистическій и эмпирический элементы (что совпадаетъ съ общимъ господствомъ теологій); во второмъ фазисѣ эти элементы обособляются, философія распадается на три отдѣльных направленія или типа, стремящіяся къ абсолютному самоутвержденію и, слѣдовательно, взаимному отрицанію; здѣсь соотвѣтственно общему распаденію теоретической сферы на враждебныя между собою теологію, отвлеченную философію и положительную науку, мы имѣемъ односторонній мистицизмъ, односторонній рационализмъ и односторонній эмпиризмъ. Въ третьемъ моментѣ они приходятъ къ внутреннему свободному синтезу, который ложится въ основу общаго синтеза трехъ степеней знанія, а затѣмъ и вселенскаго синтеза общечеловѣческой

¹⁾ Свободная теософія представляетъ такимъ образомъ положительную противоположность скептицизма: какъ этотъ послѣдній есть отрицаніе всякой опредѣленной философій, такъ она есть всецѣлое единство ихъ всѣхъ.

жизни. Если единство въ сферѣ знанія, опредѣляемое необходимо теологическимъ или мистическимъ началомъ, мы называемъ вообще теософіей (то-есть, говоря точнѣе, знаніе въ своемъ единствѣ есть теософія), то высшее синтетическое единство третьяго момента (въ отличіе отъ несвободнаго или слитнаго въ первомъ моментѣ) характеризуется принятымъ мною названіемъ свободной теософіи или цѣльнаго знанія.

По общему опредѣленію, предметъ цѣльнаго знанія есть истинно-сущее какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его отношеніи къ эмпирической дѣйствительности субъективнаго и объективнаго міра, которыхъ оно есть абсолютное первоначало. Отсюда уже вытекаетъ раздѣленіе всей философской системы цѣльнаго знанія на три органическія части. Ибо разъ въ предметѣ философіи даны два элемента, именно абсолютное первоначало и происходящая изъ него вторичная дѣйствительность, то эти два элемента могутъ быть мыслимы только въ трехъ отношеніяхъ. Во 1-хъ, въ непосредственномъ единствѣ, во 2-хъ, въ противоположеніи и въ 3-хъ, въ актуальномъ различенномъ единствѣ или синтезѣ. Такимъ образомъ, мы получаемъ три философскія науки: первая разсматриваетъ абсолютное начало въ его собственныхъ общихъ и необходимыхъ (слѣдовательно, апіорныхъ) опредѣленіяхъ, въ которыхъ другое, конечное существованіе заключается только потенціально—моментъ непосредственнаго единства; вторая разсматриваетъ абсолютное начало какъ производящее или полагающее внѣ себя конечную дѣйствительность—моментъ распада, и наконецъ, третья имѣетъ своимъ предметомъ абсолютное начало какъ воссоединяющее съ собою конечный міръ въ актуальномъ синтетическомъ единствѣ. Это трояственное дѣленіе философіи, вытекающая изъ самой ея природы, имѣетъ очень древнее происхожденіе и въ той или другой формѣ встрѣчается во всѣхъ законченныхъ и сколько нибудь глубокихъ системахъ; ибо каждая отдѣльная система будучи на самомъ дѣлѣ только одностороннимъ проявленіемъ того или другаго момента въ философскомъ знаніи, стремится при этомъ съ своей ограниченной точки зрѣнія представлять цѣлую философію¹⁾.

Я удерживаю для трехъ составныхъ частей свободной теософіи

¹⁾ Въ особенности это должно сказать о философіи Гегеля, которая въ своей сферѣ формальнаго чисто-логическаго мышленія является совершенно полною и замкнутою. Поэтому общія формулы гегельяны останутся какъ вѣчныя формулы философіи.

старыя названія: *логика*, *метафизика* и *этика*; для отличія же ихъ отъ соотвѣствующихъ частей другихъ философскихъ системъ, буду употреблять термины: *органическая логика*, *органическая метафизика* и *органическая этика* ¹⁾). По внутреннему порядку идей изложеніе системы начинается съ логики, къ которой мы теперь и должны перейти.

Владиміръ Соловьевъ.

¹⁾ Определенный смыслъ этихъ терминовъ будетъ объясненъ въ своемъ мѣстѣ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О древнихъ городахъ Россіи.

(Отвѣтъ Ѳ. И. Леонтовичу по поводу статьи его въ т. II *Сборника государственныя знаій*, С.-Пб. 1875).

Во второмъ томѣ *Сборника государственныя знаій* (отдѣлъ II, стр. 35—91) напечатана критика г. Леонтовича на мое сочиненіе: „Древніе города Россіи“ (С.-Пб., 1873), снабженная со стороны редактора сборника слѣдующею рекомендаціей: „Настоящая статья почтеннаго профессора, вслѣдствіе обилія фактическихъ свѣдѣній и новости многихъ, изложенныхъ въ ней, историческихъ взглядовъ, получаетъ значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, далеко выходящаго за предѣлы обыкновенной рецензіи, тѣмъ болѣе такой, каковой заслуживало бы сочиненіе г. Самоквасова, въ силу своихъ собственныхъ научныхъ достоинствъ“. Затѣмъ, въ прошломъ году изданъ I-й томъ сочиненія г. Забѣлина: „Исторія Русской жизни“, въ которомъ по поводу моего труда сказано слѣдующее: „Въ послѣднее время, въ замѣтъ системы Ходаковского явилась попытка доказать, что существующіе нѣсколько тысячъ городковъ остаются памятниками договорно-общиннаго быта Русскихъ Славянъ (г. *Самоквасовъ*: Древніе города Россіи). Однако новая система выдержала еще меньше критику, чѣмъ система Ходаковского. Она вполне опровергнута г. Леонтовичемъ“¹⁾.

Редакторъ *Сборника государственныя знаій* въ своемъ вышеупомянутомъ примѣчаніи не указываетъ, какіе именно новыя историческіе взгляды проводитъ г. Леонтовичъ, и какими именно фактическими свѣдѣніями онъ поддерживаетъ ихъ, а г. Забѣлинъ умалчи-

¹⁾ Исторія Русской жизни, I, стр. 534—538.

васть объ основаніяхъ, по которымъ онъ считаетъ достаточною критику г. Леонтовича для опроверженія моихъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе, приведенныя отзаны о критикѣ г. Леонтовича побуждаютъ меня сдѣлать подробный разборъ ея. Предлагаемая статья моя имѣетъ цѣлью доказать, что эта критика, во первыхъ — отличается невниманіемъ къ дѣйствительному содержанію разбираемаго сочиненія, во вторыхъ — страдаетъ отсутствіемъ научной, фактической аргументаціи, и, третьихъ — слишкомъ недостаточна для опроверженія положеній моей книги и прочности ихъ основаній.

Свою критику... г. Леонтовичъ начинаетъ краткимъ очеркомъ содержанія моего сочиненія: „Сочиненіе г. Самоквасова“, говоритъ онъ, — начинается введеніемъ о современномъ состояніи въ наукѣ историческихъ вопросовъ о русскомъ городѣ и его происхожденіи“ (Сб. 1. зм., 35—36). Въ первой части введенія къ моему сочиненію ни слова не говорится о происхожденіи города: она посвящена изложенію господствующихъ въ литературѣ воззрѣній по вопросамъ исторіи русскихъ городовъ и критикѣ этихъ воззрѣній (Древніе города Россіи, стр. 1—32). Во второй части введенія, продолжая критику, — авторъ раскрываетъ самыя разнообразныя значенія, придававшіяся у насъ въ старину слову „городъ“, и полагаетъ, что предметомъ историко-юридическаго изученія исторіи древне-русскаго города *можетъ быть взято хоть древнѣйшее его понятіе*, какъ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія“. Цѣль второй части введенія къ моему сочиненію состояла именнно въ томъ, чтобы доказать, что „предметомъ исторіи древне-русскаго города *должны быть* города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія“ (тамъ же, стр. 32, 72 и 73). Самыя разнообразныя значенія слова „городъ“ въ древности раскрыты мною *не безцѣльно*, а съ цѣлью предупредить заблужденія въ пониманіи источниковъ; городъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта, избранъ мною предметомъ исторіи древне-русскаго города *не произвольно*, а потому только, что въ этомъ смыслѣ городъ встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ. Города въ смыслѣ административныхъ и промышленныхъ центровъ суть явленія позднѣйшей эпохи нашей исторіи. Въ изложеніи доказательствъ моей теоріи историческаго развитія народныхъ поселеній въ Россіи одно изъ доказательствъ критикомъ опущено, другое — введено, а третье — искажено. Опущено: историческая аналогія, по которой всѣ осѣдлыя народы, переселяясь въ новую страну, занятую туземнымъ народомъ, селятся въ этой странѣ посредствомъ городовъ-крѣпостей. Введено: цивилизація Славянъ. Искажено: аналогія съ

исторіей подвижнѣйшихъ русскихъ поселеній. Въ моей книгѣ приведены факты заселенія юга, юго-востока и востока Европейской Россіи и Сибири, а не только юго-востока въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ говоритъ г. Леонтовичъ въ своей критикѣ (тамъ же; стр. 145 и 151). Изложеніе содержанія моей книги г. Леонтовичъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Словомъ, основная мысль, которая проходитъ черезъ все сочиненіе г. Самокасова, состоитъ въ томъ, что городъ, какъ укрѣпленный пунктъ населенія (? поселенія), былъ единственною возможною формою общественнаго быта до-татарской Руси, исходнымъ моментомъ, съ котораго началось историческое развитіе общественности Русскихъ Славянъ“ (Сб. з. зн., 37). Это заключеніе о содержаніи моей книги совершенно невѣрно. Что городъ былъ исходнымъ моментомъ общественности Русскихъ Славянъ—это основная мысль моей теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи, но не всего сочиненія. Введеніе къ нему и первый отдѣлъ I-й главы имѣютъ значеніе совершенно самостоятельное отъ этой мысли; введеніе было даже напечатано ранѣе появленія моей книги, какъ отдѣльное изслѣдованіе, не зависящее отъ какой бы то ни было теоріи поселеній¹⁾; теорія народныхъ поселеній играетъ въ моей книгѣ второстепенную роль, какъ объясненіе факта существованія нѣсколькихъ тысячъ городовъ-крѣпостей въ первую эпоху Рюриковичей, и занимаетъ въ книгѣ только 16 страницъ. Что же касается мысли, по которой городъ былъ единственно-возможною формою общественнаго быта до-татарской Россіи, то эта мысль не принадлежитъ моему сочиненію, въ которомъ сказано: „Въ первые вѣка Русскаго государства мало по малу возникавшія селенія во внутреннихъ княжествахъ тѣснились къ городамъ, какъ можно ближе, чтобы, въ случаѣ внезапнаго нападенія врага, можно было съ дѣтьми и имуществомъ укрыться въ стѣнахъ города“ (Др. гор. Росс., 157).

При полномъ невниманіи къ содержанію моей книги, г. Леонтовичъ не могъ написать основательной, полезной для науки критики. Его нападенія въ однихъ случаяхъ—несправедливы, а въ другихъ—не имѣютъ объекта, направлены не противъ моихъ воззрѣній, а противъ гипотезъ, которыя самому критику угодно было приписать мнѣ.

Противъ первой части введенія къ моему сочиненію, направленн г. Леонтовичемъ три обвиненія: 1) въ несправедливости къ прежнимъ ученымъ, посвящавшимъ свои труды рѣшенію вопросовъ; но

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Прос. 1872 г., мартъ: Ист.-юрид. очерки, стр. 1—72.

исторіи русскихъ городовъ; 2) въ неполнотѣ перечисленія воззрѣній ученыхъ по связаннымъ вопросамъ; 3) въ ненадлежащей оцѣнкѣ воззрѣній ученыхъ (Об. і. зн., 37). Эти обвиненія крайне несправедливы.

I. „Замѣтимъ прежде всего“, говоритъ критикъ, — „что авторъ *слишкомъ рѣзко отзывался о трудахъ своихъ предшественниковъ*. Едва ли справедливо *половое* осужденіе ихъ работъ, будто бы отличающихся лишь противорѣчіями, неустойчивостью и путаницею понятій. По большей части, историки въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ основываются здѣсь на фактахъ точныхъ и въ большинствѣ вѣрно понятыхъ“ (Об. і. зн., 37). Въ доказательство рѣзкости моихъ сужденій не приведено ни одного примѣра, думаю—только потому, что въ моемъ сочиненіи нѣтъ такихъ примѣровъ. Въ моей книгѣ нѣтъ такихъ отзывовъ, какими самъ г. Леонтовичъ почтилъ нашу ученую литературу въ своей статьѣ: „О задружно-общинномъ бытѣ древней Россіи“, гдѣ мы находимъ, напримѣръ, слѣдующее: „Большинство изслѣдованій, касающихся вопроса о политическомъ строѣ древне-русской жизни, имѣетъ подъ собою теоретическую подкладку, отличается крайнею *общичностью и неточностью основныхъ научныхъ понятій*, виждѣсь съ фактической односторонностью самого метода изслѣдованій. По *всѣмъ основнымъ вопросамъ науки* встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій съ самыми противоположными и разнохарактерными направленіями,—воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой *лабиринтъ личнаго мнѣнія и взглядовъ*, изъ котораго, по видимому, нѣтъ никакого выхода“¹⁾. Здѣсь мы видимъ дѣйствительно слишкомъ рѣзкое и поголовное обвиненіе нашихъ ученыхъ, да притомъ обвиненіе совершенно бездоказательное. Въ моемъ сочиненіи нѣтъ ни одного бездоказательнаго обвиненія; противорѣчія, неточность и путаница понятій по вопросамъ, указаннымъ въ моемъ сочиненіи, доказаны мною фактически. Никто еще въ ученой критикѣ не называлъ рѣзкими отзывами о трудахъ ученыхъ обнаруженіе недостатковъ этихъ трудовъ на основаніи фактическихъ доказательствъ. Заявленіе критика, по которому историки въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ по большей части основываются *здѣсь „на фактахъ точныхъ и въ большинствѣ вѣрно понятыхъ“*, представляетъ собою голословное заявленіе, противорѣчащее содержанію моей книги. Я напротивъ того утверждаю, что большинство историковъ до настоящаго времени въ своихъ выводахъ по общимъ во-

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Прос. 1874 г., іюнь, стр. 207.

просамъ исторіи русскихъ городовъ основывались на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на точныхъ и вѣрно понятыхъ историческихъ фактахъ. Вотъ мои доказательства. По вопросу о времени первоначальнаго появленія городовъ у Русскихъ Славянъ, Шлецеръ высказалъ: „До середины IX столѣтія на всемъ пространствѣ русскаго сѣвера не было ни одного города, собственно такъ называемаго“,—и не представилъ ни одного факта въ подтвержденіе этого воззрѣнія¹⁾. Ходаковский сказалъ: „Прежде 860 года въ цѣломъ сѣверѣ русскомъ, на всемъ пространствѣ онаго, не было ни одного города“—и сослался на авторитетъ Шлецера²⁾. Даниловичъ замѣтилъ: „Правдорѣчивный Несторъ съ 862 года начинается построеніе городовъ Руси“—и сослался на свидѣтельство лѣтописи, невѣрно имъ понятое³⁾. Плюшкінъ указалъ, что, строеніе первыхъ городовъ Руси относится къ 869 году⁴⁾, и сослался на свидѣтельство лѣтописи, невѣрно имъ понятое⁵⁾. Многіе историки доказывали отсутствіе городовъ у Русскихъ Славянъ до времени Рюрика ссылкой на извѣстное свидѣтельство Иорнанда, также невѣрно ими понятое⁶⁾. Шафарикъ и его послѣдователи доказывали существованіе множества городовъ у Русскихъ Славянъ задолго до времени призванія Рюрика ссылками на свидѣтельства Геродота и Птолемея о *юродатахъ Скиѣи и Сарматіи*⁷⁾. Классенъ утверждалъ: „Что Славяне, населявшіе Россію въ 862 году, имѣли множество городовъ, явствуетъ изъ лѣтописей русскихъ, греческихъ, латинскихъ, вѣмекскихъ и скандинавскихъ“,—и не привелъ ни одного подлиннаго свидѣтельства изъ этихъ лѣтописей⁸⁾. Бѣляевъ доказывалъ появленіе городовъ у Русскихъ Славянъ со времени первоначальнаго поселенія въ предѣлахъ Россіи только теоретическими соображеніями⁹⁾. По вопросу о значеніи городовъ Русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Варяговъ Ходаковский высказалъ мнѣніе, что „города въ первой эпохѣ нашей значили *священныя ограды, языческіе храмы*“,—и доказывалъ это воззрѣніе только предположеніями¹⁰⁾. С. М. Со-

¹⁾ Шлецеръ, Несторъ, II, стр. 52.

²⁾ Русск. Ист. Сбор., изд. Полюбинъ, 1837 г., т. III, кн. III, стр. 1.

³⁾ Русск. Ист. Сбор. 1841 г., т. IV, кн. II, стр. 201; Др. гор. Росс., стр. 26.

⁴⁾ Город. Сост., стр. 9; Др. гор. Росс., стр. 26.

⁵⁾ Др. гор. Росс., стр. 24.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 10.

⁷⁾ Нов. Мат. Русск. Ист., I, стр. 37.

⁸⁾ Разк. изъ Русск. Ист., I, стр. 5—7.

⁹⁾ Русск. Ист. Сборн. 1837 г., кн. III, стр. 81 и 82.

ловьевъ видѣть въ древне-славянскихъ городахъ „обиталища одного или нѣсколькихъ родовъ“¹⁾ и ссылается только на скавочное извѣстіе о построеніи г. Кіева братьями Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ²⁾. Въ-ляевъ видѣть въ древне-славянскихъ городахъ „жилища не родовыхъ, а *дошоворныхъ общинъ*“, — и не приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ни одного историческаго свидѣтельства³⁾. В. В. Макушевъ видѣть въ древне-славянскихъ городахъ *административные и религіозные центры* — и ссылается на извѣстія Гельмольда о городахъ Прибалтійскихъ Славянъ⁴⁾. В. Н. Лешковъ видѣть въ древне-славянскихъ городахъ *промышленные центры* — и основываетъ это мнѣніе только на предположенія⁵⁾. Самъ г. Леонтовичъ, слѣдуя г. Никитскому, видѣть въ городахъ древне-русскихъ Славянъ *пустыя орады*, населенныя только въ виду непріятеля, и оба ученыя не приводятъ ни одного фактическаго доказательства въ пользу такого мнѣнія⁶⁾. Наконецъ, по вопросу о количествѣ городовъ въ Россіи до-татарскаго времени мнѣнія ученыхъ также разногласны и основаны на недостаточномъ изученіи источниковъ. До появленія моей книги въ печати, городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія одни ученые насчитывали не болѣе 150, другіе до 300, третьи до 400, четвертые болѣе 500 и т. д.⁷⁾. Сказанныя разнорѣчія относятся къ одной эпохѣ, къ однимъ вопросамъ и основаны на различномъ пониманіи однихъ и тѣхъ же источниковъ. Мы видимъ отсюда, на сколько первое обвиненіе г. Леонтовича, направленное противъ первой части моего введенія, соотвѣтствуетъ дѣйствительному ея содержанію, на сколько оно справедливо.

II. Столько же несправедливо и его второе обвиненіе — въ нецѣлостѣ перечисленія воззрѣній ученыхъ по общимъ вопросамъ исторіи древне-русскаго города. „Перечисляя мнѣнія историковъ“, говоритъ критикъ, — „автору слѣдовало бы позаботиться о *возможной полнотѣ* такого перечисленія и о *надлежащей оцѣнкѣ этихъ мнѣній*. По вопросу о политическомъ значеніи городовъ, авторъ, напримеръ, *вовсе умалчиваетъ о воззрѣніяхъ и Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича, Бестужева-Рюмина*, которымъ преимущественно и принадлежитъ за-

¹⁾ Исторія Россіи, I, стр. 87.

²⁾ Разк. изъ Русск. Ист., I, стр. 6.

³⁾ Сказ. Иност., стр. 112.

⁴⁾ Рус. Нар. и Госуд., стр. 131.

⁵⁾ Никитскій, Внут. Ист. Искоша, стр. 28; Леонтовичъ въ Сб. т. III, т. II, стр. 42 и слѣд.

⁶⁾ Др. гор. Росс., стр. 14—17.

слуга выясненія вопроса о политическомъ значеніи древне-русскихъ городовъ, вопроса по своему существу стоящаго на первомъ планѣ для историковъ-юристовъ, всегда обязанныхъ имѣть въ виду юридическую сторону историческихъ явленій (Об. юр. зн., 37). Г. Леонтовичъ обладаетъ необыкновенною смѣлостью въ выраженіи мыслей, діаметрально противоположныхъ содержанію разбираемаго имъ сочиненія. Въ моей книгѣ собраны всѣ мнѣнія, существующія въ литературѣ по общимъ вопросамъ исторіи древне-русскаго города, отличающіяся чѣмъ-либо одно отъ другаго. По вопросу о значеніи городовъ въ составѣ политическихъ учреждений древней Россіи въ моей книгѣ приведены мнѣнія Шлецера, Ходаковского, Погодина, г. Соловьева, Вѣльева, Гильфердинга, гг. Макушева, Срезневскаго, Корсакова, Антоновича, Чичерина, Хлѣбникова, Плюшинскаго, Владимірскаго-Вуданова, Бестужева-Рюмина, Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича и Горчакова. Я положительно утверждаю, что въ нашей литературѣ не осталось ни одного оригинальнаго мнѣнія, не указаннаго въ моей книгѣ. Авторъ новѣйшаго сочиненія по устройству и управленію городовъ Россіи ссылается на мое изслѣдованіе, какъ на сочиненіе, въ которомъ собраны *все* литературныя мнѣнія по вопросамъ о времени появленія древне-русскихъ городовъ и ихъ значеніи въ составѣ древне-русскихъ политическихъ учреждений¹⁾. Утверждаю, что по вопросу о политическомъ значеніи городовъ я умолчалъ о воззрѣніяхъ гг. Костомарова, Градовскаго, Сергѣевича и Бестужева-Рюмина, критикъ просмотрѣлъ 47-ю выноски къ первой части введенія къ моему изслѣдованію; въ текстѣ же мнѣнія этихъ ученыхъ не помѣщены мною потому, что не представляютъ собою, въ этомъ случаѣ, ничего оригинальнаго и совершенно согласны съ мнѣніями Вѣльева и Гильфердинга, приведенными въ текстѣ.

III. Что касается обвиненія въ ненадлежащей оцѣнкѣ собранныхъ мною мнѣній ученыхъ, то признаюсь, я его совершенно не принимаю. Прежде заявленія этого голословнаго обвиненія г. Леонтовичу надлежало бы опредѣлить, что онъ разумѣетъ подъ надлежащею оцѣнкой, а затѣмъ указать мотивы, по которымъ предложенная мною оцѣнка должна быть признана ненадлежащею; а безъ того это обвиненіе не болѣе, какъ общее мѣсто, литературная уловка, посредствомъ которой онъ избѣгаетъ научной оцѣнки основаній моей кри-

¹⁾ См. *Дмитякинъ, Устройство и управленіе городовъ*, стр. 111—112.

тики. Предложенную мною оцѣнку (Др. гор. Росс., стр. 20—33) я считаю вполне надлежащею.

О второй части введенія къ моему сочиненію г. Леонтовичъ даетъ такой приговоръ: „Ученіе автора объ историческомъ развитіи понятія о городѣ наименѣе разработано, отличается путаницей понятій и опредѣленій, слѣдующихъ одно за другимъ — *по одному и тому же предмету*. Читатель, мало знакомый съ дѣломъ, можетъ совершенно сбиться въ массѣ *предполагаемыхъ авторомъ опредѣленій* древняго значенія слова „городъ“ (Сб. юс. зн., стр. 37—38). Съ этимъ приговоромъ я совершенно несогласенъ. Напротивъ того, мое ученіе объ историческомъ развитіи понятія о городѣ въ древности стоило мнѣ большаго труда, и я думаю, что оно составляетъ лучшую часть книги по богатству фактическаго матеріала, ясности изложенія и важности содержанія для науки. Строгій критикъ не повѣлъ истиннаго значенія моего ученія. Просматривая, а не изучая мое сочиненіе, онъ просмотрѣлъ существенныя мысли моего ученія, безъ которыхъ оно показалось ему не разработаннымъ и непонятнымъ. Дѣло въ томъ, что *масса опредѣленій древне-русскаго города дана не мною, а источниками, и относится не къ одному предмету, а ко многимъ предметамъ, называвшимся въ древности однимъ словомъ „городъ“*. Эта мысль, основанная въ моемъ ученіи, выражена совершенно ясно.

Первая часть введенія къ моей книгѣ оканчивается слѣдующими вопросами: „*Кікія значенія слову „городъ“ соответствуютъ въ историческихъ памятникахъ? Кавія значенія соотвѣтствовали слову „городъ“ въ данную историческую эпоху? Съ котораго изъ значеній слова „городъ“ должно быть начато научное систематическое изложеніе исторіи русскаго города? Рѣшеніе этихъ вопросовъ даетъ возможность избѣжать смѣшенія историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ различнымъ предметамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго*“ (Др. гор. Росс., 32). Вотъ ясно выраженная задача второй части моего введенія. Начинается она слѣдующимъ тезисомъ: „*Слову „городъ“ въ древне-русскомъ языкѣ соответствовало множество значеній, по современнымъ намъ понятіямъ не имѣющихъ ничего общаго, какъ между собою, такъ и съ нынѣшнимъ понятіемъ о городѣ*“ (тамъ же, 33). Доказанъ мною этотъ тезисъ также ясно, безспорно, на основаніи множества фактическихъ данныхъ, мною собранныхъ. Въ моей книгѣ говорится, что въ источникахъ мы читаемъ слѣдующее: 1) „созда градъ на церкви“; „монастырь той городомъ одѣланъ“; „аще кій холопъ изжестъ изъ-за городи овца“; „создалъ городъ около пещеры“ (оградилъ пещеру схи, отд. 2.

щеру) и т. д.; слѣдовательно, слово „юродъ“ означаетъ въ источникахъ современныя намъ понятія оирады, изюроды, тыма; 2) „сталъ бо бѣ на горѣ, надѣ рѣкою и ту створи юродъ около себѣ въ колыѣхъ и бисл изъ юрода того три дни“; „сташа Новгородци на островѣ, а оны противу ставше, начаша юродъ чинити“; „повелѣ... поставити градъ, обозъ нарицаемый, иже нѣкоего мудростію ни колесницахъ устроенъ“, и т. д., слѣдовательно, слово „юродъ“ означаетъ въ источникахъ военный станъ, редутъ, временное укрѣпленіе; 3) „сруби ирадокъ малъ, хотяше съести съ родомъ своимъ“; „Мстиславъ заложилъ Новгородъ болѣмъ первою, а посадникъ Павелъ заложилъ Ладому, юродъ камянь“; „а будутъ въ Московскомъ государствѣ построеныхъ каменныхъ юродовъ, кромѣ монастырей, съ 20 городовъ, а достальныя сдѣланы всѣ деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ, и для войны поставятъ тѣ юрода пескомъ и камнемъ“ и т. д.; слѣдовательно, въ источникахъ слово „юродъ“ означаетъ юродскую стѣну, постоянное укрѣпленіе, крѣпость; 4) „нача ставити города (крѣпости, стѣны, рвы и валы) по Деснѣ, и по Востри, и по Трубажеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и поча рубати мужи лучшіе отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чуди, и отъ Вятичъ, и отъ снхъ насемъ ирадъ“ (мѣста огражденные); „Святополкъ повелѣ рубити градъ (крѣпость) на Витичевѣ холму и повелѣ епископу Марину съ Юрьевци сести ту“ (въ огражденной мѣстности); „въ юродѣ (въ огражденной мѣстности) соборналъ иериковъ, дворъ воеводскій“ и пр.; слѣдовательно, въ источникахъ словомъ „городъ“ называется укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія, и т. д. Всѣ значенія города, перечисленныя въ началѣ второй части моего введенія, разлѣчаются между собою по нашимъ понятіямъ и въ настоящее время называются различными словами. Запутаться въ этихъ значеніяхъ, при моемъ изложеніи, можно только при отсутствіи желанія подумать надъ ними и понять ихъ. Всѣ значенія города выведены мною изъ источниковъ, а не представляютъ моихъ опредѣленій, какъ это утверждаетъ мой критикъ. Если значеній слово „городъ“ въ древности получило очень много, то развѣ я тому причиною? Перечисливъ всѣ значенія, я долженъ былъ обратить вниманіе на всевозможныя отбѣнки. Нужны науки эти значенія, или не нужны — объ этомъ г. Леонтовичъ можетъ судить, какъ ему угодно; но я думаю, что науки нужно знаніе всего того, что находимъ въ источникахъ.

Перечисленіе свидѣтельствъ источниковъ, въ которыхъ слово „городъ“ имѣетъ различныя значенія (стр. 33 — 40), закончено въ моей

книгѣ слѣдующими словами: „Перечисленными примѣрами исчерпывается все количество значеній, соответствующихъ слову „городъ“ въ историческихъ памятникахъ. Но въ восстановленіи различныхъ значеній этого слова въ историческихъ памятникахъ еще не рѣшается вопросъ: какія значенія соответствовали ему въ данную историческую эпоху, отъ рѣшенія котораго зависитъ точное пониманіе историческихъ свидѣтельствъ о городахъ *той или другой эпохи*. Рѣшить же этотъ вопросъ возможно только изученіемъ историческаго развитія понятія о городѣ, изученіемъ генетической связи между различными значеніями слова „городъ“ въ древности“ (стр. 41). Сказаннымъ опредѣляется задача второго отдѣла во второй части моего введенія, который начинается слѣдующимъ тезисомъ: „Не смотря на полное несходство, по современнымъ намъ понятіямъ, между перечисленными значеніями слова „городъ“ въ древности, они произошли одно изъ другаго, а слѣдовательно, имѣютъ между собою генетическую связь, изученіе которой и будетъ изученіемъ историческаго развитія понятія о городѣ“ (Др. Гор. Росс., стр. 41). Въ дальнѣйшемъ наложеніи я старался доказать, что все разнообразіе значеній слова „городъ“ въ древности произошло вслѣдствіе измѣненія въ жизни того предмета, который первоначально былъ названъ этимъ словомъ. Предметъ мѣнялъ форму, а слово, его обозначававшее, оставалось прежнее. Анализъ этихъ измѣненій далъ мнѣ возможность въ концѣ введенія все разнообразіе значеній слова „городъ“ въ источникахъ свести только къ тремъ значеніямъ мѣстнымъ и двумъ переноснымъ и опредѣлить то значеніе города, въ которомъ онъ только и можетъ быть предметомъ спеціальнаго изученія исторіи древне-русскаго города. Объ этихъ выводахъ въ критикѣ г. Леонтовича мы не находимъ ни одного слова. Въмѣсто разбора этихъ вопросовъ, существенныхъ въ содержаніи второй части моего введенія, критикъ обращаетъ вниманіе на собранныя мною свидѣтельства источниковъ, въ которыхъ слово „городъ“ означаетъ извѣстную мѣстность съ укрѣпленнымъ пунктомъ, то-есть, имѣетъ территориальное значеніе, и высказываетъ рядъ замѣчаній, доказывающихъ полное непониманіе авторомъ того предмета, о которомъ онъ ведетъ рѣчь. „*Положеніе астора*“, говоритъ г. Леонтовичъ, — „о тождественности города съ разными территориальными дѣленіями основано на свидѣтельствахъ весьма сомнительнаго свойства. Что иногда названіемъ города обозначается цѣлая волость или княжество, то это только указываетъ на способъ выраженія лѣтописца, обозначавашаго цѣлое именемъ главной его части, и очевидно, изъ способа выраже-

нія еще нельзя выводить тождественности самихъ понятій, *какъ это постоянно дѣлаетъ нашъ авторъ*. Въ старинной юридической терминологіи можно найти много словъ, употреблявшихся въ различныхъ значеніяхъ, но неужели историкъ-юристъ можетъ отсюда заключать, что все это были тождественныя понятія? Вообще всѣ разсужденія автора о тождественности понятій города, земли, волости и пр. рѣшительно ни къ чему не ведутъ. *Авторъ нигдѣ не приводитъ доказательствъ, что съ народномъ сознаніи городъ имѣлъ въ старину значеніе княжества* и пр., и только напрасно подыскиваетъ данныя и изобрѣтаетъ такія произвольныя понятія, какъ „городъ-провинція“, „городъ - волость - земля - государство“, „городъ - пригородъ - уѣздъ-провинція“ и пр. Все это только вводитъ путаницу съ простыми научными понятіями, нисколько не помогая объясненію самой сущности дѣла“ (Сб. Гос. зн., 39). Я не отождествляю въ моей книгѣ различныхъ значеній города въ древности, а напротивъ того, разграничиваю различные значенія и *доказываю, что они не должны быть отождествляемы*. Я нигдѣ въ моей книгѣ не отождествляю понятій города, въ смыслѣ укрѣпленій и укрѣпленныхъ пунктовъ, съ понятіями о землѣ, волости, княжествѣ, провинціи, а *привожу свидѣтельства источниковъ, въ которыхъ слово „городъ“ имѣетъ всѣ эти значенія*, и стараюсь объяснить причину такого словоупотребленія въ древности, *противнаго нашимъ понятіямъ*. Я не изобрѣаю произвольныхъ понятій города-провинціи, города-волости, города-земли и пр., а доказываю только, что съ источниками слово „городъ“ употребляется въ значеніи сказанныхъ понятій. Въ этомъ случаѣ даже не я первый замѣтилъ такое словоупотребленіе города въ источникахъ; знаюкамъ источниковъ изученія нашей старины оно давно извѣстно. Вотъ чтò говорить, напримѣръ, по этому поводу г. Костомаровъ: „Въ древности земля и городъ были равнозначительны, ибо городъ не значилъ ничего, кромѣ той же земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ „городъ“ стали замѣнять слово „земля“.... Когда раздѣльныя части восточной Руси сплотились между собою, слово „городъ“ измѣнило прежнее значеніе... говорилось: „на Москвѣ и въ юродахъ“, какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ“, и т. д. ¹⁾. Что же касается до выраженія критика: „все это (чтò?) только вводитъ путаницу въ простые научныя понятія (ка-

¹⁾ Современникъ 1860 г., № 3, стр. 8; Вѣстникъ Европы 1870 г., т. VI, стр. 28.

кія?), нисколько не помогая объясненію самой сущности дѣла" (какого?), то откровенно признаюсь, я его не понимаю. Не понимаю, что разумѣется здѣсь подъ простыми научными понятіями, и о какой сущности говоритъ авторъ. Въ сущности, мнѣ кажется, критикъ, за невозможностію сказать здѣсь что-либо положительное, просто прячется въ неопредѣленность выраженій.

Вообще г. Леонтовичъ имѣетъ непростительную въ ученой критикѣ привычку высказывать свои мнѣнія о содержаніи критикуемаго сочиненія, *не указывая самого содержанія*. Еслибъ онъ цитировалъ мою книгу, то сдѣлалось бы очевиднымъ, что мое ученіе о территориальномъ значеніи города не противорѣчитъ ни логическому мышленію, ни источникамъ, ни наукѣ, а напротивъ того, оно ясно и даетъ наукѣ новое средство для истиннаго пониманія многихъ не объясненныхъ до настоящаго времени свидѣтельствъ историческихъ источниковъ. Критикъ мой, очевидно, не занимался исторіей юридическихъ понятій, познакомъ съ научнымъ значеніемъ этой исторіи и не сознаетъ, что эта исторія есть единственное средство внести въ науку истинное пониманіе значенія и точности опредѣленій данныхъ юридическихъ институтовъ въ ту или другую историческую эпоху.

Въ моей книгѣ приведено слѣдующее знаменательное изреченіе Лорана: „Les mots sont plus durables, que les choses qu'ils representent; ils se perpetuent, mais pour exprimer des idées nouvelles, des nouvelles institutions, produit d'une nouvelle société". Это значитъ, что слова: городъ, волость, княжество, князь, правда, законъ, судъ и т. д. дошли до насъ отъ глубочайшей древности, но въ настоящее время означаютъ не тѣ идеи, не тѣ понятія, не тѣ учрежденія, которыми означали они въ древности, и что если мы приступимъ къ чтенію историческихъ источниковъ съ новѣйшими понятіями, соответствующими этимъ словамъ, то не поймемъ содержанія этихъ источниковъ. Это значитъ дажѣ, что если мы желаемъ составить вѣрное представленіе объ извѣстномъ учрежденіи въ древности, то должны приступить къ чтенію историческихъ источниковъ, съ цѣлью опредѣлить, какое представленіе соответствовало этому слову въ древности. Я глубоко убѣжденъ, что когда приведенная мысль Лорана проникнетъ во всеобщее сознаніе историковъ-юристовъ, то она поведетъ ихъ къ тому методу историческихъ изслѣдованій, которому я слѣдовалъ въ моихъ изслѣдованіяхъ о вѣчѣ и городѣ древней Россіи; методъ же этотъ, въ свою очередь, поставитъ исторію права

на прочныя положительныя основанія. Само собою разумѣется, что единичныхъ усилій для этого результата недостаточно, но положительное рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ доступно единичнымъ усиліямъ отдѣльныхъ ученыхъ. Къ такому положительному рѣшенію вопроса о значеніи города въ древней Россіи я стремился во второй части введенія къ моему книгѣ и думаю, что мои усилія увѣнчались успѣхомъ. Г. Леонтовичъ находитъ возможнымъ оспаривать въ моемъ ученіи только территоріальное значеніе города, но и здѣсь онъ спорить только потому, что не вдумался въ мое ученіе, не понялъ его.

Сущность моего ученія о территоріальномъ значеніи слова „городъ“ въ древности состоитъ въ слѣдующемъ: Древнѣйшимъ, кореннымъ, первоначальнымъ значеніемъ слова „городъ“ въ древности было значеніе огады, защищавшей данную мѣстность отъ непріятельскихъ вторженій. Это значеніе слова „городъ“ должно разумѣть въ источникахъ, когда въ нихъ говорится: „срубить, поставить, построить, насыпать городъ“; это значило—обнести какое-либо мѣсто извѣстною огадою—тыномъ, частоколомъ, острогомъ, деревянною или каменною стѣною, съ цѣлію предохранить это мѣсто отъ внѣшнихъ вторженій. Съ теченіемъ времени слово „городъ“ стало означать извѣстную мѣстность, иначе сказать—слово „городъ“ получило мѣстное, территоріальное значеніе. Это значеніе слова „городъ“ имѣетъ свою исторію. Въ смыслѣ территоріальномъ оно означало первоначально мѣсто огражденное, заключенное въ огадѣ, внутреннюю часть крѣпости, по съ теченіемъ времени расширяется на внѣшнюю часть крѣпости и означаетъ укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія, то есть, означаетъ внутреннюю часть крѣпости (осада, Кремль) и внѣшнюю ея часть (окологородье, предмѣстье, посадъ, мѣсто). Значеніе укрѣпленного пункта слово „городъ“ имѣетъ въ извѣстіи летописи о населеніи городовъ, о постройкахъ въ городахъ и т. д.; напримѣръ: Владиміръ „нача ставити города (огады, окрѣпленія) по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и поча нарубати мужи отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чюди и отъ Вятчъ, и отъ сихъ *насемъ грады*“ (укрѣпленные пункты); „въ городѣ церкви, княжій дворъ“ и т. д.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ понятія о городѣ, слово „городъ“ означаетъ всю территорію, принадлежащую данному укрѣпленному пункту народнаго поселенія, означаетъ понятія о территоріи общины, волости, княжества, земли, государства. Это значеніе слово „городъ“ имѣетъ въ извѣстіяхъ источниковъ о раздѣленіи городовъ между

сыновьями князей, о назначеніи въ города посадниковъ, намѣстниковъ и волостелей и проч.; напримѣръ: „вшедь Ярополкъ въ градъ Ольговъ, прія власть его“; „поручаю столъ брату вашему Изяславу Кіевъ, а Святполку даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславъ, а Игорю Володимерь, а Вечеславу Смоленскъ, и тако раздѣли имъ гради“ (волости, земли, княженія); здѣсь названіями пяти городовъ названа вся территория Русской земли; „лютъ граду (княжеству) тоу, въ немъ же князь унъ“ и т. д.

Сопоставленіе древнихъ значеній слова „городъ“ съ соотвѣтствующими ему словами другихъ народовъ доказываетъ, что понятіе словъ славянскаго „градъ“, греческаго πόλις, латинскаго civitas и германскаго Stadt развивалось по одному закону. Такъ, греческое πόλις первоначально имѣетъ значеніе укрѣпленія ¹⁾, затѣмъ — значеніе укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія ²⁾, и наконецъ — значеніе территоріи всей общины и всего государства ³⁾. Тѣ же значенія соотвѣтствуютъ въ древнихъ памятникахъ латинскому слову civitas и германскому слову Stat, Stad, Stadt. Латинскія выраженія „civitatem aedificare“, „civitatem construere“, „civitatem condere“, и германскія выраженія „Stat vestenen“, „Stat rauen (bauen)“, „Stad, Stadt machen“, означаютъ то же самое, что древне-славянское „срубить городъ“, „поставить городъ“, „построить городъ“, и пр. ⁴⁾. Затѣмъ, латинское civitas и германское Stat, какъ греческое πόλις и славянское „градъ“, означаютъ укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія ⁵⁾. Наконецъ, въ значеніи территоріи цѣлаго государства слово civitas встрѣчается у древнихъ писателей на каждомъ шагѣ, а слово Stat сохранило его до настоящаго времени въ Америкѣ и въ нѣсколько измѣненной формѣ: Staat — въ Германіи. Одинаковая исторія понятія, соотвѣтствовавшаго первоначально у различныхъ народовъ словамъ „городъ“, πόλις, civitas и Stadt, — фактъ несомнѣнный и въ высшей степени важный для науки. Если бы г. Леонтовичъ вдумался въ этотъ фактъ и попробовалъ объяснить себѣ его проис-

¹⁾ *Вакхмюль*, Hellenische Alterthumskunde, I, стр. 316, 317.

²⁾ См. Фукида, Пелопонесская война, кн. VI, гл. 3—5 и др.; Политика Аристотеля, кн. IV, гл. X, XI и др.

³⁾ См. Политика Аристотеля, гл. I и др.; *Проплеги*, т. III, стр. 17.

⁴⁾ См. *Maurer*, Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland, 1869 г., стр. 30, 44, 45.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 17; Тита Ливія, Исторія Римскаго народа, кн. I, гл. 8, 33, 38 и др.

хожденіе, не отклонилъ бы отъ себя этого труда подѣвидомъ неясности моего изложенія, то понялъ бы содержаніе моей книги, его значеніе для науки и отказался бы отъ своихъ строгихъ приговоровъ. Объяснить этотъ фактъ можно только способомъ такимъ и такъ, какъ это сдѣлано въ моей книгѣ. Одинаковое развитіе понятія, соответствовавшего въ древности у разныхъ народовъ словамъ: *pólis*, *civitas*, *Stadt* и „городъ“, не можетъ быть случайностью. Оно указываетъ на одинаковую форму первичныхъ поселеній Греческаго, Римскаго, Германскаго и Славянскаго народовъ ¹⁾.

Свои замѣчанія по поводу моего ученія о территоріальномъ значеніи слова „городъ“ въ древности г. Леонтовичъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вся бѣда въ томъ, что авторъ безусловно вѣрить въ научность и непогрѣшимость усвоеннаго имъ метода пользованія источниками, въ особенности лѣтописями, къ которымъ онъ относится на манеръ новѣйшаго юриста-практика, казуистически и пристрастно толкующаго въ Сводѣ Законовъ каждое положеніе, строку, слово, занятую“ (*Сб. Гос. Зн.*, стр. 39). Я никогда и нигдѣ не высказывалъ, что методъ разработки источниковъ, которому я слѣдую въ моихъ изслѣдованіяхъ, непогрѣшимъ; въ этомъ отношеніи дѣло не только въ методѣ, но также и въ умѣнны имъ пользоваться; я знаю, что ошибки могутъ быть и въ моихъ изслѣдованіяхъ, потому что безошибочные выводы при настоящемъ состояніи историко-юридической науки невозможны. Что же касается научности моего метода, то дѣйствительно, я его считаю вполне научнымъ; мало того, я убѣжденъ, что положительныхъ результатовъ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ возможно достигнуть только при посредствѣ приемовъ разработки источниковъ, принятыхъ мною. Г. Леонтовичъ любитъ касаться вопроса о методѣ. Въ первый разъ по этому поводу, онъ выступилъ противъ меня еще въ 1874 году въ своей статьѣ: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“. Поэтому и я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о содержаніи этой статьи (*Ж. Мин. Нар. Пр.* 1874 г., июнь, июль и августъ). Она начинается вступленіемъ, въ которомъ авторъ говоритъ о современномъ состояніи въ наукѣ вопросовъ о политическомъ бытѣ древней Россіи, и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части авторъ излагаетъ содержаніе господствующихъ въ литературѣ воззрѣній о политическомъ бытѣ Россіи въ до-монгольскій періодъ; во второй части онъ

¹⁾ Др. Гор. Росс., стр. 25, 47 и слѣд.

сводитъ всѣ воззрѣнія ученыхъ по сказанному предмету къ четыремъ теоріямъ, указываетъ два общіе недостатка этихъ теорій и предлагаетъ новыя понятія: рода, общины и государства; въ третьей части критикуются теоріи общественнаго быта древней Россіи при посредствѣ сопоставленія основаній ученій однихъ теорій съ основаніями ученій другихъ; заканчивается статья замѣткой о недостаткахъ современныхъ методовъ историческихъ изслѣдованій. Отсюда мы видимъ, что содержаніе статьи не соответствуетъ ея заглавію; въ ней ничего не говорится о понятіи задруги, ея юридическомъ значеніи, устройствѣ, управленіи и пр. Но за то содержаніе статьи г. Леонтовича вполне соответствуетъ содержанію моей статьи, напечатанной въ 1869 году также въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* (ноябрь), подъ заглавіемъ: „Современное состояніе въ наукѣ вопроса о государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ удѣльный періодъ русской исторіи“. Содержаніе той и другой статей составляетъ изложеніе литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта древней Россіи и критика этихъ воззрѣній. Основная мысль критики г. Леонтовича, ея главныя выводы и замѣтка о методѣ заимствованы изъ моихъ изслѣдованій, хотя авторъ нигдѣ не заявилъ объ этомъ ¹⁾. Но заимствовалъ изъ

¹⁾ Въ доказательство я сдѣлаю нѣсколько параллельныхъ выписокъ, относящихся къ самымъ существеннымъ вопросамъ. Обзоръ теорій политическаго быта въ Россіи удѣльнаго періода оканчивается въ моемъ изслѣдованіи слѣдующими выводами: «Почти всѣ существующія нынѣ теоріи заключаютъ въ себя долю достовѣрности; но эти теоріи односторонни, не точны и ведутъ къ построенію противорѣчащихъ другъ другу системъ русскаго права, въ чемъ удовлетворяетъ простое сопоставленіе этихъ теорій... Приведенныхъ образцовъ достаточно, чтобы осязательно безотрадную картину научныхъ изысканій, относительно начала, на которыхъ строится государственныя и общественныя отношенія Русскаго народа въ такъ называемый удѣльный періодъ. Изложеніе состоянія нашихъ понятій о древнемъ періодѣ русской жизни доказываетъ нагляднымъ образомъ ту шаткость и неудовлетворительность средствъ, которыми орудовать современная наука, ту неувѣрность результатовъ, которая является неизбежнымъ слѣдствіемъ недостаточности господствующаго метода историческихъ изысканій» (*Ж. М. Н. Пр.* 1869 г., ноябрь, стр. 58, 59, 106). Изъ этихъ выводовъ, неизменно изъяснимыя выраженіемъ, г. Леонтовичъ составилъ вступленіе своей статьи: «Въ настоящее время», говоритъ онъ, — «существуетъ въ нашей литературѣ нѣсколько политическихъ теорій, изъ которыхъ каждая отличается, въ большей или меньшей степени, научными достоинствами. Тамъ не менѣе, нельзя не сознаться, что ни одна изъ господствующихъ теорій не даетъ достаточно полного и удовлетворительнаго объясненія всей пестроты историческихъ явленій. Не будетъ большою ошибкой, если скажемъ, что большинство изслѣ-

моихъ изслѣдованій, такъ сказать, всю основу своей критики и составили изъ моихъ мыслей свою замѣтку о методѣ историческихъ изслѣдованій, г. Леонтовичъ, въпервыхъ, объявилъ меня современнымъ послѣдователемъ въ литературѣ, по его мнѣнію, старой политической теоріи, не имѣющей научнаго значенія въ настоящее время, и въвторыхъ, объявилъ мой методъ разработки историческихъ источниковъ не имѣющимъ никакого научнаго значенія.

дованій, касающихся вопроса о политическомъ строѣ древне-русской жизни, имѣетъ подъ собою теоретическую подкладку, верѣямо отличающуюся крайнею сбивчивостію и неточностію основныхъ научныхъ понятій (напримѣръ, хотя понятіе о родѣ, общинѣ, государствѣ и пр.), вѣстѣ съ евангическою односторонностію, неполнотой и недостаточностію самаго метода изслѣдованія» (*Ж. М. Н. Пр.* 1874 г., июнь, стр. 207).—Въ моей статьѣ указаны два общіе недостатка существующихъ теорій политическаго быта древней Россіи: 1, «недостатокъ фактическихъ основаній, искусственный подборъ историческихъ свидѣтельствъ подъ предвзятую теорію безъ научнаго анализа дѣйствительнаго содержанія этихъ свидѣтельствъ; 2, неопредѣленность современныхъ представленій въ отношеніи основныхъ политическихъ учрежденій въ древности» (*Ж. М. Н. Пр.*, 1869 г., ноябрь, стр. 82 и слѣд.). Та же недостатки выставляются и г. Леонтовичемъ, но называются у него схематизмомъ и путаницей элементарныхъ понятій: «Подъ напередъ составленную схему», говоритъ онъ, «подводили историческія явленія безъ всякой мысли о повѣрѣй самой схемы на фактахъ, а еще менѣе о выведеніи теоріи непосредственно изъ фактовъ. Ихъ толковали въ смыслъ данной схемы, рѣшались по принятой системѣ, вовсе игнорируя тѣ изъ фактовъ, которые не подходили подъ данную схему... Другой общій недостатокъ теорій—путаница въ самыхъ элементарныхъ научныхъ понятіяхъ. Таковыковы понятія о родѣ, роковой общинѣ или государствѣ и пр. Исслѣдователи находятъ возможнымъ сближать самыя непримиримыя и несходныя явленія и понятія» (*Ж. М. Н. Пр.* 1874 г., июль, стр. 121, 124).—Въ моей статьѣ сказано: «Обыкновенно изслѣдователи общественнаго быта древнихъ народовъ, задавшись тою или другою теоріей, толкуютъ народныя понятія данной эпохи не свободно, безпристрастно, а подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда въ томъ смыслѣ, какой болѣе подходитъ подъ теорію ихъ, подбирая тѣ мѣста источниковъ, гдѣ данныя слова имѣютъ смыслъ, подходящій подъ требованія предвзятыхъ теорій, и опуская свидѣтельства, имъ противорѣчащія. Исслѣдованіе точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ является въ современныхъ историко-юридическихъ сочиненіяхъ, когда авторъ находитъ это полезнымъ для поддѣрженія высказываемыхъ имъ воззрѣній въ отношеніи тѣхъ или другихъ началъ общественнаго быта» (*Ж. М. Н. Пр.* 1872 г., мартъ, стр. 1 и 2). Въ статьѣ г. Леонтовича читаемъ: «Старые историки держались метода схематическаго, состоящаго въ произвольномъ построеніи общаго взгляда, ученія или цѣлой теоріи съ механическимъ подвѣшеніемъ подъ данную схему историческихъ явленій, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному, внутреннему (а не одному вѣншнему) ихъ соответствію съ схемою, вообще безъ строгаго-научной критики и анализа данныхъ,

I. „Въ недавнее время“, говоритъ онъ, — „возрѣнія Карамзинской эпохи (до 40-хъ годовъ) почти цѣликомъ реставрированы г. Самоквасовымъ (Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія, въ *Ж. М. Н. Пр.* 1869 г., ч. 146), въ его теоріи чистой монархіи Кіевской и чистой демократіи Новгородской. Теорія г. Самоквасова есть не болѣе, какъ только нѣсколько подновленная, или

подвергаемая произвольнымъ объясненіямъ и толкованіямъ или вовсе отбрасываемыхъ, какъ ненужный хламъ, если они не подходятъ подъ принятую схему. Схематическій методъ не остался безъ значительнаго вліянія и на нѣкоторыя изъ современныхъ теорій. Таковы въ особенности личная теорія гг. Чичерина и Сергѣевича и государственная теорія г. Самоквасова. (*Ж. М. Н. Пр.* 1874 г., августъ, стр. 231).—Въ моей статьѣ сказано: «Ни методъ этимологической лингвистики, ни пріемъ смысла на данное мѣсто источника не могутъ быть признаны научными для возстановленія строя древне-Русскаго государства. Пріемъ этимологическій давно уже и многими признанъ неудовлетворительнымъ, часто ведущимъ къ ложнымъ заключеніямъ; второй же до сихъ поръ, сколько извѣстно, еще не подвергнутъ сомнѣнію, признается всѣми путемъ научнымъ, прямо ведущимъ къ истинѣ... Но если этимологія допускаетъ произволъ въ толкованіяхъ, то объясненіе понятія, выраженнаго источникомъ, способно къ этому еще болѣе. Нелѣзбѣ того второй пріемъ еще чаще и скорѣе можетъ повести къ искаженію истины, нежели первый, и слѣдовательно, еще болѣе ненуженъ и произволенъ» (*Ж. М. Н. Пр.*, 1869 г., ноябрь, стр. 64). Въ статьѣ г. Леонтовича читаемъ: «При разработкѣ вопросовъ фактическихъ долго господствовали въ историческихъ изслѣдованіяхъ два главные метода: этимологическій, ограничивавшійся разборомъ внѣшняго состава терминовъ и выраженій, которые встрѣчаются въ источникахъ, — и логическій, состоявшій въ разборѣ внутренняго смысла и содержанія понятій, заключающихся въ данныхъ мѣстѣ источника (логическое толкованіе источниковъ изъ самихъ себя). При дознанной произвольности и шаткости всякихъ этимологическихъ и логическихъ наведеній и соображеній, оба метода не могутъ быть признаны научными. Они ведутъ не къ формулированію и постановкѣ точныхъ научныхъ законовъ, а лишь къ гадательнымъ и произвольнымъ построеніямъ и выводамъ, рѣшительно бесполезнымъ въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій» (*Ж. М. Н. Пр.* 1874 г., августъ, стр. 231).—Въ моей статьѣ «О методѣ ученой разработки историческихъ источниковъ» сказано: «Методъ я слѣдую», говоритъ г. Погодинъ, — «постоянно одной — собирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, слѣчать ихъ между собою, объяснять и потомъ уже выводить, сколько можно математически, заключенія о его сущности и значеніи». Усвоивъ взглядъ на Несторову лѣтопись, какъ на памятникъ, дошедшій до насъ въ его первоначальномъ видѣ, г. Погодинъ не видитъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ восстановленію подлиннаго, первоначальнаго текста... Онъ выбираетъ изъ лѣтописи извѣстія о томъ или другомъ событіи, сравниваетъ ихъ и дѣлаетъ выводы, то-есть, начинаетъ съ большой критики, а не съ малой. При такомъ методѣ, пожалуй, можно, пользуясь только однимъ спискомъ Нестора, изъ

лучше, переведенная на современный литературный языкъ теорія Полеваго и особенно Рейца; отъ перваго онъ отличается почти лишь тѣмъ, что трактуетъ о Киевской чистой монархіи, тогда какъ, по ученію Полеваго, Киевское государство было феодальнымъ¹⁾. Предоставляю каждому изъ знающихъ нашу историческую литературу рѣшить вопросъ: возможно ли въ настоящее время одному ученому быть представителемъ всѣхъ ученыхъ до 40-хъ годовъ, то-есть, исповѣдывать ученіе, соединяющее въ себѣ такіа разнородныя политическія воззрѣнія на начала политическаго быта древней Россіи, какъ воззрѣнія Шлецера, Карамзина, Эверса, Рейца, Полеваго, Каченовскаго, Буткова, Шафарьна и др.? Я замѣчу только, что г. Леонтовичъ, трактующъ меня какъ такого представителя, ссылается на мою первую ученую работу, напечатанную въ 1869 году и имѣвшую только

сать разсужденія по русской исторіи и исторіи русскаго права... Къ сожалѣнію, новый взглядъ на достоинство свидѣтельствъ лѣтописи повредилъ нѣсколько не одного г. Погодина. Пропагандируя этотъ взглядъ въ теченіе десятиковъ лѣтъ съ кафедры Московскаго университета, нашъ неиститый ученый естественно имѣлъ вліяніе на своихъ слушателей. Новѣйшіе историки и правовѣды, болѣею частью бывшіе ученики г. Погодина, позабыли о недостаткахъ нашей лѣтописи, и каждое содержащее въ ней извѣстіе стали принимать чересчуръ доверчиво» (*Ж. М. Н. Пр.* 1873 г., декабрь, стр. 242). У г. Леонтовича читаемъ: «Г. Погодинъ, какъ извѣстно, создалъ математическій методъ, представляющій такую же крайность, какъ и методъ схематическій. Одно сведеніе и констатированіе фактовъ, при всей ихъ математической точности, еще не создаетъ науки. Это только чернорабочій трудъ, но еще не научный методъ, путемъ котораго наука созидаетъ свои выводы и законы. Притомъ г. Погодинъ ограничивается лишь констатированіемъ лѣтописныхъ фактовъ и этимъ самымъ, въ ущербъ своей прямой задачѣ, сильно ограничиваетъ кругъ своихъ размыслиній. Г. Погодинъ, вообще говоря, повиненъ въ нанесеніи наукѣ большого вреда своими воззрѣніемъ на лѣтопись, какъ какой-то непогрѣшимый сводъ законовъ, изъ котораго будто бы можно черпать разрѣшеніе всякихъ угодно научно-историческихъ вопросовъ. Не смотря на всю критичность, отрывочность и другіе недостатки нашихъ лѣтописей, особенно древнѣйшихъ эпохъ, г. Погодинъ, а за нимъ и другіе историки, ограничиваются въ своихъ изслѣдованіяхъ прежде всего и по преимуществу лѣтописными извѣстіями, и что самое главное—забываютъ, если въ нихъ не оказываются никакихъ слѣдовъ изучаемаго ими явленія, заключаютъ отсюда, не задумываясь, что и въ самой жизни не было искомаго явленія. Подобный пріемъ, напримѣръ, мы подѣтили выше въ теоріи г. Самковскаго, отрицающаго вѣковой бытъ древней Руси (кромя Новгорода) на томъ лишь основаніи, что лѣтопись не даетъ на него подробныхъ указаній» (*Ж. М. Н. Пр.* 1874 годъ, августъ, стр. 232).

¹⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1874 г., іюнь, стр. 208.

критическій характеръ. Я сопоставлялъ аргументацію новаго воззрѣнія на отношеніе народа къ князю въ древней Россіи съ аргументаціей воззрѣній по тому же предмету Неволнина—въ однихъ случаяхъ, и Вѣльева—въ другихъ, и старался доказать, что послѣдніи соотвѣтствуютъ большому количеству историческихъ фактовъ, нежели новое ученіе. Критикуя меня, какъ современнаго представителя всѣхъ ученій до 40-хъ годовъ, г. Леонтовичъ игнорировалъ мои изслѣдованія положительнаго характера, изъ которыхъ одно было напечатано за два года до появленія его критики, а другое за полгода. Въ критикѣ моего изслѣдованія о городахъ, критикъ упрекаетъ меня уже за еретичество въ отношеніи къ ученіямъ старой школы.

II. Я не знаю примѣра, гдѣ мысли критикуемаго сочиненія были бы такъ обезображены критикомъ, какъ это сдѣлалъ г. Леонтовичъ съ моими мыслями о методѣ разработки историческихъ источниковъ. Сущность моего ученія о методѣ состоитъ въ слѣдующемъ: При томъ характерѣ начальной русской лѣтописи и древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства, въ какомъ они дошли до нашего времени, истинное значеніе древнѣйшихъ политико-юридическихъ учреждений и отношеній Русскаго народа можетъ быть достигнуто только при непремѣнномъ соблюденіи критическихъ приѣмовъ ихъ ученой разработки, ведущихъ къ восстановленію: 1) истиннаго текста свидѣтельствъ источниковъ, 2) истиннаго смысла этихъ свидѣтельствъ, и 3) *досто-
вѣрности* свидѣтельствъ источниковъ:

1) Такъ какъ начальный сводъ русскихъ лѣтописей и древнѣйшіе памятники русскаго законодательства дошли до нашего времени не въ подлинникахъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ, со множествомъ позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ, описокъ и ошибокъ, то первую задачей историка-юриста въ отношеніи каждаго историческаго извѣстія должна быть задача—возстановить первоначальный, подлинный текстъ этого свидѣтельства, отдѣлить въ немъ древнѣйшее отъ новѣйшаго, очистить его отъ позднѣйшихъ вставокъ, поправокъ и ошибокъ. Къ этой цѣли ведетъ сопоставленіе и сличеніе различныхъ списковъ памятника. Но возстановленіе первоначальнаго подлиннаго текста памятника не всегда достаточно для истиннаго историческаго знанія.

2) Понятія древнихъ не тождественны съ нашими понятіями, а потому за рѣшеніемъ первой задачи въ отношеніи даннаго историческаго свидѣтельства должны слѣдовать рѣшенія другой задачи; должно узнать: слова и выраженія историческаго свидѣтельства, отношеніе котораго въ данной эпохѣ несомнѣнно, обозначаютъ ли совре-

женныя намъ понятія, или имъ соответствовали въ древности другія представленія. Рѣшеніе этого вопроса ведетъ къ восстановленію подлиннаго смысла историческихъ свидѣтельствъ; къ этой цѣли можно вести сопоставленіе различныхъ свидѣтельствъ, какъ одного памятника, такъ и другихъ источниковъ, въ которыхъ употребляются слова и выраженія, опредѣляющія содержаніе даннаго историческаго извѣстія. Если при этомъ сопоставленіи окажется, что извѣстное слово или выраженіе вездѣ сохраняетъ одинаковое значеніе, то оно можетъ быть понято въ этомъ значеніи и въ данномъ историческомъ свидѣтельствѣ; если въ разныхъ свидѣтельствахъ источниковъ одной эпохи данное слово или выраженіе обозначаютъ различныя понятія, то подлинный смыслъ даннаго свидѣтельства долженъ быть открытъ при посредствѣ общаго смысла историческихъ источниковъ; если жъ этого сдѣлать не возможно по недостатку источниковъ, то данное свидѣтельство теряетъ значеніе историческаго источника, не можетъ быть приводимо въ доказательство того или другаго воверѣнія до тѣхъ поръ, *пока новыя изысканія или новыя источники не выяснятъ ея дѣйствительнаго значенія*. Правильное употребленіе сказанныхъ приѣмовъ критики должно вести къ восстановленію подлинности текста и подлинности смысла историческихъ свидѣтельствъ, *къ восстановленію историческихъ фактовъ по понятіямъ составителей дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ*. Но и восстановленіе историческихъ фактовъ по понятіямъ составителей историческихъ источниковъ не всегда достаточно для восстановленія дѣйствительности, достовѣрности историческихъ явленій.

3) Если историки новѣйшаго времени вносятъ много невѣрнаго въ изложеніе политико-юридическихъ явленій и причинъ современной соціальной жизни народовъ, то древніе писатели вносили этой невѣрности еще болѣе, потому что не имѣли въ своемъ распоряженіи тѣхъ средствъ къ познанію истины, какими владѣютъ новѣйшіе историки. У нашихъ лѣтописцевъ замѣчается полное отсутствіе критическаго отношенія къ историческимъ событіямъ: вымыслы, сказки, невѣроятныя чудеса записываются ими рядомъ съ народными преданіями и историческими событіями, въ полномъ безпорядкѣ, въ которомъ не всегда легко отдѣлать истину отъ неправды, событіе отъ сказки. Отсюда—за восстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла источника должно слѣдовать для ученаго историка-юриста рѣшеніе третьей задачи, самой трудной: должно отдѣлать въ свидѣтельствѣ источника, подлинный текстъ и смыслъ котораго ужъ извѣстны, не-

вѣрное отъ дѣйствительнаго, сказки, вымыслы, поэтическія преданія отъ исторіи, *потъритъ самый источникъ*. Средствами ученому историкъ-юристу для этой высшей критики даннаго источника могутъ служить два положительныя орудія: во-первыхъ, сравнительное изученіе историческихъ памятниковъ древнихъ народовъ, и во-вторыхъ, сравнительное изученіе политико-юридическаго быта современныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ моей статьѣ „О методѣ разработки историческихъ источниковъ“ я поясняю эти мысли фактическими примѣрами, а необходимость предлагаемыхъ мною приѣмовъ критики источниковъ доказываю состояніемъ литературныхъ ученій, построенныхъ на свидѣтельствахъ источниковъ, не подвергнутыхъ посредствомъ предлагаемыхъ мною приѣмовъ критики.

Г. Леонтовичъ воспользовался цѣлымъ моимъ ученіемъ о методѣ для составленія собственной замѣтки объ этомъ предметѣ, а потомъ вырвалъ нѣсколько предложеній изъ моего ученія, нѣбующихъ значеніе только въ связи съ цѣлымъ, сопоставилъ эти предложенія такъ, чтобы они не имѣли логической связи между собою, и такимъ способомъ характеризовалъ все мое ученіе. „Г. Самохвостъ“, говорить онъ, — „предлагаетъ особый, компилятивный методъ изученія лѣтописей по составленному имъ рецепту, научающему, какъ слѣдуетъ пользоваться лѣтописями; на примѣръ, авторъ рекомендуетъ сличать однородныя свидѣтельства, сопоставлять различныя упоминанія одного и того же слова, считать дѣйствительнымъ только то, въ чемъ противорѣчія сходятся, отдавать предпочтеніе тому извѣстному, которое подтверждается достаточнымъ количествомъ свидѣтельствъ, — при невозможности соглашенія противорѣчій считать самое мѣсто лѣтописи потерявшимъ для науки значеніе источника и пр. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ наука можетъ двигаться впередъ, прочно создавая свои начала и законы только путемъ такихъ нехитрыхъ рецептовъ и методовъ, на дѣлѣ приводящихъ лишь къ результатамъ и выводамъ, лишеннымъ всякаго научнаго значенія, въ родѣ тѣхъ выводовъ, къ какимъ на основаніи своего же метода пришелъ г. Самохвостъ въ своемъ изслѣдованіи о монархіи Киевской и демократіи Новгородской X и XI вѣковъ“¹⁾. Методическіе приѣмы, выставленные г. Леонтовичемъ, дѣйствительно не хитры; но это не мои приѣмы; мои приѣмы—единственное средство поставить исторію права на степенъ положительнаго знанія.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1874 г., августъ, стр. 232.

Свою замѣтку о методѣ г. Леонтовича заканчиваетъ слѣдующими словами: „Въ интересахъ научной полноты изслѣдованій, догматическій анализъ требуетъ, кромѣ того, сравнительнаго изученія историческихъ явленій у различныхъ народовъ. Замѣтимъ наконецъ, что въ настоящее время болѣе и болѣе приживается въ историко-юридической наукѣ индуктивный методъ естественныхъ наукъ, хотя, съ другой стороны, несомненно, что этотъ методъ, самъ по себѣ, несовсѣмъ достаточенъ при изученіи явленій социальныхъ, требующихъ болѣе сложныхъ приѣмовъ и методовъ. Отъ историка въ особенности требуется не только индуктивность (?) изслѣдованія, но и дедуктивная повѣрка выводовъ и положеній общими теоретическими законами науки“¹⁾. Отступленіе отъ моего ученія о методѣ мы видимъ здѣсь только въ словахъ автора объ индуктивномъ и дедуктивномъ методахъ; но эти слова совершенно безсодержательны. Индуктивный методъ естественныхъ наукъ не можетъ привиться къ историко-юридической наукѣ; ему не можетъ слѣдовать историкъ-юристъ, потому что въ основаніи индуктивнаго метода лежатъ непосредственное наблюденіе и опытъ, то-есть, орудія невозможныя въ приложеніи къ изученію древнихъ политико-юридическихъ учрежденій. Точно также безсодержательна замѣтка автора о дедуктивномъ методѣ. Въ нашей наукѣ нѣтъ такихъ несомнѣнныхъ, всѣмъ признаваемыхъ общихъ законовъ, какими владѣють естественныя науки. Авторъ начинаетъ свою статью заявленіемъ, по которому у насъ существуетъ не наука, а безвыходный лабиринтъ различныхъ мѣтѣй по основнымъ вопросамъ науки. Слѣдовательно, наша наука состоитъ пока только изъ вопросовъ, а не изъ рѣшеній. Общіе законы развитія социальной жизни, конечно, существуютъ, но они намъ пока неизвѣстны; эти законы могутъ быть узнаны только при посредствѣ сравнительной разработки частныхъ фактовъ, а разработка такая только что начинается. Такъ называемые общіе законы социальнаго развитія, съ которыми встречаемся въ современной историко-юридической литературѣ, въ большинствѣ случаевъ основаны на вѣрѣ въ нихъ писателей, а не выведены изъ дѣйствительныхъ фактовъ исторической жизни народовъ. Такъ, напримѣръ, по ученію Эверса естественный родовой бытъ древне-Русскихъ Славянъ доказывается *общимъ закономъ* исторіи, по которому „родъ у всѣхъ народовъ предшествуетъ государству“²⁾. По

¹⁾ Ж. М. II. Пр. 1874 г., августъ, стр. 232, 233.

²⁾ Древ. Пр. Руссовъ, стр. 1 и 2.

ученію г. Лешкова, напротивъ того, „общинность, какъ исходный пунктъ нашей исторіи, доказывается *эмпирическимъ закономъ* всей исторіи, которая всегда и вездѣ начинается *общиною*“ ¹⁾. По ученію Грановскаго, общій законъ всей исторіи указываетъ не на естественный родъ и не на территориальную общину, а на фиктивное, *родовое государство*, какъ на первоначальную форму социальнаго быта всѣхъ народовъ“ ²⁾. Укажу другой примѣръ. Г. Леонтовичъ опровергаетъ всѣ существующія въ литературѣ ученія о началахъ политическаго быта древнихъ Руссовъ при посредствѣ изобрѣтеннаго имъ закона развитія социальныхъ формъ. На основаніи этого закона, „родъ есть первичная социальная форма и организація фیزیологическаго элемента въ обществѣ; община есть вторичная форма и организація элемента территориальнаго; государство есть третичная форма и организація элемента связующаго“ ³⁾. По этому закону, далѣе, государства на Руси не было не только въ кievскій періодъ, но и въ московскую эпоху, да и „большинство современныхъ государствъ еще слишкомъ номинально, слишкомъ напоминаютъ территориальную общину, чѣмъ государство въ истинномъ смыслѣ этого слова“ ⁴⁾. Я имѣю основаніе считать эти опредѣленія вытекающими не изъ „теоретическихъ законовъ науки“, а только изъ фантазій автора, и признавать ихъ противорѣчащими основнымъ научнымъ понятіямъ о государствахъ.

Если мы, на основаніи сказаннаго, выбросимъ въ замѣткѣ г. Леонтовича о методѣ разработки источниковъ его замѣчанія объ индуктивномъ и дедуктивномъ методахъ, какъ непригодныя для нашей науки, то въ ней останется—какъ показано выше—только перефразировка моихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Это лучшее оправданіе моему методу по отношенію къ критикѣ г. Леонтовича.

Дальнѣйшая критика г. Леонтовича, направленная противъ второй части введенія къ моему изслѣдованію, представляетъ собою еще болѣе произвола, нежели разсмотрѣнное нами начало. За вышеприведенною замѣткою о ненаучности моего метода изслѣдованій критикъ мой продолжаетъ: „Руководясь подобнымъ методомъ, авторъ построилъ смѣлую гипотезу о томъ, что въ московскую эпоху русскіе города превратились въ мѣста жительства высшихъ лицъ, привле-

¹⁾ Русскій народъ и государство, стр. 90.

²⁾ Грановскій, Сочиненія, I, стр. 142—147.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1874 г., июль, стр. 127.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1874 г., июль, стр. 149.

гированныхъ классовъ, въ групы служилыхъ, военныхъ людей, приписанныхъ къ укрѣпленнымъ пунктамъ для ихъ защиты, и въ нихъ жившихъ" (Сб. юс. зн., стр. 39 — 40). Затѣмъ, слѣдуютъ четыре выписки изъ моей книги, имѣющія цѣлю показать, что въ моемъ сочиненіи доказывается слѣдующее: 1) *въ московскій періодъ есть города были населены исключительно привилегированными классами* („въ московскій періодъ города были военно-административные пункты, населенные лицами высшихъ классовъ, служилыми и привязными людьми"; „служилые люди сдѣлались непремѣнными жителями укрѣпленныхъ пунктовъ, военныхъ центровъ, городовъ"); 2) *промышленные классы жили въ московскую эпоху въ поселеніяхъ сельскихъ* („классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были вытѣснены изъ городовъ и селились въ городскіе укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора"); 3) *посады московской эпохи—это поселеніе, изолированное отъ города, поселеніе сельское* („классы торговые и ремесленные жили преимущественно въ городовъ „на посадахъ", не имѣвшихъ значенія городовъ") (Сб. юс. зн., 40). „Гипотеза г. Самоквасова", заключаетъ г. Леонтовичъ, — „рѣшительно не оправдывается фактами и показываетъ только малое знакомство автора съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Откуда авторъ узналъ, что въ русскихъ городахъ XVI и XVII столѣтій жили только высшіе классы, какъ непремѣнные жители городовъ, а классы неслужилые были вытѣснены изъ городовъ людьми служилыми? Факты, напротивъ, говорятъ совсѣмъ иное. Авторъ ссылается на писцовую Бѣлозерскую книгу 1674 г. и на книги разрядныя. Вотъ что говорить Бѣлозерская книга... Въ городѣ живетъ воевода, запечный мастеръ, казенные сторожа и посадскіе люди въ значеніи дворниковъ; городскихъ жильцовъ, кромѣ воеводскаго двора, показано всего 16 человѣкъ. Затѣмъ вся „осыпь" занята церквами, разными военными и административными учрежденіями, осадными дворами, лавками и амбарами. Населеніе города сосредоточено на посадѣ (515 дв. съ 1119 жит.); тутъ живутъ люди привязные, духовные, посадскіе и пр. Что касается разрядныхъ книгъ, то и онѣ нисколько не подтверждаютъ выводовъ нашего автора касательно состава московскихъ городовъ. Простыя перечисленія городовъ со служилыми людьми еще ничего не значатъ" (Сб. юс. зн., 40—41).

Это уже не непониманіе содержанія критикуемаго сочиненія, не ошибка, а умышленное его искаженіе, потому что г. Леонтовичъ въ выпискахъ изъ моей книги нарочно пропустилъ *есть выраженія, ука-*

звѣдающія, что въ моемъ ученіи о городѣ московской эпохи посады и кремль соединены въ одною понятію города, какъ его составныя части. Въ тѣхъ мѣстахъ моей книги, изъ которыхъ подобраны г. Леонтовичемъ вышеприведенныя цитаты, говорится слѣдующее: Древнерусскій городъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, заключалъ въ себѣ двѣ части: 1) мѣсто внутри укрѣпленія, городъ собственно, кремль, „городская осада“, и 2) заселенныя мѣстности, лежавшія непосредственно за укрѣпленіемъ, внѣ его, называвшіяся мѣста, предмѣстья и посады. Осада-кремль и посады-предмѣстье соединялись въ одною понятію города, подобно тому, какъ въ настоящее время въ понятіи города соединяются понятія о центральной части города и его предмѣстьяхъ. Населеніе городовъ древнѣйшей эпохи представляло собою массу людей безразличную въ сословномъ отношеніи. Горожане были воинами, купцами, ремесленниками и земледѣльцами. Съ образованіемъ на Руси служилого сословія, рядомъ со старыми городами, на границахъ государственной территоріи появляются города, населенные исключительно служилыми людьми. Въ концѣ XVII вѣка въ разрядныхъ книгахъ изъ 120 городовъ, вѣдавшихся въ разрядномъ приказѣ, упоминается 35 городовъ, населеніе которыхъ состояло исключительно изъ служилыхъ людей. Всѣ такіе города вновь основаны московскимъ правительствомъ (они перечислены въ моей книгѣ). Ко времени московскаго періода измѣнилось и значеніе старыхъ городовъ въ отношеніи характера населенія. Въ московской Россіи внутри городскихъ укрѣпленій, въ кремлѣ, жили только лица служилого, военнаго сословія, духовенство и приказные люди, и помѣщались учрежденія, имѣвшія общегосударственное значеніе; классы промышленные, торговые, ремесленные люди и земледѣльцы-крестьяне были вытѣснены изъ городовъ и селились внѣ городскихъ укрѣпленій, образуя посады, слободы, села, деревни и хутора; внѣ городскихъ укрѣпленій помѣщались и мѣстныя, общинныя учрежденія. Такимъ образомъ древне-русскіе города, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, не имѣли того значенія, какое придано имъ законодательствомъ новаго времени (Др. гор. Росс., 45 — 47). Въ другомъ мѣстѣ въ моей книгѣ говорится: „Каждый изъ древне-русскихъ городовъ, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія, то-есть, въ понятіи, заключавшемъ въ себѣ понятія осады и посады, какъ составныя части, имѣлъ тройное значеніе: 1) значеніе центра военной администраціи, 2) значеніе центра гражданской администраціи, и 3) значеніе пункта обществен-

ной жизни. Въ качествѣ военнаго центра городъ былъ пунктомъ помѣщенія военныхъ учреждений и мѣстомъ жительства лицъ, принадлежавшихъ къ военному сословію; въ качествѣ центра администраціи гражданской городъ является мѣстомъ помѣщенія учреждений гражданского управленія и мѣстомъ жительства приказныхъ людей, вѣстей гражданскихъ; въ качествѣ центра общественной жизни городъ былъ мѣстомъ жительства общины, лицъ неслужащихъ, принадлежавшихъ къ промышленнымъ классамъ, и мѣстомъ помѣщенія общинныхъ учреждений. Въ періодъ Московскаго государства мѣстомъ пребыванія лицъ служилого сословія, военныхъ и приказныхъ людей сдѣлалась внутренняя часть города, осада, мѣсто внутри укрѣпленія, а промышленные классы сосредоточились на внѣшней части города, внѣ ограды, на посадахъ" (Др. гор. Росс., 63—64). Вотъ подлинный текстъ моего ученія о значеніи городовъ московской эпохи. Оно не противорѣчитъ существующимъ въ наукѣ понятіямъ о значеніи городовъ въ различныя эпохи русской исторіи и доказывается не только многими историческими свидѣтельствами, но даже всѣми историческими памятниками, извѣстными подъ именами лѣтописей и историческихъ актовъ.

Для доказательства перваго, я сошлюсь на ученіе С. М. Соловьева, который занимался изученіемъ вопроса о составѣ населенія древнерусскихъ городовъ преимущественно передъ всѣми нашими историками. О значеніи русскихъ городовъ въ различныя историческія эпохи г. Соловьевъ говоритъ слѣдующее: 1) о городахъ древнѣйшей эпохи, до Рюрика: „Города Славянскихъ племенъ были ничто иное, какъ огороженные села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ" ¹⁾; 2) о городахъ эпохи Рюриковичей (до смерти Мстислава Торонца): „Существенную часть города составляли собственно городъ, огороженное стѣпами пространство; въ послѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія; въ городахъ жила дружина; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане... Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленныхъ, людей промышленныхъ разнаго рода, встрѣчаемъ извѣстіе о смердахъ въ городахъ" ²⁾; 3) о городахъ московской эпохи: „Всѣ русскіе города были похожи другъ на друга. Въ серединѣ самый городъ, то-есть, крѣпость. Въ городѣ со-

¹⁾ Исторія Россіи съ древ. временъ, I, стр. 67, 255 (изд. 1866 г.).

²⁾ Ист. Росс., т. III, стр. 36 (изд. 1857 г.).

борная церковь, сызжая или приказная изба, гдѣ сидитъ воевода, судить и радить, передъ которою быють на правехъ неисправныхъ плательщиковъ; зубная изба для уголовныхъ дѣлъ, казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма одна или нѣсколько, святительскій дворъ, воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ которые они перѣзжаютъ во время непріятельскаго нашествія. За стѣною посады; здѣсь большая площадь, гдѣ въ торговые дни ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ. На площади земскан изба, средоточіе мірскаго управления, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ посадскими людьми, юстинный дворъ, таможня, кружечный дворъ, конская изба; далѣе идутъ дворы тѣмныхъ людей" ¹⁾. Итакъ, по ученію г. Соловьева, въ эпоху Рюриковичей въ составѣ населенія древнихъ городовъ-крѣпостей является дружина, служилый классъ; въ эпоху Московскаго государства внутри города находимъ уже только правительственныя учрежденія и дворы служилаго класса помѣщиковъ и вотчинниковъ; внѣ города, на посады—промышленные классы и общинныя земскія учрежденія То-есть, сказанное въ моемъ изслѣдованіи о характерѣ городовъ-крѣпостей московской эпохи вполне согласуется съ ученіемъ глубокаго знатока нашей старины этого періода. Слѣдовательно, моя будто бы „смѣлая гипотеза“ о значеніи городовъ московской эпохи не представляетъ собою ничего новаго и смѣлаго, а повторяетъ то, что давно ужъ извѣстно историкамъ, знакомымъ съ нашими историческими памятниками. Вотъ почему, высказывая свое воззрѣніе на составъ населенія городовъ московской эпохи и считая его безспорнымъ, я не находилъ нужнымъ подтверждать его ссылками на свѣдѣтельства источниковъ. Только въ одномъ мѣстѣ къ выраженію: „внѣ городскихъ укрѣпленій помѣщались и общинныя земскія учрежденія“, то-есть, для доказательства, что не внутри городскихъ стѣнъ, а внѣ ихъ, на посадахъ, помѣщались общинныя учрежденія, сдѣлавъ у меня ссылка на два акта, помѣщенные въ Актахъ Юридическихъ, подъ №№ 231 и 229 (последній въ моей книгѣ, по опискѣ или опечаткѣ, помѣченъ № 230). По поводу этой ссылки критикъ мой опять дѣлаетъ большую несправедливость. Въ своей цитатѣ изъ моей книги онъ опустилъ приведенное выраженіе, и вынося такимъ образомъ получила совсѣмъ иное значеніе, явилась относящаяся не къ общиннымъ учрежденіямъ, а къ составу населенія городовъ московской

¹⁾ Ист. Росс., т. XIII, стр. 96 (изд. 1863 г.).

эпохъ, о которомъ въ моей книгѣ говорится выше. Послѣ того г. Леонтовичъ высказываетъ, что актъ, на который сдѣлана у меня ссылка (Писцовая Бѣлозерская книга 1674 г.), вовсе не доказываетъ что въ Бѣлозерѣ жили только служилые люди, что тамъ, рядомъ съ дворами внутри города, перечисляется 515 дворовъ на посадѣ, принадлежавшихъ различнымъ людямъ. Но гдѣ же въ моей книгѣ доказывается противное? По поводу втораго акта моей ссылки г. Леонтовичъ замѣчаетъ слѣдующее: „Авторъ далѣе ссылается на другую Бѣлозерскую писцовую книгу (сезовую) 1585 г.; но здѣсь нѣтъ ни слова о городѣ, — отрывокъ писцовой книги, на который ссылается авторъ, заключаетъ только описъ села Богословскаго, принадлежащаго къ волости Залгорье“. Дѣйствительно, въ моей книгѣ номеръ акта указанъ не вѣрно: вѣсто № 229 указанъ № 230. Каждый ученый знаетъ, что при печатаніи книги, снабженной такою массою смысловъ, какъ мое сочиненіе (382), очень трудно избѣжать опески или опечатки въ означеніи номеровъ актовъ и страницъ книгъ, на которыя сдѣланы ссылки. Но кто-жъ изъ серьезныхъ ученыхъ критиковъ, подъ предлогомъ подобныхъ ошибокъ и опечатокъ, обходитъ сущность дѣла? Г. Леонтовичъ, читая актъ подъ № 230, не могъ не замѣтить на той же страницѣ акта подъ № 229, а замѣтивъ его, онъ долженъ былъ прійти къ тому заключенію, что это именно тотъ актъ, на который я ссылался въ моей книгѣ. И дѣйствительно, на страницѣ 45, онъ говоритъ о посадѣ г. Муромъ и ссылается на актъ № 229. А если г. Леонтовичъ зналъ этотъ актъ, то онъ не дорожилъ истиной, указывая на опеску въ моей выноскѣ, какъ на выноску фальшивую, и подъ этимъ предлогомъ обогатилъ актъ № 229, столько же подтверждающій сказанное въ моей книгѣ, какъ и актъ подъ № 231.

Г. Леонтовичъ приписалъ моей книгѣ не существующую въ ней гипотезу съ тою цѣлью, чтобы подъ предлогомъ ея критики высказать собственную гипотезу о значеніи русскихъ городовъ въ московскую эпоху.

Мы должны познакомиться съ содержаніемъ этой гипотезы. По увѣренію г. Леонтовича, „мы имѣемъ массу неоспоримыхъ свидѣтельствъ, убѣждающихъ насъ въ томъ, что въ судьбѣ нашихъ городовъ *до новѣйшаго времени* не произошло никакихъ существенныхъ переменъ, что служилые классы никогда не вытѣсняли изъ городовъ людей неслужилыхъ, что въ огромномъ большинствѣ древне-русскихъ городовъ ни тѣ, ни другіе вовсе не были „непремѣнными“ и по-

стоянными жильцами, и что, наконецъ, основной типъ большинства древне-русскихъ городовъ, не только княжескаго, но и московскаго періода, былъ, въ сущности, дѣла, тотъ же самый, какой, напримеръ, 1. Гильбердингъ находитъ въ устройствѣ древне-славянскихъ городовъ VIII—X столѣтій, то-есть, типъ укрѣпленнаго пункта, нежизлаго въ мирное время и заселяемаго лишь при вторженіи непріятелей. Такой типъ, за весьма немногими исключеніями, удерживали наши города чуть ли не до начала прошлаго столѣтія, когда дѣйствительно произошла радикальная переиѣна въ судьбѣ русскихъ городовъ.... Такое значеніе имѣли города и городки—Печерники, Корела, Шуя, Дѣмонъ, Муромъ, Вѣлозеро, Ладога и др.... Значеніе такихъ остроговъ съ осадными дворами имѣли всѣ новые города—Воронежъ, Орелъ, Тамбовъ, Тула, Харьковъ, Самара, Саратовъ и проч., учреждавшіеся въ XVI и XVII столѣтія, какъ сторожевые пункты на русскихъ окраинахъ противъ Татаръ, Ногайцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ, постоянно тревожившихъ юго-восточныя границы Московскаго государства. Всѣ такіе городки состояли изъ острога, собственно крѣпости, и изъ посада со слободами, населенными по большей части людьми служилыми" (*Сб. юс. зн.*, 42—46). Эти цитаты доказываютъ, что авторъ совершенно незнакомъ съ историческими памятниками удѣльнаго и московскаго періодовъ нашей исторіи и вообще съ предметомъ, о которомъ говорить съ такою увѣренностію. „Массу неоспоримыхъ и непреложныхъ“ свидѣтельствъ, приведенныхъ г. Леонтовичемъ въ доказательство, что русскіе города, за немногими исключеніями, не только удѣльнаго, по и московскаго періодовъ, были необитаемые острожки, составляютъ нѣсколько выписокъ изъ писцовыхъ книгъ, содержаніе которыхъ своеобразно понято авторомъ. Въ Вѣлозерской писцовой книгѣ 1674 г. мы видимъ полное подтвержденіе сказаннаго въ моей книгѣ о значеніи русскихъ городовъ московской эпохи ¹⁾. Городъ Вѣлозеро состоитъ изъ двухъ.

¹⁾ «И всею въ городѣ на Вѣлозерѣ: церковь соборная деревянная, а другую церковь вновь строить каменную, да мѣсто пустое церковное; да дворъ воеводской, да мѣсто дьяческое; приказная изба, губная изба, тюрьма да сторожня, погребъ съ пороховою и свинцовою казною; губная старая изба, пишутъ въ ней площадное писмо; да мѣсто дворовое преосвященнаго Симона, архіепископа Вологодскаго и Вѣлозерскаго, на томъ мѣстѣ живутъ въ трѣхъ избахъ посадскіе люди 8 человекъ; дворъ владѣчнаго мастера, людей въ немъ 3 чел.; два двора съѣзжіе, избами сторожей, людей въ нихъ 5 чел.; дворъ монастырскій да два мѣста монастырскихъ же; два мѣста полчищиковъ; 31 мѣсто дворовыхъ, что были прежде

частей: 1) внутренней, гдѣ помѣщаются правительственныя учрежденія и лица, въ которой нѣтъ ни одного посадскаго двора; гдѣ только 8 человѣкъ посадскихъ, да и тѣ живутъ въ качествѣ дворовыхъ архіерея, и 2) внѣшней, посада, гдѣ живетъ промышленное населеніе, и помѣщаются земскія учрежденія. Внѣшняя и внѣшняя части города составляютъ собою укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія, гдѣ мы находимъ болѣе 500 дворовъ и болѣе 1000 постоянныхъ жителей. Какимъ же образомъ городъ Вѣлоозеро можно причислить къ необитаемымъ островамъ? Г. Леонтовичъ достигаетъ этой цѣли тѣмъ, что приводитъ содержаніе акта въ сокращеніи, то-есть, такъ сказать, своими словами, выбрасываетъ изъ него все, что противорѣчитъ его воззрѣнію, а приведенному имъ даетъ своеобразное пониманіе и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Въ городѣ живетъ

сею осадныя дворы разныхъ чиновъ людей, а нѣтъ острожки остродами, да четыре лавки пусты, да площадь таможенная и лавочныя и амбарныя пустыя мѣста; да 11 колодезей; да три пруда. Да на Вѣлѣ же оверъ, за городомъ, на посадѣ, церковь каменная, да осьмнадцать церквей деревянныхъ, да 8 мѣстъ дворовыхъ и огородныхъ владѣютъ къ церквамъ; да государевъ рыбной дворъ, гдѣ на обиходъ великаго государя собираютъ оброчную рыбу и денежную казну; дворъ рыбнаго двора начальныхъ людей на приваждъ; тамошня; гостинъ дворъ; кружечный дворъ; земская изба, 49 лавокъ, да 13 лавокъ съ чуланами, да 5 мѣстъ лавочныхъ, да 4 кузницы, да подлѣ Вѣлоозера на берегу 4 амбара, 6 дворовъ да 5 мѣстъ дворовыхъ, съѣзжія избѣ и рыбнаго двора подъячихъ, а людей въ нихъ 21 чел.; 17 дворовъ и дворовыхъ мѣстъ поповскихъ пятиглавыхъ, да они жѣ владѣютъ тяглыми пятью дворами да четырьмя дворовыми и огородными мѣстами, а въ тѣхъ дворахъ протопопъ да 17 поповъ да 2 дьякона да два вдовы попадья, а у нихъ дѣтей и братья 38 чел.; да 7 чел. дѣтей же и братья съ посаженными людьми въ тяглы; 6 дворовъ да 5 мѣстъ дворовыхъ понастирскихъ, а на тѣхъ дворахъ и на мѣстѣхъ въ дворникахъ живутъ посадскіе люди 6 чел., кормятся черною работою; 17 дворовъ да 13 мѣстъ дворовыхъ и огородныхъ каменщицкихъ и кирпичниковыхъ, а людей въ нихъ 88 чел.; 3 двора приставовыхъ, а людей въ нихъ 9 чел.; приставовыя дворы съ посаженными людьми въ живущее сошное шено не положены, а положены на нихъ денежный оброкъ по прежнему, по гривнѣ съ двора, потому что они у государева дѣла въ розсыльѣ. Въ городѣ же на Вѣлоозерѣ и на посадѣ посадецкихъ торговыхъ и которые кормятся черною работою и рыбною ловлею и площадныхъ подъячихъ и приставовъ, которые изъ посаженыхъ людей и тягло платятъ съ посаженными людьми и нововыводныхъ поповыхъ дѣтей, и Москвитъ суконной сотни тягловыхъ, 228 дворовъ... А людей въ тѣхъ дворахъ 771 чел... Въ городѣ же на Вѣлоозерѣ и на посадѣ посаженыхъ же людей старыхъ и узачныхъ и которые бродятъ въ мирѣ и вдовныхъ и пустыхъ 112 дворовъ, а людей въ нихъ 189 чел..»

воевода, заплочный мастеръ, казенные сторожа и посадскіе люди въ значеніи дворниковъ, городскихъ жильцовъ, кромя воеводскаго двора, показано всего 16 человекъ" (Об. юс. эк., 41). Но впервыхъ, при изученіи количества населенія и значенія русскихъ городовъ московской эпохи, должно имѣть въ виду не однѣ писцовыя книги, а также и разрядныя; писцовыя книги имѣютъ финансовое значеніе, имѣли цѣлью опредѣлить количество лицъ податнаго состоянія въ данномъ городѣ, а чрезъ то и количество государственныхъ доходовъ, получаемыхъ съ этого города. Количество лицъ служилаго сословія опредѣлялось не писцовыми книгами, а разрядными, съ содержаніемъ которыхъ г. Леонтовичъ, очевидно, совершенно незнакомъ. Въ разрядной книгѣ 1616 года читаемъ: „На Вѣль-оверѣ воевода Иванъ Васильевъ сынъ Головинъ, да дьякъ Лука Владиславлевъ, а съ нимъ съ головою съ Иваномъ Ушаковымъ 140 человекъ стрѣльцовъ“¹⁾. Вторыхъ, г. Леонтовичъ представляетъ себѣ городъ Бѣлоозеро только въ смыслѣ „осыпи“ земля, что подобно тому, если бы мы, говоря о Петербургѣ, представляли себѣ только Петропавловскую крѣпость, не разумѣя подъ нимъ частей Адмиралтейскихъ, Казацкой, Спасской, Васильевской, Выборгской и т. д., вообще всего того, что составляетъ Петербургъ, за исключеніемъ Петропавловской крѣпости. Къ необитаемымъ островамъ г. Леонтовичъ причисляетъ далѣе городъ Шую, о которомъ говоритъ онъ слѣдующее: „Такой же точно составъ имѣлъ городъ Шуй, какъ видно изъ писцовой книги Вѣкова 1629 г.“ Въ писцовой книгѣ Вѣкова 1629 г. читаемъ слѣдующее: „Дѣта 7137 іюля въ 29 день, писцы Аванасій Ивановъ Вѣковъ, да подъячій Селиверстъ Ивановъ, пріѣхавъ съ Шую, съ осыпи писали и мѣряли дворы: боярскіе, дворянскіе и дѣтей боярскихъ и монастырскіе и мѣста пустыя и на посадѣ писали и мѣряли дворы посаженныхъ людей и ихъ дѣтей и братіи, и племянниковъ, и во дворѣхъ людей поименно, и дворы пустыя и огородныя пустыя мѣста и посадную землю, что имъ дана на выпускъ, и бобыльскіе дворы, и что нынѣ въ Шуѣ посадскихъ лучшихъ, среднихъ и молодыхъ людей и бобылей и нищихъ“²⁾. Этотъ актъ опять совершенно подтверждаетъ сказанное въ моей книгѣ о значеніи городовъ московской эпохи: городъ состоитъ изъ внутренней и вѣншей частей; въ осыпи или внутренней части находимъ дворы боярскіе, дворян-

¹⁾ Книги разрядныя, т. I, стр. 180.

²⁾ Описаніе гор. Шуй, *Борисова*, стр. 278.

скіе и дѣтей боярскихъ и монастырскіе; во вѣншей части, на посадѣ, сосредоточено промышленное населеніе; вѣнсть обѣ части составляютъ городъ Шую, въ которомъ пожаръ въ 1640 г. сгорѣло 83 двора ¹⁾, принадлежавшихъ постоянному населенію города, гдѣ акты XVII вѣка перетисляютъ слѣдующія улицы, въ осмы: Пищальную и Покровскую улицы; на посадѣ: Заболотскую, Воскресенскую, Загостиніе и Никольскую и Козлигинъ и Взорновскій или Воеводскій переулокъ ²⁾. Назвать этотъ городъ необитаемымъ въ мирное время острожкомъ никакъ не возможно. Точно также нельзя назвать острожкомъ и Муромъ XVII столѣтія. Въ первомъ томѣ „Городскихъ поселеній“, на который указываетъ авторъ, находитъ слѣдующее: „По устройству своему древній Муромъ былъ сходенъ съ другими стародавними городами. Собственно городъ составляла вѣрность... тамъ укрывались отъ угрожавшей опасности не только жители города, но и ближайшихъ селеній, для чего устроены были въ немъ 88 разныхъ такъ называемыхъ осадныхъ дворовъ. Вторую часть города составлялъ посадъ, гдѣ строились частные дома гражданъ, мѣста для склады товаровъ, торжища и проч.; посадъ этотъ дѣлился на концы и улицы, означавшіе отдѣльныя общины разныхъ поселенцевъ“ ³⁾. Слѣдовательно, и здѣсь мы видимъ полное подтвержденіе сказаннаго въ моей книгѣ; кремль или осмы, внутренняя часть Мурома, не составляетъ поселенія, отдѣльнаго отъ посада; кремль и посадъ соединены въ одною понятію города, который представляютъ собою укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія. Ладога, Корела, Дѣмонъ, подобно Вѣлоозеру, Шуѣ и Мурому, являются даже по выпискамъ изъ писцовыхъ книгъ, сдѣланныхъ г. Леонтовичемъ, укрѣпленными пунктами народнаго поселенія, городами, состоящими изъ двухъ частей: внутренней — кремля, и вѣншей — посада; во внутренней помѣщаются правительственныя учрежденія и живутъ служилые люди, на посадѣ помѣщаются общинныя учрежденія, дворы промышленныхъ классовъ и загородные дворы служилыхъ людей.

Не вѣрно воззрѣніе г. Леонтовича и въ отношеніи состава населенія новыхъ городовъ, построенныхъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ на юго-востокѣ Россіи. Не всѣ изъ этихъ городовъ были населены только

¹⁾ Тамъ же, стр. 14; ср. стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 31 и 32.

³⁾ Город. поселенія, т. I, стр. 288.

служилыми людьми. Въ первомъ томѣ „Городскихъ поселеній“, на который ссылается авторъ (стр. 419, 422), мы ничего не нашли въ подтвержденіе его воззрѣнія; писцовыя же и разрядныя книги, напротивъ того, противорѣчатъ ему. По указанію этихъ источниковъ, города Воронежъ, Орелъ, Тула, Харьковъ и проч., то-есть, именно города, указанные для примѣра авторомъ, являются въ XVII вѣкѣ населенными не только служилыми, но и промышленными людьми. Такъ, на примѣръ, по писцовой книгѣ, въ городѣ Воронежѣ въ 1666 году было, кромѣ служилыхъ людей, 227 человекъ посадскихъ и 28 дворянковъ (Воронежск. акты, т. I, стр. 131). Въ Орлѣ, по описи 1679 года, показано 655 служилыхъ людей и 104 человека посадскихъ (Ист. Росс., *Соловьева*, т. XIII, Прилож.). Въ Тулѣ, по описи 1668 года, показано всего населенія 1036 человекъ; изъ нихъ посадскихъ людей 333 чел. (тамъ же). Въ Харьковѣ, по описи 1668 года, показано дѣтей боярскихъ 56, казаковъ-Черкасъ полковой службы 1070 человекъ и пашенныхъ Черкасъ 1023 чел. (тамъ же) и т. д.

Г. Леонтовичъ въ XVI и XVII вѣкахъ считаетъ городами, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народныхъ поселеній, только 14 городовъ, а въ другомъ мѣстѣ своей статьи — только 8 городовъ. Это очень грубая ошибка, доказывающая, что онъ повздорилъ съ вопросами о значеніи русскихъ городовъ московской эпохи только при посредствѣ писцовыхъ книгъ, которыхъ напечатано до настоящаго времени очень немного, и по которымъ, слѣдовательно, не возможно составить себѣ точнаго понятія о количествѣ городовъ русскихъ въ московскую эпоху. Только этимъ мы можемъ объяснить необыкновенно страшный, противорѣчащій всѣмъ памятникамъ нашей исторіи, слѣдующій выводъ г. Леонтовича: городами „можно считать въ это время лишь Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Ростовъ, Владиміръ и Суздаль, то-есть, только старѣйшіе территориальныя и политическія центры, стольные грады, къ которымъ тянули отдѣльныя земли и волости“ (*Сб. юс. зн.*, 51). „Типъ“ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія „имѣли въ XVI и XVII столѣтіи весьма немногіе города... Новгородъ, Псковъ и Вятка; Кіевъ, Черниговъ и Переяславль; Владиміръ, Суздаль и Ростовъ; Москва, Ярославль, Переяславль-Рязанскій, Кострома, Казань и еще немногіе города, которые могутъ быть названы пунктами поселенія сплоченныхъ общинъ, и которые сколько-нибудь выдѣлялись изъ остальной массы городовъ-укрѣпленій“ (*Сб. юс. зн.*, 48). Количество русскихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія до-татарскаго

времени опредѣлено въ моей книгѣ въ нѣсколько тысячъ (Др. гор. Росс., гл. I) на основаніи многихъ и точныхъ свидѣтельствъ источниковъ; это количество *должно* допустить безъ какихъ-бы то ни было оговорокъ или должно опровергнуть собранные мною факты. Затѣмъ, въ моей книгѣ указаны факты нашей исторіи, объясняющіе причины, по которымъ число древне-русскихъ городовъ во время образованія Московскаго государства уменьшилось до количества нѣсколькихъ сотъ. Эти факты не только не разобраны г. Леонтовичемъ, но даже не затронуты. Сохранившіеся памятники московскаго періода даютъ возможность точно опредѣлить количество укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія московской эпохи. Предположеніямъ здѣсь не можетъ быть мѣста, потому что существуетъ много списковъ городовъ этой эпохи, не подлежащихъ никакому оспариванію. На основаніи указаній Книги Вольшаго Чертежа, разрядныхъ книгъ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ и другихъ памятниковъ, Невольинъ составилъ общій списокъ городовъ московской эпохи; въ которомъ ихъ исчислено около 450. Это были не острожки, а города съ постояннымъ населеніемъ, состоящіе изъ кремля и посада. До настоящаго времени въ наукѣ и жизни острожкомъ называлось временное укрѣпленіе съ не постояннымъ населеніемъ, въ количествѣ нѣсколькихъ человѣкъ; городомъ назывался укрѣпленный пунктъ съ постояннымъ населеніемъ, жившимъ у городской стѣны и внутри ея; г. Леонтовичъ предлагаетъ измѣнить эту терминологию и называть острожками такіе пункты населенія въ древности, какъ Бѣлоозеро, Муромъ, Шуя и т. д., имѣвшіе постоянное населеніе въ количествѣ отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Едва ли нужно въ наукѣ такое измѣненіе понятій, совершенно противорѣчащее терминологіи историческихъ источниковъ и современному языку.

О слѣдующей за введеніемъ первой главъ моего сочиненія г. Леонтовичъ даетъ слѣдующее слѣдующее заключеніе: „Глава о количествѣ городовъ древней Россіи можетъ считаться лучшею частью сочиненія г. Самоквасова. Здѣсь онъ стоитъ по преимуществу на строго фактической почвѣ, не вдается въ построеніе произвольныхъ и не доказанныхъ гипотезъ. Авторъ довольно убѣдительно доказываетъ, что въ старое время на Руси существовали тысячи, а не сотни городовъ, какъ думаютъ другіе историки“ (Об. юс. зн., 158). Такимъ образомъ, даже по сознанію критика, первая глава моего сочиненія вполне достигла своей цѣли; она доказала тезисъ, выставленный въ ея на-

часть слѣдующаго содержанія: „Новѣйшіе историки насчитываютъ около 350 городовъ въ Россіи до-татарскаго времени, мы находимъ ихъ въ тотъ же періодъ нѣсколько тысячъ“ (Др. гор. Росс., стр. 74). Самъ по себѣ этотъ результатъ моего изслѣдованія очень важенъ для каждаго ученаго, ищущаго въ наукѣ исторической истины. Но г. Леонтовичъ съ этимъ не согласенъ; ему хотѣлось бы отнять у моего сочиненія и это достоинство. За приведеннымъ отзывомъ онъ продолжаетъ: „Положимъ, что были даже не тысячи, а десятки, сотни тысячъ городовъ, но какихъ? простыхъ ли укрѣпленій, городовъ-осадъ, или укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія? Объ этомъ весьма капитальномъ вопросѣ авторъ не обмолвился ни однимъ словомъ“ (Сб. юс. зн., стр. 58). Объ этомъ вопросѣ говорится въ моей книгѣ почти на каждой страницѣ: „Предметомъ исторіи древне-русскаго города должны быть не исключительные центры администраціи и не исключительные центры городской промышленности (какихъ не было въ древнѣйшей Россіи), а города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ или центровъ народнаго поселенія“ (Др. гор. Росс., стр. 73). Этимъ выводомъ заканчивается вводная часть моего сочиненія, за которою непосредственно слѣдуетъ заглавіе первой главы изслѣдованія: „Количество городовъ Россіи до-татарскаго времени“. Само собою разумѣется, что въ этой главѣ я собралъ только тѣ историческія извѣстія, которыя указывали на города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія. Мнѣ не было никакой надобности при каждомъ историческомъ извѣстіи повторять, что оно относится къ городу, въ смыслѣ укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія. Г. Леонтовичъ, по своему обыкновенію, прочелъ только начало главы; по крайней мѣрѣ, въ своей критикѣ онъ ни слова не говоритъ о второй ея половинѣ; а между тѣмъ здѣсь, во второй половинѣ, собраны у меня доказательства, не оставляющія никакого сомнѣнія, что приведенныя въ первой половинѣ главы свидѣтельства о древне-русскихъ городахъ изъ лѣтописей, древнихъ актовъ и иностранныхъ писателей, а также сохранившіяся городища, относятся именно къ городамъ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія, а не къ простымъ укрѣпленіямъ (Др. гор. Росс., 108—124). На страницѣ 59-й г. Леонтовичъ замѣчаетъ: „Не смотря на открытія г. Самокусова, вопросъ о количествѣ городовъ, въ существѣ дѣла, остается въ прежнемъ положеніи“. Иначе сказать, по мнѣнію критика, для исторіи все равно — существовали ли въ древнѣйшей Россіи 300 или 3000 городовъ.

Разбирая уставныя грамоты Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, приведенныя въ моей книгѣ для доказательства, что количество городовъ, существовавшихъ въ Смоленской области, не исчерпывалось городами, упоминаемыми въ лѣтописяхъ, г. Леонтовичъ замѣчаетъ: „Авторъ допускаетъ явныя ошибки. Такъ, онъ причисляетъ города Мстиславль и Изяславль къ мѣстностямъ, упоминаемымъ въ первой грамотѣ, что совершенно не вѣрно. Не вѣрно также, что определяется количество дани съ Изяслава: оно только упоминается въ третьей грамотѣ. Мы указываемъ на эти ошибки, чтобы показать, съ какимъ вниманіемъ г. Самовасовъ относится къ памятникамъ“ (Сб. юс. зн., 59). Первое обвиненіе справедливо; дѣйствительно, „выраженіе „въ первой грамотѣ“ поставлено въ моей книгѣ ошибочно вмѣсто выраженія „въ третьей грамотѣ“; но для сущности дѣла (то-есть, для доказательства, что поселенія, упоминаемыя въ трехъ Ростиславовыхъ грамотахъ, суть города, за исключеніемъ селъ Дросенскаго и Лесепскаго) рѣшительно все равно въ первой или въ третьей грамотѣ упоминаются Мстиславль и Изяславль, потому что эти грамоты относятся къ одному времени; менѣе строгій критикъ не обратилъ бы вниманія на эту опіску. Что же касается второй ошибки, то я не понимаю, въ чемъ состоитъ разница между выраженіями: „въ третьей грамотѣ определяется количество дани съ Изяслава“ и „въ третьей грамотѣ упоминается количество дани съ Изяслава“. Въ грамотѣ говорится: „а се погородѣ отъ Мстислава... отъ Крупя... а Изяслава... а се у Торопца“.... Вообще, обвиненія г. Леонтовича, направленные противъ моей неосторожности въ обращеніи съ историческими памятниками, сами по себѣ доказываютъ противное. Очевидно, критикъ принужденъ останавливаться на опіскахъ и опечаткахъ, потому что не могъ отыскать въ моемъ сочиненіи ошибокъ болѣе существенныхъ.

По поводу тѣхъ же грамотъ г. Леонтовичъ замѣчаетъ: „Авторъ утверждаетъ, что грамоты Ростислава даютъ указанія на существованіе въ Смоленской области уже въ половинѣ XII столѣтія до пятидесяти городовъ, хотя по лѣтописямъ извѣстно не болѣе десяти.“ Мы позволимъ себѣ рѣшительно усумниться въ вѣрности подобнаго вывода. Главный его доводъ (высказанный, впрочемъ, еще Бѣляевымъ) состоитъ въ томъ, что многія мѣстности первой грамоты платятъ дани одинаковыя и даже большія сравнительно съ данью городовъ. Но количество дани еще немного значить“ (Сб. юс. зн., 59). Затѣмъ, критикъ приступаетъ къ собственному объясненію Ростиславовыхъ

грамотъ, по которому упоминаемыя въ нихъ мѣстности были не города, а округи. Объясненіе это совершенно голословно, но не противорѣчитъ выводу, моего изслѣдованія, потому что въ древности города были и центрами округовъ. Выводъ же моего изслѣдованія основанъ не на количествѣ дани, а на слѣдующихъ доказательствахъ, о которыхъ умалчиваетъ мой критикъ: „Намъ кажется, не только Врочницы, Хотинецъ и Жабочевъ (города, по мнѣнію Бѣляева) должны быть причислены къ городамъ, но всѣ мѣстности, перечисленныя въ Ростиславовыхъ грамотахъ, кромѣ Дросенскаго и Ясенскаго, прямо отличаеваемыхъ въ грамотѣ отъ остальныхъ мѣстностей и названныхъ селами. Вотъ тому, по нашему мнѣнію, неопровержимыя доказательства: 1) Въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа Смоленскаго, въ уставныхъ грамотахъ поминуются: Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль, но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани, Торопецъ, Копысь, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль не отличались отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: „у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы“, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ грамотѣ пунктовъ поселенія. 4) Шесть изъ перечисленныхъ въ первой грамотѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами“ (Др. гор. Росс., 87 — 88). Слѣдовательно, между моими доказательствами количество дани не имѣетъ значенія ни единственнаго, ни главнаго доказательства.

На стр. 61—62 г. Леонтовичъ замѣчаетъ: „Еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Самоквасова о томъ, что къ городамъ *должны быть* отнесены до 50-ти мѣстностей Новгородской области, перечисленныхъ въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава 1137 г.“. Но я и не говорилъ, что эти мѣстности *должны быть* отнесены къ городамъ. Въ моей книгѣ сказано: „*Не должны ли быть* причислены къ городамъ до 50-ти мѣстностей Новгородской области, перечисленныя въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава“ (Др. гор. Росс., 88).

На страницѣ 63-й г. Леонтовичъ говоритъ: „Авторъ нисколько не доказалъ, что иностранцы говорятъ о городахъ именно въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ самъ авторъ“ (какъ же я ихъ понимаю?). „Почему не допустить, что „Гардариккія“ сагы была страной горо-

ковъ-крѣпостей" (я именно такъ и понимаю древній городъ). Этими фразами г. Леонтовичъ отстраняетъ себя отъ критики собранныхъ мною свидѣтельствъ иностранныхъ писателей о количествѣ городовъ въ древнѣйшей Россіи.

На той же страницѣ критикъ говорить: „Мы не будемъ разбирать въ подробностяхъ вопросъ о городищахъ, какъ чисто археологическій" (Сб. юс. зн., 63). Г. Леонтовичъ прекрасно сдѣлалъ, что не остановился на подробностяхъ вопроса о городищахъ. Нѣсколько общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ имъ по этому предмету, вполне доказываютъ, что въ этомъ вопросѣ онъ совершенно не свѣдуецъ. Такъ, г. Леонтовичъ приурочиваетъ къ рѣшенію вопроса о значеніи городищъ извѣстіе нашей лѣтописи: „Творяху кладу велику, и возлажаху и на кладу мертвеца, сожжаху, а по семъ собравше кости, вложашу въ судину малу и поставляху на столпъ на путехъ". Но каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ археологіей, извѣстно, что адѣсь подъ словомъ „столпъ" разумѣется не городище, а курганъ, могила; г. Леонтовичъ замѣчаетъ далѣе, что въ славянскихъ памятникахъ слово „столпъ" стоитъ въ связи съ словами „твердь", „осишь", также „градъ" (любопытно было бы найти хоть одно такое мѣсто въ славянскихъ памятникахъ); онъ утверждаетъ также, что „названіе кургановъ и городищъ могилами доселѣ сохранилось въ Малороссіи": а шесть лѣтъ производилъ археологическія изслѣдованія въ Малороссіи и не знаю такой мѣстности, гдѣ народъ называлъ бы городища могилами и т. д.

Ошибается г. Леонтовичъ и въ своемъ мнѣніи объ отношеніи вопроса о городищахъ только къ археологін. Свѣдушіе новѣйшіе ученые смотрятъ на отношенія археологін къ исторіи и исторіи права съ другой точки зрѣнія, нежели г. Леонтовичъ. Г. Вестужевъ-Рюминъ считаетъ изученіе городищъ и кургановъ важнѣйшимъ пособіемъ для изученія исторіи¹⁾. Г. Романовичъ-Славатинскій, по поводу археологической части въ моемъ изслѣдованіи, замѣчаетъ слѣдующее: „Въ работѣ г. Самоквасова мы замѣчаемъ присутствіе археологическаго элемента, съ которымъ мы не привыкли встрѣчаться въ изслѣдованіяхъ историко-юридическихъ. Но можно ли винить это ученому юристу въ вину, когда только при помощи археологін могутъ быть возсозданы нѣкоторыя учрежденія" ²⁾. Въ новѣйшемъ сочиненіи

¹⁾ Русская Исторія, I, стр. 157 и слѣд.

²⁾ Кіев. Универс. Извѣст., 1874 г., № 2, стр. 96.

г. Иловайскаго читаетъ слѣдующее: „Запасъ современныхъ *историческихъ источниковъ* можетъ расширяться научными раскопками. И въ послѣднее время онъ дѣйствительно началъ расширяться, благодаря особенно раскопкамъ Д. Я. Самоковсова“ ¹⁾. Мое новѣйшее изслѣдованіе „о древнихъ земляныхъ насыпяхъ и ихъ значеніи для науки“ можетъ убѣдить г. Леонтовича, что вопросъ о городищахъ и курганахъ въ настоящее время интересенъ не только для археолога и историка, но и для ученаго юриста ²⁾.

Разборъ первой главы моего труда критикъ заключаетъ упреками, направленными противъ кажущейся ему неполноты моего изслѣдованія. Онъ утверждаетъ, что мнѣ должно было коснуться вопроса о территориальномъ распредѣленіи городовъ въ древней Россіи, и повторять существующія въ литературѣ мнѣнія по этому вопросу. Дѣло въ томъ, что я не имѣю обыкновенія строить разсужденія, основанныя на предположеніяхъ, для фактическаго же рѣшенія этого вопроса у насъ до настоящаго времени не имѣлось матеріаловъ. Въ лѣтописяхъ упоминается всего нѣсколько сотъ городовъ, тогда какъ мое изслѣдованіе доказало, что ихъ было нѣсколько тысячъ. При неполнотѣ лѣтописныхъ указаній разсужденія по этому вопросу могутъ привести къ невѣрнымъ выводамъ и предположеніямъ. Въ настоящее время собранъ громадный матеріалъ о мѣстонахожденіи городищъ со всего пространства Европейской Россіи, который, по соглашенію, состоявшемуся на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, разрабатывается совокупными трудами нѣсколькихъ ученыхъ, и безъ сомнѣнія, приведетъ къ положительному рѣшенію интереснаго вопроса о территориальномъ распредѣленіи городовъ въ древней Россіи.

Критику первой главы моего сочиненія г. Леонтовичъ оканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Авторъ *долженъ былъ* (?) изслѣдовать вопросъ о томъ, вездѣ ли и всегда была ли необходимость въ городахъ, и тогда уже строить общую теорію, общій взглядъ. Оттого-то у него и вышла слишкомъ однообразная картина быта, картина, на которой обозначены лишь общій фонъ съ едва замѣтными очертаніями предметовъ, лишенныхъ жизненной силы, стоящихъ внѣ всякихъ условій времени и мѣста“ (Сб. юс. зн., 69). Но развѣ мое раз-

¹⁾ Разысканія о началѣ Руси, стр. 423.

²⁾ См. сборникъ *Древн. и Нов. Россія*, 1876 г., ММ 3 и 4. часть охс, отд. 2.

сужденіе о *количествѣ* городовъ имѣло цѣлю нарисовать картину быта, показать ихъ внутреннюю жизнь?

Критику второй главы моего сочиненія г. Леонтовичъ начинаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Здѣсь, что ни положеніе, то и возникаетъ рядъ сомнѣній, недоразумѣній и спорныхъ пунктовъ“ (*Сб. юс. зн.*, 69). Сказанное до сихъ поръ о характерѣ критики г. Леонтовича достаточно доказываетъ, что при его приѣмахъ легко сдѣлать ясное темнымъ и безспорное—спорнымъ. „Авторъ“; продолжаетъ г. Леонтовичъ,—„не вполне ясно и отчетливо представляетъ себѣ сущность родового быта и тѣ условія, которыя поддерживали его существованіе въ теченіи болѣе или менѣе продолжительныхъ эпохъ народной жизни“ (*Сб. юс. зн.*, стр. 70). Но гдѣ же въ моей книгѣ говорится о сущности родового быта и объ условіяхъ, поддерживавшихъ его существованіе?

Первая часть второй главы моего сочиненія имѣла цѣлю указать на общій характеръ древне-славянскихъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, на отношеніе историческихъ свидѣтельствъ о количествѣ городовъ-крѣпостей у древнихъ Славянъ къ рѣшенію вопроса о началахъ общественной организаціи Русскихъ Славянъ въ эпоху до призванія Рюрика и на необходимость новыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, направленныхъ къ рѣшенію вопроса о времени первоначальнаго появленія городовъ у Русскихъ Славянъ. Но эти три вопроса, существенные для истинной оцѣнки научнаго значенія предложенной мною теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи, игнорированы моимъ критикомъ. Вмѣсто разбора этихъ существенныхъ вопросовъ, г. Леонтовичъ строитъ фантастическую теорію, безъ всякихъ доказательствъ, „о сущности родового быта древнихъ Славянъ“. Толкуи объ этой сущности, г. Леонтовичъ высказываетъ не менѣе фантастическую теорію, также вполне безъ доказательствъ, „о различномъ значеніи города на разныхъ ступеняхъ народной культуры“, не касаясь указаннаго въ моей книгѣ ихъ общаго характера, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Вопросъ... заключается въ томъ, что такое былъ городъ въ ту или другую историческую эпоху (повтореніе моего вопроса на стр. 41), и каковы условія его первичнаго появленія и дальнѣйшаго его развитія и существованія (повтореніе моего вопроса на стр. 145 и сл.). Не выяснивъ такихъ условій (?), авторъ, естественно, долженъ былъ неправильно и одно-сторонне объяснять историческія данныя, приводимыя имъ въ под-

крѣпленіе его теоріи развитія городовъ и другихъ формъ народныхъ поселеній* (Сб. юс. зн., 77).

Соотвѣтственно такому заявленію, г. Леонтовичъ старается замаскировать, что въ моемъ изслѣдованіи вопросъ объ условіяхъ появленія и развитія древне-русскихъ городовъ стоитъ на первомъ планѣ, что изученіе такихъ условій составляетъ исходный пунктъ моей теоріи развитія народныхъ поселеній въ Россіи. Сообразно этому же заявленію, г. Леонтовичъ не изложилъ содержаніе моей теоріи и ея аргументацію, а выхватилъ изъ нея нѣсколько отдѣльныхъ фразъ и подвергъ эти фразы своей критикѣ, какъ будто это — главные основанія моей теоріи. Существенное содержаніе моей теоріи историческаго развитія народныхъ поселеній въ Россіи состоитъ въ слѣдующемъ: До настоящаго времени (то-есть, до появленія въ печати моей теоріи) всѣ наши ученые въ рѣшеніи вопроса о времени появленія у Русскихъ Славянъ городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ поселеній, исходили изъ воззрѣнія, по которому Русскіе Славяне первоначально жили разсѣянно, въ хуторахъ; съ теченіемъ времени изъ хуторовъ, путемъ разростанія населенія, образовались села, изъ соединенія селъ образовались города¹⁾. Обращаясь къ аргументаціи этой теоріи, мы видимъ, что она опирается только на кажущуюся естественность такого порядка. Ея послѣдователи просто повторяютъ голословное заявленіе Карамзина объ этомъ предметѣ, какъ аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Но знаніе дашнаго физическаго или соціальнаго явленія мы можемъ считать прочнымъ только въ томъ случаѣ, если мы знаемъ условія, вызывающія и сопровождающія это явленіе, когда мы можемъ сказать, что это явленіе не можетъ быть инымъ, потому что обусловливается такимъ-то закономъ, такою-то причиною. Между тѣмъ въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія, ни одной замѣтки, посвященныхъ изученію условій первоначальнаго заселенія Россіи Славянами. Съ другой стороны, существующія въ литературѣ мнѣнія о времени первоначальнаго соединенія селъ въ города у Русскихъ Славянъ основаны исключительно на свидѣтельствахъ нашей лѣтописи, которыя допускаютъ различные толкованія, а слѣдовательно, не имѣютъ зна-

¹⁾ См. *Соловьева*, Ист. Росс., т. I, стр. 67, т. XIII, стр. 4 и 5; *Кавелина*, Сб. Соч., т. I, стр. 325; *Лотожаровъ*—въ *Вист. Евр.* 1870 г., кн. XI, стр. 27; *Баллель* въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1848 г., стр. 160; *Лешкова*, Русск. Народъ и Государство, стр. 121, 131.

ченія прямыхъ свидѣтельствъ, положительныхъ и безспорныхъ. Но извѣстія нашей древнѣйшей лѣтописи — не единственный источникъ нашего знанія въ отношеніи соціальныхъ явленій жизни древне-Русскихъ Славянъ. Къ положительному знанію могутъ вести также изученіе косвенныхъ указаній лѣтописи и сравнительное изученіе историческихъ явленій.

На основаніи сказаннаго, для положительнаго рѣшенія вопроса о времени появленія городовъ у Русскихъ Славянъ могутъ быть полезны изысканія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) изученіе порядка заселенія Славянами новыхъ земель и условій появленія у нихъ городовъ на глазахъ исторіи, когда этотъ порядокъ и эти условія засвидѣтельствованы несомнѣнными историческими свидѣтельствами; 2) изученіе порядка заселенія не славянскими народами новыхъ земель и условій появленія у нихъ городовъ, засвидѣтельствованныхъ несомнѣнными историческими свидѣтельствами; 3) приложеніе результатовъ этихъ изслѣдованій къ объясненію лѣтописныхъ свидѣтельствъ о порядкѣ первоначальнаго заселенія восточной половины Европы Славянами и условій этого заселенія.

I. Изученіе, засвидѣтельствованныхъ несомнѣнными историческими данными порядка заселенія Русскимъ народомъ новыхъ земель и условій появленія русскихъ городовъ въ этихъ земляхъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Въ мѣстахъ, не заселенныхъ или заселенныхъ не Русскимъ народомъ, первоначально возникали города въ смыслѣ укрѣпленныхъ поселеній. 2) Съ увеличеніемъ количества русскихъ городовъ во вновь занятой мѣстности, съ укрѣпленіемъ ея границъ, съ учрежденіемъ пограничной стражи, спустя значительный промежутокъ времени послѣ первоначальнаго появленія русскихъ городовъ въ этой странѣ, начинаютъ появляться тамъ сельскія поселенія въ смыслѣ изолированныхъ отъ городовъ, не укрѣпленныхъ селъ, деревень и хуторовъ. 3) Сельскія поселенія возникаютъ сначала вблизи городовъ, чтобы можно было, при нападеніи врага, поскорѣ укрыться въ стѣнахъ города, и удаляются отъ городовъ по мѣрѣ уменьшенія опасности, грозившей со стороны сосѣднихъ народовъ. 4) Способъ заселенія новыхъ земель Русскимъ народомъ обусловливался тѣми опасностями, какія грозили первымъ поселеніямъ отъ враждебныхъ нападеній сосѣднихъ народовъ. — Для доказательства сказанныхъ положеній я указалъ въ моей книгѣ на способъ заселенія Русскимъ народомъ Азіатской Россіи, юга, юго-востока и востока

Европейской Россіи, засвидѣтельствованный историческими актами (Др. гор. Росс., стр. 146 и слѣд.).

II. Сравнительное изученіе исторіи развитія поселеній у различныхъ древнихъ и новыхъ народовъ приводитъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ привело насъ изученіе исторіи заселенія Русскими народами Сибири, юга, юго-востока и востока Европейской Россіи. Всѣ народы осѣдлаго состоянія, занимая новую страну, селятся въ ней всегда при посредствѣ городовъ-крѣпостей. Переселенцы, если ихъ небольшое число, избираютъ въ новой странѣ удобный пунктъ, укрѣпляютъ его, то-есть, превращаютъ въ городъ, и селятся группой; если же переселенцевъ большое число, такъ что въ одномъ пунктѣ поселиться неудобно, то они раздѣляются на нѣсколько группъ, и каждая группа строитъ собственный городъ-крѣпость. Спустя значительный промежутокъ времени, различный по различію мѣстностей и развитія общественности, когда переселенцы утвердятся въ новой странѣ построеніемъ многихъ городовъ одного политическаго союза, въ промежуткахъ между городами появляются села, деревни и хутора, заселенные этимъ народомъ.—Для доказательства сказаннаго я указалъ въ моей книгѣ на способъ заселенія въ древнѣйшую эпоху побережій и острововъ Средиземнаго и Чернаго морей выселками изъ Финикій, Греціи, Карфагена и Рима и на заселеніе Америки Европейцами въ новое время ¹⁾.

III. Обращаясь затѣмъ къ изученію историческихъ извѣстій о характерѣ первоначальной колонизаціи Русскихъ Славянъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Условія первоначальнаго поселенія Русскихъ Славянъ въ предѣлахъ современной Россіи соотвѣтствуютъ условіямъ, при которыхъ всегда и у всѣхъ народовъ появляются города въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Русскими Славянами называются народы, переселившіеся съ бассейновъ рѣкъ Дуная и Вислы въ бассейны рѣкъ Днѣпра, Двины и Волхова, мало по малу разросшіеся здѣсь, покорившіе туземцевъ и своимъ соединеніемъ подъ властью князей Рюриковичей образовавшіе Русское государство. До прихода Русскихъ Славянъ, бассейны Днѣпра, Двины и Волхова были заняты различными наро-

¹⁾ Др. гор. Росс., стр. 151; ср. Фукидада Пелопон. война, кн. VI, §§ 2—5; Геродотъ, кн. IV, гл. CXLVII, CLIII; Страбона, Географія, кн. III, стр. 271, 311 и др.; Виблія, Книга Іисуса Навина, глава XIII и слѣд.; Тацитъ, Сочиненія, Жизнь Юлія Агриппы, гл. XIV, XVI, XX, XXII и другія; Робертсона, Исторія Америки т. I, кн. IV, т. II, кн. VII; Гомера, Илиада, п. II и др.

дами родственными и не родственными пришельцамъ, известными въ источникахъ подъ общими именами Скифовъ, Литовцевъ и Финновъ. Движеніе Русскихъ Славянъ съ запада на востокъ въ количественномъ отношеніи не было подобно движеніямъ изъ Азии въ Европу кочующихъ народовъ. Послѣдніе двигались массами; Русскіе Славяне, напротивъ того, переселялись, сравнительно, незначительными группами; если же къ переселенію понуждались они въ значительныхъ массахъ, то эти массы раздѣлялись на группы, и каждая группа искала мѣста для новаго поселенія отдѣльно отъ другой. Иначе не можетъ быть понятно, иначе и не понималъ никто изъ ученыхъ классическія мѣста нашей лѣтописи о размещеніи Славянъ по рѣкамъ Моравѣ, Вислѣ, Днѣпру, Припяти, Деснѣ, Сулѣ, Сейму, Двинѣ, Полотѣ, Волхову, Сожѣ и Ожѣ. Были ли Славяне на Дунаѣ осѣдлыми или кочевыми народами — объ этомъ вопросѣ различные ученые думаютъ различно. Но несомнѣнно, что на новыхъ мѣстахъ поселенія, въ самомъ началѣ, они являются народами осѣдлыми, въ смыслѣ народовъ, живущихъ постоянно на однихъ мѣстахъ. Наша лѣтопись точно указываетъ первоначальные пункты поселенія различныхъ племенъ Русскихъ Славянъ; на этихъ пунктахъ мы встрѣчаемъ ихъ и въ историческое время. Занимая опредѣленные пункты для своего поселенія, Славяне должны были прибѣгнуть къ универсальному средству защиты этихъ пунктовъ, то-есть, къ построенію городовъ-крѣпостей, которые защищали бы эти пункты отъ враждебныхъ нападеній. Опасности же грозили новымъ поселеніямъ со всѣхъ сторонъ. Вопервыхъ, туземцы не могли относиться пассивно къ новымъ поселенцамъ въ ихъ странахъ: Славяне должны были мало по малу пробиваться сквозь нихъ, отнимать у нихъ землю, бороться съ ними. Вторыхъ, мѣста, или заплаты, съ глубокой древности служили широкою дорогою для воинственныхъ и торговыхъ сношеній запада Европы съ азіатскими народами, какъ свидѣлствуютъ всѣ историческіе памятники, начиная съ Геродота и кончая нашею лѣтописью. Наконецъ, третьихъ, сами переселенцы не жили мирно между собою, какъ свидѣлствуютъ арабскіе писатели и наша лѣтопись. Слѣдовательно, внѣшнія условія первоначальнаго поселенія Русскихъ Славянъ въ предѣлахъ современной Россіи были вполне подобны тѣмъ условіямъ, при которыхъ всѣ народы историческаго времени заселяли новыя страны посредствомъ городовъ.

2) Выходя изъ необходимо изъ общаго закона исторіи поселеній осѣдлыхъ народовъ въ новыхъ странахъ, первоначальный способъ за-

селенія мѣстностей современной Россіи Русскими Славянами при посредствѣ городовъ подтверждается прямыми и косвенными свидѣтельствами нашей начальной лѣтописи, если мы не будемъ придавать этимъ свидѣтельствамъ произвольныхъ толкованій. Въ прямыхъ свидѣтельствахъ принадлежатъ слѣдующія: 1) Указаніе на время построенія Новгорода, который, по прямому смыслу сказанія лѣтописи, основанъ при первоначальномъ поселеніи Славянъ на берегахъ озера Ильменя: „Словѣни“ же сѣдоша около озера Ильмери, прозвашася своимъ именемъ и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новгородъ“ ¹⁾. 2) Указаніе на время построенія города Кіева; родоначальниками племени Полянъ лѣтопись называетъ трехъ братьевъ Кія, Щека и Хорива; по прямому смыслу лѣтописи, эти родоначальники Полянъ „створиша градъ и во имя брата своего старѣйшаго нарѣкоша имя ему Кіевъ“ ²⁾. О Кіѣ передаетъ лѣтопись и другое, для насъ важное сказаніе. Желая переселиться на Дунай, онъ въ самомъ началѣ построилъ тамъ городокъ, но былъ изгнанъ туземцами: „приде къ Дунаеву, волюбилъ мѣсто и сруби градоу малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущіе, еже и доннѣ наричуть Дунайцы городище Кіевецъ“ ³⁾. — Къ косвеннымъ свидѣтельствамъ источниковъ о первоначальномъ поселеніи Русскихъ Славянъ при посредствѣ городовъ принадлежатъ слѣдующія: 1) Указанія лѣтописи на способъ заселенія Русскими Славянами новыхъ земель въ эпоху Рюриковичей. Напримѣръ, въ 1181 году, Новгородцы, переселившіеся на рѣку Каму, при первоначальномъ поселеніи основали тамъ два города ⁴⁾. 2) Отсутствие въ источникахъ указаній на существованіе у Русскихъ Славянъ сельскихъ поселеній не только въ эпоху до Рюрика, но и въ эпоху первыхъ Рюриковичей, до XI столѣтія, въ связи съ указаніемъ источниковъ на существованіе у нихъ въ это время множества городовъ. Фактъ существованія нѣсколькихъ тысячъ городовъ въ Россіи до-татарскаго времени не объяснимъ съ точки зрѣнія теоріи происхожденія древне-русскихъ городовъ изъ соединенія селъ. При способѣ заселенія мѣстностей современной Россіи Русскими Славянами посредствомъ городовъ, фактъ существованія нѣсколькихъ тысячъ русскихъ городовъ въ эпоху первыхъ Рюриковичей является

¹⁾ П. С. Р. Д., т. I, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Ист. гое. Росс. Карамзина, т. III, пр. 32.

прямымъ слѣдствіемъ этого способа, а молчаніе источниковъ о древне-славянскихъ селѣхъ объясняется безъ всякихъ предположеній тѣмъ, что селѣ въ IX и X столѣтіяхъ еще не было.

На основаніи сказаннаго, мнѣніе о происхожденіи городовъ у Русскихъ Славянъ со времени первоначальнаго поселенія ихъ въ предѣлахъ современной Россіи основано не на предположеніяхъ, какъ утверждаетъ г. Леонтовичъ, а на общемъ законѣ историческаго развитія поселеній у осѣдлыхъ народовъ, занимающихъ новую страну, на прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствахъ источниковъ. Въ нашей литературѣ нѣтъ ни одного факта, который былъ бы такъ основательно доказанъ, какъ это мнѣніе. Съ другой стороны, въ источникахъ нѣтъ ни одного факта, который противорѣчилъ бы этому мнѣнію.

Обратимся къ опроверженіямъ моей теоріи, предложеннымъ г. Леонтовичемъ. Въ изложеніи содержанія моей книги г. Леонтовичемъ, какъ мы видѣли, одно изъ доказательствъ моей теоріи пропущено, другое введено самимъ критикомъ, а третье искажено. Въ разборѣ моей теоріи г. Леонтовичъ останавливается только на слѣдующихъ будто бы ея доказательствахъ: 1) „на колонизаціи Русскихъ Славянъ путемъ завоеванія земель, уже прежде нихъ занятыхъ другими народами неславянскими“; 2) „на аналогіи съ повѣдѣншею колонизаціей юговосточной Россіи“; 3) „на знакомствѣ Русскихъ Славянъ, по мѣсту прежняго ихъ жительства (на Дунаѣ), съ высшею цивилизаціей своего времени и жизни ихъ уже тамъ въ городахъ“; 4) „на опасности жизни внѣ городовъ“ и 5) „на молчаніи лѣтописи о селѣхъ“. Такимъ образомъ и здѣсь главные доказательства моей теоріи обойдены молчаніемъ, а приписаны ей доказательства, которыхъ нѣтъ въ моей книгѣ. Если бы критику г. Леонтовича можно было признать основательною, если бы доказательства, имъ разобранныя, оказались невѣрными, то и тогда моя теорія осталась бы нетронутою, потому что критика даже не коснулась ея главныхъ основаній. Но эта критика не болѣе какъ литературный фокусъ; она не коснулась даже второстепенныхъ доказательствъ моей теоріи, и г. Леонтовичъ критикуетъ то, что ему угодно было видѣть въ моей книгѣ, но не то, что тамъ есть.

1) „Авторъ“, говоритъ г. Леонтовичъ, — „мотивируетъ свою теорію совершенно не доказанною гипотезой о первичной колонизаціи Русскихъ Славянъ путемъ завоеванія земель, уже прежде нихъ занятыхъ другими народами не славянскими. Было ль завоеваніе—еще весьма спорный вопросъ. Начальная лѣтопись вездѣ говоритъ: „сѣдоша ко

Днѣпру, въ лѣсѣхъ" и пр.; нѣтъ и слѣда борьбы съ предполагаемыми туземцами" (*Сб. юс. знан.*, 79). Положимъ, что вопросъ о завоеваніи спорный; но гдѣ же въ моей книгѣ я доказываю, что это вопросъ безспорный? Для моей теоріи рѣшительно все равно—спорный это вопросъ, или нѣтъ. Для моей теоріи важно, что лѣтопись вездѣ говорить: „сѣдоша по Днѣпру" и проч., то-есть, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ глубокой древности, по свидѣтельству всѣхъ писателей древнихъ, начиная съ Геродота и кончая нашимъ лѣтописцемъ, жили Скифы, Литовцы и Финны, то-есть, не предполагаемые, а дѣйствительные туземцы¹⁾. Важно, что лѣтопись указываетъ такіа мѣста первоначальнаго поселенія Славянъ, чрезъ которые пролегалъ ископѣный путь изъ Варягъ въ Греки и изъ сѣверо-восточной Европы въ юго-западную. Что же касается словъ „въ лѣсѣхъ", то они стоятъ въ лѣтописи не вездѣ, а только въ одномъ мѣстѣ: „другіе Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ", и приложеніе ихъ ко всѣмъ племенамъ представляетъ собою вольность, противорѣчащую смыслу извѣстій лѣтописи, въ которой первоначальными пунктами населенія большинства племенъ указаны именно берега рѣкъ. „Въ виду тогдашняго обилія пустыхъ, нѣ заселенныхъ мѣстъ", продолжаетъ критикъ, — „есть всѣ основанія допустить, что первичная колонизація Славянъ могла совершиться совершенно мирнымъ путемъ, и потому имъ не было никакой надобности и побужденія селиться скученно въ городахъ, а не жить въ разсыпную, какъ жили, по словамъ Нестора, Поляне предъ приходомъ къ нимъ Хазаръ (притомъ жили, „быша обидими Древлянами и тѣми околными" (*Сб. юс. зн.* 79). Обиліе пустыхъ, не заселенныхъ мѣстъ по берегамъ большихъ рѣкъ, каковы Днѣпръ, Припять, Десна, Двина, Волховъ и проч., гдѣ селились первоначально Славяне, является голословнымъ предположеніемъ, противорѣчащимъ и свидѣтельствамъ древнихъ писателей, и сохранившимся вещественнымъ памятникамъ. Берега большихъ рѣкъ еще въ настоящее время изобилуютъ множествомъ городищъ, сопровождаемыхъ множествомъ могилъ древнѣйшихъ эпохъ и свидѣтельствующихъ о густомъ нѣкогда населеніи этихъ береговъ²⁾. Предположеніе о мирномъ поселеніи Славянъ также голословно, противорѣчитъ всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ и наблюденіямъ современныхъ путешественниковъ, по сказаніямъ ко-

¹⁾ См. Геродота, кн. IV; П. С. Р. Л., I, стр. 1—9 и слѣд.

²⁾ Др. и Нов. Россія 1876 г., мартъ и апрѣль, статья: Древнія земляныя насипи и ихъ значеніе для науки.

торыхъ первобытныхъ племена ведутъ непрерывныя войны между собою преимущественно за земельныя владѣнія. Что же касается ссылки на свидѣтельство лѣтописи о жизни Славянъ въ разсыпную до прихода Хазарь, то она представляетъ собою только новый примѣръ необыкновенно своеобразнаго обращенія г. Леонтовича съ историческими памятниками. Подобными ссылками можно доказать—что угодно. По словамъ лѣтописи, Поляне Кій, Щежъ и Хоривъ основали городъ Кіевъ въ незапамятныя для исторіи времена. По смерти Кія, Щека и Хорива Кіевъ былъ центромъ Кіевского княженія ¹⁾. При послѣдующемъ извѣстіи о покореніи Полянъ Хазарами Несторъ ни слова не говоритъ о жизни ихъ въ разсыпную безъ городовъ ²⁾.

2) По поводу приведенныхъ въ моей книгѣ историческихъ свидѣтельствъ о способѣ заселенія восточныхъ и южныхъ предѣловъ Московскаго государства, г. Леонтовичъ говоритъ слѣдующее: „Точно также (?) невѣрна аналогія съ позднѣйшею колонизаціей юго-восточной Россіи... Авторъ ссылается, главнымъ образомъ, на записную тетрадь лицъ, сопровождавшихъ Петра I подъ Азовъ въ 1694 году. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого памятника оказывается, что авторъ едва ли имѣлъ право основываться на немъ *одномъ*, безъ другихъ болѣе сильныхъ аргументовъ“ (Сб. юс. зн., 79). Упомянутая записная тетрадь служитъ въ моей книгѣ *только однимъ изъ доказательствъ* заселенія юго-восточныхъ предѣловъ Московскаго государства при посредствѣ городовъ. Въ моей книгѣ указано множество относящихся сюда актовъ, изданныхъ въ сборникахъ „Воронежскіе акты“ и „Книги Разрядныя“ и въ статьѣ г. Бѣльева „О станичной сторожевой службѣ“, а сверхъ того, указана страница изслѣдованія г. Костомарова, на которой читается слѣдующее: „Потребность возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде, чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ не заселенныхъ, чтобы дать возможность жителямъ существовать на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ, южныя степи Московскаго государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, засѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другаго, указывали на господство Русской державы

¹⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 4 и 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

въ безлюдной землѣ. Въ Сибири каждый шагъ подчиненіи земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ¹⁾. О приведенной въ моей книгѣ массѣ историческихъ актовъ г. Леонтовичъ не сказалъ ни слова въ своей критикѣ (конечно, по невозможности сказать что-либо въ опроверженіе этихъ свидѣтельствъ), а отвергаетъ записную тетрадь, какъ единственное будто бы свидѣтельство заселенія восточныхъ и юго-восточныхъ предѣловъ Московскаго государства. При другихъ свидѣтельствахъ, приведенныхъ въ моей книгѣ, свидѣтельство записной тетради не много значитъ для моей теоріи. Но и это свидѣтельство г. Леонтовичъ отвергаетъ совершенно неосновательно. Этотъ документъ содержитъ въ себѣ исчисленіе 52 городковъ Донскихъ казаковъ, лежавшихъ по берегу Дона между Богучаромъ и Аксаемъ въ концѣ XVII вѣка, и не называетъ ни одного селенія. Г. Леонтовичъ предполагаетъ, что это были наблюдательные острожки, что селенія находились внутри страны: „При томъ“, заключаетъ онъ,—„предъ исчисленіемъ городковъ тотчасъ упоминается цѣлый рядъ расположенныхъ по Дону монастырей—явное доказательство возможности тамъ спокойной жизни внѣ городковъ“ (Сб. юс. зн., 80). Но мы не понимаемъ, о какой внутренней странѣ Донскихъ казаковъ говоритъ авторъ; извѣстно, что владѣнія Донскихъ казаковъ ограничивались только берегами Дона; въ восточныхъ придонскихъ степяхъ въ XVI и XVII вѣкахъ кочевали Ногайцы, а въ западныхъ Крымцы. Еще въ XVIII вѣкѣ описаніе поселеній Донскихъ казаковъ перечисляетъ одни города²⁾. Названія нижнихъ станицъ Донскихъ казаковъ совпадаютъ съ названіями городковъ записной тетради. Что же касается монастырей, то г. Леонтовичъ, конечно, не привелъ бы ихъ въ доказательство возможности на Дону въ XVII столѣтіи „спокойной жизни внѣ городковъ“, еслибъ ему извѣстно было значеніе древнихъ монастырей. Дѣло въ томъ, что древніе монастыри были сами городами, а слѣдовательно, ихъ присутствіе въ данной мѣстности еще не доказываетъ спокойной жизни, возможности существованія сельскихъ, не укрѣпленныхъ поселеній въ этой мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ источникахъ говорится слѣдующее: „А будетъ въ Московскомъ государствѣ каменныхъ городковъ, кромѣ монастырей, съ 20 городковъ или

¹⁾ *Современникъ*, т. LXXX, 1860 г.: Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII, стр. 10.

²⁾ *Учен. въ Имп. Обществѣ Ист. и Древ.* 1846 г., № III, стр. 8.

мало больше" ¹⁾). Сохранившіеся остатки древнихъ монастырей доказываютъ, что всё они были укрѣплены, были городами."

3) Разбираемое г. Леонтовичемъ, будто бы, доказательство моей теоріи, по которому „Славяне еще на Дунаѣ были знакомы съ высшею цивилизаціей и жили тамъ въ городахъ", принадлежитъ фантазіи моего критика, а не моей книгѣ; нигдѣ въ моей книгѣ я не доказываю, что Славяне уже на Дунаѣ имѣли города.

4) По поводу опасностей, грозившихъ первымъ поселеніямъ Русскихъ Славянъ въ чужой землѣ, г. Леонтовичъ замѣчаетъ только слѣдующее: „Опасность такая далеко не вездѣ могла имѣть одинаковое значеніе, значительно смягчалась и скрадывалась въ силу плохихъ путей сообщенія, лѣснаго характера первичной колонизаціи и проч." (Сб. юс. зн., стр. 31). Эта краткость и неопредѣленность общихъ мнѣній доказываетъ сама собою бессиліе критика. Плохіе пути сообщенія нисколько не мѣшаютъ вести непрерывныя войны первобытнымъ племенамъ и жить въ непрерывной опасности; характеръ же древней колонизаціи былъ не лѣсной, а рѣчной, по точному смыслу извѣстій лѣтописи.

5) „Наконецъ", заключаетъ г. Леонтовичъ, — „авторъ рѣшительно невѣрно утверждаетъ, что начальная лѣтопись умалчиваетъ о селлахъ, потому что ихъ не было, и что, по лѣтописямъ, въ X столѣтіи извѣстны только два селенія Ольжицы и Берестовое". По мнѣнію г. Леонтовича, заимствованному у г. Соловьева, молчаніе лѣтописи о селлахъ объясняется характеромъ лѣтописей, по которому они говорятъ только о выдающихся изъ обыденной жизни событіяхъ, каковы построеніе городовъ, княжескія усобицы, вторженіе Половцевъ, и молчать о явленіяхъ обыденныхъ, каковы села, и напримѣръ, вѣча. „Молчаніе лѣтописи о селлахъ есть первый признакъ того, что на дѣлѣ ихъ было много" (Сб. юс. зн., 31). Далѣе авторъ приводитъ извѣстіе Никоновскаго списка о селѣ Ольгинѣ и о двухъ селлахъ конца X вѣка, Предславинѣ и Вудитинѣ, а затѣмъ рядъ извѣстій о селлахъ конца XI и XII вѣковъ, заимствованный изъ моей же книги (Сб. юс. зн., 82; ср. Др. гор. Росс., 158). Въ моей книгѣ сказано, „что древнѣйшіе списки нашей лѣтописи упоминаютъ до XI вѣка только два селенія: Ольжицы и Берестовое" (Др. юр. Росс., 154), и сказано совершенно вѣрно. Въ древнѣйшихъ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатскомъ, Троицкомъ, Хлѣбниковскомъ и Густинскомъ нѣтъ ни

¹⁾ Котоминские, О Россіи въ царств. Ал. Мих., стр. 102.

одного села, кромѣ Ольжицъ и Верестоваго. Предславино и Вудитинъ упоминаются въ Никоновскомъ и Патріаршемъ спискахъ, какъ всѣмъ историкамъ извѣстно, *нотіймицъ*. Что же касается села Ольгина, (Ник. спис.), то оно—то самое село, которое въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется Ольжицы. О вѣкахъ упоминается въ лѣтописяхъ очень часто¹⁾. Что же касается до предположенія г. Леонтовича о молчаніи лѣтописей о селахъ, потому что ихъ было много, то оно по меньшей мѣрѣ странно. Самъ авторъ говоритъ, что лѣтописи особенно интересуются усобицами и нападеніями Половцевъ на Русскую землю. Дѣйствительно, описаніе военныхъ дѣйствій составляетъ главное содержаніе лѣтописи. При этихъ описаніяхъ лѣтописи безпрестанно упоминаетъ о городахъ, о нападеніяхъ на такіе-то города, о разрушеніи ихъ, стычкахъ и сраженіяхъ у такихъ-то городовъ и проч. Слѣдовательно, вопреки мнѣнію г. Леонтовича, содержаніе лѣтописи обуславливаетъ собою частое упоминовеніе о селахъ, еслибъ они были въ дѣйствительности; такъ и новѣйшія сочиненія, посвященные описанію военныхъ дѣйствій, безпрестанно говорятъ о сраженіяхъ у такихъ-то селъ, о сожженіи такихъ-то селъ и проч. Съ XI вѣка, когда количество селъ, вслѣдствіе описанныхъ въ моей книгѣ событий, увеличилось на Руси, лѣтописи безпрестанно упоминаютъ о селахъ (Др. гор. Росс., стр. 158).

Мы отвѣтили на всѣ возраженія критики г. Леонтовича, направленные противъ доказательствъ моей теоріи, и видимъ, что эти возраженія своею слабостью не опровергаютъ моей теоріи, а скорѣе сами подтверждаютъ ее.

Такова критика г. Леонтовича: въ ней нѣтъ ни вѣрныхъ фактическихъ свѣдѣній, ни новыхъ историческихъ взглядовъ, о которыхъ говоритъ редакторъ *Сборника юсударственныхъ знаній*; въ ней нѣтъ и основательныхъ опроверженій на мои возраженія, о которыхъ говоритъ г. Забѣлинь. Г. Леонтовичъ почти на каждой страницѣ своей критики приписываетъ моему сочиненію такіа гниотезы, которыхъ въ немъ нѣтъ, и критикуетъ ихъ какъ выставленныя мною, умалчиваетъ о главныхъ доказательствахъ моихъ возраженій и критикуетъ второстепенныя, какъ единственныя или главныя, въ выпискахъ изъ моей книги пропускаетъ слова и выраженія и тѣмъ измѣняетъ смыслъ подлинника. Это не ученая критика. Ученая критика прежде всего требуетъ тщательнаго изученія содержанія разбираемаго сочиненія и

¹⁾ См. *Плодина*, Извѣд., Зам. и Лекц., т. VII, стр. 153 и слѣд.

правдивости въ изложеніи этого содержанія. Думаю, что мое изслѣдованіе заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія и болѣе серьезной, болѣе справедливой оцѣнки. Предметомъ его служатъ самые существенные вопросы исторіи древне-русскихъ политическихъ учреждений; рѣшить эти вопросы я старался самостоятельнымъ путемъ, при посредствѣ изученія первичныхъ источниковъ, и имѣю основаніе быть увѣреннымъ, что мои труды не бесплодны для науки, какъ это старается доказывать г. Леонтовичъ. Серіозное изученіе и ученая критика моего изслѣдованія умѣли найти въ немъ не только дѣйствительные недостатки, неизбежные при современномъ состояніи историко-политической науки, но и нѣкоторыя достоинства. Сошлюсь въ этомъ случаѣ на статьи двухъ другихъ моихъ критиковъ А. Θ. Кистяковскаго и А. В. Романовича-Славатинскаго, которые оба хорошо знакомы съ древне-русскими историческими памятниками, а послѣдній притомъ специалистъ въ той области знанія, къ которой относится мое изслѣдованіе ¹⁾. Только такая критика, указывающая дѣйствительные, а не вымышленные недостатки разбираемаго сочиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывающая и достоинства его, если они имѣются, полезна въ наукѣ, способствуетъ разъясненію спорныхъ вопросовъ и поддерживаетъ энергію къ научнымъ трудамъ.

Д. Самойсовъ. ¹⁾

Примеріе Венденіе города и нѣхъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. *Θ. Фортинскаго, Кіевъ, 1877.*

Въ исторіи среднихъ вѣковъ Ганза представляетъ весьма любопытное своеобразное явленіе. Обширный союзъ городовъ, заключенный первоначально для торговыхъ цѣлей, она мало по малу выступаетъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, какъ самостоятельная политическая сила: заключаетъ торговые и политическіе договоры, объявляетъ войны, снаряжаетъ войско и флотъ, сокрушительную силу котораго часто испытывала на себѣ особенно Данія. Что касается до Нѣмецкой имперіи, то она, конечно, никогда не могла признать самостоятельности Ганзы; это значило бы допустить государство въ государ-

¹⁾ Рецензія А. Θ. Кистяковскаго помѣщена въ *Суд. Журн.* 1874 г., январь и февраль, а рецензія А. В. Романовича-Славатинскаго въ *Кіевск. Унив. Изв.* 1874 г., февраль.

ствѣ, тогда какъ рейхстаги смотрѣли на купеческіе и всякіе союзы внутри имперіи, какъ на дѣло противозаконное. Впрочемъ, должно сказать, что Ганза не шла въ разрѣзъ съ интересами имперіи, а напротивъ того, во многомъ способствовала имъ. Такъ, она докончила отмѣченіе Славянскихъ земель Балтійскаго поморья; она же препятствовала распространенію датскаго господства въ нижней Германіи; подъ вліяніемъ ганзейской торговли (а также дѣятельности монашескихъ и рыцарскихъ орденовъ) распространилась нѣмецкая городская жизнь и нѣмецкій языкъ отъ Голландіи до Эстляндіи, такъ что нѣмецкіе историки (напримѣръ, К. Шлецеръ) находятъ даже возможнымъ сравнивать нѣмецкую колонизацію береговъ Балтійскаго моря въ XIII и XIV вѣкахъ съ колонизаціей Греками береговъ Средиземнаго моря и европейскою колонизаціей Америки. Такія заслуги Ганзы втихомолку, конечно, признавала и имперія, а потому она сносила существованіе Ганзы, не говоря ужъ о томъ, что сама болѣею частью была безсильна кому-нибудь и какъ-нибудь противодействовать. Съ другой стороны, и Ганза не настаивала у имперіи на формальномъ признаніи своей самостоятельности въ виду того, что на самомъ дѣлѣ была вполне независима отъ имперіи въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Даже въ сношеніяхъ съ иностранными государствами Ганза не всегда находила выгоднымъ представлять изъ себя политически самостоятельное цѣлое. Такъ, однажды, въ XV вѣкѣ, по поводу спора нѣсколькихъ ганзейскихъ городовъ съ англійскими купцами, ганзейское собраніе высказывало ту мысль, что ганзейскіе города не составляютъ одного цѣлаго въ томъ смыслѣ, чтобы за дѣла одного города отвѣчали всѣ прочіе, подобно, напримѣръ, англійскимъ подданнымъ, признающимъ надъ собою одну власть, но что они составляютъ цѣлое въ смыслѣ нѣкоторой дружбы и общности интересовъ (*Бартольдъ*, *Исторія Нѣм. Ганзы*, I, 19). На дѣлѣ Ганза не слѣдовала этому принципу, стараясь всячески ограждать интересы своихъ членовъ, и слѣдовательно, выступая именно какъ единая политическая федерація. Но за всѣмъ тѣмъ для нея недоставало другихъ признаковъ крѣпкаго государственнаго тѣла. Территорія союза была неопредѣленна вслѣдствіе того, что количество городовъ, его составлявшихъ, постоянно измѣнялось; сама Ганза не всегда точно знала, сколько именно у нея членовъ. Притомъ территорія была крайне раздроблена, такъ что города со своими округами казались только небольшими точками посреди обширныхъ владѣній имперскихъ вассаловъ. Крѣпкой центральной власти не существовало: ганзетаги со-

бирались неисправно, рѣшенія ихъ часто оставались безъ исполненія, если города не находили выгоднымъ слѣдовать имъ; случалось, что на гавзетагахъ поднимались истинныя споры, напримѣръ, между депутатами Гамбурга и Времена, тогда какъ представители менѣе значительныхъ городовъ играли совсѣмъ незначительную роль. Иногда внутренніе порядки союза до того разстраивались, что различныя области и города союза, напримѣръ, Вестфалія съ Кельномъ, Саксонія, Пруссія, Лифляндія съ Ригой, тянули всѣ врознь, желая преслѣдовать свои собственные интересы; въ эти минуты союзъ фактически не существовалъ, и только Любекъ съ нѣкоторыми вендскими городами хлопоталъ о томъ, чтобы „собрать разсыпанную купеческую хранину“ и возстановить прежнее единство. Исполнительная власть у гавзетаговъ почти отсутствовала; было одно сильное и дѣйствительное средство противъ нарушителей гавзейскихъ распоряженій, это—изгнаніе изъ Гавзы съ лишеніемъ всѣхъ ея правъ; но такое средство нужно было употреблять рѣдко и съ большою осторожностью. И не смотря однако на всю непрочность своего внутренняго устройства, Гавза во внѣшнихъ сношеніяхъ выказала весьма много энергіи; посредствомъ чужестранныхъ конторъ во Фландріи, Англіи, Даніи, Норвегіи и Россіи она имѣла громадное вліяніе на тамошнюю торговлю, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Скандіи, въ Норвегіи) полного и безраздѣльнаго хозяйничанья по дѣламъ промышленности и торговли. Большой отпоръ своимъ притязаніямъ Гавза находила во Фландріи, Англіи и Россіи, но и тамъ она добивалась своихъ цѣлей, отпуская въ долгъ крупныя суммы денегъ Англійскимъ королямъ, подкупая лорда мэра и новгородскихъ посадниковъ. То же средство она пускала въ дѣло и у себя дома: на деньги она вербовала солдатъ и рыцарей, покупала расположеніе князей, ихъ помощь на войнѣ или дружественный нейтралитетъ, даже покупала верховныя владѣльческія и судебныя права ихъ. Такимъ образомъ, главный секретъ гавзейскаго могущества едва ли не заключался въ крайней раздробленности, какъ Нѣмецкой имперіи, такъ и вообще всей феодальной Европы. Въ то время, какъ дворянство все больше обезсиливало себя дробленіемъ своихъ владѣній и постоянными войнами, горожане, напротивъ того, все тѣснѣе сближались между собою, образуя постепенно обширный богатый и могущественный союзъ. За то быстрое усиленіе власти нѣмецкихъ князей со времени реформациі было смертельнымъ ударомъ для Гавзейскаго союза въ самой Германіи, а усиленіе европейскихъ монархій, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанія народныхъ

интересовъ было главнѣйшею причиною паденія ганзейскихъ конторъ на чужбинѣ.

Но если исторія Ганзы, ея внутреннее устройство и внѣшняя политика опредѣлились для насъ въ общихъ чертахъ, благодаря классическимъ трудамъ Сарторія и нѣкоторымъ другимъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ сочиненіямъ послѣ него, то остается еще нѣсколько частныхъ вопросовъ, которые нуждаются въ подробномъ и тщательномъ изученіи. До сихъ поръ, напримѣръ, еще не ясно, какъ изъ отдѣльныхъ купеческихъ гильдій, отправлявшихся изъ разныхъ городовъ Германіи для заграничной торговли, образовалось общее нѣмецкое купечество на Готландѣ, какъ потомъ оно, соединившись съ метрополіями, обратилось въ Ганзу, и чѣмъ именно сопровождалось это измѣненіе для внутренней организаціи союза и его внѣшней политики. До сихъ поръ также неизвѣстны многіе секреты ганзейской торговли, внутренней жизни городовъ и торговыхъ конторъ Ганзы. Самая политическая форма Ганзы такъ своеобразна, что ея еще нельзя уловить и подвести подъ точное опредѣленіе; нельзя довольствоваться однимъ названіемъ „Ганзейскаго союза“: подобно отличить Ганзейскій союзъ отъ другихъ городскихъ союзовъ древней и средней исторіи.

Одну изъ новѣйшихъ попытокъ разрѣшенія частныхъ вопросовъ ганзейской исторіи представляетъ сочиненіе г. Фортинскаго, заглавіе котораго выписано въ началѣ настоящей статьи. Авторъ поставилъ себѣ задачей выяснить то вліяніе, какое имѣли на образованіе союза пять вендскихъ городовъ (то-есть, Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Стральзундъ и Грейфсвальдъ), и должно сказать, исполнилъ свою задачу съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла, такъ что его книга составляетъ основательное введеніе въ исторію Ганзейскаго союза. Прежде всего нужно назвать удачнымъ самый выборъ и постановку задачи, потому что дѣйствительно упомянутые пять вендскихъ городовъ играли наиважнѣйшую роль въ исторіи Ганзы; идея о союзѣ жила между ними сильнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и они больше, чѣмъ другіе города, принесли жертвъ для осуществленія этой идеи потому, конечно, что больше всѣхъ были заинтересованы въ торговлѣ. Руководища мысль сочиненія выражена авторомъ въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: „Развитіе городскихъ учреждений, развитіе городской торговли, возникновеніе заграничныхъ нѣмецкихъ конторъ, и наконецъ, образованіе большаго союза купцовъ и городовъ нѣмецкой Ганзы совершались параллельно и въ тѣснѣйшую часть сѣх, отд. 2.

шей связи другъ съ другомъ¹⁾. Держась этой вѣрной общей мысли, г. Фортняскій разсматриваетъ свой предметъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего изображается первоначальная обстановка нѣмецкой жизни въ Славянскомъ поморьи и начало колонизаціи этого края Нѣмцами, построенія городовъ, монастырей и проч. Эта интересная глава, на нашъ взглядъ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что авторъ недостаточно рѣшительно говоритъ о значеніи славянской культуры, предшествовавшей нѣмецкой колонизаціи, и недостаточно рельефно выставляеть все ея громадное клініе. А между тѣмъ быстрое развитіе нѣмецкой жизни въ Вендскихъ земляхъ наиглавнѣйше было обусловлено тѣмъ, что нѣмецкое населеніе направлялось не въ дикій и пустынный край, а въ значительно ужь обработанный, гдѣ давно жили славянскія земледѣльческія племена, гдѣ были города и селенія, которые Нѣмцы заняли готовыми; въ томъ краю издавна велась торговля, слѣдовательно, издавна были проложены пути и намѣчены рынки, а славянская денежная система долго существовала уже въ оѣмеченныхъ вендскихъ городахъ¹⁾. Пусть Фризны были трудолюбивые колонисты и даже выирашивали себѣ болотистыя мѣстности у Временскаго архіепископа; пусть также цистеріанскіе монахи были хорошими хозяевами; но не забудемъ, что тѣ же монахи насильно забирали славянскія деревни, носеля тамъ на земляхъ, ужь обработанныхъ, нѣмецкихъ колонистовъ. А для колонистовъ найти съ пернаго риза подготовленную почву, жилье и пѣсколько земледѣльческихъ орудій—это весьма много значить. — Въ слѣдующей главѣ авторъ описываетъ внутреннюю жизнь Вендскихъ городовъ, ихъ постепенное освобожденіе отъ власти сеніоровъ и развитіе самоуправленія. Такъ какъ матеріалы, сюда относящіеся, суть по преимуществу любеккіе, то г. Фортняскій сосредоточиваетъ свое вниманіе на городѣ Любекѣ; описаніе пѣкоторыхъ сторонъ внутренней жизни его и дѣятельности городского магистрата можно отнести къ лучшимъ страницамъ книги. — Въ обширной третьей главѣ, богатой фактическими подробностями, разматривается торговля городовъ внутренняя и внѣшняя, сухопутная и морская. И здѣсь многочисленные договоры и разные другіе документы, которые авторъ передаетъ съ боль-

¹⁾ Въ 1325 году Анкламъ и Грейесвилдъ покупають у герцога Вартислава право чеканить славянскіе пееинги (*Сарторій*, Истор. Галл. союза, I, стр. 47; срав. также въ книгѣ г. Фортняскаго упоминанія о маркахъ славянскихъ денаріевъ, на стр. 92 и др.).

шимъ искусствомъ, живо обрисовываютъ торговые порядки, нравы и обычаи средневѣковаго купечества и тѣ вообще условія, очень легкія, въ которыхъ находилась тогдашняя торговля.—Послѣдняя глава носитъ заглавіе тожественное съ книгой. Здѣсь авторъ говоритъ объ отношеніяхъ заграничныхъ купеческихъ гильдій къ нѣмецкимъ метрополіямъ ихъ, но къ сожалѣнію, говоритъ слишкомъ въ общихъ и краткихъ чертахъ. А между тѣмъ это одинъ изъ важныхъ составныхъ вопросовъ его задачи. Притомъ намъ кажется преувеличенною та роль, которая, по мнѣнію автора, существовала будто бы между заграничными купеческими обществами и городами: какой-нибудь розни интересовъ между ними не могло быть; напротивъ того, заграничныя гильдіи были тѣсно связаны съ своими метрополіями одинаковымъ правомъ и одинаковыми интересами торговли; порвать эти связи для обѣихъ сторонъ было невыгодно. Съ тѣхъ поръ, какъ города принимали большее участіе въ судьбѣ своихъ заграничныхъ купцовъ, это случилось нисколько не въ ущербъ интересамъ послѣднихъ. Правда, что они утратили свое прежнее вліяніе, которое перешло на города, но въѣстъ съ тѣмъ они приобрѣли большую защиту въ обширномъ союзѣ, что для заграничныхъ купцовъ и было существенно важно. Въ той же главѣ г. Фортинскій посвящаетъ нѣсколько страницъ торговлѣ Ганзы съ Русью, на которыхъ и мы позволимъ себѣ остановиться и подѣлиться съ авторомъ нѣкоторыми замѣчаніями.

Основаніе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ г. Фортинскій относитъ къ первой четверти XIII вѣка (стр. 373), а начало непосредственныхъ сношеній Нѣмцевъ съ Русью чрезъ Балтійское море—къ половинѣ XII вѣка (стр. 360). Это, быть можетъ, справедливо о новыхъ нѣмецкихъ городахъ, построенныхъ въ Славянской землѣ, но древнѣйшія торговыя сношенія съ Русью завязали не эти приморскіе города, а западные города Вестфаліи, именно—Сестъ, Дортмундъ, Мюнстеръ, Оснабрюкъ и другіе, когда нѣмецкій Любекъ только начиналъ развиваться. Что же касается до сношеній Новгорода съ Готландомъ и Славянскимъ поморьемъ, то они начались еще раньше; гораздо яснѣе и убѣдительнѣе Адама Бременскаго объ этомъ говорить многочисленныя находки арабскихъ монетъ VIII—XI вѣковъ, выплавляемыхъ по всѣмъ берегамъ Балтійскаго моря, а также по рѣчнымъ путямъ Россіи—Балтійскаго и Каспійскаго бассейна. Видно, что въ ту отдаленную эпоху чрезъ Русь шла немаловажная транзитная торговля съ востока на западъ. Съ другой стороны, въ слѣ-

веро-западной Россіи, даже по средней Волгѣ и Камѣ были находимы монеты англо-саксонскія и нѣмецкія X—XII вѣковъ (описаніе ихъ сдѣлано у Кене). О торговыхъ плаваніяхъ Новгородцевъ на Готландъ и въ Данію въ первой половинѣ XII столѣтія положительно говорятъ новгородскіе лѣтописи; въ X и XI вѣкахъ за море уходили Новгородскіе князья, а въ Новгородъ приходила заморская дружина. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ нужно думать, что и съ Нѣмцами торговля Новгорода началась раньше XII вѣка. Мы согласны съ мнѣніемъ И. И. Срезневскаго, что нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ существовалъ уже въ XII вѣкѣ на ряду съ готскимъ (*Извѣстія 2-ю отд. Акад. Н., т. VI*). Основателями его, по всей вѣроятности, были купцы изъ упомянутыхъ вестфальскихъ городовъ. Кромѣ древней Скры новгородскаго двора, упоминающей объ ольдерманахъ Сеста и Дортиунда, которые хранятъ ключи отъ новгородской кассы выѣсть съ ольдерманами Любска и Висби, на то же указываетъ одно любопытное письмо Висби къ Оспабрюку отъ конца XIII вѣка. Въ немъ первый пишетъ къ послѣднему, чтобы тотъ не соглашался перенести права и вольности купцовъ, посѣщающихъ Готландъ и Новгородъ, на Любекъ, и не соглашался бы замѣнить ихъ любецкимъ правомъ: „Оспабрюкъ не долженъ забывать того, что его предки въ древнія времена положили начало этихъ правъ и вольностей на новгородскомъ дворѣ, единодушно соблюдавшихся до сихъ поръ“¹⁾. Нельзя пройти молчаніемъ и другое важное замѣчаніе г. Срезневскаго на счетъ договорной грамоты Ярослава Владиміровича конца XII вѣка, что она собственно есть *проектъ договора*, у котораго притомъ недостаетъ конца (въ тѣхъ же *Извѣстіяхъ Ак. Наукъ*). И дѣйствительно, слова: „послалъ есмь посла своего Грягу на сей правдѣ“, послѣ которыхъ слѣдуетъ изложеніе договорныхъ пунктовъ, указываютъ, что грамота была дана въ руководство Григорию для окончательнаго совершенія договора на Готландѣ, то-есть, здѣсь былъ тотъ же самый порядокъ дѣла, что спустя около 30 лѣтъ въ Смоленскѣ, когда князь Мстиславъ Давыдовичъ отправилъ въ Ригу и на Готландъ Еремѣя и Пантелѣя для заключенія договора съ Нѣмцами. Слова грамоты: „а кого Богъ поставитъ князя, а с тѣмъ мира подтвердить“, очевидно, намекаютъ на непрочное положеніе пѣ Новгородѣ, Ярослава который дѣйствительно скоро былъ оттуда изгнанъ;

¹⁾ *Германъ, Beitr. zur Gesch. d. Rus. Reich. Leipzig, 1843, p. 27.* Письмо это приводится Германомъ изъ *Архива исторіи и древностей Вестфалии*.

окончательный миръ съ Нѣмцами былъ заключенъ уже въ 1201 году: „на осень приѣхаша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всеи воли своей“ (Новгор. I лѣтоп.). Такимъ образомъ, замѣчаніе г. Фортинскаго, что „въ договорѣ 1195 года Нѣмцы выставлены покорно принимающими предписанія Новгородцевъ“ (стр. 372) перестаетъ имѣть свое значеніе. Если бы даже грамота Ярослава была не проектъ, а настоящій договоръ, то и въ этомъ случаѣ замѣчаніе автора не оправдалось бы, потому что, при внимательномъ чтеніи грамоты, нельзя усмотрѣть въ ней особенно заносчиваго и гордаго тона со стороны Новгородцевъ.

Первый по времени, настоящій договоръ, грамоты котораго до насъ дошли, есть Смоленскій 1229 года, важнѣйшій памятникъ между всѣми древне-русскими актами этого рода по своей подробности и внутреннему значенію договорныхъ статей. При его разсмотрѣніи естественно представляются такіе вопросы: При началіи переговоровъ какія правовыя понятія Русскіе и Нѣмцы заявили другъ другу? На какихъ общихъ пунктахъ уголовного и гражданскаго права они сошлись? И въ чемъ именно одна сторона сдѣлала уступки другой? Въ книгѣ г. Фортинскаго эти вопросы слегка затронуты въ слѣдующихъ словахъ: „Можно смѣло сказать, что статьи договора, опредѣляющія наказанія за уголовныя преступленія, могли быть предложены только Русскими, такъ какъ онѣ вполне соотвѣтствуютъ постановленіямъ Русской Правды и договора 1195 года; и на оборотъ, правила относительно береговаго права, взысканія долговъ, ареста, по всей вѣроятности, установлены были по желанію Нѣмцевъ“ (стр. 365). Но такое общее рѣшеніе не можетъ быть принято. Изъ сравненія договора 1229 года съ нѣкоторыми современными ему памятниками лифляндскаго права видно, что уголовныя понятія и наказанія за уголовныя преступленія были сходны въ ту пору у Нѣмцевъ и Русскихъ. Такъ, въ привилегіи Альберта купцамъ отъ 1211 года за убійство свободнаго человѣка полагается штрафъ въ 10 марокъ серебра или 40 марокъ денаріевъ, а Смоленскомъ договорѣ — 10 гривенъ серебра, или вмѣсто нихъ, 40 гривенъ кунами (или пенязями=пфенningами). За тяжкое членовредительство платится полувирье, какъ въ договорѣ Смоленскомъ, такъ и въ крестыиномъ и рыцарскомъ правѣ, дѣйствовавшемъ въ Лифляндіи при Альбертѣ (текстъ того и другаго права напечатанъ *Арндтомъ* въ его Лифляндской хроникѣ). И тамъ, и здѣсь за оскорбленіе женской чести полагается штрафъ какъ за убійство. Какъ у Нѣмцевъ, такъ и Рус-

скихъ, въ то время были ордалинъ и судебные поединки; но какъ западная, такъ и восточная церковь, запрещали ихъ раньше, чѣмъ сами купцы сознали ихъ неудобство въ сношеніяхъ съ иностранцами. Какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Русскихъ, одинаково строги были законы о ворахъ и несостоятельныхъ должникахъ. Не имѣя возможности вдаваться здѣсь въ подробное сравненіе нѣмецкаго и русскаго права въ средніе вѣка и не предпрѣшая окончательныхъ выводовъ, мы позволимъ себѣ высказать въ видѣ мнѣнія, что Нѣмцы и Русскіе стояли тогда на одинаковой приблизительно степени правоваго развитія и мировоззрѣнія вообще, и что по многимъ вопросамъ уголовного и гражданскаго права у нихъ были совершенно сходные взгляды, чѣмъ и былъ въ значительной степени облегченъ успѣхъ ихъ взаимныхъ сношеній.

По поводу договора 1270 года г. Фортинскій ссылается на ханскій ярлыкъ, присланный князю Ярославу Ярославичу, — о допущеніи свободной торговли Новгорода съ Нѣмцами, при чемъ авторъ понимаетъ это, какъ „любезность“ со стороны хана Нѣмцамъ (стр. 370). Но изъ разсмотрѣнія событій, предшествовавшихъ договору 1270 г., должно заключить, что ханскій ярлыкъ былъ данъ прежде всего въ интересъ самихъ Новгородцевъ. Извѣстно, что Новгородъ въ ту пору не захотѣлъ держать у себя Ярослава, между прочимъ выговаривая ему: „чему выводилиши отъ насъ иноземцевъ, которые у насъ живутъ“. Изъ лѣтописи также видно, что тогда ходилъ въ орду тысяцкій Ратиборъ, сторонникъ Ярослава, который наговаривалъ хану: „Новгородцы тебе неслушаютъ; мы даны прошали тебѣ, а они насъ выгнали“, и пр. Между тѣмъ Василій Ярославичъ, державшій сторону Новгорода, отправилъ къ хану другое посольство, которое успѣло доказать что въ смутахъ виноваты Ярославъ, а не Новгородцы. То же посольство, конечно, представило къ нему видѣ и дѣло о нѣмецкой торговлѣ и внушило хану, что отъ торговли съ Нѣмцами происходятъ выгоды не только для Новгорода, но частію и для него, хана (припомнимъ, что съ 1259 года Татары брали на Новгородѣ „число“). Результатомъ этихъ внушеній и долженъ быть упомянутый ярлыкъ, — единственный ханскій ярлыкъ, касающійся до торговли Новгорода съ Нѣмцами. Содержаніе его заключается въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Менгу Темерово слово къ Ярославу князю: дай нуть нѣмецкому гостю на свою волость“, — послѣ чего слѣдуетъ рѣчь уже самого Ярослава (напечат. въ Русск.-Лив. Актахъ, № 26).

Въ заключеніе укажемъ на одинъ любопытный документъ конца XIII или начала XIV вѣка, на который г. Фортинскій не обратилъ вниманія, но который могъ бы найти мѣсто и оцѣнку въ его книгѣ. Это—отчетъ нѣмецкаго посольства, приходившаго въ Новгородъ для заключенія мира и для истребованія ограбленнаго у Нѣмцевъ товара въ концѣ XIII вѣка (помѣщ. у *Sartorius-Littenberga*, *Urkund. Gesch. Hans.*, II, № 73 в.). Изъ этого важнаго памятника видно, какъ новгородское правительство свысока обращалось съ Нѣмцами, и какъ тамошніе посадники и бояре захватили въ свое вѣдѣніе торговлю съ Нѣмцами, устранивъ отъ вліянія на нее князя и вѣче. На этотъ разъ, напримѣръ, Нѣмцы долго добивались аудіенціи у князя (кажется, Андрея Александровича), но бояре не допустили ихъ до нея, потому что они сами суть очи, уши и уста князя. Цѣлыя двѣ недѣли Нѣмцы дожидались окончательнаго отвѣта, не разъ просили себѣ договорной грамоты и выдачи пограбленнаго товара, но, не добившись удовлетворенія, ни съ чѣмъ должни были уйдти изъ Новгорода, и только княжескіе послы, догнавъ ихъ на дорогѣ, изъяснили отъ лица князя сожалѣніе, что они бесполезно отправляются изъ Новгорода.

Впрочемъ, эти небольшія недомолвки и нѣкоторыя, какъ намъ казалось, не вполне точныя сужденія не умаляютъ многихъ безспорныхъ достоинствъ книги г. Фортинскаго: это—первое сочиненіе на русскомъ языкѣ по древнему періоду ганзейской исторіи, написанное—повторяемъ еще разъ—съ большимъ умѣніемъ и знаніемъ предмета.

М. Бережковъ.

ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ, έκτασία Κ. Ν. Λαφα. Τόμος Α. (Средневѣковая Библиотека, издаваемая подъ редакціей К. Ν. Λαφα, томъ I). Έν Βελτίᾳ. 1872.

Этотъ объемистый сборникъ составляетъ начало изданія, принятаго съ цѣлью обнаруженія матеріаловъ по исторіи юго-восточной Европы въ средніе вѣка. Памятники, помѣщенные въ первомъ томѣ, суть слѣдующіе: 1) уставъ (διάταξις) Михаила Атталіата для богадѣльни, имъ устроенной и монастыря (стр. 3—69); 2) доносеніе (προφώνημα) логовѣта Никиты Хоніата императору Исааку Ангелу (стр. 73—136); 3) Θεοδора Μετοχита Νικηεύς (стр. 139—153); 4) его же Προσφωτιχός, гдѣ описаны переговоры Θεοδора Μετοχита

(самого автора), отправленнаго въ 1298 г. посломъ въ Сербію, съ Сербскимъ королемъ Милутиномъ по поводу брака сего послѣдняго съ восьмилѣтнею дочерью Византійскаго императора Андроника II Старшаго Симонидою—важный источникъ для исторіи Сербіи (стр. 154—193); 5) его же, начало хрисовула (стр. 193—195); 6) монодія (особая пѣсня) императору Іоанну Палеологу Θεοδора Ποτακία (стр. 196—200); 7) хрисовулы Андрониковъ Палеологовъ и Стефана краля Сербскаго, вѣрнѣе—то же „Стефановъ“, ибо тутъ есть хрисовулы Стефана Дечанскаго и Стефана Душана; хрисовулы эти даны разнымъ монастырямъ (стр. 201—242); 8) хроника Іерака о царствѣ Турокъ (стр. 245—268); 9) каталогъ Аѳонскихъ библіотекъ (стр. 271—284); 10) каталогъ рукописныхъ библіотеки тоῦ ἐν Κονσταντινουπόλει ῥατοχίου τοῦ παλαιῦ τοῦ τάρου (стр. 287—312).

Изданію текста этихъ памятниковъ предпослано тщательно составленное и довольно пространное предисловіе, въ которомъ сообщены біографическія данныя о составителяхъ этихъ сочиненій и документовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, перечислены всѣ извѣстныя произведенія ихъ. Впрочемъ, о Никитѣ Хоніатѣ не сообщено никакихъ біографическихъ свѣдѣній: составитель указываетъ только, что изданный памятникъ списанъ съ рукописи библіотеки св. Марка, и обѣщаетъ сообщить свои замѣчанія объ этомъ писателѣ при изданіи другихъ его произведеній, которыя будутъ помѣщены въ VI томѣ; а о Θεοδорѣ Ποτακίῳ г. Саоѣ вовсе не извѣстно никакихъ біографическихъ свѣдѣній. При обработкѣ предисловія г. Саоа пользовался данными, заимствовавшими изъ самыхъ издаваемыхъ имъ памятниковъ, а также свидѣтельствами византійскихъ лѣтописцевъ Никифора Григоры, Іоанна Кантакузена, Пахимера, Кодина и др.; кромѣ того, онъ принималъ въ соображеніе ужъ извѣстные труды по средневѣковой византійской литературѣ: *Фабриція*—*Bibliotheca Graeca*, *Николан*—*Geschichte der Griechischen Literatur*, *Дюканжа*—*Familiae Byzantinae* и *Glossarium Graecum*, *Миллера*—*Catalogue des manuscrits del' Escorial*, *Notices et extraits des manuscrits* и др.

Недостатокъ хорошихъ источниковъ для исторіи южныхъ Славянъ заставляетъ всякаго занимающагося этимъ предметомъ обращаться и къ разнообразнымъ источникамъ иностраннымъ, въ коихъ иногда наводятся малозначительныя указанія, имѣющія отношеніе къ судьбамъ южныхъ Славянъ и высказанныя перѣдко какъ бы мимоходомъ. Помѣщенная въ 1-мъ томѣ Средневѣковой Библіотеки г. Саоа хроника Іерака (Ιερακὸς χρονικὸν περὶ τῆς τῶν Τοούρχων βασιλείας), не можетъ не

обратить на себя вниманіе, такъ какъ уже по заглавію ея видно, что составитель ея имѣлъ въ виду представить исторію распространенія Турокъ на развалинахъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Хроника эта, начавъ разказъ съ того, какъ появились враги Грековъ Турки въ предѣлахъ малоазійскихъ владѣній, представляетъ намъ постепенное усиленіе ихъ въ Малой Азіи, а затѣмъ и въ Европѣ. Авторъ хроники отмѣтилъ главныя побѣды Турокъ, послужившія эпохами ихъ усиленія, но не отмѣтилъ самаго важнаго факта, какимъ образомъ Турки впервые явились въ предѣлахъ Европы. Виповникъ этого общеевропейскаго несчастія, Византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузень (1341—1355 гг.), призвавшій Турокъ себѣ въ помощь для неравной борьбы съ Анною, вдовою Андроника Старшаго, въ хроникѣ и вовсе не упоминается. Между тѣмъ это фактъ несомнѣнный, подтверждаемый свидѣтельствами какъ отчасти самого же Кантакузена въ его исторіи ¹⁾, такъ особенно другихъ лѣтописцевъ того времени—современника Кантакузена, византійскаго лѣтописца Іоанна Дуки ²⁾ и албанскаго лѣтописца Музакки. По своему званію, авторъ хроники — лице духовное. Доказательство тому можно видѣть въ предпочтеніи, которое онъ оказываетъ монахамъ предъ другими званіями въ своей хроникѣ ³⁾, и въ нерѣдкихъ цитатахъ изъ священныхъ книгъ ⁴⁾; это вполне подтверждается замѣчаніемъ издателя этой хроники, что Іеракъ, нашъ лѣтописецъ, занималъ должность великаго логовѣта соборной церкви въ Константинополѣ ⁵⁾, а жилъ и писалъ свою хронику въ концѣ XVI вѣка ⁶⁾. Какъ лицо духовное, авторъ хроники на несчастныя судьбы своего отечества смотритъ съ христіанской точки зрѣнія и высказываетъ общее всѣмъ византійскимъ лѣтописцамъ сужденіе, что грѣхи наши препятствуютъ намъ получить помощь отъ Бога ⁷⁾, и что всѣ несчастія Грековъ и успѣхи Турокъ опредѣлены судьбою ⁸⁾.

¹⁾ Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Καντακουζηνός, lib. II, стр. 586; авторъ старается оправдать свой поступокъ.

²⁾ Ibid., Δοῦκας, cap. IX, стр. 33.

³⁾ 'Іер. хроч., стихъ 685.

⁴⁾ Ibid., стихи 286 и 536.

⁵⁾ Предисловіе, стр. ρλε—ρλζ; въ подстрочномъ примѣчаніи составитель предисловія упоминаетъ, гдѣ онъ касался личности Іерака.

⁶⁾ Это видно изъ примѣки, приведенной въ предисловіи (стр. ρλζ) къ другому сочиненію Іерака Χρονικὸν σύντομον, что оно писано въ 7106=1597 году.

⁷⁾ 'Іер. хроч., стихъ 400.

⁸⁾ Ibid., ст. 255 и 183.

При такомъ взглядѣ на вещи, авторъ хроники не могъ равнодушно отнестись къ слѣдующему дѣлу Византійскаго императора Мануила Палеолога: высказывая свои симпатіи къ тому, что Греки особенно жаждали видѣть Турокъ, своихъ враговъ въ междоусобной борьбѣ, авторъ въ то же время незамѣтнымъ образомъ выражаетъ свое неудовольствіе по поводу плана Мануила Палеолога выдать за соперника Мурата II Мустафу свою родственницу, дочь одного генуэзскаго владетелина, происходившаго изъ рода Палеологовъ ¹⁾; по этому случаю онъ приводитъ текстъ изъ псалма царя Давида: „Если не Господь постронѣ домъ, напрасно стронѣ его домостроитель....“

Въ хроникѣ Іерака сообщается одинъ очень интересный фактъ, не встрѣчаемый въ другихъ даже современныхъ событію лѣтописяхъ,—что во время осады Турками Салоникъ (1429 г.) нѣсколько монаховъ ἐκ τῶν βλατέων τῆς μονῆς совершили измѣну родному городу: они отправились въ лагерь султана и извѣстили его, какъ всего легче онъ можетъ взять этотъ городъ, указавъ на тѣ водопроводы, которыми доставлялась городу вода изъ горы Хортиата; хроника передаетъ, какъ султанъ радушно ихъ принялъ и приставилъ къ нимъ стражу, чтобы Турки не сдѣлали имъ какого-нибудь насилія, а самъ въ то же время поспѣшилъ навести справку. Свѣдѣніе это не находится ни у одного изъ византійскихъ лѣтописцевъ: Франца ²⁾ и Халкондиль ³⁾ говорятъ только, что султанъ взялъ этотъ городъ; но мы не можемъ сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельства хроники Іерака, такъ какъ при этомъ сообщенъ слѣдующій важный доводъ:

ὅθεν καὶ ἀτελεῖς εἶεν ἐχρη τοῦ νῦν ἐκ τοῦρκων,
τὸ ἔργον μνημονεύοντες τῶν μοναχῶν τῶν πάλαι ⁴⁾.

то-есть, поэтому они (монахи этого монастыря), донинѣ свободные отъ Турокъ, вспоминаютъ поступокъ прежнихъ монаховъ. Вѣрность свидѣтельства Іерака подтверждаетъ венеціанскій лѣтописецъ Марино Сануто, говоря, что Турки заняли Салоники хитростію ⁵⁾.

Для исторіи южныхъ Славянъ хроника эта имѣетъ однако лишь второстепенное значеніе. Авторъ хроники отмѣтилъ только тѣ событія, которыя составили эпоху въ утвержденіи силы Турокъ въ землѣ

¹⁾ Ibid., ст. 281.

²⁾ Corp. scrip. Hist. Byz. Францѣс, lib. II, cap. IX, стр. 156.

³⁾ Iqid. Халкондѣльс, lib. V, стр. 126.

⁴⁾ Іерак. хрон. стикхи 387—8.

⁵⁾ Marino Sanuto, Vite de' Duchi di Venezia, стр. 1007.

нѣкогда величественной державы царя Стефана Душана, но при этомъ не всегда согласно съ историческою истиной излагаетъ ихъ, именно часто перепутываетъ событія. Вотъ самый выдающійся примѣръ того: онъ говоритъ, что Византійскій императоръ въ союзѣ съ турецкимъ отрядомъ, посланнымъ ему въ помощь султаномъ Муратомъ I, одержалъ въ Болгаріи побѣду:

(ст. 51) «ἐφάνη μέγας ἀριστεὺς, ὡς Ἕλλην τῶν Ἑλλήνων.
ἐτρέφετο Βουλγαρικὰς ψάλλοντας καὶ δυνάμεις,
πόλεις Μουσῶν καὶ Τριβαλῶν, καὶ παῖδας τῶν Παίδων
ὡς ἄρνας ἐκατέπραξε, καὶ Μάρχον Κραμβοβίτην,
πρώτιστον ὄντα μέγιστον καὶ ἀρχηγὸν Παίδων.

Трудно рѣшительно сказать, какое тутъ событіе хроникеръ имѣлъ въ виду. Если онъ разумѣлъ войну Византіи съ Болгарскимъ царемъ Шишманомъ (1365 г.), то оказывается полное разногласіе со всѣми остальными источниками, касающимися этого событія: непрерывныхъ, потому что въ этой войнѣ Турки были не на сторонѣ Іоанна Палеолога, а на сторонѣ Шишмана, которымъ они были признаны въ помощь; и восторжѣхъ, Венгерцы (Παῖνοι) съ ихъ королемъ Людовикомъ I Великимъ были на сторонѣ Византійскаго императора Іоанна Палеолога: только благодаря энергіи Людовика, Іоаннъ Палеологъ одержалъ побѣду. Участіе Людовика въ этой битвѣ—фактъ несомнѣнный. Фесслеръ въ своей *Geschichte von Ungarn* (часть II, въ передѣлкѣ Клейна, 1869 г., стр. 153 — 154) дѣлаетъ замѣчаніе объ этомъ событіи и отвергаетъ мнѣніе историковъ, заподозрѣвавшихъ дѣйствительность этой побѣды Людовика I надъ Турками и Волгарами: противъ довода, представленнаго отвергающими этотъ фактъ — именно, что современникъ Людовика I, его секретарь архидіаконъ Іоаннъ Küküllö, повѣствуя объ этомъ событіи, не дѣлаетъ упоминанія о Туркахъ, а объ однихъ только Болгарахъ, Фесслеръ приводитъ свидѣтельство Іоанна Менесдорфа, писавшаго свой трудъ 1407 г., спустя 25 лѣтъ послѣ смерти Людовика I. Изъ Менесдорфа мы узнаемъ, что Людовикъ дѣйствительно одержалъ побѣду надъ Волгарами и Турками, которая стоила ему многихъ усилий и жертвъ: онъ уже думалъ было бѣжать предъ полчищами Турокъ и Волгарь, какъ явилась ему св. Марія и помогла одержать побѣду. Правда, въ этомъ разсказѣ проглядываетъ много легендарнаго, но все-таки нельзя отрицать въ немъ историческую основу. Слѣдующія слова грамоты Людовика I, данной имъ на построеніе церкви во имя св. Маріи, въ знакъ благодарности за чудесную ея помощь: „Ludovicus Rex Hun-

gariae per Matrem Misericordiae victoriam Turcorum obtinuit¹⁾ устраниютъ всякое сомнѣніе. Послѣ всего вышеназложеннаго, намъ положительно кажутся непонятными слова хроникѣ καὶ καὶ τὰς τῶν Παύων ὡς ἄρνας ἐκατέρφε: Хроникеръ смѣшалъ тутъ разныя событія; быть можетъ, подъ Паюнами онъ понимаетъ не Венгерцевъ, какъ всѣ прочіе византійскіе лѣтописцы, а другой народъ: указаніемъ на подобное предположеніе могутъ, кажется, служить слѣдующія слова хроникѣ о сербскомъ великанѣ Маркѣ Краевичѣ: καὶ Μάρκον Κραμβορίχην, πρότερον βυτα μέγιστον καὶ ἀρχηγὸν Παύων²⁾. Передавъ темныя разказы о сейчашъ изложенномъ событіи, хроникеръ затѣмъ переходитъ къ разказу о томъ, какъ султанъ Муратъ I разсердился на Византійскаго императора за то, что тотъ не прислалъ ему даровъ и потому пошелъ войною на него и занялъ Адрианополь. Но вѣдь занятіе Адрианополя случилось (1362 г.) раньше войны съ Болгарами! Разказъ объ этомъ служитъ въ хроникѣ переходомъ къ разказу о Косовской битвѣ. Тутъ авторъ говоритъ о великихъ приготовленіяхъ Сербскаго князя Лазаря и борьбѣ съ султаномъ Муратомъ I и перечисляетъ его союзниковъ:

(ст. 81). Βουλγαροὶ τε καὶ ἄρχοντας οἱ ἐν Ἀλβανίᾳ
λεγόμενοι οἱ Ἀάρβανες, οἱ ἀπὸ τῆς Μυσίας,
οἱ τε Ἀπροκεραῦνοι, καὶ οἱ ἐκ τῆς Ἰπείρου,
καὶ οἱ τῶν Ἀδριατικῶν παράλιον οἰκοῦντες.

Борьба ожесточенная: смерть Сербскаго князя Лазаря рѣшаетъ побѣду въ пользу Турокъ. Мстителемъ за смерть Лазаря является вѣрный его слуга Ἰνδεριάτης (стих. 94) (Милошъ Обиличъ), который поражаетъ кинжаломъ султана Мурата I, убійцу его господина. Вотъ и всѣ тѣ данныя этой хроникѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи южныхъ Славянъ. Побѣды Турокъ у Никополя (1396 г.), Варин (1444 г.) и Константинополя (1453 г.) переданы хроникомъ такъ, что вовсе не выясняется положеніе, принятое южными Славянами въ этихъ роковыхъ событіяхъ.

Владиміръ Качановскій.

¹⁾ Fejer, Codex diplomaticus, IX, v. III, стр. 577.

²⁾ Эта путаница въ названіяхъ народовъ еще яснѣе обнаруживается въ разказѣ о военныхъ успѣхахъ преемника Муратова, сѣлтана Баласа I: «султанъ Баласаъ τρεπώσας γένη κάμπολλα βμορα Βουλγαρίας, καὶ κατασφάξας ἀδεῶς ριζοκοπήσας πόλεις, πόλεις Μυσίας, Τριβαλῶν, πόλεις ἐν Παριστρίᾳ, πόλεις τῶν Σέρβων, τῶν Σαρρῶν, πόλεις τῶν Δαρδανίων» (Γεραχὸς χρονικ., ст. 116—119). Трибалы и Сербы у другихъ византійскихъ лѣтописцевъ—одинъ народъ. Кажется, что подобное раздѣленіе понадобилось нашему хроникеру для стиха.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

Совершенно справедливо требовать въ народной школѣ, чтобы дѣти не только умѣли читать, но и понимали прочитанное. Такой способъ ученія долженъ существенно отличать новую школу отъ старой, въ которой дѣти выучивались читать лишь механически. Развить ребенка на столько, чтобы онъ могъ отнестись сознательно къ прочитанному, чтобы онъ умѣлъ передать послѣднее своими словами—дѣло первой важности. Это будетъ главная задача по предмету русскаго языка въ народной школѣ. Понимать прочитанное можно, смотря по развитію каждаго, весьма различно, и для начальной школы это пониманіе, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть глубоко. Поэтому выборъ статьи, предназначаемой для чтенія въ начальной школѣ, слѣдуетъ дѣлать осмотрительно, и трудность ея пониманія не должна превышать силы ученика. Книги для первоначальнаго чтенія въ народной школѣ должны составляться опытною рукой. Статьи хрестоматіи должны быть кратки, и въ то же время каждая изъ нихъ должна составлять законченное цѣлое; изложеніе ихъ должно быть сжато, дабы съ первыхъ же шаговъ ученикъ чувствовалъ всю цѣпу слова, а слѣдовательно и цѣпу вниманія при чтеніи. Для объяснительнаго чтенія въ народной школѣ должна быть составлена даже отдѣльная хрестоматія, которая не была бы наполнена статьями о выдѣлкѣ струнъ, о выдѣлкѣ вулей, цыновокъ и лаптей, о приготовленіи писчихъ перьевъ и карандашей и т. п., а включала бы въ себѣ лучшіе образцы русской литературы, имѣющіе воспитательное значеніе. Мелкіе разказы и стихотворенія, басни, сказки должны быть предлагаемы раньше, чѣмъ статьи описательнаго содержанія, болѣе трудныя для пониманія. Если принять во вниманіе, что ученикъ долженъ умѣть передавать содержаніе статей своими словами,

часть СХС, отд. 3.

то необходимо при выборѣ останавливаться на статьяхъ, соответствующихъ бѣдности средствъ дѣтской рѣчи и отличающихся простотою материала, пригоднаго для этихъ упражненій. Каждый классъ народной школы долженъ имѣть для упражненій въ объяснительномъ чтеніи свой отдѣлъ въ хрестоматіи. Такъ какъ нельзя рѣшить, что слѣдуетъ требовать отъ ученика народной школы по объяснительному чтенію, если критеріемъ не считать пересказъ прочитаннаго, то объяснительное чтеніе служить болѣе мѣркою педагогическаго развитія самого учителя, чѣмъ учениковъ. Между тѣмъ требованія по этому предмету, на сколько они высказались въ разныхъ педагогическихъ трудахъ, представляются для самихъ учителей крайне сбивчивыми. Обращаясь къ иностранной литературѣ, мы поражены слѣдующимъ фактомъ: у Нѣмцевъ почти ничего не писано объ объяснительномъ чтеніи; у Французовъ объяснительное чтеніе касается преимущественно объясненія синонимовъ и грамматическихъ подробностей; въ Германіи оно замѣнено уроками нагляднаго обученія (*Anschauungsunterricht*). Даже въ громадной педагогической энциклопедіи Шмида нѣтъ особой статьи объ объяснительномъ чтеніи. Поэтому позволительно прійти къ тому заключенію; что объяснительное чтеніе есть продуктъ по преимуществу русской начальной школы. Не легко впрочемъ познакомиться и изъ нашей педагогической литературы съ задачами, которыя оно преслѣдуетъ. Многіе, писавшіе по этому вопросу, сами не понимали — что такое объяснительное чтеніе: лучшія замѣчанія принадлежатъ г. Васисову. Примѣрные уроки, вполне отвѣчающіе нормальнымъ требованіямъ отъ означеннаго чтенія, помѣщены въ его книгѣ: „Замѣтки о практическомъ преподаваніи русскаго языка“ (стр. 45 — 49), а также встрѣчаются у г. Ковьямина въ началѣ его „Русской хрестоматіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ“ (стр. VI—XXI). Литература по занимающему насъ вопросу, далеко не полна, изложена у г. Вунакова; дополненіями къ ней могутъ служить нѣкоторые замѣчанія Диттеса въ его книгѣ „Методика первоначальнаго обученія“, переведенной подъ редакціей гг. Запольскаго и Кирпотенка.

Многіе смѣшиваютъ объяснительное чтеніе съ толковнымъ, разумнымъ, выразительнымъ и т. п. Очевидно, здѣсь принимается слѣдствіе за причину. Безъ объяснительнаго чтенія, понятію, нельзя толково и сознательно прочитать статью. Невѣрно было бы также понимать подъ объяснительнымъ чтеніемъ комментарий. Объяснять статью въ народной школѣ не значитъ ее комментировать, потому что подъ

послѣднимъ преимущественно разумѣютъ грамматическій (синтаксическій) и стилистическій разборъ ея, а грамматика въ нашей русской народной школѣ (за исключеніемъ двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія) вовсе не проходитъ.

Главная ошибка всѣхъ писавшихъ объ объяснительномъ чтеніи заключалась въ томъ, что они не выражали свою мысль кратко и доступно для пониманія нашихъ народныхъ учителей и расплывались въ подробностяхъ, не сказавъ главнаго и существеннаго.

Къ числу всѣми признанныхъ требованій отъ объяснительнаго чтенія въ народной школѣ мы относимъ слѣдующее:

1) *Разборъ предложенія.* Ученики прочитываютъ сначала предложеніе, при чемъ одинъ изъ нихъ читаетъ вслухъ, а другіе — про себя, затѣмъ они отвѣчаютъ на вопросы, касающіеся прочитаннаго, указывая на главный предметъ, дѣйствіе или состояніе предмета (о комъ говорится, чтѣ говорится и т. п.), на обстоятельства дѣйствія и т. п., но разборъ этотъ дѣлается безъ грамматическихъ терминовъ. Соотвѣтственно степени развитія, на которой находится наша народная школа, это упражненіе, какъ болѣе легкое, почти повсюду принято и составляетъ пока единственное исполнимое требованіе для всѣхъ учителей. Оно весьма важно, и объяснительное чтеніе должно начинаться именно съ него, а не съ чего-либо другаго. Предложеніе, какъ цѣлое, тогда только будетъ понятно ученику, когда онъ останавливался на взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ словъ, его составляющихъ. Я согласенъ, что это требованіе можетъ быть опущено, когда рѣчь идетъ объ объяснительномъ чтеніи въ 1-мъ классѣ гимназій, куда поступаютъ ученики на столько подготовленные, что могутъ не останавливаться на взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ словъ, составляющихъ предложеніе, и которые, читая рядъ отдѣльныхъ предложеній, тотчасъ же сознаютъ даже связь между ними; но въ начальной школѣ, особенно въ младшихъ ея отдѣленіяхъ, безъ такого упражненія объяснительное чтеніе невысказуемо. Совершенно ошибочно, потому, нѣкоторые считаютъ это требованіе вовсе не относящимся къ числу упражненій, входящихъ въ кругъ объяснительнаго чтенія.

2) *Вещественный разборъ.* Здѣсь даются объясненія словъ безъ особыхъ подробностей, прямо ведущія къ пониманію смысла читаемаго. Вещественный разборъ долженъ служить только средствомъ къ пониманію того, о чемъ идетъ рѣчь въ статьѣ, а не быть цѣлю объяснительнаго чтенія. Объясненіе техническихъ терминовъ, мѣстныхъ названій, собственныхъ именъ, иностранныхъ словъ и т. п. должно пред-

лагаться лишь въ мѣрѣ, требуемой указанною цѣлю. Неизвѣстный предметъ долженъ быть объясненъ краткимъ указаніемъ на то значеніе, какое онъ имѣетъ въ статьѣ; притомъ не слѣдуетъ объяснять того, что еще не можетъ быть объяснено, судя по развитію учащихся. Единственная у насъ книга, въ которой вещественный разборъ при объяснительномъ чтеніи является болѣе разработаннымъ, это— „Учебная хрестоматія, съ толкованіями“ г. Полеваго (1-я часть). Она можетъ быть названа одною изъ самыхъ необходимыхъ книгъ для каждаго учителя народной школы. При всѣхъ ея недостаткахъ, она все-таки можетъ служить лучшимъ руководствомъ, какъ вести такъ называемый вещественный разборъ при объяснительномъ чтеніи. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы составитель этой хрестоматіи, наполняя свои примѣчанія вещественнымъ разборомъ, предполагалъ, что онъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ отъ объяснительнаго чтенія. Рекомендуя эту книгу учителямъ народныхъ школъ, я обыкновенно говорю, что въ ней достаточно полно изложено только одно изъ такихъ требованій. Возраженія противъ вещественнаго разбора, изложеннаго въ хрестоматіи г. Полеваго, были представлены г. Поливановымъ. Многія изъ нихъ совершенно вѣрны. Нерѣдко г. Полевой вдается въ неумѣстныя подробности, напримѣръ, при стихѣ: „Журавль своей длинной нося... засунуль волюку въ пасть“ онъ упоминаетъ совершенно неумѣстно глаголъ „пасть“, и задаетъ вопросъ: „что такое пасть, пасточка, пестъ, пестикъ въ ступѣ и въ цѣпкѣ, перстъ и наперстокъ“, а затѣмъ требуетъ объясненіе послѣднихъ: „его въ ступѣ пестомъ не истолчешь“. Можно предполагать, что г. Полевой имѣлъ въ виду, дѣлая такіе примѣчанія, познакомить ученика съ богатствомъ роднаго языка, но эта цѣль не можетъ быть достигнута, особенно такимъ путемъ въ начальной школѣ. Толкованіе производимыхъ словъ въ связи съ коренными превышаетъ уровень развитія ея учениковъ. Вообще г. Полевой даетъ слишкомъ много примѣчаній, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе подробны, чѣмъ слѣдовало бы, хотя совершенно справедливо, что изъ полнаго не мудрено сдѣлать сокращенное. Не говорю о содержаніи выбранныхъ г. Полевымъ для своей хрестоматіи статей, въ большинствѣ случаевъ мало удовлетворительныхъ для начальной школы, а обращаю вниманіе только на сдѣланный имъ вещественный разборъ къ этимъ статьямъ, за которымъ признаю пока первенствующее мѣсто въ ряду другихъ подобнаго же рода. Съ общимъ заключеніемъ г. Поливанова, будто такіе поясненія, какія находятся у г. Полеваго, достигаютъ цѣли совершенно обратной объяснительному чтенію, а именно— „оту-

чаютъ сосредоточивать вниманіе при чтеніи для воспріятія слова, какъ члена извѣстной мысли, а мысли—какъ члена извѣстнаго произведенія, словомъ препятствуютъ пониманію читаемаго¹⁾, а совершенно не согласенъ. Мнѣ кажется, что объяснительное чтеніе, какъ понимаетъ его г. Поливановъ, соответствуетъ низшимъ классамъ гимназій, а не народной школѣ.

3) *Объясненіе оборотовъ рѣчи*, называемыхъ тропами и фигурами, и синонимовъ, безъ употребленія специальныхъ для того названій, замѣна однихъ выраженій другими, какъ необходимый результатъ такого объясненія. Если рѣчи данъ искусственный оборотъ, напримѣръ, употреблены предложенія вопросительныя и восклицательныя, или обращенія, тогда слѣдуетъ замѣнять ихъ выраженіями, взятыми изъ обыкновенной простой рѣчи. Сюда же относится приискиваніе словъ съ противоположнымъ понятіемъ, находящимся въ текстѣ.

4) *Пересказъ прочитаннаго*, приучающій ученика къ свободному изложенію мыслей своими словами, устно и письменю. Въ вышедшемъ недавно сборникѣ для класснаго чтенія: „Родникъ“, составленномъ г. Радонежскимъ (1876), показаны примѣры, какъ вести пересказъ прочитаннаго, и съ этою цѣлью предлагается для каждой статьи особый планъ. Въ планѣ статья дѣлится на нѣсколько частей, такъ что, выразивъ какую-либо изъ нихъ однимъ простымъ предложеніемъ, ученикъ можетъ удобно пересказать вкратцѣ все содержаніе прочитанной статьи. Представимъ образецъ: Послѣ объяснительнаго чтенія стихотворенія Пушкина „Мой домикъ“, учитель заставляеть отвѣчать учениковъ на слѣдующіе вопросы: Сколько было комнатъ въ домѣ? Какая мебель? Были ли другія вещи и украшенія? Куда смотрѣли окна? Какія деревья были въ саду? Цвѣты? Ручей? Вслѣдъ за отвѣтами на эти вопросы ученики приучаются къ связному пересказу прочитаннаго, который приблизительно долженъ быть такимъ: Въ домикѣ было три комнатки; мебель стояла самая простая; не было ни ковровъ, ни бронзовыхъ, ни золотыхъ вещей; окна домика выходятъ въ садъ; въ немъ растутъ липы, черемуха, березы и даютъ прохладную тѣнь; тамъ же цвѣтутъ ландыши, фіалки, и журчитъ ручеекъ (Родина, стр. 3). Въ книгѣ г. Радонежскаго пересказъ прочитаннаго достаточно обработанъ; это—лучшая сторона упомянутой книги.

¹⁾ Русская хрестоматія Поливанова, стр. V.

Остальныя требованія отъ объяснительнаго чтенія въ народной школѣ я называю спорными. Одни считаютъ ихъ столь же важными, какъ и первыя, другіе—превышающими уровень понятій учениковъ. Къ такимъ требованіямъ относятся: 1) главная мысль статьи, 2) раздѣленіе статьи на части и объясненіе взаимной ихъ связи, 3) грамматическія подробности, и 4) объяснительное чтеніе съ предварительною бесѣдой. Я лично не только не признаю возможнымъ предлагать эти требованія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, при теперешнемъ ея состояніи, но и вообще согласенъ съ ними.

Начнемъ съ перваго требованія. Г. Радонежскій въ предисловіи къ упомянутому выше сборнику формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Въ своихъ разборахъ мы прежде всего указываемъ мысль статьи, не раздѣляя вовсе укоренившагося убѣжденія, что съ дѣтми младшаго возраста, при чтеніи статей, должно ограничиваться лишь однимъ вещественнымъ разборомъ, то-есть, разборомъ *отдельныхъ* словъ и выраженій“. Такъ какъ авторъ не говоритъ, почему онъ принимаетъ за необходимое указывать при разборѣ прежде всего *мысль* статьи, то мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ по той причинѣ, что простаго желанія сдѣлать такъ, а не иначе, очевидно, недостаточно для убѣжденія другихъ. Мы считаемъ такое упражненіе для дѣтей младшаго возраста труднымъ, а возможнымъ лишь для учениковъ IV класса нашихъ гимназій. Если мы возьмемъ стихотвореніе Кольцова: „Что ты спишь, мужичекъ?“, помѣщенное на стр. 181 „Родины“, и будемъ опредѣлять главную мысль его такъ, какъ она опредѣлена г. Радонежскимъ (здѣсь описывается положеніе прежде дѣятельнаго, а потомъ разлѣнившагося мужичка), то конечно, это будетъ доступно для нѣкоторыхъ учениковъ младшаго возраста; но въ томъ-то и бѣда, что мысль стихотворенія совсѣмъ другая. Въ немъ изображается значеніе труда, который служитъ для человѣка источникомъ матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго совершенства; общечеловѣческое значеніе труда Кольцовъ примѣнилъ къ жизни русскаго крестьянина. Точно также не вѣрно объясняетъ г. Радонежскій главную мысль басни Крылова: „Оселъ и Соловей“ (стр. 172): оселъ, послушавъ соловья, посовѣтывалъ ему учиться у пѣтуха. Нѣтъ, главная мысль заключается здѣсь въ томъ, что часто встрѣчаются люди, которые самоувѣренно судятъ о дѣлахъ и предметахъ, о которыхъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Противорѣчіе въ подобномъ судѣи между самоувѣренностью и невѣжествомъ

должно возбуждать въ наблюдателѣ насмѣшку; съ нею-то и относился Крыловъ къ означенному явленію. Онъ имѣлъ въ виду представить искуснаго артиста или пѣвца и невѣжественнаго судью или критика; для этого онъ беретъ соловья, какъ птицу, отличающуюся передъ всѣми своими чудесными пѣніемъ, и осла, съ которымъ у насъ связывается понятіе о тупости. Чтобы понять эту басню со стороны ея главной мысли, необходимо знать еще, что основой ея литературной обработки является аллегорія и иронія. Можно ли, спрашиваю,—требовать изложеніе главной мысли подобнаго произведенія отъ учениковъ начальной школы? Не думаю, чтобы слѣдовало еще далѣе разъяснить сказанное мною съ цѣлью убѣдить каждаго въ ошибочномъ опредѣленіи силъ ребенка для пониманія мысли произведенія. Изъ чего дѣлается горшокъ, спросилъ я однажды ученика въ народной школѣ, и получилъ отвѣтъ: изъ черепковъ. Вотъ на какой степени развитія стоятъ ученики младшаго возраста въ нашей народной школѣ, которымъ г. Радонежскій рекомендуетъ понять главную мысль въ названномъ стихотвореніи Кольцова или въ баснѣ Крылова.

Точно также совершенно ошибочно г. Малининъ въ своей книгѣ „Начальное народное училище“ (Москва, 1875) говорить, что отыскиваніе основной мысли читаемаго составляетъ необходимое требованіе въ начальной школѣ (стр. 103). Г. Поливановъ утверждаетъ то же самое, но очевидно, онъ разумѣетъ не народную школу, а гимназію; г. Водовозовъ считаетъ возможнымъ знакомить учениковъ народной школы съ различіемъ между поэзіей и прозой, съ эпическою и лирическою поэзіей, даже съ лирическою поэмою (стр. 140 его „Книги для учителей“, заключающей въ себѣ объясненія на „Книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ“, ч. 1).

Если требованіе опредѣлять главную мысль въ прочитанной піесѣ мы считаемъ для народной школы слишкомъ высокимъ и неудобноисполнимымъ, то какъ же согласиться съ вытекающимъ отсюда заключеніемъ—читать, не понимая главной мысли? Не значить ли это читать бессмысленно? Мы сказали выше, что пониманіе прочитаннаго въ начальной народной школѣ не можетъ быть глубоко. Исчерпываніе содержанія прочитанной статьи въ дробныхъ вопросахъ, предлагаемыхъ учителемъ для учениковъ, пересказъ ими прочитаннаго стоитъ въ ближайшей связи съ пониманіемъ главной мысли этого произведенія, хотя далеко не тождественно съ нею. Смыслъ прочитаннаго и главная мысль произведенія не суть понятія однозначущія,

Можно многое понимать, но сознательно, безошибочно, вѣрно и кратко формулировать свое пониманіе не для всякаго доступно. Для послѣдняго требуется болѣе силъ, чѣмъ какіи располагаетъ начальная народная школа. На каждой послѣдовательной ступени нашего развитія мы вносимъ новое, болѣе глубокое пониманіе окружающей насъ жизни и природы. Съ этой точки зрѣнія требованіе отъ начальной школы при объяснительномъ чтеніи найти главную мысль статьи я считаю несостоятельнымъ. Этого дѣлать нельзя, потому что ученики недостаточно для этого развиты.

Раздѣленіе статьи на части и объясненіе взаимной связи между ними принадлежитъ также къ числу преждевременныхъ требованій отъ объяснительнаго чтенія въ народной школѣ. Для доказательства приведемъ примѣръ. Къ числу немногихъ дѣленій піесы на части и разъясненій связи между ними, вполне доступныхъ для взрослыхъ учениковъ, я отношу стихотвореніе Пушкина: „Ко гробу Кутузова“. Это стихотвореніе, безспорно, дѣлится на три части: къ первой относится описаніе окружающей гробницу Кутузова обстановки въ Казанскомъ соборѣ, во второй—кто былъ Кутузовъ, къ третьей—съ какимъ чувствомъ относится поэтъ къ его гробницѣ. Такъ какъ гробница Кутузова находится въ Казанскомъ соборѣ, въ которомъ собраны многіе памятники войны 1812 г., и сама занимаетъ среди нихъ первое мѣсто, то естественно было, говоря объ этой гробницѣ, сказать, чѣмъ окружена она. Связь между первою частью и третьею становится понятною. Вторая часть говоритъ, кто былъ Кутузовъ, какою любовью пользовался со стороны войска, какъ давно началъ свое военное поприще, какъ много принесть пользы отечеству, — все это имѣетъ близкое отношеніе къ третьей части, въ которой поэтъ высказываетъ свое чувство при гробницѣ Кутузова. Это чувство могло возникнуть въ душѣ поэта только благодаря знакомству его съ русскою исторіей, а потому и было умѣстно повторить историческіе факты, относящіеся къ Кутузову. Менѣе взрослымъ ученикамъ, въ начальномъ народномъ училищѣ, гдѣ не проходитъ русская исторія, какъ дѣленіе этой піесы на части, такъ и связь между ними останется пестрью, потому что основной мотивъ—великія историческія воспоминанія о войнѣ 1812 г.—чуждъ ученикамъ, а потому они не въ состояніи будутъ понять, отчего восторгъ, по выраженію поэта, живетъ въ гробу Кутузова.

Въ книгѣ „Родное Слово“, годъ 2-ой, помѣщена сказочка о томъ, какъ мужикъ и медвѣдь сѣяли сперва рѣпу, потомъ пшеницу, и

какъ, оба раза мужикъ извлекаетъ изъ этого пользу, а медвѣдя оставилъ на при чемъ. Г. Бунаковъ говоритъ, что сказка эта удобно дѣлится на двѣ части (стр. 183): въ первой изложено, какъ мужикъ и медвѣдь сѣяли и дѣлили рѣпу, во второй—пшеницу. Спрашивается, для чего нужно дѣлать ученику, что эта сказка дѣлится на двѣ части, когда не выяснена ни взаимная ихъ связь, ни какая-либо другая причина дѣленія? Намъ скажутъ, что раздѣленіе литературнаго произведенія на части служитъ точкой отпращиванія при разясненіи его содержанія. Мы считаемъ это замѣчаніе справедливымъ и готовы согласиться съ нимъ, но только при разборѣ литературныхъ произведеній въ классахъ гимназій, а не начальныхъ училищъ. Впрочемъ и для гимназій не желательно, чтобы разборъ литературныхъ произведеній сведенъ былъ къ самому дробному разложенію ихъ на составныя части, которыя затѣмъ разсматриваются съ мелочною подробностью, способною только затемнять пониманіе основной мысли. Такими подробностями страдаетъ, напримѣръ, разборъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ въ извѣстной книгѣ г. Водовозова: „Словесность въ образцахъ и разборахъ“.

О грамматическихъ подробностяхъ при объяснительномъ чтеніи я могу сказать лишь слѣдующее: если время позволитъ, то слѣдуетъ заниматься ими отдѣльно, и притомъ въ извѣстной системѣ, ибо ничего общаго съ объяснительнымъ чтеніемъ онѣ не имѣютъ; если же времени мало—при трехгодичномъ курсѣ, по моему мнѣнію, его очень недостаточно,—то нужно ихъ пропускать. Въ двухклассныхъ училищахъ курсъ грамматики можно пройти довольно обстоятельно.

Объяснительное чтеніе съ предварительною бесѣдой было рекомендовано нѣкоторыми учительскими сѣздами. Примѣромъ того, какъ оно должно быть ведено, служитъ урокъ, приведенный въ „отчетѣ по сѣзду учителей начальныхъ училищъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи 1872 года“. Содержаніемъ этого урока служила пѣса Майкова „На лугу лѣтомъ“, помѣщенная во 2-й части „Роднаго Слова“. Позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, потому что эта форма объяснительнаго чтенія у насъ мало извѣстна.

Въ предварительной бесѣдѣ, относящейся къ означенной пѣсѣ, объяснены были непонятныя для учениковъ слова: лугъ—луга, проселокъ и проч., неизвѣстныя имъ предметы; корзинка, коса, точильная лопатка и проч., метафорическія выраженія: „работа кипѣла“, „растущій стогъ“, „разгорѣлась заря“; указаны были значенія словъ въ разныхъ фразахъ: „косари дружно наступали на высокую траву“, часть СХС, отд. 3.

„онъ мнѣ наступилъ на ногу“, „наступило лѣто“; „разбили“ (разкинули) палатки“, „разбили окно“, „разбили непріятеля“ и проч.

Дѣти въ деревнѣ, нѣтъ сомнѣнія, знаютъ, что такое—дуга, лугъ, коса, точильная лопатка, слѣдовательно, не было причины считать эти слова почему-то непонятными, а для объясненія ихъ терять напрасно время.

Объясненіе слова „проселокъ“, прежде прочтенія учениками той фразы въ текстѣ книги, въ которой оно находится (часа черезъ два ѣзды по узкимъ проселкамъ, а иногда и вовсе безъ дороги, добрались мы до своего заливного сѣнокоса), гораздо труднѣе усвоить дѣтямъ, чѣмъ понять его въ связи съ цѣлою фразой. Въ данной фразѣ, напримѣръ, изъ сопоставленія слова „проселокъ“ съ эпитетомъ „узкій“ и съ другимъ словомъ „дорога“ вытекаетъ ужъ объясненіе перваго.

Какая связь въ предварительной бесѣдѣ могла быть между объясненіемъ выраженія „растущій стогъ“ и „разгорѣлась заря“—я не понимаю. При чтеніи же самаго текста, съ относящимися къ нему объясненіями, связью между ними будетъ самый текстъ статьи, и притомъ, связью тѣмъ болѣе необходимою, что значеніе слова въ текстѣ опредѣляется вѣрно только по отношенію ко всему содержанію. Характеръ объяснительнаго чтенія зависитъ много отъ содержанія и изложенія статьи, а потому я думаю, едва ли будетъ полезно вести объяснительное чтеніе въ формѣ предварительной бесѣды, искусственно удаляющей дѣтей отъ этого содержанія.

Еще менѣе понятно, какимъ образомъ объяснительное чтеніе съ предварительною бесѣдой, какъ стараются увѣрить, представляетъ болѣе интереса для дѣтей и сильнѣе дѣйствуетъ на нихъ воображеніе, чѣмъ разборъ и объясненіе читаемаго текста статьи по предложеніямъ. Соглашаюсь скорѣе съ совершенно противоположнымъ заключеніемъ.

Предварительная бесѣда въ объяснительномъ чтеніи предполагаетъ вопросы со стороны учителя и отвѣты со стороны учениковъ. Многіе изъ отвѣтовъ должны служить въ свою очередь темою для объясненій. Такъ какъ въ приведенномъ примѣрѣ (стр. 106 и 107 упомянутаго Отчета) я не вижу бесѣды, то я затрудняюсь сказать, на сколько такого рода упражненіе можетъ быть полезно.

Въ предварительной бесѣдѣ „дѣтямъ объяснены непонятныя для нихъ слова, предметы и выраженія“. Что же дѣлали дѣти во время этого объясненія?

Если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь естественно-историческомъ „описаніи“

саніи, и въ дополненіе къ содержанію его учитель прибавляетъ отъ себя новыя факты, выясняющіе полнѣе пониманіе статьи; если предварительное объясненіе направлено на правильное пониманіе статьи, — то оно, по моему мнѣнію, еще возможно; въ другихъ случаяхъ бесполезно заниматься имъ.

Принять объяснительное чтеніе съ предварительною бесѣдой значитъ допускать произволъ въ выборѣ отрывковъ для объясненій. Выборъ этотъ долженъ регулироваться содержаніемъ статьи, и главное, пониманіемъ учениковъ, степенью ихъ развитія.

Возьмемъ примѣръ изъ разбираемой статьи „На лугу лѣтомъ“ „кошари въ бѣлыхъ рубахахъ дружно наступали на высокую траву“ — почему здѣсь не было пояснено, что обычай крестьянъ и крестьянокъ надѣвать въ страдную пору легкія бѣлыя рубахи имѣетъ оправданіе въ томъ, что бѣлая рубаха не такъ сильно нагревается, какъ рубаха темнаго цвѣта? Знали ли ученики это прежде?

Что касается до требованія г. Поливанова — „считать исключительною цѣлью объяснительнаго чтенія изученіе *цѣлаго сочиненія*, какъ системы мыслей“, то послѣ возраженій, сдѣланныхъ г. Бунаковымъ противъ примѣненія такого требованія въ начальной школѣ (Родной языкъ, стр. 112 и др.), оно не имѣетъ никакой силы и не можетъ быть причислено даже къ числу спорныхъ. Опять-таки г. Поливановъ упустилъ тутъ изъ виду разницу между гимназіей и начальной школой.

О мнѣніи барона Корфа, заключающемся въ томъ, что объяснительное чтеніе имѣетъ значеніе бесѣды по поводу любого слова въ статьѣ, и данно опровергнутомъ гг. Бунаковымъ и Поливановымъ, можно упомянуть здѣсь только для полноты. Г. Корфъ, конечно, имѣлъ въ виду начальную европейскую школу, пользующуюся предметными уроками и работавъ надъ своею книгой подъ вліяніемъ этой школы и въ такое время, когда педагогическія особенности нашей вновь возникающей школы не успѣли еще ясно опредѣлиться. За границею такого объяснительнаго чтенія, какое ведется у насъ, нигдѣ не существуетъ; тамъ оно замѣнено нагляднымъ обученіемъ или предметными уроками, къ которымъ, вѣроятно, со временемъ придетъ и мы.

И такъ, объяснительное чтеніе въ начальной народной школѣ должно удовлетворять, по нашему мнѣнію, тѣмъ требованіямъ, которыя признаются всѣми безспорными. Въ него входятъ: разборъ предложенія, вещественный разборъ, объясненіе оборотовъ рѣчи, называемыхъ синонимами, тропами и фигурами, и пересказъ прочитаннаго.

Что же касается до другихъ требованій, о которыхъ ми говорили выше, то они или недостижимы при теперешнемъ состояніи нашей начальной школы, или неприменимы по своей несостоятельности въ педагогическомъ отношеніи. Дѣло народной школы въ послѣднее время получило болѣе широкое развитіе, вмѣстѣ съ тѣмъ и число руководителей ея значительно увеличилось, а мы не имѣемъ, пока еще ни одного сочиненія, которое могло бы служить къ объединенію разнообразныхъ взглядовъ на практическое выполненіе педагогической задачи народной школы. У Нѣмцевъ существуютъ труды въ этомъ родѣ Кера, Шлимбаха, Диттеса и др., но переводить ихъ на русскій языкъ бесполезно, потому что народная школа въ Германіи имѣетъ шестилѣтній и семилѣтній курсъ, а наша — преимущественно трехлѣтній.

Николай Овсянниковъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

29-го декабря 1876 года,

по случаю празднованія въ столѣтидесятилѣтняго юбилея.

Это собраніе соизволили удостоить своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскіи Высочества: Паслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Цесаревна, Государя Великіе Князья Николай Александровичъ, Владиміръ Александровичъ съ Августѣйшею Супругою Великою Княгинею Маріей Павловной, Сергій Александровичъ и Константинъ Николаевичъ, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, Князья Романовскіе Герцоги Сергій и Георгій Максимиліановичи Лейхтенбергскіе и Принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна, съ Супругомъ. Сверхъ того, въ собраніи присутствовали находящіеся въ Петербургѣ дѣйствительные и почетные члены, а также члены-корреспондентіи Академіи, высшее духовенство, многія придворныя особы обоего пола, министры и ихъ товарищи, германскій посолъ при Высочайшемъ Дворѣ генералъ фонъ Швейницъ, генералъ-адъютанты, статсъ-секретари, сенаторы, директоры департаментовъ, начальники высшихъ учебныхъ заведеній, предсѣдатели ученыхъ обществъ, профессора С.-Петербургскаго университета и вообще избранная публика, прибывшая въ залъ засѣданія по разосланнымъ съ сею цѣлью пригласительнымъ билетамъ.

1. Приготовленія къ торжеству.

Имѣя въ виду, что 29-го декабря 1876 г. исполнится сто пятьдесятъ лѣтъ со времени учрежденія Академіи, и озабочиваясь заблаговременными приготовленіями къ устройству соотвѣтствующаго сему

часть охс, отд. 4.

случаю торжества, по примѣру того, какъ въ 1776 г. былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей, а въ 1826 г. столѣтній юбилей Академіи, г. президентъ графъ О. П. Литке еще въ май мѣсяцъ обращался къ г. министру народнаго просвѣщенія съ просьбой объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на такое празднованіе и на выбитіе по этому поводу особой медали. За послѣдовавшимъ въ 9-й день іюля, по всеподданнѣйшему докладу г. министра Всемилоствѣйшимъ соизволеніемъ на такое ходатайство, особая, избранная г. президентомъ, съ согласія конференціи Академіи, комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ г. президента, изъ вице-президента В. Я. Буняковского, непрѣннаго секретаря К. С. Веселовскаго и академика Я. К. Грота, приступила къ обсужденію подробностей предстоящаго празднества и къ необходимымъ распоряженіямъ по устройству онаго, при чемъ принята была въ руководство та программа, по которой въ 1826 году праздновался юбилей Академіи. Поэтому, нѣтъ въ виду, что по случаю обоихъ академическихъ юбилеевъ, пятидесятилѣтняго и столѣтняго, личный составъ Академіи былъ увеличенъ присоединеніемъ къ нему значительнаго числа почетныхъ членовъ и членовъ - корреспондентовъ, Академія сочла умѣстнымъ и нынѣ избрать въ то и другое званія большее число лицъ, чѣмъ избирается ежегодно. Она исходатайствовала также Высочайшее соизволеніе на поднесеніе званія ея почетныхъ членовъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государямъ Великимъ Князьямъ Николаю Александровичу и Сергію Александровичу, а равно и на внесеніе въ списокъ таковыхъ членовъ имени его величества императора Германскаго и короля Прусскаго Вильгельма I, подобно тому, какъ званіе почетныхъ членовъ было поднесено Фридриху II въ 1776 и Фридриху-Вильгельму III въ 1826 году. Въ то же время испрошено было надлежащимъ порядкомъ согласіе императора Германскаго на принятіе его величествомъ означеннаго званія.

Вѣсть съ тѣмъ, главное зданіе Академіи было ко дню юбилея отремонтировано какъ внутри, такъ и снаружи, а большая конференцъ-зала отдѣлана заново и украшена соотвѣтственно предстоявшему празднеству.

Когда всѣ важнѣйшія приготовленія были уже окончены, г. президентъ, предварительно испросивъ на то, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайшее соизволеніе, нѣтъ счастіе представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Членамъ Августѣйшей Фамиліи съ приглашеніемъ на юбилейное засѣданіе Академіи, при

чемъ удостоился услышать милостивое соизволеніе Августѣйшихъ Особъ почтить академическій праздникъ Ихъ присутствіемъ.

II. Засѣданіе 29-го декабря.

Въ самый день юбилея, 29-го декабря, большая конференцъ-зала, живописно украшенная цвѣтами и зеленью, начала съ 11-ти часовъ утра наполняться знатнѣйшими особами столицы. Для ожидаемыхъ Августѣйшихъ посѣтителей были приготовлены особыя мѣста противъ президентской эстрады, по обѣ стороны которой были расположены мѣста для академиковъ. За мѣстами для Высочайшихъ гостей слѣдовали кресла и стулья, предназначенныя прочимъ посѣтителямъ. Въ 1 часть пополудни, когда зала уже была полна блестящею публикой, и изволили уже прибыть нѣкоторые изъ Особъ Высочайшей Фамиліи съ одного конца залы до другаго разнеслась вѣсть о пріѣздѣ Гос у даря Императора и Государыни Императрицы. Высочайшая Чета изволила пожаловать въ Академію вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ престола его супругой, Великими Князьями Николаемъ Александровичемъ, Владиміромъ Александровичемъ, Его Супругою и Великими Князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами. Августѣйшіе Гости были встрѣчены внизу входной лѣстницы г. министромъ народнаго просвѣщенія, г. президентомъ Академіи, ея вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ, привѣтствовавшими Ихъ Величества и Ихъ Высочества отъ лица Академіи и сопровождавшими Ихъ до комнаты, находящейся передъ большою конференцъ-залой. Здѣсь дѣйствительные члены Академіи имѣли счастье быть представленными, каждый отдѣльно, Ихъ Величествамъ, и удостоились слышать изъ устъ Монарха слова милостиваго вниманія къ ихъ ученой дѣятельности.

Когда Ихъ Императорскія Величества и прочіе Высочайшіе посѣтители изволили занять приготовленные для нихъ мѣста, г. президентъ открылъ засѣданіе приложенною къ сему протоколу рѣчью о судьбахъ Академіи въ прожитыя ею со времени ея учрежденія полгораста лѣтъ.

За сими непремѣнный секретарь произнесъ рѣчь о развитіи ученой дѣятельности Академіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Эта рѣчь также помѣщена при семъ протоколѣ.

Послѣ сихъ рѣчей непремѣнный секретарь, на основаніи утвержденныхъ конференціей донесеній особыхъ комиссій, объявилъ о присужденіи въ 1876 году почетной медали и преміи Бара, а также Ломоносовской преміи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Академія въ на-

стоящемъ году имѣла удовольствіе присудить въ первый разъ медаль, назначенную служить высшею наградой для такихъ ученыхъ, которые цѣлымъ рядомъ многолѣтнихъ трудовъ существенно подвинули впередъ ту или другую изъ біологическихъ наукъ. Эта медаль носить имя Бэра, недавнюю кончину котораго оплакиваетъ, вмѣстѣ съ нашею Академіей, и вся европейская наука. Если и на ученомъ поприщѣ, также какъ на прочихъ, можетъ быть живительно благородное соревнованіе, то какой лучший примѣръ могутъ имѣть для себя будущіе соискатели этой медали, какъ не примѣръ самого Бэра, который посвятилъ свой необычный талантъ, свою любовь къ труду и всю долгую жизнь свою изслѣдованіямъ природы *omnis ab ovo* и оставилъ по себѣ рядъ образцовыхъ твореній, навсегда упрочившихъ за нимъ мѣсто въ ряду первостепенныхъ ученыхъ. Учрежденная въ его честь медаль будетъ на вѣчныя времена служить какъ бы загробнымъ его примѣтомъ тѣмъ дѣтелямъ, которые—мы надѣемся—будутъ слѣдовать по стопамъ Бэра и высоко поднимутъ знамя русской науки.

Въ нынѣшнемъ году эта медаль присуждена бывшему профессору Императорскаго Дерптскаго университета, нашему почетному члену Алекс. Андр. Вунге, которому 50-лѣтіе его труды приобрѣли славу одного изъ первыхъ знатоковъ русской флоры, поставивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядъ отличнѣйшихъ ботаниковъ-систематиковъ нашего времени.

Денежная премія Бэра присуждена профессору Гетте за его фізіологическія изслѣдованія надъ жерлянкою (*Bombinator igneus*), животнымъ изъ класса прѣсмыкающихся, имѣющимъ большое значеніе для разъясненія общихъ законовъ развитія животныхъ.

Наконецъ, премія, учрежденная въ 1865 г. въ память о заслугахъ, оказанныхъ отечественному просвѣщенію академикомъ Ломоносовымъ, присуждена въ нынѣшнемъ году профессору Петербурскаго технологическаго института Бейльштейну за его химическія работы надъ бензолнымъ рядомъ, существенно обогатившія науку и могущія служить образцомъ при подобныхъ работахъ*.

Въ заключеніе, непремѣнный секретарь провозгласилъ имена лицъ, вновь присоединенныхъ къ Академіи въ качествѣ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ.

Во главѣ новыхъ почетныхъ членовъ состоятъ Высочайшія Имена его величества императора Германскаго и короля Прусскаго Вильгельма I, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Ни-

коляя Александровича и Сергія Александровича. При провозглашеніи сихъ именъ члены академической конференціи поднимались со своихъ креселъ въ изъявленіе ихъ благоговѣйной признательности за оказанную имъ честь. Послѣ того объявлены прочія имена вновь избранныхъ Академіей:

1) *Въ почетные члены*: высокопреосвященѣйшій Антоній, архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій; генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ, министръ императорскаго двора; дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Сергій Николаевичъ Урусовъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Аггѣевичъ Абаза; генералъ-адъютантъ, полный генералъ Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ; тайный совѣтникъ, сенаторъ Николай Карловичъ Гирсъ; тайный совѣтникъ, сенаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій; председатель Русскаго техническаго общества Петръ Аркадѣевичъ Кочубой; Петръ Александровичъ Чихачевъ; Лессепсъ, членъ института въ Парижѣ; поэтъ Руебергъ, въ Борго; Ленротъ, бывшій профессоръ въ Гельсингфорсѣ.

2) *Въ члены-корреспонденты внутри Имперіи*: Пик. Ив. Костомаровъ, членъ Археографической комиссіи; Дм. Ив. Менделѣвъ, профессоръ химіи въ С.-Петербургѣ; Мих. Петр. Авенариусъ, профессоръ физики, въ Кіевѣ; Роб. Эмил. Ленцъ, профессоръ физики, въ С.-Петербургѣ; Арт. Александр. Эттингенъ, профессоръ физики, въ Дерптѣ; Генр. Вас. Струве, въ Тифлисѣ; Александръ Никол. Веселовскій, профессоръ исторіи всеобщей литературы, въ С.-Петербургѣ; Вас. Григ. Васильевскій, доцентъ университета, въ С.-Петербургѣ.

Въ число иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ: гг. Бертело, Дамуръ, Декенъ и Эгже, члены института въ Парижѣ; г. Рамбо, профессоръ въ Нанси; гг. Франкландъ и Ньютонъ, въ Лондонѣ; г. Райтъ, въ Кембриджѣ; гг. Вейрихъ, Петерсъ и Кирхгофъ, въ Берлинѣ; г. Лескинъ, профессоръ въ Лейпцигѣ; г. Гееръ, профессоръ въ Цюрихѣ; г. Керъ, въ Лейденѣ; г. Гельбигъ, въ Римѣ; г. Фиорели, въ Неаполѣ; г. Асколи, въ Миланѣ; г. Буденцъ, въ Будапештѣ; г. чешскій ученый Эмлеръ; г. Новаковичъ, въ Вѣлградѣ.

Послѣ провозглашенія исчисленныхъ именъ, г. президентъ, сойдя съ своего мѣста, поднесъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ золотые, а прочимъ членамъ августѣйшаго семейства—серебряные экземпляры медалей, выбитой по случаю 150-лѣтняго юбилея Академіи, по Высочайше одобренному рисунку академика Императорской Академіи художествъ, В. В. Алексѣева, которымъ также исполнены и самыя

штемпеля для медали. Она изображаетъ, на одной сторонѣ, портреты Императора Петра Великаго и нынѣ благополучно-царствующаго Государя Императора, съ надписями противъ перваго: „Основатель“, а противъ втораго: „Покровитель“. На другой сторонѣ представлена Паллада; сидя среди различныхъ принадлежностей науки и имѣя подлѣ себя Россійскій Государственный гербъ, она вписываетъ 1876 годъ на скрижали, на которой уже начертаны годы основанія Академіи и предпоставившихъ ей юбилеевъ; подлѣ Паллады высоко горитъ свѣточъ, а вдали видны зданія академіи; вокругъ этого изображенія надпись: „Щедротами Монаршими Императорская Академія наукъ полтора столѣтія процвѣтаетъ“.

По окончаніи засѣданія, Августѣйшіе посѣтители, приблизясь къ особо поставленному столу, съ милостивымъ вниманіемъ изволили разсматривать разложенныя на немъ памятники Монаршаго покровительства и благоволенія къ Академіи, а именно: 1) регламентъ, пожалованный Академіи императрицей Елизаветою Петровною въ 1747 году, 2) составленный императрицей Екатериною II и ею самою писанный Наказъ комисіи о составленіи проекта новаго Уложенія, 3) уставъ, дарованный Академіи императоромъ Александромъ I въ 1803 году, 4) медали на пятидесятилѣтній и на столѣтній юбилей Академіи и 5) медаль, выбитую въ память двукратнаго посѣщенія Академіи императрицею Марією Федоровною въ 1776 и 1826 годахъ. Высокаго вниманія удостоились также разложенныя на двухъ столахъ, по обѣ стороны отъ мѣстъ академиковъ, книги, изданныя Академіей въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

Послѣ того многіе изъ академиковъ осчастливлены были бесѣдою Царственныхъ Гостей. Предъ уходомъ Государь, обратившись еще разъ ко всѣмъ академикамъ съ милостивымъ словомъ, изволилъ выразить имъ благодарность за ихъ труды и пожелалъ Академіи, чтобы она продолжала и впредь столь же ревностно и съ такою же пользою, какъ донинѣ, посвящать свою дѣятельность наукѣ и особенно успѣхамъ ея въ Россіи. Не прежде какъ спустя полчаса по окончаніи засѣданія, Его Императорское Величество и прочія Высочайшія Особы изволили оставить юбилейный праздникъ, долженствующій составить эпоху въ лѣтописяхъ Академіи.

Рѣчь г. Президента.

Первая мысль при настоящемъ торжествѣ Академіи наукъ невольно обращается къ великому основателю ея. Ясно сознавая зна-

ченіе науки для всѣхъ отраслей государственной жизни, Петръ I давно легѣлъ въ душѣ своей мечту объ этомъ учрежденіи, но только за годъ до своей кончины успѣлъ онъ положить твердое начало осуществленію ея и тѣмъ увѣнчать свои неуспынные попеченія и труды на благо Россіи. Ему самому не было суждено призвести въ дѣйствіе любимую мысль свою, но завѣтъ его былъ свято исполненъ и заботливо хранимъ Августѣйшими его преемниками. Съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монархамъ, подъ могущественнымъ покровомъ которыхъ наша Академія росла и развивалась, возобновимъ сегодня въ памяти нѣкоторыя черты ея прошлаго.

Первоначально Академія наша, по тогдашнему состоянію просвѣщенія въ Россіи, не могла имѣть цѣлю служеніе чистой наукѣ. Петръ Великій имѣлъ въ виду основать въ ней не ученое общество только, но и расадникъ преподавателей для будущихъ училищъ; она должна была и сама вмѣщать въ себѣ учебное заведеніе. Для достиженія своей цѣли Петръ прибѣгнувъ къ тому же средству, какое употреблялъ для пріобрѣтенія дѣятелей по государственной службѣ, то есть, къ вызову иностранцевъ, которые могли бы сдѣлаться наставниками или образцами природныхъ Русскихъ и приготовить ихъ къ самостоятельной дѣятельности въ будущемъ. Съ этою-то мыслью онъ на докладѣ объ учрежденіи Академіи приписалъ своею рукою: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ Славянскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить».

Приглашенные Петромъ Великимъ ученые начали сѣзжаться только по кончинѣ его. Посредникомъ при вызовѣ ихъ былъ лейбъ-медикъ Влудентюсъ, назначенный вскорѣ первымъ президентомъ Академіи. Онъ же представилъ новопривывшихъ императрицѣ Екатеринѣ I во дворцѣ Лѣтнаго сада. Пріемъ имъ былъ самый милостивый, какого, по выраженію современника, могли только ожидать важнѣйшіе изъ посланниковъ. Вслѣдъ затѣмъ начались собранія академиковъ въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ. Одно изъ засѣданій удостоилось присутствія императрицы, сидѣвшей на томъ самомъ тронѣ, съ котораго Петръ Великій торжественно принималъ иностранныхъ пословъ, и который на этотъ случай былъ нарочно перенесенъ изъ сената.

Естественно, что первоначальное развитіе Академіи было въ зависимости отъ состоянія тогдашняго русскаго общества. Ей пришлось посвящать значительную долю своей дѣятельности на удовлетвореніе практическихъ нуждъ, на изданіе газетъ и календарей,

на обученіе юношества въ академической гимназіи, на составленіе проектов и рисунковъ иллюминацій, на сочиненіе стиховъ для придворныхъ празднествъ. По послѣднимъ двумъ назначеніямъ Академія имѣла даже особаго специалиста, профессора, аллегоріи Штелина, бывшаго наставникомъ великаго князя Петра Федоровича. Тогда же, такъ какъ Академія художествъ еще не было, при Академіи наукъ явились разныя техническія производства и начатки изящныхъ искусствъ въ принадлежавшихъ ей обширныхъ мастерскихъ.

Не смотря на такой смѣшанный характеръ ея дѣятельности и на неизбежное преобладаніе въ тогдашнемъ составѣ ея многосторонняго элемента, Академія наукъ съ самаго начала не терпѣла изъ виду своего призванія способствовать къ изученію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, къ собиранію положительныхъ о ней данныхъ по разнымъ отраслямъ знанія. Съ этою цѣлью, уже черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Академіи, снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь, совершенная особенно академиками Гмелинымъ, Миллеромъ, Фишеромъ, Стеллеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ, вызваннымъ Академіей изъ Москвы. Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и обогатила науку множествомъ важныхъ извѣстій и открытій, изданіе которыхъ составило эпоху въ лѣтописяхъ не только Академіи, но и вообще науки.

Паступившее вслѣдъ затѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось въ нашемъ учрежденіи разностороннею дѣятельностью геніальнаго Ломоносова, перваго русскаго академика и писателя. Вскорѣ мы видимъ между членами Академіи уже и другихъ Русскихъ ученыхъ, напримѣръ: Крашенинникова, Попова, Румовскаго. Кромѣ ученыхъ трудовъ, по особенному повелѣнію Государыни, печатались также изготовившіеся при Академіи русскіе переводы книгъ для легкаго чтенія. Въ 1754 году исторіографъ Миллеръ основалъ первый на русскомъ языкѣ учено-литературный журналъ *Ежемесячныя сочиненія и переводы*; онъ издавался при Академіи тѣмъ же ученымъ десять лѣтъ и составляетъ въ исторіи русской журналистики весьма замѣчательное явленіе.

Стремленіе примѣнять труды Академіи къ пользамъ Россіи еще усилилось въ царствованіе Екатерины II. Какъ достойная преемница Петра Великаго, она не могла не питать особеннаго сочувствія къ высокимъ цѣлямъ его въ созданіи этого учрежденія. Еще бывъ великою княгиней, Екатерина II не разъ обращалась къ пособіямъ Академіи наукъ. По вступленіи на престолъ она удостоила своимъ присутствіемъ первое послѣ того торжественное собраніе, приняла

Академію въ свое непосредственное вѣдѣніе, и учредить для управленія ею должность директора, требовала отъ него ежемѣсячныхъ экономическихъ вѣдомостей. Съ этого времени Академія считаетъ начало новаго періода своего существованія. Она никогда не забудетъ, какое близкое участіе императрица удостоивала принимать въ ея дѣлахъ, слѣдя за трудами академиковъ, изъ коихъ нѣкоторые были ей лично извѣстны, и иногда возлагая на нихъ ученыя работы; такъ напримѣръ: академикъ Миллеръ, по ея порученію, написалъ исторію русскаго дворянства, а Палласу ввѣрено было окончаніе сравнительныхъ словарей, которыми прежде сама государыня занималась. Не можеть быть также забыто, что ей русская исторія обязана удержаніемъ при Академіи Шлецера, оказавшаго этой наукѣ столь незабвенныя услуги. Особенно же памятно, что императрица узнавъ о предстоявшемъ прохожденіи планеты Венеры передъ солнцемъ, прежде нежели гдѣ-либо въ Европѣ приняты были мѣры для наблюденій надъ этимъ явленіемъ, сама возымѣла мысль снарядить по этому поводу нѣсколько экспедицій въ разныя концы Россіи и написала о томъ директору академіи графу Владиміру Орлову. Предпринятыми вслѣдствіе того обширныя ученія путешествія нѣсколькихъ академиковъ и избранныхъ государыней стороннихъ астрономовъ, а также и результаты этихъ путешествій въ трудахъ Палласа, Лепехина, Гюрги, Озерецковскаго и другихъ, такъ извѣстны, что излишне было бы распространяться о нихъ. Въ то время число русскихъ членовъ Академіи уже значительно увеличилось: мы находимъ между ними столь знакомыя ученому міру имена Ивонходцева, Котельникова, Протасова, Севергина и др. Назначенная директоромъ Академіи княгиня Дашкова вполнѣ оправдала этотъ необыкновенный выборъ, умѣла своимъ личнымъ участіемъ въ трудахъ академиковъ оживить ихъ дѣятельность, старалась доставить этому учрежденію вліяніе на общество установленіемъ публичныхъ чтеній на русскомъ языкѣ и періодическими изданіями, которыми сама завѣдывала.

Первое пятидесятилѣтіе Академіи совершилось въ счастливый моментъ, когда Россія, послѣ многолѣтней войны съ Турціей и внутреннихъ бѣдствій, начинала оправляться среди благъ мира и спокойствія. Незадолго передъ тѣмъ въ царскомъ семействѣ отпраздновано было бракосочетаніе наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича съ великою княгиней Маріей Теодоровной. Августѣйшіе новобрачные почтили своимъ присутствіемъ этотъ первый юбилей Академіи. Сама императрица не могла исполнить своего, передъ тѣмъ

ею выраженнаго намѣренія также посѣтитъ по этому случаю Академію. Избранный ею для этого день, 29-е декабря, сдѣлался навсегда знаменательнымъ въ жизни Академіи, служа съ тѣхъ поръ днемъ ея годовыхъ торжественныхъ собраний.

По воцареніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, императора Александра Павловича, президентомъ Академіи назначенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ государя, Новосильцовъ. Вскорѣ ей были дарованы новый уставъ, значительно расширившій ея дѣятельность, которая получила еще большее оживленіе съ назначеніемъ въ 1818 г. графа Уварова въ президенты.

По особенно счастливой для Академіи случайности, столѣтняя годовщина ея основанія совпала съ началомъ достославнаго царствованія императора Николая Павловича. Никогда еще Академія не имѣла счастья привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго и блестящаго собранія августѣйшихъ особъ: ее удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Павловичъ, Государыни Императрицы Александра Ѳеодоровна и Марія Ѳеодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Государь наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругою Великою Княгинею Еленою Павловною. Особенно отраднымъ чувства возбуждало присутствіе явствующей Императрицы, которая за полстолѣтія передъ тѣмъ явившись на торжествѣ науки лучезарною звѣздою, во всемъ блескѣ юности и красоты, тѣперь, на склонѣ дней своихъ, снова посѣтила Академію въ сіяніи неувядаемой славы совершенныхъ ею христіанскихъ подвиговъ. Чтобы увѣковѣчить память столь необыкновенно - радостнаго событія, Академія испросила Всемиловѣйшее дозволеніе выдать особую золотую медаль, которая и была поднесена императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ депутаціей академиковъ въ день рожденія ея величества, 14-го октября 1827 года.

Столѣтній юбилей Академіи былъ для нея какъ бы свѣтлою зарею послѣдовавшихъ лѣтъ. Благодаря великодушному, постоянно милостивому покровительству императора Николая, созданіе Петра Великаго скоро достигло цвѣтущаго состоянія и утвердило свое право на общее уваженіе въ Европѣ. Многія монументальныя предпріятія въ области науки совершились, къ славѣ Россіи, подъ скипетромъ Николая I, во вторую четверть нашего вѣка, и значительная часть! ихъ совершилась при Академіи наукъ. Послѣдовалъ дѣлмй рядъ мѣръ, направленныхъ къ приращенію ея средствъ какъ матеріальныхъ, такъ

и духовныхъ, къ увеличенію ея научныхъ силъ. Съ дарованіемъ ей новаго устава въ 30-хъ годахъ, въ ней явились новыя кафедры, музеи обогатились значительными приобрѣтеніями, зданія обновлялись и расширялись. Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ улучшеній, съ одной стороны, и успѣховъ общаго образованія—съ другой, установилась болѣе тѣсная связь между Академіей и обществомъ.

Развитіе дѣятельности Академіи продолжалось на тѣхъ же основаніяхъ и въ послѣдній періодъ полуторавѣковаго ея существованія, начавшійся со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора и почти одновременнымъ назначеніемъ, по смерти графа Уварова, пошлаго президента Академіи въ лицѣ просвѣщеннаго сановника и писателя, графа Блудова. И въ послѣдовавшіе, по кончинѣ его, годы Академія не переставала испытывать, во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни, благотворное дѣйствіе Монаршаго вниманія къ нуждамъ своимъ и къ пользамъ наукъ. Однимъ изъ отличительныхъ явленій въ жизни Академіи за это время былъ рядъ небылыхъ прежде въ стѣнахъ ея торжественныхъ собраній въ память великихъ русскихъ дѣятелей: Петра Великаго, Ломоносова, Карамзина и Крылова.

Послѣ этого краткаго очерка минувшихъ судебъ Академіи, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ настоящей радостной минутѣ. Не видимъ ли въ ней утѣшительнаго доказательства, что Академія наукъ и въ наши дни осчастливлена драгоценнымъ благоволеніемъ Августѣйшаго своего Покровителя? Не служитъ ли прекраснѣйшимъ для нея предназначеніемъ вожделѣнное присутствіе Возлюбленнаго Монарха при вступленіи ея въ новое полустолѣтіе ея существованія? Этотъ торжественный мигъ переноситъ насъ за 50 лѣтъ назадъ, когда Академія въ первый разъ удостоилась привѣтствовать Васъ, Государь, въ своей средѣ. Между нами нѣтъ уже никого изъ нѣвшихъ тогда счастье присутствовать въ этихъ стѣнахъ; но Академія съ умиленіемъ хранитъ о томъ память; нынѣ же съ неизреченною благодарностью занесетъ въ свои лѣтописи, что чрезъ полвѣка Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, среди важнѣйшихъ государственныхъ заботъ, вспомнить тотъ незабвенный для насъ день и снова принять милостивое участіе въ скромномъ академическомъ празднествѣ. Осмѣлюсь, въ заключеніе, прочесть строки, напечатанныя въ отчетѣ о тогдашнемъ торжественномъ собраніи: „Сердца всѣхъ исполнялись живѣйшею надеждою при воззрѣніи на Царственного Отрока, нынѣ радость отечества составляющаго, а нѣ-

когда его славу, и Онъ своимъ присутствіемъ на торжествѣ пробудилъ въ душахъ радостное предчувствіе о своемъ будущемъ покровительствѣ наукамъ, для блага отечества". Исполнилось ли это предчувствіе? Отвѣтъ на то вписанъ неизгладимыми чертами въ сердца всѣхъ насъ, какъ и въ исторію русскаго просвѣщенія.

О развитіи дѣятельности Академіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

Речь неизреченнаго секретаря, читанная въ торжественномъ собраніи Академіи,

29-го декабря 1876 года.

При какихъ бы случаяхъ Академія ни обращалась къ своему прошедшему, она всегда, съ благоговѣніемъ и гордостью, останавливается на томъ достопамятномъ днѣ, когда, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ этой самой залѣ, при торжествѣ, подобномъ нынѣшнему, Великій Монархъ осчастливилъ наши труды своимъ милостивымъ вниманіемъ. Тотъ день записанъ въ нашей исторіи неизгладимыми чертами, какъ начало новѣйшаго періода ея, отмѣченнаго тѣмъ расширеніемъ сферы дѣятельности Академіи, изображеніе котораго будетъ предметомъ настоящаго чтенія.

Послѣдняя четверть прошедшаго столѣтія, а еще болѣе—первыя двадцать лѣтъ нынѣшняго, были эпохой тяжкихъ бѣдствій для чело-вѣчества. Разрушительный разливъ французской революціи и слѣдствіе ея—Наполеоновскія войны, опустошивъ всю Европу, породили такой порядокъ вещей, при которомъ заботы объ успѣхахъ науки должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе неотложнымъ усиліямъ для обезпеченія всеобщей безопасности. Особенно тяжело было то время для Россіи, которая цѣною громадныхъ жертвъ, одна между всѣми великими континентальными державами, отстояла собственную независимость и

Своею кровью искусила

Европы вольность, честь и миръ.

Вліяніе политическихъ обстоятельствъ отразилось между прочимъ и на судьбѣ Академіи въ первой четверти текущаго столѣтія. Разстройству ея хозяйственныхъ средствъ было причиною того, что многія мѣста академиковъ оставались долгое время не занятыми, ея кабинеты, лабораторія и музеи пришли въ жалкое положеніе, самыя зданія ея близились къ упадку, и она не могла помышлять не только о разви-

реніи своей дѣятельности, соотвѣтственно возраставшимъ требованіямъ науки, но и о поддержаніи того значенія, какое приобрѣла она въ прежнее время.

Въ такомъ состояніи засталъ Академію день ея вѣковой годовщины, почти совпавшій съ началомъ достославнаго царствованія императора Николая I. Твердою рукою водворивъ въ Россіи порядокъ, эту первую основу государственнаго благосостоянія, молодой Государь, на первыхъ же шагахъ своего царственнаго поприща, явился въ этомъ скромномъ храмѣ науки, какъ бы показывая тѣмъ, что онъ, подобно Петру Великому, признаетъ въ наукѣ могущественное средство для развитія народныхъ силъ и богатства. Вслѣдъ затѣмъ, Академія была очастливлена многими знаками монаршаго благоволенія; на другой же день послѣ своего праздника, она получила въ даръ четыре портрета, изъ числа украшающихъ нынѣ эту залу, напоминающіе намъ самыя славныя страницы изъ исторіи Академіи. Вскорѣ послѣ того было повелѣно повысить штаты и усилить личный составъ Академіи. Богатыя коллекціи естественно-историческихъ и этнографическихъ предметовъ, собранныя русскими кругосвѣтными плавателями, были переданы изъ адмиралтейства въ наши музеи, и послѣдовало повелѣніе, чтобы впредь всѣ подобные предметы, привозимые изъ морскихъ плаваній, за исключеніемъ лишь прямо относящихся къ морскому дѣлу, поступали въ распоряженіе Академіи. Въ 1828 году ей было предоставлено изъ суммъ контрибуціи, уплаченной Персіей по Туркменчайскому миру, отобрать самыя рѣдкія и интересныя восточныя монеты для обогащенія ими нашего монетъ-кабинета. Наконецъ, въ 1836 году всемілостивѣйше дарованнымъ ей новымъ уставомъ, обезпечены для нея средства для дальнѣйшаго развитія ея дѣятельности.

1838 годъ останется на всегда особенно знаменательнымъ не только въ исторіи нашей Академіи, но и во всемірныхъ лѣтописяхъ науки. Вмѣсто маленькой обсерваторіи, служившей для занятій академическихъ астрономовъ въ прошломъ столѣтіи, и которой остатки до сихъ поръ виднѣются надъ зданіемъ нашей библіотеки, какъ обращикъ скромныхъ размѣровъ тогдашнихъ ученыхъ пособій, по волѣ Императора Николая возникло на Пулковскихъ высотахъ величественное учрежденіе, значительно расширившее кругъ дѣятельности Академіи и съ разу поставившее Россію въ число тѣхъ націй, которымъ астрономія наиболѣе обязана своими успѣхами. Съ благоговѣнною признательностью наука сохранитъ память о личномъ участіи великаго мо-

нарха въ устройствѣ обсерваторіи, которой сыновняя любовь навѣки присвоила наименование „Николаевской“. Пожелавъ даровать Академіи обсерваторію, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ науки, Императоръ, съ живѣйшимъ вниманіемъ изволивъ лично разсматривать проекты построекъ и съ поразительною проникающею выбрать изъ нихъ тотъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ назначенію заведенія, а также указавъ самую удобную для него мѣстность въ окрестностяхъ Петербурга. Постройка зданія, производившаяся также по личнымъ указаніямъ Государя, и снабженіе ея самыми совершенными инструментами были щедро обставлены всѣмъ необходимымъ для того, чтобъ это заведеніе заняло первостепенное мѣсто въ ряду однородныхъ съ нимъ учреждений Европы. И когда, послѣ многократныхъ знаковъ своего высокаго покровительства, Императоръ (26-го сентября 1839 года) посѣтилъ уже готовую и устроенную обсерваторію и осмотрѣлъ ее во всѣхъ частяхъ, ему было еще угодно обратиться къ директору съ слѣдующими словами: „Avez-vous encore quelque chose à désirer pour le nouvel établissement?“ Эти слова неотразимо-чарующей силы благоволенія не легли ли въ основаніе всей жизни Пулковска—основаніе, болѣе прочное, чѣмъ тѣ миллионы кирпичей, которые заложены въ фундаментъ зданія? Камни такъ и остаются камнями, то-есть, вѣщными условіями и орудіями, а духъ, оживляющій всякое учное учрежденіе, таится въ безраздѣльной преданности наукѣ питаемой убѣжденіемъ, что ученые труды чрезъ то вниманіе, которое нисходитъ на нихъ съ высоты престола, уравниваются съ служеніемъ на другихъ поприщахъ дѣятельности для общественной пользы. Воспоминаніе о монаршихъ милостяхъ, щедро налитыхъ на обсерваторію при самомъ ея основаніи, свято сохраняется въ Пулковѣ и постоянно служить живительнымъ началомъ для всей ея дѣятельности.

Спокойно можно ожидать главнаго Николаевскаго астрономическаго обсерваторія приговора себѣ отъ строгости исторіи. Избравъ преимущественнымъ предметомъ для трудовъ своихъ ту часть звѣздной науки, для которой необходимы совершеннѣйшіе приборы и самые точные способы наблюденій, она создала себѣ завидное положеніе въ области звѣздной астрономіи, изслѣдующей небесныя пространства за предѣлами нашей солнечной системы. Пулковскія основныя опредѣленія небесныхъ координатъ служатъ для всего ученаго міра исходною точкою дальнѣйшихъ разсужденій въ этой области. Обширныя долготнѣя работы и многочисленныя открытія, сдѣланныя пулков-

скими астрономами по части движенія въ звѣздныхъ системахъ, вывели ученія объ этихъ системахъ изъ того младенческаго состоянія, въ которомъ оно находилось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и указали ему путь къ дальнѣйшему совершенству. То, что нѣкогда было только догадкою нѣкоторыхъ умовъ (напримѣръ, В. Гершеля, В. Струве), стало теперь доказанною истиною. Вѣчные законы, съ такою строгостью управляющіе нашею солнечною системою, Ньютоновскіе законы тяготѣнія и соображенія Канта и Лапласа о возникновеніи и образованіи мировыхъ тѣлъ сдѣлались теперь несомнѣнными и въ отношеніи отдаленнѣйшихъ предѣловъ вселенной.

Но сколь ни безконечно небесное пространство, масштабъ для его измѣренія мы должны искать въ тѣсныхъ границахъ обитаемой нами планеты и на непосредственныхъ изысканіяхъ о ней основывать свои изслѣдованія и заключенія о неизмѣримо-далекихъ краяхъ неба. Такимъ образомъ астрономъ свойствами своей задачи невольно приводится къ изученію фигуры земли, и наоборотъ, въ наблюденіи звѣздъ находитъ средство къ точнѣйшему познанію земной поверхности. Геодезія и географія состоятъ въ тѣснѣйшемъ взаимодействіи съ астрономіей, пополняя другъ друга и служа другъ другу опорой. Поэтому и дѣятельность Николаевской главной обсерваторіи была посвящена столько же безконечно отдаленнымъ пространствамъ, сколько и близкимъ земнымъ расстояніямъ. Еще геній Петра Великаго указалъ на географію, какъ на главнѣйшій предметъ занятій первоначальной академической обсерваторіи. Но сколь ни важны были работы, исполненныя по этой части въ прошедшемъ столѣтіи, онѣ затмеваются поразительными по объему трудами, совершенными въ Россіи въ послѣднія два царствованія.

Академія всегда съ особою готовностью предпринимала и поощряла у насъ геодезическія и географическія предпріятія, ученое руководство которыми перешло въ послѣднее время на Пулковскую обсерваторію. Съ гордостью можетъ Россія смотрѣть на самое обширное изъ всѣхъ градусныхъ измѣреній, выполненное ея учеными, отъ Дуная до Нордъ-Капа,—измѣреніе, которое, въ отношеніи величины протяженія, будетъ уступать только производимому, преимущественно русскими же геодесистами, измѣренію дуги параллели отъ Атлантическаго океана до Киргизскихъ степей.

Можно указать на нѣсколько тысячъ географическихъ опредѣленій, которыя еще въ первыя двадцать пять лѣтъ существованія Пулковской обсерваторіи, положили прочное основаніе для точной карты

Европейской Россіи. Наконецъ, въ числѣ послѣднихъ трудовъ обсерваторіи, отиѣтитъ ея участіе въ наблюденіяхъ недавняго прохожденія Венеры передъ солнцемъ. Многочисленныя экспедиціи, снаряженныя по поводу этого явленія въ разные пункты земнаго шара, представили собою разительный примѣръ того соревнованія, которое, между образованнѣйшими націями Европы существуетъ въ преслѣдованіи чисто ученыхъ цѣлей. На Россію въ этомъ случаѣ лежало исполненіе ея историческаго призванія; но представлявшаяся для нея задача была тѣмъ затруднительнѣе, что позднѣйшее прохожденіе надало на самое неблагопріятное у насъ время года. По ходатайству Академіи, были дарованы средства для посланія русскихъ наблюдателей въ 30 пунктовъ, избранныхъ на пространствѣ между Тихимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ. Благодаря этой многочисленности станцій и превосходству инструментовъ, русскимъ астрономамъ удалось собрать богатый матеріалъ для вывода точныхъ заключеній о разстояніи земли отъ солнца.

За два года предъ тѣмъ, какъ была празднована закладка Пулковской обсерваторіи, число ученыхъ принадлежностей Академіи умножилось присоединеніемъ къ нимъ Виленской астрономической обсерваторіи, учрежденной еще въ давнія времена, на средства ограниченныя и въ размѣрахъ, которые уже не соответствовали современнымъ требованіямъ науки. Новѣйшія усовершенствованія фотографіи въ прилѣпненіи ся къ задачамъ астрономіи позволили Академіи дать этой обсерваторіи специальное назначеніе, возложивъ на нее производство наблюденій, важныхъ для изученія физическаго устройства солнца. Постоянно, въ теченіе года, всякій разъ, когда то возможно по состоянію атмосферы, фотографическія пластинки выставляются дѣйствию солнца, которое отпечатывается на нихъ свой собственный ликъ, со всѣми мельчайшими пятнами, складками и морщинами, въ подробности, недоступной для руки человѣческой. Эти, такъ сказать, нерукотворныя изображенія солнца служатъ потомъ для точнѣйшихъ астрономическихъ измѣреній, направленныхъ къ тому, чтобы создать прочную опору для познанія солнца и озарить свѣтомъ науки столь мало еще разгаданную природу свѣтила, служащаго источникомъ жизни на землѣ. Виленскіе фотографическіе снимки солнца достигли такого совершенства, что на недавнемъ международномъ состязаніи ученыхъ принадлежностей въ Лондонѣ они были единогласно признаны превосходнѣйшими предъ всѣми другими работами этого рода.

Въ то время, какъ съ высоты Пулковскихъ башенъ взоры астрономовъ, вооруженные могущественными трубами, устремляются въ безпредѣльныя пространства вселенной, цѣлая система другихъ ученыхъ учреждений, которыми расширена въ послѣднія 10 лѣтъ сфера дѣятельности Академіи, неустанно изучаетъ воздушную оболочку, окружающую нашъ земной шаръ, и происходящія въ ней измѣненія, имѣющія столь неотразимое вліяніе на благосостояніе человѣка. Мы разумѣемъ переданную намъ, въ 1866 году, изъ горнаго вѣдомства главную физическую обсерваторію и подчиненныя ей метеорологическія станціи. Вскорѣ послѣ того, какъ это заведеніе сдѣлалось принадлежностью Академіи, оно подверглось коренному преобразованію, и съ дарованіемъ ему новаго штата и съ недавнимъ созданіемъ при немъ отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, получило средства соразмѣрныя съ объемомъ подлежащей ему задачи—слѣдить за атмосферными перемѣнами и явленіями земнаго магнетизма на всемъ пространствѣ Россіи отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана и отъ льдовъ Полярнаго моря до знойныхъ степей Центральной Азіи. При такой обширности задачи, обезпечивающей на нашей физической обсерваторіи безспорно первое мѣсто въ ряду однородныхъ съ нею европейскихъ учреждений, главною потребностью ея было устройство цѣлой сѣти метеорологическихъ станцій, по возможности равномѣрно распределенныхъ въ разныхъ частяхъ имперіи. До настоящаго времени уже удалось организовать болѣе 100 такихъ станцій. Безостановочно, ежедневно, въ опредѣленные часы, эти станціи, помощью точныхъ инструментовъ, наблюдаютъ всѣ явленія атмосферы и передаютъ свои наблюденія въ главную физическую обсерваторію, которая повѣряетъ ихъ, вычисляетъ и публикуетъ, въ ожиданіи того счастливаго дня, когда усилія физиковъ вознаграждаются открытіемъ общихъ, и по всей вѣроятности, простыхъ законовъ, управляющихъ всѣми движеніями въ нашей атмосферѣ, и познаніе которыхъ, быть можетъ, со временемъ позволитъ подвергать эти движенія математическому анализу, а слѣдовательно—и предсказывать ихъ если не вполне безошибочно, то хотя съ достаточною степенью вѣроятности, что и составляетъ цѣль стремленій современныхъ метеорологовъ. Важнымъ шагомъ къ тому послужаютъ осуществленныя главною физическою обсерваторіей коренныя улучшенія во всей системѣ нашихъ метеорологическихъ наблюденій и въ своевременномъ ихъ печатаніи и ученой обработкѣ, согласно нынѣшнимъ требованіямъ науки.

Къ самому исходу полутораѣкового своего существованія Академія удостоилась новаго знака монаршаго къ ней благоволенія и вмѣстѣ щедротъ Августѣйшаго генералъ-адмирала: учрежденіе въ городѣ Павловскѣ магнитной обсерваторіи, вчера уже возведенной въ текущемъ году, удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ новѣйшей метеорологіи.

Подобно тому, какъ труды по части физики получивші въ Академіи такое значительное расширеніе, химія, сдѣлавшая въ послѣдніе двадцать лѣтъ столь огромные успѣхи и столь обильная полезными практическими примѣненіями, поставлена у насъ въ возможность идти въ уровень съ требованіями времени, устройствомъ въ 1864 году въ особомъ, вновь возведенномъ зданіи, химической лабораторіи, снабженной всѣми приспособленіями, необходимыми для успѣшныхъ въ ней занятій.

Послѣ многочисленныхъ ученыхъ путешествій, которые наполняютъ своимъ блескомъ лѣтописи нашей Академіи въ прошедшемъ столѣтіи, и которыя не только раскрыли въ первый разъ естественныя богатства разныхъ частей Россіи, но и оказали сильное вліяніе на успѣхи многихъ отраслей наукъ, расширеніе человѣческихъ знаній путемъ снаряженія экспедицій сдѣлалось для насъ какъ бы наслѣдственною обязанностью. Обзоръ истекшаго пятидесятилѣтія показываетъ, что Академія съ честью исполнила и эту обязанность.

Въ самомъ началѣ его, мы встрѣчаемъ, въ числѣ академикомъ путешественниковъ, натуралиста Мертенса, участвовавшаго, вмѣстѣ съ Постельсомъ и барономъ Китлицемъ, въ кругосвѣтномъ плаваніи (1826—1829 гг.) шлюпа „Сенявинъ“, подъ командою капитана Литке, нынѣ президента Академіи. Въ тотъ самый годъ, когда эти натуралисты возвратились въ Петербургъ (1829 г.) съ богатымъ запасомъ ученыхъ наблюденій и драгоценныхъ коллекцій, Академія снарядила кавказскую экспедицію: Кулферъ, Ленцъ, Мейеръ и Менетріу, подъ защитой военной экспедиціи генерала Эммануэля, проникли, съ своими инструментами, въ дикія долины и ущелья, гдѣ русское оружіе еще не успѣло въ то время водворить плоды цивилизаціи, дающей безопасность и безоружному ученому.

Затѣмъ тянется длинный рядъ предпріятій этого рода, обогатившихъ науку важными результатами. Таковы: поѣздка Георга Фусса и Бунге въ Китай и изслѣдованіе ими нѣкоторыхъ частей Сибири; тригонометрическая нивелировка, произведенная Г. Фуссомъ, Саблеромъ и Савичемъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, для рѣ-

шенія вопроса о разности уровней обоихъ бассейновъ; смѣлыя путешествія Бера, Циволки, Лемана и Миддендорфа на Новую Землю и въ полярныя тундры Лапландіи: путешествіе Рупрехта и Савельева на Канинъ-Носъ и Самоѣдскую тундру; шестилѣтняя археографическая экспедиція Строева и Беренникова, доставившая для русской исторіи неоцѣнимые матеріалы; археографическіе поиски Келера въ Крыму; поѣздки Шегрена, Вроссе и Дорна на Кавказъ для историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій; двухлѣтнія занятія нашего ботаника Рупрехта въ горахъ Дагестана, вскорѣ послѣ того, какъ покореніе этого края положило славный конецъ вѣковой кавказской борьбы цивилизаціи съ азіатскою дикостью; многократныя странствія трудолюбиваго Кенпена по Россіи для собиранія статистическихъ свѣдѣній; разысканія Бера на низовьяхъ Волги и Дона и на Чудскомъ озерѣ въ видахъ лучшаго устройства рыбныхъ промысловъ въ Россіи. Изъ числа послѣднихъ по времени академическихъ экспедицій, нельзя не остановиться на большомъ сибирскомъ путешествіи Миддендорфа, имѣвшего цѣлю изслѣдовать органическую природу тамъ, гдѣ она постоянно борется съ враждебными условіями, и гдѣ поэтому жизнь слагается изъ самыхъ простыхъ и немногихъ элементовъ. Это путешествіе, доставивъ обильную жатву новыхъ данныхъ для многихъ отраслей знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ положило путь въ знакомству со страной, обратившею на себя вскорѣ затѣмъ столь живое вниманіе: собранія г. Миддендорфомъ свѣдѣнія совершенно измѣнили существовавшій до тѣхъ поръ въ Россіи взглядъ на Амурскій край и послужили поводомъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя привели къ включенію этого края въ предѣлы Имперіи. Важная по своему плодородію и богатству и какъ единственная часть Сибири, обращенная своею рѣчною системою къ Восточному Океану, эта страна была вслѣдъ затѣмъ основательно изучена въ отношеніи ея естественныхъ произведеній и этнографіи академиками Шренкомъ, Максимовичемъ и Шмидтомъ.

Ни одна, можетъ быть, наука не обрекаетъ своихъ служителей въ такой мѣрѣ на постоянное странствованіе, какъ геологія, изыскующая цѣлю возстановить исторію земной коры по обломкамъ, которые разсыяны по всему лицу земли, какъ свидѣтели возмущавшихъ ее переворотовъ. Поэтому ученое поприще нашего геолога Гельмерсена, начавшееся сопутствіемъ Гумбольдту въ его знаменитомъ путешествіи по Россіи, было затѣмъ какъ бы непрерывнымъ рядомъ поѣздокъ отъ Бѣлаго моря до Каспія и отъ обильнаго янтaremъ прус-

ско-курляндскаго берега Балтики до золотоносныхъ россыпей Урала, при чемъ вниманіе академика преимущественно обращалось на изслѣдованіе пластовъ земли, скрывающихъ въ себѣ полезные минералы. Исторія русской промышленности не забудетъ трудовъ ак. Гельмерсена по отысканію и указанію легчайшихъ путей къ разработкѣ тѣхъ минераловъ, желѣза и каменнаго угля, которые служатъ могущественнымъ рычагомъ народнаго богатства. Не менѣе плодотворными, въ ученomъ отношеніи, были поѣздки другаго нашего геолога Шмидта въ Прибалтійскій край и въ тѣ мѣстности Сибири, гдѣ въ нѣдрахъ мерзлой земли сохранились остатки мамонтовъ. Наконецъ, академикъ Абихъ поставилъ задачею всей своей жизни изученіе геологій перешейка, отдѣляющаго Каспійское море отъ Чернаго. Отправившись туда, по порученію Академіи, лишь на нѣкоторое время, г. Абихъ, этотъ новый Прометей, остался на долго прикованнымъ къ скаламъ Кавказа, томимый жаждой извѣдать въ подробности чудную и своеобразную природу той страны.

Плодомъ всѣхъ этихъ путешествій были, между прочимъ, разнообразныя коллекціи предметовъ древности, этнографіи и естественной исторіи. Ихъ богатство и важность дали Академіи средство, вмѣсто одного музея — пресловутой въ прошломъ столѣтіи *кунсткамеры*, состоявшей изъ случайно собранныхъ, и несистематически расположенныхъ рѣдкостей самаго разнороднаго характера, *монстровъ и раритетовъ*, какъ говорилось тогда, — учредить въ 1831 году нѣсколько отдѣльныхъ музеевъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ полныя, а отчасти рѣдкія и даже единственныя, собранія пособій, необходимыхъ для успѣха ученыхъ занятій. Самый обширный изъ нихъ — зоологическій, вмѣстѣ съ ботаническимъ и минералогическимъ, представляютъ собою неоцѣнимый подборъ образцовъ естественныхъ произведеній, добытыхъ частью съ большимъ трудомъ, изъ всѣхъ концовъ Россіи, съ морей, ее омывающихъ, изъ странъ далекихъ, изъ малодоступныхъ степей азіатскихъ, отовсюду, куда русскимъ ученымъ удавалось проникать вслѣдъ за побѣдоносными русскими знаменами. Знатѣйшіе иностранные музеи съ завистью смотрятъ на обиліе у насъ коллекцій, дающихъ возможность изучать съ такою подробностью естественныя произведенія внутренней Азіи. Монаршая щедрость еще недавно увеличила богатство этихъ коллекцій присоединеніемъ къ нимъ огромнаго собранія, вывезеннаго подполковникомъ Пржевальскимъ изъ степей Монголіи и сѣвернаго Тибета.

Къ самому дню нынѣшняго праздника Всемилостивѣйше пожалованы Академіи, для обогащенія ея музеевъ, драгоценныя предметы естественной исторіи: бивни мамонта весьма необыкновенной величины и сохранности и очень полная коллекція птицъ изъ Канады, собранная почти въ тѣхъ же широтахъ, подъ которыми лежатъ и многія части Россіи, и потому важная для сравненій съ русскою орнитологическою фауной и для рѣшенія многихъ интересныхъ вопросовъ о географическомъ распредѣленіи животныхъ.

Независимо отъ своего ученаго значенія, академическіе музеи, будучи доступны для всѣхъ желающихъ обогатить ихъ, служатъ источникомъ нагляднаго поученія для публики, и тысячи посѣтителей, наполняющихъ наши залы въ дни впусковъ въ нихъ, свидѣлствуютъ о той услугѣ, какую приносятъ эти музеи какъ средство распространенія общепользныхъ свѣдѣній.

Въ числѣ мѣръ, существенно расширявшихъ кругъ дѣятельности академіи, особенно важное мѣсто принадлежитъ присоединенію къ ея составу, въ 1841 г., бывшей Россійской Академіи, въ видѣ отдѣленія русскаго языка и словесности. Этою мѣрою пополнена область филологическихъ изслѣдованій въ средѣ Академіи и достигнуто взаимное сближеніе въ ней представителей разныхъ отраслей языковѣданія, а разработкѣ русскаго языка, въ связи съ другими славянскими нарѣчіями, приданъ строго научный характеръ.

Объемъ историко-филологическихъ трудовъ Академіи получилъ особое развитіе тѣмъ расширеніемъ, какое было дано наукамъ о востокѣ. Географическое положеніе Россіи относительно Азіи, важность политическихъ и торговыхъ интересовъ нашихъ на Востокѣ, многочисленность мусульманскихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ Имперіи, наконецъ то пособіе, какое представляютъ восточные писатели для русской исторіи,—все это указывало на необходимость для насъ изученія ориентальнаго міра. Хотя Академіи, съ самаго своего учрежденія, ужь обратила свое вниманіе на эту часть, однако главное развитіе ея дѣятельности въ этой области относится къ послѣднимъ пятидесятилѣтіямъ, когда было увеличено число представителей ориентализма въ составѣ Академіи, а учрежденіемъ азіатскаго музея создано богатое и единственное въ своемъ родѣ пособіе для познанія Востока въ отношеніи его разнообразныхъ языковъ, исторіи и древностей въ обширномъ смыслѣ.

Изъ всѣхъ отраслей умственного труда занятія наукою, можетъ быть, всего менѣе вознаграждаются въ матеріальномъ отношеніи. Не

смотря на пользу, приносимую обществу серіозными сочиненіями, авторы ихъ рѣдко могутъ обойтись безъ посторонней помощи. Поэтому честь и хвала тѣмъ благороднымъ ревнителямъ просвѣщенія, которые употребляютъ избытки своего достоянія на оживленіе полезныхъ литературныхъ занятій и на поощреніе труженниковъ науки. Такимъ меценатомъ былъ покойный камергеръ Пав. Ник. Демидовъ, который ежегодно, 17-го апрѣля, въ день радостный для всей Россіи, вносилъ въ Академію на преміи его имени, начиная съ 1831 г., по 25,000 р. асс., обязавъ своихъ наследниковъ къ такому же вносу въ теченіе 25 лѣтъ послѣ его смерти. Въ 34-х-лѣтнее существованіе этихъ премій, Академіей роздано болѣе $\frac{1}{4}$ милліона рубл. сер., какъ въ видѣ наградъ лучшимъ сочиненіямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, такъ и въ видѣ пособій на наданіе рукописей, изъ которыхъ многія, безъ подобной поддержки, не могли бы явиться въ свѣтъ.

Прекрасный примѣръ Демидова, нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ графа Ал. Серг. Уварова. Движимый сиювнѣю любовью и высоко патріотическою мыслью, онъ воздвигъ прочный памятникъ своему знаменитому отцу, графу С. С. Уварову и неразрывно связалъ воспоминаніе о немъ съ существованіемъ Академіи, для которой онъ въ теченіе 37-ми-лѣтняго своего президентства, былъ руководителемъ и устройтелемъ. Учрежденіемъ имъ съ этою цѣлью премій уже успѣли оказать замѣтное вліяніе на оживленіе трудовъ по отечественной исторіи.

Къ числу такихъ мѣръ поощренія, присоединились впослѣдствіи преміи, носящія имена Ломоносова, Бѣра, Рылѣцкаго, Вуляковскаго, Врандта и др.

Въ раздатъ подобныхъ наградъ Академія имѣетъ средство не только матеріально поддерживать писателей, но и чрезъ свое критическое отношеніе къ лучшимъ произведеніямъ ученой литературы сообщать работамъ этого рода направленіе, наиболѣе соотвѣтствующее требованіямъ современной науки.

По мѣрѣ того, какъ расширялась внѣшняя сфера дѣйствій Академіи, постепенно возрастало и число собственно академическихъ трудовъ, то-есть, такихъ новыхъ открытій, выводовъ, наблюденій и соображеній, которые подвигаютъ науку впередъ. Число такихъ трудовъ, служившихъ главнымъ предметомъ чтеній и обсужденій въ нашихъ засѣданіяхъ, достигло въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ до 4.000, изъ которыхъ почти $2\frac{1}{2}$ тысячи приходится на долю математики, физики и естественной исторіи, а остальные — относятся до исторіи

ко-политическихъ и филологическихъ наукъ. Заключаящіяся въ этихъ сочиненіяхъ новыя приобритенія въ области знанія дѣлались общимъ достояніемъ чрезъ печатаніе ихъ въ нашихъ изданіяхъ, полное собраніе которыхъ за истекшія пятьдесятъ лѣтъ, расположено въ этой залѣ на особыхъ столахъ. Какъ одно изъ средствъ къ общенію Академіи съ другими центрами ученой дѣятельности, эти изданія разсылались академіямъ, ученымъ обществамъ и высшимъ учебнымъ учрежденіямъ *всего свѣта*, въ томъ числѣ въ Россіи 170, Европѣ 223, въ Америкѣ 25, въ Азіи 6 и по одному въ Африкѣ и въ Австраліи.

Ученныя изслѣдованія и открытія, сдѣланныя въ Россіи, становясь такимъ образомъ извѣстными во всѣхъ центрахъ ученой дѣятельности на земномъ шарѣ, приобрѣли себѣ то всеобщее уваженіе и почетъ, вслѣдствіе которыхъ иностранцы, даже знаменитѣйшіе, все чаще и чаще обращаются въ Академію, подвергая ея суду свои ученыя сочиненія и домогаясь чести находиться съ нею въ ближайшихъ литературныхъ сношеніяхъ. Такъ исполненъ завѣтъ Петра Великаго: *„Академики“,* сказалъ онъ, учреждая Академію, — *„должны приобрьсти намъ въ Европѣ доверіе и честь, доказать на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки“.*

Въ иныхъ странахъ сложилось убѣжденіе, что въ академическихъ рѣчахъ истина должна сливаться съ остроумными вымыслами. Но русскому академику, говорящему о милостяхъ и покровительствѣ, изливающихся на науку съ высоты престола, нѣтъ надобности, слава Богу, прибѣгать къ какому-либо риторическимъ прикрасамъ: одно простое, безыскусственное изложеніе фактовъ краснорѣчивѣе здѣсь, чѣмъ всякія ораторскія измышленія. Доказательствомъ тому служитъ обзоръ послѣдняго прожитаго нами полулѣтка: если въ теченіе этого времени кругъ дѣятельности Академіи получилъ значительное расширеніе, то этимъ она обязана тѣмъ богатымъ средствамъ, которыя были дарованы ей щедротами Монарховъ. Академіи остается только желать — желаніе гордое, но извинительное, — чтобы труды ея оказались не недостойными той великой эпохи, къ которой они принадлежатъ, эпохи, когда державная воля, цѣлымъ рядомъ благотворныхъ реформъ, призвала Россію къ новой жизни и указала ей передовое мѣсто всюду тамъ, гдѣ затронуты вопросы цивилизаціи и гуманности.

Присужденіе Баресской медали

въ 1876 году.

Донесеніе коммисіи, состоявшей изъ академиковъ Ф. Ф. Брандта, Ф. В. Овсинкова, Л. И. Шренка, Е. Н. Максимовича (докладчика), Н. И. Жолынова, А. А. Штрауха и Ф. В. Шмидта, одобренное конференціей Академіи въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 30-го ноября 1876 г.

Почетную медаль Вара, высшую награду Академіи за рядъ многолѣтнихъ трудовъ, мы предлагаемъ присудить почетному члену академіи А. А. Бунге за его труды по систематикѣ растений.

Представляя перечень и оцѣнку главныхъ трудовъ Александра Андреевича въ хронологическомъ порядкѣ, мы считаемъ полезнымъ упомянуть, на сколько нужно, и о самой жизни автора; такъ какъ для справедливой оцѣнки полувѣковой ученой дѣятельности необходимо каждый трудъ разсматривать въ связи съ обстоятельствами, которыя вызвали его, и съ тѣмъ временемъ, къ которому онъ относится.

А. А. Бунге родился въ Кіевѣ въ 1803 г., а въ 1821 г. поступилъ въ медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ ботаническими занятіями его руководилъ знаменитый авторъ *Flora Rossica*, профессоръ Ледебуръ. Еще будучи студентомъ, Бунге помѣстилъ въ запискахъ Московскаго общества естествоиспытателей монографію рода *Gentiana*, съ рисунками, воспоминаніе о которой сохранилось въ наукѣ до сихъ поръ въ предложенномъ имъ и общепринятомъ подрождѣ *Chondrophylla* и нѣкоторыхъ его новыхъ родахъ.

Получивъ въ 1826 г. степень доктора медицины, Бунге былъ опредѣленъ врачомъ Алтайскаго горнаго округа въ Барнаулъ. Здѣсь онъ принялъ участіе въ извѣстной алтайской экспедиціи Ледебура и Мейера, а въ послѣдствіи является и однимъ изъ авторовъ общезнаменитого сочиненія *Flora Altaica*, поразившаго въ свое время какъ количествомъ описанныхъ въ ней новыхъ растений, такъ и отличною научною разработкой ихъ. *Flora Altaica* Ледебура, Мейера и Бунге расположена еще по искусственной системѣ Линнея, господствовавшей въ то время еще повсюду, исключая развѣ Франціи. Въ такомъ предпочтеніи отжившей свой вѣкъ системы винить, конечно, нельзя Бунге, заявившаго себя еще студентомъ, въ не изданномъ трудѣ о соотношеніи качествъ растений и ихъ признаковъ, рѣшительнымъ сторонникомъ естественной группировки растеній.

По напечатаніи *Flora Altaica*, Вунге продолжалъ ежегодно посѣщать разныя еще не обследованныя части Алтая и успѣлъ собрать матеріалы для объемистой статьи, изданной иждивеніемъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ *Supplement sur Flora Altaica*.

Въ 1830 году Александръ Андреевичъ сопровождалъ нашу Пекинскую миссію въ качествѣ врача и тѣмъ осуществилъ свою заветную мечту—узнать Китай. До тѣхъ поръ флора Китая, и то только самой южной его части, была извѣстна по одному сочиненію Лурейро (*Loureiro, Flora Cochinchinensis*), разработанному и напечатанному въ прошломъ столѣтіи въ самомъ Китаѣ, безъ достаточной литературной и научной подготовки, и потому переполненному самыхъ грубыхъ ошибокъ и не внушающему никакого довѣрія. Статья Вунге: *Enumeratio plantarum Chinae borealis* (1832) положила первое прочное основаніе къ познанію флоры Китая, и долго, почти до новейшаго времени, служила единственнымъ источникомъ нашихъ познаній о сѣверной части его.

На основаніи этихъ трудовъ, Академія Наукъ избрала молодого ученаго въ свои члены-корреспонденты, а Казанскій университетъ, въ томъ же 1833 году, пригласилъ его занять кафедру ботаники. Въ Казани Александръ Андреевичъ оставался недолго. Въ 1835 г. онъ былъ призванъ на мѣсто его бывшаго наставника, профессора Ледебура, въ Дерптъ, гдѣ онъ и читалъ ботанику до выхода изъ службы въ 1867 г. Труды Александра Андреевича, относящіеся собственно до его профессорской дѣятельности, ограничиваются нѣмечкою обработкой, а въ понадобившемся второмъ изданіи и переработкою курса ботаники Альфонса де-Кандоля, по которому онъ и читалъ лекціи, и пересмотромъ флоры Остзейскаго края Флейшера и Линдемана, для новаго изданія этого сочиненія, значительно дополненнаго и исправленнаго новымъ издателемъ на основаніи собственныхъ экскурсій по краю и изданнаго имъ гербаріи *Flora exsiccata Liv-, Est- und Kurlands*.

За этими исключеніями Александръ Андреевичъ и въ званіи профессора продолжалъ свои самостоятельныя труды по систематикѣ растений. Еще ко времени его пребыванія въ Казани относится напечатанная имъ въ тамошнихъ университетскихъ изданіяхъ статья съ рисунками: *Decas plantarum Mongolico-Chinensium* (1836), составляющая существенное дополненіе къ его труду о флорѣ сѣвернаго Китая, и другая, появившаяся въ журналѣ *Flora: Observaciones de Jurinea*, плодъ поѣздокъ автора по Приволжью и Каспійскимъ степямъ.

Обиліе видовъ красиваго рода *Pedicularis* въ горахъ Алтая и сбивчивыя и неполныя свѣдѣнія о нихъ въ литературѣ побудили Бунге заняться собираніемъ полнаго матеріала всѣхъ известныхъ видовъ *Pedicularis* и затѣмъ монографическою разработкою ихъ. Дѣйствительно его статьи объ этомъ предметѣ появились въ *Бюллетенѣ Академіи Наукъ* въ 1840 и 1843 гг., третья, собственно о русскихъ породахъ, въ III томѣ *Flora Rossica* Ледебура (1847 г.). Статья его о видахъ *Pedicularis* отдѣла *Comosae* и по сей день считается послѣднимъ словомъ науки въ отношеніи къ трудной діагностикѣ этихъ растений.

Около этого времени Александръ Леманъ, совершившій съ 1839 по 1842 г. многотрудную экспедицію по Киргизскимъ степямъ въ Бухару и Самаркандъ и прилежащій хребтъ Кара-тау, по скончавшійся на возвратномъ пути, завѣщалъ всѣ вывезенныя имъ богатныя ботаническія коллекціи бывшему наставнику своему, А. А. Бунге, для научной разработки. Коллекція эта, въ слишкомъ 1500 видовъ, дала Александру Андреевичу возможность познакомить науку еще съ новою, до тѣхъ неизвѣстною флорою, именно Туркестанскою, для изученія которой сочиненіе Бунге *Reliquiae Ledeburianaе* (1851), результатъ восьмилѣтнихъ трудовъ, по сіе время служитъ важнѣйшимъ источникомъ.

Этимъ вкладомъ, обогатившимъ отечественную флору болѣе чѣмъ 180 новыми видами и 20 не описанными еще родами, а равно и безцѣною новыхъ наблюдений, заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности нашего ученаго, посвященный, какъ видно, почти исключительно изученію флоры Россіи и прилежащихъ странъ.

Правда, онъ и въ послѣдствіи еще разъ, въ экспедиціи Хорасанской въ 1857—1859 годахъ, собственными трудами собралъ весьма полный матеріалъ для изученія флоры еще одной terra incognita — восточной Персіи, но разработка этого матеріала, въ видѣ полнаго перечня всего собраннаго съ отрывочными описаніями новыхъ формъ, его болѣе не прельщала. Онъ предпочелъ трудъ монографическій, гораздо болѣе соответствующій его склонности къ основательному и всестороннему изученію предмета. Выбравъ изъ имѣвшагося у него персидскаго матеріала тѣ отдѣлы, которые его особенно интересовали, пополнявъ ихъ заимствованіемъ не достававшаго изъ публичныхъ музеевъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, и наконецъ, посѣтивъ дважды главные научные центры Европы, Бунге всецѣло отдался монографическому труду. Весь же свой остальной матеріалъ

изъ Персін онъ предоставилъ въ распоряженіе Эдмонда Буассе, для включенія въ издаваемую послѣднимъ *Flora Orientalis*. Въ названномъ сочиненіи мнѣ и находимъ еще многочисленныя разбросанныя замѣчанія и наблюденія нашего ученаго.

Первая законченная монографія этого второго и важнѣйшаго періода дѣятельности А. А. Вунге *Tentamen generis Tamaricet species accuratius definiendi* появилась въ 1852 г., къ 50-лѣтнему юбилею Дерптскаго университета. Затѣмъ слѣдуютъ: *Anabasearum revisio* (1862, съ 8 таблицами), классическій трудъ, удостоенный преміи Де-Бандоля, присуждаемой черезъ каждыя пять лѣтъ за лучшую, появившуюся въ этотъ промежутокъ времени монографію; затѣмъ— *Ueber die Gattung Echinops* (1863); *Cousinia* (1865); *Heliocarya nebst einigen Bemerkungen über Borragineen überhaupt* (1871); *Die Arten der Gattung Dionysia* (1871); *Die Gattung Acantholimon* (1872); *Oxytropis* (1874).

Когда автору, по обширности или разбросанности и недоступности матеріаловъ, не удавалось соединить въ своихъ рукахъ матеріалъ для монографіи всѣхъ извѣстныхъ формъ какого-либо отдѣла, онъ брался за разработку видовъ болѣе или менѣе обширной области. Къ монографіямъ такого рода нужно причислить громадный трудъ: *Astragali species gerontogaeae* (1868 и 1869), *Die Heliotropien der mittelländischen Flor* (1870); *Labiatae persicae* (1873).

Разборъ каждой изъ этихъ монографій завелъ бы насъ слишкомъ далеко; поэтому достаточно будетъ упомянуть, что каждая изъ нихъ занимается какою-либо весьма недостаточно или монографически вовсе не разработаннымъ предметомъ, каждая не только вводитъ въ науку необыкновенно большую массу новыхъ данныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ новый и яркій свѣтъ на тотъ отдѣлъ, которому она посвящена. Затѣмъ остается указать на существенныя и общія имъ всѣмъ черты.

Живо заинтересованный своеобразною растительностью степей, лично имъ изслѣдованныхъ въ Прикаспіи, Алтаѣ, Персін и Монголіи, нашъ авторъ общею темою для своихъ монографій избираетъ семейства, представители которыхъ преимущественно свойственны степямъ. При всемъ кажущемся однообразіи степей и пустынь, залегшихъ необъятнымъ поясомъ поперекъ Азіи, Африки и части Европы, въ нихъ тѣмъ не менѣе представляется, болѣе чѣмъ въ дѣсныхъ краяхъ того же умѣренного пояса, удивительное разнообразіе условій климата, почвы, поверхности, возвышенія надъ уровнемъ моря, рас-

предѣленія влаги, постоянной или періодической, и т. п.; и точно также населяющія ихъ растенія какого-либо семейства, хотя и состоящія между собою въ тѣснѣйшемъ сродствѣ и носящія на себѣ одинъ и тотъ же стеновой отпечатокъ, дробятся гораздо болѣе, чѣмъ во флорахъ влажныхъ климатовъ, на безчисленныя формы, разобрать и распредѣлить которыя удастся только тому, кто, кромѣ таланта, обладаетъ и опытнымъ глазомъ и неутомимою усидчивостью, чтобы посредствомъ всесторонняго анализа всѣхъ и даже мельчайшихъ частей, а не только такъ называемыхъ важныхъ органовъ — открыть тѣ признаки, по которымъ подъ рукою монографа кажущійся хаосъ группируется, какъ бы самъ собою, въ стройное и ясное до мелочей цѣлое. Именно къ такого рода анализу, предпринятому безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, прежде всего и приступаетъ нашъ монографъ; но безчисленныя детали этого анализа видны развѣ только тому, кто полюбопытствовалъ бы бросить взглядъ хотя бы на атласъ анализовъ рода *Astragalus*, уступленный авторомъ Академіи Наукъ. Результатомъ анализа является совсѣмъ новая, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по точности и простотѣ расположенія изящная группировка и классификація подлежащихъ изслѣдованію формъ. Богатство новыхъ матеріаловъ влечетъ за собою установленіе множества новыхъ породъ, отчасти, можетъ быть, и слишкомъ схожихъ, но всегда отчетливо охарактеризованныхъ. Рука объ руку идетъ обычная разработка литературы, синонимики и т. д.

Въ изложеніи является другая, свойственная всѣмъ трудамъ Бунге черта, это — сжатость и строгая логичность формы изложенія, дающая вездѣ только результаты работы, а не — какъ водится — и весь процессъ ея; наконецъ, весьма часто замѣчается отсутствіе гипотетическихъ разсужденій и выкладокъ, которыя авторъ обыкновенно предоставляет самому читателю.

Потому, для уразумѣнія монографій Бунге не нужно преодолѣвать никакихъ многорѣчивыхъ вступленій, не нужно знакомиться ни съ какими новыми терминами, не нужно вдумываться ни въ какія глубокомысленныя комбинаціи; онѣ, однимъ словомъ, написаны не для эффекта, не для блага чтенія, а для практическаго руководства, и для него каждая изъ нихъ неоцѣнима.

Именно въ этой краткости, иногда пренебрегающей даже хотя бы и сжатымъ сопоставленіемъ общихъ выводовъ (мастерскіе очерки которыхъ мы встрѣчаемъ, впрочемъ, въ его трудахъ объ *Anabaseae*, *Doynysia* и *Labiatae persicae*), въ этомъ исключеніи всякаго

не идущаго прямо къ дѣлу слова и лежитъ вся тайна плодovitости нашего автора. Ему дорого то время, которое литературнымъ трудомъ отнимается у труда ученаго, и онъ спѣшитъ, сообщивъ результаты одного изслѣдованія, приняться за другое. Только такимъ способомъ можно соединить въ себѣ два качества, по видимому, не совмѣстимыя, но которыми въ высокой степени обладаетъ знаменитый Несторъ русскихъ ботаниковъ, — легкость сочиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самое добросовѣстное изученіе предмета.

Подобно тому, какъ Александръ Андреевичъ трудами по флорѣ Россіи, пріобрѣлъ славу одного изъ первыхъ знатоковъ этой флоры,^o онъ длиннымъ рядомъ изданныхъ имъ монографическихъ сочиненій занялъ почетное мѣсто на ряду съ первыми ботаниками-систематиками нашего времени.

Пожелаемъ нашему маститому ученому, продолжающему неустанно трудиться на избранной имъ поприщѣ, новыхъ успѣховъ на пользу науки и Россіи.

Присужденіе денежной премии Бэра

въ 1876 году.

Донесеніе комиссіи, состоявшей изъ академиковъ О. О. Брандта, Ф. В. Овсянникова (докладчика), Л. И. Шренка, Е. И. Максимовича, А. А. Штрауха и Н. И. Жегалова, одобренное консервенціей Академіи въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 30-го ноября 1876 г.

Наука о развитіи животныхъ обогатилась за послѣдніе годы дѣльнымъ рядомъ новыхъ изслѣдованій, которыя значительно расширили нашъ кругозоръ въ пониманіи непрерывной цѣпи послѣдовательныхъ превращеній, начиная простою кѣткой и заканчивая послѣднею ступенью организаціи. Между этими работами самое почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія, изданныя профессоромъ А. Гетте подъ заглавіемъ: *Die Entwicklungsgeschichte der Unke (Bombinator igneus), als Grundlage einer vergleichenden Morphologie der Wirbelthiere. Leipzig. 1875.* Этотъ превосходный трудъ, заключающій въ себѣ болѣе 900 страницъ, сопровождается атласомъ, въ которомъ болѣе 380 рисунковъ. Имя Гетте не въ первый разъ встрѣчается въ литературѣ по исторіи развитія; оно хорошо извѣстно специалистамъ по этой части. Что же касается вышеназванной монографіи, то она стоитъ не только выше остальныхъ трудовъ автора, но и выше всѣхъ эмбриологиче-

скихъ изслѣдованій по исторіи развитія земноводныхъ со времени знаменитаго труда Ремака.

Эмбриологи послѣдняго времени, въ особенности Гетте, въ своемъ классическомъ произведеніи по исторіи развитія цѣпленки, сдѣлали попытку свести многія фазы превращеній яицъ и зародышей на физическіе законы. Гетте не только не чуждъ этимъ возвращеніямъ, но старается чаще своихъ предшественниковъ многое подчинить законамъ физики и механики. Несомнѣнно, что жизненные явленія совершаются по тѣмъ же непреложнымъ законамъ физики, химіи и механики, которые лежатъ въ основѣ и неорганической природы; но нѣсколько странно говорить о физическихъ законахъ въ такихъ общихъ чертахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Вполнѣ впрочемъ понятно, что эмбриональныя кѣтки, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, подчиняясь мѣстнымъ условіямъ, должны разрастаться только въ извѣстномъ направленіи. Для насъ это только частные случаи. Внимательное чтеніе показываетъ между прочимъ, что научные, употребляемые авторомъ терминны: физиологическій, механическій законъ, законъ формъ (Formgesetz), суть нѣрѣдко звуки, ничего не объясняющіе, которыми прикрыты еще непонятные эмбриологическіе процессы. Не надо забывать, что два яйца могутъ, по своей величинѣ, по химическимъ составнымъ частямъ, по формѣ, быть совершенно похожими одно на другое, а между тѣмъ одно развивается въ одно, другое — въ другое животное, принадлежащее совершенно иному виду. Дѣлается это въ силу наслѣдственности. Вышнія условія развитія, назовемъ ли мы ихъ физиологическими или механическими, были въ обоихъ случаяхъ одинаковы.

Гетте начинаетъ свою исторію изученіемъ первыхъ ступеней образованія яйца, высказывая при этомъ мнѣніе, что никто изъ его предшественниковъ не прослѣдилъ этотъ процессъ такъ глубоко, какъ онъ. По его мнѣнію, яйцо произошло чрезъ слитіе нѣсколькихъ кѣтокъ и представляетъ собою во всѣхъ своихъ частяхъ не организованную массу. Результаты, добытые надъ Bombinator, онъ не стѣсняется перенести и на яйца другихъ формъ животныхъ, имъ не обследованныхъ. Не говоря о томъ, что такого рода обобщеніе не имѣетъ подъ собою твердой почвы, все его возвращеніе нельзя не считать въ этомъ отношеніи лишеннымъ всякихъ прочныхъ основаній. Многіе эмбриологи отрицаютъ развитіе яйца изъ нѣсколькихъ кѣтокъ, и какъ кажется, совершенно справедливо. Допуская даже такого рода происхожденіе яйца, ни въ какомъ случаѣ нельзя его считать безфор-

менною, не организованною массою. Въ эмбриологіи много примѣровъ тому, что клѣтки сливаются, но никому не придетъ на мысль вновь образовавшееся тѣло не считать за клѣтку.

Зрѣлое яйцо передъ началомъ сегментациі, особенно участь зародышеваго пузырька, описаны Гетте съ большою подробностію. Видимо, на это авторъ посвятилъ много времени, результатомъ чего были новыя данныя, которыхъ мы не находимъ у другихъ эмбриологовъ, не смотря на то, что большинство ихъ всегда особенно интересовалось судьбою зародышеваго пузырька. Мы не беремся судить, на сколько это наблюденіе вѣрно, но не можемъ не высказать желанія, чтобы такого рода изслѣдованія были обставлены болѣе точнымъ описаніемъ употребленныхъ методовъ, чѣмъ сдѣлано это авторомъ.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, когда добываются совершенно новыя результаты посредствомъ новыхъ способовъ изслѣдованія, эти способы должны быть изложены какъ можно подробнѣе и тщательнѣе.

Изъ развалинъ прежняго ядра создается, по Гетте, въ концѣ концовъ новое тѣло, вступающее въ составъ первыхъ сегментационныхъ долей. Ядро этой послѣдней формациі Гетте называетъ жизненнымъ росткомъ (Lebenskeim).

За фактическимъ изложеніемъ слѣдуютъ теоретическія разсужденія, по которымъ жизнь яйца начинается только съ момента образованія живеннаго ростка, а до того времени яйцо представляло собою одну лишь безформенную и безжизненную массу.

Такого рода воззрѣнія напоминаютъ натурфилософію прежняго времени. Тогда представлялся большой просторъ разгулу фантазіи, которая не была стѣснена прочно установленными и точными наблюденіями. Развивая свою теорію, Гетте безъ сомнѣнія упуститъ изъ виду, что яйцо и до образованія послѣдняго ядра, то-есть, его живеннаго ростка, не могло представлять безжизненной матеріи. Еслибы раньше въ яйцѣ закончились жизненные, или что все равно, извѣстная совокупность физико-химическихъ процессовъ, то оно, представляя мертвую матерію, не могло бы уже продолжать своего дальнѣйшаго развитія.

О самомъ процессѣ оплодотворенія, объ участіи при этомъ живчиковъ, мы не находимъ у Гетте ничего новаго. Впрочемъ, мы хорошо понимаемъ, что даже отъ такого спеціальнаго и полнаго труда, какъ настоящій, мы не въ правѣ требовать рѣшенія всѣхъ эмбриологическихъ вопросовъ, особенно самыхъ трудныхъ.

Теоритическія разсужденія, даже гипотезы, не только имѣютъ мѣсто въ точныхъ біологическихъ работахъ, но нерѣдко приносятъ дѣйствительную пользу наукѣ, частію обобщая предметъ, частію, наводя на новыя идеи и этимъ самымъ расширяютъ изслѣдованія. Гетте, какъ намъ кажется, болѣе чѣмъ требуетъ дѣло, прибѣгаетъ къ теоритическимъ возвращеніямъ, почему объ одной и той же фазѣ развитія онъ высказывается не одинаково ясно. Вообще надо сознаться, что изложеніе Гетте, не смотря на все его стараніе быть, при описаніи разныхъ эмбриологическихъ процессовъ, по возможности, точнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ все-таки неясно, сбивчиво и запутано, на что уже обратили вниманіе нѣкоторые ученые, напримѣръ, Земперъ.

Высказывая открыто наше мнѣніе въ отношеніи тѣхъ наблюденій, съ которыми мы, въ силу нашихъ собственныхъ и постороннихъ изслѣдованій, согласиться не могли, мы нисколько не имѣли въ виду умалить достоинство работы Гетте. Напротивъ того, мы полагаемъ, что его эмбриологическія изысканія о *Bombinator igneus* составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ нашу науку. Представляя намъ во всѣхъ своихъ деталяхъ точную картину одного изъ самыхъ сложныхъ эмбриологическихъ процессовъ, а именно—образованіе зародышевыхъ листовъ и дальнѣйшую судьбу ихъ, Гетте съумѣлъ отрѣшиться отъ тѣхъ узкихъ возвращеній, по которымъ изъ такого-то листа должны были образоваться непременно такіе-то ткани или органы, а не какіе-либо другіе.

Крупное достоинство изслѣдованій Гетте заключается еще въ томъ, что онъ, имѣя подъ руками богатый матеріалъ эмбриологическихъ фактовъ, добытыхъ надъ *Bombinator igneus*, и знакомый по личнымъ наблюденіямъ съ развитіемъ другихъ животныхъ, былъ въ состояніи проводить параллель между однородными фазами развитія различныхъ типовъ. Сравнительная эмбриологія, отысканіе гомологовъ въ высшихъ и низшихъ типахъ, составляя самую интересную и плодотворную часть эмбриологическихъ изысканій, освѣщаютъ арканы свѣтомъ, по видимому, самые сложные и запутанные процессы, выдѣляютъ существенное изъ массы побочныхъ, второстепенныхъ фактовъ и даютъ въ руки наблюдателя руководящую нить. Гетте пользуется—и въ этомъ нельзя не отдать ему полной справедливости,—съ большою осторожностью гомологами, и обобщенія его въ большинствѣ случаевъ очень сдержаны.

Обращаясь къ частностямъ, замѣтимъ, что всѣ отдѣлы, какъ напримѣръ, образованіе нервной системы, органовъ чувствъ, сердца,

кровеносныхъ сосудовъ, органовъ пищеваренія, обработаны одинаково тщательно до малѣйшихъ подробностей. Еслибы мы вздумали представить рефератъ объ отдѣльныхъ фазахъ развитія *Bombinator igneus*, намъ пришлось бы написать цѣлую книгу.

Нѣкоторые недостатки, о которыхъ говорено выше, вполнѣ искупаются превосходною обработкою предмета, цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ, глубокимъ знаніемъ дѣла. Многіе первостепенные эмбриологи, какъ, на примѣръ, Келликеръ, Земперъ, Гисъ, сознавая недостатки труда Гетте, тѣмъ не менѣе ставятъ его очень высоко. Имъ также считаемъ эмбриологическія изслѣдованія о *Bombinator igneus* цѣннымъ вкладомъ въ науку. Этотъ трудъ имѣетъ значеніе не временное, проходящее, подобно спеціальнымъ изысканіямъ о какой-либо одной системѣ животнаго организма, но представляется на столько капитальнымъ, законченнымъ изслѣдованіемъ, что на долгое время будетъ служить руководствомъ и основаніемъ послѣдующихъ работъ. Въ виду всего вышесказаннаго, коммисія признаетъ трудъ А. Гетте объ исторіи развитія *Bombinator igneus* достойнымъ преміи Бэра.

III

Присужденіе Ломоносовской преміи

въ 1876 году.

IV

(Довесеніе коммисіи, состоявшей изъ академиковъ Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова (докладчиковъ), Г. П. Гельмерсена, Н. И. Ковшарова, Г. И. Вильда, Ф. В. Шмидта и А. В. Гадолина, — одобренное конференціей Императорской Академіи Наукъ, въ засѣданіи общаго собранія 3-го декабря 1876).

Дѣтъ тридцать тому назадъ было въ первый разъ показано, что ціанистые эфиры разлагаются при дѣйствіи щелочей какъ нитрилы и даютъ кислоты, содержащія углерода однимъ атомомъ болѣе, чѣмъ эфировыя группы, въ разложившихся эфирахъ, и съ тѣхъ поръ усилія химиковъ были преимущественно направлены къ тому, чтобъ узнать строеніе тѣхъ углеродныхъ группъ, которыя являются какъ сложные радикалы — нераздѣльныя частички — въ типической реакціи органическихъ соединеній.

При работахъ въ этомъ направленіи особенное вниманіе обратили на себя тѣла изомерныя, одинаковыя по составу качественному и количественному, и принадлежащія по типическимъ реакціямъ къ одному роду, но значительно различныя по свойствамъ. Изслѣдованіе строенія группъ въ такихъ тѣлахъ, строенія, которое только и могло обуславливать ихъ различіе, требовало особенныхъ методовъ;

часть XIX, отд. 4.

3

нужно было придумывать своеобразныя, не испробованныя прежде реакціи, производить изысканія безъ пособия какой-либо аналогіи съ предшущими работами, и вотъ въ продолженіе нѣкоторыхъ годовъ изслѣдованія эти увеличили объемъ науки до изумительныхъ размѣровъ и уже дали прочное основаніе ученію о строеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ углеродистыхъ соединений; они важны и тѣмъ, что указываютъ направленіе въ работахъ для силъ, желающихъ посвятить себя нашей наукѣ, и въ будущемъ обѣщаютъ еще неизчислимое множество самыхъ важныхъ и полезныхъ открытій. Между такими-то работами работы г. профессора Технологическаго института Оед. Оед. Бейльштейна имѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ немаловажное значеніе. Въ нижеслѣдующемъ мы укажемъ на тѣ результаты работъ г. Бейльштейна, которые существенно обогатили науку и указали пути къ новымъ изысканіямъ, имѣющимъ свое значеніе въ химіи.

Изслѣдуя вопросъ о размѣщеніи водорода въ группахъ ароматическихъ, г. Бейльштейнъ далъ способъ по произволу замѣщать хлоромъ и бромомъ водородъ въ группѣ жировой или феновой, изъ которыхъ составлено ароматическое соединеніе. Это открытіе разъяснило многія непонятныя прежде явленія, дало возможность синтетически образовывать нѣсколько интересныхъ соединений и послужило исходнымъ пунктомъ для значительныхъ химическихъ работъ въ Россіи и за границею.

Г. Бейльштейнъ вскорѣ затѣмъ выполнѣ рѣшилъ другой важный вопросъ—о мѣстѣ постановки тѣла, замѣщающаго водородъ въ феновой группѣ, которая входитъ въ составъ ароматическаго, бензоиловаго тѣла. Соотвѣтственно нѣкоторымъ даннымъ опыта, можно было принять, что всѣ водороды и углероды въ феноѣ одинаковы относительно ихъ группировки. Такое предположеніе указывало возможность трехъ различныхъ постановокъ въ бензоиловой группѣ. Г. Бейльштейнъ, открывъ и изслѣдовавъ множество производныхъ метило-феноваго ряда, доказалъ неоспоримо дѣйствительное существованіе такихъ трехъ различныхъ постановокъ и указалъ мѣсто въ соотвѣствующихъ рядахъ почти всѣмъ, какъ прежде извѣстнымъ, такъ и имъ самимъ открытымъ изомернымъ производнымъ метило-феновой группы въ обширномъ смыслѣ.

При этихъ работахъ г. Бейльштейну приходилось не разъ доказывать, что тѣла, почитаемыя за различныя, тождественны (имѣ доказано тождество дихлорбензола съ дихлортолуоломъ, салиловой кислоты съ бензойною, многихъ извѣстныхъ нынѣ цимоловъ), и что

тѣламъ, поставленнымъ въ различные ряды, принадлежать другія мѣста. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ заставляло его уклоняться отъ главной нити изслѣдованія и работать почти во всѣхъ областяхъ химіи углеродныхъ соединеній, и при этихъ побочныхъ трудахъ г. Бейльштейну посчастливилось указать общепользныя реакціи: такъ восстановленіе нитросоединеній дѣйствіемъ олова съ водною соляною кислотою есть одна изъ такихъ реакцій, и теперь всѣ и вездѣ пользуются ею при научныхъ изслѣдованіяхъ интересной группы нитротѣлъ.

Излишне было бы перечислять работы г. Бейльштейна въ различныхъ областяхъ химіи, но мы считаемъ умѣстнымъ упомянуть, что въ послѣднее время онъ началъ изслѣдованіе въ нафталиновомъ рядѣ и указалъ уже на нѣкоторые факты; не лишеныя значенія и въ теоретическомъ отношеніи.

Работы г. Бейльштейна надъ бензояловымъ рядомъ, богатыя открытіями новыхъ тѣлъ и новыхъ реакцій, такъ существенно обогатившія науку и могущія служить образцомъ при подобныхъ работахъ въ другихъ рядахъ, мы имѣемъ честь предложить къ удостоенію Ломоносовской преміи.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ II-го ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1876 ГОДЪ.

(Составленъ академикомъ А. В. Никитенкомъ).

Истекающій годъ, какъ и предыдущій, былъ продолженіемъ трудовъ каждаго изъ членовъ отдѣленія въ томъ же духѣ точныхъ, научныхъ изслѣдованій по разнымъ предметамъ отечественнаго языковѣдѣнія и словесности.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій, посреди разнообразныхъ своихъ занятій и разработки памятниковъ письменности и славяно-русской словесности, обращалъ, между прочимъ, особенное вниманіе на палеографическую ихъ сторону, составляющую, какъ извѣстно, весьма важное пособіе для ихъ историческаго объясненія. Письменность славянская вообще, и русская въ особенности, представляетъ богатый запасъ данныхъ, которыми изслѣдователь можетъ руководиться въ работахъ этого рода, но его все-таки недостаточно, какъ выражается академикъ,—даже и для рѣшенія частныхъ вопросовъ по опредѣленію времени написанія памятниковъ, не только для рѣшенія вопросовъ общихъ. Занимался издавна собираніемъ палеографическихъ матеріаловъ, онъ успѣлъ добыть значительный запасъ ихъ—не смотря однако на это, въ приложеніи къ дѣлу онъ все-таки оказывается недостаточнымъ, такъ что приходится еще много трудиться для увеличенія этого запаса. Что касается до самаго способа разсмотрѣнія палеографическихъ данныхъ, то изслѣдователю нельзя обойтись безъ сличенія письменности славянской съ письменностью греческою и латинскою. Особенно важна въ этомъ отношеніи письменность греческая, разумѣется—тѣхъ вѣковъ, когда она уже могла сдѣлаться источникомъ и образцомъ для славянства. Отыскивая сколько возможно болѣе вѣрныхъ показаній о греческомъ письмѣ этихъ вѣ-

ковъ, академикъ сталъ приводить найденное въ порядокъ, и въ видѣ опыта издалъ начало своихъ „Палеографическихъ наблюдений по памятникамъ греческаго письма“, гдѣ прежде всего помѣщенъ обзоръ русскихъ трудовъ по палеографіи греческой.

Въ числу затруднительныхъ вопросовъ славянской палеографіи принадлежитъ вопросъ о письменности глаголической, о ея отношеніяхъ къ письменности такъ называемой кирилловской, по времени ихъ нахожденія и взаимной ихъ связи. Древнихъ глаголическихъ памятниковъ такъ мало, и указаній о времени ихъ написанія такъ немного, что пока надобно довольствоваться ихъ собираніемъ и частною оцѣнкою. Въ этомъ смыслѣ И. И. Срезневскій напечаталъ сперва въ *Трудахъ Киевскаго археологическаго общества*, а потомъ и отдѣльно, свою работу по древнему глаголическому письму чешскаго извода, съ приложеніемъ подлинника. Кромѣ того, г. Срезневскій представилъ въ Академію свою „Записку о трудахъ профессора Потѣбни“, удостоеннаго Ломоносовской награды за свое сочиненіе о русской грамматикѣ; потомъ жизнеописаніе Вука Стефановича Караджича, одного изъ знаменитыхъ вождей въ борьбѣ за независимость Сербовъ въ 1804 году при Карагеоргіѣ и перваго изъ главныхъ дѣятелей въ образованіи ихъ народной литературы. Последнее сочиненіе это напечатано въ сборникѣ *Братская помощь*, изданномъ русскими литераторами въ пользу Славянъ, бѣдствующихъ подъ турецкимъ игомъ. Къ числу наблюдений И. И. Срезневскаго о текущихъ явленіяхъ славянской словесности надобно отнести читанныя имъ въ отдѣленіи свѣдѣнія о весьма замѣчательномъ произведеніи г. Миличевича, знакомящемъ читателя съ Сербіей во всѣхъ отношеніяхъ. Труды Югославянской академіи съ основанія и первой дѣятельности этого ученаго общества обращали на себя вниманіе исследователей славянской науки. Академикъ Срезневскій прежде ознакомилъ уже съ ними отдѣленіе и нынѣ представилъ записку, вызвавшую рѣшеніе отдѣленія привѣтствовать адресомъ это общество съ изсеченіемъ десятилѣтія его полезныхъ трудовъ. Адресъ составленъ г. Срезневскимъ и отправленъ по назначенію.

Значительная часть академической дѣятельности Я. К. Грота, какъ ужъ извѣстно изъ прежнихъ отчетовъ отдѣленія, посвящена была разработкѣ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ, почти не тронутыхъ нашею наукою по части отечественнаго языковѣдѣнія. Въ началѣ нынѣшняго года онъ окончилъ печатаніе новаго изданія своихъ „Филологическихъ разысканій“. Второй томъ хотя и носитъ заглавіе

прежняго трактата его о правописаніи, въ сущности, однако, составляетъ совершенно новый трудъ, который можно бы назвать изслѣдованіемъ „О звукахъ и письмѣ въ примѣненіи къ русскому языку“. Затѣмъ академикъ продолжалъ свои занятія по Историческому обществу, разбирая и приводя въ порядокъ хранящіеся въ государственномъ архивѣ бумаги императрицы Екатерины II. Въ связи съ этими трудами имъ обработано нѣсколько монографій относительно ея царствованія; изъ нихъ напечатаны двѣ: о мирныхъ сношеніяхъ императрицы съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III (въ „журналѣ Дрезмля и Новая Россія“) и объ ея комической оперѣ: „Горе-богатырь“ (въ сборникѣ *Братская помощь*). О сношеніяхъ Екатерины II съ Густавомъ III академикъ продолжаетъ еще свои изслѣдованія, которыя и будутъ напечатаны въ наступающемъ году. Въмѣстѣ съ тѣмъ г. Гротъ предпринялъ собрать и изложить всѣ свѣдѣнія, какія только можно извлечь изъ разныхъ источниковъ о томъ важномъ эпизодѣ умственной дѣятельности Екатерины II, плодомъ котораго было изданіе „Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій“. Изъ изслѣдованій г. Грота оказывается, что личное участіе императрицы въ этомъ трудѣ было гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно догадываютъ. Поводомъ къ приготовительнымъ ея работамъ по составленію словаря было чтеніе оконченнаго въ 1780-хъ годахъ сочиненія Куръ-де-Жебелена: *Monde primitif*. Государиня увлеклась мыслью о возможности дойти, посредствомъ сравненія языковъ, до первоначальнаго языка, корня всѣхъ остальныхъ, и принялась съ этою цѣлью записывать слова, выражающія самыя первоначальныя, простыя понятія, съ тѣмъ, чтобы потомъ прискаты переводы этихъ словъ на всѣ тѣ языки и нарѣчія, о которыхъ можно было достать свѣдѣнія. Она записала такимъ образомъ около 300 словъ и составила списокъ 200 языковъ. Вскорѣ однакожъ она почувствовала потребность въ ученomъ сотрудникѣ и передала все ея сдѣланное академику Палласу, который, дополняя собранные уже переводы словъ новыми переводами на малоизвѣстные языки, издалъ два тома словаря. Въ составъ ихъ вошли азіатскіе и европейскіе языки; по языкамъ Африки и Америки предполагалось приготовить еще одинъ томъ. Но это намѣреніе не осуществилось.

Желая доставить Я. К. Гроту новые источники для занятій по исторіи и филологіи, отдѣленіе командировало его за границу для посѣщенія преимущественно Италіи, съ языкомъ и литературою которой онъ давно уже хорошо знакомъ. Прибывъ въ эту страну въ

моментъ сильнаго возбужденія умовъ въ ней въ пользу Славянъ, страдающихъ подъ некачественнымъ игомъ мусульманъ, онъ отправилъ оттуда въ отдѣленіе письмо, съ привлеченіемъ въ русское переводѣ изъ любопытной, весьма сочувственной Славянамъ статьи профессора Линдьяна, напечатанной въ Римѣ. Письмо это будетъ помѣщено въ *Славянскомъ Сборникѣ*. Путешествуя по Италіи, онъ также имѣлъ въ виду воспользоваться, гдѣ можно будетъ, данными для нашей исторіи. Въ Венеціи удалось ему отыскать нѣсколько документовъ въ тамошнемъ архивѣ, имѣющихъ отношеніе къ его занятіямъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ большую предупредительность со стороны завѣдывающихъ, а, благодаря обязательному вниманію директора Венеціанскаго музея, г. Вароци, получилъ отъ него въ даръ для Академіи переписку бывшаго въ Венеціи посломъ Екатерины II маркиза Маруцци съ русскими государственными людьми и вельможами. Независимо отъ прочихъ академическихъ занятій въ истекающемъ году, Я. К. Гротъ продолжалъ окончательную редакцію собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи Державина, которая должна войти въ составъ послѣдняго 8-го тома изданія сочиненій славнаго поэта. Подъ его же наблюденіемъ продолжалось печатаніе сочиненій Державина въ общедоступной формѣ; пятый и шестой томы этого изданія ужъ отпечатаны и выпущены въ свѣтъ. Наконецъ, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, г. Гротъ началъ печатаніе, по порученію Историческаго Общества, переписки Екатерины II съ Гриммомъ, переписки весьма любопытной и важной для характеристики и біографіи великой монархини.

Академикъ А. Ѳ. Вычковъ въ настоящемъ году продолжалъ печатаніе краткихъ новгородскихъ лѣтописцевъ и 2-го тома составляемаго имъ „Указателя къ восьми томамъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей“. Занятія его въ государственномъ и сенатскомъ архивахъ, откуда онъ извлекалъ матеріалы для приготавлиаемаго министерствомъ народнаго просвѣщенія изданія „Полнаго собранія писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“, доставили много новыхъ и любопытныхъ данныхъ о жизни и дѣятельности великаго монарха, которому Академія наукъ обязана своимъ существованіемъ. Въ качествѣ члена Императорскаго, русскаго, историческаго общества, академикъ Вычковъ приступилъ къ печатанію депешъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ, состоявшихъ при нашемъ дворѣ въ продолженіе царствованія Петра Великаго, и въ числѣ ихъ—депешъ Кампредона. Кромѣ того, А. Ѳ. Вычковъ напечаталъ въ изданіи *Древняя и Новая Рос-*

сія очеркъ жизни и дѣятельности почетнаго члена Академіи графа М. А. Корфа и въ *Русской Старинѣ* статью: „Къ пятидесятилѣтію II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи“, гдѣ сообщены имъ новыя матеріалы для исторіи отдѣленія.

Въ отчетѣ отдѣленія за прошедшій годъ было уже замѣчено о весьма важномъ трудѣ, предпринятомъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ, который безостановочно былъ продолжаемъ имъ и въ истекающемъ году. Это „Исторія Россійской академіи“, долженствующая служить богатымъ дополненіемъ общей исторіи нашей литературы и образованія, а по литературному своему достоинству занимать одно изъ почетныхъ мѣстъ въ нашей современной словесности. Къ изданнымъ уже двумъ томамъ присоединенъ нынѣ и отпечатанъ третій. Здѣсь помѣщены біографическія свѣдѣнія о пяти членахъ Россійской академіи—Котельниковѣ, Протасовѣ, Соколовѣ, Иноходцовѣ и Кононовѣ. Эти лица почти всѣ родились въ крестьянскомъ сословіи и научились грамотѣ въ казармахъ гвардейскихъ полковъ, гдѣ отцы ихъ служили солдатами. Потомъ они образованіе свое довершили въ гимназій и университетѣ при Академіи наукъ. Всѣ они ознаменовали себя полезною дѣятельностью по разнымъ отраслямъ наукъ. Котельниковъ занимался математикой и впервые былъ оцѣненъ знаменитымъ Эйлеромъ, который рѣшительно возставалъ противъ приглашенія на кафедру высшей математики въ Академію наукъ кого-нибудь изъ иностранцевъ, ссылаясь на то, что между Русскими находится такой отлично даровитый математикъ, какъ Котельниковъ. Натуральность Соколовъ—ученикъ и потомъ сотрудникъ знаменитаго Палласа, съ которымъ участвовалъ въ путешествіи по Россіи, продолжавшемся нѣсколько лѣтъ. Онъ произвелъ много весьма важныхъ наблюденій, собралъ богатую коллекцію, открылъ новыя виды животныхъ и растений и т. п. Палласъ отдавалъ полную справедливость талантамъ и ученымъ заслугамъ своего помощника; многія прекрасныя страницы въ описаніи путешествія, по свидѣтельству Палласа, принадлежатъ Соколову. Протасовъ приобрѣлъ значительную извѣстность по медицинѣ; о Кононовѣ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній, такъ какъ онъ слишкомъ рано умеръ. Замѣчательно, что правительство, занимавшееся тогда начертаніемъ системы народнаго образованія въ различныхъ его отрасляхъ, обращалось за совѣтами къ членамъ ученаго сословія, которыхъ мнѣнія о разныхъ предметахъ были принимаемы съ уваженіемъ. По поводу этого академикъ М. И. Сухомлиновъ говоритъ: „Само собою разумѣется, что въ наше время странно было бы пору-

чать астрономамъ и натуралистамъ разсматривать бракоразводнымъ дѣла. Но это вовсе не казалось страннымъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда не было ни научно-образованныхъ судей, ни правильной системы судоустройства и судопроизводства, ни свода и собранія законовъ. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что на долю ученыхъ академиковъ, какъ просвѣщенѣйшихъ людей тогдашняго общества, выпадала частица труда, возложеннаго впоследствии, но еще такъ недавно, на кассационный сенатъ и другіе органы судебной власти. По отзывамъ государственныхъ людей того времени, передача запутаннаго судебного дѣла на разсмотрѣніе Академіи служила доказательствомъ довѣрія просвѣщеннаго правительства къ ученому словію. То же уваженіе къ правамъ разума и знанія, которое привело Екатерину II къ мысли внести въ свой Наказъ начала, высказанныя знаменитыми европейскими писателями, расположило ее съ довѣріемъ выслушивать сужденія людей науки о различныхъ вопросахъ, касающихся умственной, общественной и государственной жизни Россіи". Кромѣ вышесказаннаго, М. И. Сухомлиновъ помѣстилъ въ теченіе года, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, статьи: о замѣчательномъ русскомъ библіографѣ Сопиковѣ; о сношеніи русской Академіи съ славянскими учеными и писателями; историко-литературные материалы съ объясненіями и примѣчаніями и др.

По существующимъ правиламъ и примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, и въ истекающемъ году на академика А. В. Никитенко возложено было разсмотрѣніе драматическихъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію Уваровской преміи. На этотъ разъ ихъ было пять. По разсмотрѣніи ихъ, подробный анализъ cadaго изъ нихъ академикомъ былъ представленъ въ свое время въ Академію.

Высокопреосвященный архіепископъ Литовскій и Виленскій Макарій, постоянно трудясь надъ изображеніемъ историческихъ судебъ русской церкви, въ этомъ году напечаталъ восьмой томъ исторіи этой церкви. Кромѣ того, онъ написалъ и произнесъ два слова: одно — по поводу современныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, а другое — предъ открытіемъ въ Вильнѣ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Ко всему вышесказанному мы съ удовольствіемъ можемъ присовокупить свѣдѣніе о предпринятомъ нашимъ маститымъ и достопочтеннымъ сочленомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, полнымъ изданіи его сочиненій, первый томъ которыхъ ужъ отпечатанъ и скоро долженъ выйти въ свѣтъ. Въ продолженіе полутолѣтія князь Вяземскій былъ

однимъ изъ достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ представителей нашей словесности и въ самую дѣйствующую пору своей дѣятельности принадлежалъ къ лучшей ея эпохѣ, которой исторія и отечество наши не забудутъ въ изображеніи успѣховъ, нашей мысли и образованности. И въ позднѣйшее время, до сихъ самыхъ дней, князь Вяземскій изумляетъ въ своихъ произведеніяхъ свѣжестью своего высокаго дарованія, богатствомъ мыслей и своеобразіемъ блестящаго и чистаго русскаго языка, чему подтвержденіемъ служатъ его статьи, печатаемыя преимущественно въ *Русскомъ Архивѣ*. Прежнія сочиненія князя Вяземскаго разсѣяны во множествѣ разныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій. Не мало усилій стоило собрать ихъ въ этихъ каталомбахъ, надъ чѣмъ особенно потрудились извѣстный нашъ библиографъ С. И. Пономаревъ и знатокъ литературныхъ дѣлъ Н. П. Барсуковъ. Самое изданіе исполняется послѣднимъ по вызову и подъ просвѣщеннымъ наблюденіемъ графа С. Д. Шереметева; ему и будутъ обязаны сооруженіемъ этого литературнаго памятника всѣ, кому дороги честь русской мысли и слова.

О РАСПРЕДѢЛЕНІИ УЧАЩИХСЯ ПО КЛАССАМЪ И КУРСАМЪ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Всякому, окончившему воспитаніе въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, хорошо знакомо странное явленіе, которое на языкѣ поэтовъ изображается словами:

«Нашъ кругъ становится годъ отъ году тѣснѣе».

Возьмемъ для примѣра университетъ. Вывшіе студенты твердо помнятъ, какъ шумны и людны были аудиторіи перваго курса, наполненныя новичками, которыхъ называли въ былое время въ Германіи *gothe Fuchse*. На второмъ курсѣ рдмъ товарищей уже значительно рѣдѣли; на третій перешло еще менѣе, и послѣдній, четвертый курсъ, составилъ изъ немногочисленнаго кружка молодыхъ людей, вѣроятно наиболѣе твердыхъ волею, наиболѣе прилежныхъ и знающихъ. Но куда же дѣлись остальные?

На этотъ вопросъ старики изъ студентовъ отвѣтять: нинѣ остались, оставаясь второй годъ на томъ же курсѣ, и ихъ число, вѣроятно, составляетъ большинство; другіе выбыли по разнымъ причинамъ, по болѣзни, по недостатку средствъ продолжать ученіе, вслѣдствіе перемѣны семейныхъ обстоятельствъ, или перешли въ другія учебныя заведенія и на другое поприще жизненной дѣятельности.

Имѣя подъ рукою данныя, касающіяся нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мы постараемся, въ подлежащей статьѣ, опредѣлить по нимъ законы, которымъ подчиняются эти передвиженія въ средѣ юношества. Для примѣра и вывода заключеній, возьмемъ различныя разряды учебныхъ заведеній, преимущественно: 1) гимназій, въ которыхъ молодые люди получаютъ основательное классическое образованіе и въ которыхъ главными предметами пре-

подаванія служатъ, вмѣстѣ съ отечественнымъ языкомъ и математикой, древніе языки—греческій и латинскій; 2) прогимназій, и 3) реальныхъ училища. Дополнимъ выводы, относящіеся къ означеннымъ заведеніямъ, нѣкоторыми свѣдѣніями о женскихъ гимназіяхъ, женскихъ прогимназіяхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищахъ и другихъ школахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Возьмемъ въ основаніе исчисленій одинъ или два срока въ году, притомъ изъ ближайшаго по возможности учебнаго года, и по нимъ будемъ судить о числѣ учащихся вообще и числѣ выбывающихъ. Выводъ среднихъ чиселъ за пять или десять лѣтъ былъ бы крайне затруднителенъ, по обширности работы и недостатку точныхъ данныхъ; и кромѣ того, не представлялъ бы вѣрныхъ результатовъ, годныхъ для будущихъ соображеній. Въ послѣднія пять лѣтъ въ учебной сферѣ произведены весьма значительныя преобразованія, которыя до сего времени не могли быть вполне осуществлены и вводятся постепенно; послѣдовательный рядъ перемѣнъ долженъ имѣть несомнѣнно то или другое вліяніе на численность учениковъ, на число поступающихъ въ училища и выбывающихъ изъ нихъ до окончанія курса ученія. Поэтому послѣдніе итоги, подведенные въ училищныхъ отчетахъ, представляютъ наиболѣе вѣрную норму для вывода заключеній относительно пастоящаго и ближайшаго будущаго. Наши изслѣдованія послужатъ дополненіемъ къ отчетамъ объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ, ежегодно печатаемымъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и къ ихъ разъясненію. Начнемъ съ гимназій.

Къ 1-му января 1876 года число учащихся въ 123 правительственныхъ гимназіяхъ (безъ прогимназій) достигало цифры 39,620 человекъ. Ихъ распредѣленіе по округамъ и гимназіямъ опредѣляется слѣдующими исчисленіями:

Въ Петербургскомъ учебномъ округѣ въ 16 гимназіяхъ воспитывалось 4,034 человека, именно: въ приготовительномъ классѣ 609, въ I—820, во II—686, въ III—592, въ IV—466, въ V—326, въ VI—241, въ VII—171 и въ VIII—123. Слѣдовательно въ I классѣ числилось на 211 человекъ или на 34,6% болѣе нежели въ приготовительномъ; затѣмъ, начиная съ перваго класса, число учащихся уменьшается въ каждомъ слѣдующемъ въ сравненіи съ предыдущимъ: во II на 16,3%, въ III—на 13,7%, въ IV—на 21,3%, въ V—на 30%, въ VI—на 26,1%, въ VII—на 29%, въ VIII—на 28% и въ послѣднемъ VIII классѣ оказывается только 15%, въ сравненіи съ

численностию I класса гимназій. Среднимъ числомъ обучались въ каждой гимназій округа 269 человекъ, именно: въ приготовительномъ классѣ 41, въ I—55, во II—46, въ III—39, въ IV—31, въ V—22, въ VI—16, въ VII—11 и въ VIII—8 человекъ; но такъ какъ въ Архангельской гимназій и въ историко-филологическомъ институтѣ VIII класса не было открыто, то среднее число для послѣдняго надо полагать на 13 гимназій, что составитъ въ среднемъ выводъ 9 человекъ, уменьшеніе же въ сравненіи съ VII классомъ будетъ всего на 18%. Съ 1-му января 1876 года, кромѣ основныхъ, были открыты параллельные классы въ гимназіяхъ 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й и въ гимназій церковнолюбиваго общества, всего же въ I основному—4 параллельные, ко II—5, къ III—4, къ IV—2. Параллельные классы мы вездѣ считаемъ въ одной суммѣ съ основными; раздѣленіе ихъ ввело бы разчеты слишкомъ дробные и запутанные.

Руководствуясь такими же вычислениями, мы получимъ для Московскаго учебнаго округа слѣдующія данныя: въ 20 гимназіяхъ было учащихся 6.400 человекъ, именно: въ приготовительномъ классѣ 799, въ I—1236, во II—1123, въ III—970, въ IV—801, въ V—516, въ VI—393, въ VII—298 и въ VIII—264; въ I классѣ противъ приготовительнаго болѣе на 437 человекъ, или на 54,7%; затѣмъ уменьшеніе начинается со II класса на 9,1%, въ сравненіи съ предыдущимъ, въ III—на 13,6%, въ IV—на 17,4%, въ V—на 35,5%, въ VI—на 23,8%, въ VII—на 24,2%, въ VIII—на 11,2%. Ученики VIII класса составляютъ всего только 21,3% въ сравненіи съ I классомъ, пропорцію однако болѣе значительную, нежели въ С.-Петербургскомъ округѣ. Параллельные классы были открыты въ 13 гимназіяхъ округа для I—12, II—13, III—8, IV—6 и V—1.

Въ Казанскомъ округѣ въ 8 гимназіяхъ обучались 2.831 ученикъ, что составляетъ по 354 человека на каждую гимназію; въ приготовительномъ классѣ числилось 262, въ I—460, во II—472, въ III—433, въ IV—392, въ V—275, въ VI—242, въ VII—189 и VIII—106; въ I классѣ болѣе противъ приготовительнаго на 198 учениковъ, или на 75,5%, во II болѣе перваго на 12 человекъ, или на 2,6%; съ III начинается уменьшеніе числа учащихся, въ сравненіи съ предыдущимъ менѣе на 8,2%, въ IV—на 9,4%, въ V—на 39,8%, въ VI—на 12%, въ VII—на 21,9%. Что касается до VIII класса, то его не было еще открыто въ 3-й Казанской гимназій, въ остальныхъ въ старшемъ классѣ учениковъ въ сравненіи съ VII на 39% менѣе. Внезапное пониженіе числа учениковъ

въ V классѣ на 40% и въ VIII на 39% 'оставались' наше вниманіе; при болѣе подробномъ разсмотрѣніи 'училищныхъ' отчетовъ, мы убѣждаемся, что уменьшеніе численности произойдо не отъ увольненія многихъ учениковъ изъ гимназій, но зависѣло отъ численности предыдущихъ классовъ, числа вновь поступившихъ и числа переведенныхъ изъ младшихъ классовъ въ старшіе. Наибольшее пониженіе числа учениковъ замѣчается, при сравненіи IV и V классовъ, въ гимназіяхъ:

3-й Казанской	въ IV кл. 48	въ V кл. 21
Астраханской.	" " 38	" " 19
Самарской.	" " 67	" " 36
Вятской.	" " 43	" " 20

Въ прочихъ гимназіяхъ уменьшеніе численности V класса составляло не болѣе 8%. Сравнивая VII и VIII классы, получимъ въ гимназіяхъ:

Симбирской	въ VII кл. 45	въ VIII кл. 15
Саратовской.	" " 35	" " 12

Дѣйствительно же вышло въ 1875 году изъ гимназій:

3-й Казанской.	изъ IV кл. 8	изъ V кл. 5
Астраханской	" " 6	" " 8
Самарской	" " 9	" " 7
Вятской.	" " 11	" " 6
Симбирской.	въ VII кл. 8	въ VIII кл. 1
Саратовской	" " 3	" " 6

Такимъ образомъ выходитъ, что въ 3-й Казанской гимназій въ V классѣ учениковъ менѣе, въ сравненіи съ IV, на 27 человекъ, а между тѣмъ учениковъ IV класса уволено изъ гимназій только 8; въ Астраханской въ V классѣ менѣе противъ IV на 19 человекъ, уволено изъ IV только 6.

Параллельные классы были открыты въ 6-ти гимназіяхъ: Казанскаго округа: для I—3, II—6, III—5, IV—4, V—1. Отношеніе численности послѣдняго VIII класса къ I, въ Казанскомъ и другихъ учебныхъ округахъ, показано въ особой таблицѣ, приложенной ниже, подъ № 1.

Въ Оренбургскомъ округѣ было 1.554 человекъ, учащихся въ 6-ти гимназіяхъ; въ Троицкой гимназій открыты только первые четыре класса, а потому ее въ расчетъ не принимаемъ. Въ остальныхъ 5-ти гимназіяхъ обучались 1.422 человекъ, въ приготовительномъ классѣ 220, въ I—261, во II—198, въ III—238, въ IV—162, въ V—132,

въ VI—99, въ VII—56 и въ VIII—56. Въ I классѣ болѣе противъ приготовительнаго на 18,1%, во II менѣе на 24,1%, въ III болѣе противъ предыдущаго на 20,2%, въ IV менѣе на 31,8%, въ V на 18,5%, въ VI—на 24%, въ VII—на 43,4%, въ VIII то же число, что и въ VII. Параллельные классы были открыты въ 4 гимназіяхъ: для I—3, II—1, III—2, IV—1.

Въ Харьковскомъ округѣ обучались 3.685 человекъ въ 11 гимназіяхъ, среднимъ числомъ по 335 человекъ на гимназію, или, точнѣе, 366 человекъ, если не считать вовсе вновь открытыхъ гимназій: Сумской, въ которой недостаетъ VIII класса, и Бѣлгородской, въ которой открыты только первые пять классовъ. Въ приготовительномъ классѣ обучались въ 11 гимназіяхъ 587 чел., въ I классѣ 676, во II—599, въ III—503, въ IV—432, въ V—346, въ VI въ 10 гимназіяхъ—287, въ VII—184 и въ VIII въ 9 гимназіяхъ—127. Уменьшеніе числа учениковъ начинается со II класса на 11,4%, въ III—на 16% менѣе въ сравненіи съ предыдущимъ классомъ, въ IV—на 14,1%, въ V—19,9%, въ VI—18,8%, въ VII—34,5% и въ VIII—30,9%. Параллельные классы были открыты въ 5 гимназіяхъ: въ I—4, II—3, III—4, IV—5, V—1, VI—1.

Въ Одесскомъ округѣ обучалось 3.165 человекъ въ 11 гимназіяхъ, по 309 чел. въ каждой, если не считать 3-й Одесской, Николаевской и Бердянской, въ которыхъ не было всѣхъ 8-ми классовъ. Въ приготовительномъ классѣ обучалось 519 чел., въ I—649, во II—545, въ III—469, въ IV—328, въ V—264, въ VI—163, въ VII—118, въ VIII—110. Уменьшеніе числа учащихся начинается со II класса и достигаетъ 16% въ сравненіи съ предыдущимъ, въ III—13,9%, въ IV—30%, въ V—19,5%, въ VI—38,2%, въ VII—27,6% и въ VIII—6,7%. Параллельные классы были открыты въ 4-хъ гимназіяхъ: для I—4, II—3, III—2 и IV класса 1.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ обучались 4.659 человекъ въ 11 гимназіяхъ, по 482 въ каждой, не считая 3-ю Киевскую и Лубенскую, не имѣющихъ VII и VIII классовъ. Приготовительный классъ посѣщали 612 учениковъ, I—860, II—766, III—762, IV—583, V—399, VI—324, VII—200, VIII—153. Уменьшеніе числа учениковъ начинается со II класса на 10,9%, въ III—0,5%, въ IV—23,5%, въ V—31,5%, въ VI—18,8%, въ VII—38,2% и въ VIII—23,5%. Параллельные классы открыты въ 9-ти гимназіяхъ: въ I—8, во II—8, въ III—7, въ IV—3, въ V—1.

Въ Виленскомъ округѣ обучались въ 8 гимназіяхъ 3.120 чело-

вѣкъ, среднимъ числомъ по 890 человекъ въ каждой. Въ приготовительномъ классѣ было 439 учениковъ: въ I—600, во II—560, въ III—507, въ IV—391, въ V—238, въ VI—180, въ VII—103, въ VIII—102. Уменьшеніе числа учениковъ начинается со II класса на 6,6%, въ III—на 9,4% менѣе въ сравненіи съ предыдущимъ, въ IV—на 22,9%, въ V—39,1%, въ VI—24,4%, въ VII—42,7% и въ VIII—1%. Параллельные классы были открыты въ 6-ти гимназіяхъ: для I—6, II—6, III—6, IV—4.

Въ Варшавскомъ округѣ обучались въ 18 гимназіяхъ 5,950 человекъ; въ приготовительномъ классѣ 792, въ I—1.247, во II—1.101, въ III—807, въ IV—754, въ V—497, въ VI—377, въ VII—204, въ VIII—171. Уменьшеніе числа учениковъ начинается со II класса и простирается до 11,7%, въ III—26,7%, въ IV—6,5%, въ V—34%, въ VI—23,1%, въ VII—48,8%, въ VIII—16,1%. Параллельные классы открыты въ 15-ти гимназіяхъ: въ I—17, II—13, III—7, IV—5 и въ V—1.

Въ Дерптскомъ округѣ обучались въ 11 гимназіяхъ 3.257 человекъ и приходится среднимъ числомъ по 296 чел. на каждую; въ приготовительныхъ классахъ при 6-ти гимназіяхъ обучались 239 человекъ; во всѣхъ 11-ти гимназіяхъ, въ I—485, во II—607, въ III—564, въ IV—462, въ V—390, въ VI—322, въ VII при 6-ти гимназіяхъ—180 и въ VIII при одной Рижской Александровской гимназіи—8 человекъ. Уменьшеніе числа учениковъ начинается съ III класса, именно на 7,1%, въ IV—18,1%, V—15,6%, VI—17,4%, VII (въ 6-ти гимназіяхъ)—12,2%. Параллельные классы были открыты въ 3-хъ гимназіяхъ: въ I—1, во II—2, въ III—2, въ IV—2, въ V—1 и въ VI—1.

Въ Восточной и Западной Сибири всего 4 гимназіи, въ которыхъ обучались 965 человекъ; приготовительные классы посѣщали 128 ч., I—200, II—172, III—145, IV—98, V—86, VI—56, VII—48, VIII—32 чел. Уменьшеніе числа учениковъ во II классѣ простиралось до 15%, въ III—14,7%, въ IV—33,1%, въ V—11,3%, въ VI—34,9%, въ VII—14,3%, въ VIII—33,3%. Параллельные классы были открыты въ 3-хъ гимназіяхъ: въ I—3, во II—2 и въ III—1.

Всего же въ 123 гимназіяхъ, какъ сказано, обучалось 39,620 человекъ, что составляетъ среднимъ числомъ на каждую гимназію 322. Распределеніе ихъ по классамъ, для болѣе удобнаго обозрѣнія, мы сопоставляемъ въ прилагаемой здѣсь таблицѣ № 1, въ которой показано и процентное отношеніе численности каждаго класса на 100 человекъ, поступившихъ въ I классъ гимназіи.

№ 1. Число учащихся въ гимназіяхъ къ 1-му января 1876 года.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Число Гимназій.	Приготовит. Классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
С.-Петербургскій	15	609	820	686	592	466	326	241	171	123 (13)
Приходится на каждую гимназію средн. числомъ.	1	41	55	46	39	31	22	16	11	9
На 100 челов. I класса приходится въ друг. класс.	—	75	100	84	72	57	40	30	21	17
Московскій	20	799	1236	1123	970	801	516	393	298	264
Приходится на каждую гимназію	1	40	62	56	48	40	26	20	15	13
На 100 человекъ I класса	—	65	100	91	79	65	42	32	24	21
Казанскій	8	262	460	472	433	392	275	242	189	106 (7)
Приходится на каждую гимназію	1	33	57	59	54	49	34	30	24	15
На 100 человекъ I класса.	—	57	100	103	95	86	60	53	41	26
Оренбургскій.	6	246	305	236	255	169	132	99	56	56
Приходится на каждую гимназію ..	1	41	51	39	42	28	26	20	11	11
На 100 человекъ I-го класса	—	81	100	78	84	55	51	40	22	22

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число гимназій.	Приготовит. классы.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Харьковскій ..	11	537	676	599	508	432	346	281 (10)	184 (10)	127 (10)
Приходится на каждую гимназію	1	49	61	54	46	39	31	28	18	13
На 100 человекъ I класса	—	80	100	89	75	64	51	46	30	21
Одесскій	11	519	649	545	469	328	264	163 (10)	118 (8)	110 (8)
Приходится на каждую гимназію	1	47	59	49	43	30	24	16	16	14
На 100 человекъ I класса.	—	80	100	84	72	50	40	27	26	27
Иевскій.	11	612	860	766	762	583	399	324	200 (9)	163 (9)
Приходится на каждую гимназію	1	55	78	70	69	53	36	29	22	17
На 100 человекъ I класса	—	71	100	89	88	68	46	37	28	22
Вилевскій	8	439	600	560	507	391	288	180	103	102
Приходится на каждую гимназію	1	55	75	70	63	49	30	22	13	13
На 100 человекъ I класса	—	73	100	93	84	65	40	30	17	17
Варшавскій	18	792	1247	1101	807	764	497	377	204	171
Приходится на каждую гимназію	1	44	69	61	45	42	28	21	11	10
На 100 человекъ I класса	—	64	100	88	65	60	40	31	16	14

	11	239 (6)	485	607	564	462	390	322	180 (6)	8 (1)
Приходится на каждую гимназію	1	48	44	55	51	42	35	29	30	—
На 100 человекъ I класса	—	110	100	125	116	96	80	66	68	—
Западная и Восточная Сибирь.	4	128	200	172	145	98	86	56	48	32
Приходится на каждую гимназію.	1	32	50	43	36	24	21	14	12	8
На 100 человекъ I класса	—	64	100	86	72	49	43	28	24	16
Всего обучалось въ гимназіяхъ.	123	5182 (117)	7538	9857	6907	4876	3469 (122)	2678 (120)	1751 (111)	1262 (103)
Приходится среднимъ числомъ на каждую гимназію.	1	44	61	56	49	40	29	22	16	12
На 100 человекъ I класса приходится въ другихъ	—	72	100	91	80	65	47	36	26	19
Уменьшение числа учениковъ сравнительно съ предыдущимъ классомъ	—	—	—	8,9%	12%	18,7%	27,7%	23,4%	27,2%	25%

Примечаніе. Въ скобкахъ означено число гимназій, къ которымъ относится показанное въ таблицѣ число учениковъ.

Чтобы убѣдиться, что пониженіе числа учащихся въ послѣдующихъ классахъ сравнительно съ предыдущими, слѣдуетъ опредѣленными законамъ, видоизмѣняющимися сообразно условіямъ различныхъ мѣстностей, достаточно сблизить три или четыре ряда цифръ, наиболѣе сходныхъ въ приложенной здѣсь таблицѣ. Такъ, напримѣръ, мы получимъ:

Среднимъ числомъ во всѣхъ гимназіяхъ вообще обучались:

въ I классѣ 61, II—56, III—49, IV—40, V—29, VI—22, VII—16 и VIII—12;

въ Харьковскомъ учебномъ округѣ:

въ I классѣ 61, II—54, III—46, IV—39, V—31, VI—28, VII—18, VIII—13;

въ Московскомъ округѣ:

въ I классѣ 62, II—56, III—48, IV—40, V—26, VI—20, VII—15, VIII—13;

въ Одесскомъ:

въ I классѣ 59, II—49, III—43, IV—30, V—24, VI—16, VII—15, VIII—14.

Эти четыре ряда цифръ весьма сложны между собою. Въ большинствѣ случаевъ разницу въ численности соответствующихъ классовъ въ трехъ различныхъ учебныхъ округахъ, съ общимъ среднимъ выводомъ, составляютъ на 60 учениковъ I класса всего только 1, 2 или 3 человѣка.

Наименьшее пониженіе числа учащихся въ каждомъ послѣдующемъ классѣ, очевидно, выпадаетъ на долю Дерптскаго учебнаго округа. Во всѣхъ другихъ оно довольно равномерно и болѣе значительно, чѣмъ въ Дерптскомъ округѣ.

Для повѣрки сдѣланныхъ исчисленій, возьмемъ другой срокъ учебнаго года; въ слѣдующей таблицѣ, № 2-й, приведены числа, сколько числилось учениковъ въ гимназіяхъ въ 1875 году къ началу переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ и показано уменьшеніе числа учениковъ каждого класса въ сравненіи съ предыдущимъ, а для сличенія выставлено послѣ него также уменьшеніе, оказавшееся къ 1-му января 1876 года.

№ 2. Число учащихся въ гимназіяхъ къ началу переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ 1876 года.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число оцѣнокъ	Прислѣ- дованіе	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Петербургскій.	15	567	761	614	616	431	278	225	153 (14)	110 (12)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	19,8%	—	30%	35,5%	19,1%	32%	28,1%
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	16,8%	18,7%	21,3%	30%	26,1%	29%	28%
Всесоескій.	20	774	1162	1057	901	725	461	862	261	224
Процентъ уменьшенія	—	—	—	9%	14,7%	19,5%	36,4%	21,4%	27,9%	14,2%
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	9,1%	13,8%	17,4%	35,5%	23,8%	24,2%	11,2%
Казанскій.	8	284	453	440	465	318	263	247	111 (7)	103 (7)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	2,8%	—	17,7%	17,9%	6%	55%	7,2%
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	—	8,2%	9,4%	30,3%	12%	21,9%	39%
Оренбургскій	6	238	276	260	219	160	106	92	51	27
Процентъ уменьшенія	—	—	—	5,4%	15,7%	23,4%	38,7%	13,2%	44,5%	(3)
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	24,1%	—	31,8%	18,5%	25%	43,4%	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число гимназій.	Приготовл. классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Харьковский.	11	467	632	559	467	394	236 (10)	233 (10)	149 (9)	147 (9)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	11,5°	16,4°	15,6°	22,1°	21,2°	35,2°	1,2°
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	11,4°	16°	14,1°	19,9°	18,8°	34,5°	30,9°
Одесскій.	11	484	592	505	402	292	228 (10)	126 (8)	124 (8)	131 (8)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	14,7°	20,4°	17,3°	20,3°	36,5°	1,6°	—
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	16°	13,9°	30°	19,5°	38,2°	27,6°	6,7°
Нижесскій	11	619	785	785	720	523	861	270 (9)	168 (9)	191 (9)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	—	8,3°	27,3°	32,9°	10,9°	37,7°	—
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	10,9°	0,5°	28,5°	31,5°	18,8°	38,2°	23,5°
Виленьскій.	8	458	589	568	492	348	197	151	102	102
Процентъ уменьшенія	—	—	—	3,6°	13,4°	29,2°	43,4°	28,3°	82,4°	—
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	6,6°	9,4°	22,9°	39,1°	24,4°	42,7°	1°
Варшавскій.	18	743	1099	845	799	621	438	807	177	147
Процентъ уменьшенія	—	—	—	23,1°	5,4°	22,3°	29,4°	29,9°	42,3°	16,9°
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	11,7°	26,7°	6,5°	34°	28,1°	48,8°	16,1°

Дѣтства	11	421 (6)	555	646	563	476	367	231	187 (7)	4 (1)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	—	12,8%	15,4%	22,9%	13,4%	17,9%	—
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	—	7,1%	18,1%	15,6%	17,4%	12,2%	11,1%
Восточная и Западная Сибирь	4	113	183	144	129	111	63	65	54	33 (3)
Процентъ уменьшенія	—	—	—	21,3%	10,4%	14%	43,2%	—	18,9%	—
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	15%	14,7%	33,1%	11,3%	84,9%	14,3%	33,3%
Всего .	128	5168 (118)	7086	6433	5772	4399 (122)	3043 (120)	2359 (116)	1537 (109)	1219 (96)
Процентъ уменьшенія .	—	—	—	9,3%	10,1%	23,8%	30,5%	20%	30%	14,2%
Тоже къ 1-му января 1876 года	—	—	—	8,9%	12%	18,7%	27,7%	23,4%	27,2%	25%
Приходится на каждую гимназію въ маѣ 1875 г.	1	44	58	52	47	36	25	20	14	12
На 100 человекъ I класса приходится въ осталь- ныхъ	—	76	100	91	81	63	44	35	24	20

Слѣдуетъ замѣтить, что обѣ приведенныя таблицы заключаютъ цифры, относящіяся къ двумъ различнымъ годамъ: вторая изображаетъ численность 1874—75 учебнаго года, показывая, сколько гимназистовъ насчитывалось къ началу переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ 1875 г.; первая показываетъ число обучавшихся въ гимназіяхъ за 1875—76 учебный годъ, въ срединѣ года, именно къ 1-му января 1876 года. Тѣмъ не менѣе, обѣ таблицы довольно сходны между собою какъ въ общемъ итогѣ и результатѣ, такъ и въ частныхъ подробностяхъ по каждому отдѣльному округу.

Цифры первой таблицы нѣсколько болѣе второй; что же касается до процентнаго отношенія численности классовъ между собою, то крайнее разнообразіе процента не даетъ способа прійти къ какому-либо заключенію. Причина разнообразія, какъ увидимъ далѣе, кроется въ различіи условій, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе численности каждаго класса сравнительно съ другимъ. Но прежде нежели перейти къ какимъ-либо выводамъ и заключеніямъ изъ предложенныхъ двухъ таблицъ, испытаемъ еще третій способъ повѣрки основныхъ данныхъ.

Очевидно, что значительное большинство учениковъ I, II и III классовъ 1874—75 учебнаго года составили въ 1875—76 году II, III и IV. Сопоставляя тѣ же классы въ общемъ среднемъ выводѣ по таблицамъ, мы получимъ для каждой гимназіи слѣдующую среднюю численность учениковъ:

въ 1874—75 г.	въ 1875—76 г.	Уменьшеніе.
въ I кл. 58	въ II кл. 56	3,4%
II " 52	" III " 49	5,7%
III " 47	" IV " 40	14,8%
IV " 36	" V " 29	19,5%
V " 25	" VI " 22	12%
VI " 20	" VII " 16	20%
VII 14	" VIII " 12	14,3%

Для Московскаго учебнаго округа тѣ же выводы будутъ слѣдующіе:

1874—75 годъ.	1875—76 годъ.	Уменьшеніе.
въ I кл. 1.162	въ II кл. 1.123	3,3%
II " 1.057	III " 970	8,2%
" III " 901	IV " 801	11,9%
IV " 725	V " 516	28,8%
V 461	VI " 393	14,7%

„ VI „	362	„ VII „	298	17,6°/о
„ VII „	261	„ VIII „	264	—

Для Харьковскаго округа:

въ I кл.	632	въ II „	599	5,2°/о
„ II „	559	III „	503	10°/о
„ III „	467	„ IV „	432	7,5°/о
„ IV „	394	„ V „	346	12,2°/о
„ V „	296	„ VI „	281	5,1°/о
„ VI „	233	„ VII „	184	21°/о
„ VII „	149	„ VIII „	127	14,7°/о

Послѣдніе выводы, здѣсь приведенные въ трехъ примѣрахъ, въ сравненіи съ выводами, показанными по таблицамъ, значительно уменьшаютъ убыль каждаго класса почти на половину; слѣдуя процентному отношенію, выведенному по среднимъ числамъ для всѣхъ гимназій (примѣръ первый), выходитъ, что изъ каждаго 100 человекъ I класса поступаютъ во II 97, въ III—91, IV—78, V—63, VI—55, VII—44, VIII—38; такимъ образомъ въ VIII классѣ оканчиваютъ курсъ ровно вдвое болѣе, нежели показано въ среднемъ выводѣ по двумъ таблицамъ. Такой способъ исчисленія, повидимому, точнѣе и ближе къ дѣйствительности, и слѣдовало бы имъ руководствоваться, еслибы мы имѣли данныя для исчисленій, по крайней мѣрѣ за 8 лѣтъ; но такъ какъ у насъ подъ рукою числа только двухъ сроковъ для гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, а для другихъ учебныхъ заведеній за одинъ только срокъ 1-го января 1876 г., то мы должны довольствоваться первыми таблицами, которыя, впрочемъ, показываютъ не одно число выбывающихъ, но выражаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяніе и числа учениковъ, вновь поступающихъ. Для объясненія этого указанія примѣромъ, предположимъ, что въ послѣдніе четыре года въ гимназіи поступаетъ значительно болѣе учащихся, чѣмъ пять, шесть, семь, восемь лѣтъ тому назадъ: очевидно, первые четыре класса будутъ многочисленнѣе высшихъ, и чѣмъ болѣе приливъ вновь поступающихъ въ гимназіи, тѣмъ значительнѣе будетъ разница между числомъ учениковъ низшихъ классовъ и высшихъ. Изъ отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, печатаемыхъ въ *Журн. Мин. Пароди. Просв.*, видимъ на дѣлѣ, что число гимназистовъ, оканчивающихъ курсъ ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, годъ отъ году увеличивается, притомъ въ прогрессіи весьма значительной: въ 1873 г. удостоено аттестата зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій 584, въ

1874 г.—781, въ 1875 г.—1.127 и въ 1876 г.—1.166; если же исключить Варшавскій и Дерптскій учебные округа, не входившіе въ отчетность 1873 года, то въ остальныхъ гимназіяхъ окончили учение: въ 1873 г.—584, въ 1874—677, въ 1875—924 и въ 1876 г.—900, въ послѣдній годъ на 50% болѣе, чѣмъ въ 1873 году. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, число вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1874 г. достигло небывалыхъ прежде размѣровъ; въ 1875 году оно нѣсколько уменьшилось, но несмысленно.

Разница въ числѣ учениковъ между классами опредѣляется не только числомъ выбывающихъ и поступающихъ, но также числомъ учениковъ, не удостоенныхъ перевода въ высшій классъ. Чѣмъ хуже учились въ которомъ-либо классѣ, чѣмъ менѣе число выдержавшихъ переводный экзаменъ, тѣмъ многочисленнѣе составитъ низшій классъ въ слѣдующемъ году и тѣмъ бѣднѣе числомъ будетъ классъ высшій. Такимъ образомъ разница въ числѣ учениковъ между классами образуется вслѣдствіе многихъ и различныхъ причинъ.

На основаніи этихъ соображеній и руководствуясь средними выводами, показанными въ таблицахъ, мы должны принять за норму, что изъ 100 учениковъ I класса оканчиваютъ въ настоящее время курсъ безпрепятственно около 38; число ежегодно остающихся въ классѣ, безъ перевода въ высшій, и выходящихъ изъ гимназій до окончанія курса по разнымъ обстоятельствамъ, составляетъ не болѣе 12%; по этому разчету на 100 человѣкъ I класса переходитъ во II 88, въ III—77, въ IV—67, въ V—59, въ VI—52, въ VII—45 и въ VIII—38. Затѣмъ ежегодная прибыль поступающихъ вновь въ низшіе классы достигаетъ 25%; и потому разница первыхъ классовъ противъ послѣднихъ, увеличиваясь годъ отъ году отъ прибылыхъ, уменьшаетъ отношеніе выпускныхъ гимназистовъ къ первому классу, выраженное здѣсь въ пропорціи 38 на 100, до цифръ 20 или 19 и 100, какъ дѣйствительно и показываютъ обѣ таблицы.

Наиболѣе сходства съ общимъ среднимъ выводомъ представляютъ Московскій учебный округъ, Харьковскій, Одесскій и Кіевскій; на 100 учениковъ I класса приходится въ этихъ округахъ въ VIII классѣ отъ 21 до 24; гораздо равнѣ переходы изъ класса въ классъ и менѣе разницы между классами замѣчаемъ въ Дерптскомъ округѣ; на 100 учениковъ I класса приходится 68 въ VII, послѣднемъ классѣ дерптскихъ гимназій. Выше нормы въ этомъ отношеніи состоитъ Казанскій округъ, въ которомъ на 100 учениковъ I класса приходится

въ VII 26; гораздо болѣе уменьшается число учениковъ высшаго класса сравнительно съ числомъ учениковъ низшаго класса въ округѣ Варшавскомъ и въ Сибири; на 100 учениковъ I класса приходится 14 и 16 въ VII. Переломъ въ убыли особенно замѣтенъ при переходѣ изъ IV въ V классъ; въ первыхъ 4-хъ классахъ процентъ уменьшенія колеблется отъ 8 до 24%, въ послѣднихъ классахъ отъ 14 до 30%.

Обратимся затѣмъ къ болѣе точному, по возможности, вычисленію учениковъ, дѣйствительно выбывшихъ изъ гимназій въ концѣ 1874—75 учебнаго года. Собранныя по этому предмету числа включены въ прилагаемую здѣсь особую таблицу № 3-й; въ ней сопоставлены числа, показанныя въ первыхъ двухъ таблицахъ, и прибавлено числ гимназистовъ, удостоенныхъ перевода въ высшій классъ послѣ экзамена 1875 г. и число вновь поступившихъ въ различные классы гимназій. По этимъ даннымъ легко было вывести число дѣйствительно выбывшихъ изъ каждаго класса до окончанія курса.

№ 3. Число учениковъ гимназій переведен. въ высшіе классы, вновь поступившихъ и выбывшихъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число Гимназій.	Прислужив. классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
С.-Петербургскій:											
Числосъ къ экзамену 1875 г.	15	567	761	614	615	431	278	225	153 (14)	110 (12)	3754
Переведены въ слѣдующій классъ	—	365 (64,4%)	460 (60,4%)	398 (64,5%)	374 (60,8%)	282 (65,4%)	206 (74,1%)	175 (77,7%)	139 (90,8%)	97* (88,2%)	2494 (66,4%)
Вновь поступило въ началѣ 1875 г.	—	461	268	300	40	31	36	12	7	7	962
Выбыло.	—	54 (8,1%)	144 (18,9%)	82 (10,6%)	85 (12,5%)	88 (15,3%)	64 (18,4%)	27 (10%)	25 (12,7%)	36 (22,8%)	605 (13%)
Числосъ къ 1-му января 1876 г.	15	609	820	686	592	466	326	241	171	123 (13)	4084
Московскій:											
Числосъ къ экзамену 1875 г.	20	774	1162	1057	901	725	461	362	261	224 (18)	5927
Переведены въ слѣдующій классъ	—	550 (71%)	778 (66,9%)	720 (68,1%)	580 (64,3%)	432 (59,5%)	346 (75%)	290 (80,1%)	226 (86,5%)	158 (70,5%)	4080 (68,3%)
Вновь поступилъ.	—	618	459	139	77	53	49	23	14	18	1449
Выбыло.	—	43 (5,1%)	157 (11,2%)	131 (10,4%)	148 (13,2%)	124 (13,2%)	80 (13,3%)	48 (10,8%)	41 (13%)	46 (14,8%)	818 (11,3%)
Числосъ къ 1-му января 1876 г.	20	799	1286	1128	970	801	516	393	286	284	6400
Казанскій:											
Числосъ къ экзамену 1875 г.	8	284	453	440	465	818	263	247	111	108 (7)	2684
Переведены въ слѣдующій классъ	—	228 (78,5%)	343 (75,5%)	328 (73,4%)	321 (69%)	222 (69,5%)	200 (76%)	197 (79,7%)	108 (92,8%)	86 (88,5%)	2017 (75,1%)

Орловскій:	Числилось къ 1-му января 1876 г.	8	(0,7%) 282	(12%) 460	(14,3%) 472	(13,1%) 433	(14,4%) 392	(9,1%) 276	(6,8%) 242	(21,6%) 189	(17,4%) 106	(10%) 2831
	Числилось къ экзамену 1876 г.	6	238	275	280	219	180	106	92	51	27	1428
	Переведены въ слѣдующій классъ	—	156 (65,5%)	198 (72%)	193 (74,2%)	130 (59,3%)	112 (70%)	71 (67%)	56 (60,8%)	49 (96%)	15 (65,5%)	980 (88,6%)
	Вновь поступили	—	131	90	40	22	16	6	11	1	4	321
	Всѣмъ	—	—	18 (5,8%)	67 (22,6%)	49 (16,1%)	25 (12,8%)	21 (19,8%)	19 (20,6%)	3 (6%)	8 (33,3%)	180 (10,3%)
Харьковскій:	Числилось къ 1-му января 1876 г.	6	246	306	236	255	169	132	99	56	56	1654
	Числилось къ началу экзамена 1876 г.	11	467	632	559	467	394	296	233	149	147	3844
	Переведены въ слѣдующій классъ	—	335 (71,7%)	438 (69,3%)	398 (71,2%)	347 (74,3%)	284 (72%)	239 (60,6%)	173 (74,2%)	116 (77,8%)	139 (93,8%)	2488 (73,8%)
	Вновь поступили	—	370	232	65	32	28	68	8	3	3	798
	Всѣмъ	—	—	85 (11,4%)	65 (11,6%)	47 (10%)	53 (13,4%)	53 (17,9%)	26 (11,1%)	25 (16,7%)	1 (0,6%)	820 (8%)
Одесскій:	Числилось къ 1-му января 1876 г.	11	537	676	599	508	432	346	281	184	127	3635
	Числилось къ началу экзамена 1876 г.	11	484	592	505	402	292	223	126	124	131	2879
	Переведены въ слѣдующій классъ	—	342 (70,8%)	400 (57,5%)	370 (73,2%)	251 (62,4%)	194 (66,4%)	155 (69,5%)	115 (91,2%)	107 (86,2%)	115 (37,7%)	2049 (71,2%)
	Вновь поступили	—	354	241	106	57	49	101	22	6	2	937
	Всѣмъ	—	—	115 (15,7%)	72 (11,6%)	90 (16,8%)	51 (13,4%)	49 (15,6%)	17 (9,4%)	18 (13,2%)	15 (12%)	536 (14,4%)
	Числилось къ 1-му января 1876 г.	11	519	649	545	469	328	264	163	118	110	3165
									(10)	(8)	(8)	

*) Показанные въ графѣ VIII классы, вышли изъ гимназій по окончаніи курса.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА	Число гимназій	Преподов. класс.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	Всего.
Нижегородскій:											
Числится къ началу экзам. 1875 г.	11	619	785	785	720	523	351	270	168	191	4412
Переведены въ слѣдующій классъ	—	412	529	528	443	369	247	183	(9)	(9)	3001
Вновь поступили	—	468	314	(67,2%)	(61,5%)	(70,5%)	(70,3%)	(67,7%)	(80,9%)	(80,6%)	(68%)
Выбыло.	—	51	105	92	84	36	89	22	21	22	638
Числится къ 1-му января 1876 г.	11	612	860	(10,7%)	(9,9%)	(5,8%)	(18,2%)	(6,3%)	(9,5%)	(12,5%)	(12%)
Владимирскій:											
Числится къ началу экзам. 1875 г.	8	458	589	568	492	348	197	151	103	102	3007
Переведены въ слѣдующій классъ	—	293	379	381	318	220	153	108	90	82	2024
Вновь поступили	—	322	191	(64,3%)	(67%)	(63,2%)	(77,6%)	(64,9%)	(88,2%)	(80,3%)	(67,3%)
Выбыло.	—	48	84	57	64	62	36	17	23	10	477
Числится къ 1-му января 1876 г.	8	439	600	(9,2%)	(11,2%)	(13,6%)	(18,1%)	(8,6%)	(18,2%)	(9,9%)	(13,2%)
Варшавскій:											
Числится къ началу экзамена 1875 г.	18	743	1099	845	799	621	438	307	177	147	5176
Переведены въ высшій классъ	—	502	706	583	525	374	320	211	151	99	3471
Вновь поступили	—	646	580	(89%)	(85,7%)	(60,2%)	(73%)	(68,7%)	(85,3%)	(67,5%)	(67%)
Выбыло.	—	89	146	127	124	92	54	12	18	4	1890
Числится къ 1-му января 1876 г.	19	705	1045	(10,3%)	(13,8%)	(10,8%)	(9,1%)	(11,9%)	(16,7%)	(14,9%)	(14,6%)

Числилось къ началу экзамена 1876 г.	11	421 (6)	556	646	563	476	367	281	187 (7)	4 (1)	3500 ^{*)}
Переведены въ слѣдующій классъ	—	120	209	209	170	112	97	90	112	—	1119
Новые поступили	—	174	199	44	29	21	20	3	1	—	491
Выбыло	—	24 (5,7%)	65 (11,7%)	96 (14,8%)	96 (17%)	101 (21,2%)	53 (14,4%)	39 (13,8%)	23 (12,3%)	1 (14,2%)	498 (14,2%)
Числилось къ 1-му января 1876 г.	11	239 (5)	485	607	564	462	390	322	180 (6)	8 (1)	3257
Восточная и Западная Сибирь.											
Числилось къ началу экзамена 1876 г.	4	113	183	144	129	111	63	65	54	33 (3)	895
Переведены въ слѣдующій классъ	—	80 (70,8%)	126 (68,8%)	107 (74,3%)	85 (65,8%)	74 (86,6%)	50 (79,3%)	55 (84,6%)	44 (81,4%)	26 (72,2%)	647 (72,2%)
Новые поступили	—	95	66	17	5	2	2	1	2	—	190
Выбыло	—	—	3 (1,5%)	9 (5%)	10 (6,4%)	27 (21,7%)	2 (2,2%)	4 (6,8%)	18 (27,2%)	19 (37,2%)	94 (8,8%)
Числилось къ 1-му января 1876 г.	4	128	200	172	145	98	86	56	48	32	965
Всего къ началу экзамена. 1876 г.	123	5168 (118)	7086	6423	5772	4399 (122)	3043 (120)	2859 (116)	1537 (109)	1219 (96)	37006
Переведено въ слѣдующій классъ	—	3378 (65,3%)	4565 (64,4%)	4208 (65,5%)	3544 (61,4%)	2675 (60,8%)	2034 (68,4%)	1053 (79%)	1273 (82,7%)	970 (79,5%)	24350 (65,8%)
Новые поступили	—	3832	2309	1036	463	390	508	150	78	52	9321
Выбыло	—	440 (7,8%)	1170 (13,4%)	949 (12,1%)	895 (12,9%)	783 (13,8%)	673 (16,2%)	262 (8,9%)	244 (12,2%)	322 (20,4%)	6737 (12,8%)
Числилось къ 1-му января 1876 г.	123	5182 (117)	7598	6867	6037	4876	3469 (122)	2678 (120)	1751 (111)	1232 (103)	39620

*) По Дерптскому округу мы не видимъ похъ рукою точныхъ цифръ, о чемъ подробно объяснено ниже.

Къ сожалѣнію, не всѣ цифры, приведенныя въ послѣдней таблицѣ, безошибочны. Въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, показанное въ училищныхъ отчетахъ число гимназистовъ, переведенныхъ въ 1875 году изъ класса въ классъ, крайне ничтожно въ сравненіи съ числомъ учащихся. Надо полагать, что не всѣ гимназисты, переведенные въ высшіе классы, помѣщены въ отчетѣ, но показаны результаты экзаменовъ за одно только полугодіе. Въ VII классѣ гимназій того же округа числилось къ началу экзамена 187 человекъ; изъ нихъ переведены въ слѣдующій классъ, какъ показано въ отчетахъ—16; между тѣмъ въ VIII классѣ числилось всего 4 человека, въ одной Рижской Александровской гимназій, но державшихъ и выдержавшихъ экзаменъ показано 58 человекъ. Мы были вынуждены, для исправленія такой несообразности, выставить въ нашей таблицѣ число выпускныхъ гимназистовъ, показанное въ 1875 году, по отчетамъ объ испытаніяхъ зрѣлости, именно—112. Сличая далѣе отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости за 1875 г., съ отчетами гимназій, объ успѣхахъ переводныхъ экзаменовъ за тотъ же годъ, мы убѣдились, что въ послѣднихъ число учениковъ выпускныхъ ни въ одномъ округѣ не показано, вполне согласное съ первыми, хотя разница между тѣмъ и другимъ исчисленіемъ не велика. По отчетамъ о переводныхъ экзаменахъ, значится выпускныхъ учениковъ высшаго VIII класса 970; по отчетамъ о выпускныхъ испытаніяхъ, показаны признанные зрѣлыми, ученики старшаго отдѣленія высшаго класса въ числѣ 1007 (кромя воспитанниковъ Дерптскихъ гимназій, не вошедшихъ въ предыдущій расчетъ), то-есть, на 37 человекъ болѣе, чѣмъ составляетъ около 4%. Такія же неточности замѣчаемъ въ числѣ вновь поступившихъ и выбывшихъ въ Оренбургскомъ округѣ, Харьковскомъ и Одесскомъ въ приготовительномъ классѣ, такъ напримѣръ, въ Харьковскомъ: числилось 467 человекъ, изъ нихъ переведено въ высшій классъ 335, осталось 132 вновь поступило 370; слѣдовательно, въ классѣ будетъ всего учениковъ 502, между тѣмъ ихъ насчитываютъ 537, и неизвѣстно откуда явились лишніе 35.

Эти ошибки исправить въ настоящее время невозможно; они постоянно встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда впервые начинаютъ собирать статистическія свѣдѣнія по какому либо вновь возникшему вопросу, и продолжаютъ, доколѣ не укажутъ лицамъ, собирающимъ эти свѣдѣнія, на необходимость имѣть точныя цифры, вполне согласныя съ дѣйствительностью. Надо полагать, что въ слѣдующемъ году будутъ представлены болѣе полныя и вѣрныя данныя по статистикѣ

народнаго образованія. Управленіемъ гимназій и окружнымъ управленіемъ не составитъ большаго труда сличить одну вѣдомость съ другою, въ представляемыхъ отчетахъ, и въ случаѣ какой либо несообразности, разъяснить ее немедленно на мѣстѣ. Указанныя ошибки могутъ составить въ общихъ итогахъ таблицы № 3, мы полагаемъ, разницу до 10%. И такъ мы не имѣемъ воплоти точныхъ цифръ, опредѣляющихъ число выбывающихъ изъ различныхъ классовъ гимназій, но только данныя приблизительно вѣрныя; однако по нимъ можемъ получить выводы, весьма любопытные и правдоподобные, которые постараемся провѣрить иными исчисленіями.

Исключивъ Дерптскій округъ, о которомъ имѣемъ весьма сомнительныя свѣдѣнія, мы усматриваемъ изъ приведенной таблицы № 3, что къ началу экзаменовъ 1876 года, въ различныхъ классахъ гимназій обучались 33.506 человекъ; изъ нихъ выдержали экзаменъ 23.231, слѣдовательно 69,3%. Изъ числа выдержавшихъ экзаменъ, 970 выпущены изъ гимназій, или вѣрнѣе около 1000 человекъ, что составитъ около 14 или 15 на 100 человекъ обучающихся въ I классѣ, нѣсколько менѣе, чѣмъ выведено выше по другимъ таблицамъ; остальные гимназисты, выдержавъ экзаменъ, перешли въ высшіе классы. Въ первыхъ пяти классахъ, считая и приготовительный, число выдерживающихъ экзаменъ колеблется ниже 70%, въ послѣднихъ четырехъ значительно увеличивается и достигаетъ 86% (исключивъ Дерптскій округъ). Всего лучше учились, судя по числу выдержавшихъ благополучно переводные и выпускные экзамены, въ Казанскомъ и Харьковскомъ учебныхъ округахъ и въ Сибири; число перешедшихъ въ высшіе классы и выпущенныхъ изъ гимназій достигаетъ въ этихъ округахъ 75 и 72%. Неудовлетворительнѣе всего былъ исходъ экзаменовъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, который выдержали только 66%.

Такимъ образомъ число не выдерживающихъ экзамена и на второй годъ остающихся въ томъ же классѣ, въ настоящее время весьма значительно и колеблется отъ 25 до 35%, то-есть, составляетъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ всего числа учащихся; только въ высшихъ четырехъ классахъ ихъ число понижается до 14%. Припомнимъ однако испытанія зрѣлости въ тѣхъ же гимназіяхъ за послѣдніе четыре года, какъ быстро увеличивается число хорошо выдерживающихъ окончательное, выпускное испытаніе, и съ вѣроятностью можемъ высказать предположеніе, что такое же улучшеніе, годъ отъ году, послѣдуетъ и въ экзаменъ

нахъ переводныхъ. Большое число не выдерживающихъ экзамена, можетъ быть, слѣдуетъ приписать нѣкоторой строгости и требовательности, необходимой, чтобы поднять уровень образованія въ нашихъ гимназіяхъ до надлежащей нормы. Но такая строгость и неудача многихъ не пугаетъ учащихся; напротивъ, составленная нами таблица № 3 доказываетъ наглядно весьма отрадное явленіе: усиливующійся приливъ учащихся въ гимназіи, и притомъ весьма значительный.

Такъ, мы видимъ изъ общаго итога таблицы, что въ каждый классъ гимназій переходить изъ предыдущаго класса болѣе учениковъ, нежели сколько выбываетъ изъ него и переводится послѣ экзамена въ слѣдующій высшій. Изъ II перешло въ III 4208 человѣкъ, на ихъ мѣсто поступило изъ I-го 4565; изъ III переведены въ IV-й 3544 учениковъ, ихъ замѣстили перешедшіе изъ II-го 4208; изъ IV-го въ V-й переведены 2675, ихъ замѣнили 3544 изъ III-го и такъ далѣе до послѣдняго VIII класса. Только въ I-й классъ гимназій переходятъ, изъ приготовительнаго, менѣе нежели выбываетъ въ слѣдующій II-й классъ; это обстоятельство весьма понятно, и объясняется тѣмъ, что приготовительный классъ не составляетъ нормальнаго класса гимназій, но особое учрежденіе, способствующее родителямъ къ приготовленію своихъ дѣтей, для поступленія въ гимназію, облегчающее имъ трудъ первоначальнаго обученія дѣтей. Если взять въ сложности число учениковъ, переводимыхъ изъ приготовительнаго въ I-й классъ, и число поступающихъ вновь въ гимназіи изъ родительскаго дома, прямо въ I-й классъ, то сумма ихъ значительно превышаетъ число выбывшихъ изъ того же I-го класса. Въ 1875 году переведено изъ приготовительнаго въ I-й классъ 3378 человѣкъ, и сверхъ того поступило въ I-й классъ со стороны еще 2809; итого поступившихъ 6187, а перешли въ то же время изъ I-го во II-й классъ всего 4565. Наиболѣе поступило учениковъ въ гимназіи въ приготовительный классъ 3832; затѣмъ въ I-й 2809, во II-й 1086. Число поступающихъ въ слѣдующіе, высшіе классы, равномерно уменьшается по классамъ, исключая V-го, въ который поступило болѣе чѣмъ въ IV-й, и такая прибавка вновь поступающихъ объясняется, вѣроятно, переходомъ въ этотъ классъ лицъ, окончившихъ ученіе въ четырехклассныхъ прогимназіяхъ. Общее число выбывающихъ изъ гимназій, со свидѣтельствомъ или аттестатомъ изъ VIII класса, и выбывающихъ изъ другихъ классовъ до окончанія курса ученія, вмѣстѣ

взятое, значительно ниже числа вновь поступающихъ, и составляетъ около 6700 человекъ; тогда какъ вновь поступившихъ было 9321. Такой приливъ учащихся во все классы гимназій, въ особенности въ первые, низшіе, приводитъ къ тому результату, что каждый классъ гимназіи къ концу года, послѣ переводныхъ экзаменовъ, многочисленнѣе нежели былъ въ началѣ года до экзамена, и разницу составляютъ до 300 или 500 человекъ на каждый классъ, считая все гимназіи вмѣстѣ; по той же причинѣ, каждый низшій классъ многочисленнѣе слѣдующаго за нимъ высшаго; число выбывающихъ постоянно пополняется съ избыткомъ числомъ переводимыхъ и вновь поступающихъ, но въ высшихъ классахъ слабѣе нежели въ низшихъ.

Число выбывающихъ изъ гимназій, до окончанія курса ученія, незначительно, въ сравненіи съ общимъ числомъ учащихся, и не превышаетъ въ общей сложности 12,6%, того процента, который мы опредѣлили выше, гадательно, на основаніи первыхъ двухъ таблицъ. Такимъ образомъ одинъ способъ исчисленія служить повѣркой другому, и убѣждаетъ въ правильности и несомнѣнности общихъ выводовъ, не смотря на нѣкоторые недостатки въ частныхъ данныхъ. Число выбывающихъ изъ гимназій до окончанія ученія, держится довольно равномерно, около 12% во всехъ классахъ, исключая приготовительнаго, V-го и VIII-го. Въ приготовительномъ классѣ число выбывающихъ не достигаетъ 8%. Въ V-мъ классѣ уменьшеніе учениковъ до 16%, и въ VIII-мъ до 20%, объясняется тѣмъ, что многія лица недостаточнаго состоянія считаютъ для своихъ дѣтей удовлетворительнымъ образованіе, соответствующее курсу четырехъ-классныхъ прогимназій, поэтому берутъ ихъ изъ гимназій, и опредѣляютъ къ другимъ занятіямъ, тотчасъ послѣ экзамена IV-го класса и перехода въ V-й; изъ VIII-го же класса, вѣроятно, выбываютъ ученики, которые не имѣютъ надежды получить аттестата зрѣлости при окончательномъ испытаніи, а между тѣмъ не желаютъ оставаться еще одинъ лишній годъ въ гимназіи.

При обзорѣ первыхъ двухъ таблицъ мы замѣтили, что разница въ численности учениковъ между классами, гораздо болѣе въ четырехъ высшихъ классахъ, нежели въ низшихъ, и достигаетъ 26% и даже 30%. Изъ таблицы № 3 убѣждаемся, что эта разница обуславливается не числомъ дѣйствительно выбывшихъ, но успѣхомъ ученія въ высшихъ классахъ и уменьшеніемъ числа вновь поступающихъ въ гимназіи въ эти же классы. Процентъ выбывающихъ, какъ пока-

зиваетъ таблица № 3, въ высшихъ классахъ почти тотъ же какъ и въ низшихъ. Если въ V-мъ и VIII-мъ этотъ процентъ дѣйствительно нѣсколько болѣе, то въ VII-мъ не превышаетъ 12,2%, а въ VI-мъ даже ниже и равняется 8,9%. Съ другой стороны, въ высшихъ классахъ гимназій учение идетъ очевидно успѣшнѣе, болѣе учениковъ выдерживаютъ экзаменъ и удостоиваются перевода, менѣе остаются въ классѣ; вновь поступающихъ со стороны также менѣе. Этими двумя причинами объясняется болѣе значительное уменьшеніе численности класса, въ сравненіи съ предыдущими. Примѣръ всего лучше убѣдить въ правильности такого вывода: въ IV-мъ классѣ въ 1875 г. послѣ экзамена составилаcя сумма всѣхъ учениковъ въ 2678 человекъ; въ VII-мъ было до экзамена 1637, выдержали экзаменъ 83%, всего 1273 человекъ, и переведены въ VIII классъ; въ классѣ осталось 17%, всего 264, вновь поступило 78, переведены изъ низшаго 1653, всего собралось 1995, выбыло 12,2% или 244, осталось къ 1-му января 1876 года 1751, разница въ численности съ VI-мъ классомъ, составляетъ 34,6%. Если мы предположимъ, что ученики VII-го класса оказали столь же слабые успѣхи, какъ напримѣръ, ученики IV класса, и выдержали бы экзаменъ только 60%, тогда въ VII-мъ классѣ остались бы безъ перевода 40% или 614 человекъ, численность класса, при тождествѣ другихъ данныхъ, составила бы къ 1-му января 1876 года въ 2101 человекъ, а разница съ VI-мъ классомъ составила бы только 21%; но еслибы, кромѣ того, число вновь поступившихъ въ гимназіи въ VII-й классъ равнялось числу поступившихъ въ IV-й, 390 человекамъ, тогда численность VII-го класса къ 1-му января 1876 года достигала бы 2489, а разница съ VI-мъ классомъ понизилась бы до 7%. Напротивъ того, уменьшеніе выбывающихъ, даже на половину при тѣхъ же данныхъ, понизило бы разницу не болѣе какъ на 4%. Очевидно, что на разницу въ числѣ учениковъ различныхъ классовъ имѣетъ весьма малое вліяніе число выбывающихъ изъ гимназій, но преимущественно численность классовъ зависитъ отъ успѣха переводныхъ экзаменовъ и числа вновь поступающихъ въ гимназіи въ различные классы.

Такіе же результаты приблизительно усматриваемъ, при обзорѣннѣ каждаго учебнаго округа въ отдѣльности. Общее число выбывающихъ изъ гимназій колеблется около 12,6%; менѣе этой нормы оказывается въ округахъ: Харьковскомъ 320 человекъ или 8%, въ Сибирѣ 94 или 8,8%, въ Казанскомъ 318 или 10%, въ Оренбургскомъ 180 или

10,3%, въ Московскомъ 818 или 11,3%, и въ Кіевскомъ 638 или 12%. Болѣе нормы оказывается число выбывшихъ въ учебныхъ округахъ: Петербургскомъ 605 или 13%, Виленскомъ 447 или 13,2%, Дерптскомъ 14,2%, Одесскомъ 536 или 14,4% и въ Варшавскомъ 1017 или 14,6%. Въ послѣднемъ округѣ приходится выбывшихъ среднимъ числомъ на каждую гимназію округа по 55 человекъ, а на каждый классъ гимназіи по 7 человекъ, число же вновь поступившихъ въ гимназію въ этомъ округѣ составляютъ 1890, то-есть, почти вдвое противъ числа выбывшихъ.

Такая же равномерность въ числѣ выбывающихъ замѣчается и въ отдѣльныхъ классахъ по каждому учебному округу; изъ каждыхъ 100 человекъ учащихся, выбываютъ 12 или 13 въ теченіе года, ихъ процентъ колеблется отъ 10 до 15, за весьма немногими исключеніями. Такъ, напримѣръ, въ Сибири процентъ выбывающихъ значительно понижается противъ нормы, въ приготовительномъ классѣ до 15%, I-мъ до 5%, II-мъ до 6,4%, V-мъ до 2,2%, VI-мъ до 6,6% и напротивъ, возвышается въ IV-мъ до 21%, VII-мъ до 27%, VIII-мъ до 37%, безъ видимой причины. Въ другихъ учебныхъ округахъ число выбывающихъ понижается значительно противъ нормы въ приготовительныхъ классахъ: въ Петербургскомъ округѣ до 8%, Московскомъ—до 5%, Казанскомъ—до 0,7%, Дерптскомъ—до 5%; кромѣ того въ Казанскомъ округѣ въ VI-мъ классѣ, Оренбургскомъ I-мъ и VIII-мъ до 6%, въ Харьковскомъ округѣ въ VIII-мъ классѣ до 0,6%, и значительно превышаетъ норму только въ Петербургскомъ учебномъ округѣ, въ VIII-мъ классѣ и въ Оренбургскомъ—во II-мъ, достигая 22%, въ Дерптскомъ—въ IV-мъ классѣ 21%, въ Кіевскомъ—въ V-мъ классѣ, а въ Виленскомъ въ VII-мъ классѣ 18%. Такія исключенія зависятъ, разумѣется, отъ причинъ совершенно случайныхъ и мѣстныхъ.

Какъ ни малъ процентъ выбывающихъ въ сравненіи съ числомъ учащихся, въ общей массѣ, по всей имперіи, онъ составляетъ довольно значительное число. Въ 1875 году всего обучалось 37006 учениковъ въ гимназіяхъ, вновь поступило 9321; изъ общаго ихъ числа 46.316 вышло 12,6% или 5737 человекъ. Спрашивается, куда выбываетъ ежегодно эта масса учащихся, не доканчивающая своего ученія въ гимназіяхъ, и по какимъ причинамъ оставляютъ они гимназіи?

Отвѣты на эти вопросы можно извлечь отчасти изъ слѣдующей

таблицы. Мы не нашли данныхъ, чтобы опредѣлить съ точностью число выбывшихъ, отъ весенняго срока 1875 г. до конца года. Въ прилагаемой таблицѣ показаны выбывшіе за весь отчетный годъ; отъ этого происходитъ нѣкоторая разница съ показаніями таблицы № 3; въ послѣдней значатся выбывшіе, только въ началѣ 2-й половины года, ихъ число опредѣлено по сравненію съ другими цифрами таблицы; въ слѣдующую за сими таблицу № 4 вошли показанные въ училищныхъ отчетахъ выбывшіе, отъ окончанія переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, до 1-го января 1876 года, а также и выбывшіе въ 1-й половинѣ года.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Всего обучалось.	Вышло десятъ обученныхъ приростъ.	Число гимназій.	Всего школо.	Учрежд.	Удалены за некорр-тѣльное поведеніе.	УВОЛНЕННЫ				
							по безучастности въ ученіи.	въ дѣлѣ гимназій.	въ реальн. училищахъ.	въ учеб. зав. дѣлѣ. вѣдом.	на службу го-судар. и на частныя.
С.-Петербургскій	4639	14	15	605 13 ⁹ / ₁₀₀	25	22	95	147	78	162	67
Московскій	7218	—	20	818 (11,8 ⁹ / ₁₀₀)	32	40	167	193	135	213	112
Казанскій	3149	—	8	318 10 ⁹ / ₁₀₀	13	18	35	88	66	63	48
Оренбургскій	1784	56	6	180 10,3 ⁹ / ₁₀₀	5	2	18	23	8	26	42
Харьковскій	4005	28	11	320 8 ⁹ / ₁₀₀	14	13	41	113	35	33	48
Одесскій	3701	90	11	536 14,4 ⁹ / ₁₀₀	14	13	75	169	71	42	62
Кіевскій	5297	74	11	638 12 ⁹ / ₁₀₀	7	24	138	118	103	101	73
Віленскій	3597	58	8	477 13,2 ⁹ / ₁₀₀	16	25	102	90	29	62	96
Варшавскій	6967	131	18	1017 14,6 ⁹ / ₁₀₀	22	42	186	308	108	57	163
Дерптскій	3379	133	11	498 12,8 ⁹ / ₁₀₀	18	19	40	57	10	92	129
Восточная и Западная Сибирь	1059	—	4	94 8,8 ⁹ / ₁₀₀	3	4	13	21	1	23	51
Всего	45357	584	123	5737	169	222	910	1327	639	880	886
Въ томъ числѣ:	—	10 ⁹ / ₁₀₀	—	—	3 ⁹ / ₁₀₀	4 ⁹ / ₁₀₀	16 ⁹ / ₁₀₀	23 ⁹ / ₁₀₀	11 ⁹ / ₁₀₀	15 ⁹ / ₁₀₀	16 ⁹ / ₁₀₀
Процентное отношеніе къ общему числу учащихся.	—	1,2 ⁹ / ₁₀₀	—	12,6 ⁹ / ₁₀₀	0,4 ⁹ / ₁₀₀	0,5 ⁹ / ₁₀₀	2 ⁹ / ₁₀₀	3 ⁹ / ₁₀₀	1,5 ⁹ / ₁₀₀	2 ⁹ / ₁₀₀	2 ⁹ / ₁₀₀

Не смотря на свѣдѣнія не вполне удовлетворительныя, изъ которыхъ извлечена эта таблица, можно однако же составить по ней себѣ понятіе, куда выбываютъ гимназисты, не докончившіе своего ученія. Отдѣлимъ прежде всего долю смертности. Умершихъ въ 1875 году оказалось около 3% всего числа выбывшихъ, число весьма незначительное, всего 169 человѣкъ въ цѣломъ государствѣ, на 45.000 учащихся въ гимназіяхъ, или 0,4%, то-есть, 2 изъ 500 человѣкъ. Наибольше смертности встрѣчается въ учебныхъ округахъ самыхъ обширныхъ, въ Московскомъ, Петербургскомъ, Варшавскомъ, по 22, 25 и 32 человѣка; въ другихъ по 13, 14 и 16; въ Оренбургскомъ округѣ 5, въ Сибири 3; менѣе всѣхъ округовъ оказалось смертности въ Киевскомъ учебномъ округѣ, 7 человѣкъ изъ 5.000 учащихся или 0,13%.

За тѣмъ почти такое же число учащихся удалено изъ гимназій за неодобрительное поведеніе, именно 222 человѣка, или 4% всего числа выбывшихъ; въ отношеніи къ числу вообще всѣхъ учащихся и поступившихъ въ гимназіи, они составляютъ не болѣе $\frac{1}{2}$ %, то-есть, изъ 200 человѣкъ учащихся оказывается 1, такимъ, что не можетъ быть болѣе терпимъ въ училищѣ. Наиболѣе лицъ, навлекшихъ на себя эту кару, было въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, 42 человѣка, и въ Московскомъ 40 человѣкъ; въ Виленскомъ уволено за неодобрительное поведеніе 25, Киевскомъ 24, Петербургскомъ 22, Дерптскомъ 19, Казанскомъ 18, Одесскомъ и Харьковскомъ по 13. Всего менѣе оказалось несправившихъ въ Оренбургскомъ округѣ 2, и въ Сибири 4.

Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія видно, что прежде чѣмъ прибѣгнуть къ удаленію ученика изъ гимназій, начальство прибѣгаетъ къ другимъ мѣрамъ исправленія, какковы напримѣръ, выговоры, назначеніе особыхъ занятій внѣ класса, задержаніе на время въ праздники, не болѣе 3-хъ часовъ въ гимназій, одиночное заключеніе и только испытавъ безуспѣшно цѣлый рядъ болѣе слабыхъ мѣръ, оно прибѣгаетъ къ увольненію ученика изъ училища, соблюдая и въ этомъ наказаніи градацию, соотвѣтственно мѣрѣ вины различныхъ нарушителей порядка. Увольненіе изъ гимназій бываетъ, или съ правомъ, или безъ права, на поступленіе въ другія учебныя заведенія того же города. Третьей и высшей мѣрой строгаго наказанія считается исключеніе изъ гимназій, съ воспрещеніемъ поступать въ какое либо училище. Последняя мѣра была примѣнена въ 1875 году только къ 4 личностямъ: 1-му въ Тобольской гимназій, 2-мъ въ Варшавской 5-й гимназій и въ Виленскомъ округѣ къ 1-му, въ Могилевской гимназій. Увольненію съ правомъ

поступленія въ учебныя заведенія, не того города, гдѣ провинились, подверглось 25 человѣкъ: въ Московскомъ учебномъ округѣ 4, Харьковскомъ 1, Одесскомъ 5, Киевскомъ 6, Варшавскомъ 6, Виленскомъ 3. Остальные 193 человѣка уволены съ правомъ немедленно поступить въ другое учебное заведеніе по усмотрѣнію.

Около 16% изъ числа выбывшихъ, всего 910 человѣкъ, уволены изъ гимназій различныхъ учебныхъ округовъ, на основаніи § 34 устава о гимназіяхъ, по безуспѣшности въ ученіи. Ихъ число составляетъ въ отношеніи къ общему числу учащихся всего только 2%, то-есть, изъ ста человѣкъ учащихся, 2 оказали такую безуспѣшность въ ученіи, что и послѣ двухлѣтняго пребыванія въ томъ же классѣ не могли быть удостоены перевода въ слѣдующій классъ. Наиболѣе уволенныхъ этой категоріи оказалось въ Варшавскомъ учебномъ округѣ 186 или 2,7%, Московскомъ 167 или 2,3%, Киевскомъ 138 или 2,6%, Виленскомъ 102 или 2,8%; въ Казанскомъ, Оренбургскомъ, Харьковскомъ, Дерптскомъ и въ Сибири около 1%.

Такимъ образомъ оказывается всего выбывшихъ изъ гимназій, не по собственному желанію, только 2,9% изъ общаго числа учащихся. Остальные 10% выбыли изъ гимназій добровольно, притомъ половина изъ нихъ для поступленія въ другія учебныя заведенія, именно 23% всего числа выбывшихъ перешли въ другія гимназіи или различныя учебныя заведенія съ гимназическимъ курсомъ, 15% въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, не подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія, и кромѣ того 11% перешли въ реальныя училища. Около 16% всѣхъ выбывающихъ поступили кромѣ того на службу государственную или частную, именно 885 человѣкъ. Обстоятельство, что молодые эти люди покинули училища, не докончивъ своего образованія, можетъ быть объяснено всего правдоподобнѣе семейными обстоятельствами и общественнымъ положеніемъ учащихся. Иные довольствуются четырехъ или шестикласснымъ курсомъ ученія, не сознавая пользы высшаго или болѣе законченнаго образованія въ той сферѣ жизни, въ которой призваны дѣйствовать. Иногда глѣта юноши опредѣляютъ срокъ его обученія, до извѣстнаго возраста онъ мало способенъ къ ремеслу, службѣ или торговлѣ, до этого момента родители дозволяютъ ему учиться; но какъ только наступило время приучать его къ практической дѣятельности, и его способности настолько развиты, что онъ можетъ быть полезенъ семьѣ, его берутъ изъ училища, не обращая вниманія, докончилъ ли онъ курсъ или нѣтъ. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, мы полагаемъ, нужда, недостатокъ средствъ продол-

жать учение, необходимость скорѣе добывать средства пропитанія для себя и родного семейства, вынуждаютъ юношей покидать учение для практической дѣятельности; еще рѣже, надѣмся, побуждаютъ къ этой перемѣнѣ — лѣнь, утомленіе и нежеланіе продолжать заниматься въ гимназій. Изъ числа выбывшихъ въ 1875 году около 10% или 584 человека не объявили вовсе, куда намѣрены поступить, чѣмъ заняться, и по какой причинѣ удалятся. Можетъ быть, слѣдуетъ считать между ними тѣхъ немногихъ, которые выбыли изъ гимназій, не имѣя даже средствъ уплатить незначительный сборъ, назначенный въ годъ съ учениковъ; мы не имѣемъ цифры, означающей отдѣльно численности послѣдней категоріи. Въ Московскомъ, Казанскомъ учебныхъ округахъ и въ Сибири нѣтъ гимназистовъ, выбывающихъ неизвѣстно куда, и потому ихъ проявленіе въ другихъ учебныхъ округахъ слѣдуетъ, быть можетъ, приписать какому либо недоразумѣнію или ошибкѣ въ училищныхъ отчетахъ.

Возвращаясь къ числу выбывшихъ изъ гимназій для поступленія въ другія училища, которые составляютъ почти половину всего числа выбывшихъ вообще, именно 49%, мы замѣтимъ, что переходъ молодыхъ людей изъ одной гимназій въ другую не можетъ имѣть другаго повода и причины, кромѣ перемѣны семейныхъ обстоятельствъ учащихся; всего чаще на эту перемѣну вліяетъ переездъ родителей по службѣ, или по частнымъ дѣламъ, на жительство въ другую губернію. Тѣ же обстоятельства, безъ сомнѣнія, обуславливаютъ и переходъ гимназистовъ въ училища другихъ вѣдомствъ, но при этомъ не малое вліяніе оказываетъ и возможность помѣстить сыновей на казенное содержаніе (напримѣръ, въ военныхъ гимназійхъ). Только переходъ въ реальныя училища могъ бы быть объясняемъ трудностью курса въ гимназійхъ, и признаніемъ себя, со стороны учащагося, неспособнымъ къ продолженію классическаго образованія; но число лицъ этого разряда, всего 639 человекъ, въ массѣ учащихся (45000) составляетъ всего 1 1/2%. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ училищъ, дѣйствительно видно, что большинство, перешедшихъ въ реальныя училища, имѣли въ послѣдній годъ, мало удовлетворительныхъ отѣтокъ по гимназій.

Намъ остается въ короткихъ словахъ повторить добытые нами выводы и заключенія, обрисовать, въ немногихъ формулахъ и цифрахъ общую картину передвиженій юношества въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ настоящее время число невыдерживающихъ испытанія на переводныхъ экзаменахъ достигаетъ 35%, въ низшихъ классахъ нѣ-

сколько даже болѣе, въ высшихъ уменьшается до 15%. Не выдержавшіе экзамена остаются на второй годъ въ томъ же классѣ, и на мѣсто переведенныхъ, поступаютъ къ нимъ изъ низшаго класса новые товарищи, притомъ въ числѣ постоянно болѣе значительномъ нежели переведено въ слѣдующій высшій классъ. Къ нимъ же присоединяются еще вновь поступающіе въ гимназію, въ различные классы со стороны, и такимъ образомъ составляется классъ гораздо многочисленнѣе чѣмъ былъ до экзамена. Изъ этого числа выбываетъ въ теченіе года по разнымъ причинамъ около 12¹/₂%; несмотря однако на эту убыль, каждый классъ становится годъ отъ году многочисленнѣе, и число вновь поступающихъ, достигая 25% въ сравненіи съ общимъ числомъ учащихся, покрываетъ съ избыткомъ число выбывшихъ до окончанія курса и число окончившихъ курсъ учениковъ. Поступаютъ же вновь опредѣляющіеся въ гимназіи преимущественно въ низшіе классы: приготовительный, I и II; въ высшіе классы поступаетъ гораздо менѣе новичковъ.

Изъ числа выбывающихъ до окончанія курса, 12,6%, около 3 человекъ на 100 учащихся, выходятъ не по своей волѣ, именно: около ¹/₂% исключаются изъ гимназій за неодобрительное поведеніе, около 2% увольняются по безуспѣшности въ ученіи, и 0,4% умираютъ. За тѣмъ 6¹/₂% переходитъ въ другія учебныя заведенія, именно: 3% перемѣняютъ гимназію, по какимъ либо семейнымъ причинамъ, 2% опредѣляются въ учебныя заведенія постороннихъ вѣдомствъ, и 1¹/₂% переходятъ въ реальныя училища. Наконецъ 3,2% выбываютъ изъ гимназій не докончивъ своего ученія: изъ нихъ 2% всего числа учащихся переходятъ на поприще практической дѣятельности; а чѣмъ предполагаютъ заняться остальные 1,2%, намъ пока неизвѣстно.

Обратимся теперь къ изученію численности прогимназій. Эти заведенія, учрежденныя на тѣхъ же началахъ какъ и гимназіи, представляютъ собою низшіе классы гимназій; поэтому ихъ отчеты намъ послужатъ повѣркой и разъясненіемъ сдѣланныхъ уже выводовъ относительно гимназій.

Въ слѣдующей таблицѣ, № 5, мы соединили данныя, однородныя съ показанными въ первыхъ трехъ таблицахъ, относящихся собственно до численности учениковъ правительственныхъ гимназій. Изучивъ подробно, по гимназіямъ, явленія училищной жизни, намъ показалось возможнымъ, сгруппировать въ одну таблицу свѣдѣнія, касающіяся прогимназій, исключить процентныя отношенія по каждому учебному округу отдѣльно, показавъ ихъ только въ общемъ итогѣ въ концѣ таблицы.

№ 5. 0 числѣ учащихся въ прогимназіяхъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число прогимназіи.	Прогимназіи. классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	Всего.
С.-Петербургскій:									
Числялось къ началу экзамена 1875 года	6	218	255	151	104 (4)	52 (3)	7 (1)	—	787
Переведены въ слѣдующій классъ	—	152 69,7%	143 56%	96 33,5%	62 59,6%	33 63,4%	7 100%	—	493 62,6%
Вновь поступило	—	290	124	88	18 7	—	4	—	421
Выбыли до окончанія курса	—	82	71	29	24	19	4	—	179
Числялось къ 1-му января 1876 года.	7	264	317	207	132 (6)	69 (4)	33 (3)	7 (1)	1029
Московскій:									
Числялось къ началу экзамена 1875 года.	11	283	354	77	34 (4)	19 (3)	—	—	767
Переведены въ слѣдующій классъ	—	192 67,8%	223 63%	68 27	25 73,5%	11 57,9%	—	—	517 67,4%
Вновь поступило	—	174	78	27	12 4	—	—	—	260
Выбыли до окончанія курса.	—	—	17	2	15	4	—	—	38
Числялось къ 1-му января 1876 года.	12	287	379	269	72 (4)	33 (3)	—	—	1080
Казанскій:									
Числялось къ началу экзамена 1875 года.	1	23	38	11	7	—	—	—	77
Переведены въ слѣдующій классъ	—	15 65,2%	31 86,1%	7 98	5 71,4%	—	—	—	58 75,8%
Вновь поступило	—	41	98	98	—	—	—	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число протѣкавшихъ.	Прѣготовит. классъ.	I. II. III. IV. V. VI.						Всего.
			I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Июскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года.	6	183	215	162	134	84	29	—	807
Переведены въ слѣдующій классъ	—	105	146	96	77	46	10	—	480
Вновь поступило	—	57,3%	67,9%	59,2%	57,4%	54,7%	34,4%	—	59,4%
Выбыло.	—	133	81	43	21	10	8	4	300
Числилось къ 1-му января 1876 года.	6	9	16	41	45	56	45	4	216
Високскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года.	5	168	190	184	141	96	15	—	794
Переведены въ слѣдующій классъ	—	98	118	105	92	58	7	—	478
Вновь поступило	—	56,3%	62,1%	56,8%	65,2%	60,4%	46,6%	—	60,2%
Выбыло.	—	136	76	43	9	10	2	1	277
Числилось къ 1-му января 1876 года.	5	25	28	49	22	28	38	3	193
Варшавскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года.	8	265	232	229	221	173	—	—	1170
Переведены въ слѣдующій классъ.	—	140	164	139	135	104	—	—	682
Вновь поступило	—	52,8%	58,1%	60,8%	61%	60,1%	—	—	68,3%
Выбыло.	—	218	100	49	22	10	—	—	399
Числилось къ 1-му января 1876 года.	—	61	38	50	39	39	—	—	331
Числилось къ 1-му января 1876 года.	8	282	320	253	208	173	—	—	1238

Восточная и Западная Сибирь.											
Числилось къ началу экзамена 1875 года.	2	49	47	29	17	12	4	4	162		
Переведены въ слѣдующій классъ	—	28	31	25	18	10	4	(1)	115		
Новые поступили	—	57,1%	65,9%	86,2%	76,4%	83,3%	100%	100%	71%		
Выбыло.	—	16	9	3	—	2	—	1	31		
Числилось къ 1-му января 1876 года.	2	—	11	6	11	2	6	—	35		
		55	42	33	18	15	4	6	173		
Всего числилось къ началу экзамена 1875 г.											
Переведены въ слѣдующій классъ	55	1734	1967	1280	973	617	94	10	6675		
Новые поступили	—	(53)	(45)	(42)	(35)	(38)	(12)	(2)	4239		
Выбыло.	—	1080	1267	807	634	388	59	40%	63,5%		
Числилось къ 1-му января 1876 года	—	62,2%	64,4%	63%	66,1%	62,8%	62,7%	40%	2608		
Среднимъ числомъ приходится на каждую провинцію.	—	1335	736	286	124	77	24	17	1432		
На 100 человекъ I класса приходится въ остальныхъ.	59	73	311	800	220	222	288	14	15,4%		
Уменьшение въ каждомъ классѣ въ сравненіи съ предид.	—	1916	2205	1735	1050	718	159	68	7851		
	1	(57)	37	30	(46)	(41)	(14)	(10)	168		
	—	89	100	80	62	46	30	19	—		
	—	—	—	20%	22,5%	25,8%	34,7%	36,8%	—		

Въ 1875 году, какъ видно изъ этой таблицы, было въ 11 учебных округахъ 55 прогимназій; въ Дерптскомъ округѣ не существовало вовсе такихъ училищъ; въ томъ же году вновь открыты 4 прогимназіи, въ Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебных округахъ. Къ 1-му января 1876 г. числилось всего 59 прогимназій: 45 четырехклассныхъ и 14 шестиклассныхъ. Въ 57-ми, былъ открытъ приготовительный классъ, въ 46—третій, въ 41—четвертый въ 14—пятый и только въ 10—шестой. Всего обучалось въ нихъ, въ началѣ 1875 года, 6,675 человекъ; переводные и выпускные экзамены они держали хуже учениковъ гимназій, выдержало около 63%, по всѣхъ классахъ довольно равномерно, нѣсколько болѣе этого процента, или нѣсколько менѣе, исключая VI класса, въ которомъ, въ Одесской и Ананьевской гимназіи, никто не выдержалъ экзамена, и Сибири, гдѣ въ Якутской гимназіи, его выдержали всѣ до единого. Болѣе всего удостоенныхъ перевода въ слѣдующіе классы—въ Казанскомъ, Оренбургскомъ учебных округахъ и въ Сибири; въ послѣднихъ ученики старшихъ классовъ всѣ получили удовлетворительныя аттестаціи; наименѣе удостоенныхъ перевода—въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, гдѣ переводныя отѣтны получили только 58% всего числа учащихся.

Число вновь поступившихъ въ 1875 году въ прогимназіи различныхъ учебных округовъ простиралось до 2608, и составляло въ отношеніи къ числу учащихся въ этихъ заведеніяхъ вообще 39%, процентъ гораздо болѣе значительный нежели въ гимназіяхъ. Приливъ учениковъ особенно замѣтенъ въ приготовительныхъ классахъ (1335) и въ I классѣ (736); въ другихъ классахъ менѣе значителенъ: во II поступило 295, III 124, IV 77, V 24 и VI 17. Вновь опредѣляющіеся въ прогимназіи составляютъ болѣе трети всего числа обучающихся въ прогимназіяхъ, въ учебных округахъ Московскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ, и Варшавскомъ; въ Петербургскомъ округѣ болѣе половины; въ Казанскомъ округѣ число вновь поступившихъ въ прогимназіи превышаетъ число обучавшихся въ нихъ; только въ Оренбургскомъ округѣ поступленіе не достигаетъ 30%, а въ Сибири 20% общаго числа учащихся, но и тамъ и здѣсь число самихъ прогимназій весьма незначительно.

При такомъ приливѣ учащихся въ прогимназіи, число выбывшихъ изъ нихъ достигало 15,4%, но въ этомъ числѣ заключаются и выпускные ученики, то-есть, переходящіе для продолженія своего ученія въ гимназіи, или прямо поступающіе на поприще практической

дѣтельности. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, сколько было выпускныхъ учениковъ изъ каждой четырехъ-классной или шестиклассной гимназіи; въ слѣдующей таблицѣ № 6 показано общее число выпускныхъ учениковъ 1875 года, именно 217, что составляетъ къ числу учащихся въ прогимназіяхъ и вновь поступившихъ 2,3%; слѣдовательно, отношеніе къ массѣ обучающихся, собственно выбывшихъ до окончанія курса, составляетъ 13,1%, то-есть, выбывшихъ изъ прогимназій оказывается немного болѣе, нежели выбывшихъ изъ гимназій.

При значительномъ числѣ остающихся въ классѣ безъ переноса, и сильномъ приливі въновь поступающихъ въ прогимназіи, особенно въ низшіе классы, при незначительномъ числѣ выбывающихъ, разница въ численности низшихъ и высшихъ классовъ гораздо болѣе нежели въ гимназіяхъ, и начиная со II класса, въ которомъ достигаетъ 20% въ сравненіи съ I, въ каждомъ слѣдующемъ классѣ увеличивается; въ VI классѣ составляетъ 37% уменьшенія въ сравненіи съ предыдущимъ V классомъ.

Общее среднее число учениковъ, приходящееся на каждую прогимназію, и на каждый ея классъ, значительно менѣе нежели въ гимназіяхъ, а также число обучающихся въ каждомъ классѣ, соответствующее 100 ученикамъ I класса.

Въ подтвержденіе этого вывода, выпишемъ здѣсь итоги таблицы № 1 и 5.

Въ гимназіяхъ приходилось учениковъ, среднимъ числомъ, на каждое училище:

въ приготовительномъ классѣ 44, I 61, II 56, III 49, IV 40, V 29, VI 22, VII 16, VIII 12.

Въ прогимназіяхъ приходится:

въ приготовительномъ классѣ 33, I 37, II 30, III 23, IV 17, V 11, VI 7.

Въ гимназіяхъ на каждые 100 человѣкъ I класса приходится въ остальныхъ:

въ приготовительномъ классѣ 72, I 100, II 91, III 80, IV 65, V 47, VI 36, VII 26, VIII 19.

Въ прогимназіяхъ, тоже отношеніе численности составляетъ:

въ приготовительномъ классѣ 87, I 100, II 80, III 62, IV 46, V 30, VI 19.

Такое различіе между двумя видами однородныхъ училищъ, объясняется болѣе всего тѣмъ обстоятельствомъ, что многія прогимназіи часть сихъ, отд. 4.

только недавно открыты, и продолжают открываться: отсюда малая численность въ нихъ учениковъ, и усиленный приливъ вновь поступающихъ, и слабые успѣхи при переводныхъ экзаменахъ, и большая разниа въ численности классовъ. На послѣднюю, очевидно имѣютъ сильное вліяніе численность остающихся безъ перевода и вновь поступающихъ и весьма мало измѣняютъ это соотношеніе между классами — выбывающіе.

Распредѣленіе выбывающихъ на разряды показано въ слѣдующей таблицѣ № 6. Общее число выбывшихъ по этой таблицѣ выходитъ нѣсколько болѣе нежели въ предыдущей, потому что исчисляетъ выбывшихъ за цѣлый годъ, а таблица № 5 только за половину года. Въ числѣ 1432, означенномъ въ таблицѣ № 5, заключаются и выпускные ученики, показанные отдѣльно въ таблицѣ шестой и не входящіе въ общій итогъ.

№ 6. Число учениковъ уволенныхъ изъ гимназій въ 1875 году.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число выходящихъ учениковъ.	Число поступающихъ.	Число учениковъ.	ВЫБЫЛИ ДО ОКОНЧАНИЯ КУРСА И ПО КАКОЙ ПРИЧИНѢ.										Всего.
				Умерли.	Уволенные по распоряженію.	По безспеціальности.	У Р О Л Е Н Ы.				Безъ объясненій причины.			
							Изъ гимназій.	Изъ реальн. училищъ.	Изъ учебн. заведеній.	На службу по воен. или госуд. управл.				
С.-Петербургскій	—	7	1208	11	29	27	43	9	31	27	2	179 (14,8%)		
Московскій.	11	12	1057	7	5	4	75	2	8	4	—	106* (10%)		
Казанскій	—	2	172	—	—	—	3	—	1	—	4	8 (4,6%)		
Оренбургскій	—	1	47	—	—	—	—	—	—	—	3	8 (6,3%)		
Харьковскій	24	9	1412	3	5	23	68	16	29	50	—	194 (13,7%)		
Одесскій	38	7	1447	2	9	16	103	16	24	6	54	230 (15,8%)		
Кіевскій	8	—	1107	3	—	21	64	47	12	13	45	208 (18,7%)		
Віленскій	32	5	1071	4	1	27	143	6	18	9	—	208 (19,4%)		
Варшавскій	104	8	1569	5	39	49	117	10	—	30	—	258 (16,4%)		
Дерптскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Восточная и Западная Сибирь	—	—	193	1	4	7	5	—	—	13	2	35 (18,1%)		
Всего	217	59	9283	36	95	174	621	100	134	152	110	1428		
Въ томъ числѣ:	—	—	—	25	66	121	434	75	92	106	77	—		
Примечаніе. Число учащихся въ учебныхъ округахъ въ 1875 году.	230	—	—	0.4	1	1.8	6.7	1.1	1.4	1.6	1.2	15,3%		

*) Въ 1875 г. учеб. округъ нѣтъ. Число учащихся въ учеб. округахъ въ 1875 г. въ 187

Цифры, выставленныя въ этой таблицѣ весьма сходны съ выведенными для гимназій. Умершіе составляютъ тотъ же низкій процентъ, что въ гимназіяхъ — 0,4%; удаленныхъ изъ училища за неодобрительное поведеніе, сравнительно, нѣсколько болѣе 1%. Всего удалены 95 человекъ, 1 въ томъ числѣ, изъ Якутской прогимназіи, исключенъ съ воспрещеніемъ поступать въ какое либо другое училище, 1 въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, и 1 въ Варшавскомъ удалены съ воспрещеніемъ поступать въ училища того же города; остальные 92 безъ всякаго ограниченія. Число уволенныхъ по безснѣжности въ ученіи нѣсколько менѣе, нежели въ гимназіяхъ, именно 1,8%. Всего же вышло изъ прогимназій не по своей волѣ 3,2%.

Изъ числа оставившихъ училища добровольно, большинство перешло продолжать свое ученіе въ другія гимназіи или прогимназіи; оно составляетъ 6,7% всего числа обучавшихся въ прогимназіяхъ; 1,4% сверхъ того перешли въ училища другихъ вѣдомствъ, 1,1% въ реальныя училища, 1,6% перешли вѣроятно на частную службу, въ коммерческія конторы и къ подобнымъ занятіямъ; 1,2% вышли безъ объясненія цѣли и причинъ.

Крайне ограниченное число послѣднихъ двухъ разрядовъ, и большинство переходящихъ въ другія учебныя заведенія, объясняется молодостью учениковъ прогимназій. Въ рѣдкихъ случаяхъ юноша не доучившійся до VI класса прогимназій способенъ къ какому либо занятію практической жизни; но въ 1875 году VI классъ былъ открытъ только въ 2 прогимназіяхъ, V въ 12; большинство выходило изъ IV и низшихъ классовъ; по всей вѣроятности, ихъ выходъ обуславливали какими либо семейными обстоятельствами и невозможностью продолжать свое ученіе.

Соединивъ вмѣстѣ цифры, показанныя въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ общіе итоги, получимъ выводы, сопоставленные въ слѣдующей таблицѣ:

№ 7. Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ 1876 году.

	Число учащихся.	Приготовит. классъ.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	ВСЕГО.
Число въ началу учебнаго 1875 г. . .	178	6902 (171)	9053	7703 (168)	6745 (165)	5016 (157)	3137 (132)	2369 (118)	1537 (109)	1219 (96)	43681
Перешедши въ слѣдующій классъ . .	—	4458	5832	5015	4173	3063	2143	1657	1273	970	28689
Вновь поступили	—	64,3%	64,4%	65,1%	61,9%	61,8%	63,8%	70%	82,7%	79,5%	65,4%
Выбыло	—	5167	4546	1331	590	467	532	167	78	52	11929
Число въ 1-му января 1876 г. . .	182	7098 (174)	9743	8602	7057 (169)	5694 (164)	3628 (136)	2746 (130)	1751 (111)	1252 (103)	7169 (13,1%) 47471
Среднимъ числомъ приходится на каждаго учащагося	1	41	54	47	42	94	27	21	16	12	—
На 100 человекъ I класса приходится въ остальныхъ	—	76	100	88	78	73	50	39	30	22	—
Уменьшеніе въ каждомъ классѣ въ сравненіи съ предидущимъ	—	—	—	12%	11%	19%	20,5%	22,2%	23,8%	25%	—
Среднимъ числомъ приходится на каждую гимназію или прогимназію бывшихъ	1	3	8	7	6	7	2	2	3	3	—

Въ этой краткой, сводной таблицѣ, повторены тѣ же факты, которые прежде были обнаружены, при разсмотрѣніи двухъ группъ училищъ въ отдѣльности: число вновь поступающихъ значительно превъсѣдуетъ, и повсемѣстно, число выбывающихъ; поэтому каждый классъ становится годъ отъ году многочисленнѣе, и каждый младшій классъ многочисленнѣе старшаго, исключая приготовительный. Переводные экзамены удовлетворительно держать 65%; около 35% остаются въ младшемъ классѣ, безъ перевода въ старшій, еще на годъ; но въ высшихъ четырехъ классахъ ученіе идетъ успѣшнѣе. Приливъ учащихся такъ значителенъ, что общее ихъ число, доходившее передъ экзаменомъ до 43,681, послѣ экзамена, за вычетомъ всѣхъ выбывшихъ, увеличилось до 47,471, то-есть на 3,790 человекъ, или на 8,6%. Число выбывающихъ до окончанія курса должно быть нѣсколько менѣе 13%, такъ какъ въ таблицѣ № 7, изъ графы выбывшихъ, не оказалось возможнымъ выдѣлить выпускныхъ учениковъ прогимназій. Выбывать, среднимъ числомъ въ каждой гимназій или прогимназій, въ приготовительныхъ классахъ и трехъ старшихъ не болѣе 2 или 3 человекъ изъ класса; во II, III, IV, V, по 6 или 7, и только въ I, самомъ многочисленномъ, выбываетъ по 8 человекъ изъ класса, въ теченіе года. На 100 человекъ I класса приходилось въ старшемъ VIII классѣ 22 ученика. Разница въ численности между классами довольно равномерно возрастаетъ со старшинствомъ учащихся, и составляетъ во II и III классѣ около 12%, въ VIII 25% въ сравненіи съ младшими.

Распределеніе выбывшихъ до окончанія ученія по разрядамъ, считая гимназій и прогимназій въ совокупности, означено въ слѣдующей таблицѣ № 8.

Число учащихся.	Общее число учащихся и вновь поступающих.	Умерш.	ВЫБЫЛИ ДО ОКОНЧАНІЯ КУРСА УЧЕНІЯ							Всего.	Всего.	Всего.
			Уволены за недостаточное обучение.	Уволены по безисправности.	Въ других гимназиях и противоназв.	Въ реальн. училища.	Въ училища других вѣдомствъ.	На службу государства или частным.	Безъ объясненій причинъ.			
182	54040	205	917	1094	1948	745	1014	1037	694	7044	217	—
—	—	2,9%	4,5	15,4%	27,6%	10,8%	14,4%	14,7%	9,8%	—	—	—
—	—	0,4	0,6	2%	3,5%	1,3%	1,8%	1,9%	1,2%	12,8%	—	—

Всего въ гимназіяхъ и противоназвѣхъ.

Въ томъ числѣ было

Процентное отношеніе къ общему числу учащихся

Изъ этой таблицы видно, что половина всѣхъ выбывающихъ перемѣняетъ только мѣсто жительства или мѣсто ученія, переходитъ изъ одного заведенія въ другое; 27% поступаютъ изъ нихъ въ гимназій же или другія заведенія съ гимназическимъ курсомъ, 14% въ учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, и 10% въ реальныя училища. Съ другой стороны, если внимательнѣе обсудимъ эту таблицу, то убѣдимся, что весьма незначительная только часть не продолжаетъ ученія. Къ этой категоріи слѣдуетъ отнести умершихъ, и тѣхъ 5 человекъ (4 гимназистовъ и 1 ученика прогимназій), которымъ поспрещено поступленіе въ другое заведеніе; къ той же категоріи слѣдуетъ причислить поступающихъ на службу и на поприще практической дѣятельности. Такимъ образомъ выбываютъ изъ гимназій и прогимназій, недокончивъ ученія, всего только 2,4% общаго числа учащихся, другіе же являютъ училища. Изъ нихъ въ реальныя училища переходитъ очень мало.

Теперь обратимся къ изученію реальныхъ училищъ, которыя по составу своему, по программѣ курса и по назначенію во многомъ разнятся съ другими разрядами учебныхъ заведеній, съ которыми мы ознакомились. О реальныхъ училищахъ ходятъ въ нашемъ обществѣ довольно неправильныя толки. Иные видятъ въ нихъ учебныя заведенія, по ихъ мнѣнію, наиболѣе необходимыя для массы, для золотой посредственности, для людей, которые сами не желаютъ, и дѣтямъ своимъ не желаютъ, достигать высшаго образованія и высшей сферы государственной или общественной дѣятельности; которые довольствуются знаніемъ кое чего, находятъ совершенно излишнимъ знаніе математики, греческаго и латинскаго языка; полагаютъ, что и грамматика русскаго языка совершенно напрасно обременяетъ ихъ память. Начальства училищъ, разумѣется, не могутъ раздѣлять ихъ мнѣніе о воспитаніи, и стараются напротивъ дать ученикамъ, въ-рѣшши ихъ поначенію, основательное знаніе всѣхъ предметовъ курса. Другіе думаютъ, что реальныя училища учатъ ремеслу, даютъ вѣрный кусокъ хлѣба, готовятъ къ практической жизни. Но это несправедливо: реальныя училища не готовятъ спеціально ремесленниковъ, они готовятъ массу разнородныхъ техниковъ, въ которыхъ еще такъ нуждается Россія. Какъ бы то ни было, сущность толковъ о реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ сводится къ тому, что хотя гимназій и даютъ права нѣсколько обширнѣе, но за то курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ гораздо легче и менѣе продолжитель-

Цифры статистики даютъ, по этимъ недоразумѣніямъ, лучшіе и самые точные отвѣты. Перейдемъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ двухъ таблицъ, изображающихъ передвиженія въ реальныхъ училищахъ за 1875 годъ и число учениковъ, выбывающихъ изъ нихъ.

№ 9. Число учениковъ, обучающихся въ реальныхъ училищахъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Численность	СПЕЦИАЛЬНЫЕ						Всего
		I.	II.	III.	IV.	Множит.		
						V.	VI.	
С.-Петербургский:								
Численность к началу переход. экзаменов 1875 года	5	194	185	135	79	72	32	701
Переведены в следующую класс или выпущены		143	110	93	50	56	(1) 21 (5)	473 вкл. 19 (70,2%) 244
Новые поступило	—	—	—	—	—	—	—	—
Выбыло до окончания курса	—	—	—	—	—	—	—	79 (8,3%)
Численность к 1-му января 1876 года	5	192	220	153	120	73	62 (3) (1)	847
Московский:								
Численность к началу экзамена 1875 года		173	206	171	79	48	—	677
Переведены в выпущены	—	(5) 99	(6) 111	(6) 109	(3) 43	(3) 33	—	395 (38,3%) 459
Новые поступило	—	—	—	—	—	—	—	—
Выбыло	—	—	—	—	—	—	—	108 (9,6%)
Численность к 1-му января 1876 года	8	277 (7)	266	213 (7)	158 (6)	70 (3)	44 (3)	1028
Казанский и Оренбургский: *)								
Численность к началу экзамена 1875 года	4	143	184	118	73	97	—	555
Переведены и выпущены	—	98	119	79	56	(2) 32	—	384 (69,1%) 831
Всего учащихся								

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число учащихся.	СПЕЦИАЛЬНЫЕ						Всего.	
		I.	II.	III.	IV.	Дополнит.			
						V.	VI.		
Виленскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года	4	240	196	196	160	103	83	32	1069
Переведены и выпущены	—	154	123	111	94	109	20	(3)	616(36)
Вновь поступило	—	—	—	—	—	—	(17)	—	61%
Выбыло	—	—	—	—	—	—	—	—	326
Числилось къ 1-му январю 1876 г..	4	241	261	212	188	167	133	20	128 91% 1231
Варшавскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года	3	115	114	115	118	131	38	17	648
Переведены и выпущены	—	79	81	68	61	86	(1)	(1)	395(8)
Вновь поступило	—	—	—	—	—	—	21	(8)	621%
Выбыло	—	—	—	—	—	—	—	—	285
Числилось къ 1-му января 1876 г..	3	136	134	137	128	157	103	38	92 97% 833
Дерптскій:									
Числилось къ началу экзамена 1875 года	2	281	183	63	25	—	—	—	553
Переведены и выпущены	—	107	47	12	(1)	—	—	—	174
Вновь поступило	—	—	—	—	—	—	—	—	315%
Выбыло	—	—	—	—	—	—	—	—	192
Числилось къ 1-му января 1876 г..	2	262	222	90	83	—	—	—	147 197% 597

Всего числилось къ началу экзамена 1875 г..	37	1702 (32)	1585 (33)	1336 (36)	936 (28)	817 (25)	308 (10)	118 (7)	6813
Переведены въ высшій классъ и выпущены	—	1098 (36)	927 (37)	840 (40)	557 (37)	545 (27)	78 (25)	79 (12)	4045 (151)
Вновь поступило .	—	64,5%	58,1%	62,8%	59,5%	66,7%	48,8%	66,9%	81,6%
Выбыло	—	—	—	—	—	—	—	—	2736
Числилось къ 1-му января 1876 г..	41	1985 (36)	1929 (37)	1620 (40)	1310 (37)	963 (27)	690 (25)	128 (12)	883 9,2%
Средній числовъ приходится на каждое ученице	1	52	52	41	35	35	28	10	8515
На 100 человѣкъ I класса приходится въ слѣдующихъ.	—	100	100	79	67	67	54	19	—
Уменьшеніе каждаго класса въ сравненіи съ предид.	—	—	—	21,1%	14,6%	—	20%	64,3%	—

№ 10. Число выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ въ 1876 г.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	ВЫБЫТИ ДО ОКОНЧАНИЯ КУРСА УЧЕНИЯ										Итого	безъ объясненій частныхъ.	всего
	Число учащихся.	Число учащихся и прочихъ поступившихъ.	умерли.	ушедши за недо-броту, поведене-е.	ушедши по безучастности.	для поступления				всего			
						въ другія учил. заведения.	въ учеб. зав. друг. вѣдом.	на службу го-судар. или частную.	всего				
С.-Петербургскій	5	945	—	5	22	13	29	3	4	79	19	—	
Московскій	8	1136	—	8	17	7	12	13	51	108	—	—	
Казанскій и Оренбургскіе	6	886	4	2	16	8	6	44	—	80	—	—	
Харьковскій	3	526	1	3	19	2	6	5	—	36	—	—	
Одесскій	6	1335	5	8	7	28	24	19	—	91	46	—	
Кіевскій	4	1599	3	5	104	35	60	74	—	281	42	—	
Волевскій	4	1395	3	12	48	8	58	26	—	155	36	—	
Варшавскій	—	983	3	—	32	7	14	28	8	92	8	—	
Дерптскій	2	744	—	—	11	2	7	66	61	147	—	—	
Всего	41	9549	22	43	276	110	216	278	124	1069	151	—	
Изъ общего числа выбывшихъ приходится:	—	—	2%	4%	26%	10,2%	20,2%	26%	11,8%	—	—	—	
Процентное отношеніе къ общему числу учащихся.	—	—	3,2%	0,5%	2,9%	1,1%	2,2%	2,9%	1,3%	11,2%	1,6%	—	

Мы не нашли свѣдѣній, сколько поступило, въ теченіе 1875 года или второй его половины, учениковъ въ каждый классъ реальныхъ училищъ отдѣльно, а потому показали въ первой таблицѣ только общее ихъ число въ каждомъ учебномъ округѣ. По той же причинѣ невозможно оказалось вывести и проверить числа выбывшихъ въ каждомъ отдѣльномъ классѣ. Число выбывшихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса ученія показанное въ первой таблицѣ не совсѣмъ точно совпадаетъ съ показаніями второй таблицы. Причины этой разницы объяснены уже были выше, при такихъ же вычисленіяхъ, относящихся до выбывающихъ изъ гимназій и прогимназій. Первая таблица показываетъ выбывшихъ во второй половинѣ года, вторая за весь годъ. Впрочемъ невозможно ручаться за совершенную точность цифръ показанныхъ въ 8, 9 и 10 графѣхъ второй таблицы. Можетъ быть, въ училищные отчеты вкрались ошибки, подобныя тѣмъ, какія указаны по статистикѣ гимназій.

Сомнѣніе возбуждаетъ число оказавшихся выбывшими безъ объясненія причинъ и цѣли: ихъ число довольно значительно въ Московскомъ и Дерптскомъ округахъ, и вовсе не проявляется въ шести другихъ. Число поступившихъ на службу государственную или частную въ Казанскомъ, Киевскомъ и Дерптскомъ учебныхъ округахъ также довольно велико; между тѣмъ невольно себя спрашиваешь, на какую службу можетъ поступить ученикъ IV и V класса и надо полагать, притомъ, что выбывшіе на службу покинули младшіе классы, потому что въ старшихъ незамѣтно уменьшенія, соответствующаго такой большой цифрѣ выбывающихъ. Въ Дерптскомъ округѣ только 31, 5% изъ числа наличныхъ учениковъ выдержали переводные экзамены, пропорціи крайне незначительная, если и тутъ не вкрались ошибки. Не смотря однако на эти неточности, общіе итоги таблицъ довольно правдоподобны и сходны съ общими выводами по гимназіямъ. Слѣдуетъ полагать, что за 1876 годъ мы будемъ имѣть отчеты болѣе точные и удовлетворительные, а нынѣ должны довольствоваться выводами и исчисленіями приблизительно вѣрными.

Что же мы видимъ изъ двухъ приведенныхъ таблицъ? Тѣ же явленія, которыя были указаны по гимназіямъ и прогимназіямъ, съ небольшими отступленіями отъ общей нормы. Начиная съ низшаго I класса, то же постепенное уменьшеніе численности учащихся и равномерно продолжающееся до старшаго класса. Среднее число учащихся въ гимназіяхъ было:

въ I классѣ 61, II—56, III—49, IV—40, V—29, VI—22, VII—16, VIII—12.

Въ реальныхъ училищахъ распределение учениковъ по классамъ выражается цифрами:

въ I классѣ 52, II—52, III—41, IV—35, V—35, VI—28, VII—10.

Отношеніе численности каждаго класса, на 100 человекъ низшаго или I класса составляло въ гимназіяхъ:

въ I классѣ 100, II—91, III—80, IV—65, V—47, VI—36, VII—26, VIII—19.

Въ реальныхъ училищахъ то же сравненіе даетъ слѣдующіе результаты:

въ I классѣ 100, II—100, III—79, IV—67, V—67, VI—54, VII—19.

Уменьшеніе каждаго класса въ сравненіи съ предыдущимъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ въ процентахъ:

для гимназій—II 8,9%, III—12,2%, IV—18,7%, V—27%, VI—24,1%, VII—27%, VIII—25%.

для реальныхъ училищъ—II—0 III—21,1%, IV—18,7% V—0 VI—20%, VII—64%.

Въ реальныхъ училищахъ въ 1875 году результаты переводныхъ экзаменовъ были неудовлетворительнѣе чѣмъ въ гимназіяхъ. Общее число переведенныхъ въ старшій классъ, и выпущенныхъ по окончаніи курса, составляетъ въ первыхъ только 61,6%; въ гимназіяхъ переведены и выпущены 65,8%, въ прогимназіяхъ 63,5%. Всѣхъ удачнѣе держали экзаменъ ученики реальныхъ училищъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ и выдержали 74,1%; въ Петербургскомъ округѣ 70,2%, менѣе удачны были экзамены въ Московскомъ учебномъ округѣ (выдержали 58,3%) и въ Кіевскомъ (59,4%). Такимъ образомъ значительная часть учениковъ реальныхъ училищъ оставалась безъ перевода, въ тѣхъ же классахъ, на второй годъ болѣе значительнымъ, чѣмъ въ гимназіяхъ. Это явленіе, которое—мы убѣждены не замедлитъ являться въ лучшему; оно свидѣтельствуетъ тѣмъ не менѣе, какъ ошибочно мнѣніе, будто бы курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ легче для учащихся, нежели курсъ гимназій.

Число вновь опредѣляющихся въ реальные училища, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся, нѣсколько болѣе нежели въ гимназіяхъ, число выбывающихъ нѣсколько менѣе: то и другое явленіе состоитъ въ прямой связи съ тѣмъ, что общее число учащихся въ реальныхъ училищахъ значительно менѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ. Въ гимназіяхъ на 37.006 учащихся, вновь поступило 9321 или 25,2%; въ

прогимназіяхъ на 6675 учащихся еще прибыло 2608 или 39% въ реальныхъ училищахъ на 6818 учащихся вновь поступило 2736 или 40,1%. Такимъ образомъ приливъ учащихся въ реальные училища почти равняется приливу въ прогимназіи, и во всѣхъ трехъ разрядахъ учебныхъ заведеній весьма значителенъ. Число выбывшихъ во второй половинѣ 1875 года достигало въ гимназіяхъ 12,6%, въ прогимназіяхъ 13%, въ реальныхъ училищахъ не превышало 9,2%.

Результатомъ такого передвиженія было въ реальныхъ училищахъ, также какъ и въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, постоянное и значительное увеличеніе численности младшихъ классовъ въ сравненіи со старшими и каждого класса послѣ экзамена въ сравненіи съ его численностью до экзамена. Это возрастаніе менѣе значительно въ реальныхъ училищахъ однако, въ I и IV классахъ, въ которыхъ среднее число учениковъ, приходящихся на каждое училище, одинаково съ послѣдующимъ II и V классомъ.

Распределеніе на разряды выбывшихъ въ теченіе года совпадаетъ весьма близко съ такимъ же распределеніемъ по гимназіямъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой приведено процентное отношеніе выбывшихъ къ числу учащихся вообще.

	Въ гимназі- яхъ.	Прогимназі- яхъ.	Реальныхъ училищахъ.
Умерло	0,4%	0,4%	0,2%
Исключены за неодобри- тельное поведеніе	0,5%	1%	0,5%
Уволены по безуспѣшности.	2%	1,8%	2,9%
Перешли въ другія гимназіи.	3%	6,7%	3,3%
„ реальныхъ учи- лища.	1,5%	1,1%	
Перешли въ учебныя заве- денія другихъ вѣдомствъ	2%	1,4%	
Поступили на службу.	2%	1,6%	
Выбыли безъ объявленія причинъ	1,2%	1,2%	1,3%
Всего	12,6%	15,2%	11,2%

Приведенныя здѣсь числа почти тождественны по всѣмъ тремъ разрядамъ учебныхъ заведеній. Переходящихъ въ другія училища на половину менѣе въ реальныхъ, нежели въ гимназіяхъ, и второе менѣе нежели въ прогимназіяхъ, вѣроятно потому, что самое право на часть СЛС, отд. 4.

переходъ изъ этихъ училищъ болѣе ограниченъ, тогда какъ доступъ изъ гимназій и прогимназій въ другія учебныя заведенія совершенно свободенъ. Прочія категоріи выбывающихъ разнятся числомъ, въ томъ или другомъ разрядѣ училищъ, не болѣе какъ на 1%, въ отношеніи къ общему числу учащихся.

Въ окончательномъ результатѣ изъ всего вышесказаннаго оказывается тотъ весьма утѣшительный фактъ, что численность учащихся быстро и равномерно растетъ въ училищахъ всѣхъ категорій, слѣдовательно потребность образованія велика и усиливается годъ отъ году. Доступъ въ училища, которыми мы до сихъ поръ занимались, незатруднителенъ. Изъ тѣхъ же училищныхъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1875 году обращались съ прошеніями въ *гимназіи* и *прогимназіи*, о приѣмѣ ихъ въ различные классы, всего 15,274 человѣкъ; изъ нихъ 519 не явились къ испытанію по неизвѣстнымъ причинамъ, не выдержали испытанія 3,144 или 20,5%. Большинство изъ послѣдняго разряда желало поступить въ I классъ, именно 1,250 и 699 въ приготовительный; почему остальные не поступили классомъ ниже того, въ который держали экзаменъ — неизвѣстно. Затѣмъ 555 лицамъ отказано по недостатку помѣщенія и за комплектомъ. Ихъ число составляетъ 3,6% всего числа желающихъ, доля весьма незначительная. Однако переполненіе замѣчается уже во всѣхъ учебныхъ округахъ, не смотря на открываемыя новыя училища; въ Петербургскомъ учебномъ округѣ отказано за комплектомъ 33 лицамъ въ 3 гимназіяхъ; въ Московскомъ 40, Казанскомъ 43, Оренбургскомъ 9, Харьковскомъ 63, Одесскомъ 65, Кіевскомъ 88, Виленскомъ 91, Варшавскомъ 95 въ 7 гимназіяхъ и 2 прогимназіяхъ, въ Дерптскомъ 22; только въ Сибири не набирается комплекта. Многіе изъ молодыхъ людей, которымъ отказано въ приѣмѣ за комплектомъ въ одной гимназіи, вѣроятно поступили въ другую въ томъ же городѣ, потому что комплекты оказались преимущественно въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуетъ нѣсколько заведеній того же рода. Въ *реальныхъ училищахъ* пожелали поступить въ 1875 году 4,669 человѣкъ; изъ нихъ 265 не явились къ испытанію, 1,514 не выдержали экзамена, что составляетъ 32,4% всего числа желающихъ; за комплектомъ не принято 247 или 5,2%. Весьма значительный процентъ не выдерживающихъ приѣмнаго экзамена въ реальныхъ училищахъ, указываетъ или болшую строгость экзаменуемыхъ, или меньшую подготовленность желающихъ поступить въ эти учебныя заведенія. Можетъ быть, толки

о легкости ихъ учебной программы вредно вліяютъ на претендентовъ и ихъ родителей, вовсе не кстати обманывая ихъ надежды.

Исслѣдовать съ такою же подробностью распредѣленіе по классамъ учащихся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, намъ кажется было бы лишнее; вѣроятно вездѣ мы встрѣтимъ однообразныя явленія. Съ другой стороны такое изслѣдованіе для насъ затруднительно, потому что мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній подъ рукою, о числѣ удовлетворительно державшихъ экзаменъ, о числѣ вновь поступившихъ и выбывшихъ; эти три фактора, какъ мы видѣли, совмѣстно имѣютъ вліяніе на численность каждаго класса. Безъ точнаго ихъ опредѣленія, почти невозможны вѣрныя заключенія объ измѣненіи числа учащихся по классамъ.

Поэтому мы ограничимся, для прочихъ училищъ того же вѣдомства приложеніемъ двухъ таблицъ. Въ первой показано число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ различнаго рода, какое значилось по отчетамъ къ 1-му января 1876 г.; выведено также среднее число учащихся, приходящееся на каждое училище. Для сравненія въ ту же таблицу помѣщены цифры, относящіяся къ гимназіямъ, прогимназіямъ и реальнымъ училищамъ. Въ другой таблицѣ помѣщено, для большей наглядности, процентное отношеніе численности каждаго класса къ 100 ученикамъ низшаго или I класса или курса, въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

№ 11. О числѣ учениковъ въ различныхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣ-
щенія въ 1-му января 1876 г.

РАЗРЯДЫ УЧИЛИЩЪ.	Число учениковъ	Присое- диненіе	І.	ІІ.	ІІІ.	ІV.	V.	VI.	VII.	VIII.	ВСЕГО.
Правительственные гимназій	128	5192 (117)	7638	6867	6007	4876	3469 (122)	2678 (120)	1751 (111)	1252 (103)	39620
Прогимназій ¹⁾	1 59	1 1916 (57)	51 2205	50 1735	40 1050 (46)	40 718 (41)	29 159 (14)	22 68 (10)	16 —	12 —	322 7851
Реальные училища ²⁾	1 47	33 —	37 1885 (36)	30 1929 (37)	23 1620 (40)	17 1310 (37)	11 953 (27)	7 690 (25)	128 (13)	—	133 8615
Императорскіе университетъ ³⁾	1 8	—	52 1627 (7)	52 1074 (7)	41 890 (7)	35 934 (7)	35 302 (5)	28 —	10 —	—	207 5562 (8)
Историко-физіологическіе институтъ	1 2	—	233 (2)	153 (1)	127 (1)	133 (1)	60 —	—	—	—	896 152
Ветеринарные институтъ и школы.	1 4	—	76 (2)	36 (1)	24 (1)	16 (1)	—	—	—	—	458 114
Другія высшія учебныя заведенія .	1 3	—	53 171 57	115 35 32	62 73 24	67 17 12	—	—	—	—	374 124
Одесское коммерческое училище ⁴⁾	1 1	—	58 —	55 —	42 —	28 —	12 —	—	—	—	193
Лодзинское высшее естественное училище .	1 1	—	80 —	51 —	38 —	34 —	18 —	17 —	—	—	208
Учительскіе институтъ ⁵⁾	7	—	157	84 (6)	46 (4)	—	—	—	—	—	237
Учительскія семинаріи ⁶⁾	1 44	23 (1)	22 1286	14 727 (36)	11 588 (34)	10 (3)	—	—	—	—	41 2134
Земскія учительскія школы ⁷⁾	1 6 1	23 42 (1)	28 215 86	19 190 52	17 115 19	6 14 (1)	—	—	—	—	59 576 86

№ 12. Сколько учениковъ въ каждомъ классѣ или курсѣ приходится на 100 человѣкъ I-го класса.

РАЗРЯДЫ УЧИЛИЩЪ.	Классъ	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Правительственные гимназій.	72	100	91	80	65	47	36	26	19
Прогимназій.	87	100	80	62	46	30	19	—	—
Реальныхъ училища	—	100	100	79	67	67	54	19	—
Университеты.	—	100	66	55	57	26	—	—	—
Историко-филологическіе институты	—	100	95	63	42	—	—	—	—
Ветеринарные институты и школы.	—	100	55	28	32	—	—	—	—
Другія высшія учебныя заведенія	—	100	56	42	21	—	—	—	—
Одесское коммерческое училище	—	100	95	78	45	21	—	—	—
Должнское ремесленное училище	—	100	64	48	43	28	21	—	—
Учительскіе институты	—	100	64	50	—	—	—	—	—
Учительскія семинаріи.	82	100	68	61	18	—	—	—	—
Земскія учительскія школы	117	100	89	53	39	—	—	—	—
Земскія учительскія женскія школы	43	100	75	52	46	—	—	—	—
Женскія гимназій.	70	100	96	88	76	55	41	29	14
Женскія прогимназій	172	100	68	48	—	—	—	—	—
Городскія училища	—	100	47	47	—	—	—	—	—
Удѣльныя училища.	—	100	67	41	—	—	—	—	—

Изъ таблицы № 11 мы видимъ, что среднее число учениковъ въ I классѣ или курсѣ различныхъ училищъ составляетъ около 45 человѣкъ; менѣе этой нормы находимъ въ мужскихъ и женскихъ прогимназіяхъ, въ историко-филологическихъ институтахъ, въ учительскихъ институтахъ и школахъ, и въ уѣздныхъ училищахъ. Въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ I классъ или курсъ многочисленнѣе: въ Лодыгинскомъ ремесленномъ училищѣ достигаетъ цифры 80 учениковъ, въ городскихъ училищахъ 72; въ университетахъ 232 студента I курса обучались на всѣхъ 4 факультетахъ каждаго университета, что составитъ среднимъ числомъ около 77 студентовъ I курса на каждомъ факультетѣ. Приготовительные классы, въ тѣхъ училищахъ, гдѣ они учреждены, нѣсколько менѣе по численности I класса, исключая женскихъ прогимназій, въ которыхъ приготовительные классы болѣе остальныхъ переполнены ученицами. Начиная съ I класса, въ училищахъ всѣхъ разрядовъ число учениковъ довольно равномерно уменьшается въ каждомъ слѣдующемъ классѣ, въ сравненіи съ предыдущимъ. Если принять за норму правительственныя гимназіи какъ училища, въ которыхъ получаетъ образованіе наиболѣе учениковъ, то изъ таблицы № 12 усмотримъ, что разница въ численности учащихся между классами менѣе значительна противъ этой нормы, только въ реальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ, и при томъ только до VI или VII классовъ. Во всѣхъ остальныхъ училищахъ, разница въ численности учениковъ между классами значительнѣе, нежели въ гимназіяхъ. Чѣмъ продолжительнѣе курсъ ученія, тѣмъ конечно выбываетъ изъ училища болѣе учениковъ, отвлекаемыхъ отъ ученія различными семейными обстоятельствами, и тѣмъ болѣе остается на другой годъ въ томъ же классѣ, безъ перевода въ слѣдующіе; слѣдовательно число оканчивающихъ ученіе въ послѣднемъ классѣ будетъ ограниченнѣе. Въ этомъ отношеніи реальные училища и женскія гимназіи уступаютъ мужскимъ гимназіямъ. Въ послѣднихъ на 100 человѣкъ I класса приходится оканчивающихъ 8-ми лѣтній курсъ ученія въ VIII классѣ около 19 человѣкъ, и столько же въ реальныхъ училищахъ, при 7 годахъ учебнаго курса. Въ женскихъ гимназіяхъ, въ которыхъ установленъ 8-ми лѣтній курсъ, въ VIII классѣ приходится 14 ученицъ на 100 перваго класса. Въ остальныхъ училищахъ, имѣющихъ 5 лѣтній и 6 лѣтній курсъ ученія, въ послѣднихъ классахъ приходится 19, 21 и 26 человѣкъ на 100 учениковъ I класса. Въ училищахъ, имѣющихъ 3 и 4 класса или курса, изъ послѣдняго выходятъ немного болѣе или немного менѣе 50 че-

ловѣтъ на каждыя 100 учениковъ I класса. Такъ напримѣръ въ университетахъ, въ IV курсѣ, приходится на каждый факультетъ около 57 человекъ изъ 100 студентовъ I курса. Въ гимназіяхъ численность IV класса составляютъ 65 человекъ на 100 человекъ I класса, въ реальныхъ училищахъ 67, и въ женскихъ гимназіяхъ 76. Исключеніе составляютъ учительскія семинаріи, въ которыхъ численность IV класса достигаетъ только цифръ 18 на 100 учениковъ I класса, что объясняется недавнимъ лишь открытіемъ многихъ изъ нихъ. Въ университетахъ особенно значительна численность I курса; во II приходится только 66 на 100 студентовъ перваго, въ остальныхъ распредѣленіе равнообразно: въ III 56, въ IV 57. Такую же значительную разницу II класса съ первымъ видимъ и въ другихъ училищахъ, какъ напримѣръ въ ветеринарныхъ институтахъ, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Большая численность I класса или курса, въ сравненіи съ другими классами, указываетъ, разумѣется, на значительно увеличившійся притокъ учащихся въ учебныя заведенія за послѣднее время, хотя не безъ вліянія на это явленіе могутъ быть и другіе два фактора, обуславливающіе численность учениковъ по классамъ: число выбывшихъ и число остающихся на второй годъ въ томъ же классѣ; но какъ велико вліяніе этихъ двухъ факторовъ, свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, многія лица, которымъ, конечно, нельзя отказывать ни въ большомъ умѣ, ни въ серьезномъ образованіи, совершенно отрицали существованіе литературной дѣятельности въ древней Россіи: когда, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, покойный С. П. Шевыревъ открылъ въ Москвѣ публичный курсъ исторіи русской словесности, „преимущественно древней“, и затѣмъ сталъ печатать свои лекціи подъ тѣмъ же названіемъ, пущена была въ ходъ острота—и правилась многимъ, — что Шевыревъ повѣствуетъ „о литературѣ преимущественно того времени, когда ничего не писали“. Позволительно думать, что въ настоящее время подобная шутка была бы анахронизмомъ и не встрѣтила бы сочувствія ни съ чьей стороны: нѣкоторое знакомство съ древнею русскою культурой входитъ уже въ обиходъ нашего образованія, и не только тѣ, кто признаетъ возможность и необходимость самобытнаго развитія русскаго ума, но и тѣ, кто подчиняетъ будущность русскаго просвѣщенія культурному движенію западной Европы, и тѣ съ живымъ интересомъ и уваженіемъ обращаются къ изученію памятниковъ древней и старинной русской образованности. Здѣсь не мѣсто исчислять все, что сдѣлано на этомъ полѣ; не считаемъ себя также въ правѣ говорить о томъ, какъ что сдѣлано и какіе достигнуты прочные результаты въ изученіи русской старины; но позволительно замѣтить одно: то, что до сихъ поръ сдѣлано русскою наукой для разъясненія умственной жизни нашихъ предковъ, есть, конечно, только начало, образцы тѣхъ работъ, которыя должны быть предприняты со временемъ, и—тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Поэтому, можно радоваться и сочувственно встрѣчать всякое предпріятіе въ этомъ направленіи, и вслѣдъ затѣмъ—опять выражать же-

ланіе, чтобы затѣвались, въ особенности среди частныхъ лицъ, еще новыя предпріятія съ болѣе или менѣе однородными цѣлями, и чтобы къ нимъ были привлекаемы опять новыя силы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошелъ слухъ, проникшій и въ нашу періодическую печать, объ основаніи въ Петербургѣ особаго археографическаго училища съ цѣлью спеціальнаго приготовленія молодыхъ людей къ исполненію обязанностей ученыхъ архиваріусовъ, хранителей рукописей и палеографовъ. Мысль о такомъ учрежденіи—на подобіе знаменитой Парижской *Ecole des chartes*, уже нашедшей себѣ подражаніе въ Мадридѣ, Неаполѣ, Флоренціи и Венеціи, принадлежитъ одному изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ юристовъ, и безъ сомнѣнія, осуществленіе ея было бы важною услугою для дѣла изученія русской письменной старины. Теперь является проектъ другаго предпріятія, которое также можетъ быть полезно для тѣхъ же цѣлей, хотя и подходитъ къ нимъ—такъ сказать—съ другаго конца: разумаемъ Общество любителей древней письменности, предполагаемое къ основанію въ Петербургѣ. Не излишне будетъ познакомить читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ задачами и устройствомъ этого новаго проектируемаго учрежденія.

Общество любителей древней письменности—какъ сказано въ проектѣ его устава,—имѣетъ цѣлью издавать славяно-русскія рукописи, замѣчательныя въ литературномъ, научномъ, художественномъ или бытовомъ отношеніи, и перепечатывать старопечатныя книги, сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью. Общество состоитъ изъ любителей-вкладчиковъ, которые вносятъ по 200 р. ежегодно или 4.000 р. одновременно; число такихъ лицъ не должно превышать семидесяти; тѣ изъ нихъ, которые изъявляютъ на то свое согласіе, становятся дѣйствительными членами Общества и принимаютъ непосредственное участіе въ его дѣятельности, могутъ завѣдывать изданіями Общества и избираются въ члены учредительнаго комитета, имъ управляющаго, и въ другія должности по Обществу; прочіе же вкладчики суть только подписчики на изданіи Общества. Вкладчиками могутъ быть также и учрежденія, которыя въ такомъ случаѣ назначаютъ отъ себя представителя въ составъ Общества, при чемъ послѣдній пользуется правами дѣйствительнаго члена. Общество печатаетъ свои изданія въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, именно—общее количество ихъ не превышаетъ двухъ сотъ; они предоставляются, во первыхъ, вкладчикамъ (дѣйствительнымъ членамъ и подписчикамъ) по одному экземпляру на каждого, и въ вторыхъ—библіотекамъ высшихъ и сред-

нихъ учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ право приобрѣтать также по одному экземпляру, съ платою по 30 р. за годовую серію изданій. Въ общую продажу изданія Общества не поступаютъ. При полномъ комплектѣ вкладчиковъ Общество можетъ имѣть оборотный капиталъ въ такомъ размѣрѣ, чтобъ издавать въ годъ до 200 печатныхъ листовъ, не считая изданій, которыя могли бы быть предприняты на средства, особо пожертвованныя кѣмъ-либо изъ членовъ.

Такова собственно *организация* новаго Общества. Что касается программы его *дѣятельности*, то она предполагается въ слѣдующемъ: Общество намѣрено издавать памятники по такимъ отдѣламъ: 1) рукописи Священнаго Писанія съ лицевыми изображеніями и безъ оныхъ, но лишь въ точныхъ снимкахъ; отдѣльныя житія святыхъ, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія; 2) учебники стараго времени, какъ-то: буквари, грамматики, цифирное искусство и проч.; теоретическія статьи по разнымъ наукамъ и искусствамъ, трактаты по естествовѣдѣнію, астрономіи, медицинѣ, музыкѣ, военному искусству и т. п.; 3) рукописи географическаго содержанія: космографіи, описанія городовъ и монастырей, хожденія и путешествія, древніе карты, планы и рисунки; 4) историческіе сочиненія и переводы, лѣтописи съ лицевыми изображеніями, хронографы, древніе русскіе переводы польскихъ лѣтописцевъ и т. д.; 5) рукописи, содержащія въ себѣ произведенія словесности, не исключая и народной, какъ-то: повѣсти, легенды, сборники лѣсенъ и басенъ, драматическія произведенія и пр.; 6) кромѣ рукописей съ лицевыми изображеніями по предшествующимъ отдѣламъ, вообще рукописи съ лицевыми изображеніями для точнаго и роскошнаго ихъ воспроизведенія; 7) отдѣльные листы, воспроизводимые посредствомъ свѣтописи или гравированія по всѣмъ вышеупомянутымъ отдѣламъ. Такимъ образомъ Общество принимаетъ на себя изданіе преимущественно такихъ памятниковъ, которые другими учрежденіями, правительственными и частными, не издаются, или по крайней мѣрѣ, не составляютъ спеціальнаго предмета ихъ издательской дѣятельности; этимъ путемъ Общество разграничиваетъ свои издательскія обязанности какъ по отношенію къ Археографической комиссіи, занимающейся преимущественно изданіемъ лѣтописей и актовъ, такъ и по отношенію къ Императорскому русскому историческому обществу, которое печатаетъ преимущественно историческіе и дипломатическіе документы по исторіи Россіи со временъ Петра Великаго. Впрочемъ, Общество любителей древней письменности пре-

доставляетъ себѣ право издавать всякаго рода памятники, въ томъ числѣ рукописи и акты, — въ видѣ точныхъ снимковъ съ рукописныхъ и старопечатныхъ подлинниковъ, съ воспроизведеніемъ лицевыхъ изображеній и орнаментовъ посредствомъ свѣтопечати, литохромін, ксилографін и другими способами. Этого точнаго воспроизведенія текста подлинныхъ памятниковъ Общество намѣрено держаться не только въ изданіяхъ *fac-simile*, но и въ другихъ: по непрѣмѣнному правилу его, текстъ памятника издается не иначе, какъ строго держась рукописи или старопечатной книги, безъ исправленій. Кромѣ изданій, дѣятельность Общества выражается еще въ устройствѣ собраній своихъ членовъ и подписчиковъ, на которыя могутъ быть приглашаемы и постороннія лица, и на которыхъ, кромѣ разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, представляются работы Общества, рукописи и рисунки, пояснительныя записки, свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ и т. д. Годовые отчеты Общества, протоколы управляющаго имъ учредительнаго комитета, а также варианты, поясненія, исправленія и указатели къ изданіямъ Общества, и наконецъ, описанія разнаго рода рукописей, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ бібліотекахъ, печатаются ежегодно особою книгою въ томъ числѣ *exemplary* роль, какое будетъ опредѣлено на первомъ собраніи Общества. Наблюденіе за изданіями Общества по отдѣламъ, какъ сказано выше, поручается дѣйствительнымъ членамъ, завѣдующимъ отдѣлами, и на этихъ лицахъ лежитъ обязанность привлекать ученыхъ или къ принятію на себя труда приготовить къ изданію какой-либо памятникъ письменности, или къ наблюденію за его печатаніемъ.

Излагая основныя правила устройства и занатій проектируемаго Общества, мы желали привести въ этомъ отношеніи только такія черты, которыя опредѣляютъ оригинальныя особенности его строя и программы въ отличіе отъ другихъ, существующихъ у насъ ученыхъ учрежденій. Въ остальномъ, то-есть, въ своемъ управленіи, въ правахъ членовъ и проч., Общество любителей древней письменности будетъ болѣе или менѣе сходно съ обычнымъ типомъ ученыхъ ассоціацій. Но несомнѣнно, что для развитія дѣятельности предполагаемаго Общества существенно важны именно вышеуказанныя особенности его устава. Въ высшей степени отрадный фактъ современной общественности состоитъ въ томъ, что Общество образуется не изъ однихъ специальныхъ ученыхъ, а главнымъ образомъ изъ частныхъ любителей, готовыхъ жертвовать своимъ временемъ и средствами на общепользное дѣло распространенія свѣдѣній о славяно-русской письменной старинѣ. Въ этомъ

отношеніи проектируемое учрежденіе можетъ быть сравниваемо только съ подобными же учрежденіями на западѣ, каковы *Early english text-society* въ Англіи, *Société des anciens textes français* и *Société des bibliophiles* въ Парижѣ и *Litterarischer Verein* въ Штутгардѣ. У насъ же ничего подобнаго до сихъ поръ не затѣвалось, хотя мысль о такомъ учрежденіи высказывалась почти за полвѣка предъ симъ ¹⁾. Подобно названнымъ иностраннымъ ассоціаціямъ любителей и ученыхъ, Общество древней письменности, конечно, не можетъ разчитывать, что оно будетъ содѣйствовать прямо популяризаціи свѣдѣній о старинныхъ литературныхъ памятникахъ; но дѣйствительно, его изданія будутъ облегчать дальнѣйшіе труды на поприщѣ славяно-русской филологіи. Многіе памятники въ рукописяхъ и нѣкоторыя старопечатныя книги суть такъ-называемыя *unicas*, доступныя только тѣмъ, кто живетъ въ одномъ городѣ съ мѣстомъ храненія этихъ рѣдкостей, и то въ случаѣ согласія лицъ, коимъ онѣ принадлежать. „Общество“, какъ сказано въ запискѣ о немъ, составленной однимъ изъ учредителей, — „несомнѣнно озаботится на первыхъ же порахъ сохранить подобные тексты для потомства... Учащая свои изданія, оно содѣйствуетъ тѣмъ самымъ наибольшему разъясненію cadaго отдѣльнаго памятника... Дѣятельность Общества издателей, хотя состоящаго исключительно изъ любителей, несомнѣнно окажетъ значительную пользу для ученыхъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго званія, облегчая имъ критическое изданіе рукописей. Обращеніе съ рукописями представляетъ многія матеріальныя затрудненія для самихъ ученыхъ, особенно же значительную трату времени. Изданіе большей части рукописей не есть академическій трудъ и болѣею частью отвѣждаетъ отъ академическихъ работъ, состоящихъ именно въ разработкѣ памятниковъ, комментариевъ, составленіи трактатовъ, руководствъ и словарей. Осуществленіе предполагаемаго Общества

¹⁾ Протоіерей православной миссіи въ Лондонѣ, Яковъ Смирновъ, по поводу полученія имъ «Описанія рукописей графа Ф. А. Толстого», составленнаго К. Ф. Калайдовичемъ и П. М. Стросовымъ (М., 1825), писалъ въ Петербургъ къ графу Лавалю: «Желательно, очень желательно, чтобы по примѣру здѣшней земли составилось у насъ общество достаточныхъ и благорасположенныхъ любителей наукъ и отечества, кои захотѣли бы пожертвовать нѣкоторую сумму для изданія въ печать древнихъ рукописей» (изъ приготовляемаго къ печати членомъ Археологической комиссіи Н. П. Барсуковымъ весьма любопытнаго сборника матеріаловъ для біографіи П. М. Стросова).

весьма быстро подниметь уровень занятій ученыхъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ науки".

Памятники, изданіемъ которыхъ Общество любителей древней письменности намѣрено по преимуществу заняться, хотя и привлекаютъ къ себѣ отчасти вниманіе другихъ учреждений, однако—какъ сказано выше—далеко не въ той мѣрѣ, какъ того заслуживаютъ эти остатки старины. А потому дѣятельность предполагаемаго Общества также можетъ быть существенно полезна и въ этомъ отношеніи. Новѣйшія изслѣдованія въ области древней русской литературы и вообще образованности все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ томъ, сколь велика связь умственной жизни древней Россіи какъ съ европейскимъ востокомъ, такъ частію съ Азіей, а равно и съ западомъ Европы. Множество памятниковъ древне-русской культуры приводится въ прямое соотношеніе съ иноземными. Но въ то же время многіе изъ такихъ памятниковъ, въ особенности переведенные съ другихъ языковъ, остаются не изданными и потому слишкомъ мало доступными для изслѣдователей. Общество намѣрено озабочиться обнародованіемъ подобныхъ произведеній, какъ русскаго сочиненія, такъ и переводныхъ. Въ упомянутой выше запискѣ объ Обществѣ любителей древней письменности сказано о важности изданія такихъ памятниковъ слѣдующее: „Не слѣдуетъ пренебрегать тѣми древними памятниками, которые оказываются переводами съ иностранныхъ языковъ... Переводы всегда имѣли и имѣютъ весьма большое значеніе для исторіи умственнаго развитія всего человѣчества. Переводы еще болѣе, чѣмъ оригинальныя произведенія ума, уясняютъ духовныя и умственныя потребности всего общества въ данное время. Вся средневѣковая литература французская, англійская и преимущественно германская изобилуетъ переводами, и даже Греки славились тѣмъ, что на языкъ ихъ было переведено все, что только было замѣчательнаго во всемъ мірѣ. Наша средневѣковая литература весьма богата переводами съ греческаго языка, и переводы наши имѣютъ нерѣдко значеніе подлинниковъ, такъ какъ много греческихъ памятниковъ утратилось или дошло до насъ въ искаженномъ видѣ... Европа давно ожидаетъ отъ насъ изданія и разработки нашихъ собственныхъ памятниковъ и даже переводныхъ трактатовъ, весьма часто необходимыхъ для пополненія утраченныхъ текстовъ, имѣющихъ всемірный интересъ. Кромѣ того, самая исторія умственнаго и гражданскаго развитія Русскаго народа имѣетъ всемірный интересъ. Мы только можемъ выиграть отъ ближайшаго ознакомленія Европы съ умственною дѣятельностью нашихъ предковъ. Самостоятельное участіе Русскихъ людей въ общемъ дѣлѣ

науки можетъ также содѣйствовать примиренію насъ съ интеллигентною Европой... Славяно-русскіе памятники тѣмъ болѣе любопытны, что Россія, по центральному своему положенію между Европой и Азіей, обладаетъ ключемъ къ разъясненію многихъ важныхъ вопросовъ въ исторіи человѣчества и противоположныхъ умственныхъ движеній съ востока на западъ и обратно^а. Справедливость этихъ замѣчаній не требуетъ новыхъ подтвержденій, и можно только радоваться, что Общество въ своей дѣятельности намѣрено принимать ихъ въ соображеніе.

Остается привести нѣсколько подробностей о способѣ, какимъ Общество предполагаетъ производить изданіе текстовъ. Въ проектѣ устава объ этомъ сказано коротко: Общество печатаетъ памятники, „строго держась текста рукописи или старопечатной книги, безъ исправленій“. Но въ объяснительной запискѣ, уже упомянутой выше, мы находимъ ближайшее толкованіе этихъ словъ: тамъ говорится, что „безусловное соблюденіе непрякосновенности оригинала“ составляетъ непримѣнное требованіе Общества. Оно предполагаетъ сохранять прифтѣ и знаки церковно-славянской письменности: „Общество“, говоритъ записка,—„должно заботиться выборомъ чёткаго и изящнаго шрифта, соответствующаго церковно-славянскому правописанію во всемъ его разнообразіи—съ титлами, акцентами, дифтонгами и носовыми и іотированными гласными; тѣ начертанія буквъ, которыя въ рукописяхъ выходятъ изъ ряда обычныхъ и безспорныхъ, должны быть нарочно отливаемы. Буквы и слова, неудобно разбираемыя, печатаются *fac-simile*. Въ случаѣ, если разстановка компительна, то таковыя сочетанія печатаются сплошно или съ разстановкой въ полномъ согласіи съ рукописью; тѣмъ менѣе издатель беретъ на себя, тѣмъ большую услугу онъ оказываетъ наукѣ. Затруднительныя, необычныя отнесенія буквъ подъ титло или неудобопонятныя сокращенія могутъ быть объяснены вслѣдъ за текстомъ, вмѣстѣ съ прочими исправленіями или вариантами. Цѣль Общества прежде всего сохраненіе рукописей, часто весьма ветхихъ и рѣдкихъ, со всѣми ихъ своеобразностями. Описки, пропуски, непонятныя или сомнительныя слова отмѣчаются звѣздочкой въ самомъ текстѣ или крестомъ въ случаѣ, если исправленіе или поясненіе отмѣчено въ полѣ древней рукописи или древняго изданія. Весьма полезно сохранить этотъ обычай людей опытныхъ и любившихъ свое дѣло и отмѣчать въ полѣ или надстрочно исправленія или поясненія, приписанныя хотя повидѣвшему рукой^а. Вмѣстѣ съ этимъ записка горячо ра-

туетъ противъ всякихъ попытокъ къ исправленію стараго текста со стороны современныхъ издателей. „Нельзя“, говорится тамъ,—„досто-точно принимать мѣры противъ исправленія текстовъ издателями: у одного Горация насчитывается до тысячи неправильныхъ исправленій, внесенныхъ издателями совершенно произвольно и въ добавокъ на-прасно. Допустивъ исправленіе въ текстъ, Общество беретъ на свою отвѣтственность неизбѣжные промахи и даетъ просторъ самымъ раз-нообразнымъ воззрѣніямъ разныхъ школъ, системъ и отдѣльных лич-ностей. Точность есть единственный способъ соблюсти однообразную систему при изданіяхъ и сберечь драгоцѣнное время, которое пона-прасну тратится при обсужденіи системы изданія каждаго отдѣльнаго памятника. Весьма замѣтно даже, что тѣ самыя лица въ одномъ и томъ же изданіи колеблются между разными системами изданія, такъ что читателю невозможно даже уяснить себѣ, до какихъ предѣловъ простирается произволъ издателей. При допущеніи исправленій не-значительныхъ и потому бесполезныхъ, издателю предоставляется про-сторъ для отступленій весьма важныхъ относительно пониманія тек-стовъ. Издатель, позволяющій себѣ исправленіе текста, невольно увлекается сглаживаніемъ или опущеніемъ затруднительныхъ мѣстъ; выборомъ между вариантами воспроизводится новый текстъ, не соот-вѣтствующій ни одному изъ древнихъ текстовъ. Главное возраженіе противъ безусловно точнаго изданія текстовъ заключается въ томъ, что система церковной письменности для многихъ можетъ казаться тягостною, и ошибки писцовъ, преимущественно позднѣйшихъ, не за-служивающими быть сохраненными. Противъ этого слѣдуетъ замѣ-тить, что Общество прежде всего должно заботиться о сохраненіи текстовъ и о точной передачѣ ихъ для обращенія между людьми, интере-сующимися древними памятниками и ихъ изучающими. Общество, конеч-но, должно заботиться облегченіемъ чтенія текстовъ, объясняя по воз-можности всѣ необычныя и затруднительныя сокращенія, начертанія и описки, характеризующія рукописи. Дѣло въ томъ, что поправки явныхъ описокъ излишни, а гадательныя—сомнительны“. Въ виду всѣхъ такихъ доводовъ, и вообще принимая во вниманіе, что древне-русская пись-менность еще мало изучена, и что потому ошибиться весьма легко, записка заключаетъ: „Обществу любителей должны быть памятны слова опытнаго издателя Н. И. Новикова: „Я оставлялъ оныя по-грѣшности точно такъ, какъ находятся въ спискахъ, опасаясь, чтобы поправками не погрѣшить болѣе самого переписчика“ (предисловіе къ „Древней російской гидрографіи“).

Столь горячо обсуждаемый въ вышеприведенныхъ выпискахъ вопросъ о способѣ изданія старинныхъ текстовъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ числу такихъ, по которымъ рѣшеніе вполне установилось въ наукѣ, или точнѣе говоря, опъ по самой сущности своей допускаетъ различныя, не сходныя между собою рѣшенія, зависящія отъ различныхъ обстоятельствъ, и болѣе всего—отъ общаго состоянія филологическихъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) изслѣдованій въ кругу извѣстной письменности. При современномъ положеніи славяно-русской филологіи строго критическія изданія памятниковъ не всегда еще возможны, и случается, что попытки восстановленія древняго текста превращаются въ собственное измышленіе издателей. Если для общихъ историческихъ цѣлей еще можно до извѣстной степени довольствоваться воспроизведеніемъ старинныхъ памятниковъ безъ палеографической точности, то для изслѣдованій по языку и частію по исторіи литературы необходима возможно точная передача всѣхъ особенностей рукописнаго текста. Для древнѣйшихъ памятниковъ языка это сдѣлалось уже аксіомой, и славяно-русская филологія, уже обладавъ нѣкоторымъ количествомъ точныхъ литографическихъ и фотолитографическихъ изданій древнѣйшихъ нашихъ письменныхъ сокровищъ. Общество древней письменности—какъ мы понимаемъ его мысль—желало бы примѣнить столь же точный способъ изданія текстовъ во всѣмъ, въ томъ числѣ и къ позднимъ, памятникамъ, которые намѣрено обнародовать. Конечно, такимъ образомъ Общество не дастъ наукѣ изданій критическихъ; это будутъ лишь изданія отдѣльныхъ списковъ того или другаго произведенія старинной письменности, но за то изданія, воспроизводящія извѣстный списокъ въ полной неприкосновенности. Такъ дѣлали гуманисты XV и XVI вѣковъ при первоначальномъ изданіи греческихъ и латинскихъ авторовъ; такъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка предлагалъ поступать съ письменными памятниками магометанскаго востока знаменитый ориенталистъ Френъ, чтобы сдѣлать ихъ скорѣе доступными ученому міру ¹⁾; такъ выполнены были въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыя академическія и синодальныя изданія русскихъ лѣтописей, безъ сомнѣнія, принесшія извѣстную долю пользы въ свое время ²⁾. Притомъ печатаніе

¹⁾ Фактъ этотъ извѣстенъ намъ благодаря обязательному сообщенію академика А. А. Куника; Френъ остался при своемъ убѣжденіи до самой своей смерти въ 1851 году.

²⁾ Когда въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Академія Наукъ, по настоянію Авг. Шлегера, предприняла изданіе «Русской лѣтописи по Никонову» часть СХС, отд. 4.

памятника по одному списку требуетъ гораздо меньшаго количество подготовительныхъ работъ, чѣмъ изданіе критическое, а при этомъ условіи предпріятіи Общества могутъ подвигаться значительно быстрее, чѣмъ изданія, выполненныя на основаніи критическаго изученія и сличенія многихъ списковъ. Если взять въ разчетъ, что кругъ тѣхъ памятниковъ, которые намѣрено издавать Общество любителей древней письменности, весьма обширенъ, а изданныхъ между ними еще очень немного, то несомнѣнно, оно окажетъ важную услугу наукѣ обстоятельнымъ печатаніемъ возможно большаго количества старинныхъ текстовъ, хотя бы и по одному списку. Прибавимъ только, что желательно, чтобы это печатаніе дѣлалось не по первому списку, попавшемуся подъ руку издателей, а по такому, который заслуживаетъ особеннаго вниманія ученыхъ или по своей древности, или по полнотѣ, или по правильности письма и проч. При нѣкоторыхъ усиліяхъ и дѣлительныхъ сношеніяхъ съ разными знатоками, подобныя розысканія лучшихъ списковъ кажутся намъ вполне возможными для Общества въ настоящее время.

Не принимая на себя обязанности печатать изданія критическія, Общество не намѣрено снабжать печатаемые имъ тексты комментаріями и разнаго рода объяснительными изслѣдованіями. Какъ ужъ упомянуто выше, оно будетъ помѣщать варианты и примѣчанія къ изданнымъ

списку», то оно установлено было слѣдующее основное правило: «Печатный списокъ долженъ быть сходенъ съ рукописнымъ, такъ чтобы тотъ, кто будетъ имѣть печатный, въ разсужденіи всякаго слова и всякой лѣпты могъ бы на него полагаться съ такою же свѣдостью, какъ еслибы онъ имѣлъ у себя и рукописный» (см. Русск. лѣтоп. по Никон. списку, ч. I, предисловіе за подписью Шлецера). Первая часть этого изданія была редактирована самимъ Шлецеромъ, и онъ дѣйствительно соблюдалъ это правило, «дозволявъ себѣ» — по выраженію академика А. Ѳ. Вычкова — «только маловажныя отъ него отступленія, состоявшія въ вѣнѣхъ нѣкоторыхъ буквъ, недоставившихъ въ гражданской азбукѣ, и въ дополненія сокращеній и титловъ». При печатаніи Новгородскаго и Архангелогородскаго лѣтописцевъ Московскою синодальною типографіей (1781 г.) было наблюдаемо то же правило, и по мнѣнію того же почтеннаго ученаго, слова котораго сейчасъ приведены нами, оба эти изданія «отличаются точностію и для историковъ представляютъ подлинники» (Обзоръ хода изданій лѣтописей въ Россіи, въ Журн. М. II. Пр. 1859 г., ч. CV, стр. 7—9). Дѣланнымъ, что и Академія, вводилъ упомянутое правило, и Френъ въ своемъ проектѣ ссылались именно на примѣръ гуманистовъ эпохи Возрожденія. — Употребляя въ своихъ изданіяхъ церковно-славянскій шрифтъ и знаки, Общество любителей древней письменности еще точнее можетъ выполнять Шлецеровское правило.

памятникамъ только въ особомъ сборникѣ, вмѣстѣ со своимъ ежегоднымъ отчетомъ и разными указателями. Такого рода дополненіе къ издаваемымъ текстамъ можетъ до нѣкоторой степени служить удовлетвореніемъ для тѣхъ, кто не признаетъ научнаго значенія за изданіемъ стариннаго памятника по одному списку. Весьма пріятно видѣть въ проектѣ устава, что число экземпляровъ этого сборника, въ которомъ лѣтопись дѣятельности Общества предполагается соединить съ извѣстіями о разныхъ памятникахъ старинной русской письменности и старопечати, не будетъ столь же ограничено, какъ число экземпляровъ самихъ текстовъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать распространенію извѣстности о самомъ Обществѣ и его полезныхъ трудахъ. Впрочемъ для этой послѣдней цѣли слѣдовало бы, кажется намъ, ввести въ уставъ и еще одно правило. Какъ упомянуто выше, изъ числа двухъ сотъ экземпляровъ изданій Общества около половины предоставляется вкладчикамъ, а прочіе могутъ быть продаваемы—по 30 р. за годовую серію—высшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Но бібліотеки сихъ послѣднихъ не общедоступны ни въ Петербургѣ, ни въ провинціи, а потому если училища и будутъ приобретать изданія Общества, ихъ экземплярами никому почти нельзя будетъ пользоваться. Въ виду этого не правильнѣ ли было бы, наравнѣ съ учебными заведеніями, предоставить право покупать по той же цѣнѣ эти изданія—и ученымъ обществамъ, у коихъ есть по большей части довольно полныя, доступныя ихъ членамъ бібліотеки по ихъ специальности, и наконецъ, общественнымъ бібліотекамъ—въ родѣ Чертковской въ Москвѣ, Карамзинской въ Симбирскѣ, городскихъ въ Одессѣ и Казани и проч. Такая льгота не могла бы, кажется, быть тягостною для Общества, но за то прямо соответствовала бы его задачѣ—доставлять точное воспроизведеніе памятниковъ славяно-русской письменности всѣмъ тѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, которые интересуются ими.

Въ заключеніе пожелаемъ добрымъ начинаніямъ зарождающагося Общества любителей древней письменности полнѣйшаго успѣха, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и неуклоннаго постоянства въ веденіи предпринятаго имъ дѣла.

Л. Майковъ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ С.-Петербургскаго университета въ 1876 году: личный составъ преподавателей; вакантныя катедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды за сочиненія на предложенныя темы; ученые труды преподавателей; испытанія на ученые степени и званія; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; состояніе и дѣятельность состоящихъ при университетѣ ученыхъ обществъ.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ къ 1-му января 1877 года состояло штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—6 (въ числѣ послѣднихъ одинъ преподаватель латинскаго языка); по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ—5, доцентовъ—2; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—9, экстраординарныхъ—1, доцентовъ—5 (въ числѣ послѣднихъ одинъ по кафедрѣ судебной медицины, не положенной по дѣйствующему уставу); по факультету восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ—6, экстраординарныхъ—3 (въ числѣ послѣднихъ состоитъ преподаватель персидскаго языка по найму), доцентовъ—5 (въ числѣ послѣднихъ одинъ преподаватель маньчжурскаго языка по найму), лекторовъ—4. Сверхъ того, при университетѣ состояли: профессоръ православнаго богословія и 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Общее число преподавателей къ 1877 году было: профессоръ богословія—1, ординарныхъ профессоровъ—34, экстраординарныхъ—13, доцентовъ—18, лекторовъ—8, всего штатныхъ преподавателей—74; сверхштатныхъ имѣлось—5, именно: 2—по зоологій, 1—по фیزیологій, 1—по латынскому языку и 1—по греческому

языку; приватъ-доцентовъ было—9: по математикѣ—2, по зоологіи—2, по физикѣ—2, по ботаникѣ—2, по звездскому языку—1. Преподавательскихъ вакансій къ концу 1876 года было—9: 1 доцентскій окладъ по философіи, 1 доцентскій—по физико-математическому факультету (производился въ жалованье сверхштатному профессору), 3 оклада экстраординарнаго профессора—по классамъ исторіи законодательствъ древнихъ и новыхъ и исторіи славянскихъ законодательствъ, 1 доцентскій окладъ—по юридическому факультету и 3 такихъ же оклада—по факультету восточныхъ языковъ.

Въ 1876 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—24, физико-математическій—27, юридическій—26, факультетъ восточныхъ языковъ—19. Для усиленія учебной дѣятельности слушателей университетскихъ лекцій служили практическія ихъ занятія подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей, заключавшіяся въ слѣдующемъ: по предмету славянской филологіи у профессора Срезневскаго студенты упражнялись въ палеографическихъ работахъ по памятникамъ, съ цѣлю пріучать работающихъ дѣлать кѣрные снимки съ памятниковъ и списывать ихъ палеографически. — По русской словесности студенты, избравшіе этотъ предметъ своею спеціальностью, занимались, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова и представляли профессору свои письменныя работы. Нѣкоторые изъ этихъ работъ окончены; таковы: „Историческій обзоръ русской этимологіи“—студента *Смирнова* и „О литературной дѣятельности Пнина“—студента *Иртыкова*. — По русской исторіи, подъ руководствомъ профессора Бестужева-Рюмина, студенты занимались изученіемъ источниковъ. — По всеобщей исторіи, подъ руководствомъ доцента Васильевского, студенты IV курса занимались чтеніемъ и историко-критическимъ изученіемъ „Германія“ Тацита; а доцентъ Соколовъ одинъ разъ въ недѣлю имѣлъ со студентами того же курса бесѣды объ источникахъ древней исторіи, при чемъ студенты занимались чтеніемъ и разборомъ надписей и авторовъ. — По теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, подъ руководствомъ доцента Прахова, студенты занимались изученіемъ памятниковъ по снимкамъ, составляющимъ классическій отдѣлъ музея скульптуры Императорской академіи художествъ и собраній эрмитажа. — По греческому языку и словесности, подъ руководствомъ профессоровъ Дестуниса и Люгебилъ, студенты III и IV курсовъ упражнялись въ чтеніи и толкованіи надписей архаическаго періода. — По римской словесности, подъ руководствомъ профессора Помяловскаго, студенты III и IV курсовъ за-

нимались разборомъ древнихъ надписей, имѣющихъ важное значеніе для изученія римскихъ религіозныхъ древностей, и обработкою различныхъ темъ изъ римскихъ древностей и литературы; кромѣ того, студенты на лекціяхъ постоянно были упражняемы въ переводахъ древнихъ текстовъ на русскій языкъ. Подъ руководствомъ преподавателя Шебора, семь студентовъ 2-го курса историко-филологическаго факультета переводили и приготовили къ изданію весьма полезное для начинающихъ филологовъ сочиненіе Merguet: „Die Entwicklung der lateinischen Formenbildung“. — По философіи, сверхъ общихъ лекцій, профессоръ Владиславлевъ занимался со студентами, специально изучающими этотъ предметъ, анализомъ „Критики чистаго разума“ Канта, по одному разу въ недѣлю, и со специалистами IV курса — анализомъ сочиненія профессора Лотце: „Микрокосмъ“. — По физикѣ происходили въ теченіе всего года, по 5 разъ въ недѣлю, практическія занятія при ближайшемъ руководствѣ студентовъ тремя лаборантами; магистрантъ Гесхусъ показывалъ опыты изъ всего прочитаннаго профессоромъ. Изъ сдѣланныхъ студентами работъ заслуживаютъ особеннаго упоминанія: *Слушнова* — „О гальванической поляризаціи ртутныхъ электродовъ“ и *Полежаева* — „Частный случай электро-химическаго закона Фарадея“. Число студентовъ, занимавшихся практически, превосходило 50, что составляетъ наибольшее число, какое можетъ быть допущено, какъ по матеріальнымъ средствамъ физическаго кабинета, такъ и по численности его личнаго состава. — По химіи специалисты-студенты II, III и IV курсовъ разряда естественныхъ наукъ ежедневно занимались въ лабораторіи химическими изслѣдованіями, подъ руководствомъ профессоровъ, и результаты этихъ занятій были большею частію напечатаны. Занятія со студентами по неорганической химіи, подъ наблюдениемъ профессора Менделѣева, происходили ежедневно, и часть этихъ работъ напечатана. Подъ руководствомъ профессора Бутлерова, въ отдѣленіи органической химіи происходили постоянныя занятія. Полученные результаты частію напечатаны, частію готовятся къ печати и будутъ помѣщены въ Журналъ русскаго химическаго общества и въ другихъ изданіяхъ. Слушатель *Е. Ждановъ* произвелъ работу „О діэтил-метилукоусной кислотѣ“ и напечаталъ ее въ Вюллетенѣ Академіи Наукъ; кандидатъ *Лавриновичъ* напечаталъ въ Журналѣ химическаго общества „О пинаколѣ и пинаколинѣ изъ этил-метилкстона“; студентъ *Дьяконовъ* напечаталъ тамъ же „О дѣйствіи натрія на смѣсь хлорал-гидрата масляной кислоты и ея самой“.

Сверхъ того, работали студенты: *Хвейнъ* — надъ диэксиленами, *Кракау* — надъ стироломъ, баронъ *Ропъ* — надъ уплотненіемъ изодибетиленна, *Голубевъ* — надъ эфиромъ оприметилхарбинола, и кандидатъ *Виноградовъ* — надъ дѣйствиємъ цинкэтила на бромъ-бромистый ацетиль. Остальные при университетѣ кандидаты-стипендіаты также участвовали въ занятіяхъ въ лабораторіи. Изъ нихъ кандидатъ *Павловъ* произвелъ и напечаталъ въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ изслѣдованіе надъ дѣйствиємъ цинкорганическихъ соединеній на хлоралгидриды кислотъ и на кетоны, напечаталъ въ Журналѣ химическаго общества замѣтку о метил-изопропилкетонѣ и работалъ надъ окисленіемъ діамилена и надъ однимъ изъ гексеноловъ; кандидатъ *Каширскій* изслѣдовалъ процессъ изомеризаціи нѣкоторыхъ углеводистыхъ соединеній; кандидатъ *Вышнеградскій* — напечаталъ замѣтки объ изомерныхъ амиленахъ. Въ аналитическомъ отдѣленіи химической лабораторіи практическія занятія студентовъ II и III курсовъ по анализу происходили ежедневно, подъ наблюденіемъ профессора Меншуткина, при содѣйствіи трехъ лаборантовъ. Наплывъ желающихъ заниматься въ этомъ отдѣленіи былъ огромный: всѣхъ занимавшихся было около 140 человекъ. Въ отдѣленіи качественного анализа двѣ очереди (по 50 человекъ въ каждой) заняты были сплоша. Въ аналитическомъ отдѣленіи были произведены и отпечатаны слѣдующія изслѣдованія: лаборанта *Потылицына* — „Опыты надъ взаимнымъ вѣтшеніемъ галонидовъ“, кандидата *Нужибытка* — „Синтезъ оксимасляной кислоты“, лаборантъ *Любавинъ* издалъ первую часть обширнаго труда подъ заглавіемъ „Физическая химія“. — По морфологіи и систематикѣ растеній занятія профессора Векетона со студентами и слушателями состояли въ опредѣленіи растеній Петербургской флоры по сухимъ экземплярамъ, что дало возможность ближе и основательнѣе познакомиться со многими формами этой флоры. Въ занятіяхъ руководилъ студентовъ также приватъ-доцентъ Гоби. По анатоміи и физиологіи растеній подобныя же занятія происходили подъ руководствомъ профессора Флмьницына. — По зоологіи постоянно происходили практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ консерватора зоологическаго кабинета, приватъ-доцента Гримма, при чемъ нѣкоторыми изъ студентовъ были сдѣланы весьма значительныя успѣхи въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ животныхъ. Студенты старшихъ курсовъ занимались также практическими упражненіями въ орнитологіи подъ руководствомъ приватъ-доцента Богданова — Въ физиологическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профес-

соровъ Сѣченова и Овсянникова и приватъ-доцента Бакста, происходили практическія занятія троякаго рода: а) по гистологiи съ студентами 2-го курса, б) по экспериментальной физиологiи съ студентами того же курса, и г) специалисты-студенты 3-го и 4-го курсовъ занимались разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ по экспериментальной физиологiи, преимущественно относящихся до отправленій нервной системы и до физиологiи органовъ чувствъ. Изъ работъ, произведенныхъ въ физиологической лабораторiи, заслуживаютъ особеннаго вниманія: *Полстники*—по иннервациіи мозга и *Лифимъсна*—по сосудодвигательнымъ нервамъ.—По астрономiи и геодезiи, подъ руководствомъ профессора Савяча, студенты III и IV курсовъ разряда математическихъ наукъ упражнялись въ производствѣ наблюденій на астрономической обсерваторiи Академіи Наукъ. Въ кабинетѣ практической механики студенты, кандидаты и посторонніе лица, готовящіеся къ магистерскому испытанію, занимались практической механикой и статикою на моделяхъ и аппаратахъ и пользовались рисунками и справочными книгами. Кромѣ того, нѣкоторые лица изъ числа механиковъ-техниковъ посѣщали кабинетъ съ цѣлью ознакомиться съ нѣкоторыми относящимися къ нхъ спеціальностямъ приборами. Производили бы испытанія двухъ новобрѣтенныхъ приборовъ водомѣра и центробѣжнаго насоса.—Въ геологическомъ кабинетѣ, подъ руководствомъ профессора Иностранцева, студенты ежедневно занимались изслѣдованіями по петрографіи, то-есть, изученію горныхъ породъ, и по палеонтологiи, то-есть, изученію ископаемыхъ. Изъ числа трудовъ, произведенныхъ въ этомъ кабинетѣ, заслуживаютъ упоминанія напечатанныя г. *Докучаевымъ* брошюры: „Объ обмелѣніи рѣкъ средней полосы Россiи“ и „О предполагаемомъ обмелѣніи рѣкъ Европейской Россiи“. Кандидатъ *К. Слупскій*—занимался обработкою матеріала экскурсіи 1875 года и намѣренъ приступить къ печатанію своей работы; кандидатъ *Хосцкій*—работалъ надъ долитовою структурой, каковая работа будетъ напечатана въ брошюрѣ „Изъ геологическаго кабинета С.-Петербургскаго университета“.—Въ минералогическомъ кабинетѣ студенты разряда естественныхъ наукъ, подъ руководствомъ доцента Ерофѣева, занимались преимущественно по кристаллографіи. Специалисты-студенты производили кристаллографическія вычисленія и занимались черченіемъ кристалловъ, а также упражнялись въ опредѣленіи удѣльнаго вѣса минераловъ и въ изслѣдованіи ихъ кристаллической формы.—По агрономiи, подъ руководствомъ профессора Совѣтова, студенты разрабатывали отдѣльные вопросы науки и

затѣмъ дѣлали письменныя сообщенія въ особыхъ бесѣдахъ. Въ свободное отъ лекцій время профессоръ, вмѣстѣ съ студентами, посѣщали сельско-хозяйственный музей министерства государственныхъ имуществъ и дѣлали съ ними нѣсколько экскурсій по окрестнымъ фермамъ. Изъ работъ, представленныхъ профессору, особеннаго вниманія заслуживаетъ трудъ студента 4-го курса *А. Теодоровича*, написавшаго очень обстоятельную статью: „Явленія поглощенія почвъ“, которая напечатана въ Трудахъ Волебно-экономическаго общества; онъ же перевелъ 4-й выпускъ „Учебника земледѣльческой химіи“ Майера.—Въ юридическомъ факультетѣ, по причинѣ громаднаго количества слушателей и по особенному свойству наукъ, входящихъ въ составъ его, не могли быть установлены одинаковыя съ другими факультетами начала относительно методовъ практическихъ упражненій. Незначительный персоналъ преподавателей факультета, почти весь годъ занятый разсмотрѣніемъ множества кандидатскихъ и другихъ сочиненій, производствомъ какъ переводныхъ, такъ и окончательныхъ испытаній, не можетъ устроить систематическихъ постоянныхъ практическихъ курсовъ. Но такъ какъ преподаваніе юридическихъ наукъ, по самому существу ихъ, должно быть непрерывно связано съ практическими упражненіями, которыя, по разнородности юридическихъ предметовъ, требуютъ подчиненія различнымъ методамъ, то факультетъ представляетъ устройство этихъ занятій усмотрѣнію самихъ профессоровъ. Такимъ образомъ профессоръ гражданского права, при изложеніи науки, постоянно приводитъ практическіе примѣры и комментируетъ статьи самихъ источниковъ и важнѣйшія положенія въ рѣшеніяхъ гражданскихъ кассационныхъ департаментовъ.—Профессора уголовного права, при изложеніи своего предмета, также знакомяли слушателей какъ съ судебною практикой вообще, такъ и въ особенности съ рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ. Доцентъ Фойницкій продолжалъ давать студентамъ темы, по которымъ ими были представляемы рефераты. Отъ реферата, составляющаго необходимое условіе хорошей отиѣтки на экзаменѣ, требовалось: знакомство съ литературой вопроса на томъ изъ иностранныхъ языковъ, которымъ владѣетъ студентъ, или по крайней мѣрѣ на русскомъ; выясненіе заданной темы въ связи съ общими началами науки, самостоятельная разработка сырого историческаго или уголовно-статистическаго матеріала по тѣмъ пунктамъ заданной темы, на которые спеціально указывалъ профессоръ, систематичность въ изложеніи мыслей и послѣдовательность въ умозаключеніяхъ. Въ случаѣ неудовлетворительности

работы, она возвращалась студенту.—По международному праву требовалось самостоятельное изученіе студентами источниковъ и литературы предмета.—По статистикѣ профессоръ Янсонъ въ устроенномъ имъ статистическомъ кабинетѣ производилъ постоянныя практическія занятія съ студентами. Кромѣ назначенныхъ по росписанію часовъ, профессоръ посвящалъ для этихъ занятій послѣбобѣденное время по 4 часа въ недѣлю. Каждый студентъ обязанъ былъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, одну работу по сырому статистическому матеріалу. Для работъ этихъ давалась каждому тема, и нѣкоторыя работы вышли весьма интересны.—По политической экономіи, подъ руководствомъ профессора Вредена, во всѣхъ четырехъ курсахъ административнаго разряда происходили практическія занятія, состоявшія для двухъ первыхъ курсовъ въ совмѣстномъ чтеніи и пространномъ толкованіи А. Смита (I курсу) и Д. Рикардо (II курсу), а для послѣднихъ двухъ курсовъ—въ руководствѣ по изслѣдованію отдѣльныхъ вопросовъ изъ области страховыхъ оборотовъ; каждый студентъ обязательно составлялъ письменный докладъ и защищалъ его передъ товарищами. По полицейскому праву профессоръ Андреевскій имѣлъ практическія (необязательныя) лекціи о страхованіи, при чемъ многія изъ студентовъ читаны были весьма обстоятельныя рефераты.—По финансовому праву доцентъ Лебедевъ одинъ часъ въ недѣлю посвящалъ практическимъ занятіямъ, состоявшимъ въ извлеченіяхъ изъ указанныхъ студентамъ книгъ, и изъ рефератовъ, обсужденныхъ потомъ присутствующими.—По церковному праву студенты занимались подъ руководствомъ профессора, священника Горчакова; изъ представленныхъ профессору сочиненій заслуживали вниманія: *Д. Жогова*—„Объ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи“ и кандидата *И. Суворова*—„О церковныхъ наказаніяхъ“, представленное въ факультетъ на степень магистра церковнаго законовѣдѣнія.—По факультету восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны были предварительно подготавливаться надлежащимъ образомъ, то-есть, разобирать и уяснить себѣ, при помощи словарей и грамматикъ, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не можетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходилось переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; на обязанности студентовъ лежитъ также составленіе лекцій по исторіи и литературѣ на основаніи подлинныхъ источниковъ; подъ руководствомъ профессоровъ студенты занимаются переводами; для практическихъ же занятій въ изученіи языковъ араб-

скаго, монгольскаго, турецкаго и персидскаго при факультетѣ состоятъ четыре лектора.

Для сомсканія наградъ медалями предложены были на 1876 годъ студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„Сравнить діалоги Платона *Политаія* и *Нормос* и указать различія въ ихъ направленіи и содержаніи“ и „Князь Щербатовъ, какъ историкъ и писатель“; въ физико-математическомъ—„О замѣнѣ теплостности для простыхъ и сложныхъ тѣлъ“ и „О цѣнѣ тѣлъ въ связи съ другими физическими свойствами ихъ“; въ юридическомъ—„Уголовная теорія Ансельма Фейербаха“ и „Экономическія основанія заработной платы“; въ факультетѣ восточныхъ языковъ—„О хроникѣ Ибнъ-эль-Атира“. За представленныя на названныя темы сочиненія награждены: золотыми медалями студенты: IV курса историко-филологическаго факультета—*Э. Радловъ* и *А. Дубицкій* и II курса *Ад. Морбуртъ*; IV курса физико-математическаго факультета—*М. Шнортеръ* и *Г. Ительсонъ*; IV курса юридическаго факультета—*А. Шумахеръ*, *Ф. Грединеръ*, *Л. Оседоровичъ* и *Ө. Микусъ*; серебряными: IV курса физико-математическаго факультета—*П. Пикунцовъ*; IV курса юридическаго факультета—*Э. Истеръ* и *Арк. Шумахеръ*, и III курса—*Ав. Замковъ*, *А. Штилицъ*, *В. Аверкисъ* и *П. Кузьминъ*, и факультета восточныхъ языковъ—*М. Обломовъ* и *А. Юршикевичъ*, и почетнаго отзыва: IV курса историко-филологическаго факультета—*Г. Комъ*, юридическаго факультета—*К. Ульминъ* и *П. Аракчеевскій* и факультета восточныхъ языковъ *Я. Лютицъ*.

Въ 1876 году преподаватели и другія лица вѣдомства С-Петербургскаго университета напечатали и приготонили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: *И. И. Срезневскій*—издалъ: а) 2-й томъ „Свидѣній о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, б) 1-й выпускъ „Палеографическихъ наблюденій по памятникамъ греческаго письма“, в) „Жизнь и труды В. С. Кираджича“ и г) разборъ сочиненій профессора Потебни; *М. И. Сухомяковъ*—издалъ 3-й томъ „Исторіи Россійской Академіи“ и напечаталъ нѣсколько статей историко-литературнаго содержанія въ повременныхъ изданіяхъ; *О. Ө. Миллеръ*—напечаталъ въ „Присужденіи Уваровскихъ наградъ“ разборъ Сборника пѣсень Кирѣевскаго и въ Трудяхъ Кіевскаго археологическаго съѣзда—рефератъ о великорусскихъ былинахъ и малорусскихъ думахъ; *Г. С. Дестунисъ*—издалъ комментарий на 1-ю книгу „Исторіи войнъ Римлянъ съ Персами Проконія“, составляющій 1-ю часть Записокъ историко-филологическаго факуль-

тета; *К. I. Любиль*—напечаталъ переводъ первой общей части нѣмецкаго сочиненія „Grundzüge der griechischen Etymologie“ Георга Курціуса, сопровождаемый его прибавленіями и примѣчаніями; *И. В. Помяловскій*—помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Русскаго археологическаго общества статьи по объясненію вновь открытыхъ латинскихъ надписей, а въ Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ—ислѣдованіе о храмовомъ инвентарѣ, найденномъ въ Неми, и редактировалъ нѣкоторые отдѣлы Трудовъ 2-го археологическаго съѣзда въ Петербургѣ и переводъ сочиненія Коллинза о Виргиліѣ; *К. II. Бестужевъ-Рюминъ*—напечаталъ нѣсколько статей въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Русской Старинѣ и въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“; *И. П. Минаевъ*—напечаталъ въ Запискахъ историко-филологическаго факультета „Индійскія сказки и легенды“ и нѣсколько статей въ повременныхъ изданіяхъ; *А. Н. Веселовскій*—помѣстилъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—а) „Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды“, б) разборы книгъ: „*Aubertin, Histoire de langue et de la littérature française au moyen âge*“, „*Gebhardt, De l'Italie*“, „*Le Grand, Chants grecs*“, „*Rohde, Der Griechische Roman*“; въ Древней и Новой Россіи—„Сказки объ Иванѣ Грозномъ“; въ Славянскомъ Сборникѣ—„Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ“; въ Вѣстникѣ Европы—разборъ книги Кириичникова „Греческій романъ“; въ Russische Revue—„Sagenstoffe aus dem Kandjur“; въ Archiv für Slavische Philologie: а) „Zur altbulgarischen Alexandersage“ и б) „Die Sage von Babylonischen Reiche“; въ Rivista di filologia romana—„Un Capitolo di Antonio Pucci“; *А. Н. Бекетовъ*—перевелъ 2-й томъ сочиненія Гризебаха „Растительность земнаго шара“, съ своими примѣчаніями и картою, и издалъ VII томъ Трудовъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей; *А. С. Филипповъ*—напечаталъ: въ Мемуарахъ Академіи—„Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche“, въ Mélanges biologiques—„Ueber Kuospenbildung bei Equiseten“, въ Botanische Zeitung—„Zweite Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche“; *И. Л. Чебышевъ*—на съѣздѣ французскихъ ученыхъ въ Клермонъ-Ферранѣ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Sur la généralisation d'une formule de M. Catalan et sur une formule arithmétique qui en résulte“, напечатанное въ Бельгійскомъ математическомъ журналѣ; на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей сдѣлалъ сообщеніе „О вспомогательномъ множителѣ дифференціальныхъ уравненій“, которое напечатано въ Протоколахъ съѣзда; *А. К. Коркинъ*—напечаталъ въ издаваемомъ въ Лейпцигѣ профессо-

ромъ Нейманномъ журналѣ *Mathematische Annalen* статью подъ заглавіемъ „*Sur les formes quadratiques*“, заканчивающую рядъ работъ о квадратныхъ формахъ, предпринятыхъ профессоромъ Коркинымъ вмѣстѣ съ профессоромъ Золотаревымъ; *Ю. В. Сахизкій*—приготовилъ курсъ высшей алгебры и напечаталъ въ Парижѣ мемуаръ: „*Sur les transformations élliptiques et sur la loi de réciprocité entre deux nombres premiers*“; *Д. И. Менделѣевъ*—издалъ: а) „О барометрическомъ нивелированіи и о примѣненіи для него высотогра“, б) „О нефтяной промышленности въ Пенсильваніи и Америкѣ“, в) сочиненіе Моли: „Метеорологія или ученіе о погодѣ“, съ предисловіемъ и дополненіями, г) „Матеріалы для сужденій о спиритизмѣ“, д) „Объ истинномъ коэффициентѣ расширенія воздуха“, е) „Объ отступленіяхъ отъ законовъ для газовъ“, ж) „О температурѣ атмосферныхъ слоевъ“, з) „О сжимаемости газовъ подъ малыми давленіями“, и и) „О происхожденіи нефти“; на съѣздѣ естествоиспытателей сообщилъ: а) „О годовыхъ измѣненіяхъ температура“, и б) „Объ отступленіяхъ отъ закона Мариотта“; *А. М. Бутлеровъ*—напечаталъ въ Мемуарахъ Академіи Наукъ произведеніе имъ изслѣдованію надъ изодибутиленомъ; редактировалъ: а) изданную недавно въ составѣ международной научной бібліотеки книгу: „Новая химія, Дж. Кука“, и б) издаваемое Вольнымъ экономическимъ обществомъ сочиненіе по пчеловодству барона фонъ-Верлеппа „Пчела“, 1-й выпускъ котораго уже вышелъ, и производилъ изслѣдованіе надъ изотрибутиленомъ; *Н. А. Меншуткинъ* — напечаталъ въ Журналѣ Химическаго Общества изслѣдованіе: а) о метил- и этилсукцинамидѣ, б) о составѣ солей діалуровой кислоты, и в) о тартропамиловой кислотѣ, и редактировалъ 9-й томъ Журнала Русскаго Химическаго Общества; *К. О. Кессельеръ* — напечаталъ: а) статью о рыбахъ, собранныхъ г. Пржевальскимъ въ его путешествіи по Китаю и Монголіи, б) статью о новомъ видѣ рѣчныхъ раковъ (на нѣмецкомъ языкѣ) въ „*Bulletin de la société des Naturalistes de Moscou*“ и на русскомъ языкѣ въ „Трудахъ Русскаго Энтомологическаго общества“, и приготовилъ къ печати сочиненіе о рыбахъ арало-каспійско-понтійской ихтиологической области; *Ө. Ө. Петрушевскій*—напечаталъ: „Экспериментальный и практический курсъ электричества“, съ атласомъ чертежей, и статью подъ заглавіемъ: „Лондонская выставка ученыхъ предметовъ“; *Р. Э. Ленъ*—напечаталъ въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ: а) „Ислѣдованіе закона Кирхгофа о развѣтвленіи токовъ въ примѣненіи къ жидкимъ проводникамъ“, б) „Описаніе новаго ртутнаго вольтметра“, в) „Гальвани-

ческое сопротивленіе разныхъ солей вообще, а солей калия и натрія въ особенности"; *А. А. Иностранцевъ*—занимался изученіемъ горныхъ породъ съ Амура и съ восточнаго берега Тихаго Океана, и окончилъ печатаніе книги подъ заглавіемъ: „Геологическій очеркъ Пошпенскаго уѣзда Олонецкой губерніи и его рудныхъ мѣсторожденій“, съ тремя хромофотографированными таблицами и двумя картами (орграфическою и геологическою); *А. В. Соколовъ*—редактировалъ Труды Вольнаго Экономическаго Общества, издалъ редактированный имъ 4-й выпускъ „Учебника земледѣльческой химіи“ Майера и въ Трудахъ названнаго общества напечаталъ „Общій очеркъ агрономическаго путешествія его въ черноземныя губерніи Россіи“; *Ю. Э. Янсонъ*—напечаталъ статью: „Очеркъ статистики европейскихъ государствъ“ и помѣстилъ нѣсколько статистическихъ статей въ иностранныхъ журналахъ, преимущественно французскихъ; *И. Е. Андриенскій*—напечаталъ вторымъ изданіемъ, съ исправленіями и дополненіями, второй томъ сочиненія своего: „Полицейское право“, помѣстилъ рядъ статей въ журналъ „Здоровье“ и сдѣлалъ сообщеніе въ Вольномъ экономическомъ обществѣ „О значеніи работъ русскаго земства для администраціи и экономической науки“; *Н. С. Таланцевъ*—напечаталъ вторымъ изданіемъ „Уложеніе о наказаніяхъ“, съ разъясненіями по рѣшеніямъ судебной прѣдѣлки; *В. И. Сергеевичъ*—напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ критическую статью „О задачахъ исторіи кодификаціи“; *А. Д. Грудовскій*—напечаталъ: 2-й томъ своего сочиненія „Начала русскаго государственнаго права“, въ „Вѣстникѣ Европы“—„Между Робеспіеромъ и Бонапартомъ“ и „О значеніи идеала въ общественной жизни“ и въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“—„О національномъ вопросѣ“; *Ф. Ф. Мартенсъ*—издалъ 3-й томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами“ и печаталъ отдѣльныя статьи въ „Сборникѣ государственныхъ знаній“ и въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“; *Э. Р. Вреденъ*—напечаталъ: „Начальный учебникъ политической экономіи“ и „Рѣчь объ А. Смитѣ по случаю столѣтней годовщины выхода его „Богатства народовъ“; *И. Н. Березинъ*—напечаталъ 3-й томъ издаваемой имъ „Турецкой хрестоматіи“: тексты парфійчій банкирскаго и киргизскаго, и 7—10 выпуски „Русскаго Энциклопедическаго словаря“; *К. П. Паткановъ*—напечаталъ армянскій текстъ сочиненій Аванія Широкадзе, автора VII вѣка, и печаталъ текстъ, переводъ и комментаріи къ географіи VII вѣка, приписываемой Моисею Харенскому; *К. А. Коссовичъ*—занимался изслѣдо-

ваніями, касаючимися генетическаго родства языковъ арійской отрасли съ языками семитскими и въ особенности съ арамейскими; трудъ свой, сопровождаемый филологическими объясненіями, профессоръ Коссовичъ выпустилъ въ свѣтъ въ текущемъ году; *Д. А. Хвольсонъ*—напечаталъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ статью „О способѣ преподаванія еврейскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ“ и приготовилъ къ печати два сочиненія: а) по вопросу: употребляютъ ли Евреи вообще, или какіе-нибудь сектаторы между ними, христіанскую кровь для религіозныхъ или другихъ цѣлей, и б) о еврейскихъ надгробныхъ надписяхъ въ Крыму; *В. Θ. Гирнасъ*—окончилъ изданіе „Арабской хрестоматіи“ и приступилъ къ составленію „Арабскаго словаря“; *К. Θ. Голстунскій*—окончилъ печатаніемъ калмыцкій текстъ и русскій переводъ законовъ, составленныхъ Батуръ-Хунъ-Тайджіемъ и утвержденныхъ на сеймѣ монгольскими и калмыцкими князьями въ 1640 году, съ дополненіями къ нимъ, сдѣланными калмыцкимъ ханомъ Дондукъ-Дини-Доценти; *Е. Е. Заммеловскій*—напечаталъ въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія“ статьи: а) „О документахъ, издаваемыхъ Ю. В. Толстымъ подъ заглавіемъ „Россія и Англія“, б) „Очеркъ сношеній Россіи съ Англіею въ царствованіе Ивана Грознаго“, и в) „Географическія извѣстія Герберштейна“; напечаталъ 6-й выпускъ „Лѣтописей занатій археографической комисіи“, въ которомъ приготовлена къ изданію по восьми спискамъ „Челобитная старца Авраамія“, и составлены примѣчанія къ ней и къ письмамъ графа П. П. Румянцева, напечатаннымъ въ томъ же выпускѣ; *Θ. Θ. Соколовъ*—сдѣлалъ въ Археологическомъ обществѣ сообщеніе объ одной надписи изъ числа изданныхъ архимандритомъ Автоиномъ; *В. Г. Васильевскій*—напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, подъ общимъ заглавіемъ „Русско-византійскіе отрывки“, три статьи: 1) „Къ исторіи 979—989 годовъ“, 2) „Записки греческаго топарха“, и 3) „Хожденіе апостола Андрея въ страну Мирмидонію“; въ „Славянскомъ Сборникѣ“—двѣ статьи: „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“ и „Союзъ двухъ имперій“; въ „Запискахъ Академіи Наукъ“: „О годѣ смерти Святослава Игоревича“ и, по порученію Академіи Наукъ, написалъ разборъ сочиненія Терновскаго: „Изученіе византійской исторіи въ древней Руси“, представленнаго на конкурсѣ Уваровской преміи; *Е. И. Золотаревъ*—напечаталъ въ журналѣ „Nouvelles Annales des Mathematiques“ двѣ статьи: „Sur l'attraction d'ellipsoïdes homogènes“ и „Sur la série de Lagrange“; *Д. К. Бобылевъ*—напечаталъ въ „Журналѣ физическаго общества“ статью

„Теоретическое изслѣдованіе о распредѣленіи статическаго электричества на поверхностяхъ проводниковъ, состоящихъ изъ разнородныхъ частей“; *И. Я. Фойницкій*—представилъ работу подъ заглавіемъ: „Mémoire sur la nomenclature internationale des délits en général et sur la statistique de la récidive“, которая напечатана въ изданіяхъ международнаго статистическаго конгресса, бывшаго въ Вуда-Пештѣ, и отдѣльною брошюрою; *В. А. Лебедевъ*—помѣстилъ въ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько статей по равнымъ финансовымъ вопросамъ; баронъ *В. Гюль*—напечаталъ: „Извѣстія Ал-Бекри о Славянахъ и сосѣднихъ съ ними народахъ“ въ „Запискахъ Академіи Наукъ“, и „Каталогъ арабскихъ рукописей отдѣленія восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ“; *В. Д. Смирновъ*—напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“—статью „Турецкая цивилизація“, въ которой изложены наблюденія надъ современною жизнью и литературою Турокъ, сдѣланные авторомъ во время его ученой командировки въ Турцію въ 1875 году; въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“—критическій разборъ учебниковъ русскаго языка, составленныхъ для татарскихъ народныхъ школъ Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ. Приватъ-доценты: *О. Гриммъ*—напечаталъ 1-й выпускъ сочиненія „Каспійское море и его фауна“, съ 6-ю таблицами, и приготовилъ къ печати „Матеріалъ къ познанію низшихъ животныхъ какъ однопластичныхъ организмовъ“; *П. Фандеръ-Фантъ*—помѣстилъ въ „Журналѣ физическаго общества“ статью „О вѣншемъ дѣйствіи тока“; *В. Алемитимъ*—напечаталъ сочиненіе „Гадъ острововъ и береговъ Аральскаго моря“ и въ „Трудахъ арало-каспійской экспедиціи“ статья: „О температурѣ воды Аральскаго моря“, „Объ исторіи суши континентальныхъ острововъ Аральскаго моря“, „Объ источникахъ прѣсной воды на берегахъ Аральскаго моря“, „О моллюскахъ Аральскаго моря“, „Разрушеніе горъ, какъ одна изъ причинъ обмелѣнія зауральскихъ оверъ“; *А. Брандтъ*—напечаталъ въ „Archiv für mikroskop. Anatomie“—„Bemerkungen über die Kerne der rothen Blutkörperchen“ и въ „Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія“—„Сравнительное изслѣдованіе надъ яйцевыми трубочками и яйцами насекомыхъ“; *И. Шмалъгаузенъ*—напечаталъ въ „Бюллетеняхъ Академіи Наукъ“ статьи: „Pflanzenreste aus der Ursta-Stufe im Flussgeschiebe der Ogur in Ost-Sibirien“ и „Vorläufiger Bericht über die Resultate mikroskopischer Untersuchungen der Futterreste eines sibirischen Rhinoceros“, и приготовилъ къ печати работу „О развитіи вѣстилищъ млечнаго сока у растений“; *Н. Бакстъ*—помѣ-

стиль въ „Мемуарахъ Саксонской академіи“ изслѣдованія по физиологій нервовъ сердца (Ueber die Stellung der nervus vagus zum nervus accelerans cordis); *Х. Гоби*—напечаталъ сочиненіе „О вліяніи Валдайской возвышенности на географическое распространеніе растений въ связи съ очеркомъ флоры западной части Новгородской губерніи“, и приготовилъ къ печати: „О багренкахъ или красныхъ водоросляхъ (Floridæ) Финскаго залива“, „О темноцвѣтныхъ водоросляхъ Финскаго Залива“ и „Матеріалы для изученія нѣкоторыхъ формъ изъ рода *Ceramium*“. Лекторы: *И. И. Флери*—напечаталъ: „Rabelais et son oeuvre“ (2 volumes), „Un livre expliqué, un envieux démasqué“ и въ *Journal de St.-Petersbourg* статью „Sur les épopées russes“ и другія статьи о театрѣ, живописи и скульптурѣ; *А. Ѳ. фонъ-Видертъ*—кромя особыхъ изданій нѣмецкихъ переводовъ „Пѣсень Кольцова“ и „Ревизора“ Гоголя, предпринималъ изданіе „Учебникъ нѣмецкаго языка“ и „Нѣсколько статей историко-литературнаго содержанія“; *К. И. Тернеръ*—окончилъ рядъ статей „О главныхъ русскихъ писателяхъ“, которыми помѣщены въ *Fraser's Magazine*; *И. Доржеевъ*—составилъ „Русско-монгольскіе разговоры“. Преподаватель *И. И. Захаровъ*—занимался печатаніемъ „Маньчжурской грамматики“. Публичныя лекціи читали слѣдующія лица: профессоры: Бауеръ—по исторіи западной Европы въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, Бестужевъ-Рюминъ—по новой русской исторіи, Веселовскій—по исторіи французской литературы, Сѣченовъ—по физиологій, Градовскій (2 лекціи)—о значеніи идеала въ общественной жизни и (3 лекціи) о національномъ вопросѣ, и лаборантъ *И. Боргманъ*—по физикѣ.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣлъ въ теченіе 1876 года 18 засѣданій. Утверждены въ степени доктора—магистры: Александръ *Биталинъ*—ботаники, Феликсъ *Вреденъ* и Эдуардъ *Вробневскій*—химіи; въ степени магистра—кандидаты: Александръ *Незелей*—русской словесности, Орестъ *Хоолсонъ* и Николай *Гезекусъ*—физики, Владиміръ *Аленицынъ*—зоологій, Христофоръ *Гоби* и Иванъ *Бородинъ*—ботаники, Матвій *Тихомандрицкій*—математики, докторъ медицины Эдуардъ *Брандъ*—зоологій; окончившіе курсъ въ историко-филологическомъ институтѣ: Владиміръ *Борзаковский*—русской исторіи и Петръ *Никитинъ*—греческой словесности.—Въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента утверждено: кандидата—158, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—17, по физико-математическому—54, по юридическому—79, по факультету восточныхъ языковъ—8; дѣйствительнаго студента—59,

именно: по историко-филологическому факультету—3, по физико-математическому—5, по юридическому—57, по факультету восточныхъ языковъ—4.—Для приготовленія къ профессорскому званію находились за границею магистры: Дмитрій *Биласъ*—по греческой словесности, Иванъ *Шмалъгаузенъ*—по ботаникѣ и магистрантъ Андрей *Исаевъ*—по политической экономіи. Для приготовленія къ экзамену на степень магистра состояло при университетѣ стипендіатовъ: а) на счетъ общей стипендіальной университетской суммы—14, на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія—2, на счетъ жертвующей частнымъ лицомъ суммы—6, на счетъ суммъ IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—1 и на счетъ Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ—1. Съ этою же цѣлью оставлено при университетѣ безъ стипендій—20 кандидатовъ.

Командированы были за границу съ ученою цѣлью слѣдующіе преподаватели: профессора *Янсонъ*—для припятія участія въ международномъ статистиическомъ конгрессѣ въ Пештѣ, *Мартенсъ*—въ Швейцарію для припятія участія въ конгрессѣ института международнаго права; *Овсянниковъ*, *Петрушевскій*, *Фаминцынъ* и *Лонцъ*,—въ Лондонъ на выставку научныхъ принадлежностей, *Менделѣевъ*—въ Парижъ для осмотра заказанныхъ для университетской лабораторіи приборовъ и затѣмъ въ Лондонъ для посѣщенія выставки научныхъ предметовъ, и *Золотаревъ* и *Всеславскій* и лаборанты *Геммелианъ*, *Шмидтъ* и *Потылицынъ*. Внутри Россіи командированны были: профессоръ *Вагнеръ*—на Бѣлое море, для производства изслѣдованій по эмбриологіи малоизвѣстныхъ безпозвоночныхъ животныхъ сѣверныхъ морей и ихъ пелагической фауны; однимъ изъ важныхъ результатовъ этой поѣздки, кромѣ научныхъ специальныхъ данныхъ, которыми профессоромъ Вагнеромъ еще не опубликованы, оказалось учрежденіе, вслѣдствіе его ходатайства предъ правительствомъ, на Бѣломъ морѣ трехъ зоологическихъ станцій: одной въ уединенномъ домикѣ изъ трехъ компатъ, въ 15-ти верстахъ отъ Соловецкаго монастыря, на берегу Анзерскаго пролива, а остальныхъ двухъ—въ зданіи маяковъ Орловскаго мыса и Святаго Носа. Профессоръ *Иностранцевъ*—въ губерніи Екатеринославскую, Херсонскую и землю войска Донскаго, для изученія каменноугольныхъ и рудныхъ мѣсторожденій на югѣ Россіи; профессоръ *Состыновъ*—въ черномеземныя губерніи, съ цѣлью осмотра наиболѣе замѣчательныхъ занятій того края въ сельскохозяйственномъ отношеніи; общій очеркъ результатовъ поѣздки его, относящійся преимущественно въ черномеземной полосѣ самой

населенной, именно сѣверной части Воронежской губерніи, Тамбовской, Тульской, Курской, Харьковской и отчасти Кіевской и Полтавской, сдѣланъ имъ въ торжественномъ собраніи Вольнаго Экономическаго Общества и напечатанъ въ декабрьской книжкѣ издаваемыхъ обществомъ Трудовъ. Привать-доцентъ Гриммъ—на Каспійское море, для зоологическихъ изслѣдованій; полученные результаты подтвердили сдѣланный въ первую поѣздку на Каспійское море главный выводъ, состоящій въ томъ, что фауна Каспійскаго моря состоитъ изъ двухъ элементовъ—аборигеновъ, давно нымершихъ всюду, за исключеніемъ Каспійскаго моря, и колонистовъ съ сѣвера. Число видовъ животныхъ въ настоящее время нѣ точноности опредѣлить невозможно, во всякомъ случаѣ оно превышаетъ сборъ 1874 года не менѣе чѣмъ въ два раза.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе С.-Петербургскаго университета ассигновано было 379.446 руб. 51 коп., въ томъ числѣ на содержаніе личнаго состава—203.363 руб. 10 коп., на хозяйственные расходы и учебныя пособія—92.241 руб. 35 коп., на стипендіи и пособія студентамъ—83.842 руб. 6 коп. Специальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: въ остаткѣ отъ 1875 года было—29.916 руб. 89½ коп., въ теченіе 1876 года поступило—40.723 р. 55 коп., въ то же время израсходовано—38.899 руб. 18 коп., затѣмъ къ 1-му января оставалось на лицо—30.842 руб. 26½ коп., (въ этомъ остаткѣ большая часть суммы составляютъ предметы различныхъ ассигнованій, по которымъ не были еще произведены выдачи въ теченіе 1876 года). Главныя статьи расхода изъ специальныхъ суммъ были слѣдующія: на содержаніе сверхштатныхъ преподавателей и на вознагражденіе привать-доцентовъ—15.034 руб. 76 коп., на содержаніе личнаго состава не-преподавателей, именно лаборантовъ, консерваторовъ и другихъ—1.785 руб., на печатаніе сочиненій профессоровъ и диссертаций на ученые степени—2.896 руб. 44 коп., на ученые командировки и путешествія—6.800 руб., на выдачу пособій по разнымъ случаямъ—4.065 руб., на гѣарства и вообще на медицинскую часть—1.609 руб. 60 коп., на кабинеты и учено-вспомогательныя учрежденія—1.429 руб., 2% вычета въ пользу ученаго комитета—805 руб., на изготовленіе золотыхъ и серебряныхъ медалей и другіе расходы—4.473 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1876 года оставалось на лицо 1.149; въ теченіе 1876 года поступило—510 (изъ казенныхъ гимназій)—298,

изъ частныхъ гимназій—3, изъ духовныхъ семинарій—98, изъ Гатчинскаго института—13, изъ училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій—15, изъ Нижегородскаго Александровскаго института—5, изъ дворянскаго училища—1, изъ лицей Цесаревича Николая—1, изъ другихъ университетовъ—49, изъ Демидовскаго юридическаго лицей—2, изъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета—25; въ теченіе 1876 года вышло: до окончанія курса—298 (7—умершихъ, 8—уволенныхъ за бездѣйственность, 71—уволенныхъ за невзносъ платы за слушаніе лекцій, 46—за выслушаніемъ полнаго курса, но не державшихъ окончательнаго испытанія, 130—перешедшихъ въ другіе университеты и другія высшія учебныя заведенія, 36—уволенныхъ, согласно прошенію, по болѣзни и другимъ причинамъ); затѣмъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицѣ—1.236, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—154, въ физико-математическомъ—505 (на разрядѣ математическихъ наукъ—243, на разрядѣ естественныхъ наукъ—262), въ юридическомъ—547 (на разрядѣ административныхъ наукъ—42, на разрядѣ юридическихъ наукъ—505), въ факультетѣ восточныхъ языковъ—30. Вольнослушателей къ 1-му января 1877 года состояло—75. Освобождено было отъ платы: изъ числа 1.149 состоявшихъ въ 1-мъ полугодіи—342, то-есть, 29,76%, изъ 1.236 бывшихъ во 2-мъ полугодіи—381, то-есть, 30,82% общаго числа. Слушавшихъ за уменьшенную плату было: въ 1-мъ полугодіи—33, что составляетъ 2,87% общаго числа, во 2-мъ полугодіи—54, то-есть, 4,28%. Сверхъ того, за 15 студентовъ внесена плата изъ суммы, пожертвованной на этотъ предметъ П. П. Демидовымъ. Стипендіи въ 1876 году выдано было 337, на сумму 90.407 руб. 40 1/2 коп., въ разлѣтѣ отъ 85 до 600 руб. включительно.

Учебно-вспомогательныя учрежденія С.-Петербургскаго университета къ 1-му января 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ библіотекѣ состояло: книгъ русскихъ и иностранныхъ—50.201 названіе, 103.015 томовъ на сумму 218,057 руб., періодическихъ изданій—861 названіе, 17.536 томовъ на 46.380 руб., рукописей—170 названій 947 томовъ на 9.162 руб., плановъ, гранюръ, эстамповъ и рисунковъ—408 названій, 493 экземпляра на 2.935 руб. Въ астрономическомъ кабинетѣ—16 номеровъ астрономическихъ и геодезическихъ инструментовъ на 4.500 руб. Въ кабинетѣ практической механики: приборовъ—38 номеровъ на 5.235 руб. 60 коп., моделей и чертежей—53 номера на 1,738 руб. 47 коп., книгъ

— 234 названія, 275 томовъ на 2.074 руб. 70 коп., мебели и утвари — на 499 руб. 73 коп. Въ физическомъ кабинетѣ приборъ и инструментовъ—699 номеровъ, 704 экземпляра на 29.462 руб. 95 коп. Въ химической лабораторіи приборъ, инструментовъ и образцовыхъ вещей—4.280 номеровъ на 16.568 руб. Въ технической лабораторіи приборъ и вещей—623 номера, 629 названій на 3.707 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ коллекцій и минераловъ — 9.422 номера 9.463 экземпляра на 14.428 руб. Въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетѣ: окаменѣлостей — 2.713 номеровъ 4.962 экземпляра на 9.211 руб., горныхъ породъ—2.060 номеровъ на 964 руб., приборъ—25 номеровъ на 743 руб., книгъ—629 названій на 1.864 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: микроскоповъ — 18 номеровъ на 2.420 руб., большихъ фонарей для опытовъ — 2 номера на 80 руб., приборъ Найта для опытовъ—1 цѣною 103 руб., гелиоскопъ Зинбермана—1 цѣною 400 руб., дендрологическая коллекція—500 номеровъ 700 экземпляровъ на 2000 руб., химической посуды и инструментовъ—25 номеровъ 200 экземпляровъ на 400 руб., таблицъ для лекцій—100 номеровъ на 800 руб. Въ ботаническомъ садѣ: живыхъ растений въ оранжереяхъ—4.500 номеровъ на 5.000 руб., гербарій—20.000 номеровъ, 51.000 экземпляровъ, на 3.160 руб., справочныхъ книгъ—150 названій на 500 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ разныхъ предметовъ—13.940 номеровъ на 13.100 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ: сухихъ препаратовъ — 480 номеровъ на 2.895 руб., спиртныхъ препаратовъ—220 номеровъ на 275 руб., микроскоповъ—11 номеровъ на 1.302 руб., коллекція морскихъ животныхъ—25 номеровъ, инструментовъ и приборъ—109 номеровъ на 731 руб. Въ фзвіологическомъ кабинетѣ книгъ, препаратовъ и инструментовъ — 516 номеровъ на 6.692 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ предметовъ, моделей и книгъ—674 номера 796 экземпляровъ на 7.104 руб. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей: книгъ—1.657 названій на 10.030 руб., монетъ и моделей—4.999 номеровъ на 10.000 руб. Въ кабинетѣ восточныхъ монетъ и медалей—9.062 номера на 13.650.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состояли въ 1876 году четыре ученыхъ общества; русское химическое, учрежденное въ 1868 году, общество естествоиспытателей, учрежденное въ томъ же году, филологическое, учрежденное въ 1869 году, и физическое, учрежденное въ 1872 году. Состояніе и дѣятельность этихъ обществъ въ 1876 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: химическое общество имѣло 9 очередныхъ засѣданій, на которыхъ доложено до 80-ти

научныхъ сообщеній и заявленій. Подъ редакцію дѣлопроизводителя общества, профессора Меншуткина, изданъ VIII томъ журнала (83 печатныхъ листа). Журналъ общества заключаетъ въ себѣ не только труды членовъ общества, но представляетъ сводъ всего сдѣланнаго по химіи въ Россіи и за границей. Въ составленіи рефератовъ, числомъ до 600, принимали участіе многіе изъ членовъ общества. Общеніе съ учеными обществами состояло не только въ общій выда-ніями, но и въ общій корреспонденціями, какъ то было съ Парижскимъ химическимъ обществомъ. Въ 1876 году химическое общество участвовало въ выставкѣ научныхъ приборовъ въ Лондонѣ. Несмотря на краткость времени, благодаря содѣйствію Академіи Наукъ, технологическаго и горнаго институтовъ, общество могло составить коллективную выставку химическихъ препаратовъ, числомъ около 400, которая по числу и интересу выставленныхъ образцовъ уступала лишь коллекціи нѣмецкаго химическаго общества. Въ 1876 году химическое общество вошло съ ходатайствомъ о соединеніи его съ физическимъ обществомъ, состоящимъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. Общество естествоиспытателей имѣло четыре общихъ засѣданій. По отдѣленію зоологій засѣданій было 7, въ коихъ заслушано 23 сообщенія и 1 рефератъ, по отдѣленію ботаники — 8 засѣданій, на которыхъ прочитаны 12 сообщеній и 11 рефератовъ; отдѣленіе минералогіи и геогнозіи имѣло 6 засѣданій, на нихъ заслушано 17 сообщеній и 1 рефератъ. Общество естествоиспытателей состояло изъ 218 членовъ, въ томъ числѣ почетныхъ — 24, дѣйствительныхъ — 171, членовъ-сотрудниковъ — 23. По отдѣленіямъ число это распределяется слѣдующимъ образомъ: въ зоологическомъ отдѣленіи — 105, въ ботаническомъ — 66, въ минералогическомъ — 47. Дѣятельность общества выразилась, съ одной стороны, изданіемъ VII тома трудовъ его и II тома трудовъ арало-каспійской экспедиціи, съ другой стороны — учеными экспедиціями, въ которыхъ принимали участіе профессора Вагнеръ, Гриммъ и Усовъ. О цѣли и результатѣ поѣздокъ первыхъ двухъ ученыхъ сказано выше; профессоръ Усовъ командированъ былъ на Черное море, для изслѣдованія его въ отношеніи фауны. Результатомъ поѣздки г. Усова явилось богатое собраніе морскихъ животныхъ этого моря. Г. Усовъ занимается пниѣ разработкою привезенной коллекціи. Филологическое общество имѣло 5 засѣданій, преимущественно по отдѣленію археологическому. Въ нихъ принимали участіе своими заявленіями гг. Васильевскій, Панаевъ, Бартъ, Ровентъ, Срезневскій, графъ Уваровъ и Хвольсонъ. Въ

разсужденіяхъ, бывшихъ по поводу этихъ заявленій, принимали участіе, кромѣ вышеупомянутыхъ членовъ, гг. Васильевъ, Гротъ, Кунникъ, Лерхъ, Смирновъ, Саввантовъ и Филипповъ. Дѣлами физическаго общества завѣдывали: предсѣдатель общества, профессоръ Петрушевскій, дѣлопроизводитель-лаборантъ Лермонтовъ и казначей-приватъ-доцентъ Фапъ-деръ-Флитъ. Общество, состоящее изъ 94 членовъ, издало, совокупно съ химическимъ обществомъ, 9 книжекъ журнала, въ физическій отдѣлъ котораго вошло болѣе 40 печатныхъ листовъ, соержащихъ 24 оригинальныхъ статьи и 120 отчетовъ объ ипостранихъ изданіяхъ по физикѣ. Изъ сношеній общества особеннаго вниманія заслуживаетъ сближеніе съ французскимъ Société de Physique. Оба общества мѣняются изданіями, и краткія извлеченія изъ нашихъ русскихъ трудовъ печатаются въ журналѣ французскаго общества. По взаимному соглашенію обоихъ обществъ, предсѣдатель каждаго изъ нихъ считается непремѣннымъ членомъ другаго.

ОБЪ ОТНОШЕНИИ ВИДОВЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ВРЕМЕНАМЪ ¹⁾.

§ 16. 1. Perfectum (I и II слабое и сильное; см. § 2. Прим. 1).

Предварительное примѣчаніе. Греческій языкъ съ одной стороны уступаетъ русскому, не различая видоваго отбѣнка въ будущемъ времени (см. § 6), то-есть, не имѣя двухъ особыхъ, однократнаго (аористическаго) и продолженнаго (имперфективнаго) futur-овъ, подобно тому какъ обладаетъ аористическимъ и имперфективнымъ причастіями; но за то, съ другой стороны, превосходитъ русскій языкъ тѣмъ, что послѣдній не имѣетъ особаго вида для означенія вида греческаго perfectum (=лат. perfectum logicum) съ его временными отбѣнками plusquamperfect-a и futur-a III., а переводитъ ихъ, подобно аористу, формами однократнаго (аористическаго) вида достигательнаго или окончательнаго значенія (3 разрядъ I вида таблицы „обзора видовъ“), какъ явствуетъ изъ помѣщенныхъ ниже примѣровъ.—Характеристическимъ признакомъ греческаго perfect-a и производимыхъ отъ его основы временъ plusq. и fut. III служитъ удвоеніе, (reduplicatio) или замѣняющее его въ извѣстныхъ случаяхъ приращеніе, которыя оба (въ отличіе отъ аориста) остаются во всѣхъ наклоненіяхъ его.

Однократный видъ русскаго глагола прошедшаго времени глаголовъ достигательнаго или окончательнаго значенія (по таблицѣ „обзора видовъ“ глаголы 3 разряда I вида), во всѣмъ своимъ наклоненіямъ, дѣепричастію и причастію (за исключеніемъ одного изъавительнаго наклон., имѣющаго будущее значеніе: дамъ, скажу, оставлю) переводится на греческомъ языкѣ вмѣсто аориста нерѣдко

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую и декабрьскую кн. Ж. М. Н. II. за предыдущій годъ и февральскую и мартовскую кн. за текущій годъ.

чрезъ perfectum всѣхъ наклоненій и причастіа. Это бываетъ именно тогда, когда съ особеннымъ умысломъ и удареніемъ обращается вниманіе на законченность, завершеніе дѣйствія прошедшаго времени, и при этомъ имѣется въ виду означить или уже достигнутый результатъ дѣйствія, обыкновенно еще продолжающійся во время рѣчи, или вызванное такимъ завершеннымъ дѣйствіемъ состояніе, продолжающее существовать.

Примѣчаніе 1. Эта законченность или этотъ результатъ дѣйствія, выражаемый греческимъ perfect-омъ, есть всегда фактический, объективный, реальный, не субъективный, только мысленный. Поэтому и понятно, что глаголы δύναμαι могу, βούλομαι, ἐθέλω хочу, желаю (см. § 9 прим. 1) и μέλλω намѣреваюсь, имѣю въ виду (см. § 6 прим.) соединяются только съ infinit. praesentis, aoristi и futuri, но никогда съ infinit. perfecti, то-есть, встрѣчается:

δύναμαι	} ποιεῖν (дѣлать)	} ποιήσῃν (дѣлать или сдѣлать)		
βούλομαι			ποιῆσαι (сдѣлать)	μέλλω } ποιεῖν (дѣлать)
(ἐ)θέλω				ποιῆσαι (сдѣλᾶν)

(съ infinit. futuri, кажется, только при fut. самого глгг. δυνήσομαι, βουλήσομαι, (ἐ)θαλήσω, ср. Soph. Phil. 1380: εἰ σέ γε καί ποιν δυνήσομαι); но никогда не бываетъ: δύναμαι (βούλομαι, ἐθέλω, μέλλω) καποικήναи ¹⁾.

Такъ какъ русскій (и вообще славянскій) языкъ не имѣетъ "особаго вида глаголовъ для выраженія греческаго perfectum (см. введение), то пониманіе и употребленіе его становится для Русскаго несравненно труднѣе аориста или imperfect'a. Для уразумѣнія и примѣненія его можно соображаться съ слѣдующими указаніями:

Греческое perfectum по всѣмъ своимъ наклоненіямъ и причастію примѣнимо вообще только тамъ, гдѣ русскій современный языкъ ставитъ прошедшее время однократнаго (совершеннаго) вида или равняющееся ему описательное выраженіе; въ особенности же тамъ, гдѣ по русски весьма близко выражаемъ такое уже завершенное, законченное дѣйствіе, результатъ котораго состоитъ на лицо и часто продолжаетъ быть (какъ состояніе) еще и въ настоящее время: 1) страдательнымъ оборотомъ дѣепричастія (или причастія) прошедшаго времени (первое съ подразумеваемымъ вспомог. глгг.: есть) глаго-

¹⁾ Поэтому неварно замѣчаніе Кюнера Ansf. Gram. II, 1. стр. 154: «Daher kann jeder Infinitiv und jedes Participle mit jeder Zeitform des verbi verbunden werden». Этому противорѣчитъ такое указаніе въ § 9. прим. 1. соединеніе аог. ἐδυνήθη, ἐβουλήθη, ἐθάλησε съ однимъ inf. аог.

ловъ совершеннаго вида, или 2) дѣйствительнымъ залогомъ глаголовъ того же вида и времени, въ томъ и другомъ (1 и 2) случаѣ, особенно глаголовъ сложныхъ съ предлогами (до-, вы-, от-, на-, съ-) и другими, выражающими сами по себѣ завершеніе; или же 3) для болѣе опредѣленнаго означенія его пользуемся описательными выраженіями, напримѣръ, посредствомъ глаголовъ: кончилъ, кончено, — совершилъ, совершено, — сдѣлалъ, сдѣлано, — имѣю, — готово, — въ соединеніи съ именемъ существительнымъ и т. п.); или наконецъ 4) греческое perfectum переводимъ прямо настоящимъ временемъ глагола, выражающаго достигнутый результатъ предшествующаго дѣйствія, напримѣръ: ἔγωνα (Dem. IV 29) знаю, сужу, — вслѣдствіе того, что узналъ, изучилъ; κέκτημαι имѣю, владѣю — вслѣдствіе того, что приобрѣлъ, см. § 17 таблицу и прим. 1. — Dem. Ol. II. 26. πολλοὶ ῥῶν ἔχοντας φιλᾶσθαι ἢ κτῆσασθαι πάντα πέφικαν: гораздо легче бываетъ (есть)... id. Ol. III, 25:... ὥστε μηδενὶ τῶν ἐπιγυνομένων ὑπάρβολήν λαλεῖσθαι... такъ что ни для кого изъ потомковъ не оставлена (не остается) возможность превосходства, id. IV. 24: οἱ ἐχθροὶ μείζους τοῦ δέοντος γεγένησαν: непріятель сдѣлался (или суть) сильнѣе, чѣмъ слѣдовало бы.

При всѣхъ четырехъ упомянутыхъ способахъ перевода часто прибавляемъ или подразумеваемъ частицу „уже“ (ἤδη), которая при греческомъ perfect'ѣ не рѣдко находится на лицѣ, такъ что такіе случаи могутъ удобно служить исходною точкой для уразумѣнія значенія это времени, подобно тому, какъ частица πολλὰκις объясняетъ употребленіе аориста гномическаго (см. § 15). Напримѣръ: Thuc. VII. 66, 2: Ἀθηναίους... ἀρχὴν τὴν ἤδη μεγίστην... κεικτημένους τὰς μὲν νενικήκατε ἤδη ναυμαχίας, τὴν δ' ἐκ τοῦ εἰκότος νῦν νικήσατε: Аѳиняне, приобрѣтшихъ (==имѣющихъ) уже самое великое могущество, вы въ однихъ морскихъ сраженіяхъ уже побѣдили, а въ этомъ вы, навѣрное, тоже побѣдите ихъ. — Lys. 31. 24: δεῖνόν ἐμοίγε δοκεῖ εἶναι, εἰ ἐγὼν ἤδη ἡμάρτηκα μηδέποτε τιμωρηθήσεται: мнѣ кажется страннымъ, если онъ (обвиненный), за свои уже совершенныя преступленія, никогда не будетъ наказанъ. Dem. I. 8; IV. 15: οὐ γὰρ ἂν τάγε ἤδη γενομένηνα... κολῶσαι δυνάειημαν (=factum infectum fieri nequit); Xen. Mem. III. 6. 10 An. III. 1. 38. (perf. gnostic.) и V. 8. 23. — Вѣсьма удобно можно подразумевать и дополнить, какъ въ русскомъ, такъ и въ греческомъ языкахъ такое ἤδη (уже) въ слѣдующихъ мѣстахъ: Xen. An. I. 4. 16: Ἀκούσαντες ταῦτα... διέβησαν..., Κύρος δ' ἐπεὶ ᾔσθετο διαβεβηκότας, ᾔσθη τε καὶ... Воины, услышавъ это, перешли черезъ рѣку; какъ ско-

ро Киръ замѣтилъ, что они уже перешли, онъ обрадовался и... Иссг. I. 31: πακαρμένους τῆς ὀργῆς (когда они уже перестали сердиться) и Хер. Оес. 15. 3: ταῦτα ἐφ' ἡμεῶς δοκῶ καταμαρτυρεῖναι (это я, ду-маю, изучилъ уже достаточно).

Примѣчаніе 2. Обращая вниманіе на латинскій языкъ, слѣдуетъ главнымъ образомъ не упускать изъ виду то обстоятельство, что такъ какъ послѣдній не имѣетъ особыхъ формъ для выраженія греческихъ временъ аориста и perfect-a, то его perfectum исполняетъ двоякую синтаксическую задачу, раздѣляясь на: 1. historicum=греч. aoristus; 2. logicum=греч. perfectum.

Примѣчаніе 3. Извѣстно, что въ отлчіе отъ современнаго русскаго языка въ древнемъ церковно-славянскомъ (а отчасти и въ древне-русскомъ) языкѣ было описательное perfectum: дагъ ꙗсмь = дѣдохъ, отличное отъ аориста: дахъ (ѣдохъ) и imperfect'a: дадѣахъ (ѣдидохъ, -ов). Однако эта древне-славянская описательная форма такъ называемаго perfect'a не употреблялась для выраженія одного значенія греческаго perfect'a, но также—аориста; а напротивъ древне-славянскій аог. ставился часто на мѣстѣ греческаго perfect'a; такъ что форма древне-славянскаго perfect'a составляла нѣкоторое время параллельную описательную форму къ простой формѣ аориста, вытѣсненной ею впоследствии окончательно. Такъ встрѣчаемъ, напри-мѣръ, дѣдохас: дагъ ꙗси, дѣдохъ: дахъ, ѣдидахъ: училъ ꙗси. (См. Miklosich „Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen“, стр. 800, и Буслаева Истор. грам. русск. языка § 186 и 187).—Весьма замѣ- тельны по самому близкому сходству и очень явномъ стремленію къ означенію вида греч. perfectum слѣдующіе примѣры изъ древне- и народно-русскаго языка, которые способны легко-понятнымъ обра- зомъ уяснить значеніе греч. perfect'a: батюшка мой померъ (= цер- ковно-славянскому: померъъ есть). (Шѣсни, собранныя Рыбн. II. 306. 110). Онъ уже мертвъ, ѿ патѣръ ꙗмъ ѿ тѣвнухъ. (Бул. Ист. грам. § 202, прим. 3, говоритъ: въ этомъ примѣрѣ сохранился остатокъ прошедшаго времени описательнаго). (Ср. Plat. Apol. 21. A: ἡκαὶδὴ ἡμεῖνος τεταλεύτηκεν: такъ какъ онъ уже мертвъ,—и мертвые не мо- гутъ явиться свидѣтелями). Или (Бул. Ист. грам. § 189 прим. 1 и 3): „а какъ выпѣча у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ пролегла, лежитъ широкая дороженька (замѣтъ сопоставленіе прошедшаго вре- мени „пролегла“ съ однозначимымъ настоящимъ врем. „лежитъ“). Или: „потянула (Бул.: вѣсто тянетъ) дубина девяносто пудъ“ (Рыбн. I. 31). Такъ же нерѣдко при описаніяхъ теченія рѣкъ и

вообще мѣстоположенія: „(Рѣчка Мордасть) пришла отъ деревни Перемикова и впаде въ озеро“ (Бул.: то-есть, идетъ и впадаетъ);— „(Кама) своимъ устьемъ впаде въ сине море“;— „А по странамъ того рва обойти нельзя; пришли лѣса я болота“;— „А сошлись тѣ четыре рѣки всѣ въ одно мѣсто, и отъ того потекла одна рѣка Бѣлая“;— „Крымская орда промежъ моря Азовскаго и моря Чернаго; море Черное обтекло съ полдня и отъ запада, а другое Азовское море обтекло съ полуночи и къ востоку, и съ полудня“. Сравни также: если ты меня выдашь, то я пропаду (погибну): εἰ με προδώσῃς (или: εἰν με προδώσῃς) ὀλωλά (срав. Soph. Phil. 75: Εἰ τότῃν εὐχρατὴς μ' αἰσθῆσται, ὀλωλά) = perii, interii. Менѣе близко къ греч. perfectum подходитъ употребленіе въ народномъ языкѣ безличныхъ оборотовъ въ средн. родѣ съ причастіемъ страдат. прошедшаго времени: „жито забыто, и пито не въ честь (то-есть, что жилось или жили..., что пилъ или пили);— „было и плыто, да не добыто“;— „съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти“;— „уѣхано за охотой“ (Бул. Ист. грам. русск. языка § 200. 3 и примѣч. 8).

Примѣры: Извѣстное изреченіе Архимеда—εὖρηκα и (уже) наполни, изобрѣлъ; сдѣлалъ—или: мною сдѣлано открытіе, изобрѣтеніе; найдено, изобрѣтено мною.

Σχεδὸν εὖρηκα ἃ νομίζω συμφέρειν (говоритъ Демосθενъ въ концѣ 3. Олине. рѣчи своей): я высказалъ приблизительно все, что по моему мнѣнію полезно—лат. „dixi“ въ концѣ рѣчи.—Такъ и pass. τί δαί μακροῦ λόγου; περί γάρ ἀμφοῖν ἰκανῶς εἴρηται (Plato Phaedr. 241. e): для чего тутъ длинная рѣчь? о томъ и другомъ сказано уже достаточно;— и Thuc. I. 20. 1: ἐκ τῶν εἰρημένων ταχυηρίων на основаніи приведенныхъ доказательствъ.

Ὁ μὲν ἀνὴρ τοιαῦτα πεποίηκε (говоритъ Киръ—Хен. An. I. 6. 9—послѣ конченнаго слѣдствія надъ Оронтомъ): „это онъ сдѣлалъ, это его преступленія“, которыя тамъ же Киръ предлагаетъ на обсужденіе собранныхъ военачальниковъ какъ совершившіеся факты.

Γέγραφε δὲ καὶ ταῦτα ὁ αὐτὸς Θεοκυδίδης Ἀθηναῖος ἐξῆς (Thuc. V. 26. 1): Оук. Аѳ. написалъ это, имъ написано (уже); готово на письмѣ, такъ что предлагается читателямъ въ готовомъ видѣ. Такъ и γέγραπται (Thuc. VI. 55. 1 и Хен. Оес. 14. 5) написано = читаемъ (на столбѣ; въ законахъ).

Ἔστιν ὁσπινὰς ἀνθρώπους τεθαύμακας ἐπὶ σοφίᾳ (Хен. Мет. I. 4. 2); есть такіе люди, отъ которыхъ ты въ восхищеніи; слѣдовательно: которыми ты восхищаешься.

Πολλά γράμματα συνήχας τῶν λεγομένων σοφῶν ἀνδρῶν γεγονέναι (Хен. Мет. IV. 2. 8): ты собралъ (уже) много сочиненій (книгъ) мужей, которые слывуть мудрыми (собствен. о которыхъ говорятъ, что они сдѣлались, слѣдовательно: суть мудрые мужи).

Πότερον ἀπικνεν ἤνπερ ἤλθομεν ἢ ἄλλην τινὰ ἐννενοηκίναи δοκῆς ὁδὸν κραίττω (Хен. Анаб. II. 2. 10): пойдѣмъ ли тѣмъ путемъ, по которому пришли, или ты, кажется, придумалъ (у тебя планъ готовъ) другую дорогу, лучше той?

Ἀρταπάτης ἐπειδὴ πεπτωκότα εἶδε Κύρον περίεπεσε αὐτῷ (Хен. Ап. I. 8. 28): лишь только Арт. увидалъ Кира павшимъ (на землѣ, лежащимъ мертвымъ) бросился на него. Такъ же Ап. I. 9. 31.

Ἦσαν ἄγγελος λέγων ὅτι λαλοῦντες εἴη Συνέννας τὰ ἄκρα (Хен. Ап. I. 2. 21): пришелъ вѣстникъ, говоря, что С. (уже) оставилъ (покинулъ) вершины.

Ἡ μακάριε, οὐ... ὅτι ἐκ πένητος πλούσιος γεγέννησαι· πολὺ γὰρ οἶμαι σε καὶ διὰ τοῦτο ἤδιον πλουτεῖν, ὅτι πεινῆσας χρημάτων πακλούτηκας (Хен. Суг. VIII. 3. 39): О ты счастливецъ, за то, что ты изъ бѣдника сталъ (сдѣлался, слѣдовательно: теперь еси) богачомъ; я думаю, что тебѣ именно потому особенно пріятно твое богатство (собств. быть богатымъ, что ты разбогатѣлъ = теперь богачъ), испытавъ прежде нужду въ деньгахъ.

Μετά ταῦτα οὔτε ζῶντα Ὀρόνταν οὔτε τεθνηκότα οὐδαίς εἶδε πάντοτε (Хен. Ап. I. 6. 11). Послѣ того Оропта никто никогда больше не видѣлъ ни живымъ, ни мертвымъ.

Πάντα κατέστροφται καὶ ἔχει (Φίλιππος; Дем. IV. 6): Ф. покорилъ себѣ (уже) все и держитъ въ своей власти; ср. тамъ же 9: ἔχων ἃ κατέστροφται. Ἐὰν τοῦτο νικῶμεν, πάντα ἡμῖν παύοιται (Хен. Ап. I. 8. 12): если мы здѣсь (въ центрѣ) побѣдимъ, то мы побѣдили все (то все нами сдѣлано). Τῶν ποιητῶν τινες τῶν προγεγενημένων ὑποθήκας ὡς χρή ζῆν καταλελοίπασιν (Isocг. II. 3): нѣкоторые изъ бывшихъ (жившихъ) до насъ поэтовъ оставили намъ (такъ что можемъ теперь читать написанными) наставленія для жизни. Χρήσιμον τι ἐσχημένος ἦκω (Дем. Ol. I. 1): я пришелъ (см. § 17, прим. 2) сюда (явился) съ зрѣло-обдуманнмъ (готовымъ) полезнымъ предложеніемъ. (Φίλιππος) πάντ' ἐναха ἑαυτοῦ ποιῶν ἐξελέληκται (Дем. Ol. II. 8): доказано (не подлежитъ сомнѣнію), что Ф. дѣлаетъ все только для себя. Παρασκευάσθαι αὐτὸν ἔφη... ἐπιθερόμενον τοῖς Ἑλλήσιν (Хен. Ап. IV. 4. 18): онъ сказалъ, что приготовился, приготовленъ, готовъ напасть на Элли-

новъ; поэтому παρασκευασμένος приготовленный = готовый (Dem. IV. 6; Xen. Mem. I. 3. 14).

Такъ переводимъ πεπεισμαι (Xen. Cyn. VIII. 7. 20. Mem. II. 6. 31) Dem. Ol. III. 2 и 3): я убѣжденъ, имѣю убѣжденіе; πεπεισμένος (Dem. Ol. II. 29) убѣжденный, имѣющій убѣжденіе; συνελεγμένον ἐστὶ στρατεύμα (Xen. An. IV. 4. 17): войско собрано, находится на одномъ мѣстѣ; ἡ προεφρασμένη δόξα (Xen. An. VI. 1. 21) приобретенная уже слава; δεδεμένος ἐν πέδῃσι (Her. I. 86. 4) связанный въ оковахъ. Поэтому:

Средній родъ part. perf. pass. часто удобно переводимъ именами существительными; напр. ποιεῖν δεῖ τὰ δεδομένα (An. III. 2. 39, VI. 2. 7): надо приводить въ исполненіе наше рѣшеніе; τὸ ἐντεταλμένον, τὰ ἐντεταλμένα (Her. I. 47. 2) и τὰ παρηγγελμένα (Xen. An. II. 2. 8): порученіе, приказаніе; τὰ πεπραγμένα (Lys. I. 5) поставлено какъ συνώνυμον наряду съ πράγματα; Dem. Ol. I. 28: τὰ πεκολιταυμένα и τὰ πεπραγμένα=политическія дѣйствія, политическій образъ дѣйствій, и II. 5. (факты); τὰ προεφρασμένα (Thuc. VII. 66. 1): совершенное вами прежде, донимѣшніе подвиги; τὰ προγεγενημένα: пропешішія событія (Thuc. I. 20. 1). Cyn. VII. 4. 12: ἤγε δὲ καὶ ὁ Κροῖσος γετραμμένα ἔχων ἀκριβῶς, ὅσα ἐν ἑκάστῃ ἦν τῇ ἀμάτρῃ. καὶ διδοὺς τῇ Κόρφῃ τὰ γράμματα εἶπε... Пришелъ и Крезъ съ подробнымъ спискомъ всего того, что находилось въ каждой телѣтѣ, и передавая его (т. е. списокъ) Кирю сказавъ... Здѣсь γετραμμένα и γράμματα поставлены какъ совершенно совпадающіе синонимы. Для отличія perfect'a отъ aorist'a замѣчательно слѣдующее мѣсто: Isocr. 8. 19: ὁ πόλεμος ἀπάντων ἡμᾶς ἀπεστέρηκεν· καὶ γὰρ πενестέρους πεποίηκε καὶ πολλοὺς κινδύνους ὑπομένειν ἡνάγκασε καὶ πρὸς τοὺς Ἕλληνας διαβέβληκε, καὶ πάντας τρόπους τεταλαιπώρηκεν ἡμᾶς. Здѣсь поставленъ aor. ἡνάγκασε потому, что принужденіе подвергаться многимъ опасностямъ прошло; но остальные дѣйствія продолжаютъ, пока говорится о нихъ, въ своихъ результатахъ или слѣдствіяхъ. Такъ говоритъ Симонидъ (Bergk Anth. 7, 261) о павшихъ при Θермопилахъ: οὐδὲ ταῦτά αὐανόντες: они умерши (хотя и умерли) не жертвы (т. е. живутъ въ памяти людей).

Другіе примѣры perfect-овъ: II. I. 125: δέδαται (раздѣлено); V. 186 εἰλομένος, 195 πέπτανται, 204 εἰλήλουθα, 243 κεχαρισμένοι, 248 ἐχηγάμεν, 284 βέβληται, 428 δέδοται, 739 ἐστεφάνωται, 750 ἐπιτέτραπται; VI. 243 τετυγμένον, 245 и 249 δεδημημένοι, 261 κακμνηῶτι, 262 κέκμηκας, 268 πεκαλαγμένον. Xen. An. I. 4. 8; I. 9. 31. Mem. III. 5. 4; Dem.

Ol. II. 8. (три), 11 (одно), 15 (четыре) и 16 (одно); IV: 11, 12, 19 и 51 (пять); XIX (παρὶ τῆς παραπρεσβείας) 112. Thus. VII. 66.

2. Plusquamperfectum (I или II) относится къ perfectum точно такъ же, какъ imperfectum (рѣже аористъ) къ praesens, по формулѣ:
plusq.: perf. = imperf. (aor.): praes.

то-есть, означаетъ, что выражаемый чрезъ perfectum достигнутый результатъ дѣйствія или (что бываетъ гораздо чаще) вызванное имъ состояніе были (т. е. наступили, или—гораздо чаще—продолжались, или то и другое) въ прошедшемъ времени; почему и греческое plusquamperfectum переводится подобно аористу или (чаще) imperfect'у русскими прошедшимъ временемъ глаголовъ однократнаго вида (для означенія наступленія результата дѣйствія въ прошедшемъ времени), или (чаще) прошедшимъ временемъ глаголовъ продолженнаго вида, чтобы означить продолжавшійся какъ состояніе результатъ предшествовавшаго дѣйствія въ его результатахъ ¹⁾. Напримѣръ:

perf. τέθνηκε: онъ мертвъ, лежитъ мертвымъ;

plusq. ἀτέθνηκε: былъ мертвъ, лежалъ мертвымъ;

perf. γέγραφε у него написано, готово;

plusq. ἐγγράφη у него было написано, было готово;

perf. πεποιήκε: сдѣлалъ, у него готово; ἀπεποιήκε: у него было сдѣлано, было готово.

Хен. Ап. V. 4. 18. Οἱ δὲ Ἕλληνας μάλα ἤχθοντο ὅτι τοὺς τε πολέμιους ἀπεποιήκεσαν θρασυτέρους καὶ ὅτι οἱ ἐξελθόντες Ἕλληνας σὺν αὐτοῖς ἐπαφύγεον μάλα ὄντες συχνοί, ὃ οὐκᾶν πρόσθεν ἀπεποιήκεσαν ἐν τῇ στρατιᾷ: Эллины весьма негодовали на то, что они сдѣлали враговъ отважнѣе (= что отъ этого впослѣдствіи были отважными) и на то, что выступившіе съ ними Эллины, несмотря на большое свое количество, обратились съ ними въ бѣгство (= находились на бѣгствѣ, были трусами), чего они во время всего прежняго похода никогда не дѣлали (= какими они не бывали). Все это факты прошедшаго времени, которые можно бы выразить и аористомъ (см. § 17. Прим. 4).

¹⁾ Опредѣленіе plusquamperfect'a у Брюгера (аттич. синтаксисъ § 53. 4): «Das Plusquamperfect ist das Perfect des Imperfects», должно бы, думаю, лучше обратиться въ слѣдующее: Das Plusquamperfect ist das Praeteritum des Perfects (der durch das Perfect gewonnenen Bedeutung), то-есть, plusquamperf. есть прошедшее время (imperf., рѣже аористъ) perfect'a, то-есть, значенія, получаемаго чрезъ perfectum. См. приведенные имъ же примѣры (ἐκείλειντο, Хен. Ап. VI. 2. 8): ворота были заперты, ихъ заперли, или, точнѣе: ихъ держали запертыми.

- perf. ἐνεδέδοκε: имѣеть надѣтымъ, одѣтъ (Нер. II. 81) (вслѣдствіе того, что надѣлъ, одѣлся);
- plusq. ἐνεδέδοκε (Хеп. Ап. V. 4. 13): имѣлъ надѣтымъ, былъ одѣтъ;
- perf. εἶρηκα: я высказалъ, вотъ моя рѣчь;
- plusq. εἶρηκαίν=εἶρηκώς ἦν (буквально:—я былъ сказавши), это была моя рѣчь;
- perf. τεθρόληται: распространена молва, говорятъ;
- plusq. ἐτεθρόλητο: была распространена молва, говорили (Хеп. Мет. I. 1. 2);
- perf. τατίμηται онъ приобрѣлъ, снискалъ уваженіе = пользуется уваженіемъ;
- plusq. ἐτατίμητο (Хеп. Ап. I. 8. 29): онъ былъ уважаемъ, пользовался уваженіемъ;
- perf. τέτρωται: онъ раненъ, имѣеть раны;
- plusq. ἐτέτρωτο: имѣлъ раны (Хеп. Ап. II. 2. 14);
- perf. ἐπετέταхται: поручено, дано порученіе;
- plusq. (φ) ἐπετέταхτο (Хеп. Ап. II. 3. 6): который имѣлъ порученіе, которому было поручено.
- perf. γεγένηται: сдѣлалось, сбылось;
- plusq. ἐγεγένητο: сдѣлалось, было сдѣлано, совершено (Хеп. Нелл. VII. 2. 9);
- perf. γεγραπται: написано, готово;
- plusq. ἐγεγραπτο: Thuc. I. 128. 6: ἐνεγεγραπτο таде ἐν αὐτῇ (ἐν τῇ ἐπιστολῇ), ὥς ὕστερον ἀνευρέθη: въ этомъ письмѣ было написано (это письмо имѣло содержаніе), какъ послѣ обнаружилось, слѣдующее...

Ср. ἀπὲ δ' ὅσον τριακοντα σταδίους προελήλυθασαν, ἀπαντὰ Σιόθης: когда они (уже) пошли впередъ, находились (уже) впереди, встрѣчаетъ ихъ С. (Хеп. Ап. VII. 3. 7). Κύρος ταχὺ τοῖς ἡλικιώταις συνᾶκρᾶτο, ὥστε οἰκείως διακίεσθαι, ταχὺ δὲ τοὺς πατέρας αὐτῶν ἀνῆρτητο: Кирь скоро настолько сдружился съ сверстниками (находился къ нимъ въ столъ близкой дружбѣ), что былъ между ними какъ дома, и скоро привлечь къ себѣ (имѣлъ привязанныхъ къ себѣ) отцовъ ихъ (Хеп. Суг. I. 4. 1). Thuc. II. 21. 2 и 3. Πίλας V. 54 ἐκέχαστο V. 66. 73. 394. 661 βαβλήκει V. 78. 402. 446. 901 и VI. 7 ἐτέτυχτο.

Примѣчаніе 1. Въ церковно-славянскомъ и въ древне-рускомъ языкѣ встрѣчаемъ вмѣсто греч. и лат. plusquamperfect'a описательную форму, состоящую изъ дѣепричастія прошедшаго времени II на -лъ, -ла, -ло въ соединеніи съ однимъ изъ прошедшихъ временъ

глагола „быть“: былъ, далъ, погибъ бѣ, предавъ бѣаше, бѣахъ видѣли, а въ народномъ языкѣ (въ началѣ сказокъ): жилъ былъ (Вус. § 187). Однако описательную форму прошедшаго времени церк.-слав. языка какъ съ „есмь“, такъ и съ „быль“, нельзя считать собственно ни *plusquamperfectum*-омъ, ни *perfectum*-омъ, такъ какъ она въ древнее время часто замѣняла, а въ послѣдствіи (съ „есмь“) даже совсѣмъ вытѣснила изъ употребленія формы древне-славянскаго аориста, такъ что въ современномъ русскомъ языкѣ (за опущеніемъ вспомогательнаго „быль“ и „есмь“) является единственно употребительною формою прош. времени вообще по обоимъ видамъ.

Примѣчаніе 2. Латинское *plusquamperfectum* существенно отличается отъ греческаго: 1) тѣмъ, что лат. *plusq.* (въ придаточныхъ предложеніяхъ, гдѣ оно преимущественно ставится) выражаетъ дѣйствіе, совершившееся въ прошедшемъ времени прежде другаго, тоже прошедшаго дѣйствія (означеннаго глаголомъ главнаго предложенія), для чего въ греческомъ языкѣ употребляется аористъ, напримѣръ: Δαρείος Κύρου μετακέρλευται (= μετακέρψατο) ἀπὸ τῆς ἀρχῆς, ἥς αὐτὸν οὐράκην ἐποίησεν (Хен. An. I. 12): Darius Cyrum arcessit a principatu, cuius eum satrapam fecerat; 2) тѣмъ, что лат. *plusquamperfectum* не выражаетъ собою, подобно греческому *plusq.*, понятія продолженія совершившагося дѣйствія въ его результатѣ.

Примѣчаніе 3. Еще надо замѣтить, что наклоненія *optativus*, *infinitivus* и *participium perfecti* принадлежать также *plusquamperfectum*-у, подобно тому, какъ (по § 1. в н прим. 2) наклоненія *praesentis* слѣдуютъ такимъ же наклоненіямъ *imperfecti*; напр. Хен. Anab. I. 9. 28: ἔγωγε δὲ ὦν ἀκούω οὐδὲνα χρίνω ὑπὸ πλείονων πεφύλησθαι οὐτε Ἑλλήνων οὐτε βαρβάρων: на основаніи того, что я слышалъ, я думаю, что никто не былъ любимъ (не пользовался любовью, ἀτιμίητο Хен. An. I. 8. 29.) большимъ числомъ какъ Эллиновъ, такъ и варваровъ.

3. Рѣдко употребляемое *futurum III.* или *exactum* (какъ простое на -ομαι съ удвоеніемъ, такъ и описательное чрезъ *part. perf.* съ ἔσομαι) есть будущее время того значенія глагола, которое получается чрезъ *perfectum* (т. е. результата дѣйствія и вызваннаго имъ продолжающагося состояніи); такъ что отношеніе его къ *perfectum* можно представить формулой:

fut. III: perf. = fut. I vel II: praes.

Оно переводится на русскомъ языкѣ или будущимъ временемъ глаголовъ (большую частію) однократнаго вида, или описательными выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ примѣровъ:

perf: ἔγνωνα: знаю, имѣю знаніе (вслѣдствіе того, что приобрѣлъ знаніе).

fut. III: ἔσομαι ἐγνωνώς (Dem. IV. 50): я буду знать, буду имѣть знаніе, приобрѣту знаніе, или буквально: буду узнавши(-имъ).

perf: πέφευγα: мнѣ удалось (уже) бѣжать, я (у)бѣжалъ, я нахожусь уже въ бѣгствѣ;

fut. III: πεφευγώς ἔσομαι: я буду находиться въ бѣгствѣ, на свободѣ, или буквально: буду бѣжавши(-имъ).

perf: ἐψεύσομαι: я обмануть, обманулся.

fut. III: ἐψευσμένος ἔσομαι: (Xen. An. III. 2. 31): буду обмануть.

Plat. Gorg. 506. C: εἰάν με ἐτελέγῃς, οὐκ ἀχθεσθήσομαι σοι, ἀλλὰ μέγιστος εὐεργέτης ἀναγεράψαι: если ты меня обличишь, я не обижусь на тебя, но сочту тебя (собст.: ты будешь сочтенъ и вслѣдствіе того постоянно считаться) за моего величайшаго благодѣтеля.

Xen. An. II. 4. 5: Εὐθύς Ἀριαῖος ἀφαστήσῃ ὥστε φίλος ἡμῖν οὐδεὶς λελείψεται, ἀλλὰ καὶ οἱ πρόσθεν ὄντες (см. § 1. Прим. 2 и § 11) πολέμοι ἡμῖν ἔσονται: Аріей тотчасъ оставитъ насъ (= будетъ отпавшимъ отъ насъ, мы тотчасъ будемъ покинуты имъ), такъ что у насъ не останется ни одного друга (= не будетъ оставшимся, не будетъ на лицо), и тѣ, которые прежде были нашими друзьями, будутъ нашими врагами.

Dem. IV. 40. ἂν ταῦτα εἰδῶμεν, καὶ τὰ δεόντα ἐσόμεθα ἐγνωνότες καὶ λόγων ματαίων ἀπηλλαγμένοι (scil. ἐσόμεθα): если мы въ этомъ убѣдимся, то будемъ знать и нашъ домъ и будемъ освобождены отъ пустыхъ рѣчей. Xen. An. I. 5. 16: καταχερόψεσθαι, и Lys. 30. 23: παρὰ τοῦτου δίχην εἰληφότες ἔσομεν (= будете наказавшими).

Примѣчаніе 1. Греческое futurum III. или exactum соотвѣтствуетъ латинскому futurum exactum только въ главныхъ предложеніяхъ, именно для выраженія того, что результатъ какого-нибудь будущаго дѣйствія наступитъ немедленно и несомнѣнно вѣрно (какъ въ примѣрахъ Xen. An. I. 5. 16 и II. 4. 5);—изъ зависящихъ же предложеній (условныхъ, относительныхъ и временныхъ) греческое futurum exactum никогда не ставится на мѣстѣ латинскаго futur. exact.; въ такихъ предложеніяхъ бываетъ замѣною латинскаго fut. exact. греч. coniunctivus или optativus aoristi, смотря по особымъ правиламъ, относящимся къ этимъ предложеніямъ. См. § 18. II. 3, 4, 5. Ср. εἰάν με ἐτελέγῃς... quodsi me conviceris, haud infestus ero tibi, sed pro maximo beneficio adscribam. (См. грамматики: Curt. § 505. прим. и 645;

Крюгеръ § 53. 6. Апм. 5, 9. Апм. 3; лат. грам. Шульца § 325. 2. прим. 3).

Примѣчаніе 2. Церковно-славянское и древне-русское будущее совершенное, которое составлялось изъ причастія прошедшаго времени II-го на -лъ-ла-ло, въ соединеніи съ вспомогат. глаголомъ „бѣда, буду“, равняется по своему употребленію (большею частію только въ зависящихъ предложеніяхъ, преимущественно условныхъ; см. предъид. прим. 1) одному латинскому futur. exactum, не выражая значенія греческаго futurum III. Напримѣръ: еще будетъ лѣто взялъ въ заискъ (si frumentum fuerit mutuatus); еще праведно будетъ покажѣ-ся (si recte poenitentiam egerit); еще ли взялъ будетъ (si sumpserit), уже погубилъ будетъ (qui amiserit); елико же далъ будетъ и т. д. (см. Miklosich. Vergl. Syntax d. slav. Spr. стр. 806—807; Бусл. Ист. гр. рус. языка § 88. II. 4 и § 194 прим. 4).

§ 17. Отличіе синтаксическаго значенія perfect'a и времяъ его основы plusquampr. и futur. III отъ остальныхъ времяъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общее обобщеніе въ примѣрахъ значенія всѣхъ греческихъ времяъ можетъ представить слѣдующая таблица:

Обзоръ значеній всѣхъ греческихъ временъ.

ОБЗОРЪ ЗНАЧЕНІЙ ВСѢХЪ

	Præsens	futurum I. vel II.	Imperfectum	aoristus I. vel II.
1.	γινώσκω узнаю	γινώσκωαι { узнаю буду узнавать	ἐγίνωσκον я узнавалъ	ἔγνων я узналъ
2.	(ἀπο)-θνήσκω умираю	θανοίμαι { умру буду умирать	ἐθνήσκον я умираю	(ἀπ)θνήκα умеръ
3.	μαθάνω учусь	μαθήσομαι { научусь буду учиться	ἐμάθανον я учился	ἐμάθον я научился
4.	φεύγω бѣгу	φεύξομαι { убѣгу буду бѣжать	ἔφευγον я бѣ- жалъ	ἔφυγον я убѣжалъ
5.	κοίω дѣлаю	κοίωμαι { сдѣлаю буду дѣлать	ἐκοίον я дѣ- лалъ	ἐκοίονα я сдѣлалъ
6.	κτῶμαι приобретаю	κτῶμαι { приобрету буду приобретать	ἐκτέμην я при- обрѣталъ	ἐκτέσθην я при- обрѣлъ
7.	πειθω убѣждаю, уговариваю, скло- няю	πεισῶ { уговорю буду уговаривать	ἔπειθον убѣж- далъ, уговари- валъ, склонялъ	ἔπεισα я убѣдилъ
8.	μνησκόω напоминаю	μνήσῃ { я напоминаю буду напоминать	ἐμνήσθον я на- поминалъ (Хер. Лп. V. 8. 26.)	ἐμνήσα я напомнилъ
9.	ἵστημι ставлю	στήσῃ { поставлю буду ставить	ἵστην я ставилъ	Aor. I: ἔστησα я поставилъ; A. II ἵστην я ставлю
10.	γίνεσθαι дѣлается, происходить, сбы- вается	γενήσεται { сдѣлается будетъ дѣлаться	ἐγίνετο дѣла- лось, происхо- дило, сбывалось	ἔγένετο сдѣлалось, произошло, сбывлось

ГРЕЧЕСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

perfectum I. vel II.	plusquamperfectum I. vel II.	futurum III. (exact.)
ἔγνωνъ я приобрѣлъ знаніе, знаю	ἔγνωνκεῖν я зналъ, имѣлъ знаніе	ἔσομαι ἔγνωνώς буду имѣть, получу знаніе, изучу
τίθνηκε онъ мертвъ, лежитъ мертвымъ	ἐτίθνηκε лежалъ (былъ) мертвымъ	τιθήνῃω буду мертвъ, буду лежать мертвымъ
μεμάθηκα я изучилъ, знаю	ἐμεμάθηκεῖν я зналъ	ἔσομαι μεμάθηκώς буду знать, буду имѣть знаніе
πέφευγα я (уже) на свободѣ, мнѣ удалось (у)бѣжать	ἐπέφευγεῖν я былъ на сво- бодѣ	ἔσομαι πεφευγώς { я буду на πεφεύγομαι { свободѣ
πέποιθα имѣю одѣланнымъ, готовымъ, изготавилъ	ἐπέποιθεῖν я имѣлъ одѣ- ланнымъ, готовымъ	ἔσομαι πεποιθώς буду имѣть готовымъ
ἔκκτημαι имѣю, владѣю	ἐκκτῆμην я имѣлъ, владѣлъ, обладалъ	ἔκκτησομαι буду имѣть, при- обрѣту
πέπεισμαι и πέπειθα я убѣ- дилъ себя, я убѣжденъ	ἐπέπειθειν я имѣлъ убѣжде- ніе, былъ убѣжденъ, увѣ- ренъ, вѣрилъ, доверялъ	ἔσομαι πεπειθώς буду имѣть убѣжденіе, буду увѣренъ
μηνύμαι помню	ἐμηνύμην помнилъ	μηνύσομαι буду помнить, вспомню (Хер. Ап I. 7. 5; VII. 6. 38.)
ἵστηκα стою	ἰσ(ί)στηκεῖν я стоялъ	ἰστήξω буду стоять
γένηται, γέγονε это совер- шившійся фактъ, существуетъ	ἐγένητο, ἐγένοναι это было совершившимся фактомъ	γενήσεται будетъ совер- шившимся фактомъ

Примѣчаніе 1. На основаніи указанного въ § 16 и въ таблицѣ § 17 значенія perfect'a, plusquamperfect'a и futur'a III. видно, что во многихъ случаяхъ удобнѣе всего переводимъ: perfectum чрезъ русское praesens соотвѣтствующаго глагола (наст. вр. глаг. продолж. вида), выражающаго результатъ совершившагося дѣйствія или состояніе, вызванное имъ; plusquamperf.—чрезъ русск. imperfectum (то-есть прош. вр. продолж. вида), или рѣже чрезъ aoristus (то-есть, прош. вр. однокр. вида); futurum III.—чрезъ русск. futurum (то-есть будущее вр. продолж. или однокр. вида).

Глаголы, переводимые такими образомъ, суть кромѣ приведенныхъ въ предыдущей таблицѣ (особенно № 6—9) еще слѣдующіе:

οἶδα	знаю (отъ осн. Fīd, собств. узналъ и потому: знаю). inf. εἰδέναι знать plusq., ᾔδειν я зналъ; fut. εἰσομαι буду знать, и: узнаю.
δέδοικα	или δέδοικα боюсь, inf. δεδῖναι (δεδοικέναι) бояться; plusq. ἔδεικναι я боялся II. V. 790; VI. 99; fut. δείσομαι буду бояться.
πέφυκα	(я рожденъ): есмь (отъ природы), существую (отъ φύω рождаю, аог. II ἔφυν родился), Dem. Ol. II. 28 γέγονε—πέφυκα:
πέφηναι	(я явился): я здѣсь (явно); plusq. ἐπέφηναι я былъ здѣсь.
εἰσθα, εἰσθῆναι	εἰσθῆναι εἰμι я привыкъ, слѣдовательно: имѣю обыкновеніе; plusq. εἰσθῆναι, εἰσθῆναι ἦν: я имѣлъ обыкновеніе.
ἔοικα	я уподобился, слѣдовательно: я похожъ.
ἐγρήγορα	(я проснулся и остаюсь не спящимъ): бодрствую; plusq. ἐγρηγόρειν я бодрствовалъ (Xen. An. IV. 6. 22).
κέκλημαι	(я названъ) я называюсь; part. κέκλημένος названный; plusq. ἐκέκλητο его называли, имѣлъ имя; κέκλησομαι меня будутъ называть, буду имѣть имя.

Примѣчаніе 2. Въ противоположность выше приведеннымъ глаголамъ два глагола съ формою настоящаго времени, подходя по своему значенію (результата) къ perfect'у, переводятся на русскомъ языкѣ кромѣ настоящаго—большею частію прошедшимъ временемъ однократнаго вида; именно:

ἦκε я пришелъ, собств.: я здѣсь; Thuc. I 137. 4. Θημιστοκλῆς ἦκε (= παρῆμι въ концѣ той же главы) παρὰ σε: я Θ. пришелъ къ тебѣ (предшествуетъ μετὰ τῶν κατὰ Περσῶν τινος πορευθεῖς εἰς) и только не собственно переводится: я прихожу. Лучшее доказательство буквальный переводъ Corn. Nep. Them. 9: Thucydides ait, ad Artaxerxem eum venisse, atque his verbis epistolam misisse: Themistocles veni ad te (онъ уже былъ въ самой Персіи, когда отправилъ во дворецъ (εἰς βασιλεία)

къ царю письмо) См. II. Е. 478. οἴχομαι я ушелъ, собств. меня пѣтъ здѣсь (Хен. An. I. 4. 8; II. V. 472, VI. 379. 384).

Форма imperfecti (которая вѣдѣтъ съ тѣмъ представляется формою нориста, см. § 12. II. Прим. 3) этихъ глаголовъ ставится—по русскому переводу—въ значеніи аориста:

ἦκε: пришелъ, прибылъ (Хен. An. V. 4. 11, Суг. VII. 4. 12 и др.); ῥῡετο: ушелъ, удалился (Хен. An. V. 4. 11; IV. 3. 30; IV. 5. 24; II. 2. 1; Суг. II. 4. 8. и др. II. I. 367. V. 148); при чемъ послѣдній глаголъ часто соединяется съ partic. praes. или aor. другихъ глаголовъ движенія для усиленія или ближайшаго опредѣленія своего значенія: ῥῡετο ἀπὼν, быстро, тотчасъ же ушелъ, удалился (Хен. An. IV. 7. 27; III. 3. 5; VI. 3. 23); ῥῡετο (ἀπο)πλέων, быстро отплылъ (Хен. An. V. 7. 15; II. 6. 3); ῥῡετο ἀπικαλῶν, быстро убѣжалъ (Хен. An. II. 4. 24; VII. 6. 24); ῥῡετο ἀποδράς, (ἀπο-)φάγων, быстро убѣжалъ (Хен. An. V. 1. 15, VI. 3. 26).

Примѣчаніе 3. Подобно этимъ двумъ глаголамъ Греки иногда ставятъ въ настоящемъ времени, вѣсто обыкновеннаго perfect'a, нориста или imperfect'a, нѣкоторые глаголы ощущенія (verba sentiendi) и немногіе глаголы рѣчи (verba dicendi: χαλεῖν, λέγειν)—для выраженія извѣстія, которое можно и въ настоящее время еще слышать (или читать) или предмета, который можно ежедневно испытывать, узнавать, именно когда содержаніе слышаннаго (узнаннаго, испытаннаго) представляется сознаваемымъ живо и въ моментъ рѣчи о немъ. Такія praesentia по русски переводимъ или прошед. временемъ (обоихъ видовъ) или также настоящимъ временемъ. Такіе суть: ἀκούω и πυνθάνομαι слышу, я слышалъ, услышалъ (и по лат. au-tio нм. audirē), узналъ, знаю; αἰσθάνομαι я замѣтить, я замѣчаю; γινώσκω, μανθάνω узналъ, попятъ,—знаю, понимаю; напр. Plat. Gorg. 503. С. ἀκούεις па ряду съ ἀκήχοας: Θεμιστοκλέα οὐκ ἀκούεις ἄνδρα ἀγαθὸν γεγονότα καὶ... Περικλέα οὐ καὶ οὐ ἀκήχοας (не слышишь = не слышалъ ли ты что... котораго и ты слышалъ); Dem. IV. 23 καὶ πρότερόν ποτ' ἀκούω ξενικὸν τρέφειν ἐν Κορίνθῳ τὴν πόλιν: я слышалъ (слышу), что напѣ городъ и прежде однажды содержалъ чужное войско. — Хен. An. I. 9. 28; Dem. Phil. I. 3. (ἀκούουσι па ряду съ εἰδῶσιν αὐτοῖς). Thuc. VI. 17. 4. (οἱ Σικελιώται) στασιάζουσιν, ὥσπερ πυνθανόμεθα: С. бунтуютъ, какъ мы узнали (какъ слышно, какъ слышимъ) и VI. 20. VI. 17. 6. Сравни также: τί χαλεῖς; (Хен. An. III. 4. 39) (что за-чѣмъ) ты зовешь (тоестъ, звалъ, призвалъ) меня? An. III. 2. 8; λέγει = говоритъ или сказалъ; Plat. Gorg. 489. С. οὐ πάλα σε λέγω, не ска-

залъ, не говорилъ ли и тебѣ давно уже? (собств. не говорю ли я тебѣ уже давно).

Примѣчаніе 4. Весьма часто встрѣчаемъ греческій аористъ тамъ, гдѣ можно бы ожидать и поставить perfectum или plusquamperfectum. Это явленіе объясняется просто тѣмъ, что писатель сообщаетъ прошедшее дѣйствіе какъ простой историческій фактъ, наступившій или вообще случившійся въ прошедшемъ времени, не обращая (§ 16. 1) парочно особеннаго вниманія на то обстоятельство, что во время разказа существуетъ и результатъ этого дѣйствія, — такъ что тутъ дѣло только въ меньшей степени точности въ данномъ случаѣ (аориста въ сравненіи съ perfect. или plusq.). Поэтому и понятно, что число такихъ случаевъ замѣны perfect'a или plusq. аористомъ, можетъ быть, даже у лучшихъ древнихъ писателей, столь велико, что исчислить ихъ была бы воцѣ лишняя. Явленіе это служитъ выстѣ доказательствомъ, что уже въ древнегреческомъ ¹⁾ — и тѣмъ болѣе въ позднѣйшемъ — языкѣ аористъ замѣтно все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ употребленія perfectum съ его временными отгѣнками plusquamperfect. и futurum III, изъ которыхъ первое часто замѣняется imperfect'омъ, рѣже аористомъ, а второе — futur'омъ I или II, — потому что безъ этихъ временныхъ формъ языкъ — хотя конечно въ ущербъ болѣе точности — можетъ обходиться, какъ доказываетъ примѣръ русскаго и другихъ языковъ. Напримѣръ Thuc. I, 21, 1: οὐτα ὡς ποῦτα

¹⁾ Замѣчательно что говоритъ Г. Курциусъ въ своихъ «Erläuterungen zu meiner griech. Schulgram.» на стр. 182. «Что строгое древнее употребленіе perfectum начинаеть ослабѣвать со времени Ксенофонта, — это признано и нѣмецкими учеными. Можно даже допустить, что обсуждаемыхъ различій нельзя съ очевидностью указать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и что говорящему часто представлялся свободный выборъ; все таки изъ этого не слѣдуетъ, что различія эти вовсе не существовали и что у Грекомъ, одаренныхъ тонкимъ чутьемъ языка, различія временныхъ основъ, наследованныхъ изъ первобытнаго устройства подоевропейскаго языка, были бесполезнымъ балластомъ. Кто можетъ опредѣлить всякій разъ различія родственныхъ по смыслу словъ въ языкѣ? И однако ихъ чувствовать всякій, владѣющій языкомъ, — особенно если онъ ему родной, а ужъ издача науки — выслѣдить, въ томъ или другомъ случаѣ, эти часто весьма тонкія различія».

Выводы настоящей статьи, насколько они окажутся вѣрными, могутъ, думаю, служить полезнымъ орудіемъ для критики текста греческ. авторовъ въ тѣхъ нѣрѣдкихъ случаяхъ, относящихся къ употребленію временъ, которые рѣшить нѣмецкими критиками, за неимѣніемъ, какъ мы видѣли, яснаго понятія нидомъ значеній греч. временъ не существующемъ къ ихъ родному языкѣ, или весьма трудно, или даже невозможно.

ὀμνήκασι περί αὐτῶν (какъ поэты пѣли и въ ихъ пѣсняхъ читаемъ).... οὕτε ὡς λογογράφοι ξυνέθεσαν (могло бы быть perf. συνθεῖσθαι, соотвѣтственно предыдущему ὀμνήκασι: какъ логографы сочинили). Kühner, *Ausf. Gram.* II, 1, стр. 144 мѣтко отличаетъ оба эти времени словами: „Das Perfect weist darauf hin, dass die Gedichte noch fortbestehen, der Aorist stellt die Sache einfach als bloss geschehen hin“. Последнія слова II, III и IV книги Thuc... τῷ πολέμῳ, ὃν Θουκυδίδης συνέγραψεν вж. συγγέγραψεν (подобно γέγραφε V, 26, 1) или *Soph. Antig.* 1052: ἔφος вж. обыкнов. въ такихъ случаяхъ πέφυκας (ταύτης οὐ μέντοι τῆς νόσου—τοῦ μὴ φρονεῖν—κλήρης ἔφος), гдѣ, можеть быть, по потребности стиха дано предпочтеніе формѣ аориста, и безъ того позволенной. Подобно тому поставлено ῥηθέντων *Dem.* IV, 1 вж. обыкновеннаго εἰρημένων; напротивъ, тамъ же далѣе: περί ὧν πολλάκις εἰρήχασιν οὗτοι. *Xen. Cyr.* IV, 2, 26: ἐκεῖνο δὲ χρὴ γινῶναι, ὅτι οὐδὲν ἐστὶν καρδαλέωτερον τοῦ νικᾶν: должно знать, что ничего нѣтъ выгоднѣе побѣды. Здѣсь было бы perf. ἐγωνόχεναι (см. въ таблицѣ § 17, № 1) гораздо точнѣе. *Plat. Symp.* 175, D: δῆλον γάρ, ὅτε εὖρες αὐτὸ καὶ ἔχεις (вж. εὖρηκας, ср. *Dem.* IV, 6: κατέστραπται καὶ ἔχει). *Xen. Cyr.* VIII, 5, 23, гдѣ аор. ἐποίησεν, на ряду съ πεπλούτικε, παρεσκεύαхен и πεποίηκε, замѣняетъ также perf. — Plusquimperf. замѣняетъ аористомъ: *Her.* I, 7, 2 ἐκλήθη (былъ названъ); *Thuc.* I, 101, 2: ἐκλήθησαν (были названы) вмѣсто болѣе точнаго: ἐκέχλητο, ἐκλήχηντο (имѣли названіе). Такое же колебаніе между аористомъ и perfectомъ замѣтно въ слѣд. примѣрахъ изъ *Demosth.* XXI, 194: εἰς τοῦτο θράσους καὶ ἀναιδείας ἀφίκετο (дошелъ); напротивъ: εἰς πᾶν προελήλυθε (дошло) μοχθηρίας τὰ παρόντα (III, 3) и: ὁρᾶτε, οἱ προελήλυθεν ἀσελγείας ὁ ἄνθρωπος (IV, 9). Ср. *Krüg. Synt.* § 47, 10, 3. Кохъ — Григор. § 255, 1. Пр. 2; — Крюг. синт. § 53, 6, 1.

§ 18. Соотвѣтствіе видовъ русскаго глагола греческимъ временамъ, смотри на употребленіи послѣднихъ по исѣмъ наклоненіямъ, причастіямъ и отглагол. прилагательнымъ, какъ въ простыхъ (несмнсимыхъ, главныхъ), такъ и въ сложныхъ (зависимыхъ, придаточныхъ) предложеніяхъ.

Кромѣ приведенныхъ въ предыдущихъ 17 §§ общихъ указаній, заключающихъ въ себѣ употребленіе греч. временъ по исѣмъ наклоненіямъ какъ простыхъ, такъ и сложныхъ предложеній, остается еще для пополненія нѣкоторыхъ случаевъ прибавить слѣдующія особыя указанія, при чемъ соблюдется порядокъ греч. синтаксиса Курціуса (10 пѣм. и 3 русскаго изданія, пер. Кримера).

I. Наклоненія въ простыхъ (независимыхъ) предложеніяхъ.

1. Indicativus.

а) Indicativus imperfecti или aoristi съ ἄν (Курц. § 507, прим. 3)—
см. Прав. § 15 прим. 2.

б) При indicat. (Курц. § 509) ἐξῆν, ἔδει, ἡβουλόμην, ὤφελον (воз-
можно было, слѣдовало (бы), я хотѣлъ бы, я долженъ былъ, дол-
женъ бы; о еслибъ я былъ,—о глаг. быть см. Прав. § 11), и § 510
неисполнимое желаніе: εἴμι ἦσθα, εἴθε συνεγενόμην (о если бы ты былъ,
о еслибъ я встрѣтился) встрѣчаемъ полное соотвѣтствіе русско-греч.
видовъ (временъ).

2. Coniunctivus.

а) Coniunctivus exhortativus (Курц. § 511): ἵμεν, пойдемъ-те, —
(см. Прав. § 10) ἄγε и φέρε (см. Прав. § 9 прим. 2 и § 12, I, б,
прим.) δὴ ἴδω: давай (да, пусть) посмотрю (см. введеніе № 10); μα-
χώμεθα καὶ θνήσκομεν: будемъ-те сражаться и умирать; παρὰθω: (да,
пусть) попытаюсь.

б) Coniunctivus relativus (Курц. § 512).—См. послѣ § 2 „примѣры
глаголовъ“ и § 7.

в) Coniunctivus dubitativus (Курц. § 513)—см. введеніе № 10 и
§ 6 εἶπομεν ἢ στήνομεν ἢ τί δράσομεν; сказать ли намъ или молчать
или что намъ дѣлать?

(Курц. § 514: см. внизу II, 2 при предложеніяхъ цѣли и опасенія).

3. Optativus.

а) съ ἄν: optativus potentialis, возможность; Курц. § 516. напимѣры:
γίγναιτο ἄν: случалось бы, могло бы случаться, можетъ случаться,
γένοιτο ἄν: случилось „ „ „ случится, „ случится,
τίς ἄν νομίζοι; = кто думалъ бы? кто могъ бы думать? кто можетъ
думать?
„ „ νομίσαι; = подумалъ бы? „ подумать? „ можетъ
подумать?

б) безъ ἄν: желанія, Курц. § 517.

γίγναιτο: о еслибъ ты дѣлался; αἰροῖσθε, выбирайте;
γένοιτο „ „ слѣдлался; ἐλοιοῖθε, выберите.

4. Imperativus.

Курц. § 518—см. Прав. послѣ § 2 „примѣры глаголовъ.“ повелит.
наклон. и § 7.

II. Наклоненія въ сложныхъ (зависящихъ) предложеніяхъ.

1. Наклоненія въ изъяснительныхъ и вопросительныхъ предложеніяхъ (и въ косвенной рѣчи, Курц. § 523—529 включительно) объясняются всѣми предыдущими 17 §§-ми и §-мъ 18, I.

2. Наклоненія въ предложеніяхъ цѣли и опасенія.

Курц. § 531 — 533 вклуч. Въ предложеніяхъ цѣли и опасенія русскому (такъ называемому) условному наклоненію (цѣли, съ глг. формой бы: чтобы, дабы, — а также „что“ при глг. опасенія —) или чаще неопредѣленному наклоненію продолженнаго вида соответствуетъ *coniunctivus* или *optativus praesentis*; напротивъ, такимъ же наклоненіемъ русскаго однократнаго вида соответствуетъ *coniunctivus* или *optativus aoristi* (*coniunctivus* при главномъ — или тоже историческомъ — времени главнаго предложенія; *optativus* при одномъ историческомъ времени главн. предлож.) см. за § 2 „примѣры глаголовъ“ условное наклон. (объ *indic. futuri* при *ὅπως* см. ниже въ этомъ § подл. № 4), напримѣръ:

εἰς χαῖρον ἦκεις, ἵνα (ὥς, ὅπως) τῆς δόξης ἀκούῃς (ἀκούῃς): ты приходишь во время, чтобы слышать (услышать) процессъ; — *εἰς κ. ἦκεις, ἵνα (ὥς, ὅπως) τ. δ. ἀκούῃς* (ἀκούῃς) или *ἀκούῃς* (ἀκούῃς): ты пришесть во время, чтобы слышать (услышать) процессъ. — *Ἀβροχόμας τὰ πλοῖα κατέλασεν, ἵνα μὴ Κύρος διαβαίῃ* или *διαβῇ* Хен. Ап. I, 4, 18): Абр. сжегъ корабли, чтобы Киръ не перешелъ на нихъ (*διαβαίνοι* или *διαβαίνῃ* было бы=чтобы.... не переходилъ).

Такъ и *indicativus* въ примѣрѣ § 532 b: *ἵνα μηδεὶς αὐτοὺς διέφθειρεν* (чтобы никто не развращалъ или не развратилъ ихъ, — въ 3 лицѣ случайно совпадаетъ *imperf.* съ *aor.*).

Опасеніе: *φοβούνται, μὴ τι πάσῃ* (πάσῃ), боятся, чтобы онъ не страдалъ (не пострадалъ), или: боятся, что будетъ страдать (пострадаетъ); — *ἐφοβούντο, μὴ τι πάσῃ* (πάσῃ): боялись, чтобы онъ не страдалъ (не пострадалъ), или: боялись, что будетъ страдать (пострадаетъ).

3. Наклоненія въ предложеніяхъ условныхъ: а) 1. форма условнаго періода (Курц. § 536), не представляя ничего особеннаго, подвергается общимъ правиламъ о соответствіи русско-греческихъ видовъ по 17 §§ „Правилъ“.

б) во 2 формѣ условнаго періода (Курц. § 537—544) *imperfectum*, выражающее условіе, не дѣйствительное въ настоящемъ времени, со-

ленъ въ аористѣ;—но иногда optat. греч. (кажется только при глаголахъ, упомянутыхъ въ § 12 b и c) можно переводить русскимъ однократ. видомъ, напримѣръ, εἰ ἔχουσιν — ἐμολογοῖσθαι αὐν: если бы ты имѣлъ, то я сознался (собств.: сознавался) бы; εἰ — δόξαμεν — πεποιθεμεν αὐν: если показалось бы, что мы — мы убѣждали бы (стали бы убѣждать, могли бы убѣждать), или: убѣдили бы, могли бы убѣдить. Εἰ τοῦτο καὶ λάβομεν, ἀροῖμαθα καὶ χλὸς ἰσθλόν (Нот): если бы мы достигли этихъ двухъ, то приобрѣли бы (снискали бы) благородную славу.

Замѣть разницу въ русскомъ переводѣ между 2 и 4 услов. періодами съ одной стороны черезъ частицу (собств. несприг. глаголъ) бы (съ прошед. врем.), соответствующую греч. αὐ въ тѣхъ же двухъ формахъ (см. § 15 прим.) и 1 и 3 періодами съ другой стороны — черезъ изъявительное наклон. (безъ „бы“).

4. Наклоненія въ предложеніяхъ относительныхъ (Курц. § 551—555): а) переводъ относительныхъ предложеній, упоминаемыхъ въ § 552, а также относ. предложеній слѣдствій (§ 453. 4. и 553. b.) съ ὥστε, и условныхъ § 554, объясняется извѣстными уже указаніями.

б) Ὅπως съ futurius послѣ глаголовъ заботы и стремленія (§ 553) переводится по § 6 Правилъ обоими видами: Φροντίζε, ὅπως μὴδὲν ἀνὰ ξίον τῆς βασιλείας ποιήσεις; смотри, чтобы не дѣлать (или не сдѣлать) ничего несогласнаго съ царскимъ достоинствомъ.

с) Переводъ относит. мѣстоименія или частицы съ copunctiv-омъ и αὐ при главномъ времени въ главномъ предложеніи, или съ optativ-омъ (безъ αὐ) при историческомъ времени глав. предложенія — соотнобразяется также съ общими правиламъ соответствія и несоответствія русско-греч. видовъ (срав. особенно § 12 II) или съ предыдущими указаніями сего 18 §, особенно съ относящимися къ условнымъ предложеніямъ 3 формы.

5. Наклоненія въ предложеніяхъ времени: переводъ временъ изъявительнаго и неопред. (послѣ κρίν) наклоненій этихъ предложеній не отстываетъ отъ общихъ указаній предыдущихъ 17-ти §. Ὅταν и другія частицы времени, сложные съ -αυ (при главн. врем. главнаго предложенія), а также частицы времени безъ -αυ съ optat. (при истор. врем. главн. предложенія) ставится — первый съ copunct., а второй съ optat. греч. — при русскомъ глг. продолженнаго вида (настоящ., будущ. или прошедш. времени); напротивъ, съ copunct. и optat. греч. при русскомъ глг. однократнаго вида (формы наст. врем. съ значе-

нiемъ будущаго, — или прошедш. врем.) ¹⁾. Припрѣры см. Курц. § 556 — 558 и Гринг. § 269. Особеннаго вниманiя требуютъ предложенiя времени съ частицами несложными съ -αν (чаще всѣхъ: ὅτε, ὅταν) вслѣдствiе, каждый разъ, когда; какъ только; лишь только въ соединенiи съ optativus iterativus praesentis или aoristi для выраженiя повторяющагося (продолжительнаго — praesens или краткаго — aoristus) случая. На основанiи упомянутаго о нихъ въ § 12 II они всѣ переводятся однимъ продолженнымъ (или многократнымъ) видомъ русскаго глагола.

6. Неопредѣленное наклоненiе переводится по всѣмъ способамъ своего употребленiя сообразно указанiямъ всѣхъ 18 §§.

7. Причастiе подробно разобрано въ § 3 и 4 с. „Правилъ“. Переводъ причастiя съ αὐ, закрѣпляющаго 2 или 4 условное предложенiе, соображается съ послѣдними; см. сего § II. № 3.

8. Отглагольные прилагательныя (adjectiva verbalia): первое отглагольное прилагательное на -τός, -τή, -τόν выражаетъ или страдательное причастiе продолженнаго вида наст. времени, или возможность и способность также въ страдательномъ смыслѣ, то-есть, означать то же самое, что и русское причастiе настоящаго времени на -мый, -мая, -мое, которыми и переводится на ряду съ синонимическими описательными выраженiями. Напр.

ἀγαπητός (Хен. Мем. II. 1. 33) = любимый (то-есть, 1. котораго любить и 2. котораго можно любить);

ὁρατός (Хен. Мем. I. 4. 5) видимый (то-есть, 1. кого или что видимъ и 2. кого или что можно видѣть); ἀκουστός (тамъ же): 1. кого или что слышимъ, 2. кого, или что можно слышать, слышимый.

ἀόρατος (scil. θεός. Хен. Мем. IV. 3. 13 и 14) / (то-есть, 1. кого или что не видѣть)
ἀθέατος (Хен. Мем. II. 1. 31). / невидимый дѣлать и 2. кого или чего нельзя видѣть).

Напримѣръ, Isocr. I. 29: τὸ μέλλον ἀόρατον будущее невидимо

¹⁾ Угловiе: ссгн
 Врѣмя: когда
 съ настоящ. врем. глг. продолж. вида
 = εἰ с. indic. праес. (1 услов. форм.)
 съ бууц. врем. глг. продолж. вида
 = εἰν с. conl. праес. (3 услов. форм.)
 съ настоящ. врем. глг. однократ. вида
 (по знач. = бууц. врем.)
 = υ-ζωνiе: εἰ с. conl.
 время: бтѣн } vor.

(нельзя предвидѣть); Хер. Анаб. I. 4. 18 οὐ πάποτε οὗτος ὁ ποταμὸς διαβατός (проходимый) ἐγένετο πεζῇ.

Второе adiect. verb. на -τέος, -τέα, -τέον, означающее долженствование (тоже въ одномъ страдательномъ смыслѣ), можно переводить тѣмъ и другимъ видомъ русскаго глагола, смотря по смыслу всего предложенія. Напр.

Πολεμητέον ἐστίν должно вести (или начать) войну; βοηθητέον ἐστίν должно помогать (или помочь). (Много примѣровъ 2 adiect. verb. представляетъ Хер. Мем. II. 1. 28).

22. Черный.

НЪ ВОПРОСУ О МІРОВОЗЗРѢНІИ ЭВРИПИДА.

1. Отечество, любовь къ нему, лишеніе его, самопожертвованіе и смерть за него по Эврипиду.

Хотя вся Эллада для всѣхъ Эллиновъ была *κοινὴ πατρίς* ¹⁾, въ предѣлахъ котораго каждый Эллинъ слышалъ понятный ему языкъ, видѣлъ болѣе или менѣе сходные нравы и обычаи, встрѣчалъ поклоненіе тѣмъ же богамъ, которыхъ почиталъ онъ самъ, тѣмъ не менѣе Эллинъ былъ у себя дома, могъ считать себя счастливымъ только въ своемъ родномъ *πόλις*, котораго онъ былъ *πολίτης*. Географическія условія и историческія причины, вызвавшія раздѣленіе Эллады на множество мелкихъ самостоятельныхъ государствъ, естественнымъ образомъ въ слѣдъ за этимъ привели къ болѣе или менѣе сильному и значительному развитію частныхъ особенностей каждаго племени и каждаго государства. Хотя во всей Эладѣ языкъ былъ общій—эллипскій, но внѣ предѣловъ своего племени и даже государства Эллинъ и въ отношеніи языка чувствовалъ уже себя болѣе или менѣе иностранцемъ, потому что изъ нѣсколькихъ нарѣчій и поднарѣчій, на которыхъ распадался эллипскій языкъ, каждый Эллинъ могъ считать своимъ роднымъ только отечественное, пока не выработался въ послѣдствіи общій языкъ (*κοινὴ γλῶσσα*) общаго отчества.

Въ религіозномъ отношеніи также было много разницы. Хотя боги были общіе, но въ одномъ государствѣ почитались больше одни, въ другомъ другіе, не говоря уже о культѣ, который развившись въ каждомъ государствѣ продолжительнымъ историческимъ путемъ на чисто мѣстныхъ основаніяхъ и при чисто мѣстныхъ условіяхъ, имѣлъ въ каждомъ городѣ свой собственный характеръ ²⁾.

¹⁾ Lyc. Leocr. 104.

²⁾ K. Fr. Hermann, die Gottesdienst Alterth. § 7, стр. 29 сл. (2 изд.): Ueberhaupt kann es nicht genug hervorgehoben werden, dass der griechische Cultus als

Если такимъ образомъ и въ отношеніи языка и религіи Эллины въѣ своего отечества въ тѣсномъ смыслѣ находилъ много разницы, напоминавшей ему о родинѣ, то въ политическомъ отношеніи положеніе его въѣ своего ꙗлы было несравненно хуже и печальнѣе. Не смотря на высокую степень развитія и цивилизациі, которыми Эллины гордились и отличались среди другихъ народовъ древности, международныя ихъ отношенія не соответствовали высотѣ ихъ культуры въ нѣ-которыхъ другихъ областяхъ государственной и умственной жизни. Извѣстно, что въѣ того ꙗлы, въ которомъ Эллины были ꙗлыты, онъ былъ совершенно безправенъ, если не былъ удостоенъ чести быть ꙗлыты какаго нибудь другаго государства за особенныя услуги ему или по какимъ нибудь причинамъ, а это случалось не особенно часто. Не говоря уже о томъ, что въѣ своего отечества Эллины не могли принимать ни малѣйшаго участія въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, онъ не могъ даже явиться предъ судомъ для защиты своихъ собственныхъ интересовъ; потому что право пользоваться судомъ принадлежало только гражданамъ, и иностранецъ, имѣвшій надобность до суда, долженъ былъ для защиты своихъ интересовъ обратиться къ содѣйствию гражданина того или другаго государства и отдаться подъ его покровительство и заступничество ¹⁾. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ, при такомъ безправіи и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жить за границею для Эллина не могло быть особенно пріятно. Но положеніе его становилось уже совсѣмъ безвы-

solcher seinen ursprünglichen Particularismus örtlicher und sonstiger Beschränkung nie ganz aufgab... Selbst die nämliche Gottheit ward nicht leicht an verschiedenen Orten auf dieselbe Art vorebrt, wofern diese nicht durch ursprüngliche Stammverwandschaft oder Vertragsverhältniss positiv verbunden waren; und ebensowenig genossen die verschiedenen Götter desselben Landes alle der nämlichen Verehrung, sondern zerfielen selbst wieder in sehr verschiedene Kategorien.

¹⁾ *K. Fr. Hermann*, Staatsalterth. § 9, стр. 50 (5 изд.)... beruht im Ganzen das Verhältniss der griech. Stämme und Staatsgemeinden zu einander fortwährend auf der Idee gänzlicher Rechtlosigkeit... ausser der Grenze seiner Heimath steht der Mensch sofort auch ausser dem Gesetze und als völlig rechtloser da, der nicht alleu umliegendes Gut und Eigenthum in einer andern Gemeinde zu erwerben oder eine Bürgerin derselben zu heirathen, sondern selbst zu seiner persönlichen Sicherheit der ausdrücklichen Zusage derselben bedarf. *Op. Privatalterth.* § 52 (стр. 426 2 изд.) и § 56 стр. 455: ihm (dem gr. Staate) beschränkt sich das Recht fortwährend auf die Mitglieder der nämlichen bürgerlichen Gemeinschaft... An sich ist der Fremde rechtlos... um irgend ein Recht zu verfolgen, bedarf der Fremde fortwährend der Vermittelung eines Einheimischen etc.

ходнымъ и жалкимъ, если къ этимъ условіямъ присоединялось еще несчастіе. Въ своемъ отечествѣ въ несчастныхъ обстоятельствахъ онъ могъ найти поддержку если не въ друзьяхъ, которые болѣею частію бѣгутъ отъ несчастныхъ, то по крайней мѣрѣ въ родныхъ. Въ своего отечества, благодаря строгой замкнутости греческихъ государствъ относительно браковъ, онъ не могъ разсчитывать и на эту опору ¹⁾.

Всѣ эти обстоятельства привязывали Эллина къ своему отечеству въ тѣсномъ смыслѣ слова гораздо болѣе, чѣмъ какого нибудь члена современнаго европейскаго государства къ своему отечеству въ широкомъ смыслѣ слова, а потому, если и теперь отечество для каждаго дорого и мило, то тѣмъ болѣе оно было дорого для Эллина: только въ своемъ родномъ полѣ онъ могъ жить полною религіозною и политическою жизнью, чувствовать себя по возможности довольнымъ и счастливымъ; въ отечества пѣтъ этой жизни, нѣтъ и счастья, илишеніе отечества само по себѣ есть уже слѣдовательно несчастіе.

Въ такомъ свѣтѣ рисуется въ своихъ трагедіяхъ и Эврипидъ положеніе лицъ, почему либо лишившихся счастья жить въ своемъ отечествѣ. Всѣ они болѣе или менѣе чувствуютъ себя несчастными и находятся въ печальномъ, иногда безнадежномъ и отчаянномъ положеніи. И Эврипидъ, какъ поэтъ, любившій вообще останавливаться надъ человѣческими несчастіями, выискать въ нихъ и анализировать ихъ, не упускаетъ случая показать своимъ слушателямъ-зрителямъ, какъ тяжело жить въ отечествѣ, какъ оно дорого для каждаго и какъ слѣдовательно всѣ должны любить и заботиться объ его благѣ, счастья и благоденствіи. Для достиженія этой патріотической цѣли, Эврипидъ не считаетъ иногда нужнымъ стѣсняться естественнымъ ходомъ дѣйствія и заставляетъ дѣйствующихъ лицъ своихъ трагедій разсуждать объ этомъ предметѣ тамъ, гдѣ это далеко не составляетъ необходимаго условія для дальнѣйшаго развитія драмы, что впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ быть подобнымъ разсужденіямъ въ высшей степени замѣчательными и поучительными. Къ нимъ принадлежатъ прежде всего весьма замѣчательный и важный, но не совсѣмъ умѣстный ²⁾, разговоръ Полиника съ матерью въ „Финикійкахъ“. Ио-

¹⁾ См. Eur. Med. ст. 253 259.

²⁾ Неумѣстность этого довольно длиннаго разсужденія объ изгнаніи при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно ведется, замѣтилъ еще схолиастъ (къ ст. 388): τοῦτο μετὰ ἤθους. οὐκ ἐν δέοντι δὲ γυναικὶ τοιοῦτον κακὸν περιστάσεων πόλει. τοιοῦτος δὲ πόλιν οὐδὲν ὁ Εὐριπίδης. Ср. замѣчаніе Г. Германна объ этомъ мѣстѣ въ предисловіи къ его изданію Финикійнокъ, Lipsiae, 1840. p. XV: Sed

каста, лишь только увидела сына, спрашиваетъ его о томъ, какъ жиятъ онъ на чужой сторонѣ и своими распросами заставляетъ Полиника показать на основаніи собственнаго горькаго опыта, какъ печально положеніе изгнанника и что значить лишиться отечества. Вотъ этотъ разговоръ: *Иокаста*. Спрошу тебя прежде всего, что значить лишиться отечества? Это нѣ самомъ дѣлѣ—великое несчастье? *Полиникъ*. Величайшее и въ дѣйствительности гораздо большее, нежели какъ это можно выразить на словахъ. *Иокаста*. Почему же такъ? Что собственно дѣлаетъ изгнаніе несчастьемъ для изгнанниковъ? *Полиникъ*. Да ужъ одно то—величайшее несчастье, что изгнанникъ не можетъ говорить прямо и свободно. *Иокаста*. Это—положеніе раба:—не говорить, что думаешь. *Полиникъ*. Затѣмъ, необходимо переносить терпѣливо безразсудные поступки власть имѣющихъ. *Иокаста*. И это прискорбно: по необходимости поступать безразсудно вмѣстѣ съ глупыми. *Полиникъ*. Однакожъ, въ видахъ выгоды, приходится переносить рабское положеніе. *Иокаста*. Но, говорить, надежды питаютъ и поддерживаютъ изгнанниковъ. *Полиникъ*. Да, онѣ смотрятъ ласково и весело, но заставляютъ слишкомъ долго ждать... *Иокаста*. А какъ ты питался, прежде нежели бракъ доставлялъ тебѣ средства къ жизни? *Полиникъ*. Да такъ, кое-какъ: иногда имѣлъ дневное пропитаніе, а иногда... и не имѣлъ. *Иокаста*. А заграничные друзья и пріятели отца развѣ не помогали тебѣ? *Полиникъ*. Будь счастливъ; а если ты въ несчастіи, друзья ронно ничего не значатъ. *Иокаста*. И знатное происхожденіе твое не доставляло тебѣ высокаго положенія? *Полиникъ*. Плохо не имѣть ничего; мое происхожденіе не кормило меня. *Иокаста*. А если такъ, то отечество повидимому для людей всего драгоценнѣе и милѣе. *Полиникъ*. О! Даже и выразить нельзя, какъ оно дорого и мило! ¹⁾.

quem illa (Iocusta) deinde cum Polynice conservit sermonem, eius prior pars, qua singulatim exquirat cur grave sit patria carere, non est ita inserta, ut appareat qui hoc in mentem venerit Iocustae. Quo fit ut ista aliena ab re videri debeant. Sencit hoc, qui nuper libellum de chronologia fabularum Euripidearum scripsit. Herm. Zirnhoferus, sciteque observavit (стр. 81—83) respici revocatum magno cum plausu Atheniensium Alcibiadem, qui quum redisset Athenas, multum ipse in concione de acerbitate exilii fuerit conquestus, omninoque in Polynicia persona, qui iustum patriae bellum intulisset, defensionem quamdam incere Alcibiadis, ut acta putanda sit fabula Olym. XII, 2.

¹⁾ Phoen. (изд. Kirchhoff'a, Berol. 1855). 'Ιο. καὶ δὴ σ' ἐρωτᾷ πρῶτον ὡς ἡρήσῃ τοῦτ'· τί τὸ ἀπέρχασθαι πατρίδος; ἢ κακὸν μέγα; Πο. μέγιστον· ἔργῳ δ' ἐστὶ μεῖζον ἢ

Такого же мнѣнія другой не менѣе знаменитый изгнанникъ трагедій Эврипида, Орестъ. Когда онъ явился въ сестрѣ подѣ чужимъ именемъ съ вѣстями о себѣ, Электра въ трагедіи того же названія, подобно Іокастѣ спрашиваетъ о томъ, какъ живетъ ея братъ въ изгнаніи: гдѣ онъ, несчастный, проводитъ свое печальное изгнаніе? — Онъ не имѣетъ постоянного мѣстожителства, а скитается по разнымъ государствамъ, отвѣчаетъ Орестъ. — Но онъ по крайней мѣрѣ не терпитъ нужды относительно дневнаго пропитанія? — Да, на столько — то онъ имѣетъ средствъ, но все же бѣдствуетъ человѣкъ въ изгнаніи, замѣчаетъ Орестъ, а въ концѣ трагедіи, когда Діоскуры объявляютъ, что Электра за участіе въ убійствѣ матери не подвергается другому наказанію, кромѣ удаленія изъ отечества, говоритъ: *а что же другое ممکنъ быть юрестимъ, какъ покидать предѣлы родной страны?* ¹⁾.

На основаніи этой привязанности къ родицѣ и невозможности счастья внѣ ея Ираклъ, для того, чтобы получить возможность возвратиться въ отечество съ своимъ семействомъ, предпринимаетъ по требованію Эвриссея великій и опасный трудъ ἐξημαρτάει γαῖαν, хотя и въ Оивахъ онъ жилъ у своего тестя Креонта, царя Оиванскаго ²⁾.

λόγῳ. 'Ιο. τίς ὁ τρόπος αὐτοῦ; τί φυγάσιν τὸ δυσχερές; Πο. ἐν μὲν μέγιστον οὐκ ἔχει παρηρσίαν. 'Ιο. ὁούλου τούτ' αἰπας, μὴ λέγειν, ἃ τις φρονεῖ. Πο. τὰς τῶν κρατούντων ἀμαθίας φέρειν χρεών. 'Ιο. καὶ τοῦτο λυπρόν, συνασφαλεῖν τοῖς μὴ σοφοῖς. Πο. ἀλλ' εἰς τὸ κέρθος παρὰ φύσιν δουλευτέον. 'Ιο. αἱ δ' ἐλπίδες βόσκουσι φυγάδας, ὡς λόγος. Πο. χαλοῖς βλέπουσαι γ' ὁμασιν, μέλλουσαι δε... 'Ιο. πόθεν δ' ἐβόσκει πρὶν γάμοις εὐρεῖν βίον; Πο. ποτὲ μὲν ἐπ' ἡμῶν εἶχον, εἴτ' οὐκ εἶχον ἄν. 'Ιο. φίλοι δὲ πατρός καὶ ξένοι σ' οὐκ ὠφέλουσι; Πο. εὖ πράσσει· τὰ φίλων δ' οὐδέν, ἣν τις δυστυχῇ. 'Ιο. οὐδ' ἡγάγετα σ' ἦρεν εἰς ὄψος μέγα; Πο. κακὸν τὸ μὴ ἔχειν· τὸ γένος οὐκ ἐβόσκει με. 'Ιο. ἡ πατρίς, ὡς εἰπες, φίλτατον βροτοῖς. Πο. οὐδ' ὀνομάσαι δύναι' ἄν ὡς ἀεὶ φίλον (ст. 388 слл.).

¹⁾ El. 'Πλ. ποῦ γῆς ὁ τλήμων τλήμονας φυγάς ἔχων; 'Ορ. οὐχ ἕνα νομίζων φθεῖρεται πόλεως νόμον. 'Πλ. οὐ ποὺ σπανίζων τοῦ καθ' ἡμέραν βίου; 'Ορ. ἔχει μὲν, ἀσθενῆς δὲ δὴ φεύγων ἀνὴρ (ст. 233 сл.). Διόσχ. οὐχ ἡδ' ('Πλέκτρα) οἰκτρὰ πέπονθεν, πλὴν ὅτι λέγειαι πόλιν 'Αργείων. 'Ορ. καὶ τίνας ἄλλαι στοναχαὶ μείζους ἢ γῆς πατρί; : ὅρον ἐκλείπειν (ст. 1311 сл.). Ср. fragm. 30 ἀλλ' ὅμως οἰκτρός τις αἰὼν πατρίδος ἐκλείπειν ἔρουσι — слова, которыми произноситъ Электра въ драмѣ того же названія, по мнѣнію Веллкера (Die Griech. Trag. II, 866), предполагая убѣждать съ своею возлюбленною (родною сестрою), а по мнѣнію Гартмана (Eurip. recitatus, I, 259), что эврипидъ, предъ своимъ невольнымъ удаленіемъ изъ отечества по приказанію отца, который изгнаниемъ изъ отечества наказываетъ сына за преступную любовь къ сестрѣ, подобно тому какъ Одессъ наказываетъ Ипполита (см. ниже).

²⁾ Here. Eur. 'Ἀμφ. λιπὼν δὲ θήβας ('Ηρακλῆς), οὐ κατοικήσθην ἐγώ, ... 'Αργεῖα τεῖχος καὶ Κυκλωπείαν πόλιν ὠρέεσθαι οἰκίσιν, ἣν ἐγὼ φεύγων κτανὼν 'Πλεκτρώων... συμ-

Несравненно худшее положеніе пришлось испытать семейству Иракла послѣ его смерти.

Чтобы избѣжать смерти, которою угрожалъ ему Эвриссеей, семейство Иракла бѣжить изъ отечества, но ни въ одномъ государствѣ Эллады не находятъ убѣжища и защиты; вездѣ, по требованію Эвриссея, Ираклидовъ изгоняють, видя ихъ слабость и безпомощность и преклоняясь предъ могуществомъ и силою Эвриссея, пока наконецъ послѣ долгаго блужданія, они не находятъ защиту и покровительство въ Атикѣ со стороны всегда великодушныхъ и благочестивыхъ Аѳинян¹⁾.

Если такъ печально и безпомощно было положеніе Эллина въѣхъ своего πόλις даже въ предѣлахъ Эллады, хотѣвъ πατρίς всѣхъ Эллиновъ, то безъ сомнѣнія еще болѣе приходилось Эллину терпѣть лишеній и видѣть горя въ странахъ не эллинскихъ, варварскихъ. Въ дошедшихъ до насъ трагедіяхъ Эврипида въ такомъ положеніи находится Ифигенія съ хоромъ Эллиновъ въ „Ифигенія у Тавровъ“ и Елена въ трагедіи того же названія. Правда, онѣ не распространяются и не говорятъ такъ обстоятельно, какъ Полиникъ, о непріятности своего положенія среди варваровъ; но это разумѣется само собою, и, кромѣ того, подтверждается какъ ихъ положеніемъ, въ которомъ онѣ представляются въ трагедіяхъ, такъ и словами и страстнымъ желаніемъ ихъ возвратиться на родину. Хотя Ифигенія не подвергается у Тавровъ никакимъ физическимъ мученіямъ и лишеніямъ, а занимаетъ напротивъ почетное положеніе жрицы Артемиды: тѣмъ не менѣе вдали отъ отечества, родныхъ и друзей, въ странѣ совершенно чуждой и варварской она не могла хоть сколько нибудь быть довольною и счастливою, а повидимому почетное положеніе ея, какъ жрицы Артемиды, налагая на нее невольную и тяжелую обязанность, если не убивать, то κατάρχεσθαι Эллиновъ, попавшихся въ руки къ Таврамъ,

γυράς δὲ τὰς ἑμας ἐξευαριζῶν καὶ πατρὶν οἰκεῖν θέλων καθόλου διέσωσε μισθὸν Εὐρύσσει
ῖεγαν ἐξημερῶσαι γαῖαν (ст. 12—20).

¹⁾ Περικλῆς. Ἰολ. ἐπεὶ γὰρ αὐτῶν (дѣтей Иракла) γῆς ἀπηλλάχθη πατὴρ, πρῶτον μὲν ἡμᾶς ἤθελ' Εὐρύσσεὺς κτανεῖν. ἀλλ' ἐξεύραμεν καὶ πόλις μὲν οἴγεται, ψυχὴ δ' ἐσώθη. φεύραμεν δ' ἀλώμενοι ἄλλην ἀπ' ἄλλης ἐξορίζοντες πόλιν, πρὸς τοῖς γὰρ ἄλλοις καὶ τούτ' Εὐρύσσεὺς κακοῖς ὕβρισμ' ἐς ἡμᾶς ἤξισεν ὕβρισαι. ῥῆπων ὅπου γῆς πονθάνοιθ' ἰρυμένους κήρυκας ἐξαιτοῖ τε κάλειργει γῆνους... οἱ δ' ἀσθενὴ μὲν τὰν ἐμοῦ δεδερκότες, σμικροῦς δὲ τοῦσδε καὶ πατρός τητωμένους τοὺς χρείσοντας ἀέροντες ἐξείργουσι γῆς... πάσης δὲ χώρας Ἑλλάδος τητῶμενοι, Μαραθῶνα καὶ σύγγλητρον ἀλλύοντες γῆνα, καίεται καθεζόμεσθα βώριαι θεῶν προσωφελήσαι (ст. 12—34).

доставляло ей величайшія нравственныя мученія ¹⁾),—обязанность, благодарни которой ея родной братъ една избѣжалъ богопротивной смерти отъ ея собственной руки (ст. 870). Потому, какъ только представлялась возможность бѣжать, Ифигенія рѣшается на это съ полною готовностью, хотя бѣгство это—въ высшей степени рискованно и, не имѣвшей Аянна, кончилось бы смертью ея и ея спутниковъ. А хоръ Эллиновъ, который желалъ бы хоть во снѣ побывать дома ²⁾, когда рѣшено было бѣгство Ифигенин, оплакиваетъ свою горькую участь все оставаться вдали отъ отечества и выражаетъ желаніе увидать опять собранія Эллиновъ, Артемиду, обитающую у Кивевійскаго холма (на о. Дилосѣ), роскошную палату, вѣтвистый лавръ и священную свѣтлозеленую олівку ³⁾. Ахъ желала бы и, заканчиваетъ хоръ свою мечтательно-горестную пѣснь, подвѣяться теперь въ тотъ прозрачно-свѣтлый инподрюмъ, по которому совершаетъ свой путь пылающее солнце; надъ кровомъ роднымъ остановила бы и размахъ крыльевъ своихъ и стала бы я въ хороводъ, гдѣ и прежде стояла, когда была невѣстою, достойною знатнаго жениха, и на глазахъ у милой матери водила вокругъ своихъ ровестницъ-подругъ, составляя съ ними въ красотѣ и роскошной прелести волюсь и покрывая лицо свое красивымъ покрываломъ и кудрями ⁴⁾.

¹⁾ Ἰφι. Τηυρ. 'Ορ. θύσαι δὲ τίς με καὶ τὰ θεῖνὰ τλήσεται; 'Ιφ. 'εγώ.... 'Ορ. ἀζήλᾳ γ', ὡ νεᾶνι, κοῦκ εὐδαίμωνι; 'Ιφ. ἀλλ' εἰς ἀνάγκην καί μεθ', ἣν φυλακτέον (ст. 617—620).—'Ιφ. ὅς ἂν κατέλθῃ τήνδε γῆν Ἑλλήν ἀνὴρ, κατάρχομαι μὲν, σφάγια δ' ἄλλοις αἰνέει (ст. 39—40).—'Ιφ. ὡ καρδία τάλαινα, πρὶν μὲν ἐς ξένους γαλήνῃς ἔσθαι καὶ φίλοις τεύχεσσι, ἀεὶ, ἐς θεομόφουλον ἀναμετρομένην λαχρῷ, Ἑλλήνας ἀνδρας ἤνικ' ἐς χέρσις λαίβοις (ст. 344—347).

²⁾ καὶ γὰρ ὕπνοις συνέειν δόμοις πόλει τε πατρίᾳ τερπνῶν ὕμνων ἀπολαύσειν, οἰνῶν χάριν ὀλβῶν (ст. 439—441).

³⁾ Χο. ὕπνις ...ἀλκυῶν, ...ἐγὼ σοι παραγγέλλομαι θρήνους ...ποθοῦσα Ἑλλήνων ἀγούρους, ποθοῦσα Ἀρτεμιν λοχίαν, ἢ παρὰ Κύνθιον ὄχθον οἰκίᾳ φοινίκᾳ θ' ἄβρῳ ἡμᾶν ἀφ' ἧν τ' εὐεργεσία καὶ γλαυκᾶς θαλλῶν ἱόνει καὶ εἰ,.... (ст. 1061—1070).

⁴⁾ λαμπροῦς ἐκποδρόμους β' ἔην,
ἐνθ' εὐάλειον ἔργεται πύρ·
οἰκίῳ δ' ὑπὲρ θαλάμων
πτέρυγας ἐν νώτοις 'μοῖς
λήξαιμι θεόζουσα·
χοροῖς δὲ σταίην, ὅθι καὶ
παρθένος εὐδοκίμων γάμων,
παρὰ πόδ', εὐλίσσουσα φίλας
πατέρας ἡλίκων θιάσους

Елена, на этотъ разъ цѣломудренная и добродѣтельная, но тѣмъ болѣе прехестная и завлекательная, по волѣ Зевса, который, производя изъ за будто бы похищенной жены Менелая ожесточенную войну между Эллинами и Фрикійцами, желалъ облегчить немного землю отъ тяжести обременявшаго ее множества людей (ст. 35—45), перенесена была въ Египетъ, гдѣ и жила подъ защитою и покровительствомъ Протея во время Троянской войны. Пока живъ былъ Протей, Елена не подвергалась никакимъ притѣсненіямъ. Хотя боги и лишили ее отечества и перенесли въ варварскую страну, гдѣ она, лишенная друзей, нѣ свободной сдѣлалась рабою, потому что у варваровъ всѣ рабы, кромѣ одного; но по крайней мѣрѣ ея честь, ея цѣломудріе и вѣрность мужу, благодаря могущественному покровительству старика Протея, не подвергались испытанію и опасности ¹⁾. Смерть

ἐς ἀμίλλας· χαρίτων
χαίτας ἀβροκλότοις
εἰς ἔριν ὀνομαίμενα πολυκοίσιλα
φάρια καὶ πλοκάμους περιβαλλομένα
γένουσιν ἐσχίστον (ст. 1137—1150). Мы старались передать по возможности

въ переводѣ смыслъ этого столько же поэтического, сколько и труднаго мѣста, какъ оно читается въ рукописяхъ, по изданію Кирхгоооа. Трудности этого мѣста останавливали на себѣ вниманіе всѣхъ издателей Иенгеніи у Тавроуъ и заставляли прибѣгать къ разнымъ, болѣе или менѣе удачнымъ и не удачнымъ конъектурамъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ, никому еще не удалось разъяснить, или исправить это мѣсто такъ, чтобы это казалось удовлетворительнымъ не для одного только издателя, но и для другихъ. (См. крит. зам. къ этому мѣсту въ изданіяхъ Пелуги-Клотца, Кирхгоооа, Кёхли, Фикса, Динкореа и особенно Гот. Германна, который разбираетъ неправильности рукописнаго текста). Г. А. Нѣуль, не смотря на свою оытность и силъность въ исправленіи текстовъ, въ adn. crit. сознается въ невозможности исправить это мѣсто: *verum deperditis, quibus emendandis impares sumus.*

¹⁾ Hcl.: 'Ελ. ἐπειτα πατρίδος θεοί μ' ἀφιδρύσαντο γῆς

εἰς βάρβαρ' ἤθη· καὶ φίλων τητωμένην

δοῦλη καθίστηται· οὐα! ἐλευθέρων ἀπο·

τά βαρβάρων γὰρ ὅλλα πάντα πλὴν ἑνός: (ст. 272—275; ср. 693—696).

ἔως μὲν οὖν φῶς ἡλίου τόδ' ἔβλεπε

Πρωτεύς, δούλος ἦν γάμων· ἐπεὶ δὲ γῆς

σκότφ κέκρυπται, παῖς ὁ τοῦ τεθνηκότος

θηρᾷ γαμεῖν με. τὸν κάλει δ' ἐμὸν πόσιν

εὐμῶσα, Πρωτέως μνῆμα προσκίττω τόδε

ἱκέτις, ἵν' ἀνδρὶ τάμᾳ διασώσω λέχη (ст. 60—65);

Ср. Μεν. εἰ δὲ λέκτρα διέφυγες τάδ' οὐκ ἔχω. 'Ελ. ἄθικτον εὐνὴν ἴσθι σοι σε-
σωμένην.... ὁρᾷς τάφου τοῦδ' ἀλλίου; ἔδρας ἐμάς; ...ἐνταῦθα λέκτρων ἱκατεύομεν
φυγᾶς... ἔρρεθ' ἡμᾶς τοῦτ' ἴσον ναοῖς θεῶν.

Протей лишила ее единственной защиты, и послѣднего убійщика. Сынъ и наслѣдникъ Протей Θεοκλῆμης, прельщенный красотой Елены, неотступно преслѣдуетъ ее своими предложеніями вступить съ нимъ въ супружество, такъ что Елена, не находя нигдѣ и ни въ комъ защиты, принуждена искать убійщика на могилѣ Протей. Здѣсь, на берегу моря, она встрѣчаетъ, послѣ разговора съ Тевкромъ, хоръ плѣнныхъ Ἰλινιδῶν и, разказавъ имъ о своихъ несчастіяхъ, въ заключеніе своей рѣчи говорить, что жить ей больше нѣтъ возможности, остается только покончить съ жизнью: до такой глубины бѣда дошла она. Правда, она могла бы избавиться отъ притѣсненій, согласившись на бракъ съ варваромъ; но когда мужъ противенъ женѣ, то и это становится противнымъ и невозможнымъ ¹⁾. Изъ этого безвыходнаго положенія спасаетъ Елену появленіе Менелая, съ которымъ она при помощи хитрости, свойственной женщинамъ, и при содѣйствіи всевидущей Θεοπιά, сестры Θεοκλῆμης, бѣжитъ въ свое отечество, гдѣ она желаетъ по крайней мѣрѣ умереть ²⁾.

Не въ лучшемъ свѣтѣ представляеть Эврипидъ положеніе варваровъ, занесенныхъ судьбою въ Элладу, не говоря уже о тѣхъ несчастныхъ, которые вслѣдствіе войны или какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ попадали къ Ἰλινιδῶν въ рабство ³⁾. Какъ Ифигенію

¹⁾ τί δῆτ' ἐτι ζῶ; τίς τιν' ὑπολείπειται τάχῃ; γάμοος ἄλυσήν τῶν κακῶν, ὑπαλλάττας μετ' ἀνδρὸς οἰκεῖν βαρβάρου...; ἀλλ' ὅταν κείσε, κικρὸς ζωνῇ γυναικί, καὶ τὸ σῶμα (?) ἐστὶν κικρὸν. θαναῖν κράτιστον... εἰς γὰρ τοσοῦτον ἡλθομεν βάθος κακῶν (ст. 292. 303).

²⁾ θαναῖν δ' ἑσθόν μ', εἰ κατακτεῖναι θέλω,

ἐν γῇ πατρίᾳ (ст. 1100); ср. Rhoe. 869 ὃ γαῖα πατρίς, πῶς ἂν ἐνθάδε μένοι;

³⁾ Такъ какъ рассмотрение судьбы этихъ несчастныхъ относится болѣе къ вопросу о рабахъ, то мы ограничимся здѣсь однимъ примѣромъ изъ трагедій Эврипида, а именно судьбою Андромахи въ трагедіи ея имени. Жена возмезднаго и храбраго Ἑκτοра доставлена въ рабство, послѣ ваттій Трои, сыну Ахилла, убившаго Ἑκτοра. Андромаха, какъ раба, не только должна была служить Неоптолему, но и принуждена была не отказывать въ ласкахъ любви сыну убійцы своего мужа, котораго она такъ любила, а это подвергало ее, безъ сомнѣнія, гораздо большаго нравственнымъ мученіямъ, чѣмъ униженіе Пріама, который

Ἐπὶ δ' οἱ πῶ τις ἐπικυρόνιος βροτὸς ἄλλος
ἀνδρὸς καὶ δόφονοιο ποτὶ στόμα χεῖρ' ὀρέσθαι

(Il. ω. 506). Положеніе Андромахи сдѣлалось еще хуже, когда Неоптолемъ женился на Ἑρμιонῇ, дочери Менелая. Эта коварная, гордая и жестокая спартанка всячески старалась погубить и безъ того несчастную Андромаху въ ея смнѣннотъ отъ Неоптолема. При содѣйствіи своего отца, не уступающаго дочери въ жестокости и коварствѣ, Ἑρμιона была уже близка къ исполненію своихъ безчеловѣчныхъ плановъ: угрозами убить сына, они заставили Андромаху оставить

и Елену боги перенесли въ варварскія страны, такъ судьба и любовь занесли Мидію въ Элладу и положеніе послѣдней было въ концѣ нисколько не завиднѣе положенія первыхъ. Не смотря на то, что Мидія пожертвовала для Иасона всѣмъ, что для нея было прежде священно и дорого: своимъ отечествомъ и родными; Иасонъ бросилъ ее безъ всякаго повода съ ея стороны, ради коринеской царевны, ради именитой и богатой родни (ст. 591), и та, которая спасла ему жизнь и порвала ради его всѣ связи съ отечествомъ, осталась въ чужой, далекой странѣ безъ родныхъ, безъ друзей, безъ защитниковъ и покровителей ¹⁾. Тутъ Мидія поневолѣ вспомнила о своемъ отцѣ, родномъ домѣ и отечествѣ; потому что изъ собственнаго несчастія узнала, что значить лишиться отечества и что бѣгство изъ него влечетъ за собою много бѣдъ ²⁾. Царь Коринескій, отецъ молодой царевны, гонитъ Мидію изъ предѣловъ своей страны и нѣкому замолвить за нее слово. Такое безвыходное положеніе наводитъ хоръ Коринѣянокъ, сочувствующихъ Мидіи, на слѣдующія размышленія: О отечество, о кровъ мой родной! Не приведи меня Богъ лишиться отечества и проводить вѣкъ въ нуждѣ и горѣ: *Пусть смерть, смерть порази́тъ меня, прежде нежели доживу я до этого ужаснаго дня.* Нѣтъ несчастія больше, какъ лишиться отечества. Не по рассказамъ чужимъ могу я это сказать; нѣтъ, я видѣла это своими глазами. Ты (Мидія) находишься въ ужаснѣйшемъ несчастіи и никто, ни городъ, ни друзья, никто не сжалился надъ тобою ³⁾.

храмъ Оетиды, подъ защиту котораго она прибѣгла, для того чтобы убить ее, а вмѣстѣ съ ней и сына, нисколько не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія пощадить его жизнь; если она отдастъ въ ихъ распоряженіе свою. Только неожиданное появленіе Пилея спасло Андромачу и сына ея отъ вѣрной смерти. Предчувствуя такую и подобную участь, въ «Троянкахъ» пѣланныя троянки разражаются отчаянными воплями, смотря на свое разрушенное и пылающее отечество, вмѣстѣ съ которыми погибло ихъ счастье и свобода (см. ст. 1272 и сл.).

¹⁾ Med. ст. 253—259.

²⁾ Med. Tr. ἔγνωκε δ' ἡ τάλαινα (Μῆδεια) συμφορὰς ὑπο
οἶον πατρός· μὴ ἀπολείπεσθαι χθονός (ст. 29—30).—Μη. ὦ πατρίς, ὡς σου χάρτα
νῦν μνηστὴν ἔχω· (328).—Ια. πόλλ' ἐφέλκεται φυγὴ κακὰ ζῶν αὐτῇ (460).

³⁾ ὦ πατρίς, ὦ δῶματά, μὴ

δῆτ' ἀπολίσ τενοίμαν·

τὸν ἀμυχανίας ἔχουσα·

δυσπέρατόν αἰὼνι·

οἰκτροτάτων ἀχέων.

θανάτῳ, θανάτῳ πάρος δαμείην

Съ нашей точки зрѣнія слова хора, его желаніе скорѣе умереть, чѣмъ лишиться отечества, могутъ показаться риторическимъ преувеличеніемъ, весьма далекимъ отъ истинной дѣйствительности; но въ устахъ Эллина это—далеко не пустые слова: если въ нихъ нѣтъ преувеличеніе, то самое незначительное. Жизнь въ отечествѣ, жизнь въ изгнаніи для Эллина была не жизнь, а политическая смерть, которая почти равнялась смерти физической и въ известныхъ случаяхъ могла замѣнять ее. Известно, что по аѳинскимъ законамъ изгнаніе изъ отечества почти равнялось смертной казни и какъ эта послѣдняя сопровождалась конфискаціею имущества ¹⁾; преступникъ, обвиняемый въ уголовномъ преступленіи, влекущемъ за собою смертную казнь, могъ свободно и безпрепятственно избѣгнуть суда и казни, оставя добровольно отечество и удалившись въ изгнаніе; даже во время самаго процесса, если обвиняемый послѣ первой рѣши видѣлъ, что остается мало надежды на оправданіе, могъ, если желалъ, предстоющую смертную казнь добровольно замѣнить удаленіемъ изъ отечества и никто не имѣлъ права его задерживать ²⁾; слѣдовательно тѣ, которые являлись предъ судомъ и оставались до кон-

ἀμέραν τάνδ' ἐξανύσασα· μό-
χθων δ' οὐκ ἄλλος ὑπερθεῖν ἤ
γὰρ πατρίας στέρεσθαι.
Εἶδομεν, οὐκ ἐξ ἐτέρων
μύθων ἔχω φράσασθαι·
οὐ γάρ οὐ κόλεις, φίλων τις
ᾤκτειρεν παθοῦσαν
δεινότητα παθῶν (ст. 640—653)

Такое же мнѣніе относительно изгнанія высказываетъ Метара въ «Вѣщен. Ирандъ» ст. 302 сл.: ἤδη δ' ἐσθλὰ μ' αἰ παραιτησάμεθα· φυγὰς τέκνων· τῶνδ' ἀλλὰ καὶ τὸδ' ἄθλιον, πενία ξὺν οἰκτρᾷ περιβαλεῖν σωτηρίαν κτλ

¹⁾ Πωληταί... πικράσκουσι... τὰς τῶν 'Αρείου πάγου μετὰ τὸν πρότερον λόγον φυγόντων οὐσίας Poll. VIII, 99.

²⁾ K. Fr. Hermann Privatalterth. § 73 (стр. 549): sühnt freiwillige oder gezwungene Entfernung aus der bürgerlichen Gemeinschaft auch das schwerste Vergessen. 'H ἐξ 'Αρείου πάγου βουλὴ κυρία δικάζει τε περὶ τοῦ σώματος καὶ φυγῆς ἐκείτου τῶν πολιτῶν, καὶ τοῖς μὲν βίαιᾳ θανάτῳ τεταλευτηκόσι βοηθεῖσαι, τοὺς δὲ παρὰ νόμον τι τῶν ἐν πόλει διαπραγμαμένους ἐκβαλεῖν ἢ θανάτῳ ζημιῶσαι Dinarch. c. Dem. § 6. — 'Εν 'Αρείῳ πάγῳ, οὐ εἶδωσι ὁ νόμος καὶ καλεῖται φόνον δικάζεσθαι.... τὸν πρότερον δὲ ἐξεστὶν εἰπόντα λόγον μεταστῆναι· καὶ οὗθ' ὁ δῖος οὐθ' οἱ δικάζοντες οὐτ' ἄλλος ἀνθρώπων οὐδεὶς κύριος κωλύσαι. Dem. c. Aristocr. 642—643. Ср. Pollux VIII, 117. Eurip. Orest. Ту же. καλῶς εἶηεντο ταῦτα πατέρες οἱ πόλιν.... φογαίει· δ' ὀσιούν, ἀνταποκταίνειν δὲ μὴ (ст. 515).

на процесса, рисковали своею жизнію, лишь бы только не лишиться своего отечества, и такимъ образомъ поступали согласно съ желаніемъ, выраженнымъ хоромъ въ „Мидіи“. Послѣ этого для насъ становится совершенно понятною та дилемма, которую ставитъ Ойсей, опредѣляя наказаніе, долженствующее постигнуть Ипполита за его минимую преступную любовь къ своей мачихѣ: его поразить одна изъ двухъ частей, или Посидонъ, исполняя мое проклятiе, отправить его въ домъ Ада, или, изгнанный изъ этой страны, онъ исчерпаетъ всю горечь жизни, скитаясь въ чужой странѣ ¹⁾).

Если такимъ образомъ по мнѣнію Эврипида, который въ этомъ случаѣ является краснорѣчивымъ истолкователемъ общегреческихъ воззрѣній, лишеніе отечества равно смерти и во всякомъ случаѣ есть одно изъ величайшихъ бѣдствій, которыя только могутъ постигнуть человѣка ²⁾), если жить, собственно говоря, можно только въ отече-

¹⁾ Hippol. Θη. δυοῖν δὲ μοῖραιν θανάτου πεπλήγεται.

ἢ γὰρ Ποσειδῶν αὐτὸν εἰς Ἄιδου δόμους

θανόντα πέμψει, τὰς ἐμὰς ἀρὰς σέβων,

ἢ τῆςδε χώρας ἐκπεσὼν ἀλώμενος

ξένῃν ἐπ' αἶαν λυπρὸν ἀντλήσει βίον (ст. 895 сл.). Ср. Electra 585 сл.

²⁾ Тотъ же самый Ойсей въ не дошедшей до насъ трагедіи его имени гово- рить: ἐγὼ δὲ τοῦτο παρὰ σοφοῦ τινος μαθὼν

εἰς φροντίδας νοῦν συμφορὰς τ' ἐβαλλόμεν,

φυγὰς τ' ἐμαυτῷ προσιθείς πάτρας ἐμῆς

θανάτους τ' ἀώρους καὶ κακῶν ἄλλας ὁδοὺς,

ἐν' αἰετὶ πάσχοιμ' ὧν ἐδόξαζον φρενί,

μή μοι νεώτερος προσησὼν μᾶλλον δάχοι (fr. 392). Haec vertit Cicero eo loco Tusculanarum disp. (3, 14, 29), quo docet praemeditatione futurorum malorum leniri eorum adventum, quae venientia longe antea videres. Verissime idem Euripidis ipsius sententiam a Thesaeo explicari animadvertit: «Quod Thesaeus a docto se audisse dicit id de se ipso loquitur Euripides. Fuerat enim auditor Anaxagorae quem ferunt nuntiata morte filii dixisse: sciebam me gennisse mortalem. (Hartung, Eurip. Rest. I, 549). Это сопоставленіе φυγῇ съ θάνατος, а равно и множество другихъ выше приведенныхъ мѣстъ изъ трагедій Эврипида относительно возможности жить только въ отечествѣ, наводятъ, вполне позволяють fr. 774 ὡς πανταχοῦ γε πατρίς ἢ βόσκησα γῆ и 1034 ἀπας μὲν ἀνὴρ ἀντὶ πατρίδος, ἀπασα δὲ χθὼν ἀνδρὶ γενναίῳ πατρίς не считать за выраженіе мнѣнія Эврипида, какъ противорѣчающее множеству другихъ мѣстъ, которые, находясь въ сохранившихся трагедіяхъ, имѣютъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ эти два отрывка, связь которыхъ съ предъидущими и послѣдующими мы не знаемъ. Въ опроверженіе этихъ космополитическихъ воззрѣній мы имѣемъ полное право сослаться на слова самого же Эврипида, влагаемые въ уста Полиника (Phoen. 358 сл.) ἀλλ' ἀναγκαίως ἔχει πατρίδος ἐρὼν ἀπαντας· δὲ δ' ἄλλως λέγει, λόγοισι χαίρει, τὸν δὲ νοῦν ἑκάστω ἔχει. Ср. нижеслѣдующіе фрагменты.

ствѣ и никакое счастье внѣ его немислимо, то любовь къ отечеству и всецѣлая преданность ему, какъ источнику счастья, естественно должна быть самымъ первымъ и священнѣйшимъ долгомъ каждаго благонамѣреннаго и разумнаго гражданина. Отечество должно быть выше и дороже всего ¹⁾. Поричать свое отечество и восхвалять сравнительно съ нимъ другія государства можетъ только неблагонамѣренный или безразсудный человѣкъ; тѣмъ болѣе неопозволительно и преступно враждебно дѣйствовать противъ отечества и вести противъ него войну, даже и въ томъ случаѣ, если тотъ или другой гражданинъ дѣйствительно подвергается несправедливости и обидѣ въ своемъ отечествѣ, потому что и въ такомъ случаѣ виновато не отечество, а тѣ, которые дѣлають эти несправедливости и управляютъ страной ²⁾.

¹⁾ Πολλοῦ γάρ χρυσοῦ καὶ κλοῦτου
 χραισμών πάτρα σώφρονι νέειν
 τὸ δὲ εὐντροφον ἀδύ τι θνητοῖς
 ἐν βίῃ χωρεῖ (fr. 1033).
 αὐ δ' ὦ πατρίδα χθών ἐμῶν γεννητόρων
 χαῖρ'. ἀνδρὶ γάρ τοι, κἄν ὑπερβάλλῃ κακοῖς,
 οὐκ ἔστι τοῦ θράσφατος ἤδιον πέδον (fr. 814). Τί γάρ πατρίδας ἀνδρὶ φίλτερον
 χθονός; восклицаетъ Онеклъ, возвратившись изъ Трипины въ Аттику (fr. 6. См. Welcker, Gr. Trag. II, 731; Hartung. Eur. rest. I, 296).

²⁾ Εἰ δ' ἦσθα μὴ κάκιστος, οὐκοῦτ' ἐν πάτραι
 τὴν σὴν ἀτίζων τήνδ' ἀν εὐλόγαις πόλιν.
 ὥς ἐν γ' ἐμοὶ κρίνοιτ' ἄν οὐ καλῶς φροναῖν,
 ὅστις πατρίδας γῆς ἀτιμάζων βροῦς
 ἄλλην ἐπαινεῖ καὶ τρόποισιν ἤθεται (fr. 349). Въ 'Ικτιίδες Адрастъ, расхваливая Θεοκля ('Ετέοκλον, а не 'Ετεοκλέα), къ его добродѣтелямъ относится между прочимъ и то, что онъ τοὺς ἑξαμαρτάνοντας, οὐχὶ τὴν πόλιν ἤχθαι" ἐπαιτοὶ κοῦδὲν αἰτία πόλις κακῶς κλύουσα διὰ κοβερνήτην κακόν (ст. 878—880). Ср. окрѣсть Эврипида у Аристофана на вопросъ Діониса, какого онъ мнѣнія объ Афинядахъ: μισῶ πόλιν, ὅτις ὀφθαλμῶν πάτραν βραδύς πέφυκε, μεγάλη δὲ βλάπτειν ταχύς, καὶ πόριμον αὐτῇ, τῇ πόλει δ' ἀμήχανον (Лягушки, ст. 1427—1429). Въ «Финикиянкахъ» Иокаста, желая примирить враждующихъ братьевъ, говоритъ Полинику: ἀξύνετα δ' ἦλθεῖς καὶ σὺ πορθήσων πόλιν..

φέρ', ἣν ἔλγες γῆν τήνδ', δ μὴ τύχοι ποτέ,
 πρὸς θεῶν, τροπαία πῶς ἀναστήσεις δορές;
 πῶς δ' αὖ κατάρξει θυμάτων, εἰὼν πάτραν
 καὶ σκόλα γράψας πῶς ἐπ' Ἰνάχου ροαῖς
 «Θῆβας πυρώσας τάσδε Πολυνείχης θεοὶς
 ἀσπίδας ἔθηκε». μὴ κοτ', ὦ τέκνον, κλέος
 τοιοῦδε γένοιτ' ἀφ' Ἑλλήνων λαβεῖν (569 сл.); ср. 604: Πο. ὦ θεῶν. βωμοὶ πατρίων, 'Ετ. οὐς σὺ πορθήσων πάραι. Πο. κλύετέ μου, 'Εт. τίς δ' ἄν κλέοι σου πατρίδ' ἐπιστρατευμένου. Πο. καὶ θεῶν τῶν λευκοπέλων δώμαθ', 'Εт. οἱ στυγοῦσας, κтл..

Благоразумный и истинно любящій свое отечество гражданинъ не только не долженъ враждовать противъ своего отечества, но напротивъ долженъ всѣми силами и всѣми зависящими отъ него средствами заботиться о спасеніи свободы и независимости отечества, его счастья и благоденствія; потому что благоденствіе, могущество и сила отечества увеличиваютъ счастье и усиливаютъ значеніе отдѣльныхъ гражданъ, точно также, какъ на оборотъ, несчастье и политическое безсиліе государства неблагоприятно отражаются на счастьи и значеніи каждаго гражданина ¹⁾. Еще тѣснѣе связывается свобода и независимость государства съ свободою членовъ его. Элины, защищая свое отечество и сражаясь противъ враговъ его, защищали въ то же время свою собственную свободу и жизнь, а часто и свободу жены, дѣтей и родителей; потому что за пораженьемъ войска и сдачею того или другаго города нерѣдко слѣдовало избіеніе всѣхъ или части сданныхся и отведеніе въ рабство стариковъ, женщинъ и дѣтей; и это случилось въ самую блестящую эпоху исторической жизни древнихъ Эллиновъ—во время Пелопоннесской войны ²⁾.

¹⁾ Εἰκὸς δὲ παντὶ καὶ λόγῳ καὶ μηχανῇ

πατρίδος ἐρώντας ἐκποιεῖν σωτηρίαν (fr. 729). Πατρίς καλῶς πρᾶσσουσα τὸν τοχόντ' αἰεὶ μεῖζον τίθησι, δυστυχούσα δ' ἀσθενῇ (fr. 795). Справедливость послѣдняго изреченія нѣкъ велика яенѣе доказываетъ поведеніе Ксенофонта относительно Спартапцовъ во время отступленія 10.000. Ср. напримаръ Анаб. VI, 1, 17 сл., IV, 6, гдѣ описывается столкновеніе предводительствуемаго Ксенофономъ войска съ Клеандромъ. Убавдая солдатъ уступить Спартапцу, Ксенофонтъ между прочимъ говоритъ (§ 12 сл.) τῆς δὲ Ἑλλάδος Λακεδαιμόνιοι πρὸς αἰχμασίαν ἵκανοὶ δὲ εἰσι καὶ εἰς ἕκαστος Λακεδαιμονίων ἐν ταῖς πόλεσιν ὅτι βούλονται διακράττεισθαι πτλ...; VII, 1 κ др.

²⁾ Напримаръ, послѣ морскаго сраженія при устьѣ Анаракійскаго залива Керкирепцы τοὺς μὲν ἄλλους οὐς ἔλαβον αἰχμαλώτους, ἀπέκτειναν, Κορινθίους δὲ δῆσαντες εἶχον (Θυγ. I, 30). Послѣ сдачи Платеи, хотя Платейцы и указывали, что ὁ νόμος τοῖς Ἕλλησι μὴ κτείνειν τοὺτους το-αсть οὐς ἔλαβον ἐχόντας καὶ χεῖρας προῖαχομένους, тѣмъ не менѣе Спартапцы ихъ ἀπέκτεινον καὶ ἐξαίρετον ἐποίησαντο οὐδένα, διέφθειραν δὲ Πλαταιῶν μὲν αὐτῶν οὐκ ἔλασσους διακοσίων, Ἀθηναίων δὲ πάντες καὶ εἰκοσίαν, οἱ ἔνεκπολιορχοῦντο γυναῖκας (которыхъ Платейцы оставили на время осады въ городѣ въ числѣтѣ αἰκοποιοί II, 78) ἡνδραπόδιασαν (III, 68). Послѣ сдачи Митилинии Аеняпаны сначала ἐδοξεν αὐ τοὺς παρόντας μόνον ἀποκτείνειν, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἀπαντας Μυτιληναίους δεοὶ ἡβῶσιν, παῖδας δὲ καὶ γυναῖκας ἀνδραποδίσαι (III, 36). Все это дѣлаемое въ силу того, что былъ νόμος ἐν πᾶσιν ἀνθρώποις αἰδίας, ὅταν πολεμοῦντων πόλεις ἀλφ, τῶν ἐλόντων εἶναι καὶ τὰ σώματα τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τὰ χρήματα (Хеп. Суг. VII, 5, 73). Да и вообще врагамъ, захваченнымъ на-камъ бы то ни было образомъ, пощады не давали. Аеняпаны, перехватывая при содѣйствіи царя Фракійскаго Ситакка послонъ молононнесскихъ, шедшихъ къ

Ко времени этой войны, въ которой Аѳиняне боролись всѣми силами за игемонію въ Элладѣ, относится появленіе въ свѣтъ почти всѣхъ трагедій Эврипида; потому кромѣ общихъ и постоянныхъ причинъ, заставляющихъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, прославлять любовь къ отечеству и самопожертвованіе за него, ожесточенная война, въ теченіе которой Аѳиняне то брали верхъ, то были побеждаемы, то бодро и твердо шли на встрѣчу опасностямъ, то падали духомъ и унижали, невольно вызывала въ такомъ патріотѣ, какъ Эврипидъ, желаніе и подавала поводъ напоминать со сцены гражданамъ-зрителямъ объ ихъ обязанностяхъ къ отечеству и вѣчной славѣ, ожидающей тѣхъ изъ нихъ, которые пожертвуютъ своею жизнью, защищая честь и свободу отечества, женъ и дѣтей своихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Эврипидъ исполнилъ задачу и долгъ поэта: быть учителемъ взрослыхъ, какъ понимали это современники Эврипида, и если его трагедіи не имѣли въ виду дѣлать гражданъ *тетραπῆχες* и *θυμὸς ἐκταβοείους*, то *διαδρασκόλιτας* тоже не дѣлали, а напротивъ *χρηστοὺς καὶ γενναίους*, какъ и трагедіи Эсхила¹⁾.

Смерть за отечество Эврипидъ прославляетъ во многихъ мѣстахъ и выставляетъ самую лучшею изъ смертей. Если необходимо умереть, то лучше всего умереть со славою, защищая честь и свободу отечества; если есть чтонибудь священное и дорогое для человека, ради чего онъ можетъ, не колеблясь и не опасаясь заплатить слишкомъ дорого, пожертвовать самимъ собою, своимъ существованіемъ, то это — отечество, которому онъ обязанъ этимъ существованіемъ. Смерть за отечество доставляетъ славу и честь не только умершему, но и его семейству, роду и племени; потому она бываетъ удѣломъ далеко не всѣхъ, а только благородныхъ и мужественныхъ гражданъ²⁾. Слава

персидскому царю, *ἀκρίτους καὶ βουλομένους ἔστιν ἃ εἰπεῖν αὐθημερόν ἀπέκταναν πάντας καὶ ἐς φάραγας εἰσβαλόν* въ отищеніе пехополкистѣвъ, которые точно также поступали съ захваченными ими аѳинскими купцами (Эур. II, 67). Ср. III, 32, II, 5, III, 66 и др.

¹⁾ Aristoph. *Ranae*, Αἰσχ. *ἀπόχρивαι μοι, τίνας ὀδυνηὰ χρή θαυμάζειν ἄνδρα ποιητὴν; Εὐρ. διείδητος καὶ νουθεσίας, ὅτι βελτίους τε ποιῶμεν τοὺς ἀνθρώπους ἐν ταῖς πόλεσιν* (ст. 1008—1010). Αἰσχ. *σκέψαι τοίνυν οἷους αὐτοὺς παρ' ἐμοῦ παρεβέβητο πρῶτον, εἰ γενναίους καὶ τετραπῆχες, καὶ μὴ διαδρασκόλιτας, μηδ' ἀγροαίους.... ἀλλὰ κνέοντας δόρυ καὶ λόγχας.... καὶ θυμὸς ἐκταβοείους* (1013—1017). Αἰσχ. *τοῖς μὲν γὰρ παιδαρίοισιν ἔστι διδάσκαλος ὁστις φράζει, τοῖς ἡβῶσιν δὲ ποιηταί. πάντο δὲ δεῖ χρηστὰ λέγειν ἡμᾶς* (ст. 1055—1056).

²⁾ Troad. *Ἐκὰβῃ* (обращаясь къ трупу маленькаго Астіанакта, сброшеннаго победителями съ троянскихъ стѣнъ): *ὦ φίλταθ', ὥς σοι θάνατος ἦλθε δοστοχῆς*.

этихъ, храбрѣхъ и самоотверженныхъ защитниковъ отечества переходить изъ рода въ родъ и никогда не забывается; только варвары забываютъ своихъ защитниковъ и имъ воздаютъ почестей умершимъ славно за отечество; у Эллиновъ, какъ народа образованнаго и умѣющаго цѣнить заслуги благородныхъ и всегда готовыхъ служить отечеству и жертвовать для него всѣмъ, слава защитниковъ свободы и чести отечества не погибаетъ; имъ воздаются почести не только при жизни, но и послѣ смерти, для того, чтобы оставшіеся въ живыхъ, видя эти почести, съ большею готовностію жертвовали своею жизнію, въ надеждѣ, что и имъ будутъ оказываться такія же почести, если они погибнутъ, сражаясь за отечество ¹⁾).

εἰ μὲν γὰρ ἔθανες πρὸ πόλεως, ἥβης τυχών,
γάμων τε καὶ τῆς ἰσοθέου τυραννίδος,
μακάριος ἦσθ' ἀν... (ст. 1167—1170). Gr. Electra, Κλ. καὶ μὲν πόλεως ἄλωσιν
ἐξίωμενος,

ἡ δὲμ' ὄνῃσιν, τάλλατ' ἐκώζων τέχνα,
ἔστινε (Ἀγαμέμνων) πολλῶν μίαν (Ἰφιγένειαν) ὑπερ, σύγγνωστ' ἀν ἦν (ст. 1024 сл.). Rhos. Hniox. θανεῖν γὰρ εὐκλειῶς μὲν, εἰ θανεῖν χρεών,
λοπρὸν μὲν οἶμαι τῷ θανόντι· πῶς γὰρ οὐ;

τοῖς ὦσι δ' ὄγκος καὶ δόμων εὐδοξία (768 сл.). fr. 728 φιλεῖ τοι πόλεμος οὐ πάντων
τυχεῖν, ἐσθλῶν δὲ χαίρει πτώμασιν νεανιῶν, κακοῦς δὲ μισεῖ. τῇ πόλει μὲν οὖν νόσος
τόδ' ἐστὶ, τοῖς δὲ κατθανόνουσιν εὐκλείς. Въ «Троинкахъ» вѣщая Кассандра утѣ-
шаетъ отчаянно плачущую мать, между прочимъ, тѣмъ, что Τρῶες, δι' πρῶτον
μὲν, τὸ κάλλιστον κλέος, ὑπὲρ πάτρας ἔδνησκον, что Θητορὶ δόξας ἀνὴρ ἀριστος
οἶχεται θανάω.

καὶ ταῦτ' Ἀχαιῶν ἤεις ἐξεργάζεται
εἰ δ' ἦσαν οἴκοι, χρηστός ἔλαθεν ἀν γεγώς и что φεύγειν μὲν οὖν χρὴ πόλεμον,
δστις εἰ φρονεῖ.

εἰ δ' εἰς πόδ' ἔλθοι, στέφανος οὐκ αἰσχρὸς πόλει
καλῶς ὀλέσθαι, μὴ καλῶς δὲ δυσκλείς (стр. 386—402).

¹⁾ Въ «Екάρбѣ» Одиссеѣ на упреки Гекубѣ въ томъ, что онъ не хотѣлъ
спасти жизнь Поликсены, которую Эллины постановили принести въ жертву
Ахиллу, отвѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующими словами:

ἡμῖν δ' Ἀχιλλεὺς ἄξιος τιμῆς, γύναϊ,
θανὼν ὑπὲρ γῆς Ἑλλάδος κάλλιστ' ἀνὴρ·
οὐκ οὖν τόδ' αἰσχρόν, εἰ βλέποντι μὲν φίλῳ
χρῶμεσθ', ἐπεὶ δ' ὄλωλε, μὴ χρῶμεσθ' ἔτι;
εἴεν· τί δῆτ' ἐρεῖ τις, ἦν τις αὖ φανῇ
στρατοῦ τ' ἀθροισις πολεμίων τ' ἄγανία;
πότερα μαχούμεθ' ἢ φιλοφυχέσμεν,
τὸν κατθανόντ' ὀρώντες οὐ τιμώμενον;..
οἱ βάρβαροι δὲ μῆτε τοὺς φίλους φίλους

Кромѣ такихъ и подобныхъ отдѣльныхъ мѣстъ и изреченій, сказанныхъ болѣе или менѣе встать, въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ Эврипида есть большія сцены и даже цѣлыя трагедіи, въ которыхъ развивается мысль о необходимости добровольнаго самопожертвованія за отечество и семью, и выставляются героями, достойными вѣчной славы, удивленія и подражанія тѣ, которые отдаютъ свою жизнь для доставленія своему отечеству побѣды надъ врагами, когда эта побѣда обусловливается ихъ смертію. Мы разумѣемъ тѣ трагедіи, въ которыхъ жрецы и предсказатели необходимыми условіемъ побѣды надъ врагомъ ставятъ во имя боговъ принесеніе въ жертву дѣтей высокопоставленныхъ гражданъ или царей, а именно: 'Ηρακλείδα, Φοίνισσα и 'Ιφιγένεια ἡ ἐν Αὐλίδι.

Въ „Ираκлядахъ“ Эврипсоей идетъ съ аргивскимъ войскомъ противъ Аоніи, давшихъ пріютъ и убѣжище семейству Иракла. Великодушные Аоніяне, которые всегда готовы помочь угнетеннымъ (ст. 330), подъ предводительствомъ царя своего Димофона, выступаютъ навстрѣчу гордому врагу, чтобы отразить силу силою. Но предсказатели, спрошенные Димофономъ объ исходѣ борьбы, всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ, что для одержанія побѣды надъ врагомъ необходимо принести въ жертву дочери Димитры дѣвицу благороднаго происхожденія. Димофонъ отказывается какъ принести въ жертву свою дочь, такъ и принудить къ этому когонибудь изъ гражданъ (ст. 411—412), часть которыхъ уже начала выражать свое неудовольствіе противъ царя зато, что онъ вовлекъ городъ въ такую опасность ради Ираκлидовъ. Положеніе этихъ послѣднихъ сдѣлалось въ высшей степени критическимъ. Въ это время является на сцену Макарія, одна изъ дочерей Иракла, и какъ только узнаетъ о случившемся, безъ всякихъ колебаній изъявляетъ готовность добровольно умереть за спасеніе своего семейства ¹⁾. Иолай, пораженный ея героизмомъ, предла-

ἡγήσθε, μήτε τοὺς καλῶς τεθνηκότας
θαυμάζεθ', ὡς ἂν ἡ μὲν 'Ελλάς εὐτυχῇ,
ὁμεῖς δ' ἐχθρῇ ὅμοια τοῖς βουλευμασιν (ст. 309—331). Ср. Thucyd. II, 42 слѣд.

¹⁾ Μα. μὴ νυν τρέσῃς ἐπ' ἐχθρὸν Ἀργαίων δόρυ
ἐγὼ γάρ· αὐτὴ πρὶν καλευσθῆναι, γέρον,
θνήσκαι ἐτοίμη καὶ παρίστασθαι σφαγῇ.
τί φήσομεν γάρ, εἰ πόλις μὲν ἄξιοι
κίνδυνον ἡμῶν οὐνεκ' αἵρεσθαι μέγαν,
αὐτοὶ δὲ προσιθίντες ἄλλοισιν πόνουσ,
παρὸν αἰσῶσθαι, φευξόμεσθα μὴ θανεῖν; (ст. 500—506)...
ἡγήσθ' ὅπου δεῖ σῶμα κατθανεῖν τόδε,

гаетъ ей бросить жребій съ другими сестрами, чтобы умерла та, которой будетъ это назначено самою судьбою. Но Макарія и слышать объ этомъ не хочетъ: она съ полною готовностію согласна быть принесенною въ жертву, но не имѣть ни малѣйшаго желанія умереть по принужденію, χάρις γάρ οὐ πρόσεστι. И Іолай, видя ея непоколебимую рѣшимость умереть добровольно, замѣчаетъ, что хотя и первая ея рѣчь была достойна всякой похвалы, вторая значительно превосходитъ первую, и соглашается принять ея добровольное самопожертвованіе ¹⁾. Тогда Макарія, сознавая все величіе своего самопожертвованія, въ прощальной рѣчи просить своихъ братьевъ и сестеръ не забыть похоронить ее съ честью, потому что она не оставила ихъ въ нуждѣ, а умерла за нихъ ²⁾. А хоръ, который и прежде удивлялся, слыша ея благородныя рѣчи, поетъ теперь въ утѣшеніе Іолаю, который въ отчаяніи упалъ на землю и плакалъ: а ты долженъ твердо переносить несчастія, посылаемыя богами, и не предаваться отчаянной скорби; вѣдь эта несчастная, умирая за братьевъ и спасеніе страны, умираетъ славною смертію и слава ея получить

καὶ στεμματοῦτε καὶ καταρχεσθ', εἰ δοκεῖ·
νικᾶτε δ' ἐχθροίς. ἦδε γὰρ ψυχὴ πάρα
ἐκούσα κοῦκ ἀκουσα, κάταγγέλλομαι
θνήσκειν ἀδελφῶν τῶνδε κάμαυτῆς ὑπερ.
ἐθρημα γάρ τοι μὴ φιλοψυχοῦς' ἐγὼ
κάλλιστον· ἡδρῆα' εὐκλεῶς λιπεῖν βίον (стр. 528—534).

¹⁾ Μα. οὐκ ἂν θάνοιμι· τῇ τύχῃ λαχοῦς' ἐγὼ·
χάρις γάρ οὐ πρόσεστι· μὴ λέξης, γέρον.
ἀλλ' εἰ μὲν ἐνδέχεσθε καὶ βούλεσθε μοι
χρησθαι· προθύμῃ, τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐγὼ
δίδωμι' ἐκούσα τοῖσδ', ἀναγκασθεῖσα δ' οὐ.
'Ιο. 58' αὐ λόγος σου τοῦ πρὶν εὐχενέστερος·
κάκεινος ἦν ἄριστος, ἀλλ' ὑπερφέρεῖς
τόλμῃ τε τόλμαν καὶ λόγῳ χρηστοῦ λόγον. (стр. 547—555).

²⁾ Μα. μέμνησθε τὴν σάτειραν ὡς θάψαι χρεῖων·
κάλλιστά τοι δίκαιον· οὐ γὰρ ἐνδεῆς
ὕμιν παρέστην, ἀλλὰ προὔθανον γένους.
τάδ' ἀντὶ παίδων ἐστί μοι κειμήλια
καὶ καρθνείας.

Въ отвѣтъ на это Іолайъ говоритъ:
ἀλλ', ὦ μέγιστον ἐκπρέπου· εὐψυχίᾳ,
πασῶν γυναικῶν, ἴσθι, τιμωτάτῃ
καὶ ᾧσ' ὑφ' ἡμῶν καὶ θανοῦς' ἔσει πολύ·
(стр. 588—591; 597—599).

обширную извѣстность у людей. Этотъ подвигъ ея достоинъ отца, достоинъ ея благороднаго происхожденія¹⁾.

Съ такимъ же самоотверженіемъ и съ такою же вполне добровольною и нисколько непринужденною готовностью умираетъ за спасеніе отечества Меникей въ „Финикійцахъ“. Его любовь къ отечеству доходитъ до того, что онъ самъ приноситъ себя въ жертву тайно отъ отца и противъ воли отца. Креонтъ не только не соглашается принести въ жертву своего сына, но даже приказываетъ ему бѣжать какъ можно скорѣе изъ страны, чтобы его не схватили и не принесли въ жертву другіе, такъ какъ Тиресія объявилъ это жертвоприношеніе необходимымъ условіемъ спасенія отечества. Но Меникей, вмѣсто того чтобы бѣжать, рѣшился добровольно убить себя и, какъ только ушелъ его отецъ, онъ, обращаясь къ хору, объявляетъ ему свое рѣшеніе погибнуть за отечество: старикъ, говоритъ онъ, извинительно, а мнѣ непростительно сдѣлаться предателемъ отечества, которое дало мнѣ жизнь. Знайте же, я пойду и спасу отечество, а пожертвую своею жизнію и умру за родную страну. Мнѣ стыдно предать отечество и бѣжать, между тѣмъ какъ другіе, не будучи обречены богами на смерть, какъ я, не колеблются умереть, сражаясь за отечество. Гдѣ бы я ни жилъ, вездѣ буду считаться негоднымъ трусомъ. Нѣтъ, я пойду и заколю себя тамъ, гдѣ указалъ предсказатель, и такимъ образомъ спасу свободу отечества. Ибо, если бы каждый гражданинъ, взявши на себя то, что можетъ сдѣлать полезнаго, привелъ это въ исполненіе и присоединилъ къ общему благу отечества, то государства испытывали бы меньше бѣдствій и наслаждались бы счастьемъ²⁾. И Меникей уходитъ и приводитъ въ исполне-

1) 'Αλλὰ σὺ μὴ προπίπτων τὰ θεῶν φέρε, μὴδ' ὑπεράλγεις φροντίδα λύπῃ. εὐδόμενον γὰρ ἔχει θανάτου μέρος ἃ μελέα πρό γ' ἀδελφῶν καὶ γὰρ. οὐδ' ἀκλεῆς νιν δόξα πρὸς ἀνθρώπων ὑποδέχεται. ἃ δ' ἀρετὰ βαίνει διὰ μόχθων δέξια μὲν πατὴρ, δέξια δ' εὐγενείας τότε γίγνεται. εἰ δὲ σέβεις θανάτους ἀγαθῶν, μετέχω σοι (ст. 618).

2) Phoen. Μεν. συγγνωστὰ μὲν

γέροντι, τοῦμόν δ' οὐχὶ συγγνώμην ἔχει, προδότῃν γενέσθαι πατρίδος ἣ μ' ἐγαίνατο. ὥς οὖν ἂν εἰδῇτ', εἴμι καὶ σώσω πόλιν· ψυχὴν τε θάσω τῇδ' ὑπερθανεῖν χθονός. αἰσχυρὸν γάρ· οἱ μὲν θεσφάτων ἐλευθεροὶ καὶ εἰς ἀνάγκην δαιμόνων ἀφιγμένοι στέντες καρ' ἀσπίδ' οὐκ ὀκνήσουσιν θανεῖν πύργων πάροιθε μαχόμενοι πάτρας ὑπερ· εἴω δὲ πατέρας καὶ κασίγνητον προδοῦς

ніе свое благородное и геройское рѣшеніе. На сценѣ остается только хоръ, который прославляетъ подвигъ Меникея: насъ приводитъ въ изумленіе тотъ, который отправился умирать за родную землю, оставивъ послѣ себя Креонту плачь и горе, а семивратному городу доставляя славную побѣду. О дорогая Паллада, дай намъ сдѣлаться такими матерями (какъ мать Меникея); дай намъ имѣть такихъ прекрасныхъ дѣтей, какъ онъ ¹⁾).

Не съ такою готовностію умираетъ за успѣхъ троянскаго похода Ифигенія. Вызванная подъ предлогомъ брака съ Ахилломъ, Ифигенія, узнавши истинную причину вызова въ Авлиду, сначала истощается все свое краснорѣчіе въ просьбахъ пощадить и не убивать ее изъ-за Елены, съ которою она ничего не имѣетъ общаго (ст. 1211 сл.); она хочетъ жить, смотрѣть на Вожій свѣтъ и даже находить, что лучше дурно жить, чѣмъ славно умереть ²⁾. Но за то послѣ, когда она увидала съ одной стороны невозможность избѣжать смерти, а съ другой приняла во вниманіе то благо, которое должна принести ея смерть всей Элладѣ, и ту славу, которая ожидаетъ ее въ потомствѣ,

πόλιν τ' ἐμαυτοῦ δειλὴς ὣς ἔγω χθονὸς
ἄπειμ'· ὅπου δ' ἂν ζῶ, κακὸς φανήσομαι....
ἀλλ' εἶμι καὶ στάς ἐξ ἐπάλξεων ἀκρων
σφάξας ἐμαυτὸν σηκὸν εἰς μελαμβραθῇ
δρακοντός, ἐνθ' ὃ μάντις ἐξηγήσατο,
ἐλευθερώσω γαίαν, εἴρηται λόγος.
σταίχω δὲ θανάτου δῶρον οὐκ αἰσχρὸν πόλει
δώσω, νόσου δὲ τήνδ' ἀκαλλάξω χθόνα.
εἰ γάρ λαβὼν ἔκαστος ὅτι δύναϊτό τις
χρηστὸν διέλθοι τοῦτο καὶς κοινὸν φέροι
πατρίδι, κακῶν ἂν αἱ πόλεις ἐλασσόνων,
πειρώμεναι τὸ λοιπὸν εὐτυχοῖαν ἂν. (ст. 997—1021).

¹⁾ Phoen. Хо. ἀγάμεθ', ἀγάμεθ',
ὃς ἐπὶ θάνατον οἴχεται
γὰς ὑπὲρ πατρώας,
Κρέοντι μὲν λιπὼν γόους,
τὰ δ' ἐπτάκυργα κλειῖθρα γὰς
καλλίνικα θήσω.

γενοίμεθ' ὥδε ματέρες,
γενοίμεθ' εὐτεκνοί, φίλα
Παλλάς... (ст. 1060—1068).

²⁾ Iph. Aul. Ἴφ. ἐν συντεμνοῦσα πάντα νικήσω λόγον·
τὸ φῶς τὸδ' ἀνθρώποισιν ἥδιστον βλέπειν,
τὰ νέρῃς δ' οὐδέν· μαίνεται δ' ὃς εὐχεται
θανεῖν. κακῶς ζῆν κρείσσον ἢ θανεῖν καλῶς (ст. 1249—1252).

Ифигенія идетъ на смерть добровольно. Ни плачъ и утѣшанія матери, ни общанія Ахилла защищать ее не колеблютъ твердаго рѣшенія Ифигеніи. „Я рѣшилась, говоритъ она матери, умереть и хочу совершить это съ честью и славой. На меня обращаетъ теперь свои взоры вся великая Эллада и отъ меня зависитъ благополучная переправа кораблей и разгромъ Фригійцевъ; отъ меня зависитъ заставить варваровъ прекратить похищеніе женщинъ изъ благодатной Эллады... Все это я искуплю своею смертію и, какъ спасительница Эллады, буду награждена блаженствомъ вѣчной славы... Я отдаю себя на жертву для Эллады, принесите меня въ жертву и разрушайте Трою. И пусть это будетъ моимъ памятникомъ на долгиѣ времена; это—и бракъ мой, и дѣти мои, и слава моя. Эллины должны владѣть чествовать надъ варварами, а не варвары надъ Эллинами, ибо варвары — рабы, а Эллины — свободный народъ“.

Въ отвѣтъ на эти благородныя и высоко-патріотическія рѣчи, Ахиллъ, приведенный въ восторгъ рѣшеніемъ Ифигеніи, восклицаетъ: „Благословляю Элладу ради тебя и тебя ради Эллады, ты сказала прекрасно и рѣчь твоѣ достойна твоего отечества“¹⁾.

Вослѣдствіи вѣстникъ разказываетъ, что Ифигенія привела въ исполненіе свое благородное рѣшеніе и встрѣтила смертоносный ножъ жреца спокойно и твердо, желая успѣха и благополучнаго возврата Эллипамъ и благословляя Элладу.

Во всѣхъ трехъ трагедіяхъ, какъ нельзя болѣе ясно видно стремленіе автора показать, что *только добровольная смерть за отечество*

¹⁾ Iph. in. Aul. Ἴφ. κατανεῖν μὲν μοι δέδοκται· τοῦτο δ' αὐτὸ βούλομαι εὐκλεῶς πράξει, παρῆσά γ' ἐκποδὼν τὸ δυσγενές.

δεῦρο δὲ σκέψαι μεθ' ἡμῶν, μήτηρ, ὡς καλῶς λέγω.

εἰς ἔμ' Ἑλλάς ἡ μεγίστη πᾶσα νῦν ἀποβλέπει,

κάν ἐμοὶ πορθμός τε ναῶν καὶ Φρυγῶν κατασκαφαί,

τάς τε μελλούσας γυναῖκας ἣν τι ὄρωσι βάρβαροι,

μηκέθ' ἀρπάξουσιν εἰάν τας ὀβρίας ἐξ Ἑλλάδος....

Таῦτα πάντα καταθανοῦσα ρύσσομαι καὶ μου κλέος,

Ἑλλάδι ὡς ἡλευθέρωσα, μακάριον γενήσεται....

...δίδωμι σῶμα τοῦμὸν Ἑλλάδι.

θύετ', ἐκπορθεῖτε Τροίαν. ταῦτα γὰρ μνημεῖά μου

διὰ μακροῦ, καὶ παῖδες οὗτοι καὶ γάμοι καὶ δόξ' ἐμή.

βαρβάρων δ' Ἑλληνας ἀρχειν εἰκός, ἀλλ' οὐ βαρβάρους,

μήτηρ, Ἑλλήνων· τὸ μὲν γὰρ δοῦλον, οἱ δ' εὐθεροί....

Ἀγ. ζηλῶ δὲ σοῦ μὲν Ἑλλάδι, Ἑλλάδος δὲ σέ·

εὐ γὰρ τόδ' εἶπας ἀξίως τε πατρίδος (ст. 1375—1407).

приноситъ славу умершему и дѣлаетъ его героемъ патріотизма, что смерть невольная, насильная, никакой чести и славы для умершаго не влечетъ за собою. На этомъ основаніи, какъ мы видѣли, Макарія отказывается умереть за спасеніе своей семьи по жребію; на этомъ же основаніи Ифигенія идетъ добровольно на смерть, не дожидаясь насилія, и твердо умираетъ за успѣхъ троянскаго похода. Совершенно также, какъ Ифигенія, идетъ добровольно на смерть Поликсена въ Эгавѣ; она считаетъ не достойнымъ своего царскаго происхожденія малодушествовать, просить, плакать и въ концѣ все-таки быть отведенною на закланіе насильно, и идетъ на закланіе тѣмъ съ большою охотою, что жизнь рабы не общается ей въ будущемъ нинего хорошаго сравнительно съ прежнею ея жизнію и тѣмъ счастіемъ, которое ждало ее какъ царскую дочь. „Если необходимо умереть, то лучше всего умереть со славою и честью“.—Эти простые слова достаточно объясняютъ и устраниаютъ то противорѣчіе, которое находитъ Аристотель въ характерѣ Ифигеніи, естественномъ и превосходномъ по мнѣнію Шиллера ¹⁾. Это простое и естественное соображеніе было, безъ сомнѣнія, одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Эврипида изъ невольныхъ и невинныхъ жертвъ древне-эллиническихъ мифовъ сдѣлать героемъ любви къ отечеству и самопожертвованія за него.

Другою, не менѣе важною причиною такой передѣлки мифовъ о жертвоприношеніи дѣтей, кромѣ релігіозныхъ воззрѣній Эврипида, было убѣжденіе его, что государство не можетъ *требовать* отъ гражданина какъ долга и обязанности, чтобы онъ самъ, своими руками отдавалъ на неизбежную и вѣрную смерть, на жертвоприношеніе богамъ своихъ невинныхъ, юныхъ и беззащитныхъ дѣтей. Хотя каждый гражданинъ можетъ довести свою любовь къ отече-

¹⁾ Arist. Poet. c. 15. ἔστι δὲ παράδειγμα.... τοῦ ἀνωμάλου ἢ ἐν Αὐλῇ τοῦ Ἰφίγείας, οὐδὲν γὰρ εἰκόων ἢ κατεύουσα τῇ ὑστέρῃ. Шиллеръ, напротивъ, видитъ въ этомъ противорѣчій einen vorzüglich schönen Zug. Diese Mischung von Schwäche und Stärke, von Zaghaftigkeit und Heroismus, говоритъ онъ, ist ein wahres und reizendes Gemälde der Natur. Der Uebergang von Einem zum Andern ist sanft und zureichend motivirt. Ihre zarte Jungfräulichkeit, die zurückhaltende Würde, womit sie den Achill selbst da, wo er Alles für sie gethan hat und zu thun bereit ist, in Entfernung hält,... ihr heller Verstand, der ihr so glücklich zu Hülfe kommt, ihr schreckliches Schicksal noch selbst von der lachenden Seite zu zeigen, die sanft wiederkehrende Anhänglichkeit an Leben und Sonne—der ganze Character ist *vortrefflich*. (Въ предисловіи къ его Iphig. in Aulis, Trauerspiel in 5 Akt.)

ству и до этихъ послѣднихъ границъ, но отечество, государство требовать отъ него этого не въ правѣ. Любовь къ дѣтямъ врождена человеку самою природою и никто не можетъ требовать нарушенія этихъ естественныхъ утъ, связывающихъ дѣтей и родителей. Любовь къ дѣтямъ есть законъ природы, одинаково обязательный для боговъ, людей и животныхъ, которые, отличаясь другъ отъ друга въ другихъ отношеніяхъ, въ любви къ дѣтямъ подчиняются одному и тому же закону ¹⁾. Потому какъ ни дорого, какъ ни мило отечество, но дѣти еще милѣе и дороже. Во имя этой любви къ дѣтямъ Димоконъ, не смотря на всю свою готовность помочь несчастнымъ Иракидамъ, отказывается, какъ мы видѣли, принести въ жертву свою дочь или *принудить* къ этому кого либо изъ гражданъ, а добровольно, своими собственными руками никто не дастъ, прибавляетъ онъ, своихъ милѣйшихъ дѣтей ²⁾. Еще рельефнѣе изображается

¹⁾ fr. 334. Εἷς γὰρ τις ἐστί κοινὸς ἀνθρώποις νόμος

καὶ θεοῖσι τοῦτο δόξαν, ὡς σαφὲς λέγω

θεροῖν τε παῖσι, τέκνα τίττουσιν φιλεῖν,

τὰ δ' ἄλλα χωρὶς χρόμαθ' ἑλλήνων νόμοις.—Med. Mq. ὦ πατρίς ὦ σου ἡδρὶν' νῦν μνηστὴρ ἔχω. Кр. πλὴν γὰρ τέκνων ἔμοιγε φίλατον πολὺ (ст. 330—331. Въ cod. Paris. 2712, на которомъ осмысляются издатели въ оправданіе чтенія πόλις, напечатано весьма ясно πολὺ). — fr. 104 θεῖον τι τέκνων φίλτρον εἶηκεν θεὸς ἀνθρώποις. — fr. 333. ἐγὼ νομίζω πατρὶ φίλατον τέκνα παῖσιν τε τοὺς τεκόντας, οὐδὲ συμμάχους ἄλλους γενέσθαι φῆμ' ἂν ἐνδικωτέροισι. fr. 547. μεγάλη τοραννὶς ἀνδρὶ τέκνα καὶ γυνή. — Suppl. Кῆρ. φιλεῖν μὲν οὐκ χρὴ τοὺς σφετέρους πρῶτον τέκνα, ἔπειτα τοιμάς, πατρίδα θ', ἣν αὖτε χρᾶν καὶ μὴ καταΐσαι (506—507). Ср. Her. F. 631 сл. πᾶν δὲ φιλότεκνον γένος.

²⁾ Heracl. Δη. ἐγὼ δ' ἔχω μὲν, ὡς ὄρε, προθυμίαν

τοσσηνδ' ἐς ὅμας παῖδα θ' οὐτ' ἐμὴν κτενῶ

οὐτ' ἄλλον ἀστῶν τῶν ἐμῶν ἀναγκάσω

ἄκονθ'. ἐκὼν δὲ τίς κακῶς οὕτω φρονεῖ,

ὅστις τὰ φίλατ' ἐκ χειρῶν δώσει τέκνα; (ст. 410 сл.).

Phoen. Кр. φράσον πολίταις καὶ πόλει σωτηρίαν. Τε. βούλει σὺ μέντοι κοῦχί βοῦλῃσαι τάχα. Кр. καὶ πῶς πατρῶν γαῖαν οὐ σῶσαι θέλω; Τε. θέλεις ἀκοῦσαι δῆτα καὶ σπουδὴν ἔχεις; Кр. εἰς γὰρ τί μᾶλλον δεῖ προθυμίαν ἔχειν;... Τε. ἀκούε δὴ νῦν... σφάξαι Μενοικέα τόνδε δεῖ σ' ὕπερ πάτρας, σὸν καὶδ'... Кр. τί φῆς; τίν' εἶπας τόνδε μῦθον, ὦ γέρον. Τε. ἄπερ πέφυκε, ταῦτα κἀνάγκη σε δρᾶν. Кр. ὦ πολλὰ λέξας ἐν βραχεὶ χρόνῳ κακά. Τε. σοὶ γ', ἀλλὰ πατρίδι μεγάλη καὶ σωτήρια. Кр. οὐκ ἔκλυον, οὐκ ἤκούσα χαίρετω πόλις.... Τε. τοῖνδ' ἐλοῦ θυοῖν πότμοι τὸν ἕτερον' ἢ γὰρ παῖδα σῶσον ἢ πόλιν.... Кр. τί δ' ἂν τις εἰποῖ; δῆλον οἶγ' ἐμοὶ λόγοι.

ἐγὼ γὰρ οὐκ οἶς εἰς τόδ' εἰμι συμφορᾶς,

ᾧτε σφαγέντα παῖδα προσθεῖναι πόλει.

παῖσιν γὰρ ἀνθρώποις φιλότεκνος βίος.

любовь къ дѣтямъ сравнительно съ любовью къ отечеству въ „Финикиянкахъ“. Послѣ военнаго совѣта съ Креонтомъ, предъ рѣшительнымъ приступомъ Аргивцевъ, Этеоклъ поручаетъ Креонту спросить Тиресію, что необходимо сдѣлать для одержанія побѣды надъ врагами? Креонтъ посылаетъ за предсказателемъ и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ. *Кр.* Укажи гражданамъ и государству спасительное средство. *Тир.* Теперь ты желаешь знать, а скоро ты не захочешь знать это. *Кр.* Какъ же это возможно, чтобы я не хотѣлъ спасти родную страну? *Тир.* Итакъ, ты непременно хочешь слышать? *Кр.* А на что же другое мнѣ должно имѣть больше готовности?... *Тир.* Такъ слушай же: ты должешь принести въ жертву за отечество вотъ его, Менника, своего сына. *Кр.* Что ты говоришь? Что это за слова сказалъ ты, старикъ? *Тир.* Что вышло, то и необходимо тебѣ сдѣлать. *Кр.* О, въ короткое время ты успѣлъ сказать много зла. *Тир.* Для тебя, точно; но для отечества въ нихъ заключается спасеніе и они имѣютъ великое значеніе. *Кр.* Я не слушалъ, я не слышалъ; прощай, государство! За тѣмъ испуганный и растерявшійся Креонтъ начинаетъ умолять Тиресію, чтобы онъ объ этомъ никому не говорилъ; но предсказатель не соглашается и ставитъ Креонту слѣдующую дилемму: выбирай любос,—спаси или сына или государство. И Креонтъ выбираетъ первое: „я никогда не дойду до такого несчастія, говоритъ онъ, чтобы отдать государству на закланіе сына. Всѣ люди любятъ своихъ дѣтей и никто своего сына не даетъ на закланіе. Самъ я готовъ умереть для спасенія отечества, ибо нахожусь въ зрѣломъ возрастѣ“, говоритъ Креонтъ, но въ то же время приказываетъ своему сыну, обреченному Тиресію на закланіе, какъ можно скорѣе бѣжать изъ отечества, чего, какъ мы видѣли, онъ не сдѣлалъ. Такимъ образомъ для Креонта дѣти, ихъ жизнь, дороже отечества, дороже даже своей собственной жизни. Это послѣднее заявленіе, его готовность жертвовать своею жизнію, избавляетъ Креонта отъ всякихъ упрековъ въ недостаткѣ патриотизма и позѣтъ, безъ сомнѣнія, не даромъ счелъ пущнымъ заставить Креонта закончить свой отказъ отдать на закланіе сына заявленіемъ полной готов-

οὐδ' ἂν τὸν αὐτοῦ παῖδά τις δοίη πτελεῖν.

μή μ' εὐλογαίτω τὰ μὰ τις πτελεῖων τέκνα.

αὐτὸς δ', ἐν ὧραιφ γὰρ ἔσταμεν βίφ,

ἠνῆσκειν ἑτοίμος. πατρίδος ἐκλυτήριον....

ἀλλ' εἰς, τέκνον, πρὶν μαθεῖν πᾶσαν πόλιν...

φεύγ' ὥς τάχιστα τῆσδ' ἀπαλλαχθεὶς χυθόνος. (ст. 900—975.)

ности отдать себя вмѣсто сына. Мы едва ли ошибемся, если будемъ смотрѣть на это прибавленіе, какъ на желаніе Эврипида представить въ Креонтѣ гражданина, готоваго исполнить всѣ *обязанности*, которые можетъ *требовать* отъ него отечество, готоваго жертвовать для его спасенія собственною жизнію, но въ то же время человѣка, отца, который принадлежитъ къ общей массѣ „чадолюбиваго рода людей“, и никто не вправе ставить ему это въ вину и упрекать его въ томъ, что прирождено человѣку самою природою.

Но какъ вообще нѣтъ правила безъ исключенія, такъ могутъ быть исключенія и относительно любви къ отечеству сравнительно съ любовью къ дѣтямъ. Если государство не можетъ *требовать* отъ гражданина—отца, чтобы онъ отдавалъ для него на явную смерть своихъ собственныхъ еще юныхъ и невинныхъ дѣтей, то каждый гражданинъ *можетъ* это сдѣлать по своей доброй волѣ и въ своей любви къ отечеству, въ своей безграничной преданности ему перейти предѣлы, указанныя самою природою, стать выше самого себя и своей природы и любить отечество больше собственныхъ дѣтей. Примѣръ такой, такъ сказать, сверхъестественной любви къ отечеству Эврипидъ представляетъ въ не дошедшей до насъ трагедіи: „Эрехееъ“, въ которой между прочимъ мать соглашается отдать свою дочь для принесенія въ жертву за отечество, предпочитая его своимъ собственнымъ дѣтямъ ¹⁾. Этотъ несравненно-патріотическій подвигъ матери ораторъ Лякуртъ въ своей рѣчи противъ Леократа приводитъ въ примѣръ любви къ отечеству и безпредѣльной преданности ему. Благодаря тому обстоятельству, что изъ множества греческихъ трагедій какъ Эврипида, такъ и другихъ трагиковъ, въ которыхъ представляются примѣры

¹⁾ Рѣшеніе Агамемнона, какъ онъ изображается въ Ноненіи въ Аяидѣ, принести свою дочь было скорѣе вынужденное, чѣмъ добровольное. Это видно, какъ изъ его дѣйствій, противорѣчивыхъ и нерѣшительныхъ, такъ и изъ его словъ; онъ приноситъ свою дочь въ жертву, потому что спасти ее уже не было возможности, когда она пришла въ лагерь. Хотя въ рѣчи къ Ноненіи онъ и говоритъ, что приноситъ ее въ жертву за Оладу, *κλειθέραν γὰρ θεῖ νιν, θεὸν ἐν σοί, τέκνον*,

καί μοι, γενέσθαι, μὴ δὲ βαρβάρους ὄποι
 "Ἑλληνας: ὄντας λείπτρα σολᾶσθαι βίῃ, но въ то же время указываетъ и на то, что его "Ἑλλὰς καταθεοῦλωται, ἣ θεῖ, καὶν θέλω καὶν μὴ θέλω θῆσθαι σε· τοῦτο δ' ἡσπόμενος χιθίσταται, что θεῖνός ἐχει ταῦτα τολμῆσαι, θεῖνός δὲ καὶ μὴ. τοῦτο γὰρ κράτιστα θεῖ и ссылается на многочисленное вооруженное войско, которое не позволяетъ ему спасти свою дочь и разстрѣлить изъ-за нея все предпріятіе. (ст. 1255—1275; ср. 510—540).

высокаго патріотизма, Ликургъ въ „Эрехееѣ“ Эврипида видѣлъ самый лучшій, поразительный и убѣдительный, мы обязаны сохраненіемъ той рѣчи, въ которой Праксинея, жена афинскаго царя Эрехея, высказываетъ свое согласіе отдать младшую дочь свою Хеонию на жертву за доставленіе отечеству побѣды надъ Эвмолпомъ и его союзниками ¹⁾. Ликургъ приводитъ эту рѣчь афинской царицы въ своей рѣчи, какъ образецъ любви къ отечеству, великодушія и благородства, достойныхъ какъ афинскаго государства, такъ и дочери Кифиса. Не считая необходимымъ вслѣдъ за Ликургомъ приводить здѣсь всю рѣчь, мы ограничимся наиболѣе важными для насъ въ настоящемъ случаѣ мѣстами: „я отдалъ свою дочь на закланіе, говорить Праксинея; много причинъ побуждаютъ меня къ этому: во первыхъ, то обстоятельство, что лучше нашего государства нельзя найти другаго;.... затѣмъ то соображеніе, что мы рожаемъ дѣтей для того, чтобы защищать храмы боговъ и отечество. Хотя все государство называется однимъ именемъ, но въ немъ живутъ многіе: какъ могу я погубить это множество людей, когда есть возможность *отидать* на смерть одну за всѣхъ?.... Если бы въ моемъ семействѣ вмѣсто дѣвицы была мужчина и государство было объято пламенемъ войны, развѣ я не послала бы теперь ихъ на войну, опасаясь за ихъ жизнь?... Я ненавижу тѣхъ женщинъ, которыя предпочитаютъ жизнь дѣтей прекрасной и славной смерти. Да къ тому же, умершіе въ сраженіи вмѣстѣ со многими хоронятся въ общей могилѣ и получаютъ въ удѣлъ равную славу, между тѣмъ какъ моей дочери будетъ данъ въ награду одинъ вѣнецъ славы, такъ какъ она одна умретъ за государство и спасетъ и мать и тебя (отца) и двухъ сестеръ.... Итакъ, граждане, берите мою дочь, спасайтесь, побѣждайте. Не можетъ быть никакого сомнѣнія; я готова спасти вмѣсто одной жизни цѣлое государство. О отечество, если бы всѣ, живущіе въ предѣлахъ твоихъ, такъ любили тебѣ какъ я, мы жили бы счастливо и ты не подвергалось бы никакимъ бѣдствіямъ“ ¹⁾.

¹⁾ О содержаніи трагедіи „Эрехееѣ“ см. Hartung, Eur. Rest. I, 465 слѣд. Welcker, Griech. Trag. II, 717 сл.

¹⁾ Lyc. c. Leocr. § 100. διὸ καὶ δικαίως ἂν τις Εὐριπίδην ἐπαινέοιεν, ὅτι τὰ τε ἄλλα ὡν ἀγαθὸς ποιητὴς καὶ τοῦτον τὸν μῦθον προέβλετο ποιῆσαι, ἡγοῦμενος καλλίστα ἂν γενέσθαι τοῖς πολίταις παράδειγμα τὰς ἐκείνων πράξεις, πρὸς δὲ ἀποβλέποντας καὶ θεωροῦντας συνεθίζεσθαι ταῖς ψυχαῖς τὸ τὴν πατρίδα φιλεῖν. ἄξιον δὲ, ὃ ἄνθρωποι δικασταί, καὶ τῶν ἱαμβείων ἀκούσαι ἃ πεποίηκε λέγουσαν τὴν μητέρα τῆς παιδός· ὄψες

Такъ училъ Эврипидъ, говоритъ Ликургъ, нашихъ отцовъ! Не смотря на то, что всѣ женщины по самой природѣ своей чадолюбивы, онъ представилъ Праксинею любящую отечество больше, нежели дѣтей, желая этимъ показать, что, если женщины способны на такіе подвиги, то мужчины должны имѣть несравненно большую любовь и преданность къ отечеству ¹⁾).

Такъ училъ Эврипидъ, скажемъ и мы въ заключеніе, любить свое отечество, умирать за него и быть готовымъ на всякое пожертвованіе для его благоденствія, славы и независимости! Такъ исполнялъ онъ долгъ и высокое призваніе поэта: быть учителемъ взрослыхъ!

Д. В.—нъ.

οὐδὲ γὰρ ἐν αὐτοῖς μεγαλοφυχίαν καὶ γενναιοῦτητα εἶσαν καὶ τῆς πόλεως καὶ τοῦ γενέσθαι Κηφισοῦ θυγατέρα· ἐγὼ δὲ θῶμαι τὴν ἐμὴν καὶ δα κτανεῖν.

λογίζομαι δὲ πολλά· πρῶτα μὲν πόλιν
οὐκ ἔν τιν' ἄλλην τῆσδε βελτίω λάβοιν (cod. λαβαῖν).....

ἔπειτα τέκνα τοῦδ' ἔκατι τίχομεν,
ὡς θεῶν τε βωμοὺς πατρίδα τε ρυόμεθα
πόλεως δ' ἀπάσης τοῦνομ' ἔν,
πολλοὶ δ' νιν ναίουσι. τούτους πῶς διαφθεῖραι με χρή,
ἔξόν πρό πάντων μίαν ὑπερ δοῦναι θανεῖν;....

εἰ δ' ἦν ἐν οἴκοις ἀντὶ θηλείων στάχος
δρσιν, πόλιν δὲ κολερίᾳ κατεῖχε φλόξ,
οὐκ ἔν νιν ἐξέπεμπον εἰς μάχην θορός,
θάνατον προταρβοῦσα; ...

μισῶ γυναίκας αἵτινες πρό τοῦ καλοῦ
ζῆν παῖδας εἴλοντ' ἢ παρήνεσαν κακά.
καὶ μὴν θανόντες γ' ἐν μάχῃ πολλῶν μέτα
τόμβον τε κοινὸν ἐλαχον εὐκλειάν τ' ἴσιν·
τῇμῃ δὲ παιδί στέφανος εἰς μῆ μόνῃ
πόλεως θανούσῃ τῆσδ' ὑπερ δοθῆσεται.
καὶ τὴν τεκοῦσαν καὶ σὶ ὅσο θ' ὁμοσπόρω
σώσῃ· τί τούτων οὐχὶ δεῖσθαι καλόν;....
χρησθ', ὡ πολῖται, τοῖς ἐμοῖς λοχεύμασιν,
σώζεσθε, νικᾶτ'· ἀντὶ γάρ ψυχῆς μιᾶς
οὐκ ἔσθ' ὅπως οὐ τῇνδ' ἐγὼ σώσω πόλιν.

ὦ πατρίς, εἴθε πάντες οἱ ναίουσά σε
οὕτω φιλοῖεν ὡς ἐγώ. καὶ ῥαδίως
οἰκοῖμεν ἂν σε κοῦδεν ἂν πάσχοις κακόν. (fr. 362).

¹⁾ Lyc. § 101. ταῦτα, ὡ ἄνδρες, τοὺς πατέρας ἡμῶν ἐπαίδευε. φύσει γὰρ οὐσῶν φιλοτέκνων πασῶν γυναικῶν ταύτην ἐποίησε τὴν πατρίδα μᾶλλον τῶν παίδων φιλοῦσαν, ἐνδεικνύμενος, ὅτι, εἰπερ αἱ γυναῖκες τοῦτο τολμήσουσι ποιεῖν, τοὺς γε ἄνδρας ἀνυπέρβλητόν τινα δεῖ τὴν εὐναιαν ὑπὲρ τῆς πατρίδος ἔχειν.

дыхъ людей, въ университетахъ или гимназіяхъ уже обучавшихся и въ приготовленіи ихъ къ должностямъ по служебнымъ дѣламъ" (§ 1)¹⁾. Понятно, что такое устройство не могло имѣть успѣха и училище въ преобразованномъ видѣ существовало не долго. Исходя изъ таковаго же взгляда бывшій министръ юстиціи (отъ 1810 — 1814 г.) И. И. Дмитріевъ²⁾ писалъ: „Я признавалъ полезнымъ учредить, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, училища законовѣдѣнія со всѣми принадлежащими къ тому пособіями для дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобъ отличившихся въ успѣхахъ, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, воспитанниковъ изъ дворянскаго сословія выпускать съ чиномъ губернскаго секретаря, а прочихъ съ похвальнымъ аттестатомъ и правомъ вступленія въ гражданскую службу обкновеннымъ порядкомъ. При надлежавшемъ надзорѣ за такими училищами можно было бы, чрезъ десять лѣтъ по учрежденіи оныхъ, постановить, чтобъ никого изъ стряпчихъ не допускать къ хожденію по дѣламъ безъ одобрительнаго свидѣтельства отъ одного изъ сихъ училищъ. Такимъ образомъ невѣжество и ученичество мало по малу истребилось бы совершенно между судьями и привазами служителями, да и самые стряпчіе были бы поставлены въ необходимость усовершенять себя въ законовѣдѣніи и учиться грамматическимъ правиламъ отечественнаго языка“. Къ счастью, обстоятельства не дозволили осуществить предположеніе Дмитріева; оно нанесло бы смертельный ударъ гимназіямъ и университетамъ. Но изъ того же взгляда на учебное дѣло возникъ и Царскосельскій лицей, учрежденіе коего (12-го августа 1810) имѣло цѣлію „образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной“ (§ 1), и притомъ юношества исключительно изъ дворянскаго сословія (§ 8). Фактъ этотъ въ исторіи учебныхъ заведеній важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ какъ бы выражалось убѣжденіе правительства, что есть части государственной службы, въ которыхъ гимназіи не готовятъ надлежащимъ образомъ и что онѣ, такъ сказать, не годятся для дворянскаго сословія. Не распространяясь объ устройствѣ Лцея, замѣтимъ только, что заслуживало бы подробнаго изслѣдованія, въ какой мѣрѣ повліяли на внутреннюю его организацію, кромѣ указаній самого императора, идеи Сперанскаго, гр. Разумовскаго, Мартынова и, наконецъ, графа Ж. де-Мэстра, о сношеніяхъ коего съ министромъ будетъ сказано ниже³⁾.

Но въ противоположность всѣмъ подобнаго рода стремленіямъ, въ основѣ коихъ лежало неясное пониманіе цѣли учебныхъ заведеній

¹⁾ См. П. Собр. Зак. т. XXVIII, № 21, 860.

²⁾ См. Взглядъ на мою жизнь, стр. 185.

³⁾ См. Корфъ, Живанъ Спер. I, 172.

основанныхъ правительствомъ, представляеть отрадное явленіе чело-вѣкъ съ надлежющимъ и опредѣленнымъ взглядомъ на дѣло—С. С. Уваровъ; особенное вниманіе обращаетъ на себя также С.-Петербургскій учебный округъ предпринятую имъ реформою учебнаго плана гимназій, въ которой было дано надлежащее значеніе древнимъ языкамъ.

31-го декабря 1810 года министръ назначилъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа своего зятя, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Семеновича Уварова ¹⁾ (занимавшаго эту должность по 19 іюня 1821 г.). Онъ родился въ С.-Петербургѣ 25-го августа 1786 года; съ ранней его молодости занимался съ нимъ, подъ тщательнымъ надзоромъ образованной и умной его матери, одинъ французскій аббатъ, причемъ выказалъ онъ необыкновенныя способности въ изученію иностранныхъ языковъ. Впослѣдствіи онъ такъ прекрасно владѣлъ языками русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, что Гёте о немъ говорилъ, что онъ—подобно виртуозу въ мірѣ гармоніи—выражаетъ свои чувства на различныхъ инструментахъ, смотря по тому какой изъ нихъ върибѣ передаетъ его мысли и стремленія. Поступивъ въ 1803 году на государственную службу, онъ былъ назначенъ (1806 г.) состоять при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ, гдѣ близко сошелся съ знаменитымъ герцогомъ де-Линнемъ. Переведенный въ 1809 году секретаремъ посольства въ Парижъ, написалъ онъ, подъ вліяніемъ своихъ сношеній съ членами французскаго Института, статью: *Essai d'une Académie Asiatique* (1810), въ которой—будучи въ высшей степени заинтересованъ распространявшимися въ западной Европѣ изученіемъ восточныхъ языковъ—доказывалъ особенное призваніе Россіи стать во главѣ этого движенія. Возвратившись въ Россію, Уваровъ служилъ по министерству финансовъ, занимая должность директора департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а также директора государственнаго заемнаго и коммерческаго банковъ. Предложенная ему должность попечителя учебнаго округа заставила его снова и успешно заняться изученіемъ древнихъ языковъ. Онъ самъ говоритъ по этому поводу: „призванный къ отправленію обязанностей попечителя округа въ такомъ возрастѣ (ему не было еще 25 лѣтъ отъ роду), когда другіе только что начинаютъ свое университетское воспитаніе, я скоро замѣтилъ, что въ моемъ образованіи оказывался недостатокъ основательнаго знанія древнихъ языковъ. Я рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ, произведенный въ моихъ познаніяхъ раннимъ вступленіемъ

¹⁾ См. біографію его П. Плетнева въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ 1856, II, стр. LIII и сл., и И. Давыдова, тамъ же, стр. СХХХІІ; кроме того статью Погодина въ *Русск. Арх.* 1871, стр. 2078 — 2112. Ср. и отзывъ о немъ Ромееля, стр. 579.

на поприще дѣловыхъ занятій. Въ это самое время начались монѣшныя сношенія съ Грефе¹⁾, которыя и продолжались около пятнадцати лѣтъ. Грефе въ теченіе долгаго времени занимался съ нимъ по вечерамъ древними языками; не забудемъ, что и баронъ Штейнъ, вліяніе котораго на Уварова еще не достаточно оцѣнено, во все время пребыванія своего въ Россіи, тоже читалъ съ Грефе ежедневно по нѣсколько страницъ изъ Гуккидида. Въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи Уваровъ называетъ изученіе древняго міра—изученіемъ исторіи человѣческаго ума. Во время своего попечительства онъ издалъ слѣдующія сочиненія: *Essai sur les Mystères d'Eleusis* (1812 г.), написанное имъ послѣ избранія его въ члены Геттингенскаго общества наукъ; *De l'enseignement de l'histoire appliqué à l'éducation populaire* и *Eloge funèbre de Moreau* (1813 г.); *L'Empereur Alexandre et Bonaparte* (1814 г.); *Nonnos von Panopolis, der Dichter, Göthe gewidmet* (1817 г.); *Un examen critique de la fable d'Hercule, commentée par Dupuis* (1819 г.); трактатъ о греческой антологіи (1820 г.); *Ueber das vorhomerische Zeitalter*, Gr. Hermann und Fr. Creutzer gewidmet, (1821 г.). Въ званіи президента Академіи Наукъ (съ 12 января 1818 г.) онъ оказалъ ей важныя услуги; дѣятельно поощрялъ онъ между прочимъ путешествія академиковъ для изслѣдованія помѣстныхъ странъ. Французская академія надписей и словесности, а также Королевское общество наукъ въ Копенгагенѣ избрали его своимъ членомъ (1820 г.). „Карамзинъ и Уваровъ у насъ суть первые ученые люди изъ Русскихъ—первые не только по достоинству, но и по времени.... Я говорю о Русскихъ, а не о Нѣмцахъ, кои занимались нашими дѣлами и нынѣ еще занимаются съ великимъ успѣхомъ“—такъ отзывался о немъ въ письмѣ отъ 5-го марта 1818 г. Сперанскій²⁾. А вотъ сужденіе о немъ Грефе (въ рукописной запискѣ отъ 1843 г.): „съ юношескихъ лѣтъ хорошо усвоившій латинскій языкъ, впоследствии ревностно и съ увлеченіемъ занимавшійся греческою литературою, столь близкою направленію его ума, онъ вѣрно цѣнилъ значеніе классическаго образованія.... Со времени его мудрой и неутомимой дѣятельности какъ попечителя учебнаго округа началась новая эра—господство классицизма. Повсюду и во всякое время онъ принималъ личное участіе въ обученіи юношества, въ испытаніяхъ, которымъ оно подвергалось, въ руководствѣ и воодушевленіи самихъ преподавателей, такъ что всею своею личностью, своимъ примѣромъ, блескомъ своихъ официальныхъ дѣйствій умѣлъ онъ заинтересовать въ успѣхѣхъ своихъ благотѣльныхъ преобразованій учебной системы не только научно образованное, но даже все высшее общество“.

¹⁾ Уч. Зап. И. Акад. Н. «Воспоминаніе объ академикѣ Фр. Грефе, письмо С. С. Уварова». 1853, I, 47.

²⁾ Р. Арх. 1869, стр. 919 и 1693.

Путь къ этимъ преобразованиямъ былъ уже подготовленъ. Любопытнымъ признакомъ перемѣны въ господствовавшихъ воззрѣнiяхъ служить между прочимъ тотъ фактъ, что И. И. Дмитріевъ¹⁾ въ 1807 году отказался отъ предложеннаго ему мѣста попечителя въ Москвѣ, „въ сознанiи своихъ недостатковъ въ классическомъ образованiи“.

Въ апрѣлѣ 1806 г. былъ включенъ въ учебный планъ пансіона, устроеннаго при С.-Петербургской гимназiи, греческій языкъ, но преподаваніе его въ 1810 году прекратилось вслѣдствіе увольненiя учителя Псомы за болѣзнію²⁾. 22 сентября 1811 года въ Педагогическомъ институтѣ была временно, до утвержденiя „проекта новаго образованiя института“, учреждена должность особаго профессора латинскаго языка и словесности, которую занялъ Грефе, „отличнымъ знанiемъ древнихъ языковъ заслужившій въ ученomъ свѣтѣ совершенное одобреніе“. Можно считать за счастье, что нашелся такой человекъ, который въ теченіе своей долгодѣтельной и драгоценной для его слушателей ученой дѣятельности образовалъ большую часть русскихъ филологовъ. Мотивы, выставленные попечителемъ въ пользу учрежденной профессуры, проливаютъ яркій свѣтъ на степень образованiя тогдашнихъ учителей. Въ прежнее время принимали въ число воспитанниковъ института семинаристовъ „съ весьма достаточными познанiями въ языкѣ латинскомъ и имъ оставалось въ институтѣ только усовершенствовать себя чтенiемъ латинскихъ писателей съ критическимъ разборomъ, что дѣлано было при преподаванiи эстетики. Въ настоящее же время предполагается и впредь принимать въ институтъ учениковъ большею частію изъ гимназiй, дабы имѣть меньшую надобность въ требованiи учениковъ изъ семинарiй. Даже теперь половина положеннаго по штату числа (50) воспитанниковъ принята изъ губернскихъ гимназiй. Но воспитанники сiи, имѣя достаточныя свѣдѣнiя въ прочихъ наукахъ, *слабы въ знанiи латинскаго языка*“ (впрочемъ учителя, получившіе образованіе до тѣхъ поръ въ институтѣ, сами были слабы въ латинскомъ языкѣ и даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ не успѣвали достигнуть хорошихъ результатовъ).

Вслѣдъ затѣмъ (27 октября того же 1811 года) послѣдовало учрежденіе и греческой профессуры въ институтѣ. Для занятія этой катедры былъ вызванъ изъ Харькова Белевъ де-Валлю (Belin de Balu), „заслужившій извѣстность своею исторiею греческаго краснорѣчiя“ (*Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs et chez les Romains*, Paris, 1803, 3 vol.); „лекціи его о греческой литературѣ, читанныя

¹⁾ Взглядъ на мою жизнь, стр. 155.

²⁾ Вороновъ, I, 127, 215.

ниъ на французскомъ языкѣ, особенно выдавались вслѣдствіе его необыкновеннаго дара къ декламациі¹⁾). Въ томъ же году преподаваніе древнихъ языковъ было расширено въ Виленскомъ учебномъ округѣ (13 апрѣля 1811 г.). Попечитель кн. Чарторыйскій въ письмѣ своемъ къ министру народнаго просвѣщенія приводитъ слѣдующее въ пользу этой мѣры: „Votre Excellence a bien voulu me permettre dans sa lettre du 16 decembre de l'année dernière de lui faire part des raisons qui me portent à desirer d'établir des classes de littérature ancienne dans les gymnases. Voici mes raisons: j'ai toujours envisagé l'étude des auteurs classiques comme un objet de la plus grande importance pour la jeunesse; en effet c'est elle qui fait le fond de toute éducation publique, et qui contribue le plus à former le coeur, l'esprit, le goût. Malheureusement cette partie n'a été jusqu'à présent que trop négligée dans les écoles. Comme il n'y avait pas de maîtres qui en fussent chargés particulièrement, on s'y bornait ordinairement à donner les éléments de la langue latine aux étudiants et à leur faire traduire quelques passages et tirades des auteurs classiques. Rarement on faisait une lecture suivie d'un auteur ancien, encore était-elle souvent très superficielle et imparfaite, vu qu'on n'avait pas pensé à mettre les jeunes gens au fait des moeurs, des usages, du culte et de la mythologie des anciens, qui doivent servir d'introduction et préparer la jeunesse à l'étude des classiques. Il en résultait nécessairement que les jeunes gens ayant perdu tout le temps, qu'ils ont donné à cette étude, quittaient les écoles n'ayant appris que très imparfaitement le peu de latin, qu'on y enseignait. Pour la langue grecque, elle n'entrait pas du tout dans le plan d'études suivi dans la plupart des écoles. C'est pour remédier à ce vice principal de l'instruction publique, que j'ai proposé de faire donner dans les gymnases le cours de littérature ancienne par un maître particulier, qui se vouant uniquement à cette partie pourrait lui donner plus d'étendue et de développement. Pendant mon séjour à Vilna, j'ai organisé à mes frais un Institut philologique, sous la direction du professeur en littérature ancienne à l'Université, pour former une pépinière des maîtres, qui pourraient être chargés de cette partie dans les écoles. Si cet institut réussit, comme j'ai lieu de le croire, je prendrai alors la liberté de proposer à votre excellence de le doter des fonds de l'université. Il est bien vrai, comme Votre Excellence a remarqué, que proportion gardée, il y a très peu d'écoliers qui passent du gymnase à l'université pour y achever leurs études, mais justement parce que la plupart des écoliers se borne aux études, qu'ils ont faites dans les gymnases, il faut pourvoir à ce qu'elles soient complètes dans les

¹⁾ Роммеля, стр. 526.

objets qu'elles traitent et qu'elles embrassent ce qui est indispensable à l'instruction de tout jeune homme bien élevé¹⁾.

Несравненно важнѣе учебный планъ, представленный С. С. Уваровымъ министру 31 октября 1811 года. „Удостоившись“, говоритъ попечитель, „что курсъ ученія и образъ преподаванія въ С.-Петербургской губернской гимназiи до сихъ поръ отнюдь не соотвѣтствовалъ напѣреніямъ правительства, также руководствуясь собственнымъ нашимъ сiятельства мнѣніемъ о предметахъ, должнствующихъ составить кругъ наукъ для гимназiи, необходимымъ считаю обратить наше вниманіе на нѣкоторыя переиѣны. Цѣль гимназiи вообще есть приготовленіе учащихся къ слушанію академическихъ или универси-

¹⁾ Ваше превосходительство дозволили мнѣ, въ письмѣ своемъ отъ 16 декабря истекшаго года, изложить причины, которыя побуждаютъ меня ввести въ гимназiахъ уроки древней литературы. Эти причины слѣдующія: я всегда смотрѣлъ на изученіе древнихъ классиковъ какъ на предметъ большой важности въ образованіи юношества; дѣйствительно, изученіе древнихъ авторовъ должно быть основой всякаго общественнаго воспитанія, ибо оно болѣе всего содѣлствуетъ образованію сердца, развитію ума и изящнаго вкуса. Къ сожалѣнію эта сторона образованія до сихъ поръ была въ слѣшкомъ болѣе пренебреженія въ нашихъ школахъ. Такъ какъ не было въ нихъ особыхъ преподавателей древнихъ языковъ, то обыкновенно ограничивалось лишь тѣмъ, что сообщали ученикамъ элементы латинскаго языка, заставляя ихъ переводить только избранныя мѣста и изреченія древнихъ классиковъ. Рѣдко занимались послѣдовательнымъ чтеніемъ твореній какого либо древняго автора, при чемъ весьма часто оно было не полно и поверхностно, такъ какъ молодыхъ людей не знакомили съ нравами, обычаями, религіей и мнѣологіей древнихъ, что должно служить введеніемъ и приготовленіемъ юношества къ изученію классиковъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было то, что молодые люди, потерявъ много времени на подобныя занятія, оканчивали курсъ усвоивъ себѣ весьма неудовлетворительно лишь немного латини. Что касается греческаго языка, то онъ вовсе не былъ включенъ въ учебный планъ большей части нашихъ училищъ. Для исправленія этого существеннаго недостатка нашего общественнаго образованія, я предложилъ ввести въ гимназiи преподаваніе древней литературы, поручивъ это особому преподавателю, который, посвящая себя исключительно этому предмету, могъ бы расширить и развить его надлежащимъ образомъ. Во время моего пребыванія въ Вильнѣ я учредилъ тамъ на свои собственные средства енглогическій институтъ подъ руководствомъ состоящаго при тамошнемъ университетѣ профессора древней литературы съ цѣлью образованія семинарію преподавателей, которые впоследствии могли бы преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ древніе языки. Если это учрежденіе удастся, на что я имѣю право надѣяться, то я позволю себѣ предложить вашему превосходительству обезпечить существованіе института, назначивъ на его содержаніе часть университетскихъ суммъ. Ваше превосходительство совершенно справедливо замѣтили, что относительно лишь весьма малое число учениковъ поступаетъ изъ гимназiй въ университетъ съ цѣлью окончить свое образованіе. Но именно по той причинѣ, что большинство учениковъ заканчивающъ свое образованіе гимназическимъ курсомъ, слѣдуетъ позаботиться о полнотѣ этого курса по отношенію къ предметамъ, входящимъ въ его составъ, и о томъ, чтобы онъ обнималъ все необходимое для образованія всякаго благовоспитаннаго молодого человѣка.

тетскихъ курсовъ наукъ.... почему въ курсъ гимназическій и не должны входить такіе предметы, которые предоставляются однимъ университетамъ. Планъ, коему доселѣ слѣдовали въ здѣшней гимназіи, заключалъ въ себѣ много наукъ совсѣмъ не совмѣстныхъ между собою. Таковая несовмѣстность имѣла весьма невыгодныя послѣдствія. Политическая экономія, коммерческія науки, финансы, эстетика и философическая грамматика, требующія зрѣлаго и предуготовленнаго ума, и потому предоставленныя для университетовъ, не только не были полезны воспитанникамъ, но даже и весьма вредны. Преподаваніе оныхъ, не развивая умственныхъ силъ въ учащихся, обременяло только память ихъ и отвлекало отъ предметовъ, служащихъ первымъ основаніемъ истиннаго просвѣщенія во всѣхъ государствахъ и въ каждомъ вѣкѣ. Законъ Божій, отечественный и классическіе языки, исторія въ пространномъ и глубокомъ смыслѣ, географія со всѣми отдѣленіями, математическія науки, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность—вотъ предметы, которыми надлежитъ единственно заниматься въ гимназіяхъ; вотъ начала, къ которымъ должно возвратиться, и притомъ такъ, чтобы изученіе оныхъ было не поверхностно, чтобы учителя не опирались тожко на память учащихся, чтобы при испытаніяхъ не старались удивлять многочисленностью учебныхъ предметовъ, но заслуживали бы довѣренность публики и благоволеніе начальства, вникая въ предметы съ учениками и образуя ихъ своими примѣрами столько же со стороны нравственности, какъ и со стороны ученія. Руководствуясь сими общими правилами и особенно извѣстнымъ мнѣ образомъ мыслей вашего сіятельства, осмѣливаюсь вамъ представить порядокъ ученія, въ коемъ помѣщены тѣ тожко предметы, которые, по моему мнѣнію, согласны съ цѣлію гимназій. Вы изволите усмотрѣть, что *классическіе языки признаны въ ономъ однимъ изъ главныхъ способовъ образованія* (въ докладной запискѣ отъ того же числа: „классическіе языки доселѣ въ курсѣ наукъ здѣшней гимназіи почитались только вспомогательными предметами; теперь въ ...новомъ планѣ заступили они опять прежнее свое мѣсто, которое вездѣ и всегда имъ принадлежало“).... „Если вамъ угодно будетъ утвердить сей порядокъ, то С.-Петербургская гимназія придетъ въ цвѣтущее состояніе.... Я употребилъ также и не безъ успѣха всѣ способы, дабы улучшить присмотръ за нравственностію. Теперь остается учебной части возвратиться въ свои истинныя предѣлы. Однимъ словомъ, С.-Петербургская гимназія получаетъ отъ вашего сіятельства новое бытіе“.

Планъ ученія, утвержденный 7-го ноября, былъ слѣдующій:

¹⁾ Дѣла архива Деп. Н. Просв. карт. 93, № 563.

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ		I клас.	II клас.	III клас.	IV клас.	V клас.	VI клас.	VII клас.
Законъ Божій	краткій катихизисъ .	2	2	2 (прост.)	4	4 высшій	высшій съ V.	—
	священный Исторія .	—	2	2	—	—	—	—
Русский языкъ	чтеніе гражданское .	8	2	—	—	—	—	—
	» церковное .	4	—	—	—	—	—	—
	грамматика и диктантъ	—	4	4	—	—	—	—
	грамм. и упр. въ слогѣ	—	—	—	4	—	—	—
	риторика и упр. въ слогѣ	—	—	—	—	4	2	—
	логика	—	—	—	—	2	2	—
	словесность, ея исто- рія и упр. въ слогѣ .	—	—	—	—	—	—	4
Мате- матика	арифметика .	6	6	6	—	—	—	—
	алгебра .	—	—	—	4	—	—	—
	геометрія .	—	—	—	4	—	—	—
	математика физика	—	—	—	—	4 2	4 2	4 2
Исто- рія	всеобщая новѣйшая	—	—	2	2	4 4	2	— 4
	россійская	—	—	—	2	4	2	(и ста- тисти- ка)
Геогра- фія	всеобщая съ началь- ными основ. матем.	—	—	2	2	—	—	—
	россійская	—	—	—	2	—	—	—
	географія и статист.	—	—	—	—	4	2	—
Латинскій языкъ .		—	—	4	4	8	8	8
Греческій языкъ .		—	—	—	—	—	2	4
Французскій языкъ .		4	4	4	4	4	6	6
Нѣмецкій языкъ .		чтеніе 4	4	4	4	4	6	6
Естеств. исторія и технология .		чтеніе —	—	—	—	—	4	4
Древности и нѣология .		—	—	—	—	—	—	4 (по 2)
Чисто- писаніе	россійское .	4	4	2	—	—	—	—
	французское .	2	2	2	—	—	—	—
	нѣмецкое .	2	2	2	—	—	—	—
Всего		36	32	34	36	46	46	46

Значительное число учебных часовъ по отдѣльнымъ классамъ объясняется тѣмъ, что ученики, смотря по познаніямъ ихъ, ходили въ разные классы по разнымъ предметамъ — порядокъ, существовавшій и въ Пруссіи и отмѣненный тамъ только въ 1820 г.—и что нѣкоторые предметы не считались обязательными. По латинскому языку ученики были раздѣлены на три класса, вмѣсто двухъ, какъ было прежде. Сверхъ означенныхъ въ таблицѣ классовъ, находились еще слѣдующіе, которые были посѣщаемы учениками разныхъ отдѣленій по особому ихъ желанію и способностямъ: англійскій языкъ (6 час.), низшій рисовальный классъ (4 часа), танцовальный (4 часа) и фехтовальный (4 часа).

Учебный планъ Уварова имѣетъ важное историческое значеніе какъ первый опытъ предоставить древнимъ языкамъ подобающее имъ мѣсто въ гимназическомъ курсѣ. Примѣръ не остался безъ подражанія. Въ 1815 г. послѣдовало въ Московской гимназіи открытіе греческаго класса, „на иждивеніи почтеннѣйшихъ любителей и насаждителей наукъ, братьевъ Зосимъ“¹⁾; въ уставѣ Риппельскаго лицея было сказано (§ 61): „Языки латинскій и греческій составляютъ одно изъ главныхъ началъ, на коихъ основано ученіе. Опытномъ дознано, сколь недостаточны новѣйшіе языки для совершеннаго образованія ума и вкуса юношей, и сколько необходимы для онаго древніе“ и т. д.; Уварову этотъ уставъ послужилъ, какъ увидимъ ниже, исходною точкой для распространенія положенныхъ въ немъ началъ и на другія гимназіи.

Отечественный языкъ впервые получилъ въ новомъ учебномъ планѣ надлежащее мѣсто; изученіемъ его начинали болѣе чѣмъ когда нибудь прежде заниматься въ то время. Нерѣдко появлялись въ тогдашней печати разсужденія по этому поводу. Такъ, напримѣръ, въ 1810 году напечатана была статья студента Педагогическаго института, Срезневскаго (статьи студентовъ и впоследствии часто печатались въ официальномъ изданіи): „О необходимости преимущественно знать и употреблять отечественный языкъ“. Авторъ выставляетъ различныя возраженія на этотъ предметъ въ видѣ отвѣтовъ различныхъ лицъ на вопросъ: который изъ языковъ для всегдашняго употребленія своего избрать и преимущественно знать намъ должно? Сынъ отечества отвѣчаетъ: языкъ того народа, между которымъ жить надлежитъ; жить въ той странѣ должно, къ которой сердце привязано; любить же обязаны мы то государство, гдѣ Творецъ позволилъ намъ насладиться первыми дарами его благодати.... Затѣмъ отвѣчаетъ мнимо ученый, что языкъ, до высочайшей степени совершенства доведенный, никакимъ болѣе отъ обращенія происходящимъ перемѣнамъ не под-

¹⁾ Біогр. Словарь, I, 346.

лежащий и способный къ выраженію различныхъ, вновь просвѣщенныхъ свѣтомъ открываемыхъ понятій, на которомъ сверхъ того довольно книгъ ученыхъ, особенно же много образцовыхъ произведеній словесности, долженъ быть предпочтенъ всѣмъ прочимъ въ свѣтъ:¹⁾.— А воспитанникъ моды будетъ отвѣчать такъ: должно преимущественно знать и употреблять языки народа по уму просвѣщеннаго, въ обращеніи примѣрно ловкаго, въ изобрѣтеніи новыхъ модъ неистощимаго, словомъ: языкъ и такъ уже повсюду господствующій и т. д. Въ дальнѣйшемъ своемъ наложеніи авторъ глазнымъ образомъ выставилъ на видъ, что родной языкъ только тогда можетъ достигнуть полнаго развитія когда войдетъ въ общее употребленіе. Изъ приведеннаго нами примѣра можно усмотрѣть какое благотворное вліяніе имѣлъ Педагогическій Институтъ на образованіе будущихъ учителей, а слѣдовательно, черезъ посредство этихъ учителей, и на все общество. Съ другой стороны, необходимо упомянуть здѣсь о лицѣ, которое въ томъ же смыслѣ дѣйствовало на литературномъ поприщѣ. Мы говорили о членѣ Академіи адмиралѣ А. С. Шишковѣ. Онъ сдѣлался извѣстенъ своею литературною полемикою противъ сочиненія Карамзина „О новомъ стилѣ“. Будучи консерваторомъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ сосредоточивалъ преимущественно свои національныя стремленія на языкъ, принявъ за основаніе „истинное богатство, красоту, силу и важность языка славяно-русскаго“. Въ своемъ разсужденіи „о любви къ отечеству“, появившемся въ 1811 году, онъ доказывалъ, что гораздо опаснѣе внѣшняго порабожденія есть порабощеніе внутреннее и что противиться ему можно тремя средствами: отечественною ибрю, воспитаніемъ молодыхъ поколѣній, направленнымъ къ возвышенію въ нихъ національнаго духа, и общимъ всему народу языкомъ.

Видѣтъ съ тѣмъ „въ обществѣ начинается сильное раздраженіе противъ „изчадія революціи“ и національная вражда къ Французамъ и вообще къ иностранцамъ. Въ это время писалъ митрополитъ Кіевскій Евгеній къ проф. Городчаннину: „нынѣ всѣ заражены новизнолюбіемъ и ниспроверганіемъ того, что прежде было. А все молодые изобрѣтатели. По неволѣ вспомнишь Цицероново слово de senectute, cap. VI: maximas respublicas ab adolescentibus labefactatas, a senibus sustentatas et restitutas²⁾. Въ это же время Московскій попечитель П. И. Голенищевъ-Кутузовъ писалъ свой извѣстный доносъ на Карамзина.

Ко всему этому, вѣроятно, слѣдуетъ присоединить вліяніе разныхъ

¹⁾ Пер. Соч. ХХІХ, стр. 683--723.

²⁾ Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1858, кн. 2, стр. 185. Ж. М. Н. Пр. ХСІХ, 7, 57.

лицъ на министра. Графъ Жозефъ де-Местръ, находившійся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ графомъ Разумовскимъ ¹⁾, пользовался этимъ, чтобъ навязать ему свои идеи относительно народнаго просвѣщенія, о которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе по одному изъ его сочиненій (*Quatre chapitres sur la Russie*), написанномъ имъ въ концѣ 1811 года. Вотъ, между прочимъ, что онъ проповѣдывалъ въ немъ: необходимо ограничить распространеніе наукъ различными средствами, какъ-то: 1) объявить, что вообще научное образованіе не составляетъ необходимости для занятія какой либо гражданской или военной должности; 2) требуя только знаній существенно необходимыхъ для нѣкоторыхъ должностей, какъ-то: математики для инженеровъ и т. п. 3) отмѣнивъ преподаваніе наукъ, которыя могутъ быть толкуемы по личнымъ вкусамъ и наклонностямъ всякаго, какъ-то: исторіи, географіи, метафизики, морали, политики, коммерціи и т. п. 4) отнюдь не поощряя распространенія знаній въ средѣ низшихъ классовъ народа; нужно, напротивъ, стѣснять, не обнаруживая однако этого явно, всякую дѣятельность подобнаго рода, которая могла бы быть вызвана невѣжествомъ или опаснымъ рвеніемъ (стр. 147). Затѣмъ Ж. де-Местръ совѣтуетъ подвергать самому строгому надзору иностранцевъ (особенно Нѣмцевъ и протестантовъ), прибывающихъ въ Россію съ цѣлью обучать юншество, ибо изъ сотни подобныхъ дѣятелей, государство приобретаетъ по крайней мѣрѣ 99 опасныхъ для него людей (стр. 151). Ж. де-Местръ смотрѣлъ на иностранныхъ учителей съ тенденціозной точки зрѣнія, но правительство, не становясь на нее, нигдѣ основательныя причины подвергать ихъ строгому надзору. До какой степени было оно озабочено этимъ вопросомъ, видно изъ докладной записки, представленной въ описываемое время министромъ императору Александру. „Въ отечествѣ нашемъ, говорилось въ этой запискѣ (отъ 25 мая 1811 г.), далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною гористію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдую дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбіи взирать на зло, столь глубоко въ ономъ виѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать

¹⁾ Сынъ Ж. де-Местра, издавшій *Lettres et opuscules inédits du Comte J de M. Paris 1851* и *Quatre chapitres inédits sur la Russie, Paris 1859*, говоритъ (см. 5 страницу перваго сочиненія), что «сходство ихъ вкусовъ и образа мыслей, любовь къ добру и истинѣ, особенно же любовь къ Россіи и преданность ея монарху усиливали ихъ дружбу».

всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависить преломить духъ важнѣйшей части гражданъ; внести въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ; но, подѣ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями, мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушась онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ Россіянина образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитаніемъ ихъ и мыслятъ и говорятъ по иностранному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ. Къ прекращенію сего, представляю слѣдующія мѣры: 1) дабы училищное начальство, въ дозволении на открытіе новаго пансіона, основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности; 2) дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знанія русскаго языка; 3) за правило поставить, чтобы по всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ; начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ попеченіе; 4) вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ; 5) впрочемъ во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіоновъ существующимъ, о строгомъ соблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ; 6) поелику содержатели пансіоновъ не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ министерство просвѣщенія ежегодно по пяти процентовъ съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особнхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощенія государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя услуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти немущихъ дворянъ".

Исполненіе всѣхъ этихъ постановленій должно было зависѣть отъ добросовѣстности содержателей частныхъ училищъ, такъ какъ на нихъ возлагалась обязанность веденія книгъ, въ которыхъ слѣдовало обозначать число воспитанниковъ, а также сколько съ каждаго изъ нихъ взимается за ученіе. „Поелику сія повинность можетъ дать по-

водъ къ непомѣрной прибавкѣ платы за ученіе, то приказать содержателямъ пансіоновъ, дабы отнюдь не дѣлали прибавки безъ разрѣшенія университета, который при этомъ имѣть наблюдать всемѣрную осмотрительность". Собранные, посредствомъ такого налога, 100,000 р. были употреблены, вопреки первоначальному его назначенію, исключительно на учрежденіе Лицея; послѣдующіе сборы точно также обращены были въ 1816 году въ пользу этого учебнаго заведенія ¹⁾.

Несправедливость заключалась однако въ томъ, что учителя, которыми § 46 устава дозволялось содержать пансіонеровъ, теперь точно также обязаны были платить въ казну 5% съ получаемой ими платы за ихъ содержаніе. Вообще же мѣры, направленные противъ злоупотребленій, оказались неэффективными. 3 ноября 1816 г., уже по удаленіи гр. Разумовскаго, комитетъ министровъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, освободилъ отъ упомянутаго налога учителей, затѣмъ предложилъ „войти въ ближайшее разсмотрѣніе, что и вообще сборъ сей съ частныхъ содержателей пансіоновъ, упадая единственно на пансіонеровъ и тѣмъ увеличивая плату за нихъ, не отягощаетъ ли способовъ воспитанія, которые всѣми мѣрами должны быть облегчаемы, и потому, не лучше ли будетъ вовсе уничтожить оный?“ Высочайшій рескриптъ 5 декабря 1816 года узаконилъ это предположеніе, оставивъ въ силѣ всѣ прочія правила о частныхъ училищахъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что дѣлались разумныя отступленія отъ означеннаго закона: такъ, вышеупомянутый Муральтъ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Петербургъ, не зная, конечно, русскаго языка, получилъ дозволеніе отъ С. С. Уварова, 8 ноября 1811 года, открыть частное училище ²⁾.

Въ связи съ вышеизложеннымъ находится постановленіе объ испытаніи домашнихъ учителей изъ иностранцевъ, гласившее, что они должны имѣть „о способностяхъ и знаніяхъ своихъ письменныя свидѣтельства отъ русскіихъ училищныхъ начальствъ“ (19 января 1812 г.). По словамъ доклада, къ министру поступило въ іюль 1811 г. представленіе Харьковскаго университета о томъ, что во многихъ домахъ проживаютъ иностранцы, которые, по большей части, „не бывъ нигдѣ испытаны въ знаніяхъ своихъ и не имѣя никакого узаконеннаго свидѣтельства о своихъ способностяхъ, берутъ на себя воспитаніе дѣтей, ни мало не заботясь, могутъ ли надлежащимъ образомъ удовлетворить принимаемой на себя обязанности или нѣтъ; побуждаемы будучи однимъ корыстолюбіемъ, не рѣдко выдаютъ они

¹⁾ Вороновъ, I, стр. 153.

²⁾ Dalton, 131.

себя знающими такіе предметы, о которыхъ едва ли имѣютъ какое понятіе". Министръ, находя, что было бы гораздо полезнѣе, если бы родители поручали воспитаніе своихъ дѣтей людямъ, которые, подобно тому, какъ въ уставѣ учебныхъ заведеній постановлено, имѣли отъ російскихъ училищныхъ начальствъ письменныя свидѣтельства, для приведенія сего въ надлежащую силу, отнесся къ его императорскому высочеству генералъ-губернатору Новгородскому, Тверскому и Ярославскому, а также къ министру полиціи, прося содѣйствія ихъ въ ономъ чрезъ порученіе гражданскимъ начальствамъ имѣть въ томъ неослабное наблюденіе. Между тѣмъ извѣстился министръ, что въ Тамбовѣ открытъ подъ названіемъ учителя наукъ праздновавшійся изъ Французовъ Филиппъ Фовель, присягнувшій на подданство Россіи. Палата уголовного суда приговорила запретить ему учить доколѣ на сіе не испроситъ узаконеннаго аттестата. Это обстоятельство побудило министра повторить прежнее отношеніе свое къ министру полиціи, который сообщилъ ему, что по высочайшему повелѣнію отношеніе внесено въ комитетъ министровъ, но этотъ не согласился съ предлагаемою министромъ мѣрою: а именно постановилъ, что эта мѣра, хотя имѣетъ цѣлью существенную пользу образованія благороднаго юношества, но весьма стѣснительна и неудобна, какъ для домашнихъ учителей, которые, находясь въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ университетовъ или гимназій, гдѣ въ знаніяхъ должны быть испытаны, могутъ быть по сей отдаленности затруднены въ полученіи аттестатовъ, такъ равно и для родителей, кои, нанимая или выписывая изъ-за границы учителей, вѣряютъ имъ для воспитанія дѣтей своихъ, *предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ*, а потому не имѣютъ надобности въ означенныхъ аттестатахъ. Комитетъ призналъ удобнѣйшимъ внушить родителямъ чрезъ посредство дворянскихъ предводителей, чтобъ они для собственной пользы дѣтей своихъ старались избирать въ наставники людей, которые бы съ правилами строгой нравственности соединяли и познанія, являющіяся слойственными, и въ удостовѣреніе того требовали отъ нихъ свидѣтельствъ". На это министръ возразилъ въ письменномъ мнѣніи, поданномъ въ комитетъ, что предлагаемая мѣра „есть тожко исполненіе издавна существующаго узаконенія, не могущаго быть отмѣненнымъ другою, кромѣ высочайшей власти". Министръ имѣлъ здѣсь въ виду уставъ 29 апрѣля 1757 года, по которому „яко императорское величество указать благоволила находящихся какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, въ партикулярныхъ домахъ иностранныхъ націй учителей въ ихъ наукахъ всѣхъ свидѣтельствовать и экзаменовать, здѣсь въ Де-сіансѣ Академіи, а въ Москвѣ въ Императорскомъ университетѣ.... а безъ таковыхъ свидѣтельствъ никому въ домахъ своихъ таковыхъ учителей не держать

и самимъ школъ не имѣть, подѣ опасеніемъ неупустительнаго штрафа, а именно: съ тѣхъ, которые безъ аттестатовъ примутъ, или которые уже въ домахъ есть, а не объяви держать стануть, выскивать штрафа за каждаго по сту рублей, а тѣхъ учителей, кто безъ аттестата школы имѣть будетъ, высылать за границу". Справедливо замѣтилъ министръ, что если мѣра эта не казалась стѣснительною тогда, когда узаконено было изъ всей Имперіи являться на испытанія только въ С.-Петербургскую Академію и Московскій университетъ, то могла ли она быть стѣснительною въ описываемое время, когда вмѣсто одного существовали пять университетовъ и Педагогическій институтъ, кромѣ того, въ каждомъ губернскомъ городѣ гимназія, уѣздное, приходское, а въ нѣкихъ мѣстахъ и другія училища и пансіоны? „Даже въ крайнихъ случаяхъ можно бы было составить комитеты для испытаній изъ лицъ, начальству училищному подвѣдомыхъ.... Правительство наблюдаетъ мѣры относительно учителей отечественныхъ, для чего же долженъ быть взятъ изъ сего иностранецъ, пріѣзжающій въ страну, его не знающую или вовсе, или по одной славѣ"? Что касается до родителей, то „кому не извѣстно, что болѣею часть ихъ не понимаетъ, что такое есть нравственное образованіе? что ученіемъ языковъ и наукъ они всегда почти замѣняютъ понятіе совершеннаго воспитанія и что искать образца для нашей нравственности въ чуждыхъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое или по крайней мѣрѣ порицаемое". Мнѣніе свое министръ оканчивалъ такимъ образомъ: „отъ послабленія иностранцамъ образованъ насъ въ нравственности и познаніяхъ неминуемо произойдутъ вредныя слѣдствія. Если всѣ вышеприведенныя мѣры были и притѣснительны, то и тогда бы онѣ должны были быть наблюдаемы. Лучше поставить преграду злу, чѣмъ равнодушно взирать на погубное его вліяніе". Не смотря на то, что комитетъ министровъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, Государь согласился на предложенную мѣру и утвердилъ ее (19 января 1812 г.)

Какъ велико было число иностранцевъ, подвергавшихся экзамену, видно изъ того, что Московская гимназія въ 1810 году выдала свидѣтельства по наукамъ 3, по языкамъ 80, въ 1812 году по наукамъ—8, по языкамъ 113. На основаніи постановленія, состоявшагося въ апрѣлѣ 1823 года, за свидѣтельство было уплачиваемо „въ пользу сиротъ" по 50 р.

Среди заботъ о различныхъ отрасляхъ внутренняго управленія, наступила отечественная война 1812 года. Это событіе произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на умы: „отечественная война какъ бы выпала къ сознанію наши народныя умственныя силы" ¹⁾. „Ка-

¹⁾ Шевиеревъ въ Ж. М. Н. Пр. LXXXV, 3, 37 и 41.

залось, что жизнь требует возобновленія, что она начинается какой-то новый періодъ. Люди стараго вѣка полагали, что пришло время возвратиться къ стариннымъ русскимъ добродѣтелямъ и люди; весь вѣкъ свой говорившіе по французски, старались заговорить вдругъ по русски; мистики думали, что наступила пора для пропаганды внутренней церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ начиналось броженіе общественно-филантропическихъ идей". Это время оказало глубокое вліяніе на самого императора Александра. „Московский пожаръ", говорилъ онъ въ 1812 году прусскому епископу Ейлерту ¹⁾ „освѣтилъ мою душу и судъ Господень на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце такою теплотою вѣры, какую оно никогда до тѣхъ поръ не испытывало. Теперь я позналъ Господа, какъ Онъ является въ откровеніи Св. Писанія; нынѣ познаю и познаю я Его волю и Его законъ и во мнѣ созрѣло и окрѣпло рѣшеніе: посвятить себя и мое царствованіе только Ему и распространенію Его славы". Въ такомъ смыслѣ, именно въ смыслѣ истиннаго страха Божія, понималъ государь и близкіе къ нему люди — напримѣръ, князь А. Н. Голицынъ — распространеніе Св. Писанія, начатое въ Россіи уже съ 1811 года Британскимъ библейскимъ обществомъ. Въ С.-Петербургѣ образовалось въ 1813 году общество, имѣвшее цѣлю сдѣлать общедоступнымъ чтеніе Св. Писанія посредствомъ перевода Библии на русскій языкъ и нарѣчій, на коихъ говорили инородцы, обитающіе въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества. Архимандритъ Филаретъ, отклонившій въ 1803 году подобное предложеніе оберъ-прокурора св. синода ²⁾, теперь сдѣлался самъ дѣятельнымъ членомъ общества, а государь принялъ общество подъ свое особенное покровительство. Въ члены его поступали свѣтскія и духовныя лица, Русскіе и иностранцы, православные, католики и протестанты, безъ различія вѣроисповѣданій. Представители высшихъ слоевъ общества и лица, занимавшія видныя должности, считали долгомъ стать въ его ряды; всѣ попечители учебныхъ округовъ, всѣ вліятельные люди въ министерствѣ народнаго просвѣщенія снѣжили послѣдовать тому же примѣру. Въ 1813 году былъ оконченъ переводъ Библии на русскій языкъ; духовныя академіи, подъ руководствомъ ученѣйшихъ людей изъ среды духовенства, трудились надъ этимъ переводомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ 700,000 экземпляровъ было роздано бесплатно и въ пользу общества поступило за границею и въ Россіи до 3¼ миллионъ рублей. Этимъ успѣхомъ общество главнымъ образомъ было обязано покровительству государя. Въ 1817 году писалъ онъ М. М. Сперанскому: „Библейскія общества суть мощныя орудія въ семъ явномъ дѣйствіи благодати Божіей. Въ

¹⁾ Eylert: Charakterzüge, II, 246.

²⁾ Р. Ист. 1868, 4, 474.

Россія Библейское общество благословлено уже успѣхами. Многія тысячи Библий розданы и многія тысячи требуютъ еще изъ всѣхъ предѣловъ имперіи. Не есть ли долгъ всякаго благомыслящаго христіанина содѣйствовать сей священной цѣли? Я надѣюсь, что вы найдете столько ревнителей слова Божія въ губерніи, вамъ вѣренной, чтобъ можно было учредить отдѣленіе Библейскаго общества, каковыя учреждены уже во многихъ губерніяхъ". Въ 1818 году императоръ обращался къ тому же лицу съ слѣдующими словами: „Распространеніе слова Божія общааетъ приближеніе того времени, когда законы того слова напечатлѣются въ мысляхъ и напишутся въ сердцахъ... тогда сойдетъ на землю истинный новый годъ" ¹⁾. Когда въ 1817 году цензура въ Вильнѣ допустила книгу, въ которой вопросъ о томъ: позволительно ли всѣмъ безъ изъятія читать Св. Писаніе, разрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ, то литовскій военный губернаторъ обратился въ Главное Правленіе училищъ съ просьбою подвергнуть наказанію цензора. Министръ сдѣлалъ строгій выговоръ цензурному комитету и хотя цензоръ оправдывался тѣмъ, что означенная книга касалась лишь римско-католическаго исповѣданія, тѣмъ не менѣе Главное Правленіе училищъ поставило ему на видъ, что неумѣстно самовольно противодѣйствовать чтенію Библии въ виду того, что существуетъ нѣсколько разъ ясно высказанное одобреніе чтенія Св. Писанія со стороны самого государя ²⁾. Успѣшная дѣятельность Библейскаго общества служить между прочимъ признакомъ рѣшительнаго противодѣйствія поверхностному матеріализму XVIII вѣка. Религіозное настроеніе вызвало усиленное преподаваніе закона Божія въ училищахъ. Князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ св. синода, докладывалъ государю, вслѣдствіе своего разговора съ митрополитомъ Амвросіемъ, что воспитанниковъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній не подвергаютъ испытаніямъ по закону Божію, между тѣмъ, какъ эти испытанія необходимы хотя бы для того, чтобы видѣть успѣхи обучающихся и обучающихъ. Государь приказалъ „чтобы отнынѣ навсегда постановлено было кореннымъ и неизмѣняемымъ правиломъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданского вѣдомствъ какъ обучать юношество закону Божію, такъ и при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія, при чемъ приглашать на испытанія духовенство" (16 ноября 1811 г.). Но это постановленіе главнымъ образомъ могло быть отнесено къ убѣдкимъ училищамъ, составившимъ, по своей идѣѣ, одно цѣлое съ гимназіями; преподаваніе закона Божія уже съ 1804 г.

¹⁾ Корфъ, Жизнь Сперанскаго, II, 137, 139.

²⁾ Журн. Главн. Управл. училищъ отъ 5 августа 1818 года.

было включено въ учебный ихъ планъ. Въ Лицеѣ законъ Божій былъ преподаваемъ съ 1810 года во всѣхъ классахъ, то же самое происходило и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, напримѣръ, въ Вологодской ¹⁾. Въ приимчаніи къ отчету ²⁾ объ испытаніи въ С.-Петербургской гимназіи, въ декабрѣ 1815 г., выражено вѣроятно мнѣніе самого попечителя учебнаго округа въ слѣдующихъ словахъ: „По сему важнѣйшему для благовоспитывающагося юношества предмету (то-есть, закону Божію), въ началѣ 1815 года, попеченіемъ начальства учрежденъ и открытъ особый классъ, подъ названіемъ: вышняго для учениковъ 4, 5, 6 и 7 классовъ; до сего же времени преподавалось только катихизическое ученіе въ 1, 2 и 3 низшихъ классахъ. Главнѣйшею цѣлію наставленій, въ вышнемъ классѣ, закона Божія есть то, чтобы, обращая умъ юныхъ питомцевъ гимназій къ благоговѣйному созерцанію Божіихъ совершенствъ въ природѣ и Откровеніи, и заставить почувствовать, сколь все въ законѣ Божіемъ любезно, величественно, достойно глубочайшаго благоговѣнія, утвердить юныя сердца въ спасительныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ“.

Дѣятельность людей, трудившихся на пользу народнаго просвѣщенія, была однако въ то время не легка. Оппозиція имъ выходила изъ различныхъ слоевъ общества, гдѣ даже въ самыхъ благихъ мѣраxъ непремѣнно хотѣли видѣть вольнодумство. Это направленіе заставляло С. С. Уварова сказать въ письмѣ къ Жуковскому отъ 17 августа 1813 года слѣдующее: „Вы хвалите мои труды, или, лучше сказать, мои намѣренія: *pia desideria!* Но вы налагаете при томъ на меня весьма тяжелое бремя, съ моими силами не слишкомъ соразмѣрное. *Впритѣ возможности лучшаго* есть уже въ нашемъ положеніи *напряженіе* фанатизма, идеала; но приступить къ исполненію — истинно Геркулесовъ трудъ“ ³⁾. Всего откровеннѣе изобразилъ Уваровъ свое положеніе въ письмѣ къ барону Штейну отъ 18 ноября 1813 г. ⁴⁾: „Je ne Vous cacherai pas qu'un voyage hors du pays est la secrete esperance que je caresse depuis longtems. Tout doit me faire chérir cette idée; ne fut-ce que toutes les tribulations réelles attachées au metier que je fais en ce pays ci. Je n'en connais pas de plus *ingrat* ou plutôt de plus *impossible*. Je ne suis pas une tête à chimères, Vous le savez; j'aime les affaires et j'y ai été pour ainsi dire depuis mon enfance; Vous connaissez mes principes et ma façon de voir: malgré tout cela, j'en suis à désespérer de pouvoir non pas faire le bien, mais continuer dans la ligne que je me suis tracée et dont je ne m'écarte-

¹⁾ *Отто*, 49, 50.

²⁾ *Пер. Соч.* XLIII, 266.

³⁾ *Русск. Архивъ* 1871, стр. 161.

⁴⁾ См. *G. H. Pertz*, Das Leben der Ministers Freiherrn von Stein, II, 971; переводъ этого письма помѣщенъ въ *Русск. Архивъ* 1871 г. 129—131.

rai jamais sans y sacrifier ce que j'ai de plus cher au monde, mon honneur; ma santé, mes opinions, le bien être de ma fortune etc. — Ne croyez pas qu'il y ait la moindre exagération dans mes paroles. Je suis calme à étonner tous ceux qui m'entourent, mais j'ai le désespoir dans l'âme. L'état des esprits est tel dans ce moment que la confusion des idées est au comble. Les uns veulent des *lumières sans danger*, c. a. d. *un feu qui ne brûle pas*. D'autres (et c'est le plus grand nombre) mettent dans le même sac Napoleon et Montesquieu, les armées françaises et les livres français, Moreau et Rosenkamppf, les rêveries de Sch.... et les decouvertes de Leibnitz; enfin c'est un chaos de cris, de passions, de factions envenimées les unes contre les autres, d'exagérations de partis, tel qu'il est impossible d'en soutenir longtems le spectacle. On se jette à la tête les mots de religion en danger, de morale compromise, de fauteur des idées étrangères, d'Illuminé, de philosophe, de franc-maçon, de fanatique etc. En un mot c'est une déraison complete. On court à chaque instant le risque de se compromettre ou de se constituer l'organe de toutes les inepties et l'exécuteur des hautes-oeuvres des passions les plus exagérées. Voila au milieu de quelle confusion et de quelle profonde ignorance on se trouve obligé de travailler à un édifice miné par les fondemens, et qui menace ruine de toutes parts. C'est, je Vous l'avoue, un triste et pénible aveu; croiez que ce que je Vous en dis est de la plus parfaite verité. J'ai besoin de m'épancher l'âme, et je pourrais en dire là dessus un volume.... Enfin il serait trop long de tout dire. Animus meminisset horret. Je n'attends qu'une circonstance favorable pour me retirer de ce chaos, qui m'étouffe et qui m'accable plus que je ne puis Vous le dire. J'ai besoin de respirer un air plus pur et de me reposer. Ma santé en est détruite; et il n'y a pas jusqu'aux facultés morales qui ne s'en ressentent. On ne me dira pas que je me suis laissé aisement décourager. J'ai eu aussi beaucoup d'esperances et d'illusions, mais trois années d'experience les ont détruites. Je Vous demande pardon de Vous parler si au long de moi, mais je connais Votre amitié et je suis sûr de Votre intérêt..."

Война подвѣствовала на учебныя заведенія даже непосредственно, особенно въ подмосковныхъ губерніяхъ: въ сентябрѣ 1812 года ученики покинули Москву и сначала удалились въ Коломну, а затѣмъ въ Рязань; 9-го ноября они могли снова возвратиться въ Коломну, гдѣ и оставались цѣлый годъ, такъ какъ зданіе гимназій въ Москвѣ сгорѣло. Въ Калужской губерніи изъ различныхъ училищъ въ концѣ число всѣхъ воспитанниковъ простиралось до 841, прекратили ученье 13 учениковъ съ аттестатами, а 675 безъ аттестатовъ, по желанію ихъ родителей, главнымъ образомъ вслѣдствіе войны. Въ уѣздномъ городѣ Боровскѣ непріятель захватилъ училищную казну болѣе чѣмъ

съ 3000 р. ¹⁾). Еще 27 июля 1815 года министр укоминялъ, что училища Московскаго округа находятся въ крайнемъ разстройствѣ по причинѣ нашествія непріятеля ²⁾). Появились и заразительныя болѣзни, противъ которыхъ министерство должно было предписывать различныя мѣры ³⁾). Къ этому присоединилась еще постоянно возростающая дороговизна, которая тѣмъ сильнѣе давала чувствовать себя, что первоначально одинаковый курсъ бумажнаго рубля, въ ущербъ жалованья, значительно понизился по отношенію къ курсу металлическаго рубля ⁴⁾). „Просвѣщеніе дешево, а жизнь дорога, а по словамъ Горация—*est genus et forma regionis pecunia donat*“, писалъ въ 1814 году митрополитъ Евгеній ⁵⁾). Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ министр внесъ докладъ въ комитетъ министровъ о „наградахъ для благотворителей училищъ“, въ которомъ предлагалъ о всѣхъ вообще благотворителяхъ причислять въ вѣдомостяхъ обихихъ столицъ, съ обозначеніемъ ихъ пожертвованій, а при училищахъ имѣть прошированную книгу въ лучшемъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, для вписыванія именъ ихъ. Если пожертвованіе будетъ простираться до 1000 р., то таковыхъ благотворителей именовать почетными, а имена ихъ изображать на большой, подъ чернымъ мраморъ сдѣланной, въ хорошихъ вызолоченныхъ рамахъ, доскѣ въ училищной залѣ. Если пожертвованіе будетъ простираться до 3000 р., то кромѣ упомянутыхъ почестей, портретъ благотворителя долженъ быть выставленъ въ училищномъ залѣ; если же пожертвованіе возрастетъ до 5000 руб., то министр испрашиваетъ Высочайшій рескриптъ на имя жертвователя; благотворители же низшесочинаго купечества награждаются золотыми медалями. Чиновникъ, пожертвовавшій 20,000 р., представляется къ полученію знака отличія; награждаются этими знаками и духовныя лица, если они жертвуютъ

¹⁾ Период. соч. X, 141. 142. 143.

²⁾ И Педагогическій институтъ, какъ рассказываетъ Арсеньевъ (стр. 10), покинулъ Петербургъ, но не ранѣе 2-го октября, когда Французъ уже начиналъ отступать. Хотѣли перенести весь личный составъ института въ Петровводскъ на двухъ большихъ судахъ, изъ коихъ на одномъ везли провіантъ. Однако на дорогѣ переселенцевъ захватили сильныя морозы, что сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее плаваніе. Поэтому они высадились на берегъ и оставались около трехъ недѣль въ деревнѣ Уланкѣ, гдѣ директоръ, одинъ профессоръ и одинъ преподаватель (самъ Арсеньевъ) тотчасъ же начали преподаваніе въ курныхъ избахъ. Только съ наступленіемъ зимняго пути перѣехали они въ Петровводскъ. Въ началѣ февраля 1812 года институтъ возвратился въ Петербургъ, чѣмъ и кончилась достопамятная, но отнюдь не достохвальная походка, не противъ, а отъ непріятеля, см. Ж. М. Н. Пр. ХСІХ, 3, 23 и Петрова 2, 22.

³⁾ 1813. Отто, Новг., 24.

⁴⁾ Роммель, 518.

⁵⁾ Ж. М. Н. Пр., ХСІV, 7, 17,

даже и меньшую сумму, особенно въ пользу приходскихъ училищъ. Вліятельныя лица, какъ-то, предводители дворянства, городскіе головы и т. п. пользуются нечисленными почестями, если преклоняютъ къ пожертвованіямъ подвластныя имъ общества. О таковыхъ пожертвованіяхъ слѣдуетъ одновременно извѣщать не только университетъ, но и попечителя: „однако вмѣняется въ обязанность не принять чего нибудь малозначущаго за многозначущее, а особливо имѣть разсмотрѣніе при построеніи училищъ, способны ли для оныхъ предполагаемыя зданія и чего они стоятъ будутъ по мѣстнымъ цѣнамъ; точно также надобно обращать вниманіе на безпорочную службу жертвователя. Въ случаѣ пожертвованій, полученныхъ по духовному завѣщанію, можно поставить въ память жертвователя въ школѣ какой-либо памятникъ на пьедесталѣ, какъ-то: урну или тому подобное, если таковой памятникъ будетъ поднесенъ наследниками жертвователя“. 15-го января 1816 года, комитетъ министровъ одобрялъ изложенное представленіе, но съ тѣмъ, чтобы о наградахъ орденами и медалями представляемъ былъ докладъ на высочайшее имя. „Это распоряженіе“, говоритъ г. Сухомлиновъ ¹⁾, „весьма было бы умѣстно, съ легкими измѣненіями, и въ наше время (1862 г.), по мнѣнію всѣхъ, хорошо знающихъ понятіи, интересы и обычаи жителей разныхъ городовъ и городковъ“.

Другимъ средствомъ для поддержанія уѣздныхъ училищъ на ихъ многотрудномъ пути въ борьбѣ съ индеферентизмомъ къ нимъ общества служило учрежденіе (26 августа 1811 года) *почетныхъ смотрителей*. Повелѣно было избирать въ эту должность изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и имѣющихъ личныя достоинства къ сему званію потребныя. Смотрители сии, будучи покровителями училищъ въ каждомъ уѣздѣ, имѣютъ за ними общій надзоръ и пекутся о выгодахъ оныхъ. Смотрители уѣздныхъ училищъ почетнымъ смотрителямъ подчиняются, и потому не только директору губернскихъ училищъ, но и имъ посылаютъ донесенія по дѣламъ училищнымъ. Они могутъ быть безъ чиновъ, если именитость ихъ и расположеніе ко благу общему достаточно замѣняютъ оные. Служба почетныхъ смотрителей почитается государственною; почему всѣ выгоды таковой службы званію сему предоставляются, какъ-то: производство въ чины и другія награды. Жалованье имъ не назначается, въ томъ видѣ, что въ почетные смотрители избираемы быть должны помѣщики, по избытку доходовъ своихъ никакой нужды въ жалованьи не имѣющіе. Указъ оканчивается словами: „Мы удостоуверены, что новое сіе поприще, открываемое для службы дворянства,

¹⁾ Уч. въ Яросл. губ., 135.

возбудить въ немъ рвеніе отличиться на ономъ содѣйствіемъ своимъ къ образованію народному¹⁾.

Въ числѣ причинъ²⁾, побудившихъ къ учрежденію означенной должности, было выставлено то, что, по уставу, въ смотрители уѣздныхъ училищъ избираются преимущественно учителя. „Это имѣетъ двѣ важныя выгоды: первая та, что заслуженные учителя не остаются безъ призванія, когда не въ силахъ болѣе отправлять многотрудной должности; вторая выгода та, что симъ образомъ доставляются уѣзднымъ училищамъ начальники, кои служатъ просвѣщеннымъ судіями успѣховъ учащихся и имѣютъ открытый взоръ на недостатки по учебной части и тѣмъ удобнѣе могутъ исправлять оные. Однако, извѣстно сколько предразсудки дѣйствуютъ еще въ малыхъ напаче городахъ, въ разсужденіи чиновниковъ, не имѣющихъ другого круга дѣятельности своей, кромѣ училища, и другой инстинкты, кромѣ въ ученостъ свѣтъ. Смотрители, не имѣя значущаго чина, ни состоянія, весьма рѣдко привлекаютъ къ себѣ уваженіе, отъ чего много терпятъ вслѣдствіе этого и самыя училища. Напротивъ, если бы смотрители избираемы были изъ помѣщиковъ, то сіе придадо бы дворянамъ довѣріе къ симъ заведеніямъ и возбудило бы *благорасположеніе къ нимъ публики относительно пособій*. Но тамъ какъ, вслѣдствіе такого постановленія многіе учителя должны потерять единственную свою перспективу, въ званіи смотрительскомъ для нихъ остающуюся, и притомъ, не имѣя на мѣстѣ начальника, собственно отъ училищной части зависящаго, можно бы подвергнуться другимъ неудобствамъ: то министръ предложилъ, не отнимая штатныхъ смотрителей, учредить должность почетныхъ смотрителей, могущихъ по достатку и щедрости своей споспѣшествовать выгодамъ училищъ“.

Главнѣйшая польза этого учрежденія, конечно, болѣе всего обнаруживалась съ матеріальной стороны дѣла: „общая сумма пожертвованій, сдѣланныхъ ими въ пользу училищъ, весьма значительна: такія пожертвованія составляли необходимое условіе для полученія этого званія. Удобность соединенія этого рода службъ съ хозяйствомъ по имѣніямъ, права служебныя и ревность ко благу общественному, отличающая русское дворянство, были причиною того, что, скоро по учрежденіи этого званія, заняты были почти всѣ мѣста почетныхъ смотрителей“³⁾. Г. Сухомлиновъ⁴⁾ называетъ ихъ единственными присяжными благотворителями училищъ, для которыхъ взносъ определенной суммы составлялъ до нѣкоторой степени не только нравственную, но и юридическую обязанность. Къ этому еще слѣдуетъ

¹⁾ Період. соч. XXXI, 218 и слѣд.

²⁾ Вороновъ I, 109, 110.

³⁾ Уч. Черниг., 30.

присоединить, что во многих случаях не только они сами жертвовали, но влияніем своим и других побуждали къ пожертвованіямъ. Указъ 10-го февраля 1819 года допускалъ опредѣленіе въ почетные смотрители уѣздныхъ училищъ отставныхъ чиновниковъ съ тѣми самими чинами, кои они получили при отставкѣ; при этомъ постановлено было правиломъ, чтобъ чиновники эти представляемы были къ награжденію слѣдующими чинами не прежде истеченія шести лѣтъ службы ихъ по министерству просвѣщенія. Постановленіемъ 8 марта 1819 года дозволялось въ уѣздахъ, гдѣ не было дворянъ, избирать и постороннихъ чиновниковъ, „отъ чего можно ожидать пользу для училищъ, которыя нуждаются для своей поддержки въ добровольныхъ взносахъ и пожертвованіяхъ со стороны почетныхъ смотрителей“. 12 мая 1820 года было признано, что они „какъ своими собственными пожертвованіями, такъ и своимъ влияніемъ на дворянство, принесли большую пользу“; вслѣдствіе этого было разрѣшено имъ носить мундиръ, присвоенный директорамъ губернскихъ училищъ, „каковое отличіе служить имъ поощреніемъ и удвоить ихъ заботы о благѣ училищъ“.

Возвратимся теперь къ другимъ распоряженіямъ министерства подъ управленіемъ гр. Разумовскаго. Что бы ни говорилъ Гречъ, впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ заслуживающій нѣкотораго довѣрія, такъ какъ и К. И. Арсеньевъ ¹⁾ говорить, что И. И. Мартыновъ „любимый министромъ и съ полномочіями почти неограниченными управляя всѣми дѣлами министерства, деспотически распоряжался и въ (педагогическомъ) институтѣ“ что вообще гр. Разумовскій, сдѣлавшись министромъ, „поручалъ всѣ дѣла директору своей канцеляріи, И. И. Мартынову ²⁾, во всякомъ случаѣ нельзя отрицать что мини-

¹⁾ *Пескарскій*, О жизни и уч. труд. и т. пр., 6.

²⁾ *Мартыновъ*, переводчикъ греческихъ классиковъ, справедливо сохранившій за собою эту репутацію и въ настоящее время, ибо не имѣлъ достойныхъ себя подражателей, родился въ 1771 г., получая школьное образованіе въ Полтавской духовной семинаріи, гдѣ, будучи еще въ риторическомъ классѣ, могъ уже изучать другія русскія и латинскія грамматики, а потомъ поэзіи и риторикѣ, а въ началѣ 1788 г. ему было поручено преподаваніе греческаго языка. Въ 1788 онъ отправился въ Петербургъ чрезъ Москву, гдѣ прослушалъ нѣсколько университетскихъ лекцій и свелъ знакомство съ учеными; выйдя съ 30 избранными семинаристами, въ числѣ коихъ былъ и Сперанскій, готовился онъ поступить въ Александро-Невскую семинарію для занятія учительскихъ мѣстъ. Благодаря своимъ познаніямъ въ греческомъ языкѣ, которыя онъ расширилъ при знакомствѣ съ Греками, онъ такъ выгодно зарекомендовалъ себя, что въ 1792 г., еще семинаристомъ, былъ назначенъ учителемъ этого языка. Средства къ дальнѣйшему своему образованію онъ пріобрѣталъ занимаясь переводами съ французскаго и англійскаго. На литературное поприще выступилъ Мартыновъ редакторомъ нѣкоторое время (въ 1793 г.) *С.-Петербургскій Меркурій*; затѣмъ будучи уволенъ изъ духовнаго званія, онъ получилъ въ 1795 г. мѣсто въ колле-

стерству были хорошо известны главные недостатки внутреннего быта училищъ. Доказательствомъ того служить между прочимъ слѣдующее циркулярное предложеніе отъ 8 іюля 1810 г. относительно метода преподаванія: „Усмотрѣно, что во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, что учителя стараются болѣе обременять, нежели изощрять память ихъ, и, вѣсто развиванія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный, заставляя выучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя бы и несвязными, но не книжными выраженіями. Таковой способъ ученія сколько легокъ для учителей, столько вреденъ для истиннаго образованія юношества, и на сіе тѣмъ менѣе можно взирать съ равнодушіемъ, что, сверхъ потраты дѣтими наилучшаго въ жизни времени, обманывается надежда правительства и употребляемыя имъ на воспитаніе издержки остаются мало вознагражденными; въ прекращеніе сего министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, дабы они предложили университетамъ: 1) Чтобы при опредѣленіи учителей требовано было отъ нихъ знаніе методы ученія не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными

гій иностранныхъ дѣлъ, которою въ то время завѣдывалъ графъ Остерманъ. Въ слѣдующемъ году издавалъ журналъ „Муза“; въ 1797 г. преподавалъ русскую словесность, исторію и географію въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, а также въ училищѣ ордена св. Екатерины. Въ 1801 и 1802 годахъ относится рядъ его переводовъ съ французскаго языка, сдѣланныхъ по повелѣнію государя; по предложенію Муравьева получилъ важную должность директора департамента министерства народнаго просвѣщенія (1803 г.), онъ въ то же время по настоятельному желанію попечителя Н. Н. Новосильцева читалъ лекцію въ Педагогическомъ институтѣ при огромномъ стеченіи слушателей; кромѣ того онъ былъ ученымъ секретаремъ конференціи Института (съ іюня 1804 г.) и прavitелемъ дѣлъ Главнаго Правленія училищъ (съ 3 сентября 1804 г.). Въ послѣднемъ званіи онъ занимался разработкою уставовъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и устава Царскоевскаго лица. Въ 1807 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Въ началѣ 1817 г. Мартыновъ отказался отъ своей главной дѣятельности и остался только членомъ Главнаго Правленія училищъ и завѣдывающимъ канцеляріею совѣта военно-учебныхъ заведеній. Пользуясь досугомъ, онъ обратился къ изученію ботаники, издалъ техно-ботаническій словарь. Около 1822 г. занялся переводомъ на русскій языкъ греческихъ классиковъ, что и исполнялъ съ удивительнымъ самопожертвованіемъ, не жидя даже въ виду никакого особеннаго вознагражденія (митрополитъ Евгеній говорилъ о нечувствительности нашихъ соотечичей къ изданію сему) и продолжалъ свои занятія даже тогда, когда 7 ноября 1824 г. была уничтожена большая часть заготовленнаго имъ матеріала. Такъ съ 1823 по 1829 г. появились его переводы Софокла, Гомера, Геродота, Пиндара, Эвона, Каллимаха, Анакреона, Лонгина — всего 26 томовъ. Мартыновъ умеръ 20 октября 1833 г. (см. *Калбасина*, Литературные дѣятели 1856 г.).

истинами. 2) Чтобы предписано было директорамъ и смотрителямъ училищъ имѣть неослабный надзоръ за учителями, дабы въ облегченіе себя не затрудняли дѣтей однимъ только вытверживаніемъ наизусть уроковъ, но приводили бы ихъ легкимъ, простымъ образомъ, къ пониманію всего имъ преподаваемаго, останавливаясь на каждомъ словѣ, сколько нибудь для нихъ не понятномъ, и объясняя оныя удобовразумительнымъ для ихъ дѣтъ способомъ. Изъ сего исключаются лучшія мѣста изъ писателей по части словесности, которыя для примѣровъ и подражанія вытверживать наизусть весьма полезно и нужно, но не прежде, какъ послѣ яснаго и аналитическаго истолкованія оныхъ. 3) Чтобы взыскатели первое обращали вниманіе на способъ, какимъ преподаются науки въ осматриваемыхъ ими училищахъ, и объ учителяхъ, не знающихъ доброй методы ученія, или не желающихъ слѣдовать оной, представляли университетамъ, которые съ такою поступать имѣютъ по власти имъ данной. 4) Чтобы яношество сколько можно менѣе обременяемо было перепискою курсовъ, учителями произвольно составляемыхъ, и ученіе вообще преподаваемо было по книгамъ, отъ высшаго начальства предписаннымъ; и наконецъ 5) чтобы для совершеннаго удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ всѣ мѣры употреблены были на экзаменахъ, а въ числѣ оныхъ и та, чтобы не сами учителя экзаменовали учениковъ, а постороннія лица, гдѣ есть свѣдущія въ наукахъ; гдѣ же нѣтъ — по крайней мѣрѣ не тѣ учителя, которые обучали учениковъ наукъ, въ коей испытаніе производится, но обучающіе другимъ предметамъ, также директора и смотрители“¹⁾.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, правительство обратило вниманіе на ошибочность господствовавшего въ учебныхъ заведеніяхъ метода и старалось измѣнить его, но къ сожалѣнію не всѣ изъ его предписаній могли имѣть надлежащій успѣхъ.

Привычка рабски держаться книги условливалась излишнимъ объемомъ самыхъ руководствъ. Такъ „Землеописаніе Россійской Имперіи, для употребленія въ губернскихъ гимназіяхъ, соч. заслуженнаго профессора Е. Зябловскаго“, изданное департаментомъ Народн. Просв. (1822) имѣетъ 585 страницъ, а его же „Россійская статистика“ (над. 1-е 1832 г.)—въ 1-й части 170, а во 2-й 188 страницъ. Учебная книга физики, над. 1807, содержитъ 527 страницъ, а первая часть курса математики Т. Осиповскаго, впоследствии замѣненная трудомъ Н. Фуса, наложена на 357 страницъ. Указаннаго въ 4 пунктѣ неудобства трудно было избѣгнуть, но крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ предметовъ, по коимъ новые учебники еще не были изданы.

¹⁾ См. *Вороновъ*, I, 220.

Въ 1808 г., какъ видно изъ заявленія министерства ¹⁾ были изготовлены для гимназій: общее землеописание въ 2-хъ частяхъ, учебникъ латинскаго языка, сокращеніе всеобщей исторіи въ 3 ч., физика, технологія, сокращенная минералогія, французскія прописи, атласъ Россіи; для уѣздныхъ училищъ: описаніе всѣхъ частей свѣта, краткое землеописание Россійскаго государства, всемірная исторія. Изъ числа повиднѣ отпечатанныхъ учебниковъ не всѣ могли быть употребляемы: такъ о сочиненіяхъ Якоба отзывается одинъ изъ преподавателей, что они негодны „по неразвитости, незрѣлости и малолѣтству дѣтей“ ²⁾. Наконецъ, вообще въ уѣздныхъ училищахъ часто не доставало книгъ ³⁾, а у учениковъ часто не было денегъ на ихъ покупку; въ „Руководствѣ учителямъ“ заключалась даже особая статья, подъ заглавіемъ: „какъ обучать тамъ, гдѣ книгъ не достаетъ“.

Объ экзаменахъ, о торжественной обстановкѣ конкъ упоминается въ уставѣ, но который въ теченіи всего этого періода ограничивался пустою формальностью, нельзя было конечно ожидать большой пользы.

Улучшеніе служебныхъ правъ нѣкоторой части преподавателей произошло вслѣдствіе указа 14 января 1811 г., о порядкѣ производства въ чины по учебной части, конкъ старшіе учителя гимназій не подчинялись болѣе постановленіямъ объ экзаменахъ появившимся въ 1809 году. Указомъ 7 іюля того же 1811 г. учителя латинскаго языка уравнивались въ правахъ и въ жалованьи со старшими учителями вслѣдствіе того, что: „основанія, на конкъ учитель латинскаго языка долженъ утвердиться въ семъ предметѣ, столько же обширны и важны, какъ и тѣ начала, на каковыхъ основываютъ познанія свои учителя наукъ. Знаніе сего языка доказываетъ пріобрѣтеніе глубокихъ и твердыхъ свѣдѣній въ словесности вообще, исторіи, археологіи, міеологіи и прочихъ подобныхъ симъ наукахъ. Касательно же жалованья учителей сего языка опыты доказали, что въ прінсканія на оное достойныхъ учителей встрѣчаются великія затрудненія. Учителя другихъ иностранныхъ языковъ, получая равное съ ними жалованье, могутъ легко находить случай умножить свои доходы преподаваніемъ уроковъ въ частныхъ домахъ; но учитель латинскаго языка всегда почти ограниченъ бываетъ тѣмъ жалованьемъ, которое получаетъ отъ гимназій“. Безъ сомнѣнія такое улучшеніе въ судьбѣ учителей латинскаго языка слѣдуетъ приписать вліянію С. С. Уварова, который вскорѣ послѣ того выступилъ на поприще болѣе

¹⁾ Пер. спч. XXII, 215.

²⁾ *Онно*, дир. новгор. стр. 28.

³⁾ Тамъ же, стр. 77.

широкой дѣятельности и произвелъ значительное преобразование въ училищномъ дѣлѣ.

Шестой пунктъ указа 14 января 1811 года заключаетъ постановленіе, имѣющее значительную важность, а именно: „директоры и смотрители, если вмѣстѣ съ тѣмъ не состоятъ они въ дѣйствительныхъ учебныхъ званіяхъ профессоровъ, докторовъ и тому подобныхъ, производятся въ чины не иначе, какъ по общимъ правиламъ, въ указѣ 6 августа 1809 года о порядкѣ гражданской службы постановленнымъ“. Дѣйствительно правительство при замѣщеніи мѣстъ директоровъ, за исключеніемъ столицы, гдѣ предписано было преимущественно опредѣлять „на учительскія мѣста людей съ особенными познаніями“ (указъ 27 января 1806 г.), обыкновенно избирало изъ различныхъ слоевъ общества, только не изъ учителей. Кажется съ самаго начала имѣлось въ виду замѣщать означенныя должности преимущественно людьми дворянскаго происхожденія или высшими чиновниками, — словомъ лицами, пользующимися почетомъ въ обществѣ. Поэтому лишеніе ихъ чина статскаго совѣтника должно было ставить ихъ въ неловкое положеніе относительно старшихъ учителей гимназій, — не всѣ согласны были подвергнуться экзамену въ университетѣ, какъ это сдѣлалъ напримѣръ, директоръ гимназій Екатеринославской, который (1815 г.) и получилъ званіе доктора изящныхъ искусствъ ¹⁾. Начальство помогло этому дѣлу, а именно въ проектѣ (утвержденномъ въ 1820 г.) устава учебныхъ заведеній Дерптскаго округа заключалось въ § 21 слѣдующее постановленіе ²⁾: „Директоры, которые обязаны преподавать ученіе и также исправлять должность старшаго учителя, получаютъ дѣйствительный чинъ того класса, то-есть 7-й, въ которомъ состоятъ, если съ усердіемъ и пользою прослужили въ званіи директоровъ то число лѣтъ, которое положено для производства изъ коллежскихъ ассесоровъ въ соотвѣтственный классу ихъ чинъ. То же разумѣется и объ учителяхъ. При ихъ производствѣхъ въ чины не требуется особеннаго экзамена; ибо надзоръ, подъ коимъ состоятъ всѣ служащіе при училищахъ, можетъ быть почитаемъ за непрерывный экзаменъ“. Главное Правленіе Училищъ опредѣлило, „по основательнымъ причинамъ, изъясненнымъ въ помянутой статьѣ, для доставленія директорамъ училищъ поощренія въ продолженіи толико важной и полезной службы ихъ, каковаго они вовсе не имѣютъ, и къ нѣкоторому уравнию ихъ въ томъ съ прочими по учебной линіи служащими чиновниками, наипаче же съ учителями, кои состоятъ подъ ихъ надзоромъ и начальствомъ, одобрить предположеніе объ открытіи директорамъ училищъ пути въ полученію чиновъ

¹⁾ См. *Грассовъ*, въ Ж. М. Н. Пр. ХCV, 6, 96.

²⁾ Журн. Гл. Правл. Уч. отъ 9 октября 1819 г., ст. III.

по занимаемому ими мѣсту, токмо не чрезъ 5 лѣтъ, а чрезъ 9 лѣтъ служенія ихъ въ семь званіи съ похвалою и пользою, и по отличному удостоенію начальства. Сими доставится справедливое воздаяніе ихъ служенію, которое полагая начинающимся съ 9 класса, въ каковомъ состоятъ старшіе учителя гимназій, и изъ каковыхъ большею частію поступаютъ въ директоры, четыре года предоставится имъ служить за сей чинъ, и потомъ пять лѣтъ за чинъ 8-го класса... Положеніе сіе распространить и на директоровъ училищъ прочихъ учебныхъ округовъ" — при чемъ не было обращено вниманія лишь на то, что директоры этихъ округовъ никакихъ наукъ не преподавали. Затѣмъ было постановлено въ журналѣ отъ 23 августа 1822 года: „На основаніи состоявшагося 8 февраля 1822 г. Высочайше утвержденного постановленія, коимъ званію директора губернскихъ училищъ дарованы преимущества, признанныя нужными къ поддержанію оного, слѣдуетъ уже всѣмъ состоящимъ въ ономъ званіи чиновникамъ, какова бы чина они ни были, именоваться всегда директорами, а не исправляющими должность сію". Это постановленіе было тѣмъ болѣе необходимо для возвышенія общественнаго положенія директоровъ, что въ это же время и положеніе учителей было улучшено. Попечитель Московскаго учебнаго округа представилъ (20 мая 1818 г.) мнѣніе визитатора училищъ Ярославской и Костромской губерній, орд. проф. Каченовскаго, которое заключалось въ слѣдующемъ: „Состояніе учителей есть одно изъ самыхъ невыгодныхъ, отъ чего не многія мѣста занимаютъ людьми, отлично достойными, а нѣкоторые остаются по нѣскольку лѣтъ праздными. Учителя, управляя весьма трудную свою должность и довольствуясь малымъ, соразмѣрно трудамъ ихъ, жалованьемъ, имѣютъ противъ себя еще весьма сильнаго непріятеля, который лишаетъ ихъ законно принадлежащаго, существеннаго сокровища — уваженія публики. Этотъ непріятель есть общее мнѣніе, отнимающее у нихъ дѣйствительные классные чины, въ которыхъ состоятъ они по государственнымъ узаконеніямъ, и тогда только признающее ихъ въ благородномъ званіи, когда они произведены бывають въ чины статскаго наименованія. Сіе предубѣжденіе, весьма вредное для ученой службы, подтверждено еще было нѣкоторыми примѣрами сдѣланныхъ представленій объ учителяхъ высшихъ чиновъ по ихъ классамъ въ низшіе чины статскаго наименованія; отъ того происходитъ, что студенты предпочитаютъ ученой службѣ статскую, въ которой немедленно по вступленіи получаютъ чинъ 14 класса. Дѣйствительность чиновъ всѣхъ учителей губернскихъ гимназій и равныхъ имъ по классу смотрителей убѣднѣннѣе училищъ, также учителей оныхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію" и т. д. Вслѣдствіе того представлено было министру внести въ сенатъ мнѣніе о томъ, что старшіе и младшіе учителя

гимназій и училищъ по узаконеніямъ имѣють опредѣленный имъ классъ¹⁾.

Кромѣ того положеніе директоровъ ухудшилось отчасти и въ другомъ смыслѣ. Завѣдываніе экономическими суммами было по уставу поручено исключительно имъ и смотрителямъ. Довѣріе это не всегда оправдалось, частію по незнанію, частію по недостатку соображенія завѣдывающихъ суммами относительно правильнаго ихъ употребленія, и обнаружались недочеты. Такъ напримѣръ, въ Новгородской гимназій, при директорѣ князѣ Макуловѣ не оказалось 3000 руб.²⁾, въ Пензенской, послѣ смерти директора Захарина, 2000 р. Вслѣдствіе того Главное Правленіе Училищъ распорядилось, чтобы директоры и смотрители училищъ, принявъ училищныя суммы, слѣдующія на содержаніе и выручаемыя продажей учебныхъ книгъ, немедленно вносили ихъ для храненія въ назначенные для того сундуки; въ гимназіяхъ четыре старшіе учителя, не входя въ распоряженіе суммъ, обязаны были хранить ихъ вмѣстѣ съ директорами за своими печатями и ежемѣсячно свидѣтельствовать приходъ и расходъ; при этихъ ревзіяхъ директоры принимали пужныя деньги на предполагаемые въ теченіе будущаго мѣсяца расходы; директоры могли по собственному усмотрѣнію сдѣлать издержки только по статьямъ въ штатѣ училищъ поименованнымъ, въ противномъ же случаѣ обязаны были испрашивать установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе высшаго начальства. Одновременно съ ревзіей суммъ происходилъ и осмотръ различныхъ учебныхъ пособій, книгъ, дровъ и вообще училищнаго имущества, не упуская при семъ изъ виду какъ качество и количество вещей, такъ и состоявшія на нихъ мѣстныя цѣны; всякій разъ свидѣтельствующіе должны были изготавить журналъ, который, за своею подписью, представляли на усмотрѣніе высшаго начальства. Въ уѣздныхъ училищахъ изчисленныя выше обязанности были возложены на смотрителей совмѣстно съ учителями. Наконецъ, ежегодные остатки суммъ слѣдовало вносить въ государственный заемный банкъ или въ приказъ общественного призрѣнія въ пользу училищъ³⁾. Но слѣдуетъ замѣтить, что директорами большею частію были дворяне, перешедшіе изъ военной службы и вынесшіе оттуда довольно своеобразныя понятія. Такъ изъ 16 директоровъ С.-Петербургскаго округа, въ промежутокъ времени съ 1804—1828 г., только 4 были прежде учителями⁴⁾; Вологодская гимназія съ 1800—1833 г. имѣла только 4 директоровъ, и всѣ они прошли военное поприще: такъ напримѣръ первый изъ нихъ

¹⁾ Журн. Главн. Правл. Уч. отъ 13 марта 1819 г., ст. IX.

²⁾ *Опись*, стр. 13, 14.

³⁾ Отъ 24 мая 1807 и августа 1808 г., Сборн. Росп. I, 145, 162.

⁴⁾ *Воронцовъ*, I, 106.

А. С. Волоцкой, помѣщикъ, вышелъ въ отставку штыхъ-инженеромъ, былъ потомъ первокласснымъ землеѣромъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и наконецъ писмоводителемъ въ подвижной милиціи ¹⁾. Предписанный правительствомъ контроль казался упомянутымъ лицамъ болѣе или менѣе оскорбительнымъ для ихъ чести. Одинъ изъ нихъ Черниговскій директоръ Марковъ, въ 1809 г. ²⁾ жаловался въ рапортѣ начальству, что онъ, бывъ прокуроромъ, совѣтникомъ и исправляя разныя должности по военной и гражданской службѣ пользовался довѣріемъ генералъ-губернатора и вдругъ подвергся теперь контролю „своихъ подкомандныхъ“ и долженъ, когда его повѣряютъ, „смотрѣть на все это какъ на заслуживающую довѣрія уряду“. „Онъ готовъ подчиниться безпрекословно всякому, кто сколько нибудь выше его, но никакъ не можетъ вообразить другой, даже самой законной подчиненности“. Главное Правленіе училищъ не обратило вниманіе на представленіе директора, но слѣдствіемъ этого было то, что до 1819 года многіе изъ учителей ничего не знали о существованіи особыхъ правилъ касательно свидѣтельствванія суммъ. Однако въ упомянутомъ году обнаружилась растрата значительной суммы, которая легла „неизгладимымъ пятномъ на его (директора) во всѣхъ отношеніяхъ полезной и благородной дѣятельности“. Попечитель Харьковскаго округа, донося объ этомъ злоупотребленіи, говоритъ: „послѣку со стороны директоровъ и смотрителей происходить не рѣдко законопротиположнныя употребленія казенныхъ суммъ, те училищный комитетъ мнѣніемъ положилъ, чтобы въ званіе директоровъ и смотрителей.... опредѣляемы были люди извѣстные, какъ со стороны нравственности, такъ и со стороны познаній, и чтобы възраемая въ распоряженіе ихъ денежная сумма при ихъ опредѣленіи обезпечена была либо собственнымъ ихъ имѣніемъ, либо вѣрнымъ поручительствомъ, для директоровъ до 10.000 руб., а для смотрителей до 3.000 руб. Это сопряжено однако съ нѣкоторою трудностію, потому что изъ опредѣляемыхъ по учебной части чиновниковъ на означенныя мѣста не всякій въ состояніи представить обезпеченіе..., тогда какъ онъ сіе можетъ замѣнить отличнымъ поведеніемъ и хорошою нравственностію“. Поэтому попечитель предлагалъ хранить училищныя деньги въ казначействѣ. Главное Правленіе, находя постановленія 1808 г. весьма основательными и достаточными, сочло нужнымъ лишь вновь подтвердить о соблюденіи ихъ циркулярнымъ предписаніемъ попечителямъ округовъ ³⁾.

Такъ какъ въ учебный планъ гимназій входило преподаваніе пред-

¹⁾ *Отто*, 48.

²⁾ *Андриашевъ*, стр. 25—26. *Отто*, Дар. Вологодская, стр. 141.

³⁾ Журн. Гл. Пр. Уч. отъ 23 октября 1818 г., ст. IX.

метовъ курса уѣздныхъ училищъ, только въ большемъ размѣрѣ, то, по тогдашнимъ правиламъ, воспитанники гимназій могли приготовляться въ нихъ къ занятію мѣстъ уѣздныхъ учителей. Для такихъ воспитанниковъ, по положенію комитета министровъ отъ 13 февраля 1815 года, состоявшемуся на основаніи записки министра народнаго просвѣщенія, были назначены стипендіи. Въ означенной запискѣ было сказано: „при всѣхъ почти гимназіяхъ ежегодно бываютъ нѣкоторые остатки, изъ которыхъ можно бы опредѣлить отъ 300 до 400 руб. въ годъ для содержанія нѣсколькихъ учащихся въ высшихъ классахъ изъ свободныхъ состояній, желающихъ поступить въ учительское званіе, съ назначеніемъ каждому отъ 75 до 100 р. въ годъ“ (въ 1818 положено было назначать по С.-Петербургскому округу и выше 100 р., вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на жизненные припасы). „Таковыя воспитанники могутъ быть употребляемы также въ случаѣ болѣзни котораго нибудь изъ учителей, для повторенія уроковъ, и тѣмъ мало по малу приучаться къ должности учительской. Если же бы между ними открылись люди, кои отличными способностями своими подали надежду быть со временемъ полезными учителями въ самыхъ гимназіяхъ, таковыхъ для большаго поощренія, на счетъ тѣхъ гимназій, переводить въ университетъ для усовершенствованія по части наукъ, для гимназій назначенныхъ, и таковыхъ обязывать подписками, что они не оставятъ учительскаго званія, не прослуживъ въ ономъ по крайней мѣрѣ шести лѣтъ“. Замѣчательно въ этой запискѣ то условіе, чтобы готовящіеся въ учителя были непременно изъ „свободныхъ состояній“¹⁾, равно выраженное опасеніе относительно трудности принскать людей, способныхъ занимать учительскія мѣста, по малому количеству жалованья.

Правда, противорѣчить этому повидимому то обстоятельство, что въ 1811 году всѣ учительскія должности въ гимназіяхъ были замѣщены, ибо, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада отъ 2 іюня того же года, „три студента С.-Петербургскаго Педагогическаго Института пожелали поступить въ воспитанники Академіи единственно отъ недостатка въ гимназіяхъ вакансій учительскихъ“. Но съ другой стороны, почечитель Московскаго округа въ представленіи своемъ отъ 11 марта 1818 г. объяснилъ слѣдующимъ образомъ тотъ фактъ, что почти во всѣхъ гимназіяхъ число учениковъ весьма ограничено, а въ нѣкоторыхъ старшіе классы совершенно пусты, вслѣдствіе чего и число студентовъ не можетъ быть значительнымъ: ученики гимназій, говорятъ онъ, суть болѣею частію дѣти недостаточныхъ чиновниковъ губернскихъ городовъ, лишь весьма рѣдко кончающіе курсъ, такъ какъ они принуждены бываютъ поступать на службу, чтобы

¹⁾ Сборн. Расп. I, 223.

хотя нѣсколько поддержать свое семейство; сыновья же купцевъ и ремесленниковъ, напротивъ, остаются въ уѣздныхъ училищахъ, пока выучатся на столько, чтобы вести купеческіе счета, и въ крайнихъ случаяхъ поступаютъ они въ гимназію. Попечитель предлагалъ оставить въ каждой гимназіи по 10-ти казенныхъ воспитанниковъ, если дозволить это средства заведенія: ихъ слѣдовало назначать преимущественно изъ дѣтей немущихъ родителей и съ хорошими дарованіями. Вслѣдствіе сего представленія, Главное Правленіе училищъ постановило затребовать отъ всѣхъ попечителей свѣдѣнія—гдѣ и сколько имѣется слободныхъ суммъ на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ. На это Харьковскій попечитель донесъ, что таковыхъ суммъ вовсе нѣтъ; Московскій — что можно отдѣлить часть изъ строительныхъ суммъ, составляющихъ во Владимірѣ 30.000 руб., Твери — 36.000 руб., Смоленскѣ—43.000 руб., Вологдѣ—33.000 и Рязани—48.000 руб., на содержаніе въ каждой изъ гимназій названныхъ городовъ по 10-ти казенныхъ воспитанниковъ; въ Москвѣ и Калугѣ подобные воспитанники уже находятся, а въ Костромѣ и Тулѣ предполагается число ихъ сократить до 4. Главное Правленіе училищъ согласилось съ предложеніемъ Московскаго попечителя (засѣданіе 28-го іюня 1819 г.) и мѣру, о которой идетъ рѣчь, распространило на всѣ учебныя округа, гдѣ только представлялась возможность примѣнить ее. Однако на практикѣ вышло иначе: Вороновъ ¹⁾ говоритъ, что по С.-Петербургскому округу наибольшее число казенныхъ воспитанниковъ было въ Олопецкой гимназіи, а именно съ 1815—1828—восемь, изъ коихъ только 5 заняли должности учителей уѣздныхъ училищъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь о двухъ строгихъ мѣрахъ министра, изъ коихъ первая направлена была противъ сильно распространеннаго между учителями пьянства. По сему поводу въ циркулярномъ предложеніи отъ 31-го января 1814 года было сказано: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію усматриваю я, что учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпримите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнусномъ пороку, наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того, еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ. О каждомъ таковомъ, къ опубликованію подлежащемъ, пред-

¹⁾ I, 179.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. 19-го ноября 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Рижской женской Ломоносовской гимназій	1
2. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи пособія для бѣд- ныхъ студентовъ Казанскаго университета изъ уроженцевъ За- падной Сибири	—
3. 7-го декабря 1876 года. О преобразованіи Гомельской че- тырехклассной прогимназій въ шестиклассную	2
4. 7-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи прогимназій въ г. Брянскѣ и реальныхъ училищъ въ гг. Томскѣ, Нижнемъ- Новгородѣ и Гомнахъ.	—
5. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Казанскомъ университетѣ.	5
6. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Новосильскомъ уѣздномъ училищѣ	—
7. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Рыбинской прогимназій	—
8. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи име- ни доктора медицины Вирунтова	—

9. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Корочанской прогимназіи . 5
10. 19-го ноября 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Казанской Маріинской женской гимназіи —
11. 19-го ноября 1876 года. О наименованіи Серпуховской мужской прогимназіи „Александровскою“ . 6
12. 19-го ноября 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при приготовительномъ классѣ Черниговской Маріинской женской гимназіи. —
13. 13-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи при Минской гимназіи —
14. 28-го декабря 1876 года. Объ открытіи учительской семинаріи въ Эстляндской губерніи . 107
15. 28-го декабря 1876 года. Объ учрежденіи въ Астраханской губерніи должности инспектора народныхъ училищъ —
16. 28-го декабря 1876 года. Объ открытіи учительскаго института въ Оренбургѣ . 109
17. 28-го декабря 1876 года. Объ открытіи 4-го класса и начальнаго училища при Рижской учительской семинаріи. —
18. 21-го декабря 1876 года. Объ отнесеніи лицъ, получивших домашнее образованіе и поддержавшихъ испытаніе на учительское званіе, къ 3 и 4 разрядамъ по образованію при отбываніи воинской повинности 110
19. 14-го января 1877 года. Объ оставленіи учебной части во внутренней киргизской ордѣ въ вѣдѣніи Оренбургскаго учебнаго округа 111
20. 31-го декабря 1876 года. Положеніе о временной комисіи по устройству и управленію Виленской публичной библіотеки съ состоящимъ при ней музеемъ . —
21. 28-го декабря 1876 года. Объ устройствѣ въ гг. С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ особыхъ училищныхъ совѣтовъ . 113
22. 19-го ноября 1876 года. Объ учрежденіи стипендіи въ Иркутской женской гимназіи 114
23. 28-го декабря 1876 года. Объ открытіи учительской семинаріи въ г. Новочеркасскѣ —
24. 14-го февраля 1877 года. О присвоеніи Ялтинской мужской прогимназіи наименованія „Александровской“ въ честь Имени Его Императорскаго Величества . 117

25. 14-го февраля 1877 года. Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургской 5-й гимназіи .	—
26. 14-го февраля 1877 года. О присвоеніи Пермскому реальному училищу наименованія „Алексіевскаго“	—
27. 25-го января 1877 года. Объ учрежденіи реальныхъ училищъ въ г. Новочеркасскѣ и станицѣ Урюпинской .	118
28. 24-го декабря 1876 года. Правила для устройства народныхъ чтеній въ губернскихъ городахъ	119

Высочайшій приказъ.

31-го декабря 1876 года (№ 14)	120
Высочайшія награды	. 8 и 122

Министерскія распоряженія.

1. 18-го ноября 1876 года. Правила для руководства коммисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ въ Вильнѣ	21
2. 27-го ноября 1876 года. Правила о порядкѣ испытаній на первый классный чинъ, представленныя правительствующему сенату министромъ народнаго просвѣщенія 4-го декабря 1876 г.	23
3. 24-го декабря 1876 года. Уставъ историко-филологическаго общества при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.	27
4. 8-го января 1877 года. Программа предистовъ учебнаго курса городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 года училищъ.	30
5. 23-го октября 1876 года. Правила объ испытаніяхъ на ученыхъ ветеринарно-медицинскія степени	122
6. 13-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи имени Кошисарова-Костромскаго.	128
7. 13-го ноября 1876 года. Положеніе о стипендіи Павла Осиповича Мизевскаго, учрежденной при Лубенской мужской гимназіи.	129
8. 13-го ноября 1876 года. Правила для испытаній и другихъ способовъ контроля надъ занятіями студентовъ первыхъ двухъ курсовъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Цѣжицѣ	131
9. 4-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени министра народнаго просвѣщенія, графа Димитрія Андреевича Толстого, при Тверскомъ реальномъ училищѣ .	133

10. 18-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени инспектора Рыбинской прогимназіи коллежскаго совѣтника А. А. Захарбекова 134
11. 31-го декабря 1876 года. Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Галкина-Врасскаго, учрежденной при Камышинскомъ реальномъ училищѣ 135
12. 22-го января 1877 года. Уставъ юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 136
13. 5-го февраля 1877 года. Уставъ Фребелевскаго общества для содѣйствія первоначальному воспитанію 142
14. 12-го февраля 1877 года. Положеніе о стипендіяхъ имени генераль-адъютанта Крыжановскаго при Уральской войсковой гимназіи для дѣтей уральскаго казачья войска 144
15. 16-го февраля 1877 года. Циркулярное предложеніе гг. попочетителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ передачи въ казну суммъ отъ подписки на Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 145
16. 16-го февраля 1877 года. Правила о стипендіи Ю. О. Самарина при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 146
17. 17-го февраля 1877 года. Положеніе о стипендіи имени лѣкаря Дмитрія Петровича Вореяни 147
18. 17-го февраля 1877 г. Положеніе о стипендіи при Пензенской женской прогимназіи статскаго совѣтника Карла Васильевича Бауэра 148
19. 17-го февраля 1877 г. Положеніе о стипендіи при Казанской женской прогимназіи, имени генераль-лейтенанта Михаила Васильевича Степанова —
20. 26-го февраля 1877 г. Положеніе о стипендіи имени жены генераль-лейтенанта Елены Ивановны Струковой при Владимірской женской гимназіи 149
21. 27-го февраля 1877 г. Правила о стипендіяхъ статскаго совѣтника Григорія Яковлевича Быковскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и третей Харьковской гимназіи 150
22. 8-го марта 1877 г. Циркулярное предложеніе гг. попочетителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи ежегодныхъ вѣдомостей о дѣйствительныхъ остаткахъ, образовавшихся отъ кредитовъ предыдущаго года и обращенныхъ въ свободные ресурсы государственнаго казначейства 152

23. 5-ю марта 1877 г. Положеніе о стипендіи имени баронессы А. М. Фредериксы при Иркутской женской гимназіи 153

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

4-го декабря 1876 года (№ 21) 98

22-го января 1877 года (№ 1). 154

ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМПЕТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ: 1) „Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ составилъ З. Вулицъ. 2) „Учебникъ элементарной логики и статистики“, сост. Н. Заваляловъ. 3) „Пособіе при изученіи русскаго языка и словесности“, составилъ П. Смирновскій 100

О книгахъ: 1) „Латинская стилистика съ соотвѣтствующими темами для переводовъ“ по руководствамъ д-ра Эрнста Бергера. Составленныя Ю. Ходобаевъ и П. Виноградовымъ. 2) „Русско-латинскій словарь къ темамъ при стилистикѣ“ д-ра Э. Бергера. 101

О книгѣ: „Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка“. Составленное по методѣ Ана, Штейнхауеромъ . . —

О изданіи: „Стѣнной естественно-историческій атласъ“. Составилъ Н. Животовскій . . —

О изданіи: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Кнея Помпея полководцемъ“. Сост. А. Гофманъ 102

О книгѣ: „Геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній“. Составилъ К. Мазинъ . . —

О книгѣ: „Исторія Греціи и Рима“. Соч. А. Ткачева. —

О книгѣ: „Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою“. Сост. Н. Фену . . —

О книгѣ: „La statistique aux pris et avec les grammairiens ou essai sur les moyens de simplifier l'etude du genre des substantifs et celle de la conjugaison“, par Constantin —

О сочиненіяхъ: „Обманы, утайки и ошибки, скрывающіеся въ вѣрныхъ балансахъ двойной итальянской системы счетоводствахъ и открываемые признаками вѣрности русской тройной системы“. 2) „Карта для нагляднаго изученія счетоводства“. Составилъ Ф. Езерскій 158

О изданіи: „Эдуардъ Моръ. Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Викторіи на Замбези“. I. В. Алфберъва —

- О книгѣ: „Пособіе къ чтенію Гомера“. Сост. по *Фрейндту*. —
 О книгѣ: „Всеобщая географія“. *Клѣдена*. —
 О книгѣ: „Исторія земной жизни и ученія Господа нашего
 Иисуса Христа“. Протоіерея *А. Преображенскаго*. —

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕБНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
 НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство къ уходу за боль-
 ными, ранеными, беременными родильницами, поворожденными
 дѣтьми и первая помощь до прибытія врача“ Составлено *М. За-
 луговскимъ*. 159
 О книгѣ подъ заглавіемъ: „Святые мученики войны за Хри-
 ста пострадавшіе“. Сост. священникомъ *Гурьевымъ*. —
 Брошюра подъ заглавіемъ: „Геройская смерть Данилова и
 Коканскій бунтъ въ 1875 г.“. Изд. „Досугъ и Дѣло“. —
 О книгѣ подъ заглавіемъ: „Въ школь и дома“ *И. Бунакова*. —
 О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство для учителей и учи-
 тельницъ къ преподаванію начальной арифметики въ народныхъ
 школахъ“. Сост. *Е. Естучевскимъ*. —
 Офіціальныя извѣщенія 159 и 163

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Ересь жиждовствующихъ *И. Панова* 1
 Философскія начала цѣльнаго знанія *В. Соловьева*. 60 и 235
 Обращеніе всей Руси въ христіанство Владимировъ и совер-
 шенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преем-
 никахъ *Е. Голубинскаго* 100
 Фридрихъ Ритчль. *Л. Миллера* 197

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

- Учебникъ русскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гим-
 назій, приспособленный къ параллельному прохожденію его съ
 латинскимъ языкомъ по руководству К. Я. Бѣлицкаго. Состав.
Г. Преображенскій, И. Киприановича. 164
 Franz Miklosich. Ueber die Mundarten und die Wanderungen
 der Zigeuner Europa's (Фр. Миклошичъ. О нарѣчіяхъ и стран-
 ствованіяхъ европейскіхъ Цыганъ). *И. Минаева*. 190
 Domenico Pezzi. Glottologia Aria Recentissima (*Д. Пещи*.
 Новѣйшая арійская глоттологія). *И. Минаева* 194

О древнихъ городахъ Россіи. (Отвѣтъ Ѳ. Н. Леонтовичу по поводу статьи его въ т. II „Сб. Гос. Зн.“. <i>Д. Самоковасова.</i>	254
Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года. <i>М. Бережкова.</i>	306
ΜΕΣΑΙΩΝΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ, <i>ἐπιτομή</i> К. Н. Сафа. Тόμος А. (Средневѣковая Библіотека, издаваемая подъ редакціей К. Н. Сафа, т. I). <i>В. Качановскаго</i>	316

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

О состояніи учебныхъ заведеній въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. <i>Л. Березина.</i>	1
Объяснительное чтеніе въ народной школѣ. <i>Н. Овсянникова.</i>	21

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Педагогическая корреспонденція. <i>Г. III.</i>	1
Изъ Парижа <i>Л. Л—ры</i>	16
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшія училища, б) университеты.	25 и 116
Торжественное собраніе Императорской Академіи наукъ.	21
Отчетъ о дѣятельности II-го отдѣленія Императорской Академіи наукъ за 1876 годъ	56
О распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	63
Общество любителей древней письменности. <i>Л. Майкова</i>	105

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ. <i>Э. Чернаго.</i>	1 и 57
Руководство къ повторенію (Repetitorium) латинской грамматики и стилистики. Сост. <i>Коперницкій. Э. Кесслера</i>	27
Къ вопросу о міровоззрѣніи Эврипида. <i>Д. Б—ва</i>	82

1-го АПРѢЛЯ вышла и разослана подписчикамъ IV-я,
АПРѢЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Преобразование русскаго войска въ царствованіе Павла I-го, историческій очеркъ (окончаніе) П. С. Лобедова.—II. Отечественная война: событія съ 5-го по 14-е ноября 1812 г. Историч. изслѣдованіе А. Н. Погова.—III. Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 г.: (окончаніе). Лидейскій духъ и Арзамасцы, донесенія 1826 г.—IV. Воспоминанія Т. П. Пассека: глава XXIII: въ Укрѣплѣннѣ въ Москвѣ, 1835—1842 гг.—V. Очерки и замѣтки А. М. Стрѣва, 1846—1847 гг.—VI. Кн. А. С. Меншиковъ въ разсказахъ его адъютанта А. А. Панаева: въ Севастополѣ, съ 16-го сентября по 4-е октября 1854 г.—VII. Анна Федоровна Ягужинская, бракоразводное дѣло жены перваго въ Россіи генералъ-прокурора, 1722—1725 гг. Статья Н. М. Барсова.—VIII. Крѣпка и библиографія, статьи В. В. Стасова, А. П. Зубова.—IX. Записная книжка «Русской Старины»: разсказы, письма, замѣтки.

Приложенія: 1) Князь Мутузовъ-Смоленскій и атаманъ гр. Платовъ, снимки съ рѣдкихъ медалей. 2) Образцы старинной русскои рѣзбы на деревѣ, шесть рисунковъ. 3) Указатель личныхъ именъ въ XVIII-мъ томѣ «Русской Старины».

Гг. многородные подписчики имѣютъ свои требованія адресуя такъ: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала „Русская Старина“, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Городскіе подписчики „Русской Старины“ обращаются въ контору сего журнала: въ С.-Петербургѣ, на Невскій проспектъ, протити Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, д. № 46.

Отдѣленія Главной Конторы «Русской Старины» въ Москвѣ, при книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева и Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1877 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ доставкой и пересылкой.

Лица и учрежденія подписавшіяся на «Русскую Старину» 1877 г. до перваго мая сего года получать бесплатно портретъ Н. В. ГОГОЛЯ, отпечатанный красками, точный снимокъ съ портрета писаннаго съ натуры знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ.

Въ редакцію и въ ея контору можно получить: „Русскую Старину“ 1876 г. въ 12 книгъ съ портретами: Леонидомъ, Екатерины II, Пугачева, кн. Зубова, Мителсона, Ермолова, Билинскаго и друг. Цѣна 8 руб. съ пересылкой. Тамъ же можно получить третье, значительно исправленное, изданіе «Русской Старины» 1870 г. (юды первый), 12 книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ выписками, снимками и портретами. Цѣна 8 руб. съ пересылкой (имѣется не много экземпляровъ).

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

**Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ
греческимъ временамъ (Окончаніе).** Э. Чернаго.

Къ вопросу о міровозрѣніи Эврипида Д. В—ва.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

**Исторія среднихъ учебныхъ заведеній
въ Россіи (Продолженіе).** Е. Шмидта.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-я апрѣля)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную летопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

